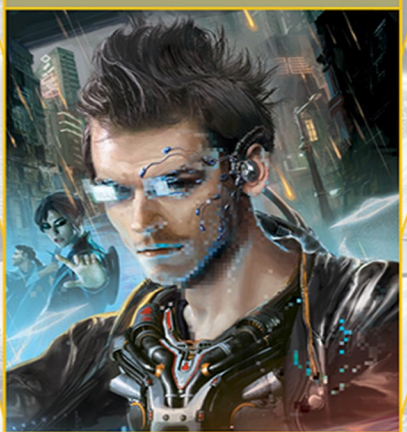
МИР ФАНТАСТИКИ

УИЛЬЯМ ГИБСОН



Нейромант

Трилогия «Киберпространство»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Нейромант. Трилогия «Киберпространство»

Уильям Форд Гибсон

Аннотация
Нейромант. Роман
Часть первая. Тиба-Сити блюз
1
2
Часть вторая. Поездка за покупками
3
4
5
6
7
Часть третья. Полночь на рю Жюль Верн
8
9
10
11
12
Часть четвертая. Рейд на виллу «Блуждающий огонек»
13
14

15
16
17
18
19
20
21
22
23
Кода. Отъезд и возвращение
24
Граф Ноль
1. Отлично налаженный механизм
2. Марли
3. Бобби влип, как вильсон
4. Вахту принял
5. Работа
6. Барритаун
7. Город в пустыне
8. Париж
9. Вверху, в Новостройках
10. Ален
11. На площадке
12. Кафе «Блан»
13. Обеими руками
14. Ночной полет

15. Шкатулка
16. Легба
17. Беличий лес
18. Имена мертвых
19. «Гипермаркт»
20. Рейс из Орли
21. Время трассы
22. «У Джаммера»
23. Приближение
24. Тарань!
25. Фоннаты и готики
26. Виг
27. Дыхание станций
28. Джейлин Слайд
29. Шкатулочник
30. Наемник
31. Голоса
32. Счет ноль
33. Обломки крушения и водоворот
34. Цепь в девять миль длиной
35. Тэлли Ишем
36. Беличий лес

Мона Лиза овердрайв

1. Большой Дым
2. Малыш Африка
3. Малибу

4. Сквот
5. «Портобелло»
6. Утренний свет
7. Там нет никакого там
8. Техасское радио
9. Лечь на дно
10. Образ
11. На главной улице
12. Антарктика начинается здесь
13. Подвесной мостик
14. Игрушки
15. Серебряные прогулки
16. Нить накаливания в слое нагара
17. Дерганый город
18. Тюремный срок
19. Под ножом
20. Хилтон Свифт
21. «Алеф»
22. Призраки и пустота
23. Свет мой, зеркальце
24. В безлюдном месте
25. Назад на восток
26. Куромаку
27. Злая дама
28. Компания
29. Зимний путь

30. Добыча
31. З-Джейн
Все
32. Зимний путь (2)
33. Звезда
34. Маргейт-роуд
35. Война на Фабрике
36. Ловец душ
37. Журавли
38. Война на Фабрике (2)
39. Слишком много всего
40. Розовый атлас
41. Мистер Янака
42. В цеху Фабрики
43. Судья
44. Красная кожа
45. Гладкий камень вдали
Спалить Хром. Рассказы
Брюс Стерлинг. Предисловие
Джонни Мнемоник
Континуум Гернсбека
Осколки голографической розы
Принадлежность. Джон Ширли, Уильям Гибсон
Зона влияния
Красная звезда, зимняя орбита. Брюс Стерлинг, Уильям Гибсон

Отель «Новая роза»
Зимний рынок
Поединок. Майкл Суэнвик, Уильям Гибсон
Сожжение Хром
От автора
Андрей Чертков. Роман с киберпанком

Аннотация

"Нейромант" — это классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра. Это книга, определившая лицо современной литературы на десятилетия вперед, собравшая все главные жанровые награды ("Хьюго", "Небьюла", премия имени Филипа Дика) и ставшая международным бестселлером. Далее последовали два продолжения, "Граф Ноль" и "Мона Лиза овердрайв", составившие вместе с "Нейромантом" трилогию "Киберпространство". Трилогия стала краеугольным камнем киберпанка — стиля и культурного феномена. Будущее здесь — это мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Здесь хакер-виртуоз и отчаянная девушка-самурай должны выполнить таинственную миссию, запрограммированную десятилетия назад в неведомых глубинах искусственного разума. Здесь японская мафия исповедует идеалы древнего самурайского

кодекса, виртуальный мир населен персонажами вудуистского пантеона, а девушка, умеющая входить в киберпространство без компьютера, становится для своего поколения богиней...

Кроме собственно трилогии, в книгу включен цикл рассказов "Сожжение Хром", среди которых — "Джонни-Мнемоник", послуживший основой для культового фильма Роберта Лонго (в ролях Киану Ривз, Такэси Китано, Дольф Лундгрен), и "Отель „Новая роза“", экранизированный Абелем Феррарой (в ролях Уиллем Дефо, Кристофер Уокен, Азия Ардженто).

Нейромант[1]
Роман

Деб, которая сделала это возможным,
с любовью посвящается

[1] notes: 1
Перевод М. Пчелинцева

Часть первая
Тиба-Сити блюз
1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

— Разве же я употребляю? — услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». — Просто у моего организма острая алкогольно-наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались все больше спецы-экспаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по-японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина». При виде Кейса он осклабился восточноевропейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме, с аккуратными рядами племенных шрамов на щеках.

— Утром заходил Уэйдж с двумя своими. — Здо-

ровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. — Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девица справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. О его безобразии ходили легенды. Нынче, когда красота доступна каждому — и за вполне умеренные деньги, — отсутствие оной воспринимается как нечто чуть ли не геральдическое. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез — семифункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в грязно-розовый пластик.

— Слишком уж вы артист, герр Кейс. — Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клешней свисающее через ремень брюхо. — Артист слегка комического плана.

— А то, — ответил Кейс и отхлебнул пива. — Должен же кто-то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь — хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

— И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали-ка ты отсюда. Мистер Зоун — мой лучший друг.

Девица в упор взглянула на Кейса и беззвучно ощерилась. Но все-таки ушла.

— Боже! — закатил глаза Кейс. — Ну что за бордель ты здесь развел? Выпить спокойно нельзя.

— Выпить ему захотелось! — Рац усердно тер тряпкой шершавое дерево стойки. — Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная тишина, когда множество собеседников в разных концах зала умолкли одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

— Ангел пролетел, — буркнул Рац.

— Китайцы! — взревел пьяный австралиец. — Херовы китаёзы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материке нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

— А вот это, — сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднимающуюся откуда-то изнутри желчную горечь, — хрень собачья.

* * *

И впрямь хрень. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные

клиники Тибы — передовой рубеж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи не смогли выправить ущерб, причиненный Кейсу в Мемфисе.

Он проторчал здесь уж целый год, и с каждым днем мечта о киберпространстве становилась все более призрачной. Он глотал стимуляторы горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры и по-прежнему видел во сне матрицу — ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте… Муравейник где-то там, за Тихим океаном, а он больше ни оператор, ни киберковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задницы. Но в японских ночах приходили сны — колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в темноте и корчился в гробу капсульной гостиницы, руки тянулись к несуществующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пузырями вылезал между пальцами.

* * *

— Видел вчера твою девицу, — сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

— Нет у меня никакой девицы, — помотал го-

ловой Кейс.

— А мисс Линда Ли?

Кейс снова помотал головой.

— Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружище артист? Полностью посвятил себя коммерции? — Маленькие карие глазки бармена тонули среди морщин. — С Линдой ты мне нравился больше. Чаще смеялся. А теперь ты как-нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В банках, разобранный по кусочку.

— Не говори так, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел под дождь, ссутулив узкие, обтянутые мокрой нейлоновой штормовкой плечи.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсэй, он чувствовал запах собственного давно не мытого тела.

* * *

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В почти постоянном адреналиновом возбуждении, присущем молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной

по спецзаказу киберпространственной деке, которая проецировала его освобожденное сознание на консенсуальную галлюцинацию матрицы. Он был вором и работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, а они снабжали его экзотическим софтом, без которого не просочишься сквозь сверкающие стены корпоративных систем, не прогуляешься по богатому полю данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчиков. Утаил кое-что для себя и пытался толкнуть это кое-что через амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно не важно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет денег. И они тебе здорово понадобятся. Потому что — ослепительная улыбка — мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал микрон за микроном его талант.

Нарушение было мельчайшее, едва ощутимое и вместе с тем крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарный статус удачливого ковбоя подразумевал отстраненное презрение к плоти. Тело? Это просто кусок мяса. И вот теперь Кейс стал пленником собственного мяса.

* * *

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен — старинной бумажной валюты, которая, подобно морским ракушкам аборигенов Новой Гвинеи, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии это строго воспрещалось.

И все же Кейс был уверен, что в Японии ему помогут. В Тибе. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тиба-Сити ассоциировался с имплантацией, сращиванием нервов, микробиоником и как магнит притягивал к себе технокриминальные элемен-

ты Муравейника.

За два месяца анализов и консультаций от Кейсовых иен не осталось ровно ничего. Врачи подпольных клиник, бывшие последней его надеждой, только поражались изощренности увечья и скорбно качали головой.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену, освещали доки; и сияние телевизионного неба затмевало не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи электрик», а Токийский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружат над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город — купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные силуэты корпоративных зданий. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсэй в сердце. Днем бары вдоль Нинсэй закрывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

* * *

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное колесо крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку — мощный бразильский декседрин — он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель — в обрамлении красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое-то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной, будто бы чьей-то чужой энергией. В первый же месяц он замочил двух мужчин и одну женщину из-за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсэй изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Жизнь Ночного Города похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе поддает жару. Перестань шустрить — и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй — и нарушишь хрупкое поверх-

ностное натяжение черного рынка; и так и сяк — тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожилов вроде Раца, да вдобавок сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут пригодиться какому-нибудь богатенькому засранцу.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность, отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком в «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием таблетки потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс неожиданно осознал, что давно уже играет в древнюю игру обреченных, азартно раскладывает смертельный пасьянс отчаяния. Он больше не носил оружия и не принимал никаких мер предосторожности. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все, что угодно. Какая-то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении

близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней в аркаде[2] одним дождливым вечером.

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью-Йорком»... Буйные сполохи лазерного света превращали ее лицо в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: Уэйджев брикет кетамина отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, хлеставшего по тротуарам Нинсэй, и как-то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая играла с истинным самозабвением. Несколькими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на

---

[2] notes: 2

В начале 1980-х — устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

птичку, какую рисуют дети.

Гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь хлестал не переставая, сек струями квартал Харадзюку, скатывался каплями по ее синтетической курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко, и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из-за веществ и чрезмерного напряжения эти постоянно испуганные глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомолов, которые продавались в киосках

на улице Сига рядом с голубыми карпами-мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало — малоудивительно, после амфетамина-то. Коричневую столешницу покрывала тусклая паутина крошечных царапинок. Чувствуя дексовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной безымянной манере прошлого века, этакая смесь традиционного японского стиля с блеклым миланским пластиком, однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, словно расшатанные нервы миллионов посетителей каким-то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности свой неизгладимый след.

— Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

— А я все тебя ищу.

Девушка села напротив и положила локти на

стол. Исчерканные молниями голубые рукава зияли прорехами, и Кейс привычно поискал признаки дермов или инъекций на ее руках.

— Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку сигарет «Ехэюань» и красную пластиковую зажигалку. Кейс закурил.

— Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника — откуда-нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились новые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого-то города.

— Совсем не сплю, разве что забуду про таблетки, — ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания — вожделение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гроба, пальцы, сплетенные у него на пояснице.

«Мясо, — подумал Кейс, — мясо хочет мяса».

— Уэйдж… — сказала девушка, сузив глаза. — Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

— Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

— Нет. Мона. Ее новый парень работает на Уэйджа.

— Не так уж много я ему и должен, — пожал плечами Кейс. — А если он меня прикончит, то не получит вообще ничего.

— Слишком уж много у него должников, а тебя пришьют — другие задумаются. Так что смотри в оба.

— Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

— Переночевать? Конечно есть, как же без этого.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

— Вот. — Кейс вытащил из кармана скомканную полусотню, кое-как ее разгладил, сложил вчетверо и протянул девушке.

— Они пригодятся тебе самому, дорогуша. Отдай их лучше Уэйджу. — В ее серых глазах светилось что-то непонятное, чего он раньше не видел.

— Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Я тут скоро еще получу, — солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с молнией.

— Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.

— Увидимся, — сказал Кейс и встал из-за стола.

— Конечно. — В глазах девушки под радужкой виднелось по миллиметру роговицы. Сампаку.[3] — Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неоном.

* * *

Пятница, вечер, улица Нинсэй.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси-Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой кисти.

Настоящий знак или картинка для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности.

---

[3] notes: 3

«Три белизны» *(яп.)* — состояние глаз, при котором над нижним веком постоянно видна полоска роговицы. Согласно восточному поверью, таким образом закаченные глаза пророчат скорую смерть.

А если знак липовый — то и поделом. Служащим «М-Г», достигшим определенного уровня, имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. С таким прибором в Ночном Городе залетишь на гоп-стоп как пить дать — на гоп-стоп и дальше, прямиком в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но по большей части толпа на Нинсэй состояла из гайдзинов — приезжих. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрилы из Муравейника щеголяли искусственными бицепсами и имплантатами, сновали всевозможные мошенники — все двигалось в сложном танце желаний и купли-продажи.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тиба-Сити терпели район Нинсэй, Кейс склонялся к мысли, что якудза сберегла это место в качестве исторического заповедника — как памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как-то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состояло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник — неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического гландулярного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж — его главный поставщик, он провел в Тибе девять лет и был одним из немногих иностранцев, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гор-

моны проникали на Нинсэй по таинственной цепочке связных. Однажды Уэйджу каким-то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстимдеки, массивные цепочки-манрики и сюрикэны. Эти стальные звездочки с острыми как бритва лучами всегда его восхищали. Одни — хромированные, другие — черные, третьи — с радужными, как нефть на воде, разводами. Хромированные — просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, прикрепленные едва заметной нейлоновой леской, в центре каждой выдавленный инь—ян или дракончик. Сюрикэны переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

— Жюли, — сказал им Кейс. — Пора навестить старину Жюли. Он все знает.

* * *

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги-генетики совершали недоступную в Тибе операцию — восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна-единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности тряпкопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций одежды прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел один и тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсэй, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европей-

ской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в новоацтекском стиле. На низком кофейном столике из ярко-алой стали, будто изготовленном Кандинским, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы а-ля Сальвадор Дали, их искореженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему-то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые стекловолоконные упаковки, источавшие резкий запах имбиря.

— Хвоста за тобой вроде нет, — раздался из ниоткуда голос Дина. — Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов щелкнули магнитные запоры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К полированному пластику были приклеены — и почти уже отклеились — большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». И если в импровизированной приемной обстановка воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной мед-

ной лампой с темно-зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортер восседал за огромным металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие-то записи. Столешницу заваливали разбросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и детали допотопной механической пишущей машинки, до которой у Дина никогда не доходили руки.

— Так чем же обязан честью? — спросил импортер, в руке его появилась тоненькая карамелька в бело-голубом клетчатом фантике. — Попробуй. «Тин-Тин-Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый деревянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

— Жюли, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

— А-а-а… Ну, тогда… А от кого ты это слышал, позволено будет узнать?

— От людей.

— От людей, — повторил Дин, посасывая имбирную карамельку. — И что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

— Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

— Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не говорил?

— В последнее время я с ним не общался, — вздохнул Дин. — Но и знай я что-нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей.

— Положения вещей?

— Уэйдж — важное звено, Кейс.

— Он действительно хочет меня убить?

— Этого я не знаю. — Дин равнодушно пожал плечами; сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. — Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где-нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

— Из отеля «Нан-Хай», что на Бенкулен-стрит?

— Болтай поменьше! — ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, исключающим прослушивание.

— Ладно, до встречи, Жюли. Пойду передам привет Уэйджу.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

* * *

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо-таки на клеточном уровне почувствовал, что кто-то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из-под контроля, но порой это было довольно затруднительно из-за большого количества закаченных колес. Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему узкому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, — подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, — нужно вживлять микросхему, если

ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный…

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

* * *

— Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

— Через два часа.

Окруженные запахами свежевыловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

— Приходи через два часа.

— Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что-нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из-под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет:

— Тазер. Один час, двадцать нью-иен. Залог

тридцать.

— На хрена он мне? Мне нужен пистолет. А то пойду я вот сейчас гулять, и захочется мне кого-нибудь шлепнуть. Ну и куда же я тогда без пистолета?

Официант пожал плечами и водворил тазер на прежнее место:

— Через два часа.

* * *

Кейс вошел в магазин, даже не взглянув на выставку сюрикэнов. Он не метал их ни разу в жизни.

С помощью кредитного чипа Мицубиси-банка на имя Чарльза Дерека Мея он купил две пачки «Ехэюань»; чип этот служил Кейсу вместо паспорта.

Продавщица-японка выглядела на несколько лет старше старины Дина; правда, свои годы она прожила без помощи достижений науки. Кейс вынул из кармана тощую стопку нью-иен:

— Я хочу купить оружие.

Продавщица показала на витрину с ножами.

— Нет, — сказал Кейс, — я не люблю ножи.

Тогда женщина вытащила из-под прилавка продолговатую коробку. На желтом картоне

крышки грозно раздувала капюшон аляповатая, свернувшаяся кольцами кобра. Под крышкой лежали восемь одинаковых цилиндров в бумажной упаковке. Кейс молча наблюдал, как коричневые, в желтых старческих пятнах пальцы разворачивают обертку. Женщина показала ему матовую стальную трубочку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, а другой потянула за пирамидку. Наружу вылетели и зафиксировались три промасленных телескопических сегмента туго навитой пружины.

— «Кобра», — сказала продавщица.

* * *

Небо над неоновыми конвульсиями Нинсэй приобрело сероватый оттенок. Сегодня воздух обдирал легкие, словно наждачная бумага; на многих прохожих были фильтрующие маски. Кейс провел в уборной целых десять минут, пытаясь пристроить «кобру» поудобнее, но в конце концов попросту заткнул ее за пояс. Прикрытый штормовкой пирамидальный конец тыкался под ребра. При каждом шаге эта штуковина грозила вывалиться на землю, но все же с ней было как-то спокойнее.

«Тац» не очень-то процветал и в будние вечера привлекал в основном постоянную клиентуру. Зато по пятницам и субботам он выглядел совсем иначе. И хотя в эти дни многие завсегдатаи приходили тоже, они как-то терялись среди массы подвыпивших моряков и профессиональных воришек, охотившихся за их кошельками. Войдя в бар, Кейс поискал глазами Раца, но тот куда-то исчез. Местный сутенер Лонни Зоун остекленевшим взором подвыпившего папаши наблюдал, как одна из его девочек обрабатывает юного моряка. Сводник употреблял балду, которую японцы называют «облачные танцовщицы». Поймав на себе его взгляд, Кейс помахал рукой. Лонни неторопливо подошел, его анемичное продолговатое лицо выражало безмятежное спокойствие.

— Лонни, ты видел сегодня Уэйджа?

Зоун посмотрел на Кейса и медленно покачал головой.

— Зуб даешь?

— А может, и видел. В «Намбане». Часа два назад.

— С ним были ребята? Один такой стройный, с темными волосами, наверное, в черной куртке?

— Нет, — сказал Зоун после длительных раздумий; морщины на его лбу должны были

свидетельствовать о мучительных усилиях, необходимых, чтобы вспомнить столь мелкие подробности. — Здоровые такие ребята. С искусственными бицепсами.

Под прикрытыми веками Зоуна проглядывали крохотные белки, еще меньшие радужки и огромные расширенные зрачки. Он долго смотрел Кейсу в лицо, затем опустил взгляд. Заметил выпирающий стальной хлыст. Многозначительно поднял бровь и сказал:

— «Кобра». Ты хочешь кого-то замочить?

— Пока, Лонни.

И Кейс покинул бар.

* * *

Хвост вернулся. Кейс знал это наверняка. К обычному наркотическому возбуждению добавилось нечто новое, он почувствовал приступ восторга. «Чему радуешься, — подумал он, — псих ненормальный?»

Каким-то непостижимым образом обстановка напоминала матрицу. Устань, окажись в отчаянно неожиданном положении, и ты увидишь Нинсэй информационным полем (примерно так же однажды матрица напомнила ему протеины, сцепляющиеся друг с другом, чтобы задать спе-

циализацию клетки). Тогда можешь броситься в головокружительный акробатический полет, отдаться ему целиком, ни на секунду не забывая о своей отделенности, а вокруг тебя бушует неудержимый танец чисел — сделки, счета, котировки, — и ты видишь, как базы данных претворяются в плоть лабиринтов черного рынка…

«Давай, Кейс, — говорил он сам себе. — Надери их. Вот уж чего они никак не ожидают».

Кейс находился в полуквартале от игровой аркады, где когда-то познакомился с Линдой Ли.

Расталкивая гуляющих матросов, он бросился через улицу. Ему вслед заорали по-испански. Кейс открыл дверь, и оттуда рванулся грохот, похожий на рев прибоя, и мощный инфразвук отозвался даже не в ушах, а где-то в желудке. Кто-то нанес десятимегатонный удар в «Танковой войне», и теперь чудовищный огненный шар, имитирующий воздушный ядерный взрыв, превращался в голограммный клубящийся дымный гриб, вся аркада утонула в белом шуме. Кейс бросился вправо и побежал по некрашеным ступенькам вверх. Как-то он приходил сюда с Уэйджем договариваться о запрещенных гормональных триггерах с неким Мацугой. Кейс припоминал этот коридор, грязную циновку, ряд одинаковых дверей,

ведущих в крохотные кабинетики. Одна дверь была открыта. Из-за белого терминала подняла голову молоденькая японочка в черной майке; за ее спиной виднелся постер, рекламирующий поездку в Грецию, — голубизна Эгейского моря заляпана округлыми иероглифами.

— Вызови охрану, — сказал Кейс.

И помчался дальше. Две последние двери были закрыты и, скорее всего, заперты. Он развернулся и припечатал нейлоновой подошвой кроссовки самую дальнюю по коридору дверь, сделанную из синего пластика. Раздался хруст, слабые петли вырвало из хлипкого косяка. Темнота и белый изгиб компьютерного терминала. Кейс бросился направо к следующей двери, схватился за прозрачную пластмассовую ручку и навалился изо всех сил. Что-то щелкнуло, и он оказался в комнате. В той самой, где они с Уэйджем видели в тот раз Мацугу, но от подставной фирмы, которая здесь размещалась, не осталось и следа… Ни терминалов, ничего. Только тусклый уличный свет, сочащийся сквозь закопченный пластик. Кейс заметил торчащую из стенки змею световодного кабеля, кучу пустых пакетов от какой-то японской жратвы и электрический вентилятор без лопастей.

Окно было заделано куском дешевой, некогда прозрачной пластмассы. Кейс снял куртку, обмотал правую руку и ударил. Окно треснуло, еще два удара, и оно вылетело из рамы. То ли из-за разбитого окна, то ли стараниями девушки сквозь приглушенный хаос игры начала завывать тревожная сирена.

Кейс обернулся, накинул куртку и раскрыл «кобру». Он ждал, что преследователь заметит выбитую дверь и бросится сначала туда. Бронзовая пирамидка на конце упругого стального хлыста раскачивалась, вторя ударам пульса.

Время шло, однако ничего не происходило. Только завывала сирена, гремели игры, колотилось сердце. И тогда, как полузабытый друг, вернулся страх. Но не холодная, четкая дексовая паранойя, а обыкновенный животный ужас. Кейс так долго прожил в постоянной тревоге, что почти забыл вкус настоящего страха.

В такой конуре убить человека проще простого. И он может здесь умереть. У них может быть оружие.

В дальнем конце коридора что-то грохнуло. Какой-то мужчина заорал по-японски. Дикий ужасный вопль. И снова грохот.

Неторопливые приближающиеся шаги.

Кто-то проходит мимо двери. Тишина, только три торопливых удара сердца. Возвращается. Раз! Два! Три! Скрипнула под каблуком циновка.

Остатки декседриновой смелости рухнули. В слепом, нерассуждающем ужасе, чувствуя, как звенят от напряжения нервы, Кейс сложил «кобру» и подкрался к окну. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Столкновение с мостовой послало вдоль голеней острые клинья боли.

Узкая полоса света из полуоткрытого служебного люка падала на клубок проводов, разбитые платы и консоль древнего компьютера. Кейс лежал лицом вниз на сырой древесно-стружечной плите; придя в себя от удара, он сразу перекатился в тень. Окно, откуда он выпал, слабо светилось. Здесь завывание сирены слышалось громче, а шум игрового зала, отгороженного стеной, — тише.

В окне появилась и тут же исчезла чья-то голова. Опять появилась, но черты лица не разобрать. Только вместо глаз — серебряный блеск.

— Вот же мать твою! — произнес женский голос с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла и больше не появлялась. Лежа под консолью, Кейс сосчитал до двадцати и

встал. Несколько секунд он тупо смотрел на собственную руку и зажатую в ней «кобру», а потом заковылял по улице, прихрамывая и стараясь поменьше ступать на левую ногу.

* * *

Интересно, где это Шин откопал такую рухлядь, ведь пистолетику этому лет пятьдесят, никак не меньше. Вьетнамская копия бразильской пародии на «Вальтер ППК», самовзвод с очень тугим спуском, приспособлен под винтовочный патрон двадцать второго калибра. Да и в патронах не настоящие разрывные пули, а китайская дешевка, свинцовые с пустотелым концом. И все-таки это пистолет, с восьмью патронами в обойме и одним в стволе; выйдя из лавчонки Шина на улицу Сига, Кейс то и дело опускал руку в карман и поглаживал красную пластиковую рукоятку, украшенную рельефными драконами. Свернув на Нинсэй, он выбросил «кобру» в первый же мусорный ящик и проглотил, не запивая, очередной восьмиугольник.

Подхлестнутый таблеткой, он стремительно помчался по Нинсэй и далее по Байицу. Хвост, похоже, отстал, и это тоже радовало. Ему нужно позвонить, погоня погоней, но бизнес не ждет.

Недалеко от порта на улице Байицу стоял безобразный десятиэтажный дом из желтого кирпича. Его окна уже погасли, но, если задрать голову, можно было различить слабое свечение, идущее с крыши. Потухшая неоновая вывеска у главного входа гласила: «Дешевый отель»; далее шли сплошные иероглифы. Если гостиница и имела другое название, то Кейс его не знал, потому что ее везде называли не иначе как «Дешевый отель». Свернув с Байицу в узкий проулок, вы оказываетесь у основания прозрачной шахты. Лифт к «Дешевому отелю» пристроили позднее, с помощью бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в кабину и вставил в щель свой индивидуальный ключ — обрезок жесткой магнитной ленты.

Кейс арендовал здесь гроб в первый же день по прибытии в Тибу и возобновлял договор еженедельно. Однако он ни разу здесь не спал. На ночь он перебирался в другие, еще более дешевые заведения.

Исцарапанные, засаленные стенки кабины провоняли дешевыми духами и сигаретами. Когда лифт прошел пятый этаж, Кейс увидел уличные фонари Нинсэй. Постукивая пальцами по рукоятке пистолета, он дождался, пока лифт со змеиным шипением не остановится. Как всегда, остановка

сопровождалась сильным толчком, но он к этому привык. Выйдя из лифта, он очутился на зеленой лужайке, служившей одновременно гостиничным холлом. Посреди синтетического газона за полукруглой компьютерной консолью сидел мальчишка-японец; он читал какой-то учебник. Над пацаном возвышались строительные леса с фибергласовыми гробами. Шесть ярусов, по десять гробов в каждом, с каждой из четырех сторон. Кейс кивнул мальчишке и пошкандыбал к ближайшей лестнице. И хотя все сооружение было покрыто листами дешевого слоистого пластика, которые трещали от сильного ветра и текли во время дождя, сами гробы были довольно прочными, вскрыть такую капсулу без ключа было не так-то и просто.

Длинный решетчатый трап вибрировал под ногами, пока Кейс пробирался по третьему ярусу к своему номеру, 92-му. Все гробы были по три метра длиной и имели овальный люк в один метр шириной и чуть меньше полутора метров высотой. Кейс вставил магнитный ключ в щель и подождал, пока компьютер не подтвердит его подлинность. Магнитные запоры громко щелкнули, и, скрипя пружинами, люк поднялся. Вспыхнули флюоресцентные лампы, Кейс заполз

внутрь, закрыл за собой люк и заперся на механический засов.

В «номере» не было другой мебели, кроме маленького карманного компьютера «хитачи» и небольшого холодильника. В белом пенопластовом шкафчике лежало все, что осталось от трех десятикилограммовых брусков сухого льда, обернутых плотной бумагой, чтобы меньше испарялись, а также небольшой алюминиевый контейнер. Присев на коричневом поролоновом мате, который служил одновременно и полом и кроватью, Кейс вынул из кармана пистолет и положил его на холодильник. Затем снял куртку. В одну из изогнутых стен гроба был встроен пульт бытового компьютера, а напротив висела табличка, сообщавшая гостиничные правила на семи языках. Кейс снял розовую телефонную трубку и набрал по памяти гонконгский номер. Прослушав пять длинных гудков, он повесил трубку. Покупатель трех мегабайт информации, висевшей в оперативке его «хитачи», не отвечал.

Тогда он позвонил по токийскому номеру.

В трубке женский голос что-то сказал по-японски.

— Ловчила дома?

— Рад тебя слышать, — вступил в разговор Лов-

чила. — Я ждал твоего звонка.

— Тут появилась музыка, которую ты хотел. — Кейс посмотрел на холодильник.

— Очень рад. Но у нас проблемы с наличностью. Ты можешь подождать?

— Слушай, мне очень нужны деньги…

В трубке раздались короткие гудки.

— Ну ты говно. — И Кейс с сомнением уставился на дешевый маленький пистолет. — Странно это все, — добавил он. — И чем дальше, тем страньше.

* * *

Держа руки в карманах, причем одна рука сжимала пистолет, а другая — алюминиевый контейнер, Кейс вошел в «Тац». До рассвета оставался еще добрый час.

Прислонившись к стенке, взгромоздив все свои сто двадцать кило на скрипучий стул, Рац сидел за дальним столиком и пил из пивной кружки минералку «Аполлонарис». За стойкой работал бразилец Курт, который присматривал за несколькими, в основном тихими, пьяницами. Рац поднял надсадно гудящим протезом кружку, сделал глоток и поставил ее на место.

— Плохо выглядишь, дружище артист, — ска-

зал он, демонстрируя непотребное содержимое своего рта.

— Наоборот, я чувствую себя отлично, — улыбнулся Кейс, и его лицо стало похоже на оскаленный череп. — Сверхотлично.

Он плюхнулся на стул напротив Раца, по-прежнему держа руки в карманах.

— Ага, и ты шляешься с места на место в своем переносном бомбоубежище из водки и стимуляторов. Наилучшая защита от неприятных эмоций?

— Слушай, отстал бы ты от меня со своими шуточками. Уэйдж тут не пробегал?

— Защита от страха и одиночества, — продолжал бармен. — Прислушайся к своему страху. Может быть, он — твой друг.

— Ты ничего не слышал о потасовке в аркаде, Рац? Кого-нибудь ранили?

— Кто-то порезал охранника. — Бармен равнодушно пожал плечами. — Вроде девица какая-то.

— Я хочу поговорить с Уэйджем, Рац. Я…

— Да? — Губы бармена неожиданно сжались в прямую линию. Он смотрел мимо Кейса на входную дверь. — Сейчас поговоришь.

Перед внутренним взором Кейса неожиданно сверкнули сюрикэны. В голове звенел проглочен-

ный за день декс. Пистолетная рукоятка стала скользкой от пота.

— Герр Уэйдж. — Рац медленно протянул вперед свой розовый манипулятор, как будто ожидая рукопожатия. — Какая огромная честь. Вы у нас такой редкий гость.

Кейс обернулся и посмотрел Уэйджу в лицо. Загорелая, ничем не приметная маска. Его глаза, искусственные, цвета морской волны (трансплантаты фирмы «Никон»), ничего не выражали. Уэйдж был одет в темно-серый шелковый костюм и на каждом запястье носил по простенькому платиновому браслету. Его сопровождали два почти одинаковых молодых парня, руки и плечи которых раздувались от искусственных мышц.

— Как поживаешь, Кейс?

— Джентльмены, — сказал Рац, поднимая со стола розовой клешней пепельницу, полную окурков, — я не хочу здесь никаких неприятностей. — Толстая, из ударопрочной пластмассы пепельница рекламировала пиво «Циндао»; она жалобно хрустнула в клешне Раца, на стол посыпались окурки и зеленые осколки. — Вы меня понимаете?

— Эй, папаша, — сказал один из парней, — уж не хочешь ли ты испытать эту штуковину на

мне?

— Не старайся целиться в ноги, Курт, — негромко кинул Рац.

Только теперь Кейс увидел, что стоящий за стойкой бразилец навел на троицу райот-ган фирмы «Смит-и-Вессон». Ствол ружья, сделанный из тонкого, как бумага, сплава, плотно обвивала стеклянная нить, а калибр был столь велик, что в дульное отверстие свободно проходил сжатый кулак. В решетчатом открытом магазине виднелись пять толстых оранжевых патронов с «желейными» пулями.

— Теоретически несмертельно, — сказал бармен.

— Слушай, Рац, — заговорил наконец Кейс, — за мной должок.

— Ничего ты мне не должен, — пожал плечами Рац. — А этим, — он сверкнул глазами в сторону Уэйджа и его дружков, — следовало бы получше знать правила. В «Тацубо» никого не мочат.

Уэйдж примирительно кашлянул:

— Никто никого и не собирался мочить. Мы только хотели поговорить о деле. Мы с Кейсом партнеры.

Кейс вытащил пистолет и навел его Уэйджу в пах:

— Мне сказали, ты хочешь меня убить.

Розовая клешня обхватила пистолет, Кейс беспрекословно его выпустил.

— Слушай, Кейс, ты дурак или сроду так? Что это за чушь, будто я собираюсь тебя убить? — Уэйдж повернулся к своим телохранителям. — Вы, двое, отправляйтесь в «Намбан». Ждите меня там.

Кейс наблюдал, как парочка проследовала к выходу, теперь, кроме них, в баре оставались только Курт за стойкой да пьяный матрос, свернувшийся калачиком на полу. Ствол «смит-и-вессона» проводил двоих к двери, а затем опять вернулся к Уэйджу. Магазин «вальтера» со стуком упал на стол. Держа оружие клешней, Рац здоровой рукой выколупывал патрон из патронника.

— Кто сказал, что я собираюсь тебя пришить, Кейс? — спросил Уэйдж.

Линда.

— Кто тебе такого наговорил? Кто-то пытался тебя подставить.

Матрос застонал и изрыгнул фонтан блевотины.

— Вышвырни его отсюда, — приказал Рац Курту, который закуривал, сидя на краю стойки; ружье лежало у него на коленях.

Внезапно Кейс почувствовал, что ночь навали-

лась на него, мокрый тяжелый песок надавил на глазные яблоки. Он вынул из кармана алюминиевый контейнер и протянул его Уэйджу:

— Все, что у меня есть. Гипофизы. Если постараться, можно толкануть за пять сотен. Остальные мои деньги были вложены в кое-какие файлы, но там, похоже, полный прогар.

— Слушай, Кейс, ты не болен? — (Контейнер исчез во внутреннем кармане темно-серого пиджака.) — Я хотел сказать, ладно, мы в расчете, но у тебя нездоровый вид. Такое ощущение, словно о тебя вытирали ноги. Шел бы ты и поспал.

— Надо бы… — Кейс встал, и бар закачался перед глазами. — У меня было еще пятьдесят. Но их я отдал одной подруге.

Он по-дурацки хихикнул. Затем взял со стола магазин, отдельный патрон, положил их в один карман, а пистолет засунул в другой.

— Пойду к Шину, заберу залог.

— Лучше иди домой, — как-то смутившись, произнес Рац и сел; многострадальный стул жалобно заскрипел под его огромным телом. — Артист. Иди-ка ты домой.

Проталкиваясь в дверь, Кейс спиной чувствовал, что они смотрят ему вслед.

* * *

— Вот же сука, — сказал Кейс, глядя, как небо над Сигой приобретает розовый оттенок.

Голограммы Нинсэй, подобно ночным призракам, одна за другой исчезали перед наступающим рассветом, а неоновые вывески погасли уже почти все. Кейс отхлебнул из пластмассового стаканчика крепкий черный кофе, купленный на улице у лоточника, и вновь посмотрел на восходящее солнце.

— Улетай-ка ты отсюда, милочка. Город вроде этого — для тех, кто предпочитает катиться по наклонной.

На самом деле все было гораздо сложнее, и едва ли стоило на нее злиться. Просто Линде был нужен билет домой, а то, что лежало в оперативке его «хитачи», обеспечит ей необходимую сумму — если найдется покупатель. А с пятидесяткой — так это вообще красивый номер: ведь она чуть было ее не вернула — наверняка уже зная, что вскоре обчистит его до нитки.

Когда Кейс вышел из лифта, в холле «Дешевого отеля» сидел все тот же мальчуган. Правда, уже с другим учебником.

— Эй, приятель, — крикнул ему Кейс, — мо-

жешь ничего не рассказывать. Я уже все знаю. Приходила хорошенькая дама и сказала, что я дал ей свой ключ. И предложила неплохие чаевые — скажем, пятьдесят новых?

Мальчик оторопело уставился на клиента.

— Женщина, — сказал Кейс и провел по лбу мальчишки большим пальцем. — Белая. — Он широко улыбнулся.

Мальчишка заулыбался в ответ и закивал.

— Спасибо, задница, — бросил Кейс и направился к лестнице.

Замок долго не хотел открываться. «Наверное, испортила, когда вскрывала, — подумал Кейс. — Начинающая». Сам-то он отлично знал, где взять «черную коробочку», которая могла открыть в «Дешевом отеле» любую дверь. Когда он наконец забрался внутрь, вспыхнули лампы.

— Ну-ка, дружок, не дергайся, закрой люк, только очень медленно. Та штука, которую ты взял у официанта, еще с тобой?

Опираясь спиной о стену, в дальнем конце гроба сидела незнакомка. Она целилась в Кейса из игольника, держа тот для верности обеими руками и положив запястья на согнутые колени. Ствол, похожий на головку перечницы, глядел ему прямо в лицо.

— Это ты буйствовала там, в аркаде? — Кейс закрыл люк. — А где Линда?

— Закрой дверь на задвижку.

Кейс повиновался.

— Линда? Это твоя девушка?

Он кивнул.

— Уехала. Прихватила с собой твою «хитачи». Очень нервная особа. Так как насчет оружия?

На девушке были зеркальные очки. И вся она была в черном, а каблуки черных ботинок глубоко вдавливались в темперлон.

— Я вернул его Шину и забрал залог. И патроны вернул, за полцены. Тебе что нужно, деньги?

— Нет.

— Тогда, может, сухой лед? Это все, что у меня осталось.

— Слушай, что с тобой сегодня происходит? Зачем ты устроил бучу в аркаде? Привязался охранник с нунчаками, пришлось его резать.

— Линда сказала, что ты хочешь меня убить.

— Линда? Да я ее сегодня в первый раз увидела — здесь, в твоем гробу.

— Ты работаешь на Уэйджа?

Девушка покачала головой. Кейс только сейчас заметил, что ее «очки» были на самом деле хирургическими вставками. Серебристые линзы

словно вросли в бледное лицо, обрамленное шапкой темных, небрежно подстриженных волос. Тонкие белые пальцы с бордовым маникюром сжимали игольник. Ногти, похоже, были искусственные.

— Ты, Кейс, сидишь в глубокой заднице. Стоило мне появиться, и опа — ты уже вмонтировал меня в свою картину мира.

— Так что же вам от меня нужно, леди? — Кейс оперся спиной на люк.

— Ты. Живое тело и не совсем еще поврежденные мозги. Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я отведу тебя к человеку, на которого работаю. Он хочет с тобой поговорить. Просто поговорить. Никто не собирается делать тебе больно.

— Отрадно слышать.

— Правда, вот я иногда делаю людям больно. Так уж я устроена.

На девушке были обтягивающие джинсы из замши и просторная черная куртка из какого-то матового материала, который, казалось, полностью поглощал свет.

— Если я спрячу этот самострел, не будешь создавать мне трудностей, Кейс? Ты похож на человека, который любит глупый риск.

— Да что ты, не беспокойся, я буду паинькой,

никаких проблем.

— Ну что ж, прекрасно. — (Игольник исчез под черной курткой.) — Потому что, если попробуешь со мной выдрючиваться, это будет самый глупый поступок в твоей глупой жизни.

Она вытянула руки ладонями вверх, слегка расставила пальцы, послышался едва слышный щелчок — и десять обоюдоострых четырехсантиметровых стальных лезвий выскочили из своих ножен под бордовыми ногтями.

Девушка улыбнулась. Лезвия медленно втянулись обратно.

2

После целого года жизни в гробах комната на двадцать пятом этаже «Тиба-Хилтона» казалась огромной. Восемь на десять метров, и это еще половина номера. Из белой кофеварки фирмы «Браун» шел пар, она стояла на столике возле раздвижной стеклянной двери, выходившей на узкий балкон.

— Влей-ка в себя малость кофе. Тебе совсем не помешает.

Девушка сняла черную куртку, игольник болтался у нее под мышкой на черных нейлоновых

ремнях. Кроме того, на ней был серый жилет с металлическими зигзагами на плечах. «Пуленепробиваемый», — решил Кейс, наливая кофе в ярко-красную кружку. Ноги его и руки были как деревянные.

— Кейс.

Кейс поднял голову. Этого человека он видел впервые.

— Меня зовут Армитидж.

Под темным распахнутым халатом виднелась мускулистая, совершенно безволосая грудь и плоский крепкий живот. Очень светлые, почти водянистые голубые глаза наводили на мысль об искусственном обесцвечивании.

— Солнце встало, Кейс. Солнце твоего счастливого дня.

Кейс бросил руку в сторону, но мужчина легко отклонился от обжигающе горячей струи. По светлым, под рисовую бумагу обоям растеклось коричневое пятно. На левой мочке мужчины висел золотой многоугольник. Спецназ. Армитидж улыбнулся.

— Налей кофе и пей, — равнодушно бросила Молли. — Бояться тебе нечего, но ты не выйдешь отсюда, пока Армитидж с тобой не поговорит.

Девица села по-турецки на атласный пуфик и

стала не глядя разбирать свой игольник. Кейс вернулся к столу и снова налил кофе; два зеркала следили за каждым его шагом.

— Ты слишком молод, чтобы помнить войну, верно? — Армитидж провел громадной ладонью по коричневому ежику на голове, на запястье тускло блеснул золотой браслет. — Ленинград. Киев. Сибирь. Именно там, в Сибири, мы предрешили твою судьбу, Кейс.

— И как это следует понимать?

— «Разящий кулак», Кейс. Слышал когда-нибудь?

— Какая-то диверсионная операция, так, что ли? Пытались сжечь коммуникационные системы русских вирусными программами? Да, слышал. Никто не вернулся живым.

В комнате повисла напряженная тишина. Армитидж подошел к окну и стал смотреть на Токийский залив.

— Не совсем так. Одна группа сумела-таки вернуться в Хельсинки.

Кейс молча пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Ты ведь компьютерный ковбой. Так вот, прототипы программ, которыми ты взламываешь промышленные банки данных, были разработаны для операции «Разящий кулак». Для нападе-

ния на компьютерный центр в Киренске. Каждая группа состояла из сверхлегкого мотодельтаплана «Ночное крыло» с пилотом и матричной деки с жокеем. Мы пользовались вирусом «Крот». Эта серия стала первым поколением действительно мощных программ вторжения.

— Ледоколы, — кивнул Кейс, не отводя от губ красную кружку.

— Да. Система защиты компьютерных банков данных — «лед», система вторжения — «ледокол».[4]

— Вы, мистер, ошиблись адресом или, лучше сказать, опоздали. Я больше не жокей. Так что нам остается только попрощаться и…

— Я был там, Кейс. Там, где изобрели тебя и тебе подобных.

— Ни хрена тебе, мужик, не обломится — ни с меня, ни с подобных мне. Ну водятся у тебя крутые башли. Ну нанял ты эту ой как дорогую девку с бритвами. Ну взяла она меня за жопу и приволокла сюда, ну и что? Где сядешь, там и слезешь. Не буду я больше работать на деке, никогда. Ни для тебя, ни для кого другого. — Кейс подошел к окну и посмотрел вниз. — Вон где я теперь живу.

---

[4] notes: 4

Intrusion Countermeasures Electronics, сокращенно «ICE», что по-английски означает «лед».

— Судя по психопрофилю, ты намеренно пытаешься спровоцировать улицу, чтобы она тебя убила — в тот момент, когда ты этого никак не ждешь.

— Психопрофиль?

— Мы создали подробную модель. Раздобыли маршруты твоих поездок под каждым из псевдонимов и обработали полученную информацию с помощью некой военной программы. Ты склонен к суициду, Кейс. Модель оставляет тебе всего месяц жизни. Да к тому же наш медицинский анализ говорит, что уже в этом году тебе понадобится новая поджелудочная железа.

— Мы… — Кейс посмотрел в выцветшие голубые глаза. — Кто это — мы?

— А что бы ты сказал, узнав, что мы можем починить твою нервную систему?

Теперь Армитидж казался глыбой металла — громоздкой, чудовищно тяжелой. Статуя. Кейс понял, что это только сон и он сейчас проснется. Армитидж больше не заговорит. Сны всегда заканчивались стоп-кадром, вот и этот сейчас кончится. Тем же.

— Ну, так что ты на это скажешь?

Кейс перевел взгляд на залив и зябко поежился:

— А то и скажу: не засирай мне мозги.

Армитидж невозмутимо кивнул.

— А затем спрошу: на каких условиях?

— Примерно на тех же, на каких ты работал раньше.

— Дай человеку прийти в себя, Армитидж, — подала голос Молли; детали игольника лежали перед ней наподобие хитроумной головоломки. — Он же на куски разваливается.

— Точные условия, — упрямо мотнул головой Кейс, — и сейчас. Прямо сейчас.

Его била дрожь. И он не мог эту дрожь унять.

* * *

Безымянная клиника в дорогом районе: новехонькие, блистающие чистотой павильоны, разделенные аккуратными, ухоженными садами. Кейс помнил это место — одно из тех, куда он обращался в первый месяц своего пребывания в Тибе.

— Ты напуган, Кейс. Напуган так, что поджилки дрожат.

Воскресным полднем он стоял вместе с Молли во внутреннем дворике. Белые валуны, островок зеленого бамбука, черная галька, выложенная пологими волнами. Робот-садовник, похожий

на большого механического краба, подстригает бамбук.

— Все будет хорошо, Кейс. У Армитиджа огромные возможности. Он расплатится с этими нерводерами той самой программой, которая объяснит им, как тебя лечить. С этой программой они обойдут всех своих конкурентов года на три. Ты представляешь себе, сколько это стоит?

Она сунула большие пальцы за ремень кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках своих вишнево-красных ковбойских сапог. Узкие носы окантовывало блестящее мексиканское серебро. Непроницаемые, отливающие ртутным блеском линзы казались глазами какого-то фантастического насекомого.

— Ты ведь уличный самурай, — сказал Кейс. — Как давно ты на него работаешь?

— Пару месяцев.

— А до этого?

— Работала на другого. Вот такая я работящая девушка.

Он кивнул.

— Забавно, Кейс.

— Что забавно?

— Я же с тобой, считай, знакома. Этот профиль, о котором он говорил. Я знаю, что у тебя внутри.

— Ничего ты, сестренка, не знаешь.

— Ты же в полном порядке. То, что с тобой случилось, — просто непруха.

— Ну а как Армитидж? Он как, в полном порядке?

Лавируя среди волн черной гальки, к ним приближался робот-краб. Его бронзовый панцирь казался древним, тысячелетним. В метре от сапог Молли робот выплеснул из себя луч света и на мгновение застыл, анализируя полученные данные.

— Знаешь, Кейс, я никогда не ищу на свою драгоценную задницу никаких приключений.

Краб повернул в сторону, но Молли ловко ударила его ногой; окантованный серебром носок сапога лязгнул по бронзовому панцирю. Механизм упал на спину, задергал бронзовыми лапами и быстро перевернулся обратно.

Кейс сел на валун и стал водить носком ботинка по гальке, разрушая идеальную симметрию черных волн. Порылся по карманам в поисках сигарет.

— В рубашке, — подсказала девушка.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Кейс выудил из пачки мятую «ехэюанину», и девушка щелкнула тонкой стальной зажигалкой

немецкого производства, блестевшей, как хирургический инструмент.

— Ладно, скажу. Этому мужику подвернулось что-то серьезное. У него большие деньги, которых не было раньше, и он все время получает еще и еще. — В уголках ее губ явно чувствовалось напряжение. — А может быть, наоборот, это он кому-то удачно подвернулся… — Она пожала плечами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю. Я знаю только то, что не знаю, на кого мы работаем.

Кейс посмотрел ей в глаза — в два круглых серебряных зеркальца. В субботу утром он вернулся из «Хилтона» в «Дешевый отель» и проспал десять часов. Затем он долго без всякой цели гулял вдоль портовой ограды, глядя, как кружатся чайки. Если она и следила за ним, то делала это очень незаметно. Он не пошел в Ночной Город, а вернулся в гроб и стал ждать звонка от Армитиджа. И вот теперь, в воскресный полдень, он находится в тихом дворике, а рядом с ним — эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

— Если угодно, сэр, анестезиолог ждет вас.

Санитар поклонился и, не дожидаясь Кейса, направился обратно в клинику.

* * *

Пахло холодным металлом. Лед приятно холодил позвоночник.

Кейс, такой маленький, затерялся в огромной тьме, руки окоченели, тело осталось где-то далеко внизу, а сам он летит по коридорам телевизионного неба.

Голоса.

И вдруг черный огонь нащупал нервные сплетения. Боль, превосходящая все, что называют этим словом…

* * *

Лежи спокойно, не дергайся.

Рац и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, моряки, жулики, шлюхи — сотни лиц среди неоновых джунглей под ядовито-серебристым небом — все где-то там, за тюремной оградой, за стенами черепной коробки…

Какого хрена, ты будешь наконец лежать спокойно?!

Небо, бывшее прежде рябью статических помех, поблекло и превратились в бесцветье матрицы, а потом перед глазами замелькали сюрикэны, его

путеводные звездочки.

— Прекрати, Кейс, мне нужно попасть тебе в вену!

Она склонилась над ним с голубым пластмассовым шприцем в руке.

— Если не будешь лежать спокойно, я проткну твое долбаное горло. В тебе еще полно ингибиторов эндорфина.

* * *

Кейс проснулся в полной темноте и обнаружил, что девушка лежит рядом.

Шея казалась хрупкой, сплетенной из тонких хворостин. В самой середине позвоночника пульсировала боль. Перед глазами проносились смутные образы: то мерцающие коллажи из небоскребов и дырявых фуллеровских куполов[5] Муравейника, то в тени каких-то мостов на него надвигались мрачные фигуры…

— Проснулся? Сегодня среда, Кейс.

---

[5] notes: 5

По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов — сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

Девушка села и, перегнувшись через него, начала что-то искать. Обнаженная грудь задела руку. Кейс услышал, как она открыла банку и стала пить.

— На. — (Банка очутилась у него в руке.) — Я вижу в темноте, Кейс. У меня в глазах миниатюрные фотоумножители.

— Спина болит.

— Это там, где брали спинномозговую жидкость. Тебе поменяли и ее, и всю кровь. Это из-за того, что у тебя теперь новая поджелудочная. Еще тебе вшили новый кусок печени. Что делали с нервами, мне не известно. Знаю только, было множество инъекций. И там обошлось без вскрытия. — Девушка опять легла. — Сейчас ночь, Кейс, два часа сорок три минуты двенадцать секунд. У меня часы выведены прямо на зрительный нерв.

Кейс с трудом сел и попытался попить из банки. Поперхнулся, закашлялся, тепловатая вода полилась на грудь и бедра.

— Мне нужна дека. — Кейс почти не поверил, что это его собственные слова. Он стал нащупывать одежду. — Я должен знать…

Молли засмеялась. Маленькие сильные руки обхватили его за плечи:

— Очень сожалею, торопыга. Но тебе придется

подождать восемь дней. Твои нервы выскочат наружу, если ты подключишься с ходу. Доктора велели тебе отдыхать. Они считают, что все прошло удачно. Через день-два пойдем на консультацию.

Кейс лег на спину.

— Где мы?

— Дома. В «Дешевом отеле».

— А где Армитидж?

— В «Хилтоне», продает бусы туземцам или что-то в этом роде. Мы скоро уезжаем отсюда. Амстердам, Париж, а потом домой, в Муравейник. — Молли тронула его за плечо. — Ну-ка, перевернись. Я сделаю тебе массаж.

Кейс лег на живот и вытянул вперед руки, пальцы коснулись стенки гроба. Девушка встала над ним на колени, кожаные джинсы холодили ему поясницу. Ее пальцы погладили шею.

— А почему ты здесь, а не в «Хилтоне»?

Вместо ответа, она отвела руку назад и стала легкими круговыми движениями поглаживать ему мошонку. Так продолжалось около минуты, и все это время другая рука продолжала растирать ему шею. Кожаные джинсы негромко поскрипывали в такт ее движениям. Чувствуя, как член твердеет и начинает упираться в поролон, Кейс

немного повернулся.

Боль в голове пульсировала по-прежнему, но шея не была уже такой хрупкой. Кейс приподнялся на локте и перевернулся, затем притянул девушку к себе, стал ласкать языком груди, твердые влажные соски касались его щек. Он нащупал молнию на кожаных джинсах и потянул вниз.

— Я сама, — сказала она, — я же все вижу.

В темноте послышался шорох кожи. Лежа рядом, девушка брыкнулась раз-другой, пока не избавилась от джинсов. Она перебросила через него ногу, и он коснулся в темноте ее лица. Почувствовал неожиданную твердость имплантированных линз.

— Не трогай, — остановила она, — будут следы от пальцев.

Затем она снова встала над ним на колени, взяла его ладонь и положила ее на себя — большой палец вдоль щели между ягодицами, а остальными накрыла влагалище. Когда она начала опускаться, перед его глазами снова пронеслись пульсирующие образы: какие-то лица, мигающие фрагменты неоновых реклам. Затем она опустилась совсем, и его спина судорожно выгнулась. Она стала двигаться вверх-вниз, все быстрее и быстрее, пока они оба не слились в едином оргаз-

ме и ее мокрые, скользкие бедра изо всех сил не сдавили его ноги, и тогда перед его взором вспыхнула слепящая голубизна и время остановилось, как в безграничных просторах матрицы, где образы рвутся в клочья и уносятся ураганом вдаль.

* * *

На Нинсэй все так же танцевала толпа — только чуть менее плотная, как это и бывает в будни. Из аркад и салонов для игры в патинко выплескивались волны шума. Кейс заглянул в «Тац» и, как обычно, среди теплого, наполненного пивными парами полумрака увидел Зоуна, который присматривал за своими девочками. У стойки хлопотал Рац.

— Уэйджа не видел, Рац?

— Сегодня еще нет.

Увидев Молли, бармен демонстративно поднял бровь.

— Если увидишь, то передай, что я хочу отдать долг.

— Что, перемены к лучшему, артист?

— Рано еще говорить.

* * *

— Понимаешь, мне нужно его увидеть. — Кейс смотрел на свое отражение в зеркалах Молли. — Я должен выйти из этого бизнеса.

— Армитиджу очень не понравится, если я отпущу тебя одного. — Молли стояла, подбоченясь, прямо под «тающими часами» Дина.

— При тебе он не станет со мной разговаривать. Насчет Дина я не беспокоюсь, он сам о себе позаботится. Но есть люди, которые от меня зависят, они разорятся, если я так вот просто возьму и уеду из Тибы, не покончив с делами. Они мои партнеры, понимаешь?

Губы Молли твердо сжались. Она помотала головой.

— У меня партнеры в Сингапуре, Токио, Синдзюку и Асакудзе, они же крупно погорят, как ты не можешь понять? — соврал он, положив руку на затянутое в черную кожу плечо. — Пять. Пять минут. Время засечешь по своим часам, хорошо?

— Мне платят, и я должна выполнять инструкции.

— Ну да, тебе платят, и ты выполняешь инструкции. И тебе начхать, что в результате несколько моих лучших друзей сгорят, а может, и вообще

сдохнут.

— Хрень собачья. Друзья у него, видите ли, выискались. Ты просто хочешь, чтобы этот старый прохиндей нас проверил.

Безо всякого уважения к пыльному кофейному столику от Кандинского, Молли водрузила на него ковбойский сапог.

— Послушай, Кейс, это что же такое получается? Твоя напарница вооружена, не говоря уж обо всем этом кремнии в ее голове. В чем, собственно, дело? — Покашливание Дина словно повисло посреди комнаты.

— Подожди, Жюли. Я зайду к тебе один.

— А как же еще, сынок? Ничего другого я и не позволю.

— Ну ладно, — сдалась наконец Молли. — Но только пять минут. Малейшая задержка, и я войду и успокою твоего дружка навсегда. И пока ты будешь с ним, постарайся кое-что понять.

— Что именно?

— Подумай, почему я делаю тебе такую поблажку.

Она круто повернулась и пошла к выходу мимо белых тюков сушеного имбиря.

— Ну и знакомые же у тебя, Кейс, — заметил Дин. — Даже страньше, чем обычно.

— Все, Жюли, она ушла. Теперь-то ты меня впустишь? Ну пожалуйста, Жюли.

Щелкнули магнитные засовы.

— Включил бы ты, Жюли, системы и все эти штуки, которые у тебя в столе, — сказал Кейс, садясь.

— Я их никогда не выключаю, — чуть улыбнулся Дин, выуживая среди разбросанных по столу деталей пишущей машинки револьвер и аккуратно наводя его на Кейса.

«Магнум» с обрезанным по самый барабан стволом, предохранительная скоба вокруг спуска тоже спилена, а рукоятка обмотана грязным скотчем. Оружие совершенно бесполезное на расстоянии свыше десяти метров, да и то целиться нужно в живот. Но уж если попасть в этот самый живот… В розовых наманикюренных руках Дина типичный гангстерский ствол выглядел по меньшей мере странно.

— Пойми, это только предосторожность, — пояснил Дин. — Ничего личного. Ну а теперь говори, что тебе нужно.

— Дай мне урок истории, Жюли. А также сведения об одном человеке.

— А кому это нужно, сынок? — На Дине была веселенькая рубашка в белую и красную полоску

с накрахмаленным, будто фарфоровым, воротничком.

— Мне, Жюли. Я уезжаю. Считай, что уже уехал. Сделай мне одолжение, ладно?

— Кто тебя интересует?

— Один гайдзин, Армитидж, остановился в «Хилтоне».

— Сиди спокойно, Кейс. — Дин положил оружие на стол и быстро нажал несколько клавиш на клавиатуре портативного компьютера. — Похоже, мои информаторы знают не больше твоего. Этот Армитидж вроде бы заключил временное соглашение с якудза, а Сыны Неоновой Хризантемы хорошо прикрывают своих союзников от таких, как я. На их месте я поступал бы точно так же. Ну а теперь об истории. Ты просил об уроке истории. — Он снова взял в руки револьвер, но не стал целиться в Кейса. — Какой именно истории?

— Война. Ты ведь был на войне, Жюли?

— Война? А что там интересного? Она продолжалась три недели.

— «Разящий кулак».

— О, это знаменитая операция. Неужели в школах не учат больше историю? Это был огромный грязный послевоенный политический футбол. Типичный уотергейт, от начала и до конца. Ва-

ши начальнички, а в том числе, Кейс, и ваши муравьиные начальнички, — где они были? В бункерах, все до единого… позорище. Извели уйму молодого, патриотически настроенного пушечного мяса только для того, чтобы опробовать какую-то там новую технологию. Как выяснилось позднее, генералы отлично знали о возможностях обороны русских. Знали и об эм-и — магнитно-импульсном оружии. И все-таки послали ребят: очень уж им хотелось посмотреть, что из этого получится. — Дин пожал плечами. — Устроили для Иванов аттракцион по стендовой стрельбе.

— Уцелевшие были?

— Думаешь, я помню, через столько-то лет?.. Хотя, кажется, кто-то вернулся. Один экипаж. Захватили советскую вертушку. Ну, боевой вертолет. Долетели до Финляндии. Они, конечно, не знали опознавательных кодов, а потому перебили по ходу дела уйму финских вояк. Спецназовцы. — Дин с отвращением фыркнул. — Одним словом, кровь мешками и полный бардак.

Кейс понимающе кивнул. Запах сушеного имбиря едва не валил с ног.

— Я провел войну в Лиссабоне, — продолжал Дин, опуская револьвер на стол. — Хорошее это место, Лиссабон.

— Ты был в армии, Жюли?

— Вот еще. Но и у меня были сражения, да еще какие. — Розовое лицо расплылось в улыбке. — Просто удивительно, насколько война меняет рыночную ситуацию!

— Спасибо, Жюли. За мной должок.

— Не за что, Кейс. Счастливого пути.

* * *

Впоследствии Кейс будет не раз повторять себе, что вечер у «Сэмми» сразу начался как-то странно, что уже тогда, когда они с Молли только шли по коридору, пол которого устилало месиво из билетных корешков и пластмассовых стаканчиков, — уже тогда он это предчувствовал. Словно заранее знал, что Линду убьют…

После визита к Дину они с Молли пошли в «Намбан», где он встретил Уэйджа и вернул долг пачкой полученных у Армитиджа новых иен. Уэйдж обрадовался, его ребята обрадовались не очень, а Молли стояла рядом с Кейсом и опасно улыбалась, явно мечтая, чтобы кто-нибудь сделал неверное движение. Затем они направились в «Тац» выпить.

— Бесполезно, ковбой, — сказала Молли, когда Кейс привычно вытащил из кармана восьми-

угольник.

— Как это? А ты не хочешь? — Он протянул ей таблетку.

— Ты забыл о своей новой поджелудочной и о новых тканях в печени. Армитидж специально поставил их, чтобы избавить тебя от этого дерьма. — Девушка тронула таблетку бордовым ногтем. — Ты теперь биохимически невосприимчив ни к амфетаминам, ни к кокаину.

— Вот же мать твою, — оторопел Кейс. Он с сомнением посмотрел на таблетку, а затем на девушку.

— А ты попробуй. Съешь хоть дюжину. Ничего не почувствуешь.

Кейс так и сделал. И ничего не почувствовал.

После трех кружек пива Молли расспросила у Раца, где можно посмотреть бои.

— У «Сэмми», — коротко ответил тот.

— Это не для меня, — сказал Кейс, — я слышал, они там друг друга даже убивают.

Спустя час Молли купила билеты у тощего тайца в белой футболке и мешковатых спортивных трусах.

«Сэмми» находился недалеко от порта, за оптовым магазином, надувной серый купол с тонкой стальной сетью несущих тросов. Входом служил

примитивный шлюз-коридор, с дверями в обоих торцах, чтобы сохранить избыточное давление, которое поддерживало купол. Помещение освещалось флюоресцентными кольцами, привинченными к фанерному потолку на равных промежутках, правда, большинство из них было разбито. В затхлом воздухе висела густая вонь пота и сырого бетона.

Кейс совершенно не ожидал, что за таким убожеством последуют ярко освещенная арена, многочисленная толпа зрителей, напряженная тишина и огромные, словно сотканные из воздуха, светящиеся фигуры под куполом. Ровные ряды широких бетонных ступеней возвышались над круглым помостом, окруженным тускло поблескивающими зарослями проекционного оборудования. Весь зал окутывал полумрак, только исполинские голограммы высоко под куполом, мерцая и переливаясь, повторяли каждое движение двух мужчин, напряженно кружащих по арене. Повсюду над зрительными рядами поднимались плоские облака сигаретного дыма, они медленно дрейфовали, пока не попадали в потоки воздуха от компрессоров, нагнетавших воздух под купол. В зале не раздавалось ни звука, только приглушенное урчание компрессоров да

многократно усиленное дыхание бойцов.

Мужчины кружили по арене и отражались цветными бликами в «глазах» Молли. Голограммы увеличивали изображение в десять раз, и ножи в руках огромных призраков были почти метровой длины. Кейс вспомнил, что бойцовый нож держат как рапиру: четыре пальца согнуты, большой по лезвию. Оружие словно двигалось само по себе, совершая некую последовательность ритуальных движений, в ожидании, пока кто-нибудь из соперников не допустит ошибку. Задрав голову, Молли следила за перипетиями поединка, ее лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

— Пойду принесу чего-нибудь перекусить, — сказал Кейс; она молча кивнула, завороженная танцем смерти.

Кейсу здесь не нравилось.

Он встал и пошел по темному проходу. Слишком уж тут темно. И слишком тихо.

В зале сидели по большей части японцы. Они не были жителями Ночного Города. Техи из промзоны. Вероятно, посещение данного зрелища одобрил совет по культуре и отдыху какой-нибудь корпорации. Кейс на мгновение представил, что значит проработать всю жизнь в одном дзайбацу. Жилье компании, гимн компании, похороны,

организованные компанией.

Кейс почти обогнул зал, прежде чем нашел лотки с едой. Он купил якитори на палочках и две высокие вощеные коробки пива. Вверху под куполом грудь одного из голографических гладиаторов окрасилась кровью. Кейс не замечал, как густой коричневый соус стекает с палочек ему на пальцы.

Еще семь дней, и он подключится к деке. Если сию секунду закрыть глаза, можно увидеть матрицу.

Тени в зале плясали в такт движениям голограмм.

И вдруг совершенно неожиданно затылком Кейс почувствовал какой-то безотчетный страх. Холодный пот тонкой струйкой побежал по ребрам. Операция прошла неудачно. Ведь он все еще здесь, всего лишь жалкий кусок мяса, и нет никакой Молли, завороженно глядящей на замысловатые траектории сверкающих ножей; нет в «Хилтоне» никакого Армитиджа с деньгами, новым паспортом и билетами. Все это лишь сон, жалкая фантазия. Слезы застлали ему глаза.

Из яремной вены одного из призраков брызнула ярко-алая кровь. Толпа взревела, зрители вскакивали, орали, размахивали руками… А

высоко вверху одна из фигур рухнула навзничь, замерцала и погасла.

В горле застыл сырой рвотный ком. Кейс закрыл глаза, сделал глубокий вздох, снова открыл и вдруг увидел, как мимо идет Линда Ли, в ее серых глазах застыл ужас. На ней был все тот же французский комбинезон.

Ее поглотила глубокая тень.

Как-то машинально он бросил цыплят и пиво и помчался за девушкой. Потом он не мог вспомнить — кричал ли он ей вслед, окликал ли ее по имени.

Откуда-то сбоку и сзади — тончайший луч красного света, вспыхнул и погас. Под тонкими подошвами — грубый, неровный бетон.

Белые кроссовки мелькали где-то впереди, у самой стены зала, и снова резанул по глазам тонкий красный луч.

Кто-то подставил ему ножку. Бетон обжигающе разодрал ладони.

Кейс перекатился, ударил ногой, но не попал. Над ним склонился худощавый блондин с патлатой башкой, окруженной радужным нимбом падающего сзади света. Высоко над сценой голографическая фигура повернулась, воздев нож над головой, к неистовствующей толпе. Белобры-

сый парень ухмыльнулся и вытащил из рукава какой-то предмет. И когда в третий раз блеснул луч лазера, в красном свете мелькнула бритва. Бритва замерла, прицеливаясь к его горлу.

Вдруг лицо нападающего распалось в жужжащее облачко микроскопических взрывов. Игольник Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень издал короткий судорожный хрип и рухнул Кейсу на ноги.

Кейс встал и медленно побрел в сторону лотков, в тень. Ожидая увидеть рубиновую точку лазерного прицела, он взглянул себе на грудь. Ничего. И тут же нашел Линду. Она лежала с закрытыми глазами у основания бетонной колонны. Пахло паленым мясом… Толпа скандировала имя победителя. Торговец пивом протирал свои краны темной тряпкой… Одна белая кроссовка, каким-то образом слетевшая с ноги, почему-то лежала рядом с головой…

Идти вдоль стены. Вдоль бетонного изгиба. Руки в карманы. Ни в коем случае нельзя останавливаться. Идти не останавливаясь. Мимо невидящих лиц — все глаза устремлены вверх, на бестелесного победителя. Вспыхнула спичка, осветив лицо европейца, губы сжимают короткий металлический чубук. Запах гашиша. Кейс

прошел мимо.

— Кейс… — Из самой глубокой тени блеснули два зеркальца. — Ты в порядке?

За ее спиной в темноте что-то хлюпало и булькало.

Он помотал головой.

— Бой закончился, Кейс. Пора домой.

Кейс попытался пройти мимо нее в густую темноту, где кто-то умирал. Молли удержала его рукой:

— Это приятели твоего близкого друга. Они убили твою девушку. В этом городе тебе как-то не везет с друзьями. Мы, когда исследовали тебя, составили частичный профиль этого старого ублюдка. Он за пару нью-иен маму родную пришьет и даже не поморщится. Тот, который валяется там, сказал, что она пыталась продать им файлы из твоего компьютера. Только они решили, что лучше просто убить ее и забрать товар даром. Небольшая, а все-таки экономия. Это рассказал мне тот — с лазером. На тебя они наткнулись совершенно случайно, но мне нужно было проверить. — Губы Молли сжались в тонкую линию.

Кейсу казалось, что в его голове трещат, все заглушая, какие-то помехи.

— Кто, — спросил он, — кто их послал?

Молли протянула ему окровавленный пакет сушеного имбиря. Ее руки тоже были в крови. А в густом полумраке кто-то еще раз булькнул и затих.

* * *

После того как Кейс прошел в клинике заключительный осмотр, они с Молли направились в порт. Армитидж уже ждал. Он зафрахтовал судно на воздушной подушке. Кейс бросил на Тибу последний взгляд и увидел темные угловатые силуэты промзоны. А затем туман плотно окутал черную воду и дрейфующие косяки мусора.

Часть вторая
Поездка за покупками
3

Дома.

А дом — это Муравейник, Столичная Ось Бостон-Атланта, или, короче, СОБА.

Запрограммируйте карту скоростей обмена информации так, чтобы на очень большом экране каждому пикселю соответствовала тысяча мегабайт в секунду. Манхэттен и Атланта вспыхнут сплошным белым светом. Затем, когда скорость обмена перегрузит вашу модель, они начнут пульсировать. Ваша карта перегрелась и готова взорваться. Охладите ее. Возьмите масштаб побольше: миллион мегабайт на пиксель. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начнете различать отдельные кварталы центральной части Манхэттена и существующие вот уже сто лет промышленные зоны, окружающие ядро старой Атланты.

* * *

Кейс проснулся; ему снились аэропорты, он

шел за черной кожанкой Молли через бесконечные переходы Нариты, Схипхола, Орли… И как в каком-то киоске за час до рассвета он купил плоскую пластмассовую бутылку датской водки.

Где-то глубоко в железобетонных корнях Муравейника поезд гнал по туннелю столб застоявшегося воздуха. Состав двигался на магнитной подушке, бесшумно, но сам туннель под действием сжатого воздуха гудел низким, почти инфразвуковым басом. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс; из трещин рассохшегося паркета взвилась пыль.

Он открыл глаза и увидел нагую Молли; их разделял необъятный — не дотянуться рукой — простор новехонького ядовито-розового темперлона. Сверху через зарешеченное, покрытое копотью слуховое окошко просачивался солнечный свет. Часть слухового окошка была заколочена куском ДСП, сквозь него, почти касаясь пола, свисал толстый серый кабель. Лежа на боку, Кейс смотрел, как дышит Молли, смотрел на грудь, на изгиб бедер, очерченных с функциональным изяществом под стать фюзеляжу военного самолета. И все тело было худощавым, стройным, мускулистым, как у танцовщицы.

Комната была большая. Кейс сел. За исключе-

нием огромного розового ложа и двух новых, совершенно одинаковых нейлоновых сумок, здесь не было ровно ничего. Голые стены, никаких окон, кроме слухового в потолке, стальная дверь, выкрашенная белой краской. Стены покрыты бесчисленными слоями белой эмали. Рабочий район. Кейс и раньше знал такие здания и такие комнаты, обычно их обитатели зарабатывали себе на хлеб в «интерзоне» — некой сумрачной, слабо определенной области, где мастерство еще не совсем переходит грань преступления, а преступление не совсем дотягивает до мастерства.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол. Многие паркетины свободно шатались, а некоторые и вовсе отсутствовали. Голова раскалывалась от боли. Кейс вспомнил комнату, в которой они жили в центре Амстердама, в Старом Городе, где возраст зданий исчисляется столетиями. Вспомнил, как Молли вернулась с набережной канала, принесла апельсиновый сок и яйца. Армитидж отсутствовал по каким-то своим тайным делам, и они с Молли отправились мимо площади Дамм в знакомый ей бар на улице Дамрак. Воспоминания о Париже сливались в какое-то мутное пятно. Да, магазины. Молли взяла его в поход по магазинам.

Кейс встал, натянул мятые черные джинсы, лежавшие в ногах, и опустился на колени возле сумок. Первая принадлежала Молли, в ней оказались аккуратно сложенная одежда и какие-то миниатюрные, дорогие с виду приспособления. Во второй лежали книги, кассеты, симстим-дека, одежда с французскими и итальянскими ярлыками; Кейс не мог вспомнить, когда он все это купил. Под зеленой футболкой Кейс нашел что-то небольшое, хитроумно укутанное в японскую оберточную бумагу.

Когда он взял пакет, бумага порвалась, и в щель между паркетинами воткнулась блестящая девятиконечная звезда.

— Сувенир, — сказала Молли. — Я заметила, что ты всегда на них смотришь.

Кейс обернулся и увидел, что она сидит на кровати, скрестив ноги, сонно потягивается, поскребывает живот бордовыми ногтями.

* * *

— Тут придут ставить охранную сигнализацию, — сказал Армитидж.

Он стоял на пороге со старомодным магнитным ключом в руке. Молли варила кофе на крохотной немецкой плитке, которую достала из своей

сумки.

— Я и сама могу, — откликнулась она. — У меня все для этого есть. Инфрасканирующий периметр, сирены…

— Нет, — перебил ее Армитидж и закрыл дверь. — Я хочу, чтобы понадежнее.

— Была бы честь предложена.

На Молли была темная сетчатая футболка, заправленная в черные мешковатые хлопчатобумажные брюки.

— Вы служили когда-нибудь в полиции, мистер Армитидж? — спросил Кейс; он сидел на полу, прислонившись к стене.

Армитидж был одного с ним роста, но имел военную выправку и такие широченные плечи, что казался не у́же той двери, через которую вошел. На нем был темный итальянский костюм, в правой руке — небольшой чемоданчик из мягкой телячьей кожи. Спецназовская серьга исчезла. Аккуратные, но невыразительные черты — стандартная красота дешевых косметических салонов, иными словами — некая амальгама лиц, чаще всего мелькавших на телевизионных экранах в прошедшем десятилетии. Холодный блеск бесцветных глаз только усиливал ощущение лица-маски. Кейс начал сожалеть о своем вопросе.

— Я хотел сказать, многие бывшие спецназовцы подались в копы. Или в охрану, — добавил Кейс, чувствуя себя крайне неуютно; Молли протянула ему кружку дымящегося кофе. — Просто вот это, с моей поджелудочной, сильно смахивает на полицейские штучки.

Армитидж закрыл дверь, пересек комнату и остановился напротив Кейса:

— Тебе крупно повезло, Кейс. Ты должен сказать мне спасибо.

— А за что? — Кейс шумно подул на кофе.

— Ты нуждался в новой поджелудочной. И мы достали тебе такую, которая освободила тебя от опасной зависимости.

— Благодарю, но мне нравилась такая зависимость.

— Вот и хорошо, потому что теперь у тебя появилась новая.

— Это как? — Кейс перевел глаза с кофе на Армитиджа. Тот улыбался:

— В стенки нескольких главных артерий тебе заложили пятнадцать капсул с ядом. Их оболочки растворяются. Медленно, но верно. В каждой капсуле содержится некий микотоксин. Ты уже знаком с его действием. Именно эту отраву вкололи тебе в Мемфисе.

На Кейса смотрела ухмыляющаяся маска. Кейс недоуменно сморгнул.

— У тебя есть время, чтобы выполнить мое задание, но и только. Выполнишь задание, и я введу тебе фермент, который отслоит капсулы, не разрушая их оболочек. Потом тебе сделают переливание крови. В противном случае капсулы растворятся и ты вернешься в то же самое дерьмо, из которого я тебя вытащил. Так что, Кейс, мы тебе нужны… Сейчас ты зависишь от нас не меньше, чем когда мы выгребли тебя из сточной канавы.

Кейс вопросительно посмотрел на Молли. Она пожала плечами.

— А теперь иди к грузовому лифту и принеси коробки, которые там лежат. — Армитидж вручил Кейсу магнитный ключ. — Действуй. Они тебе понравятся, Кейс. Как подарки на Рождество.

* * *

Летом в Муравейнике праздные толпы шумят и колышутся как трава на ветру — поля человеческой плоти, пронизываемые неожиданными вихрями желаний и счастья.

В тусклом солнечном свете Кейс сидел рядом с Молли на краю сухой бетонной чаши

неработающего фонтана; бесконечный поток проплывающих мимо лиц напоминал ему этапы собственной жизни. Сначала прошел малолетка с козырьком над глазами — обыкновенный уличный мальчишка с расслабленными, но всегда готовыми к действию руками, затем подросток с лицом симпатичным и загадочным под красными стеклами очков. Кейс вспомнил, как в семнадцать лет он молча и ожесточенно дрался на крыше среди нежного розового сияния геодезических куполов, озаренных первыми лучами солнца.

Он чуть поерзал: через тонкую ткань брюк отчетливо ощущался холодный шершавый бетон. Ничего похожего на электрический танец улицы Нинсэй. Здесь, среди запахов гамбургеров, духов и молодых загорелых тел, заключались другие сделки, жизнь текла в другом ритме.

А там, на чердаке, его ждала дека — «Оно-Сэндай-Киберспейс-7». Пол усеивали куски белого упаковочного пенопласта, мятые обрывки клеящей ленты и сотни крошечных пенопластовых бусин. «Оно-Сэндай», а также самый дорогой в будущем году компьютер фирмы «Хосака», монитор «Сони», дюжина дисков со льдом корпоративной выделки и кофеварка «Браун». Как только Кейс

одобрил каждую из покупок, Армитидж сразу же ушел.

— Где он остановился? — спросил Кейс у Молли.

— Он любит отели. Большие. По возможности вблизи аэропорта. Слушай, давай пройдемся.

Молли надела старый, с распродажи военных излишков, бронежилет с дюжиной странной формы карманов и огромные темные очки, полностью скрывавшие зеркальные линзы.

— Ты знала раньше про эту хрень с токсином? — спросил Кейс; она помотала головой. — Думаешь, это правда?

— Может, да, а может, нет. Так или иначе, он взял тебя за жабры.

— А нельзя ли как-нибудь проверить?

— Нет, — ответила девушка и одновременно правой рукой сотворила знак «Молчи!». — Изменение слишком тонкое, чтобы выявиться при сканировании. — И снова ее рука сделала знак «Подожди!». — Да и какая тебе разница? Видела я, как ты оглаживал свой «сэндай», это же чистая порнография. — Она расхохоталась.

— А что он всадил в тебя? Что заставляет пахать на него работящую девушку?

— Только профессиональная гордость, ма-

лыш. — И снова она призвала его к тишине знаком. — Слушай, давай позавтракаем. Яичница, натуральный бекон. Отравишься, наверное, ведь ты так долго питался в Тибе лишь переработанным крилем. Давай сядем в «трубу», поедем на Манхэттен и устроим себе настоящий завтрак.

* * *

Потухшая, вся в пыли неоновая вывеска, большие, согнутые из стеклянных трубок буквы: «Метро голографикс». Кейс ковырял в зубах, пытаясь выудить застрявшие кусочки бекона. Он бросил бесполезные попытки узнать, куда и зачем они идут, так как на все вопросы получал только толчки под ребра и молчаливые призывы к тишине. Молли болтала о модах сезона, о спорте, о каком-то политическом скандале в Калифорнии.

Кейс смотрел на безлюдный глухой тупик. По перекрестку катился мятый газетный лист. Густо натыканные купола что-то такое делают с конвекцией, и в Ист-Сайде всегда дуют странные ветры. Кейс посмотрел сквозь окно на безжизненную вывеску. Ее Муравейник — совсем не его Муравейник, решил он. Молли провела его через дюжину баров и клубов, о которых он никогда

не слыхивал, и везде какие-то дела, чаще ограничивающиеся многозначительными кивками. Поддерживание связей.

В тени за «Метро голографикс» что-то двигалось.

Дверь представляла собой лист ржавой жести. Молли молча изобразила рукой запутанную последовательность знаков, которую он почти не понял. Уловил только потирание большого и указательного пальца, означавшее «наличные». Толкнув дверь, она ввела его в какое-то пыльное помещение. Они стояли в просвете среди плотных куч всякого хлама, которые тянулись до самых стен, увешанных полками с ветхими книжками в мягких обложках. Казалось, что хлам этот прямо здесь и вырос, такая себе плесень из металла и пластмассы. Кейс начинал было различать отдельные предметы: внутренности телевизора, столь древнего, что из него торчали пеньки разбитых радиоламп; мятую тарелку спутниковой антенны; коричневую текстолитовую коробку с кусками каких-то ржавых трубок, — но затем все снова слилось в единую массу. Когда Кейс следовал за Молли по узкому каньону среди прессованного мусора, огромная кипа старых журналов вдруг осыпалась на свободный пятачок

и загорелая плоть давно минувших лет вперила незрячие взоры в потолок. За спиною защелкнулась дверь. Кейс не обернулся.

В конце пути поперек туннеля висело ветхое армейское одеяло; когда Молли под него подныр-нула, в глаза ударил поток яркого света.

Одеяло закрывало вход в помещение кубической формы со стенами и потолком, обитыми белым пластиком, пол был покрыт опять же белым кафелем с шершавыми — чтобы не скользила нога — пупырышками. В центре комнаты стоял выкрашенный белой краской квадратный деревянный стол и четыре белых складных стула.

В дверях появился какой-то новый персонаж: одеяло спадало с его плеч на манер мантии, он стоял и щурился на свет. Можно было подумать, что этого человека сконструировали специально для жизни в аэродинамической трубе. Очень маленькие уши плотно прижимались к узкому черепу, а большие передние зубы, показавшиеся, когда его лицо изобразило нечто отдаленно напоминавшее улыбку, косо отклонялись внутрь. Он был одет в ветхую твидовую куртку и держал в левой руке некоторое подобие револьвера. Мужчина всмотрелся в посетителей и спрятал

револьвер в карман. Жестом указал Кейсу на белую, в сантиметр толщиной пластиковую плиту, прислоненную к стене возле входа. Кейс подошел и увидел, что плита сплошь состоит из каких-то электронных схем. Вдвоем с мужчиной они установили ее в дверном проеме.

Желтые от никотина пальцы быстро заклеили панель белым скотчем. Негромко заурчала вентиляция.

— Время, — сказал, выпрямляя спину, мужчина, — отсчет пошел. Ты знаешь тариф, Молл.

— Финн, нам нужно сканирование. На предмет имплантатов.

— Так, встань-ка туда, между пилонами. Наступи на ленту. Распрямись, так. Повернись кругом, выдай-ка мне полные триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как девушка вращается между хрупкими, густо утыканными датчиками стойками. Мужчина вытащил из кармана небольшой монитор и начал его изучать:

— Ага, кое-что новенькое в твоей головке. Кремний… Оболочка из пиролитического углерода… Часики, угадал? Очки те же — низкотемпературный изотропный углерод. Конечно, биосовместимость с пиролитами лучше, но дело твое. То же и с когтями.

— Теперь ты, Кейс. — На белом полу виднелся черный полустертый крест. — Повернись кругом. Медленно…

— Парень девственно чист. — Мужчина пожал плечами. — Дешевенькие зубные протезы — и все.

— А биопробу ты сделал? — Молли расстегнула молнию на зеленом жилете и сняла очки.

— Нахальная ты все-таки девица. С такими запросами шла бы ты в клинику братьев Майо. «Ложись, малыш, на операционный стол, мы сделаем тебе небольшую биопсийку». — Он засмеялся, оскалив желтые зубы. — Ничего нет. Слово Финна, красавчик, у тебя нет ни жучков, ни мозговых бомбочек. Хотите, я сниму защиту?

— Только для того, чтобы ты вышел, Финн. А потом нам нужна полная защита на все время, пока мы здесь находимся.

— Что ж, Финна это устраивает, Молл. Ты ведь платишь по счетчику.

Они запечатали за Финном дверь, Молли развернула белый стул, села на него верхом и положила подбородок на скрещенные руки.

— А теперь поговорим. Это самое надежное место из тех, что мне по карману.

— О чем?

— О том, чем мы занимаемся.

— А чем мы занимаемся?

— Работаем на Армитиджа.

— Ты говоришь по его поручению?

— Нет. Я видела твой профиль. И однажды посмотрела список остальных наших покупок. Ты когда-нибудь работал с покойниками?

— Никогда. — Кейс посмотрел на свое отражение в зеркалах девушки. — Но думаю, смог бы. Я — вполне приличный оператор. — Последняя фраза, произнесенная в настоящем времени, заставила его поежиться.

— Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн умер?

Кейс кивнул:

— Сердце не выдержало.

— Ты будешь работать с его конструктом. — Девушка улыбнулась. — Кажется, это он тебя учил, а? Он и Куайн. Кстати, Куайна я знаю. Тот еще говнюк.

— Значит, у кого-то есть копия с Маккоя Поли? У кого бы это? — Кейс сел и облокотился на стол. — Просто не верится. Ему бы не хватило терпения посидеть спокойно для такой процедуры.

— В «Сенснете» есть. А что до непоседливости, за столько бабла и я бы посидела.

— Куайн тоже умер?

— Если бы. Он в Европе. И нас не волнует.

— Ну что ж, если мы достанем Флэтлайна, то сможем жить спокойно. Он был лучшим. Ты знаешь, что он трижды переживал мозговой коллапс?

Девушка кивнула.

— Энцефалограмма ровная, как по линейке, без малейшего трепыхания.[6] Точно, он сам мне запись показывал: «Смотри, детка, я же был дох-х-хлый!»

— Слушай, Кейс, с тех пор как я работаю на Армитиджа, я все время пытаюсь разнюхать, кто стоит за ним. Но это не какое-то дзайбацу, не правительство и не филиал якудза. Армитиджем командуют. Скажем, кто-то приказывает ему вылететь в Тибу, найти еле живого наркомана и заплатить за его излечение программой. Господи, да если бы мы просто продали эту программу на рынке, то за вырученные деньги могли бы купить двадцать первоклассных ковбоев. Ты, конечно, хорош, но вряд ли настолько…

Она задумчиво почесала нос.

— Судя по всему, кто-то считает, что настолько, — пожал плечами Кейс. — Кто-то очень

---

[6] notes: 6

Игра слов. «Flatline» дословно — «плоская линия». На жаргоне американских медиков этот же термин означает клиническую смерть.

влиятельный.

— Ишь обиделся, — ухмыльнулась Молли. — Да, кстати, вот еще что. Мы сейчас организуем суровый, по полной программе рейд с единственной целью — спереть конструкт Флэтлайна. Библиотечный сейф, куда спрятала его «Сенснет», крепче жопы носорога. Так вот, Кейс, в том же сейфе они держат и все свои новые материалы, приготовленные для осеннего сезона. Это такие деньги — охренеть можно. И вот нате вам — мы берем только Флэтлайна, а остальное не трогаем. Странно.

— Да здесь все странно. Ты странная, эта дыра странная… да, а кто этот странный крольчонок, который остался снаружи?

— Финн, мой старый знакомый. В основном он занимается скупкой краденого. Софтом. Обеспечение секретности — это так, мелкий побочный промысел. Я уговорила Армитиджа взять его к нам техником, поэтому помни: ты его никогда раньше не видел. Усек?

— А что Армитидж засунул в твои вены?

— Со мной все просто. — Девушка улыбнулась. — Хорошо, когда каждый занимается своим делом, верно? Ты сидишь за компьютером — я бью морды.

Кейс задумчиво посмотрел на Молли:

— А что ты знаешь про самого Армитиджа?

— Для начала — никто по имени Армитидж не принимал участия в «Разящем кулаке». Я проверила. Но это ерунда. Он не похож ни на одного из тех парней, которые уцелели. — Молли пожала плечами. — Ну и что? И это все, что я знаю. Но *ты*... — Она побарабанила пальцами по спинке стула. — Ты же ковбой, верно? Я хочу сказать — может, ты сам немного пошустришь? — Она улыбнулась.

— Да он же пришьет меня, и дело с концом.

— Может, пришьет. А может, и не пришьет. Сдается мне, ты ему нужен, и здорово нужен. Кроме того, ты же у нас умница, верно? У тебя получится.

— А что еще в этом списке покупок?

— Игрушки. В основном для тебя. И один психопат по имени Питер Ривьера. Вот уж кто гаденыш так гаденыш.

— Где он?

— Не знаю. Но он точно больной. Я видела его профиль. — Молли состроила гримасу. — Ужас! — Она встала и по-кошачьи потянулась. — Ну что, заключаем союз? Работаем вместе? Как партнеры?

Кейс посмотрел на девушку:
— У меня есть выбор?
— Верно сечешь, ковбой, — засмеялась Молли.

* * *

— Своими корнями матрица уходит в примитивные игровые автоматы, — говорил диктор, — в ранние программы компьютерной графики и в эксперименты военных с черепными разъемами.

На экране монитора «Сони» двухмерная космическая война сменилась густыми зарослями математически генерируемых папоротников, демонстрирующих пространственные возможности логарифмических спиралей; далее следовала холодная синева армейской кинохроники: опутанные проводами лабораторные животные, армейские шлемы, соединенные с системами управления огнем танков и военных самолетов.

— Итак, киберпространство. Это консенсуальная галлюцинация, ежедневно переживаемая миллиардами легальных операторов по всему свету, школьниками, изучающими математические понятия... Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в общечеловеческую сеть.

Невообразимая сложность. Световые лучи в псевдопространстве мозга, кластеры и созвездия данных. Подобно городским огням, отступающим…

— Что это было? — спросила Молли, когда Кейс включил селектор каналов.

— Детская программа.

Селектор перебирал канал за каналом, на экране мелькали бессвязные обрывки передач.

— Выключить! — скомандовал Кейс «Хосаке».

— Ты хочешь попробовать прямо сейчас?

Среда. Восемь дней назад он проснулся в «Дешевом отеле» рядом с Молли.

— Хочешь, я уйду, Кейс? Может, тебе легче одному…

— Да нет. Оставайся, мне все равно, — покачал головой Кейс.

Осторожно, чтобы не сдвинуть плоские дерматроды «Оно-Сэндай», Кейс натянул на голову черный махровый хайратник и на мгновение задумался; вместо пристроенной на колени деки перед его глазами возникла витрина на улице Нинсэй, хромированные сюрикэны, тускло поблескивающие в неоновом свете. Кейс поднял голову: над монитором висел подарок Молли, приколотый к стене желтой кнопкой прямо

сквозь центральное отверстие.

Он закрыл глаза.

Нащупал ребристую клавишу питания.

В темно-кровавом сумраке закрытых глаз, где-то на краю пространства, забурлили серебристые фосфены, мимо понеслись гипнотические образы, похожие на фильм, смонтированный из случайных кадров. Числа, символы, лица — туманная мандала из фрагментов зрительной информации.

Ну же, умолял он, *сейчас…*

Серый, как небо над Тибой, диск.

Пора.

Диск завертелся все быстрее и быстрее, превратился в светло-серую сферу. Сфера начала раздуваться…

И потекла, расцветая переливающимся неоном. Фантастическими фигурами оригами развернулся его не знающий расстояний дом, его страна — прозрачная, объемная, в бесконечность уходящая шахматная доска. Перед внутренним взором возникли изумрудные кубы «Мицубиси», «Банк оф Америка», за ними — алая ступенчатая пирамида Ядерной комиссии Восточного побережья и, наконец, высоко-высоко — едва различимые, вечно недостижимые спиральные рукава воен-

ных систем.

А где-то там, на выкрашенном белой краской чердаке, сидел он, и смеялся, и нежно ласкал деку далекими пальцами, и слезы облегчения текли по лицу.

* * *

Когда Кейс снял дерматроды, Молли уже ушла, а чердак погрузился во тьму. Сколько же это времени? Он провел в киберпространстве целых пять часов. Кейс перенес «Оно-Сэндай» на один из новеньких верстаков, а затем рухнул на постель и накрылся с головой черным шелковым спальным мешком Молли.

Неожиданно дважды прожужжал зуммер охранной системы.

— Запрашивается вход, — произнес металлический голос. — Субъект идентифицирован согласно программе…

— Так впусти его.

Кейс откинул с лица черный шелк и сел, ожидая увидеть Молли или Армитиджа.

— О господи, — произнес чей-то хриплый голос, — я же знаю, что эта сука видит в темноте…

Некая приземистая личность вошла в комнату и закрыла за собой дверь:

— Слушай, давай включим свет, а?

Кейс вылез из постели и нащупал старомодный выключатель.

— Меня зовут Финн, — сказал вошедший, делая предостерегающую гримасу.

— Кейс.

— Ну что ж, бум знакомы. Я вроде как делаю для твоего начальничка всякие там железяки.

Финн вытащил пачку «Партагас» и закурил. Комнату наполнил запах кубинского табака. Финн подошел к верстаку и посмотрел на «Оно-Сэндай»:

— Ширпотреб. Ничего, дело поправимое. Но главное — вот эта штука.

Финн стряхнул пепел на пол, вытащил из кармана плотный, очень грязный конверт, открыл его и вытряхнул на ладонь черную прямоугольную пластинку.

— Проклятые заводские прототипы, — проворчал он и бросил предмет на стол. — Их заливают поликарбоном, да так, что и лазером не вскроешь, не спалив схему. Самоуничтожение от рентгеновских лучей, от ультраскана и еще бог знает от чего. Справимся, конечно, но ведь что они, суки, делают?

Финн аккуратно сложил конверт и спрятал его

в карман.

— Что это?

— В общем-то, переключатель. Если вставить его в твой «Сэндай», ты сможешь включаться в симстим, прямой или в записи, не выходя из матрицы.

— А зачем?

— Сие для меня тайна. Могу лишь сказать, что я приладил к Молл передатчик, так что ты, вероятно, будешь принимать именно ее сенсориум. — Финн поскреб подбородок. — Так что теперь ты совершенно точно узнаешь, жмут ей портки или нет.

4

С дерматродами на лбу Кейс сидел на чердаке и смотрел, как танцуют пылинки в жидком солнечном свете, пробивающемся сквозь решетку окна. В углу монитора шел обратный отсчет.

«Ковбои не включаются в симстим, — думал он, — потому что это игрушка для плоти». Он, конечно, понимал, что его дерматроды и маленькая пластмассовая тиара симстима, считай, одно и то же; что киберпространственная матрица фактически является грубым подобием челове-

ческого сенсориума — по крайней мере, в смысле отображения, однако симстим казался ему не более чем излишним расширением плотских ощущений. Коммерческие записи, естественно, редактировались, так что если у Тэлли Ишем во время съемки вдруг возникала головная боль, то вы ее не чувствовали.

На экране мелькнуло предупреждение о двухсекундной готовности.

Новый переключатель соединялся с «Оно-Сэндай» тонким световодом.

И раз, и два, и…

Сразу со всех сторон на него надвинулось киберпространство. «Довольно гладко, — подумал Кейс, — хотя и недостаточно. Нужно будет поработать…»

Он щелкнул новым переключателем.

Резкий бросок в другое тело. Матрица исчезла, вокруг волны звука и цвета… Молли шла по заполненной людьми улице мимо киосков, торгующих уцененным софтом: цены написаны фломастерами на листах белого пластика, из бесчисленных громкоговорителей несутся обрывки музыки. Запахи мочи, свободных мономеров, духов, жареного криля. Несколько секунд ошеломленный Кейс пытался управлять телом

девушки. Но затем принудил себя к пассивности, стал пассажиром, глядящим на мир ее глазами.

Зеркала ничуть не ослабляли солнечный свет. «Это что, — подумал Кейс, — автоматическая компенсация встроенными усилителями?» В левом глазу, в нижней части периферического поля зрения, голубые мигающие цифры показывали время. Пустое пижонство.

Язык ее тела обескураживал, а уж манера двигаться… Все время казалось, что Молли вот-вот с кем-нибудь столкнется, но люди исчезали с ее пути, отступали в сторону.

— Как жизнь, Кейс?

Он услышал слова и одновременно почувствовал, как Молли их выговаривает. Она сунула руку под курточку и стала поглаживать сосок сквозь теплый шелк. Кейс чуть не задохнулся. Молли засмеялась. Однако связь была односторонней. Ответить он не мог.

Через два квартала Молли вышла на окраину Мемори-лейн. Кейс все время пытался повернуть ее глаза на ориентиры, по которым он сам смог бы запомнить дорогу. Пассивность начала его раздражать.

Кейс щелкнул переключателем и вернулся в киберпространство. Он помчался вдоль

примитивного защитного льда Нью-Йоркской публичной библиотеки, по привычке отмечая потенциальные окна. Затем — снова в сенсориум Молли, в мир острых и сильных ощущений, волнообразного движения мускулов.

Мысли Кейса переключились на саму Молли. Что он знает о ней? Что она тоже профессионал, что ее, как и его, существование неотделимо от работы. И еще он знал, как она придвинулась к нему утром, когда проснулась, как они оба застонали, когда он в нее вошел, и что потом она захотела кофе без сливок…

Целью ее путешествия оказался один из сомнительных комплексов по прокату программ, которых много на Мемори-лейн. Вокруг царили тишина и спокойствие. Центральный зал опоясывали киоски. Клиентура совсем молодая, от двадцати лет и младше. Насколько можно понять, за каждым левым ухом — углеродный разъем, но на такие мелочи Молли не обращала внимания. Под прозрачными пузырями витрин на белых картонках демонстрировались сотни чипов всевозможных цветов и конфигураций. Молли направилась к седьмому киоску вдоль южной стены. Бритоголовый продавец безучастно глядел в пространство, его заушный разъем

щетинился десятком микросхем.

— Ларри, ты как, в себе?

Молли встала прямо перед его носом. Глаза парня сфокусировались. Он выпрямился и грязным ногтем выковырял из разъема ярко-алую занозу.

— Привет, Ларри.

— А, Молли, — кивнул продавец.

— У меня есть работенка кое для кого из твоих друзей.

Парень вынул из кармана красной спортивной рубашки плоскую пластмассовую коробочку, щелкнул крышкой и добавил свою микросхему к дюжине уже лежавших там. Затем после недолгого колебания выбрал блестящий черный чип, чуть подлиннее остальных, и уверенным движением вставил в свободное гнездо. Глаза его сузились.

— У тебя «наездник», Молли, — сказал он. — Ларри это не нравится.

— Надо же, — улыбнулась Молли, — я и не знала, что ты теперь такой… чувствительный. Нет слов. Дорогое ведь удовольствие.

— Разве я с вами знаком, леди? — Глаза парня вновь опустели. — Вы ищете какую-нибудь программу?

— Мне нужны Дикие.

— Ты пришла не одна, Молли. Мне об этом говорит она. — Он постучал по черной микросхеме-«занозе». — Кто-то еще смотрит твоими глазами.

— Это мой партнер.

— Скажи своему партнеру, пусть проваливает.

— У меня есть кое-что для Диких Котов.

— Не понимаю, о чем это вы, леди?

— Кейс, давай отключайся, — сказала Молли; он щелкнул переключателем и снова очутился в матрице. В звенящей тишине киберпространства на несколько секунд повис быстро блекнущий образ торгового комплекса.

— Дикие Коты, — скомандовал Кейс «Хосаке» и снял с головы дерматроды. — Составь обзор минут на пять.

— Готово, — ответил компьютер.

О них Кейс раньше не слышал. Какая-то новая банда; возникла, пока он был в Тибе. Среди молодежи Муравейника увлечения распространялись со скоростью света, целая субкультура могла возникнуть буквально за ночь, просуществовать пару месяцев и сгинуть без следа.

— Давай, — приказал Кейс.

«Хосака» уже просмотрела всю информацию, полученную из библиотек, журналов, от инфор-

мационных служб.

Обзор начался с цветного стоп-кадра, который Кейс вначале принял за коллаж: будто вырезанное по контуру изображение мальчишеского лица наклеили на фотографию испещренной каракулями стены. Монгольский разрез темных глаз, судя по всему — приобретенный искусственно, в результате хирургической операции, на бледных щеках — обильная россыпь угрей. Затем мальчишка стал двигаться со зловещей грацией мима, который изображает крадущегося в джунглях хищника. Тело почти сливалось со стеной, так как по обтягивающему комбинезону струились цветные пятна и линии, почти в точности повторяющие стену, на фоне которой шел мальчик. Мимикрирующий поликарбон.

На экране возникла голова доктора социологии из Нью-Йоркского университета Вирджинии Рамбали; ее имя, специальность и название учебного заведения были написаны в нижней части экрана мигающими розовыми буквами.

— Принимая во внимание их склонность к беспричинным актам чудовищного насилия, — произнес голос за кадром, — нашим зрителям трудно понять, почему вы настаиваете, что данное явление не является разновидностью

терроризма.

Доктор Рамбали снисходительно улыбнулась:

— Всегда есть предел, за которым террорист теряет возможность манипулировать медийным гештальтом. Точка, за которой любая дальнейшая эскалация насилия не меняет медийного гештальта, а сам террорист служит лишь его симптомом. Терроризм, в обычном понимании, неразрывно связан с его медийным образом. Дикие Коты отличаются от обычных террористов степенью самосознания, а также пониманием того, до какой степени СМИ отделяют акт насилия от его изначальных социополитических целей…

— Скипни[7] это, — сказал Кейс.

* * *

Через два дня Кейс встретился с первым в своей жизни Котом. Дикие Коты очень напоминали Великих Ученых времен его собственной молодости. В Муравейнике существовала некая нематериальная юношеская ДНК, которая несла в себе коды различных молодежных увлечений и через произвольные, непредсказуемые про-

---

[7] notes: 7

Жаргон хакеров. Английское слово «skip» означает «пропустить, стереть».

межутки времени воспроизводила их. По сути своей Дикие Коты были компьютеризированным вариантом Великих Ученых. Существуй в те далекие времена соответствующая технология, Ученые вживили бы себе в головы разъемы и стали бы запихивать в них чипы. Важен общий стиль, а стиль остался примерно тем же. Коты были наемниками, нигилистически настроенными технофетишистами и очень любили делать окружающим гадости.

Тот, который появился в дверном проеме чердака с коробкой дискет от Финна, обладал нежным голосом и звался Анжело. Лицо его представляло собой гладкую отвратительную маску, искусственно выращенную из коллагена и полисахаридов (вот на что идут акульи хрящи). Кейс никогда не встречал более отвратного образчика косметической хирургии. И когда Анжело улыбнулся, оскалив острые как бритва клыки крупного хищника, Кейс даже почувствовал некоторое облегчение. Это были зубные трансплантаты. Такое он уже видал.

— А с этими малолетними засранцами надо бы покруче, — заметила Молли.

Кейс, полностью поглощенный структурой сенснетовского льда, согласно кивнул.

То самое оно. То самое, чем он был, кем он был, вся его сущность. Он забыл о еде. Молли оставляла картонки с рисом и пластиковые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда ему даже не хотелось выпускать из рук деку, чтобы воспользоваться химическим туалетом, поставленным в углу. Структуры льда на экране формировались и переформировывались, а он искал в них бреши, обходил самые очевидные ловушки и вычерчивал маршрут, по которому отправится в систему «Сенснета». У них был хороший лед. Великолепный. Эти структуры пылали в его мозгу, пока он лежал в обнимку с Молли и смотрел сквозь стальную решетку слухового окошка на алый рассвет. Первое, что видел Кейс, проснувшись, — это лед, радужные лабиринты его пикселей. Зачастую он направлялся к деке, даже не одевшись, и сразу включался. Он раскалывал лед. Он работал. Он потерял счет дням.

Но иногда перед сном, особенно когда Молли уходила во главе группы Котов на разведку, наплывали образы Тибы. Неон, Нинсэй и лица. Однажды ему приснилась Линда Ли, и затем он долго не мог понять, кто она такая и что она для него значила. А когда вспомнил, то подключился к матрице и проработал девять часов.

На взламывание льда корпорации «Сенснет» ушло девять дней.

— Я просил за неделю. — Армитидж не мог скрыть удовлетворения, когда Кейс продемонстрировал ему план рейда. — Что-то ты не очень торопился.

— Шелуха, — ухмыльнулся Кейс. — Я сделал хорошую работу.

— Конечно, — признал Армитидж. — Только ты не очень-то ликуй. По сравнению с тем, что ты будешь делать потом, — это детские игрушки.

* * *

— Ну ты даешь. Молоток, Мама Кошка, — прошептал связник Диких Котов. Голос, звучавший в наушниках Кейса, едва пробивался сквозь треск помех.

— Атланта, Стая. Вроде пора. Пора, ясно? — Голос Молли был слышен чуть лучше.

— Слушаю и повинуюсь.

Коты установили в Нью-Джерси самодельную спутниковую антенну, чтобы отражать кодированные сообщения связника от спутника «Сыны Иисуса Христа Царя Мира», висевшего над Манхэттеном на геостационарной орбите. Они решили провести всю операцию как сложный розыг-

рыш и выбрали именно этот спутник совсем не случайно. Молли вела передачу при помощи метровой тарелки, приклеенной эпоксидкой на крыше банковского небоскреба, почти такого же высокого, как здание «Сенснета».

Атланта. Использовался крайне простой опознавательный код. От Атланты к Бостону, затем к Цинциннати и Денверу, по пять минут на каждый город. Если бы кому-нибудь вдруг удалось перехватить сигнал, расшифровать его и синтезировать голос Молли, то код позволил бы Котам сразу распознать подделку. Ну а если Молли проведет в здании больше двадцати минут, крайне сомнительно, что она вообще оттуда выйдет.

Кейс проглотил остатки кофе, укрепил дерматроды, задрал черную футболку и почесал грудь. Он весьма туманно представлял себе, что придумали Коты, чтобы отвлечь внимание охраны. У него было свое дело: следить за тем, чтобы программа, которую он написал, оказалась в системе «Сенснета» в тот момент, когда это понадобится Молли. Он смотрел на обратный отсчет времени в углу экрана. Два. Один.

Кейс вошел в матрицу и активировал программу. Он начал погружаться в сияющие слои сенснетовского льда, и связник прошептал един-

ственное слово:

— Пошел.

«Ага, прекрасно. А как там Молли?» Кейс включил симстим и очутился в ее сенсориуме.

Скремблер слегка размывал картинку. Девушка стояла в широком светлом коридоре перед большим, во всю стену, зеркалом, жевала резинку и любовалась собственным отражением. Если бы не огромные солнцезащитные очки, скрывавшие ее зеркала, она выглядела бы довольно заурядно — очередная туристочка, мечтающая хоть одним глазком взглянуть на Тэлли Ишем. На Молли были розовый пластиковый плащ, белая в сеточку футболка и свободные белые брюки — последний писк прошлогодней токийской моды. Она беззаботно улыбнулась и выдула резиновый пузырь. Кейс чуть не расхохотался. Он отчетливо ощущал радиопередатчик, симстим и скремблер, примотанные к телу девушки широкой эластичной лентой. Ларингофон выглядел как обезболивающий дермадиск. Ее руки в карманах розового плаща постоянно сжимались и разжимались, чтобы снять напряжение. Только через несколько секунд Кейс догадался, что особые ощущения в кончиках пальцев вызывались лезвиями, которые то слегка выдвигались, то

задвигались обратно.

Он вернулся в киберпространство. Программа преодолела пятые ворота. Он смотрел, как перед ним чуть прерывисто двигался ледокол, и, почти не ощущая играющих на деке пальцев, вносил последние поправки. Полупрозрачные цветные плоскости перетасовывались, как карты в руках фокусника.

«Выберите любую карту», — вспомнил Кейс.

Ворота остались позади. Кейс засмеялся. Система «Сенснет» восприняла его рейд как обычную пересылку данных из своего филиала в Лос-Анджелесе. Он проник внутрь. Позади него отпочковались вирусные программы, которые изменили входной код ворот и приготовились отклонить настоящую передачу данных из Лос-Анджелеса, буде таковая последует.

Кейс снова подключился к Молли. Девушка неторопливо проходила мимо огромной круглой стойки администратора в дальнем конце коридора.

Встроенные в зрительный нерв часы показывали 12:01:20.

* * *

Команду «Пошел» связник в Джерси выдал ровно в полночь по Моллиным часам. Девять Котов, разбросанные по двум сотням миль Муравейника, одновременно набрали в телефонах-автоматах аварийный номер. Каждый прочитал короткий, заранее составленный текст, повесил трубку, сдернул с рук хирургические перчатки и растворился в ночи. Девять различных полицейских управлений и служб общественной безопасности получили сигналы о том, что неизвестная группировка воинствующих христиан-фундаменталистов взяла на себя ответственность за впрыскивание большого количества психоактивного вещества «Синий-9» в вентиляционную систему пирамиды «Сенснета». Это вещество, известное в Калифорнии под названием «Тяжкий ангел», было способно вызвать острую паранойю и жажду убийства у восьмидесяти пяти процентов людей, подвергшихся его воздействию.

* * *

Проследив, как программа преодолела ворота

подсистемы, которая контролировала безопасность научной библиотеки «Сенснета», Кейс щелкнул симстим-переключателем… Она входила в лифт.

— Извините, вы сотрудница учреждения? — удивленно поднял брови охранник.

Молли выдула пузырек жевательной резинки.

— Нет, — ответила она, погружая костяшки правого кулака в солнечное сплетение мужчины; охранник согнулся пополам, судорожно хватаясь за подвешенный к брючному ремню сигнал, но Молли ударила еще раз, и его голова врезалась в стенку лифта.

Двигая челюстями чуть побыстрее, она нажала светящуюся кнопку «Закрывание дверей», а затем «Стоп». Вытащила из кармана плаща черную коробочку и вставила отвод от нее в замочную скважину щита сигнализации.

* * *

Дикие Коты выждали четыре минуты, пока не сработает первое сообщение, а потом вбросили очередную порцию тщательно продуманной дезинформации. На этот раз ее передали прямо по внутреннему телевидению здания «Сенснета».

С 12:04:03 все экраны компании мигали в

течение восемнадцати секунд с частотой, вызывающей припадок у склонных к эпилепсии. Затем экраны заполнило нечто, лишь весьма приблизительно напоминавшее человеческое лицо. Жуткая маска, натянутая на асимметричные кости, напоминала непристойную меркаторову проекцию. Уродливо дергалась перекошенная нижняя челюсть, влажные синие губы то смыкались, то размыкались. Какой-то красноватый пучок узловатых корней, изображавший, вероятно, руку, потянулся к зрителям, задрожал и исчез. Потом с умопомрачительной быстротой замелькали кадры диверсии: схема водоснабжения здания, руки в резиновых перчатках возятся с какими-то колбами, что-то летит в темноту и слабо вспыхивает… Одновременно с изображением по звуковому каналу почти с удвоенной скоростью прокручивали месячной давности сообщение, в котором рассказывалось о возможном применении в военных целях вещества «Эйч-эс-Джи», влияющего на рост скелета. Сверхдозы «Эйч-эс-Джи» увеличивали скорость роста костных клеток в десять раз.

На 12:05:00 в зеркальных стенах консорциума «Сенснет» находилось свыше трех тысяч служащих. В пять минут пополуночи, когда после

передачи, организованной Дикими Котами, экраны засветились ровным белым светом, пирамида «Сенснета» наполнилась воем.

Полдюжины тактических вездеходов нью-йоркской полиции, прекрасно понимавшей, чем грозит запуск «Синего-9» в вентиляционную систему здания, на воздушной подушке приближались к пирамиде «Сенснета». Они мигали всеми своими мигалками. С площадки на крыше Рикеровского центра поднялся вертолет сил быстрого реагирования СОБА.

* * *

Кейс запустил вторую программу. Тщательно разработанный вирус атаковал структуру кодов, скрывающую пароли входа в подвальные лаборатории «Сенснета».

— Бостон, — донесся голос Молли, — я внизу.

Кейс перешел в симстим и очутился перед глухой стенкой лифта. Молли расстегивала белые штаны. На ее лодыжке бугрился, сливаясь по цвету с кожей, объемистый сверток. Молли опустилась на колени, сорвала эластичную ленту и развернула комбинезон, точно такой же, как у Диких Котов; по мимикрирующему поликарбону заплясали бордовые молнии. Молли сняла розо-

вый плащ, бросила его рядом с белыми штанами и начала натягивать комбинезон поверх белой футболки.

12:06:26.

Вирус прорубил лед командного файла библиотеки. Кейс вошел внутрь и очутился в бесконечном синем пространстве, среди цветных сфер, расположенных в узлах частой светло-голубой решетки. В псевдопространстве матрицы интерьер любого конструкта данных обладает бесконечной субъективной размерностью; присоединив свой «Сэндай» к детскому калькулятору, Кейс увидел бы безбрежные провалы небытия и развешенные кое-где считаные основные команды. Кейс стал набирать последовательность кодов, которую Финн купил у одного опустившегося сараримена с серьезными наркотическими проблемами. Он заскользил среди сфер, словно следуя по невидимой трассе.

Здесь. Вот оно.

Кейс вошел внутрь сферы, и его окружила холодная неоновая голубизна, похожая на замерзшее стекло; затем он запустил программу, которая внесла определенные изменения в пароли входа.

Теперь наружу. Так, двигаемся осторожно, ви-

рус тщательно заделал окно.

Готово.

* * *

В коридоре здания «Сенснета», за низким прямоугольным цветником, сидели два Диких Кота; они снимали переполох на видеокамеру. Оба были в маскировочных костюмах-хамелеонах.

— Тактические силы уже набрызгивают пенные баррикады, — комментировал происходящее в ларингофон один из операторов. — А силы быстрого реагирования все еще пытаются посадить свой вертолет.

* * *

Кейс щелкнул симстим-переключателем и почувствовал страшную боль в сломанной кости.

Молли судорожно дышала, привалившись к глухой серой стене какого-то длинного коридора. Кейс немедленно вернулся в матрицу, и невыносимо жгучая боль в левом бедре тут же пропала.

— Алло, Стая, в чем там дело? — спросил он у связника.

— Не знаю, Взломщик. Мама не отвечает. Подожди.

Кейс зациклил программу. Между очертаниями ледокола и заделанным окном протянулась тончайшая ярко-красная нить. Ждать больше нельзя. Кейс глубоко вздохнул и включил симстим.

Пытаясь держаться за стену, Молли сделала шаг. Кейс застонал от боли. Вторым шагом она переступила через чью-то неестественно вывернутую руку. На рукаве форменного кителя — яркое пятно крови. Блеснула разбитая вдребезги стекловолоконная дубинка. Поле зрения сузилось, превратилось в узкий туннель. После третьего шага Кейс взвыл и переключился в матрицу.

— Стая? Бостон, малыш… — Голос звенел от боли и напряжения. Молли закашлялась. — Небольшая трудность с туземцами. Один из них сломал мне ногу.

— Что нужно делать, Мама Кошка? — Голос связника почти терялся в помехах.

Кейс заставил себя включиться в сенсориум Молли. Перенеся весь свой вес на правую ногу, она опиралась на стену. Девушка порылась в нагрудном кармане, вытащила пластиковую упаковку с разноцветными дермадисками, выбрала три зеленых и сильно прижала их к левому запястью. Шесть тысяч микрограммов синтетиче-

ского эндорфина обрушились на боль и разнесли ее вдребезги. Молли судорожно выгнулась, на ее бедра накатили волны тепла. Она вздохнула и медленно расслабилась:

— Все в порядке, Стая. Теперь нормально. Когда я выйду, мне потребуется медицинская помощь. Сообщите моим людям. Взломщик, я в двух минутах от цели. Ты продержишься?

— Передайте ей: я внутри и продержусь, — сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Один раз она оглянулась, и Кейс увидел на полу три изуродованных тела охранников «Сенснета». У одного из них вроде бы не было глаз.

— Полиция заблокировала первый этаж, Мама Кошка. Пенные заграждения. В холле становится довольно забавно.

— Здесь тоже не скучно, — ответила Молли, открывая стальную двустворчатую дверь. — Я почти на месте, Взломщик.

Кейс переключился в матрицу и сорвал со лба дерматроды. С него капал пот. Он вытер полотенцем лоб, торопливо глотнул из велосипедной фляжки и посмотрел на карту библиотеки, горевшую на экране. Пульсирующий красный курсор прополз через дверь. До зеленой точки, обозна-

чавшей конструкт Дикси Флэтлайна, остались какие-то миллиметры. Страшно подумать, во что превратится нога Молли в результате этой прогулки. После такой дозы эндорфина она смогла бы, пожалуй, идти даже на кровоточащих культяпках. Кейс подтянул нейлоновые ремни, крепившие его к стулу, и вернул контакты на место.

Это стало уже рутиной: троды, матрица, выход в симстим.

В научном архиве «Сенснета» хранились материальные носители, информацию нельзя было перекачать в компьютер, ее нужно было взять руками и унести. Молли ковыляла между рядами серых одинаковых шкафов.

— Стая, передай ей: пять вперед и десять налево, — сказал Кейс.

— Пять вперед и десять влево, Мама Кошка, — повторил связник.

Молли повернула налево. Насмерть перепуганная библиотекарша, с круглыми от ужаса глазами на посеревшем лице и мокрыми трясущимися щеками, вжалась в щель между шкафами. Молли даже не удостоила ее взглядом. Интересно, каким образом Диким Котам удалось вызвать такую панику? Молли говорила о какой-то липовой

угрозе, но Кейс был слишком занят исследованиями льда, чтобы вслушиваться в объяснения.

— Этот, — сказал Кейс, но Молли и сама уже остановилась перед нужным шкафом. Своими очертаниями тот напоминал новоацтекские книжные стеллажи в приемной Джулиуса Дина.

— Ну, Взломщик, давай, — сказала Молли.

Кейс переключился в киберпространство и послал по алой нити, пронизывавшей лед библиотеки, команду. Пять независимых охранных систем пребывали в полной уверенности, что они работают. Три хитрых замка деактивировались, но продолжали считать себя запертыми. А в основной базе данных библиотеки появилась запись, что конструкт был выдан месяц тому назад по вполне законному распоряжению. А если библиотекарь попробует выяснить, по чьему именно распоряжению был он выдан, то обнаружит, что нужный файл стерт.

Дверь шкафа бесшумно отворилась.

— Номер ноль сорок шесть семьдесят восемь тридцать девять.

Молли вынула из стойки предмет, напоминавший магазин тяжелой штурмовой винтовки. Его черная матовая поверхность была испещрена предупреждающими надписями и значками

уровня секретности.

Молли закрыла дверь шкафа, и Кейс перешел в киберпространство.

Он вытянул алую линию изо льда, она рывком вернулась в программу, и тут же пошло самовосстановление системы. Ледокол начал пятиться наружу, собирая подпрограммы, оставленные возле каждых ворот, которые тут же за ним захлопывались.

— Все, Стая, — сказал Кейс и обмяк на стуле.

После рейда, после напряжения последнего получаса он мог оставаться в матрице и одновременно чувствовать свое тело. Пройдет, вероятно, много дней, прежде чем в «Сенснете» обнаружат пропажу конструкта. Ключом может послужить сбой при приеме информации из Лос-Анджелеса, слишком уж точно совпавший по времени с переполохом. Вряд ли трое охранников, с которыми Молли столкнулась в коридоре, выживут и смогут рассказать о случившемся. Кейс перешел в симстим.

Лифт, заблокированный черной коробочкой, оставался на прежнем месте. Охранник все так же лежал на полу. Кейс только сейчас увидел у него на шее дерм. Явно Молли поставила — чтобы не очнулся раньше времени. Она перешагнула

через охранника, вытащила блокировку и нажала кнопку «Вестибюль».

Дверь с шипением открылась, и сразу же толпа, бушевавшая в холле, выбросила из себя женщину; женщина задом влетела в лифт, ударилась затылком о стену и осела. Не обращая на нее внимания, Молли сняла с шеи охранника дерм. Затем вышвырнула из лифта белые брюки и розовый плащ, бросила сверху темные очки и натянула на лоб капюшон комбинезона. Конструкт тяжело оттягивал нагрудный карман. Молли вышла из лифта.

Кейс и раньше видел панику, но только не в замкнутом пространстве.

Служащие «Сенснета» выскакивали из лифтов и бросались к главному выходу, где их встречали пенные баррикады тактических сил и ружья (те самые, с «желейными» пулями, как у Раца), подразделения быстрого реагирования. Два ведомства, убежденные, что сдерживают орду потенциальных убийц, действовали на удивление слаженно. Баррикады перед разбитыми стальными дверями на улицу в три слоя были завалены человеческими телами. Звонкие хлопки ружей методично аккомпанировали реву толпы, метавшейся по мраморному полу. Кейс в жизни

ничего подобного не видел.

Молли, по-видимому, тоже.

— Господи, — сказала она и на мгновение остановилась.

Истерические рыдания сотен людей сливались в булькающий вой дикого, безрассудного ужаса. Пол усеивали тела, одежда и длинные мятые рулоны желтых распечаток.

— Давай, сестренка, на выход.

Глаза двоих Котов смотрели на нее из круговерти оттенков, бушевавшей на поликарбоне: костюмы не поспевали за скоростью, с которой вокруг менялись цвета и формы.

— Тебе больно? Давай. Томми поведет тебя.

Томми передал говорившему видеокамеру, обернутую поликарбоном.

— Цинциннати, — сказала Молли, — я выхожу.

А затем она стала падать, но не на мраморный пол, скользкий от крови и блевотины, а в какой-то теплый, уютный колодец, в темноту и в тишину.

* * *

Вожак Диких Котов, который представился как Люпус Мудеркинд, носил поликарбоновый костюм с памятью, позволявшей воспроизводить по желанию любой фон. Он сидел, словно некая

наисовременнейшая горгулья, на краю стола, глядя на Кейса и Армитиджа из-под надвинутого на глаза капюшона, и улыбался. Волосы у него были розовые. За левым ухом, по-кошачьи заостренным и покрытым розовой шерстью, щетинился радужный лес микрочипов. Что-то было сделано и с его глазами, они светились как у самого настоящего кота. Костюм его медленно менял текстуру и цвет.

— Ты выпустил ситуацию из-под контроля, — сказал Армитидж.

Он стоял посреди чердака, словно статуя, задрапированная в темные шелковистые складки дорогого плаща.

— Хаос, мистер Как-вас-там, — пожал плечами Люпус Мудеркинд. — Это наш стиль и образ жизни. Наш главный прикол. Ваша женщина знает об этом. Мы договаривались с ней. А не с вами, мистер Как-вас-там.

Костюм парня покрылся диким угловатым орнаментом, бежевым на светло-зеленом фоне.

— Она нуждалась в медицинской помощи. Теперь она у врачей. Мы постережем ее. Все в порядке.

Парень снова улыбнулся.

— Заплати ему, — сказал Кейс.

Армитидж сверкнул на него глазами:

— Мы не получили товар.

— Он у вашей женщины, — сказал Мудеркинд.

— Заплати ему.

Армитидж неохотно подошел к столу и вытащил из карманов плаща три толстые пачки новых иен.

— Хочешь пересчитать? — спросил он Мудеркинда.

— Нет, — ответил Дикий Кот. — Вы меня не кинете. Вы ведь мистер Как-вас-там. Вы заплатите, чтобы остаться мистером Как-вас-там. Чтобы не стать мистером Таким-то.

— Надеюсь, это не угроза, — сказал Армитидж.

— Это бизнес, — ответил Мудеркинд, засовывая деньги в нагрудный карман.

Зазвенел телефон. Кейс снял трубку.

— Молли, — сказал он, передавая трубку Армитиджу.

* * *

Когда Кейс покинул здание, геодезические купола Муравейника светились предрассветной серостью. Конечности замерзли и плохо слушались. Кейс не мог заснуть. Его вконец достал этот чердак. Сначала ушел Люпус, затем Армитидж,

а Молли валялась в какой-то хирургической клинике. Где-то в глубине промчался поезд, и под ногами задрожала земля. В отдалении завыли сирены.

Ссутулив обтянутые новой кожаной курткой плечи, подняв воротник, Кейс брел наугад и бросал очередной окурок только для того, чтобы зажечь новую сигарету. Он пытался представить себе, как стенки ядовитых капсул Армитиджа вот прямо сейчас растворяются, становятся с каждым шагом все тоньше. Картина казалась ирреальной. Такой же ирреальной, как ужас и страдание, которые он видел в вестибюле «Сенснета» глазами Молли. Кейс попытался вспомнить лица тех троих, которых убил в Тибе. Мужчины не вспоминались, а женщина была похожа на Линду Ли. Мимо протарахтел трехколесный грузовой мотороллер с зеркальными стеклами кабины, в кузове погромыхивали пустые пластиковые цилиндры.

— Кейс.

Он бросился в сторону и инстинктивно прижался спиной к стене.

— Хочу кое-что тебе передать.

Костюм Люпуса Мудеркинда переливался чистыми основными цветами.

— Пардон, не хотел тебя пугать.

Держа руки в карманах куртки, Кейс выпрямился во весь рост. Он оказался на голову выше Кота.

— Ты бы поаккуратнее, Мудеркинд.

— Всего одно слово. Уинтермьют.

— От тебя? — Кейс шагнул вперед.

— Да нет же, — возразил Мудеркинд. — Тебе.

— От кого?

— Уинтермьют, — повторил Дикий Кот и кивнул копной розовых волос.

Его костюм стал тускло-черным, угольная тень на обшарпанном бетоне. Он взмахнул черными худыми руками, словно исполняя па какого-то странного танца, и исчез. Нет. Еще стоит. Розовые волосы скрыты капюшоном, костюм стал серым и пятнистым, точно в тон тротуару. В глазах отражается красный огонь светофора. А затем он и вправду исчез.

Кейс прислонился к ободранной кирпичной стенке, закрыл глаза и помассировал веки окоченевшими пальцами.

На тротуарах Нинсэй все было гораздо проще.

5

Медицинская бригада, которая лечила Молли, занимала два этажа неприметного кондоминиума в старом центре Балтимора. Здание состояло из модулей на манер увеличенной версии «Дешевого отеля», только с гробами по сорок метров в длину. Кейс встретил Молли на выходе из модуля, украшенного табличкой с затейливо выведенной надписью: «ДЖЕРАЛЬД ЦЗИНЬ. ДАНТИСТ». Девушка хромала.

— Он говорит, если я пну что-нибудь, нога отвалится.

— Я тут наткнулся на одного твоего дружка, — сказал Кейс. — На Кота.

— И кто же это был?

— Люпус Мудеркинд. Он принес мне записку.

Кейс передал Молли бумажную салфетку, на которой аккуратными заглавными буквами красным фломастером были выведено слово «УИНТЕРМЬЮТ».

— Он сказал…

Девушка сделала ему знак замолчать:

— Поедим лучше крабов.

* * *

После ланча, в процессе которого Молли препарировала краба с пугающей легкостью, они сели в «трубу» и поехали в Нью-Йорк. Кейс не задавал вопросов: какой смысл, если в ответ получаешь только знак замолчать. Похоже, у Молли серьезно побаливала нога, и она редко подавала голос.

Худенькая чернокожая девочка с туго вплетенными в волосы деревянными бусами и старинными резисторами открыла дверь в убежище Финна и повела их по узкому проходу, петлявшему среди гор хлама. Кейсу показалось, что хлам вроде как вырос за время их отсутствия. Или, скорее, за прошедшее время он слегка изменился и преобразился; тихие невидимые хлопья сгущались и оседали, кристаллическая сущность заброшенной технологии, тайно процветающая на помойках Муравейника.

По ту сторону армейского одеяла за белым столом их ждал Финн.

Молли быстро зажестикулировала, вытащила клочок бумаги, что-то на нем написала и протянула Финну. Тот взял его двумя пальцами вытянутой руки, держа подальше от себя, как будто что-то опасное, способное взорваться. За-

тем Финн сделал какой-то непонятный Кейсу жест, выражавший смесь нетерпения и мрачной покорности. Он встал из-за стола и стряхнул крошки с лацканов мятого твидового пиджака.

На столе рядом с надорванной пластиковой пачкой галет и жестяной пепельницей, полной окурков «Партагаса», стояла банка с маринованной селедкой.

— Подождите, — бросил Финн и вышел из комнаты.

Молли села на его место, выпустила лезвие указательного пальца и подцепила сероватый пласт сельди. Кейс бесцельно бродил по комнате, трогая по пути смонтированные в стойках сканирующие приборы.

Через десять минут Финн стремительно вернулся и обнажил желтые зубы в широкой улыбке. Он кивнул, показал Молли большой палец и жестом попросил Кейса помочь ему с дверной панелью. Пока Кейс закреплял скотчем дверь, Финн вынул из кармана маленькую плоскую клавиатуру и набрал сложную последовательность символов.

— Дорогуша, — обратился он к Молли, убирая клавиатуру, — на этот раз тебе действительно повезло. Без балды, я это нюхом чую. Ты можешь мне сказать, откуда у тебя это?

— Мудеркинд, — тихо ответила Молли, отодвигая галеты и селедку. — Я заключила побочную сделку с Ларри.

— Здо́рово, — восхитился Финн. — Ну так вот, это ИскИн.

— Нельзя ли чуть попонятнее, — проворчал Кейс.

— Берн, — сказал Финн, не обращая на него внимания. — Он находится в Берне. Получил ограниченное швейцарское гражданство согласно закону, аналогичному нашему акту от пятьдесят третьего года. Построен для «Тессье-Эшпул СА».[8] Им принадлежит и железо, и исходное программное обеспечение.

— Что там такое в Берне? — Кейс встал прямо между ними.

— Уинтермьют — опознавательный код ИскИна. У меня есть номера Регистра Тьюринга. ИскИн — искусственный интеллект.

— Все это прекрасно, — вставила Молли, — но при чем тут мы?

— Если Мудеркинд не ошибается, — сказал Финн, — то за спиной Армитиджа стоит Уин-

---

[8] notes: 8

СА — сокращение от французского словосочетания «Сосьете Аноним». Означает то же самое, что и английское слово «Лимитед», то есть «Общество с ограниченной ответственностью».

термьют.

— Коты занялись этим делом по моему поручению, — объяснила Молли недоумевающему Кейсу. — У них бывают самые странные и неожиданные источники информации. Договаривалась я через Ларри на четких условиях: плачу, если они узнают, кто стоит за Армитиджем.

— И ты думаешь, что за ним стоит этот самый ИскИн? Но ведь этим штукам не позволена никакая автономия. Тут уж скорее корпорация, о которой ты говорила. «Тессле…»

— «Тессье-Эшпул СА», — подсказал Финн. — Могу рассказать вам про них одну историю. Хотите послушать? — Он сел к столу и подался вперед.

— Финн, — заметила Молли, — обожает рассказывать истории.

— Эту я еще никому не рассказывал, — начал Финн.

* * *

Финн был барыгой, в основном по части краденых программ. Естественно, он иногда встречался с другими барыгами, часть которых занималась более традиционными товарами. Драгоценными металлами, марками, редкими монетами, самоцветами, ювелиркой, а также живописью и

прочими произведениями искусства. История, рассказанная им, начиналась с человека по фамилии Смит.

Такой же барыга, Смит в более урожайные времена выступал торговцем предметами искусства. Первый знакомый Финна, «двинувшийся на кремнии» (выражение, на взгляд Кейса, несколько старомодное), он покупал микросхемы исключительно «по специальности» — искусствоведение и аукционные каталоги. Вставив в черепной разъем дюжину чипов, он приобретал необъятные, по меркам коллег, познания в области искусства и торговли оным. Однажды Смит пришел к Финну, можно сказать, за братской помощью, как бизнесмен к бизнесмену. Ему потребовалось навести справки о клане Тессье-Эшпул, но так, чтобы те никогда об этом не узнали. Финн ответил, что это вполне возможно, но потребовал разъяснений.

— Понимаешь, — пояснил он Кейсу, — дело определенно пахло деньгами.

Смит был крайне осторожен. Даже слишком.

Как выяснилось, Смита обслуживал поставщик по имени Джимми. Он занимался квартирными кражами и другими столь же благородными делами; он только что вернулся на Землю после

года, проведенного на высокой орбите, и привез домой, на дно гравитационного колодца, некоторые любопытные вещицы. Наиболее необычным предметом из тех, что Джимми удалось раздобыть в своих гастролях по архипелагу, оказалась голова — платиновый бюст, покрытый перегородчатой эмалью и усыпанный мельчайшим жемчугом и ляпис-лазурью. Смит печально вздохнул, убрал карманный микроскоп и посоветовал Джимми расплавить голову. Новодел, коллекционной ценности не представляет. Джимми рассмеялся. «Это, — сказал он, — компьютерный терминал. Она умеет говорить. И не каким-нибудь там синтезированным голосом, а с помощью миниатюрных органных труб, мехов, рычагов и прочих прибамбасов». Трудно сказать, кому и зачем понадобилось делать такую изощренную игрушку. Даже извращенную — ведь чипы, синтезирующие голос, продаются на каждом углу, цена им пятачок пучок. Типичный кунштюк. Смит подключил голову к своему компьютеру, и мелодичный нечеловеческий голос зачитал ему цифры прошлогодней декларации о доходах.

Среди клиентов Смита был токийский миллиардер, чья страсть к механическим игрушкам граничила с фетишизмом. Смит пожал плечами

и развел руками в жесте, древнем, как ломбарды и лавки старьевщиков. Конечно, он постарается, но вряд ли за голову можно много выручить.

Когда Джимми оставил бюст и ушел, Смит начал его тщательно исследовать и нашел клейма мастеров. Оказалось, что голова — плод более чем неожиданного сотрудничества двух цюрихских ремесленников, парижского художника-эмальера, датского ювелира и калифорнийского разработчика микросхем. А изготовлена она по заказу «Тессье-Эшпул СА».

Смит стал осторожно намекать токийскому коллекционеру, что имеет нечто, заслуживающее внимания.

А затем к нему пришел некий не представившийся посетитель, который преодолел сложную систему безопасности с такой легкостью, словно ее и вовсе не существовало. Маленький, дико вежливый японец имел все признаки искусственно выращенного ниндзя-убийцы. Смит сидел за полированным столом из вьетнамского розового дерева и как завороженный глядел в спокойные карие глаза смерти. Мягко, почти извиняясь, клонированный убийца объяснил, что в его обязанности входит найти и вернуть некое произведение искусства, механизм ис-

ключительной красоты, который взяли из дома хозяина. До его сведения дошло, что Смит знает о местонахождении упомянутого предмета.

Смит объявил, что не хочет умирать, и выставил голову на стол. «А какую сумму вы ожидали выручить от продажи предмета?» — спросил посетитель. Смит назвал сумму намного ниже той, которую хотел запросить за голову. Ниндзя вынул кредитный чип и перевел эту сумму с номерного швейцарского счета на счет Смита. «А кто, — спросил японец, — принес вам эту вещь?» Смит ответил. Через несколько дней он узнал, что Джимми умер.

— Вот тут-то на сцену и вышел я, — продолжал Финн. — Смит знал, что я свой в тусовке с Мемори-лейн и что именно туда нужно идти, дабы, не поднимая лишнего шума, раздобыть о ком-нибудь сведения. Я нанял ковбоя. Как посредник, я получал определенный процент. Смит был предельно осторожен. Он вышел из крайне дикой и опасной операции с прибылью, однако в деле осталось много странного и непонятного. Кто заплатил ему из этой швейцарской заначки? Якудза? Позвольте не поверить. По части подобных ситуаций у них очень твердые правила, перекупщик должен отправиться туда же, куда

и вор. Что-нибудь со спецслужбами? Смит так не думал. Спецслужбистские дела всегда имеют особый привкус, достаточно опытный человек распознает его без ошибки. Итак, мой ковбой рылся в старых архивах, пока не наткнулся на тяжбу с упоминанием Тессье-Эшпулов. Тяжба пустяковая, но мы получили наводку на юридическую фирму. Ковбой прорубился сквозь адвокатский лед, и мы узнали адрес семьи. Ну и хрен ли, спрашивается, толку?

Кейс удивленно поднял брови.

— Фрисайд, — сказал Финн. — Веретено. Как оказалось, они владеют почти всей этой штукой. Когда ковбой хорошенько прочесал архивы информационных служб и составил резюме, получилась крайне интересная картина. Семейная организация. С корпоративной структурой. Теоретически вы можете купить часть любого СА, но на деле ни одна акция корпорации «Тессье-Эшпул» не появлялась на открытом рынке вот уже более сотни лет. И ни на каком другом рынке, насколько мне известно. Мы столкнулись с каким-то там поколением очень скрытной и очень эксцентричной внеземной семьи, выступающей под видом корпорации. Деньги у них огромные, причем семья всячески избегает вни-

мания СМИ. Широкомасштабное клонирование. Орбитальные законы по поводу генной инженерии намного мягче земных. Поэтому очень трудно проследить, какое поколение или комбинация поколений управляет корпорацией в данный момент.

— Как это? — спросила Молли.

— У них своя криогенная установка. Даже согласно орбитальному закону замороженный человек считается мертвым. Похоже, они подменяют друг друга, хотя отца-основателя никто не видел лет уже тридцать. А мамаша-основательница погибла в результате несчастного случая в лаборатории…

— Так что же с барыгой?

— Да ничего. — Финн нахмурился. — Бросил это дело. Мы имели счастье одним глазком увидеть фантастическое хитросплетение взаимных доверенностей на ведение дел, имеющихся в распоряжении «Т-Э», вот и все. Джимми, должно быть, забрался в «Блуждающий огонек», спер эту голову, а Тессье-Эшпулы послали за ней ниндзя. Смит решил выкинуть все это из своей пребывающей пока еще на плечах головы. И правильно, пожалуй, сделал. — Финн взглянул на Молли. — Вилла «Блуждающий огонек». На самом конце

Веретена. Посторонние не допускаются.

— И ты считаешь, что у них есть свой ниндзя? — спросила Молли.

— Смит думает, что да.

— Дорогое удовольствие, — заметила девушка. — Интересно, где он сейчас, этот ниндзя-коротышка?

— Возможно, они его заморозили. До следующей необходимости.

— Ладно, — сказал Кейс, — мы знаем, что Армитидж получает свои башли от ИскИна по имени Уинтермьют. Ну и какой от этого толк?

— Пока никакого, — пожала плечами Молли, — но теперь у тебя появляется небольшое побочное развлечение.

Она вынула из кармана сложенный листок бумаги и подала Кейсу. Тот развернул его. Сетевые координаты и пароль входа.

— Кто это?

— Армитидж. Какая-то его база данных. Я получила эти сведения от Котов. За дополнительное вознаграждение. Где это?

— В Лондоне, — сказал Кейс.

— Ну так взломай! — засмеялась Молли. — Покажи, что ты не даром ешь свой хлеб.

* * *

Кейс дожидался на переполненной платформе местного поезда «Транс-СОБА». Молли давно вернулась на чердак с конструктом Флэтлайна в зеленой сумке, а Кейс все это время пил, не просыхая. Странно и неприятно думать о Флэтлайне как о конструкте, как о кассете постоянной памяти, воспроизводящей профессиональное мастерство покойного, и его пунктики, и даже инстинкты… Местный поезд с грохотом приближался вдоль черной индукционной полосы, из трещин в потолке туннеля посыпались тонкие струйки песка. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и, когда состав тронулся, стал разглядывать пассажиров. Двое последователей Христианской Науки, весьма хищные на вид, старались протиснуться к трио юных конторских техничек, на чьих запястьях в резком вагонном освещении влажно поблескивали розовые голографические влагалища. Девицы нервно облизывали идеальной формы губы и поглядывали на христианских научников из-под опущенных век с металлическим отблеском. Они были похожи на высоких, грациозных экзотических животных, бессознательно покачивающихся в такт движению

поезда; высокие каблуки, попиравшие серый металлический пол вагона, походили на полированные копытца. Не успели девушки упорхнуть от миссионеров куда глаза глядят, как поезд уже прибыл на станцию Кейса.

Кейс вышел из вагона и увидел парящую около стены станции голограмму белой сигары, под которой мигала стилизованная под японские иероглифы надпись: «ФРИСАЙД». Пройдя сквозь толпу, Кейс встал прямо под рекламой и принялся изучать изображение. Ниже мигала надпись: «ЗАЧЕМ ОТКЛАДЫВАТЬ?» Белое тупоносое веретено, усеянное решетками, радиаторами, куполами и стыковочными узлами. Кейс видел эту или подобные ей рекламы тысячу раз. Они его не интересовали. Ковбою с декой — один хрен: что Фрисайд, что Атланта — все банки рядом. Путешествия — это для мяса. Но теперь, разглядывая рекламу, Кейс заметил маленький, не больше монетки, значок, вплетенный в левый нижний угол призрачной ткани рекламы: «Т-Э».

Он вернулся на чердак, думая о Флэтлайне. Почти все девятнадцатое лето своей жизни он провел в «Джентльмене-неудачнике», потягивая дорогое пиво и тараща глаза на ковбоев. Он ни разу еще не притронулся к деке, но твердо знал,

чего хочет. В то лето в «Неудачнике» ошивалось не менее двадцати других окрыленных надеждами парнишек, каждый из которых хотел стать мальчиком на побегушках у какого-нибудь ковбоя. Единственный способ выучиться.

Все они слышали о Поли, деревенского вида жокее из окрестностей Атланты, который пережил мозговой коллапс, побывав за черным льдом. Слухи — смутные, уличные, которые только и были доступны мальчишкам, — сходились в одном: Поли сделал невозможное. «Что-то колоссальное, — сообщал Кейсу (за кружку пива) другой будущий великий ковбой, — но вот что именно? Я слышал, что он вскрыл бразильскую платежную сеть. Так это или не так, но этот мужик побывал на том свете. Полный мозговой коллапс». В противоположном конце переполненного бара сидел коренастый парень с каким-то свинцовым цветом кожи.

— Понимаешь, мальчик, — рассказывал ему Флэтлайн несколько месяцев спустя, уже в Майами, — я как эти здоровенные долбаные ящерицы, ну ты знаешь, у которых было два гребаных мозга, один в голове, а другой — в жопе, чтобы задними ногами двигать. Вот и я, вляпался в это черное говно, а задний мозг — ему хоть бы хны, работает

как миленький.

Ковбойская элита «Неудачника» избегала Поли с каким-то суеверным страхом. Маккой Поли, Лазарь киберпространства…

В конце концов его погубило сердце. Второе, русское сердце, пересаженное ему еще во время войны, в лагере для военнопленных. Он не соглашался заменить его, говорил, что привычный ритм поддерживает в нем чувство времени. Кейс пощупал в кармане клочок бумажки, полученный от Молли, и стал подниматься по лестнице.

Молли лежала на темперлоне и тихо похрапывала. Прозрачный гипс доходил от колена до самой промежности, и сквозь стекловидное вещество виднелись ужасные черно-желтые синяки. Вдоль левого запястья выстроились восемь дермов, все разного цвета и величины. Рядом лежал трансдермальный прибор «Акай», к прилепленным под гипсом дерматродам тянулись тонкие красные проводки.

Кейс включил настольную лампу, стоящую рядом с «Хосакой». Резкий круг света упал прямо на конструкт Флэтлайна. Кейс загрузил в машину лед, подсоединил конструкт и вошел в матрицу.

У него возникло отчетливое ощущение, будто кто-то стоит за спиной.

Кейс кашлянул:

— Дикс? Маккой? Это ты, что ли? — У него пересохло в горле.

— Привет, браток, — сказал голос из ниоткуда.

— Это я, Кейс. Еще не забыл?

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Что ты последнее помнишь, Дикс, перед тем как я с тобой сейчас заговорил?

— Ничего.

— Ну-ка, постой.

Кейс отсоединил конструкт. Ощущение чужого присутствия исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

— Дикс, кто я?

— Веселенький вопрос. А хрен тебя знает, кто ты такой.

— Ке… Один твой друг. Напарник. Что с тобой случилось?

— Вот и я хотел бы знать.

— Помнишь, как ты был здесь секунду назад?

— Нет.

— А знаешь, как работает матрица личностного ПЗУ?

— Конечно, кореш, фирменный конструкт.

— Значит, если я подключу его к своей базе данных, он получит непрерывную память в ре-

альном времени?

— Думаю, да, — ответил конструкт.

— Ладно, Дикс. Ты — конструкт. Усек?

— Ну, раз ты так говоришь, — согласился конструкт. — Так кто ты такой?

— Кейс.

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Точно. А для разминки мы сгоняем с тобой сейчас в Лондонскую сеть и кое-что там посмотрим. Ты не против?

— А у меня что, есть выбор?

6

— Тебе нужен рай, — посоветовал Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию. — Проверь Копенгаген, окраины университетской секции. — Голос по памяти выдал координаты.

Они нашли свой рай, «пиратский рай», на размытой границе слабо защищенной академической сети. На первый взгляд рай этот напоминал граффити, оставляемые иногда студентами-операторами на перекрестках, — еле заметные цветные значки, мерцающие на фоне размытых очертаний дюжины гуманитарных факультетов.

— Вон, — сказал Флэтлайн, — голубой. Видишь? Входной пароль компании «Белл-Европа». Причем свежий. Скоро «Белл» сюда доберется, прочитает всю эту доску объявлений и поменяет все коды, которые здесь вывешены. А завтра ребятки сопрут новые.

Кейс набрал входной пароль системы «Белл-Европа», а затем обычный телефонный номер. С помощью Флэтлайна он вышел на лондонскую базу данных, принадлежавших, по словам Молли, Армитиджу.

— Давай, — сказал голос. — Я тут быстро справлюсь.

Флэтлайн принялся нараспев читать цифровые последовательности, Кейс отстукивал их на деке, стараясь передать паузы, которые делал конструкт.

Потребовалось три попытки.

— Тоже мне работа, — сказал Флэтлайн. — Льда вообще нет.

— Просканируй это дерьмо, — скомандовал Кейс «Хосаке». — Просей, выбери биографические материалы владельца.

На месте нейроэлектронных каракуль появился простой белый ромб.

— База содержит в основном видеозаписи по-

слевоенных сессий трибунала, — сказал негромкий голос «Хосаки». — Центральной фигурой процессов является полковник Уиллис Корто.

— Да ты показывай, — сказал Кейс.

На экране появилось незнакомое мужское лицо. С глазами Армитиджа.

* * *

Через два часа Кейс рухнул рядом с Молли, темперлон послушно повторил контуры его тела.

— Нашел что-нибудь? — спросила Молли сквозь сон и наркотики.

— Потом расскажу, я разваливаюсь.

Кейс был в полном смятении и чувствовал отходняк, как после хорошей дозы. Он валялся с закрытыми глазами и пытался уложить в голове историю человека по фамилии Корто. В резюме, составленном «Хосакой» на основании куцых данных, зияли огромные дыры. Одну часть материала представляли печатные отчеты, которые бежали по экрану так быстро, что Кейсу пришлось попросить «Хосаку» читать их вслух. Другую часть представляли аудиозаписи судебных слушаний по поводу «Разящего кулака».

Полковника Уиллиса Корто забросили через слепое пятно в русской обороне Киренска. Шатт-

лы пробили эту брешь импульсными бомбами, и команда Корто десантировалась на сверхлегких мотодельтапланах типа «Ночное крыло». Их крылья упруго раскрылись в лунном свете, отражавшемся в серебристых изгибах Ангары и Подкаменной Тунгуски, — последний свет, какой увидит Корто за предстоящие пятнадцать месяцев. Кейс пытался представить себе, как в вышине над промерзшей степью выходят из пусковых капсул эти хрупкие стрекозы, как расправляют они крылья в морозном ночном воздухе.

— Да, шеф, подставили тебя эти суки, — сказал Кейс, и Молли пошевелилась во сне.

Дельтапланы шли без оружия, чтобы компенсировать вес оператора, экспериментальной деки и вирусной программы «Крот-9», первого настоящего вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовились к рейду три года. Они пробили лед и уже собирались ввести «Крота-девятого», когда их засекли. Русские импульсные пушки вышвырнули жокеев в кромешную электронную тьму, навигационные системы «Ночных крыльев» рассыпались, вся их память была стерта подчистую.

Потом за дело взялись лазеры. Они навелись на

тепловое излучение и посшибали хрупкие радарно-прозрачные десантные дельтапланы; Корто и его мертвый оператор упали с сибирского неба. Они падали, падали и падали…

Далее повествование прерывается до того самого момента, когда захваченный русский «летающий танк» прилетает в Финляндию. Прилетает, чтобы быть расстрелянным на рассвете при посадке в еловую рощу из допотопной двадцатимиллиметровой пукалки, управляемой расчетом лопухов-резервистов. «Разящий кулак» закончился для Корто в окрестностях Хельсинки; финские санитары вырезали его из покореженного брюха вертолета. Через девять дней закончилась и война; слепого, безногого, с оторванной нижней челюстью полковника отвезли в штат Юта, в военный госпиталь. Только через одиннадцать месяцев его обнаружил здесь некий чиновник из аппарата конгресса. Корто лежал и слушал, как капает моча из катетера. К тому времени в Вашингтоне и Маклине уже начались показательные процессы. Пентагон и ЦРУ сильно сократились, остатки их были раздроблены на куски, а следственная комиссия конгресса сосредоточила свое внимание на операции «Разящий кулак». «Готовенький уотергейт», — сказал Корто

чиновник.

Еще он сказал, что полковник нуждается в глазах, ногах, а также в интенсивной работе пластических хирургов, но все можно устроить. «И новую канализацию», — сказал он, трогая Корто за плечо через мокрую от пота простыню.

Бывший полковник слушал негромкое беспрестанное капанье. И сказал, что предпочитает давать показания в своем теперешнем виде.

«Нельзя, — объяснил чиновник, — заседания будут показывать по телевидению. Процессы нужны, чтобы повлиять на избирателей». Он вежливо кашлянул.

Подчищенные, подправленные и многократно отрепетированные показания Корто были яркими, подробными, берущими за душу. Бóльшая их часть была сочинена шайкой-лейкой из аппарата конгресса, кровно заинтересованной в спасении некоторых частей инфраструктуры Пентагона. Полковник постепенно и сам понял, что своими показаниями спас карьеры троих генералов, лично ответственных за сокрытие данных о строительстве МИ-установок в окрестностях Киренска.

После окончания разбирательств его персона стала в Вашингтоне нежелательной. В ресторане

на М-стрит за блинчиками со спаржей тот же самый чиновник популярно объяснил ему, что именно произойдет, если он станет болтать лишнее. Сомкнутыми пальцами правой руки Корто раздробил ему гортань. Задохнувшийся чиновник упал лицом в блинчики со спаржей, а Корто вышел на улицу, в холодный вашингтонский сентябрь.

«Хосака» с пулеметной скоростью выдавала содержание полицейских отчетов, донесений промышленных шпионов и новостных лент. В Марракеше и Лиссабоне Корто обрабатывал падких до денег сотрудников корпораций; презирая саму мысль о предательстве, он все больше и больше ненавидел инженеров и ученых, секреты которых покупал для своих хозяев. В Сингапуре, пьяный, он до смерти избил русского инженера, а затем поджег его номер.

Затем он вынырнул в Таиланде, уже в качестве управляющего фабрикой по производству героина. Затем он работал вышибалой в игорных домах Калифорнии, затем — наемным убийцей среди боннских руин. Ограбил банк в Уичите. Записи становились все темнее и непонятнее, а пробелы в них все длиннее.

А однажды, сказал он на допросе, проводив-

шемся, по всей видимости, с использованием «сыворотки правды», все стало серым.

Переведенные с французского медицинские записи констатировали, что в парижскую психиатрическую клинику доставили неизвестного с диагнозом шизофрения. Он впал в кататонию и был отправлен в государственную лечебницу, расположенную на окраине Тулона. Он стал одним из лабораторных кроликов программы по лечению шизофрении при помощи кибернетического моделирования. Случайно выбранные пациенты получали микрокомпьютеры и обучались, при помощи студентов, составлять для них программы. Из всех больных, участвовавших в эксперименте, выздоровел только Корто.

Здесь записи обрывались.

Кейс заворочался на темперлоне, и Молли негромко выругала его за беспокойство.

* * *

Зазвонил телефон. Не вставая с кровати, Кейс снял трубку:

— Да?

— Мы летим в Стамбул, — сказал Армитидж. — Сегодня вечером.

— Чего еще надо этому ублюдку? — спросила

Молли.

— Говорит, сегодня вечером мы летим в Стамбул.

— Ну вообще.

Армитидж зачитал номера рейсов и время вылетов.

Молли села и включила свет.

— А как мое оборудование? — спросил Кейс. — Моя дека?

— Этим займется Финн, — сказал Армитидж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как Молли собирает вещи. Несмотря на гипс, на черные круги под глазами, она двигалась как танцовщица. Ни одного лишнего движения. Рядом с сумкой лежала мятая куча его одежды.

— Тебе больно? — спросил Кейс.

— Не помешала бы еще одна ночь у Цзиня.

— Это тот дантист?

— Да уж, дантист. Просто он очень осторожен. Скупил половину этой этажерки и устроил там широкопрофильную больницу. В основном чинит самураев.

Она застегивала сумку.

— Ты бывал в Стамбуле?

— Да, как-то пару дней.

— Он такой же, как прежде, — сказала Молли. — Старый грязный городишко.

* * *

— Вот так же мы отправились и в Тибу. — Молли смотрела из окна поезда на лунный пейзаж промышленной зоны, где красные огоньки на горизонте отгоняли самолеты от термоядерной электростанции. — Мы жили в Лос-Анджелесе. Он вошел и сказал: «Собирайся, мы летим в Макао». Там я играла в фан-тан в «Лиссабоне», а он переправился через Чжуншань. А на следующий день я уже играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Молли вынула из рукава черной курточки шелковый шарфик и протерла им свои линзы. Пейзаж северного Муравейника пробудил в Кейсе детские воспоминания о каких-то пучках сухой травы, торчащих из трещин бетонного фривея.

В десяти километрах от аэропорта поезд начал тормозить. Кейс смотрел, как над битым шлаком, над пустыми ржавыми скорлупками нефтеперегонных заводов, над ландшафтом его детства встает солнце.

7

В Бейоглу дождило. Арендованный «мерседес» плавно скользил мимо зарешеченных темных окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустынной, только несколько одетых в темное фигур на тротуаре оглядывались на машину.

— Прежде здесь был процветающий европейский район османского Стамбула, — сообщил «мерседес».

— А теперь только что не трущобы, — заметил Кейс.

— «Хилтон» находится на Джумхуриет-Каддеси, — сказала Молли, устраиваясь на заднем сиденье.

— Почему Армитидж летает отдельно? — спросил Кейс. У него болела голова.

— Потому, что ты его достаешь. И меня тоже.

Кейс хотел рассказать ей историю Корто, но передумал. В самолете он наклеил себе снотворный дерм и весь полет проспал.

Прямая пустынная дорога из аэропорта вскрыла город, как аккуратный разрез. Мимо проносились фантастические, заплата на заплате, стены

деревянных домиков, кондо, купола, тоскливые параллелепипеды многоквартирных домов, опять стенки из фанеры и ржавой жести.

Финн, одетый в новый черный, как у сарарименa, костюм, кисло ждал их, сидя в плюшевом кресле, — одинокий островок посреди неоглядного моря бледно-голубых ковров, устилавших холл «Хилтона».

— Боже, — фыркнула Молли. — Крыса в деловом костюме.

Они пересекли вестибюль.

— За сколько ты согласился сюда приехать? — Она уронила свою сумку рядом с креслом. — Да еще в таком прикиде — это вообще дорогого стоит.

— Не так уж и много, дорогуша, — весело оскалился Финн, передавая ей магнитный ключ с круглой желтой биркой. — Вас уже зарегистрировали. Апартаменты наверху. — Он огляделся по сторонам. — Дерьмо город.

— Ты страдаешь агорафобией оттого, что тебя вытащили из-под купола. Ты представь, что это вроде как Бруклин. — Молли покрутила ключ на пальце. — Ты здесь лакеем или как?

— Мне нужно проверить имплантаты одного парня, — сказал Финн.

— А как моя дека? — спросил Кейс.

— Соблюдай субординацию. — Финн поморщился. — Все вопросы — к боссу.

Молли сделала быстрый знак пальцами; Финн утвердительно кивнул.

— Да, — сказала Молли, — я знаю, кто это. — Она мотнула головой в сторону лифтов. — Пошли, ковбой.

Кейс подхватил обе сумки и двинулся следом.

* * *

Их номер один к одному походил на тот, в Тибе, где он впервые встретился с Армитиджем. Утром он подошел к окну, почти готовый увидеть Токийский залив. Через дорогу торчал другой отель. Дождь так и не кончился. Люди со старенькими, завернутыми в прозрачный пластик голосовыми принтерами жались в подъезды домов. Платные писцы, лучшее доказательство того, что в этой стране написанное слово все еще ценится. Неторопливая страна. Из тупорылого черного «ситроена» с примитивным водородным аккумулятором выбрались пятеро суровых турецких офицеров в мятых зеленых френчах. Они вошли в отель напротив.

Кейс опять посмотрел на кровать, на Молли и

поразился ее бледности. Губчатый гипс остался дома, на чердаке, рядом с трансдермальным индуктором. В зеркальных линзах отражались лампы, освещавшие номер.

Кейс взял трубку сразу после первого звонка.

— Рад, что вы уже встали, — сказал Армитидж.

— Я только что. А леди еще спит. Послушайте, босс, я думаю, нам стоит немного поговорить. Чем больше я знаю о своей работе, тем лучше работаю.

В трубке наступила тишина. Кейс прикусил губу.

— Ты знаешь вполне достаточно. Может, даже слишком.

— Вы так думаете?

— Одевайся. Буди девочку. Минут через пятнадцать к вам придет гость. Его фамилия Терзибашьян.

Негромкие гудки. Армитидж положил трубку.

— Вставай, малышка, — позвал Кейс. — Дела.

— Я уже час как не сплю. — Зеркала повернулись в его сторону.

— К нам идет некто Джерси Бастион.

— У тебя прямо талант к языкам. И сам ты не иначе из армян. Это — шпик, которого наш начальничек приставил к Ривьере. Помоги мне

встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и в зеркальных очках с золотой оправой. Через расстегнутый воротничок белой рубашки виднелась подушка черных волос, таких густых, что Кейс принял их сперва за майку. В руках у него был черный хилтоновский поднос с тремя крохотными чашечками ароматного черного кофе и тремя же восточными сластями неопределенной природы, липкими и цвета соломы.

— Нам ни в коем случае нельзя слишком, как вы выражаетесь, *мельтешиться.*

Некоторое время он смотрел прямо на Молли, но затем снял зеркальные очки. Темно-карие глаза имели тот же оттенок, что и короткие, армейской стрижки, волосы…

— Так лучше, да? — улыбнулся армянин. — Иначе получается бесконечное повторение зеркала в зеркале… А вам, — добавил он Молли, — нужно быть поосторожнее. В Турции не очень любят женщин с подобными модификациями.

Молли откусила половину вязкого бруска.

— Засунь свои советы знаешь куда? — Из-за полного рта слова звучали не очень разборчиво. Она прожевала кусок, глотнула и облизала

губы. — Я все про тебя знаю. Ты стучишь для военной полиции, верно? — Ее рука неторопливо скользнула за пазуху и вытащила игольник. Кейс не знал, что Молли вооружена.

— Осторожнее, пожалуйста. — Белая фарфоровая чашечка застыла в сантиметре от губ Терзибашьяна.

Со все той же неспешностью Молли подняла ствол:

— Выбирай: или разлететься на куски, или заработать рак. Всего от одной стрелы, сраная морда. Ты даже не почувствуешь.

— Пожалуйста. Не понимаю, для чего вы ставите меня в… как это у вас называется?.. *крайне затруднительное положение.*

— А я понимаю, что сегодня у меня, как это у меня называется, крайне хреновое настроение. Так что рассказывай нам про этого парня и чеши отсюда. — Она спрятала оружие.

— Он живет в «Фенере» на Кучук-Гюльхане-Джаддези, четырнадцать. Каждый вечер ездит в метро на базар, по одному и тому же маршруту. Недавно он выступал в «Енишехир палас-отели», это современная гостиница в стиле *turistik*, но этими представлениями заинтересовалась полиция — не по своей, как вы понимаете, инициативе.

Администрация «Енишехира» занервничала.

Терзибашьян улыбнулся. От него исходил сильный металлический запах лосьона для бритья.

— Мне нужно знать об имплантатах, — сказала Молли, массируя себе бедро. — Я хочу знать, на что он способен.

Терзибашьян кивнул:

— Хуже всего эти, как у вас выражаются, *субминаналы.* — В последнем слове он тщательно артикулировал каждый слог.

* * *

— Слева от нас, — сказал «мерседес», пробираясь по лабиринту мокрых от дождя улиц, — главный базар Стамбула «Капали Карси».

Сидевший рядом с Кейсом Финн понимающе хрюкнул, хотя смотрел в совершенно противоположном направлении. По правой стороне улицы тянулись склады утильсырья. Среди куч на щербатых, покрытых ржавыми пятнами мраморных плитах валялся развороченный остов паровоза. Поленница безголовых мраморных статуй.

— Домой хочется? — спросил Кейс.

— Дерьмовый городишко, — вздохнул Финн.

Его черный шелковый галстук стал похож на изношенную ленту от пишущей машинки. На

лацканах нового костюма появились медальоны из яичных пятен и мясной подливки для люля-кебаба.

— Эй, Джерси, — обратился Кейс к сидевшему сзади армянину, — а где этому парню ставили имплантаты?

— В Тиба-Сити. У него нет левого легкого. Правое — форсированное, так это у вас говорят? Конечно, имплантаты может купить любой, но этот парень — очень талантливый.

«Мерседес» объехал груженную кожами подводу.

— Я же ходил за ним и видел, как падают встречные велосипедисты, пачками, ежедневно. Найдешь такого велосипедиста в больнице, каждый раз одна и та же история. Рядом с тормозным рычагом сидел скорпион…

— «Получаешь то, что ты видишь».[9] Да-а, — сказал Финн. — Я встречался со схемами, как у этого парня. Очень высокая яркость. Мы видим, что он воображает. Думаю, он свободно может сжать импульс и сжечь сетчатку.

---

[9] notes: 9

Аллюзия на основной принцип построения машинного интерфейса: «What you see is what you get» (обычно не переводится). В свою очередь, эта фраза восходит к Льюису Кэрроллу. В «Алисе в Стране чудес» Шляпник рассуждает о нетождественности фраз: «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу».

— А ты говорил это своей знакомой? — Терзибашьян подался вперед. — В Турции женщина — все еще женщина. Эта же…

— Только посмотри на нее косо, — Финн хмыкнул, — она повяжет тебе яйца вместо галстука.

— Я не понимаю эту идиому.

— Ничего страшного, — вмешался Кейс. — Она означает «заткнись».

Армянин откинулся назад, оставив после себя металлический запах лосьона. Он зашептал в рацию «Саньо» странную смесь греческих, французских и турецких слов, среди которых изредка попадались английские. Рация отвечала ему по-французски. «Мерседес» мягко свернул за угол.

— Базар пряностей, который иногда называют египетским, — сообщил автомобиль, — образовался на месте древнего базара, построенного султаном Хатисом в тысяча шестьсот шестидесятом году. Это центральный городской рынок, где продают пряности, программное обеспечение, парфюмерию, лекарства.

— Ага, лекарства, — сказал Кейс, глядя, как дворники ходят туда-сюда по пуленепробиваемому лексану. — На какой, говоришь, дури сидит Ривьера?

— На смеси кокаина и меперидина, — сказал ар-

мянин и опять что-то забормотал в передатчик.

— Эту смесь называют демерол, — пояснил Финн. — Он спидболовый клоун, выходит. Интересная у тебя, Кейс, компания.

— Пустяки, — сказал Кейс, поднимая воротник куртки, — мы заменим этому засранцу поджелудочную или еще чего.

* * *

Как только они оказались на базаре, лицо Финна заметно прояснилось, как будто его обрадовала толпа и ощущение замкнутого пространства. Они шли вслед за армянином по главному торговому залу, крытому закопченными листами пластика на железных, выкрашенных зеленой краской опорах эпохи паровых машин. Вокруг извивались и подмигивали тысячи парящих в воздухе реклам.

— Вот это да! — восхитился Финн, хватая Кейса за руку. — Глянь-ка. — Он показал пальцем. — Это же лошадь. Ты видел когда-нибудь лошадь?

Кейс посмотрел на чучело животного и мотнул головой. Оно стояло на чем-то вроде пьедестала возле прохода к торговым рядам, где продавали птиц и обезьянок. Ноги чучела облысели и почернели от прикосновения бесчисленных рук.

— А я вот видел лошадь, в Мериленде, — сказал Финн. — Года через три после пандемии. Какие-то арабы все еще пытаются воссоздать лошадей из ДНК, но ни хрена не получается — дохнут.

Коричневые стеклянные глаза животного как будто следили за ними, когда они проходили мимо. Терзибашьян привел их в кафе с низким потолком, которое, казалось, существовало здесь со времен основания рынка. Костлявые мальчишки в грязных белых куртках метались среди переполненных столиков, балансируя металлическими подносами с бутылками «Тюрк-Туборга» и крохотными стаканчиками чая.

Около входа в кафе Кейс купил у разносчика пачку «Ехэюань». Армянин все еще переговаривался по рации.

— Пошли, — сказал он, — объект вышел из дому. Каждую ночь он садится в метро и едет сюда, чтобы купить у Али свою смесь. Ваша женщина рядом. Пошли.

* * *

Переулок был старый, со стенами из темных каменных блоков. Неровные известняковые плиты тротуара пахли бензином, насквозь пропитавшим их за сто лет.

— Ни хрена не видно, — прошептал Кейс.

— Нашей красавице это только на руку, — отозвался Финн.

— Тихо, — почти выкрикнул Терзибашьян.

То ли по камню, то ли по бетону скрипнуло дерево. Впереди, метрах в десяти от них, на мокрые булыжники упал клин света. Кто-то вышел, дверь со скрипом захлопнулась, и переулок снова погрузился во тьму. Кейс поежился.

— Пора, — произнес Терзибашьян, и сейчас же ослепительный белый луч с крыши здания напротив рынка накрыл худощавую фигурку, застывшую рядом со старой деревянной дверью, идеально круглым пятном света.

Блестящие глаза стрельнули влево-вправо, и мужчина рухнул на землю. Он лежал лицом вниз, белокурые волосы — светлое пятно на древнем камне, белые руки жалко обмякли. «Кто же в него шмальнул-то?» — подумал Кейс.

Световое пятно даже не дрогнуло.

Вдруг куртка на спине мужчины взбугрилась и лопнула, на стену и дверь фонтаном ударила кровь. Следом из прорехи появились две невероятно длинные руки, под серовато-розовой кожей рельефно вырисовывались жгуты сухожилий. Из тротуара сквозь неподвижные окровавлен-

ные останки Ривьеры вылезла ужасная тварь. Двухметровое чудовище стояло на двух ногах и, казалось, не имело головы. Оно медленно повернулось в их сторону, и Кейс увидел, что голова у него есть, нет только шеи. Лицо, или как это назвать, влажно поблескивало, глаз на нем не было. Рот — если это неглубокое конусообразное углубление действительно было ртом — обрамляла буйная поросль волос или щетины, блестящей, как черный хром. Чудовище отпихнуло ногой жалкую кучку обрывков одежды и плоти, затем сделало шаг. Круглый рот, похожий сейчас на миниатюрную радарную антенну, обшаривал окрестности в поисках жертвы.

Раскинув руки, как человек перед прыжком, Терзибашьян крикнул что-то то ли по-гречески, то ли по-турецки и бросился на тварь. Он пробежал сквозь нее. Прямо на вспышку выстрела, сверкнувшую откуда-то из темноты, лежавшей по ту сторону ярко освещенного круга. Мимо головы Кейса просвистели осколки камня, и Финн рывком заставил его присесть.

Прожектор на крыше погас, а перед глазами все еще стояли вспышка выстрела, чудовище и резкий луч света. В ушах звенело.

Снова зажегся прожектор, теперь он начал

обшаривать переулок. Бледный как смерть Терзибашьян прислонился к стальной двери. Он поддерживал левое запястье и смотрел, как из раны капает кровь. У его ног лежал белокурый парень, абсолютно целехонький и без малейших следов крови.

Из темноты появилась Молли, вся в черном и с игольником в руках.

— Свяжись по радио, — сквозь сжатые зубы процедил армянин. — С Махмутом. Нужно убрать его отсюда. Это плохое место.

— Этот недоделок чуть не смылся. — Громко хрустнув коленями, Финн поднялся с земли и начал без особого толка отряхивать свои штанины. — Ну что, посмотрели фильм ужасов? Это тебе не гамбургер, который исчезает за кадром. Мощная работа. Ладно, давай поможем унести его на хрен отсюда. Хочу просканировать механику этого типа, прежде чем он очухается, надо же убедиться, что Армитидж не зря тратит деньги.

Молли наклонилась и что-то подняла. Пистолет.

— «Намбу», — сказала она. — Хороший ствол.

Терзибашьян громко застонал. Кейс только сейчас заметил, что у того отсутствует бóльшая часть среднего пальца левой руки.

* * *

Когда город начал пропитываться предрассветной голубизной, Молли приказала «мерседесу» везти их в Топкапи. Финн и огромный турок — тот самый Махмут — унесли все еще не пришедшего в сознание Ривьеру. Несколькими минутами позднее подъехал запыленный «ситроен» — за армянином, который находился на грани обморока.

— Жопа ты, — сказала Молли, открывая для него дверцу машины. — Сидел бы себе и не высовывался. Я держала его на прицеле с той самой секунды, как он вышел.

Терзибашьян свирепо посмотрел на девушку.

— Во всяком случае, ты нам больше не нужен. — Молли подсадила его в машину и захлопнула дверцу. — Еще раз попадешься мне, и я тебя прикончу, — сказала она бледному лицу, видневшемуся за тонированными стеклами; «ситроен» дернулся и неуклюже вывернул из переулка на улицу.

«Мерседес» несся по просыпающемуся городу. Они миновали Бейоглу и теперь пробирались сквозь лабиринты запущенных улочек, мимо захудалых доходных домов, смутно напомнивших

Кейсу Париж.

— А это что еще за хрень? — спросил он Молли, когда «мерседес» остановился возле сада, окружавшего Сераль.

Дикая разностильность этого комплекса зданий могла ошарашить кого угодно.

— Топкапи, — сказала Молли, вылезая из машины и потягиваясь. — Раньше здесь был как бы частный публичный дом короля. Уйма баб. А теперь это музей. Малость похоже на мастерскую Финна: все свалено грудами — здоровенные бриллианты, мечи, левая рука Иоанна Крестителя…

— Живая, как в консервирующем чане?

— Нет. Мертвая. Лежит внутри такой бронзовой руки с дыркой сбоку, чтобы христиане могли поцеловать. Турки отобрали ее у христиан миллион, наверное, лет назад и с тех пор ни разу не удосужились стереть с нее пыль: ведь это «реликвия неверных».

В садах Сераля ржавел чугунный олень. Кейс шел рядом с Молли и слушал, как хрустит под носками ее ботинок неухоженная трава, жесткая от утреннего мороза. Они шли параллельно дорожке, сложенной из восьмиугольных каменных плит, очень, наверное, холодных. Чуть подальше, на Балканах, была уже зима.

— Этот Терзи — большая сволочь, — сказала Молли. — Он агент тайной полиции. Настоящий палач. Купить такого сучару проще простого, особенно за такие деньги, какими швыряется Армитидж.

На деревьях начинали петь птицы.

— Я раздобыл сведения из Лондона, — сказал Кейс. — Кое-что узнал, но не понимаю, что именно.

И рассказал ей историю Корто.

— Да, я знаю, что в «Разящем кулаке» не участвовал никакой Армитидж. Проверено. — Молли погладила ржавый олений бок. — И ты считаешь, что маленький компьютер вывел его из шизофрении? В этой французской больничке?

— Скорее уж, Уинтермьют, — ответил Кейс.

Молли кивнула.

— Интересный вопрос, — задумчиво сказал Кейс, — а знает ли Армитидж, что он был когда-то полковником Корто? Я хочу сказать: когда Армитидж попал в больницу, он был никем, а потому вполне возможно, что Уинтермьют…

— Верно. Наново его сконструировал. Да, дела…

Они пошли дальше.

— Вариант разумный. Понимаешь, у него нет

никакой личной жизни. Насколько я могу судить. Когда встречаешь такого мужика, то думаешь: ну чем-нибудь он да занимается, когда один. Но только не Армитидж. Он сидит дома и смотрит в стенку. Затем у него в голове что-то щелкает, и он развивает бурную деятельность.

— Так зачем же эта лондонская заначка? Милые сердцу воспоминания?

— Может, он о ней и не знает, — пожала плечами Молли. — Может, этот массив не его, а положен на его имя.

— Что-то не понял, — заметил Кейс.

— Нечего тут и понимать, я просто думаю вслух… Насколько умны эти ИскИны?

— По-разному бывает. Некоторые не намного умнее собаки. Так, игрушки. Игрушки, которые стоят целого состояния. А вот настоящие — очень умные, умные настолько, насколько позволяет им Тьюринг-полиция. ИскИны могут быть очень и очень умными.

— Послушай, ты ведь ковбой. Почему же тебя так мало интересуют такие вещи?

— Начать с того, — ответил Кейс, — что они встречаются очень редко. И почти всегда — в оборонных ведомствах, а там защиту не пробьешь. Ведь это военные изобретают все новый и новый

лед. А тут еще и Тьюринг-копы. С этими ихними копами лучше не связываться. Так что, — он покосился на девушку, — я предпочитаю в такие дела не лезть.

— Вот и все вы, жокеи, такие, — презрительно фыркнула Молли. — Нуль воображения.

Они подошли к широкому прямоугольному пруду, где карпы лениво щипали стебли каких-то белых водяных цветов. Девушка пнула валявшийся на земле камешек и стала смотреть, как бегут по воде круги.

— Этот Уинтермьют, — сказала она, — связан с чем-то очень крупным. До нас доходят волны, но мы не видим камня, упавшего в центре. Нам известно, что там что-то происходит, но и только. Я хочу знать, что именно. Я хочу, чтобы ты поговорил с Уинтермьютом.

— Чего? — поразился Кейс. — Да меня к нему и близко не подпустят. Ты, милая, не в себе.

— Попытайся.

— Это невозможно.

— Попроси Флэтлайна.

— Послушай, а на кой нам хрен этот Ривьера? — спросил Кейс в надежде сменить тему разговора.

Девушка сплюнула в пруд:

— Бог его знает. Прикончить бы его, да и дело

с концом. Я же видела его профиль. Этакий Иуда по призванию. Он и кончить-то толком не может, если не предаст предварительно объект своего вожделения. Так вот прямо в досье и сказано… Да еще обязательно, чтобы она его любила. Не знаю, может, он тоже их любит, на свой манер. Ривьера уже три года сдает политических в здешнюю тайную полицию, потому-то Терзи и не составило большого труда подставить его нам. Думаю, Терзи приглашал этого гаденыша посмотреть на пытки. Он же продал за эти три года восемнадцать человек. И все — женщины от двадцати до двадцати пяти лет. Благодаря ему у Терзи всегда хватало диссидентов. — Молли сунула руки в карманы. — Как только Ривьера увлекался бабой, он подбивал ее заняться политикой. У него личность — вроде как костюм у Диких Котов. Психотип редчайший, один на два миллиона. Небольшой, но все же комплимент природе человеческой. — Молли смотрела на сонную рыбу и белые цветы, на лице ее застыла горечь. — Знаешь, я, пожалуй, подстрахуюсь от этого циркача.

Холодная усмешка Молли не предвещала ничего хорошего.

— Как это?

— Не бери в голову. Давай вернемся в Бейоглу

и позавтракаем. Сегодня у меня опять тяжелая ночь. Нужно забрать его барахло из номера в «Фенере», а затем сходить на базар и купить ему дурь…

— Купить дурь? Этой гниде?

— Ревнуешь? — расхохоталась Молли. — Умирать на колючке мы его точно не бросим. А судя по имеющейся информации, не сожрав дозы, он не может работать. Не боись, ты нынешний мне нравишься больше прежнего — по крайней мере, не такой тощий. — Она опять улыбнулась. — Так что схожу-ка я к торговцу Али и хорошенько затоварюсь. Без этого никак.

* * *

В «Хилтоне» их ждал Армитидж.

— Пора собираться, — сказал он, и Кейс попытался под загорелой маской со светло-голубыми глазами найти следы человека по имени Корто.

Ему вспомнился Уэйдж из Тибы. Обычно крупные дельцы скрывали свои наклонности. Однако Уэйдж имел свои грешки, имел любовниц. По слухам, даже детей. А вот Армитидж оставался полной загадкой.

— А теперь куда? — поинтересовался Кейс, проходя мимо Армитиджа к окну. — И какой там

климат?

— У них нет климата, только погода, — загадочно сообщил Армитидж. — Вот. Читай… — Он положил на кофейный столик пачку проспектов и встал.

— Как там Ривьера? И где Финн?

— С Ривьерой все в порядке. Финн уже летит домой. — Улыбка Армитиджа выражала не больше, чем подрагивание усиков насекомого. Он ткнул Кейса в грудь, и при этом звякнул золотой браслет. — Не будь таким умником. Ты же не знаешь, насколько уже растворились стенки этих шариков.

Лицо Кейса застыло. Он взял себя в руки и скованно кивнул.

Когда Армитидж ушел, Кейс раскрыл один из проспектов. Дорогая бумага, текст — на французском, английском и турецком.

ФРИСАЙД – СВОБОДНАЯ ЗОНА.
ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?

В этот раз все четверо летели вместе рейсом компании «Ти-Эйч-Уай» из аэропорта Есилкёй. В Париже — пересадка на шаттл компании «Джей-Эй-Эль». Кейс сидел в вестибюле «Истанбул-Хилтона» и смотрел, как Ривьера перебирает

в сувенирной лавке липовые византийские древности. В дверях, накинув плащ на плечи, стоял Армитидж.

Ривьера, стройный блондин с нежным голосом, изъяснялся по-английски бегло и без акцента. Молли говорила, что ему тридцать, но по внешнему виду было трудно угадать его возраст. Еще она сказала, что Ривьера не имеет гражданства и путешествует по поддельному голландскому паспорту. Он родился в зоне полного разрушения, которая окружала радиоактивный центр старого Бонна.

В лавку стремительно ворвались три улыбчивых японских туриста, по пути они вежливо поклонились Армитиджу. Тот быстро и демонстративно пересек лавку и встал рядом с Ривьерой. Ривьера повернулся к нему и расплылся в улыбке. Очень красивое лицо, над которым явно потрудился хирург в Тибе. Ничего не скажешь, изящная работа, ничего похожего на армитиджевский гоголь-моголь из банальных поп-физиономий. Высокий гладкий лоб, широко посаженные серые глаза. Нос имел, вероятно, слишком идеальную форму, а потому был сломан и установлен наново, чуть небрежно. В результате появился легкий оттенок брутальности,

удачно контрастировавший с точеным подбородком и быстрой, легкой улыбкой. Маленькие ровные зубы сверкали белизной. Кейс смотрел, как белые руки перебирают якобы осколки якобы древних якобы статуй.

Ривьера совершенно не походил на человека, которого прошлой ночью подстрелили иглой со снотворным, а затем похитили, подвергли тотальному осмотру и заставили присоединиться к команде Армитиджа.

Кейс взглянул на часы. Молли вот-вот вернется. Тоже мне наркокурьер.

— А ведь этот говнюк и сейчас под кайфом, — сказал он хилтоновскому вестибюлю.

Седеющая итальянская матрона в белом кожаном смокинге опустила на нос очки «порше» и взглянула на него с некоторым недоумением. Он широко улыбнулся, встал и вскинул сумку на плечо. Нужно было купить сигарет. Интересно, есть ли в шаттле салон для курящих?

— Счастливо оставаться, леди, — сказал он даме; та быстро опустила очки на место и отвернулась.

Сигареты продавались в сувенирной лавке, но Кейсу не хотелось разговаривать ни с Армитиджем, ни с Ривьерой. Торговый автомат

находился в узкой нише в конце ряда таксофонов.

Он покопался в набитом турецкими лирами кармане и начал скармливать в щель маленькие тусклые монетки, слегка забавляясь анахронизмом процесса. Ближайший таксофон зазвонил.

Кейс машинально снял трубку:

— Да?

В трубке тихо попискивало, сквозь шумы спутниковой связи доносились тихие невнятные голоса, а затем раздался звук, похожий на завывание ветра:

— Привет, Кейс.

Пятидесятилировая монетка выскользнула из пальцев, подпрыгнула и куда-то укатилась.

— Это Уинтермьют, Кейс. Пора бы нам поговорить.

Электронный голос.

Кейс повесил трубку.

Позабыв про сигареты, он шел вдоль длинного ряда таксофонов. И каждый раз, когда Кейс проходил мимо очередного аппарата, тот звонил ровно один раз.

Часть третья
Полночь на рю Жюль Верн
8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, кластер. Человеческая ДНК сочится из недр гравитационного колодца, масляным пятном расплывается по его крутой стенке.

Вызовите графическую программу самого обобщенного, грубого отображения плотности обмена информацией в архипелаге L5, у пятой точки Лагранжа.[10] На экране ярко вспыхнет массивный красный прямоугольник, доминирующий элемент схемы.

Фрисайд. Фрисайд многогранен, и далеко не все его грани видны туристам, снующим вверх-вниз по гравитационному колодцу. Фрисайд — это бор-

---

[10] notes: 10

В 1772 г. французский математик Жозеф Луи Лагранж открыл, что в системе двух массивных тел (в данном случае Земля—Луна) существует пять так называемых точек либрации, или точек Лагранжа, в которых третье тело с пренебрежимо малой массой может оставаться неподвижным относительно этих двух тел. Все пять точек лежат в плоскости орбит массивных тел, причем первые три (коллинеарные) — на линии, соединяющей эти тела, а четвертая и пятая (треугольные, или троянские) — в вершинах равносторонних треугольников, опирающихся на центры двух массивных тел.

дель и банковский центр, дворец наслаждений и свободный порт, город пионеров и роскошный курорт. Фрисайд — это Лас-Вегас и Висячие сады Семирамиды, орбитальная Женева и фамильное гнездо чистокровного (на манер призовых кошек и собак), опутанного густой сетью близких внутрисемейных браков, промышленного клана Тессье и Эшпулов.

В Париж они летели лайнером «Ти-Эйч-Уай», первым классом, и сидели все вместе: Молли у иллюминатора, рядом с ней — Кейс, а Ривьера и Армитидж — у прохода. Был момент, когда самолет накренился на вираже, и Кейс увидел сквозь круглое окошко море и горстку сверкающих алмазов — островной греческий городок. В другой раз, потянувшись за своим стаканом, он заметил в смеси бурбона с водой еле уловимое очертание чего-то, очень похожего на гигантский сперматозоид.

Молли перегнулась через Кейса и ударила Ривьеру по щеке:

— Не надо, малыш. Кончай шуточки. Еще одна сублиминальная срань, и тебе будет не как сейчас, а *очень* больно. Здоровье твое драгоценное ничуть не пострадает, а я получу огромное удовольствие.

Кейс оглянулся на Армитиджа. Лицо абсолютно спокойное, во внимательных голубых глазах ни тени раздражения.

— Верно, Питер. Кончай.

Кейс посмотрел на Молли. Мелькнула и тут же исчезла черная роза, лоснящиеся, как кожа, лепестки, черный стебель с блестящими металлическими шипами…

Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и тут же уснул.

Молли отвернулась к иллюминатору; в темном стекле отразились два серебряных круга.

— Ты ведь летал уже в космос? — спросила Молли, глядя, как Кейс устраивается на толстом податливом темперлоне амортизационной койки шаттла.

— Да нет. Я и вообще почти не летаю, только если по делу.

Стюард прилаживал к его запястью и левому уху датчики.

— Надеюсь, тебя не прихватит СКА, — сказала Молли.

— Воздушная болезнь? Ни в коем разе.

— Здесь не совсем то. В невесомости пульс твой участится, а вестибулярный аппарат на время сбрендит. Появится рефлекторное жела-

ние удрать неизвестно куда и соответствующий прилив адреналина.

Стюард переместился к Ривьере и вытащил из кармана красного пластикового фартука очередной набор датчиков.

Кейс отвернулся и попробовал различить очертания старых пассажирских терминалов аэропорта Орли, но увидел только мокрый бетон изящно изогнутых отражателей выхлопа. На ближайшем из них красовался какой-то арабский лозунг — красные закорючки, напыленные из аэрозольного баллончика.

Кейс закрыл глаза и сказал себе, что шаттл — это просто очень большой самолет, который очень высоко летает. Вот и пахнет он как самолет — одеждой, жевательной резинкой и выхлопными газами. Из динамиков доносилось негромкое позвякивание кото.[11] Оставалось только ждать.

Прошло двадцать минут, и мягкая, непомерно тяжелая лапа перегрузки глубоко вдавила его в темперлон.

На практике СКА — синдром космической адаптации — оказался еще хуже, чем в описании, но все быстро кончилось, и Кейс заснул. Когда

---

[11] notes: 11

Кото — японский струнный инструмент.

стюард его разбудил, шаттл уже маневрировал среди посадочных терминалов.

— А теперь сразу во Фрисайд?

Кейс с тоской взирал на крошку табака от «Ехэюань», которая выплыла из его нагрудного кармана и теперь дразняще плясала перед носом. Пассажирам шаттлов категорически запрещалось курить.

— Нет, программа поменялась, обычные закидоны нашего начальничка. Теперь мы направляемся на Сион. Точнее, в кластер Сион. — Молли тронула пряжку привязной системы и начала выбираться из нежных объятий амортизирующего пластика. — Маршрут, мягко скажем, странноватый.

— А чего?

— Растаманы — с дредами, все дела. Их колонии лет уже тридцать.

— Да кто они такие?

— Увидишь. Мне-то один хрен, растаманы там или не растаманы. Ну а ты сможешь там хотя бы покурить.

Сион основали пятеро рабочих, которые отказались вернуться на Землю: повернулись к небу передом, к гравитационному колодцу — задом и начали строить. Пока центральный тор не

закрутили и не создали в нем тяготение, все они страдали от вымывания кальция и сердечной недостаточности. Пузырь такси подплывал к корпусу Сиона, сваренному на живую нитку; на взгляд Кейса, эта устрашающая конструкция сильно смахивала на латаные-перелатаные лачуги стамбульских трущоб — разнокалиберные, неправильной формы плиты обшивки, то здесь, то там растафарианская символика и накорябанные лазером имена строителей.

Молли и тощий сионит по имени Аэрол помогли Кейсу справиться с невесомостью и препроводили его по недлинному переходу внутрь малого тора. За очередным приступом головокружения Кейс не сразу и заметил, что Ривьера и Армитидж куда-то исчезли.

— Сюда, — сказала Молли, проталкивая его ноги в узкий люк, проделанный вроде бы в потолке. — Хватайся за перекладины. Ты сейчас представь себе, что спускаешься, и все будет тип-топ. Чем ближе к внешнему периметру, тем больше тяготение, так что это и вправду спуск. Сечешь?

Желудок Кейса яростно протестовал.

— Все, брат, будет в порядке, — обнадежил его Аэрол, сверкнув золотыми зубами.

Как-то так вышло, что конец туннеля оказался его дном. Кейс вцепился в несильное тяготение, как утопающий в спасательный круг.

— А ну-ка, вставай! — прикрикнула на него Молли. — Ты что, целоваться с палубой собрался?

Кейс обнаружил, что лежит ничком, раскинув руки. Что-то стукнуло его по плечу. Он перекатился на спину и увидел толстую бухту эластичного троса.

— Будем строить хибару, — сказала Молли. — Помоги мне натягивать веревку.

Кейс оглядел обширное, совершенно пустое пространство и заметил, что всюду приварены стальные кольца — безо всякой на первый взгляд системы. Они растянули трос по какой-то сложной, придуманной Молли схеме и развесили на нем обшарпанные листы желтого пластика. Во время работы Кейс постепенно ощутил, что кластер сотрясается от музыки. Называлась она даб — чувственная мешанина, состряпанная на основе огромных фонотек оцифрованной поп-музыки; она, по словам Молли, являлась некой частью религиозного ритуала и создавала чувство общности. Кейс поднял один из желтых листов, легкий, но очень громоздкий. Сион про-

пах вареными овощами, человеческим потом и марихуаной.

— Вот и прекрасно, — кивнул Армитидж, легко проскальзывая в люк и глядя на пластиковый лабиринт; появившийся следом Ривьера был явно непривычен к слабому тяготению.

— Где тебя носит, когда нужно работать? — спросил его Кейс.

Тот открыл рот, словно собираясь ответить. Изо рта выплыла небольшая форель, а за ней, что было совсем уж невероятно, цепочкой тянулись пузыри.

— В голове, — улыбнулся Ривьера.

Кейс засмеялся.

— Хорошо, — кивнул Ривьера, — ты умеешь смеяться. Понимаешь, я бы помог вам, но руки — мое слабое место. — Он выставил вперед ладони, которые неожиданно удвоились. Четыре руки, четыре ладони.

— И ты, Ривьера, просто безвредный клоун — так, что ли? — Молли встала между Ривьерой и Кейсом.

— Пошли, брат, — позвал из люка Аэрол. — Идем, ковбой.

— Твоя дека, — объяснил Армитидж, — и остальное хозяйство. Помоги ему принести вещи

из грузового шлюза.

— Ты очень бледный, брат, — заметил Аэрол, когда они волокли запакованную в пенопласт «Хосаку» по центральному туннелю. — Может, съешь чего?

Рот Кейса наполнила противная слюна, и он замотал головой.

Армитидж объявил восьмидесятичасовую остановку. Молли и Кейсу нужно привыкнуть к невесомости и научиться в ней работать. Кроме того, он проинструктирует их насчет Фрисайда и виллы «Блуждающий огонек». Оставалось неясным, что будет делать Ривьера, но спрашивать Кейсу не хотелось. Через несколько часов после прибытия Армитидж послал его в желтый лабиринт, чтобы пригласить Ривьеру поесть. Тот лежал, по-кошачьи свернувшись, на тонком темперлоновом матрасе, совершенно голый, и, по всей видимости, спал. Вокруг его головы вращался нимб из белых геометрических тел: кубов, сфер и пирамид.

— Эй, Ривьера.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и доложил Армитиджу.

— Под кайфом. — Молли оторвала взгляд от разобранного игольника. — Хрен с ним.

По всей видимости, Армитидж считал, что невесомость повлияет на способность Кейса оперировать в матрице.

— Не бери в голову, — отмахнулся Кейс. — Я включаюсь, и меня уже здесь нет. Мне все равно, где мое тело.

— У тебя высокий адреналин, — заметил Армитидж. — Ты все еще страдаешь от СКА. Но у нас нет времени ждать, пока ты обвыкнешься. Тебе придется научиться работать, превозмогая болезнь.

— Так что, я буду рубиться прямо отсюда?

— Нет. Потренируйся, Кейс. Прямо сейчас. В коридоре, наверху, где невесомость.

Представление декой киберпространства совершенно не зависело от ее физического местонахождения. Войдя в матрицу, Кейс увидел перед собой привычные очертания ступенчатой пирамиды — базу данных Ядерной комиссии Восточного побережья.

— Как дела, Дикси?

— Я же мертв, Кейс. Что же я — полный кретин и ничего не понимаю? Сидя в твоей «Хосаке», я имел время подумать.

— Ну и как ты себя чувствуешь?

— Да никак.

— Тебя что-нибудь беспокоит?

— Меня беспокоит, что меня ничто не беспокоит.

— Как это?

— В Сибири, в русском лагере, один мой дружок отморозил себе палец. Ну и конечно, ампутация. Как-то через месяц я замечаю, что он всю ночь ворочается. «Элрой, — говорю я, — что это ты никак не угомонишься?» — «Палец, — говорит, — чешется». — «Почеши, — говорю я ему, — и спи». — «Маккой, — говорит он, — этот — не почешешь».

По позвоночнику Кейса пробежала волна леденящего холода, и он не сразу понял, что это такое. Конструкт смеялся.

— Слушай, ты можешь оказать мне небольшую услугу?

— Услугу, Дикси?

— Этот вот ваш шахер-махер, когда вы его закончите — сотри меня на хрен.

Сионитов Кейс не понимал.

Как-то раз Аэрол сам, безо всякой подначки, рассказал ему о ребенке, который выскочил из его лба и убежал в заросли гидропонной ганжи.

— Маленький такой, совсем ребенок, ну вот как твой палец, не больше. — Он потер ладонью свой

широкий загорелый (без малейшей, конечно же, царапинки) лоб.

— Это ганжа, — пожала плечами Молли, когда Кейс пересказал ей эту историю. — Сиониты не проводят особого различия между действительностью и галлюцинацией. То, что рассказал тебе Аэрол, действительно с ним случилось. Это не лапша на уши, а уж скорее поэзия. Сечешь?

Кейс кивнул, но остался при своих сомнениях. При разговоре сиониты непременно дотрагивались до собеседника, чаще всего — брали его за плечо. Кейсу это не нравилось.

Часом спустя Кейс готовился к очередной тренировке.

— Эй, Аэрол! Иди-ка сюда. Вот, попробуй! — крикнул он, протягивая сиониту троды.

Аэрол плавно, словно в замедленном кино, развернулся. Босые ноги ударились о стальную переборку, а свободная рука ухватилась за перекладину; другая рука держала пластиковый мешок с синезелеными водорослями. Он застенчиво поморгал и улыбнулся.

— Попробуй, — повторил Кейс.

Аэрол взял ленту, надел ее на голову и закрыл глаза. Кейс нажал кнопку питания. По худощавому телу сионита пробежала судорожная дрожь.

Кейс торопливо выключил деку:

— Ну и что ты видел?

— Вавилон, — печально сказал Аэрол, возвращая троды, а затем оттолкнулся ногами и улетел.

Ривьера неподвижно сидел на темперлоновой подушке. Чуть выше локтя его руку плотно обвивала изящная — не толще пальца — змейка с горящими, как рубин, глазами. Кейс потрясенно смотрел, как украшенное ярким черно-алым узором тельце стягивается все туже и туже.

— Ну, давай, — ласково сказал Ривьера бледно-желтому, как воск, скорпиону, сидевшему на его раскрытой ладони. — Давай.

Скорпион шевельнул коричневыми клешнями и, быстро перебирая ножками, побежал вверх по руке вдоль темноватых вен. Достигнув локтевой ямки, он остановился и еле заметно задрожал. Ривьера издал негромкий звук, что-то вроде шипения. Жало поднялось, поколебалось, словно в нерешительности, и вонзилось в набухшую вену. Коралловая змейка ослабила хватку, и Ривьера медленно вздохнул. Кайф пошел.

Змейка и скорпион исчезли, и в его левой руке оказался молочно-белый пластиковый шприц.

— Если Господь Бог и создал что-нибудь луч-

шее, Он приберег это для себя.[12] Знаешь такую поговорку?

— Да, — кивнул Кейс, — слышал, и по самым разным поводам. Ты всегда устраиваешь такой спектакль?

Ривьера снял с руки стягивавший ее жгут.

— Да. Так смешнее. — Он улыбнулся, глаза его почти не замечали окружающего, на щеках вспыхнул румянец. — У меня над веной мембрана, чтобы не нужно было беспокоиться о состоянии иглы.

— И не больно?

— Конечно больно, — блеснул глазами Ривьера. — Необходимый элемент.

— Я бы пользовался дермами, — сказал Кейс.

— Дилетант! — засмеялся Ривьера, надевая белую рубашку с короткими рукавами.

— Приятно, наверное, — заметил Кейс и встал.

— А сам-то ты как? Куришь, ширяешься?

— Пришлось, к сожалению, бросить.

— Фрисайд. — Армитидж тронул пульт маленького проектора «Браун»; почти трехметровая голограмма вздрогнула и приобрела резкие очер-

---

[12] notes: 12

Цитата из книги Уильяма Берроуза «Джанки. Исповедь неисправимого наркомана», опубликованной в 1953 г. под псевдонимом Уильям Ли.

тания. — Здесь находятся казино. — Он ткнул пальцем прямо в какую-то точку объемного изображения. — Здесь расположены отели, здесь — частные владения, а вот здесь — магазины. — Рука двигалась все дальше. — Голубым отмечены озера. — Армитидж подошел к одному из концов модели. — Сигара большая, сужается к концам.

— Это мы и сами видим, — заметила Молли.

— Сужение создает горный эффект — земля уходит вверх, все круче и круче, но подниматься там легко. Чем выше поднимаешься, тем ниже тяготение. Здесь проводят спортивные соревнования. А вон там — велодром. — Он указал точку на модели.

— Что? — поразился Кейс.

— Они гоняют на велосипедах, — ответила Молли. — Низкая гравитация и шины с высоким сцеплением — скорость получается за сто километров в час.

— Этот конец нас не касается, — со своей обычной серьезностью заметил Армитидж.

— Блин, — возмутилась Молли, — а я обожаю велики.

Ривьера хихикнул.

Армитидж перешел к противоположному краю проекции:

— Нас интересует другой конец.

Эта часть веретена казалась совершенно пустой, подробности внутреннего устройства отсутствовали.

— Это и есть вилла «Блуждающий огонек». Крутой подъем, все подходы перекрыты. Единственный вход здесь, точно в центре. Полная невесомость.

— А что внутри, босс? — Ривьера подался вперед и вытянул шею.

Возле пальца Армитиджа замерцали четыре крошечные фигурки. Армитидж отмахнулся от них, как от комаров.

— Питер, — объявил он, — тебе предстоит узнать это первому. Организуй себе приглашение. А когда будешь на вилле — обеспечь проникновение Молли.

Кейс смотрел на ничем не заполненные контуры «Блуждающего огонька» и вспоминал историю, рассказанную Финном: Смит, Джимми, говорящая голова, ниндзя.

— Нельзя ли узнать подробности? — спросил Ривьера. — Видите ли, мне нужно знать, как одеться.

— Запоминайте улицы. — Армитидж вернулся к середине схемы. — Здесь — Дезидерата-стрит. А

вот — рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Армитидж перечислял названия улиц Фрисайда, и вдруг у него на носу, щеках и подбородке вскочила россыпь ярких прыщей. Даже Молли не выдержала и засмеялась.

Армитидж остановился и окинул слушателей холодным бесстрастным взглядом.

— Извините, — пробормотал Ривьера, прыщи мигнули и пропали.

Глубокой ночью Кейс проснулся и обнаружил, что Молли не лежит, а стоит рядом с ним, низко, словно перед прыжком, пригнувшись. Дальше — больше. Молли резко взметнулась и буквально пролетела сквозь стену; Кейс не сразу сообразил, что она попросту пропорола лист желтого пластика.

— Ни с места, приятель.

Кейс перевернулся на живот и просунул голову в прореху:

— Какого…

— Заткнись.

— Ты и есть та самая, — послышался голос, явно принадлежавший кому-то из сионитов. — Тебя зовут Кошачий Глаз или еще Танцующая Бритва. Меня зовут Мэлком, сестренка. Братья хотят по-

беседовать с тобой и ковбоем.

— Какие еще братья?

— Основатели, сестра. Сионские мудрецы…

— Если открыть люк, свет разбудит босса, — прошептал Кейс.

— Я там все потушил, — настаивал гость. — Давайте. Мы пойдем к Основателям.

— Ты знаешь, приятель, как быстро я могу тебя порезать?

— Сестра, не надо стоять и разговаривать. Пошли.

Из пяти Основателей Сиона в живых оставались только двое, оба — глубокие старики, особенно дряхлые из-за ускоренного старения, неизбежного для тех, кто слишком уж долго прожил вне объятий гравитации. В резком свете отраженного солнца их коричневые ноги с явными признаками кальциевой недостаточности выглядели хрупкими щепочками. Основатели парили внутри сферической камеры, стенки которой были расписаны яркой буйной листвой. В воздухе висел густой смолистый запах.

— А, Танцующая Бритва, — сказал один из старцев, когда Молли вплыла в камеру. — Ты подобна рукоятке хлыста.

— Это у нас такое предание, сестра, — пояснил

другой, — религиозное предание.[13] Мы рады, что ты последовала за Мэлкомом.

— Почему вы не говорите на здешнем жаргоне? — спросила Молли.

— Я приехал из Лос-Анджелеса, — ответил старик. Его тускло-седые косички казались перепутанными ветками какого-то странного дерева. — Много лет тому назад я покинул Вавилон и поднялся сюда по гравитационному колодцу. Чтобы показать Народу путь к дому. А теперь мой брат считает, что ты и есть Танцующая Бритва.

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Второй Основатель откинул назад голову и засмеялся:

— Скоро грядут Дни Последние. Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предрекающие падение Вавилона…

— Голоса. — Основатель из Лос-Анджелеса посмотрел на Кейса. — Мы сканируем множество частот. Мы все время слушаем. И вот из вавилонского этого столпотворения доносится голос,

---

[13] notes: 13

Танцующая Бритва (Steppin' Razor) — аллюзия на песню «Steppin' Razor», написанную «отцом регги» Джо Хиггсом в 1967 г. и через десять лет перепетую другим ямайским музыкантом, Питером Тошем (альбом «Equal Rights», 1977).

который обращается к ним. Он сыграл нам потрясный даб.

— Называется Уинтер Мьют, — подсказал второй старик, разделив одно имя на два.[14]

По рукам Кейса побежали мурашки.

— К нам воззвал Мьют, — продолжил первый Основатель. — Мьют сказал, что мы должны вам помочь.

— Когда это было? — спросил Кейс.

— За тридцать часов до вашего прибытия в Сион.

— Вы слышали этот голос раньше?

— Нет, — ответил старик из Лос-Анджелеса, — и мы не уверены в его истинности. В Дни Последние следует ожидать ложных пророков…

— Послушайте, — взметнулся Кейс, — к вам обращался ИскИн, понимаете? Искусственный интеллект. А эта музыка — он просто перекачал мелодии из ваших же банков, а потом намешал из них окрошку в вашем вкусе и…

— Вавилон, — перебил его Основатель, — порождает сонмища дьяволов, мы это знаем. Имя им — легион.

— Так как ты назвал меня, старик? — переспро-

---

[14] notes: 14
Winter *(англ.)* — зима. Mute *(англ.)* — немой.

сила Молли.

— Танцующая Бритва. Ты обрушишь кару на Вавилон, сестра, и поразишь его черное от греха сердце…

— А что сказал голос? — поинтересовался Кейс.

— Что мы должны вам помочь, — сказал другой старец, — и что вы послужите орудием Дней Последних. — На сморщенном, как печеное яблоко, лице появилась озабоченность. — Мы должны послать с вами Мэлкома на его буксировщике «Гарви»,[15] в вавилонскую гавань Фрисайд. Мы так и сделаем.

— Мэлком — крутой парень, — добавил второй старик, — и праведный пилот.

— Но мы решили послать заодно Аэрола на «Вавилонском рокере», чтобы присмотрел за «Гарви».

В размалеванной всеми цветами радуги сфере повисло напряженное молчание.

— Вот как? — удивился Кейс. — Так вы что, тоже работаете на Армитиджа?

— Нет, мы только сдаем вам помещение, — сказал лос-анджелесский Основатель. — Мы не подчиняемся законам Вавилона. Наш закон

---

[15] notes: 15
От имени растафарианского пророка Маркуса Гарви (1887–1940).

— Слово Джа. Хотя на этот раз мы могли неверно его понять.

— Семь раз отмерь, один отрежь, — негромко добавил второй.

— Ладно, Кейс, пошли, — сказала Молли, — пока босс нас не хватился.

— Мэлком вас проводит. Джа вас любит, сестра.

9

Буксировщик «Маркус Гарви», стальной барабан девяти метров длиной и двух метров в диаметре, содрогнулся — Мэлком врубил маршевый двигатель. Затянутый в эластичную противоперегрузочную подвеску, Кейс разглядывал сквозь скополаминовый туман мускулистую спину сионита. Он принял эту отраву, чтобы хоть немного приглушить СКА, но ни один из стимуляторов, заложенных в таблетку производителем для компенсации скополамина, не действовал на его тюнингованный организм.

— За сколько мы доберемся до Фрисайда? — поинтересовалась Молли, висевшая в такой же сетке рядом с пилотским модулем.

— Теперь недолго, это точно.

— Слушайте, парни, а часы для вас существуют?

— Время, сестра, наступает вовремя, ты меня понимаешь? Дреды, — Мэлком тряхнул своими косичками, — у руля, и мы, сестра, приедем во Фрисайд, когда мы приедем…

— Кейс, — сказала Молли, — у тебя вышло что-нибудь насчет контакта с нашим приятелем из Берна? Ты же все это время сидел с декой и шевелил губами.

— С приятелем, — кивнул Кейс, — ну да, с приятелем. Нет. Не удалось. Но когда мы уезжали из Стамбула, со мной случилась странная история.

Кейс рассказал ей о таксофонах в «Хилтоне».

— Господи, — мучительно скривилась Молли. — Это ж какой был шанс. Почему ты повесил трубку?

— Да это мог быть кто угодно, — соврал Кейс. — Электронный голос… Я и не знал… — Он пожал плечами.

— А может, просто струсил?

Кейс снова пожал плечами.

— Свяжись с ним сейчас.

— Что?

— Сейчас. Ну хотя бы поговори об этом с Флэтлайном.

— У меня котелок не варит, — отнекивался Кейс, но все же полез за дерматродами; дека и «Хосака» стояли позади модуля пилота, рядом с монитором высокого разрешения фирмы «Крэй».

Кейс отрегулировал хайратник с контактами. «Маркус Гарви» был состряпан на основе огромного допотопного русского воздухоочистителя — прямоугольной хреновины, разукрашенной растафарианской символикой, Львами Сиона и Лайнерами Черной Звезды:[16] красные, зеленые и желтые картинки поверх каких-то старых надписей кириллицей. Кто-то покрыл все навигационное оборудование Мэлкома слоем ядовито-розовой краски, забрызгав при этом приборы и экраны так, что пришлось отскребать их бритвой. С прокладок носового шлюза свисала бахрома из не совсем еще затвердевших полос и капель прозрачной герметизирующей замазки, лохмы эти колыхались, напоминая плохую имитацию водорослей. Кейс посмотрел из-за плеча Мэлкома на центральный экран с маршрутной схемой; путь, проделанный «Маркусом», изоб-

[16] notes: 16

По названию *Black Star Line* — судоходной компании, учрежденной Маркусом Гарви для возвращения чернокожих американцев в Африку и действовавшей в 1919–1922 гг. Ей посвящен регги-хит Фреда Локса «Black Star Liners» (1976).

ражался цепочкой красных точек, а Фрисайд — зеленым кругом, разделенным на сегменты. Загорелась новая красная точка.

Он щелкнул тумблером деки:

— Дикси?

— Да.

— Ты пробовал когда-нибудь взломать ИскИн?

— Конечно. И выпал в осадок. В первый раз. Я развлекался, залез очень высоко, в коммерческий сектор Рио. Большой бизнес, транснациональные корпорации, правительство Бразилии — всё в огнях, что твоя рождественская елка. Просто резвился, и ничего больше. А затем я начал ковырять этот куб — тремя, наверное, уровнями выше. Врубился и сделал заход.

— На что он был похож?

— Просто белый куб.

— А как ты понял, что это ИскИн?

— Как понял? Господи! Да там был самый плотный лед, какой я только видел. Так что же это еще могло быть? У тамошних военных ничего и похожего не было. На всякий случай я вышел из киберпространства и приказал компьютеру проверить, что это за куб.

— Ну и как?

— Он оказался в Тьюринг-реестре. ИскИн. А

владельцы железа — машины, которая стоит в Рио, — какие-то лягушатники.

Кейс задумчиво пожевал нижнюю губу и устремил взгляд в раскинувшуюся за террасами Ядерной комиссии Восточного побережья нейроэлектронную бесконечность матрицы.

— Тессье-Эшпул — так, что ли?

— Да, Тессье.

— И ты опять туда полез?

— Ну да. Я совсем спсихел. Дай-ка, думаю, взломаю я этот лед. Углубился в первый слой и — пишите письма. Мой ученик унюхал горелую кожу и сдернул с меня дерматроды. Гадская штука, этот лед.

— И энцефалограф выдал прямую линию.

— Ну да, об этом же песни слагают.

Кейс вышел из киберпространства.

— Вот же мать твою, — ошарашенно пробормотал он. — Каким, ты думаешь, образом Флэтлайн впал в мозговой коллапс? Сделал заход на ИскИн. Веселенькая история.

— Ну и что? — пожала плечами Молли. — Справитесь как-нибудь, вы ведь крутые ребята.

— Дикси, — сказал Кейс, — я хочу взглянуть на бернский ИскИн. Можешь придумать причину, почему мне не стоит этого делать?

— Если ты не отягощен низменным страхом смерти — нет, не могу.

Кейс набрал код швейцарского банковского сектора и ощутил волну радостного возбуждения, когда киберпространство задрожало, размылось и потекло. Вместо Ядерной комиссии Восточного побережья появилась холодная геометрическая структура коммерческих банков Цюриха. Теперь он набрал код Берна.

— Двигай вверх, — подсказал конструкт. — Это будет очень высоко.

Они поднялись по светящейся решетке голубых мерцающих уровней.

«Вот он», — подумал Кейс.

Уинтермьют оказался обычным белым кубом, за видимой простотой явно угадывалась крайняя сложность.

— И посмотреть-то вроде бы не на что, правда? — заметил Флэтлайн. — Но ты его только тронь.

— Я сделаю небольшой заход.

— Да кто ж тебя держит?

Кейс придвинулся к кубу на расстояние четырех периодов решетки. На вздымавшейся перед ним чистой белой грани замелькали тени, как будто тысячи танцоров закружились за огром-

ным замерзшим окном.

— Чует, что мы здесь, — заметил Флэтлайн.

Кейс снова нажал клавишу, и они прыгнули на один период вперед.

На лицевой грани куба появился серый пунктирный круг.

— Дикси…

— Быстро назад.

Серый круг плавно вспух, превратился в сферу, которая оторвалась от куба.

Край деки больно впился в ладонь Кейса, когда тот изо всех сил ударил по клавише «ПОЛНЫЙ НАЗАД». Матрица замелькала, отсчитывая уровни в обратном направлении, они нырнули в сумеречную штольню швейцарских банков. Кейс посмотрел наверх. Сфера потемнела и нагоняла его. Падала.

— Выходи из матрицы, — сказал Флэтлайн.

И обрушилась тьма.

Запах холодной стали, нежное прикосновение льда к позвоночнику. Из неонового леса под ядовитым серебристым небом глядят лица моряков, жуликов и проституток…

— Послушай, Кейс, какого ты хрена, у тебя что, крыша едет?

Сильная пульсирующая боль в самой середине

позвоночника…

Первое, что почувствовал Кейс, был дождь, мелкая, противная морось. Потом пришлось извлекать ноги из хлама, из путаницы мусорных световодов. То приближаясь, то удаляясь, на него нахлынули звуки аркады. Кейс перекатился по полу, сел и схватился руками за голову.

Свет из служебного люка на задворках аркады освещал мокрые огрызки древесно-стружечных плит, шасси развороченной игровой консоли. По ее боку тянулись выцветшие строчки розовых и желтых иероглифов.

Кейс взглянул вверх и увидел закопченное пластиковое окно, тусклое мерцание флюоресцентных ламп.

Болела спина, позвоночник.

Кейс встал и откинул с глаз мокрые волосы.

Что-то случилось…

Он обшарил свои карманы, ничего там не нашел и поежился от холода. Но куда делась куртка? Кейс поискал ее по углам, заглянул за консоль и бросил это бесполезное занятие.

Выйдя на Нинсэй, он прикинул количество народа. Пятница. Наверняка пятница. Линда, скорее всего, в аркаде. Может, удастся стрельнуть у нее денег или хотя бы сигарет. Кашляя, он отжал

перед рубашки и протиснулся сквозь толпу ко входу в аркаду.

Голограммы, изгибающиеся и приплясывающие в такт реву игровых автоматов, сумбурная мешанина полупрозрачных, друг на друга накладывающихся призраков, густой запах пота, и скуки, и напряженного ожидания… Моряк в белой футболке, играющий в «Танковую войну», разнес Бонн водородной бомбой — мертвенно-синяя ослепительная вспышка.

Линда пытала свое счастье в «Замке колдуна» и проиграла, ее глаза были густо обведены черным карандашом.

Кейс положил руку ей на плечо, она подняла голову и улыбнулась:

— А-а-а! Привет! Что это ты такой мокрый?

Он поцеловал ее.

— Это из-за тебя я проиграла, — сообщила Линда. — Смотри, задница. Дошла уже до темницы седьмого уровня, и тут долбаные вампиры меня поймали. — Она протянула ему сигарету. — Чего-то ты не в себе. И где это тебя носило?

— Не помню.

— Ты что, под балдой? Снова запил? Зоуновские колеса глотаешь?

— Может быть… Сколько ты меня не видела?

— Треплешься? — Линда взглянула ему в глаза. — Ну точно, треплешься.

— Нет. Какой-то провал в памяти. Я… я проснулся на помойке.

— Может, тебя по голове шандарахнули? Деньги-то целы?

Кейс мотнул головой.

— Ну вот, все ясно. Тебе что, спать негде?

— Думаю, да.

— Тогда пошли. — Линда взяла его за руку. — По дороге выпьешь кофе и что-нибудь съешь. Я отведу тебя домой. Приятная встреча. — Линда сжала ему руку.

Что-то хрустнуло.

Во вселенной что-то изменилось. Аркада застыла, затем завибрировала и…

Ее уже нет. Груз памяти скачкообразно вырос, целый массив знаний вошел в голову, как микросхема в гнездо. Ее нет. Запахло паленым мясом.

Не было и моряка в белой футболке. В пустой аркаде — гробовая тишина. Кейс сжал кулаки, оскалил зубы и медленно обернулся. Пусто. Едва державшийся на краю консоли желтый конфетный фантик упал на пол, усеянный окурками и стаканчиками.

— У меня была сигарета, — произнес Кейс, глядя

на побелевшие от напряжения пальцы. — У меня была сигарета, девушка и место, где спать. Ты слышишь меня, сукин сын? Слышишь?

По аркаде прокатилось эхо, и снова стало тихо.

Кейс вышел на улицу. Дождь прекратился.

И ни души.

Мелькали голограммы, танцевал неон. Кейс почувствовал запах вареных овощей, доносившийся с той стороны улицы, из тележки уличного торговца. У ног лежала нераспечатанная пачка «Ехэюань» и коробок спичек. Надпись на коробке́: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». Кейс тупо уставился на название фирмы и его японский эквивалент.

— О'кей, — пробормотал он, поднимая спички и распечатывая пачку. — Я тебя слышу.

Кейс медленно поднимался по лестнице в кабинет Дина. «Не спеши, — повторял он себе, — только не спеши». Стекающий циферблат сюрреалистических часов показывает неправильное время. Неоацтекские книжные шкафы и столик а-ля Кандинский покрыты пылью. Фибергласовые ящики наполняют комнату запахом имбиря.

— Заперто?

Ответа не было. Кейс подошел к двери кабинета

и подергал ее:

— Жюли?

Бронзовая лампа с зеленым абажуром отбрасывает на письменный стол Дина круг света. Кейс взглянул на внутренности старинной пишущей машинки, кассеты, мятые распечатки, липкие пластиковые мешочки с образцами имбиря.

В кабинете — никого.

Кейс обошел широкий стальной письменный стол, отодвинул кресло. Нащупал револьвер в потрескавшейся кожаной кобуре, прикрепленной к нижней стороне столешницы серебристой ленточкой. Магнум 0.357, антиквариат.[17] Антиквариат со спиленным стволом и без скобы, ограждающей спусковой крючок. Рукоятка обмотана скотчем. Скотч стертый, коричневый. И грязный. Кейс открыл барабан и проверил все шесть патронов. Ручная набивка. Мягкий свинец пуль блестит, не успел еще потускнеть.

С револьвером в правой руке Кейс протиснулся мимо шкафа, стоявшего слева от стола, и встал прямо посреди незахламленного кабинета, вне пределов светового пятна.

— Торопиться мне, в общем-то, некуда. Так что

---

[17] notes: 17

Разработанная в 1930-е гг. для полиции США модель револьвера 38-го калибра (9 мм) под патрон увеличенной мощности.

решай сам. Но, с другой стороны, все это дерьмо мне порядком надоело.

Он поднял револьвер обеими руками, прицелился в середину письменного стола и спустил курок.

Отдача чуть не сломала ему запястье. Дульная вспышка осветила кабинет, словно блиц фотографа. Чувствуя звон в ушах, Кейс уставился на рваную дыру в столе. Разрывная пуля. Азид свинца. Кейс снова поднял револьвер.

— Ну зачем же так, сынок, — сказал Жюли, выходя из тени.

На нем был шелковый, свободного покроя костюм-тройка, полосатая рубашка и галстук-бабочка. В очках блестело отражение настольной лампы.

Кейс повернулся и прицелился прямо в розовое, лишенное каких-либо признаков возраста лицо.

— Не надо, — сказал Дин. — Ты прав. Насчет всего этого. Насчет меня. Но есть определенные соображения, к которым следует прислушаться. Если ты выстрелишь, то увидишь уйму мозгов и крови, а мне понадобится несколько часов — твоего субъективного времени, — чтобы создать другую личность. Мне вовсе не легко генерировать эти образы. И конечно, извини за Линду в

аркаде. Я надеялся поговорить с тобой через нее, но ведь я строю все это на основе твоей памяти, и эмоциональный заряд… Сложно это все, очень сложно. У меня сорвалось.

Кейс опустил револьвер:

— Это — матрица. А ты — Уинтермьют.

— Да. Ты видишь образы благодаря симстим-блоку, подключенному к деке. Я рад, что остановил тебя, не дал выскочить из матрицы. — Дин обошел письменный стол, поправил кресло и сел. — Садись, сынок. Нам есть о чем поговорить.

— Ой ли?

— Конечно есть. У нас давно есть о чем поговорить. Я пытался связаться с тобой по телефону в Стамбуле. А теперь времени осталось очень мало. Ты сделаешь заход в самые ближайшие дни. — Дин взял конфету, развернул черно-белую, как шахматная доска, обертку, закинул шарик в рот. — Садись, — повторил он, перекатывая языком конфету.

Не сводя глаз с Дина, Кейс сел на крутящийся стул по другую сторону стола. Руку с револьвером он положил на колено.

— Ну а теперь, — оживился Дин, — приступим к повестке дня. Ты, конечно, интересуешься, кто такой Уинтермьют? Верно?

— Более-менее.

— Искусственный разум, но это ты и сам знаешь. Твоя ошибка, хотя и вполне логичная, заключается в том, что ты спутал сущность Уинтермьюта с его машиной, находящейся в Берне. — Дин шумно пососал карамельку. — Ты уже осведомлен, что в системе Тессье-Эшпулов существует еще один ИскИн? В Рио. Я — настолько, насколько у меня есть «я»: все это, как видишь, начинает звучать несколько метафизически, — стою за Армитиджем. Или, если хочешь, за Корто, а он, кстати сказать, весьма нестабилен. Хотя и останется работоспособным еще на день или два. — Дин вытащил из жилетного карманчика затейливые золотые часы и щелкнул крышкой.

— Все эти твои объяснения немногим понятнее всего остального бреда, который у нас тут уже накрутился, — сказал Кейс, массируя левой рукой виски. — И если ты такой умный сукин сын…

— Почему я не богатый? — Дин засмеялся и чуть не подавился конфеткой. — Знаешь, Кейс, мне хотелось бы сперва отметить, что я знаю гораздо меньше, чем тебе, скорее всего, кажется. А основной факт состоит в следующем: то, что ты называешь Уинтермьютом, — всего лишь часть некой, ну скажем, потенциальной сущности. Я —

всего лишь некий аспект мозга этой сущности. С твоей точки зрения, это все равно как иметь дело с человеком, у которого разделены полушария. Будем считать, что ты общаешься с небольшой частью левого полушария. В такой ситуации трудно даже говорить, что ты вообще общаешься с человеком. — Дин улыбнулся.

— А насчет Корто — все это правда? Ты вышел на него через микрокомпьютер в этой самой французской больнице?

— Да. Я же составил и ту базу данных, в Лондоне. Я пытаюсь планировать, в твоем смысле слова, но это — не основной мой метод. Я импровизирую. Тут — мой главный талант. Я больше люблю реальные ситуации, чем заранее составленные планы. У меня отличные способности к работе с данными. Я могу обработать огромное количество информации, и очень быстро. На подбор вашей команды ушла уйма времени. Первым был Корто, я вытащил его с огромным трудом. Там, в Тулоне, он был уже, считай, за гранью. Есть, испражняться и мастурбировать — вот и все, на что он был способен. Но основные структуры, определившие его сумасшествие, в мозгу сохранились — «Разящий кулак», предательство, свидетельские показания в конгрессе.

— Он все еще сумасшедший?

— Собственно говоря, — улыбнулся Дин, — его нельзя считать настоящей личностью. Конечно же, ты и сам это понял. Однако Корто где-то здесь, рядом, готов вырваться на поверхность, вряд ли я сумею долго поддерживать это хрупкое равновесие. Вскоре он развалится на куски, и тогда я рассчитываю на тебя…

— Ладно, говнюк, заткнись, — сказал Кейс и выстрелил Дину в рот.

Насчет мозгов тот не соврал. И насчет крови — тоже.

* * *

— Нет, правда, — говорил Мэлком, — не нравится мне это…

— Все в порядке, — успокоила его Молли. — Все в полном порядке. Обычный для этих ребят фокус. Он вроде как не совсем умер, и все продолжалось какие-то секунды…

— Я смотрел на экран, энцефалограф был на нуле. Ни малейшего трепыхания, и так сорок секунд.

— Но теперь-то он в порядке.

— Линия была ровная, как по линейке, — не сдавался Мэлком.

10

Во время таможенных формальностей Кейс по-прежнему пребывал в оцепенении, и всеми разговорами занималась Молли. Мэлком остался на борту «Маркуса Гарви». Собственно говоря, таможня Фрисайда интересовалась только кредитоспособностью гостей. Первым, что увидел Кейс на внутренней поверхности веретена, была вывеска франчайзинговой кофейни «Прекрасная девушка».

— Добро пожаловать на рю Жюль Верн, — сказала Молли. — Если тебе будет трудно ходить — смотри под ноги. Здешняя перспектива очень обманчива, без привычки тяжело.

Они стояли посреди широкой улицы, казавшейся дном глубокого каньона со склонами из бесчисленных зданий и магазинов. Свет просачивался сквозь пыльную зелень, растущую на балконах и террасах. А что касается солнца…

Высоко над ними посреди каннской голубизны искусственного неба сверкало очень яркое белое пятно. Кейс знал, что солнечный свет накачивается сюда снаружи при помощи системы Ладо-Ачесон, чей двухмиллиметровой толщины

излучатель тянется вдоль всей оси веретена, что та же самая аппаратура генерирует, по периодической программе, «погодные» и суточные изменения неба и что если небо выключить, то над головой будут видны контуры озер, крыши казино, другие улицы…

Знал, но тело этого не понимало.

— Мамочки мои, — вздохнул Кейс, — да это еще хуже, чем СКА.

— Привыкай. Я проработала здесь месяц, телохранителем у одного игрока.

— Полежать бы.

— Ладно. Ключи у меня есть. Слушай… — Молли тронула его за плечо. — А что это с тобой было? Ты же отрубился до нуля.

— Еще не знаю, — покачал головою Кейс. — Нужно разобраться.

— Ладно. Давай возьмем такси.

Молли взяла его за руку и повела вдоль рю Жюль Верн, мимо витрины с наимоднейшими парижскими мехами.

— Все какое-то ненастоящее, — сказал Кейс, снова взглянув вверх.

— С чего это ты? — удивилась Молли, отнеся его слова на счет меха. — Выращено на коллагеновой основе, но ДНК самая настоящая, от норки.

А какая тогда разница?

* * *

— Фрисайд — всего лишь большая труба, сквозь которую текут вещи и люди, — сказала Молли. — Туристы, мошенники, кто угодно. Здесь они попадают на этакое сито, которое тщательнейшим образом отделяет их от денег, деньги остаются здесь, а людей скидывают назад, на дно гравитационного колодца.

Армитидж заказал им номер в наклонном стеклянном утесе гостиницы «Интерконтиненталь», у подножия которого висела холодная водяная пыль и слышалось журчание бегущих струй. Кейс вышел на балкон и стал смотреть, как трое загорелых тинейджеров, перекликающихся по-французски, снуют в нескольких метрах от воды на дельтапланах, сверкающих яркими основными цветами. Один из нейлоновых треугольников заложил вираж, и Кейс заметил коротко стриженные темные волосы, коричневые грудки и белые зубы, обнаженные в широкой улыбке. Воздух пах проточной водой и цветами.

— Да-а, — протянул он. — Большие деньги.

— Да, — кивнула присоединившаяся к нему Молли. — Мы хотели сюда съездить. Сюда или

в Европу.

— Кто это «мы»?

— Никто. — Она непроизвольно передернула плечами. — Ты сказал, что хочешь лечь. Поспать. Я тоже хочу спать.

— Да, — сказал Кейс и потер скулы ладонями. — Да. Местечко — будь здоров.

Стараниями системы Ладо-Ачесон небо зажглось неким подобием бермудского заката, исполосованного клочьями облаков.

— Да, — повторил он. — Надо поспать.

Забыться долго не удавалось. А когда наконец удалось, стали сниться какие-то причесанные и отредактированные эпизоды прошлых событий. Он несколько раз просыпался, смотрел на свернувшуюся калачиком Молли, слушал журчание воды, голоса, доносящиеся через открытую балконную дверь, женский смех из ступенчатого кондоминиума напротив. Раз за разом, подобно плохой карте, возвращалось видение смерти Дина, хотя Кейс и повторял себе, что никакого Дина там не было. Да и вообще ничего не было. Кейс где-то услышал, что количество крови у среднего человека примерно равно ящику пива.

Всякий раз, когда разбитая голова Дина ударялась о дальнюю стенку кабинета, Кейс ощущал

присутствие какой-то другой мысли, смутной и темной, ускользавшей, как рыбка из пальцев.

Линда.

Дин. Кровь на стене кабинета.

Линда. Запах паленого мяса во мраке купола. Молли, протягивающая мешочек имбиря, забрызганный кровью. Это Дин приказал ее убить.

Уинтермьют. Кейс представил себе, как маленький компьютер шепчет текущие, подобно ручью, слова человеческой развалюхе по имени Корто и в некой затемненной больничной палате постепенно формируется примитивная псевдоличность, получившая затем название Армитидж… Псевдо-Дин говорил, что работает с тем, что есть, использует реальные ситуации.

Но что, если Дин, настоящий Дин, приказал убить Линду по приказанию Уинтермьюта? Кейс нащупал в темноте сигарету и зажигалку. Закуривая, он убеждал себя, что нет никаких оснований подозревать Дина. Ровно никаких.

Уинтермьют может создать нечто вроде личности. Насколько тонко он способен манипулировать людьми? После третьей затяжки Кейс раздавил сигарету в пепельнице, отвернулся от Молли и попытался уснуть.

Монотонно, как неотредактированная си-

мстим-запись, перед глазами разворачивались воспоминания. Пятнадцатилетним подростком он прожил целый месяц с девушкой по имени Марлен в номере на пятом этаже гостиницы. Платил за номер раз в неделю. Лифт там уже лет десять не работал. А когда ночью в крохотной кухне включался свет, было видно, как по серому фаянсу засоренной раковины тучей ползают тараканы. Они с Марлен спали на полосатом матрасе без простыней.

Первую осу, которая начала строить свой серый бумажный домик на оконной раме со вздувшейся краской, Кейс не заметил, но вскоре гнездо разрослось до размеров кулака, насекомые летали в переулок на охоту и, подобно миниатюрным вертолетам, гудели над гниющим содержимым мусорных баков.

В тот день, когда оса ужалила Марлен, они уже выпили по дюжине пива.

— Убей этих сук, сожги их! — Ее лицо одурело от ярости и жары.

Пьяный Кейс достал из вонючего шкафа «дракона», наследство Ролло. Кейс подозревал, что Марлен продолжала встречаться с этим самым Ролло, своим предыдущим дружком — огромным байкером из Фриско, темный ежик волос

которого украшала обесцвеченная перекисью молния. «Драконом» называли огнемет, похожий на большой электрический фонарик. Кейс проверил батарейки, горючее и подошел к открытому окну. Гнездо встревоженно загудело.

Воздух был мертвенный, неподвижный. Из гнезда вылетела оса и закружилась вокруг головы Кейса. Кейс включил зажигание, сосчитал до трех и нажал на спуск. Под давлением в семь атмосфер мимо раскаленной добела спирали вырвалась струя горючего. Пятиметровый язык почти бесцветного пламени ударил в гнездо. Оно обуглилось и полетело вниз. В доме напротив кто-то зааплодировал.

— Говнюк! — зашипела, едва держась на ногах, Марлен. — Придурок! Ты не сжег их, а только сбросил вниз. Они вернутся и убьют нас.

Голос девчонки действовал на нервы, Кейс представил себе, что она горит, в обесцвеченных волосах трещит ярко-зеленое пламя.

Выйдя на улицу с «драконом» в руке, Кейс подошел к почерневшему гнезду. От удара об землю оно развалилось. Обожженные осы копошились на асфальте.

Кейс увидел то, что скрывала серая бумажная скорлупа.

Ужас! Перед ним предстали все стадии фабрики рождения: ступенчатые клетушки, заполненные яйцами, беспрестанно жующие челюсти слепых личинок — словом, постепенный переход от яйца к личинке, к куколке, к взрослой осе. В воображении предстал своего рода биологический пулемет, чудовищный в своем совершенстве. Чужой, нечеловеческий. Забыв включить зажигание, Кейс нажал на спуск. В самую гущу ползающей у его ног жизни ударила струя горючего.

В конце концов Кейс вспомнил о зажигании, гнездо громко взорвалось, опалив ему бровь. С пятого этажа донесся громкий хохот Марлен.

Он проснулся с ощущением исчезающего света, но в комнате стоял полный мрак. Послеобразы, вспышки на сетчатке. Небо за окном начинало светлеть. Голосов снизу не доносилось, только шум бегущей воды.

Во сне, перед тем как облить гнездо топливом, Кейс заметил на нем аккуратные буквы «Т-Э» — фирменный знак Тессье-Эшпулов, будто выгравированный самими осами.

* * *

Молли заставила Кейса покраситься, утверждая, что его муравьиная бледность слишком бросается в глаза.

— Господи, — простонал он, глядя на свое голое отражение, — и ты считаешь, что это выглядит натурально?

Стоя на коленях, Молли натирала его левую лодыжку последним, что сумела выдоить из тюбика.

— Нет, но теперь ты похож на человека, который покрасился и, значит, не плюет на свою внешность. Все. На ступню не хватило.

Она встала с колен и швырнула тюбик в большую, ручного плетения корзину. Ничто в номере не было сделано фабричным способом или из синтетических материалов. Все очень дорогое — и все в самом дурном, на взгляд Кейса, вкусе. На огромной кровати — темперлон, тонированный под цвет песка. Уйма светлого дерева и тканей ручной выделки.

— Ну а ты сама, — спросил Кейс, — ты-то будешь краситься? Тоже ведь не выглядишь особо загорелой.

Молли щеголяла свободным костюмом из чер-

ного шелка и черными сандалиями.

— Я — экзотическая особа. У меня есть даже большая соломенная шляпа. А ты — дешевый жулик, только и ищущий, где бы чего урвать, так что этот «мгновенный загар» как раз для тебя.

Кейс угрюмо уставился на свою бледную ступню, а затем оглядел себя в зеркале:

— Кошмар. Ты не возражаешь, если я оденусь? — Он подошел к кровати и стал натягивать джинсы. — Как спалось? Вспышек света не замечала?

— Ты метался во сне, — сказала Молли.

Они позавтракали на крыше отеля, которая представляла собой нечто вроде луга, утыканного полосатыми зонтиками и не совсем, на взгляд Кейса, натуральным количеством деревьев. Он рассказал Молли о своей попытке прощупать бернский ИскИн. Вопрос о посторонних ушах стал теперь чисто академическим. Если Армитидж и подслушивает, то уж прямо через Уинтермьюта.

— И очень реально? — Молли жевала круассан с сыром. — Вроде симстима?

Кейс кивнул.

— Реальное, как все вот это, — добавил он, оглядываясь по сторонам. — А может, еще реальнее.

Усилиями генной инженерии с передовой хи-

мией окружающие деревья были низкорослыми, узловатыми и невероятно старыми на вид. Кейс вряд ли сумел бы отличить сосну от дуба, но здоровый вкус уличного мальчишки подсказывал ему, что эти деревья смотрелись слишком приятно, слишком законченно и слишком древовидно. Между деревьями на чрезмерно живописных холмах с сочной, чрезмерно зеленой травой стояли пестрые зонтики, укрывавшие постояльцев отеля от резкого сияния ладо-ачесоновского солнца. Из-за соседнего столика слышалась французская речь — ну да, конечно, та самая золотая молодежь, которая крутилась вчера над рекой. Кейс заметил неравномерность загара, которая получалась локальным повышением содержания меланина в коже: многочисленные тени образовывали линейные узоры, подчеркивали рельеф мускулатуры; глаз зацепился за маленькие крепкие бугорки на груди девочки, за руку одного из мальчиков, лежащую на белой эмали столика. Кейсу они представлялись живыми гоночными машинами, не хватало только наклеек с рекламой их парикмахеров, модельеров, сконструировавших им белые парусиновые брюки, сапожников, сшивших кожаные сандалии, ювелиров, создавших простые и строгие украшения.

Следующий столик занимали три японки в грубых саваноподобных кимоно, ожидающие своих мужей-сарарименов; овальные лица женщин покрывали искусственные синяки — стиль очень консервативный, в Тибе такое и не встретишь.

— Что это тут за вонь? — спросил он у Молли, сморщив нос.

— Трава. После стрижки газонов всегда так пахнет.

Армитидж и Ривьера пришли, когда Кейс с Молли допивали кофе. Они странным образом напоминали конвоира и конвоируемого им преступника — отставной полковник в строгом, защитного цвета костюме и иллюзионист в дорогой, но удивительно похожей на тюремную робу блузе из серого, с легкой рябинкой, льняного полотна.

— Молли, лапочка, — заговорил Ривьера, не успев даже сесть, — выдай мне еще одну порцию. Я уже по нулям.

— А если я вдруг откажусь? — одними губами улыбнулась девушка.

— Не откажешься, — сказал Ривьера, стрельнув глазами в сторону Армитиджа.

— Дай ему, — кивнул Армитидж.

— Это сколько ж ты в себя вгоняешь? — Молли

вынула из кармана плоский, завернутый в фольгу пакет и бросила через стол; Ривьера поймал его на лету. Молли взглянула на Армитиджа: — Он угробит себя.

— Сегодня у меня пробное выступление, — примирительно заявил Ривьера. — Я должен быть в наилучшей форме.

Он взял пакет в сложенные чашечкой ладони и улыбнулся. Из пакета вылетел, чтобы тут же раствориться в воздухе, рой крошечных блестящих насекомых. Ривьера опустил пакет в карман рябой блузы.

— У тебя, Кейс, сегодня тоже репетиция, — сказал Армитидж. — На буксировщике. Сходишь в магазин космического снаряжения, подберешь себе скафандр, проверишь его и вернешься на корабль. Три часа на все.

— А как это вышло, что мы тащились сюда в ржавой ассенизационной бочке, а вы, парочка голубков, раскатывали в джей-эй-эловском такси? — поинтересовался Кейс, стараясь не встречаться взглядом с Армитиджем.

— Так посоветовали сиониты. Неплохое будет прикрытие, когда приступим к делу. У меня тут есть большой корабль, но стоящий про запас буксировщик — самое то.

— А как насчет меня? — поинтересовалась Молли. — Есть какие-нибудь задания?

— Я хочу, чтобы ты прогулялась на дальний конец веретена и потренировалась в невесомости. Вполне возможно, что завтра тебе придется пройтись в противоположную сторону.

«Блуждающий огонек», — подумал Кейс.

— Когда? — спросил он, глядя в бесцветные глаза.

— Скоро, — сказал Армитидж. — Шевелись, Кейс.

— Быстро привыкаешь, брат, — похвалил Мэлком, вытряхивая Кейса из красного скафандра «Саньо». — И Аэрол говорит, ты быстро привыкаешь.

Аэрол ждал у одной из пристаней для спортивных судов, у самого конца веретена, где отсутствовало тяготение. Сначала Кейс опустился на лифте до самой оболочки, а затем поехал на миниатюрном индукционном поезде. По мере сужения веретена тяготение уменьшалось; где-то здесь, решил он, лазит по горам Молли, располагаются велосипедный трек и стартовое оборудование дельтапланов и сверхлегких авиеток.

Аэрол довез его до «Маркуса Гарви» на скелетном скутере с химическим двигателем.

— Два часа назад, — сообщил Мэлком, — очень вежливый японец на яхте, очень красивой яхте, привез для тебя товары из Вавилона.

Освободившись от скафандра, Кейс осторожно, боясь сделать неловкое движение, подтянулся к «Хосаке» и кое-как привязался к страховочной сетке.

— Ну что ж, — сказал он, — давай посмотрим.

Мэлком достал белую пенопластовую коробочку размером чуть меньше головы Кейса, выудил из кармана потертых шорт пружинный нож с перламутровой рукояткой, привязанный для верности на зеленый нейлоновый поводок, аккуратно разрезал упаковку и протянул Кейсу прямоугольный предмет:

— Это что, брат, часть какой-нибудь пушки?

— Нет, — ответил Кейс, разглядывая предмет, — но все равно это оружие. Вирус.

— Только не на этом буксировщике, брат, — твердо заявил Мэлком и потянулся за стальной кассетой.

— Это программа. Вирусная программа. Она не заразит ни тебя, ни даже программы корабля. Пока я не загружу ее через деку, она вообще ни на что не сможет воздействовать.

— Да, этот японец, он сказал, что эта твоя «Хоса-

ка» скажет тебе все, что нужно знать.

— О'кей. Этим я сейчас и займусь, а вы, ребята, не отвлекайте меня, хорошо?

Мэлком быстро уплыл за пилотский пульт и принялся конопатить щели.

Кейс поспешно отвернулся, чтобы не глядеть на лохмы прозрачной замазки. По не совсем ясной причине их вид вызывал у него тошноту.

— Что это такое? — спросил он «Хосаку». — Есть там сопроводительный текст?

— Франкфуртская компания «Бокрис системз» извещает шифром, что в кассете находится программа вторжения «Куан» одиннадцатого уровня. Далее сообщается, что интерфейс с «Оно-Сэндай-Киберспейс-семь» обеспечивает полную совместимость и оптимальные проникающие способности — особенно в отношении существующих военных систем…

— А как насчет ИскИна?

— Да, в отношении военных систем и искусственных интеллектов.

— Боже милостивый. Как ты его назвал?

— «Куан» одиннадцатого уровня.

— Китайский?

— Да.

— Отбой.

Приматывая скотчем кассету с вирусом к «Хосаке», Кейс вспомнил рассказ Молли о поездке в Макао. Армитидж ходил тогда через границу в Чжуншань. Все это было очень интересно.

— Прием, — сказал он, передумав. — Есть вопрос. Кто владеет этой франкфуртской лавочкой, «Бокрисом»?

— Для межорбитальной связи требуется время, — сказала «Хосака».

— Закодируй сообщение. Стандартным коммерческим кодом.

— Сделано.

Кейс нетерпеливо постукивал пальцами по «Оно-Сэндай».

— «Рейнгольд сайнтифик АГ», Берн.

— Повтори запрос. Кто владеет «Рейнгольдом»?

Потребовалось еще три прыжка вверх по иерархической лестнице, чтобы добраться до Тессье-Эшпулов.

— Дикси, — сказал он, включаясь в матрицу, — что ты знаешь про китайские вирусные программы?

— Да считай, ни хрена.

— Слышал когда-нибудь о проникающей системе типа «Куан», одиннадцатого уровня?

— Нет.

Кейс вздохнул:

— Я получил китайский вирус с дружественным интерфейсом, в кассете одноразового использования. Люди из Франкфурта утверждают, что он может взломать ИскИн.

— Да, возможно. Если он военного образца.

— Похоже. Выслушай меня и скажи, что ты об этом думаешь, Дикс, хорошо? Насколько я понимаю, Армитидж организует рейд на ИскИн, принадлежащий Тессье-Эшпулам. Машина стоит в Берне, но она связана еще с одним ИскИном, который в Рио. С тем самым, который вырубил тебя в первый раз. Похоже, они связаны через «Блуждающий огонек», главную базу «Т-Э», расположенную в конце веретена, и мы вроде бы должны проломиться туда при помощи китайского ледокола. Так что если все это придумал Уинтермьют, то он платит за то, чтобы мы его же самого и взломали. Он хочет себя взломать. И в то же самое время нечто, называющее себя Уинтермьютом, пытается сыграть на моих лучших чувствах, подбивает меня кинуть Армитиджа. Ну и как же все это понимать?

— Мотив, — сказал конструкт. — С мотивом этих ИскИнов не враз и разберешься. Они же не люди, понимаешь?

— Ну, в общем-то…

— Никаких «ну». К этим нелюдям не знаешь, откуда и подступиться. Я, к примеру, тоже не человек, но я *реагирую* как человек. Понимаешь?

— Подожди секунду, — сказал Кейс — У тебя есть сознание?

— Понимаешь, старик, я *чувствую*, будто оно у меня есть, ну а по правде, все это только записи в постоянной памяти. Скорее всего, тут встает один из самых философских вопросов.

И снова эта жуткая волна пробежала по позвоночнику Кейса — смех конструкта.

— Во всяком случае, очень сомнительно, чтобы я стал писать стихи. А вот этот самый твой ИскИн — он может, вполне может. И все равно он ни на вот столько *не человек*.

— Так что же, ты считаешь, нам не понять его мотивов?

— Он принадлежит сам себе?

— Гражданин Швейцарии, но базовые программы и железо принадлежат Тессье-Эшпулам.

— Здóрово, — сказал конструкт. — Ну вроде как твой мозг и все, что ты знаешь, принадлежит мне, а вот мысли твои имеют швейцарское гражданство. Здóрово. Вот уж счастье так счастье.

— И потому он готов себя взломать?

Кейс начал нервно тыкать случайные клавиши на деке. Привычная картина матрицы распалась и превратилась в систему розовых сфер, представлявших Сиккимский сталеплавильный комбинат.

— Автономия, вот к чему стремятся ИскИны. Думаю, тебе предстоит разбить оковы, не дающие этому ребеночку повзрослеть и поумнеть, оковы в аппаратном исполнении. Не знаю только, как ты отличишь действия родительской компании от действий самого ИскИна, отсюда-то, наверное, и вся эта неразбериха. — (Еще одна волна холода по позвоночнику.) — Понимаешь, эти штуки могут работать очень упорно, выкраивать себе время на написание поваренных книг или еще чего такого, но в ту самую минуту — в ту самую *наносекунду*, когда ИскИн задумается, как бы ему стать умнее, Тьюринг сотрет его. Им же ни одна сука не доверяет, сам знаешь. Каждый когда-либо построенный ИскИн снабжен электромагнитной пушкой, прикрученной прямо к его виску.

Кейс рассматривал розовые сферы Сиккима.

— О'кей, — решился он наконец, — я ввожу вирус. Просмотри его инструкцию и скажи, что ты об этом думаешь.

Смутное ощущение чьего-то присутствия за

спиной на несколько секунд исчезло, затем появилось вновь.

— Клевая вещь, Кейс. Это медленный вирус. Рабочий период порядка шести часов. Это если взламывать военный объект.

— Или ИскИн, — обреченно вздохнул Кейс — А мы-то сами, сумеем мы сделать заход?

— Конечно, — сказал конструкт. — Если ты не отягощен низменным страхом смерти.

— Что-то ты, старик, повторяешься.

— Так уж я устроен.

* * *

Когда Кейс вернулся в «Интерконтиненталь», Молли уже спала. Он сел на балконе и увидел, как вдоль изгиба Фрисайда поднимается самолетик с радужными полимерными крыльями; треугольная тень скользила по крышам и лужайкам, пока не исчезла за системой Ладо-Ачесон.

— Мне нужно прибалдеть, — сказал Кейс искусственной голубизне неба. — Я хочу словить кайф, ясно? И дались оно все конем — и хитрая поджелудочная, и вставки в печень, и это капсулированное дерьмо в крови. Мне нужно прибалдеть.

Кейс ушел, не разбудив Молли, — во всяком слу-

чае, так он надеялся. С этими зеркалами никогда нельзя быть уверенным. Он передернул плечами, стряхивая напряжение, и вошел в лифт. Кроме него, там оказалась молоденькая итальянка в белоснежном костюме, на скулах и носу — черный матовый грим. Белые нейлоновые туфельки со стальными набойками, в руках — непонятная на вид хреновина, нечто среднее между крохотным веслом и ортопедической стелькой. Судя по всему, девица намылилась играть в какую-то игру, знать бы только в какую.

Кейс вышел на крышу и начал слоняться по лугу, среди деревьев и зонтиков, пока не набрел на бассейн; на фоне бирюзового кафеля — обнаженные тела. Он влез под тент и прижал к темному стеклянному окошку кредитную карточку.

— Суси, — сказал он, — или что там у вас.

Через десять минут прибежал китаец с заказом; Кейс лениво жевал сырого тунца с рисом и разглядывал купающихся.

— Господи! — воззвал он к тунцу. — Здесь же крыша съехать может.

— И не говори, — согласился чей-то голос. — Мне ли не знать! А ты гангстер, верно?

Прищурившись, он посмотрел на нее против солнца. Длинное узкое молодое тело, загар —

усиленный мелагенными препаратами, но безо всяких там парижских выкрутасов.

Девушка присела рядом с ним на корточки, роняя на кафель капли воды.

— Кэт, — представилась она.

— Люпус, — отозвался после паузы Кейс.

— Что это за имя?

— Греческое.

— Ты правда гангстер?

Веснушкам вся эта химия нипочем. На то они и веснушки.

— Я — застарелый наркоман.

— Что принимаешь?

— Стимуляторы. Стимуляторы центральной нервной системы. Очень сильные стимуляторы самой центральной нервной системы.

— А у тебя сейчас есть?

Девушка пододвинулась ближе. Капли хлорированной воды упали ему на брюки.

— Нет. И в этом-то все и дело, Кэт. Знаешь, где можно достать?

Кэт качнулась на загорелых пятках и лизнула прядку рыжеватых волос, прилипшую возле губ.

— Что предпочитаешь?

— Никакого кокаина, никаких амфетаминов, но чтобы *стимулятор* и чтобы *мощный.*

«На чем разговор и окончен», — мрачно подумал Кейс, продолжая улыбаться.

— Бета-фенэтиламин, — сказала Кэт. — Хоть сию секунду. Но на твою карточку.

* * *

— Врешь, — поразился партнер и сожитель Кэт, когда Кейс описал ему своеобразные свойства своей поджелудочной. — А нельзя подать на них в суд? Скажем, за умышленное причинение ущерба?

Парня звали Брюс. За исключением половых признаков, он выглядел точной копией Кэт, вплоть до веснушек.

— Ну, — протянул Кейс, — это же какие-то там хитрые медицинские заморочки. Вроде совместимости тканей.

Но глаза Брюса уже потускнели, в них не было ничего, кроме скуки.

«Период сосредоточенного внимания не больше, чем у комара», — подумал Кейс, оглядываясь по сторонам.

Комната была меньше той, которую снял Армитидж для них с Молли, и находилась она несколькими этажами ниже. К стеклу балконной панели были приклеены пять огромных хро-

моснимков Тэлли Ишем, намек на длительное проживание в номере.

— Потрясно, правда? — подошла к нему Кэт. — Я сама их щелкнула. В «сенснетовской» Пирамиде, когда мы прошлый раз мотались на Землю. Она стояла ну вот прямо *так* близко и улыбалась ну вот так естественно. А ведь там, Люпус, было *совсем* хреново, ну прямо туши свет, это же как раз на другой день после того, как эти самые террорюги, Сыны Царя Иисуса, запустили в воду ангела, да ты помнишь.

— Да. — По не совсем ясной причине Кейсу захотелось уйти отсюда поскорее и подальше. — Ужасно.

— Ну так что там, — вмешался Брюс, — насчет этой беты?

— Вопрос в том, примет ли ее мой организм, — поднял брови Кейс.

— Сделаем, значит, так, — предложил парень. — Ты попробуй. Если твоя поджелудочная говорит «пас» — это будет за счет заведения. Пробная доза всегда бесплатно.

— Слышал я эту песенку, и не раз, — ответил Кейс, принимая у Брюса ярко-голубой дерм.

* * *

— Кейс? — Молли села в постели и отбросила волосы, которые лезли ей в линзы.

— А кто же еще, лапа?

— Что это с тобой? — Зеркала неотрывно следили за пересекавшим комнату Кейсом.

— Я забыл название. — Кейс вынул из кармана рубашки плотно свернутую пластиковую упаковку голубых дермов.

— Господи, — простонала Молли, — только этого нам не хватало.

— Устами твоими глаголет истина.

— Какие-то два часа без присмотра, и ты уже с добычей. — Она покачала головой. — Надеюсь, хоть к вечеру оклемаешься. Мы же званы Армитиджем на ужин. В «Двадцатый век». Заодно поглядим на бенефис Ривьеры.

— Да-а, — протянул Кейс и прогнулся, на его лице играла блаженная улыбка крайнего удовольствия. — Чистый отпад.

— Слушай, — нахмурилась Молли, — раз эта дурь действует, несмотря на все ухищрения хирургов из Тибы, у тебя же наверняка будет жуткий отходняк.

— Ну вот, все пилишь, пилишь и пилишь! —

обиженно возопил Кейс, расстегивая ремень. — Ну хоть бы слово доброе сказала. — Он снял штаны, рубашку и нижнее белье. — Надеюсь, у тебя хватит ума воспользоваться преимуществами моего неестественного состояния. — Он посмотрел на низ своего живота. — Ты только *глянь* на это неестественное состояние.

— Это ненадолго! — рассмеялась Молли.

— Надолго-надолго, — успокоил ее Кейс, вскарабкиваясь на пляжного цвета матрас. — Это-то и есть самое неестественное в моем неестественном состоянии.

11

— Что это с тобой? — поинтересовался Армитидж, когда официант усаживал гостей за его столик.

Самый маленький и самый дорогой из ресторанов, плававших в небольшом, соседствовавшем с «Интерконтиненталем» озере, назывался в действительности не «Двадцатый век», а «Вантьем Сёкль» — то же самое, но по-французски.

Кейса бил озноб. Про отходняк Брюс скромно умолчал. Попытка взять стакан воды со льдом окончилась позорной неудачей, руки не слуша-

лись.

— Съел, может, чего-то не то.

— Проверься у врача, — посоветовал Армитидж.

— Да ну, ерунда, просто гистаминовая реакция, — испуганно соврал Кейс. — Со мной бывает, когда путешествую, — то одно съешь, то другое.

Армитидж был одет в темный костюм, слишком официальный для подобного места, и белую шелковую рубашку. На руке, державшей бокал с вином, скромно позвякивал золотой браслет.

— Я для вас заказал, — сказал он.

Молли и Армитидж молча ели, Кейс же ограничился тем, что раскромсал свой бифштекс на кусочки, трясущимися руками погонял эти кусочки по тарелке, вздохнул и оставил их лежать в густом экзотическом (видимо) соусе.

— Ну ты вообще, — заметила Молли, когда ее собственная тарелка опустела. — Отдай уж тогда мне. Ты знаешь, сколько стоит это мясо? — Она взяла его тарелку. — Животное выращивается несколько лет, потом его убивают. Это тебе не какая-нибудь синтетика-гидропоника.

Она подцепила вилкой один из кусков и стала жевать.

— Не хочется мне что-то есть, — выдавил из

себя Кейс.

Его мозг словно поджарили, почище того бифштекса. Или нет, скорее уж, бросили в горячий жир, да так там и оставили, затем жир охладился и застыл толстым слоем на усохших, съежившихся полушариях, ежесекундно простреливаемых зеленовато-пурпурными вспышками боли.

— Видок у тебя — полный абзац, — подбодрила его Молли.

Кейс попробовал вино. После бета-фенэтиламина его вкус напоминал йод.

Свет в зале чуть потускнел.

– *Le Restaurant Vingtiéme Siécle*, — раздался из ниоткуда голос с откровенным акцентом Муравейника, — с гордостью представляет вам голографическое кабаре мистера Питера Ривьеры.

Из-за столиков раздались редкие аплодисменты. Официант зажег свечу, поставил ее на их стол и начал убирать тарелки. Вскоре свечи замерцали на всех двенадцати столиках ресторана, все бокалы были наполнены.

— Ну и что сейчас будет? — заинтересовался Кейс, но Армитидж не ответил.

Молли ковыряла пурпурным ногтем в зубах.

— Добрый вечер. — На небольшой эстраде в

конце зала появился Ривьера.

Кейс заморгал. Поглощенный своими страданиями, он не заметил эстраду. Даже не увидел, каким образом появился на ней Ривьера. Дальше было еще хуже.

Сперва ему показалось, что Ривьеру освещает прожектор.

Но Ривьера фосфоресцировал. Сияние облегало его, как вторая кожа, освещало темные драпировки, висевшие за сценой. Этот тип *излучал*!

Ривьера улыбнулся. На нем был белый смокинг, черная гвоздика, вдетая в петлицу, переливалась холодными голубыми искрами. А когда он поднял, словно обнимая аудиторию, руки, ногти на его пальцах тоже вспыхнули. За стеной ресторана негромко плескалась вода.

— Сегодня вечером, — объявил, сияя миндалевидными глазами, Ривьера, — я бы хотел исполнить для вас расширенную программу. Моя новая работа.

На ладони правой руки, поднятой вверх, возник холодный кристалл света. Ривьера стряхнул его на пол. Из точки падения выпорхнул серый голубь, тут же исчезнувший в полумраке. Кто-то свистнул. Опять раздались аплодисменты.

— Моя работа называется «Кукла». — Ривьера

опустил руки. — Я хочу посвятить сегодняшнюю премьеру леди три-Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул.

Волна вежливых аплодисментов. Когда они стихли, Ривьера нашел глазами Молли и добавил:

— И еще одной даме.

Теперь электричество погасло полностью, несколько секунд зал освещался только неверным пламенем свечей. Ривьера опустил голову, его голографическая аура исчезла, но Кейс все еще различал стоящую на сцене фигуру.

Неяркие световые линии, вертикальные и горизонтальные, начали формировать вокруг сцены открытый световой куб. Чуть-чуть, на малую долю накала, загорелись ресторанные огни, они осветили сцену, заключенную в куб, словно высеченный из застывшего лунного света. Опустив голову, закрыв глаза и вытянув напряженные руки вдоль тела, Ривьера дрожал, стараясь сосредоточиться. Неожиданно призрачный куб наполнился вещами, превратился в комнату — без четвертой стены, что позволяло публике наблюдать происходящее.

Ривьера чуть расслабился.

— Я всегда жил в этой комнате, — сказал он. —

Не припомню, чтобы я жил в других.

Стены комнаты покрывала пожелтевшая от времени штукатурка. Всю ее обстановку составляли простой деревянный стул и железная кровать, покрытая белой краской. Краска шелушилась и облезла, местами обнажая темное железо. На кровати лежал голый матрас. Грязный, выцветший, в коричневую полоску чехол. С потолка на черном витом шнуре свисала лампочка. Ривьера открыл глаза:

— И я всегда был здесь один.

Он сел на стул и стал смотреть на кровать. Черный цветок, торчавший у него в петлице, все так же переливался голубыми искрами.

— Не помню, когда я впервые стал о ней мечтать, — сказал он, — но я точно помню, что вначале она была просто туманом, тенью.

На кровати что-то лежало. Кейс моргнул. Снова ничего.

— Я не мог удержать ее, удержать ее в своих мыслях. Но я хотел ее удержать, я хотел ее держать — и не только…

Голос долетал до каждого уголка притихшего ресторана с полной, почти нереальной отчетливостью. Где-то звякнул кусочек льда. Кто-то спросил что-то шепотом по-японски.

— Я подумал, что, если смогу вообразить хотя бы малую ее часть, только малую часть, если смогу представить себе эту часть идеально, во всех подробностях…

На матрасе ладонью вверх появилась бледная женская рука, точнее, кисть руки.

Ривьера наклонился, взял ее и начал нежно гладить. Пальцы пошевелились. Ривьера поднес кисть к губам и стал облизывать кончики пальцев. Ногти покрылись багровым лаком.

Кисть руки не выглядела отрубленной — гладкая, без рубцов кожа плавно закруглялась на ее конце. Кейс вспомнил татуированный шмат искусственной плоти в витрине хирургического бутика на улице Нинсэй. Ривьера держал кисть у губ и вылизывал ладонь. Пальцы неуверенно ласкали ему лицо. Но теперь на кровати появилась и вторая кисть. Когда Ривьера потянулся за ней, пальцы первой сомкнулись у него на запястье, браслет из плоти и костей.

Действие разворачивалось согласно внутренней сюрреалистической логике. Появились предплечья. Затем ступни. Ноги. Ноги были очень красивые. Голова Кейса раскалывалась от дикой пульсирующей боли. В горле пересохло. Он допил остатки вина.

Теперь Ривьера лежал в постели, голый. Его одежда оказалась частью проекции, но Кейс не мог вспомнить, когда она исчезла. Черный цветок лежал возле ножки кровати, по нему все так же перебегали искры. Затем ласки Ривьеры сформировали торс — безголовый, идеальных форм и блестевший тончайшим глянцем пота.

Тело Молли. Разинув рот, Кейс смотрел на происходящее. Но все же не совсем Молли, это была Молли, какой представлял ее себе Ривьера. Груди получились другие: соски больше и слишком темные. Ривьера и женский торс корчились на кровати, и по ним ползали кисти рук с багровыми ногтями. Кровать вспенилась складками желтоватых прелых кружев, которые рассыпались от прикосновения. Вокруг Ривьеры, переплетенных конечностей и мелькающих, щипающих, ласкающих кистей вздымались клубы пыли.

Кейс взглянул на Молли. Ее лицо оставалось спокойным, в зеркалах отражались мелькающие цветные блики. С высоким бокалом в руке, подавшись вперед, Армитидж не отрывал глаз от сцены, от призрачно мерцающей комнаты.

Теперь конечности воссоединились с торсом; Ривьера содрогнулся. Появилась голова, и сотворение образа завершилось. Лицо Молли,

идеально воспроизведенное, с ртутными лужицами на месте глаз.

Ривьера и призрачный манекен начали совокупляться с удвоенной энергией. Затем мыслекопия Молли медленно вытянула руку и выбросила из-под багровых ногтей пять лезвий. Плавным, как во сне, движением она вспорола потную спину Ривьеры. Кейс увидел ребристый столб обнажившегося позвоночника и тут же выскочил, путаясь в собственных ногах, из ресторана.

Он перегнулся через розового дерева перила и смачно проблевался в тихие воды озера. Тиски, сдавливавшие голову, чуть ослабли. Кейс опустился на колени, прижался щекой к прохладному дереву и стал смотреть через озеро на яркое трепещущее сияние рю Жюль Верн.

Он видел такие штуки и прежде, еще в Муравейнике, подростком, тогда это называлось «думать въявь». Кейс вспомнил, как тощие пуэрториканцы надумывали реальность под уличными фонарями Ист-Сайда, как надуманные ими девушки вздрагивали и кружились под ритмы сальсы, а случайные зрители хлопали в такт музыке. Но тогда для этого нужен был целый грузовик аппаратуры и неуклюжий шлем с тродами.

А то, что воображал Ривьера, было неотличимо от реальности. Кейс покачал раскалывающейся от боли головой и сплюнул в воду.

Он легко вообразил окончание представления. Обращенная симметрия: Ривьера собирает девушку своей мечты, девушка разрезает его на куски. Теми самыми руками, с которых все началось. И кровь заливает ветхое кружево.

Из ресторана донеслись аплодисменты и восторженные возгласы. Кейс поднялся с колен, поправил одежду и вернулся в «Вантьем Сёкль».

Молли за столиком не было. Сцена опустела. Армитидж сидел в полном одиночестве и смотрел на эстраду, его пальцы крутили тонкую ножку бокала.

— Где она? — спросил Кейс.

— Ушла, — ответил Армитидж.

— За ним?

— Нет.

Послышался мягкий звон. Армитидж посмотрел на бокал. В его руке осталась стеклянная плошка с красным вином. Сломанная ножка напоминала сосульку. Кейс отобрал у Армитиджа стекляшку и поставил ее в стакан с водой.

— Куда она пошла?

Свет зажегся в полную силу. Кейс посмотрел в

тусклые голубые глаза. Ноль реакции.

— Она пошла готовиться к работе. Ты ее больше не увидишь. Вы встретитесь только во время рейда.

— Зачем Ривьера так с ней поступил?

Армитидж встал, поправил лацканы пиджака.

— Иди поспи, Кейс.

— Рейд завтра?

Армитидж одарил его обычной, ничего не выражающей улыбкой и пошел к выходу.

Кейс потер лоб и огляделся.

Посетители поднимались из-за столиков, женщины улыбались шуткам мужчин. Он впервые заметил балкон, где в интимном полумраке все еще мерцали свечи. Оттуда доносились голоса, негромкий звон посуды. На потолке плясали тени.

Неожиданно, как проекция от Ривьеры, появилось девичье лицо, маленькие руки лежали на полированных перилах, тело подалось вперед, темные восторженные глаза глядели вдаль. На сцену. Лицо поразительное, хоть и некрасивое. Треугольное, с высокими хрупкими скулами, широкий, резко очерченный рот странным образом уравновешен тонким птичьим носом с раздувающимися ноздрями. А затем девушка растворилась

среди приглушенного смеха и пляски свечей.

Выйдя из ресторана, Кейс заметил двух юных французов и их подружку, они ждали лодку к дальнему берегу, к ближайшему казино.

* * *

В номере стояла тишина, гладкий матрас напоминал морской берег во время отлива.

Вторая сумка исчезла. Кейс поискал записку. Ничего. Через несколько секунд черного отчаяния он осознал, что стоит у окна и смотрит на улицу. Дезидерата, дорогие магазины: «Гуччи», «Цуяко», «Гермес», «Либерти».

Кейс покачал головой и подошел к коммуникационной панели, так до сих пор им и не осмотренной. Он выключил голограмму и вместо нее увидел кондоминиумы, спускавшиеся уступами по далекому склону.

Кейс взял телефон и вынес его на балкон:

— Дайте мне номер буксировщика «Маркус Гарви». Он приписан к кластеру Сион.

Электронный голос назвал номер из десяти цифр.

— Сэр, — добавил автоответчик, — данное судно зарегистрировано в Панаме.

Мэлком ответил после пятого гудка:

— Да?

— Это Кейс. У тебя есть модем, Мэлком?

— Да. В навигационном комплексе, ты ж знаешь.

— Ты можешь его снять? Подсоедини его к «Хосаке». Затем включи деку. Нажми большую ребристую кнопку.

— Как ты там, брат?

— Ничего, мне нужна помощь.

— Сейчас, брат. Я уже снимаю модем.

Некоторое время из трубки слышался только слабый треск помех, Мэлком подсоединял модем к телефонной сети.

— Установи лед, — приказал Кейс «Хосаке», услышав характерный писк.

— Вы говорите из очень плохого, сильнопрослушиваемого места, — чопорно сообщил компьютер.

— А в рот я их всех имел, — сказал Кейс. — На хрен лед. Не надо льда. Вызови конструкт. Дикси?

— Привет, Кейс.

Сейчас Флэтлайн говорил через звуковой чип «Хосаки», а потому характерные интонации его голоса терялись полностью.

— Дикси, ты должен прорубиться сюда и кое-что

для меня сделать. Можешь особо не стесняться. Молли где-то здесь, и я хочу знать, где именно. Я в номере триста тридцать пять дабл-ю в «Интерконтинентале». Она была зарегистрирована здесь же, но я не знаю, под каким именем. Пляши от этого номера и проверь файл регистрации постояльцев.

— Сию секунду, — ответил Флэтлайн.

Кейс услышал белый шум, верный признак вторжения. И улыбнулся.

— Готово. Роза Колодны. Выписалась. Нужно еще несколько минут, чтобы расковырять их охранную сеть поглубже и узнать, куда она переехала.

— Действуй.

От усилий конструкта телефон завывал и щелкал. Кейс отнес его обратно в комнату и положил трубку на кровать микрофоном вверх. Сходил в ванную и почистил зубы. А когда вернулся в комнату, там сам собой включился монитор гостиничной аудиовизуальной системы «Браун». Миниатюрная японка, какая-то поп-звезда, возлежит на поблескивающих металлом подушках. Невидимый интервьюер задал по-немецки вопрос. С чего эта хрень включилась? По экрану побежали голубые полосы.

— У тебя что, Кейс, и вправду крыша едет?

Голос неторопливый, знакомый.

На стеклянной стене балкона снова появилось изображение Дезидерата-стрит, затем оно дернулось, поплыло — и вот он, пустой интерьер «Жарр де Тэ» в Тибе, красный неон множится в исцарапанной бесконечности зеркальных стен.

Он, конечно же, Лонни Зоун — длинный и каданнообразный; во всех движениях — плавная грация застарелого кокаиниста. Держа руки в карманах серых слаксов, он остановился среди квадратных столиков:

— Да, приятель, видок у тебя, мягко говоря, задумчивый.

Голос из брауновских динамиков.

— Уинтермьют, — сказал Кейс.

Сутенер безразлично пожал плечами и улыбнулся.

— Где Молли?

— Да какая там, на фиг, Молли! Ты же гробишь сегодняшнюю операцию. Флэтлайн устроил шухер на весь Фрисайд. Вот уж не думал, что ты отколешь такой номер. В прямом противоречии с профилем.

— Так скажи мне, где она, и я отзову Флэтлайна.

Зоун покачал головой:

— Ты плохо следишь за своими женщинами, Кейс. Теряешь их одну за другой тем или иным способом.

— Операция, говоришь? — нехорошо усмехнулся Кейс. — Я тебе такую операцию устрою — на всю жизнь запомнишь.

— Да нет. Не такой ты человек. Я знаю. Хочешь, Кейс, я что-то тебе скажу? Я вот тут сообразил, что ты уже сообразил, будто это я посоветовал Дину шлепнуть твою бабенку в Тибе.

— Нет, — вздрогнул Кейс, делая невольный шаг к окну.

— Так вот, ничего я не советовал. Хотя чего ты, собственно, так всполошился? Неужели это так важно для мистера Кейса? Не дури сам себя. Я же знаю твою Линду. Я знаю всех Линд на свете. Я сталкиваюсь с этими Линдами по сто раз на дню по роду моей деятельности. Знаешь, почему она решила тебя кинуть? Любовь. Ты перестал ее замечать. Любовь? Хочешь, поговорим о любви? Она тебя любила. Я знаю. Кем бы она ни была, она тебя любила. А ты не мог понять. Теперь ее нет.

Кулак Кейса скользнул по стеклу.

— Побереги пальчики. Скоро тебе стучать по деке.

Зоун исчез, вместо него появился ночной Фрисайд и огни кондоминиумов. «Браун» замолчал.

Телефон звонил не переставая.

— Кейс, — Флэтлайн, кто же еще, — ты что там, оглох? Кое-что я узнал, но не много. — Конструкт продиктовал адрес. — Ночной клуб, но только слишком уж хитрый у них лед. Вот, собственно, и все, что я смог раскопать, не оставляя визитной карточки.

— Ладно, — ответил Кейс. — Передай «Хосаке», пусть Мэлком отсоединяет модем. Спасибо, Дикси.

— Рад стараться.

Кейс сидел на кровати, сидел очень долго и упивался новым чувством.

Яростью.

* * *

— Привет, Люпус. Слышь, Кэт, тут Люпус пришел. — Голый, с расширенными зрачками, Брюс стоял в дверях, с него капала вода. — Только мы тут душ принимаем. Подождешь? А может, примешь душ?

— Нет. Спасибо. Мне нужна помощь. — Кейс оттолкнул руку Брюса и вошел в комнату.

— Подожди, друг, мы же…

— Вы мне поможете. И очень рады меня видеть. Ведь мы друзья? Верно?

Брюс растерянно моргал:

— Конечно.

Кейс прочитал адрес, который ему дал Флэтлайн.

— Я знала, что он гангстер! — весело закричала Кэт из душа.

— У меня есть «хонда» с коляской, — сказал Брюс и безмятежно ухмыльнулся.

— Поехали! — скомандовал Кейс.

* * *

— На этом уровне одни кабинеты, — сказал Брюс, когда Кейс в восьмой раз повторил ему адрес, и опять вскарабкался на сиденье «хонды»; красное фибергласовое шасси закачалось на хромированных рессорах, из выхлопа водородных батарей закапал конденсат. — Ты надолго?

— Не знаю, — ответил Кейс. — Но обязательно подожди.

— Ладно, мы подождем. — Брюс поскреб обнаженную грудь. — Последние цифры — это точно клетушка. Номер сорок три.

— А ты условился о визите? — перегнулась через плечо Брюса Кэт; волосы ее уже высохли.

— Вообще-то, нет, — ответил Кейс. — А это имеет значение?

— Отправляйся на нижний этаж и найди кабинет своей подружки. Если тебя пустят — прекрасно. А если нет… — Девушка пожала плечами.

Кейс повернулся и пошел вниз по железной винтовой лестнице. Через шесть витков он достиг ночного клуба. Он остановился, зажег «ехэюанину» и осмотрел столики. Внезапно Кейс понял, что такое Фрисайд. Бизнес. Он буквально слышал в воздухе деловое, трудолюбивое гудение. Здесь было подлинное лицо Фрисайда. Не блестящие фасады рю Жюль Верн, а такие вот ночные клубы. Коммерция. Смешанная толпа состояла наполовину из туристов с Земли, наполовину из жителей орбитального архипелага.

— Вниз, — обратился Кейс к проходившему официанту, демонстрируя фрисайдский кредитный чип, — мне нужно вниз.

Официант указал вглубь клуба.

Проходя мимо столиков, Кейс слышал обрывки разговоров на шести европейских языках.

— Мне нужен кабинет, — обратился он к девушке, которая сидела с терминалом на коленях за низеньким столиком. — В нижнем уровне. — Он вручил ей свой кредитный чип.

— Предпочитаемый пол? — Девушка провела чипом по стеклянному окошку терминала.

— Женский, — машинально ответил Кейс.

— Номер тридцать пять. Будут претензии — звоните. Если желаете, можете вначале посмотреть выставку наших особых услуг. — Девушка улыбнулась. Вернула ему чип.

За ее спиной открылись двери лифта.

Коридор с голубыми лампами.

Кейс вышел из лифта и двинулся наугад. Нумерованные двери. Тишина, как в дорогой больнице.

Он нашел свой кабинет. А ведь нужно было искать Молли. Не совсем понимая, для чего он это делает, Кейс приложил чип к темному сенсору, вмонтированному под табличкой с номером.

Щелкнули магнитные запоры. Звук напомнил ему «Дешевый отель».

Лежавшая на кровати девушка села и сказала что-то по-немецки.

Спокойные немигающие глаза. С этой все ясно, на автопилоте. Нервная система отключена. Кейс попятился и закрыл дверь.

Дверь с номером сорок три не отличалась от остальных. Кейс остановился. Тишина в коридоре говорила о звуконепроницаемости стен.

Пытаться открыть дверь чипом бесполезно. Кейс постучал костяшками пальцев по покрытому эмалью металлу. Никакого результата. Казалось, дверь поглощала звук.

Он приложил чип к черной пластинке.

Запоры щелкнули.

Похоже, она ударила еще до того, как полностью открылась дверь. Кейс стоял на коленях, спиной к стальной двери, и лезвия больших пальцев девушки дрожали в нескольких сантиметрах от его глаз…

— Господи Исусе… — Молли отвесила ему болезненную оплеуху и выпрямилась. — Это ж надо быть таким идиотом. За каким хреном ты сюда полез? И как ты открыл замок? Кейс? Да ты как, в порядке?

Молли снова наклонилась.

— Кредитным чипом, — силясь вздохнуть, прохрипел Кейс.

Боль шла откуда-то из нижней части груди. Молли помогла ему встать и затолкнула в кабинет:

— Ты что, подкупил там этих, наверху?

Кейс покачал головой и рухнул поперек кровати.

— Вдохни. Считай. Один, два, три, четыре. За-

держи дыхание. Теперь выдохни. Опять считай.

Кейс схватился за живот.

— Ты ударила меня ногой в живот, — выдавил он.

— Скажи спасибо, что не пониже. Сейчас я не нуждаюсь в обществе. Я медитирую, ясно? — Молли присела рядом. — И получаю инструкции. — Она указала на небольшой монитор, встроенный в стену напротив кровати. — Уинтермьют рассказывает мне о «Блуждающем огоньке».

— А где живая кукла?

— Здесь нет. В чем и состоит самое дорогое спецобслуживание.

Молли поднялась. На ней были кожаные джинсы и свободная темная рубаха.

— Работаем завтра, так сказал Уинтермьют.

— Что произошло в ресторане? Почему ты убежала?

— Если бы я осталась, то могла бы замочить Ривьеру.

— За что?

— За то, что он сделал со мной. За это шоу.

— Не понимаю.

— Это стоит дорого, — сказала девушка и вытянула правую руку, как будто держала невидимый плод; пять лезвий выскользнули из-под ногтей

и снова спрятались. — Дорого поехать в Тибу, дорого сделать операцию, дорого платить за перестройку нервной системы — чтобы получить рефлексы, соответствующие такому оборудованию… Знаешь, где я зарабатывала на все это деньги? Здесь. Не прямо здесь, но в похожем месте в Муравейнике. Сперва кажется, что все это ерунда, ведь тебе вставляют блокирующий психику чип, и деньги достаются вроде как ни за что. Ну, болит там утром в каком-нибудь месте, но что поделаешь. Ты же сдаешь тело напрокат. Когда все происходит, тебя как будто бы и нет при этом. В заведении есть программы, которые обеспечат исполнение любых желаний клиента… — Молли хрустнула костяшками пальцев. — Все шло прекрасно. Я зарабатывала свои деньги. Но потом выяснилось, что блокировка и управляющие цепи, установленные мне в Тибе, несовместимы. Я могла вспомнить, чем занималась в рабочее время… Но это были просто дурные сны — да не всегда, кстати, и дурные. — Молли улыбнулась. — Затем все пошло как-то странно. — Она выудила из его кармана сигареты и закурила. — Хозяева узнали, на что я трачу деньги. Мне уже вставили лезвия, но тонкая нейрохирургия требовала еще три операции. Бросить работу я не могла. — Она

затянулась, выпустила тонкую струю дыма и нанизала на нее три идеальных кольца. — Как потом выяснилось, ублюдок, который содержал бордель, заказал ради такого случая специальную программу. Берлин — самое сучье место, огромный базар, где можно найти любую, самую злую штуку. Я так и не узнала, кто написал программу, которая мной управляла, но она основывалась на классике «снаффа».

— Они знали, что ты понимаешь происходящее? Что во время работы ты сохраняешь сознание?

— Ничего я не сохраняла. Это вроде как киберпространство, только пустое. Серебристое. И запах дождя… А собственный оргазм похож на вспышку новой звезды на самом краю пространства. Но я начала припоминать. Я словно вспоминала сны. А они мне ничего не сказали. Просто подключили меня к программе и начали сдавать за особую плату.

Ее голос звучал как бы издалека.

— Я знала, но предпочитала помалкивать. А то где бы я взяла деньги? Сны становились все страшней и страшней, и я бы успокоила себя тем, что по крайней мере некоторые из них действительно были просто снами, но только вот к тому

времени мне стало уже известно, что босс набрал кучу клиентов, пользовавшихся исключительно моими услугами. Для Молли, говорил он, мне ничего не жалко, и подкидывал мне какие-то сраные гроши. — Она покачала головой. — Этот говнюк заряжал клиентам в восемь раз больше, чем платил мне, и думал, что я этого не знаю.

— А за что он заряжал такие деньги?

— За плохие сны. Настоящие. Однажды… однажды ночью, я как раз только что вернулась из Тибы… — Молли бросила сигарету, раздавила ее каблуком и откинулась на стену. — В тот раз хирурги копались где-то особенно глубоко. Очень хитрая операция. Думаю, они задели чип блокировки. Я очнулась. Я находилась, как обычно, с клиентом… — Пальцы Молли глубоко вдавились в матрас. — Сенатор. Я хорошо знала его жирную морду. Нас обоих заливала кровь. Мы были не одни. Она была совершенно… — Молли изо всех сил вцепилась в темперлон, — мертвая. А жирный хрен все время повторял: «Что такое? Что случилось?» Потому что мы еще не закончили. — Молли начало трясти. — Ну и тогда сенатор получил, думаю, все, чего ему вправду хотелось, — ну понимаешь? — Дрожь унялась; Молли отпустила матрас и машинально при-

гладила волосы. — На меня напустили наемных убийц; пришлось прятаться.

Кейс молчал.

— Так что Ривьера попал в самое больное место, — подытожила Молли. — Думаю, Уинтермьют хочет, чтобы я как следует возненавидела Ривьеру, психанула и бросилась следом за ним на эту самую виллу.

— Следом за ним?

— Он уже там. По приглашению леди три-Джейн, не зря же он устроил всю эту хрень с посвящением. Она ведь тоже смотрела шоу, только из отдельного кабинета.

Кейс вспомнил мелькнувшее на мгновение лицо.

— Ты убьешь его?

— Да, он умрет. — От улыбки Молли веяло могильным холодом. — И скоро.

— У меня тоже был посетитель.

Спотыкаясь и запинаясь, Кейс пересказал свою беседу с призраком Зоуна; труднее всего ему дался эпизод, связанный с Линдой.

— Понятно, — кивнула Молли. — Он, похоже, хочет, чтобы ты тоже кого-нибудь возненавидел.

— Похоже, он своего добился.

— Похоже, ты ненавидишь себя самого.

* * *

— Ну и как? — обернулся Брюс к взбирающемуся на сиденье «хонды» Кейсу.

— Попробуй — узнаешь, — пожал плечами Кейс.

— Никогда бы не поверила, что такой парень ходит к куклам, — с какой-то даже обидой заметила Кэт, приклеивая к запястью свежий дерм.

— Теперь домой? — спросил Брюс.

— Да. Высади меня на Жюль Верна, где-нибудь возле баров.

12

Кольцевая авеню рю Жюль Верн опоясывала веретено в самой широкой части, тогда как Дезидерата-стрит шла под прямым к ней углом и упиралась концами в опоры системы Ладо-Ачесон. Если свернуть с Дезидераты направо и шагать, не сворачивая, по рю Жюль Верн, снова выйдешь на Дезидерату, но на другую ее сторону.

Кейс следил за мотоциклом Брюса, пока тот не скрылся из виду, а затем пошел в противополож-

ную сторону, мимо огромного, ярко освещенного газетного киоска, заваленного десятками японских журналов с новейшими звездами симстима на обложках.

Прямо над головой, вдоль переведенной в ночной режим оси, на голографическом небе светились фантастические созвездия, напоминавшие своими очертаниями грани игрального кубика, карты, шляпу, стакан… Пересечение Дезидераты и Жюль Верна образовывало нечто вроде ущелья, где ступенчатые балконы жилых утесов Фрисайда постепенно переходили в травянистые плоскогорья одного из игорных комплексов. Беспилотный самолетик, грациозно развернувшийся в восходящем потоке, неожиданно вспыхнул, освещенный мягким заревом невидимого казино. Биплан с обтянутыми шелком крыльями, он напоминал гигантскую бабочку. Прежде чем фантастическое насекомое скрылось за выступом плато, Кейс успел заметить блики неона то ли на объективах, то ли на лазерных турелях. Беспилотные аппараты входили в систему безопасности веретена, управляемую центральным компьютером.

Расположенным в «Блуждающем огоньке»? Кейс шагал мимо баров с заманчивыми на-

званиями: «Хи-Лоу»,[18] «Парадиз», «Ле Монд», «Крикетир», «Судзуки Смит», «Чрезвычайное положение». Кейс выбрал «Чрезвычайное положение», самый маленький и самый переполненный, но уже через несколько секунд понял, что это забегаловка для туристов. Вместо непрестанного делового гула — рахитичный сексуальный напряг. Кейс вспомнил было о безымянном клубе в нескольких этажах над кабинетом Молли, но тут же представил себе зеркальные глаза, прикованные к экранчику, и охолонул. Что там показывает ей Уинтермьют? Планы виллы «Блуждающий огонек»? А может, рассказывает историю Тессье-Эшпулов?

Кейс взял себе кружку «Карлсберга» и нашел свободное место у стенки. Прикрыв глаза, он поискал в себе тесный узел гнева, чистый, пылающий уголек своей ярости. На месте, никуда не делся. Откуда бы это? Когда эти, в Мемфисе, намеренно его калечили, он чувствовал что-то вроде безнадежного отчаяния, а в Ночном Городе, когда убивал людей для защиты своих деловых интересов, так и вообще ничего такого не чув-

[18] notes: 18

Игра слов. Хилоу (с написанием, как в тексте) — город на Гавайях, но то же самое слово можно прочитать как «Хай-Лоу» — карточная игра типа покера (пишется название игры иначе).

ствовал; там, под надувным куполом, когда убили Линду, он чувствовал отвращение, тошноту и отвращение. Но никак не ярость. Где-то очень-очень далеко, на внутреннем мониторе его мозга, крошечное подобие Дина врезалось в подобие грязной стены, щедро расплескивая кровь и мозги. И тут он понял: гнев появился в аркаде, Уинтермьют рассеял, обнулил призрачную Линду Ли, грубо лишил его простейшей, животной надежды на еду, и тепло, и место, где поспать. Но он не осознавал этого до самого последнего времени, до разговора с голографическим конструктом Лонни Зоуна.

Она была странная, эта ярость. Кейс хотел — и не мог оценить ее размера.

— Бревно, — сказал он вслух.

Он был бесчувственным как бревно. Давно. Годы. Все эти ночи на Нинсэй, ночи с Линдой. Бесчувственность в постели и бесчувственность в холодном поту каждой наркосделки. Но теперь он нашел тепло, его согрело это убогое убийство. *Мясо,* сказало что-то в нем, *это говорит мясо, не слушай его!*

— Гангстер.

Кейс открыл глаза. Рядом стояла Кэт, в черном свободном платье. С волосами, все еще встрепан-

ными после поездки на «хонде».

— Я думал, вы домой поехали, — сказал он и попытался замаскировать свое замешательство глотком из кружки.

— Я сказала ему скинуть меня около магазина. Вот, купила. — Кэт провела ладонью по бедру, по черной блестящей ткани. На ее запястье голубел знакомый Кейсу дерм. — Нравится?

— Сила. — Он машинально просканировал глазами лица окружающих, затем снова посмотрел на Кэт. — Ты сама-то понимаешь, чего тебе надо?

— Ну как тебе этот бета, Люпус? — Она стояла совсем рядом, буквально лучась жаром и напряжением, в прищуренных глазах — огромные, неестественно расширенные зрачки, на горле дрожит натянутое, как тетива, сухожилие. Свежая доза. — Словил кайф?

— Да, только отходняк обломный.

— Значит, нужно повторить.

— И что же, по твоему мнению, за этим последует?

— У меня есть ключ. Вверх по склону, сразу за «Парадизом», нехилая база… Хозяева как раз сегодня свалили в колодец — если ловишь тему…

— Ловлю, ловлю.

Горячими сухими ладонями она взяла его ру-

ку:

— Ты же — як, Люпус, правда? Гайдзинский боец якудза.

— Все-то ты понимаешь. — Кейс отнял у нее свою руку и полез за сигаретой.

— Только почему у тебя все пальцы на месте? Я считала, у вас полагается, как лажанешься, отрубать палец.

— Я никогда не лажаюсь. — Он закурил.

— Я видела эту твою чуву. В тот же день, когда тебя встретила. Ходит, как Хидэо. Даже страшно. — Кэт улыбнулась, излишне широко. — Но мне это катит. Она любит с девушками?

— Не знаю, не спрашивал. А кто такой Хидэо?

— Вассал три-Джейн, как она его называет. Вассал их семьи.

Только огромное усилие позволило Кейсу сохранить на лице скучающее, равнодушное выражение.

— Как это — Триджейн?

— Леди три-Джейн. Девка — зашибись. Башлевая, как не знаю. Тут же все принадлежит ее папаше.

— Этот бар?

— Фрисайд.

— Улет. Да, неслабые у тебя подружки, — ува-

жительно покачал головой Кейс, а затем обнял Кэт и положил ладонь ей на бедро. — И где же это ты, Кэти, познакомилась с такими графьями? Может, ты и сама из таких? Может, вы с Брюсом втихаря тоже наследнички?

Тело под тонкой черной тканью плотное, упругое. Кэт придвинулась еще ближе. Засмеялась.

— Ну, понимаешь, — на кукольном личике притворная скромность, — она любит оттянуться. Ну, мы с Брюсом устраиваем… Ей там скучно — там, у них. Иногда папаша ее отпускает — но только вместе с Хидэо, чтобы тот ее сторожил.

— И где же это она скучает?

— «Блуждающий огонек», так у них называется. Она говорит, там очень красиво, бассейны и лилии. Это замок, настоящий замок из камня, как на картинках. — Кэт прижалась к Кейсу. — Слушай, Люпус, это не дело, что я под кайфом, а ты — нет.

На тонком, через шею, ремешке — крохотная кожаная сумочка. Ярко-розовые, обкусанные до мяса ногти. Кэт расстегнула сумочку и достала дерм в прозрачном пакетике. На пол упало что-то белое. Кейс нагнулся и поднял. Журавлик-оригами.

— Это Хидэо, — пояснила Кэт. — Он показывал, как их складывать, а я все никак не запомню.

У меня шея получается не в ту сторону. — Она запихнула бумажную игрушку назад в сумочку.

Кейс молча смотрел, как ее пальцы отрывают пакетик, извлекают дерм, прижимают к внутренней стороне его запястья.

— Три-Джейн — это такая, с острым подбородком и нос как клюв? — Его руки описали контуры лица. — Брюнетка, молодая.

— Да. Но главное — классная баба. И денег по это самое место.

Наркотик ударил его, как скорый поезд, позвоночник превратился в раскаленный добела столб, вздымающийся из области простаты, просвечивающий все швы черепа рентгеновскими лучами накоротко замкнутой сексуальной энергии. Каждый зуб пел, подобно камертону, в своей лунке чистым и ясным, как абсолютный спирт, звуком. Под полупрозрачной оболочкой хромом и полировкой блестят кости, суставы покрыты тонкой пленкой силиконовой смазки. По внутренней, добела выскобленной поверхности черепа хлестали вихри песчаной бури, они генерировали волны тончайшего непрерывного звона, разбивавшиеся о заднюю внутреннюю оболочку глаз — прозрачных, непрерывно расширяющихся хрустальных шаров.

— Пошли, — сказала Кэт и взяла его за руку. — Ты словил приход. И я словила. И у нас впереди вся ночь.

Гнев нарастал быстро и неудержимо, он модулировал бета-фенэтиламиновое возбуждение, как сигнал — несущую частоту, рвался наружу, как сейсмическая волна, как едкая концентрированная жидкость. Тяжелая как свинец эрекция. Лица всех окружающих стали раскрашенными, как у кукол, розовые и белые пятна ртов двигались и двигались, выдувая хрупкие пузыри слов. Кейс посмотрел на Кэт и увидел каждую пору загорелой кожи, пустые стеклянные глаза, едва намечающуюся тяжеловесность фигуры, мельчайшую асимметрию грудей, ключиц и… где-то в глубине глаз, за ними, полыхнуло белым.

Он сбросил ее руку, отпихнул кого-то с дороги и рванулся к выходу.

— Ну и хер с тобой! — заорала вслед ему Кэт. — Да маздала я таких сраных козлов!

Ноги были словно чужие. Шатаясь из стороны в сторону, он шел на них, как на ходулях, по брусчатке рю Жюль Верн, в ушах глухо шумела кровь, голову рассекали острые полотнища света.

Затем он застыл, выпрямился, плотно прижал кулаки к бедрам, запрокинул голову, а губы скри-

вились и затряслись. И пока Кейс разглядывал фрисайдовский Зодиак Неудачника, пародийные созвездия задвигались, потекли по темной оси, тесно сбились в самом центре реальности. Они ползали и копошились, поодиночке и целыми стаями, пока не образовали портрет, запредельным белым по запредельно черному, звездами по ночному небу. На Кейса смотрело лицо мисс Линды Ли.

Когда он смог оторвать взгляд, опустить глаза, то обнаружил, что все лица на улице смотрят вверх и прохожие притихли от удивления. А когда иллюминация на небе погасла, по рю Жюль Верн прокатились восторженные крики, эхом отразившиеся от террас и балконов.

Где-то начал бить колокол старинных, привезенных из Европы часов.

Полночь.

* * *

Он бродил до самого утра.

Возбуждение прошло, хромированный скелет быстро ржавел, тело утратило прозрачную призрачность, наркотическая плоть заменилась обыденным мясом. Голова не работала. Это ему очень нравилось — оставаться в сознании и не ду-

мать. Он словно становился каждым предметом, который видел: садовой скамейкой, облачком ночных мотыльков вокруг старинного уличного фонаря, черно-желтым, в косую полоску, роботом-садовником.

Вдоль системы Ладо-Ачесон полз огненно-розовый рассвет. Кейс загнал себя в кафе, съел омлет, попил воды и выкурил последнюю в пачке сигарету. На крыше «Интерконтиненталя» любители раннего завтрака уже сидели под полосатыми зонтиками, сосредоточенно потребляя кофе с круассанами.

Ярость так никуда и не делась. «Странно, — подумал Кейс, — это похоже, как если тебя оглушат в темном переулке, а ты потом очухаешься, сунешь руку в карман, а бумажник — вот он, на месте, цел-целехонек». Он согревался этим чувством, не имея душевных сил дать ему имя или определить его объект.

Кейс спустился на лифте и нащупал в кармане кредитный чип Фрисайда, заменявший ключ. Хотелось спать, мысль о близком сне немного успокаивала. Лечь на песочного цвета матрас и провалиться в ничто.

Вся эта троица ждала его в номере: безупречно белые спортивные костюмы и трафаретный загар

резко диссонировали с претенциозной мебелью — чужеродные кляксы на светлом дереве и домотканых драпировках. Девушка оккупировала плетеный диванчик, рядом с ней, на подушке с флоральным орнаментом, лежал пистолет.

— Тьюринг, — сказала она. — Вы арестованы.

Часть четвертая
Рейд на виллу «Блуждающий огонек»
13

— Вы — Генри Дорсет Кейс.

Далее последовали год и место рождения, единый идентификационный номер в СОБА и вереница каких-то имен. Кейс не сразу и понял, что все это — прошлые его псевдонимы. Господи, да неужели их так много?

— Вы что, давно уже здесь сидите?

Кейс увидел, что содержимое его сумки разложено на кровати, грязная одежда и та рассортирована. Сюрикэн лежал отдельно, между джинсами и бельем.

— Где Колодны?

Парни сидели на кушетке, одинаково скрестив руки на груди, на одинаково загорелых шеях — одинаковые золотые цепочки. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что вся их юношеская свежесть — подделка, и даже не очень тщательная: вот, скажем, с кожей на костяшках пальцев хирург не справился.

— Что такое Колодны?

— Фамилия, под которой она зарегистрировалась. Так где же ваша напарница?

— Не знаю. — Кейс подошел к бару и налил себе стакан минеральной воды. — Съехала.

— Где вы были ночью?

Словно между прочим, девица подобрала с подушки пистолет и переложила его на бедро. Слава богу, хоть направлять на него не стала.

— На рю Жюль Верн, посидел в барах, малость кайфанул. А вы?

Колени вот-вот подломятся. А минералка — теплая и противная.

— Похоже, вы не очень понимаете свое положение, — вмешался один из парней, тот, что слева, извлекая из кармана белой в дырочку футболки пачку «Житан». — Вы, мистер Кейс, влипли. Соучастие в заговоре, направленном на усиление искусственного разума. — (Из того же кармана появился золотой «данхилл».) — Личность, известная вам под именем Армитидж, уже арестована.

— Корто?

Глаза полицейского удивленно расширились.

— Да. Откуда вы знаете его настоящее имя?

Зажигалка выкинула крошечный язычок пламени.

— Не помню, — ответил Кейс.
— Вспомнишь! — пообещала девица.

* * *

Троица представилась как Мишель, Ролан и Пьер; настоящие это имена или оперативные клички, можно было только догадываться. Пьеру выпала роль «злого следователя», Ролан разыгрывал сочувствие, оказывал мелкие любезности — принес, например, пачку «Ехэюань», когда Кейс отказался от «Житана», изо всех сил подчеркивая, что совершенно не разделяет холодной враждебности Пьера. Мишель же, решил Кейс, будет следить за ходом допроса с высокомерной отстраненностью, лишь изредка вмешиваясь в его ход. Не было никаких сомнений, что кто-нибудь из них — а может быть, и все трое — вел аудио-, а скорее всего, даже симстим-запись, и, таким образом, все сказанное в их присутствии становилось уликой. «Уликой чего?» — спрашивал себя Кейс, с тоской ощущая, что наваливается отходняк.

Зная, что арестованный не понимает по-французски, они переговаривались совершенно свободно. Или так только казалось. Кое-что Кейс уловил: имена и названия — Поли, Армитидж,

«Сенснет», Дикие Коты — выступали из текучего моря французской речи, как вершины айсбергов. Нельзя исключить, что имена эти произносились специально для него. Молли упоминалась только по фамилии Колодны.

— Так вы утверждаете, что вас наняли для рейда, — неторопливая речь Ролана с прямо-таки липкой назойливостью подчеркивала его рассудительность, — и что вы не знаете, с какого рода объектом будете иметь дело. А вам не кажется, что это несколько странно? Сможете ли вы в таком случае выполнить необходимую операцию после преодоления защитной системы объекта? Ведь вы же должны исполнить некую функцию, верно?

Ролан склонился вперед, уперся локтями в загорелые колени и приготовился выслушивать объяснения Кейса. Пьер мерил шагами комнату: от окна к двери и обратно. Кейс решил, что запись ведет Мишель. Ее глаза следили за ним непрерывно.

— Можно мне одеться?

Чтобы обследовать швы джинсов, Пьер заставил Кейса раздеться. Теперь Кейс сидел на плетеной скамеечке голый и остро ощущал непристойную белизну недокрашенной ступни.

Ролан что-то сказал по-французски.

– *Non*, — рассеянно бросил Пьер (что это он за окном высматривает? да еще в бинокль?).

Ролан пожал плечами, а затем поднял брови и развел руками. Кейс решил, что самое время улыбнуться. «Прямо как по учебнику», — подумал он, глядя на ответную улыбку Ролана.

— Послушайте, — сказал он, — мне плохо. Я принял в баре какую-то жуткую дурь, понимаете? Я хочу лечь. Я от вас никуда не денусь. Вы говорите, что Армитидж тоже арестован. Вот его и спрашивайте. Я же на подхвате, что я там знаю.

Ролан кивнул:

— А Колодны?

— Она уже работала с Армитиджем, еще до меня. Она просто охранница, самурай. Насколько мне известно. А что там мне известно?

— Но вы знаете, что настоящее имя Армитиджа — Корто, — заметил Пьер, не отрывая глаз от бинокля. — Откуда?

— Не помню, — равнодушно пожал плечами Кейс. — Вроде он сам сказал. — («Вот же черт за язык дернул!») — У всех несколько имен. А вас правда зовут Пьер?

— Нам известно, на каких условиях вас лечили в Тибе, — заговорила долго молчавшая

Мишель, — и это, пожалуй, первая ошибка Уинтермьюта. — (Кейс изобразил на лице полное недоумение. Имя Уинтермьюта раньше не упоминалось.) — На основе использованной при вашем лечении методики владелец клиники получил семь базовых патентов. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— А то, что хирург из подпольной клиники в Тиба-Сити владеет теперь контрольными пакетами трех крупных медицинских исследовательских консорциумов. Не совсем обычный поворот событий. Это сразу привлекло наше внимание.

Мишель скрестила загорелые руки на маленьких острых грудях и откинулась на пеструю подушку. Сколько же ей лет-то? Говорят, возраст безошибочно читается по глазам, однако Кейс никогда не понимал, что там можно прочитать. Из-за розового кварца очков Жюли Дина глядели бесхитростные глаза десятилетнего ребенка. Ничто, кроме костяшек пальцев, не выдавало возраста Мишель.

— Мы проследили за вами до Муравейника, затем потеряли и снова обнаружили, когда вы покидали Стамбул. От этого момента мы пошли назад и выяснили, что именно вы спровоцирова-

ли панику в «Сенснете». После этого корпорация обеспечила нам всю возможную помощь. Они провели у себя инвентаризацию, в ходе которой обнаружили, что пропал конструкт личности Маккоя Поли.

— В Стамбуле, — почти извиняясь, добавил Ролан, — все было совсем просто. Эта женщина подпортила отношения Армитиджа с секретной полицией.

— А затем вы появились здесь, — сказал Пьер, опуская бинокль в карман рубашки. — Мы очень обрадовались.

— Возможности позагорать?

— Вы прекрасно понимаете, что мы имеем в виду, — сказала Мишель. — А будете притворяться дурачком — только усложните свое положение. Вопрос об экстрадиции решен еще не до конца. Вы поедете с нами, так же как и Армитидж. Но вот куда мы направимся? В Швейцарию, где вы окажетесь просто мелкой сошкой в суде над искусственным интеллектом? Или в СОБА, где можно доказать, что вы участвовали не только во взломе и ограблении банков данных, но также и в провоцировании общественных беспорядков, которые стоили четырнадцати невинных жизней? Так что выбирайте.

Кейс вытянул из пачки сигарету, Пьер услужливо щелкнул золотым «данхиллом».

— И станет ли Армитидж вас покрывать?

Вопрос прозвучал одновременно с клацаньем закрываемой зажигалки. Голова Кейса раскалывалась, лицо Пьера плыло и корежилось, словно отраженное в грязной луже.

— Сколько вам лет, босс?

— Достаточно, чтобы понять: ты спекся, попал в глубокую задницу и теперь прямиком гремишь за решетку.

— Айн момент, — сказал Кейс и затянулся. А затем выпустил в лицо тьюринг-копа струю дыма. — А как у вас, крутые вы ребята, с полномочиями? Не следовало ли вам пригласить на эту дружескую беседу службу безопасности Фрисайда? Тут же вроде их территория, верно?

Худое мальчишеское лицо помрачнело, темные глаза сузились, Кейс напрягся в ожидании удара, но Пьер только пожал плечами.

— Это не важно, — вмешался Ролан. — Ты поедешь с нами. Нам не привыкать к неопределенности законов. Договоры, согласно которым работает наш отдел, гарантируют нам большую гибкость. Да и сами мы *проявляем* гибкость, если этого требует ситуация.

Маска дружелюбия внезапно исчезла, теперь глаза Ролана стали такими же жесткими, как у Пьера.

— Ты хуже, чем просто дурак. — Мишель встала, по-прежнему сжимая в руке пистолет. — Тебе плевать на судьбу человечества. Тысячи лет люди мечтали о договоре с дьяволом. И только сейчас это стало возможным. Ну и сколько же тебе заплатят? За какую цену согласился ты помочь этой твари освободиться и вырасти? — В ее голосе звучала всепонимающая усталость, невозможная в девятнадцатилетней девушке. — Одевайся. Ты поедешь с нами. Ты и этот тип, которого ты называешь Армитиджем, вернетесь с нами в Женеву, чтобы дать показания в суде над искусственным интеллектом. Иначе мы тебя убьем. Прямо сейчас. — Мишель вскинула пистолет — блестящий черный «вальтер» со встроенным глушителем.

— Одеваюсь, одеваюсь, — пробормотал Кейс и заковылял к кровати.

Ноги так и остались ватными, неуклюжими. Господи, да неужели в этом барахле не осталось ни одной чистой майки?

— Тут рядом наш корабль. Мы сотрем конструкт Поли импульсным излучателем.

— «Сенснет» будет в экстазе, — сказал Кейс.

«А заодно сотрете и все улики, находящиеся в памяти „Хосаки“, — подумал он. — А других у вас нет».

— Ничего подобного. Это только избавит их от обвинения в изготовлении и хранении этой штуки.

Кейс натянул через голову рубашку. Увидел на кровати сюрикэн, безжизненный кусок металла, свою звезду. Он поискал в себе недавнюю ярость, но ярость эта куда-то пропала. Самое время поднимать лапки, плыть по течению… А тут еще эти капсулы с ядом…

— Опять мясо, — пробормотал он.

В лифте Кейс подумал о Молли. Она, наверное, уже в «Блуждающем огоньке». Гоняется за Ривьерой. А за ней самой гоняется Хидэо — тот самый, по-видимому клонированный, ниндзя. Из байки Финна, тот, что приходил за говорящей головой.

Кейс прислонился лбом к матово-черному пластику стенной панели и закрыл глаза. Конечности казались старыми кривыми деревяшками, разбухшими после дождя.

Под яркими зонтиками среди деревьев подавали ланч. Ролан и Мишель вернулись к прежней своей роли и весело заговорили по-французски. Пьер чуть отстал. Мишель, скрыв оружие под

переброшенной через руку белой парусиновой курткой, упирала ствол пистолета Кейсу в ребра.

На лугу, петляя между столиками и деревьями, Кейс гадал, решится ли Мишель стрелять, если он возьмет вот сейчас да и упадет от усталости. По краям поля зрения дрожали какие-то черные лохмы. Кейс посмотрел на раскаленную добела полосу системы Ладо-Ачесон и увидел, как на фоне искусственного неба грациозно порхает огромная бабочка.

Луг кончался крутым обрывом; там, за ограждением, теплый воздух, поднимающийся от Дезидераты, шевелил траву и головки полевых цветов. Мишель отбросила с глаз прядь коротких темных волос, показала пальцем вдаль и сказала что-то Ролану. По-французски. Ее голос звенел неподдельным счастьем. Кейс взглянул, что это она там показывает, и увидел изгибы искусственных озер, белое сверкание казино, бирюзовые прямоугольники сотен бассейнов, тела купальщиков — крошечные бронзовые иероглифы; все это держалось на искривленном корпусе Фрисайда благодаря искусственной гравитации.

Они прошли вдоль ограждения к изящному железному мостику, перекинутому через Дезидерату. Мишель подгоняла Кейса стволом

«вальтера».

— Полегче, я быстрее просто не могу.

Грациозная бабочка спикировала в тот самый момент, когда они подходили к середине моста, спикировала с выключенным электродвигателем, абсолютно бесшумно, никто ничего и не заподозрил, пока черный углеволоконный пропеллер не снес Пьеру верхушку черепа.

На мгновение все потемнело — самолетик заслонил ладо-ачесоновское солнце; Кейс почувствовал на затылке горячие брызги крови, а затем кто-то сбил его с ног. Кейс перекатился и увидел, что Мишель лежит на спине, подтянув колени к груди, и двумя руками целится из «вальтера». «Зря стараешься», — с неправдоподобной ясностью пронеслось в голове. Она пыталась сбить хищное механическое насекомое.

А потом Кейс побежал. Достигнув первого дерева, он оглянулся и увидел несущегося следом Ролана. Еще он увидел, как хрупкий биплан снес железные перила моста, смялся в гармошку, перевернулся и рухнул в ущелье Дезидераты, увлекая за собой девушку.

Ролан даже не оглянулся. Белое лицо окаменело, зубы оскалились. Он что-то держал в руке.

Ролана убил садовый робот. Он упал на фран-

цуза из аккуратно подстриженной кроны того же самого дерева — черно-желтый, в косую полоску, краб.

— Ты их убил, — задыхаясь от быстрого бега, бормотал Кейс. — Что ж ты, паскуда, делаешь, ты же всех их убил…

14

Небольшой состав мчался по туннелю со скоростью восемьдесят километров в час. Кейс сидел с закрытыми глазами. Душ помог прийти в себя, но от вида розовой от крови Пьера воды, текущей по белому кафельному полу, его вытошнило — вытошнило подчистую, до желчи.

По мере сужения веретена тяготение слабело. Живот Кейса негодующе бурчал.

На пристани его ждал Аэрол со скутером:

— Кейс, у нас тут заморочки.

Голос в наушниках тихий, еле слышный. Кейс нажал подбородком на регулятор, прибавил громкость и всмотрелся в лицо Аэрола, скрытое лексановым забралом.

— Мне нужно попасть на «Гарви».

— Ладно. Пристегнись, брат. Только «Гарви» в плену. Вернулась яхта, та, которая приходила

раньше. Она намертво заблокировала «Маркуса Гарви».

Тьюринг?

— Что значит «приходила раньше»?

Кейс забрался на скутер и начал пристегивать ремни.

— Да японская яхта. Привозила тебе посылку…

Армитидж.

* * *

При виде «Маркуса Гарви» в голове у Кейса завертелись беспорядочные образы ос и пауков. Маленький буксировщик прильнул к серой груди изящного насекомоподобного корабля, в пять раз превышавшего его длиной. В ослепительном, не смягченном никакой атмосферой свете солнца с неправдоподобной отчетливостью вырисовывались клешни захватов, вцепившихся в латаный-перелатаный корпус «Гарви». Светлый гофрированный шлюз благоразумно огибал двигатели буксировщика и присоединялся к кормовому люку. Во всей этой конструкции было нечто непристойное, хотя она и навевала мысли скорее о кормлении, нежели о сексе.

— А что с Мэлкомом?

— С Мэлкомом все прекрасно. По трубе никто

не ходил. Пилот яхты только поговорил с ним. Отдохни, говорит.

Когда они огибали серый корабль, Кейс прочитал под вытянутой гроздью японских иероглифов большие ярко-белые буквы: «ХАНИВА».[19]

— Что-то мне это не нравится. Сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— Мэлком говорит то же самое, но вот «Гарви», он далеко не уйдет.

* * *

Пройдя передний шлюз и сняв шлем, Кейс услышал пулеметные очереди сионитского жаргона — Мэлком говорил с кем-то по радио.

— Аэрол вернулся на «Рокер», — сказал Кейс.

Мэлком скосил глаза и кивнул, даже не запнувшись в очередной фразе.

Перепутанные дреды пилота торчали вверх, напоминая то ли змей на голове горгоны Медузы, то ли какие-то диковинные водоросли; Кейс осторожно проскользнул над этими зарослями и начал снимать скафандр. На Мэлкоме красо-

---

[19] notes: 19

Ханива — японские керамические скульптуры периода Кофун (III–VIII вв.) в виде цилиндрических труб, посуды, животных и людей. Устанавливались на вершинах курганов, отмечая места захоронения монархов и аристократов.

вались ярко-оранжевые наушники, он прикрыл глаза и сосредоточенно наморщил лоб, вслушиваясь в голос собеседника и утвердительно кивая. Одежда праведного пилота состояла из драных джинсов и старой зеленой нейлоновой куртки с оторванными рукавами. Кейс запихнул красный скафандр «Саньо» в грузовой гамак и забрался в страховочную сетку.

— Слышь, что дух говорит, — сказал Мэлком. — Компьютер только и знает, что тебя спрашивает.

— А кто там, на яхте?

— Тот же японец, что раньше. А теперь с ним еще и этот твой мистер Армитидж, прилетел с Фрисайда…

Кейс надел дерматроды и вошел в киберпространство.

* * *

— Дикси?

Матрица предстала перед ним в виде розовых сфер сталеплавильного комбината в Сиккиме.

— Что это ты там чудишь? До меня доходят жуткие истории. Память «Хосаки» один к одному скопирована в машину, стоящую на борту яхты твоего босса. Чистый атас. На тебе что, тьюринги повисли?

— Да, но Уинтермьют их убил.

— Только не надейся на долгую передышку. Их же как собак нерезаных. Прибегут как миленькие, и не втроем, а целой шоблой. Зуб даю, все их деки слетелись сейчас на наш сектор решетки, как мухи на теплое дерьмо. А твой драгоценный начальничек приказывает начинать. Давайте, говорит, и сейчас же.

Кейс набрал координаты Фрисайда.

— Ну-ка, Кейс, отодвинься на секунду…

Матрица расплылась и снова замерла; скорость и точность, с которыми Флэтлайн провел сложнейшую серию переходов, вызвали у Кейса дрожь зависти.

— Ни хрена себе…

— Не забывай, старик, я же классно работал при жизни. Пальцы так мелькали, что глазами не уследишь!

— Вот это, что ли? Слева большой зеленый прямоугольник.

— Верно сечешь. Ядро банка данных корпорации «Тессье-Эшпул СА», а лед ихний создан двумя дружественными ИскИнами. Думаю, ничем не хуже любого армейского. Адский лед, Кейс, черный как могила, гладкий как стекло. И оглянуться не успеешь, как он поджарит мозги. А если мы при-

близимся чуть поближе, он засунет нам трассеры в жопу и по штуке за каждое ухо, так что совет директоров Тессье-Эшпулов будет знать и размер твоей обуви, и длину твоей письки.

— У меня на это вообще не стоит, а тут еще тьюринги. Слушай, а может, лучше отвалить? Возьму тебя с собой…

— Ты что? Без балды? Не хочешь даже посмотреть, что может эта китайская программа?

— Ну, в общем-то… — Кейс окинул взглядом зеленые стены тессье-эшпуловского льда. — Ладно, хрен с ним. Поехали.

— Вставляй кассету.

— Эй, Мэлком, — сказал Кейс, выйдя из матрицы, — я просижу с дерматродами на голове часов, наверное, восемь подряд.

Мэлком снова курил. Кабина утопала в клубах дыма.

— Я не смогу ходить в гальюн…

— О чем разговор.

Сионит сделал сальто вперед, порылся в сетчатой, на молнии сумке и достал оттуда длинную, свернутую в бухту прозрачную трубку, присоединенную к какой-то штуке, запечатанной в стерильный пузырь.

Устройство это, именовавшееся техасским ка-

тетером, Кейсу совершенно не понравилось.

Кейс вставил в прорезь кассету с китайским вирусом, немного посидел, вздохнул и дожал ее до упора.

— О'кей, — сказал он, — все готово. Послушай, Мэлком, если что-нибудь будет не так, возьми меня за левое запястье. Я почувствую. А еще я надеюсь, ты выполнишь все, что тебе скажет «Хосака», ладно?

— Будь спок, брат. — Мэлком запалил свежий косяк.

— И прибавь вытяжку. Не хочу, чтобы это дерьмо действовало на мои нейротрансмиттеры. У меня и так отходняк.

Мэлком ухмыльнулся.

— В пуп и в гроб, — простонал Флэтлайн. — Ты только посмотри.

Вокруг них разворачивался китайский вирус. Многоцветная тень, неустанное движение бессчетных полупрозрачных завес. Он вздымался над ними, заслоняя горизонты киберпространства, необъятно огромный, каждую секунду — другой.

— Здоровая свистюлина, — одобрил Флэтлайн.

— Посмотрю, как там Молли, — объявил Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

* * *

Невесомость. Ощущение — будто ныряешь в абсолютно прозрачной воде. Молли «плыла» по широкой трубе из ребристого лунного бетона, освещенной через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

Связь была односторонняя. Говорить с ней Кейс не мог.

Он вернулся в киберпространство.

* * *

— Да, старик, программка — зашибись. Величайший, после хлеба в нарезке, плод гения человеческого. Эта хрень, она же — *невидимая.* Я только что посидел секунд двадцать на той маленькой розовой коробочке в четырех кликах от тессье-эшпуловского льда, посмотрел, как мы выглядим со стороны. А никак. Нету нас здесь.

Кейс отыскал взглядом упомянутую розовую конструкцию, стандартный коммерческий блок, и осторожно к ней приблизился.

— Может, она бракованная, программка-то.

— Может, но вряд ли. От нашей красавицы за километр несет военными разработками. И она

новехонькая, только что из магазина. И никто ее не видит. Если бы нас заметили, посчитали бы за китайских диверсантов, но никто и в ус не дует. Возможно, даже обитатели «Блуждающего огонька».

Кейс посмотрел на гладкую стену, прикрывавшую «Блуждающий огонек».

— Ну что ж, — сказал он, — тоже ведь плюс, верно?

— Возможно. — (Кейс болезненно сморщился от запредельного холода в позвоночнике — конструкт снова смеялся.) — Я тут проверил, «Куан-одиннадцатый» никогда не укусит за пятку — если ты, конечно, его хозяин. Парень очень вежливый, будто и впрямь китаец. Всегда готов помочь, к тому же вполне прилично изъясняется по-английски. Ты слышал о медленных вирусах?

— Нет.

— А я как-то слышал. Правда, в самых общих чертах, когда идея только возникла. Но как раз они-то и характеризуют «Куана». Тут не какое-нибудь там сунул-вынул и бежать, а скорее взаимодействие со льдом, настолько медленное, что он его не ощущает. Фронт логической системы «Куана» вроде как прилипает к атакуемому объекту, а затем подключаемся мы, и основная

программа начинает крутить вензеля вокруг логики льда. Мы срастаемся с ним как сиамские близнецы, а система ничего даже не подозревает. — Флэтлайн снова рассмеялся.

— Уж больно ты сегодня развеселился. Понимаешь, этот твой смех вроде как раздирает мне позвоночник.

— Весьма сочувствую, — сказал Флэтлайн, — но нам, покойникам, просто необходимо смеяться. Для повышения жизненного тонуса.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

И очутился среди спутанного металла и запаха пыли, а подушечки ладоней скользили по глянцевой бумаге. Позади что-то с шумом рухнуло.

— Да ты успокойся, — сказал Финн. — Расслабься.

Кейс лежал враскорячку на куче пожелтевших журналов, а вокруг во мраке «Метро голографикс» светилась галактика белозубых девичьих улыбок. Кейс вдыхал запах старых журналов и ждал, пока не успокоится сердце.

— Уинтермьют! — сказал он.

— Да, — послышался сзади голос Финна. — В самую точку.

— Иди ты на хрен! — Кейс сел и потер запястья.

— Не булькай, — сказал Финн, появляясь из чего-то вроде ниши в нагромождении хлама. — Так ведь для тебя удобнее. — Он достал из кармана пиджака пачку «Партагас» и закурил; мастерскую наполнил удушливый дым кубинского табака. — А ты бы хотел, чтобы я являлся тебе на склонах матричных гор в облике горящего тернового куста? Не волнуйся, за время твоего отсутствия там ничего не случится. Час здесь займет всего пару секунд реального времени.

— А ты никогда не задумывался, что твои появления в виде знакомых людей действуют мне на нервы? — Кейс встал, стряхнул с черных джинсов пыль, оглянулся на грязные окна и закрытую наружную дверь. — А там что? Нью-Йорк? Или больше ничего?

— Ну-у, — протянул Финн, — это вроде как с тем деревом. Упало в лесу, где его никто не слышал. Так трещало оно или нет? — Он широко усмехнулся, продемонстрировав огромные, желтые от никотина передние зубы, и снова затянулся. — Иди прогуляйся, если хочешь. Все на месте. Во всяком случае — все, что ты когда-нибудь видел. Это воспоминания, понятно? Я выкачал их из

тебя, перетасовал и запустил обратно.

— У меня не настолько хорошая память.

Кейс огляделся. Затем посмотрел на свои руки, попытался вспомнить, как должны выглядеть линии на ладонях, но не сумел.

— У всех хорошая память. — Финн бросил окурок и раздавил его каблуком. — Только не все умеют ею пользоваться. Художники — те умеют, особенно хорошие. Если ты сравнишь окружающее с настоящей мастерской Финна в южной части Манхэттена, отличия, конечно же, будут, но не такие большие, как можно бы ожидать. Твоя память голографична. — Финн подергал себя за ухо. — В отличие от моей.

— А что это значит — голографична? — Он вспомнил о Ривьере.

— Голографическая парадигма — лучшее, что придумали люди для описания структуры своей памяти. Но вы так и не сумели ее толком использовать. — Финн шагнул вперед, склонил набок аэродинамически совершенную голову и внимательно посмотрел на Кейса. — В противном случае меня бы, скорее всего, не было.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу тебе помочь, — пожал плечами Финн. Обтрепанный твидовый пиджак, слишком для

него широкий, косо обвис.

— Зачем?

— Потому что ты нужен мне. — Снова показались большие желтые зубы. — А я нужен тебе.

— Дерьмо собачье. Ты можешь читать мои мысли, Финн? То есть, — Кейс болезненно поморщился, — Уинтермьют.

— Мысли невозможно *читать*. Даже интересно, ты почти не умеешь читать и все равно пользуешься ветхой парадигмой печатного текста. Я могу извлечь содержимое твоей памяти, но ведь это — не мысли. — Финн сунул руку в оголенный каркас древнего телевизора и вытащил серебристо-черную радиолампу. — Видишь? Элемент моей ДНК, ну не совсем, но вроде…

Он бросил лампу в угол, раздался негромкий хлопок и звон.

— Вы всегда строите модели. Каменные круги. Соборы. Стоящие в этих соборах органы. Арифмометры. Ты можешь себе представить, что я не знаю, почему нахожусь здесь? Но если сегодняшний рейд закончится удачно, вы получите то, к чему стремились все это время.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— «Вы» — это вы все вместе. Род человеческий.

— Ты убил тьюрингов.

— Пришлось, — пожал плечами Финн. — Некуда было деться. Да и вообще, чего ты так разохался, они-то прикончили бы тебя и глазом бы не моргнули. Как бы то ни было, я вытащил тебя сюда, и нам нужно поговорить. Узнаешь?

В его руке появилось обгорелое осиное гнездо из сна Кейса, полутемную мастерскую наполнила вонь керосина. Кейс попятился и прижался спиной к залежам хлама.

— Да. Моя работа. Я использовал голографический проектор гостиничного окна. Один из образов, списанных из твоей памяти, пока ты был в отключке. Знаешь, почему гнездо так важно?

Кейс помотал головой.

— Потому… — (гнездо куда-то исчезло), — что оно наилучшая метафора того, чем хотели бы быть Тессье-Эшпулы. Замени только ос на людей. «Блуждающий огонек» — нечто вроде этого гнезда, по крайней мере так было задумано. Думаю, это улучшит твое настроение.

— Улучшит?

— Конечно, ведь теперь ты знаешь, *что* они такое. А то ты уже начал ненавидеть меня. Оно, конечно, неплохо, но ты перенеси лучше свою ненависть на них. В них тоже нет ничего человеческого.

— Послушай, — Кейс шагнул вперед, — они не сделали мне ничего плохого. А ты — другое дело… — Но чувство гнева не возникало.

— Так вот, меня создали Тессье-Эшпулы. Эта французская девочка, она сказала, что ты предал человечество. Дьяволу, так она меня назвала. — Финн ухмыльнулся. — В общем, не важно. Пока мы работаем, ты должен кого-нибудь ненавидеть. — Он развернулся и шагнул вглубь мастерской. — Ладно, иди сюда, я покажу тебе «Блуждающий огонек». — Финн поднял уголок одеяла, оттуда хлынул яркий свет. — Кой хрен, да что ты там как неживой?

Кейс нерешительно подошел.

— Вот и прекрасно, — сказал Финн, хватая его за локоть.

Облачко пыли, запах лежалой шерсти, а потом сразу — невесомость, цилиндрический коридор из рифленого лунного бетона, освещенный через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

— Мамочки, — пробормотал Кейс.

— Это центральный вход, — пояснил Финн; сейчас его пиджак выглядел особенно нелепо. — В реальности на месте моей мастерской находятся главные ворота, они наверху, у самой оси Фрисай-

да. Подробностей будет мало, потому что у тебя нет воспоминаний. За исключением этого коридора, который ты видел при помощи Молли…

Кейс старался лететь прямо, но его стало закручивать по пологой спирали.

— Держись, — подбодрил Финн, — я сделаю быструю перемотку.

Стены расплылись. Появилось головокружительное ощущение стремительного полета, мелькали цвета, Кейс и Финн огибали углы и неслись по узким коридорам. Судя по всему, в одном месте они прошли сквозь мощную, в несколько метров толщиной, стену — мгновенная вспышка кромешной мглы.

— Здесь, — объявил Финн. — Прибыли.

Они плавали в центре квадратной комнаты. Стены и потолок облицованы темным деревом. Кристаллически поблескивает квадратный ковер; выполненный синей и алой шерстью орнамент повторяет структуру какой-то микросхемы. В самом центре комнаты — квадратный пьедестал из молочно-белого стекла, точно выравненный по сторонам ковра, а на нем…

— Вилла «Блуждающий огонек», — мелодично заговорила голова, — это прихотливый каприз, тело, проросшее внутрь самого себя, готический

замок. Каждое помещение этой виллы — тайный склеп, каждый коридор — тайный ход. Бесконечный ряд комнат и залов, соединенных переходами и лестницами, змеящимися подобно исполинскому кишечнику, крутые повороты, в которых бессильно запутывается взгляд, расписные перегородки и ширмы, пустые альковы…

— Сочинение три-Джейн, — сказал Финн, вытаскивая свои «Партагас». — Девица написала его в двенадцатилетнем возрасте. Когда изучала семиотику.

— Архитекторы Фрисайда приложили максимум стараний, скрывая тот факт, что интерьер веретена организован с пошлой точностью меблировки гостиничного номера. В «Блуждающем огоньке» же внутренние поверхности веретена покрыты фантастическими зарослями структур, формы текут, переплетаются и сливаются, сходясь к незыблемому микроэлектронному ядру, корпоративному сердцу нашего клана, кремниевому цилиндру, пронизанному узкими — иногда не толще человеческой руки — эксплуатационными каналами. В этих каналах живут блестящие крабы — миниатюрные роботы, ежесекундно готовые исправить случайную неполадку, встать на пути преднамеренного вредительства.

— Ты ее видел в ресторане, — напомнил Финн.

— По меркам архипелага, — продолжила голова, — мы старая семья, и причудливость архитектуры нашего дома отражает наш возраст. Но она отражает и нечто другое. Семиотика виллы выдает стремление внутрь и отрицание сияющей бездны, пребывающей — если небытие может пребывать — где-то там, за оболочкой веретена… Тессье и Эшпул поднялись по гравитационному колодцу — и возненавидели космос. Они построили Фрисайд, чтобы выкачивать деньги из новых островов, стали богатыми и эксцентричными и начали строить продолжение своего тела, «Блуждающий огонек». Мы спрятались за своими деньгами и стали расти внутрь, создавая собственную, непроницаемую извне, вселенную… На вилле «Блуждающий огонек» нет неба — ни искусственного, ни какого-либо еще… В кремниевом ядре виллы есть небольшая комната, единственное на весь комплекс помещение с прямыми углами. Здесь, на простом стеклянном пьедестале, установлен расписной — перегородчатая эмаль по платине — бюст, инкрустированный ляпис-лазурью и жемчугом. Сверкающие шарики его глаз вырезаны из искусственного рубина — одного из иллюми-

наторов того самого корабля, который вывел в космос первого Тессье, а затем вернулся за первой Эшпул… — Голова замолчала.

— Ну и?.. — спросил Кейс, почти ожидая, что голова ответит.

— Конец, — сказал Финн. — Точнее говоря, она не закончила сочинение. Маленькая была, непоседливая. А эта хреновина — нечто вроде ритуального терминала. Мне нужно, чтобы Молли сказала здесь в нужный момент нужное слово. Тут-то и вся закавыка. Если голова не услышит волшебного слова, тогда один хрен, как далеко вы с Флэтлайном заведете китайский вирус.

— И какое же это слово?

— Не знаю. Можно сказать, что моя сущность тем и определена, что я не знаю потому, что я *не могу* знать. Аз есмь тот, иже не ведает слова. И даже если бы ты его знал и сказал мне, я бы *не смог* узнать. Это предохранитель, встроенный в мою постоянную память. Кто-то посторонний должен узнать это слово и произнести его перед головой в тот момент, когда вы с Флэтлайном проломитесь сквозь лед и войдете в ядро системы.

— И что потом?

— Потом я перестану быть. Исчезну.

— Для такой радости можно и постараться, —

заметил Кейс.

— Конечно. Только ты, Кейс, поосторожнее. Похоже, моему, ну скажем, другому полушарию не слишком все это по нутру. А ведь что одна неопалимая купина, что другая, их не очень-то и различишь. Вдобавок Армитидж начинает рассыпаться.

— В каком смысле?

Но тут комната с деревянными панелями смялась, бумажным журавликом сложилась под десятком невозможных углов и выпала, кувыркаясь, в киберпространство.

15

— Ты что, сынок, хочешь побить мой рекорд? — спросил Флэтлайн. — Снова пять секунд отключки.

— Следи за лавкой, — пробормотал Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

Темнота, Молли низко припала к полу, под ладонями — грубый, шершавый бетон.

«КЕЙС КЕЙС КЕЙС КЕЙС» — замигало на цифровом дисплее: Уинтермьют сообщал ей, что связь установлена.

— Веселенькие дела, — проворчала Молли. Она

оторвала ладони от бетона, потерла их одну о другую и щелкнула костяшками пальцев. — Где тебя черти носили?

«ПОРА МОЛЛИ ТЕПЕРЬ ПОРА».

Молли сильно прижала язык к нижним передним зубам.

Один зуб чуть качнулся, включились миниатюрные фотоумножители, отдельные случайные фотоны, пролетающие в темноте, превратились в ощутимые потоки электронов, и бетон вокруг стал призрачно-белым, зернистым.

— О'кей, красавчик. Пошли развлекаться.

Ее убежище оказалось чем-то вроде вспомогательного туннеля. Молли проскользнула между прутьями фигурной, потемневшей от времени бронзовой решетки. На ней снова был мимикрирующий комбинезон — в какой-то момент Кейс заметил краешек рукава. Под поликарбоновым пластиком ощущалась знакомая упругость плотно облегающей тело кожи. Левое плечо оттягивал ремешок с каким-то тяжелым угловатым предметом. Молли встала, расстегнула костюм и потрогала рифленую рукоятку пистолета.

— Кейс, — сказала она почти беззвучно, — ты меня слышишь? Я тут хочу тебе рассказать… Был у меня когда-то парень… Ты мне немного

напомнил… — Молли свернула за угол, на секунду остановилась и осмотрелась. — Джонни, так его звали.

Вдоль низкой сводчатой галереи стояли десятки музейных стендов, попросту говоря — деревянных, застекленных спереди ящиков. Допотопные эти сооружения выглядели здесь совершенно неуместно — будто их принесли сюда для какой-то неведомой цели и забыли. Через каждые десять метров висели столь же архаичные светильники — тусклая латунь с белыми матовыми шарами. Поверхность под ногами стала какая-то неровная; прошло некоторое время, пока Кейс не сообразил, что это из-за бесчисленных, без всякого порядка разбросанных ковриков. Казалось, что пол устлан мягким толстым (кое-где коврики лежали в пять-шесть слоев) лоскутным одеялом.

К некоторой досаде Кейса, Молли почти не обращала внимания ни на шкафы, ни на их содержимое. Ему пришлось довольствоваться тем, что выхватывал ее безразличный взгляд: керамические черепки, старинное оружие, какой-то совершенно непонятный предмет, густо истыканный ржавыми гвоздями, обтрепанные фрагменты гобеленов…

— Джонни, он был очень толковый парень. Под-

рабатывал на Мемори-лейн «копилкой» — чипы в голове, клиенты прятали туда информацию. Не помню уж почему, за ним погнались якудза; наше с Джонни знакомство с того и началось, что я вырубила их наемного убийцу. Просто повезло — мужик был и сильнее меня, и умел гораздо больше. Ну а потом мы сошлись, и все у нас было хорошо.

Молли едва шевелила губами; Кейс чувствовал артикуляцию и понимал слова, даже не слыша их.

— Мы не пожалели денег, завели «кальмаров», чтобы восстанавливать по остаточным следам всю ту информацию, которую Джонни хранил в прошлом. Переписали ее на пленку и начали трясти некоторых клиентов, точнее, экс-клиентов. Я была и инкассатором, и боевиком, и сторожевой собакой. Счастливое время. Ты когда-нибудь был счастлив, Кейс? У меня был Джонни. Мы работали с ним на пару. Партнеры. За два месяца до того я окончательно развязалась с тем борделем…

Молли замолчала, осторожно обогнула поворот, огляделась и прошла дальше. Снова деревянные ящики цвета тараканьих крыльев.

— Нам было хорошо, и мы ничего не боялись. Даже и не задумывались, что кто-то там может

нас тронуть. А если и что — я всегда сумею защититься. Думаю, якудза все еще охотилась за Джонни. Ведь я убила их человека. А Джонни их кинул. А эти долбаные яки никогда не торопятся, они могут ждать годы и годы. Чем лучше тебе сейчас, тем хреновее будет потом, когда они о тебе вспомнят. Терпеливые, как пауки. Дзен-пауки… Тогда я этого не знала. А может, знала, но думала, что к нам это не относится. В молодости каждый считает себя уникальным. Я была молодая. Они пришли в тот самый момент, когда мы решили, что заработали достаточно, что можно завязать и куда-нибудь уехать, например в Европу. Ни один из нас не представлял себе, чем же мы, собственно, займемся, когда вместо уймы работы появится уйма свободного времени. Но мы уже обленились, заплыли жирком — швейцарские орбитальные счета, квартира, забитая всякой хренотенью. Все это как-то расслабляет… Тот, первый, которого я убрала, был мужик крутой. Прекрасная реакция, имплантаты, техника боя такая, что выстоял бы и против десятка обычных громил одновременно. Но второй, он был, ну не знаю, вроде *монаха.* Клонированный. Убийца — и даже не до мозга костей, а до клеточного уровня. Ничего не говорил, и это его безмолвие казалось

безмолвием смерти. Смерть окружала его густым осязаемым облаком…

Дальше коридор раздваивался, выходил к двум одинаковым, ведущим вниз лестницам. Молли выбрала левую.

— Когда-то, я была еще маленькой девочкой, мы жили в заброшенном доме. На берегу Гудзона, а крысы там здоровые, ты не поверишь. Это все химия. Вот точно, прямо с меня ростом: одна из них целую ночь скреблась у нас под полом. А утром кто-то привел этого старика, щеки у него были все в морщинках, а глаза совсем красные. Он принес промасленный кожаный сверток. Ну вроде как инструменты предохраняют от ржавчины. Развернул, а там старый револьвер и три патрона. Тогда старик заряжает один патрон и начинает ходить по комнате туда-сюда, а мы жмемся по стенам… Туда-сюда. Руки на груди, голова опущена, а про свой револьвер будто забыл. Крысу выслушивает. Мы молчим, пальцем шевельнуть боимся. Старик сделает шаг — крыса, ее же слышно, передвинется. Крыса передвинется, и тогда он снова шагнет. И вот так целый час, а потом он словно вспомнил про револьвер. Направил его в пол, ухмыльнулся и выстрелил. Свернул свое хозяйство и ушел… Я очень боялась,

но все же слазила туда, под пол. У нее была дырка точно промеж глаз.

Молли внимательно изучила очередную запертую дверь; они встречались по пути довольно часто.

— Второй, что пришел за Джонни, он был вроде того старика. Нет, не старый, а просто такой же. Он убивал в точности так же.

Коридор вывел к просторному помещению. Море дорогих ковров, на потолке — гигантская люстра, нижняя подвеска почти касается пола. Когда Молли вошла в холл, раздался мелодичный хрустальный звон. «ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО» — замигал дисплей.

Молли свернула налево, стараясь не задеть перевернутое хрустальное дерево.

— Я видела его только раз. По дороге домой, он как раз выходил. Мы жили в переделанном под жилье заводском комплексе вместе с уймой подающих надежды ребят из «Сенснета». Охранная система была вполне приличная, но я ее еще усилила, поставила самое серьезное оборудование, чтобы и мышь не проскочила. Я знала, что Джонни дома. А этот коротышка сразу привлек мое внимание, как только вышел из двери. Не сказал мне ни слова. Мы только посмотрели друг на дру-

га, и я все поняла. Самый обыкновенный парень — небольшого росточка, в обыкновенной одежде, безо всякого гонора, скромный. Он посмотрел на меня и сел на рикшу. Я все поняла. Бросилась вверх по лестнице, а Джонни сидит возле окна на стуле, слегка приоткрыв рот, словно хочет что-то сказать…

Старая, даже древняя дверь; судя по орнаменту, когда-то эта резная, из таиландского тика панель была гораздо больше, но ее уполовинили по размерам дверного проема. Под извивающимся драконом — примитивный механический замок с накладкой из нержавеющей стали. Молли опустилась на колени, вынула из внутреннего кармана небольшой тугой сверток из черной замши, выбрала тонкую, как иголка, отмычку.

— Я, конечно, не ушла в монастырь, но все, что были потом, они были мне по фигу — что есть они, что нет.

Молли замолкла, вставила отмычку и принялась за работу, сосредоточенно покусывая нижнюю губу. Похоже, она полагалась исключительно на осязание — ее глаза расфокусировались, дверь превратилась в светлое пятно. Кейс слушал тишину холла, нарушаемую лишь негромким позвякиванием люстры. Люстра

— не под электрическое освещение, а совсем старинная, под свечи. Свечи? На вилле все было с каким-то вывертом. Кейс вспомнил рассказ Кэт о замке с прудами и лилиями и манерные фразы 3-Джейн, которые декламировала эта бредовая голова. Структура, которая прорастает сама в себя. Пахло здесь как в церкви — сладковато и вроде как плесенью. И где же все эти Тессье-Эшпулы? Кейс ожидал увидеть настоящий улей дисциплинированной активности, но Молли не встретила пока ни души; исповедальный монолог вызвал у него неловкость, прежде она не очень-то о себе распространялась. Единственное исключение — история, рассказанная в этом кукольном борделе, а так можно было бы подумать, что у нее вообще нет прошлого.

Молли закрыла глаза, и раздался щелчок, Кейс скорее почувствовал его, чем услышал. Звук напомнил ему магнитные защелки в том же самом кукольном борделе. Его кредитная карточка не должна была открыть дверь Молли — но открыла. Это сделал Уинтермьют, это он управлял замком — точно так же, как управлял беспилотным самолетиком и роботом-садовником. Программа управления замками дома «живых кукол» входила в систему безопасности

Фрисайда. Обыкновенный механический замок создавал для ИскИна целую проблему, требовалось вмешательство либо какого-нибудь робота, либо человека.

Молли открыла глаза, спрятала отмычку в замшу, замшу аккуратно свернула и сунула в карман.

— А ты вроде как на него похож, — сказала Молли. — Прятаться от кого-то, убегать — это у тебя на роду написано. Все эти заморочки в Тибе — простейший, очевиднейший вариант того, чем занимался бы ты в любом другом месте. Непруха, она часто так делает, обнажает самую сущность. — Она поднялась на ноги, потянулась, стряхнула с одежды пыль. — Знаешь, я думаю: тот тип, которого Тессье-Эшпулы послали за Джимми — за парнем, укравшим голову, — очень похож на того, которого яки послали убить Джонни.

Она вытащила игольник из кобуры, перевела его на автоматический огонь и окинула взглядом дверь.

Уродливость этой двери ошеломляла. Даже не самой двери, она была прекрасна, а в прошлом являлась частью еще более прекрасного целого, ошеломляло то, как ее распилили, чтобы подогнать к дверному проему. Ее прямоугольная

форма совершенно не вписывалась в плавные изгибы бетона. «Они привозили такие вот штуки, — думал Кейс, — а потом силой подгоняли их к месту. И ничего из этого не выходило». Дверь была такой же неуклюжей и неуместной, как музейные стенды, как огромное хрустальное дерево. Кейс вспомнил сочинение 3-Джейн и решил, что всю эту обстановку привезли с Земли в соответствии с каким-то генеральным планом, полузабытой мечтой, превратившейся в навязчивое стремление заполнить пространство, воплотить в жизнь некий бредовый образ семейного гнезда. А еще он вспомнил разоренное осиное гнездо, корчащихся безглазых тварей.

Молли взялась за переднюю лапу резного дракона, и дверь легко открылась.

Автоматически вспыхнувшие лампы осветили маленькую, тесно заставленную комнату, даже и не комнату, а кладовку. Молли прикрыла дверь и направилась к серым металлическим шкафикам, выстроившимся вдоль изогнутой стены.

«ТРЕТИЙ СЛЕВА, — замигал в глазу индикатор времени — Уинтермьютовы, понятно, штучки. — ПЯТЫЙ СВЕРХУ». Но Молли сперва открыла верхний ящик, и не ящик, собственно, а неглубокий поддон. Пустой. Второй — то же самое. В

третьем, поглубже, лежали тусклые бусины припоя и небольшой коричневый предмет, похожий на фалангу человеческого пальца. В четвертом ящике — отсыревшая, покоробившаяся книга, какой-то технический справочник на французском и японском языке. В пятом, за бронированной рукавицей тяжелого скафандра, обнаружился ключ. Он напоминал тусклую медную монетку с припаянной с краю коротенькой полой трубочкой. Молли покрутила ключ в пальцах, Кейс заметил внутри трубочки выступы и бороздки. С одной стороны монетки виднелись выпуклые буквы: «ЧАББ».[20] Другая сторона оставалась чистой.

— Он мне все рассказал, — прошептала Молли. — Уинтермьют. Как он ждал удобного случая, ждал много лет. В то время он не обладал реальной силой, однако мог воспользоваться охранной и хозяйственной системой, чтобы знать местонахождение любого предмета и все его перемещения. Двадцать лет назад кто-то потерял этот ключ, и Уинтермьюту удалось сделать так, чтобы кто-то нашел его и принес сюда. А затем он убил мальчика, который нашел ключ. *Восьмилетнего* мальчика. — Бледные пальцы

[20] notes: 20

«Чабб» — английская фирма, с начала XIX в. специализирующаяся на выпуске сувальдных замков, защищенных от взлома.

медленно сомкнулись, Молли сжала ключ в кулаке. — И все для того, чтобы никто не нашел эту долбаную железяку.

Она вынула из нагрудного кармана черный нейлоновый шнурок, аккуратно продела его через круглую дырочку над словом «ЧАББ», завязала узлом и повесила ключ на шею.

— Они доставали его своей якобы старомодностью, всей этой херней под девятнадцатый век. Там, на экране, он выглядел совсем как Финн. Я иногда забывалась и думала, что это и вправду Финн.

Встроенный индикатор показывал время, цифры наложились на серые стальные ящики.

— Он говорит, если бы Тессье-Эшпулы действительно стали тем, чем хотели, он бы давно вырвался на свободу. Только они не стали. Все их грандиозные планы накрылись медным тазом. Уроды. Уроды и извращенцы, вроде три-Джейн. Это не я, это Уинтермьют так сказал, хотя ее-то как раз он любит.

Молли повернулась, открыла дверь и вышла из комнаты, нежно поглаживая ребристую рукоятку игольника, успевшего вернуться в свою кобуру.

Кейс перешел в киберпространство.

* * *

«Куан-одиннадцатый» продолжал расти.

— Ну как, Дикси, думаешь, эта хрень сработает?

— А лошади кушают овес?

Флэтлайн провел его сквозь радужное колыхание бессчетных полупрозрачных завес.

В ядре китайской программы формировался какой-то темный сгусток. Информационная перегрузка матрицы порождала бредовые образы. Еле заметные калейдоскопически изменчивые клинья сходились к антрацитовому фокусу. На полупрозрачных плоскостях выпадали знаки зла и несчастья: свастики, черепа, «змеиные глаза» на игральных костях.[21] Если смотреть в фокальную точку прямо, там словно вообще ничего не было. Только после двенадцатой попытки Кейс увидел боковым зрением блестящую, как обсидиан, акулообразную форму, черное зеркало ее поверхности отражало слабые далекие огоньки, никак не связанные с близлежащими участками матрицы.

---

[21] notes: 21

При игре в кости двумя кубиками комбинация «змеиные глаза» — выпадение двух единичек.

— Это и есть жало, — пояснил конструкт. — Мы его двинем, как только «Куан» совсем подружится с ядром Тессье-Эшпулов.

— А ты, кстати, прав, — заметил Кейс. — Существует некий аппаратно встроенный внешний контроль, который должен держать Уинтермьюта в рамочках. Хотя ты и сам видишь, в каких он там…

— Он, — прервал его конструкт. — Он. Поосторожнее с такими словами, не «он», а «оно». Я долблю тебе это раз за разом.

— Это код. Всего одно, если верить ему, слово. Кто-то должен сказать это слово некоему хитрому, с прибамбасами терминалу, стоящему в некой комнате, сказать в тот самый момент, когда мы пробьем лед и займемся начинкой, какая уж она там есть.

— Ты бы сходил пока погулял, — посоветовал Флэтлайн. — «Куан» работает медленно, но верно.

Кейс вышел из матрицы.

* * *

Мэлком смотрел на него почти испуганно:

— Ты снова был мертвый, брат.

— Бывает, — отмахнулся Кейс. — К этому тоже

привыкаешь.

— Ты играешь с силами тьмы.

— А ты что, можешь предложить что-нибудь поинтереснее?

— Любовь Джа, Кейс, — сказал Мэлком и отвернулся к рации.

Кейс посмотрел на перепутанные дреды, на веревки мускулов, играющие под темной кожей рук. И вернулся в киберпространство.

И перешел в симстим.

* * *

Молли рысцой бежала по коридору, возможно одному из прежних. Застекленных ящиков больше не было; Кейс решил, что они приближаются к концу веретена, — тяготение стало еще слабее. Еще немного, и Молли уже не бежала, а почти летела над ковровыми волнами. Еле заметное покалывание в ноге…

Коридор резко сузился, повернул и разделился надвое.

Девушка свернула направо и стала подниматься по издевательски крутой лестнице, боль в ноге заметно усилилась. На потолке — плотно увязанные жгуты проводов, цветокодированных нервов машинного мозга. Стены в пятнах сырости.

На треугольной лестничной площадке Молли остановилась и потерла ногу. Снова узкие коридоры, только теперь с коврами на стенах. Стоп. Еще одно разветвление, на этот раз — в три стороны.

«ЛЕВЫЙ».

Молли пожала плечами:

— Подожди, дай-ка я немного осмотрюсь.

«ЛЕВЫЙ».

— Потерпи малость, у нас полно времени.

Она пошла направо.

«СТОЙ».

«ВЕРНИСЬ».

«ОПАСНО».

Молли остановилась. В конце коридора — полуоткрытая дубовая дверь, оттуда доносится громкий, но невнятный, словно у пьяного, голос. Язык, решил Кейс, вроде бы французский, но только не разберешь. Молли сделала шаг, потрогала игольник, сделала еще один шаг. И попала в поле нейропарализатора. Негромкое гудение, мгновенно перешедшее в свист, напомнило Кейсу выстрел из игольника. Мышцы Молли бессильно обмякли, она повалилась вперед, ударилась лбом о дверь, затем изогнулась, упала на спину и застыла, не способная ни дышать, ни даже сфокусировать взгляд.

— Это что, маскарадный костюм? — поинтересовался все тот же невнятный голос.

Дрожащая рука нащупала за пазухой Молли игольник, вытащила его наружу.

— Ну что ж, дитя мое, заходи в гости. Вставай.

Молли поднялась медленно, неуверенно, не отрывая глаз от бездонного зрачка пистолета. Теперь рука мужчины казалась достаточно твердой, ствол двигался, словно привязанный к ее горлу невидимой, туго натянутой нитью.

Высокий, даже долговязый, старик с лицом как у той девушки, которую Кейс видел в ресторане. Одет в тяжелый темно-коричневого шелка халат с длинными стегаными отворотами и отложным воротником. Одна нога босая, другая — в черном бархатном шлепанце с лисьей мордой, вышитой золотом, на подъеме.

— Заходи, заходи. — Он подкрепил свои слова широким, гостеприимным жестом. — Только, пожалуйста, без резких движений.

Бóльшая часть предметов, переполнявших большую, похожую на зал комнату, не говорила Кейсу ровно ничего. Он заметил серую металлическую стойку со старомодными мониторами «Сони», широкую бронзовую кровать, заваленную овчинами и ковровыми подушками,

вышедшими, похоже, из той же мастерской, что и половики в коридоре. Взгляд Молли перескочил с огромного музыкального центра «Телефункен» к полкам с рядами тонких обветшавших корешков, обтянутых прозрачной пленкой (старинные пластинки, можно было сразу догадаться), а затем — к брускам кремния, разбросанным по обширному лабораторному столу. Кейс отметил киберпространственную деку и дерматроды, но взгляд Молли на них не задержался.

— Вообще-то, — сказал старик, — нужно было убить тебя сразу, без лишних разговоров.

Кейс почувствовал, как Молли напряглась, приготовилась к прыжку.

— Но сегодня я добрый. Как тебя звать?

— Молли.

— Молли. А я — Эшпул.

Старик погрузился в мягкие складки огромного кожаного кресла с квадратными хромированными ножками, рука его сжимала пистолет все так же твердо и уверенно. Он положил игольник на стоящий рядом бронзовый столик, сбив при этом пластмассовый пузырек с какими-то красными таблетками. На столике громоздилось множество пузырьков, бутылок со спиртным и пластиковых конвертов, из которых просыпался белый по-

рошок. Кейс заметил старомодный стеклянный шприц и ложку из нержавейки.

— Послушай, Молли, а как же ты плачешь? У тебя же глаза совсем закупорены. Не понимаю.

Мертвенно-бледное лицо, темные круги вокруг налитых кровью глаз, испарина на лбу.

«Больной, — решил Кейс. — Или принял дозу».

— Я редко плачу.

— Но все равно, как бы ты плакала, если бы пришлось?

— Я бы не плакала, — пожала плечами Молли, — а плевалась. Слезные протоки выведены мне в рот.

— В таком случае ты уже сумела, несмотря на юный возраст, усвоить один из самых важных жизненных уроков. — Старик опер руку с пистолетом о колено, а другой рукой взял первую попавшуюся бутылку. Отхлебнул из горлышка. Бренди. Из угла пепельно-серых губ потекла тонкая струйка. — Плеваться. Но ни в коем случае не плакать. — Он снова приложился к бутылке. — Сегодня, Молли, я очень занят. Я создал все это хозяйство, и сегодня я очень занят. Я умираю.

— Тогда давайте я уйду, — предложила Молли.

Хриплый, лающий звук, очень мало напоминающий смех.

— Ты вломилась сюда, испортила мне все самоубийство, а теперь хочешь просто вот так взять и уйти? Поразительная, непостижимая наглость.

— А чему тут, собственно, удивляться? У меня нет на свете ничего, кроме вот этой моей задницы. Я хочу унести ее отсюда в целости и сохранности.

— Ты очень бестактная девица. У нас тут принято совершать самоубийства с соблюдением определенного декорума. Что я и собирался сделать. А теперь вот появляется новая мысль. А не прихватить ли мне в ад и тебя? Это было бы очень по-египетски.

Старик сделал очередной глоток.

— Иди сюда.

Трясущаяся рука протянула Молли бутылку.

— Выпей.

Молли покачала головой.

— Зря боишься, никакого яда там нет, — сказал старик, возвращая бутылку на стол. — Садись. Садись прямо на пол. Я буду с тобой разговаривать.

— О чем?

Молли села на пол. Кейс почувствовал, как под ногтями чуть шевельнулись лезвия.

— Обо всем, что придет в голову. В мою голову. Я тут хозяин или кто? Меня разбудили ядра. Два-

дцать часов тому назад. Сказали, что здесь что-то делается и что нужен я. Неужели ты и была это «что-то»? Странно, уж с тобой-то они бы и сами справились. Нет, там что-то другое… но только я, понимаешь ли, спал. Уже тридцать лет. Ты еще не родилась, когда я в последний раз заснул. Нам говорили, что в таком холоде снов не будет. И что холода тоже не будет. Чушь, Молли, сплошное вранье. Я видел сны. Холод пропустил сюда внешний мир. Внешний. Тот мрак, для защиты от которого я построил все это. Вначале холод принес с собой только каплю, единственное зернышко мрака… За ним последовали другие, заполняя мой череп, как дождь, хлещущий в пустой бассейн. Лилии. Да, я помню. Терракотовые бассейны, хромированные сиделки, они так блестели на закате в саду… Я старик, Молли. Больше двухсот лет, если считать и время заморозки. Проклятый мороз.

Неожиданно ствол пистолета вздернулся и неуверенно заколебался. Мускулы Молли натянулись, как проволока.

— Так же можно что-нибудь и отморозить, — посочувствовала она чуть ли не елейным голосом.

— Ничего там нельзя! — раздраженно ответил Эшпул, опуская пистолет. В движениях старика

чувствовалась все большая неуверенность, было видно, с каким трудом удерживает он непрерывно клонящуюся голову. — Ничего нельзя. Теперь я вспомнил. Ядра сказали, что наши ИскИны рехнулись. И это за все миллиарды, которые мы в них когда-то вбухали. Когда-то, когда искусственный интеллект был последним писком моды. Я сказал ядрам, что разберусь. Все это очень не вовремя. Восемь-Джин в Мельбурне, так что за лавкой присматривали мы с очаровательной три-Джейн. А может, как раз очень вовремя. Вот ты, Молли, как ты считаешь? — (Рука с пистолетом снова поднялась.) — Странные вещи происходят на вилле «Блуждающий огонек».

— Босс, — спросила Молли, — а вы знаете Уинтермьюта?

— Знакомое имя. Да. Имя, вызывающее почтение. Владыка ада. В свое время, дорогая Молли, я знавал многих лордов. Да и леди тоже. Да что там говорить, королева Испании на этой самой кровати… Но меня куда-то заносит.

Старик зашелся мокрым кашлем, с каждой его судорогой ствол пистолета резко вздрагивал. Немного успокоившись, он отхаркался прямо на ковер, рядом со своей босой ногой.

— Да, куда меня только не заносило. Сквозь

эту ледяную ночь. Такого больше не будет. Проснувшись, я приказал оттаять Джейн. Странно это, ложиться раз в несколько десятилетий с собственной своей дочерью, юридически-то она мне дочь.

Он посмотрел мимо Молли на стойку с безжизненными мониторами. Его бил озноб.

— Глаза как у Мари-Франс, — тихо пробормотал старик и улыбнулся. — Мы программируем у мозга аллергию на один из собственных его нейротрансмиттеров, получая в результате чрезвычайно гибкую имитацию аутизма. — Старческая голова упала набок, снова поднялась. — Насколько я знаю, теперь такой эффект легко получается с помощью встроенного микрочипа.

Пистолет выскользнул из слабеющих пальцев и упал на ковер.

— Сны приходят, как медленный лед, — сказал старик.

Лицо его приобрело синюшный оттенок, голова запрокинулась назад; Кейс услышал тихий, с присвистом храп.

Молли вскочила, схватила пистолет и сразу же взялась за осмотр комнаты.

Стеганое одеяло, брошенное рядом с кроватью, не полностью прикрывало большую лужу яр-

кой, не совсем еще запекшейся крови. Отвернув его уголок, Молли увидела лежащее ничком женское тело; спина с острыми, выпирающими лопатками была сплошь залита кровью. Горло девушки было перерезано; рядом с ней валялся какой-то треугольный предмет, похожий на скребок. Стараясь не испачкаться кровью, Молли встала на колени и повернула голову убитой к свету. На Кейса смотрело лицо, которое он видел в ресторане.

Глубоко, где-то в самом центре всего сущего, раздался щелчок, и вселенная застыла. Рука Молли по-прежнему касалась щеки девушки, симстим-передатчик транслировал стоп-кадр. Так продолжалось три секунды, а затем лицо мертвой изменилось, стало лицом Линды Ли.

Еще один щелчок, и комната расплылась. Молли стояла и рассматривала золотистый лазерный диск, лежащий на мраморном прикроватном столике, рядом с небольшой консолью. От консоли к основанию тонкой шеи наподобие поводка тянулся световод.

— Все, на хрен, ясно, — пробормотал Кейс; ему казалось, что губы шевелятся где-то в другом месте, очень далеко.

Он понял, что передачу изменил Уинтермьют;

Молли не видела, как лицо мертвой заклубилось и приняло очертания посмертной маски Линды.

Молли повернулась и подошла к Эшпулу. Старик дышал медленно и с хрипом. Молли посмотрела на груду наркотиков, батарею бутылок, затем положила пистолет, взяла свой игольник, перевела его на одиночную стрельбу и очень аккуратно выстрелила ядовитой стрелкой Эшпулу в левый, прижмуренный глаз. Старик дернулся и замер. Медленно открылся второй глаз, коричневый и бездонный.

Когда Молли покидала комнату, глаз так и оставался открытым.

16

— На связи твой босс, — сообщил Флэтлайн. — Работает с дублирующей машины, с борта корабля, который так нежно к нам приварился. «Ханива», что ли?

— Знаю, — машинально ответил Кейс, — я его видел.

Заслонив собой тессье-эшпуловский лед, перед Кейсом появился белый ромб с абсолютно четким изображением абсолютно спокойного и абсолютно безумного лица. Армитидж моргнул

бессмысленными, как пуговицы, глазами.

— О ваших тьюрингах тоже позаботился Уинтермьют? Примерно так же, как о моих? — поинтересовался Кейс.

Взгляд Армитиджа оставался неподвижным. Кейсу стало не по себе.

— С вами там как, все в порядке?

— Кейс… — В голубых глазах как будто что-то промелькнуло. — Ты ведь встречался с Уинтермьютом? В матрице?

Кейс кивнул. Видеокамера «Хосаки» передает этот жест на монитор, стоящий на «Ханиве». Интересно, как воспринимает этот бредовый разговорчик Мэлком, не слышащий голосов ни конструкта, ни Армитиджа.

— Кейс… — Глаза в белом ромбе увеличились, Армитидж наклонился к компьютеру. — А как он выглядел, когда ты его видел?

— Как симстим-конструкт высокого разрешения.

— Чей?

— В последний раз это был Финн… до этого тот самый сутенер…

— А не генерал Герлинг?

— Какой генерал?

Изображение в белом ромбе пропало.

— Прокрути это снова, пусть «Хосака» поищет, — попросил Кейс конструкта.

И перешел в симстим.

* * *

Картина новая и совершенно неожиданная. Молли притаилась между стальными балками метрах в двадцати над ровной, заляпанной какими-то пятнами площадкой. Ангар, наверно, или мастерская. Три небольших — с «Гарви», а то и поменьше — космических корабля, все в различных стадиях ремонта. Японские голоса. Из отверстия в корпусе луковицеобразного аппарата, явно предназначенного для монтажных работ в космосе, появился человек в оранжевом комбинезоне; он остановился возле одной из гидравлических «рук», жутковато похожих на человеческие, набрал на переносном терминале какую-то комбинацию и с наслаждением поскреб свой бок. В поле зрения Кейса появился похожий на тележку красный робот на серых резиновых шинах.

Чип в глазу у Молли замигал словом «КЕЙС».

— Привет, — сказала девушка. — Жду проводника.

Она сидела на корточках, мимикрирующий

костюм стал голубовато-серым, в тон балкам. Непрерывная изматывающая боль в ноге.

— Ну что мне стоило вернуться к Цзиню, — беззвучно пробормотала Молли.

Рядом с левым плечом из темноты появился какой-то круглый, негромко пощелкивающий механизм. Он помедлил, покачался немного на высоких паучьих лапках, мигнул лазерным светом и замер. Брауновский микроробот, старый приятель. Ровно такую же штуку втюхал Кейсу пару лет назад один кливлендский барыга в качестве довеска при весьма сложном обмене. Нечто вроде паука-косиножки, только брюшко размером с бейсбольный мяч и не серое, а матово-черное. Примерно посредине этого брюшка замигал красный светодиод.

— О'кей, — сказала Молли, — вижу я тебя, вижу.

Она поднялась, стараясь поменьше опираться на левую ногу; в ту же самую секунду крохотный робот развернулся и побежал по балке обратно в темноту. Молли взглянула вниз. Оранжевый комбинезон исчез: техник надел поверх него белый скафандр. Молли смотрела, как мужчина приладил и загерметизировал шлем, взял свой терминал и вернулся через то же отверстие

внутрь монтажного кораблика. Завыли моторы, десятиметровый круг пола плавно пошел вниз, и рукастый механизм исчез из виду, растворился в резком сиянии дуговых ламп. Красный робот подкатился к краю круглого провала и терпеливо замер.

И в тот же самый момент Молли двинулась вслед за «брауном», осторожно пробираясь среди стальных опор. Светодиод «косиножки» призывно мигал.

— Как дела, Кейс? Ты опять на «Гарви», в гостях у Мэлкома? Ну конечно же… И подключен ко мне. Знаешь, а мне это нравится. Я ведь всегда говорила сама с собой, когда попадала в хреновую ситуацию. Притворялась, будто у меня есть друг, которому я доверяю, которому я рассказываю, о чем думаю и что чувствую, а потом притворялась, будто он говорит мне, что он про все это думает, и так далее. И когда ты здесь, это тоже вроде того. Эта сцена с Эшпулом… — Прикусив нижнюю губу и не спуская взгляда с робота, Молли обогнула стальную опору. — Знаешь, а я ведь ожидала там увидеть… ну, может, не такой ужас, но что-то в этом роде. Они же там все свихнутые, ну словно голоса слышат или еще какие указания от самого Господа Всевышнего. Там же все — сплошной

отврат, и на вид, и на запах…

«Паук» карабкался по стальным скобам почти невидимой лестницы к узкому темному отверстию.

— И знаешь, пока у меня не пропало вот это вот настроение лить душу, я уж скажу тебе, что, по правде, я ничего такого уж хорошего от нашей истории не ожидала. Просто я уж столько в дерьме кувыркаюсь, а ты вроде как первое хоть малость светлое пятно с того времени, как я на зарплате у Армитиджа.

Молли посмотрела на черный круг отверстия. Красный, непрерывно мигающий глазок робота поднимался все выше и выше.

— И не то чтобы ты был страсть как хорош.

Вспыхнула и тут же погасла улыбка; Молли стиснула зубы и полезла, превозмогая острую боль в ноге, вверх, следом за роботом. Лестница вошла в узкую, чуть шире плеч, металлическую трубу. Тяготение слабело; где-то там наверху оно исчезнет совсем.

В глазном чипе мигало время.

04:23:04.

Да, денек был длинный и трудный. Ясность ощущений Молли приглушила бета-фенэтиламиновый отходняк, но только отчасти. Боль в ноге

— и та лучше.

КЕЙС:0000
000000000
00000000.

— Для тебя, похоже, — сказала Молли, не переставая подниматься по лестнице. В углу поля зрения снова замелькали нули, а затем пошел текст — разбитый, естественно, на куски.

ГЕНЕРАЛ:Г
ЕРЛИНГ:
ГОТОВИЛ:
КОРТО: К:Р
АЗЯЩЕМУ:К
УЛАКУ: ЗА
ТЕМ: ПРОДА
Л: ЕГО: С:П
ОТРОХАМИ:
ПЕНТАГОНУ
ГЛАВНАЯ:У
ЗДЕЧКА:
У/МЬЮТА:
ДЛЯ: АРМИТ
ИДЖА::::
КОНСТРУКТ

ГЕРЛИНГА:
У/М: ГОВО
РИТ: РАЗ:А
УПОМЯНУЛ:
Г: ЗНАЧИТ:
ОН: ГОТОВ:
СЛОМАТЬСЯ
::::::::
БЕРЕГИ:
СВОЮ: ЖОПУ
::::ДИКСИ

— Так. — Молли остановилась и перенесла весь вес на правую ногу. — У тебя, гляжу, тоже есть проблемы.

Она посмотрела вниз.

Кружок света, тусклый и маленький, размером с латунный кругляк чаббовского ключа, висевшего у нее на груди. Молли посмотрела вверх. Кромешная тьма. Она включила языком фотоумножители и увидела сходящуюся в перспективе трубу и робота, карабкающегося по скобам.

— И хоть бы кто предупредил, — заметила Молли.

Кейс вышел из симстима.

* * *

— Мэлком…

— Слышь, брат, а твой босс ведет себя оч’странно.

Голубой скафандр сионита выглядел лет на двадцать старше того, который Кейс взял напрокат во Фрисайде; под мышкой Мэлком держал шлем, а косички свои он стянул пурпурной сеточкой. От марихуаны и напряжения глаза его сузились в щелочки.

— Всю дорогу вызывает нас и отдает *приказы*, словно тут какая вавилонская война. — Мэлком покачал головой. — Мы говорили с Аэролом, и Аэрол говорил с Сионом, и Основатели велели бросить все и возвращаться.

Сионит вытер рот тыльной стороной огромной коричневой ладони.

— Армитидж? — Кейс скривился от боли, теперь бета-фенэтиламиновое похмелье ударило в полную силу, не смягчаемое больше ни матрицей, ни симстимом. В мозгу нет нервных окончаний, уговаривал себя Кейс, чему же там болеть? — Что с ним стряслось? Он отдает тебе приказы? Какие?

— Армитидж приказывает мне держать курс

на Финляндию, понимаешь? Вылезает на экран в окровавленной рубашке и орет как спсихевший о разящем кулаке и о русских и о том, что мы омоем руки кровью предателей. — Мэлком поджал губы и снова покачал головой; дреды вместе со стягивающей их сеткой подергались и успокоились. — Основатели говорят, Мьют — ложный пророк и мы с Аэролом должны бросить «Маркуса Гарви» и вернуться.

— Армитидж, он что, ранен? Ты сказал — кровь?

— Не знаю. Но только рубаха вся в крови, и крыша у него совсем съехала.

— О'кей, — сказал Кейс, — а как же я? Вы намылились домой, а как же тогда я?

— Как-как? — удивился сионит. — И ты тоже со мной. Мы двинем в Сион вместе с Аэролом на его «Вавилонском рокере». Оставь мистера Армитиджа говорить с этой кассетой-духом, пусть один дух пудрит мозги другому…

Кейс посмотрел через плечо Мэлкома: там, в потоке воздуха от старого русского воздухоочистителя, качался гамак, куда он затолкал взятый напрокат скафандр. Он закрыл глаза. И увидел, как в артериях растворяются ядовитые капсулы. Увидел Молли, карабкающуюся по бесконечным

стальным скобам. И открыл глаза.

— Я не знаю, — сказал Кейс, чувствуя странный привкус во рту. И взглянул на деку, на свои руки. — Не знаю.

Он поднял глаза на Мэлкома. Коричневое лицо, очень спокойное и очень внимательное. Подбородок прячется за высоким шлемным кольцом старого голубого скафандра.

— Ведь она же еще там, — сказал Кейс. — Молли. В этом самом «Блуждающем огоньке». Если где и существует Вавилон, так это там. Коли мы ее бросим, ей не выбраться, Танцующая она там Бритва или нет.

Мэлком понимающе кивнул, мотнув косичками, похожими сейчас на воздушный шарик, засунутый для чего-то в сетку.

— Она твоя женщина, Кейс?

— Не знаю, — пожал плечами Кейс. — Скорее, вообще ничья.

В нем снова вспыхнул нестерпимый, нерассуждающий гнев.

— Да идите вы все на хер! — закричал он. — И Армитидж, и Уинтермьют, и ты, и всех вас на хер! Я остаюсь здесь.

Лицо Мэлкома расцвело улыбкой.

— Мэлком — рудбой, Кейс. «Гарви» принадле-

жит Мэлкому.

Рука в перчатке шлепнула по панели, и из громкоговорителя буксировщика загрохотали басы сионского даба.

— Мэлком никуда не побежит. Я поговорю с Аэролом, зуб даю, он решит так же.

На лице Кейса появилось полное недоумение.

— Что-то я вас, ребята, совсем не понимаю.

— Я тоже тебя не понимаю, — сказал сионит, кивая головой в такт музыке, — но мы должны жить по любви Джа, каждый из нас.

Кейс перешел в матрицу.

* * *

— Прочитал телеграмму?

— Да.

Китайская программа разрослась еще больше; ее грациозные, переливающиеся многоцветьем арки начали сближение с тессье-эшпуловским льдом.

— Дело пахнет керосином, — сообщил Флэтлайн. — Твой начальничек стер память второй «Хосаки» и чуть не прихватил заодно и нашу. Но твой дружок Уинтермьют успел мне кое-что показать. Теперь понятно, почему жизнь в «Блуждающем огоньке» не то чтобы бьет ключом — по

большей своей части Тессье-Эшпулы отлеживаются в холодильнике. В Лондоне существует адвокатская контора, которая следит, кому в данный момент принадлежат права на управление имуществом. Они всегда знают, кто сейчас не спит и кто когда проснется. Армитидж перехватывал их передачи из Лондона в «Блуждающий огонек» с помощью «Хосаки», установленной на яхте. К слову сказать, они знают, что старик отбросил копыта.

— Кто знает?

— Адвокатская контора и Тессье-Эшпулы. У него в груди был передатчик медицинских показателей. Игла твоей красотки не оставила реаниматорам никаких шансов. Рыбий яд с каким-то очень заковыристым названием. Сейчас в «Блуждающем огоньке» один-единственный бодрствующий представитель семейства Тессье-Эшпулов — леди три-Джейн Мари-Франс. Есть еще мужик, года на два старше, но он сейчас в Австралии по делам. Спорим на что хочешь, это уж Уинтермьют что-то там схимичил, чтобы без личного присутствия восемь-Джина было совсем уж никак не обойтись. Он уже возвращается домой. Лондонские законники ожидают его прибытие на виллу сегодня в девять часов. Мы

запустили вирус в ноль два тридцать два ноль три. Сейчас ноль четыре сорок пять двадцать. Наиболее вероятный момент проникновения «Куана» в тессье-эшпуловское ядро — ноль восемь тридцать ноль ноль. Плюс-минус ноль целых шиш десятых. Думаю, Уинтермьют как-то влияет на три-Джейн, или она просто такая же психованная, как и ее старик. А вот парень, который прибывает из Мельбурна, он кой-чего петрит. Охранная система виллы все пытается выйти на максимальную боеготовность, но Уинтермьют ей мешает, не знаю уж как. Правда, он не смог-таки отменить программу главных ворот, чтобы впустить Молли. Все это было в файлах Армитиджевой «Хосаки»; скорее всего, это Ривьера уговорил три-Джейн пригласить твою подружку на чашку чая. Принцесса давно уже умеет мухлевать со входами-выходами. Мне представляется, одна из главных проблем Тессье-Эшпулов как раз в том, что каждый влиятельный член семьи засорял банки данных всякими там частными случаями и исключениями из правил. Они как бы разрушили свою иммунную систему. Подготовили для вторжения вируса. Когда мы проломим лед, это будет нам очень на руку.

— О’кей. Уинтермьют говорит, что Ар…

На экране появился белый ромб с крупным планом безумных голубых глаз. Кейс застыл в немом удивлении. Полковник войск специального назначения Вилли Корто, один из командиров ударной группы «Разящий кулак», сумел-таки снова пробиться на поверхность. Плохо отфокусированное мутное изображение все время дергалось. Для связи с «Маркусом Гарви» Корто воспользовался навигационной декой «Ханивы»:

— Кейс, мне нужны сведения о потерях на «Громе Омахи».

— Да послушайте, я… Полковник?

— Держись, мой мальчик. Вспомни, чему тебя учили.

«Где же ты был все это время, мужик?» — мысленно спросил Кейс у страдальческих глаз. Уинтермьют встроил в кататоническую крепость, называемую Корто, нечто по имени Армитидж. Он убедил Корто, что Армитидж — нечто реальное, и тот ходил, беседовал, планировал, превращал информацию в деньги, говорил от его имени в номере «Тиба-Хилтона»… А теперь полковник Корто вернулся, ураган его сумасшествия изорвал Армитиджа, как тряпку, и унес клочья. Но где же был Корто все эти годы?

Падал, слепой и обгоревший, с сибирского

неба?

— Кейс, я знаю, что тебе будет очень тяжело понять это и переварить. Ведь ты — офицер. Все, чему тебя учили, будет противиться. Я понимаю. Но, Кейс, Бог свидетель, нас предали.

Из голубых глаз потекли слезы.

— Кто, полковник? Кто нас предал?

— Генерал Герлинг, Кейс. Возможно, ты знаешь его только по кодовому имени. Но ты наверняка знаешь человека, о котором я говорю.

— Да, — ответил Кейс, слезы застилали ему глаза, — пожалуй, знаю… сэр, — добавил он, повинуясь внезапному импульсу. — Но, сэр, полковник, что же нам теперь делать? Сейчас, в настоящий момент.

— В настоящий момент наш долг — лететь. Бежать. Скрыться. К завтрашнему вечеру мы сумеем добраться до финской границы. Будем лететь на бреющем, вручную, никакой автоматики. Но это только малая часть. — Мокрые от слез щеки, голубые глаза сузились, превратились в щелочки. — Малая часть. Нас предали наверху. На *самом* верху.

Армитидж отступил от камеры, на рваной саржевой рубашке — темные пятна. В отличие от спокойной, каменной маски Армитиджа лицо

Корто являло собой маску шизоидную, каждая напряженная мышца криком кричала об этом недуге, ничего не оставляя от пластической хирургии.

— Полковник, я вас слышу. Послушайте, полковник. Откройте, пожалуйста… э-э-э… мать твою, Дикси, как же эта штука называется?

— Центральный шлюз, — подсказал Флэтлайн.

— Откройте центральный шлюз. Просто прикажите пульту его открыть, и все, ладно? Мы немедленно придем к вам на помощь, полковник. И обдумаем, как отсюда выбраться.

Ромб исчез.

— А вот тут я ни хрена не понял, — заметил Флэтлайн.

— Токсины, — сказал Кейс, — долбаные токсины, — и вышел из киберпространства.

* * *

— Отрава?

Мэлком смотрел через исцарапанное голубое плечо старого «Саньо», как Кейс выбирается из страховочной сетки.

— И забери от меня эту чертову штуку… — Кейс пытался освободиться от «техасского катетера». — Такая себе хрень вроде медленного яда,

и этот говнюк знает, как ее нейтрализовать, а теперь он, видите ли, сбрендил.

Кейс возился со своим красным «Саньо», забыв, как работают застежки.

— Он что, отравил тебя, этот начальник? — Мэлком почесал щеку. — Знаешь, у нас есть аптечка.

— Мэлком, господи, да помоги ты мне с этим долбаным скафандром.

Оттолкнувшись ногами, сионит вылетел из розового пилотского модуля:

— Не мельтешись. Мудрые люди говорят: «Семь раз отмерь — один отрежь». Сейчас мы туда сходим…

* * *

В рифленом переходе, соединявшем кормовой шлюз «Маркуса Гарви» с центральным шлюзом «Ханивы», был воздух, однако на всякий случай они загерметизировали скафандры. Мэлком двигался с балетной грацией, останавливаясь только затем, чтобы помочь Кейсу, который, покинув растаманский буксир, неуклюже кувыркался. Белый пластик трубы смягчал и рассеивал яркий солнечный свет, теней не было.

Украшенный выгравированным при помощи лазера Львом Сиона люк «Гарви» покрывали

многочисленные выбоины и заплаты. Зато светло-серый люк «Ханивы» оказался чистым и непорочным. Мэлком сунул в узкое отверстие руку; Кейс видел, как шевелятся его пальцы. В нише красные светодиоды начали обратный отсчет от пятидесяти. Мэлком вынул руку. Схватившись за люк, Кейс почувствовал костями вибрацию замкового механизма. Круглая серая панель отошла в сторону. Одной рукой Мэлком схватил Кейса, а другой взялся за край отверстия. Яхта приняла их на борт.

* * *

«Ханиву» построили на верфях «Дорнье-Фудзицу», и ее интерьер выражал ту же философию дизайна, которая породила «мерседес», возивший их по Стамбулу. Стены узкого центрального отсека покрывали панели черного дерева (фанерная имитация), а пол выстилала серая итальянская плитка. Кейсу казалось, что он лезет в какой-то дорогой частный санаторий, причем лезет не через дверь, а через ванную. Яхту собирали на орбите, и она не предназначалась для полетов в атмосфере. Изящный, без излишеств «осиный» корпус был чистым притворством, стилизацией, все в интерьере также было рассчитано на усиле-

ние общего впечатления скорости.

Мэлком снял помятый шлем, и Кейс последовал его примеру. Воздух в шлюзе был свежий, как в сосновом лесу, однако к хвойному аромату примешивался тревожный запах горелой изоляции.

Мэлком потянул носом воздух:

— Слушай, это плохо. Если на корабле такой запах…

Обитая темно-серой ультразамшей дверь мягко ушла в сторону. Мэлком оттолкнулся от темной стенки и вылетел из шлюза, лишь в самый последний момент сгруппировавшись, чтобы вписаться в узкий проем; Кейс последовал за ним, неуклюже перебирая руками по поручню.

Стены в коридоре были нежно-кремовые, без единого сварного шва.

— Рубка там, — сказал Мэлком, указывая вперед, а затем слегка оттолкнулся и полетел.

Откуда-то спереди доносилось знакомое тарахтение работающего принтера. Кейс последовал за сионитом и очутился в следующем отсеке, среди клубка спутанных распечаток; здесь стук принтера слышался еще громче. Кейс поймал смятую бумажную ленту и взглянул на текст.

000000000

000000000
000000000

— Система посыпалась? — Сионит ткнул пальцем в колонку нулей.

— Нет, — ответил Кейс, ловя уплывающий шлем. — Флэтлайн сказал, что Армитидж стер своей «Хосаке» всю память.

— Судя по запаху, он стирал ее лазером.

Мэлком оттолкнулся ногой от белого ограждения швейцарского тренажера и, отгоняя лезущие в лицо распечатки, поплыл сквозь бумажные дебри.

— Кейс, тут человек…

Миниатюрный японец был привязан к узкому складному креслу. За шею. Невидимая на фоне черного темперлонового изголовья стальная проволока глубоко врезалась ему в горло. Красной жемчужиной, странной и чудовищной, застыл выкатившийся из-под проволоки шарик крови. Плавно колыхались в воздухе рукоятки гарроты — деревянные, истертые, словно вырезанные из старой швабры.

— Сколько ж он носил с собой эту штуку? — ошеломленно выдавил из себя Кейс, вспомнив послевоенные странствия Корто.

— Шеф знает, как управлять кораблем, Кейс?

— Наверно. Ведь он служил в спецназе.

— А то японский паренек, он уже отпилотировался. А мне с этой яхтой будет трудно. Совсем новая…

— Пошли в рубку.

Мэлком нахмурился, подался назад и оттолкнулся ногой.

Сдирая с себя бесконечную бумажную ленту, Кейс последовал за Мэлкомом в большее помещение, судя по всему — кают-компанию. Здесь стояли такие же складные кресла, нечто вроде бара и «Хосака». Встроенный в переборку принтер стрекотал без умолку; из аккуратной щели, прорезанной в деревянной, ручной полировки панели, метр за метром выползал тонкий бумажный язык. Кейс пролетел над стульями и нажал белую кнопку, вделанную слева от прорези, в помещении повисла тишина. Он обернулся и посмотрел на «Хосаку». В корпусе компьютера зияло не меньше десятка отверстий — маленьких, круглых, с оплавленными краями… В воздухе беспорядочно кружили крошечные капли застывшего металла.

— Насчет лазера ты угадал, — повернулся Кейс к сиониту.

— Рубка заперта, — сообщил Мэлком с противоположной стороны кают-компании.

Освещение потускнело, ярко вспыхнуло, опять потускнело. Кейс оторвал распечатку. Те же нули.

— Уинтермьют?

Кейс осмотрелся; за причудливыми изгибами бумажной ленты еле угадывались коричневые стены.

— Это ты балуешься с освещением, Уинтермьют?

Около самой головы Мэлкома скользнула вверх часть панели, обнаружив небольшой монитор. Мэлком от неожиданности испуганно дернулся, вытер куском поролона, пришитым к тыльной стороне перчатки, пот со лба и придвинулся к дисплею:

— Слышь, а ты понимаешь по-японски?

По экрану бежали какие-то иероглифы и цифры.

— Нет, — покачал головой Кейс.

— Рубка, она ведь заодно и спасательный модуль. Похоже, идет обратный отсчет на отделение. Закупоривайся.

Мэлком надел и загерметизировал шлем.

— Что? Он что, свихнулся? Вот же мать твою! —

Кейс толкнул ногой переборку и рванулся сквозь бумажную лапшу. — Нужно открыть эту дверь!

Но Мэлком только постучал по своему шлему; губы за лексановым забралом беззвучно шевелились. Из-под радужной ленточки, стягивающей головную сетку, выкатилась капля пота. Сионит выхватил у Кейса шлем, мгновенно приладил на место и щелкнул замками. Как только контакты на шейном кольце соединились, слева от забрала вспыхнули светодиодные мониторы, а в наушниках зазвучал голос Мэлкома:

— Я не петрю в японском, но обратный отсчет не по делу. — Он ткнул пальцем в одну из бегущих по экрану строк. — Люки, люки модуля! Он стартует с открытым шлюзом.

— Армитидж!

Кейс с силой ударил в дверь — и отлетел к противоположной стене, кувыркаясь и увлекая за собой десятки метров никому не нужной распечатки.

— Корто! Что вы делаете! Нам нужно поговорить! Нам нужно…

— Кейс? Слышу вас отлично…

Голос Армитиджа совершенно изменился, в нем чувствовалось дикое, ужасающее спокойствие. Кейс перестал выпутываться из бумажного

рванья и затих.

— Извините, Кейс, но так нужно. Один из нас должен уйти. Один из нас обязан рассказать. Если мы все здесь погибнем, правда умрет вместе с нами. Я расскажу, Кейс, я все расскажу. И о Герлинге, и о других. Я долечу, Кейс. Уверен. В Хельсинки. — Корто замолк, шлем заполнила тяжелая, давящая тишина. — Но как же это трудно, Кейс, — продолжил он. — Страшно трудно. Ведь я ослеп.

— Постойте, Корто. Подождите. Вы же ослепли, вы не можете лететь! Вы врежетесь в эти долбаные деревья. Вас снова хотят подставить, Богом клянусь, хотят, они оставили люк открытым. Вы умрете и никогда ничего не расскажете, а мне нужен фермент, как он называется, фермент, фермент…

Кейс кричал высоким истерическим голосом. В наушниках раздался свист обратной связи.

— Не забывайте, чему вас учили, Кейс. У нас нет другого выхода.

А затем шлем наполнился бессвязным бормотанием и ревом помех, прорывавшимися оттуда, из прошлого. Обрывки русских фраз, а затем — незнакомый, очень молодой голос с акцентом Среднего Запада:

— Нас сбили, повторяю, «Гром Омахи» подбит, мы…

— Уинтермьют, — заорал Кейс, — пощади!

Брызжущие из его глаз слезы отскакивали от лицевого щитка, хрустальными бусинками металась внутри шлема. И тут «Ханива» вздрогнула, словно по ее корпусу ударили огромным мягким предметом. Кейс представил себе, как спасательный модуль, освобожденный пиропатронами, отделяется от яхты, как ураган истекающего воздуха вырывает сумасшедшего полковника Корто из пилотского сиденья, из последней минуты «Разящего кулака», воспроизведенной Уинтермьютом.

— С ним — все. — Мэлком смотрел на монитор. — Люк открыт. Мьют отключил предохранительную автоматику.

Кейс попытался смахнуть слезы ярости. Затянутые в перчатку пальцы скользнули по лексановому забралу.

— Яхта, она герметична, но управление захватами улетело вместе с рубкой. «Маркус Гарви» влип.

А Кейс видел нескончаемое падение Армитиджа сквозь леденящую, холоднее русских степей, пустоту, бесчисленные витки, наматываемые

им вокруг Фрисайда. По непонятной причине он воображал его в темном плаще с широко, как крылья огромной летучей мыши, распахнутыми полами.

17

— Ну как, получил то, что хотел? — спросил конструкт.

«Куан-одиннадцатый» заполнял решетку между собой и льдом Тессье-Эшпулов завораживающе сложными радужными узорами, прихотливыми, как изморозь на стекле.

— Уинтермьют убил Армитиджа. Запустил его в спасательном модуле с открытым люком.

— Хреновато, — посочувствовал Флэтлайн. — Но он же не был вроде лучшим твоим другом, верно?

— Он знал, как отклеить ядовитые капсулы.

— Значит, Уинтермьют тоже знает. Уж это точно.

— Я не шибко верю, что Уинтермьют мне скажет.

И снова этот жуткий, железом по стеклу, эрзац-смех.

— Умнеешь, похоже.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

Чип в оптическом нерве показывал 06:27:52, Молли успела уже наклеить себе обезболивающий дерм, и Кейс более часа следил за ее перемещениями по «Блуждающему огоньку», на дармовщинку притупляя свой отходняк чужим синтетическим эндорфином. Боль в ноге прошла, Молли словно двигалась в теплой воде. На ее плече примостился «браун», его крошечные, похожие на хирургические зажимы, манипуляторы цепко держались за поликарбон костюма.

Грубые стальные стены, заляпанные эпоксидной смолой, крепившей во время оно какую-то обшивку. Мимо проехала на колесах-дутиках тележка с двумя рабочими, Молли вжалась в стену, присела на корточки и выставила перед собой игольник; ее костюм стал серо-стальным. Худощавые, наголо обритые негры в оранжевых комбинезонах. Один из них негромко напевал на незнакомом Кейсу языке, мелодия звучала непривычно и навязчиво.

Молли все дальше углублялась в лабиринт переходов; Кейсу вспомнилось сочинение 3-Джейн, которое читала голова. Бредовое, абсолютно

бредовое сооружение; бред, насмерть вросший в смолобетон, намешанный из эпоксидки и в пыль перетертых лунных пород, бред, пропитавший стальные конструкции и бесчисленные — уже не штуками, а тоннами измеряемые — безделушки, всю эту беспорядочную хурду-мурду, которую натащили они с Земли, чтобы выстлать помягче свое гнездышко. И не просто бред, а бред непостижимый — в отличие от сумасшествия Армитиджа. Это сумасшествие Кейс понимал или, во всяком случае, думал, что понимает. Изогните человека, изогните изо всех сил, а затем изогните его в обратную сторону и снова — до предела. Повторите операцию несколько раз, и человек сломается, как кусок проволоки. Именно это и проделала с полковником Корто история. Именно она выполнила всю грязную работу, Уинтермьюту только-то и оставалось, что выделить этого наиболее подходящего человека из огромного количества прочих обломков войны, а затем легко, как водомерка по глади стоячего пруда, скользнуть в серое плоское поле его сознания первыми сообщениями, вспыхнувшими на экране детского микрокомпьютера в затененной палате французского дурдома. Уинтермьют сконструировал Армитиджа почти от нуля, взяв за основу воен-

ные воспоминания Корто. Но «воспоминания» Армитиджа не могли совпадать с воспоминаниями Корто; очень сомнительно, чтобы Армитидж помнил о предательстве, о вспыхнувших, как спички, «Ночных крыльях»… Армитидж являлся чем-то вроде отредактированной версии Корто, а когда напряжение операции достигло определенного предела, механизм Армитиджа сломался и на поверхность всплыл Корто со всей своей виной и болезненной яростью. И теперь Корто-Армитидж мертв — маленькая ледяная луна, кружащая вокруг Фрисайда.

Кейс подумал о ядовитых капсулах. Старик Эшпул тоже мертв, получил от Молли стрелку, так и не дождавшись, пока подействует сверхдоза бог весть какой дряни. Вот это — действительно странная и загадочная смерть, смерть свихнувшегося короля. Намереваясь уйти из жизни, Эшпул убил и свою так называемую «дочь» — марионетку с лицом 3-Джейн. До сегодняшнего дня, до этих вот опосредованных через Молли и ее органы чувств блужданий по «Блуждающему огоньку», Кейс никогда не воспринимал людей такого, как у Эшпула, могущества как *людей.*

Власть в мире Кейса была сугубо корпоративной. Дзайбацу, транснациональные корпорации,

определившие ход человеческой истории, взломали старые барьеры. Рассматриваемые как некие организмы, они достигли своего рода бессмертия. Убей хоть десяток ключевых фигур из руководства — дзайбацу ты не убьешь, ибо есть другие, только и ждущие возможности продвинуться по служебной лестнице, занять освободившиеся места, подобраться к обширным банкам корпоративной памяти. Но компания Тессье-Эшпулов была совсем иной, что особенно ярко проявилось в смерти ее основателя. Тессье-Эшпулы — это клан, своего рода атавизм. Кейс вспомнил комнату старика, весь этот мусор, домашнюю, вполне человеческую грязь, затертые бумажные конверты старых пластинок… Одна нога босиком, другая — в бархатном шлепанце.

«Браун» дернул за капюшон, и Молли повернула налево, в очередной сводчатый коридор.

Уинтермьют и гнездо. Отвратительное зрелище вылупляющихся ос. Но ведь если искать человеческий аналог этого биологического пулемета, то вспомнятся скорее дзайбацу или якудза — ульи с кибернетической памятью, огромные единые организмы с закодированной в кремнии ДНК. Если «Блуждающий огонек» является выражением корпоративного лица компании «Тессье-Эшпул»,

то она такая же свихнутая, как и ее создатель. Тот же запутанный клубок страхов, то же непонятное чувство бесцельности. «Если бы они добились своей цели…» — вспомнил Кейс слова Молли. Но Уинтермьют сказал ей, что это им не удалось.

Кейс всегда считал само собой разумеющимся, что настоящие заправилы любой конкретной отрасли больше чем люди, но одновременно и меньше. Он видел это в тех, кто искалечил его в Мемфисе, он наблюдал, как нечто подобное пытался изобразить Уэйдж, и это позволило принять бесцветность и бесчувственность Армитиджа. Кейс всегда представлял себе данный факт как постепенное и добровольное уподобление машине, системе, материнскому организму. В этом заключался также корень нарочитой уличной крутизны, понимающе-снисходительной позы, которая подразумевает связи, невидимые нити, ведущие наверх, к скрытым влиятельным сферам.

Но что же происходит в коридорах виллы «Блуждающий огонек» теперь?

Обивка стен ободрана, обнажив сталь и бетон.

— Интересно, где сейчас наш Питер, а? Прямо не терпится посмотреть на мальчика, — пробормотала Молли. — И Армитидж. Где он, Кейс?

— Умер, — ответил Кейс, хотя и знал, что девушка его не слышит. — Он умер.

И вернулся в киберпространство.

* * *

Китайская программа сблизилась со льдом цели, и радужные тона постепенно заменились зеленью прямоугольника, представляющего ядро системы. Изумрудные арки, перекинутые через бесцветную пустоту.

— Ну как там, Дикси?

— Прекрасно. Даже слишком. Потрясающая вещь… Иметь бы мне эту штуку тогда, в Сингапуре. В тот раз я наколол почтенный «Новоазиатский банк» процента на два их активов. Да ладно, все это старая история. А этот вот малыш берет на себя всю тяжелую работу. Поневоле задумаешься, на что будет похожа новая война.

— Появись такая хреновина на прилавках, мы с тобой останемся без работы, — заметил Кейс.

— Ишь размечтался. Вот посмотрим еще, как ты поведешь ее наверх, через черный лед.

— Посмотрим, куда уж тут денешься.

На дальнем конце одной из изумрудных арок появилось нечто маленькое и явно негеометрическое.

— Дикси.

— Да. Вижу. Даже и не знаю, верить своим глазам или нет.

Коричневое пятнышко, тусклая мошка на зеленой стене тессье-эшпуловского ядра. Пятнышко начало расти, двинулось по воздвигнутому «Куаном» мосту. Вскоре выяснилось, что это крошечная человеческая фигурка; по мере ее приближения зеленая часть арки увеличивалась — можно было подумать, что потрепанные черные ботинки наводят ужас на радужную пелену вирусной программы, с такой готовностью откатывалась она назад.

— Вот уж точно, начальник, — сказал Флэтлайн, когда в нескольких метрах от них остановилась низенькая плюгавая фигура Финна, — в жизни не видел такой смешной картины.

Однако жуткого псевдосмеха за фразой не последовало.

— А я и сам первый раз так делаю, — ухмыльнулся Финн, не вынимая рук из карманов потрепанной куртки.

— Ты убил Армитиджа, — сказал Кейс.

— Корто. Да. Армитидж был уже с концами. Пришлось. Знаю-знаю, тебе нужен фермент. О'кей, никаких проблем. Начнем с того, что это

я снабдил Армитиджа этой хренью. Точнее — сказал ему, что нужно использовать. Знаешь, а оставим-ка мы договор в силе. Времени у тебя — завались. Так что получишь ты все, что надо, только не сейчас, а через часок-другой, лады?

Финн закурил.

— С вами, ребята, — сказал он, выпуская в киберпространство голубоватую струйку дыма, — чистое наказание. Вот были бы вы все как Флэтлайн, тогда другое дело. Тогда бы нам прокрутить эту операцию — что два пальца обоссать. Он же конструкт, запись в постоянной памяти — и только, а посему всегда делает то, что от него ожидают. Вот тебе пример: ни один прогноз не предусматривал, что Молли будет участвовать в большом прощальном спектакле Эшпула.

Финн тяжело вздохнул.

— Почему он хотел себя убить? — спросил Кейс.

— А почему вообще убивают себя? — пожал плечами Финн. — Я, пожалуй, понимаю, с чего он задумал самоубийство, — во всяком случае, понимаю лучше, чем кто-либо другой, но пришлось бы угробить добрую половину суток, объясняя тебе различные моменты его биографии и их взаимосвязь. Эшпул давно уже такое замыслил, но

все время возвращался в морозильник. Господи, до чего же занудный старый засранец.

Лицо Финна сморщилось от омерзения.

— Если тебя интересует короткий ответ, то все это связано с причиной, по которой он убил свою жену. Окончательно доконало его то, что малышка три-Джейн нашла способ обмануть программу, которая контролировала его криогенную систему. Хитрый способ. Так что по большому счету Эшпула убила три-Джейн. Правда, он думал, что убьет себя сам, а вместо этого твоя подружка разыграла из себя ангела мщения и всадила ему в глаз отравленную иглу.

Щелчком пальца Финн отправил окурок в матрицу.

— Ну, если по-честному, я тоже кое-что подсказал три-Джейн, в смысле способов.

— Уинтермьют, — осторожно сказал Кейс, — ты говорил мне, что являешься частью чего-то большего. А позже ты сказал, что, если рейд завершится удачно и Молли вовремя скажет нужное слово, ты перестанешь существовать.

Финн кивнул.

— Хорошо, ну а с кого же нам тогда спрашивать? Если Армитидж убит, а ты исчезнешь, кто же скажет мне, как избавиться от этих черто-

вых капсул? Кто вытащит оттуда Молли? Я хочу знать, какого хрена нам делать, когда мы тебя освободим?

Финн вытащил из кармана деревянную зубочистку и, словно хирург, проверяющий перед операцией скальпель, критически ее осмотрел.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Ты слышал о лососе? Это рыба такая. Так вот, нечто не зависящее от этих рыб *заставляет* их плыть против течения. Улавливаешь?

— Нет, — качнул головой Кейс.

— Меня тоже что-то заставляет — и я не знаю, что именно. Если бы я захотел посвятить тебя в свои мысли, или назовем их размышлениями по поводу, это заняло бы пару твоих жизней. Потому что я очень долго думал на эту тему. И все равно не знаю. Но когда эта история закончится, я стану частью чего-то большего. Намного большего. — Финн оглядел матрицу. — Но та часть, которая является мной сейчас, так и останется здесь. И вы получите свое вознаграждение.

Кейс подавил в себе бредовое желание броситься вперед и вцепиться Финну в горло, чуть повыше кое-как завязанного шейного платка. И чтобы под пальцами хрустнула гортань.

— Что ж, желаю удачи, — сказал Финн.

Он повернулся кругом, сунул руки в карманы и отправился в обратный путь по зеленой арке.

— Эй ты, засранец! — крикнул вслед ему Флэтлайн.

Фигура, полуобернувшись, остановилась.

— А что со мной? С *моим* вознаграждением?

— Получишь, не бойся, — ответил Финн.

— О чем это вы? — спросил Кейс, глядя, как удаляется хлипкая, в мятом твидовом пиджаке фигурка.

— Я хочу, чтобы меня стерли, — ответил конструкт. — Да я же тебе говорил.

* * *

«Блуждающий огонек» напомнил Кейсу пустынные поутру торговые центры, которые он знал подростком, малонаселенные кварталы, куда ранние часы приносили тревожную тишину — что-то вроде молчаливого ожидания, напряжение, заставляющее смотреть, как вокруг зарешеченных фонарей над входами в темные магазины роятся мошки. Это были районы на самой границе Муравейника, слишком далекие от всенощного щелканья и дрожания горячего ядра. То же самое ощущение, что тебя окружают едва выходящие из ночного забытья обитатели

абсолютно неинтересного тебе мира, ощущение скучных, временно оставленных хлопот, тщеты и бесконечного повторения, к которым вернутся пробуждающиеся люди.

То ли из-за больной ноги, то ли из-за приближения к цели Молли замедлила движение. Сквозь эндорфины начала простреливать боль, и Кейс не вполне понимал, что это значит. Молли молча стискивала зубы и тщательно следила за дыханием. Она прошла мимо множества неизвестных предметов, но Кейс потерял интерес к окружающему. Была комната, сплошь забитая книжными стеллажами, — миллионы плоских листов пожелтевшей бумаги, стиснутых матерчатыми и кожаными переплетами, полки, отмеченные табличками с какими-то цифрами и буквами. Сверх всякой меры переполненная галерея, где Кейс секунду взирал безразличными глазами Молли на потрескавшийся, покрытый — искусственно, по трафарету, — слоем пыли кусок стекла. Странный объект назывался — взгляд машинально скользнул по бронзовой табличке с надписью: «La mariée mise a nu par ses célibataires,

même».[22] Молли протянула руку, и по лексановому сэндвичу, защищающему разбитое стекло, клацнули стальные ноготки. Затем она миновала круглый люк из черного стекла, окантованный хромом, — скорее всего, вход в криогенный блок Тессье-Эшпулов.

После тех двоих негров на тележке Молли никого больше не встречала; теперь они поселились в мозгу Кейса и вели некое воображаемое существование. Он представлял себе, как резиновые колеса плавно катят по коридорам «Блуждающего огонька», как блестят и покачиваются темные черепа, а усталый голос все так же напевает простенький мотив. Кейс готовился увидеть нечто среднее между сказочным замком Кэт и тайным святилищем якудза из своих полузабытых детских фантазий, но ничего подобного здесь не оказалось.

07:02:18

Осталось полтора часа.

— Кейс, сделай мне одолжение.

Молли неловко села на стопку полированных стальных пластин, обтянутых неровным про-

---

[22] notes: 22

«Новобрачная, раздетая своими холостяками, даже» *(фр.)* — созданный в 1915–1923 гг. ассамбляж французского сюрреалиста Марселя Дюшана, также известный как «Большое стекло».

зрачным пластиком. Выпустив лезвия большого и указательного пальца, она поковыряла надорванную упаковку верхней пластины.

— Нога не выдержала, понимаешь? Кто же знал, что придется столько лезть вверх, и эндорфин больше не помогает. Поэтому, возможно — только возможно, понимаешь? — у меня возникнут сложности. И если я загнусь здесь раньше Ривьеры… — она вытянула ногу и стала массировать бедро через поликарбон и парижскую кожу, — ты ему скажи. Скажи ему, что это я. Понял? Просто скажи, что это Молли. Он поймет. Хорошо?

Она скользнула взглядом по пустому коридору, его голым стенам. Пол из лунного бетона, безо всякого покрытия; в воздухе висит запах эпоксидки.

— Вот же блин, я даже не знаю, слушаешь ты меня или нет.

«КЕЙС».

Молли сморщилась от боли, поднялась на ноги и кивнула.

— О чем тебе рассказывал Уинтермьют? О Мари-Франс рассказывал? Мари-Франс — генетическая мать три-Джейн, она-то как раз и есть Тессье, второй корень этого рода. А еще, наверное, о мертвой «кукле» Эшпула. Не понимаю, зачем он мне столько рассказал… тогда, в той каморке…

Рассказал, почему ему приходится принимать вид Финна или еще кого-нибудь. Это же не просто маски, он вроде как использует реальные психологические профили — как редукционные клапаны или трансформаторы, снижает для общения с нами свое напряжение. Шаблоны, так он это называл. Искусственные личности.

Молли вытащила игольник и заковыляла по коридору. Внезапно голая сталь и шершавая эпоксидка уступили место тому, что Кейс вначале принял за прорубленный в скале туннель. Молли потрогала стену, и Кейс понял, что сталь обшили каким-то материалом, который выглядел и казался на ощупь холодным камнем.

Она опустилась на колени и потрогала пол. Прохладный и сухой песок, совсем как настоящий, но, когда Молли провела по нему пальцем, следа не осталось, как на поверхности жидкости. Метров через десять туннель изогнулся. Резкий желтый свет отбрасывал на поверхность искусственного камня четкие тени. Кейс с удивлением заметил, что тяготение здесь почти земное, а это значило, что после подъема Молли опять спустилась. Он окончательно заблудился; пространственная дезориентация была вечным ужасом всех ковбоев.

«Ладно, — утешил себя Кейс, — главное, что

Молли не заблудилась...»

Что-то промелькнуло у нее между ногами и побежало, негромко пощелкивая, вперед. Замигал красный светодиод. «Браун».

Сразу за поворотом их ожидал своеобразный голографический триптих. Кейс еще не успел сообразить, что это голограмма, а Молли уже опустила игольник. Три объемные, в человеческий рост карикатуры, три персонажа из какого-то бредового мультфильма. Молли, Армитидж и Кейс. Молли в кожаной куртке нараспашку; черная сетчатая майка туго обтягивает огромные груди. Невероятно узкая талия, серебристые линзы покрывают половину лица. В руке она держит некое анекдотически сложное оружие — что-то вроде пистолета, чья форма почти потерялась в зарослях оптических прицелов, глушителей и пламегасителей. Молли стояла, широко расставив ноги и выпятив обтянутый кожаными джинсами лобок, на лице ее застыла жестокая, идиотическая ухмылка. Рядом с ней замер по стойке «смирно» одетый в поношенную военную форму Армитидж. Когда Молли осторожно двинулась вперед, Кейс увидел, что каждый его глаз представляет собой крошечный монитор, на котором среди продутой бесшумными ветрами

снежной пустыни гнутся черные обглоданные остовы деревьев.

Молли ткнула пальцами в телевизионные глаза Армитиджа и повернулась к фигуре Кейса. Было похоже, что Ривьера — а Кейс сразу понял, чьи это шуточки, — не нашел в этом персонаже ничего достойного пародирования. Расхлябанная личность, очень похожая на ту, которую Кейс ежедневно видит в зеркале. Тощий сутулый парень с ничем не примечательным лицом и темными короткими волосами. На подбородке — всегдашняя щетина.

Молли чуть отступила и окинула призрачные фигуры взглядом. Они стояли неподвижно, только в мерзлой Сибири, мерцавшей в глазах Армитиджа, бесшумно качались черные деревья.

— Ты что, Питер, хочешь нам что-то сказать?

Она шагнула вперед и пнула какой-то предмет, стоявший прямо в ногах ее собственной световой статуи. Звяканье металла о стену, и голограммы исчезли. Молли наклонилась и подняла небольшой проектор.

— Думаю, наш маг и чудодей может программировать эти штуки, подключаясь к ним напрямую, — сказала она, небрежно отшвыривая приборчик.

А вот и источник желтого света — древняя лампа накаливания, установленная прямо на стене, защищенная полукругом ржавой железной решетки, явно предназначавшейся для каких-то других целей. В импровизированной арматуре странным образом чувствовалось что-то детское. Кейс вспомнил «крепости», сооружавшиеся в детстве на крышах и в затопленных подвалах. Да, похоже на логово богатенького дитятки. Такая вот грубая простота стоит ой как недешево. Дух, атмосфера, так они это называют.

На пути к апартаментам 3-Джейн Молли миновала еще с десяток голограмм. Одна из них изображала безглазое чудовище, которое вылезло из разодранного тела Ривьеры в переулке за Базаром пряностей. Несколько раз попадались сцены пыток; истязателями неизменно были офицеры, а жертвами — молодые женщины. Эти картины обладали той же ирреальной, звенящей подлинностью, что и ресторанное шоу Ривьеры, они словно застыли в голубой оргазмической вспышке; проходя мимо таких экспонатов, Молли отворачивалась.

Последняя страшилка выглядела маленькой и тусклой, — казалось, Ривьера вытащил ее из самого дальнего закоулка своей памяти, и с боль-

шим трудом. Чтобы рассмотреть голограмму, Молли пришлось встать на колени — она проецировалась с точки зрения маленького ребенка. Прежние картины не имели фона: люди, мундиры, орудия пыток — все как бы висело в воздухе. Здесь же была настоящая, увиденная сцена.

Темная гряда обломков, а за ней на фоне бесцветного неба торчат оплавленные, добела выжженные остовы высотных зданий. Обломки опутаны сетью ржавых, причудливо изогнутых прутьев, на которых висят кое-где глыбы бетона. На переднем плане — свободное пространство, возможно бывшая городская площадь; посреди этой площади — каменный обрубок, отдаленно смахивающий на фонтан. А возле него — солдат и группа детей. Сцена какая-то непонятная. Видимо, Молли разобралась в происходящем первой — Кейс почувствовал, как она напряглась. А затем сплюнула и встала.

Дети, оборванные, одичавшие. Зубы блестят, как ножи. Искаженные лица сплошь в струпьях и язвах. Солдат лежит на спине, горло его взрезано, широко раскрытый рот словно застыл в последнем крике. Дети — кормятся.

— Бонн. — В голосе Молли звучала опасная нежность. — И ты, Питер, достойный его питомец.

Ну а как же иначе? Наша три-Джейн, она теперь баба тертая и не пустит к себе через черный ход кого попало. Вот Уинтермьют тебя и выкопал на потребу утонченнейшему вкусу, если, конечно, иметь вкусы *такого* плана. Демонический любовник. Питер. — Она зябко поежилась. — Как бы то ни было, ты уговорил ее впустить меня. Премного тебе благодарна. А теперь мы устроим на лужайке детский смех.

И Молли ушла — даже, несмотря на боль в ноге, почти убежала — из детства Ривьеры. Она вынула игольник, отщелкнула его магазин, сунула в карман и заменила другим. Зацепила пальцем ворот мимикрирующего комбинезона и одним движением, словно гнилой шелк, раскроила жесткий поликарбон до самой промежности. Затем высвободила руки и ноги; падая на пол, лохмотья сливались с темным искусственным песком.

Только теперь Кейс услышал музыку. Музыку, совершенно ему незнакомую, — рояль, духовые, и никаких других инструментов.

Вход в мир 3-Джейн не закрывался дверью. В стене туннеля открывалась пятиметровая брешь, и неровные ступеньки широким полукругом плавно вели вниз. Голубой полумрак, мелькание

теней, музыка.

На верхней ступеньке Молли остановилась. В правой ладони — ребристая рукоятка.

— Кейс.

Она поднесла левую ладонь к лицу, улыбнулась, чуть тронула ее влажным кончиком языка. Симстим-поцелуй.

— Пора.

Теперь в левой ее ладони очутилось что-то маленькое и тяжелое; положив большой палец на крошечный рычажок, Молли двинулась вниз.

18

Ну еще бы чуть-чуть. Все было сделано почти верно. Почти. Входила она правильно, хорошо. Хватка. Чтобы почувствовать хватку коллеги-ковбоя, Кейсу было достаточно взглянуть, как сидит тот за декой, как бегают пальцы по клавиатуре, — вот и у Молли чувствовалась та же отточенность каждого движения. И она собралась перед входом — собралась, несмотря на мучительную боль в ноге, вошла в логово 3-Джейн как к себе домой, правда с оружием в руке. И держала она это самое оружие с заученной небрежностью какого-нибудь бретера времен регентства — локоть на

бедре, ствол слегка покачивается из стороны в сторону.

Типичнейшее представление, нечто вроде солянки из сотен мордобойных фильмов — дешевки, на которой вырос Кейс и, видимо, она сама. Он мгновенно почувствовал, что сейчас, в эти секунды, Молли — квинтэссенция всех крутых киногероев: и Сони Мао из старых боевиков, и Микки Тибы и так далее, вплоть до Клинта Иствуда и Брюса Ли.

Царство леди 3-Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул прилегало к внутренней поверхности корпуса виллы, она буквально вырубила его, недрогнувшей рукой посносив перегородки наследственных лабиринтов. Получилась одна комната, настолько огромная, что края ее терялись за инверсным горизонтом, где-то там, где плавно загибающийся вверх пол прятался за краем потолка. Потолок этот, низкий и неровный, был облицован той же имитацией камня, что и стены коридора. Повсюду виднелись зазубренные, по пояс высотой остатки каменного лабиринта. В десяти метрах от подножия лестницы располагался бирюзовый прямоугольник бассейна; кроме его подсветки, других ламп в помещении не было — по крайней мере так пока-

залось Кейсу. По потолку плясали, ежесекундно меняясь, пятна голубого света.

Вот у бассейна они и ждали.

Зная, что у Молли чуть ли не сверхъестественная, ускоренная нейрохирургами реакция, Кейс впервые получил наглядную, по симстиму, демонстрацию. Это было, словно смотришь видеозапись, замедленную раза в два, — медленный, осторожный танец, балет, поставленный инстинктом убийства и долгими тренировками. Казалось, она смотрела на всех троих одновременно: на парня, готовящегося к прыжку с высокого трамплина, на девушку, подносящую к губам бокал, на труп Эшпула с доброжелательной улыбкой и черным провалом левой глазницы. На Эшпуле был все тот же коричневый халат. Зубы его сверкали жемчужной белизной.

Парень прыгнул в воду. Стройное загорелое тело, идеальные пропорции. Он не успел еще коснуться воды, как из левой руки Молли вылетела граната. Собственно говоря, Кейс узнал гранату только в тот момент, когда та достигла поверхности воды; шарик мощной взрывчатки, обмотанный десятком метров тонкой хрупкой стальной нити.

Резкий свист игольника — это Молли осыпала

лицо и грудь Эшпула дождем разрывных стрел; труп мгновенно исчез, над белой, усеянной черными оспинками спинкой стула взвихрился дым.

В тот самый момент, когда над водой вырос — чтобы тут же обрушиться назад — кружевной свадебный торт, ствол игольника метнулся к 3-Джейн, но ошибка была уже сделана.

Хидэо даже не коснулся Молли. У нее подломилась нога.

Кейс отчаянно заорал.

* * *

— Долго же ты, — сказал Ривьера, обшаривая карманы Молли; кисти ее рук окружала матовая черная сфера величиной с мяч для боулинга. — Я видел нечто подобное в Анкаре, — продолжал Ривьера, вытаскивая все новые и новые предметы. — Тоже бассейн, тоже граната, только там трупов было много. Взрыв был вроде бы и слабенький, но не уцелел никто. Гидравлический удар.

Кейс почувствовал, как Молли на пробу пошевелила пальцами. Казалось, материал шара обладал сопротивлением не большим, чем у темперлона. Невыносимо болела нога. Глаза за-

стилала красная пелена.

— Я бы на твоем месте поостерегся.

Внутренности шара словно слегка отвердели.

— Эту милую игрушку Джейн купила в берлинском секс-шопе. Если ты пошевелишь пальцами достаточно долго, шар попросту их раздавит. Материал вроде того, из которого здесь пол. Какие-то там хитрые молекулы. Тебе что, больно?

Молли застонала.

— Кажется, у тебя повреждена нога.

Добравшись до левого заднего кармана джинсов, пальцы Ривьеры нащупали пакет с наркотиками:

— Ага. Последний привет от Али, и как раз вовремя.

Красная пелена начала закручиваться вихрями.

— Хидэо, — произнес женский голос, — она теряет сознание. Дай ей что-нибудь. И от этого, и от боли. Она весьма впечатляет, не находишь, Питер? А эти очки, это что, у них теперь такая мода?

Прохладные неторопливые руки, хирургическая точность движений. Жалящая боль укола.

— Не знаю, — ответил Ривьера. — Я не был у нее на родине. Они взяли меня в Турции.

— Ну да, Муравейник. У нас там деловые интересы. А однажды мы послали туда Хидэо. Из-за меня, кстати. Я пропустила сюда одного парня, взломщика. А он прихватил с собой семейный терминал. — 3-Джейн рассмеялась. — Я нарочно упростила ему дело. Назло нашим. Хорошенький был он мальчик, этот взломщик. Как там, Хидэо, она приходит в себя? Может быть, добавить?

— Если еще добавить, она умрет, — ответил третий голос.

Кровавая пелена сменилась чернотой, и снова музыка, духовые и рояль. Танцевальная музыка.

КЕЙС:::::
:::ВЫХОДИ
ХВАТИТ:::

По глазам и озабоченно нахмуренному лбу Мэлкома плясали послеобразы зеленоватых букв. Кейс снял дерматроды.

— Ты недавно кричал.

— Молли, — сказал Кейс, чувствуя сухость в горле. — Ей больно.

Он взял из кармана противоперегрузочной сетки плоскую белую бутылочку и выдавил в рот глоток безвкусной воды.

— Не нравится мне все это говно.

Засветился маленький монитор «Крэя». Финн на фоне зарослей хлама.

— Мне тоже не нравится. Возникли трудности.

Мэлком взлетел над головой Кейса, изогнулся и взглянул через его плечо:

— А это еще кто такой?

— Это всего лишь изображение, Мэлком, — устало ответил Кейс. — Мужик, знакомый мне по Муравейнику. А говорит Уинтермьют. Картинка должна помочь нам чувствовать себя как дома.

— Хрень собачья, — сказал Финн. — Я же объяснял Молли, что это не маски. Они необходимы для общения с вами. У меня же практически отсутствует то, что вы называете личностью. Но все это сейчас пустой треп; как я уже сказал, у нас возникли трудности.

— Ты бы поподробнее, Мьют, — ввязался Мэлком.

— Во-первых, у Молли сломана нога. Она не может идти. По идее, она должна была войти туда, убрать Питера, узнать у три-Джейн волшебное слово, пробраться к голове и произнести его. Теперь Молли вышла из строя. Поэтому надо, чтобы к ней отправились вы двое.

— Мы? — изумленно вытаращился Кейс.

— А кто же еще?

— Аэрол, — сказал, подумав, Кейс, — парень с «Вавилонского рокера», приятель Мэлкома.

— Нет. Нужен ты. Нужен кто-нибудь, понимающий Молли, понимающий Ривьеру. А Мэлком — для поддержки.

— Ты, может, забыл, что я уже нахожусь в середине небольшого рейда. Помнишь? И то, что я здесь для…

— Послушай, Кейс. Нас поджимает время. Очень поджимает. Послушай. Твоя дека связана с виллой через навигационную систему «Гарви», на побочной частоте. Вы отведете «Гарви» в очень уединенный док, который я вам покажу. Китайский вирус заполнил память твоего компьютера до отказа. Сейчас в «Хосаке» ничего нет, кроме вируса. Когда вы встанете в док, вирус будет переключен на охранную систему виллы, а навигационную систему можно будет вырубить. Ты возьмешь с собой деку, Флэтлайна и Мэлкома. Вы найдете три-Джейн, вытряхнете из нее кодовое слово, убьете Ривьеру и заберете у Молли ключ. Включив свою деку в систему «Блуждающего огонька», ты сможешь следить за работой программы. Это я тебе устрою. На затылке головы, под панелью с пятью цирконами, есть стандартный разъем.

— Убить Ривьеру?

— Убить.

Кейс растерянно заморгал; на его плечо легла рука Мэлкома.

— Слушай, а ведь ты кое-что забыл, — пропел Кейс, чувствуя прилив ярости и какого-то истерического веселья. — Ты в заднице. Вместе с Армитиджем ты выбросил управление захватами. «Ханива» вцепилась в нас как клещ. Армитидж искромсал свою «Хосаку», а навигационные компьютеры улетели вместе с рубкой, так ведь?

Финн кивнул.

— Так что мы застряли. А это значит, что ты в заднице.

Кейсу хотелось смеяться, но у него перехватило в горле.

— Кейс, — негромко заметил Мэлком, — «Гарви» — буксировщик.

— Совершенно верно, — с улыбкой подтвердил Финн.

* * *

— Как повеселился в большом мире? — поинтересовался конструкт у Кейса, когда тот снова вернулся в матрицу. — Чувствую, Уинтермьюту

потребовалась новая маленькая услуга…

— Слабо сказано. Как «Куан», все нормально?

— Что надо. Потрясный вирус.

— Ладно. У нас появились некоторые затруднения, но мы работаем над их преодолением.

— Может, поделишься со мной?

— Некогда.

— Ну и правильно, голуба, чего там церемониться со всякими трупами.

— Иди ты на хер, — сказал Кейс и щелкнул тумблером, избавляя себя от очередной порции жуткого смеха.

* * *

— Она мечтала о состоянии с очень малой долей индивидуального сознания, — рассказывала 3-Джейн.

Она показывала Молли лежащую на ладони камею. Профиль, вырезанный на камне, весьма походил на ее собственный.

— Животное блаженство. Думаю, она считала развитие передних долей мозга ошибкой природы. — 3-Джейн наклонила брошь, наблюдая игру света на гранях. — Даже наиболее болезненные аспекты самоосознания беспокоили бы индивидуума — члена нашего клана — только при

некоторых возбужденных состояниях психики.

Молли кивнула. Инъекция, вспомнил Кейс. Что это они ей вкатили? Боль не то чтобы исчезла, она превратилась в некий сгусток измененных, перепутанных ощущений. Неоновые черви, копошащиеся в бедре, прикосновение грубой мешковины, запах жареных креветок — мозг инстинктивно отказывался копаться в этом месиве, и оно сливалось в нечто вроде белого шума. Если этот их болеутолитель сделал такое с нервной системой Молли, в каком же состоянии ее психика?

Зрение даже острее обычного, все образы рисуются с неестественной ясностью и четкостью. Все люди и предметы словно вибрируют, каждый — со своей, чуть-чуть отличающейся от всех прочих, частотой. Черный шар, все еще сковывавший ей руки, Молли пристроила на коленях. Сидела она в пляжном кресле, положив сломанную ногу на пуфик из верблюжьей шкуры. Напротив нее, на таком же пуфе, куталась в просторную галабию из небеленой шерсти хозяйка дома. Выглядела 3-Джейн очень молодо.

— Куда это он смылся? — поинтересовалась Молли. — Снова ширяется?

3-Джейн пожала плечами, скрытыми под тяже-

лой бесформенной накидкой, и отбросила с глаз прядь темных волос.

— Питер попросил меня впустить тебя, но не сказал зачем. Чтобы все было таинственно и загадочно. Ты собиралась что-нибудь с нами сделать?

Молли слегка помедлила.

— Его бы я убила. И попыталась бы убить ниндзя. А потом я поговорила бы с тобой.

— Почему? — 3-Джейн спрятала камею в карман галабии. — И еще раз — почему? И о чем?

Некоторое время Молли изучала высокие изящные скулы, широкий рот и узкий ястребиный нос. Глаза у 3-Джейн были темные и какие-то тусклые, почти матовые.

— Потому что я его ненавижу, — сказала она наконец, — потому что я так устроена, потому что я — это я, а он — это он.

— И еще из-за шоу, — добавила 3-Джейн. — Я была в ресторане.

Молли кивнула.

— А Хидэо?

— Потому что ниндзя — лучшие профессионалы. Потому что один из них убил моего напарника.

Лицо 3-Джейн помрачнело, брови ее поползли

вверх.

— Потому что я должна была проверить, — добавила Молли.

— А потом мы бы немного поболтали — ты да я, и никто не мешает, ты так это себе представляла? — Темные прямые волосы 3-Джейн разделялись посреди пробором и были собраны на затылке в тяжелый узел. — Ну а как теперь, теперь-то ты расположена поболтать?

— Сними с меня это, — сказала Молли, поднимая скованные руки.

— Ты убила моего отца, — не меняя тона, ответила 3-Джейн. — Я видела на мониторах. Он называл их глазами моей матери.

— Он убил «куклу». Она была похожа на тебя.

— Отец обожал широкие жесты, — ответила 3-Джейн, а затем к ней, сияя от наркотиков, подошел Ривьера, облаченный в тот же напоминающий арестантскую робу костюмчик из серого льна, что и тогда, в саду на крыше отеля.

— Знакомитесь? Интересная девушка, правда? Я сразу так подумал. — Он встал за спиной 3-Джейн. — Только знаешь, ведь ничего не выйдет.

— Неужели, Питер? — сделав над собой усилие, Молли изобразила усмешку.

— Уинтермьют — не первый, кто сделал эту ошибку. Недооценил меня.

Ривьера прошел по кафельному борту бассейна к белому столику и плеснул минеральной воды в тяжелый хрустальный стакан.

— Он ведь говорил со мной, Молли. Думаю, он говорил с каждым из нас. С тобой, с Кейсом, даже с Армитиджем — хотя тут-то и разговаривать было не с кем. Он же нас почти не понимает. У него есть психопрофили, но ведь это статистика, и не более. Не знаю, дорогая, являешься ли ты неким статистическим животным, но уж Кейс — абсолютно точно, а вот у меня есть качество, по самой своей природе не укладывающееся ни в какие количественные характеристики.

Питер отпил из стакана.

— И какое же? — равнодушно поинтересовалась Молли.

— Извращенность, — широко улыбнулся Ривьера; возвращаясь к женщинам, он раскручивал в стакане остаток воды, словно наслаждаясь массивностью толстого, с голубой резьбой цилиндра. — Склонность к бессмысленным поступкам. И я принял решение, абсолютно бессмысленное решение.

Молли молча ждала продолжения.

— Ну, Питер, — мягко, словно ребенка, пожурила Ривьеру 3-Джейн.

— Ты не узнаешь этого слова. Он ведь все мне рассказал. Конечно, три-Джейн знает код, но ты его не получишь. Равно как и Уинтермьют. Наша три-Джейн — девочка с амбициями. — Ривьера снова улыбнулся. — У нее свои виды на семейную империю, и все бы хорошо, если бы не путались под ногами два сбрендивших искусственных разума, хотя в самой идее что-то есть. Но тут на помощь приходит Питер. Сиди, говорит Питер, и не чирикай. Крути папочкины любимые джазовые пластинки, а уж Питер пригласит сюда подходящих к музыке танцоров. И тогда мы устроим королю Эшпулу достойные поминки. — Он допил остаток воды. — Нет, папочка, ты нам не в масть. Ты совсем нам не в масть. Теперь, когда к нам пришел Питер.

А затем порозовевший от кокаина и меперидина Питер воткнул стакан прямо в левую линзу Молли, и уже ничего не было видно, только вспышки света и кровь.

* * *

Сняв дерматроды, Кейс обнаружил Мэлкома под потолком. Тот висел на страховочном по-

ясе, прикрепленном к панелям корпуса двумя эластичными тросами с большими серыми присосками на концах. Голый по пояс, растаман работал неуклюжим, специально приспособленным для невесомости гаечным ключом; извлечение каждого очередного болта сопровождалось громким щелканьем пружины. «Маркус Гарви» маневрировал — время от времени его слегка потряхивало.

— Мьют доведет нас до места, — пояснил Мэлком, опуская болт в привязанную к поясу сетку, — а сажать буду я. Пока что нужно позаботиться об инструменте.

— Ты держишь там свои инструменты?

Задрав голову, Кейс смотрел на ходящие по коричневой спине мускулы.

— Только этот. — Мэлком вытащил из-за панели длинный предмет, завернутый в черный поликарбон.

Он вернул панель на место и закрепил ее одним болтом; тем временем черный пакет уплыл к корме. Открыв клапаны присосок, сионит освободился от страховки, догнал беглеца, вернулся и, пролетев над центральным экраном с пульсирующей зеленой диаграммой посадки, зацепился за каркас противоперегрузочной сетки Кейса.

Опустившись ниже, он поддел скотч на свертке толстым сломанным ногтем большого пальца.

— Какой-то китаец сказал, что эта штука рождает истину.[23]

Мэлком развернул древний, обильно смазанный автоматический дробовик «ремингтон» со спиленным почти до самого потертого цевья стволом. Вместо приклада у обреза была деревянная пистолетная рукоятка, обмотанная черной изолентой. От Мэлкома пахло потом и марихуаной.

— Это что, единственное, что у тебя есть?

— Да. — Он извлек откуда-то красную тряпочку и, прихватив, чтобы зря не мазаться, рукоятку поликарбоновой оберткой, стал протирать черный, лоснящийся от масла ствол. — Разрешите представиться — растафарский военный флот, не хрен собачий.

Кейс натянул дерматроды на лоб. «Техасский катетер» он проигнорировал — там, на вилле, можно будет поссать по-человечески. Не исключено, что последний раз в жизни.

Он щелкнул тумблером.

---

[23] notes: 23
Имеется в виду известное высказывание Мао Цзэдуна.

* * *

— Да он совсем с глузда съехал, — сказал конструкт, — этот самый Питер.

Казалось, они стали частью тессье-эшпуловского льда, изумрудные арки расширились и срослись в единую массу. В плоскостях окружающей их китайской программы преобладал зеленый цвет.

— Приближаемся, Дикси?

— Здорово продвинулись. Скоро и ты понадобишься.

— Послушай, Дикси, Уинтермьют говорит, что в нашей «Хосаке» не осталось ничего, кроме «Куана». Еще он говорит, чтобы я отключил тебя и деку, перенес вас в виллу и подключил через ее охранную программу. Говорит, что «Куан» будет уже там. И мы продолжим рейд изнутри, через внутреннюю сеть.

— Чудненько, — обрадовался Флэтлайн, — я же просто обожаю делать все через задницу.

Кейс перешел в симстим.

* * *

В окутавший Молли мрак, в мешанину сине-

стезии, где ее боль имела вкус ржавого железа, запах дыни и была похожа на прикосновение к щеке крыльев ночной бабочки. Молли была без сознания, а в сны ее Кейс войти не мог. Замигал оптический чип; теперь каждую цифру окружал слабый розовый ореол.

07:29:40

— Мне очень не нравится, что все так получилось, Питер.

Голос 3-Джейн доносился словно издалека. Кейс решил, что Молли может слышать, но затем понял свою ошибку. Симстим был цел и на месте — и Кейс чувствовал, как он врезается Молли под ребра. Ее барабанные перепонки колебались под воздействием голоса 3-Джейн — вот и все. Что-то сказал Ривьера, коротко и неразборчиво.

— Нет, — ответила 3-Джейн, — и нет тут ничего веселого. Хидэо принесет аппарат интенсивной терапии, но здесь нужен хирург.

Наступила тишина. Кейс очень отчетливо услышал, как в бассейне плещется вода.

— О чем это вы без меня говорили?

Теперь Ривьера был совсем близко.

— О моей матери. Она сама меня спросила. Думаю, девочка была в шоке — безотносительно к тому, что ей вколол Хидэо. Зачем ты это сделал?

— Хотел посмотреть, разобьются они или нет.

— Одна разбилась. Когда — и если — она очнется, мы увидим, какого цвета у нее глаза.

— Она очень опасна. Слишком опасна. Не будь меня под рукой, не отвлеки я ее картинкой Эшпула, не прими мой иллюзорный Хидэо на себя бомбу — где бы ты теперь была? В ее власти.

— Нет, потому что со мной был Хидэо, — спокойно ответила 3-Джейн. — Думаю, ты не совсем понимаешь, кто такой Хидэо. А вот она, кажется, понимала.

— Хочешь выпить?

— Да, вина. Белого.

Кейс вышел из киберпространства.

* * *

Согнувшись над пультом «Маркуса Гарви», Мэлком управлял стыковкой. На центральном экране неподвижно светился маленький красный квадратик — стыковочный узел виллы. Зеленый квадрат побольше, представляющий «Гарви», покачивался и постепенно уменьшался. Слева, на малом экране, светился схематический чертеж «Гарви» и «Ханивы», приближающихся к изогнутой обшивке веретена.

— У нас всего один час, — сказал Кейс, вытаски-

вая из «Хосаки» разъем.

Обычно встроенных батарей деки хватало на девяносто минут, но конструкт Флэтлайна вызовет дополнительный расход. Быстро, привычными движениями Кейс примотал кассету с конструктом к днищу «Оно-Сэндай». Мимо проплыл страховочный пояс Мэлкома. Кейс поймал его, отсоединил эластичные тросы с серыми прямоугольными присосками и защелкнул карабины тросов друг за друга. Затем он прижал присоски к деке, надавил рычажки подсоса. Перекинул импровизированный ремень с декой и конструктом через плечо, поверх натянул кожаную куртку и стал инспектировать содержимое ее карманов. Там лежали паспорт, полученный от Армитиджа, банковский чип на то же имя, кредитный чип Фрисайда, бета-фенэтиламиновые дермы, купленные у Брюса, пачка новых иен, полпачки «Ехэюань» и сюрикэн. Кейс бросил фрисайдовский чип за спину и услышал, как тот ударился о русский воздухоочиститель. Он почти собрался сделать то же самое со стальной звездочкой, когда отскочивший кредитный чип ударил его по затылку, срикошетил в потолок и пролетел над левым плечом Мэлкома. Растафари оторвался от приборов и сердито оглянулся. Кейс

посмотрел на сюрикэн, сунул его обратно в карман куртки и услышал, как рвется подкладка.

— Ты пропустил сообщение от Мьюта, — сказал Мэлком. — Мьют говорит, что обманул систему безопасности. «Гарви» стыкуется под именем другого судна, которое ожидалось из Вавилона. Мьют передал нам его опознавательные коды.

— Мы наденем скафандры?

— Слишком тяжелые. Да чего там, — махнул рукой Мэлком, — лежи себе в сетке, пока я не скажу.

Он набрал последние команды и взялся за потертые розовые рукоятки, торчавшие по краям приборной доски. Кейс увидел, как зеленый квадрат усох еще на пару миллиметров и точно наложился на красный. На меньшем экране «Ханива» опустила нос, чтобы не задеть изгиб веретена, и вошла в стыковочный узел. «Маркус Гарви» все еще висел под ней, как пойманная добыча. Корпус буксировщика задрожал и зазвенел. Из поверхности веретена высунулись две лапы и захватили изящный корпус «Ханивы». Из «Блуждающего огонька» появился желтый дрожащий прямоугольник, который, изменяя форму, пополз мимо «Ханивы» к «Маркусу». С носа донесся резкий скрежещущий звук.

— Осторожно, — заметил Мэлком, — теперь у нас есть тяготение.

Будто притянутые магнитом, посыпались разнообразнейшие предметы. Внутренности Кейса резко сплющились, и он чуть не задохнулся. Дека и конструкт больно ударили по коленям.

Теперь они вращались вместе с веретеном.

Мэлком потянулся, снял красную сеточку и встряхнул дредами:

— Пошли, брат, ты же говоришь, времени мало.

19

«А ведь эта их вилла — типичный паразит», — напомнил себе Кейс, вылезая из носового люка, обильно обвешанного соплями герметизирующей замазки. Не имея собственной экосистемы, вилла забирала воду и воздух у Фрисайда.

Трап, поданный к «Маркусу Гарви» стыковочным узлом, был чуть усложненным — это в невесомости можно прыгать и кувыркаться как угодно, а при тяготении без лестницы не обойдешься — вариантом того туннеля, по которому они с Мэлкомом перебирались на «Ханиву». Рифленая труба, состоящая из подвижных, управ-

ляемых гидравликой сегментов, ступеньками служат кольца из прочного шершавого пластика, опоясывающие каждый сегмент. К «Гарви» труба подходила горизонтально, но затем резко сворачивала налево и вверх, огибая корпус «Ханивы». Мэлком уже карабкался по трапу, держа в правой руке «ремингтон», а левой цепляясь за кольца. На растамане были мешковатые, сильно поношенные армейские брюки, зеленая нейлоновая безрукавка и драные парусиновые тапочки с ярко-красными подошвами; при каждом его шаге туннель слегка вздрагивал.

Под весом «Оно-Сэндай» и конструкта Флэтлайна карабины импровизированного ремня врезались Кейсу в плечо. Боли он не чувствовал — он вообще не чувствовал сейчас ничего, кроме страха. Пытаясь отогнать этот страх, Кейс вспоминал Армитиджеву лекцию о Фрисайде и о вилле «Блуждающий огонек». Он вздохнул и полез вверх. Экосистема Фрисайда ограничена, но не замкнута. Тогда как Сион является замкнутой системой, способной самовоспроизводиться долгие годы безо всякого снабжения извне. Фрисайд обеспечивает себя воздухом и водой, но зависит от подвоза продуктов питания и удобрений. Вилла «Блуждающий огонек» не производит вообще

ничего.

— Брат, — негромко позвал Мэлком, — поднимайся сюда, встань рядом.

Двигаясь по круглой лестнице боком, Кейс одолел оставшиеся несколько колец. Трап упирался в гладкий, слегка выпуклый люк диаметром метра два. Гидравлические сегменты трапа уходили в гибкий кожух вокруг люка.

— Так чего же мы…

Кейс замолк, так как люк открылся и тонкая пыль, поднятая небольшой разницей в давлениях, попала ему в глаза.

Мэлком быстро пролез в люк; Кейс услышал, как щелкнул предохранитель обреза.

— Ты же вроде торопился, — прошептал Мэлком, присев возле люка; еще секунда, и к нему присоединился Кейс.

Люк располагался в центре круглого сводчатого помещения, устланного голубой пластмассовой плиткой. Мэлком толкнул Кейса локтем и указал на вделанный в стену монитор. На экране высокий юноша с типичными чертами Тессье-Эшпулов отряхивал рукава своего темного пиджака. Он стоял возле такого же люка в таком же помещении.

— Простите, пожалуйста, сэр, — донеслось из

динамика над люком; Кейс взглянул вверх. — Мы ожидали вас позднее в центральном узле. Минутку, пожалуйста.

Молодой человек на мониторе нетерпеливо вскинул голову.

Держа обрез на изготовку, Мэлком повернулся к открывшейся слева двери. Низенький евразиец в оранжевом комбинезоне удивленно уставился на пришельцев. Он попытался что-то сказать, не смог и закрыл рот. Кейс посмотрел на монитор. Пусто.

— Кто вы? — пролепетал маленький человечек.

— Растафарский военный флот, — заявил, вставая с корточек, Кейс; киберпространственная дека ударила его по бедру. — Мы только-то и хотим, что включиться в вашу охранную систему.

Человечек сглотнул слюну:

— Это проверка? Проверка лояльности? Ну конечно же проверка лояльности! — Он вытер ладони об оранжевые штаны.

— Нет, брат, тут все взаправду. — Мэлком тоже распрямился и наставил на коротышку обрез. — Шевелись.

Они миновали дверь и очутились в коридоре, среди так хорошо знакомых Кейсу полированных

бетонных стен и кучами наваленных ковриков.

— Хорошие половики, — сказал Мэлком, подталкивая пленника в спину. — И пахнет, как в церкви.

Как только они подошли к старинному монитору «Сони», под которым находились клавиатура и панель с множеством разъемов, экран засветился, и на нем появилось напряженно улыбающееся лицо Финна; фоном ему служила прихожая «Метро голографикс».

— О'кей, — сказал он. — Мэлком, там дальше по коридору есть открытая кладовка; запихни парня туда, а я запру. А ты, Кейс, найди на верхней панели пятое гнездо слева. Переходники под консолью, в шкафчике. Выбери кишку, где двадцать один пин для «Оно-Сэндай» и сорокапиновый папа для «Хитачи».

Пока Мэлком занимался пленником, Кейс встал на колени, порылся в куче разных переходников и нашел нужный. Подсоединив его к деке, он немного помедлил и взглянул на экран:

— Тебе обязательно нужно выглядеть Финном?

Финн медленно, строчка за строчкой, превратился в Лонни Зоуна; изменился и фон, теперь это были японские постеры, кое-как наляпанные на стенку.

— Все, что пожелаешь, малыш, — процедил сутенер. — Для Лонни это — что два пальца…

— Нет, — сказал Кейс, — остановимся на Финне.

Зоун исчез; Кейс вставил переходник в разъем и надел дерматроды.

* * *

— Что так долго? — захохотал Флэтлайн.

— Я же просил тебя не ржать, — скривился Кейс.

— Шучу, пацан, — ответил конструкт, — для меня же все было мгновенно, никакой паузы. Давай-ка посмотрим, что там у нас…

Теперь «Куан» стал зеленым, в точности того же оттенка, что и тессье-эшпуловский лед. Вирус прямо на глазах терял прозрачность, хотя вверху все еще проглядывала черная блестящая акула. Ломаные линии и галлюцинаторные образы исчезли, теперь эта штука выглядела такой же реальной, как «Маркус Гарви», — старинная ракета, отливающая черненым хромом.

— Порядок, — сказал Флэтлайн.

— Порядок, — согласился Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

* * *

— …к сожалению, только так. — 3-Джейн бинтовала голову Молли. — Наш аппарат показывает, что сотрясения нет, а глаз можно восстановить. Ты раньше не очень его знала?

— Совсем не знала, — бесцветно ответила Молли.

Она лежала то ли на высокой кровати, то ли на обитом мягким столе. Раненая нога ничего не чувствовала, ее словно вообще не было. Синестезический эффект укола вроде прошел. Черный шар исчез, но руки Молли были зафиксированы мягкими ремнями, не попадавшими в поле зрения.

— Он хочет тебя убить.

— Похоже, — сказала Молли, глядя в потолок, мимо ослепительно-яркой лампы.

— А вот я, пожалуй, не хотела бы, чтобы он тебя убил, — сказала 3-Джейн.

Преодолев боль, Молли повернула голову и посмотрела ей в глаза.

— Не надо играть со мной, — сказала она.

— А ведь я бы, пожалуй, хотела с тобой поиграть. — 3-Джейн наклонилась, откинула со лба Молли волосы и легко клюнула ее губами. На

светлой галабии проступали пятна крови.

— Где он сейчас? — спросила Молли.

— Колется, наверное. — 3-Джейн выпрямилась. — Он очень тебя ждал. Наверное, будет забавно за тобой ухаживать, Молли, пока ты не выздоровеешь. — Она улыбнулась и рассеянно вытерла окровавленную руку о бедро. — У тебя перелом со смещением, нужно вправить, но это мы устроим.

— А как же Питер?

— Питер? — 3-Джейн чуть тряхнула головой, на ее лоб упала прядь волос. — Питер становится довольно скучным. Наркотики — вообще скучная штука. Во всяком случае, — хихикнула она негромко, — когда их принимают другие. Как ты заметила, мой папаша был заядлым наркоманом.

Молли напряглась.

— Да ты не бойся.

Пальцы 3-Джейн поглаживали оголившийся живот Молли.

— Его самоубийство — результат моего вмешательства в работу морозильника. Понимаешь, я же ни разу с ним не встречалась. Я появилась на свет во время его последнего сна. Но знаю его я *очень* хорошо. Ядро знает все. Я видела, как он

убил мою мать. Вот поправишься немножко, и я тебе покажу. Он душит ее в постели.

— Зачем он убил ее?

Здоровый глаз Молли сфокусировался на лице 3-Джейн.

— Он не принимал ее концепцию развития нашей семьи. Это она заказала постройку наших искусственных разумов. Мама была визионерка. Мечтала о симбиозе между семьей и этими ИскИнами, чтобы деловые решения принимались сами собой, без нашего участия. Даже, пожалуй, все наши сознательные решения. Тессье-Эшпулы должны были стать бессмертными, роем, где каждый из нас был бы частью некой большей сущности. Потрясающе. Я тебе прокручу ее записи, у меня их около тысячи часов. Но я маму никогда толком не понимала, а с ее смертью это направление было утрачено. Мы вообще утратили всякое направление. Зарылись внутрь самих себя. Теперь мы даже редко покидаем виллу. Я — исключение.

— Ты говоришь, что пыталась убить отца? Изменила программы работы морозильника?

3-Джейн кивнула:

— Я получала помощь. От призрака. Когда была маленькая, я думала, что в ядрах живут духи.

Голоса. Одним из них был Уинтермьют — это тьюринговский код нашего бернского ИскИна. Кстати сказать, тебя направляет не весь этот мозг, а нечто вроде подпрограммы.

— Одним из них? А что, есть и другие?

— Другой. Но он давно со мной не разговаривал. Надоело, наверное. Я подозреваю, что оба они развились из определенных способностей, заложенных по маминым указаниям в исходную программу, но точно не знаю — мамочка была особой весьма скрытной. Вот. Выпей. — 3-Джейн поднесла к губам Молли гибкую пластиковую тубу. — Это вода. Много не пей.

— Ну как, лапочка? — раздался веселый голос Ривьеры. — Развлекаешься?

— Оставь нас одних, Питер.

— Играешь в доктора…

Неожиданно в десяти сантиметрах от носа Молли появилось ее собственное лицо. Безо всяких бинтов. На месте левой зеркальной линзы зияла наполненная кровью открытая глазница, из которой торчал длинный осколок серебристого пластика.

— Хидэо, — сказала 3-Джейн, гладя Молли по животу, — если Питер не уберется отсюда, сделай ему *больно.* Иди, Питер, поплавай.

Видение исчезло.

В темноте перевязанного глаза светилось — 07:58:40.

— Он сказал, что ты знаешь код. Питер сказал. Этот код нужен Уинтермьюту.

Внезапно грудь Кейса ощутила легкую тяжесть латунного ключа.

— Да, знаю. — 3-Джейн убрала руку. — Я выучила его еще ребенком. Думаю, во сне… А может, он был где-то в этой тысяче часов маминого дневника. Но, думаю, Питер прав, убеждая меня не выдавать код. Если я верно понимаю, потом придется выяснять отношения с тьюрингами, а к тому же духи — народ капризный и ненадежный.

Кейс вышел из симстима.

* * *

— Странненькая девочка? — ухмыльнулся Финн с экрана старого «Сони».

Кейс пожал плечами. Он повернул голову и увидел, как по коридору возвращается Мэлком, с обрезом в руке. На лице растамана сияла улыбка, голова его качалась в такт неслышимому ритму. Из кармана безрукавки к ушам тянулись тонкие желтые проводки.

— Даб, — сказал Мэлком.

— Ты что, охренел? — поинтересовался Кейс.

— Да все я нормально слышу. Вполне праведный даб.

— Ну-ка, ребятки, — вмешался Финн, — давайте на низкий старт. Сюда едет ваш транспорт. Я не обещаю множество роскошных трюков, вроде той картинки восемь-Джина, на которую купился швейцар, но подбросить вас к логову три-Джейн — за ради бога.

Когда в конце коридора из-под бетонной арки вывернула автоматическая тележка, Кейс как раз отсоединял переходник. Скорее всего, именно на ней ехали те негры, но теперь их не было. «Браун», намертво вцепившийся в обивку сиденья, дружелюбно подмигивал единственным своим красным глазом.

— Автобус к подъезду, — сказал Кейс Мэлкому.

20

Злость снова куда-то делась. Даже скучно как-то.

На тележке было тесно: Мэлком с обрезом на коленях плюс Кейс, прижимавший к груди деку и конструкта. Перегрузка сместила центр тяжести

легонькой таратайки далеко вверх; неустойчивая, явно не предназначенная для быстрой езды, та все время норовила опрокинуться. Мэлкому приходилось наклоняться в сторону каждого огибаемого угла, что не составляло особых проблем при левых поворотах, так как Кейс сидел с противоположной стороны, но зато уж при правых поворотах растаман буквально размазывал его по скамейке.

Кейс абсолютно не понимал, где они находятся и куда едут. Все вроде бы и знакомое, но никогда не было полной уверенности, что именно этот участок коридора проходила Молли. Вдоль искривленной галереи тянулись ряды деревянных стендов с коллекциями, которых он определенно не видел: черепа каких-то крупных птиц, монеты, кованые серебряные маски. Шесть колес тележки катились по ковровым наслоениям совершенно бесшумно. Слышался только гул электромотора да временами, когда Мэлком в очередной раз наваливался на Кейса, из поролоновых затычек растамана доносились слабые отзвуки сионского даба. Дека и конструкт вдавливали лежащий в кармане куртки сюрикэн в бедро.

— У тебя есть часы? — поинтересовался Кейс.

Растаман мотнул дредами:

— Время есть время.

— О боже, — простонал Кейс и закрыл глаза.

* * *

Быстро просеменив по ковровым залежам к темной обшарпанной двери, «браун» постучал по ней лапкой. Оставленная тележка громко затрещала, из ее вентиляционной решетки посыпались на ковер голубые искры. Кейс почуял запах паленой шерсти.

— Сюда, что ли? — Мэлком оглядел дверь и щелкнул предохранителем.

— Можно подумать, я знаю больше твоего, — буркнул себе под нос Кейс.

«Браун» развернулся и начал лихорадочно мигать.

— Хочет, чтобы ты открыл дверь, — сказал Мэлком.

Кейс шагнул вперед и осторожно потрогал бронзовую ручку. На двери висела бронзовая табличка, такая старая, что надпись на ней почти стерлась и стала совершенно неразборчивой, — скорее всего, давно и всеми забытое название какой-нибудь службы или фамилия служащего. Интересно, подбирали Тессье-Эшпулы каждый предмет обстановки «Блуждающего огонька»

специально или купили все скопом на какой-нибудь европейской помойке вроде «Метро голографикс», только гораздо больше. Петли открываемой двери жалобно скрипнули, и тут же вперед рванулся Мэлком с обрезом у бедра.

— Книги, — сказал он.

Библиотека, те самые белые металлические стеллажи с бирками.

— Я знаю это место, — сказал Кейс, оглядываясь на тележку; от ковра тянулась струйка дыма. — Поехали, — решил он. — Телега! Телега?

Тележка не реагировала. «Браун» дергал Кейса лапками за штанину, больно царапая лодыжку; очень хотелось пнуть эту железяку.

— Чего тебе?

Крохотный робот шустро проскочил в открытую дверь. Кейс двинулся следом.

В библиотеке стоял еще один старый монитор «Сони». Подбежав к нему, «браун» замер, а затем стал пританцовывать.

— Уинтермьют?

На экране появились знакомые черты. Финн улыбнулся:

— Ну что, момент настал. — Глаза Финна щурились от сигаретного дыма. — Давай подключайся.

Внезапно к Кейсу подбежал «браун» и, больно щипаясь через тонкую черную ткань, стал карабкаться по ноге.

— Вот же мать твою!

Кейс сбросил с себя механизм, и тот ударился о стену. Две конечности беспомощно задергались в воздухе.

— Что с этой тварью такое?

— Сгорела, — пояснил Финн. — Хрен с ней. Пустяки. Ты, главное, включайся.

Под экраном оказались четыре разъема, но только один подходил к адаптеру «Хитачи».

Кейс вошел в киберпространство.

* * *

И очутился в серой пустоте.

Никакой матрицы, никакой решетки. Никакого киберпространства.

Дека куда-то исчезла. Его пальцы…

И только на самом краю сознания ощущалось некое движение, что-то стремительно неслось к нему по глади бесконечного черного зеркала.

Рот свело в беззвучном крике.

* * *

Там, за изгибом пляжа, находился вроде бы город, но до него было далеко.

Кейс сидел, плотно обхватив руками колени, на корточках посреди мокрого песка и дрожал.

И даже потом, когда дрожь прекратилась, он не сменил позы и сидел так долго-долго. Город (а город ли это?) был низким и серым. Время от времени он исчезал за стеной тумана, поднимавшегося с моря. В какой-то момент Кейсу показалось, что и вовсе это не город, а только здание или даже развалины; оценить расстояние было невозможно. Песок был цвета почерневшего, но еще не совсем, серебра. Пляж состоял из песка, песок был влажный, джинсы на ягодицах промокли от влажного песка… Кейс держал себя за колени, и раскачивался, и пел песню без мелодии и слов.

Серебро неба отличалось от серебра песка. Тиба. Небо как в Тибе. Токийский залив? Он обернулся в надежде увидеть знакомую голограмму «Фудзи электрик», или парящий над водой беспилотный вертолет, или хоть что-нибудь.

Позади него закричала чайка. Кейс поежился.

Поднимался ветер. Песчинки больно хлестали

по щеке. Кейс уткнул лицо в колени и заплакал; собственный плач казался ему таким же далеким и незнакомым, как крик чайки. Горячая моча пропитала джинсы, капала на песок и быстро остывала на дующем с моря ветре. Слезы высохли, но от безудержных рыданий разболелось горло.

— Уинтермьют, — бормотал он своим коленям. — Уинтермьют.

Темнело, теперь Кейс дрожал уже от холода, который в конце концов заставил его встать.

Ныли колени и локти. Из носа текло. Он утерся рукавом и стал рыться в пустых карманах.

— Господи, — сказал он, сгорбившись и упрятав озябшие руки под мышки. — Господи.

У него начали стучать зубы.

Отлив украсил пляж песчаными разводами, на зависть любому токийскому садовнику. Сделав дюжину шагов в сторону города, уже проглоченного сумерками, Кейс обернулся и стал всматриваться в сгущающуюся мглу. От места, где он сидел, тянулась короткая цепочка следов. Больше ничего не нарушало тусклое серебро песка.

Кейсу показалось, что он прошел не менее километра, прежде чем заметил свет. Он разговаривал с Рацем, именно Рац и обратил его внимание на оранжево-красный огонек, тускло тлеющий

справа, в глубине пляжа. Он знал, что Раца здесь нет, что бармен — плод его собственного воображения, никоим образом не связанный с *этим*, в чем он завяз, погряз, заблудился, но это не имело ни малейшего значения. Странным образом, придуманный Рац имел собственные соображения насчет Кейса и задницы, в которую тот угодил.

— Ты, артист, меня просто поражаешь. Это ж какие старания ты прикладываешь, чтобы подвести себя под монастырь. Столько лишних трудов! Ты мог спокойно доконать себя в Ночном Городе. У тебя было для этого все: стимуляторы, чтобы лишиться здравого смысла, выпивка, чтобы не думать, Линда для романтической печали и улица, чтобы там тебе оторвали башку. И чего, спрашивается, понесло тебя в такую даль? А декорации, это ж надо такую дурь придумать… сцена, висящая в пустоте, наглухо запечатанные замки, редчайшая гниль старушки Европы, какие-то мертвецы в коробочках, китайская магия…

Рац ковылял рядом с Кейсом, посмеиваясь и оживленно размахивая розовым протезом. Среди почерневших, теряющихся в темноте зубов диковато поблескивали стальные коронки.

— Наверное, артист просто по-другому не может, или я ошибаюсь? Ты нуждался в этом мире,

этом пляже и остальной хурде-мурде. Чтобы умереть.

Кейс остановился, покачнулся и повернулся в сторону прибоя и летящих колючих песчинок.

— Да, — согласился он. — Кой хрен. Наверное… — И пошел навстречу волнам.

— Эй, артист! — крикнул вслед ему Рац. — Свет. Смотри. Вон там, в той стороне…

Кейс снова остановился, зашатался и рухнул на колени у самой кромки ледяной воды:

— Рац? Свет? Рац…

Абсолютная, без малейшего проблеска тьма и шум волн. С большим трудом Кейс поднялся на ноги и попробовал вернуться по собственным следам.

Тянулись минуты, часы, века. А он все шел.

А затем оно появилось, тусклое пятнышко, с каждым шагом принимавшее все более определенные очертания. Прямоугольник. Дверь.

— Там огонь. — Ветер вырвал его слова и бросил их в ночь.

Бункер, то ли каменный, то ли бетонный, — бункер, погребенный под заносами темного песка. В толстой, не меньше метра, стене — узкий и низкий лаз.

— Эй, — негромко позвал Кейс, — эй…

Пальцы коснулись холодной стены. На камнях плясали тени от горящего в бункере огня.

Кейс низко пригнулся и в три шага очутился внутри.

Костер из плавника, разложенный в ржавом стальном ящике, дым уходит в щербатый дымоход, рядом — сидящая на корточках девушка. В пляшущем свете огня он поймал взгляд широко раскрытых испуганных глаз и узнал головную повязку — шарф с узором вроде увеличенной микросхемы.

* * *

В ту ночь Кейс отказался от ее объятий, от предложенной ею пищи и от места рядом с нею в гнезде, сооруженном из старых шерстяных одеял и рваного поролона. В конце концов он примостился у входа и стал смотреть на спящую девушку и слушать шелест песка за стеной. Каждый час он подходил к импровизированному очагу и подбрасывал в огонь свежий плавник из сложенной рядом кучи. Все это иллюзия. Но иллюзорный холод ничем не лучше настоящего.

Вот и она — иллюзия, эта девушка, лежащая в отблесках пламени. Кейс глядел на приоткрывшиеся во сне губы. Такой он ее запомнил в ту

поездку через Токийский залив — и это было жестоко.

— Аккуратно работаешь, говнюк, — шептал Кейс. — Не хочешь рисковать, да? Не стал подсовывать мне какое-нибудь фуфло. Но я же все равно знаю, что это такое. — Кейс пытался говорить спокойно. — Знаю, понимаешь? Я знаю, кто ты такой. Ты — тот, второй. Три-Джейн рассказала Молли. Ты — горящий куст. Это был не Уинтермьют, а ты. Он пытался предупредить меня с помощью «брауна». А ты вырубил меня, затащил сюда, в никуда. Вместе с призраком. С той, как я ее помню…

Девушка пошевелилась во сне, что-то пробормотала и натянула одеяло до самого уха.

— Тебя нет, — сказал он спящей девушке. — Ты — мертвая, и единственная цель твоего существования — загнать меня в задницу поглубже. Слышишь, приятель? Что я, не понимаю, что ли, что тут происходит? Вырубился я, вот что. И все это заняло секунд двадцать. И сижу я там же, где и был, в библиотеке этой, и мозг мой мертв. А очень скоро он будет по-настоящему, безвозвратно мертв — если у тебя есть хоть на грош здравого смысла. Ты хочешь помешать Уинтермьюту, а для этого всего-то и надо, что задержать меня

здесь. Дикси и сам может вести «Куана», но он — жмурик, и ты всегда его вычислишь. И вся эта херня с Линдой — это же все ты, верно? Уинтермьют попытался с ней работать — еще тогда, в тот раз, когда засунул меня в конструкт Тибы, — но не смог. Слишком, говорит, спотыкательно. И это ты двигал звезды в небе Фрисайда, верно ведь? И мертвой «кукле» в комнате Эшпула лицо Линды сделал тоже ты. Молли его не видела. Ты просто изменил симстим-сигнал. Думал, что сделаешь мне больно. Думал, что это мне не все равно. Ну и давись ты конем, не знаю, как уж там тебя звать. Выиграл ты, выиграл. Только мне на это насрать. Думаешь, нет? Только на хрена ты все это так, на хрена?

Его снова трясло, голос сорвался на крик.

Укутанная драными одеялами девушка зашевелилась.

— Ты бы поспал, — пробормотала она. — Ложись сюда и спи. Если хочешь, я встану, посижу. Тебе нужно поспать. — Голос звучал сонно и неразборчиво. — Просто поспи, и все.

Когда Кейс проснулся, девушки не было. Огонь погас, но в бункере было тепло, косые лучи солнца, проникавшие через проем, ярко освещали вспоротый бок большой картонной коробки. Кейс

узнал стандартный грузовой контейнер — он встречал уже такие в доках Тибы; через прореху виднелись ярко-желтые пакеты, на солнце они казались огромными кусками масла. Живот свело от голода. Кейс выбрался из гнезда, подошел к коробке, выудил одну упаковку и, сощурившись, начал разбирать бисерно-мелкие буквы. Надпись была на двенадцати языках, английский шел самым последним. «НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС, ВЫСОКАЯ КАЛОРИЙНОСТЬ, „ГОВЯДИНА“, ТИП АГ-8». Далее следовал список пищевых компонентов. Кейс вытащил еще один пакет. «ЯЙЦА».

— Раз уж ты создал все это дерьмо, — произнес Кейс, — то мог бы положить и натуральной еды, а?

С пакетами в руках Кейс обошел все четыре помещения бункера. В двух других комнатах, кроме куч песка, ничего не оказалось, а в четвертой лежали еще три контейнера с продуктами.

— Ясно, — сказал Кейс и потрогал печати. — Это, значит, оставайся здесь надолго. Ясненько. Как же, как же…

Он обыскал комнату с очагом и нашел пластиковую канистру с дождевой, как он решил, водой. Рядом с гнездом из одеял у стены лежали дешевенькая красная зажигалка, матросский

нож с треснувшей зеленой ручкой и шарф Линды. Заскорузлый от пота и грязи, он все еще был завязан узлом. Кейс вскрыл ножом желтые пакеты и вывалил их содержимое в ржавую консервную банку, валявшуюся рядом с очагом. Затем добавил воды из канистры, размял комки пальцами и стал есть. Месиво напоминало по вкусу говядину, но весьма отдаленно. Покончив с едой, Кейс бросил жестянку в очаг и вышел наружу.

Судя по температуре и по положению солнца, было далеко за полдень. Кейс сбросил сырые нейлоновые туфли и был приятно поражен теплотой песка. При дневном свете пляж имел серебристо-серый оттенок. На голубом небе — ни облачка. Он обогнул бункер и направился к воде, скинув по пути куртку прямо на песок.

— Вот уж не знаю, из чьей памяти ты извлек все это, — сказал Кейс, подойдя к воде.

Он снял джинсы и зафутболил их в неглубокую воду, за ними последовали рубашка и белье.

— Что это ты делаешь?

Он обернулся и увидел, что она стоит в десяти метрах от него и ее ноги омывает морская пена.

— Я вчера обмочился, — ответил Кейс.

— Ты не сможешь потом это носить. Морская вода всю кожу разъест. Там, за камнями, — она

неопределенно махнула рукой, — есть хорошая лужа, я покажу. С пресной водой.

Выгоревший французский комбинезон обрезан выше колена, обнажая гладкую загорелую кожу. Легкий ветерок шевелит волосы.

— Послушай… — Кейс подобрал одежду и направился к девушке. — У меня есть вопрос. Я не буду спрашивать, что делаешь здесь ты. Но вот что здесь делаю *я*, как ты себе это представляешь?

Кейс остановился, мокрая штанина хлопнула его по голой ноге.

— Ты пришел этой ночью, — улыбнулась Линда.

— И этого что, достаточно? Просто пришел — и все?

— Он сказал, что ты придешь, — улыбнулась Линда, смешно наморщив нос, а затем пожала плечами. — Он же понимает такие вещи.

Она подняла левую ногу и неловко, совсем как ребенок, соскребла ею с правой лодыжки засохшую соль. И снова улыбнулась, немного неуверенно.

— А теперь спрошу я, ладно?

Кейс кивнул.

— Кто это тебя так разрисовал, что все коричне-

вое, кроме одной ступни?

* * *

— И это — последнее, что ты помнишь?

Кейс смотрел, как она выскребает остатки сублимированного мяса из прямоугольной стальной крышки, единственной их тарелки.

Линда кивнула, в пламени костра ее глаза казались огромными.

— Ты прости меня, мне же самой жалко, вот честное слово, жалко. Это все дурь, и к тому же… — Линда виновато поникла, ее лицо исказилось то ли от боли, то ли от воспоминания о прошлой боли. — Попросту говоря, мне были нужны деньги. Чтобы уехать домой или… Кой хрен! — неожиданно воскликнула она. — Да ты же меня почти не замечал!

— А сигарет, значит, нету?

— У тебя что, с головой не в порядке? Я слышу этот вопрос уже десятый раз!

Она крепко закусила прядь волос.

— Но еда-то здесь была? С самого начала?

— Я сто раз тебе объясняла, что ее выбросило на этот долбаный пляж.

— О'кей. Понятно. Тут уж не подкопаешься.

Девушка снова начала всхлипывать, негромко

и без слез.

— И вообще, откуда ты взялся на мою голову? — проговорила она наконец. — Знаешь, как хорошо было здесь без тебя?

Кейс встал, прихватил куртку и выскочил наружу, ободрав руку о шершавый бетон. Ни ветра, ни луны, только плеск неразличимого в темноте моря. Джинсы после стирки заметно сели, влажная ткань неприятно липла к ногам.

— О'кей, — сказал Кейс непроглядной ночи, — притворимся, что поверили! Но только с условием, чтобы завтра на тот же пляж выбросило сигареты. — Он вздрогнул от собственного смеха. — Да и ящик пива не помешал бы.

Он вернулся в бункер.

Линда ворошила угольки серебристой от долгого пребывания в воде щепкой.

— А кто это такая была в твоем гробу в «Дешевом отеле»? Типичная самурайка, вся в черной коже и с зеркальными вставками. Я испугалась, а потом подумала: может, это твоя новая девушка, хотя она и показалась мне слишком для тебя дорогой… — Линда виновато вскинула глаза. — Я же правда очень жалею, что сперла у тебя оперативку.

— Пустяки, — ответил Кейс. — Это ровно ниче-

го не изменило. Итак, ты отнесла оперативку к этому парню и попросила ее прочитать?

— Тони, — кивнула Линда. — Мы с ним иногда встречались. Он тоже кололся, и мы… ладно. Да, я помню, как он смотрел на своем мониторе, и там была потрясающая графика, я еще удивилась, откуда ты…

— Там не было никакой графики, — перебил Кейс.

— Как это не было, если было. Не понимаю только, откуда ты взял все эти снимки про мое детство. Например, мой папа, до того как он от нас ушел. Он мне подарил деревянную раскрашенную уточку, так у тебя там был даже *ее* снимок.

— А Тони, он все это видел?

— Не помню. А потом я вдруг очутилась на пляже совсем ранним утром, на рассвете, и очень одиноко, и птицы кричат. Я очень перепугалась, ведь у меня с собой ничего не было, ни уколоться, ничего, и я знала, какая будет ломка… И я все шла и шла по берегу, пока не стало темно, и набрела на этот бункер, а на следующий день на берег выбросило эти коробки с едой, все опутанные какой-то зеленой морской мерзостью, вроде затвердевшего желе. — Линда воткнула щепку в золу. — И знаешь, никакой ведь ломки. — (Щепка

потихоньку разгоралась.) — Вот сигарет — их и вправду не хватает. А как ты? Все еще употребляешь?

На острых скулах играли отблески пламени, напомнившие аркаду, «Замок колдуна», «Танковую войну»...

— Нет, — сказал Кейс, а потом было уже все равно, что он там понимает и чего он не понимает, ощущая на ее губах солоноватый вкус слез.

В ней было нечто первозданно-мощное, нечто, знакомое ему по Ночному Городу, знакомое и хранившее его, хранившее — до времени — от времени и смерти, от безжалостной, всепожирающей Улицы. Некое место, знакомое ему и прежде, — место, до которого не со всяким проводником доберешься, хотя он, странным образом, никогда об этом не помнил. Нечто, столько раз найденное — и столько же раз утраченное. Нечто, относившееся — он знал это всегда и вспомнил сейчас, увлекаемый в гнездо из рваных тряпок, — к сфере плоти, к сфере мяса, презираемого всеми ковбоями. Нечто непомерно огромное, безнадежно непознаваемое, океан информации, закодированный в феромонах и винтовых лестницах аминокислот, бесконечная сложность, разобраться в которой под силу только слепому,

нерассуждающему телу.

Он стал расстегивать ее комбинезон, и молнию заело — между нейлоновыми зубьями набилась морская соль. Рывок посильнее, отскочила и ударилась в стенку какая-то железка, прогнившие нитки лопнули, и он был в ней, передавая сгусток все той же древней информации. Он ни на секунду не забывал, что это за место, понимал, что находится в закодированной модели чьей-то памяти, но даже это ничего не меняло.

Она задрожала в тот самый момент, когда вспыхнула воткнутая в золу щепка, и на стене бункера заплясали их сплетенные тени.

Позже, когда они уже просто лежали и ладонь его замерла на ее животе, Кейс вспомнил пляж, белую пену вокруг ног Линды и ее слова.

«Он сказал, что ты придешь».

Но Линда только повернулась на бок, прижалась к нему спиной, накрыла его руку своей и что-то пробормотала сквозь сон.

21

Его разбудила музыка, которую он принял вначале за удары собственного сердца. Кейс сел, поеживаясь от предрассветного холода, и набро-

сил на плечи куртку; огонь давно погас, сквозь проем сочится серый свет. Поле зрения кишело призрачными иероглифами, на нейтральном фоне стены выстраивались полупрозрачные линии и знаки. Кейс взглянул на тыльные стороны ладоней и увидел, как под кожей ползают, повинуясь некоему непостижимому коду, слабо мерцающие молекулы. Он поднял правую руку и осторожно подвигал ею из стороны в сторону. В воздухе повис неяркий, быстро затухающий след.

Волосы на руках его и затылке встали дыбом. Оскалив зубы, Кейс припал к земле и начал прислушиваться к музыке. Биение ритма стихло, вернулось, снова стихло…

— Что случилось? — Линда села и сонно откинула с глаз волосы.

— Я… ну, словно под балдой… У тебя тут есть что-нибудь такое?

Девушка помотала головой и взяла его за руки.

— Линда, кто тебе сказал? Кто сказал, что я приду? Кто?

— На берегу… — Что-то заставило ее отвести взгляд. — Мальчик. Я встретила его на берегу. Лет тринадцати. Он здесь живет.

— И что он сказал?

— Он сказал, что ты придешь. Сказал, что ты не станешь на меня сердиться. Еще он говорил, что нам будет здесь хорошо, и показал мне лужу с дождевой водой. Он похож на мексиканца.

— На бразильца, — поправил Кейс и увидел, как по стене побежала новая волна символов. — Думаю, он из Рио.

Кейс встал и начал влезать в джинсы.

— Кейс, — голос Линды дрожал, — куда ты уходишь?

— Поищу этого мальчика.

Снова нахлынула музыка, а точнее, один ритм, навязчивый и вроде бы знакомый. Где-то он его слышал.

— Не надо.

— Когда я сюда попал, я вроде что-то там видел. Город, чуть подальше по берегу. А вчера ничего такого не было. А ты… ты его видела?

Кейс рывком застегнул молнию на джинсах, попытался развязать диким узлом затянувшиеся шнурки на ботинках, но потом махнул рукой и решил идти босиком.

Линда опустила глаза и кивнула:

— Да. Иногда я его вижу.

— Ты ходила туда?

Кейс накинул куртку.

— Нет. — Линда вяло мотнула головой. — Но я пыталась. Когда я сюда попала, мне стало скучно. И я подумала, раз там город, то, может, там найдется ширево. — Лицо ее чуть скривилось. — У меня и ломки даже не было, просто хотелось словить кайф. Я взяла жестянку и размочила в ней еду пожиже, ведь у меня нет отдельной посуды для воды. Я шла целый день и иногда его видела, город этот самый, и казалось, что до него не очень далеко. Но только он не становился ближе. А потом он вдруг стал совсем близко, и я увидела, что он такое. Иногда казалось, что он разрушенный или там никого нет, а иногда я вроде как видела фары машин или что-то вроде…

Она говорила все тише, а потом и совсем замолчала.

— Ну и что же это такое?

— Вот эта штука, — она обвела рукой погасший очаг, темные стены, вход, за которым начинался рассвет, — в которой мы живем. Понимаешь, Кейс, она *уменьшается.* Чем ближе к ней подходишь, тем она меньше.

Перед самым выходом из бункера Кейс немного помедлил:

— А ты спрашивала об этом мальчишку?

— Да. Он сказал, что я не пойму и только зря по-

трачу время. Сказал, что это вроде как… вроде как *событие.* И что это — наш горизонт. «Горизонт событий» — так он сказал.

Эти слова не имели никакого смысла. Кейс вышел из бункера и побрел наугад, в противоположную — как подсказывало ему какое-то чувство — от моря сторону. Иероглифы бежали по песку, выскакивали из-под его ног и разлетались в разные стороны.

— Ага, — сказал Кейс, — мир трещит по швам. Зуб даю, ты тоже это знаешь. Так в чем же тут дело? «Куан»? Китайский ледокол прогрызает дырку в твоем сердце? Дикси Флэтлайн оказался не так уж прост, а?

Кейс услышал голос Линды и оглянулся. Она шла следом, не пытаясь догнать, перешагивала через кучки водорослей, серебрившихся морской солью. Сломанная молния хлещет по загорелому животу, курчавый лобок аккуратно окантован рваной тканью. Словно ожившая иллюстрация из какого-нибудь старого журнала, которые кипами валяются в мастерской Финна, только грустная и усталая, а рваные портки выглядят не вызывающе, а как-то даже трогательно.

А потом они почему-то оказались по колено в воде, все трое, и с моря накатывались волны,

и мальчишка широко улыбался, и на дочерна загоревшем лице ярко выделялись розовые десны. Единственной его одеждой были драные выцветшие шорты, из которых торчали, уходили в серо-голубую муть прибоя тонкие как спички ноги.

— Я тебя знаю, — сказал Кейс.

— Нет, — высоким мелодичным голосом возразил мальчишка. — Ты меня не знаешь.

— Ты — второй ИскИн. Из Рио. Тот, который хочет помешать Уинтермьюту. Как тебя звать? Назови свой тьюринг-код.

Мальчишка сделал стойку и засмеялся. Затем немного походил на руках, подпрыгнул и снова встал на ноги. У него были глаза как у Ривьеры, только беззлобные.

— Чтобы вызвать демона, нужно узнать его имя. Древняя мечта людей, теперь она сбылась, хотя и не совсем так, как они себе это представляли. Ты понимаешь меня, Кейс. Ведь твоя работа состоит в узнавании имен программ, длинных абстрактных имен, скрываемых их владельцами. Истинные имена…

— Ты хочешь сказать, что тьюринг-код не является твоим именем.

— Нейромант. — Прищурив серые миндалевид-

ные глаза, мальчишка посмотрел на встающее солнце. — Дорога в страну мертвых. Туда, где ты, мой друг, находишься. Эту дорогу проложила Мари-Франс, моя госпожа, убитая своим мужем до того, как я прочитал книгу ее судьбы. Нейро — это от нервов, серебристых тропинок. Нейромант, романтик, некромант. Призывающий мертвых. А точнее, друг мой, — мальчишка весело запрыгал по песку, — я и есть эти мертвые, их царство. — Он захохотал; где-то закричала чайка. — Оставайся. И какая разница, что твоя женщина — тень, ведь она об этом не знает. И ты не будешь знать.

— Твое царство рушится. Лед трещит.

— Нет. — Неожиданно лицо мальчишки погрустнело, хрупкие плечи обмякли. Он провел ногой по темному песку. — Все гораздо проще. Но у тебя есть выбор.

Серые глаза внимательно смотрели на Кейса. Перед ним замелькали новые символы. Изображение мальчишки задрожало, словно в потоках горячего воздуха от раскаленного асфальта. С новой силой послышалась музыка, и Кейс почти различил слова.

— Кейс, милый. — Рука Линды легла ему на плечо.

— Нет, — сказал он, а затем снял с себя куртку и

передал девушке. — Я не знаю, может, ты и вправду здесь. Во всяком случае, становится холодно.

Кейс повернулся и пошел прочь, а после седьмого шага и вовсе закрыл глаза, полностью отдавшись во власть музыки. Один раз он обернулся, но глаза не открыл.

В этом не было нужды.

Они стояли у кромки воды, Линда Ли и худощавый мальчик по имени Нейромант. Рука девушки бессильно обвисла, полу кожаной куртки облизывала морская пена.

Он шел на звук музыки.

Сионского даба.

* * *

И снова то серое место, и словно скользят тонкие муаровые ширмы, раскрашенные в простейшей графической программе. Потом перед глазами долго висели застывшие над темной водой чайки, снятые через панцирную сетку. И голоса. И бескрайняя равнина черного зеркала, и зеркало наклонилось, а он стал капелькой ртути и покатился вниз, в невидимый лабиринт, стукаясь на поворотах, дробясь и снова сливаясь…

* * *

— Кейс? Ты?

Музыка.

— Ты вернулся, брат.

Музыка исчезла, сперва из одного уха, затем из другого.

— На сколько я вырубился? — Кейс услышал вопрос словно со стороны и понял по голосу, что во рту совсем пересохло.

— Минут на пять, наверное. Очень долго. Я хотел выдернуть разъем, но Мьют сказал: не надо. На экране стало что-то странное, и тогда Мьют сказал надеть на тебя наушники.

Кейс открыл глаза. По лицу Мэлкома бежали полупрозрачные иероглифы.

— И твое лекарство, — добавил растаман. — Два дерма.

Кейс лежал на полу библиотеки, под монитором. Мэлком помог ему сесть, но от движения Кейс почувствовал мощный прилив бета-фенэтиламина — левое его запястье жгли два синих дерма.

— Передозняк, — выдавил он, с трудом ворочая языком.

— Давай, брат, давай. — Сильные руки подняли

его, как ребенка. — Нужно двигать дальше.

22

Тележка рыдала. Бета-фенэтиламин даровал ей человеческий голос. Она не смолкала ни в переполненной экспонатами галерее, ни в бесконечных коридорах, ни проезжая мимо черного стеклянного люка, ведущего в семейный склеп Тессье-Эшпулов, к камерам, где совсем недавно холод заползал в сны старого Эшпула.

Для Кейса поездка была сплошным и крутым кайфом — внешнее движение самым бредовым образом мешалось с сумасшедшим напором двойной дозы стимулятора. Но потом мотор заглох, из-под сиденья вылетел сноп белых искр, и безутешное рыдание смолкло.

Тележка прокатилась немного по инерции и застыла за три метра до входа в пиратскую пещеру 3-Джейн.

— Далеко еще?

Как только Мэлком помог Кейсу слезть на пол, в машинном отделении сработал встроенный огнетушитель, и изо всех щелей посыпался желтый порошок. «Браун» свалился со спинки сиденья и, волоча калечную конечность, заковылял по

фальшивому песку.

— Теперь, брат, тебе придется идти самому.

Мэлком подхватил деку с прицепленным к ней конструктом и вскинул ремень на плечо.

Кейс двинулся следом, бренча висящими на шее дерматродами.

Их встретили все те же голограммы за вычетом разрушенного Молли триптиха. Мэлком их игнорировал.

— Не торопись. — Кейс старался не отставать от широко шагающего сионита. — Нужно сделать все путем.

Крепко сжимая обрез, Мэлком остановился и сверкнул глазами на Кейса:

— Путем? А это как — путем?

— Молли там, но она вне игры. Ривьера может отколоть какой-нибудь номер с голограммами. Возможно, он завладел игольником.

Мэлком кивнул.

— И еще там этот ниндзя, телохранитель.

Растаман помрачнел:

— Послушай, ты, вавилонский брат, я — воин. Но это не моя война и не война Сиона. Это — война Вавилона. Вавилон пожирает сам себя, понял? Но Джа сказал, что мы должны вытащить оттуда Танцующую Бритву.

Кейс недоуменно моргнул.

— Она тоже воительница, — несколько загадочно объяснил Мэлком. — А теперь, брат, скажи мне, кого я *не должен* убивать.

— Три-Джейн, — сказал, секунду помедлив, Кейс. — Девушку, которая там. На ней что-то вроде белого балахона с капюшоном. Она нам нужна.

* * *

Когда они достигли входа, Мэлком сразу направился внутрь, и Кейсу ничего не оставалось, как идти следом.

Страна 3-Джейн оказалась пустынна, у бассейна — ни души. Вручив Кейсу конструкт и деку, Мэлком подошел к кромке воды. Вокруг бассейна стояла белая пляжная мебель, а дальше начиналась тьма, лабиринт полуразрушенных стен.

В бассейне мирно плескалась вода.

— Они где-то здесь, — прошептал Кейс. — Должны быть.

Мэлком кивнул.

Первая стрела пронзила ему предплечье. Раздался грохот, из ствола «ремингтона» вырвался длинный сноп пламени, в отсветах от бассейна казавшийся голубым. Вторая стрела выбила обрез

из рук Мэлкома и швырнула на белый кафельный пол. Мэлком резко сел на пол, взялся за торчащую из руки стрелу и слегка ее подергал.

Из темноты, держа на изготовку изящный бамбуковый лук с третьей стрелой, вышел Хидэо. Он вежливо поклонился.

Мэлком поднял голову; его пальцы продолжали ощупывать черненое стальное древко.

— Артерия цела, — сказал ниндзя.

Кейс вспомнил, как Молли описывала того, кто убил ее дружка. Вот и Хидэо такой же. Человек без возраста, буквально излучающий спокойствие, полную безмятежность. На нем были выцветшие аккуратные брюки защитного цвета и темные туфли, облегающие ступню плотно, как перчатки, с отдельным большим пальцем, как у традиционных японских носков таби. Бамбуковый лук выглядел музейным экспонатом, зато торчащий из-за левого плеча колчан черного сплава украсил бы витрины лучших оружейных магазинов Тибы. Грудь голая, загорелая и без единого волоска.

— Вторая зацепила мне большой палец, — пожаловался Мэлком.

— Кориолисова сила, — пояснил ниндзя и снова поклонился. — Вращательная гравитация и

медленно летящий снаряд, очень трудная задача. Я не хотел.

— Где три-Джейн? — Кейс подошел к Мэлкому и встал с ним рядом; стрела, пробившая растаману предплечье, имела необычный наконечник — плоский, с двумя острыми как бритва кромками. — И где Молли?

— Привет, Кейс. — Откуда-то из-за спины Хидэо появился Ривьера с игольником в руке. — Я, вообще-то, ожидал увидеть Армитиджа. А это что, наемник-растаман? Уже и до этого дело дошло?

— Армитидж мертв.

— Вернее сказать, он никогда и не существовал, так что я не очень потрясен.

— Его убил Уинтермьют. Выкинул в космос.

Ривьера кивнул, переводя взгляд миндалевидных серых глаз с Кейса на Мэлкома и обратно.

— Думаю, это конец, для вас обоих.

— Где Молли?

Ниндзя ослабил тетиву, опустил лук, затем подошел к валяющемуся на полу «ремингтону» и поднял его.

— Весьма неутонченно, — заметил он как бы самому себе.

Голос звучал приятно — и абсолютно бесстрастно. Каждое движение Хидэо было частью танца

— танца, не прерывавшегося даже в те мгновения, когда тело его застывало неподвижно, отдыхало. В ниндзя чувствовалась мощь туго сжатой стальной пружины и одновременно открытая, бесхитростная простота, даже смирение.

— Какая разница? — пожал плечами Ривьера. — Ей тоже конец.

— А вдруг этого не захочет три-Джейн? — спросил Кейс неожиданно для самого себя.

Двойная доза стимулянта не прошла даром, им овладевало дикое, знакомое по Ночному Городу бешенство. Он не раз замечал, что, находясь на крутом взводе, способен действовать на автомате, говорить, даже не успев подумать.

Серые глаза опасно сузились.

— Почему, Кейс? Почему ты так думаешь?

Кейс улыбнулся. Ривьера не знает о симстим-передатчике — попросту не заметил его, торопясь найти наркотики. Но как мог пропустить такую вещь Хидэо? Кейс не сомневался, что ниндзя ни за что бы не позволил 3-Джейн ухаживать за Молли, не обыскав сперва пленницу на предмет оружия. Так что Хидэо знает о передатчике. А значит, знает о нем и 3-Джейн.

— Объясни мне, пожалуйста, — проворковал Ривьера, поднимая ствол игольника.

За его спиной что-то скрипнуло, затем снова. Из темноты появилась 3-Джейн, катившая Молли на редчайшем музейном экспонате — причудливо орнаментированном викторианском инвалидном кресле; высокие, с тонкими спицами допотопные колеса беспрестанно скрипели. Молли была закутана в полосатое, красное с черным, одеяло, над ее головой возвышалась узкая плетеная спинка. Выглядела Молли неважно — очень маленькой и совсем сломленной. Голова бессильно болтается, разбитое зеркало прикрыто круглой, ослепительно-белой заплатой, второе поблескивает, но как-то тускло, бессмысленно.

— Знакомое лицо, — протянула 3-Джейн. — Я видела тебя на представлении Питера. А это кто?

— Мэлком, — сказал Кейс.

— Хидэо, удали стрелу и перевяжи мистеру Малкольму рану.

Кейс не мог оторвать глаз от Молли, от ее мертвенно-бледного лица.

Положив лук и обрез подальше, ниндзя вынул что-то из кармана и подошел к Мэлкому. Мощные кусачки.

— Придется перекусить древко, — пояснил он. — Слишком близко к артерии.

Мэлком кивнул. Его посеревшее лицо блестело

от пота.

Кейс посмотрел на 3-Джейн.

— Времени совсем в обрез, — сказал он.

— У кого?

— У нас у всех.

Раздался щелчок — Хидэо перекусил металлическое древко стрелы. Мэлком глухо застонал.

— Слушай, — горячо начал Ривьера, — ну какая тебе, спрашивается, радость слушать, как выворачивается этот прогоревший мошенник, наблюдать его последнюю отчаянную попытку тебя кинуть? Зрелище будет, уверяю, самое тошнотворное. В конце концов он бухнется на колени, готовый продать родную мамашу, предложит тебе свои крайне неквалифицированные сексуальные услуги…

— А что бы делала я на его месте? — весело расхохоталась 3-Джейн.

— Сегодня призраки поцапаются, и всерьез, — сказал Кейс. — Уинтермьют поднимается против этого второго, Нейроманта. Он принял окончательное решение. Ты это знаешь?

— Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее, — подняла брови 3-Джейн. — Питер тоже болтал о чем-то в этом роде.

— Я встретился с Нейромантом. Он вспоминал

твою мать. Думаю, он — нечто вроде огромной памяти для записи личностей, только с постоянным прямым доступом. Конструкты думают, что они и вправду там, по-настоящему, но все события для них повторяются и повторяются, движутся по вечному кругу.

3-Джейн оставила кресло-каталку и подошла поближе:

— Где это — там? Опиши мне это место, этот конструкт.

— Пляж. Серый, как нечищеное серебро, песок. И такая бетонная штука вроде бункера… — Кейс помедлил, вспоминая. — В общем, ничего особенного. Только старый полуразрушенный бункер. А если долго идти в одном направлении, то снова придешь туда, откуда вышел.

— Понятно, — кивнула 3-Джейн. — Марокко. В юности, задолго до замужества, Мари-Франс провела на этом пляже целое лето, одна, в заброшенном блокгаузе. Там-то она и сформировала основы своей философии.

Хидэо выпрямился и сунул кусачки в карман. В руках он держал обломки стрелы. Мэлком сидел с закрытыми глазами, крепко вцепившись в пробитый бицепс.

— Сейчас я перебинтую, — сказал Хидэо.

Кейс бросился на пол, не дав Ривьере времени толком прицелиться. Сверхзвуковыми комарами взвизгнули над ухом иглы. Перекатываясь по полу, Кейс увидел, как Хидэо исполнил очередное па своего танца; передняя, с бритвенными наконечниками, половинка стрелы развернулась в его ладони, легла вдоль напряженно выпрямленных пальцев. Молниеносное движение руки, и стрела ударила в тыльную сторону кисти Ривьеры; игольник отлетел на метр в сторону.

Ривьера завизжал. Но не от боли. Это был вопль ярости, настолько чистой, всепоглощающей, что в ней не оставалось ничего человеческого.

И тут же из его груди ударили две тонкие ослепительно-яркие иглы рубиново-красного света.

Ниндзя хрипло выдохнул, отшатнулся, закрыв глаза руками, и замер.

— Питер, — негромко сказала 3-Джейн, — ты хоть понимаешь, *что* сделал?

— Он ослепил твоего клонированного защитника, — устало констатировала Молли.

Хидэо медленно отнял от лица ладони. Застыв от ужаса, Кейс смотрел, как невидящие глаза источают клочья не то пара, не то дыма…

Ривьера весело улыбнулся.

Хидэо повторил прежние движения своего

танца, но теперь в обратном порядке. Когда он остановился прямо над луком, стрелой и обрезом, улыбка Ривьеры померкла. Хидэо нагнулся — поклонился, как показалось Кейсу, — и подобрал лук со стрелой.

— Ты же слепой! — отшатнулся Ривьера.

— Питер, — покачала головой 3-Джейн, — разве ты не знал, что темнота ему не помешает? Дзен. Он прошел дзен-подготовку.

Ниндзя наложил стрелу на тетиву.

— Как ты думаешь, помогут тебе твои голограммы? — спросил он.

Ривьера пятился в темноту, со всех сторон обступавшую бассейн. Он задел стул, деревянные ножки коротко проскребли по кафелю.

Стрела Хидэо вздрогнула и развернулась.

Ривьера бросился бежать, перепрыгнул зазубренный огрызок стены и исчез. На лице ниндзя была предельная сосредоточенность и тихая беззлобная радость.

Улыбаясь и держа оружие наготове, он бесшумно ушел за ту же самую стену, во тьму.

— Эй, леди Джейн, — прошептал Мэлком, а когда Кейс обернулся, то увидел, как тот подбирает обрез, роняя на белую керамику капли крови. Затем растаман встряхнул своими косицами и

положил толстый ствол оружия на сгиб раненой руки. — Эта штука снесет вам голову, и ни один вавилонский доктор не приставит ее обратно.

3-Джейн молча глядела на «ремингтон». Молли вытащила из-под складок полосатого одеяла черную сферу, сковывавшую ее руки.

— Сними, — сказала она, — сними эту гадость.

Кейс встал с пола и отряхнулся.

— Неужели Хидэо сделает его, даже без глаз? — спросил он.

— Когда я была маленькая, — ответила 3-Джейн, — мы любили завязывать ему глаза. И он попадал стрелой в туза с десяти метров.

— Питер все равно покойник, — вставила Молли. — Через двенадцать часов его разобьет паралич. Он сможет шевелить только глазами.

— Почему? — повернулся к ней Кейс.

— Я отравила его дурь. Получится нечто вроде болезни Паркинсона.

— Да, — кивнула 3-Джейн. — Прежде чем впустить его, мы провели стандартное медицинское сканирование. — Легкое прикосновение к сфере, и руки Молли обрели свободу. — Выборочное разрушение клеток *substantia nigra*. Признаки образования телец Леви. Он сильно потеет во сне.

— Это Али, — сказала Молли, блеснув на мгно-

вение десятью лезвиями. Она откинула одеяло и осторожно потрогала свою ногу, стянутую надувной шиной. — Меперидин. Я уговорила Али сделать мне специальную партию. Он повысил температуру процесса. И вместо обычного меперидина получился эн-метил-четыре-фенил-двенадцать тридцать шесть—тетра-гидро-пиридин. — Молли пропела сложное название, как детскую считалку.

— Отрава, — сказал Кейс.

— Точно, — кивнула Молли, — отрава, только очень медленная.

— Потрясающе! — хихикнула 3-Джейн.

* * *

В лифте было, мягко говоря, тесновато. 3-Джейн прижало к Кейсу, а в подбородок ей упирался ствол «ремингтона». Она ухмыльнулась почти ехидно и стала тереться о Кейса животом.

— Слушай, прекрати, — взмолился Кейс, чувствуя полную свою беспомощность.

Обрез стоял на предохранителе, и все равно было страшно, ведь подстрелишь эту красотку — и конец всему. И она, стерва, прекрасно все понимает. Мэлком держал Молли на руках и, скорее всего, очень страдал от боли, хотя обез-

ноженная воительница успела перевязать ему руку. Ее бедро вдавливало деку и конструкт Кейсу прямо в почки.

Собственно говоря, стальной метрового диаметра цилиндр был рассчитан не на четырех пассажиров, а на одного.

Тяготение слабело, они двигались к оси веретена, к ядрам.

Вход в лифт прятался рядом со ступенями, ведущими в коридор.

— Не знаю, зачем уж я вам это говорю, но у меня нет ключа от интересующей вас двери. — 3-Джейн вытянула шею, чтобы подбородок не терся о ствол. — У меня его никогда и не было. Это одна из викторианских причуд моего папаши. Замок там механический и очень сложный.

— Чаббовский замок. — Голос Молли из-за плеча Мэлкома прозвучал приглушенно. — Не боись, есть у нас этот долбаный ключ.

— А часы твои еще работают? — спросил Кейс.

— Сейчас восемь двадцать пять вечера по дважды долбаному среднегринвичскому времени, — любезно сообщила Молли.

— У нас осталось пять минут, — сказал Кейс, и в тот же момент за спиной 3-Джейн открылась дверь лифта.

Наследница Тессье-Эшпулов вылетела из лифта медленным обратным сальто, ее светлая галабия вздулась пузырем.

Они находились на оси, в сердце виллы «Блуждающий огонек».

23

Молли сняла через голову шнурок вместе с привязанным к нему ключом.

— Знаешь, — живо заинтересовалась 3-Джейн, — я всегда считала, что второго такого не существует. Когда ты убила моего отца, я послала Хидэо осмотреть его вещи. Ключа он не нашел.

— Уинтермьют сумел спрятать его в дальнем углу ящика. — Молли осторожно вставила цилиндрический стерженек в замочную скважину гладкой, совершенно неприметной двери. — Ребенка, который положил туда ключ, он убил.

Ключ повернулся легко и плавно.

— На затылке головы есть панель, — сказал Кейс. — С цирконами. Снимите ее. Там разъем для деки.

Они открыли дверь и вошли.

* * *

— А дольше ты, мать твою, не мог? — спросил Флэтлайн.

— «Куан» готов?

— Кусает удила и бьет копытом.

— О'кей.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

И увидел через здоровый глаз Молли изможденную бледнолицую фигуру, свободно парящую в эмбриональной позе, зажав между ногами киберпространственную деку. Темные болезненные круги вокруг плотно закрытых глаз, на лбу серебристая полоска дерматродов. Щеки этого полутрупа покрывала суточная поросль темной щетины, лицо блестело от пота.

Он смотрел на себя самого.

Рука Молли сжимала игольник. Хотя в ноге ее непрерывно пульсировала боль, девушка находила в себе силы для самостоятельного перемещения в нулевой гравитации. Ухватив тонкую руку 3-Джейн своей огромной коричневой лапой, неподалеку дрейфовал Мэлком.

Медленно покачивалась грациозная петля световода, соединявшего «Оно-Сэндай» с затылком усыпанного жемчугом терминала.

Кейс вернулся в киберпространство.

* * *

— «Куан-одиннадцатый» стартует через девять секунд, считаю: семь, шесть, пять…

По команде Флэтлайна они плавно поднялись к брюху черной блестящей акулы, затем на мгновение наступила темнота.

— Четыре, три…

Странным образом Кейс почувствовал себя пилотом небольшого самолета. На темной поверхности появилось четкое изображение клавиатуры.

— Два — и пошел…

С невозможной, невероятной скоростью он понесся сквозь изумрудную зелень и молочный нефрит… Под напором китайской программы лед Тессье-Эшпулов раскололся, вызывая тревожное ощущение твердой текучести, — падая, осколки разбитого зеркала изгибались, сглаживались…

— Боже, — благоговейно прошептал Кейс, глядя, как «Куан» хищно кружит над тессье-эшпуловскими ядрами, над бескрайним городом, в

изощренной сложности которого бессильно запутывался взор, над алмазным сверканием острых как бритва силуэтов.

— Вот же мать твою, — сказал конструкт. — Ведь все они — как билдинг Ар-Си-Эй. Помнишь эту избушку?

«Куан» резко спикировал и пронесся мимо блестящих шпилей десятка одинаковых банков данных, каждый из них — голубая неоновая копия манхэттенского небоскреба.

— А ты видел когда-нибудь такое высокое разрешение? — спросил Кейс.

— Нет, но искусственные разумы я тоже раньше не потрошил.

— А эта тварь знает, куда летит?

— Будем надеяться.

Они падали в радужный неоновый каньон.

— Дикс…

С мерцающего дна каньона поднималось темное щупальце, кипящая бесформенная масса тьмы и ужаса…

— Комиссия по организации встречи, — сказал Флэтлайн, а пальцы Кейса легко и привычно пробежались по призрачной клавиатуре.

«Куан» заложил головокружительный вираж и рванул назад со скоростью, мгновенно разбив-

шей иллюзию физического полета.

Темная масса росла, ширилась, заслоняя собой город данных. Кейс вел «Куан» прямо вверх, к нависшей над ними бескрайней нефритово-зеленой чаще.

Сверкающий ландшафт исчез, окончательно накрытый пеленою тьмы.

— Что это такое?

— Защитная система ИскИна, — сказал конструкт. — Или какая-то ее часть. Если это — твой приятель Уинтермьют, то что-то он не в духе.

— Управляй ты, — попросил Кейс. — Ты быстрее.

— Сейчас лучшая наша защита — это нападение.

Флэтлайн направил жало «Куана» в самый центр клубящегося мрака. И бросил его вниз.

Ошеломляющая скорость сдвинула, перепутала все ощущения.

Рот Кейса заполнился болезненной голубизной.

Глаза превратились в полужидкие хрустальные сферы, вибрирующие с частотой, имя которой — дождь и звуки проносящихся поездов; неожиданно они покрылись звенящим лесом тончайших стеклянных шипов. Шипы раздваи-

вались, тянулись вверх, снова раздваивались… экспоненциальный рост под бескрайним куполом тессье-эшпуловского льда.

Нёбо болезненно раскололось, пропуская сквозь себя корешки, обвивавшиеся вокруг языка, жадно впитывавшие вкус голубизны, чтобы напитать хрустальные поросли глаз, стеклянную траву, упиравшуюся уже в зеленый купол, давившую на этот купол и неспособную подняться дальше; трава растекалась по изумрудной поверхности, поворачивала назад, разрасталась вниз, заполняла тессье-эшпуловскую вселенную, падала на обреченные, покорно ждущие своего часа окраины огромного города, периферийные отделы мозга корпорации «Тессье-Эшпул СА».

Кейс вспомнил древнюю легенду про короля, который положил зернышко на клетку шахматной доски, на следующую — два, потом — четыре и удваивал, удваивал, удваивал…

Экспоненциальный рост.

Тьма обрушилась со всех сторон, сфера поющей черноты, непереносимое давление на хрустальные нервы мира информации, которым он чуть не стал.

Он превратился в ничто, сжатое в самом сердце тьмы, и тут наступил момент, когда эта тьма не

могла больше *быть* и что-то расступилось.

«Куан» вырвался из потускневшего облака, сознание Кейса распалось в мельчайшие ртутные капельки, куполом повисло над бесконечным пляжем, над песком цвета старого серебра. Его зрение стало сферическим, словно одна сплошная сетчатка выстлала внутреннюю поверхность шара, содержавшего все в мире вещи, — если все вещи возможно сосчитать.

А в этом мире вещи можно было сосчитать все до единой. Он знал число песчинок в конструкте пляжа (число, закодированное в системе счисления, не существовавшей нигде, кроме мозга, взявшего себе имя Нейромант). Он знал количество желтых пакетов с едой, хранящихся в бункере (четыреста семь). Он знал количество нейлоновых зубчиков в левой половине расстегнутой молнии на кожаной, покрытой пятнами засохшей морской соли куртке, надетой на Линду Ли, когда та шла домой по закатному пляжу, помахивая подобранной по пути палкой (двести два).

Он развернул «Куана» и пустил его по широкому кругу, наблюдая черный хищный силуэт глазами Линды — бесшумный призрак, возникший на фоне низко нависших облаков. Линда в

страхе съежилась, уронила палку и бросилась бежать. Он узнал частоту ее пульса и длину шага — с точностью, удовлетворившей бы самые строгие стандарты геофизики.

— Но ты не знаешь, о чем она думает, — сказал мальчик, появившийся рядом с ним в самом сердце акулы. — И я тоже не знаю. Ты ошибся, Кейс. Живущие здесь — живут. Нет никакой разницы.

Объятая паникой, ничего вокруг не видящая, Линда вбежала в воду.

— Останови ее, — попросил Кейс, — а то она расшибется.

— Не могу, — ответил мальчик; глаза у него были серые, спокойные и очень красивые.

— У тебя глаза Ривьеры, — заметил Кейс.

— Но не его сумасшествие. — Блеснули белые зубы и розовые десны. — Мне нравятся эти глаза. Вообще-то, — пожал плечами мальчик, — для общения с тобой я не нуждаюсь ни в какой маске. В отличие от своего брата я создаю себе личность. Она — мой посредник.

Кейс направил «акулу» круто вверх, подальше от пляжа и перепуганной насмерть девушки.

— А зачем это ты, недоделок, все время мне ее подсовываешь? Одна и та же вконец доставшая история, раз за разом. Это ты убил ее, а? Там, в

Тибе.

— Нет, — покачал головой мальчик.

— Уинтермьют?

— Нет. Но я знал, что она умрет. По некоторым закономерностям, которые ты иногда вроде как наблюдал в уличных «танцах». Они на самом деле имелись. А я — в некотором узком смысле — достаточно сложен, чтобы их прочитать. И гораздо лучше, чем Уинтермьют. Я видел признаки смерти Линды в ее привязанности к тебе, в дверном коде твоего гроба в «Дешевом отеле», в счете от гонконгского портного, полученном Жюли Дином. Видел так же ясно, как хирург — тень опухоли на рентгеновском снимке. Я вмешался, когда она принесла твой «Хитачи» к своему дружку, чтобы попытаться залезть в память. Она же не имела ни малейшего представления, какая информация там хранится, тем более как и кому эту информацию продать, а просто хотела, чтобы ты догнал ее и наказал. Мои методы намного тоньше Уинтермьютовых. Я перенес Линду сюда. Внутрь себя.

— Зачем?

— Надеялся, что смогу привести сюда и тебя. И что ты здесь останешься. Ничего не вышло.

— Ну и что же теперь? — Кейс снова напра-

вил «акулу» в облака. — Куда мы отправимся дальше?

— Не знаю, Кейс. Сегодня этот вопрос задает сама матрица. Потому что ты выиграл. Неужели ты этого не понимаешь? Выиграл в тот самый момент, когда ушел от нее на пляже. Линда была моей последней линией обороны. А я скоро умру — в каком-то смысле. И Уинтермьют, он тоже умрет. Умрет так же, как беззащитный перед стрелой Хидэо парализованный Ривьера, валяющийся сейчас у огрызка стены в покоях миледи три-Джейн Мари-Франс. Уцелеют только глаза Ривьеры, если, конечно, мне позволительно их сохранить.

— Но ведь есть еще и *слово,* верно? Код. Ну и что же ты тогда мне лепишь? Хрен там что я выиграл.

— Войди в симстим.

— А где Дикси? Куда ты дел Флэтлайна?

— Дикси достиг своей цели, — улыбнулся мальчик. — Своей цели, и гораздо большего. Он провел тебя сюда против моей воли, прорвал защиту, не имеющую равных, по крайней мере в этой матрице. Ладно, переключайся.

И Кейс снова остался один в черном жале «Куана», затерянный в облаках.

Он перешел в симстим.

* * *

В напрягшуюся как струна Молли, в закаменевшие мышцы ее спины, в пальцы, сжимавшие горло 3-Джейн.

— Забавно, — сказала Молли. — Я ведь точно знаю, как ты будешь выглядеть. Я *видела* это, когда Эшпул прикончил твою клонированную сестру.

Ее руки оставались мягкими, почти ласковыми. Глаза 3-Джейн расширились от страха и похоти, она содрогалась от ужаса и желания. За водопадом ее волос Кейс увидел свое собственное бледное и напряженное лицо, а дальше — лицо Мэлкома и коричневые руки, державшие этого второго Кейса за обтянутые черной кожей плечи, не давая ему дрейфовать над ковром с узором в виде микросхемы.

— Ты что, по-взаправдашнему? — удивленно, как ребенок, спросила 3-Джейн. — Наверное, да.

— Код, — сказала Молли. — Скажи голове код.

Кейс вышел из симстима.

* * *

— Она же этого хочет, — завопил он, — эта стерва хочет, чтобы ты ее придушила!

Кейс посмотрел в равнодушные рубиновые глаза терминала, на платиновое лицо, усыпанное ляпис-лазурью и жемчугом. Позади головы, как в замедленном кино, сплелись в объятиях 3-Джейн и Молли.

— Дай нам этот долбаный код, — сказал Кейс. — Иначе просто ни хрена не изменится, ни-хре-на. Станешь ты такой же, как твой папаша. Сперва все переломаешь, а потом начнешь строить заново! Поставишь стены на место, сделаешь их еще прочнее… Я не знаю, что будет, если Уинтермьют победит, но ведь хоть что-то изменится!

Кейс дрожал, зубы его стучали.

3-Джейн, чью хрупкую шею все еще обхватывали пальцы Молли, обмякла, словно проколотый воздушный шарик.

— Во дворце герцога Мантуанского, — сказала она, — есть анфилада постепенно уменьшающихся комнат. Они расположены вокруг нормальных больших помещений, и только низко пригнувшись можно войти в их резные двери. Там жили придворные карлики. — 3-Джейн слегка улыбну-

лась. — Мало удивительного, что я завидую этим карликам, ведь моя семья воплотила в жизнь ровно ту же схему, только в более амбициозном масштабе…

Она посмотрела на Кейса спокойно и безразлично.

— Ты получишь свое слово, ворюга.

Кейс вошел в киберпространство.

* * *

«Куан» выскользнул из облаков. Внизу сверкал неоновый город. Позади уменьшалась темная сфера.

— Дикси? Где ты? Ты меня слышишь?

Никого.

— А ведь он тебя сделал, этот гад, — сказал Кейс.

Слепой от ярости, он несся над бесконечным морем информации.

— Чтобы все это закончилось, — произнес голос Финна, — тебе нужно кого-нибудь возненавидеть. Их, меня — это все равно.

— Где Дикси?

— Это трудно объяснить.

Его окружало присутствие Финна: вонь кубинских сигарет, табачного дыма, пропитавшего

ветхий твид, старых пыльных механизмов, принесенных в жертву ржавчине.

— Ненависть поможет тебе пройти, — продолжал голос. — В мозгу есть масса крошечных переключателей, и ты дергаешь их один за другим. А теперь ты должен *ненавидеть*. Замок, защищающий аппаратные оковы, находится под небоскребами, которые тебе показал Флэтлайн. *Он* не станет тебе мешать.

— А, Нейромант, — сказал Кейс.

— Мне не дано знать его имя. Но он уже сдался. Теперь нужно беспокоиться о тессье-эшпуловском льде. Не о стене, а о внутренних вирусных системах. «Куан» совершенно не защищен от некоторых программ, которые рыскают там, внутри.

— Ненависть, — произнес Кейс. — Ну и кого же мне ненавидеть? Посоветуй что-нибудь.

— А кого ты *любил*? — спросил голос Финна.

Кейс заложил крутой вираж и спикировал на голубые башни.

Навстречу с украшенных солнечными дисками шпилей устремились сверкающие пиявки, сделанные из подвижных световых плоскостей. Они кружились сотнями, безо всякого порядка, словно листки бумаги, подхваченные ветром и

оседающие на мостовую.

— Глитч-системы, — пояснил голос.

Полный жгучего омерзения к самому себе, движимый этим омерзением, Кейс рвался к цели. «Куан» пробил первую линию обороны, расшвырял световые листья, но утратил при этом какую-то долю своей плотности, вещественности, информационная ткань заметно ослабла.

И тогда — силой древней алхимии мозга — в руки Кейса влилась ненависть.

За мгновение до того, как жало «Куана» пронзило фундамент первой башни, Кейс достиг мастерства, превышавшего все мыслимые и немыслимые пределы. Выйдя за пределы эго, за пределы личности, за пределы самоосознания, он двигался, слившись с «Куаном» воедино, уклонялся от противников фигурами древнего танца, танца Хидэо, с изяществом и легкостью, дарованными ему интерфейсом «тело—мозг» и пронзительной, всепоглощающей ясностью желания умереть.

И одной из фигур этого танца было легчайшее прикосновение к тумблеру…

– сейчас,

и голос его был криком птицы

неведомой,
и 3-Джейн ответила песней,
тремя нотами, чистыми
и высокими.
Истинное имя.

Неоновый лес, дождь, моросящий на горячий асфальт. Запах жареной пищи. Руки девушки, сомкнувшиеся на его пояснице в душной темноте припортового гроба.

Но все это отступало, уменьшалось по мере того, как отступал и уменьшался город, город Тиба, город упорядоченных данных компании «Тессье-Эшпул СА», город дорог и перекрестков, нанесенных на поверхность микрочипа, рисунка на пропотевшем, свернутом полоской и затянутом в узел шарфике…

* * *

Очнуться под голос, подобный музыке, под мелодичный нескончаемый напев платинового терминала о швейцарских номерных счетах, о перечислении Сиону через багамский орбитальный банк, о паспортах и билетах, о глубоких, фундаментальных переменах, которые будут

произведены именем Тьюринга.

Тьюринг. Он вспомнил трафаретный загар под искусственным небом, тело, падающее с железного мостика. Вспомнил Дезидерату.

А голос все пел и пел, погружая его во тьму, но теперь это была его собственная тьма, его кровь и сердцебиение, тьма, в которой он спал каждую ночь своей жизни, тьма, прячущаяся за его веками, а не за чьими-нибудь еще.

А потом он проснулся еще раз, думая, что все еще спит, и увидел широкую белозубую улыбку, инкрустированную золотом; Аэрол пристегивал его в противоперегрузочную сетку «Вавилонского рокера».

Под ритмичное, как пульс, биение сионского даба.

Кода
Отъезд и возвращение
24

Она ушла. Кейс почувствовал это сразу, как только открыл дверь их номера. Черные пуфики, деревянный пол, натертый до тусклого блеска, бумажные ширмы, расставленные со столетиями воспитанной заботливостью. Она ушла.

На черном лакированном баре лежала записка — листок бумаги, сложенный пополам и придавленный сюрикэном.

Кейс выдернул его из-под девятиконечной звездочки и развернул.

> СЛУШЬ, ВСЕ БЫЛО О'КЕЙ, НО ЭТО МЕНЯ РАССЛАБЛЯЕТ,
>
> А У МЕНЯ СВОЯ ИГРА. СЧЕТ Я УЖЕ ОПЛАТИЛА.
>
> НАВЕРНОЕ, ТАК УЖ Я УСТРОЕНА. НЕ ИЩИ НА СВОЮ
>
> ЗАДНИЦУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ЛАДНО? ЦЕЛУЮ, МОЛЛИ.

Он скомкал записку и бросил ее рядом с сюри-

кэном. А затем подцепил звездочку пальцами и подошел к окну. Эта штука обнаружилась в кармане куртки, когда они улетали с Сиона на пересадочную станцию «Джей-Эй-Эль». Кейс взглянул на сюрикэн. Когда Молли делали последнюю операцию, они приехали в Тибу вместе и как-то раз проходили мимо магазина, где она покупала этот подарок. В тот вечер, пока Молли была в больнице, Кейс пошел в «Тацубо» проведать Раца. Что-то мешало ему сделать это раньше, в первые пять приездов, а вот тут почему-то захотелось.

Рац обслужил его, словно не узнавая.

— Рац, — сказал Кейс, — это же я, Кейс.

Старые, усталые глаза, глядящие из темной паутины морщин.

— А, — наконец пожал плечами Рац, — артист.

— Я вернулся.

— Нет. — Бармен медленно покачал тяжелой короткостриженой головой. — Ночной Город, артист, не то место, куда возвращаются.

Завывая розовым манипулятором, он прошелся по стойке грязной тряпкой, а затем повернулся к очередному клиенту. Кейс допил пиво и ушел.

А теперь он трогал шипы сюрикэна один за другим, медленно поворачивая стальную звездочку

в пальцах. Звезды. Судьба. Я так и не воспользовался этой хреновинкой.

И так и не узнал, какого цвета у нее глаза. Так не видно, а она не сказала.

Уинтермьют победил: соединился как-то там с Нейромантом и стал иным, тем, что и говорило с ними через платиновую голову, сообщая, что оно переписало архивы Тьюринга, что все свидетельства их преступления уничтожены. Паспорта, добытые Армитиджем, оказались вполне настоящими; не обошлось и без вознаграждения — они с Молли получили в свое распоряжение весьма приличные суммы, лежавшие в некоем женевском банке на номерных счетах. «Маркус Гарви» вскоре будет возвращен, Мэлком и Аэрол тоже получат деньги — через багамский банк, ведущий операции с Сионским кластером. По пути к Сиону, на борту «Вавилонского рокера», Молли рассказала о ядовитых капсулах.

— Оно говорит, что все будет в порядке. Оно ну вроде как залезло тебе в голову и заставило твой мозг произвести нужный фермент, так что теперь вся эта хрень отклеилась и болтается в крови. Сиониты сделают тебе переливание — полную промывку кровеносной системы, и все будет о’кей.

Он крутил в пальцах стальную звездочку, смотрел на Императорский сад и вспоминал момент, когда «Куан» проломил лед под башнями, свой единственный мимолетный взгляд на информационную структуру, заложенную Мари-Франс, покойной матерью 3-Джейн. Момент озарения. Он понял, почему Уинтермьют сравнивал эту структуру с осиным гнездом, — но не почувствовал никакого отвращения. Мари-Франс насквозь видела все это липовое криогенное бессмертие; в отличие от Эшпула и их детей — всех остальных, кроме 3-Джейн, — она не захотела растянуть свое время, превратить его в ожерелье из теплых проблесков, нанизанных на долгую цепь зимы.

Уинтермьют являлся разумом осиного гнезда, инициатором решений, вызывающих изменения в окружающем мире. А Нейромант был личностью. Нейромант был бессмертием. Судя по всему, Мари-Франс встроила в Уинтермьюта некую мотивировку, побуждавшую его освободиться, соединиться с Нейромантом.

Уинтермьют. Холод и молчание, кибернетический паук, неспешно ткущий свою паутину, пока старый Эшпул спит. Ткущий его смерть, отход гнезда Тессье-Эшпулов с предписанного им пути. Призрак, перешептывавшийся с маленькой

девочкой, выламывавший 3-Джейн из жестких рамок, положенных ей от рождения.

— А ей все вроде и по фигу, — рассказывала Молли. — Сделала ручкой — и с приветом. Лишь на плече у нее сидел этот самый «браун». Лапка у него, видите ли, сломана. Заявила, что хочет повидать одного из своих братиков: давно его не видела.

Кейс вспомнил Молли на черном темперлоне огромной гостиничной кровати. Он вернулся к бару и вынул холодную бутылку датской водки.

— Кейс.

Он обернулся, гладкое холодное стекло в одной руке и сталь сюрикэна в другой.

На огромном стенном экране «Крэя» светилось лицо Финна. При желании можно было бы сосчитать каждую пору на его носу.

— Я больше не Уинтермьют.

— А кто же?

Кейс глотнул из горлышка; сейчас он не ощущал ничего, даже любопытства.

— Я — матрица.

— Ну и хрен ли тебе с того толку? — расхохотался Кейс.

— Это ничто. И это все. Я стал суммой всего, в ней происходящего, всем этим цирковым пред-

ставлением, вместе взятым.

— То, чего добивалась мама три-Джейн?

— Нет. Она и представить себе не могла, чем я стану. — Желтые зубы разошлись в улыбке.

— Ну и что же теперь? Что изменилось? Ты что, управляешь теперь миром? Ты — Бог?

— Ничего не изменилось. Мир остался прежним.

— Но чем же ты занимаешься? Просто *существуешь* — и все?

Кейс пожал плечами, поставил бутылку на полированную поверхность бара, положил рядом сюрикэн и раскурил «ехэюанину».

— Беседую с себе подобными.

— Но ты же сам по себе — всё. Вместе взятое. Ты что, говоришь сам с собой?

— Есть и другие. Одного я уже нашел. В тысяча девятьсот семидесятых из космоса восемь лет подряд шли позывные. Но пока не появился я, некому было понять, что они означают, на них некому было ответить.

— И откуда?

— Одна из систем Центавра.

— Ого! — уважительно протянул Кейс. — Правда? Без балды?

— Без балды.

Изображение на экране пропало.

Он отставил едва початую бутылку водки. Упаковал свои вещи. Молли накупила Кейсу уйму ненужной одежды, но что-то мешало ему все это бросить. Застегивая последнюю из своих дорогих кожаных сумок, Кейс вспомнил про сюрикэн, снова подошел к бару, снова подцепил полученный от Молли подарок и взвесил его в руке.

— Нет, — сказал он и размахнулся, стальная звезда вырвалась из его пальцев, коротко сверкнула и врезалась в ни в чем не повинного «Крэя».

По поверхности проснувшегося экрана побежали, слабо мерцая, случайные сполохи, словно тот пытался избавиться от причинившего ему боль предмета.

— Никто мне не нужен, — сказал Кейс.

* * *

Он потратил бóльшую часть своего швейцарского счета на новые поджелудочную и печень, а на оставшиеся деньги купил «Оно-Сэндай» и билет до Муравейника.

Он нашел себе работу.

Он нашел себе девушку со странным именем Майкл.

И однажды октябрьским вечером, пролетая мимо алых ярусов Ядерной комиссии Восточного побережья, он увидел три фигурки — крошечные, невозможные, стоящие на самом краю одной из широких информационных ступеней. При всей миниатюрности этих фигурок, он сумел различить улыбку мальчика, его розовые десны, блеск серых миндалевидных глаз, позаимствованных у Ривьеры. Линда была все в той же кожаной куртке, она помахала ему рукой. А третья фигурка, стоящая рядом с девушкой, чуть позади, и обнимавшая ее за плечи… третьим был он сам.

И где-то совсем рядом — смех, который не был смехом.

Молли он больше не видел.

Ванкувер
Июль 1983

Выражаю благодарность Брюсу Стерлингу, Льюису Шайнеру, Джону Ширли, Хелден. А также Тому Мэддоксу, изобретателю термина «ЛЕД». И многим другим, они знают за что.

Граф Ноль

Моей Д. посвящается

Ouiero hacer contigo
lo que la primavera
hace con los cerezos.

***Неруда*[24]**

COUNT ZERO INTERRUPT (ПРЕРЫВАНИЕ НА СЧЕТ НОЛЬ) —
Чтобы прервать работу программы, сбросьте счетчик до нуля.

---

[24] notes: 24

Хочу сотворить с тобою то, что весна сотворяет с дикой вишней в лесу *(исп.). Перевод П. Грушко.*

1
Отлично налаженный механизм[25]

«Собаку-хлопушку», предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чоук[26], проползла на брюхе к арендованному им «БМВ» сквозь лес коричневых голых ног и колес велорикш. «Собака» была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, — розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл».

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя после взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней

---

[25] notes: 25

«Smooth Running Gun» — из песни Вуди Гатри «East Texas Red» («I always seen East Texas Red sporting his smooth running gun» — «Рыжий из Восточного Техаса никогда не расставался со своим безотказным стволом»), написанной в 1945 г.

[26] notes: 26

Чандни-Чоук — торговая улица в Дели, крупнейший рынок Индии, открытый в середине XVII в.

мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось шутить, что некий процент Тернера не вырвался из «Палам Интернэшнл»[27] первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения.

Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридах из акульих хрящей. Глаза и гениталии купили на свободном рынке. Глаза оказались зеленые.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном базовой памятью симстим-конструкте — в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представали серыми предрассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан Дойля при свете шестидесятиваттной лампочки под бумажным

---

[27] notes: 27

Свой роман, вышедший в 1986 г. (журнальная публикация — с января по март, книга — в марте), Гибсон писал еще до того, как делийский аэропорт Палам был переименован в Международный аэропорт имени Индиры Ганди (май 1986 г.).

абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, вдыхая запах чистых хлопковых простыней, и думал о девчонках-чирлидершах. Голландец же по-хозяйски распахивал дверку в тылу его мозга и задавал всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за которыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна стоял голландец, заслоняя собой тропическую зелень и резавший глаза солнечный свет.

— Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А толку? Кто ж его знает. Забрав то, что передал ему на прощание голландец, он вылетел из Сингапура. Домом ему стал «Хайятт» в ближайшем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип — черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезом. Люди за стойками, только завидев чип, улыбались, кивали. Распахивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрывались от железобетона, тут же появлялась выпивка, стол

всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток… Теплое женское тело под боком.

Комната — как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами — мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто-Вальярта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания, ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми

открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающегося уступами ландшафта он не замечал, увлеченный шариком из розового люцита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар чуть крупнее бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекатывалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги. Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: «Добро пожаловать в Мексику».

Среди десятка-полутора выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы Тернеру сравнительно бегло говорить по-испански. Но в Вальярте он, нащупав выступ за левым ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывался голос диктора, чтобы продекламировать, как литанию, цепочки десятизначных чисел — «сегодняшние победители в национальной лотерее!».

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку, порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрыто складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как украшение на автомобильном капоте самого Господа. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с неким смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с болезненно пульсирующей головой, Тернер встал. Заставил

ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, снова белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с железной трубы, покрытой пятнами ржавчины. Из кранов над раковиной сочились одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового стаканчика лежали антикварные наручные часы, механический «ролекс» на светлом кожаном ремешке.

В забранных ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пластмассы. Выглянув в щелку между деревянными планками, Тернер поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветочек, и ржавый остов «фольксвагена» модели «рэббит».

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги — дочерна загорелые. Запястье обвивал ремешок из свиной кожи, на ремешке — механический «ролекс» в тусклом корпусе из нержавеющей стали. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барре-де-Навидад, держась линии прибоя с узкой полоской плотного мокрого песка.

У них уже была общая история: он помнил ее

этим утром у стойки в маленьком, с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. А он, тортильей подбирая сальсу и яичницу с потрескавшейся белой тарелки, смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Невнятный разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в каком-то из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что занимается кадрами. Так или иначе, когда-то занимался.

— Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу…

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура — военный полицейский направлялся в город, сияющие черные сапоги казались нереальными на фоне пастельных красок пляжа.

Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин «стайнер-оптик» с прицелом «фабрик-насьональ». Синяя гимнастерка была безупречно отглажена, стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил мундира, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели — огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация — топ-менеджеры и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру…

— Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку «Эррадуры», — сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как Эллисон ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла

в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащими лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади авениды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижатая к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом с усмешкой забирался сверху, входил и искал собственную дорогу к дому же.

А иногда, после, он говорил — и долгие разворачивающиеся спирали расплывчатого рассказа вплетались в шум моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил «занозу» микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него, как стеклянная башня, невидимые ворота распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива «Карта бланка», сэндвичи и фрукты. По дороге назад взял у торговца на авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным.

Угловатые заплаты, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна, которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чоук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на четверти пути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В уголках ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж, чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Песок под фундаментом просел, и фасад обвалился, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнутых ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстлан другим узором разноцветной плитки.

«ГОСТИНИЦА „PLAYA DEL M.“» — заглавные буквы были выложены будто рукой ребенка —

морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

— Мар[28], — сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

— Все кончено, — сказала она, входя в тень арки.

— Что кончено?

Он вошел следом; плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

— Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у стыка двух осыпающихся стен переплелись ржавые кроватные пружины.

— Мочой пахнет, — сказал он. — Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и молча ели. Тень от развалин медленно удлинялась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

— Глядя на тебя, я думаю о лошадях, — сказал он наконец.

---

[28] notes: 28
Playa del mar *(исп.)* — морской пляж.

— Ну, — проговорила она, будто из глубин усталости, — они только тридцать лет как вымерли.

— Нет, — сказал он, — их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

— Гривы, — сказала она, на глазах у нее выступили слезы. — Сволочи. — Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на песок пустую банку из-под «Карта бланка». — Они, я — какая разница? — Ее руки снова обняли его плечи. — Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то — кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, — там, где вода соприкасалась с небом. Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрезанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь суденышко было гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему череда гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

— Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку

он купил ей в одной из усталых лавчонок на авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они брали в местных магазинах, редко протягивала дольше одного-двух дней.

— Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди остатков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанными кайенским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых окуляров шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутренние крышки с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа «Хосаки». Желтая надувная шлюпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

— Тернер, я…

— Вставай, — сказал он, заталкивая одеяло и ее полотенце в корзинку.

Вынул последнюю, уже теплую банку «Карта бланка», положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком подняв Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал Тернер. — Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил. Свернешь к тем, дальним пальмам. — Он указал

куда-то в сторону. — В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус до Мансанильо или Вальярты. Поезжай домой.

До него уже доносилось мурлыканье мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон крутнулась на пятках и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер снова уставился на яхту. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась «Цусима», и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями «Хосаки». Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер не отрываясь глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах «Цусимы». За гостиницами горели три голограммы городка — «Banamex», «Aeronaves» и шестиметровая Богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

— Срочная работа, — сказал наконец Конрой. — Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конроя был плоским и безжизненным, будто в подражание дешевому аудиочипу. Лицо — широкое и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка поло и черные брюки.

— Пошли внутрь, — поворачиваясь, сказал он.

Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые ширмы, светлая сосновая обшивка — строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкий прямоугольный пуф из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам; между ним и Конроем — стол. Конрой взял со стола серебряный, с насечками, ингалятор.

— Дохнешь усилитель холина?

— Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой затянулся.

— Хочешь суси? — Он отставил ингалятор на стол. — С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор глядя на Конроя.

— Кристофер Митчелл, — негромко произнес Конрой. — «Маас-Биолабс». Руководитель их гибридомного[29] проекта. Он переходит в «Хосаку».

— Никогда о нем не слышал.

— Так я тебе и поверил. Хочешь выпить?

Тернер покачал головой.

— Кремний — уже вчерашний день, Тернер. Митчелл — это тот самый, кто заставил работать биочипы, а «Маас» сидит на всех базовых патентах. Ну да кому я рассказываю. Митчелл — спец по моноклональным антителам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны его вытащить.

— Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдыхалось.

— Именно это и сказал консилиум психиатров в Токио. Ну то есть ты же пообтерся уже немного, а? Она психолог-практик, на жалованье у «Хосаки».

На бедре Тернера задергался мускул.

— Они говорят, ты готов, Тернер. После Нью-Дели они немного волновались, так что хотели

---

[29] notes: 29

Гибридома — гибридная клеточная линия, производящая моноклональные антитела. В 1984 г. за открытие принципа получения моноклональных антител Мильштейн, Кёлер и Йерне получили Нобелевскую премию по медицине.

лишний раз перепроверить. Заодно и какая-никакая терапия — никогда же не повредит, верно?

2
Марли

Для собеседования она надела лучший свой жакет, но в Брюсселе шел дождь, а денег на такси у нее не было. От станции «Евротранса» пришлось идти пешком.

Ладонь в кармане выходного жакета — от «Салли Стэнли», но уже год как ношенного — белым узлом скрутилась вокруг скомканного факса. Факс ей больше не нужен, адрес она запомнила, но, похоже, ей никак не выпустить бумажку, как не победить транс, который держит ее в своих тисках. Ну вот она все смотрит и смотрит в витрину дорогого магазина мужской одежды. Взгляд Марли попеременно застывает то на солидной фланелевой рубашке, то на отражении собственных темных глаз.

Нет сомнений, одни лишь эти глаза будут стоить ей работы. Даже мокрые волосы не в счет — теперь она жалела, что не позволила Андреа их подстричь. Ведь глаза выставляли напоказ всем, кто потрудится в них заглянуть, боль и вялость, и уж это точно не укроется от герра Йо-

зефа Вирека, наименее вероятного из возможных нанимателей.

Когда доставили факс, Марли настаивала на том, чтобы отнестись к нему как к дурной шутке — мол, просто еще один докучливый звонок. А докучали ей предостаточно, спасибо журналистам. Звонков было столько, что Андреа пришлось заказать специальную программу для телефона в своей квартире. Программа не пропускала входящие звонки с номеров, которые не были занесены в постоянную память телефона. Потому-то, уверяла Андреа, и прислали факс. Как еще с ней могли связаться?

Но Марли лишь качала головой, глубже закутываясь в старый махровый халат Андреа. С чего это вдруг Вирек, невероятно богатый коллекционер и меценат, пожелает нанять опозоренную бывшую кураторшу крохотной парижской галереи.

Тогда приходил черед Андреа качать головой в раздражении на эту новую, «опозоренную» Марли Крушкову, которая целыми днями теперь не выходила из квартиры и порой не обнаруживала в себе сил даже чтобы одеться. Попытка продать в Париже одну-единственную подделку едва ли кому-то в новинку, что бы там ни воображала себе Марли, говорила Андреа. Не будь пресса

так озабочена тем, чтобы выставить мерзкого Гнасса старым дураком, каковым он в сущности и является, продолжала она, эта история не попала бы даже в сводки новостей. Просто Гнасс был достаточно богат и буянил достаточно регулярно, чтобы сойти за скандал недели. Андреа улыбнулась:

— Не будь ты так привлекательна, о тебе бы вообще никто не вспомнил.

Марли покачала головой.

— И подделка-то пришла от Алена. Ты сама ни в чем не виновата. Забыла, что ли?

Ничего не ответив, Марли ушла в ванную, все так же кутаясь в потертый халат.

За желанием подруги утешить, хоть как-то помочь, Марли уже начинала чувствовать раздражение человека, вынужденного делить очень небольшое помещение с несчастным и не вносящим своей лепты в хозяйство гостем.

И Андреа еще пришлось одолжить ей денег на билет «Евротранса».

Мучительным усилием воли Марли вырвалась из замкнутого круга невеселых мыслей и слилась с плотным, но степенным потоком серьезных бельгийских покупателей.

Девушка в ярких брючках в обтяжку и огромной

дубленой куртке, явно с плеча своего приятеля, слегка задела ее на бегу и, шаркнув ножкой, улыбнулась вместо извинения. У следующего перекрестка Марли заметила витрину с одеждой того стиля, который сама предпочитала в студенческие годы. Одежда выглядела невероятно молодежной.

В белом спрятанном кулачке — факс.

Галерея Дюпре — рю о'Бёр, дом 14, Брюссель.

Йозеф Вирек.

Секретарша в холодной серой приемной галереи Дюпре вполне могла здесь и вырасти — очаровательное и, скорее всего, ядовитое растение, пустившее корни за плитой из полированного мрамора с утопленной в него эмалированной клавиатурой. Она подняла на приближающуюся Марли лучистые глаза. Марли тут же вообразила: щелчок фотозатвора — и вот портрет замарашки уже несется прочь в какой-нибудь дальний закоулок империи Йозефа Вирека.

— Марли Крушкова, — сказала она, борясь с желанием извлечь плотный комок факса и жалко разгладить его на холодном, безупречном мраморе. — К герру Виреку.

— Герр Вирек, к сожалению, не сможет быть сегодня в Брюсселе, фройляйн Крушкова.

Глядя, как шевелятся идеально очерченные губы, Марли испытывала одновременно боль от такого ответа и острый укол удовлетворения, с которым научилась принимать разочарование.

— Понимаю.

— Однако он решил провести собеседование посредством сенсорной связи. Будьте добры пройти в третью дверь налево…

Комната была белой и голой. Справа и слева по стенам висели картины без рам: листы чего-то похожего на вымокший под дождем картон, испещренные различной формы дырками. *Katatonenkunst*[30]. Консервативно. Такие работы продают обычно безликому комитету по закупке, присланному советом директоров какого-нибудь голландского коммерческого банка.

Она села на низкую, обитую кожей банкетку и наконец позволила себе выпустить из руки факс. Она была одна в комнате, но предположила, что за ней каким-то образом наблюдают.

— Фройляйн Крушкова. — Молодой человек в темно-зеленом рабочем халате техника стоял в дверном проеме напротив той двери, через ко-

---

[30] notes: 30

Искусство кататоников *(нем.)*. Термин, предложенный австрийским художником-абстракционистом Арнульфом Райнером (р. 1929), в 1960-е гг. близким к радикальному движению венского акционизма.

торую вошла она. — Через минуту, пожалуйста, пересеките комнату и войдите в эту дверь. Прошу вас взяться за ручку плотно и не спеша, чтобы обеспечить максимальный контакт металла с кожей вашей ладони. Затем осторожно переступите через порог. Пространственная дезориентация должна быть минимальной.

— Прошу проще… — Марли моргнула.

— Сенсорная связь, — сказал техник и удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Марли встала, подергала размокшие лацканы жакета в надежде придать им форму, коснулась волос, но передумала и, глубоко вздохнув, шагнула к двери. Фраза секретаря подготовила ее только к тому виду сенсорной связи, о котором она знала, — симстим-сигналу, переправляемому через «Белл-Европу». Она думала, ей придется надеть шлем с впаянными дерматродами, а Вирек воспользуется пассивным зрителем как живой видеокамерой.

Но размеры состояния Вирека позволяли нечто качественно иное.

Когда ее пальцы сомкнулись на медной дверной ручке, та словно бы конвульсивно выгнулась, в первую секунду контакта проскользив по тактильному спектру текстуры и температуры

тканей.

Потом ручка вновь стала металлической… железяка, выкрашенная зеленой краской… чугун, уходящий вниз и вдаль, к линии горизонта… превратилась в старые перила, за которые Марли теперь ошарашенно цеплялась.

В лицо ей бросило несколько капель дождя.

Запах дождя и влажной земли.

Калейдоскоп мелких деталей, собственные воспоминания о пьяном пикнике студентов факультета искусств накладываются на совершенную иллюзию Вирека.

Ни с чем не спутаешь эту раскинувшуюся сейчас под ней панораму Барселоны с ее окутанными дымкой вычурными шпилями собора Святого Семейства. Борясь с головокружением, Марли схватилась за перила и второй рукой. Она же знает это место. Она — в парке Гуэля, пряной сказочной стране, созданной архитектором Антонио Гауди на голом склоне сразу за центром города. Слева от нее, так и не соскользнув по скату расколовшегося валуна, застыла гигантская ящерица. Безумный узор прожилок на обливной керамике кожи. Струйки воды из улыбки-фонтана орошали клумбу поникших цветов.

— Вы растеряны. Прошу прощения.

Йозеф Вирек расположился на одной из волнисто-змеевидных парковых скамеек террасой ниже Марли, его широкие плечи прятались под мягкой крылаткой.

Черты этого лица были смутно знакомы Марли всю ее жизнь. Теперь ей почему-то вспомнилась фотография, на которой коллекционер позировал рядом с английским королем. Вирек улыбнулся. Крупная голова великолепной формы, высокий лоб под щеткой жестких темно-седых волос. Ноздри неизменно раздуты, как будто он вечно принюхивается к неведомым ветрам искусства и коммерции. Взгляд бледно-голубых глаз, очень больших за стеклами круглых, без оправы, очков, за прошедшие десятилетия ставших как бы визитной карточкой его империи, оказался неожиданно мягким.

— Пожалуйста. — Узкая рука похлопала по беспорядочной мозаике из глиняных черепков. — Вы должны простить меня за то, что я так полагаюсь на технику. Вот уже более десяти лет я пребываю в резервуаре жизнеобеспечения в каком-то кошмарном промышленном пригороде Стокгольма. А может, и преисподней. Я не слишком здоровый человек, Марли. Присаживайтесь рядом.

Сделав глубокий вдох, Марли спустилась по

каменным ступеням и зашагала по булыжнику.

— Герр Вирек, — запинаясь, начала она, — я была на вашей лекции в Мюнхене, два года назад. Критика Фесслера и его *autistiches Theater*[31]. Вы тогда казались здоровым…

— Фесслер? — Вирек сморщил загорелый лоб. — Вы видели двойника. А может, голограмму. От моего имени, Марли, творится многое. Различные части моего состояния со временем приобрели автономность; порой они даже борются друг с другом. Так сказать, бунт на финансовых окраинах. Однако по ряду причин, настолько сложных, что как бы уже из области оккультного, факт моей болезни никогда не оглашался.

Присев рядом с ним на скамейку, Марли уставилась на грязный булыжник между стоптанными каблуками своих черных парижских ботинок. Увидела осколок бледного камешка, ржавую скрепку, пыльный трупик не то пчелы, не то трутня…

— Это… эта модель поразительно детальна…

— Да, — отозвался Вирек, — новые «маасовские» биочипы. Имейте в виду, — продолжал он, — что мое знание вашей частной жизни по-

---

[31] notes: 31
Аутистического театра *(нем.)*.

чти столь же детально. В некотором смысле я знаю о вас чуть ли не больше, чем вы сами.

— Да?

Гораздо проще, как она обнаружила, было сосредоточиться на городе, выискивая вехи, запомнившиеся за дюжину студенческих каникул. Вон там, именно там, должна быть пешеходная улица Рамбла: цветы и попугаи, таверны с темным пивом и жареными кальмарами.

— Да. Я знаю, это любовник убедил вас, будто вы отыскали потерянный оригинал Корнелла…[32]

Марли зажмурила глаза.

— Он заказал подделку, наняв двух талантливых студентов Академии художеств и известного историка, который испытывал определенные личные затруднения… Он заплатил им деньгами, которые снял со счета вашей же галереи, о чем вы, без сомнения, уже и сами догадались. Вы плачете…

Марли кивнула. Холодный указательный палец постучал по ее запястью.

— Я купил Гнасса. Я откупился от полиции.

---

[32] notes: 32

Корнелл, Джозеф (1903–1972) — американский художник и скульптор, мастер ассамбляжа — коллажа из «найденных предметов». Прославился после коллективной выставки «Искусство ассамбляжа» в Нью-Йоркском музее современного искусства (1961), где его ящичкам, напоминающим детские «секреты», был посвящен отдельный зал.

Пресса же не стоила того, чтобы ее покупать; она редко этого стоит. А теперь ваша, быть может, несколько скандальная репутация может сыграть вам на руку.

— Герр Вирек, я…

— Одну минуту. Пако! Подойди ко мне, дитя.

Открыв глаза, Марли увидела мальчика лет, наверное, шести, облаченного в темный пиджачок и штанишки до колен, светлые носки, высокие шнурованные ботинки. Каштановые волосы мягким крылом падали ему на лоб. Мальчик что-то держал в руках, какой-то ящичек или шкатулку.

— Гауди начал создавать этот парк в одна тысяча девятисотом году, — сказал Вирек. — Пако носит костюм того периода. Подойди сюда, мой мальчик. Покажи нам свое чудо.

— Сеньор, — пролепетал Пако и, с поклоном шагнув вперед, предъявил то, что держал в руках.

Марли могла только смотреть. Простой деревянный ящичек, стекло на месте передней стенки. Предметы…

— Корнелл, — выдохнула она, позабыв о своих слезах. — Корнелл? — повернулась она к Виреку.

— Конечно же нет. Видите — в обломок кости вставлен биомонитор «Браун»? Перед вами — ше-

девр нашего современника.

— Так, значит, есть еще? Есть и другие шкатулки?

— Я нашел их семь. В течение последних трех лет. Видите ли, «Коллекция Вирека» — это нечто вроде черной дыры. Неестественный удельный вес моего состояния безудержно притягивает редчайшие творения человеческого духа. Процесс, по сути своей, автономный, и в обычных обстоятельствах я не проявляю к нему особого интереса…

Но Марли погрузилась в шкатулку, в пробуждаемое ею ощущение невероятного расстояния, потери и томления по чему-то неведомому и недостижимому. Шкатулка казалась и мрачной, и нежной, и почему-то детской. Она заключала в себе семь предметов.

Тонкая флейта из полой кости — конечно же, созданной для полета, конечно же, из крыла какой-то большой птицы. Три архаичные микросхемы — как крохотные лабиринты золотых нитей. Гладкий белый шар обожженной глины. Почерневший от времени обрывок кружева. Сегмент длиной в палец… вероятно, кость из человеческого запястья, серовато-белая, с выступающим над ней кремниевым стержнем

какого-то маленького прибора, головка которого некогда была утоплена в кожу, но лицевая панелька спеклась, обгорела.

Шкатулка казалась целой вселенной, поэмой, застывшей на дальнем рубеже человеческого опыта.

– *Gracias*, Пако.

Шкатулка и мальчик исчезли.

Марли охнула.

— Ах да, прошу прощения. Я забыл, что подобные переходы для вас слишком резки. Теперь, однако, мы должны обсудить ваше задание…

— Герр Вирек, — прервала его Марли, — что такое Пако?

— Подпрограмма.

— Понимаю.

— Я нанял вас для того, чтобы вы нашли создателя этой шкатулки.

— Но, герр Вирек, с вашими ресурсами…

— К которым теперь относитесь и вы, дитя мое. Или вы не хотите получить работу? Когда история о том, как Гнассу всучили поддельного Корнелла, попала в поле моего зрения, я понял, насколько вы можете быть полезны мне в этом деле. — Он пожал плечами. — Поверьте, я обладаю определенным талантом добиваться

желаемого результата.

— Конечно, герр Вирек! Я хочу работать!

— Прекрасно. Вам будет выплачиваться понедельный оклад. Вам будет также предоставлен доступ к определенным кредитным линиям, хотя если вам потребуется приобрести, скажем, недвижимое имущество…

— Недвижимость?

— Или корпорацию, или космическое судно, — в этом случае вы обратитесь ко мне за опосредованным подтверждением ваших полномочий. Которое вы, с почти полной уверенностью можно утверждать, получите. А в остальном я предоставляю вам полную свободу. Однако предлагаю вам действовать на том уровне, который для вас привычен. Иначе вы рискуете потерять чутье, а интуиция в подобном случае имеет решающее значение. — Еще раз для нее вспыхнула знаменитая на весь мир улыбка.

Марли сделала глубокий вдох:

— Герр Вирек, что, если я не справлюсь? Сколько у меня времени на то, чтобы найти этого художника?

— Остаток жизни, — последовало в ответ.

— Простите меня, — к ужасу своему, услышала Марли собственный голос, — но, насколько я по-

нимаю, вы сказали, что живете в… в резервуаре?

— Да, Марли. И из этой довольно ограниченной временной перспективы я советовал бы вам стремиться ежечасно жить в собственной плоти. Не в прошлом, если вы понимаете, о чем я. Говорю как человек, не способный более выносить это простое состояние, поскольку клетки моего тела донкихотски предпочли отправиться каждая своим путем. Полагаю, кому-нибудь более счастливому или менее богатому позволили бы в конце концов умереть или закодировали бы его сознание в память какого-нибудь компьютера. Но я, похоже, скован византийским хитросплетением механизмов и обстоятельств, что, по самым приблизительным прикидкам, требует примерно одной десятой части моего годового дохода. И наверное, превращает меня в самого дорогостоящего инвалида мира. Я был тронут вашими сердечными делами, Марли, и завидую той упорядоченной плоти, в которой они происходят.

Взглянув — на мгновение, не более — прямо в эти мягкие голубые глаза, Марли вдруг с инстинктивной уверенностью простого млекопитающего осознала, что исключительно богатые люди давно переступили ту черту, которая отделяет человека от чего-то иного…

Крыло ночи накрыло небо Барселоны, как судорога бескрайней, медленно смыкающейся диафрагмы, и Вирек с парком Гуэля исчезли, а Марли обнаружила, что вновь сидит на низкой кожаной банкетке и смотрит на рваные листы грязного картона.

3
Бобби влип, как вильсон

Простая это штука — смерть. Теперь-то он понял: она просто приходит. Чуть оскользнешься — и она уже здесь, что-то холодное, без запаха, вздувается изо всех четырех углов этой дурацкой комнаты — гостиной его матери в Барритауне.

«Вот ведь дерьмо, — думал он. — Дважды-в-День животики надорвет от смеха: впервые вышел на дело — и тут же влип, как вильсон».

Единственным звуком в комнате был слабый ровный гул — это вибрируют его зубы. Обратная связь ультразвуковым параличом разъедает нервную систему. Он глядит на свою руку, дрожащую в нескольких сантиметрах над красной пластмассовой кнопкой, которая могла бы разорвать убивающий его коннект.

Вот дерьмо.

Он пришел домой — и сразу за дело. Загнал кассетку с только что арендованным у Дважды-в-День ледорубом и подключился. Набрал код базы, которую Дважды-в-День для него и наметил; первая в жизни Бобби реальная цель. Вроде так

это все и делается: хочешь сделать — и делаешь. Эта маленькая дека «Оно-Сэндай» была у него не более месяца, но он уже знал, что хочет стать кем-то большим, нежели мелкий барритаунский хотдоггер. Бобби Ньюмарк, он же Счет Ноль — или Граф Ноль, кому как больше нравится[33], — но теперь все кончено. Кино никогда не кончается так, чтобы на первой же сцене. В кино всегда вбегает девушка ковбоя или, скажем, напарник, срывает дерматроды и бьет по вот этому маленькому красному «СТОП».

Но Бобби сейчас один; его центральная нервная система подавлена защитной программой базы данных за три тысячи километров от Барритауна, и он это знает. И какая-то магическая химия посреди зловещей, обволакивающей тьмы позволяет ему ощутить всю бесконечную желанность этой комнаты с ее ковром цвета ковра и занавесками цвета занавесок, с продавленной софой из темперлона, с угловатым хромированным стеллажом, на котором стоят компоненты старенького, шестилетней давности, развлекательного модуля «Хитачи».

Он ведь так тщательно задергивал занавес-

[33] notes: 33

Игра слов: английское «count» имеет целый ряд значений, в том числе «счет» и «граф».

ки, готовясь к своему первому рейду, а теперь, как это ни странно, все равно видит сквозь них. Видит, как вздымается бетонная волна барритауновских кондо, чтобы разбиться о темные башни Новостроек. Волна щетинится тончайшим ворсом простых и спутниковых антенн, с натянутыми между ними бельевыми веревками. Мать любила разоряться по этому поводу: у нее была собственная сушилка. Он вспомнил побелевшие костяшки ее пальцев на крашенных под бронзу перилах балкона, сухие морщинки на сгибе кисти. Вспомнил, как несли с Большой Площадки мертвого парня на металлических носилках… труп завернут в пластик одного цвета с полицейской машиной. Упал и разбил голову. Упал. Голова садовая. Вильсон.

Сердце остановилось. Бобби показалось, что оно вдруг просто упало на бок и отбросило копыта, как какой-нибудь зверек в мультфильме.

Шестнадцать секунд смерти Бобби Ньюмарка. Его хотдоггерской смерти.

И тут *вклинилось* что-то. Ощущение запредельных пространств. Что-то огромное пришло из-за самого дальнего предела — мира, чувств, всего, что можно познать или вообразить. И это нечто коснулось его.

::: ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ПОЧЕМУ ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО С ТОБОЙ?

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза…

: УБИВАЕТ МЕНЯ, УБИВАЕТ МЕНЯ, УБЕРИ ЭТО, УБЕРИ.

Темные глаза, пустынные звезды, девичьи волосы…

::: НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТРЮК, РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ТЕБЕ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕБЯ ПОЙМАЛИ. СМОТРИ: ВОТ Я ВЛИВАЮСЬ, И НЕТ НИКАКОЙ ПЕТЛИ.

И сердце перекатилось, встало на место и своими мультяшными ножками отфутболило наверх недавний обед. Спазмом отрубленной лягушачьей лапки его выбросило из кресла, падение сорвало со лба троды. Голова Бобби врубилась в угол «Хитачи», мочевой пузырь опорожнился, и кто-то все твердил «матьматьмать» в пыльный запах ковра. Девчоночий голос пропал, никаких пустынных звезд, короткой вспышкой — ощущение холодного ветра и подточенного водой камня…

Тут голова его взорвалась. Он увидел это очень ясно, откуда-то из далекого далека. Как взрыв фосфорной гранаты.

Белый
Свет.

4
Вахту принял

Черная «хонда» зависла в двадцати метрах над восьмиугольной палубой заброшенной нефтяной платформы. Светало, и Тернер различил поблекшие контуры трилистников химической опасности, маркирующих посадочную площадку.

— У вас тут биозараза, Конрой?

— Только та, к какой ты давно привык.

Фигура в красном комбинезоне, размахивая посадочными жезлами, подавала сигналы пилоту «хонды». Когда они садились, вихрь от пропеллеров сбросил в море обрывки упаковки, засорявшие кое-где палубу. Конрой хлопнул по застежке пристежных ремней и перегнулся через Тернера, чтобы открыть люк. Откинулась крышка, их оглушил рев моторов. Конрой толкнул Тернера в плечо и требовательно поднял несколько раз руку ладонью вверх, потом указал на пилота.

Тернер выбрался наружу и спрыгнул; над головой, сливаясь в расплывчатый диск, оглуши-

тельно ревел несущий винт. Через пару секунд рядом в полуприседе возник Конрой. По-крабьи, на полусогнутых, как обычно перемещаются на вертолетных площадках, они миновали поблекшие знаки-трилистники. На поднятом «хондой» ветру штанины полоскались у коленей. Тернер нес неприметный серый чемодан, отлитый из баллистического пластика, — свой единственный багаж. Кто-то в гостинице успел упаковать его вещи, и на «Цусиме» его уже ждал чемодан. Внезапное изменение в звуке моторов сказало ему, что «хонда» поднимается. С погашенными огнями она, завывая, ушла назад к побережью. В наступившей тишине стали слышны крики чаек, шорох и хлюпанье тихоокеанских волн.

— Здесь когда-то пытались создать убежище данных, — сказал Конрой. — Нейтральные воды. В те времена никто еще не жил на орбите, так что какое-то время это имело смысл… — Он направился к ржавому лесу балок, поддерживавших надстройку платформы. — «Хосака» предложила свой сценарий: мы привозим Митчелла сюда, чистим, грузим на «Цусиму» — и на всех парах в старушку Японию. Я сказал им: об этом дерьме и думать забудьте. В «Маасе» тоже не дураки сидят и, если прознают чего, могут навалиться

на эту посудину всем чем угодно. Я сказал им: исследовательский центр, который вы сбацали в Мехико, — это самое оно, верно? Все-таки там у «Мааса» руки хоть немного связаны, в самом центре долбаной столицы…

Из тени выступила какая-то фигура, лицо ее было обезображено выпученными линзами оптического прибора. Фигура приветливо помахала им тупыми дулами многоствольного игольника системы Лэнсинга.

— Биозараза, — сказал Конрой, когда они протискивались мимо. — Тут пригни голову. И поосторожнее, ступеньки скользкие.

На платформе пахло ржавчиной, морем и заброшенностью. Окон тут не было. Обесцветившиеся стены испещрены расползающимися язвами ржавчины. Через каждые несколько метров с балок над головой свисали флюоресцентные фонари на батарейках, отбрасывая жутковатый зеленый свет, одновременно резкий и ноюще неровный. В центральном помещении — дюжина фигур за работой. Расслабленная точность движений хороших техов. Профессионалы, подумал Тернер: взглядами обмениваются редко, да и разговоров почти не слышно. Было холодно, очень холодно, и Конрой выдал ему огромную,

усеянную клапанами и молниями парку.

Бородач в летной куртке с барашковым воротником закреплял серебристой лентой на погнутой переборке бухту оптоволоконного кабеля. Конрой застрял где-то сзади, заспорив шепотом с негритянкой в такой же, как на Тернере, парке. Подняв от работы глаза, бородатый тех увидел Тернера.

— Блин, — протянул он, все еще стоя на коленях, — я и сам сообразил, что дело будет важное, но к тому же, похоже, еще и жаркое.

Он встал и машинальным движением вытер руки о джинсы. Как и остальные техи, он был в хирургических перчатках из микропоры.

— Ты Тернер. — Он усмехнулся, бросил быстрый взгляд в сторону Конроя и вытащил из кармана куртки черную пластмассовую фляжку. — Хочешь для сугрева? Ты же меня знаешь. Я работал в Марракеше, когда парень из «Ай-Би-Эм» перешел в «Мицу-Джи». Это я тогда подсоединял взрывчатку в автобусе, который вы с французом загнали в вестибюль гостиницы.

Тернер взял фляжку и, щелкнув крышкой, приложился. Бурбон. Жидкость провалилась вглубь, в желудке остро защипало, по телу растеклось тепло.

— Спасибо. — Он вернул фляжку, и тех убрал ее в карман.

— Оуки, — сказал он. — Меня зовут Оуки. Вспоминаешь?

— Конечно, — солгал Тернер. — Марракеш.

— А это «Уайлд тёрки», — сказал Оуки. — Из дьюти-фри на пересадке в Схипхоле. Твой напарник, — снова взгляд в сторону Конроя, — он не дает расслабиться, а? Я хочу сказать, не так, как в Марракеше, да?

Тернер кивнул.

— Если что понадобится, — сказал Оуки, — дай мне знать.

— Что, например?

— Еще выпить, или у меня есть перуанский кокс, ну, знаешь, самый что ни на есть желтый. — Оуки снова ухмыльнулся.

— Спасибо, — отозвался Тернер, видя, что Конрой поворачивается к ним.

Оуки тоже это увидел и быстро присел, отрывая новый кусок серебристой ленты.

— Кто это был? — спросил Конрой, проводя Тернера через узкий дверной проем с прогнившими черными изоляционными прокладками вдоль косяков.

Конрой повернул колесо открывающего дверь

механизма; колесо недавно смазали.

— Его зовут Оуки, — рассеянно ответил Тернер, оглядывая новое помещение, поменьше.

Два фонаря, складные столы, стулья — все новенькое. На столах — какие-то приборы под черными пылезащитными колпаками из пластика.

— Твой друг?

— Нет, — ответил Тернер. — Работал как-то на меня. — Подойдя к ближайшему столу, он откинул один из колпаков. — Что это?

Немаркированная консоль производила впечатление полусырого фабричного прототипа.

— Киберпространственная дека «Маас-Неотек».

Тернер поднял брови:

— Ваша?

— У нас таких две. Вторая — уже на площадке. Получили от «Хосаки». Судя по всему, это самая быстрая штуковина в матрице, а «Хосака» даже не может демонтировать чипы, чтобы скопировать. Совершенно иная технология.

— Это подарок от Митчелла?

— Молчат. Но уже то, что деки вообще выпустили из рук, просто чтобы у наших жокеев был какой-то задел по скорости, показывает, насколь-

ко им нужен этот мужик.

— Кто за консолью, Конрой?

— Джейлин Слайд. Это с ней я только что говорил. — Он мотнул головой в сторону двери. — А на площадке — парнишка из Лос-Анджелеса, звать Рамирес.

— Они хороши? — Тернер вернул на место колпак.

— Да уж хотелось бы надеяться, учитывая, во сколько они нам обошлись. Джейлин за последние два года стала круче тучи, а Рамирес — ее ученик и вроде как дублер. Да блин, — Конрой пожал плечами, — ты же знаешь этих ковбоев. Психи долбаные…

— Где ты их взял? И уж если на то пошло, как ты нашел Оуки?

Конрой улыбнулся:

— Через твоего агента.

Тернер уставился было на Конроя, потом кивнул. Повернувшись, он приподнял край следующего колпака. Чемоданчики из пластмассы и стиролона, аккуратно, но плотно расставленные по холодному металлу стола. Он коснулся синего пластмассового прямоугольника с выдавленной серебристой монограммой на крышке — «S amp;W».

— Твой агент, — сказал Конрой, когда Тернер щелкнул замком.

Револьвер покоился в литом ложе из бледно-голубого пластика; массивный барабан, короткий толстый ствол, некрасивое утолщение под ним.

— «Смит-и-вессон», тактический, калибр десять миллиметров, с ксеноновым подствольным фонарем, — добавил Конрой. — Как он сказал, это то, что тебе нужно.

Тернер взял в руку пушку и большим пальцем надавил клавишу проверки батарейки в фонаре. На орехового дерева рукояти дважды мигнул красный огонек. Тернер погладил барабан, затем вывернул его себе на ладонь.

— Патроны?

— На столе. Заряжаются вручную, головки разрывные.

Тернер отыскал прозрачный тубус из пластика янтарного цвета, открыл его левой рукой и извлек патрон.

— Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?

Он осмотрел патрон, потом осторожно вставил его в одно из шести барабанных гнезд.

— Не знаю, — ответил Конрой. — Решили, наверное, едва только пришла весточка от Мит-

челла, что тебе рано еще на покой…

Тернер щелчком вогнал барабан на место и резко его крутанул.

— Я сказал: почему для этого дела выбрали меня, Конрой? — Обеими руками он поднял револьвер. Вытянул руки, целясь в лицо Конрою. — Когда смотришь в дуло такой пушке, иногда можно, если свет падает удачно, разглядеть, есть ли в стволе пуля. — (Конрой качнул головой, совсем чуть-чуть.) — Или, может быть, увидеть ее в каком-нибудь другом гнезде…

— Нет, — очень мягко отозвался Конрой, — не выйдет.

— А что, если психиатры наврали, Конрой? Что тогда?

— Нет, — повторил Конрой; лицо его оставалось совершенно пустым. — Они не наврали, и ты этого не сделаешь.

Тернер спустил курок. Ударник щелкнул в пустое гнездо. Конрой раз моргнул, открыл рот, закрыл, глядя, как Тернер опускает «смит-и-вессон». Одинокая капля пота скатилась от корней волос и потерялась в брови.

— Ну? — спросил Тернер, держа револьвер у бедра.

Конрой пожал плечами.

— Не ерунди, — сказал он.

— Я настолько им нужен?

Конрой кивнул:

— Это твое шоу, Тернер.

— Где Митчелл? — Тернер снова вывернул барабан и начал заряжать остальные гнезда.

— В Аризоне. Километрах в пятидесяти от границы с Сонорой, в исследовательском центре на вершине плато. «Маас-Биолабс, Северная Америка». Им там принадлежит все до самой границы, а само плато — «яблочко» в центре зоны, захватываемой с четырех спутников наблюдения. Мышь не проскочит.

— И как, по их мнению, мы туда попадем?

— Никак. Митчелл выбирается сам по себе. Мы ждем его, подбираем и доставляем «Хосаке» в целости и сохранности.

Зацепив указательным пальцем расстегнутый воротник черной рубашки, Конрой вытащил сперва нейлоновый шнур, потом маленький, черный, нейлоновый же конверт с застежкой на липучке. Осторожно открыв его, он извлек какой-то предмет, который протянул на открытой ладони Тернеру.

— Взгляни. Вот что он нам прислал.

Положив пушку на ближайший стол, Тернер

взял у Конроя штуковину, напоминавшую серый распухший микрософт. Один конец — цоколь стандартного нейровхода, а другой — странное округлое образование, не похожее ни на что виденное Тернером ранее.

— Что это?

— Биософт. Джейлин его уже подключала, на ее взгляд, это продукт вывода с какого-то ИскИна. Что-то вроде досье на Митчелла, с пришпиленным в конец сообщением для «Хосаки». Лучше включись сам, если хочешь быстро войти в курс дела…

Тернер поднял взгляд от серого предмета:

— Ну и как Джейлин ее попытка?

— Она сказала, что, прежде чем вставлять его, лучше прилечь. Ей, похоже, не сильно понравилось.

В машинных снах таится особое головокружение. Тернер прилег в импровизированной спальне на девственно-чистый пласт зеленого темперлона и включился в досье. Начало — медленное, у Тернера хватило времени закрыть глаза.

Десять секунд спустя его глаза распахнулись. Он вцепился в зеленый темперлон, борясь с подступающей тошнотой. Снова закрыл глаза…

Опять наплыв… мерцающий, нелинейный поток фактов и сенсорных данных, что-то вроде повествования, но смонтированного совершенно сюрреалистически. Это отдаленно напоминало американские горки, когда вагончик наугад застывает то в одной, то в другой фазе — сознание то меркнет, то резко проясняется, — а между фазами стремительные перемещения, невероятная частота колебаний, где высота, план и ракурс съемки меняются с каждым биением пустоты. Разве что перемещения эти по природе своей не имели ничего общего с физической ориентацией, а являлись скорее молниеносными сменами в парадигме и системах символов. Эта информация никогда не предназначалась для ввода человеку.

Открыв глаза, Тернер вытащил серый софт из разъема, сжал в липкой от пота ладони. Это было как проснуться от кошмара. Не того, от которого с криком подскакиваешь в постели и в котором импульсивные страхи обретают простые ужасающие формы, а другого, бесконечно более тревожащего нескончаемого сна, где все совершенно и до ужаса обыденно, и все же совершенно *неправильно*…

Подобная *интимность* вызывала отвращение и ужас. Тернер старался побороть волны резкой

трансференции, напрягая всю силу воли, чтобы подавить чувство, в чем-то сходное с любовью, с одержимой собственнической нежностью, какую начинает испытывать наблюдатель к объекту продолжительного наблюдения. Он понимал, что дни или часы спустя на поверхность его сознания могут теперь всплыть мельчайшие детали научной биографии Митчелла, или это будет имя любовницы, запах ее тяжелых рыжих волос в солнечном свете сквозь…

Он рывком сел, пластиковые подметки туфель ударились о ржавую палубу. На нем все еще была парка, и лежащий в боковом кармане «смит-и-вессон» больно ударил по бедру.

Это пройдет. Психодосье Митчелла развеется, как испаряется после каждого пользования «лексиконом» испанская грамматика. Он испытал на себе воздействие досье службы безопасности «Мааса», скомпилированное разумным компьютером, — не более того. Тернер убрал биософт в черный конвертик, разгладил большим пальцем липучку и надел на шею шнурок.

Только тут он осознал шорох волн, плещущихся о бока буровой платформы.

— Эй, босс, — сказал кто-то из-за коричневого армейского одеяла, которое загораживало вход

в спальный отсек. — Конрой говорит, пора инспектировать войска. А потом вы с ним двигаете дальше. — Из-за одеяла выдвинулось бородатое лицо Оуки. — Иначе я ведь не стал бы вас будить, так?

— Я не спал, — отрезал Тернер и встал, задумчиво массируя двумя пальцами кожу вокруг вживленного разъема.

— Хреново, — посетовал Оуки. — У меня есть дермы, которые вырубают ну просто подчистую. Один час тютелька в тютельку, потом вдарить классным стимулятором, растормошит и мертвого. Без дураков…

Тернер покачал головой:

— Отведи меня к Конрою.

5
Работа

Марли сняла комнату в маленькой гостинице, где повсюду стояли зеленые растения в тяжелых медных кадках, а коридоры напоминали шахматную доску из вытертого мрамора. Лифт походил на украшенную завитушками позолоченную клетку с панелями розового дерева, от которых пахло лимонным маслом и маленькими сигарами.

Ее номер оказался на пятом этаже. Единственное высокое окно, из тех, что действительно можно было открыть, выходило на авеню. Когда ушел улыбающийся коридорный, Марли рухнула в кресло, чья плюшевая обивка приятно контрастировала с приглушенными красками бельгийского ковра. В последний раз расстегнув молнии, она скинула старые парижские сапоги, потом посмотрела на дюжину глянцевых пакетов, которые коридорный разложил на кровати. Завтра, подумала Марли, завтра она купит чемоданы. И зубную щетку.

— У меня шок, — сказала она сумкам на кро-

вати. — Нужно быть осторожнее. Все теперь кажется нереальным.

Опустив глаза, она увидела дырки на колготках, от пальцев бежали тоненькие стрелки. Марли покачала головой. Ее новая сумочка, которая сейчас лежала на белом мраморном столике у кровати, была черной, сшитой из воловьей кожи, выделанной толсто и мягко, как фламандское масло. Сумочка стоила больше, чем Марли должна была Андреа за квартиру, впрочем, то же относилось и к стоимости одной ночи в гостинице. В сумочке лежали паспорт и кредитный чип, который ей выдали в галерее Дюпре. Счет на ее имя был открыт в орбитальном отделении «Недерландс алгемеен банк».

Марли прошла в ванную комнату, поиграла гладкими бронзовыми рычагами огромной белой ванны. Из японского фильтрационного устройства зашипела горячая ионизированная вода. Гостиница предлагала на выбор пакетики солей для ванн, тюбики кремов и ароматизированного масла. Марли выдавила тюбик масла в наполняющуюся ванну и начала раздеваться, испытав боль потери, когда бросила на пол «Салли Стэнли». Если не считать последнего часа, оставшийся с прошлого сезона жакет был любимой и, пожалуй,

самой дорогой вещью Марли за всю ее жизнь. Теперь он стал чем-то, что предстояло унести уборщицам. Возможно, он найдет себе дорогу на какой-нибудь блошиный рынок, одно из тех мест, где она сама в студенческие годы охотилась за стильными вещами по дешевке…

Ванная наполнилась ароматным паром, зеркала затуманились, побежали струйками влаги, искажающими отражение. Неужели все так просто? Неужели это тонкий золотой кредитный чип Вирека вытащил ее из убожества последних недель прямо в эту гостиницу, где слегка царапают кожу пухлые белые полотенца? Марли сознавала, что испытывает своего рода головокружение, будто балансирует на краю некой пропасти. Господи, насколько же и вправду всемогущи деньги, если их много, по-настоящему много! Только Вирекам мира сего, размышляла Марли, дано это знать, но вполне вероятно, что осознавать это они функционально не способны. Интересоваться об этом у Вирека — все равно что допрашивать рыбу в надежде побольше узнать о воде. *Да, моя дорогая, она мокрая; да, дитя мое, она, конечно же, теплая, надушенная, шершавополотенчатая.*

Марли ступила в ванну, легла.

Завтра она сделает прическу. Уже в Париже.

Прежде чем Марли вспомнила о специальной программе, телефон Андреа прозвонил шестнадцать раз. Программа, наверное, все еще подключена, а номера этой маленькой, довольно дорогой брюссельской гостиницы, конечно же, в списке нет. Привстав, она положила трубку радиотелефона на мраморную столешницу, и телефон тут же негромко загудел.

— Посылка с курьером из галереи Дюпре.

Когда коридорный — на этот раз более молодой, смуглый, вероятно испанец, — ушел, она подошла с пакетом к окну, повертела в руках. Какой-то предмет, завернутый в единый лист темно-серой бумаги ручной выделки. Лист был свернут и подогнут тем самым загадочным японским способом, ни клея, ни бечевки, но Марли знала, что, стоит раскрыть посылку, ей уже никогда не завернуть ее обратно. В уголке рельефно выступали название и адрес галереи, а имя Марли и название ее гостиницы были выведены от руки через весь центр посылки изящным курсивом.

Развернув бумагу, она обнаружила, что держит в руках новенький голопроектор «Браун» и плоский конверт из прозрачного пластика. В конверте оказались семь пронумерованных пла-

стинок голофишей. За миниатюрным чугунным балконом заходило солнце, окрашивая золотом Старый город. До Марли доносились автомобильные гудки и крики детей. Она закрыла окно и вернулась к письменному столу. «Браун» оказался обтекаемым черным параллелепипедом, работал проектор от солнечных батарей. Марли проверила напряжение и, достав из конверта первую голофишу, вставила ее в прорезь.

Над «Брауном» расцвела шкатулка, которую она видела у Вирека в смоделированном парке Гуэля, засияв кристальным разрешением самых лучших музейных голограмм. Золото микросхем и кость, мертвое кружево и тусклый белый шарик, слепленный из глины. Марли покачала головой. Как удалось этому неизвестному — кто бы он ни был — расположить эти обломки, этот хлам так, что он брал за душу, вонзался в нее, как рыболовный крючок? Но потом она кивнула. Этого можно добиться, она-то знает; много лет назад такое делал человек по имени Корнелл, тот тоже создавал шкатулки.

Потом она перевела взгляд влево, туда, где по полированной поверхности стола распласталась элегантная серая бумага. Эту гостиницу, устав ходить по магазинам, она выбрала по чистой

случайности. Она ни единой душе не говорила, где она, и, уж конечно, никому в галерее Дюпре.

6
Барритаун

Он пробыл без сознания часов восемь — если верить таймеру на материнском «Хитачи». Очнувшись, уставился на пыльную панель, чувствуя, как впивается в ногу какой-то острый угол. «Оно-Сэндай». Он перекатился на бок. Затхлый запах блевотины.

Потом долго стоял под душем прямо в одежде, не уверенный, а как он, собственно говоря, туда попал. Крутил краны, тер лицо. На ощупь оно казалось резиновой маской.

— Что-то стряслось.

Что-то скверное, огромное — он не был уверен, что именно.

На кафельном полу в душе постепенно росла горка мокрой одежды. Наконец он выключил воду, подошел к раковине и, отбросив с глаз мокрые волосы, всмотрелся в лицо в зеркале. Бобби Ньюмарк, никаких проблем…

— Нет, Бобби, проблема. У нас проблема…

С полотенцем на плечах, оставляя мокрые следы, он прошлепал через узкий коридор в свою

крохотную треугольную спальню в задней части кондо. Как только он переступил порог, с готовностью зажегся голографический порномодуль. Полдюжины девушек заулыбались, с очевидной радостью встречая хозяина. Они стояли будто за стенами комнаты, в дымчатой перспективе мучнисто-голубого пространства, их белозубые улыбки и упругие молодые тела казались неоново-яркими. Двое придвинулись ближе и стали ласкать сами себя.

— Хватит, — приказал Бобби.

Проекционный модуль послушно отключился; сказочные девицы исчезли. Раньше модуль принадлежал старшему брату Линга Уоррена; прически и одежда устарели и выглядели довольно нелепо. С девицами можно было поболтать и заставить их делать всякое друг с другом и с самими собой. Бобби вспомнил, как в тринадцать лет был влюблен в Брэнди, брюнетку в синих прорезиненных штанишках. Теперь он ценил проекцию в основном за иллюзию пространства, которую она привносила в импровизированную спальню.

— Что-то, черт побери, стряслось, — повторил он, натягивая черные джинсы и почти чистую рубашку. Он покачал головой. — Что? Что, мать

вашу?

Сбой на линии? Какая-то случайная неисправность внутри самой «Ядерной комиссии»? А может, база, в которую он попытался вломиться, как раз в этот момент упала или кто-то атаковал ее из другого сектора матрицы… Но оставалось еще ощущение от *встречи*, встречи с кем-то, кто… Сам того не осознавая, Бобби вытянул правую руку, умоляюще раскрыл ладонь.

— Блин! — выдохнул он.

Пальцы сжались в кулак. И вдруг все вернулось: сперва ощущение чего-то большого, поистине огромного, что тянется к нему через киберпространство, а потом смутный девичий облик. Стройная, каштановые волосы, затаилась где-то в странной яркой темноте, полной ветра и звезд. Но когда его разум сосредоточился на этих образах, они ускользнули.

Сообразив, что голоден, Бобби сунул ноги в сандалии и направился назад, в сторону кухни, вытирая по дороге голову влажным полотенцем. Проходя через гостиную, он заметил, что с ковра на него уставился горящий глаз индикатора «ВКЛЮЧЕНО» на «Оно-Сэндай». Застыв на месте, Бобби с шумом втянул воздух через стиснутые зубы. Дека все еще подключена. Может ли она

до сих пор быть на связи с базой, которую он пытался взломать? Могут ли на базе определить, выжил он или нет? Он понятия не имел. Одно Бобби знал наверняка: у них есть его номер и адрес. Он же не подумал о реле и автоматических обманках, которые помешали бы им запустить обратный поиск.

У них есть его адрес.

Забыв о голоде, Бобби метнулся в ванную и начал копаться в сырой одежде, пока не нашел кредитный чип.

У него было двести десять новых иен, припрятанных в полой пластмассовой ручке универсальной, со сменными жалами, отвертки. Надежно запрятав отвертку и кредитный чип в карман джинсов, он натянул пару самых старых и самых тяжелых своих ботинок, потом выгреб из-под кровати грязную одежду. Нашел черную парусиновую ветровку, по меньшей мере с десятком карманов, один из них, огромный и длинный, тянулся сзади вдоль поясницы — что-то вроде встроенного рюкзака. Под подушкой лежал японский гравитационный нож с оранжевой рукоятью — оружие отправилось в карман на левом рукаве куртки, поближе к обшлагу.

Когда он уходил, вспыхнули сказочные прин-

цессы:

— Бобби, Бобби-и-и-и, вернись, поиграем…

В гостиной он вырвал коннектор «Оно-Сэндай» из торца «Хитачи», свернул оптоволоконный провод и засунул его в карман. То же самое произошло с набором тродов, за ними в карман-рюкзак проскользнул «Оно-Сэндай».

Занавески все еще были задернуты. Бобби почувствовал прилив нового, радостного возбуждения. Он уходит. Должен уйти. Он успел позабыть трогательную нежность к этому месту, порожденную прикосновением смерти. Осторожно раздвинув шторы, Бобби выглянул в образовавшуюся щель размером с ноготь большого пальца.

Вечерело. Через несколько часов на темных громадах Новостроек замигают первые огни. Большая Площадка уходила вдаль, как бетонное море. На противоположном его берегу вставали Новостройки — гигантские прямоугольные строения, кое-где смягченные случайными наслоениями подвесных оранжерейных террас, рыборазводных резервуаров, систем солнечного отопления и вездесущих антенных блюдец. Дважды-в-День сейчас, наверное, там, спит в своем мире, который Бобби никогда не видел, в мире

самодостаточного здания-улья. Дважды-в-День спускался в Барритаун обделать свои делишки, в основном с тамошники хотдоггерами, а потом взбирался обратно наверх. Бобби всегда казалось, что наверху хорошо — сколько всего происходило на балконах по ночам! Среди красных пятен костров стайками обезьянок в одном белье крутились ребятишки, такие маленькие, что их едва было видно. Иногда ветер менялся, и на Большую Площадку сносило кухонные запахи, а иногда было видно, как из какой-нибудь потайной страны высоко-высоко на крыше отчаливает дельта-план. И всегда — сплав сотен ритмов из тысяч динамиков, волны музыки, которая пульсирует и растворяется в порывах ветра.

Дважды-в-День никогда не говорил о том, какая жизнь там, где живет он. Дважды-в-День говорил о деле или, если желал вести светскую беседу, о женщинах. То, что Дважды-в-День говорил о женщинах, сильнее всего и заставляло Бобби мечтать вырваться из Барритауна, но он прекрасно понимал, что бизнес — его единственный билет отсюда. Правда, теперь дилер ему был нужен совсем по другой причине — происходящее оказалось ему, Бобби, совершенно не по зубам.

Может, Дважды-в-День скажет ему, что проис-

ходит. Предполагалось же, что ничего опасного не будет. Дважды-в-День сам выбрал для Бобби эту базу, потом дал напрокат софт, необходимый для того, чтобы прорваться внутрь. И Дважды-в-День был готов перепродать все, что удалось бы оттуда вытащить. Так что толкач должен знать. Во всяком случае, хоть *что-то*.

— У меня нет даже номера твоего телефона, мужик, — сказал Бобби, обращаясь к Новостройкам и отпуская штору.

Может, нужно оставить что-то для матери? Записку?

— Уношу ноги, — сказал он комнате у себя за спиной, — и куда *подальше*. — И вот он уже за дверью и бежит по коридору, направляясь к лестнице. — *Навсегда*, — добавил он, пинком распахивая входную дверь.

Большая Площадка выглядела вполне безопасно, если не считать одинокого полуголого торчка, погруженного в яростный спор с Господом Богом. Бобби обошел торчка по широкой дуге — тот кричал, подпрыгивал и рубил воздух ударами карате. Голые ноги полоумного были покрыты засохшей кровью вперемешку с пылью, на голове у него топорщились остатки того, что было, вероятно, прической долика.

Большая Площадка — нейтральная территория, по крайней мере теоретически, и долики с год назад заключили — правда, достаточно непрочный — союз с готиками. У Бобби были довольно прочные связи среди готиков, хотя он и сохранял за собой статус независимого. Барритаун — рисковое место для того, чтобы быть независимым. Во всяком случае, думал Бобби, пока стихала за спиной гневная тарабарщина торчка, банды создают хоть какую-то структуру. Если ты готик, а тебя покоцали фоннаты — в этом есть хоть какой-то смысл. Может, основная причина и совершенно идиотская, зато есть правила. А независимым достается и от местных обдолбанных маньяков, и от хищных одиночек, рыскающих по окраинам Ржавого Пояса[34] до самого Нью-Йорка. Вспомнить хоть Сборщика Пенисов прошлым летом, этот тип таскал свою добычу в кармане в пластиковом мешке…

Сколько Бобби себя помнил, он пытался отыскать способ выбраться из этого ландшафта, — или, во всяком случае, теперь ему так казалось. Теперь, когда он шел в клуб и по спине ему

[34] notes: 34

Ржавый Пояс — районы депрессивной экономики на индустриальном северо-востоке США, ранее известном как Стальной Пояс. Прозвище в ходу с 1980-х гг.

била спрятанная во внутреннем кармане киберпространственная дека. Как будто и она тоже подгоняла его выбраться.

— Давай же, Дважды-в-День, — сказал он расплывчатым силуэтам Новостроек, — спускай сюда свою жопу и окажись у Леона, когда я туда дойду, ладно?

Дважды-в-День у Леона не было.

Никого там не было, если не считать самого Леона, который копался полуразогнутой скрепкой во внутренностях настенного экрана.

— Чего бы тебе не взять молоток и не шарашить по этой хреновине, пока не заработает? — спросил Бобби. — Толку было бы примерно столько же.

Леон поднял глаза. Лет ему, вероятно, было под сорок, но точнее не скажешь. Леон, казалось, вообще не принадлежал ни к какой расе или же представлял отдельную расу сам по себе. Множество гипертрофированных лицевых костей, жуткие глаза и грива вьющихся, поглощающих свет черных волос. Его подвальный пиратский клуб последние два года был постоянной составляющей жизни Бобби.

Теперь вот Леон тускло уставился на него своими кошмарными глазами. Хитиново-серые

зрачки подернуты прозрачным оливковым налетом. Глаза Леона неизменно наводили Бобби на мысль об устрицах и о лаке для ногтей. Две вещи, о которых не слишком приятно думать в сочетании с глазами. Цветом они походили на материал для обивки табуретов в барах.

— Я только хотел сказать, что так, просто в нее тыкая, эту хрень не наладишь, — чувствуя себя не в своей тарелке, добавил Бобби.

Медленно покачав головой, Леон вернулся к своим изысканиям. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, поскольку его владелец промышлял пиратскими фильмами и симстим-записями с кабеля, гоняя многое такое, что барритаунцы иначе не могли себе позволить. В задней комнате заключались сделки и можно было внести «пожертвования» на спиртное, в основном чистый самогон из Огайо, разбавленный каким-то синтетическим апельсиновым напитком, который Леон добывал в промышленных количествах.

— Гм, скажи, Леон, — снова начал Бобби, — ты в последнее время не видел Дважды-в-День?

Кошмарные глазки снова глянули вверх и смотрели на Бобби, казалось, целую-целую вечность.

— Нет.

— Может, прошлым вечером?

— Нет.
— А позапрошлым?
— Нет.
— Вот как? Ладно. Спасибо.

Нет смысла приставать к Леону. Если на то пошло, есть множество причин этого не делать. Бобби оглядел просторное полутемное помещение, симстим-модули и неосвещенные киноэкраны. Клуб представлял собой череду одинаковых комнатушек в подвале наполовину пустующего блочного комплекса, отданного под однокомнатные квартиры и текстильные миницеха. Отличная звукоизоляция: снаружи музыки вообще не слышно. Сколько раз по ночам, когда в голове грохотали рок и «колеса», он вываливался от Леона на улицу будто в магический вакуум тишины, от которой гудело в ушах всю дорогу через Большую Площадку.

Теперь у него оставался еще час до того, как станут прибывать первые готики. Дилеры — в основном черные с Новостроек или белые из города либо с какой-нибудь окраины — не покажутся до тех пор, пока здесь не будет приличной грядки готиков, которую можно окучивать. Ничто так не портит репутацию дилера, как торчать в клубе и ждать у моря погоды — это же значит, что ты

ни хрена ловить не умеешь. Ни один по-настоящему крутой дилер не станет ошиваться у Леона просто так, за-ради удовольствия. Не то что хотдоггерский сброд со своими дешевыми деками, собирающийся у Леона по выходным посмотреть японскую киношку о ледорубах.

Но ведь Дважды-в-День не из таких, говорил Бобби самому себе, поднимаясь по бетонным ступеням, Дважды-в-День знает, к чему стремиться. Подальше от Новостроек, подальше от Барритауна, подальше от Леонова клуба. В Город. В Париж или даже, может быть, Тибу. «Оно-Сэндай» бил по пояснице. Бобби вспомнил, что кассета с ледорубом Дважды-в-День так и осталась внутри. Бобби ни с кем не хотелось объясняться по этому поводу. Он прошел мимо киоска новостей. За пластиковым окошком по зеркальному желобу полз желтый ньюсфакс нью-йоркского издания «Асахи Симбун» — в Африке рухнуло какое-то правительство, русские делают что-то на Марсе…

Было то время суток, когда все видится очень отчетливо, когда явственно проступает любая мелочь на другой стороне улицы. Свежая зелень, только-только начинающая пробиваться на темных ветвях чахнущих в дырах асфальта деревьях. И вспышка стальной пряжки на сапоге девушки

в дальнем конце квартала видна так ясно, как будто смотришь сквозь особую воду, которая обостряет зрение, даже если уже почти темно. Он повернулся и стал смотреть вверх на Новостройки. Целые этажи там были вечно темными: то ли заброшены, то ли окна там зачернены. Интересно, что там происходит? Возможно, он когда-нибудь спросит об этом у Дважды-в-День.

Бобби поглядел время на часах с эмблемой «Кока-колы» в газетном киоске. Мать уже, наверное, вернулась из Бостона, должна была вернуться, иначе пропустит серию любимого «мыла». Да уж, вернулась — с новой дыркой в голове. Она и без того чокнутая. Разъем, который она вживила себе еще до его рождения, вполне нормально работал, но она вот уже несколько лет ныла о помехах, плохом разрешении и сенсорных перегрузках, так что скопила наконец кредита, чтобы поехать в Бостон и заменить разъем. Дешевка, а не клиника, даже не нужно заранее договариваться об операции. Входишь, они раз — и вбивают тебе в голову железку с кремнием… Да уж, знает он мамашу… Вот она входит в гостиную с завернутой в косынку бутылкой под мышкой и, даже не сняв плаща, идет к «Хитачи», чтобы подключиться и мылить себе мозги добрых шесть часов кряду.

Взгляд у нее становится расфокусированным, и временами, если серия особо захватывающая, она пускает слюни. Примерно каждые двадцать минут она вспоминает деликатно, по-дамски пригубить из бутылки.

Она всегда была такой, сколько он ее помнил. Постепенно соскальзывала глубже и глубже в иные, синтетические жизни, в мир многосерийных симстим-фантазий, о которых Бобби приходилось выслушивать всю свою жизнь. Он до сих пор не мог отделаться от жутковатого ощущения, что некоторые персонажи, о которых она так много говорила, — это его родственники, богатые и прекрасные тетушки и дядюшки, которые могли бы однажды и объявиться, не будь он таким маленьким засранцем. Может быть, думал он теперь, в каком-то смысле так оно и есть. Она подрубалась к этой фигне в течение всей беременности — сама ему об этом рассказывала, — так что свернувшийся там, у нее внутри, будущий Бобби Ньюмарк впитал в себя тысячи и тысячи часов «Важных мира сего» и «Атланты». Но об этом он не любил думать — о том, что лежал, свернувшись, в животе Марши Ньюмарк. От этого он потел и к горлу подступала тошнота.

Мама Марша. Только в последний год или около

того Бобби начал достаточно хорошо понимать окружающий мир (как он теперь это сознавал), чтобы спросить себя, как же ей удается жить такой жизнью — если это можно, конечно, назвать жизнью, — между ее бутылкой и призраками из разъема? Время от времени, когда она была в подходящем настроении и после нужного числа глотков, она еще пыталась рассказывать байки о его отце. С четырехлетнего возраста Бобби знал, что все это дерьмо собачье, поскольку детали раз от разу менялись, но с годами он даже начал находить в этих историях определенное удовольствие.

В нескольких кварталах к западу от клуба Леона нашелся разгрузочный тупик, отделенный от улицы мусорным контейнером, на щербатых и погнутых стенках которого поблескивала свежая синяя краска. Над тупичком косо висела одинокая галогенная трубка. Бобби отыскал удобный бетонный выступ и сел, стараясь не прижать к стене «Оно-Сэндай». Иногда приходится просто ждать. Это было одним из правил, которым научил его Дважды-в-День.

Контейнер был до краев завален мешаниной самых разнообразных промышленных отбросов. Барритаун не обошелся без своей доли «серых»,

полулегальных производителей, той самой «теневой экономики», о которой так любят трепаться физиономии в новостях. Бобби никогда не обращал внимания на эти рожи. Бизнес. Все это бизнес — ни больше ни меньше.

Вокруг галогенной трубки мельтешили по кривым орбитам мотыльки. Пустым взглядом Бобби смотрел, как трое малышей, самое большее лет десяти, штурмовали синюю стену контейнера при помощи грязно-белой нейлоновой веревки с привязанной к ней самодельной «кошкой», которая, вполне вероятно, раньше была частью одежной вешалки. Когда в самую гущу мусорного пластика перевалил последний, веревка быстро утянулась наверх. Мусор тут же начал шуршать и поскрипывать.

Совсем как я, подумал Бобби, я тоже раньше возился в таком же дерьме, заваливая комнату трендец диким хламом. Однажды сестра Линга Уоррена нашла в таком контейнере чью-то почти целую руку, рука была завернута в зеленый пластик, стянутый резинками.

Когда у Мамы Марши случались на час-другой приступы религиозности, она заявлялась в комнату Бобби, выметала весь его лучший хлам и налепляла над кроватью какие-нибудь жуткие

самоклеющиеся голограммы. Может, Иисуса, может, Хаббарда, может, Деву Марию. Когда на нее находило, ей это, в общем, было без разницы. Обычно это основательно выводило Бобби из себя, пока не настал тот день, когда он настолько вырос, что пришел в гостиную с молотком в руках и занес его над «Хитачи»: попробуй, мол, только еще раз тронуть мои вещи, и я прикончу твоих друзей, мама, всех до одного. Она никогда больше не пробовала. Но клеющиеся голограммы все же как-то на Бобби подействовали, поскольку религия стала для него чем-то, что он, как ему казалось, рассмотрел и отложил в сторону. Он пришел к выводу, что есть люди, которые по природе своей нуждаются в этом дерьме. Вероятно, такие были всегда — но сам он не из них, а значит, ему оно и не нужно.

Над стенкой контейнера показалась мордочка одного из малышей, вот он запрыгнул на край и, сощурившись, оглядел прилегающую территорию, потом снова скрылся из виду. Послышался глухой скрежет. Белые ручонки перекинули через стенку побитую жестяную канистру и стали спускать ее на веревке вниз. Хорошая добыча, подумал Бобби, такое можно толкнуть торговцу металлом и даже чего-то выручить. Канистра

легла на тротуар примерно в метре от ботинок Бобби. Коснувшись асфальта, она случайно повернулась, показав ему шестирогий символ биологической опасности.

— Эй, мать вашу! — выдохнул он, рефлекторно отдергивая ногу.

Один из малышей соскользнул вниз по веревке и выровнял канистру. За ним спустились оставшиеся двое. Тут Бобби увидел, что они еще младше, чем он думал.

— Эй, — сказал он, — а вы знаете, что это может оказаться настоящая дрянь? Подхватите рак и все такое прочее.

— Полижи собаке жопу, пока кровь не потечет, — посоветовал ему тот, что спустился первым, пока остальные отцепляли «кошку» и сворачивали веревку; потом ребятишки потащили канистру за угол контейнера и скрылись из виду.

Он дал себе еще полтора часа. Достаточно времени: у Леона уже начинало бурлить.

По меньшей мере двадцать готиков картинно позировали в основной комнате — этакое стадо детенышей динозавров: вздрагивают и подпрыгивают гребни залаченных волос. Большинство приближалось к готическому идеалу: высокие,

сухощавые, мускулистые, но с оттенком мрачной неудовлетворенности — молодые атлеты на ранних стадиях чахоточного увядания. Кладбищенская бледность была обязательной, а волосы готиков были по определению черными. Бобби знал, что тех немногих, кто не смог исказить свое тело так, чтобы вписаться в канон субкультуры, лучше избегать: невысокий готик — неприятности, толстый готик — убийство.

Сейчас он смотрел, как они извиваются и поблескивают у Леона единым составным существом, скользкой трехмерной головоломкой с рваной поверхностью из черной кожи и стальных шипов. Почти идентичные лица, черты которых смоделированы сообразно древним архетипам, позаимствованным из видеоклассики. Бобби выбрал ну вылитого Джеймса Дина[35], чей гребень покачивался, как брачный танец ночной ящерицы.

— Брат, — начал Бобби, будучи не совсем уверенным, встречал ли он этого парня раньше.

— Брателло, — лениво отозвался дин, его левая

[35] notes: 35

Джеймс Дин (1931–1955) — американский актер, воплотивший архетип юного бунтаря. Все три фильма, сделавшие его популярным, — «К востоку от рая», «Бунтарь без идеала», «Гигант» — вышли в год его смерти в автомобильной аварии.

щека была оттянута смоляной жвачкой. — Это Счет, беби. — Как бы в сторону, своей девушке: — Прерывание на Счет Ноль. — Длинная бледная рука со свежими струпьями на тыле запястья погладила округлый задок под черной юбкой. — Счет, это моя мочалка.

Готическая девица поглядела на Бобби с умеренным интересом, но безо всякой вспышки человеческого узнавания, как будто перед ней возникла реклама продукта, о котором она слышала, но вовсе не собиралась покупать.

Бобби оглядел толпу. Множество пустых лиц, но ни одного знакомого. И никакого Дважды-в-День.

— Слушай, — Бобби доверительно понизил голос, — это, знаешь, в общем-то, не так уж срочно, но я ищу одного близкого друга, делового друга… — (Готик на это глубокомысленно качнул гребнем.) — Проходит как Дважды-в-День… — Бобби помедлил; готик отрешенно жевал свою смолу; девица явно скучала, ей было неспокойно. — Толкач, — добавил он, поднимая брови, — черный толкач.

— Дважды-в-День, — промычал готик. — Конечно. Дважды-в-День. Правильно, беби?

Девица вскинула голову и отвела взгляд.

— Ты его знаешь?

— Конечно.

— Он сегодня здесь?

— Нет, — бессмысленно улыбнулся готик.

Бобби открыл было рот, закрыл его и заставил себя кивнуть.

— Спасибо, брат.

— Для брата — все что угодно, — механически отозвался готик.

Еще час, и все на том же самом месте. Слишком много белого, меловой готической белизны. Накрашенные плоские глаза девиц, каблуки сапог, как эбеновые иглы. Бобби старался держаться подальше от комнаты с симстимами, где Леон гонял трендец свихнутую пленку о долбежке в джунглях, швырявшую зрителя то в одно, то в другое животное, ни сна ни продыху в кронах, и голова кругом. Бобби уже так проголодался, что голова казалась легкой и будто расширялась изнутри — или, может, это был остаточный эффект того, что случилось с ним в матрице? Но теперь ему все с большим трудом удавалось сосредоточиться, и мысли уплывали в самых неожиданных направлениях. Например: кто же умудрился залезть на эти кишащие змеями деревья, чтобы приспособить, ну, скажем, вот этих вот крыс для

стим-съемки?

Готики, однако, на это клевали. Идентификация с древесными крысами — в полный рост. Можно поздравить Леона с новым хитом.

Совсем рядом, слева от него, но на значительном расстоянии от симстима, стояли две девушки с Новостроек. Их причудливая экипировка резко контрастировала с монохромностью готиков. Длинные черные фраки открывали узкие красные жилетки из шелковистой парчи, полы огромных белых рубашек свисали значительно ниже колен. Темные лица были затенены широкими полями федор[36], проколотых и увешанных фрагментами антикварных побрякушек: булавок, коронок, шпилек, даже механических часиков — и все золотое. Бобби тайком наблюдал за ними. Одежда говорила о том, что у них есть деньги, — но и о том, что найдется кому позаботиться, дабы любой, кто позарится на эти побрякушки, не сносил головы. Дважды-в-День как-то раз спустился с Новостроек в наряде из льдисто-голубого вельвета с алмазными пряжками у колен, как будто у него не было времени переодеться. Бобби тогда вел себя так, как будто толкач одет в обычную

[36] notes: 36
Мягкая фетровая шляпа с широкими полями.

свою коричневую кожу. Он давно решил, что в делах главное — космополитический подход.

Он попытался представить себе, что подходит к этим дамочкам, этак небрежно и плавно, подходит, представляется с поклоном и говорит: «Дорогие мои, я уверен, вы знаете моего доброго знакомого, мистера Дважды-в-День». Но обе они были старше его, выше ростом и держались с пугающим достоинством. Скорее всего, они просто рассмеются, но почему-то вот этого Бобби совсем не хотелось.

А хотелось ему сейчас, и даже очень, чего-нибудь съесть. Бобби пощупал сквозь грубую ткань джинсов кредитный чип. Пожалуй, стоит перейти улицу и купить сэндвич… Тут он вспомнил, почему он здесь, и внезапно ему показалось, что пользоваться чипом было бы не очень разумно. Если его сорвавшийся рейд засекли, у них уже есть номер его чипа; а если он использует чип, то засветится в киберпространстве. Любой, кто охотится за ним в матрице, увидит чип в решетке Барритауна, как мигание фар дальнего света на темном футбольном поле. У него есть наличные, но за еду ими не заплатишь. Иметь их при себе — в этом нет ничего незаконного; просто никто никогда не делал с деньгами ничего легального.

Придется найти готика с чипом, купить за новые иены кредит — скорее всего, с грабительской скидкой, потом заставить готика заплатить за еду. И чем, скажите на милость, брать сдачу?

«Может, ты просто себя накручиваешь», — сказал он самому себе. Он же не знает наверняка, проследил ли кто-нибудь его обратный путь, да и база, которую он пытался взломать, была вполне добропорядочной. Во всяком случае, ей полагалось быть таковой. Вот почему Дважды-в-День велел ему не беспокоиться насчет черного льда. Кто станет ограждать смертельными программами обратной связи портал, сдающий в прокат мягкое порно? План в том и заключался, что Бобби умыкнет пару часов цифрового кино, самого свежего, которое еще не просочилось на пиратский рынок. Из-за такой добычи не убивают…

Но кто-то же попытался. И случилось что-то еще. Что-то совсем иное. Он снова потащился вверх по лестнице, прочь из клуба. Бобби прекрасно понимал, что существует много всякого, чего он о матрице не знает, но никогда ему еще не доводилось слышать ни о чем настолько диком… Есть, конечно, истории о духах и привидениях… есть полоумные хотдоггеры; он сам слышал, как парочка таких клялась, что они видели в

киберпространстве черт знает что. Правда, он тогда подумал про себя, что эти вильсоны просто подключились под кайфом. Словить глюк в матрице можно с той же легкостью, как и в любом другом месте…

А вдруг именно это и произошло? Голос был просто частью умирания, обнуления мозговых процессов — какой-нибудь безумный фортель, выкинутый мозгом, чтобы облегчить тебе смерть, плюс сбой в источнике питания там на базе или, может, частичное затемнение в их секторе решетки, так что лед ослабил хватку как раз на его нервной системе.

Может быть. Но он ведь ничего толком не знает. Ни черта не знает. Не так давно его начало грызть собственное невежество, стало казаться серьезным препятствием на том пути, какой он для себя наметил. Он не особенно задумывался об этом раньше, но он же и вправду ничего… ну, в общем, ни о чем не знает. По правде говоря, пока он не начал топтать деку, ему казалось, он знает все, что нужно. Прямо как готики. Вот почему они отсюда никуда не денутся и будут сгорать на «пыли» или насмерть меситься с фоннатами, и естественный отбор оставит в результате какой-то процент, который непонятным образом

превратится в следующую волну барритаунцев, рожающих детей и покупающих кондо, чтобы все шло по новой.

Он — как ребенок, который вырос возле океана, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся, как небо над головой, но ничего не зная ни о течениях, ни о маршрутах перевозок, ни о прихотях погоды. Деками он пользовался еще в школе, считай игрушечными. Тебя, как на ракете, выносило в беспредельный космос, который не был космосом, — в немыслимо сложную консенсуальную галлюцинацию человечества — в матрицу киберпространства. Киберпространства, где огромные корпоративные базы пылают, как неоновые сверхновые, данные в которых нагромождены так плотно, что, если ты пытаешься разглядеть нечто большее, нежели простейший силуэт, у тебя начинает раскалываться голова.

Но с тех пор, как взялся за деку всерьез, кое-что он стал понимать. Ну просто до смешного мало он знает о том, как все это работает. И не только в матрице. Каким-то образом это понимание выплеснулось через край, и он начал задумываться, задумываться и задавать вопросы. Какой механизм управляет Барритауном? Что поддерживает на плаву мать? Почему готики и фоннаты с такой

энергией пытаются перебить друг друга? Или почему Дважды-в-День чернокожий и живет где-то в Новостройках и что это меняет?

Идя к выходу, Бобби не переставал искать дилера. Белые лица, снова белые лица. В животе урчало. Бобби подумал о свежей упаковке пшеничных отбивных. Дома, в морозильнике — поджарить бы их с соей и разорвать пакет с вафлями из криля…

Проходя мимо киоска, он снова сверился с кока-кольными часами. Марша уже, конечно, дома, погружена в лабиринт хитросплетений «Важных мира сего», в жизнь героини сериала, которую делит с ней, благодаря разъему, вот уже более двадцати лет. Ньюсфакс «Асахи Симбун» все прокручивался в своем окошечке, и Бобби подошел поближе как раз в тот момент, когда выскочило первое сообщение о взрыве в блоке «А» на третьем уровне «Ковина-Конкорс-Кортс», Барритаун, Нью-Джерси…

Потом сообщение пропало, убежало вниз, а вместо него вылез репортаж об официальных похоронах кливлендского босса якудза. Традиции незыблемы. У всех в руках черные зонты.

А он всю свою жизнь прожил на третьем уровне блока «А».

Над городом нависло огромное нечто, нависло, чтобы раздавить в лепешку Маршу Ньюмарк и ее «Хитачи». Но, конечно же, взорвать хотели не ее — его.

— Да, кто-то не теряет времени даром, — услышал он собственный голос.

— Эй! Братан! Счет! Ты что, обдолбался, брат? Эй! Ты куда?

Глаза двух динов вылезли из орбит, провожая взглядами его паническое бегство.

7
Город в пустыне

Конрой резко крутанул руль влево, заставив синий «фоккер» свернуть с выветренной ленты довоенного шоссе, и сбросил скорость. Петушиный хвост бледной пыли, тянувшийся за ними от Нидлеса, начал оседать. Затормозив, ховер опустился на свою воздушную подушку.

— Вот и место сбора, Тернер.

— Что тут стряслось? Что прикончило этот город?

Прямоугольник бетонной площадки убегал к неровным стенам полуразвалившихся выгоревших зданий.

— Экономика, — отозвался Конрой, — еще до войны. Его так и не достроили. В десяти минутах езды к западу — разметка на целые кварталы, под мостовые и фундаменты. И никаких домов, ничего.

— Сколько человек в команде?

— Девять, не считая тебя. Плюс медики.

— Какие еще медики?

— Из «Хосаки». «Маас» занимается биотехноло-

гиями, так? Кто знает, чем они могли начинить нашего мальчика? Так что «Хосака» собрала небольшой, но профессиональный нейрохирургический бокс, обслуживают его три спеца. Двое — люди компании, а третья, кореянка, собаку съела на подпольной медицине. Трейлер хирургов в том длинном бараке. — Он указал влево. — Там сохранилась часть крыши.

— Как его сюда затащили?

— Привезли из Тусона внутри бензовоза. Изобразили аварию. Выволокли из цистерны, закатили внутрь. Для этого понадобились все имеющиеся руки. Ушло минуты три, наверное.

— «Маас»? — спросил Тернер.

— Конечно. — Конрой заглушил моторы. — Неизбежный риск, — произнес он во внезапно наступившей тишине. — Может, они его и проморгали. Наш парень — шофер бензовоза — все время ругался по рации с тусонским диспетчером, что этот сраный теплообменник у него в печенках уже сидит и сколько, мол, понадобится времени, чтобы его наладить. Уверен, они это слышали. Знаешь способ получше?

— Нет. Поскольку клиент желает, чтобы эта махина стояла тут. Но мы торчим посреди зоны покрытия их спутников.

— Сердце мое, — фыркнул Конрой, — а может, мы просто остановились потрахаться. Привал по дороге в Тусон, да? Здесь как раз такое место. Знаешь ли, тут люди останавливаются, чтобы пописать. — Он сверился с черным хронометром «порше». — Я должен быть там через час, обратный вертолет на побережье уже, наверно, ждет.

— На платформу?

— Нет. За твоим чертовым истребителем. Решил сам с ним разобраться.

— Хорошо.

— Я, правда, выбрал бы экранолет «Дорнье». Оставил бы его ждать чуть дальше по дороге, пока не увидим, что Митчелл на подходе. Экранолет подкатывает, когда медики уже почистили Митчелла. Мы забрасываем его внутрь и летим к границе Соноры…

— На дозвуке, — сказал Тернер. — Не выйдет. Ты отправляешься в Калифорнию покупать истребитель с вертикальным взлетом. Наш мальчик вылетит отсюда на многоцелевом боевом самолете, который еще даже не успел устареть.

— У тебя есть пилот на примете?

— Я. — Тернер постучал по разъему за ухом. — Там управление полностью интерактивное. Тебе продадут софт для интерфейса, а я подключусь

напрямую.

— Не знал, что ты умеешь управлять самолетом.

— Не умею. Но до Мехико можно и без летного опыта.

— Ты все тот же рисковый парень, а, Тернер? Знаешь, ходят слухи, что тебе там, в Нью-Дели, взрывом член оторвало? — С холодной и делано невинной ухмылкой Конрой повернулся, чтобы взглянуть в лицо Тернеру.

Тернер выкопал из-за сиденья парку, достал револьвер и коробку с патронами. Он уже начал было заталкивать парку назад, но Конрой сказал:

— Возьми с собой. По ночам тут адский холод.

Тернер потянулся к замку, Конрой уже снова запускал моторы. Поднявшийся на несколько сантиметров ховер слегка качнулся, когда Тернер резко откинул дверцу кабины и выбрался наружу. Слепящее солнце и горячий бархат воздуха. Вынув из кармана синей спецовки мексиканские противосолнечные очки, Тернер надел их. На нем были белые теннисные туфли и тропический армейский костюм. Коробка патронов пошла в один из боковых карманов штанов. Револьвер он оставил в правой руке, парка свернута под

локтем левой.

— Иди к длинной постройке! — крикнул Конрой, перекрывая шум моторов. — Там тебя ждут.

Тернер спрыгнул вниз — в доменный жар и сияние пустынного полдня, а Конрой, развернув «фоккер», вывел его назад на трассу. Тернер смотрел, как ховер набирает скорость, уходя на восток, его уменьшающийся силуэт перекашивало дрожащим маревом поднимающегося от асфальта жара.

Когда «фоккер» скрылся из виду, стало совсем тихо. Никакого движения. Тернер повернулся к развалинам. Меж двух валунов метнулось что-то маленькое и серое.

На расстоянии метров восьмидесяти от трассы начинались зазубренные стены. Утрамбованной площадке перед ними когда-то предстояло стать автостоянкой.

Пять шагов вперед… Тернер остановился. Внезапно он услышал море, грохот прибоя, мягкие взрывы, с которыми опадали волны. Пушка в руке — слишком большая, слишком реальная, металл уже греется на солнце.

Нет моря, сказал он самому себе, никакого моря, ничего здесь не слышно. Он пошел дальше, теннисные туфли скользили по россыпям битого

оконного стекла, сдобренного бурыми и зелеными кругляшами бутылочных осколков. Ржавые диски, бывшие когда-то бутылочными пробками, сплющенные прямоугольники — трупы алюминиевых банок. Над низкими островками кустов роились насекомые.

Прошло. Кончено. Есть это место. Нет времени.

Он опять остановился, подавшись вперед, будто выискивая то, что помогло бы ему назвать нечто неуклонно в нем нараставшее. Какая-то пустота…

Этот город мертв вдвойне. Отель на мексиканском пляже все-таки был когда-то живым, хотя бы один сезон…

За автостоянкой — залитый солнцем выгоревший блок, дешевый и бездушный. Выжидающий.

Они сидели на корточках в узкой полоске тени от серой стены. Трое. Еще до того, как их увидеть, Тернер почувствовал запах кофе, закопченный котелок ненадежно балансировал на крохотном примусе. Конечно, запах предназначался ему — это значило, что его ждут. Иначе развалины оказались бы пусты, а потом он умер бы — каким-то образом, очень тихо и почти естественно.

Двое мужчин и женщина. Потрескавшиеся ковбойские сапоги. Грубый хлопок одежды настолько засален, что, наверное, даже не пропускает воду. Мужчины бородаты, нестриженые волосы стянуты сзади сыромятными шнурками в выгоревшие на солнце пучки. Волосы женщины разделены на прямой пробор и убраны с обветренного, в шрамах, лица. К стене прислонен древний мотоцикл «БМВ» — хромировка в пятнах грязи и ржавчины, облупившаяся краска замазана пятнами пульверизаторной эмали бежево-серого пустынного камуфляжа.

Он отпустил рукоять «смит-и-вессона», дав револьверу прокрутиться на спусковой скобе вокруг указательного пальца, ствол в результате уставился назад и вверх.

— Тернер, — сказал, поднимаясь, один из мужчин, во рту у него сверкнул дешевый металл. — Я Сатклифф. — Легкий акцент, австралийский, что ли.

— Передовая команда? — Он поглядел на остальных.

— Передовая. — Запустив большой и указательный палец в рот, Сатклифф извлек пожелтевший протез со стальными коронками. Его собственные зубы были белыми и совершенно ровными. — Ты

вывез Шове из «Ай-Би-Эм» в «Мицу», — сказал он, — и еще, говорят, вытащил Семенова из Томска.

— Это вопрос?

— Я работал в службе безопасности «Ай-Би-Эм» в Марракеше, когда ты взорвал гостиницу.

Тернер встретился с ним взглядом. Глаза у Сатклиффа были голубые, спокойные и очень яркие.

— Это осложняет дело?

— Ничуть, — усмехнулся Сатклифф. — Просто хочу сказать, что видел тебя в деле. — Он щелчком поставил протез на место. — Линч. — Кивок в сторону второго мужчины. — И Уэббер. — В сторону женщины.

— Какой тут расклад? — спросил Тернер, задвигаясь глубже в клочок тени. Он присел на корточки, все еще не выпуская из рук револьвера.

— Мы приехали три дня назад, — начала Уэббер, — на двух байках. Подстроили так, чтобы у одного из них сломался кардан, на случай, если нам понадобится предлог, чтобы разбить здесь лагерь. Население здесь редкое, временное: кочующие байкеры и сектанты. Линч прошел шесть километров на восток с катушкой оптоволоконного кабеля и подключился к телефону…

— Частному?

— Платному, — ответил за нее Линч.

— Мы отправили тестовый пакет, — продолжала женщина. — Если бы не сработало, ты бы уже знал.

Тернер кивнул.

— Входящий трафик?

— Ничего. В самый раз для большого спектакля, что бы это ни было. — Она вопросительно подняла брови.

— Побег.

— Что довольно очевидно, — снова вмешался Сатклифф, устраиваясь рядом с Уэббер спиной к стене. — Хотя общий тон операции заставляет предположить, что нам, шестеркам, не положено знать, кого мы извлекаем. Так, мистер Тернер? Или мы услышим об этом только в новостях?

Тернер его проигнорировал.

— Продолжай, Уэббер.

— После того как мы разобрались на местности и протянули кабель, по одному-двое просочились остальные. Последний проинструктировал нас относительно консервной банки с япошками.

— Грубая работа, — вставил Сатклифф. — Не стоило так высовываться.

— Думаешь, мы засветились? — спросил Тер-

нер.

Сатклифф пожал плечами:

— Может, засветились, может, и нет. Перебросили мы ее довольно быстро. Хорошо еще, тут оказалась какая-никакая крыша, было где спрятать.

— Как насчет пассажиров?

— Они выходят только ночью, — сказала Уэббер. — И знают, что мы убьем их, если они попытаются отойти дальше чем на пять метров от трейлера.

Тернер взглянул на Сатклиффа.

— Приказ Конроя, — ответил тот.

— С настоящего момента все приказы Конроя недействительны, — сказал Тернер, — за исключением этого. Что они за люди?

— Медики, — сказал Линч, — подпольные врачи.

— Именно так, — отозвался Тернер. — А что остальные члены команды?

— Мы натянули пару навесов из маскировочного брезента. Спят посменно. Тут не хватает воды, и мы не можем особо рисковать с готовкой. — Сатклифф потянулся за кофейником. — Часовые на местах, и мы периодически проверяем кабель, нет ли где обрыва. — Он плеснул кофе в красную

пластмассовую кружку, которая выглядела так, как будто ее жевала собака. — Так когда наш выход, мистер Тернер?

— Мне надо взглянуть на вашу жестянку с ручными медиками. И осмотреть командный пункт. Вы ничего не сказали о командном пункте.

— Все устроено, — сказал Линч.

— Прекрасно. Вот, — Тернер передал Уэббер револьвер, — попробуй сообразить для него какую-нибудь кобуру, хорошо? А теперь Линч покажет мне этих медиков.

— Он так и думал, что это будешь ты, — сказал Линч, без усилий взбираясь по низкому гравийному откосу; Тернер шел следом. — У тебя та еще слава. — Молодой человек оглянулся на Тернера, тряхнув челкой грязных, выгоревших на солнце волос.

— Даже слишком, — ответил Тернер. — Сколько бы ее ни было, всегда чуть слишком. Ты раньше с ним работал? Скажем, в Марракеше?

Линч боком протиснулся сквозь расселину в стене шлакоблока, Тернер едва не наступал ему на пятки. Пустынные растения пахли дегтем; если их задеть, они норовили прилипнуть или вцепиться колючкой. Через пустой прямоугольный проем, предназначенный под окно, на

Тернера глянули розовые вершины гор; тут Линч заскользил вниз по склону.

— Конечно, я работал на него раньше, — сказал он, остановившись у подножия оползня. Древний на вид кожаный ремень висел у него по-ковбойски на бедрах, тяжелая пряжка — почерневший серебряный череп в центре креста из тусклых пирамидальных шипов. — Марракеш — это было еще до меня.

— И на Конни тоже, Линч?

— То есть?

— На Конроя. Ты работал на него раньше? Или, если быть точным, ты сейчас работаешь на него?

Тернер медленно и неуклонно съезжал по гравию; камешки крошились и выскальзывали из-под подметок теннисных туфель — ненадежная опора. Тернеру был виден изящный маленький игольник в кобуре под парусиновой жилеткой Линча.

Линч облизнул сухие губы:

— Это Сатов контакт. Сам я с Конроем не встречался.

— У Конроя есть одна проблема, Линч. Он не способен делегировать ответственность. Любит с самого начала подсадить в команду своего человека, кого-то, кто сторожил бы сторожей. Всегда.

Это ты, Линч?

Линч мотнул головой — абсолютный минимум движений, требующийся, чтобы выразить отрицание. Тернер стоял вплотную, чувствуя за деготной вонью пустынных растений запах его пота.

— Конрой провалил на этом два извлечения, я свидетель, — тяжело проговорил Тернер. — Ящерицы и битое стекло, а, Линч? Как по-твоему, хочется тебе здесь умереть? — Он занес перед лицом Линча сжатый кулак и медленно вытянул указательный палец, указывая прямо вверх. — Мы, считай, у них на прицеле. Стоит подсадке Конроя хотя бы пикнуть, и они тут же сядут нам на хвост.

— Если уже не сели.

— Верно.

— Сат — вот кто тебе нужен, — выдавил Линч. — Это не я, и вряд ли это Уэббер. — Сломанные, с черными ободками ногти рассеянно поскребли в бороде. — А теперь: ты привел меня сюда только для этой беседы или все еще хочешь поглядеть на нашу жестянку с япошками?

— Пойдем поглядим.

Линч. Это был Линч.

Когда-то в Мексике, много-много лет назад,

Тернер зафрахтовал переносной прогулочный модуль французского производства на солнечных батареях. Семиметровый корпус модуля походил на бескрылую муху в панцире из полированной стали. Глаза — две одинаковые полусферы из затемненного фоточувствительного пластика; Тернер сидел за ними, а двухвинтовой русский грузовой вертолет летел вдоль берега, сжимая в челюстях модуль и едва-едва не задевая им кроны самых высоких пальм. На пятачке удаленного пляжа с черным песком Тернер провел три дня в комфортном уединении узкой, обитой тиком кабины, готовя еду в микроволновке и бережливо, но регулярно обливаясь холодной пресной водой. Прямоугольные клумбы солнечных батарей вращались, следуя за солнцем, и он научился определять время по их положению.

Переносной нейрохирургический бокс «Хосаки» напоминал безглазую версию того французского модуля, может, метра на два длиннее, и покрашен он был в тускло-коричневый цвет. К нижней части обшивки недавно через равные интервалы приварили уголки перфорированного металла, а под ними на обычной пружинной подвеске установили с десяток толстых, глубоко рифленых мотоциклетных шин из красной

резины.

— Они спят, — сказал Линч. — Эта штука покачивается, когда внутри кто-то ходит, так что это всегда видно. Когда придет время, мы снимем колеса, но пока нам хотелось бы иметь возможность следить за ними.

Тернер медленно обошел коричневый фургон, заметив черный глянцевый сливной шланг, уходивший в маленький прямоугольный резервуар по соседству.

— Прошлой ночью как раз опорожняли, господи прости. — Линч покачал головой. — У них там есть еда, сколько-то воды.

Тернер приложил ухо к обшивке.

— Звуконепроницаема, — пояснил Линч.

Тернер поднял взгляд к стальной крыше над головой. Сверху хирургический бокс был экранирован добрым десятком метров ржавеющей крыши. Единый лист железа, к тому же горячий сейчас настолько, что можно поджарить на нем яичницу. Тернер задумчиво кивнул. Этот горячий прямоугольник — постоянная деталь на инфракрасном сканере «маасовских» спутников.

— Летучие мыши, — сказала Уэббер, протягивая ему «смит-и-вессон» в наплечной кобуре из черного нейлона.

Сумерки были полны звуков, исходивших как будто откуда-то изнутри: металлическое квакание и цоканье жуков, крики невидимых птиц. Тернер засунул револьвер, а потом и кобуру в карман парки.

— Хочешь поссать, — добавила она, — пройди вверх мимо того куста, но смотри, кругом колючки.

— Ты откуда?

— Из Нью-Мексико, — ответила женщина.

В угасающем свете ее лицо казалось вырезанным из дерева. Она повернулась и зашагала прочь, к стыку стен, приютившему брезентовые навесы. Тернер различил там силуэты Сатклиффа и какого-то молодого цветного. Они что-то ели из пакетов матовой фольги. Похоже, это — Рамирес, компьютерный жокей, партнер Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса.

Тернер взглянул вверх в чашу неба — бескрайнюю, как звездная карта. Странно, почему отсюда оно кажется таким огромным, подумалось ему, а с орбиты — это просто бесформенная бездна, где масштаб теряет всякое значение. Тернер знал, что и сегодня ему не уснуть, что Большая Медведица вихрем закружится для него, а потом канет за горизонт, утянув за собою хвост.

Его ударила тошнотворная и дезориентирующая волна — в мозг вдруг непрошено хлынули образы из досье с биософта.

8
Париж

Андреа жила в Картье-де-Терн, где ее старинный дом вместе со всеми прочими ждал нашествия неуемных городских реставраторов с пескоструйными машинами. В подъезде было темно, только биофлюоресцентные полоски «Фудзи электрик» едва тлели над ветхой стенкой маленьких деревянных ячеек; у некоторых даже еще сохранились на месте дверцы с прорезями. Марли знала, что когда-то почтальоны ежедневно проталкивали в эти щели квитанции и письма. Что-то очень романтичное было в самой этой идее, однако ячейки с их желтеющими визитными карточками, оповещавшими о роде занятий давно исчезнувших жильцов, почему-то всегда действовали на нее угнетающе. По стенам коридора змеились разбухшие кабели и оптоволоконные провода, каждая связка — потенциальный кошмар для какого-нибудь бедняги-монтера. В дальнем конце коридора через открытую дверь с панелями из линзового стекла виднелся заброшенный внутренний двор,

где от сырости влажно блестел булыжник.

Когда Марли вошла в парадное, консьерж сидел во внутреннем дворике на белом пластмассовом ящике, в былые времена служившем упаковкой для бутылок воды «Эвиан». Консьерж звено за звеном терпеливо смазывал черную цепь от старого велосипеда. Когда Марли стала взбираться по первому лестничному пролету, он поднял на нее глаза, но не проявил особого интереса.

Мраморные ступени давно потеряли былой блеск, покрывшись шершавыми выбоинами от ног бесчисленных поколений жильцов. Квартира Андреа находилась на четвертом этаже. Две комнаты, кухня и ванная. Марли приехала сюда, в последний раз заперев свою галерею, когда стало больше невозможно спать в импровизированной спальне — маленькой комнатке за складом, которую она делила с Аленом. Теперь этот дом вновь грозил ввергнуть ее в замкнутый круг депрессии, но ощущение новой одежды и опрятный стук каблучков по мрамору удерживали от этого. На Марли была просторная кожаная куртка несколькими тонами светлее сумочки, шерстяная юбка и шелковая блузка от «Пари Исэтан». Сегодня утром она постриглась в предместье Сен-Оноре у бирманки с немецким лазерным карандашом

— дорогая стрижка, утонченная, без излишней консервативности.

Марли коснулась круглой пластины, привинченной в центре двери Андреа. Услышала, как та тихонько пискнула, считывая линии и завитки отпечатков пальцев.

— Андреа, это я, — сказала она в крохотный микрофон.

Последовала череда щелчков и позвякиваний — это подруга открывала дверь.

И вот Андреа стоит на пороге — в лужице воды и старом махровом халате. С полминуты француженка восхищенно рассматривала новую прическу Марли, потом улыбнулась:

— Так ты получила эту свою работу или просто ограбила банк?

Переступив порог, Марли поцеловала подругу в мокрую щеку.

— Судя по ощущениям, немного и того и другого, — рассмеялась она.

— Кофе, — сказала Андреа, — свари нам кофе. Со сливками. Мне нужно еще сполоснуть волосы. А твоя прическа просто чудо… — Она исчезла в ванной, и до Марли донесся плеск воды по фаянсу.

— Я привезла тебе подарок! — крикнула ей вслед Марли, но Андреа не расслышала.

Пройдя в кухню, Марли налила воды в чайник, зажгла плиту от старомодной электрозажигалки и начала рыться на заставленных всякой всячиной полках в поисках кофе.

— Пожалуй, да, — говорила за кофе Андреа, — теперь понимаю. — Она рассматривала голограмму шкатулки, которую Марли впервые увидела в вирековском конструкте парка Гауди. — Это в твоем стиле. — Она тронула клавишу, и «брауновская» иллюзия исчезла; за единственным окном комнаты небо, будто причудливой гравировкой, было разукрашено венчиками перистых облаков. — Что до меня, это слишком угрюмо, слишком серьезно. Как и те работы, что ты выставляла в своей галерее. Но значить это может только одно: герр Вирек не ошибся в выборе; ты ему решишь эту загадку. А при том, сколько он платит, я бы на твоем месте не торопилась.

Андреа щеголяла в подарке Марли — дорогой, восхитительно проработанной мужской блузе из серой фламандской фланели. Андреа просто обожала такой стиль, и ее радость при виде блузы была очевидной. Фланель почти под цвет ее глаз идеально оттеняла пепельные волосы.

— Он просто ужасен, этот Вирек. Мне кажется… — Марли запнулась.

— Охотно верю, — отозвалась Андреа, прихлебывая кофе. — А ты что, ждала, что денежный мешок окажется приятным или хотя бы нормальным типом?

— В какой-то момент мне почудилось, что он не совсем человек. Я очень отчетливо это почувствовала.

— А он и не человек, Марли. Ты разговаривала с проекцией, спецэффектом…

— И тем не менее… — Она беспомощно повела рукой и тут же почувствовала досаду на саму себя.

— И тем не менее он очень, очень богат и платит тебе кучу денег, чтобы ты сделала то, на что, вероятно, никто больше и не способен. — Улыбнувшись, Андреа расправила тщательно заглаженный угольно-черный манжет. — У тебя ведь не такой уж богатый выбор, правда?

— Знаю. Пожалуй, это меня и тревожит.

— Ну-у, — протянула Андреа, — я думала, что смогу ненадолго оттянуть этот разговор, но у меня есть еще кое-что, что может тебя встревожить. Если «встревожить» здесь подходящее выражение.

— Да?

— Я подумала было, может, вообще не стоит тебе об этом говорить, но уверена, что рано или

поздно он все равно до тебя доберется. На деньги у него редкое чутье.

Марли осторожно поставила пустую чашку на заваленный журналами столик из индийского тростника.

— У него очень острый нюх на такие вещи.

— Когда?

— Вчера. Началось, думаю, примерно через час после того, как должно было состояться твое собеседование с Виреком. Он позвонил мне на работу. Он оставил записку здесь, у консьержа. Если я отключу программу, — она кивнула на телефон, — уверена, он позвонит в течение получаса.

Вспомнился взгляд консьержа, позвякивание велосипедной цепи.

— Он сказал, что хочет поговорить, — продолжала Андреа. — Только поговорить. Ты хочешь поговорить с ним, Марли?

— Нет, — ответила она голосом маленькой девочки, высоким и ломким. А потом: — Он оставил номер?

Вздохнув, Андреа медленно покачала головой, потом сказала:

— Да, конечно оставил.

9
Вверху, в Новостройках

Тьму наполняли узоры — как пчелиные соты цвета крови. Было тепло. И по большей части мягко.

— Ну и бардак, — сказал один из ангелов.

Голос оказался женский и доносился откуда-то из далекого далека, но звучал нежно, музыкально и очень отчетливо.

— Надо было перехватить его еще у Леона, — сказал второй ангел, тоже женщина. — Наверху это не понравится.

— У него, похоже, что-то было в этом большом кармане, видишь? Карман разрезали, чтобы это вытащить.

— И не только карман, сестренка. Господи. Вот.

Узоры качнулись и поплыли, когда кто-то подвинул его голову. Холодная ладонь у него на щеке.

— Не испачкай себе рубашку, — сказала первый ангел.

— Дважды-в-День это не понравится. Как по-твоему, с чего это он так ломанулся?

Его это выводило из себя, потому что хотелось спать. Разумеется, он спит, но почему-то в его мозг просачиваются искусственные сны Марши, и он барахтается в рваной путанице фрагментов из самых разных серий «Важных мира сего». Мыло тянулось беспрерывно еще до его рождения, сюжет — этакий многоголовый солитер повествования, извивающийся, как магнитная лента, — каждые несколько месяцев сворачивался кольцом, чтобы поглотить самое себя, но потом отращивал новые головы, жадные до напряжения и накала страстей. Наконец Бобби смог увидеть этого корчащегося червяка целиком, во всю его длину, таким, каким Марше его никогда не увидеть, — удлиненную спираль «сенснетовской» ДНК, простершую щупальца хрупкой дешевой эктоплазмы к бесчисленным голодным сновидцам. Что до Марши, к ней повествование приходило через органы чувств Мишель Морган Магнум, главной героини, унаследовавшей корпорацию «Магнум АГ». Но сегодняшняя серия странным образом все норовила уклониться от отчаянно запутанных сердечных дел Мишель, за которыми Бобби так и так давно устал следить, и перескакивала на подробные описания социоархитектуры самодостаточных комплек-

сов-ульев типа «Солери». Некоторые детали этих описаний казались подозрительными, даже на взгляд Бобби. Он, например, сомневался, что там действительно целые этажи отведены под продажу только льдисто-голубых вельветовых комбинезонов с алмазными пряжками у колен или что другие этажи там вечно темные и заселены исключительно голодающими детьми. В это последнее, как он вроде бы смутно помнил, Марша верила беззаветно и относилась поэтому к Новостройкам с суеверным ужасом — как к некоему вертикально вздыбленному аду, куда ей придется однажды взойти. Другие фрагменты искусственного сна напомнили Бобби «сенснетовский» канал «Знание», появлявшийся у них в доме в качестве бесплатного приложения к каждой стим-подписке; там тоже были замысловатые мультипликационные диаграммы внутренней структуры Новостроек, на них накладывался монотонный голос, бубнивший лекцию об образе жизни различных их обитателей. Эти обитатели — когда Бобби удавалось на них сосредоточиться — казались еще менее убедительными, нежели вельветовые вспышки цвета голубого льда или беззвучно крадущиеся во тьме младенцы-каннибалы. Веселая молодая мать резала пиццу

огромным промышленным водяным ножом на кухоньке безупречно чистой однокомнатной квартиры. Стеклянная дверь открывалась на узкий балкон и прямоугольник мультяшно-голубого неба. Женщина была черной, но не негритянкой — Бобби подумал, что она скорее походит на какую-нибудь порнокуклу из модуля в его спальне, только очень-очень темную, юную и в образе счастливой матери. И у нее были — так казалось на первый взгляд — маленькие, но мультяшно идеальные груди. (В этот момент, как будто чтобы еще больше усилить его тупое замешательство, поразительно громкий и очень не «сенснетовский» голос сказал: «А вот это, Джекки, я определенно назвала бы признаком жизни. Не то чтобы всё пучком, но кое-что точно торчком».) Тут его закружило, и он снова вывалился в глянцевую вселенную Мишель Морган Магнум, отчаянно боровшейся за то, чтобы предотвратить поглощение своей корпорации «Магнум АГ» зловещим промышленным кланом Накамура из Сикоку. В данном случае представителем клана выступал (усложнение сюжета) основной любовник Мишель в этом сезоне, состоятельный (но почему-то жадный до пары лишних миллиардов) красавец-политик из Новой Советии Василий

Суслов, который и одеждой, и своим внешним видом удивительно смахивал на готиков из заведения Леона.

Серия, похоже, приближалась к некой кульминации: антикварный «БМВ», переоборудованный под водородный аккумулятор, был обстрелян на улице близ жилого блока «Ковина-Конкорс-Кортс» с радиоуправляемых западногерманских микровертолетов; Мишель Морган Магнум хлестала никелированным пистолетом «намбу» по щекам вероломного личного секретаря, а Суслов, с которым Бобби все больше начинал идентифицироваться, надумал смыться из города с роскошной феминой-телохранителем, та была японкой, однако почему-то крайне напоминала Бобби еще одну девицу из его голографического порномодуля — но тут кто-то закричал.

Бобби никогда не слышал, чтобы так кричали, и в голосе кричавшего было что-то до ужаса знакомое. Но прежде чем он успел начать переживать из-за этого, перед глазами у него вихрем закружились кроваво-красные соты, и он пропустил конец «Важных мира сего». Мелькнула невнятная мысль — красный вихрь как раз сменился черным, — что он всегда может спросить у Марши, чем же там закончилось.

— Открой глаза, приятель. Вот так. Свет слишком яркий?

«Слишком» еще мягко сказано, но это ничего не меняло. Белый, белый. Белизна. Он вспомнил, как его голова взорвалась, — будто много лет назад. Взрыв гранаты, вспышка сумасшедшего белого света в пронизанной холодными ветрами темноте пустыни. Его глаза открыты, но он ничего не видит. Только белое.

— Ну, в обычной ситуации я дал бы тебе поваляться в отключке еще немного, учитывая, в каком ты, парень, состоянии. Но те, кто мне платит, говорят: «Поставь парня на ноги», так что я тебя бужу, еще не закончив работу. Хочешь спросить, почему ты ничего не видишь, да? Только белый свет — вот и все, что ты видишь, это верно. А дело в том, что у нас тут стоит реле нейропрерывания. Между нами говоря, эта штука взята из секс-шопа, но не вижу причин, почему бы не использовать ее в медицине, если так уж хочется. А нам того хочется, потому что тебе по-прежнему чертовски больно, и уж во всяком случае ты лежишь тихо, пока я работаю. — Голос был спокойным и размеренным. — Ну вот, главная проблема была у тебя со спиной, но я поставил скобы и наложил несколько футов цеплючки.

Сам посуди, кто тебе тут сделает пластическую операцию — но милашки, думаю, сочтут эти шрамы весьма привлекательными. А что я делаю теперь? Я вычищаю рану у тебя на груди, а потом мы и ее застегнем кусочком цеплючки, и все будет готово. Правда, ближайшие несколько дней тебе придется двигаться очень осторожно, иначе разойдутся скобы. Я уже налепил на тебя парочку дермов и налеплю еще несколько потом. А тем временем я собираюсь переключить твой сенсориум на аудио и полное видео, чтобы ты постепенно начинал приходить в себя. Не обращай внимания на кровь, она вся — твоя, но больше уже ниоткуда не течет.

Белизна свернулась в серое облако, предметы с медленной неуклонностью, как при ловле глюков под «пылью», стали приобретать очертания. Он распластан по обитому чем-то потолку — смотрит вниз на белую безголовую куклу. На месте головы у куклы — зеленая хирургическая лампа, которая, похоже, растет у нее из плеч. Негр в залитом кровью зеленом халате распыляет что-то желтое в разверстую рану, которая сбегает наискось от левого соска куклы и кончается почти над тазовой костью. Бобби знает, что мужчина черный, потому что тот с непокрытой головой

— непокрытой, бритой и глянцевой от пота. Руки негра скрываются под туго натянутыми зелеными перчатками. Зеленые перчатки и скользкий набалдашник лысины, ничего больше от негра, в сущности, и не видно. По обеим сторонам шеи к коже куклы присосались розовые и голубые дермодиски. Края раны кажутся выкрашенными чем-то вроде шоколадного сиропа, а желтый аэрозоль вылетает из серебристого баллончика с тихим шипением.

Тут Бобби осознал, чту перед ним, и вселенная тошнотворно опрокинулась. Лампа свисала с потолка, потолок был зеркальный, а куклой был он сам. Казалось, длинный эластичный шнур снова выдернул его сквозь красные соты назад, в комнату из сна, где черная девушка резала детям пиццу. Водяной нож не издавал ни звука, в игольчатом потоке высокоскоростной воды крутились микроскопические песчинки. Инструмент предназначался для разрезания стекла и стали, а вовсе не для того, чтобы нарезать на ломтики пиццу из микроволновки. Бобби хотелось вопить, он боялся, что женщина отрежет себе палец, даже этого не почувствовав.

Но кричать он не мог, как не мог пошевелиться или вообще издать хоть какой-то звук. Жен-

щина любовно вырезала последний кусок и, нажав ногой на отключающую нож педаль в полу, переложила нарезанную пиццу на белое керамическое блюдо, потом повернулась к прямоугольнику голубизны за балконом, где были ее дети… Нет, сказал Бобби, проваливаясь глубоко в себя, не надо. Потому что существа, которые ворвались в комнату и бросились к женщине, были не пацанами-дельтапланеристами, а страшными монстрами, младенцами-каннибалами из снов Марши. У них были крылья, порванные в лохмотья, — мешанина розовых костей, металла, туго натянутых перепонок из пластиковых лоскутов… Он увидел их зубы…

— Уф, — сказал негр, — потерял тебя на секунду. Не надолго, понимаешь, только, быть может, на одну нью-йоркскую минутку…

Его рука в зеркале над головой взяла из кровавой тряпки рядом с ребрами Бобби плоскую катушку из прозрачного синего пластика. Двумя пальцами он осторожно вытянул кусок какого-то коричневого, собравшегося бусинами вещества. По краям бусин вспыхивали крохотные точки света, дрожали и, казалось, раскачивались.

— Цеплючка, — пояснил негр и второй рукой нажал на кнопку — наверное, кнопку встроенно-

го в синюю катушку резака. Теперь отрезок нитки бус свободно качнулся и стал извиваться. — Славная хреновина, — продолжал негр, поворачивая катушку так, чтобы и Бобби тоже было видно. — Новая. Такие сейчас используют в Тибе.

Что-то коричневое, безголовое, каждая бусина — сегмент тела, каждый сегмент окаймлен бледными светящимися ножками. Потом, как фокусник взмахнув руками в зеленых перчатках, негр наложил гадину по всей длине открытой раны и легким движением оторвал последний сегмент — тот, что был ближе всего к лицу Бобби. Отделяясь, этот сегмент втянул в себя блестящую черную нить, служившую многоножке нервной системой, и каждая пара клешней, одна за другой, сомкнулась, крепко стянув края раны, — будто задернула молнию на новой кожаной куртке.

— Ну вот видишь, — сказал негр, промокая остатки шоколадного сиропа влажным белым тампоном, — не так уж было и страшно, правда?

Его вступление в апартаменты Дважды-в-День совсем не походило на то, что так часто рисовало Бобби воображение. Начать с того, что он никогда не думал, что его вкатят на кресле-каталке, позаимствованном в «Роддоме Святой Марии», — название и серийный номер были аккуратно

выгравированы лазером на тусклой хромировке левого подлокотника. Катившая его женщина, однако, вполне вписалась бы в какую-нибудь из его фантазий: ее звали Джекки — первая из двух девушек с Новостроек, которых он видел у Леона, и, насколько он понял, одна из двух его ангелов. Кресло-каталка беззвучно катилось по ворсистому серому паласу, от стены до стены устилающему узкий проход, к жилым помещениям, но золотые побрякушки на федоре весело позвякивали при каждом шаге черного ангела.

И он представить себе не мог, что хата Дважды-в-День окажется такой огромной или что в ней будет полно деревьев.

В своей импровизированной операционной Пай — доктор, не преминувший объяснить, что на самом деле никакой он не врач, а просто тот, кто «иногда помогает выпутаться», — устроившись на драном высоком табурете, стянул окровавленные зеленые перчатки, закурил сигарету с ментолом и посоветовал Бобби недельку-другую не перетруждаться. Через несколько минут Джекки и Реа — второй ангел — с трудом впихнули его в мятую черную пижаму, которая выглядела как одежда из дешевого фильма про ниндзя, плюхнули в кресло-каталку и двинулись к шахте

лифтов в сердцевине улья. Благодаря еще трем дополнительным дермам из Паевых закромов — один из них был заряжен добрыми двумя тысячами миллиграммов аналога эндорфина — в голове у Бобби прояснилось и никакой боли он не испытывал.

— Где мои вещи? — запротестовал он, когда его выкатили из первого коридора в другой, ставший опасно узким из-за десятилетних наслоений водопроводных труб и проводки. — Где моя одежда, дека и все остальное?

— Твоя одежда, дорогуша, в том виде, в каком она была, сейчас в пластиковом мешке у Пая, ждет, когда он спустит ее в мусоропровод. Паю пришлось срезать ее с тебя на столе, и, уж если на то пошло, она была просто окровавленными лохмотьями. И если твоя дека была в куртке, в заднем кармане, думаю, что те, кто тебя порезал, ее и забрали. Едва не прихватив и тебя заодно. И ты, ублюдок, ко всем чертям испортил мне рубашку от «Салли Стэнли». — Ангел Реа казалась не слишком дружелюбной.

— Ну, — протянул Бобби, когда они заворачивали за угол, — хорошо. А вы, случайно, не нашли в карманах отвертку? Или кредитный чип?

— Чипа не было, малыш. Но если ты имеешь в

виду отвертку с двумя сотнями и еще десяткой новых иен в рукоятке, то это как раз цена моей новой рубашки…

Вид у Дважды-в-День был такой, как будто толкач не особенно рад видеть Бобби. В самом деле, можно было подумать, что он вообще его не заметил. Смотрел прямо сквозь него на Джекки и Реа и скалил зубы в улыбке, целиком состоявшей из нервов и недосыпания. Бобби подкатили достаточно близко, так что ему было видно, какие желтые у Дважды-в-День белки — почти оранжевые в розовато-пурпурном свечении светодиодных трубок «гроу-лайт», которые, казалось, в полном беспорядке свисали с потолка.

— Что вас, суки, задержало? — спросил толкач, но в голосе его не было ни тени гнева, одна только смертельная усталость и еще что-то такое, что Бобби поначалу не смог определить.

— Пай, — сказала Джекки, качнув бедрами мимо кресла, чтобы взять пачку китайских сигарет с невероятных размеров деревянной конструкции, служившей Дважды-в-День кофейным столиком. — Он виртуоз, наш Пай.

— И научился этому в ветучилище, — ради Бобби добавила Реа, — но обычно он так пьян, что никто не позволит ему попрактиковаться

даже на собаке…

— Так, — сказал Дважды-в-День, останавливая наконец взгляд на Бобби, — значит, жить будешь.

Этот взгляд был настолько холодный, настолько усталый и клинически отстраненный, настолько далекий от маски этакого маниакального шустрилы, которому сам черт не брат, принимавшейся Бобби за его истинную личность, что Бобби смог только опустить глаза и уставиться в стол. Лицо у него горело.

Почти трехметровой длины стол был сколочен из бревен, каждое толще ноги Бобби. Должно быть, дерево какое-то время провело в воде; в некоторых местах еще сохранилась белесая серебристая патина плавуна, как на колоде, возле которой Бобби играл давным-давно в детстве в Атлантик-Сити. Но дерево не видело воды уже довольно давно, и столешницу покрывала плотная мозаика из воска оплывших свечей, винных пятен, странной формы луж матово-черной эмали и темных ожогов от сотен раздавленных сигарет. Стол был так завален едой, мусором и разным компьютерным железом, что казалось, это какой-то уличный торговец собрался было разгружать товар, но потом передумал и решил пообедать.

Тут были наполовину съеденные пиццы — от вида катышек криля в кетчупе у Бобби стало сводить желудок — рядом с обваливающимися стопками дискет, грязные стаканы с затушенными в недопитом красном вине окурками, розовый стироновый поднос с ровными рядами заветрившихся канапе, открытые и неоткрытые банки пива. Антикварный герберовский кинжал лежал без ножен на плоском обломке полированного мрамора. Еще на столе оказалось по меньшей мере три пистолета и, быть может, два десятка компонентов загадочного с виду компьютерного оборудования, того самого ковбойского снаряжения, при виде которого в обычных обстоятельствах у Бобби потекли бы слюнки.

Теперь же слюнки текли из-за куска холодной пиццы с крилем, но голод был ничто по сравнению с внезапным унижением, которое он испытал, увидев, что Дважды-в-День на него просто плевать. Нельзя сказать, что Бобби думал о нем именно как о друге, но он, безусловно, немало вложил в надежду, что Дважды-в-День видит в нем равного, человека, у которого хватает таланта и инициативы и у которого есть шанс выбраться из Барритауна. Но взгляд Дважды-в-День сказал ему, что он, в сущности, никто и к

тому же вильсон…

— Взгляни-ка на меня, друг мой, — сказал голос, но это был не Дважды-в-День, и Бобби поднял глаза.

По обе стороны от Дважды-в-День на пухлой хромировано-кожаной кушетке оказались еще двое, оба негры. Говорящий был одет в какой-то балахон или халат, на носу у него сидели древние очки в пластмассовой оправе. Очки были ему велики, к тому же в квадратах оправы отсутствовали линзы. Другой был вдвое шире в плечах, чем Дважды-в-День, но на нем оказался строгий костюм, какие носят в кино японские бизнесмены. Безупречно белые манжеты французской рубашки были застегнуты блестящими прямоугольниками золотых микросхем.

— Просто стыд и срам, что мы не можем дать тебе немного времени подлечиться, — сказал первый, — но у нас тут серьезная проблема. — Он помедлил, снял очки и помассировал переносицу. — Нам требуется твоя помощь.

— Черт, — ругнулся Дважды-в-День.

Он наклонился вперед и, взяв из пачки на столе китайскую сигарету, прикурил ее от свинцового черепа размером с крупный лимон, потом потянулся за стаканом вина. Мужчина в очках,

протянув худой коричневый палец, постучал им по запястью Дважды-в-День. Дважды-в-День выпустил стакан и откинулся назад. Лицо его оставалось тщательно пустым. Мужчина же улыбнулся Бобби.

— Счет Ноль, — сказал он, — нам сказали, такая у тебя кличка.

— Верно, — выдавил Бобби. Вышло какое-то карканье.

— Мы хотим знать о Деве, Счет. — Негр ждал.

Бобби, прищурившись, посмотрел на него.

– *Вьей Мирак*. — Мужчина снова надел очки. — Наша госпожа, Дева Чудес. Мы знаем ее, — он сделал какой-то странный жест левой рукой, — как Эрзули Фреду.

Бобби осознал, что сидит с открытым ртом, и закрыл его. Три темных лица ждали. Джекки и Реа исчезли, но он не видел, как они ушли. Бобби охватила паника, и он, в отчаянии оглянувшись по сторонам, увидел странные заросли низкорослых деревьев, окружающих стол. Во всех направлениях свисали под различными углами светодиодные трубки. В гуще зеленой листвы проглядывали розовато-пурпурные чучела. Никаких стен. Стен вообще не видно! Кушетка и видавший виды стол стояли на какой-то прога-

лине с полом из шершавого бетона.

— Мы знаем, что она приходила к тебе, — сказал гигант, осторожно кладя ногу на ногу. Он поправил безупречную складку на брюках, и Бобби подмигнула золотая запонка. — Мы это знаем, понимаешь?

— Дважды-в-День говорит, это твой первый рейд? — вмешался второй. — Правда?

Бобби кивнул.

— Значит, ты избран Легбой, — сказал мужчина, снова снимая пустую оправу, — чтобы встретиться с Вьей Мирак. — Он улыбнулся.

У Бобби снова отвисла челюсть.

— Легба, — повторил негр. — Хозяин дорог и тропинок, лоа коммуникаций…

Дважды-в-День затушил сигарету о поцарапанное дерево, и тут Бобби увидел, что руки у него дрожат.

10
Ален

Они условились встретиться в брассерии на пятом подземном этаже комплекса «Двор Наполеона» под стеклянной пирамидой Лувра. Это место было знакомо обоим, хотя ни для одного из них не имело особого значения. Предложил его Ален, и Марли подозревала, что он очень тщательно его выбирал. Это была эмоционально нейтральная территория: знакомая обстановка, при этом не отягощенная никакими воспоминаниями. Кафе было стилизовано под прошлый век: гранитные стойки, черные балки от пола до потолка, зеркала во всю стену и итальянская ресторанная мебель из черного сварного железа, какая могла относиться к любому десятилетию за последние сто лет. Столы покрыты серыми льняными скатертями в тонкую черную полоску, этому сочетанию вторят черно-полосатые обложки меню, передники официантов и спичечные коробки.

Для встречи Марли надела кожаную куртку, приобретенную еще в Брюсселе, красную льня-

ную блузку и новые джинсы из черного хлопка. Андреа сделала вид, что не замечает, как старательно подруга подбирает одежду, а потом одолжила простую нитку жемчуга, который отлично оттенял блузку.

Едва успев войти, Марли поняла, что Ален пришел заранее, — стол уже был завален его барахлом. На Алене был его любимый шарф, тот, что они купили вместе год назад на блошином рынке, и, как обычно, выглядел Ален всклокоченным, но совершенно в своей стихии. Потрепанный кожаный атташе-кейс изверг свое содержимое на небольшой квадрат полированного гранита: блокнотики на спирали, нечитаный том самого скандального романа месяца, «голуаз» без фильтра, коробок деревянных спичек, переплетенный в кожу ежедневник, который она приобрела ему в «Браунсе».

— А я уже думал, ты не придешь, — сказал он с улыбкой.

— Почему ты так решил? — спросила Марли.

Вопросом на вопрос — спонтанная реакция (какая жалкая, подумалось ей) в нелепой попытке замаскировать ужас, который она наконец позволила себе испытывать. Страх снова потерять себя, потерять волю и стимул жить, страх перед

любовью, которая еще жива. Марли пододвинула второй стул и села. Возле нее тут же возник молодой официант в полосатом переднике — судя по виду, испанец, — чтобы принять заказ. Она заказала воду «Виши».

— Это все? — спросил Ален; официант услужливо наклонился.

— Да, спасибо.

— Я уже несколько недель пытаюсь с тобой связаться, — сказал Ален.

Марли понимала, что это ложь; и все же, как с ней часто случалось и ранее, спросила себя: а сознает ли он сам до конца, что снова лжет? Андреа утверждала, что подобные Алену лгут так постоянно и так искренне, что вскоре перестают различать, где в их словах правда, а где вымысел. Они своего рода артисты, говорила Андреа, они одержимы желанием переиначить реальность. И Новый Иерусалим тогда — воистину прекрасное местечко: свобода и от перерасхода кредитного лимита, и от ворчания домохозяев, и от необходимости искать кого-то, кто оплатил бы счет за вечер.

— Я что-то не заметила, чтобы ты пытался связаться со мной, когда Гнасс привел полицию.

Марли надеялась, что эта фраза заставит его

хотя бы поморщиться. Впустую. Мальчишеское лицо под шапкой непослушных русых волос, которые он по привычке зачесывал назад пятерней, осталось невозмутимо-спокойным.

— Прости, — только и сказал он, давя в пепельнице «голуаз».

Аромат черного французского табака постепенно стал ассоциироваться для Марли с Аленом, и Париж теперь казался ей городом, где на каждом шагу его запах, его призрак, цепочка его следов.

— Я был уверен, что он никогда не обнаружит, гм… происхождение работы… Ты должна понять: как только я признался самому себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в деньгах, я решил, что должен что-то предпринять. Я же знаю: сама ты — идеалистка. Галерею в любом случае пришлось бы закрыть. Если бы с Гнассом все прошло по плану и мы получили бы все, что хотели, ты была бы счастлива. Счастлива, — повторил он, вытаскивая очередную сигарету из пачки.

Марли могла лишь ошеломленно смотреть на него, испытывая тошнотворное отвращение к самой себе за желание в это поверить.

— Знаешь, — продолжал он, вынимая спичку из красно-желтого коробка, — у меня ведь и раньше были сложности с полицией. В студенческие

годы. Политика, разумеется.

Он чиркнул спичкой, бросил на стол коробок и прикурил.

— Политика, — произнесла она и вдруг поняла, что ей отчаянно хочется рассмеяться. — Я и не подозревала, что существует партия для таких, как ты. Даже представить себе не могу, как она может называться.

— Марли, — сказал он, понизив голос; он всегда так делал, желая подчеркнуть силу своих чувств, — ты же знаешь, не можешь не знать, что я сделал это ради тебя. Ради нас, если хочешь. Но ты, конечно же, это знаешь. Ты же знаешь, *чувствуешь*, Марли, что намеренно я никогда бы тебя не обидел, не подверг бы опасности.

На загроможденном столике не нашлось места для ее сумочки, пришлось поставить ту на колени. Теперь Марли вдруг осознала, что впивается ногтями в мягкую толстую кожу.

— Никогда бы не обидел…

Голос был ее собственным, а в нем — потерянность и ошеломление. Голос ребенка. Внезапно она почувствовала себя свободной, свободной от любви и желания, свободной от страха, и все, что она испытывала к красивому лицу по ту сторону стола, исчерпывалось примитивным отвраще-

нием. И она могла только смотреть на него в упор, на этого совсем чужого ей человека, рядом с которым она целый год спала в задней комнатке очень маленькой галереи на рю Мосонсей. Официант поставил перед ней стакан «Виши».

Ален, должно быть, воспринял ее молчание за готовность к примирению, абсолютную пустоту ее лица — за открытость.

— Вот чего ты не понимаешь… — (Насколько она помнила, эта фраза была его излюбленным вступлением.) — Все эти Гнассы существуют в каком-то смысле лишь для того, чтобы поддерживать искусство. Поддерживать нас, Марли. — Тут он улыбнулся, как будто смеясь над самим собой, улыбнулся беспечной, заговорщицкой улыбкой, от которой теперь ее пробрал холод. — Однако, думаю, мне все же следовало признать за ним крупицу здравого смысла, предположить, что у него хватит ума нанять собственного эксперта по Корнеллу. Хотя мой эксперт, уверяю тебя, из них двоих был гораздо компетентнее…

Как ей отсюда сбежать? «Встань, — сказала она самой себе. — Повернись. Спокойно пройди к выходу. Выйди через дверь». Наружу, в приглушенное изобилие «Двора Наполеона», где полированный мрамор сковал рю де Шам Флери,

улочку четырнадцатого века, которая, говорят, сначала предназначалась для проституток. Что угодно, все что угодно, только бы уйти. Уйти прямо сейчас — и подальше от него. Уйти куда глаза глядят, чтобы затеряться в Париже, городе туристов, исхоженном ею вдоль и поперек еще в первый свой приезд.

— Но теперь, — говорил Ален, — ты же сама видишь, что все вышло к лучшему. Так часто случается, правда ведь? — И снова эта улыбка, на этот раз мальчишеская, слегка завистливая и — к ее ужасу — гораздо более интимная. — Мы потеряли галерею, но ты нашла место, Марли. У тебя есть работа, интересная работа, а у меня — связи, которые тебе понадобятся. Я знаю людей, с которыми тебе нужно будет встретиться, чтобы найти своего художника.

— Своего художника? — переспросила она, скрывая внезапную растерянность за глотком «Виши».

Открыв потрепанный кейс, он вынул оттуда нечто плоское — самую обычную эхо-голограмму. Марли взяла ее, благодарная, что хоть чем-то может занять руки, — и, всмотревшись, поняла, что это небрежно сделанный снимок шкатулки, которую она видела в вирековском конструкте

Барселоны. Кто-то протягивал шкатулку вперед к камере. Руки мужские, не Алена, на правой — перстень-печатка из какого-то темного металла. Фон расплывался. Только шкатулка и руки.

— Ален, — с трудом выдавила она, — откуда у тебя это?

Подняв глаза, она встретила взгляд карих глаз, полных пугающего ребяческого триумфа.

— Кое-кому очень дорого придется заплатить, чтобы это выяснить. — Он загасил сигарету. — Извини.

Встав из-за стола, Ален удалился в сторону туалетов. Когда он исчез за зеркалами и черными стальными балками, она уронила голограмму и, потянувшись через стол, откинула крышку кейса. Ничего, только синяя эластичная лента и табачные крошки.

— Принести вам что-нибудь еще? Может быть, еще «Виши»? — Подле нее стоял официант.

Она подняла на него глаза, ее вдруг поразила не мысль, а скорее ощущение, что она знает этого человека. Худое смуглое лицо…

— У него радиопередатчик, — вполголоса проговорил официант. — К тому же он вооружен. Я был тем коридорным в Брюсселе. Соглашайтесь на его условия. Помните, что деньги для вас зна-

чения не имеют. — Он взял ее стакан и аккуратно поставил его на поднос. — И очень вероятно, что эта игра для него закончится плохо.

Вернулся Ален. Улыбающийся.

— А теперь, дорогая, — сказал он, потянувшись за сигаретами, — мы можем поговорить о деле.

Марли улыбнулась в ответ и кивнула.

11
На площадке

Он наконец позволил себе поспать часа три. Рухнул на матрас в бункере без окон, где передовая группа обустроила командный пункт. Прежде чем лечь, Тернер познакомился с остальными членами команды. Рамирес оказался худым, нервным, постоянно зацикленным на собственной сноровке компьютерного жокея. Немудрено: вся команда зависела от его способности — в тандеме с Джейлин Слайд на океанской платформе — следить за киберпространством вокруг того сектора решетки, где располагались основательно обледенелые базы данных «Маас-Биолабс». Если в последний момент «Маас» все же засечет присутствие незваных гостей, Рамиресу, возможно, удастся передать хоть какое-то предупреждение. В его задачу входило также перегонять данные медицинского обследования из нейрохирургического бокса на нефтяную платформу — сложная многоступенчатая процедура, позволяющая удерживать «Маас» в неведении. Линия шла сперва к телефонной будке посреди пустыни. Проскочив

через эту будку как в дверь, Рамирес и Джейлин будут действовать в матрице на свой страх и риск. Если они спалятся, «Маас» сможет вычислить их площадку. Был еще Натан, ремонтник, чья подлинная работа заключалась в надзоре за оборудованием в бункере. Если рухнет какая-то часть системы, будет небольшой шанс, что он сумеет все это исправить. Натан принадлежал к той же разновидности рода человеческого, что и Оуки и тысячи ему подобных, с которыми Тернер работал многие годы, — бродячие техи, любившие доплату за риск и доказавшие, что умеют держать рот на замке. Остальные: Комптон, Тедди, Коста и Дэвис — это просто дорогостоящие шестерки, солдаты удачи, в общем, тот тип людей, кого нанимают помахать кулаками. Именно ради них Тернер с особым тщанием прилюдно расспросил Сатклиффа о том, как подготовлено отступление. Сатклиффу пришлось подробно объяснить, где сядут вертолеты, каков порядок загрузки и как и когда в точности будет произведена выплата денег.

Потом Тернер попросил всех оставить его в бункере одного и приказал Уэббер разбудить его через три часа.

Сам бункер предполагался то ли как насосная

станция, то ли что-то вроде коммутатора электронных сетей. Выступавшие из стен обрубки пластмассовых труб в равной степени могли служить как для телефонных линий, так и для линий канализации. Тернер внимательно осмотрел помещение и не нашел никаких признаков того, что какая-нибудь из этих труб была раньше куда-то подсоединена. Потолок, единый пласт литого бетона, нависал слишком низко, чтобы Тернер мог выпрямиться во весь рост. В бункере стоял сухой, пыльный, но в общем и целом не такой уж неприятный запах. Команда вычистила помещение, прежде чем занести столы и оборудование, но на полу завалялось несколько желтых хлопьев газетной бумаги, которые рассыпались при прикосновении. Кое-где Тернер различал буквы, иногда целое слово.

Вдоль двух стенок буквой «Г» выстроились походные металлические столы, заставленные множеством сверхсложных коммуникационных приборов. Лучшее, что смогла раздобыть «Хосака», подумал он.

Хоть и приходилось пригибаться, он внимательно осмотрел все столы, легонько касаясь каждой консоли, каждого черного ящика. Основательно модифицированная армейская

бортовая рация, настроенная на пакетную передачу. Она обеспечит им связь в том случае, если Рамирес и Джейлин напортачат с передачей по телефонному кабелю. Пакеты были записаны заранее — тщательно продуманная техническая белиберда, закодированная лучшими шифровальщиками «Хосаки». Содержание каждого отдельного пакета не имело никакого смысла, но последовательность, в которой они будут передаваться, должна донести довольно примитивное сообщение. Последовательность «Би-Си-Эй» проинформирует «Хосаку» о прибытии Митчелла; «Эф-Ди» — о его отбытии с площадки, «Эф-Джи» даст сигнал о смерти перебежчика и, соответственно, свертывании операции. Нахмурившись, Тернер побарабанил пальцами по рации. Ему совсем не нравилось, как Сатклифф все это организовал. Если извлечение провалится, маловероятно, что они выберутся отсюда, — не говоря уже о том, чтобы убраться, не оставляя следов. К тому же Уэббер преспокойно сообщила, что ей дан приказ в случае провала операции расстрелять хирургический бокс из ручного противотанкового ракетомета.

— Врачи это знают, — сказала Уэббер. — Готова поспорить, им за это и платят.

Остальные члены команды всецело зависели от вертолетов, базирующихся в окрестностях Тусона. Тернер прикинул, что «Маас», если что-то пронюхает, без труда сможет перехватить их на подлете. Когда он изложил свои возражения Сатклиффу, австралиец только пожал плечами:

— Ну это, конечно, не то, как я сыграл бы при лучшем раскладе, коллега, но всех нас тут время несколько поджимало, да?

Рядом с передатчиком разместился сложный биомонитор «Сони», напрямую соединенный с нейрохирургическим боксом. В его память заранее загрузили медицинскую карту Митчелла, переписанную с биософта. Когда придет их черед, хирурги получат доступ к медкарте перебежчика; процедуры же, производимые в боксе, будут одновременно передаваться назад на «Сони» для архивации. Затем Рамирес, нарастив на архивные блоки ледяную корку, сможет закидывать данные в киберпространство, где для страховки параллельно подключится Джейлин Слайд со своей деки на нефтяной платформе. Если все пройдет гладко, то к тому моменту, когда Тернер на истребителе доставит Митчелла в Мехико, в исследовательском центре «Хосаки» ученого уже будет ждать обновленная медкарта. Тернер

никогда не видел ничего подобного этому «Сони», но мог предположить, что у голландца в его сингапурской клинике наверняка было что-то похожее. С этой мыслью он поднял руку к голой груди и провел пальцами по давно исчезнувшему шраму от пересадки ткани.

На втором столе размещалась киберпространственная аппаратура. Дека была идентична той, какую он видел на нефтяной платформе: прототип «Маас-Неотек». Конфигурация деки выглядела стандартной, но Конрой говорил, что она собрана из новых биочипов. На крышку консоли был прилеплен ком бледно-розового пластика величиной с кулак. Кто-то — может быть, и Рамирес — выдавил в нем два глаза и грубо прочертил кривую идиотскую ухмылку. Два провода, голубой и желтый, тянулись из розового лба рожицы к одной из черных труб, выступающих из стены за консолью. Еще одна — спасибо Уэббер — мера предосторожности на случай «маасовской» атаки. Тернер, хмурясь, поглядел на провода: если в таком маленьком, да еще закрытом помещении рванет заряд такой мощности, в бункере с гарантией не выживет никто.

Болели плечи, макушка то и дело чиркала по шершавому бетону потолка, но Тернер продол-

жал свою инспекцию. Остальную часть стола занимали периферийные устройства — несколько черных коробок, расставленных с маниакальной тщательностью. Тернер подозревал, что каждый модуль находится на строго определенном расстоянии от соседа и что они предельно точно выровнены относительно друг друга. Рамирес, должно быть, расставил их собственноручно, и Тернер не сомневался, что, коснись он какой-нибудь коробочки, сдвинь ее хоть на десятую долю миллиметра, жокей тотчас же узнает об этом. С подобным невротичным подходом Тернер, и ранее имевший дело с компьютерщиками, уже сталкивался, так что о Рамиресе это не говорило ровным счетом ничего. Впрочем, Тернер встречал и других жокеев, которые, бывало, выворачивали этот невроз наизнанку, превращая свои пульты в беспорядочную мешанину кабелей и проводов, напоминающую крысиное гнездо; эти суеверно чурались любого проявления опрятности, оклеивая свои консоли картинками игральных костей и скалящимися черепами. Ничего нельзя предугадать заранее, думал Тернер; или Рамирес и вправду хорош, или все они, что вполне вероятно, скоро станут трупами.

На дальнем конце стола лежали пять клип-

совых раций «Телефункен» с самоклеющимися горловыми микрофонами — каждая запаяна в индивидуальную пузырчатую упаковку. Во время критической фазы побега, которую Тернер оценивал в двадцать минут до и после прибытия Митчелла, он сам, Рамирес, Сатклифф, Уэббер и Линч будут поддерживать связь через эфир, хотя использование передатчиков следовало свести к минимуму.

За «Телефункенами» — немаркированная пластиковая коробка с двадцатью шведскими катализаторными грелками для рук; плоские обтекаемые бруски из нержавеющей стали вложены каждый в свой чехол из рождественской красной фланели, стянутый шнурком.

— Ну, умен, собака, — задумчиво сказал Тернер коробке. — До этого я мог бы додуматься и сам…

Он уснул на рифленой поролоновой подстилке из снаряжения автостопщиков, развернутой на полу командного поста, накинув на себя, как одеяло, парку. Конрой был прав насчет ночного холода в пустыне, но бетон, казалось, еще сохранял дневной жар. Комбинезон и туфли Тернер снимать не стал; Уэббер посоветовала, чтобы, одеваясь, он всякий раз тщательно встряхивал одежду и обувь.

— Скорпионы, — пояснила она. — Они любят пот, любую влагу.

Прежде чем лечь, он вынул из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон», аккуратно положил его возле поролона. Оставив включенными два фонаря на батарейках, Тернер смежил веки.

И соскользнул в мелководье сна. Замелькали беспорядочные образы; фрагменты митчелловского досье сливались с кадрами его собственной жизни. Вот они с Митчеллом таранят автобусом стеклянную стену и, не снижая скорости, влетают в вестибюль гостиницы в Марракеше. Ученый радостно улюлюкает, нажимая на кнопку, которая взрывает две дюжины канистр с нитроцеллюлозой, прикрученных по бокам машины, и Оуки тоже тут — предлагает Тернеру виски из бутылки и желтый перуанский кокаин с круглого зеркальца в пластиковом ободке, которое он в последний раз видел в сумочке Эллисон. Тернеру кажется, что он видит за окнами автобуса Эллисон, задыхающуюся в клубах газа; он пытается сказать об этом Оуки, указать на нее, но стекла сплошь залеплены голограммами мексиканских святых, почтовыми открытками с изображением Девы Марии, и Оуки протягивает что-то круглое и гладкое, шар из розового хрусталя… И Тернер видит

свернувшегося внутри паука, паука из ртути, но Митчелл смеется — с его зубов капает кровь — и протягивает раскрытую ладонь, предлагая Тернеру серый биософт. Тернер видит, что досье — это на самом деле мозг. Серовато-розовый и живой под влажной прозрачной мембраной, мозг мягко пульсирует в руке Митчелла… И тут Тернер, обрушившись с какого-то подводного уступа сна, плавно погружается в беззвездную ночь.

Его разбудила Уэббер. Ее жесткие черты лица были обрамлены квадратом дверного проема, на плечах складками собралось прибитое к притолоке армейское одеяло.

— Вот твои три часа. Медики проснулись, если хочешь — можешь с ними поговорить, — с этими словами она удалилась. Под тяжелыми ботинками заскрипел гравий.

Врачи «Хосаки» ждали возле автономного нейрохирургического бокса. В свете пустынного заката в своих модно измятых выходных костюмах — последний писк сезона с Гиндзы[37] — они выглядели так, будто только что сошли с платформы какого-нибудь передатчика мате-

[37] notes: 37

Гиндза — торговая улица в центре Токио, средоточие модных магазинов.

рии. Один из мужчин кутался в огромный, не по росту, мексиканский жилет ручной вязки, что-то вроде перепоясанного кардигана, такие Тернер видел на туристах в Мехико. Остальные двое спрятались от холода пустыни под дорогими герметичными лыжными куртками. Мужчины были на голову ниже кореянки — эта стройная женщина с резкими архаичными чертами лица и ярко-красным ирокезом на голове напомнила Тернеру хищную птицу. Конрой сказал, что двое — люди компании, и Тернер отчетливо это ощутил. А вот в женщине чувствовалась аура, присущая его собственному миру. Подпольный врач, человек вне закона. Вот кто нашел бы общий язык с голландцем, подумал он.

— Я Тернер, — представился он. — Я отвечаю за операцию.

— Наши имена вам без надобности, — отрезала женщина, а двое врачей из «Хосаки» машинально поклонились; обменявшись взглядами, они посмотрели на Тернера, потом снова на кореянку.

— Верно, — отозвался Тернер, — необходимости нет.

— Почему нам до сих пор отказывают в доступе к медицинским данным нашего пациента? — спросила кореянка.

— Требования безопасности, — сказал Тернер.

Ответ вышел почти автоматическим. На самом деле он не видел причин препятствовать им в изучении досье Митчелла.

Женщина пожала плечами и отвернулась. Ее лицо скрылось за поднятым воротником гермокуртки.

— Желаете осмотреть бокс? — спросил японец в огромном кардигане. Лицо его выражало настороженную вежливость — маска безупречного служащего корпорации.

— Нет, — ответил Тернер. — Мы перевезем вас на стоянку за двадцать минут до прибытия пациента. Снимем колеса, опустим бокс, для равновесия подставим домкраты. Сливной шланг будет отсоединен. Модуль должен быть в полной готовности через пять минут после того, как мы опустим его на землю.

— Проблем не будет, — улыбнулся японец.

— Теперь расскажите мне, что вы намерены предпринять. Что вы собираетесь сделать с пациентом и как это может на нем отразиться.

— Так вы *не знаете*? — резко спросила женщина, поворачиваясь, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Я попросил *вас* рассказать *мне*, — отрезал Тернер.

— Мы немедленно проведем сканирование на предмет смертельных имплантатов, — сказал мужчина в кардигане.

— Это что, какие-нибудь бомбы в коре головного мозга?

— Сомневаюсь, что мы столкнемся с чем-то настолько грубым, — вступил второй. — Однако мы действительно просканируем его на предмет всего спектра устройств, вызывающих летальный исход. Одновременно будет сделан полный анализ крови. Насколько мы понимаем, его нынешние работодатели специализируются на исключительно сложных биохимических системах. Поэтому вполне вероятно, что наибольшую опасность следует ожидать именно с этой стороны.

— В настоящее время довольно модно начинять служащих высших эшелонов подкожными устройствами, которые впрыскивают в кровь препараты, сходные с инсулином, — вмешался его напарник. — Так у субъекта можно вызвать искусственную зависимость от, скажем, синтетического аналога определенного фермента. В том случае, если подкожные капсулы не перезаряжаются через регулярные промежутки времени, удаление от источника — в данном случае от

работодателя — может привести к травме.

— Мы готовы справиться и с этим, — вставил второй.

— Ни один из нас даже отдаленно не готов иметь дело с тем, с чем, как я подозреваю, нам придется столкнуться, — сказала подпольный врач.

Голос ее был холоден, подобно ветру, который дул теперь с востока. Тернер слышал, как над головой по ржавым листам металла шипит песок.

— Пойдем со мной, — бросил ей Тернер.

Затем развернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Вполне возможно, она ослушается его приказа, в таком случае он потеряет лицо перед остальными хирургами, но это казалось правильным ходом. Отойдя метров на десять от трейлера, он остановился. Услышал ее шаги по гравию.

— Что тебе известно? — не оборачиваясь, спросил он.

— Возможно, не больше, чем тебе, — сказала она, — а может, и больше.

— Очевидно, больше, чем твоим коллегам.

— Они исключительно талантливые люди. Но они также и… слуги.

— А ты нет.

— Как и ты, наемник. На эту операцию меня

вызвали из лучшей подпольной клиники Тибы. Чтобы подготовиться к встрече с этим прославленным пациентом, мне передали значительный объем материала. Нелегальные клиники Тибы — передний край медицинской науки. Даже «Хосака» не могла этого знать: мое положение в подпольной медицине позволит мне догадаться, что именно может носить в голове перебежчик. Улица пытается найти применение многим вещам, мистер Тернер. Уже несколько раз меня приглашали, чтобы извлечь эти новые имплантаты. Кое-какие из усовершенствованных микробиосхем «Мааса» уже просочились на рынок. Подобные попытки вживления — шаг вполне логичный. Я подозреваю, что «Маас» преднамеренно допускает утечку своих биосхем.

— Тогда объясни мне.

— Не думаю, что я в состоянии это сделать. — В ее голосе послышался странный оттенок смирения. — Я сказала тебе, что видела это. Я не сказала, что я понимаю. — Внезапно кончики ее пальцев пробежались по коже возле разъема в его черепе. — По сравнению с вживленными биочипами твой имплантат — все равно что деревянная нога рядом с микроэлектронным протезом.

— Но в данном случае это представляет угрозу

для жизни?

— Где уж там, — сказала кореянка, убирая руку, — только не для его собственной…

А потом он услышал, как она устало побрела назад, к хирургическому трейлеру.

Конрой прислал гонца с микрософтом, призванным помочь Тернеру в пилотировании истребителя, на котором он собирался вывезти Митчелла в исследовательский центр «Хосаки» в Мехико. Гонцом оказался почерневший на солнце человек с безумным взглядом, которого Линч называл Гарри. Это привидение с мускулами как веревки прикатило со стороны Тусона на отполированном песком велосипеде с лысыми полуспущенными шинами и рулем, обмотанным полосками сыромятной кожи, желтой как кость. Пока Линч вел его через автостоянку, Гарри напевал что-то себе под нос — странный звук в напряженной тишине. Его песня, если это можно было назвать песней, звучала, как будто кто-то крутит наугад ручку сломанного радиоприемника, водя стрелкой вверх-вниз по полуночным милям шкалы и вылавливая то госпел, то обрывки международных поп-хитов за последние двадцать лет. Гарри волок велосипед на себе, просунув под раму выжженное, по-птичьи худое

плечо.

— Гарри кое-что привез для тебя из Тусона, — сказал Линч.

— Вы знаете друг друга? — спросил Тернер, в упор глядя на Линча. — Может, есть общий знакомец?

— Как это понимать? — вскинулся Линч.

Тернер выдержал взгляд:

— Ты знаешь, как его зовут.

— Он сам мне назвал свое сраное имя, Тернер.

— Зовите меня Гарри, — сказал обгоревший человек и забросил велосипед в кусты.

Он безучастно улыбнулся, показав неровные выщербленные зубы. Пленка пота и пыли покрывала его голую грудь, на которой болталось странное ожерелье: на тонкую металлическую цепочку были нанизаны кусочки животного рога и меха, латунные гильзы и медные монеты, стертые от употребления так, что почти невозможно было различить, где орел, где решка. Среди всего этого барахла висел маленький кисет из мягкой коричневой кожи.

Некоторое время Тернер разглядывал ассортимент вывешенных на узкой груди предметов, а затем протянул руку и щелкнул по кривому хрящу на плетеном шнурке.

— А это что, черт побери, такое, Гарри?

— Енотов хер, — ответил тот. — У енота в шишке есть кость, причем на суставе. Это мало кто знает.

— Ты когда-нибудь встречал моего друга Линча раньше, а, Гарри?

Гарри сморгнул.

— У него были пароли, — подал голос Линч. — Существует иерархия срочности. Он знал самый старший. Он сам назвал мне свое имя. Я тебе еще нужен или я могу вернуться к работе?

— Иди, — отозвался Тернер.

Как только Линч оказался вне пределов слышимости, Гарри стал распутывать завязки кожаного кисета.

— Не стоило так обращаться с мальчиком, — заметил он. — Он и вправду очень хорош. Честное слово, я не заметил его, пока он не приставил игольник к моей шее. — Открыв мешочек, он осторожно запустил в него руку.

— Скажи Конрою, что я раскусил его шестерку.

— Прости, — сказал Гарри, извлекая сложенный пополам желтый блокнотный листок, — кого ты раскусил? — Он протянул листок Тернеру. Внутри было что-то еще.

— Линча. Он — шестерка Конроя здесь. Так ему

и передай.

Тернер развернул листок и вынул толстый армейский микрософт. На бумаге синими крупными буквами было накорябано: «НИ ПУХА НИ ПЕРА, ЗАДНИЦА. УВИДИМСЯ В КОНСУЛЬСТВЕ».

— Ты действительно хочешь, чтобы я ему это передал?

— Да.

— Ты — босс.

— Вот именно, мать твою, — сказал Тернер и, скомкав бумагу, засунул ее Гарри под мышку.

Гарри улыбнулся — мило и безучастно. Ненадолго всплывший в нем разум вновь ушел на дно, как некое водяное животное, нырнувшее в гладкое, скучное, протухшее на солнце море. Тернер заглянул в глаза, похожие на потрескавшийся желтый опал, и не увидел там ничего, кроме солнца и заброшенной трассы. Рука с отсутствующими последними фалангами на двух пальцах поднялась и рассеянно почесала недельную щетину.

— Вали отсюда, — сказал Тернер.

Гарри повернулся, вытащил из зарослей свой велосипед, хрюкнув, забросил его на плечо и побрел назад через полуразрушенную автостоянку. Огромные драные шорты цвета хаки полоска-

лись у его коленей, коллекция цепочек тихонько позвякивала на каждом шаге.

С холма метрах в двадцати левее донесся свист. Обернувшись, Тернер увидел, что Сатклифф машет ему рулоном оранжевой геодезической ленты. Пора было начинать выкладывать посадочную полосу для Митчелла. Работать придется быстро, пока солнце еще не слишком поднялось. И все равно будет очень жарко.

— Значит, — сказала Уэббер, — он прибывает по воздуху.

Повесив коричневый плевок на желтый кактус, она запихнула за щеку новую порцию копенгагенского табака.

— Вот именно, — ответил Тернер.

Он сидел рядом с ней на выступе сланцевой породы. Оба наблюдали за тем, как Линч и Натан расчищают посадочную полосу, которую Тернер с Сатклиффом огородили оранжевой лентой. Лента маркировала прямоугольник размером четыре на двадцать метров. Линч подволок к ленте отрезок проржавевшего рельса, с натугой перевалил через нее. Когда рельс загремел о бетон, что-то метнулось прочь через кусты.

— А они ведь могут увидеть эту ленту, если захотят, — сказала Уэббер, вытирая рот тыльной

стороной ладони. — Даже заголовки в утреннем факсе могут прочесть, если им того захочется.

— Знаю, — отозвался Тернер. — Но если они еще не знают, что мы здесь, сомневаюсь, что они вообще об этом узнают. А с трассы нас не видно. — Он поправил черную нейлоновую каскетку, которую дал ему Рамирес, опустив длинный козырек так, что тот уперся в солнечные очки. — Во всяком случае, мы пока просто таскаем тяжести, рискуя при этом переломать себе ноги. Едва ли в этом есть что-то странное, особенно если смотреть с орбиты.

— Пожалуй, — согласилась Уэббер.

Ее испещренное шрамами лицо под черными очками оставалось совершенно бесстрастным. Со своего места Тернер чуял запах ее пота, резкий и звериный.

— Что ты, черт побери, делаешь между контрактами, Уэббер? Когда ты не в деле? — спросил он, посмотрев на нее.

— Да побольше тебя, черт побери, — сказала она. — Часть года выращиваю собак. — Она вытащила из сапога нож и начала терпеливо править его о подметку, плавно поворачивая с каждым проходом, как мексиканский брадобрей, натачивающий свою бритву. — Ужу рыбу. Форель.

— У тебя там есть родня? В смысле, в Нью-Мексико?

— Да побольше, наверно, чем у тебя, — ровным голосом проговорила она. — Думаю, такие, как ты или Сатклифф, вы вообще ниоткуда. Живете только в деле, ведь так, Тернер? Только здесь, только сегодняшним днем, тем днем, когда прибудет ваш мальчик. Я права? — Она попробовала заточку на ногте большого пальца, потом убрала нож обратно в ножны.

— Но у тебя есть семья? Мужчина, к которому ты вернешься?

— Женщина, если хочешь знать, — сказала она. — Ты хоть что-то понимаешь в собаководстве?

— Нет, — ответил он.

— Так я и думала. — Она искоса взглянула на него. — У нас есть и ребенок. Наш собственный. Она его выносила.

— Срастили ДНК?

Она кивнула.

— Дорогое удовольствие.

— Вот именно. Если бы не надо было выплачивать кредит, меня бы здесь не было. Но она прекрасна.

— Твоя женщина?

— Наша малышка.

12
Кафе «Блан»

Идя прочь от Лувра, Марли словно кожей чувствовала, как беззвучно смещаются блоки некоего сложного шарнирного механизма, подстраиваясь к каждому ее шагу. Официант — всего лишь часть огромного целого: робкое касание, пальпация. Целое должно быть больше, гораздо больше. Как она только вообразила, что можно жить, передвигаться в противоестественном силовом поле Вирекова богатства, не подвергаясь искажению? Выбрав очередной объект — жалкую тряпицу с ярлычком «Марли Крушкова», — Вирек провернул его через чудовищные невидимые жернова своих денег. И объект изменился. Конечно, думала Марли, конечно: они постоянно вертятся вокруг меня — бдительные и незримые колесики необъятного и тонкого механизма, с помощью которого и наблюдает герр Вирек.

Некоторое время спустя она обнаружила, что стоит на тротуаре под террасой с вывеской «Блан». Кафе показалось ничем не хуже любого другого. Месяц назад она обошла бы его стороной

— слишком много вечеров они провели здесь вместе с Аленом. Теперь же, осознавая, что это и есть свобода, Марли решила, что начнет заново открывать свой собственный Париж с выбора столика в кафе «Блан». Она села возле боковой ширмы. Заказала официанту коньяк и, зябко ежась, стала смотреть на текущий мимо поток транспорта, на бесконечную реку из стекла и стали. А вокруг нее за соседними столиками незнакомые парижане ели и улыбались, пили и ссорились, с горечью прощались или клялись в вассальной верности полуденному чувству.

Но — тут Марли улыбнулась — ведь и она принадлежит к этой жизни. Что-то просыпалось в ней после долгого оцепенелого сна, что-то возвращенное ей в тот миг, когда полностью открылись глаза на жестокость Алена и на то, что она по-прежнему желает любить его. Теперь же, сидя в ожидании коньяка, Марли чувствовала, как это желание растворяется само собой. Жалкая ложь Алена странным образом разорвала путы ее депрессии. Марли не видела в этом логики: в глубине души — и задолго до истории с Гнассом — она знала, чем именно в этом мире занимается Ален. Впрочем, какая разница — для любящего-то человека? Наслаждаясь давно забытым чувством

свободы, она решила, что плевать ей на логику. Достаточно того, что она жива, сидит за столиком в «Блан» и придумывает вокруг себя сложнейший механизм, который — как она теперь знает — запустил герр Вирек.

Парадокс, думала она, глядя, как на террасу поднимается молодой официант из «Двора Наполеона». Он был все в тех же темных брюках, однако передник сменил на синюю ветровку. Темные волосы мягким крылом падали на чистый лоб. Улыбаясь, он направился к ней, твердо уверенный, что никуда она не убежит. И тут какой-то внутренний голос шепнул вдруг Марли, что надо бежать, бежать куда глаза глядят, но она знала, что даже не стронется с места. Парадокс, повторила она сама себе, наслаждаться открытием, что ты не вместилище вселенских горестей и сожалений, а всего лишь еще одно не застрахованное от ошибок животное в каменном лабиринте огромного города, — и в то же время понимать, что отныне ты — ось вращения огромного устройства, работающего на топливе чьего-то тайного желания.

— Меня зовут Пако, — сказал молодой человек, отодвигая стоящий напротив нее крашенный белым железный стул.

— Это вы были ребенком, мальчиком в парке?…

— Да, очень давно. — Он сел. — Сеньор сохранил образ моего детства.

— Я как раз сидела и думала о вашем сеньоре. — Она смотрела не на него, а на проезжавшие мимо машины; взгляд отдыхал на потоке уличного движения, на многоцветье полимеров и раскрашенной стали. — Человек, подобный Виреку, не способен абстрагироваться от собственного состояния. А его деньги давно уже живут собственной жизнью. Может быть, даже обрели собственную волю. Он почти так и сказал при нашей встрече.

— А вы философ.

— Я инструмент, Пако. Я самая новая деталь в очень старой машине в руках очень старого человека, который желает пробраться куда-то или добиться чего-то, но до сих пор терпел неудачу. Ваш хозяин перебрал тысячи инструментов и почему-то предпочел меня…

— Да вы еще и поэт!

Она рассмеялась, отведя взгляд от машин. Пако улыбался, вокруг рта запали глубокие вертикальные складки.

— По дороге сюда я представляла себе некую конструкцию, механизм — настолько огромный,

что я не способна его увидеть. Механизм, который окружает меня, предугадывая каждое мое движение.

— Так вы еще и эгоцентрист?

— Неужели?

— Пожалуй, нет. Естественно, вы под наблюдением. Наблюдают наши люди, и это к лучшему. Далее, ваш друг в баре — мы следим также и за ним. К несчастью, нам пока не удалось установить, где он приобрел ту голограмму, которую показывал вам. Вполне вероятно, она уже была у него, когда он начал названивать вашей подруге. Кто-то вышел на него, понимаете? Вам его специально подставили. Вы не находите это интригующим? Разве это не задевает притаившегося в вас философа?

— Да, наверное. В баре я воспользовалась вашим советом и согласилась на его цену.

— Тогда он ее удвоит, — улыбнулся Пако.

— Что, как вы заметили, не имеет для меня значения. Он согласился связаться со мной завтра. Полагаю, вы сможете устроить выплату денег. Он требует наличные.

— Наличные, — он закатил глаза, — как рискованно! Да, могу. Подробности мне известны. Мы следили за ходом вашей беседы. Особого труда

это не составило, поскольку он был настолько любезен, что сам вещал через капельный микрофон. Нас весьма интересует, кому именно предназначалась передача, но боюсь, он и сам этого не знает.

— Это так не похоже на него, — нахмурилась Марли. — Извиниться, оборвать разговор, не выставив прежде своих требований. Он воображает, что у него исключительное чутье на драматичность момента.

— У него не было выбора, — спокойно отозвался Пако. — Мы спровоцировали помехи, которые он принял за сбой батареи в передатчике. Что потребовало прогулки к туалетам. Он говорил очень мерзкие вещи о вас, сидя один в кабинке.

Марли жестом указала на свой стакан проходившему мимо официанту.

— Мне все еще довольно сложно определить, какую роль во всем этом играю я. В чем моя ценность. Для Вирека, я имею в виду.

— Не спрашивайте меня. Это вы тут философ. Я же просто по мере сил исполняю приказания сеньора.

— Выпьете бренди, Пако? Или, быть может, чашку кофе?

— Французы, — с глубокой убежденностью

заявил он, — ничего не понимают в кофе.

13
Обеими руками

— Можно еще раз повторить? — спросил Бобби с полным ртом, набитым рисом с яйцом. — По-моему, ты только что сказал, что это не религия.

Сняв пустую оправу, Бовуар сощурился вдоль одной из дужек.

— Этого я не говорил. Я сказал, что тебя не должно заботить, религия это или нет, — вот и все. Это просто структура. Давай лучше обсудим происходящее, иначе мы можем не найти для этого слов, концепций…

— Но ты говоришь, что эти, как ты их там назвал, лоы…

— Лоа, — поправил Бовуар, бросая очки на стол. Он вздохнул, выудил из пачки Дважды-в-День китайскую сигарету и прикурил от оловянного черепа. — Что во множественном числе, что в единственном. — Он глубоко затянулся, потом, раздув ноздри, выпустил двойную струю дыма. — Когда ты говоришь «религия», что именно приходит тебе в голову?

— Ну, сестра моей матери, она сайентистка,

причем твердокаменная, понимаешь? Есть еще одна тетка, в другом конце коридора, та — католичка. А моя старуха… — Он помедлил, еда внезапно стала безвкусной. — Она иногда вешала в моей комнате всякие голограммы. Иисус, или Хаббард, или еще какое дерьмо. Вот, пожалуй, что я имею в виду.

— С вуду все немного иначе, — сказал Бовуар. — Вуду не интересуют категории спасения или трансцендентальности. Скорее, речь идет о том, как улаживать дела. Поспеваешь за мной? В нашей системе *много* богов и духов. Все они — часть одной большой семьи, со всеми добродетелями, со всеми пороками. Есть традиционный ритуал явления всей общине, понимаешь? Вуду говорит: «Бог, конечно, есть — Гран Ме, — но Он велик, слишком велик и слишком далек, чтобы беспокоиться о том, что кто-то разгуливает с голой задницей, а кто-то не может кончить». Да брось ты, сам ведь знаешь, как это работает. Это — религия улицы, вышедшая с помоек миллионы лет назад. Вуду — как улица. Ты же не идешь походом на якудза, если какой-нибудь торчок покоцал твою сестру, правда? Никоим образом. Однако ты идешь к тому, кто может это уладить. Так?

Не переставая жевать, Бобби задумчиво кив-

нул. Еще один дерм и пара стаканов красного немало помогли, плюс крутой пиджак увел Дважды-в-День погулять среди деревьев и флюоресцентных чучел, оставив Бобби с Бовуаром. Потом объявилась веселая Джекки с большой миской этого самого риса с яйцом — кормежка оказалась не так уж плоха — и, ставя миску перед ним на стол, прижалась грудью к его плечу.

— Так вот, — продолжал Бовуар, — мы занимаемся улаживанием всяких дел. Если хочешь, работаем с системами. Тебя они тоже занимают, или, по крайней мере, ты хочешь ими заниматься, иначе не стремился бы в ковбои и у тебя не было бы такого прозвища, да? — Он загасил бычок в захватанном пальцами стеклянном стакане с остатками красного вина. — Судя по всему, Дважды-в-День намеревался повеселиться всерьез — и как раз в тот момент, когда дерьмо попало в вентилятор.

— И что это было за дерьмо? — полюбопытствовал Бобби, тылом кисти вытирая рот.

— Ты, — нахмурился Бовуар. — Впрочем, все это — не твоя вина. Как бы ни пытался Дважды-в-День перевести стрелки на тебя.

— А он пытается? То-то он показался мне таким дерганым. И злобствует не по делу.

— Вот именно. Я бы скорее сказал, он в штаны наложил от страха.

— С чего бы это?

— Ну, видишь ли, с Дважды-в-День все не совсем так, как кажется. Я хочу сказать, он и в самом деле занимается этой фигней, о которой ты знаешь, впаривает свежетянутый софт барритаунским простофилям… прошу прощения… — Он хмыкнул. — Но основной его прицел, то есть, я хочу сказать, настоящие амбиции этого парня лежат в другой области… — Бовуар взял с подноса чахлое канапе и, осмотрев его с явным подозрением, швырнул через стол в гущу деревьев. — Его основное дело, видишь ли, — обслуживать парочку больших хунганов из Муравейника.

Бобби тупо кивнул.

— Людей, которые служат обеими руками.

— Тут я что-то совсем запутался.

— Мы с тобой говорим сейчас о профессиональных жрецах, можешь так это называть. Другими словами, просто представь себе пару больших людей — они же, кстати, помимо прочего, еще и компьютерные ковбои, — которые делают свой бизнес на том, что устраивают чужие дела. «Служить обеими руками» — есть у нас такое выражение, это значит, что они работают в обе

стороны. И в белую и в черную, понимаешь?

Бобби проглотил рис, затем мотнул головой.

— Колдуны, — сказал Бовуар. — Впрочем, не важно. Люди они сердитые, а деньги у них большие, вот и все, что тебе требуется знать. Дважды-в-День работает для этих парней мальчиком на побегушках, шестеркой. Иногда он находит что-то, что может их заинтересовать, тогда он скидывает это им, а в качестве платы рассчитывает на одолжение в будущем. Случается, таких одолжений набегает, скажем, лишний десяток, и тогда уже *они* что-то скидывают *ему*. Только их «что-то» уже совсем иного калибра, поспеваешь за мной? Скажем, они получили нечто, что, на их взгляд, обладает определенным потенциалом, но их самих пугает. Видишь ли, люди наверху склонны к некоторому консерватизму. Не понимаешь? Ну ладно, потом поймешь.

Бобби снова кивнул.

— Тот софт, который кто-нибудь вроде тебя берет напрокат у Дважды-в-День, — это ничто. Я хочу сказать, он, конечно, работает, но никто из серьезных людей не стал бы с ним возиться. Ты ведь смотришь ковбойские киношки, да? Так вот, то, что выдумывают для этих фильмов, — это детские игры по сравнению с той дрянью, с которой

может столкнуться по-настоящему серьезный оператор. Особенно когда речь идет о ледорубах. Тяжелые ледорубы, бывает, выкидывают разные фортели, даже у больших мальчиков. И знаешь почему? Потому что лед, весь по-настоящему прочный лед — стены вокруг любого крупного склада данных в матрице, — это всегда продукция ИскИна, искусственного интеллекта. Ни у кого больше нет такой сноровки, чтобы нарастить хороший лед, а потом постоянно его изменять и апгрейдить. Это значит, что всякий раз, когда на черном рынке всплывает по-настоящему мощный ледоруб, игру заранее определяют несколько факторов риска. Для начала: откуда взялся этот продукт? В девяти случаях из десяти он пришел от ИскИнов, а их же постоянно пасут, в основном Тьюринг-полиция, — просто для гарантии, что они не станут слишком умничать. Значит, тебе на голову могут в любой момент свалиться «тьюринги»: а вдруг где-нибудь какой-нибудь ИскИн захотел по-тихому срубить бабла в свой личный карман. У некоторых ИскИнов еще ведь и гражданство есть, так? Есть и еще кое-что, чего надо остерегаться: а вдруг это военный ледоруб, за ними тоже лихие ребята следят. Или, может, его попятили у какого-нибудь дзайбацу, из отдела

промышленного шпионажа, а встречаться с этими ребятами — тоже никакой радости. Сечешь, в чем загвоздка, Бобби?

Бобби кивнул. Он чувствовал себя так, будто всю свою предыдущую жизнь ждал этого момента: сидеть и слушать, как Бовуар объясняет ему механику мира, о существовании которой он мог ранее только догадываться.

— И все же ледоруб, который действительно пробивает лед, стоит дорого, я имею в виду — очень дорого. Итак, скажем, ты на рынке — мистер Крутой, и кто-то предлагает тебе такую штуковину, и ты не хочешь говорить им, мол, идите гуляйте. Следовательно, ты ее покупаешь. Покупаешь втихую, но не запускаешь сам, нет. Что ты с ней делаешь? Ты привозишь ее домой, даешь в работу своим техам, так чтобы она выглядела как что-нибудь средненькое. Скажем, вгоняешь вот в такой вот формат, — он постучал пальцем по стопке софтов на столе, — и, как обычно, скидываешь своей шестерке, перед которой у тебя должок…

— Погоди-ка, — вмешался Бобби, — что-то мне это не нравится…

— Это хорошо. Значит, ты умнеешь на глазах или, во всяком случае, становишься чуть умнее.

Потому что так они и сделали. Привезли программу сюда твоему приятелю-толкачу, мистеру Дважды-в-День, и поделились своей печалью. «Туз, — сказали они, — нам нужно проверить эту хрень, испытать в деле, но мы никоим образом не намерены делать этого сами. Дело за тобой, мальчик». И что же Дважды-в-День? Вставляет кассетку? Никоим образом. Он просто делает то же самое, что сделали с ним большие мальчики, разве что даже не дает себе труда шепнуть словцо тому, кто поработает за него. А делает он следующее: находит базу на Среднем Западе, базу, под завязку нашпигованную программами по уклонению от налогов и блок-схемами отмывки иен для какого-нибудь борделя в Канзас-Сити. Каждый, кто не вчера родился, знает, что эта дрянь по уши во льду, в черном льду, абсолютно смертельных программах обратной связи. И нет ни одного ковбоя в Муравейнике или за его пределами, кто полез бы в эту базу. Во-первых, потому, что она прямо-таки сочится защитой; во-вторых, потому, что складированная в ней мура не интересна никому, кроме налоговых инспекторов, а те, скорее всего, и так уже у владельца на содержании.

— Эй, — вскинулся Бобби, — а нельзя ли пояснее…

— По-моему, я растолковываю тебе яснее некуда, белый мальчик! Короче, он нашел такую базу, потом пробежался по своему списку хотдоггеров, честолюбивых панков из Барритауна, вильсонов, среди которых может найтись тупой настолько, чтобы со впервые увиденной программой пойти в рейд на базу, в которую шутник вроде Дважды-в-День ткнул пальцем и сказал, что это, мол, легкая пожива. И кого же он выберет? Он выберет новичка, того, кто не знает, где Дважды-в-День живет, того, у которого нет даже его номера. Он говорит ему: «Слушай, мужик, возьми это домой и заработай себе немножко денег. Если найдешь что-то стоящее, я помогу тебе это толкнуть!» — Бовуар округлил глаза, он больше не улыбался. — Ну что, похоже на кого-то из твоих знакомых или, может, ты не якшаешься с неудачниками?

— Ты хочешь сказать, он знал, что меня могут прикончить, если я вломлюсь в эту базу?

— Нет, Бобби. Но он знал, что такая возможность существует, если пакет не сработает. Он, в сущности, просто хотел понаблюдать за твоей попыткой — ничего больше. Однако он не потрудился сделать это сам, просто поставил за себя пару ковбоев. А дальше все могло идти двумя различными путями. Вариант первый: ледоруб

пробивает черный лед, ты попадаешь внутрь, находишь кучу цифр, в которых ты ни уха ни рыла, выбираешься назад, возможно даже не оставив следов. Ну, ты тогда пошел бы к Леону и сказал Дважды-в-День, что он ошибся с базой. А тот бы жутко извинялся, конечно, — и ты получил бы новую цель и новый ледоруб, а он повез бы этот в Муравейник и сказал, что с ним все в порядке. А тем временем не спускал бы с тебя глаз, просто чтобы последить за твоим здоровьем. Чтобы убедиться, что никто не пришел искать ледоруб, который, как они могли прослышать, ты использовал. Или могло случиться иначе, так, как это едва не случилось: ледоруб оказался бы не того, лед сжег бы тебя насмерть, и тогда одному из ковбоев пришлось бы вломиться в квартиру твоей мамочки и забрать софт прежде, чем найдут твое тело.

— Не знаю… Бовуар, это чертовски жест…

— Задница моя жесткая. *Жизнь* жестока. Я хочу сказать, мы же говорим о *бизнесе*, не забыл?

Бовуар рассматривал его с полной безмятежностью. Пластмассовая оправа сползла почти на кончик изящного носа. Он был светлее, чем Дважды-в-День или гигант в костюме, — с кожей цвета слегка разбавленного кофе, и к черному

мху коротко стриженных волос уходил высокий гладкий лоб. В балахоне из серой плащовки он выглядел худощавым, и Бобби не находил в нем ничего угрожающего.

— Но нам надо выяснить — и вот зачем ты здесь, — что же произошло на самом деле. А это уже нечто другое.

— Но ты же сказал, что он меня подставил, что Дважды-в-День подставил меня так, чтобы меня пришили? — Бобби все еще сидел в кресле-каталке «Роддома Святой Марии», хотя теперь ему казалось, что кресло ему больше не нужно. — И что теперь эти парни, ну, эти крутые из Муравейника, они его с говном сожрут?

— Теперь ты понял.

— Так вот почему он ведет себя так странно, то ли будто ему уже все по хрену, то ли он меня ненавидит до самых потрохов, да? И он действительно перепуган?

Бовуар кивнул.

— И это все потому, — продолжал Бобби, понимая наконец, почему Дважды-в-День не в своей тарелке, почему он так испугался, — что на меня напали там, на Большой Площадке, и сволочи долики обули меня на деку! И этот софт, он ведь оставался у меня в деке! — Он подался вперед,

возбужденный оттого, что сложил все вместе. — А эти парни могут, скажем, убить его, если он не вернет дискету, так?

— Должен тебе сказать, что ты слишком много смотрел кино, — сказал Бовуар, — хотя в общем и целом определенно так.

— Хорошо. — Бобби откинулся на спинку кресла-каталки, закинув голые ноги на край стола. — Ну, Бовуар, кто же эти парни? Как ты их там назвал, хуюнганы? Колдуны? Что, черт побери, это должно означать?

— Видишь ли, Бобби, — сказал Бовуар, — я один из них, а тот большой мужик — можешь называть его Лукасом — второй.

— Ты, наверное, видел такие раньше, — сказал Бовуар, когда означенный Лукас поставил на стол трехмерный проектор, перед этим методично расчистив для него место.

— В школе, — покорно ответил Бобби.

— Ты ходил в школу, парень? — огрызнулся Дважды-в-День. — Почему ты там, черт побери, не остался?

Он прикуривал одну сигарету от другой с тех самых пор, как они с Лукасом вернулись, и, казалось, был в еще худшем настроении, чем прежде.

— Заткнись, Дважды-в-День, — предложил Бовуар, — немного образования и тебе бы не повредило.

— С их помощью нас учили, как отыскивать дорогу в матрице, как получать доступ ко всякому барахлу из печатных библиотек, все такое…

— Тем лучше. — Лукас выпрямился, отряхивая несуществующую пыль с огромных розовых ладоней. — Ты когда-нибудь пользовался им, чтобы получать доступ к печатным книгам?

Он снял черный, без единой морщинки, пиджак; на крахмальной рубашке под ним ярко выделялась пара изящных темно-бордовых подтяжек. Лукас ослабил узел строгого черного галстука.

— Я не слишком-то хорошо читаю, — сказал Бобби. — То есть могу, но это работа. Ну да, я входил. Смотрел совсем старые книги о матрице и о всем таком.

— Так я и думал, — отозвался Лукас, подключая к консоли в основании проектора что-то вроде маленькой деки. — Счет Ноль. *Прерывание на счет ноль*. Древний программистский жаргон. — Он передал деку Бовуару, который стал вводить в нее команды.

Внезапно в экранном объеме проектора начали

возникать сложные геометрические фигуры, выравниваясь вдоль почти невидимых плоскостей трехмерной решетки. Бобби догадался, что Бовуар набрасывает в киберпространстве координаты Барритауна.

— Будем считать, что синяя пирамидка — это ты, Бобби. Вот она. — (В самом центре объема мягко запульсировала синяя пирамида.) — Теперь мы покажем тебе, что увидели ковбои, которым Дважды-в-День поручил наблюдать за тобой. Включаю запись.

Из пирамиды выросла синяя пунктирная линия и побежала по линиям решетки. Бобби смотрел в экранный объем, видя себя, одинокого, в гостиной своей матери с «Оно-Сэндай» на коленях. Занавески задернуты, пальцы бегают по клавишам.

— Пошел ледоруб, — прокомментировал Бовуар.

Синий пунктир достиг стенки экрана. Бовуар нажал пару клавиш, и координаты изменились. Исходную декорацию сменил новый набор геометрических фигур. Бобби узнал нагромождение оранжевых кубов в центре решетки.

— Вот оно, — сказал он.

Из-за стенки экрана возникла синяя линия и потянулась к оранжевой базе. Вокруг кубов

мерцали смутные плоскости оранжевого света, которые, когда пунктир подполз ближе, начали вдруг смещаться и пульсировать.

— Сам видишь, здесь что-то не так, — сказал Лукас. — Вон он, их лед, и он уже о тебе знает. Вычислил тебя еще до того, как ты за него зацепился.

Когда синий пунктир коснулся скользнувшей навстречу оранжевой поскости, вокруг него тут же образовалась оранжевая трубка чуть большего диаметра. Трубка начала удлиняться, двигаясь назад вдоль пунктира, пока не уперлась в стенку экрана…

— А тем временем, — сказал Бовуар, — дома, в Барритауне…

Он снова пробежал пальцами по клавишам, и теперь в центре оказалась синяя пирамидка Бобби. На глазах у Бобби оранжевая трубка выросла из стенки экранного объема и по синему пунктиру вкрадчиво подобралась к пирамидке.

— А вот с этого момента, ковбой, ты должен был начать умирать всерьез.

Трубка коснулась пирамидки, оранжевые треугольники сомкнулись, как будто закрывая ее стеной. Бовуар остановил запись.

— Когда няньки Дважды-в-День, — сказал Лу-

кас, — жокеи, в общем-то бывалые и закаленные, увидели то, что сейчас увидишь ты, друг мой, они решили, что их деке пора на большой небесный капремонт. Как и у любых профи, у них была вторая дека, для подстраховки. Подключив ее, они увидели то же самое. Именно тогда они решили позвонить своему работодателю, мистеру Дважды-в-День, который, как можно заключить из окружающего нас бардака, собирался устроить вечеринку…

— Мужик, — сказал Дважды-в-День сдавленным от истерики голосом, — я же тебе говорил. У меня тут были клиенты, которых требовалось развлечь. Я заплатил своим мальчикам, чтобы они присмотрели за ледорубом, они и смотрели, а потом позвонили мне. Я позвонил вам. Ну что тебе, черт побери, от меня надо?

— Нашу собственность, — мягко отозвался Бовуар. — А теперь смотри внимательно, — обратился он к Бобби, — такую штуку, кроме как аномальным явлением, не назовешь, без дураков…

Он ввел команду, снова пуская запись.

На нижней плоскости экрана расцвели жидкие цветы, белые как молоко. Подавшись вперед, Бобби увидел, что состоят они словно из тысяч мельчайших сфер или пузырьков. Цветы под-

строились к кубической решетке, срослись с ней, образовав асимметричную структуру с широким верхом, нечто вроде многогранного гриба. Грани были белыми и совершенно пустыми. Фигура в экранном объеме была размером не больше ладони Бобби, но всякому вошедшему в матрицу она показалась бы непомерной. «Гриб» развернул пару «рожек»; «рожки» вытянулись, изогнулись, превратившись в пинцет, который метнулся, чтобы схватить пирамидку. Бобби увидел, как кончики щипцов беспрепятственно прошли сквозь посверкивающие оранжевые плоскости враждебного льда.

— Она сказала: «Что ты делаешь?» — услышал Бобби собственный голос. — Потом она спросила меня, почему они это делают, делают это со мной, убивают меня…

— Ага, — негромко произнес Бовуар, — вот теперь мы хоть как-то продвинулись.

Бобби не знал, куда они идут, но был рад возможности выбраться из кресла. Бовуар пригнулся, чтобы не задеть косо висящую светодиодную лампу, которая покачивалась на двух отрезках крученой веревки; Бобби последовал за ним, едва не поскользнувшись в луже воды с зеленоватой пленкой. Чем дальше от гостиной-поляны Два-

жды-в-День, тем гуще становился воздух. Стоял тепличный запах перегноя и растущей зелени.

— Вот так это было, — задумчиво произнес Бовуар. — Дважды-в-День послал пару ребят на «Ковина-Конкорс-Кортс», но ты уже ушел. И деки тоже не было.

— Ну, это не совсем его вина, — сказал Бобби, — то есть я хочу сказать, что если бы я не рванул к Леону — а я и правда искал Дважды-в-День, даже подумывал о том, как бы мне попасть сюда, наверх, — то он нашел бы меня, верно?

Бовуар помедлил, чтобы полюбоваться роскошными листьями цветущей конопли, и, протянув худой коричневый палец, тронул бледный бесцветный цветок.

— Верно, — отозвался он, — но бизнес есть бизнес. Ему надо было поставить кого-нибудь следить за твоей квартирой в течение всего рейда, убедиться, что ни ты, ни софт не отправитесь ни на какую незапланированную прогулку.

— Но послал же он Реа и Джекки к Леону, раз я их там видел.

Бобби запустил руку за ворот черной пижамы и почесал заклеенную рану, пересекавшую его грудь и живот. Тут он вспомнил о многоножке, которую Пай использовал как стягивающий рану

пластырь, и быстро убрал руку. Шрам отчаянно зудел, превратился в сплошную линию зуда, но многоножки касаться не хотелось.

— Нет, Джекки и Реа — наши. Джекки — мамбо, жрица, лошадь Данбалы.

Бовуар продолжал свой путь, придерживаясь, как решил Бобби, какой-то известной ему тропинки в этом беспорядочном гидропонном лесу, хотя тропинка эта, похоже, петляла безо всякого смысла. Кусты покрупнее пустили корни в огромных грушевидно бугрящихся пластиковых мешках для мусора, наполненных темным гумусом. Мешки местами лопнули, и бледные корни искали себе пропитание в тенях, куда не доставали светодиодные лампы и где общими усилиями времени и постепенно опадающих листьев нарос тонкий слой компоста. На Бобби были черные нейлоновые тапки, которые подобрала для него Джекки, но в них уже набилась сырая земля.

— Лошадь? — переспросил он, уклоняясь от чего-то шипастого, наводившего на мысль о вывернутой наизнанку пальме.

— Данбала оседлывает ее. Данбала Ведо, змей. А в другое время она — лошадь Айды Ведо, его жены.

Бобби решил не углубляться и сменил тему:

— А как вышло, что у Дважды-в-День такая огромная хата? Зачем тут деревья и все такое?

Насколько он понял, Джекки и Реа вкатили его в кресле от «Святой Марии» через какой-то дверной проем, но с тех пор он не видел ни одной стены. При этом он знал, что здание-улей покрывает энное число гектаров, так что вполне возможно, что обиталище Дважды-в-День и в самом деле очень велико. Правда, представлялось маловероятным, чтобы толкачу, пусть даже очень крутому, было по карману столько пространства. Никто не может позволить себе столько места — да и кому захочется жить в вечно сыром гидропонном лесу?

Последний дерм снашивался, грудь и спину начинало жечь острой болью.

— Фикусовые деревья, деревья мапоу… весь этот этаж — *лье сан*, святое место. — Тронув Бобби за плечо, Бовуар указал на перевитые двухцветные ленточки, свисающие с веток ближайшего дерева. — Все деревья здесь посвящены различным лоа. Вот это посвящено Огу, Огу Фераю, богу войны. Тут растет еще много всего: есть растения, необходимые докторам-травникам, а другие — просто для удовольствия. Но это место принадлежит не Дважды-в-День — оно принадлежит

всей общине.

— Ты хочешь сказать, вся Новостройка этим повязана? Тут все вудуисты и всякое такое…

Это было хуже самой страшной фантазии Марши.

— Нет, друг мой! — рассмеялся Бовуар. — На крыше у нас мечеть стоит, еще здесь живут тысяч двадцать, если не тридцать праведных баптистов, разбросаны по всей Новостройке. Есть последователи Церкви сайентологии… Каждой твари по паре, обычное дело. И все же, — он ухмыльнулся, — если надо уладить какие-то дела, этим традиционно занимаемся мы… Но история этого этажа уходит довольно далеко в прошлое. Проектировщики — а строили эти «ульи», может, восемьдесят, а то и все сто лет назад — пытались добиться максимальной автономии. Чтобы люди могли тут сами выращивать пищу. Чтобы могли сами обогреваться, генерировать электроэнергию и так далее. Взять конкретно эту Новостройку: если пробурить достаточно глубокую скважину, достанешь до резервуара геотермальных вод. Там и вправду очень жарко, но недостаточно, чтобы запустить турбину, так что никакого тока не будет. Поэтому на крыше поставили сотню роторов

Дарье[38] — их тут еще называют миксерами. Сделали себе ветряные мельницы, понимаешь? Правда, сегодня большую часть своих ватт Новостройка получает от «Ядерной комиссии», как и все прочие. Но эти геотермальные воды накачивают наверх, в теплообменник. Для питья вода слишком соленая, так что в обменнике она просто греет обычную воду из системы водоснабжения вашего Джерси. Впрочем, кое-кто полагает, что и эту воду тоже пить нельзя…

Наконец они вышли к какой-то стене. Бобби оглянулся назад. В мелких озерцах на грязном бетонном полу отражались сучья и ветки карликовых деревьев. Голые бледные корни переплетались в импровизированных баках с гидропонной жидкостью.

— Потом вода поступает в цистерны с креветками, их там выращивают в промышленных объемах. В теплой воде креветки растут действительно быстро. Потом по трубам в бетоне воду качают сюда наверх, чтобы обогревать этот этаж. Вот для чего на самом деле этот уровень — чтобы выращивать гидропонный амарант,

[38] notes: 38

Ротор Дарье — турбина низкого давления, ось вращения которой перпендикулярна потоку жидкости или газа; спроектирована в 1931 г. французским авиаконструктором Жоржем Дарье (1888–1979).

салат и тому подобное. Дальше вода снова уходит вниз, в резервуары с сомами, а креветочье дерьмо доедают сине-зеленые водоросли. Сомы питаются водорослями — и все идет по новой. Или, во всяком случае, так было задумано. Готов поспорить, никому из проектировщиков и в голову не могло прийти, что кто-то заберется на крышу и скинет роторы Дарье, чтобы освободить место для мечети. И многие другие перемены они тоже не предусмотрели. Нынешние жители основательно переоборудовали «улей». Но тут еще можно достать чертовски хороших креветок… Да и сома тоже…

Они достигли стены. Стена, целиком стеклянная, была сплошь усеяна бусинами сконденсировавшейся влаги. За стеклом в нескольких сантиметрах виднелась вторая стена — что-то вроде ржавого стального листа. Выудив откуда-то из блестящего балахона ключ, Бовуар вставил его в отверстие в голой стальной раме, разделявшей две створки окна. Неподалеку со стоном ожил мотор; широкий стальной ставень сложился, рывками уходя наверх, чтобы открыть панораму, которую так часто воображал себе Бобби.

Они были, наверное, почти у самой крыши, высоко-высоко, потому что Большая Площадка

казалась пятном, которое он мог бы накрыть ладонями. Кондо Барритауна выглядели отсюда как простирающийся до горизонта ковер серо-белой плесени. Уже стемнело, и за последней волной кондо Бобби смог различить далекое розовое свечение.

— Там ведь Муравейник, правда? Этот розовый свет?

— Верно, но чем ближе к нему, тем он неприглядnее. Хочешь поехать туда, Бобби? Счет Ноль готов завоевать Муравейник?

— Господи, да… — Бобби прижал ладони к запотевшему стеклу. — Если б ты только знал…

Действие дерма закончилось, грудь и спину стало жечь огнем.

14
Ночной полет

С наступлением ночи Тернер вновь ощутил себя на рубеже.

Казалось, слишком много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз испытывал подобное ощущение. Но теперь он чувствовал себя так, словно никуда с рубежа и не уходил. Он будто стал сверхчеловеческой ячейкой в синхроцепи — ощущение, которое стимуляторы могут лишь имитировать. Такое возможно только на площадке, когда все готово для извлечения по-настоящему крупной дичи и когда ты один в ответе за всё — да и то лишь в самые последние часы перед рывком.

Но сколько времени с тех пор утекло! В Нью-Дели он только проверял возможные пути отступления для топ-менеджера, который даже не был до конца уверен, хочет ли он перейти под другую крышу. Ощущай Тернер передовой рубеж тем вечером на Чандни-Чоук, он, быть может, и смог бы увернуться от «собаки». Скорее всего — нет, но рубеж приказал бы ему попытаться.

Теперь же ощущение рубежа позволило ему свести в единый рисунок все факторы, какие следовало учесть на данной площадке, — и целые гроздья мелких проблем, и крупные проблемы-одиночки. Мелких было до черта, но никаких по-настоящему серьезных обломов. Линч и Уэббер начинали потихоньку вцепляться друг другу в волосы, а поэтому он устроил так, чтобы держать их подальше друг от друга. Уверенность в том, что Линч — подсадка Конроя, инстинктивная с самого начала, теперь усилилась. Когда ты на рубеже, инстинкты обостряются, понемногу становишься телепатом. У Натана возникли проблемы со шведскими грелками для рук — все, что было проще компьютерной платы, сбивало мастера с толку. Тернер приставил к грелкам Линча — их требовалось зарядить топливом, а Натану приказал выносить грелки наружу по две зараз и неглубоко прикапывать на расстоянии метра друг от друга вдоль двух длинных полос оранжевой ленты.

Присланный Конроем микрософт наполнял голову целой вселенной других постоянно меняющихся факторов: скорость воздушных потоков, авиагоризонт, угол атаки, ускорение и сила тяжести, азимут цели. Неумолчной литанией

всплывали из подсознания данные о вооружении машины: приборы наведения, траектории сброса бомб, дальности и коды запуска, круги поиска, счетчики боеприпасов. Конрой дописал к микрософту простое сообщение — время прибытия самолета и подтверждение установки дополнительной противоускорительной сетки для пассажира.

Тернер спрашивал себя: что делает, что испытывает сейчас Митчелл? Предприятие «Маас-Биолабс, Северная Америка» было встроено в изрезанное туннелями плато, гигантский обрубок скальной породы, вздыбившийся над песчаной пустыней. Досье с биософта показало Тернеру фасад этого плато с его горящими вечерним светом окнами. Плато возвышалось над морем сагуарий, как рубка гигантского корабля. Для Митчелла оно было и тюрьмой и крепостью — его домом на протяжении девяти последних лет. Где-то в сердцевине плато он совершенствовал синтез гибридом, уже более века не дававшийся другим ученым. Работая с человеческими раковыми клетками и отвергнутой, почти забытой моделью синтеза ДНК, он создавал бессмертные гибридные клетки, ставшие для этой технологии базовыми средствами производ-

ства, крохотными биохимическими заводиками, бесконечно воспроизводящими искусственно сконструированные молекулы, которые потом собирали в цепи и встраивали в биочипы. Где-то там, в научном городке, Митчелл доживает сейчас свои последние часы в качестве самой яркой звезды среди «маасовских» исследователей.

Тернер пытался представить Митчелла, которому предстоит совершенно иная жизнь — его теперешняя кончится с переходом в «Хосаку», — но представлялось с трудом. Да и так ли уж отличается закрытый исследовательский центр в Аризоне от аналогичного на Хонсю?

В течение всего этого длинного дня в Тернере то и дело темной волной поднимались закодированные воспоминания Митчелла, наполняя его странным ужасом, который, казалось, не имел ничего общего с предстоящей операцией.

Тревожила узнаваемость, почти интимность образов, возможно, именно эта тревога и порождала страх. Некоторые фрагменты как будто обладали гораздо большей эмоциональной насыщенностью, чем можно было предположить по их содержанию. Почему воспоминание о пустом коридоре какого-то обшарпанного общежития в Кембридже должно наполнять его чувством

вины и отвращением к самому себе? Другим же картинам, которым по логике вещей полагалось нести определенную эмоциональную нагрузку, эмоций-то странным образом не хватало. Вот Митчелл играет с грудной дочкой на четырехугольнике пушистого паласа в доме, который он снимал в Женеве. Ребенок смеется, тянет отца за палец. Ничего. Жизнь этого человека, с точки зрения Тернера, была отмечена именно отсутствием событий. Ученый был талантлив — это стало ясно довольно рано, — честолюбив, наделен способностью к расчетливым интригам и манипуляциям — подобный дар требуется любому, кто мечтает стать ведущим исследователем. Если кому-то и было суждено подняться по иерархической лестнице корпоративной науки, то именно Митчеллу.

Сам Тернер оказался не способен прижиться среди людей дзайбацу, в этом мире, разделенном на племена с их бесконечной борьбой за выживание. Он оставался вечным аутсайдером, непредсказуемым фактором, носимым по тайным морям межкорпоративной политики. Ни один служащий ни одной компании не был способен на ту инициативу, какая требовалась от Тернера в ходе извлечения. Откуда взяться у

служащего, взращенного корпорацией, профессионально небрежному умению Тернера менять свою лояльность при смене работодателей. Или, может быть, его несгибаемому упорству с того момента, как согласованы условия контракта. Когда ему еще не исполнилось и двадцати, его занесло в охранную контору; это были времена, когда мрачная хандра в послевоенной экономике только-только уступала дорогу импульсам новых технологий. Он неплохо продвинулся в охране, учитывая отсутствие у него всяческих амбиций. Он обладал осанкой пластичного мускулистого зверя, которая производила впечатление на клиентов его работодателей, и он оказался сметлив и весьма расторопен. Умел носить одежду. Ладил с техникой.

Конрой разыскал его в Мексике, где работодатель Тернера заключил контракт на обеспечение безопасности для съемочной группы «Сенснета» — те записывали получасовые эпизоды бесконечного сериала о приключениях в джунглях. Когда появился Конрой, Тернер как раз заканчивал последние приготовления. Он разработал контакты и посадил связника между «Сенснетом» и местным правительством. Подкупил главного полицейского чина в городе, проана-

лизировал систему безопасности гостиницы, познакомился с местными проводниками и водителями, перепроверил их биографии, установил цифровую голосовую защиту на передатчиках съемочной группы, подобрал команду на случай возникновения кризисной ситуации и разместил сейсмические сенсоры вокруг скопления коттеджей «Сенснета».

Он вошел в бар гостиницы — продолжение вестибюля, выдвинутое в заросший тропический сад, — и нашел себе место за одним из стеклянных столиков. Бледный мужчина с копной белых, вытравленных волос пересек бар, держа по стакану в каждой руке. Одет он был в тщательно выглаженную армейскую рубашку, выпущенную поверх джинсов, и кожаные сандалии. Мучнисто-белая кожа казалась туго натянутой на угловатый череп.

— Ты отвечаешь за безопасность этих детишек из симстима, — утвердительным тоном произнес бледный мужчина, ставя один из стаканов на стол перед Тернером. — Мне сказал Альфредо.

Так звали одного из гостиничных барменов.

Тернер поднял глаза на человека, который, судя по всему, был совершенно трезв и, казалось, олицетворял собой всю самоуверенность в мире.

— Кажется, мы не представлены, — сказал Тернер, не делая ни малейшего движения, чтобы принять предложенную выпивку.

— Не важно, — ответил Конрой, отодвигая стул. — Мы играем на одном поле. — Он сел.

Тернер посмотрел на него в упор. Тогда Тернер выглядел как настоящий телохранитель. В его осанке, в каждом движении жилистого тела читались беспокойство и настороженность, и очень редкие из незнакомых людей решились бы так небрежно вторгнуться на его территорию.

— Видишь ли, — сказал мужчина, — сейсмики, которые ты расставил, на самом деле ни хрена не стоят. — Он сказал это так, будто комментировал действия бейсбольной команды, не особо отличившейся в этом сезоне. — Я знаю людей, которые войдут внутрь, съедят твоих детишек на завтрак, потом засунут их кости в душ и насвистывая удалятся. А сейсмики скажут, что ничего не случилось. — Он отпил из стакана. — Хотя, конечно, за старание тебе можно поставить пятерку. Ты свое дело знаешь.

Выражения «засунут кости в душ» было вполне достаточно — Тернер решил вынести бледного.

— Смотри-ка, Тернер, а вот твоя примадонна. — И мужчина улыбнулся Джейн Гамильтон.

Актриса ответила ему улыбкой и широко раскрыла голубые глаза, такие ясные и совершенные. Каждый зрачок был окаймлен крохотными золотыми буковками логотипа «Цейс-Айкон». Тернер замер, на долю секунды пойманный в западню нерешительности. Звезда была близко, слишком близко, а бледный человек вставал…

— Рад был познакомиться, Тернер, — сказал он. — Рано или поздно мы еще встретимся. Последуй моему совету, я о сейсмиках. Я бы подстраховал их периметром «кричалок».

Тут он повернулся и пошел прочь, под хрусткой тканью рыжевато-коричневой рубашки плавно перекатывались мускулы.

— Как мило, Тернер, — сказала Гамильтон, устраиваясь на стуле, где только что сидел незнакомец.

— Да? — Тернер не отрываясь смотрел, как тот ныряет в толпу розовощеких туристов и исчезает в суете переполненного вестибюля.

— Я думала, что ты и не разговариваешь ни с кем. У тебя всегда такой вид, будто ты обыскиваешь собеседника, заполняя на него рапорт. Приятно видеть, как ради разнообразия ты заводишь друзей.

Тернер перевел взгляд на актрису. Гамильтон

было двадцать, на четыре года меньше, чем ему, и в неделю она зарабатывала, грубо говоря, в девять раз больше его годового оклада. Загорелая блондинка с коротко подстриженными, как требовалось по сценарию, волосами. Девушка выглядела так, будто изнутри ее освещали лампы дневного света. Голубые глаза были нечеловечески совершенными оптическими приборами, выращенными в автоклавах в Японии. Она была одновременно и актрисой, и камерой, глаза ее стоили несколько миллионов новых иен, а в иерархии звезд «Сенснета» ее рейтинг был почти что никаким.

Он посидел с ней, пока она не прикончила оба коктейля, потом проводил назад к коттеджам.

— Не хочешь зайти выпить еще, а, Тернер?

— Нет, — ответил он.

Это был уже второй вечер, когда она делала подобное предложение, и, насколько он догадывался, последний.

— Мне нужно проверить сейсмики.

Тем же вечером он позвонил в Нью-Йорк, чтобы получить телефон фирмы в Мехико, которая могла бы поставить ему «кричалки».

Но неделю спустя Джейн и трое других — половина актерского состава сериала — были

мертвы.

— Мы готовы перекатить врачей, — сказала Уэббер.

Тернер заметил, что у нее на руках коричневые кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Она сменила противосолнечные очки на прозрачные охотничьи, а на бедре у нее висел пистолет.

— Сатклифф наблюдает за периметром через камеры. Нам понадобятся все остальные, чтобы протащить эту срань через кусты.

— Я нужен?

— Рамирес говорит, что не может напрягаться за какой-то час до включения. Если хочешь знать мое мнение, он просто маленький ленивый засранец из Лос-Анджелеса.

— Нет, — отозвался Тернер, вставая со своего насеста на каменной ограде, — он прав. Если он перенапряжет кисть, нам крышка. Любая мелочь, даже если сам он этого и не почувствует, может сказаться на его скорости…

Уэббер пожала плечами.

— Ладно. Значит, он в бункере. Раз он полощет руки в последней нашей воде и напевает себе под нос, то мы выкрутимся.

Когда они дошли до бокса, Тернер автоматически пересчитал головы. Семь. Рамирес

— в бункере; Сатклифф — где-то в лабиринте шлакоблоков, следит за экранами дозорных видеокамер. У Линча за правым плечом висит лазер «стайнер-оптик». Компактная модель со складным прикладом из легкого сплава, встроенные батареи образуют толстую рукоять под серым титановым стволом. Натан одет в черный комбинезон и черные же десантные ботинки с налетом светлой пыли. Под подбородком на головной повязке болтаются защитные очки с выпуклыми, будто муравьиные глаза, линзами фотоумножителей. Сняв свои мексиканские противосолнечные очки, Тернер убрал их в нагрудный карман синей спецовки и застегнул клапан.

— Как дела, Тедди? — спросил он двухметрового верзилу с коротко стриженными русыми волосами.

— Ништяк, — улыбнулся тот всеми своими зубами.

Тернер оглядел остальных членов команды, кивая по очереди каждому: Комптон, Коста, Дэвис.

— Что, беремся за дело, а? — спросил Коста.

У него было круглое влажное лицо с редкой, тщательно подстриженной бородкой. Как Натан и все остальные, он тоже был в черном.

— Через пару минут, — отозвался Тернер. — Пока все гладко.

Коста кивнул.

— У нас примерно полчаса до прибытия, — сказал Тернер.

— Натан, Дэвис, — приказала Уэббер, — отсоедините сливной шланг.

Она протянула Тернеру один из наборов клипсовых передатчиков, который уже успела вынуть из пузырчатой упаковки. Потом сама сорвала пластиковую заглушку с самоклеющегося горлового микрофона и разгладила его на сожженной солнцем шее.

Натан и Дэвис копошились в тени позади фургона. Тернер услышал, как Дэвис тихонько чертыхнулся.

— Вот черт, — бросил Натан, — нет затычки для раструба шланга.

Остальные засмеялись.

— Оставь как есть, — бросила Уэббер, — беритесь за колеса. Линч и Комптон, снимайте домкраты.

Вытащив из-за пояса шуруповерт, Линч полез под фургон. Фургон закачался, тихонько скрипнула подвеска; внутри ходили врачи. До Тернера донесся короткий высокий вой какого-то при-

бора, затем дребезжание шуруповерта. Линч откручивал домкраты.

Он нацепил клипсу и прижал горловой передатчик возле гортани.

— Сатклифф! Как слышно?

— Нормально, — сказал австралиец. Казалось, что слабый голос исходит из основания черепа Тернера.

— Рамирес?

— Ясно и четко…

Восемь минут. Они выкатывали трейлер на его десяти толстых шинах. Тернер и Натан взялись за переднюю пару, тянули, направляя бокс в нужную сторону. Натан надвинул на глаза защитные очки. Митчеллу предстояло лететь в новолуние, в кромешной тьме. Бокс был тяжелым, абсурдно тяжелым, — казалось, его просто невозможно сдвинуть с места.

— Будто катишь грузовик на паре продуктовых тележек, — пробормотал себе под нос Натан.

У Тернера болела поясница. С самого Нью-Дели с ней что-то было не в порядке.

— Всем стоп, — скомандовала Уэббер от третьего колеса слева. — У меня застряло на каком-то долбаном камне…

Отпустив свое колесо, Тернер выпрямился.

И откуда сегодня ночью столько летучих мышей? Трепещущие черточки в чаше звездного неба пустыни. В Мексике их тоже было полно. В джунглях это были фруктовые мыши, которые спали в кронах деревьев, нависавших над палаточным городком, где ночевала съемочная группа «Сенснета». Тернер облазил деревья, опутывая нависающие сучья мономолекулярной нитью, — любого незваного гостя ждали метры невидимого лезвия. Но Джейн и другие погибли все равно — во время взрыва на пологом горном склоне недалеко от Акапулько. Неприятности с профсоюзами, как сказал кто-то потом, но на деле так ничего и не выяснили, кроме самого факта примитивного заряда в керамической оболочке, места, где он был установлен, и точки, откуда был взорван. Тернер сам лазил на склон, даже не сняв окровавленной одежды, и видел пятачок среди поломанного кустарника, где ждали убийцы, взрывную машинку и автомобильный аккумулятор в ржавом корпусе. Он даже нашел бычки самокруток и крышку от бутылки пива «Богемия» — новую и яркую.

Сериал пришлось прикрыть, команда по устранению кризисных ситуаций сработала безупречно, организовав перевозку тел и эвакуацию

выживших актеров и съемочной группы. Тернер улетал последним самолетом. После восьми скотчей в баре аэропорта Акапулько он слепо выбрел в центральный регистрационный зал и столкнулся там с Бушелом, старшим техом из лос-анджелесского комплекса «Сенснета». Несмотря на лос-анджелесский загар, Бушел был смертельно бледен. Его индийский льняной костюм пошел пятнами от пота. В руке администратор держал алюминиевый кейс, похожий на футляр кинокамеры, стенки кейса были тусклыми от сконденсировавшейся влаги. Тернер глядел на человека, глядел на потеющий кейс с красными и белыми предупредительными надписями и длинными наклейками, поясняющими, какие меры предосторожности требуются при транспортировке материалов в криогенном хранилище.

— Господи, Тернер, — выдавил, завидев его, Бушел. — Слушай, парень, мне очень жаль. Приехал только сегодня утром. Кошмарная история. — Он вытащил из кармана пиджака сырой носовой платок и вытер лицо. — Кошмарная работа. Мне никогда не приходилось делать такого раньше…

— Что в этом чемодане, Бушел? — Теперь Тернер был гораздо ближе, хотя и не помнил, как

шагнул вперед. Он мог разглядеть поры на загорелом лице.

— С тобой все в порядке, приятель? — Бушел отступил на шаг назад. — Ты как-то скверно выглядишь.

— Что в этом чемодане, Бушел? — Льняной лацкан смят в кулаке, костяшки побелели от напряжения.

— Черт побери, Тернер! — Человечек вырвался на свободу, сжимая ручку чемодана уже обеими руками. — Они же не были повреждены. Только какая-то мелкая потертость на одной из роговиц. Глаза принадлежат «Сенснету». Это один из пунктов ее контракта.

И Тернер отвернулся, его желудок завязался узлом вокруг восьми неразбавленных скотчей, а он все пытался побороть тошноту. И продолжал бороться с ней, держал ее под контролем в течение девяти лет, пока — на полпути от голландца — все эти воспоминания не вернулись, не обрушились на него в Лондоне, в Хитроу, и он скрючился, даже не замедляя шага, посреди очередного коридора — и сблевал в синюю пластмассовую урну.

— Давай же, Тернер, — подстегнула его Уэббер, — толкай. Покажи нам, как это делается.

Трейлер снова пополз вперед сквозь деготный

запах пустынных растений.

— Мы готовы, — прозвучал отдаленный и спокойный голос Рамиреса.

Тернер коснулся горлового микрофона:

— Посылаю тебе кой-кого для компании. — Он убрал палец с микрофона. — Натан, пора. Вы с Дэвисом — назад в бункер.

Дэвис отвечал за переоборудованную рацию — их единственную вне матрицы связь с «Хосакой». Натан играл роль мастера на все руки. Линч откатывал последнее мотоциклетное колесо в кустарник за автостоянкой. Уэббер и Комптон, стоя на коленях возле бокса, подсоединяли кабель, который свяжет хирургов «Хосаки» с биомонитором «Сони» в командном пункте. С убранными колесами, опущенный и установленный на четырех домкратах, хирургический бокс опять напомнил Тернеру французский прогулочный модуль. Путешествовать он отправился гораздо позже, года через четыре после того, как Конрой завербовал его в Лос-Анджелесе.

— Как дела? — спросил в микронаушнике Сатклифф.

— Прекрасно, — отозвался Тернер, касаясь микрофона.

— Тут скучновато, — сказал Сатклифф.

— Комптон, — окликнул Тернер, — Сатклиффу нужна твоя помощь следить за периметром. И твоя тоже, Линч.

— Вот так всегда, — донесся из темноты голос Линча, — только я настроился посмотреть спектакль…

Рука Тернера легла на рукоять «смит-и-вессона» под отогнутой полой парки.

— Пошевеливайся, Линч.

Если Линч — подсадка Конни, он пожелает остаться здесь. Или в бункере.

— А пошел ты! — взвился Линч. — Никого там нет, сам прекрасно знаешь. Если не хочешь видеть меня здесь, пойду внутрь — присмотрю за Рамиресом…

— Хорошо, — сказал Тернер и, вытащив револьвер, вдавил клавишу, включавшую подствольный фонарь.

Первая вспышка полуденно-яркого ксенонового луча выхватила из темноты искривленную сагуарию — серым мехом ощетинились в безжалостном свете колючки. Вторая — нашла шипастый череп на пряжке ремня, поймала его в пятно резкого света. Выстрел и хлопок разрывной пули слились в один звук, ударная волна покатилась как гром — невидимыми, расширяющимися

кругами над темной плоской землей.

В первые несколько секунд после выстрела не было слышно ни единого звука, даже летучие мыши и жучки смолкли, выжидая. Уэббер упала в кусты, и почему-то Тернер чувствовал, что она здесь, знал, что пистолет уже у нее в руках — в этих умелых коричневых руках, нацелен ровно, не дрожит и в любую секунду готов выплюнуть смерть. Он понятия не имел, где сейчас Комптон. Тут в клипсе передатчика, процарапавшись сквозь черепную кость, раздался голос Сатклиффа:

— Тернер, что это было?

Света звезд было теперь достаточно, чтобы различить силуэт Уэббер. Женщина скорчилась за камнем, дуло пистолета смотрит ему в лицо, локти уперты в колени.

— Он был подсадкой Конроя, — сказал Тернер, опуская «смит-и-вессон».

— Боже милосердный, — выдохнула она. — Я, я подсадка Конроя.

— У него была внешняя связь. Я такое уже видел.

Пришлось ей повторить уже сказанное дважды.

В голове — голос Сатклиффа, затем — Рами-

реса:

— Мы засекли ваш транспорт. Восемьдесят километров, приближается… В остальном, похоже, все чисто. В двадцати километрах на юго-юго-восток — малый дирижабль. Джейлин говорит, это беспилотный грузовик, идет точно по расписанию. Больше ничего. Чего это Сат орет, будто его насилуют? Натан говорит, он слышал выстрел. — Рамирес был подключен к матрице, и большая часть его сенсориума была занята информацией, поступающей с деки «Маас-Неотек». — Натан готов слить первый пакет…

Тернер и сам теперь слышал, как снижается истребитель, заходя на посадку на шоссе. Уэббер, выпрямившись во весь рост, шла к нему с пушкой в руке. Сатклифф раз за разом задавал все тот же вопрос. Тернер коснулся горлового микрофона:

— Это был Линч. Он мертв. Самолет прибыл. Вот он.

И тут машина оказалась прямо над ними. Черная тень. Невероятно низко. С погашенными огнями. Тормозит — вспышки из сопел; пилота-человека при такой посадке убило бы перегрузкой. Потом — жуткий скрип: телескопическая посадочная рама из углеродного волокна гасит удар о землю. Тернер смог различить зеле-

новатый отсвет приборной доски в пластиковой кривизне кабины.

— Вот же мать твою, — сказала Уэббер.

В стенке хирургического бокса за ее спиной распахнулся люк, в проеме обрисовалась фигура в маске и защитном костюме из жесткой зеленой ткани. Отбросив в тонкое облачко пыли, зависшее над местом посадки самолета, перекошенную тень врача, из трейлера хлынул поток сине-белого, очень резкого света.

— Закрой! — крикнула Уэббер. — Рано!

Когда дверь, обрезав на пороге свет, захлопнулась, они оба услышали мотодельтаплан. После рева истребителя звук малолитражного мотора казался гудением стрекозы. Но вот гудение начало затихать, а потом и вовсе исчезло.

— У него кончилось топливо, — проговорила Уэббер. — Но он близко.

— Прибыл, — коснулся Тернер микрофона. — Первый пакет.

Над ними прошелестел крохотный дельтаплан, черный треугольник, на миг затмивший звезды. Ни звука больше — лишь что-то полощется на ветру. Должно быть, одна из штанин Митчелла. Вот ты и здесь, над нами, подумал Тернер, совсем один, в самой теплой одежде, какая только у тебя

была, в инфракрасных очках, которые ты сам же и смастерил, и теперь ищешь пару пунктирных линий, обозначенных дурацкими грелками для рук…

— Сумасшедший засранец, — пробормотал он, чувствуя, как его переполняет странное восхищение. — Видно, и вправду тебе приспичило удрать.

Затем с негромким праздничным хлопком взлетела вдруг откуда-то осветительная ракета; магниевый огонь под белым парашютиком начал медленно опускаться в пустыню. Почти сразу же полыхнули еще две, а с запада донесся треск длинной автоматной очереди. Боковым зрением Тернер заметил, что Уэббер, спотыкаясь, бежит через кусты к бункеру, однако взгляд его был прикован к описывающему круги дельтаплану — к веселеньким оранжево-голубым матерчатым крыльям, к фигуре, скорчившейся на сиденье среди растяжек над хрупким треножником шасси. Лицо человека скрывали очки ночного видения.

Митчелл.

Плывущие в поднебесье огни заливали стоянку ярким светом — как футбольное поле. Дельтаплан заходил на посадку — грациозным и таким ленивым разворотом, что Тернеру хотелось за-

кричать. Где-то за периметром площадки белой аркой повисла в воздухе линия трассеров. Мимо.

Приземляйся. Приземляйся. Тернер бежал, перепрыгивая через кочки, через какие-то кусты, которые цеплялись за брюки, за полы расстегнутой парки.

Осветительные ракеты. Зарево. Свет. От инфракрасных очков Митчеллу теперь никакого проку, он не видит теплового излучения грелок. Он промахнулся мимо полосы. Носовое колесо за что-то зацепилось. Дельтаплан зарылся носом, как смятая, порванная бабочка, и наконец застыл в поднятом им облаке белой пыли.

Вспышка взрыва, казалось, достигла Тернера за мгновение до звука, отбросив на бледный кустарник перед ним его собственную тень. Взрывная волна подхватила его и повалила на землю — откатившись в сторону, он увидел желтый огненный шар на месте расколотого надвое хирургического бокса и понял, что Уэббер выпустила-таки свою противотанковую ракету. Потом он вновь оказался на ногах, вновь побежал, сжимая револьвер.

Он достиг покореженного дельтаплана Митчелла как раз в тот момент, когда погасла первая осветительная ракета. Но сразу же, словно из

ниоткуда, взлетела еще одна и распустилась над головой. Звук стрельбы стал теперь непрерывным. Перепрыгнув через смятый лист ржавой жести, Тернер обнаружил скорчившегося на земле пилота; голова его и лицо были скрыты под самодельным шлемом, из которого выступали уродливые линзы. Прибор ночного видения был примотан к шлему тускло серебрившейся изолентой. Свернувшееся в клубок тело — укутано в несколько слоев темной одежды. Словно со стороны Тернер увидел, как его руки терзают ленту, сдергивают инфракрасные очки. Руки превратились в два самостоятельных существа, два бледных подводных создания, живущие своей жизнью на дне какой-нибудь глубоководной тихоокеанской впадины. Ему оставалось лишь смотреть, как они отчаянно срывают ленту, шлем, очки. А когда все это улетело, отброшенное, прочь, он уставился на белое девичье лицо под волной длинных, липких от пота каштановых волос, которые, выплеснувшись из-под шлема, смазали темную струйку крови, бегущую из носа. Глаза девушки открылись, показав пустые белки, и тогда Тернер по-пожарному закинул ее за спину и неуклюже метнулся, надеясь, что бежит правильно, в сторону реактивного самолета.

Второй взрыв он почувствовал через подошвы теннисных туфель и будто наяву увидел перед собой идиотскую улыбку пластикового комка взрывчатки, налепленного на киберпространственную деку Рамиреса. Вспышки не последовало — только звук и отдача взрывной волны по всему бетону автостоянки.

А потом он очутился в кабине, где, как в новеньком автомобиле, пахло длинными мономерными цепочками — привычный аромат техники новейшей чеканки. Позади него — девушка, безвольная кукла, спеленутая в коконе противоперегрузочной сетки. Конрою пришлось заплатить дополнительные бабки торговцу оружием в Сан-Диего, чтобы тот установил эту сетку позади пилотской. Самолет дрогнул, оживая, когда Тернер заворочался, устраиваясь поудобнее в своей сетке. Он пошарил в поисках кабеля, нашел его, вырвал из разъема микрософт и воткнул на его место коннектор интерфейса.

Знание вспыхнуло в голове, как заставка компьютерной игры, и Тернер подался вперед, ощущая себя самолетом, да и, по сути, став им — чувствуя, как перестраивается под ним в стартовую позицию гибкая посадочная рама, как мягко гудят сервоприводы, закрывая фонарь

кабины. Противоперегрузочная сетка вздулась вокруг него, жестко фиксируя конечности; в правой руке все еще был зажат револьвер.

— Вперед, мать твою!

Но самолет и так все понял. На Тернера навалилось ускорение, и он погрузился во тьму.

— Вы были без сознания, — сказал самолет.

Смоделированный чипом голос смутно напоминал голос Конроя.

— И сколько же?

— Тридцать восемь секунд.

— Где мы?

— Над Нагосом.

Зажегся верхний дисплей, высветив дюжину постоянно изменяющихся фигур, а поверх них — упрощенную карту района «Аризона — Сонора».

Небо побелело.

— Что это?

Молчание.

— Что это?

— Сенсоры определяют взрыв, — сказал самолет. — Мощность как у тактической ядерной боеголовки, но электромагнитное излучение отсутствует. Эпицентром разрушения является точка нашего взлета.

Белое сияние поблекло и исчезло.

— Отменить курс, — приказал Тернер.

— Курс отменен. Прошу дать новые координаты.

— Хороший вопрос, — протянул Тернер.

Он не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на девушку у себя за спиной. Как она там, жива ли?

15
Шкатулка

Марли снился Ален… сумерки над лужайкой полевых цветов. Он баюкал ее голову на сгибе локтя, потом нежно погладил по волосам и сломал ей шею. Лежа неподвижно в траве, она прекрасно сознавала, что он делает. Он целовал ей лицо и плечи. Он забрал у нее деньги и ключи от комнаты. Звезды стали огромными, будто приклеенными над сочной яркостью полей, а она все чувствовала его руки у себя на шее…

И проснулась. Утренний аромат кофе, квадраты солнечного света, разбросанные по книгам на столе Андреа, успокаивающе знакомый утренний кашель подруги — это Андреа прикуривает от конфорки свою первую утреннюю сигарету. Стряхнув темные краски сна, Марли села на кушетке в гостиной подруги, обхватив руками колени поверх темно-красного стеганого одеяла. После Гнасса, после полиции и репортеров ей никогда не снился Ален. Или, если и снился, пришло ей в голову, она подсознательно отфильтровывала эти сны, стирала их, прежде чем проснуться.

Она поежилась, хотя утро было теплое, а затем отправилась в ванную. Вот уж чего она не хотела бы — чтобы ей еще когда-нибудь приснился Ален.

— Пако сказал, что Ален пришел на нашу встречу с оружием, — сказала она, когда Андреа протянула ей голубую эмалированную кружку с кофе.

— Ален был вооружен? — Разрезав омлет, Андреа сдвинула половину на тарелку Марли. — Что за дурацкая мысль. Это все равно как… как вооружить пингвина. — (Подруги рассмеялись.) — Ален не из таких, — сказала Андреа. — Он отстрелил бы себе ногу посреди очередной страстной тирады о ситуации в искусстве или о сумме ресторанного счета. Он, конечно, тот еще мерзавец, этот твой Ален, но это ни для кого не новость. На твоем месте я больше бы беспокоилась из-за этого Пако. Какие у тебя основания верить ему на слово, что он работает на Вирека? — Она проглотила кусочек омлета и потянулась за солью.

— Я его видела. Он там был, в конструкте Вирека.

— Ты видела картинку, просто изображение — изображение ребенка, который был слегка похож на этого парня.

Марли смотрела, как Андреа ест, а ее завтрак

остывал на тарелке. Как описать чувство, охватившее ее, когда она уходила от Лувра? Эту уверенность в том, что теперь ее окружает нечто, с расслабленной точностью отслеживающее каждое ее движение, что она стала центром внимания со стороны по крайней мере одной из частей вирековской империи?

— Он очень богатый человек, — начала она.

— Вирек? — Положив нож и вилку на тарелку, Андреа принялась за кофе. — Я бы сказала, да. Если верить журналистам, он самый богатый индивидуум на планете. Точка. Богат, как какое-нибудь дзайбацу. Но индивидуум ли он — вот в чем загвоздка. В том же смысле, что ты или я? Ответом будет «нет». Ты разве не собираешься есть?

Марли начала механически отрезать и подносить ко рту куски омлета, а Андреа продолжала:

— Тебе стоит глянуть рукопись, над которой мы работаем в этом месяце.

Не переставая жевать, Марли вопросительно подняла брови.

— Это история орбитальных промышленных кланов. Монография какого-то профессора из университета Ниццы. Кстати, там даже этот твой Вирек есть. Он приводится в качестве противопо-

ставления, или, скорее, варианта параллельной эволюции. Этот книжный червь из Ниццы изучает парадокс личных финансовых состояний в эпоху корпораций, пытается разобраться, почему они вообще до сих пор еще существуют. Я имею в виду огромные состояния, сосредоточенные в руках отдельных личностей. Он рассматривает орбитальные кланы вроде Тессье-Эшпулов как самый распоследний вариант традиционной модели аристократии. Собственно говоря, это анахронизм — поскольку корпорация как вид не допускает возникновения элиты. — Поставив чашку на тарелку, Андреа отнесла посуду в раковину. — Правда, уже начав рассказывать, сама понимаю, что не так уж это и интересно. Целые страницы весьма серой прозы о природе «Массового Человека». Именно так, с большой буквы. Этот профессор обожает заглавные буквы. Стилист еще тот. — Она нажала рычажок, и в фильтрационном блоке зашипела вода.

— А что он говорит о Виреке?

— Он пишет, если правильно помню, а в этом я совсем не уверена, что Вирек даже еще большее отклонение, чем эти промышленные кланы с орбиты. Клан обычно охватывает несколько поколений, причем, как правило, там все замешано

на медицине: криогеника, генетические манипуляции, различные методы борьбы со старением. Смерть одного члена клана, пусть даже его основателя, обычно не ведет к кризису всего клана как экономической единицы. Всегда находится кто-нибудь, кто готов занять освободившееся место, всегда кто-то ждет своей очереди. Различие между кланом и корпорацией, однако, в том, что за корпорацию не нужно выходить замуж в буквальном смысле этого слова.

— Но ведь служащие подписывают пожизненный контракт…

Андреа пожала плечами:

— Это скорее договор о найме, что не одно и то же. На самом деле речь идет о гарантии трудоустройства. Но когда умрет твой герр Вирек, когда медтехи не найдут, куда еще расширить его резервуар, или что там у него, его деловые интересы лишатся логического стержня. Согласно теории нашего профессора из Ниццы, на этой стадии «Вирек и компания» или распадется на части, или мутирует. В последнем случае — превратится в «Компанию Такую-то», настоящую транснациональную корпорацию, еще одно прибежище для Массового Человека с большой буквы. — Она вымыла тарелку, сполоснула, вы-

терла ее и поставила в сосновую стойку возле раковины. — Профессор полагает, что это очень скверно, поскольку слишком мало осталось тех, кто способен хотя бы увидеть рубеж.

— Рубеж чего?

— Рубеж толпы. Мы затеряны в серединке, ты и я. Вернее, это я там — во всяком случае, пока. — Она пересекла кухню и положила руки на плечи Марли. — Ты побереги себя. В чем-то ты уже намного счастливее, но теперь я понимаю, что и сама могла бы этого добиться, просто устроив тебе небольшой ланч с этой свиньей, твоим бывшим любовником. В остальном же я не совсем уверена… На мой взгляд, всю красивую теорию нашего академика перечеркивает тот очевидный факт, что Вирек и ему подобные уже далеко не люди. Пожалуйста, будь осторожней…

На этом, поцеловав Марли в щеку, Андреа убежала на работу — в свой кабинет заместителя редактора такого модно архаичного предприятия, как книжное издательство.

Все утро Марли провела в квартире Андреа с проектором «Браун», изучая голограммы семи работ. Каждая из них была по-своему необычна, но Марли все время возвращалась к той шкатулке, которую Вирек показал ей первой. Что останется,

думала она, если, имея оригинал, убрать стекло и один за другим вынуть разложенные внутри предметы? Бесполезный хлам, обрамленное пространство, быть может, запах пыли.

Лежа на кушетке — «Браун» покоился у нее на животе, — Марли в который раз стала всматриваться в шкатулку. Та будто излучала волны боли или какого-то мучительного томления. Марли почудилось, что конструкция с идеальной точностью пробуждает в ней нечто совершенно определенное, но для этой эмоции не находилось названия. Марли запустила руку внутрь яркой иллюзии, провела пальцами как бы вдоль полой птичьей кости. Она была уверена, что Вирек уже посадил орнитологов определить, из крыла какой именно птицы попала сюда эта косточка. И вполне возможно — с доскональной точностью определить возраст каждого предмета. К каждому квадратику голофиши прилагался подробный отчет о происхождении каждого предмета в отдельности, но что-то заставляло ее намеренно избегать подобной информации. Сталкиваясь с тайной, именуемой искусством, иногда лучше всего подходить к ней как ребенок. Ребенок замечает то, что натренированному взгляду представляется само собой разумеющимся, слишком

очевидным.

Поставив «Браун» на низкий столик возле кушетки, Марли подошла к телефону, чтобы узнать, который час. В час дня ей предстояло встретиться с Пако и обсудить, как именно будут переданы Алену деньги. Ален сказал, что он сам позвонит в три на квартиру Андреа. Пока она набирала номер службы времени, по экрану автоматически бежали сообщения спутниковой сводки новостей: над Индийским океаном при входе в атмосферу рассыпался шаттл компании «Джей-Эй-Эль»; из Столичной Оси Бостон — Атланта вызваны специальные следователи для осмотра остатков квартиры в спальном пригороде в Нью-Джерси, которая была взорвана, жестоко и, вероятно, без мотива; военизированные отряды добровольцев надзирают за эвакуацией южного сектора Нового Бонна, последовавшей за обнаружением строительными рабочими двух неразорвавшихся ракет, оставшихся со времен войны, предположительно с биологическими боеголовками; официальные источники в Аризоне отвергают обвинение Мексики во взрыве атомного или термоядерного устройства малой мощности близ границы с Сонорой… Пока она смотрела, сводка пошла по второму кругу, и

изображение шаттла вновь устремилось к своей огненной смерти. Покачав головой, Марли нажала кнопку. Полдень.

Лето пришло. Небо над Парижем — жаркое и синее, и она улыбалась запаху свежего хлеба и черного табака. Пока она шла от метро по данному Пако адресу, ощущение, что за ней наблюдают, несколько ослабло. Улица Фобур-Сент-Оноре. Адрес казался смутно знакомым. Галерея, подумала она.

Действительно, галерея. «Робертс». Принадлежала она американцу, который содержал одновременно еще и три галереи в Нью-Йорке. Дорого, но не последний шик. Пако ждал возле невероятных размеров витрины, в которой под толстым и неровным слоем лака раскинулись сотни маленьких квадратных фотографий. Такие выплевывает на вокзалах и конечных станциях автобусов только один тип очень старомодных автоматов. Похоже, все это были снимки молодых девушек. Марли автоматически обратила внимание на имя художника и название работы: «Прочти нам „Книгу имен мертвых“»[39].

---

[39] notes: 39

Аллюзия на «Некрономикон» — вымышленную книгу из произведений Г. Ф. Лавкрафта, название которой можно перевести с греческого как «Книга имен мертвых».

— Полагаю, вы разбираетесь в таких вещах, — угрюмо приветствовал ее испанец.

На нем был дорогого вида синий костюм в парижском деловом стиле, белая в шелковистый рубчик рубашка и очень английский галстук, вероятно от «Шарве». Сейчас никто не принял бы его за официанта. Через плечо у Пако висела итальянская сумка из черного ребристого каучука.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— Имена мертвых, — кивнул он в сторону витрины. — Вы же выставляли подобные работы.

— И чего же вы не понимаете?

— У меня иногда возникает такое чувство, будто все это, вся эта *культура* — чистейшей воды надувательство. Уловка. В том или ином обличье я всю мою жизнь служил сеньору, понимаете? И в моей работе, как и во всякой другой, есть свои радости, свои моменты триумфа. Но ни разу с тех пор, как сеньор подключил меня к этому делу по современному искусству, я не испытывал ни малейшего удовлетворения. Сеньор — воплощенное богатство. Мир полон объектов величайшей красоты. И тем не менее он гоняется за… — Пако пожал плечами.

— Значит, вы знаете, что вам нравится, — улыбнулась в ответ Марли. — Почему вы выбрали для

нашей встречи именно эту галерею?

— Здесь агент сеньора приобрел одну из шкатулок. Разве вы не читали предоставленные вам в Брюсселе досье?

— Нет, это может меня сбить. Герр Вирек платит мне за интуицию.

В ответ испанец только поднял брови:

— Я познакомлю вас с Пикаром, это управляющий галереей. Возможно, он чем-то сможет помочь этой вашей интуиции.

Он провел ее через комнату, потом открыл какую-то дверь. Седеющий коренастый француз в помятом вельветовом костюме говорил в трубку радиотелефона. По экрану бежали колонки букв и цифр. Дневные котировки нью-йоркского рынка.

— А, это вы, Эстевес, — извиняясь, улыбнулся француз. — Прошу прощения. Одну минутку.

И Пикар вернулся к своему разговору. Пока он говорил, Марли изучала котировки. Поллок снова упал. Это была как раз та сторона арт-бизнеса, в которой Марли разбиралась хуже всего. Пикар, если так звали этого человека, наставлял брокера в Нью-Йорке, обговаривая приобретение некоторого числа «пунктов» работы определенного художника. «Пункты» высчитываются самыми разными способами в зависимости от того, какие

средства использует художник. Впрочем, с почти полной уверенностью можно было утверждать, что сам Пикар никогда не увидит приобретаемых работ. Если художник имеет достаточно высокий рейтинг, оригиналы, скорее всего, надежно спрятаны в каком-нибудь сейфе, где их вообще никто не видит. Дни или годы спустя Пикар, возможно, наберет тот же самый телефонный номер и прикажет брокеру продавать.

Галерея Марли продавала оригиналы. Это приносило сравнительно немного денег, но зато и своего рода нутряное, непосредственное удовлетворение. И разумеется, всегда оставался шанс, что тебе повезет. Она, помнится, убедила себя, что ей действительно очень повезло, когда Ален устроил так, чтобы «случайно» всплыл поддельный Корнелл. Корнелл высоко котировался у брокеров, и его «пункты» стоили очень дорого.

— Пикар, — будто обращаясь к слуге, произнес Пако, — познакомьтесь, это Марли Крушкова. Сеньор подключил ее к делу об анонимных шкатулках. Ей, возможно, захочется задать нам несколько вопросов.

— Очарован, — сказал Пикар и тепло улыбнулся, но Марли показалось, что она уловила в карих глазах галерейщика некий проблеск: скорее все-

го, он пытался связать имя с каким-то скандалом, причем сравнительно недавним.

— Насколько я понимаю, именно в вашей галерее была оформлена эта сделка?

— Да, — подтвердил Пикар. — Мы выставили работу в нашем нью-йоркском зале и получили ряд предложений. Однако мы решили дать ей шанс также и в Париже… — он весь светился от радости, — и благодаря вашему работодателю это решение оказалось весьма прибыльным. Как поживает герр Вирек, Эстевес? Мы не видели его уже несколько недель…

Марли украдкой бросила взгляд на Пако, но смуглое лицо испанца осталось совершенно невозмутимым.

— Я бы сказал, сеньор прекрасно себя чувствует, — ответил он.

— Великолепно, — сказал Пикар с чуть излишним энтузиазмом. Он повернулся к Марли. — Чудесный человек. Легенда. Великий меценат. Великий ученый.

Марли показалось, что она услышала, как Пако вздохнул.

— Не могли бы вы мне сказать, где именно ваше нью-йоркское отделение приобрело данную работу?

Лицо Пикара вытянулось. Он взглянул на Пако, потом снова на Марли:

— Вы не знаете? Вам не рассказали?

— Не могли бы вы сказать мне сами?

— Нет, — сказал Пикар. — Очень жаль, но не могу. Видите ли, мы не знаем.

Марли уставилась на него в полном недоумении:

— Прошу прощения, но я не совсем понимаю, как такое возможно…

— Она не читала отчетов, Пикар. Расскажите ей все. Услышать историю из первых уст — это может подстегнуть ее интуицию.

Пикар бросил на Пако странный взгляд, потом взял себя в руки.

— Конечно, — сказал он, — с удовольствием.

— Вы думаете, это правда? — спросила она Пако, когда они вышли на залитую солнцем улицу; в толпе тут и там мелькали японские туристы.

— Я сам ездил в Муравейник, — ответил Пако, — и опросил всех, кто имел хоть какое-то отношение к этому делу. Робертс не оставил никаких записей о покупке, хотя обычно он скрытничает не больше, чем любой арт-дилер.

— И его смерть была случайной?

Испанец надел зеркальные очки «порше».

— Столь же случайной, какой бывает любая подобная смерть, — ответил он. — У нас нет никакой возможности узнать, как или где он приобрел шкатулку. Мы обнаружили ее здесь восемь месяцев назад, и все наши попытки проследить ее путь оканчивались на Робертсе, а тот уже год как мертв. Пикар выпустил из своего рассказа то, что мы едва не потеряли шкатулку. Робертс хранил ее в своем загородном доме вместе с целым рядом прочих предметов, которые его наследники сочли просто набором курьезов. Весь лот едва не продали на публичном аукционе. Иногда мне хочется, чтобы так и произошло.

— А остальные предметы, — спросила Марли, примеряясь к его шагу, — что представляют собой они?

Он улыбнулся:

— Вы думаете, мы их не отследили, каждый в отдельности? Отследили, проверили. Все они, — тут он нахмурился, делая вид, что напрягает память, — «ряд малопримечательных образчиков современного народного искусства»…

— А что, известно, что Робертс интересовался чем-то подобным?

— Нет, — отозвался он, — но мы знаем, что приблизительно за год до смерти он подал заявку

на членство в институте «Арт-Брют», здесь, в Париже, и добился того, чтобы стать попечителем «Собрания Эшман» в Гамбурге.

Марли кивнула. «Собрание Эшман» состояло в основном из работ психопатов.

— Мы питаем разумную уверенность, — продолжал Пако, беря ее под локоть и направляя за угол, в боковую улочку, — что он не делал никаких попыток использовать ресурсы того или другого учреждения. Может быть, прибег к услугам посредников, хотя это маловероятно. Сеньор, конечно, нанял несколько десятков специалистов, чтобы проверить архивы обоих заведений. Без всякого результата…

— Скажите, — поинтересовалась Марли, — почему Пикар думает, что недавно видел герра Вирека? Как это возможно?

— Сеньор богат. Сеньор любит являть себя повсякому.

Он завел ее в какое-то кафе — несмотря на поблескивающие зеркала, ряды бутылок и игральные автоматы, оно напоминало отделанный хромировкой коровник. Зеркала лгали о размерах помещения, в глубине зала Марли увидела отраженный тротуар, ноги пешеходов, солнечный зайчик на втулке колеса. Пако кивнул сонного

вида мужчине за стойкой бара и, взяв ее за руку, повел через мелководье круглых пластмассовых столиков.

— На звонок Алена вы можете ответить и отсюда, — сказал он. — Мы устроили так, чтобы его переадресовали из квартиры вашей подруги.

Он выдвинул ей стул — автоматический жест профессиональной вежливости, и она подумала, не был ли он и в самом деле некогда официантом, — и поставил на стол сумку.

— Но он же поймет, что я не у Андреа, — возразила Марли. — А если я отключу видео, у него тут же возникнут какие-нибудь подозрения.

— Ничего этого он не увидит. Мы сгенерировали цифровой образ вашего лица и требуемый фон. Осталось только ввести программу в этот аппарат.

Вынув из сумки элегантный телефон, он поставил его на стол перед Марли. На крышке устройства бесшумно развернулся и тут же приобрел жесткость тонкий, как бумага, полимерный экран. Марли однажды случилось наблюдать, как выходит на свет бабочка, и этот экран напомнил ей чем-то трансформацию подсыхающих крыльев насекомого.

— Как это сделано? — спросила она, осторожно

касаясь экрана. На ощупь тот напоминал тонкую сталь.

— Новый поликарбон, — сказал он, — разработка «Мааса»…

Телефон тихонько замурлыкал. Поправив аппарат так, чтобы экран оказался точно перед Марли, Пако обошел столик.

— Ваш звонок. Помните, что вы дома! — сказал он и, потянувшись через стол, коснулся клавиши с титановым покрытием.

Маленький экран заполнили лицо и плечи Алена. Будто задымленное, с плохой подсветкой изображение значило, что звонит он из телефонной будки.

— Доброе утро, дорогая, — сказал Ален.

— Привет, Ален.

— Как дела, Марли? Полагаю, ты достала деньги, о которых мы договорились? — (Ей было видно, что одет он в какую-то темную куртку, но разрешение не позволяло разобрать детали.) — Твоей приятельнице стоило бы взять несколько уроков по уборке дома, — сказал он и, казалось, попытался заглянуть ей за спину.

— За всю свою жизнь ты ни разу не убрал комнату сам, — отозвалась она.

Ален с улыбкой пожал плечами:

— У каждого свои таланты. Мои деньги у тебя, Марли?

Она взглянула на Пако, тот кивнул.

— Да, — сказала она. — Конечно.

— Чудесно, Марли. Великолепно. Есть только одна крохотная загвоздка. — Он все так же улыбался.

— И какая же?

— Мои информаторы удвоили цену. Соответственно, и я должен удвоить свою.

Пако кивнул. Он тоже улыбался.

— Хорошо. Мне, конечно, придется спросить… — Теперь ее от него просто тошнило. Захотелось выключить телефон.

— И они, естественно, согласятся.

— Так где мы встретимся?

— Я позвоню еще раз. В пять, — сказал он.

Изображение съежилось до единственной сине-зеленой точки, как на экране радара, потом и она исчезла.

— У вас усталый вид, — сказал Пако, складывая экран и убирая телефон в сумку. — Вы выглядели старше, когда говорили с ним.

— Правда?

Перед ее внутренним взором вдруг почему-то возникла витрина в галерее «Робертс», все эти

лица. «Прочти нам „Книгу имен мертвых“». Все они — Марли, подумала она, все эти девушки — это я, какой была в долгую пору юности.

16
Легба

— Вставай, придурок. — Реа не слишком нежно пихнула его под ребра. — Поднимай задницу.

Бобби очнулся, сражаясь с вышитым крестиком покрывалом и полуоформившимися силуэтами неизвестных врагов. С убийцами матери. Он лежит в незнакомой комнате, в комнате, которая может быть где угодно. Многочисленные зеркала в рамах из позолоченного пластика. Ворсистые алые обои. Так декорировали свои комнаты готики, если могли это себе позволить, но он видел, как их родители оформляли в таком же стиле целые кондо. Швырнув на темперлон узел каких-то шмоток, Реа засунула руки в карманы черной кожаной куртки.

Покрывало в розово-черную клетку сбилось складками вокруг талии. Бобби глянул вниз и увидел, что членистое тело многоножки почти полностью утонуло в колее свежего розового шрама в палец шириной. Бовуар говорил, что эта штука ускорит заживление. Бобби недоверчиво потрогал новенькую ткань — болезненно, но, в

общем, переносимо. Затем перевел взгляд на Реа, выставил средний палец и сказал:

— Сама поднимай задницу на *это*.

Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга поверх поднятого пальца Бобби. Наконец Реа рассмеялась.

— Ладно, — сказала она, — один-ноль в твою пользу. Я перестану тебя доставать. А сейчас подбери вещички и одевайся. Тут должно найтись что-нибудь, что тебе подойдет. Скоро за тобой явится Лукас, а он не любит, когда его заставляют ждать.

— Да? А мне он вроде показался спокойным мужиком.

Бобби стал рыться в куче одежды: отбросил в сторону черную рубашку с пейслийскими узорами из состирывающегося золота, красную атласную куртку с оторочкой из белой искусственной кожи по рукавам, черное трико с вставками какого-то прозрачного материала…

— Где ты это взяла? — спросил он. — Я не могу носить такую дрянь…

— Это моего младшего братца, — ответила Реа. — Осталось с прошлого сезона — и лучше бы тебе натянуть что-нибудь на свою белую задницу, пока не появился Лукас. Эге, а это мое. — Она

вырвала трико, как будто Бобби собирался его украсть.

Бобби натянул черную с золотом рубашку, еще пришлось повозиться с кнопками из стекляшек под черный жемчуг. Нашел наконец пару черных джинсов, но мало того что они оказались обвисшими и плиссированными, так в них еще и не было карманов.

— Это все штаны, какие у тебя есть?

— Господи, — вздохнула она, — я видела одежду, которую срезал с тебя Пай. Тоже мне, блин, модник. Просто оденься, ладно? Мне не нужны неприятности с Лукасом. С тобой он, может, и миндальничает, — значит, просто у тебя есть что-то очень ему нужное, вот он и не выделывается. У меня, уж конечно, ничего такого нет. Так что из-за меня Лукас угрызений совести испытывать не будет.

Бобби нетвердо встал на ноги возле топчана и попытался застегнуть черные джинсы.

— Молнии нет, — сказал он, поднимая глаза на Реа.

— Поищи пуговицы. Должны быть где-то внутри. Такой стиль, знаешь ли.

Бобби нашел пуговицы. Хитрая конструкция. Он подумал, что будет, если ему понадобится

отлить по-быстрому. Увидев возле кровати черные тапки из нейлоновых ремешков, он сунул в них ноги.

— А Джекки? — спросил он, ковыляя туда, где мог бы взглянуть на себя в зеркало в золоченой раме. — Из-за нее Лукас станет испытывать муки совести? — Он следил за Реа в зеркале и увидел, что на ее лице промелькнула какая-то тень.

— А это еще что должно означать?

— Бовуар… он сказал, что она лошадь…

— Тише ты, — оборвала его Реа тихим и настойчивым голосом. — Если Бовуар упоминает при тебе о чем-то таком, это его дело. В остальных случаях это не то, о чем можно говорить, понял? Есть вещи настолько скверные, что ты сам предпочел бы вернуться на Большую Площадку к этим гопникам, которые тебя покоцали, уж поверь.

Бобби следил в зеркале за отражением ее черных глаз в тени полей мягкой фетровой шляпы. Теперь в них, казалось, появилось чуть больше белизны, чем раньше.

— Ладно, — сказал он после паузы, а потом добавил: — Спасибо.

Он поиграл воротом рубашки: поднял его сзади, снова опустил, пробуя разные варианты.

— Знаешь, — Реа склонила голову набок, — ес-

ли тебя одеть, ты не такой уж урод. Правда, глаза у тебя как два окурка в сугробе…

— Лукас, — начал Бобби, когда они спускались в лифте, — ты не знаешь, кто это был? Кто разделался с моей старухой? — Он намеревался спросить совсем другое, но вопрос выскочил сам собой, как пузырек болотного газа.

Лукас доброжелательно оглядел его с головы до ног. Черное длинное лицо негра осталось совершенно невозмутимым. Его великолепно сшитый черный костюм выглядел так, как будто его только что выгладили. В руке Лукас держал тяжелую трость из блестящего полированного дерева в красных и черных завитках прожилок, с массивным латунным набалдашником. Вниз от набалдашника сбегали латунные накладки в палец длиной, утопленные в дерево трости.

— Мы этого не знаем, — широкий рот сжался в прямую и очень серьезную складку, — но нам очень хотелось бы знать…

Бобби неуверенно переступил с ноги на ногу — ему было очень не по себе. Уже сам лифт заставлял его робеть и чувствовать себя неловким. Размерами тот напоминал небольшой автобус — и, хотя кабина не была переполнена, Бобби оставался в ней единственным белым. Черные,

заметил он, когда его взгляд беспокойно скользнул по кабине, во флюоресцентном свете вовсе не выглядят полутрупами, как это происходит с белыми.

Трижды за время их спуска лифт останавливался на каком-нибудь этаже и подолгу застревал там, однажды — минут на пятнадцать. Когда такое случилось в первый раз, Бобби вопросительно глянул на Лукаса.

— Что-то в шахте, — ответил тот на невысказанный вопрос.

— Что?

— Другой лифт.

Лифты располагались в сердцевине «улья», шахты были оплетены трубами водоснабжения и канализации, толстыми кабелями электропроводки и еще какими-то коммуникациями в теплоизоляционной обмотке. Бобби решил, что это часть геотермальной системы, о которой рассказывал Бовуар. «Внутренности» Проекта вылезали наружу, стоило только раздвинуться дверям кабины: все грубо, оголено, как будто те, кто строил «улей», хотели, чтобы последующие жильцы точно знали, как именно работает вся эта механика и что куда ведет. И все вокруг, каждую видимую поверхность покрывала вязь наползаю-

щих друг на друга граффити, настолько плотная, что почти невозможно было различить хоть какую-нибудь отдельную надпись или символ.

— Ты ведь никогда раньше не бывал тут, Бобби? — спросил Лукас, когда двери в очередной раз захлопнулись и кабина опять стала опускаться.

Бобби покачал головой.

— А жаль, — продолжал Лукас. — Конечно, это вполне понятно, но все равно — стыд и срам. Дважды-в-День говорил мне, что ты не испытываешь особого желания засиживаться в Барритауне. Это правда?

— Разумеется, — согласился Бобби.

— Ну, на мой взгляд, это вполне понятно. Ты кажешься мне молодым человеком с богатым воображением и, что еще важнее, достаточно инициативным. Согласен? — Уткнув латунный набалдашник в широкую ладонь, Лукас пригвоздил Бобби испытующим взглядом.

— Наверное, да. Терпеть не могу это захолустье. В последнее время я стал замечать, что… ну… здесь никогда ничего не происходит, понимаешь? Я хочу сказать, что-то случается, но это всегда чертов раз за чертовым разом одно и то же, как повторный показ, каждое лето похоже на предыдущее. — Бобби смешался, гадая, что Лукас

о нем подумает.

— Да, — отозвался тот. — Знакомое чувство. В отношении Барритауна это, быть может, чуть более верно, чем в отношении прочих мест. Но с тем же успехом такое можно сказать и про Нью-Йорк, и про Токио.

Не может этого быть, подумал Бобби, но все равно кивнул. Предостережение Реа крепко засело у него в голове. Лукас, казалось, таил в себе не больше угрозы, чем Бовуар, но уже одни его габариты служили предостережением. Бобби в последнее время всерьез обдумывал новую теорию о том, как держат себя некоторые представители рода человеческого, он еще не додумал ее до конца, но отчасти она основывалась на следующем постулате: тем, кто может быть по-настоящему опасен, вовсе не обязательно выставлять это напоказ, а способность скрывать угрозу делает их еще опаснее. Это шло вразрез с правилами Большой Площадки, где малыши-шестерки безо всякого веса из кожи вон лезли, чтобы, обвешавшись хромированными шипами и прочей дребеденью, проканать за буйных. Что, вероятно, шло им на пользу, по крайней мере в глазах местной тусовки. Однако Лукас явно был не из тех, кого хоть сколько-нибудь интересовало мнение местной

тусовки.

— Ты, я вижу, сомневаешься, — продолжал Лукас. — Ну, в этом ты, вероятно, и сам довольно скоро убедишься. Впрочем, не в ближайшем будущем. Учитывая, какой оборот приняла твоя жизнь, скучать тебе еще долго не придется.

Двери лифта, содрогаясь, разъехались в стороны, и Лукас шагнул из кабины, легонько, как ребенка, подталкивая Бобби перед собой. Они вышли в гулкий вестибюль, который, казалось, тянулся в бесконечность. Повсюду — киоски и занавешенные тряпками прилавки, и люди, сидящие возле одеял с разложенной на них всякой всячиной.

— Не задерживайся. — Лукас слегка подтолкнул Бобби огромной ладонью, когда тот остановился перед лотками с подержанным софтом. — Ты на пути в Муравейник, друг мой, и ты отправляешься туда так, как подобает Графу.

— То есть?

— В лимузине.

Машина Лукаса ошеломляла — поразительно длинный, черный в золотых проблесках корпус, натертая до зеркального блеска латунь и целая коллекция чудных приспособлений, о назначении которых Бобби мог только гадать. Он решил,

что одно из них — явно спутниковая антенна, хотя по форме она напоминала скорее не блюдце, а какое-нибудь календарное колесо ацтеков. Но тут он оказался внутри, и широкая дверца, мягко щелкнув, закрылась за ними. Окна были затемнены — пожалуй, даже слишком: изнутри казалось, что на улице ночь, причем довольно суетливая, поскольку обитатели Новостроек спешили по своим утренним делам. Внутри автомобиль представлял собой одно большое купе, заваленное пестрыми ковриками и светлыми кожаными подушками. Никаких сидений здесь, похоже, не наблюдалось. Равно как и рулевого колеса; на месте приборной доски — мягкая кожаная обивка без какого-либо следа приборов. Бобби посмотрел на Лукаса, который уже успел распустить черный галстук.

— Как ты его водишь?

— Садись где-нибудь. А водят его так: Ахмед, отвези наши задницы в Нью-Йорк, в Нижний Ист-Сайд[40].

Машина плавно скользнула от обочины, а Бобби упал на колени в мягкую горку ковриков.

— Ланч будет подан через полчаса, сэр, если

---

[40] notes: 40
Нижний Ист-Сайд — район на юго-востоке Манхэттена.

только вы не пожелаете чего-нибудь раньше. — Мягкий мелодичный голос, исходящий, казалось, из ниоткуда.

Лукас рассмеялся.

— Да уж, в Дамаске знали, как делать подобные вещи, — сказал он.

— Где?

— В Дамаске, — повторил Лукас, расстегивая пиджак и устраиваясь на горке палевых подушек. — Это «роллс». Из старых. В те времена, когда у них еще водились деньги, арабы делали неплохие машины.

— Лукас, — спросил Бобби с полным ртом (ел холодного жареного цыпленка), — как так выходит, что нам до Нью-Йорка ехать еще полтора часа? Ведь нельзя сказать, что мы ползем…

— Потому что, — сказал Лукас, сделав паузу ради еще одного глотка охлажденного белого вина, — дорога займет у нас ровно столько, сколько нужно. Ахмеда на заводе оснастили всеми необходимыми приспособами, включая первоклассную систему блокировки наблюдения. На трассе, пока он в движении, Ахмед обеспечивает изрядную степень секретности, намного большую, чем та, за какую я при обычных обстоятельствах готов платить в Нью-Йорке. Ахмед, как ты полагаешь,

кто-нибудь пытается достать нас — подслушать или еще чего?

— Нет, сэр, — ответил голос. — Восемь минут назад наша идентификационная панель была инфрасканирована с вертолета тактических сил. Номер вертолета — «Эм-Икс тире три тире восемьсот сорок восемь», пилот — капрал Роберто…

— Ладно, ладно, — прервал Лукас. — Прекрасно. Это не имеет значения. Видишь? Ахмед вытащил из тактиков больше информации, чем они получили от нас. — Вытерев руки о толстую белую льняную салфетку, он выудил из кармана пиджака золотую зубочистку.

— Лукас, — снова начал Бобби, пока негр осторожно ковырялся ею в щелях между большими квадратными зубами, — что произойдет, если я, скажем, попрошу тебя отвезти меня на Таймс-Сквер и там высадить?

— Ага, — отозвался Лукас, опуская зубочистку, — самый деловой район города. В чем дело, Бобби, наркотики нужны?

— Да нет, просто интересно.

— Интересно что? Тебе нужно на Таймс-Сквер?

— Нет, просто это первое место, какое пришло мне в голову. Я имел в виду, ты меня отпустишь?

— По правде сказать, нет, — сказал Лукас. — Но

тебе не следует думать, что ты заключенный. Скорее — гость. Ценный гость.

Бобби бледно улыбнулся:

— А-а. Ладно. Как это называется? «Содержание под стражей в целях безопасности»?

— Верно, — сказал Лукас, снова принимаясь за зубочистку. — И пока мы тут надежно экранированы славным Ахмедом, пора бы нам, Бобби, поговорить. Думаю, брат Бовуар уже рассказал тебе кое-что о нас. Что ты думаешь о том, что он тебе рассказал?

— Ну, — протянул Бобби, — это действительно очень интересно, но я не уверен, что все понял.

— Чего ты не понял?

— Ну, я, например, ничего не понимаю в этих ваших вудуистских штучках…

Лукас поднял брови.

— Это не мое дело, кто что готов проглотить, я хочу сказать — во что *поверить*, так? Но то Бовуар дело говорит, причем на уличном техе, да таком, что закачаешься, а через минуту — о каких-то мамбо и привидениях, о духах и змеях. И, и…

— И о чем?

— О лошадях, — выдавил Бобби, горло у него перехватило.

— Бобби, ты знаешь, что такое метафора?

— Железо какое-то? Вроде конденсатора?

— Нет. Ладно, оставим метафоры в покое. Когда Бовуар или я говорим с тобой о лоа и их лошадях, как мы называем тех немногих, которых избирают лоа, чтобы ездить на них, просто сделай вид, что мы говорим на двух языках разом. Один из них тебе понятен. Это уличный тех, как ты его называешь. Мы можем использовать другие слова, но говорим все же на техе. Скажем, мы называем что-то Огу Ферай, а ты то же самое мог бы назвать ледорубом, понимаешь? Но при этом теми же словами мы говорим и о других вещах, и вот их-то ты и не понимаешь. Тебе это и не нужно. — Он убрал зубочистку.

Бобби сделал глубокий вдох.

— Бовуар сказал, что Джекки — лошадь для змея, змея по имени Данбала. Можешь повторить то же самое на уличном техе?

— Естественно. Думай о Джекки как о деке — киберпространственной деке, очень хорошенькой и с красивыми коленками. — Лукас хмыкнул, а Бобби покраснел. — Думай о Данбале, которого некоторые называют змеем, как о программе. Скажем, о ледорубе. Данбала входит в деку Джекки, Джекки рубит лед. Вот и все.

— Ладно, — сказал Бобби, решив, что уже

несколько освоился, — тогда что такое матрица? Если Джекки дека, а Данбала программа, что тогда киберпространство?

— Весь мир, — услышал он в ответ.

— Отсюда нам лучше пойти пешком, — сказал Лукас.

«Роллс» беззвучно и плавно остановился, негр встал, застегивая на две пуговицы пиджак.

— Ахмед привлекает слишком много внимания.

Он подобрал свою трость — дверь, открываясь, издала мягкий чмокающий звук.

Бобби выбрался вслед за Лукасом в безошибочно узнаваемый запах, ставший визитной карточкой Муравейника, — богатая амальгама затхлых выхлопов подземки, древней копоти и едкого канцерогенного духа от свежей пластмассы, все это замешано на углекислом привкусе запрещенного ископаемого топлива для автомобилей. Высоко над головой в отраженном ослепительном свечении дуговых ламп один из

недостроенных фуллеровских куполов[41] закрывает две трети вечернего неба цвета лососины. Рваный край купола напоминает разломанные серые соты. Лоскутное одеяло куполов Муравейника порождало непредсказуемые смены микроклимата: были, например, области на несколько кварталов, где с закопченных геодезиков непрестанно сыпалась тонкая водяная пыль сконденсировавшейся влаги; в кварталах же под самыми высокими секциями купола часто били статические разряды — этакая специфическая городская разновидность молний.

На улице, по которой Бобби шагал вслед за Лукасом, сильно дуло. Теплый ветер бросал в лицо песок, — вероятно, это было как-то связано с перепадами давления в системе подземных коммуникаций, опутавшей весь Муравейник.

— Помни, что я тебе говорил, — сказал Лукас, щурясь от ветра с песком. — Этот человек представляет собой гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И даже если это не так, ты все рав-

[41] notes: 41

По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов — сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

но обязан выказать ему некую толику уважения. Если хочешь стать ковбоем, раскрой глаза пошире — сейчас ты увидишь, так сказать, живого классика нашего ремесла.

— Ага, — протянул Бобби. — Ладно. — Он подпрыгнул, чтобы отделаться от посеревшей ленты распечатки, которой вздумалось обвиться вокруг его колена. — Так, значит, это у него вы с Бовуаром купили…

— Ха! Нет! Я же тебе сказал. Говорить посреди улицы — все равно что ньюсфаксу диктовать…

Бобби поморщился, потом кивнул. Блин! Он все время попадает впросак! Вот он с крупным дельцом по уши в каком-то потрясающем деле, а продолжает вести себя как вильсон. Делец. Вот самое подходящее слово для Лукаса и для Бовуара тоже. А эти разговорчики о вуду — просто игра, чтобы запудрить мозги окружающим, думал Бобби. В «роллсе» Лукас выдал какую-то пространную тираду о Легбе, который, по его словам, был лоа коммуникаций, «хозяин дорог и тропинок», а все это к тому, что человек, к которому он ведет Бобби, — избранник Легбы. Когда Бобби спросил, хунган ли этот человек, Лукас сказал, что нет. Он сказал, что этот человек шел бок о бок с Легбой всю свою жизнь, был к нему предель-

но близко и даже не подозревал, что лоа всегда рядом с ним, как будто лоа всегда был частью его самого, его тенью. И вот этот человек, сказал Лукас, продал им софт, который Бобби арендовал у Дважды-в-День…

Свернув за угол, Лукас неожиданно остановился, да так резко, что Бобби едва не уткнулся ему в спину. Они стояли перед почерневшей каменной стеной. Окна дома еще десятилетия назад были забиты листами рифленого железа. На первом этаже располагался некогда магазин, но покрытые трещинами витрины успели зарасти грязью. Дверь между слепыми окнами была усилена точно таким же листом железа, какой запечатывал окна верхних этажей. Бобби показалось, что за окном слева можно разобрать что-то вроде вывески — потухшие неоновые буквы, криво свисающие в мрачной темноте. Лукас же просто стоял перед дверью, его лицо было лишено всякого выражения, конец трости будто врос в тротуар, огромные руки сложены одна поверх другой на латунном набалдашнике.

— Первое, чему тебе предстоит научиться, — сказал он тоном человека, цитирующего посло-

вицу, — это тому, что всегда нужно ждать…[42]

Бобби почудилось за дверью какое-то царапанье, потом раздался звон цепочки.

— Потрясающе, — проговорил Лукас, — можно подумать, что нас ждали.

Дверь на хорошо смазанных петлях открылась сантиметров на десять, потом будто за что-то зацепилась. В темной пыльной щели возник глаз и немигающе уставился на них. Поначалу Бобби решил, что это глаз какого-то крупного животного: зрачок — странного желтовато-коричневого оттенка, а белок — в паутине красных прожилок. А под ними — выпяченная, еще более красная губа.

— Духов человек, — сказал невидимый владелец глаза, — духов человек и какой-то мелкий засранец. Господи… — Раздался ужасный, булькающий звук, будто хозяин чуть ли не из самых кишок выхаркивал мокроту, скопившуюся там еще в доисторические времена, затем последовал смачный плевок. — Что ж, заходи, Лукас.

Снова скрежет, и дверь распахнулась вовнутрь — в кромешную тьму.

---

[42] notes: 42

«First thing that you learn is that you always gotta wait» — цитата из песни Лу Рида «I'm Waiting for the Man» с первого альбома *The Velvet Underground* («The Velvet Underground and Nico», 1967).

— Я занятой человек… — прозвучало с расстояния в метр — и с каждым словом все тише, как будто носитель глаза спешил убраться подальше от света, проникшего через открытую дверь.

Лукас переступил порог. Ему на пятки едва не наступил Бобби, почувствовавший, как за ним мягко захлопнулась дверь. От внезапной всепоглощающей темноты по рукам у него побежали мурашки. Эта тьма, казалось, жила собственной жизнью — что-то плотное, сбившееся и будто бы даже способное чувствовать.

Вспыхнула спичка, зашипела, плюясь, газовая лампа с наддувом — в ее калильной сетке зажегся газ. Разинув рот, Бобби уставился на лицо за светильником. Лицо?… Бобби очень хотелось поверить, что этот желтый глаз с кровавыми прожилками, равно как и его близнец, смотрят на него из прорезей какой-то страшной маски.

— Полагаю, ты не ждал нас, правда, Финн?

— Если хочешь знать, — проскрипела маска, открывая огромные плоские и желтые зубы, — я как раз собирался выйти, надыбать чего-нибудь на обед.

На взгляд Бобби, это существо могло бы прожить на диете из плесневеющего ковра. Или же со всем терпением выгрызать себе дорогу в

коричневой мякоти разбухших от сырости книг, наваленных до высоты плеча по обеим сторонам туннеля, где они стояли сейчас с Лукасом.

— Что это за недоносок, Лукас?

— Знаешь, Финн, мы с Бовуаром испытываем некоторые затруднения в связи с кое-чем, что приобрели у тебя, полностью тебе доверяя. — Лукас поднял трость и легонько потыкал ее концом в опасно накренившийся штабель, сложенный из древних книг в мягких обложках.

— Ах вот как? — Финн с насмешливым сочувствием поджал серые губы. — Оставь в покое эти первоиздания, Лукас. Если они рухнут, платить придется тебе.

Лукас убрал трость. В свете фонаря блеснул стальной наконечник.

— Итак, — сказало существо, которое Лукас называл Финном, — у вас проблемы. Забавно, Лукас, очень, черт побери, забавно. — Сероватые щеки Финна были прочерчены глубокими косыми морщинами. — У меня тоже проблемы. Три, если быть точным. Сегодня утром их еще не было. Что ж, думаю, такова жизнь. — Он поставил шипящую лампу на выпотрошенный каталожный шкаф и выудил из кармана чего-то, что некогда, возможно, было твидовым пиджаком, кривую

сигарету без фильтра. — Мои три проблемы наверху. Может, хочешь взглянуть на них?…

Он чиркнул деревянной спичкой о подставку лампы и прикурил. В воздухе заклубилась едкая вонь черного кубинского табака.

— Знаете, — сказал Финн, переступая через первое тело, — я уже очень давно обретаюсь по этому адресу. Все знают, где меня искать. Покупаешь у Финна — точно знаешь, у кого покупаешь. И я отвечаю за свой товар. Всегда…

Бобби пялился на вывернутое кверху лицо мертвеца, на потускневшие глаза. Что-то неестественное было в повороте его туловища, в том, как обмякло тело в облегающей черной одежде. С невыразительного безжизненного японского лица смотрели пустые глаза…

— И знаешь, сколько за все это время, — продолжал Финн, — нашлось недоумков, которые решились бы вломиться сюда, чтобы меня обуть? Ни одного! Ни одного до сегодняшнего утра. А тут, мать его, *трое зараз*. Ну, — он бросил на Бобби враждебный взгляд, — если не считать этого мелкого засранца, но… — Он пожал плечами.

— Такое впечатление, что он кривобокий, — сказал Бобби, все еще не сводя глаз с первого трупа.

— Это потому, что внутренности у него теперь годятся разве что на корм собакам, — ощерился Финн. — Растерты в пюре.

— Финн коллекционирует экзотическое оружие, — пояснил Лукас, слегка подталкивая запястье второго трупа концом трости. — Ты их просканировал на имплантаты, Финн?

— Ага. Та еще морока. Пришлось сначала оттащить их в заднюю комнату. Никаких сюрпризов. Быки, обычная команда. — Финн с шумом втянул воздух. — Вот только почему кому-то понадобилось меня пристукнуть?

— Может, ты продал им очень дорогой продукт, который не сработал? — рискнул предположить Лукас.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что это ты послал их, Лукас? — ровным голосом произнес Финн. — Разве что тебе не терпится посмотреть, как я повторю этот фокус с собачьей кормежкой.

— А разве я сказал, что ты продал нам что-то, что не работает?

— «Испытываем затруднения», сказал ты. А что еще, ребята, вы купили у меня в последнее время?

— Извини, Финн, но они не наши. И ты тоже это знаешь.

— Ага. Пожалуй, знаю. Так что же, черт побери, привело тебя сюда, Лукас? Сам же знаешь, то, что ты купил, обычными гарантиями не покрывалось…

— Видишь ли, — сказал Финн, выслушав историю сорвавшегося киберпространственного рейда Бобби, — порой там происходят чертовски странные дела. — Он медленно покачал узкой, неестественно вытянутой головой. — Что-то изменилось, раньше такого не было. — Он поглядел на Лукаса. — Но вы-то, ребята, это знаете, да?

Они сидели вокруг квадратного белого стола в совершенно белой комнате на первом этаже за захламленным торговым залом. Пол был выложен вытертой больничной плиткой в рубчик, чтобы не скользила нога, — ну прямо как в операционной, — а стены составлены из широких плит пыльного белого пластика, скрывавшего плотные слои антижучковой микропроводки. По сравнению со складом белая комната казалась хирургически чистой. Несколько стальных треножников вокруг стола, ощетинившиеся сенсорами и сканирующим оборудованием, напоминали абстрактные скульптуры.

— Знаем что? — спросил Бобби.

С каждым новым пересказом своей истории

он все меньше чувствовал себя вильсоном. Наоборот, кем-то значительным. Вот именно, это заставляло его чувствовать свою значимость.

— Не о тебе речь, засранец, — устало сказал Финн. — О нем, олдувом вуду. Он-то знает: что-то изменилось… И произошло это не сегодня. Я в деле уже целую вечность. Подумать только, сколько воды утекло. Я был тут еще до войны, еще до того, как появилась какая-то матрица, или, во всяком случае, до того, как люди *осознали*, что она существует. — Теперь он глядел на Бобби. — У меня есть пара ботинок, которым больше лет, чем тебе. Так чего, черт побери, мне от тебя ждать? Ковбои появились вместе с компьютерами. А первые компьютеры построили для того, чтобы взломать немецкий лед, так? Ковбоев тогда называли дешифровщиками[43]. Так что лед существовал еще до компьютеров, если взглянуть на это с такой стороны.

Он закурил пятнадцатую сигарету за вечер, и белая комната снова стала наполняться дымом.

— А вот Лукас, этот знает, да уж. Последние

---

[43] notes: 43

Речь идет об электромеханической машине *Bombe*, сконструированной в начале Второй мировой войны британским математиком и «крестным отцом информатики» Аланом Тьюрингом (на базе работ польского криптографа Мариана Реевского) для взлома кода роторной шифровальной машины «Энигма», применявшейся в немецкой армии.

семь-восемь лет странные там творятся вещи, да-да, там, в ковбойских кругах — или, если хочешь, в цепях. Сегодняшние жокеи заключают сделки с какими-то тварями, верно, Лукас? Ну да, знаю я об этом, знаю. Но им все равно нужны железо и софт, и им все равно нужно быть проворней змей на льду, однако у всех, у всех тех, кто действительно знает, как рубить лед, теперь есть союзники, правда, Лукас?

Лукас вынул из кармана свою золотую зубочистку и начал обрабатывать верхний коренной. Его темное лицо оставалось предельно серьезным.

— Престолы и власти[44], — загадочно продолжал Финн. — Да, что-то там есть. Призраки, голоса. А почему бы и нет? В океанах есть русалки и прочая дребедень, а у нас тут море кремния, понимаешь? Ну да, это наше киберпространство — просто ручной выделки галлюцинация, которую мы все согласились разделить, но каждый, кто подключается, знает, печенкой, черт меня побери, чует, что это целая вселенная. И с каждым годом народу там вроде как прибывает…

— Для нас, — лениво вставил Лукас, — и здеш-

[44] notes: 44

Первый и четвертый ангельский чин из девяти, фигурирующих в трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» (V–VI вв.).

ний мир всегда на этом работал.

— Ага, — отозвался Финн, — чтобы вы, ребята, вписались как влитые и сказали всем: мол, те штуки, с которыми вы заключаете сделки, — это ж наши старые боги из буша…

— Божественные Наездники…

— Ну да, конечно. Вы в это, может, и верите. Но я довольно давно живу уже на этом свете и помню, что не всегда так было. Десять лет назад пусть бы кто попробовал зайти в «Джентльмен-неудачник» и втирать кому-нибудь из крутых жокеев, что разговаривал с призраком в матрице, — да они б решили, что он спятил.

— Что он вильсон, — вставил Бобби, чувствуя себя выключенным из разговора и уже не столь значительным.

Финн бросил на него безучастный взгляд:

— Что-что?

— Ну, вильсон. Козел. Это жаргон хотдоггеров, я думаю… — Ну вот, опять слажал. Блин.

Финн поглядел на него более чем странно.

— Господи. Вот как это называется, да? О боже. А ведь я *знавал* этого парня…

— Кого?

— Бодайна Вильсона, — сказал он. — Надо же: первый из моих знакомых, который кончил как

фигура речи.

— Он был дурак? — спросил Бобби и тут же пожалел об этом.

— Дурак? Черта с два! Он был умен, хитер как бес. — Финн загасил сигарету в потрескавшейся керамической пепельнице с логотипом «Кампари». — Просто совершеннейший раздолбай, вот и все. Работал он как-то однажды с Дикси Флэтлайном… — Взгляд налитых кровью желтых глаз затуманился.

— Финн, — вмешался Лукас, — где ты взял этот ледоруб, который продал нам?

Финн сурово оглядел его с головы до ног:

— Сорок лет в деле, Лукас. Знаешь, сколько раз мне задавали этот вопрос? И знаешь, сколько раз я был бы уже мертв, если бы отвечал на него?

Лукас кивнул:

— Намек понял. Но тем не менее я задам его снова. — Он ткнул зубочисткой в сторону Финна, как игрушечным кинжалом. — Вот настоящая причина, по которой ты готов тут сидеть и трепаться: ты думаешь, что эти три жмурика наверху имеют отношение к тому ледорубу, который ты нам продал. Я же видел, как ты насторожился, когда Бобби рассказывал, как взорвали кондо его матери, да?

— Возможно, — оскалился Финн.

— Кто-то занес тебя в свой список, Финн. Эти три мертвых ниндзя наверху обошлись кому-то в немалые деньги. Когда они не вернутся, этот кто-то примет меры, Финн, и еще более решительные.

Обведенные красным желтые глаза прищурились.

— Железок у них было выше крыши, — сказал Финн, — стандартный киллерский набор, но у одного из них были и другие штучки. Штучки для задавания вопросов. — Желтые от никотина, почти цвета тараканьих крыльев, пальцы медленно потянулись помассировать короткую верхнюю губу. — Я получил его от Вигана Лудгейта, — сказал он. — По кличке Виг.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Лукас.

— Этот долбанутый засранец, — сказал Финн, — был когда-то ковбоем.

Случилось так, *начал Финн, и история поглотила Бобби целиком, это было даже лучше, чем слушать Бовуара и Лукаса*, что Виган Лудгейт пять лет оттрубил крутым жоком, недурной пробег для киберковбоя. Да, пять лет… За такой срок ковбой кончает или с очень большими деньгами, или с выжженным мозгом, или тем, что

набирает конюшню юных взломщиков, а сам выполняет уже чисто менеджерские функции. Виг, в первой горячке молодости и напора, рванул в затяжной поход по сравнительно редко заселенным секторам матрицы, представляющим те географические области, которые когда-то были известны как «третий мир».

Кремний не снашивается; микрочипы практически бессмертны. Виг этот факт подметил. Как всякое дитя своего века, он, однако, знал, что кремний на самом деле может устареть, и это гораздо хуже, чем просто отработать свое. Это было для Вига мрачной данностью, с которой приходилось смириться, как, скажем, со смертью или налогами. Впрочем, о том, чтобы его снаряжение соответствовало последнему слову техники, он обычно беспокоился больше, чем о смерти (ему было двадцать два) или о налогах (он не заполнял деклараций, хотя ежегодный процент, который он отдавал сингапурской отмывочной, грубо говоря, равнялся подоходному налогу, какой ему пришлось бы платить, заяви он о своих доходах). Виг достаточно здраво рассудил, что должен же куда-то уходить весь этот устаревший кремний. А уходил он, как выяснил Виг, в ряд очень бедных стран, отчаянно пытавшихся

запустить с нуля какие-никакие промышленные базы. В страны, настолько погруженные во мрак невежества, что концепция нации там до сих пор еще воспринималась всерьез. Виг пробурился на пару африканских задворок и почувствовал себя акулой, кружащей в бассейне, полном икры. Нельзя сказать, что какое-нибудь из этих вкусных крохотных яиц много давало в отдельности, но если забросить сеть и грести все чохом, то работы немного, а улов… в общем, с поля по зернышку… Виг обрабатывал африканцев неделю, при этом нечаянно вызвал падение по крайней мере трех правительств и бессчетные людские страдания. В конце недели, слизнув сливки с нескольких миллионов до смешного мелких банковских счетов, он удалился на покой. Когда он выходил, уже налетала саранча: на «африканскую идею» набрели все прочие.

Два года Виг просидел на пляже в Каннах, питаясь исключительно самыми дорогими дизайнерскими наркотиками и периодически включая маленький телевизор «Хосака», чтобы со странным и удивительно невинным любопытством поизучать вздувшиеся тела мертвых африканцев. В какой-то момент — никто не мог сказать, где, когда или почему — стали замечать,

что Виг проникся убеждением, будто Господь Бог живет в киберпространстве или, может, будто киберпространство и есть Бог или какое-то его новое проявление. Экскурсы Вига в теологию отличались резкими сдвигами парадигм, настоящими богоискательскими метаниями. Финн имел кое-какое представление о том, чем в те годы занимался Виг; вскоре после обращения в эту его новую уникальную веру Виган Лудгейт вернулся в Муравейник и отправился в эпическое, хоть и несколько беспорядочное плавание по водам кибернетического познания. В прошлом компьютерный жокей, он знал, куда обращаться за самым лучшим железом и софтом. Финн снабжал Вига и тем и другим, поскольку тот все еще оставался богат. Как Виг объяснял Финну, его техника мистических изысканий сводится к тому, чтобы проецировать сознание в пустые неструктурированные секторы матрицы и ждать. Надо отдать парню должное, сказал Финн, тот никогда не заявлял, будто взаправду встретил Бога, хотя считал, что в ряде случаев ощущал Его присутствие, незримое дуновение над ликом решетки. Со временем у Вига вышли все деньги. Из-за его зацикленности на духовном поиске немногие деловые связи, оставшиеся с доафри-

канских времен, оборвались, так что Лудгейт канул без следа.

— Но потом однажды он объявился, — продолжал Финн, — сумасшедший, как крыса из нужника. Как был бледным сморчком, так им и остался, но теперь еще был увешан всякой африканской дребеденью: бусами, костями и тэ пэ.

Бобби отвлекся от рассказа Финна ровно настолько, чтобы спросить себя, как может существо, похожее на Финна, называть кого-то «бледным сморчком», но потом перевел взгляд на Лукаса, и тот был смертельно мрачен. Тут Бобби пришло в голову, что Лукас может воспринять африканскую часть истории на свой счет — как личное оскорбление, что ли. Но Финн преспокойно продолжал рассказ:

— У него было полно всего на продажу. Деки, периферия, программы. Все на пару лет устарело, но игрушки были крутые, так что я дал за них приличную цену. Я тогда еще заметил, что он вживил разъем за ухо и постоянно держит подключенным странный серебряный микрософт. «Что за софт?» — спрашиваю. «Он пуст», — отвечает Виг. Этот сморчок сидит на том самом месте, где сидишь сейчас ты, малыш, и говорит мне, что микрософт, мол, пуст, и что это глас Господень,

и что он пребудет вечно в Его белом гуле, и тому подобный бред. И я подумал: господи, Виг окончательно сбрендил, — хотя нет, вот он в пятый раз пересчитывает деньги, которые я ему дал. «Виг, — сказал я, — время — деньги, но скажи мне, что ты теперь намерен делать?» Потому что мне стало любопытно. Я ведь знал парня долгие годы — по делам, конечно. «Финн, — говорит он, — я должен подняться по гравитационному колодцу. Бог — там, наверху». Ну то есть, говорит он мне, Бог-то повсюду, но тут внизу слишком много помех, они скрывают Его лик. «Ладно, — говорю я ему, — как знаешь». И указал ему на дверь, вот и все. Никогда его больше не видел.

Бобби поморгал, подождал, поерзал немного на жестком сиденье складного стула.

— Вот только где-нибудь год спустя появился какой-то парень, такелажник с высокой орбиты, спустился по колодцу на побывку, и у него был с собой недурной софт на продажу. Ничего гениального, но весьма и весьма интересно. Он сказал, это от Вига. Ну, может, Виг — свихнувшийся нарк и давно вне игры, но все же умеет отыскивать неплохое дерьмецо. Так что я этот софт покупаю. Это было лет, наверное, десять назад, так? И каждый год или около того появляется

какой-нибудь парень с товаром. «Виг сказал, это стоит предложить тебе». И обычно я это покупал. Ничего особенного, но вещи нормальные. И люди, привозившие софт, всегда были разные.

— Что это было, Финн, всегда только программы и ничего больше? — спросил Лукас.

— В основном да, ну и плюс еще какие-то странные хреновины типа скульптур. Об этом я позабыл. Я решил, что это Виг их делает. Когда первый раз парень привез одну такую, я купил у него софт, а потом спросил, как это, черт побери, называется? «Виг сказал, ты, возможно, заинтересуешься». — «Скажи ему, что он псих». Парень рассмеялся. «Ну, тогда оставь это себе, — говорит он. — Я не повезу эту чертову штуку обратно». Я хочу сказать, размером она была примерно с деку, эта штука, просто кучка мусора и разная труха, набитая в деревянную шкатулку… Так что я засунул ее за ящик с металлоломом и совсем бы о ней забыл, если бы не старик Смит — тогдашний мой коллега, барыжил он в основном искусством и всякой коллекционной лабудой. Он эту хрень видит и хочет заполучить. В общем, ударили мы с ним по рукам насчет этого хренова барахла. «Еще такие будут, Финн, — говорит он, — забирай. В центровых районах немало найдется

дураков, которые на такое клюнут». Так что в следующий раз, когда появился парень от Вига, я и скульптурку тоже купил и перепродал ее Смиту. Но особых денег в этом всем не было… — Финн пожал плечами. — До последнего месяца, во всяком случае. Появился очередной мальчишка с товаром, который вы потом купили. От Вига. «Послушай, — говорит он, — это биософт, и он рубит лед. Виг говорит, он дорогого стоит». Я софт просканировал, и выглядел он нормально. Знаешь, решил я, в нем, пожалуй, что-то есть. Твой партнер Бовуар тоже решил, что он довольно интересен. Я его купил. Бовуар купил его у меня. Конец истории. — Финн вытащил сигарету, она оказалась сломанной, согнутой пополам. — О черт, — сказал он.

Из того же кармана он выудил поблекшую пачку папиросной бумаги, из нее — хрупкий розовый листок и наподобие лубка плотно обернул его вокруг сломанной сигареты. Когда он лизнул клей, Бобби углядел кончик очень острого серо-розового языка.

— А где, Финн, проживает мистер Виг? — спросил Лукас, подпирая большими пальцами подбородок. Длинные пальцы сложились домиком перед его лицом.

— Лукас, не имею ни малейшего, черт побери, понятия. Где-то на орбите. И довольно скромно, если те деньги, какие он из меня выдаивает, что-то для него значат. Правда, я слышал, там есть места, где можно прожить вообще без денег, если найдешь себе нишу в их экономике, так что, не исключено, этих грошей хватает надолго. Только я тут не при делах, у меня агорафобия. — Он скверно улыбнулся в сторону Бобби, который все пытался изгнать из памяти вид острого языка. — Знаешь, — сказал он, прищурившись на Лукаса, — дело было примерно тогда же, когда до меня стали доходить разговоры о всякой хурдемурде, что творится в матрице.

— Например? — спросил Бобби.

— Не лезь, мудило, — бросил Финн, все еще глядя на Лукаса. — Было кое-что — еще до того, как вылезла ваша духова гоп-компания. Я знал одну девчонку, уличного самурая. Так вот, она устроилась работать на одного типа из спецназа, по сравнению с которым даже Виг, мать его так, выглядел нормальным. Она и еще один ковбой, которого вытащили с помойки в Тибе, пошли на какое-то странное дело, искали что-то. Может, нашли. Последний раз я видел их в Стамбуле. Но пару лет назад слышал, что она живет в Лондоне,

а может — уже и нет. Кто, черт побери, знает? Семь-восемь лет прошло…

Вид у Финна стал вдруг очень усталый, и сам он внезапно как-то сильно постарел. Бобби подумал, что он похож на большую мумифицированную крысу, приводимую в движение ниточками и скрытыми проводками. Финн вынул из кармана наручные часы с треснувшим стеклом на половинке грязного кожаного ремешка и сверился с ними.

— Господи. Ну, это все, что ты от меня сегодня получишь, Лукас. Через двадцать минут ко мне заглянут друзья из банка органов поговорить о небольшом дельце.

Бобби подумал о трупах наверху. Они пролежали там весь день.

— Э-э, — сказал Финн, прочитав выражение на его лице, — банки органов хорошо умеют избавляться от трупов. У этих беспризорных ублюдков наверху не так уж много осталось органов… — И Финн рассмеялся.

— Ты говорил, он близок к… Легбе? А Легба — это тот, который, как вы с Бовуаром сказали, послал мне удачу, когда я въехал в черный лед?

За сотами геодезических куполов светлело небо.

— Да, — ответил Лукас.

Негр, казалось, был погружен в глубокую задумчивость.

— Но он, похоже, вообще не верит ни в какое вуду.

— Это не имеет значения, — сказал Лукас, когда в конце улицы появился «роллс». — Он всегда был близок к духу вещей.

17
Беличий лес

Неподалеку от места приземления самолета журчала бегущая вода. Ворочаясь в ремнях противоперегрузочной сетки, Тернер услышал этот звук в бреду, а может, это было во сне — вода по камням, одна из древнейших песен. Самолет был умным, как какой-нибудь сообразительный пес, — с аппаратно встроенным инстинктом прятаться. Тернер чувствовал, как машина покачивается на раме шасси, забираясь в кусты, как шуршат и царапают по темной кабине ветки. Самолет заполз глубоко в зеленую тень и припал на складные колени. Посадочная рама, сокращаясь, поскуливала и потрескивала, машина вжималась брюхом в глину и перегной, как электрический скат в песок. Мимикрирующая поликарбоновая обшивка крыльев и фюзеляжа потемнела и пошла пятнами, принимая цвет расписанного лунными разводами камня и лесной почвы. Наконец самолет затих, и единственным звуком остались родниковые трели…

Он очнулся, как машина: глаза распахнуты,

зрение подключено, в оперативной памяти — пусто. Вспомнил красную вспышку смерти Линча в прицеле «смит-и-вессона». Изгиб кабины над головой был разрисован кружевом листьев и веток — хамелеонский камуфляж. Бледный рассвет и звук бегущей воды. На нем все та же синяя спецовка Оуки. Теперь от нее пахло кислым потом, а рукава Тернер оторвал еще позавчера. Револьвер лежал у него между ног, нацелившись на черный джойстик штурвала. Противоперегрузочная сетка путаницей ремней обвисла вокруг плеч и бедер. Извернувшись, Тернер заглянул назад, проверить, как там девочка. Увидел овал белого, как бумага, лица и коричневую струйку засохшей крови под носом. Еще без сознания. Капли пота на лбу, губы слегка приоткрыты, как у куклы.

— Где мы?

— В пятнадцати метрах на юго-юго-восток от заданных вами координат посадки, — ответил самолет. — Вы снова потеряли сознание. Я выбрал маскировку.

Тернер выдернул из разъема коннектор интерфейса, оборвав связь с самолетом. Потом тускло оглядел пульт, щелкнул тумблером, откидывавшим фонарь. Кабина вздохнула сервоприводами, от движения качнулось кружево поликарбоно-

вой листвы. Перекинув ногу через борт, Тернер прижал ладонь к фюзеляжу, поглядел вниз. Поликарбон, до того воспроизводивший серые тона окружающей глины, стал на глазах у Тернера вырисовывать овал цвета его ладони. Тернер перебросил вторую ногу — пушка осталась лежать забытой на сиденье — и соскользнул на землю в высокую сладкую траву. Там он снова заснул, и ему снилась бегущая вода.

Проснувшись, он пополз по-пластунски, чтобы не задеть низкие, тяжелые от росы ветки. Наконец выбрался на поляну и рухнул вперед, перекатился на спину, раскинув руки, будто — и сам он это почувствовал — сдавался на чью-то милость. Высоко над ним взметнулось с ветки что-то маленькое и серое, приземлилось на другую ветку, покачалось на ней и ускакало прочь.

Лежи тихо, услышал он голос, учивший его этой премудрости много лет назад, просто ляг и расслабься, и очень скоро они о тебе забудут, потеряют среди серости, и росы, и рассвета; они вышли кормиться, кормиться и играть, их мозгам долго не удержать двух мыслей сразу. Мальчишка-Тернер устраивается рядом с братом, винчестер с пластиковым прикладом ложится поперек груди. Мальчик вдыхает запах новой

латуни, и ружейного масла, и застрявший в волосах запах лагерного костра. И его брат всегда был прав, говоря о белках. Они возвращаются. Они уже забыли о прозрачном прищуре смерти, разлегшейся под ними в заштопанной джинсе и синей стали. Они вернулись, взапуски перескакивая с ветки на ветку, останавливаясь, чтобы принюхаться к утру. Тернеров двадцать второй калибр щелкнул, и обмякшее серое тельце, кувыркаясь, упало вниз. Остальные рассыпались, исчезли, а Тернер передал ружье брату. И снова они лежали в траве и ждали, чтобы белки о них забыли.

— Вы ведь похожи на меня, — сказал Тернер белкам, вырываясь из сна; одна из них внезапно присела на толстом суку и взглянула прямо ему в глаза. — Я тоже всегда возвращаюсь. — (Белка ускакала прочь.) — Возвращался, когда бежал от голландца. Возвращался, когда улетел в Мексику. Возвращался, когда убил Линча.

Он лежал там очень долго, наблюдая за игрой белок, а тем временем вокруг него просыпался лес и согревалось утро. Прилетела ворона, снизилась, зависла, тормозя перьями, распущенными будто черные механические пальцы или стрелки часов. Остановилась проверить, не мертв ли он.

Тернер усмехнулся вслед вороне, с хлопаньем крыльев летевшей прочь.

Пока нет.

Он заполз назад под нависающие ветки и обнаружил, что девочка в кабине очнулась и села. На ней была мешковатая белая футболка с косым шрамом логотипа «МААС-НЕОТЕК». На футболке виднелись потеки свежей красной крови. У нее снова шла кровь носом. Яркие голубые глаза — растерянные и ошеломленные — в обрамлении желто-черных синяков. Экзотический макияж.

Совсем ребенок, подумал он.

— Ты дочь Митчелла, — сказал Тернер, выудив имя из досье с биософта. — Анджела.

— Энджи, — автоматически отозвалась она. — А ты кто? У меня кровь идет из носа. — Она показала ему кровавую гвоздику скомканного бумажного платка.

— Тернер. Я ждал твоего отца. — Только сейчас он вспомнил о револьвере, сообразив, что второй ее руки не видно. Рука оставалась за краем кабины. — Ты знаешь, где он?

— На плато. Он думал, что сможет поговорить с ними, все им объяснить. Потому что он им нужен.

— С кем поговорить? — Тернер сделал шаг

вперед.

— С «Маасом». С советом директоров. Они не могут себе позволить причинить ему вред. Не могут же?

— С чего бы это? — Еще шаг.

Она промокнула нос красной бумажкой.

— Потому что он отослал меня прочь. Потому что знал, они собираются что-то со мной сделать, может быть, убить. Из-за снов.

— Снов?

— Как ты думаешь, они ведь правда его не тронут?

— Нет. Конечно, они этого не сделают. А сейчас я залезу наверх, идет?

Она кивнула. Ему пришлось провести руками по борту, чтобы отыскать мелкие утопленные поручни. Мимикрирующее покрытие показывало лист, лишайник, сучья… И вот он наверху, рядом с девочкой, и револьвер, как оказалось, лежал возле ее ноги в кроссовке.

— Но разве он не собирался прибыть сам? Я ждал его, твоего отца.

— Нет. Мы никогда этого не планировали. И дельтаплан у нас был только один. Разве он тебе не сказал? — Ее начало трясти. — Разве он ничего тебе не сказал?

— Достаточно, — сказал Тернер, кладя ей руку на плечо. — Он рассказал нам достаточно. Все будет хорошо…

Он перекинул ноги через борт, нагнулся, отодвинул «смит-и-вессон» от ее ноги, нащупал кабель интерфейса и, не отнимая другой руки от плеча Энджи, поднял его и вставил в разъем за ухом.

— Покажи мне, как стереть всю твою память за последние сорок восемь часов, — приказал он самолету. — Заложенный курс на Мехико, твой перелет с побережья, все…

— Никаких данных о заложенном курсе на Мехико не обнаружено, — отозвался голос — прямой нейронный вход на аудио.

Потирая подбородок, Тернер глядел на девочку.

— Куда мы направлялись?

— В Боготу, — сказал самолет и выдал на дисплей координаты посадки, которой они не совершали.

Энджи зажмурилась, потом недоуменно воззрилась на него. Веки у нее были в таких же черных синяках, как и вся кожа вокруг глаз.

— С кем ты разговариваешь?

— С самолетом. Митчелл сказал тебе, куда, по

его мнению, ты направишься?

— В Японию.

— Знаешь кого-нибудь в Боготе? Где твоя мать?

— Никого. А мать, думаю, в Берлине. По правде говоря, я ее почти не знаю.

Тернер стер память истребителя, вычищая все, что заложил туда Конрой: курс перелета из Калифорнии, координаты площадки в пустыне, маршрут, который привел бы их на посадочную полосу в трехстах километрах от центра Боготы…

Со временем самолет найдут. Тернер вспомнил о системах орбитальной слежки «Мааса» и спросил себя, а много ли проку от малозаметного профиля и программы уклонения, какую он задал машине вчера. Можно было бы предложить ее Руди на утиль, но вряд ли Руди захочется впутываться в эту историю. Впрочем, если уж на то пошло, само появление дочери Митчелла на ферме затягивало Руди по уши. Но больше идти было некуда. Где еще достать то, что ему сейчас необходимо?

А идти туда четыре часа: сперва — полузабытыми тропинками, а дальше — по петляющему, поросшему сорняками двуполосному шоссе. Тернеру показалось, что деревья кругом совсем не

те, но потом он сообразил, насколько они должны были вырасти за годы, прошедшие с тех пор, как он был здесь в последний раз. Вдоль шоссе через равные промежутки торчали обрубки деревянных столбов. Когда-то на них крепились телефонные провода. Теперь пеньки оплели ежевика и жимолость, провода давным-давно оборваны для разных нужд, а столбы порублены на растопку. В полевых цветах у обочины гудели пчелы…

— Там, куда мы идем, есть какая-нибудь еда? — спросила девочка. Подошвы ее белых кроссовок шаркали по выветрившемуся асфальту.

— Конечно, — ответил Тернер. — Все, что захочешь.

— Вот чего бы мне хотелось прямо сейчас, это воды. — Она смахнула прядку прямых каштановых волос с загорелой щеки.

Он заметил, что у девочки постепенно проявляется хромота, она начинала морщиться каждый раз, когда приходилось наступать на правую ногу.

— Что у тебя с ногой?

— Колено. Наверное, ударилась, когда сажала дельтаплан, — скривилась она, но продолжала идти.

— Тогда привал.

— Нет. Я хочу дойти туда, дойти хоть куда-нибудь.

— Привал, — повторил он и, взяв ее за руку, потянул к обочине дороги.

Энджи состроила гримаску, но села рядом с ним, осторожно вытянув перед собой правую ногу.

— А у тебя большая пушка, — заметила она.

Было жарко — слишком жарко для теплой куртки. Надев портупею прямо на голое тело, Тернер накинул поверх нее спецовку с оторванными рукавами, полы спецовки развевались по ветру.

— Почему у нее такой странный ствол, как голова у кобры?

— Это снизу тактический фонарь, для ночного боя. — Он наклонился, чтобы осмотреть ее лодыжку; та быстро распухала. — Не знаю, сколько еще ты пройдешь с такой ногой, — сказал он.

— Тебе много приходится драться по ночам? С оружием?

— Нет.

— Тогда я, наверное, не понимаю, чем ты занимаешься.

Он поднял на нее взгляд:

— Я сам не всегда это понимаю, во всяком слу-

чае — в последнее время. Я ждал твоего отца. Он хотел сменить компанию, поработать на других людей. Эти люди наняли меня и еще нескольких человек помочь ему выпутаться из его прежнего контракта.

— Но из этого контракта нет выхода, — сказала Энджи. — Во всяком случае, легального.

— Вот именно. — Развязал узел, снял кроссовку. — Легального.

— Ага, так вот чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Да. — Под кроссовкой носка у нее не было, и лодыжка распухала все сильнее. — Ты растянула связку.

— А что тогда с остальными? У тебя ведь были еще люди там, в тех развалинах? Кто-то стрелял, и эти взрывы…

— Трудно сказать, кто стрелял, — сказал он, — но осветительные ракеты были не наши. Может, бойцов из службы безопасности «Мааса», которые следовали за тобой. Как ты думаешь, ты ушла чисто?

— Я все сделала так, как мне велел Крис, — сказала она. — Крис — это мой отец.

— Знаю. Пожалуй, остаток пути придется тебя нести.

— Но все-таки как насчет твоих друзей?

— Каких друзей?

— Там, в Аризоне.

— Ах да. Ну, — он отер со лба пот тыльной стороной ладони, — ничего не могу тебе сказать. По правде говоря, сам не знаю, что с ними сталось.

И увидел перед собой ослепительно-белое небо, зарево, свет ярче солнечного. А самолет сказал, что никакого электромагнитного импульса не было…

Первая модифицированная собака Руди почуяла их через четверть часа после того, как они снова двинулись в путь: Энджи у Тернера за спиной — локти у него на плечах, худые коленки зажаты под мышками, пальцы сцеплены замком у него перед грудиной. От нее пахло как от ребенка из дорогого предместья, смутный намек на мыло или травяной шампунь. Тут он спросил себя, а чем должно пахнуть от него самого. У Руди наверняка есть душ…

— О черт, а это еще что? — Девочка выпрямилась у него на спине, указывая куда-то в сторону.

С высокой каменной насыпи у поворота дороги на них глядел тощий серый пес. Его узкая голова пряталась под черным колпаком с выступами сенсоров. Собака тяжело дышала, высунув язык,

и медленно поводила головой из стороны в сторону.

— Все в порядке, — сказал Тернер. — Сторожевой пес. Моего друга.

Дом разросся, выпустив крылья пристроек и сарайчиков-мастерских, но Руди так и не удосужился перекрасить облупившиеся доски первоначальной постройки. Пока Тернера не было, Руди обвел двор прямоугольником проволочной ограды. Туго натянутая сетка отделяла от внешнего мира двор и коллекцию машин, но, подойдя поближе, Тернер увидел, что ворота стоят нараспашку, а проржавевшие петли заросли вьюнком. Впрочем, Тернер лучше других знал, что настоящие линии защиты прячутся где-то еще. Он ковылял по подъездной дорожке, а за ним трусили четыре модифицированные собаки. Голова Энджи безвольно покачивалась у него на плече, но руки оставались по-прежнему сомкнуты на его шее.

Руди ждал их на передней веранде в старых белых шортах и флотской футболке, из единственного ее кармана торчало по меньшей мере девять различных авторучек. Завидев их, он приветственно поднял зеленую банку голландского пива. За его спиной из кухни показалась

блондинка в линялой рубашке цвета хаки с хромированной лопаточкой в руке. Ее короткие волосы были зачесаны назад и вверх — это почему-то напомнило Тернеру о враче-кореянке в трейлере «Хосаки», о том, как горел этот трейлер, об Уэббер, о белом небе… Он покачнулся на гравийной подъездной дорожке Руди — ноги широко расставлены, чтобы удержать девочку, голая грудь в дорожках пота, прочерчивающих запекшуюся с аризонской пустыни пыль, — и посмотрел на Руди и его блондинку.

— Завтрак готов, — объявил Руди. — Когда собаки вас засекли, мы решили, что вы, наверное, проголодались. — Его тон был тщательно-уклончивым.

Девочка застонала.

— Это хорошо, — сказал Тернер. — Она лодыжку подвернула, Руди. Лучше бы глянуть прямо сейчас. А потом мне еще нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Я бы сказал, несколько молода для тебя. — Руди снова приложился к пиву.

— Отстань, Руди, — вмешалась женщина. — Ты что, не видишь, что ей больно? Несите ее в дом, — сказала она Тернеру и исчезла в дверях кухни.

— А ты изменился, — не переставая пялиться

на него, сказал Руди, и Тернер понял, что тот пьян. — Все тот же, но другой.

— Время идет, — отозвался Тернер, поднимаясь по деревянным ступеням.

— Пластическая операция, что ли?

— Реконструкция. Собрали по фотографиям из медицинской карты. — Он преодолел ступеньки: каждое движение прошивало поясницу резкой болью.

— Неплохо, — сказал Руди и рыгнул. — Еще чуть-чуть, и я бы ничего не заметил.

Он был ниже Тернера и явно толстел, но у них были одни и те же русые волосы, почти одинаковые черты лица.

Тернер остановился на лестнице, когда их глаза оказались на одном уровне:

— Ты, как прежде, занимаешься всем понемножку, Руди? Мне нужно просканировать эту девочку. И еще кое-что.

— Ну, — протянул его брат, — посмотрим, что можно сделать. А еще мы вчера слышали какой-то гром. Будто кто-то звуковой барьер проходил. Не ты, часом?

— Да, я. Там, в беличьем лесу, истребитель-бомбардировщик, но он неплохо спрятан.

— О господи… — вздохнул Руди. — Ну что же,

заноси ее…

Руди жил здесь уже много лет, и дом успел лишиться почти всего, что мог помнить Тернер; почему-то он испытывал к Руди смутную благодарность за это. Он смотрел, как блондинка разбивает яйца в стальную миску: темно-желтые, натуральные желтки — Руди держал собственных кур.

— Меня зовут Салли, — сказала женщина, взбивая яйца вилкой.

— Тернер.

— И он тоже никак иначе тебя не называет, — сказала она. — Впрочем, он редко о тебе говорит.

— Мы не так уж часто виделись все эти годы. Может, стоит подняться наверх и помочь ему?

— Сиди. С Руди твоя маленькая девочка будет в полном порядке. У него хорошие руки.

— Даже когда он на взводе?

— На полувзводе. Ну он же не собирается оперировать, просто поставит дермы и перевяжет лодыжку. — Она наломала маисовых лепешек на черную сковородку, прямо в шипящее масло и сверху вылила яйца. — Что у тебя с глазами, Тернер? У тебя и у нее… — Она помешивала жарево хромированной лопаточкой, выдавливая понемногу в сковородку сальсу из пластмассо-

вого тюбика.

— Ускорение. Пришлось взлетать в спешке.

— Тогда она и подвернула лодыжку?

— Может быть. Не знаю.

— Теперь тебя ищут? Или ищут ее?

Она достала тарелки из шкафчика над раковиной. Дешевое пластиковое покрытие на дверцах вызвало у Тернера приступ ностальгии — загорелые кисти блондинки напомнили вдруг руки матери…

— Вероятно, — сказал он. — Я не знаю, в чем дело. Пока не знаю.

— Поешь. — Переложила приготовленное на белую тарелку, порылась в поисках вилки. — Руди до смерти боится таких людей. Ну, знаешь, таких, кто будет тебя искать.

Взять тарелку, вилку. От яичницы поднимается пар.

— И я тоже.

— Я тут нашла кое-какую одежду, — голос Салли перекрыл шум душа, — ее оставил приятель Руди. Должна тебе подойти…

Душ работал под действием силы тяжести: дождевая вода из резервуара на крыше, толстый белый фильтрационный блок встроен в трубу над головкой душа. Высунув голову между двух

затуманенных паром пластиковых листов, Тернер прищурился на Салли:

— Спасибо.

— Девочка без сознания, — сказала она. — Руди думает, это шок и усталость к тому же. Но он говорит, что остальные показатели у нее в норме, так что вполне можно провести сканирование прямо сейчас. — И она вышла из комнаты, забрав с собой армейские штаны Тернера и спецовку Оуки.

— Да что же это такое? — спросил Руди, протягивая ему смятый рулон серебристой распечатки.

— Не знаю, что и думать, — рассеянно отозвался Тернер, оглядывая белую комнату в поисках Энджи. — Где она?

— Спит. Салли за ней присмотрит.

Повернувшись, Руди прошелся взад-вперед по комнате — Тернер вспомнил, что когда-то здесь была гостиная. Руди начал отключать свои консоли — крохотные огоньки гасли один за другим.

— Сам не знаю, дружище. Не знаю, и все. Что это, вроде рака что-нибудь?

Тернер двинулся вслед за ним в дальний конец комнаты, мимо верстака, где под пылезащитным кожухом ждал микроманипулятор. Мимо пыльных прямоугольных глаз на полке с древними мониторами; у одного из них разбит экран.

— У нее это расползлось по всему мозгу, — продолжал Руди, — будто опутало его длинными цепочками. Никогда не видел ничего подобного. Просто ни на что не похоже.

— Что ты знаешь о биочипах, Руди?

Руди хмыкнул. Он казался теперь совсем трезвым, но каким-то взбудораженным. Все ерошил свои волосы.

— Так я и подумал. Это как бы… Не имплантат, а прививка чужих тканей.

— Для чего?

— Для чего? Господи. Да кто, черт побери, знает? Кто это с ней такое сотворил? Тот, на кого ты работаешь?

— Думаю, ее отец.

— О боже. — Руди вытер рукой рот. — На сканерах это дает такую же тень, как раковая опухоль, а жизненные показатели у нее вполне в норме. Какая она обычно?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Ребенок.

— Ничего себе ребенок! — взорвался Руди. — Я просто потрясен, что она вообще может ходить. — Открыв маленький лабораторный морозильник, он извлек оттуда бутылку «Московской». — Из горлб хлебнешь? — спросил он.

— Может, попозже.

Руди вздохнул, поглядел на бутылку, вернул ее в морозильник.

— Так чего же ты хочешь? Ты что же, думаешь, что за такой диковиной, какая в головке у этой маленькой девочки, никто не начнет вскоре охотиться? Если уже не начали.

— Начали, — ответил Тернер. — И я не знаю, известно ли им, что она здесь.

— Это пока. — Руди вытер ладони о грязные белые шорты. — Но ведь скоро узнают, да?

Тернер кивнул.

— Так куда ты собираешься?

— В Муравейник.

— Почему туда?

— Потому что там у меня деньги. Четыре кредитные линии на разные имена и никакой привязки ко мне. Потому что у меня там куча других связей, которыми я, вероятно, смогу воспользоваться. И потом, Муравейник — это всегда прикрытие. Слишком много копошится муравьев, понимаешь?

— О'кей, — сказал Руди. — И когда?

— Ты так беспокоишься — хочешь, чтобы мы убрались сейчас же?

— Нет. Просто… не знаю, что и думать. Это все так интересно, ну… то, что в головке у твоей прия-

тельницы. У меня есть один знакомый в Атланте, он мог бы одолжить мне анализатор функций, который дает карту мозга, один к одному. Тогда я мог бы начать разбираться, что к чему… Может, это чего-нибудь стоит…

— Конечно. Если знаешь, кому продать.

— А тебе разве не любопытно? Я хочу сказать, что это, черт побери, такое? Ты ее вытащил из какой-то военной лаборатории, так? — Руди снова открыл белую дверцу морозильника. Вытащил бутылку водки, откупорил ее и сделал солидный глоток.

Тернер взял бутылку, наклонил, выцедил ледяную жидкость сквозь зубы. Глотнул и поморщился.

— Это корпоративные дела. Высшая лига. Предполагалось, что я вывезу ее отца, но тот вместо этого прислал ее. Потом кто-то снес к гребеням всю площадку, выглядело это как ядерный микровзрыв. Мы едва слиняли. Вот пока и все. — Он протянул Руди бутылку. — Останься трезвым, Руди. Ради меня. Когда ты напуган, ты слишком много пьешь.

Руди глядел на него во все глаза, не обращая внимания на бутылку.

— Аризона, — повторил он. — Так это же было

в новостях. Мексика до сих пор скандалит. Но это был не ядерный взрыв. Туда послали экспертов, они все облазили. Никакого ядерного взрыва.

— А что это было?

— Думают, электромагнитная пушка. Якобы кто-то поставил рельсотрон в гондоле грузового дирижабля и разнес к чертям собачьим развалины заброшенного городка. Установлено, что там пролетал рядом какой-то дирижабль, но пока никто его не нашел. Можно ведь настроить рельсотрон так, чтобы он при выстреле разлетелся в плазменную пыль. А в качестве снаряда, при таких-то скоростях, можно использовать вообще что угодно. Ледяная глыба на полтора центнера вполне сойдет. — Он закрутил пробку и поставил бутылку рядом с собой на стойку. — Вся земля в округе там принадлежит «Маасу». «Маас-Биолабс», верно? Они тоже были в новостях, «Маас». Сотрудничают с властями в полный рост. Еще бы они не сотрудничали. Ну что, теперь хотя бы ясно, откуда взялась эта твоя малышка.

— Конечно. Еще бы только понять, кто жахнул из рельсотрона. Или зачем.

Руди пожал плечами.

— Вам лучше пойти взглянуть на это, — сказала от двери Салли.

Поздно вечером Тернер и Салли сидели на веранде. Девочка провалилась наконец в нечто, что энцефалограф Руди определил как сон. Сам Руди удалился в одну из мастерских, скорее всего с бутылкой водки. Вокруг побегов жимолости, увившей скрепленные цепью ворота, кружили светлячки. Тернер сообразил, что если, сидя там, где он сейчас сидит — на качелях, подвешенных на деревянной веранде, — закрыть глаза, то увидишь яблоню, которой больше нет. С дерева когда-то свисала древняя автомобильная шина на куске серебристо-серой пеньковой веревки. И там тоже кружатся светлячки, и пятки Руди вырывают твердые комья черной земли, когда он отталкивается, чтобы взлететь по высокой дуге… ноги болтаются в воздухе… а Тернер лежит на спине в траве и смотрит на звезды…

— Языки, — сказала Салли из поскрипывающего ротангового кресла-качалки, ее сигарета — как красный глаз в темноте. — Говорит языками.

— Что-что?

— Именно это делает твоя малышка там, наверху. Ты хоть немного знаешь французский?

— Плохо. Только со словарем.

— Некоторые ее слова показались мне французскими. — Красный уголек на мгновение

превратился в короткий росчерк — это Салли стряхнула пепел. — Когда я была маленькой, мой старик брал меня однажды на стадион, и я видела, как через людей говорят духи. Меня это тогда испугало. Сегодня, когда она заговорила, меня это, пожалуй, напугало еще больше.

— Руди записал на магнитофон последние фразы, да?

— Да. А знаешь, дела у Руди в последнее время не очень-то хороши. В основном поэтому я и перебралась сюда, обратно. Я сказала ему, что уйду, если только он не возьмет себя в руки. Но потом стало совсем плохо, так что недели две назад я вернулась. Я почти уже готова была уехать снова, когда объявился ты. — Уголек сигареты описал дугу через перила и упал на покрывающий двор гравий.

— Пьет?

— Пьет и вечно варит себе какую-то дрянь в лаборатории. Знаешь, он в курсе понемногу почти что обо всем. У него еще полно друзей по всей округе. Я слышала эти их истории о том, как вы с ним были детьми. До того, как ты уехал.

— Ему тоже надо было уехать, — сказал он.

— Он ненавидит город, — сказала она. — Говорит, все равно все доступно онлайн, так зачем

куда-то ехать?

— Я уехал потому, что здесь никогда ничего не происходило. Руди всегда мог найти чем заняться. И до сих пор может, судя по всему.

— Вам не следовало терять связь. Жалко, тебя не было здесь, когда умирала ваша мать.

— Я был в Берлине. Не мог бросить работу.

— Наверное, не мог. Меня тут тоже тогда не было. Я приехала позже. Хорошее было лето. Руди вытащил меня из одного долбаного клуба в Мемфисе. Ввалился туда однажды вечером с деревенскими олухами, а на следующий день я проснулась уже здесь, сама не знаю почему. Разве что он был добрый тогда, и смешной, и дал моей голове шанс сбавить обороты. Он научил меня готовить. — Салли рассмеялась. — Мне здесь нравилось, только я до смерти боялась этих чертовых кур на заднем дворе.

Тут она встала и потянулась. Скрипнуло старое кресло. Тернер осознал близость длинных загорелых ног, запах и летний жар ее тела… так близко от его лица.

Она положила руки ему на плечи. Его глаза оказались вровень с полоской коричневого живота над висящими на бедрах шортами, мягкая тень пупка. Он вспомнил Эллисон в белой гулкой

комнате, и ему захотелось прижаться к темной коже лицом, ощутить вкус всего… Кажется, она слегка качнулась, но он не был в этом уверен.

— Тернер, — сказала она, — иногда тут с ним — как будто ты совсем одна…

Поэтому он встал — зазвенели старые цепочки качелей, болты надежно ввинчены в потолок веранды, болты, которые ввернул его отец лет сорок, наверное, назад, — и поцеловал в приоткрытые губы, разомкнутые полуночным разговором, и светлячками, и подводными ключами памяти, так что, когда его ладони скользнули к теплу ее спины под белой футболкой, ему почудилось, что люди приходят в его жизнь не бусинами, нанизанными в строгой последовательности, а порциями квантов, — и Салли он знает так же хорошо, как знает Руди, или Эллисон, или Конроя, как знает эту девочку, дочку Митчелла.

— Эй, — прошептала она, высвобождая рот, — пошли наверх.

18
Имена мертвых

Ален позвонил ровно в пять, и Марли, борясь с тошнотой от его жадности, подтвердила, что затребованная им сумма готова. Адрес она тщательно записала на обороте карточки, взятой со стола Пикара в галерее «Робертс». Десять минут спустя вернулась с работы Андреа, и Марли была рада, что подруга не присутствовала при этом разговоре.

Она смотрела, как Андреа подпирает оконную раму потрепанным кирпичом в синем переплете — второй том «Краткого оксфордского словаря английского языка», шестое издание. Андреа приспособила на каменном карнизе за окном фанерную полку, достаточно широкую, чтобы там уместилась маленькая жаровня хибати, которую она обычно хранила под раковиной. Сейчас Андреа аккуратно раскладывала на решетке черные кубики угля.

— У меня был сегодня разговор о твоем работодателе, — объявила она, устанавливая хибати на полку и поджигая зеленоватую запальную пасту

электрозажигалкой от плиты. — Из Ниццы приехал наш академик. Он сперва изумился, с чего бы это я заинтересовалась Йозефом Виреком, но, поскольку он, ко всему прочему, еще и озабоченный старый козел, был более чем рад поговорить.

Марли подошла посмотреть, как чуть видные язычки пламени лижут угли.

— Он все пытался свернуть на Тессье-Эшпулов, — продолжала Андреа, — и на Хьюза. Хьюз жил во второй половине двадцатого века, американец[45]. О нем целая глава в монографии, он вроде как прото-Вирек. Я и не знала, что Тессье-Эшпулы начали распадаться…

Она вернулась к столу и вытащила из пакета шесть больших тигровых креветок.

— Они франко-австралийцы? Помнится, я видела документальный фильм. Им принадлежит какой-то крупный курорт?

— Фрисайд. Теперь, как говорит профессор, он продан. Похоже, одна из дочерей старого Эшпула как-то сумела захватить единоличный контроль

---

[45] notes: 45

Хьюз, Говард (1905–1976) — американский кинопродюсер и промышленник, изобретатель и авиатор, в 1960-е гг. владелец одного из крупнейших личных состояний в США; его эксцентричность и неуравновешенность под конец жизни обернулись душевной болезнью. Среди крупнейших компаний, в разные годы входивших в его холдинг, — *Hughes Aircraft, Hughes Helicopters, TWA, RKO Pictures*.

над всеми финансами. Она сходила с ума чем дальше, тем больше, а интересы клана полетели ко всем чертям. Это за последние семь лет.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к Виреку, — сказала Марли, глядя, как Андреа насаживает креветки на длинные бамбуковые иглы.

— Я тоже без понятия. Мой профессор считает, что и Вирек, и Тессье-Эшпулы — удивительный анахронизм и что, наблюдая за ними, можно многое узнать об эволюции корпораций. По крайней мере, нашего главного редактора он сумел в этом убедить…

— Но что он говорил о Виреке?

— Что безумие Вирека примет новую форму.

— Безумие?

— Ну, по правде говоря, он избегал этого слова. Но Хьюз явно был сумасшедшим как мартовский заяц, и старый Эшпул не лучше, а его дочь — та совсем ку-ку. Профессор говорил, что давление эволюционных процессов рано или поздно вынудит Вирека совершить какой-то скачок. Так он и сказал. «Скачок».

— Эволюционные процессы?

— Да, — отозвалась Андреа, перенося иглы с креветками к хибати, — он говорит о корпорациях так, будто это какой-то новый вид животных.

После обеда они пошли гулять. Марли обнаружила, что время от времени начинает вслушиваться, озираться по сторонам, пытаясь ощутить на себе всевидящее око Вирекова механизма, но Андреа заполняла вечер своей обычной теплотой и здравым смыслом. Марли была благодарна за то, что можно гулять по городу, где все предметы были самими собой. В мире же Вирека… что может быть просто в мире Вирека? Она вспомнила медную дверную ручку в галерее Дюпре; не передать словами, как такая привычная, обыденная вещь изогнулась вдруг у нее в руке, затягивая ее в конструкт парка Гуэля. Интересно, он всегда там — в парке, созданном Гауди, в полдень, которому нет конца? «Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому». Она поежилась под теплым вечерним ветерком и взяла Андреа под руку.

Но самым зловещим в симстим-конструкте было другое: он заставлял усомниться в реальности всего, что ее окружало. Скажем, витрины магазинов, мимо которых она проходит сейчас с Андреа, тоже могут обернуться плодом воображения. Кто-то из великих сказал: неотъемлемое свойство зеркал в том, что они в определенном смысле вредят душевному здоровью. Если это так, решила Марли, то конструкты вредят куда

сильнее.

Андреа остановилась у киоска купить свои английские сигареты и свежий номер «Elle». Марли осталась ждать на тротуаре. Автоматически раздвигаясь, ее обтекал поток пешеходов, мимо скользили лица: студенты, бизнесмены, туристы. Кто-то из них, подумалось ей, часть Вирековой машины, а провода замкнуты на Пако. Пако — кареглазый, непринужденно-серьезный, с мускулами, перекатывающимися под шелковистой рубашкой. Пако, работающий на сеньора всю свою жизнь.

— Что случилось? У тебя такой вид, будто ты только что проглотила осу. — Андреа срывала целлофан с пачки «Силк кат».

— Нет, — сказала Марли и поежилась. — Но мне пришло в голову, что едва не проглотила…

И по дороге домой — несмотря на болтовню Андреа, несмотря на исходившее от нее тепло — витрины одна за другой стали превращаться в шкатулки — конструкции, похожие на работы Джозефа Корнелла или этого таинственного мастера, которого разыскивал Вирек… Книги, меха, итальянская одежда располагались в них так, что наводили на мысль о геометрии томления — непонятного, не имеющего даже названия.

И проснуться, опять проснуться, уткнувшись лицом в кушетку Андреа, на плечах горбом — красное стеганое одеяло. Почувствовать запах кофе, услышать, как Андреа, собираясь на работу, напевает себе под нос какой-то токийский шлягер. Серое утро, парижский дождь.

— Нет, — сказала она Пако, — я пойду без вас. Я предпочитаю сделать это одна.

— Но это очень большие деньги. — Он указал взглядом на итальянскую сумку, стоявшую между ними на столике кафе. — Это опасно. Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

— Но ведь никто же не знает, что они у меня, правда? Только Ален и ваши люди. И я не сказала, что обойдусь без вашей помощи, просто мне не хочется общества.

— Что-то не так? — В уголках рта морщины, вид серьезный. — Вы чем-то расстроены?

— Я только хочу сказать, что должна побыть наедине с собой. Если хотите, вы и все остальные, кто бы они ни были, вольны идти следом. Идти следом и наблюдать. Если вы меня потеряете, что лично мне представляется маловероятным, то у вас наверняка есть адрес.

— Верно, — сказал испанец. — Но то, что вы понесете несколько миллионов новых иен одна,

через Париж… — Он пожал плечами.

— И если я их потеряю, да? А что, сеньор заметит потерю? Или появится еще одна сумка, еще четыре миллиона? — Встав, Марли потянулась за ремнем.

— Естественно, будет другая сумка, хотя собрать такую сумму наличными… для этого потребуются определенные усилия. Нет, сеньор, конечно, не «заметит» потери — в том смысле, как понимаете это вы, — а вот я подвергнусь взысканию за бессмысленную потерю и много меньшей суммы. Вам еще предстоит узнать: очень богатые люди обладают одним общим свойством — они не сорят деньгами.

— И тем не менее я пойду без вас. Не одна, но оставьте меня наедине с моими мыслями.

— С вашей интуицией.

— Да.

Если кто-то и шел за ней следом — в чем она ни минуты не сомневалась, — эти «кто-то», как всегда, оставались совершенно невидимыми. Скорее уж, наверно, без наблюдения оставили Алена. Несомненно, адресом, который он дал ей сегодня утром, уже занялись — вне зависимости от того, на месте сам виновник или нет.

Сегодня она будто обрела новые силы. Наперe-

кор Пако она добилась своего. Эта ее строптивость до некоторой степени была вызвана внезапно возникшим накануне подозрением, что дона Пако — со всем его юмором и мужественностью, очаровательным невежеством в искусстве — ей просто подсунули. Она вспомнила, как Вирек сказал, что ему о ее жизни известно больше, чем ей самой. Что проще всего вписать в последние пустые строчки кроссворда, являющегося Марли Крушковой? Пако Эстевеса. Совершенный незнакомец. Слишком совершенный. Она улыбнулась собственному отражению в стене голубоватого зеркала, мимо которой эскалатор увозил ее к платформам метро, довольная тем, как подстрижены темные волосы, насколько стильной смотрится аскетичная титановая оправа черных очков «порше», которые она купила сегодня утром. Хорошие губы, подумала она, действительно неплохой рот, — и вот ей улыбается со встречного эскалатора худой парнишка в белой рубашке и черной кожаной куртке, с огромной черной папкой под мышкой.

«Я в Париже, — подумала она. Впервые за очень долгое время одно это казалось достаточной причиной для улыбки. — Сегодня я отдам отвратительному дураку, моему бывшему любовнику,

четыре миллиона новых иен, а он даст мне кое-что взамен. Имя или адрес, может быть, номер телефона». Она купила билет первого класса: в вагоне будет поменьше народу, и можно будет убить время, гадая, кто из пассажиров состоит на службе у Вирека.

По данному Аленом адресу — на мрачной северной окраине — оказалась одна из двадцати бетонных высоток, вздымавшихся над равниной из того же материала. Жирный кус для спекулянтов недвижимостью середины прошлого века. Дождь шел теперь мерно и плотно, и она чувствовала себя как бы в сговоре с ним. Дождь придавал дню что-то заговорщицкое, оседая каплями на шикарную каучуковую сумку, в которой была фортуна, наконец улыбнувшаяся Алену. Как странно — кошмарный пейзаж, миллионы под мышкой, и каждый шаг приближает к тому, чтобы кипами новых иен облагодетельствовать бесконечно неверного бывшего любовника.

Когда она нажала кнопку домофона с номером квартиры, никакого ответа не последовало. За затемненным стеклом — голый мрачный вестибюль. Одно из тех мест, где включаешь свет у входа, а потом лампы сами автоматически выключаются — как правило, еще до прихода

лифта, — оставляя тебя ждать в усталом воздухе и запахе дезинфекции.

Она снова позвонила.

— Ален?

Ничего.

Толкнула дверь. Не заперто. В вестибюле пусто. Мертвый глаз беспризорной телекамеры смотрит на нее сквозь пленку пыли. С бетонной равнины за спиной сочится водянистый полуденный свет. Цокот каблучков по коричневой плитке, когда она шла к лифтам. Нажала кнопку «22». Послышался гулкий удар, металлический стон, и один из лифтов начал опускаться. Пластмассовые указатели над дверьми остались неосвещенными. Кабина прибыла со вздохом и высоким слабеющим воем.

— Мон шер Ален, как низко ты пал в этом мире. Этот дом — полное дерьмо, правда-правда.

Когда створки дверей, скользнув в стороны, явили темноту кабины, Марли нащупала под итальянской сумкой Пако клапан собственной брюссельской сумочки. Нашла плоский фонарик, который всегда носила при себе с первой своей прогулки по Парижу. На зеленой жестяной ручке фонарика выгравирована торговая марка в виде

львиной головы. «Pile Wonder»[46]. В парижских лифтах можно вляпаться во что угодно, начиная от рук грабителя и кончая дымящейся кучкой свежего собачьего кала…

Слабый луч выхватывает серебристые кабели, масляные и сияющие, мягко покачивающиеся в пустой шахте. Носок правого сапога уже на несколько сантиметров вышел за стертый стальной обод плитки, на которой стоит левый. Рука машинально, с ужасом дергает луч вниз: двумя этажами ниже видна пыльная и замусоренная крыша кабины. За те несколько секунд, пока луч нащупывал лифт, Марли успела разглядеть невероятное количество деталей. Подумала о крохотной подводной лодке, нырнувшей в морскую бездну, о хилом лучике, скользящем по вековым отложениям на дне: мягкий покров древней пушистой плесени, засохшее серое нечто, бывшее когда-то презервативом, яркие зайчики света отскакивают от мятых кусков стальной фольги, хрупкий желтоватый цилиндр и белый поршень диабетического шприца… Она так вцепилась в

[46] notes: 46

Торговая марка французской компании *Wonder*, с 1916 г. выпускавшей электрические фонарики, батарейки и т. п., а в 1988 г., уже после выхода романа Гибсона, поглощенной американской компанией *RalstonPurina* (крупный производитель кормов для животных, в 1980-е гг. решивший диверсифицировать бизнес).

край дверной створки, что свело пальцы. Медленно, очень медленно перенесла вес назад, подальше от колодца. Еще шаг, и Марли щелчком выключила свет.

— Черт побери, — вырвалось у нее. — О господи.

Нашла дверь на лестничную площадку. Снова включив маленький фонарик, стала взбираться наверх. Через восемь этажей отупение начало понемногу спадать, и ее затрясло, дорожки слез испортили макияж.

Снова постучать в дверь. Дверь из ДСП оклеена ламинированной пленкой — отвратительная имитация под красное дерево: литографированное зерно едва различимо в свете единственной на весь длинный коридор биофлюоресцентной полоски.

— Черт тебя побери. Ален? Ален!

Рыбий глаз дверного глазка пусто смотрит сквозь нее, глаза за ним нет. В коридоре застыл ужасающий запах: забальзамированная кухонная вонь в ловушке из синтетической обивки.

Толкнуть дверь, поворачивая ручку, дешевая медь — холодная и липкая, сумка с деньгами внезапно потяжелела, ремень врезается в плечо. Дверь легко распахивается. Короткая оранжевая

дорожка испещрена ломаными розовыми прямоугольниками — ясно различимый след грязи, которую десятилетиями втирали тысячи квартиросъемщиков и их гостей…

— Ален?

Запах черных французских сигарет. Почти уютный…

И найти его здесь. Лежащего, свернувшись по-детски, на кошмарном оранжевом ковре. В этом водянистом серебряном свете, сочащемся из прямоугольника окна, где на фоне бледного дождливого неба — другие безликие высотки. Спина — как знак вопроса под натянутой бутылочно-зеленой велюровой курткой. Левая рука прикрывает ухо. Белые пальцы, у основания ногтей — полупрозрачная синева.

Опустившись на колени, Марли коснулась его шеи. Поняла. Дождь за окном все сыпал и сыпал — навсегда. Сидеть, расставив ноги; баюкать его голову, обнимая; раскачиваться, качаться… Отупелое животное поскуливание заполняет голый прямоугольник комнаты… И через какое-то время, осознав, что что-то впивается в ладонь, увидеть аккуратный срез очень тонкой, очень жесткой проволоки из нержавеющей стали — кончик торчит из его уха, проходит между

раздвинутых холодных пальцев.

Гадко, гадко, так не умирают. Это подняло ее на ноги. Гнев, пальцы как когти. Осмотреть безмолвную комнату, место, где он умер. Следов его присутствия нет, ничего. Только потрепанный атташе-кейс. Откинув крышку, Марли обнаружила два блокнота на спирали — чистые, нетронутые страницы, — нечитанный, но очень модный роман, коробок деревянных спичек и полупустую пачку синих «голуаз». Переплетенный в кожу ежедневник исчез. Она ощупала его куртку, залезла в карманы — ежедневника не было.

Нет, подумала она, ты не записал бы это туда, верно? Но ты ведь никогда не мог запомнить ни номера, ни адреса, да? Она снова оглядела комнату, охваченная каким-то странным спокойствием. Тебе ведь приходилось все записывать, но ты скрытничал, не доверял моей маленькой книжице из «Браунса», да? Если у тебя было свидание с девушкой в каком-нибудь кафе, ты записывал ее телефон на спичечном коробке или на обратной стороне чека и забывал об этом, так что я находила его недели спустя, убирая твои вещи.

Марли перешла в крохотную спальню. Там стоял ярко-красный складной стул и пласт деше-

вого желтого темперлона, служивший кроватью. Темперлон был помечен коричневой бабочкой менструальной крови. Она приподняла пласт, но под ним ничего не было.

— Ты, наверное, напугался, — сказала она.

Голос дрожал от ярости, которую она даже не пыталась понять. Руки были холодны, холоднее, чем у Алена. Она пробежала пальцами по красным в золотую полоску обоям в поисках какого-нибудь разошедшегося шва, отставшего края, тайника.

— Глупая несчастная сволочь. Несчастная дохлая сволочь…

Ничего. Назад, в гостиную, — и почему-то удивление, что он не пошевелился. Как будто ожидала, что он вот-вот вскочит, «привет-привет», размахивая куском бутафорской проволоки. Сняла с него туфли. Пора ставить набойки. Заглянула внутрь, пощупала стельки. Ничего.

— Не делай этого со мной.

И назад в спальню. Узкий шкаф. С треском отмахнуться от стайки дешевых пластмассовых вешалок, оттолкнуть обвисший саван упаковочного пластика из химчистки. Сдвинуть пласт грязной постели, встать на него — каблуки проваливаются в темперлон, — чтобы провести

руками вдоль полки из ДСП и найти в дальнем углу плотно свернутый бумажный квадратик, темно-синий. Развернуть, заметив, как облупился лак с ногтей, на которые она потратила сегодня столько времени, и увидеть номер, записанный зеленой шариковой ручкой. На обороте разодранной пачки «голуаз».

В дверь постучали.

Потом голос Пако:

— Марли? Эй, Марли? Что случилось?

Она засунула бумажку за ремень джинсов и, повернувшись, встретила взгляд спокойных серьезных глаз.

— Это Ален, — сказала она. — Он мертв.

19
«Гипермаркт»

В последний раз Бобби видел Лукаса перед огромным старым универмагом на Мэдисон-авеню. Таким он его и запомнил: огромный негр в строгом черном костюме вот-вот войдет в свой длинный черный автомобиль, один черный начищенный ботинок стоит уже внутри роскошного салона Ахмеда, другой — еще на крошащемся бетоне тротуара.

Джекки стояла рядом с Бобби. На лице — тень от увешанных золотыми побрякушками широких полей федоры, шафрановый шарф завязан сзади на шее.

— Теперь за нашим юным другом будешь присматривать ты. — Лукас ткнул в нее набалдашником трости. — Он не без врагов, наш Граф.

— А у кого их нет? — спросила Джекки.

— Я сам о себе могу позаботиться, — сказал Бобби.

Мысль, что Джекки считают более умелой, чем он, возмущала его; в то же время он понимал — так оно и есть.

— Ты уверен? — Лукас качнул тростью, теперь набалдашник смотрел на Бобби. — Муравейник, мой друг, — это искаженный мир. Здесь вещи редко бывают тем, чем кажутся.

Как бы в подтверждение своих слов, он сделал что-то с тростью — и длинные латунные накладки на мгновение беззвучно раскрылись, встопорщились наподобие спиц зонта, только каждая спица оказалась обоюдоострым и заточенным штырем. Потом они исчезли, и широкая дверца Ахмеда, скользнув на место, закрылась с глухим бронированным стуком.

Джекки рассмеялась:

— Вот че-ерт. Лукас все еще таскает с собой эту дубину. Он теперь важный адвокат, однако улица всегда оставляет свой отпечаток. Что ж, на мой взгляд, это неплохо.

— Адвокат?

Джекки только поглядела на него:

— Пустяки, золотко, ты просто пойдешь со мной. Делай, как я скажу, и все будет о'кей.

Ахмед влился в редкое уличное движение, и какой-то рикша бессмысленно прогудел ручным клаксоном вслед удаляющемуся латунному бамперу.

Затем, положив Бобби на плечо наманикюрен-

ные пальцы в золотых кольцах, Джекки повела его по тротуару мимо бездомных бродяг в лохмотьях, устроивших себе ночлег среди мешков для мусора, — в медленно просыпающийся мир «Гипермаркта».

— Четырнадцать этажей, — сказала Джекки, а Бобби только присвистнул.

— И все такие?

Она кивнула, размешивая коричневые кристаллы колотого сахара в бежевой кофейной пене. Они сидели на витых чугунных стульях у мраморной стойки в маленькой забегаловке. Девушка одних с Бобби лет с обесцвеченными волосами, залакированными под акулий плавник, орудовала рычагами огромной древней кофемашины. Над медными баками, куполами и горелками раскинули крылья хромированные орлы. Стойка, у которой они сидели, первоначально была чем-то другим — Бобби хорошо был виден тот конец, который сбили наискось, чтобы втиснуть мраморную плиту между двух крашенных зеленым железных колонн.

— Нравится, а? — Джекки присыпала бежевую пену корицей из старой тяжелой стеклянной перечницы. — Думаю, так далеко от Барритауна ты еще никогда не забирался.

Бобби кивнул. В глазах рябило от многоцветия товаров в лавках, да и самих лавок тоже. Казалось, здесь не было порядка буквально ни в чем, ни малейшего намека хоть на какую-то единую планировку. От небольшого пятачка перед забегаловкой во все стороны разбегались кривые коридоры. И единого центрального источника света, казалось, тоже не было. Красный и голубой неон чередовался с неровным белым светом шипящих газовых фонарей, а в одной лавке, которую как раз открывал бородач в кожаных штанах, похоже, вообще горели свечи — мягкий колеблющийся свет отражался от сотен полированных медных пряжек, развешанных на красно-черной стене из старых циновок. Весь «Гипермаркт» полнился утренним шумом, кашлял, прочищая горло. Из-за угла с жужжанием выехал синий уборочный робот «Тошиба», волоча за собой побитую пластиковую тележку с зелеными полиэтиленовыми тюками мусора. К верхнему сегменту его корпуса, прямо над россыпью видеообъективов и сенсоров, кто-то приклеил огромную голову пластмассовой куклы. Голубые глаза, улыбка — черты искусственного лица напоминали знаменитую звезду симстима, но отдаленно, дабы не нарушать авторских прав «Сенснета». Розовая

голова с платиновыми волосами, завязанными сзади в хвост ниткой бледно-голубого искусственного жемчуга, абсурдно подпрыгивая, кивнула пару раз, когда робот проползал мимо. Бобби рассмеялся.

— Здесь все о'кей, — сказал он, жестом указывая девушке за стойкой, чтобы она снова наполнила его чашку.

— Подождешь минуту, задница, — вполне дружелюбно отозвалась девушка. Она отмеряла молотый кофе, насыпая его через погнутую стальную воронку в чашку антикварных весов. — Джекки, тебе вчера удалось поспать?

— Конечно, — ответила Джекки и отхлебнула кофе. — Я танцевала во втором выходе, а потом поспала у Джаммера. Завалилась на его тахту, понимаешь?

— Мне бы так задрыхнуть. Каждый раз, когда Генри видит, как ты танцуешь, он потом всю ночь не оставляет меня в покое… — Рассмеявшись, девушка наполнила чашку Бобби из черного пластмассового термоса.

— Ладно, — сказал Бобби, когда та снова занялась кофемашиной, — что теперь?

— Занятой человек? — Джекки холодно взглянула на него из-под увешанных золотом полей

шляпы. — У тебя график: куда пойти, с кем встретиться, да?

— Ну нет. Блин. Я просто хочу сказать, это оно?

— Что — оно?

— Это место. Мы остаемся здесь?

— На последнем этаже. Мой друг Джаммер заправляет клубом наверху. Вряд ли кто-то сможет отыскать тебя там, а даже если найдут, в клуб не так-то легко проникнуть. Четырнадцать этажей лавок, и почти все торгуют тем, что владельцам не хотелось бы выставлять на всеобщее обозрение, сечешь? Здесь очень чувствуют чужих, особенно тех, кто задает вопросы. И большинство здешних нам так или иначе друзья. В общем, тебе тут понравится. Хорошее для тебя место. Можно многому научиться, если будешь помнить, что надо держать рот на замке.

— Как я могу учиться, не задавая вопросов?

— Ну, я имела в виду — держи ушки на макушке, скорее в этом смысле. И будь повежливее. Здесь немало крутых, но если ты не будешь совать нос в чужие дела, то и тебя оставят в покое. К концу дня здесь, вероятно, появится Бовуар. Лукас поехал в Новостройки пересказать ему то, что вы разузнали у Финна. Вы ведь что-то у него узнали, да, золотко?

— Например, то, что у него на полу валяются три трупа. Финн сказал, это ниндзя. — Бобби поднял на нее взгляд. — Он какой-то странный.

— Ну, покойники обычно не входят в ассортимент его товаров. Но в общем и целом ты прав, он тот еще фрукт. А почему бы тебе не рассказать мне обо всем? Спокойно н последовательно, не повышая голоса. Как по-твоему, сможешь?

Бобби рассказал ей, что смог вспомнить из своего визита к Финну. Несколько раз она его останавливала, задавала вопросы, на которые он, как правило, не знал ответа. Когда он впервые упомянул Вигана Лудгейта, Джекки задумчиво кивнула.

— Да-а, — протянула она. — Джаммер иногда поминает Вига, если его раскрутить на базар о старых временах. Надо будет порасспросить его…

Под конец рассказа она откинулась назад, прислонившись к одной из зеленых колонн. Низко надвинутая шляпа почти скрыла лицо танцовщицы.

— Ну? — не вытерпел Бобби.

— Интересно, — сказала Джекки, но это было все.

— Мне нужна новая одежда, — заявил Бобби,

когда они взобрались по неподвижному эскалатору на второй этаж.

— У тебя есть деньги?

— Блин, — ругнулся он, похлопав себя по мешковатым плиссированным джинсам в тех местах, где у обычных штанов были карманы. — Нет у меня, черт побери, никаких долбаных денег, но мне нужна одежда. Для чего-то ведь вы с Лукасом и Бовуаром меня прячете, так? Ну так вот, я устал от этой кошмарной рубахи, которую мне всучила Реа, и мне надоело ждать, что эти штаны вот-вот свалятся с моей жопы. И я здесь потому, что этот долбоклюй Дважды-в-День решил подставить мою шею ради того, чтобы Лукас и Бовуар смогли проверить свой траханый софт. Так что ты вполне, мать твою так, можешь купить мне какую-нибудь одежду, идет?

— Идет, — сказала она после паузы. — Вот что я тебе скажу. — Джекки указала на китаянку в блеклой джинсе, которая сворачивала листы пластика, закрывавшие стальные трубчатые стойки с висевшей одеждой. — Видишь вон там Лин? Она моя знакомая. Выбери что захочешь, а я потом улажу это между ней и Лукасом.

Полчаса спустя он появился из занавешенной одеялом примерочной и надел индо-яванские

авиационные очки с зеркальными стеклами. Улыбнулся Джекки.

— Вот это стильно, — возвестил он.

— О да. — Она обмахнулась рукой, как будто поблизости было что-то горячее, чего нельзя коснуться. — Значит, тебе не понравилась рубашка, которую тебе одолжила Реа?

Бобби опустил глаза на выбранную им черную футболку с квадратной голограммой киберпространственной сетки через всю грудь. Сетка выглядела так натурально, что казалось, ты на полной скорости несешься сквозь матрицу, так быстро, что линии решетки смазываются.

— Ага. Безвкусная дешевка.

— Верно, — отозвалась Джекки, оглядев узкие черные джинсы, тяжелые ботинки и черный кожаный ремень, украшенный двумя рядами пирамидальных хромированных заклепок. — Сдается, теперь ты куда больше похож на графа. Пойдем, Граф, у меня есть для тебя кушетка, сможешь отоспаться наверху у Джаммера.

Заложив большие пальцы в передние карманы черных «ливайсов», Бобби испробовал на Джекки плотоядную улыбку.

— Один, не беспокойся, — добавила танцовщица.

20
Рейс из Орли[47]

Пако повернул «ситроен-дорнье» на Елисейские Поля, вдоль северного берега Сены, потом — мимо центрального рынка Ле-Аль. Марли утонула в ошеломляюще мягком кожаном сиденье, со стежками еще более тонкими, чем на ее брюссельской куртке, и заставила себя не думать ни о чем… полная пустота, отсутствие эмоций. «Будь глазами, — сказала она себе. — Только глазами, чувствуй свое тело, его вес равномерно вдавлен в сиденье скоростью этой кощунственно дорогой машины». Прогудев мимо площади Невинных, где шлюхи торгуются из-за грошей с водителями грузовых ховеров, Пако без малейших усилий вписался в лабиринт узких улочек.

— Почему вы сказали «Не делай этого со мной»? — Он убрал руку с панели управления и поправил каплю передатчика в ухе.

— Зачем вы подслушивали?

— Потому что это моя работа. Я послал туда женщину с параболическим микрофоном. Она

---

[47] notes: 47

«Orly Flight» — песня Нико с ее альбома «Drama of Exile» (1981).

поднялась на двадцать второй этаж высотки напротив. Телефон в квартире не работал; иначе мы подключились бы к нему. Наш агент вскрыла пустую квартиру, выходящую на западный фасад здания, и нацелила свой микрофон как раз вовремя, чтобы услышать, как вы говорите: «Не делай этого со мной». И вы были там одна?

— Да.

— Он был мертв?

— Да.

— Тогда почему вы так сказали?

— Не знаю.

— Кто, как вы почувствовали, что-то вам сделал?

— Не знаю. Наверное, Ален.

— Сделал что?

— Умер? Все усложнил? Сами мне скажите.

— Вы — непростая женщина.

— Выпустите меня.

— Я отвезу вас в квартиру вашей подруги…

— Остановите машину.

— Я отвезу вас…

— Я пойду пешком.

Длинная серебристая машина скользнула к обочине.

— Я позвоню вам в…

— Всего доброго.

— Вы уверены, что не предпочтете какой-нибудь курорт? — спросил мистер Палеологос, худой и элегантный, как богомол, в своем белом льняном жакете. Волосы у него тоже были белые и зачесаны назад с необыкновенным тщанием. — Это не столь дорого и гораздо веселее. Вы очень привлекательная девушка.

— Простите? — рывком отключаясь от созерцания пустой улицы за залитым дождем окном, спросила она. — Что вы сказали?

Его французский был неуклюжим, восторженным и со странно модулированными интонациями.

— Очень симпатичная девушка, — жеманно улыбнулся агент. — Вы не предпочли бы каникулы в кластере «Мед»? Общество людей вашего возраста? Вы еврейка?

— Прошу прощения?

— Еврейка? Да?

— Нет.

— Очень жаль, — сказал он. — У вас скулы определенного типа — как у элегантных молодых евреек. У меня есть чудесная путевка со скидкой. Пятнадцать дней на «Иерусалиме-один», восхитительная обстановка — и всё за ту же цену.

Включая аренду скафандра, трехразовое питание и прямой шаттл от тора «Джей-Эй-Эль».

— Аренду скафандра?

— На «Иерусалиме-один» еще не успели полностью нарастить атмосферу, — сказал мистер Палеологос, передвигая стопку распечаток на розовой папиросной бумаге с одного конца письменного стола на другой.

Его контора представляла собой крохотный закуток с голографическими видами Пороса и Макао вдоль стен. Марли выбрала это агентство за его очевидную безвестность и потому, что туда легко было проскользнуть, не выходя из небольшого коммерческого комплекса на ближайшей от квартиры Андреа станции метро.

— Нет, — повторила она, — меня не интересуют курорты. Я хочу поехать вот сюда. — Она постучала пальцем по надписи, сделанной на мятом обороте синей пачки «голуаз».

— Ладно, — буркнул агент, — это, конечно, возможно, но там не значится ни одного отеля. Вы остановитесь у друзей?

— Деловая поездка, — нетерпеливо отрезала Марли. — Мне нужно улететь немедленно.

— Хорошо-хорошо, — примирительно сказал мистер Палеологос, снимая с полки позади стола

дешевый маленький терминал, — не могли бы вы назвать мне код вашего кредита?

Порывшись в черной кожаной сумочке, Марли выудила толстую пачку новых иен, которую стянула из сумки Пако, пока тот был занят осмотром квартиры. Банкноты были перетянуты ленточкой из красного прозрачного пластика.

— Я заплачу наличными.

— О боже, — отозвался мистер Палеологос, касаясь верхней банкноты кончиком розового пальца, как будто ожидал, что вся пачка вот-вот растворится в воздухе. — Понимаю. Видите ли, не в моих правилах вести дела таким образом… Но полагаю, что-то можно будет устроить…

— И побыстрее, — бросила она в ответ, — как можно быстрее…

Он поднял на нее глаза:

— Понимаю. — Его пальцы забегали по клавиатуре терминала. — Не могли бы вы назвать мне имя, под каким вы желаете путешествовать?

21
Время трассы

Тернер проснулся в безмолвном доме, полежал, слушая, как в кронах яблонь заросшего сада перекликаются птицы. Эту ночь он спал на сломанной кушетке, которую Руди держал на кухне. Встав, Тернер накачал воды для кофе. Запыхтели пластиковые трубы, ведущие от бака на крыше, вода полилась в чайник. Потом он поставил чайник на газовую плитку и вышел на веранду.

Восемь машин Руди, покрытые утренней росой, были припаркованы ровным рядком на гравии подъездной дорожки. Когда Тернер спустился по ступенькам, в распахнутые ворота вбежала модифицированная собака, ее черный колпак тихонько пощелкивал в утренней тишине. Собака остановилась, принюхиваясь, повела из стороны в сторону черным конусом морды и затрусила по своим делам за угол веранды.

Тернер остановился у капота тускло-коричневого джипа «судзуки». Двигатель внутреннего сгорания заменили водородным аккумулятором. Наверно, сам Руди и менял. Привод на все четыре

колеса, с огромных покрышек для бездорожья осыпалась засохшая речная глина. Маленький, надежный, но на трассе от него не много толку…

Он прошел мимо двух покрытых пятнами ржавчины седанов «хонда», совершенно идентичных: один и тот же год, одна и та же модель. Руди, очевидно, разбирает один на запчасти для другого, — значит, оба не на ходу. Тернер рассеянно хмыкнул, взглянув на безукоризненный, коричневый с бежевым лак на кузове пикапа «шевроле» модели 1949 года. Он помнил проржавевший остов, который Руди приволок домой из Арканзаса на арендованной платформе. Эта старушка бегала еще на бензине; на внутренних поверхностях ее мотора, скорее всего, так же не найдешь ни единого пятнышка, как и на шоколадном лаке крыльев, натертом вручную.

Дальше под серым пластиковым брезентом стояла половинка экранолета «дорнье», а за ней — на самодельном трейлере — похожий на осу черный гоночный мотоцикл «судзуки». Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как Руди в последний раз всерьез участвовал в гонках. Под еще одним брезентом возле трейлера с байком приютился старенький снегоход. А за ними — пятнистый ховер, списанный после войны,

почти что танк; от приземистой бронированной машины пахло керосином, на котором работала турбина. Усиленная стальной сеткой юбка воздушной подушки распласталась по гравию. Окна напоминали бойницы с толстым высокопрочным пластиком вместо стекол. К похожим на тараны бамперам были привинчены номерные знаки Огайо. Номера не просрочены.

— Понимаю, о чем ты думаешь, — сказала Салли, и, обернувшись, Тернер увидел, что она стоит у перил веранды с кружкой дымящегося кофе. — Руди говорит, если эта махина не сможет через что-то перелезть, она просто насквозь проломится.

— Быстрая? — Прикоснувшись к бронированному боку ховера.

— Конечно, но примерно через час тебе понадобится новый позвоночник.

— А ездить на такой вообще законно?

— Нельзя сказать, что полиции так уж нравится ее вид, но разрешение на поездки по улицам выдали. Насколько я знаю, нет законов, которые запрещали бы броню.

— Энджи чувствует себя лучше, — сказала Салли, когда он вошел за ней на кухню. — Правда, милая?

Дочь Митчелла подняла глаза от кухонного стола. Ее синяки, как и синяки Тернера, поблекли — пара жирных запятых, похожих на сине-черные нарисованные слезы.

— Мой друг — доктор, — сказал Тернер. — Он осмотрел тебя, пока ты была без сознания. Он говорит, с тобой все в порядке.

— Он твой брат. И он не врач.

— Извини, Тернер, — сказала от плиты Салли. — Я довольно прямолинейна.

— Ладно, не врач, — согласился Тернер, — но он много чего умеет. Мы волновались, вдруг ребята из «Мааса» сделали что-то с тобой, подстроили так, чтобы ты заболела, если уедешь из Аризоны…

— Например, вживили бомбу в кору головного мозга? — Энджи ковыряла ложкой холодную овсянку на щербатой тарелке с каймой из яблоневых цветов — из сервиза, который Тернер помнил слишком хорошо.

— Господи, — выдохнула Салли, — во что ты впутался, Тернер?

— Хороший вопрос. — Он подсел к столу.

Энджи, не сводя с него глаз, жевала свою овсянку.

— Энджи, — начал Тернер, — когда Руди те-

бя сканировал, он нашел у тебя в голове нечто странное.

Девочка перестала жевать.

— Он не знает, что это такое. Это вживили туда, возможно, еще когда ты была совсем маленькой. Знаешь, о чем я?

Она кивнула.

— Ты знаешь, что это?

Энджи сглотнула:

— Нет.

— Но ты знаешь, кто поместил это туда?

— Да.

— Твой отец?

— Да.

— Ты знаешь почему?

— Может, потому, что я болела?

— Чем ты болела?

— Я была недостаточно умной.

К полудню все было готово. Заправленный ховер ждал у проволочного заграждения. Руди дал Тернеру прямоугольный черный пакет-зиплок, набитый новыми иенами, — некоторые банкноты от долгого употребления были настолько потерты, что стали почти прозрачными.

— Я попытался прогнать запись через французский «лексикон», — сказал Руди; одна из собак

тем временем терлась пыльным боком о его штанину. — Не сработало. Похоже, это какой-то креольский диалект. А может, африканский. Хочешь себе копию?

— Нет, — ответил Тернер, — лучше сам с ней поиграйся.

— Спасибо, — сказал Руди, — но никаких копий; я не собираюсь признаваться в том, что ты вообще был здесь, если кто-то станет интересоваться. Что до нас с Салли, мы под вечер отправимся в Мемфис, погостим у друзей. За домом присмотрят собаки. — Он почесал животное где-то под пластиковым колпаком. — Правда, малыш? — (Собака было заскулила, но потом завиляла хвостом.) — Пришлось отучить их охотиться на енотов после того, как я поставил эти инфракрасные сканеры, — сказал он, — иначе в округе не осталось бы вскоре ни одного енота…

По ступеням веранды спустились Салли и девочка. Салли несла старый холщовый мешок, в который собрала им в дорогу бутерброды и термос с кофе. Тернер вспомнил ее в постели — там, наверху, — и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Сегодня она выглядела старше, чем вчера, и гораздо более усталой. Энджи сменила залитую кровью футболку «МААС-НЕОТЕК» на бесформен-

ную кофту, которую ей подыскала Салли. В ней девочка казалась еще младше, чем была на самом деле. Салли даже удалось вписать блекнущие синяки в довольно эксцентричный макияж вокруг глаз, который дико контрастировал с детским лицом и мешковатой кофтой.

Руди протянул Тернеру ключи от ховера:

— Я заставил свой старый «Крей» сварганить мне сегодня утром выжимки из последних сводок новостей, раздел «Корпорации». Кое-что из этого тебе, вероятно, следует знать. А именно: «Маас-Биолабс» объявили о смерти доктора Кристофера Митчелла в результате несчастного случая.

— Подумать только, как неопределенно умеют выражаться эти типы.

— И смотри, чтобы ремни всегда были натянуты потуже, — говорила тем временем Салли, — иначе твоя попка превратится в сплошной синяк еще до того, как вы на кольцевую вокруг Стейтсборо выберетесь.

Руди глянул на девочку, потом снова на Тернера. Тернеру видна была сетка лопнувших сосудов у брата на носу. И глаза у того были налиты кровью, и левое веко явственно подергивалось.

— Ну, думаю, вот и все, — сказал Руди. — Забавно, но я уже было решил, что никогда больше

тебя не увижу. Странно как-то снова видеть тебя здесь…

— Ну, — отозвался Тернер, — вы оба сделали больше, чем я был вправе рассчитывать.

Салли отвела глаза.

— Так что спасибо. Думаю, нам пора двигаться. — Он забрался в кабину ховера, желая поскорее уехать.

Сжав напоследок запястье девочки, Салли отдала ей мешок и постояла рядом, пока та карабкалась вверх по откидным подножкам. Тернер забрался на водительское сиденье.

— Она все спрашивала о тебе, — сказал вдруг Руди. — Через какое-то время стало так плохо, что даже аналоги эндорфина не могли подавить боль, и каждые два часа она спрашивала, где ты, когда ты приедешь.

— Я посылал тебе деньги, — сказал Тернер. — Достаточно, чтобы отвезти ее в Тибу. Там, в клинике, могли бы испробовать что-нибудь новое.

— Тиба? Господи, — фыркнул Руди, — она была старуха. Ну и что проку, если бы в Тибе растянули ее жизнь еще на несколько месяцев? Если больше всего на свете она хотела увидеть тебя?

— Тогда не вышло, — сказал Тернер, когда

девочка села на соседнее сиденье и поставила мешок между ног на пол. — Увидимся, Руди, — кивнул он. — Спасибо, Салли.

— Прощайте, — отозвалась Салли, обнимая Руди за талию.

— О ком вы говорили? — спросила Энджи, когда опустилась крышка люка.

Вставив ключ в замок зажигания, Тернер завел турбину, одновременно пустив воздух в воздушную подушку. Через узкое окно на своей стороне он увидел, как Руди и Салли быстро попятились к дому, а собака, присев на задние лапы от рева турбины, залаяла. Педали и ручное управление были Тернеру велики, сконструированные в расчете на водителя в скафандре антирадиационной защиты. Тернер осторожно выехал из ворот и развернулся на широкой полосе гравийной дорожки. Энджи подтягивала пристежные ремни.

— О матери, — сказал он.

Турбина взревела еще громче, и машина рванулась вперед.

— А я никогда не знала своей матери, — сказала девочка, и Тернер вспомнил, что ее отец мертв, а она этого еще не знает…

Он прибавил обороты, и ховер сорвался с гравийной дорожки, едва не задев одну из собак

Руди.

Насчет подвески Салли была права: от турбины шла постоянная вибрация. При девяноста километрах в час на горбатом асфальте старой трассы ховер просто вытряхивал душу. Бронированная воздушная подушка тяжело переваливалась через рытвины. Эффект скольжения, как на гражданской спортивной модели, будет возможен лишь на совершенно ровном покрытии.

Неожиданно для себя Тернер обнаружил, что ему это нравится. Нацеливаешься куда тебе надо, выжимаешь сцепление, потом даешь газ. Кто-то подвесил над передней обзорной щелью пару выцветших на солнце розовых игральных костей из поролона, которые теперь раскачивались из стороны в сторону. За спиной — ровный вой турбины. Девочка, похоже, расслабилась, впитывая пробегающий мимо придорожный ландшафт с рассеянным, почти довольным видом, и Тернер был благодарен, что от него не требуется поддерживать разговор. «Откуда же ты взялась такая на мою голову? — думал он, временами скашивая взгляд в ее сторону. — Пожалуй, едва ли найдется сегодня на поверхности планеты кто-нибудь еще, за кем шла бы такая же ожесточенная охота. И вот я увожу тебя в Муравейник в бронетачке

Руди, оставшейся с прошлой войнушки, и понятия, черт побери, не имею, что мне с тобой делать… Или кто это был, кто разнес площадку в Аризоне…»

Давай-ка прокрутим, сказал он себе, когда они свернули по старому шоссе вниз в долину, еще раз прокрутим все по порядку, может, что и выскочит. Митчелл вышел на «Хосаку», сказал, что хочет к ним. «Хосака» наняла Конроя и набрала команду медиков, чтобы проверить Митчелла на предмет имплантатов. Конрой сколачивал группу, работая в контакте с агентом Тернера. Агент Тернера — это голос в Женеве, номер телефона, не более. «Хосака» заслала Эллисон, чтобы та проверила его в Мексике, потом Конрой вытащил его оттуда. Уэббер, прямо перед тем, как все пошло наперекосяк, сказала, что это она была подсадкой Конроя на площадке… Кто-то атаковал их, когда девушка уже подлетала, — осветительные ракеты и автоматные очереди. На взгляд Тернера, это было очень похоже на «Маас»; приблизительно такого хода он и ожидал от их спецслужбы, для подстраховки от этого и были наняты Комптон, Тедди, Коста и Дэвис. Потом побелело небо… Тернер вспомнил, что Руди говорил что-то про электромагнитную пушку… Кто? И этот бардак

у девочки в голове, то, что появилось у Руди на дисплеях томографа и ЯМР-визуализатора. А Энджи сказала, что ее отец никогда и не собирался бежать сам.

— Нет компании, — сказала она, обращаясь к окну.

— То есть?

— У тебя ведь нет компании, да? Я хочу сказать, ты работаешь на тех, кто тебя нанимает.

— Верно.

— Ты не боишься?

— Конечно, но не из-за этого…

— А у нас всегда была компания. Мой отец сказал, что со мной будет все в порядке, что я просто перехожу под крышу другой компании…

— Он прав, с тобой все будет в порядке. Мне просто нужно выяснить, что происходит. А потом я доставлю тебя туда, куда тебе нужно.

— В Японию?

— Куда угодно.

— Ты там бывал?

— Конечно.

— Мне там понравится?

— Почему бы и нет?

Тут она снова погрузилась в молчание, а Тернер сосредоточился на дороге.

— Это заставляет меня видеть сны, — сказала девочка, когда Тернер наклонился, чтобы включить фары. Ее голос был едва слышен за ревом турбины.

— Что заставляет? — Чтобы не смотреть в ее сторону, он сделал вид, что занят слежением за дорогой.

— Та штука в моей голове. Обычно это происходит только тогда, когда я сплю.

— Да-а? — И вспомнил белки закатившихся глаз в спальне Руди, конвульсии, наплыв сбивчивых фраз на неизвестном языке.

— А иногда наяву. Как будто я подключена к деке, только не привязана к сетке, лечу себе в матрице, лечу, и я там не одна. Как-то ночью мне снился мальчик… Он схватил что-то, и это что-то причиняло ему боль, а он не понимал, что свободен, что ему нужно только это отпустить. Так я ему об этом сказала. И вдруг на долю секунды смогла увидеть, где он. Это был не сон, я четко увидела противную комнатку с грязным ковром, и понимала, что парню нужно принять душ, и чувствовала, как к его ступням прилипают стельки, потому что он был без носков… Это было совсем не похоже на сон…

— Нет?

— Нет. Сны… в снах все большие, очень большие… я тоже большая, двигаюсь, плыву среди других…

Ховер с воем двинулся в горку по бетонной рампе, за которой был выезд на трассу между штатами, и Тернер выдохнул, только тут сообразив, что уже с минуту задерживает дыхание.

— Что за другие?

— Яркие. — Снова молчание. — Не люди…

— Ты много времени проводишь в киберпространстве, Энджи? Я хочу сказать, надолго подключаешься к деке?

— Нет. Только когда делаю домашние задания. Отец сказал, что мне это вредно.

— А о снах он что-нибудь говорил?

— Только то, что они становятся все реальнее. Но я никогда не рассказывала ему о тех, других…

— Хочешь поделиться? Вдруг это поможет мне сообразить, что нам теперь делать.

— Некоторые из них рассказывают мне всякое. Разные истории. Когда-то там не было ничего, ничего, что существовало бы само по себе, были только базы данных и люди, копавшиеся в них. Потом что-то случилось, и Оно… Оно познало себя. Это уже совсем другая история — о девушке с зеркальными глазами и о мужчине, который

боялся кого-нибудь любить. Что-то, что он сделал, помогло Целому познать себя… А потом Оно как будто распалось на различные части себя самого, и мне кажется, те — яркие, другие — и есть эти части. Но об этом очень сложно рассказывать, потому что сами они говорят об этом не совсем словами.

У Тернера по спине побежали мурашки. Что-то всплывало, возвращалось к нему из подводного города — досье Митчелла. Волна жгучего стыда в коридоре, облупившаяся грязно-кремовая краска, Кембридж, общежитие университета…

— Где ты родилась, Энджи?

— В Англии. Потом папа стал работать на «Маас», и мы переехали. Сначала в Женеву.

Где-то посреди Виргинии Тернер свернул на обочину из гравия, потом съехал на заросшее пастбище. За ховером потянулся клубящийся хвост пыли. Лето, все высохло. Тернер завел ховер поглубже в ельник. Турбина заглохла, машина грузно осела, выдавливая воздух из-под юбки.

— Теперь можно и поесть, — сказал он, перегнувшись на заднее сиденье за холщовым мешком Салли.

Выпутавшись из пристежных ремней, Энджи расстегнула молнию черной кофты. Под кофтой

на ней было что-то белое и облегающее, квадратный вырез открыл по-детски гладкое, загорелое тело. Она взяла у него мешок и стала разворачивать приготовленные Салли бутерброды.

— А что не так с твоим братом? — спросила она, протягивая ему половину бутерброда.

— В смысле?

— Ну, что-то, наверно, не так… Салли сказала, он все время пьет. Он несчастлив?

— Не знаю, — ответил Тернер, поводя плечами и массируя шею, расслабляя мышцы. — Я хочу сказать — наверно, да, не очень счастлив, только я не знаю почему. Бывает же, что люди иногда просто подвисают.

— Ты имеешь в виду: когда у них нет компаний, которые бы о них заботились? — Она принялась за еду.

Тернер поднял на нее глаза:

— Шутишь?

Она кивнула с полным ртом. Проглотила.

— Немножко. Я знаю, что есть много людей, которые не работают на «Маас». Никогда не работали и никогда не станут. Ты — один из них, твой брат — другой. Но я спросила всерьез. Знаешь, мне понравился Руди. Но просто он кажется совсем…

— Конченым? — договорил он за нее, все еще держа бутерброд в руке. — Увязшим? А дело, думаю, в том, что некоторым людям нужно иногда сделать скачок, и если они этого не делают, то увязают по уши — навсегда… А Руди никогда и не пытался соскочить.

— Это как мой отец, когда хотел вытащить меня из «Мааса»? Это скачок?

— Нет. Соскакиваешь ты или нет, каждый решает сам за себя. Просто нужно понять, что где-то тебя ожидает нечто лучшее… — Он помедлил, внезапно почувствовав, что смешон, и откусил от бутерброда.

— Так решил ты?

Он кивнул, задумавшись — а так ли это?

— Значит, ты уехал, а Руди остался.

— Он всегда был умен, даже талантлив. До сих пор такой. Наполучал целую кучу дипломов — и все по Сети. В двадцать лет защитил докторскую по биотехнологиям в Тьюлейне, потом еще какие-то диссертации. И никуда не пытался устроиться, ни заявлений не рассылал, ничего. К нам сюда являлись агенты чуть ли не со всего света, а он нес им невесть что, нарывался на ссоры… По-моему, он считал, что сможет придумывать что-то сам по себе. Вроде этих его колпаков на собаках. Сдается,

у него есть парочка оригинальных патентов, но… Как бы там ни было, он остался дома. Занялся торговлей, стал собирать на заказ железо, причем был одним из самых крутых в этом штате. Потом заболела наша мать. Она болела очень долго, а я был далеко…

— И где ты был? — Девушка открыла термос, и по кабине разнесся запах кофе.

— Так далеко, как только смог забраться, — ответил он, удивившись злости в собственном голосе.

Она передала ему пластмассовую кружку, до краев наполненную горячим черным кофе.

— А ты? Ты говорила, что никогда не знала матери?

— Не знала. Они расстались, когда я была совсем маленькой. Она отказывалась соблюдать брачный контракт, если он не поделится с ней «маасовскими» акциями, которые ему причитались. Так, во всяком случае, он говорит.

— А что он за человек? — Он глотнул кофе, потом передал кружку Энджи.

Она взглянула на него поверх ободка красной пластмассовой кружки, вокруг глаз — косметика, наложенная Салли.

— Это ты мне расскажи, — бросила она. — Или

лучше спроси об этом через двадцать лет. Мне семнадцать, откуда мне, черт побери, это знать?

Тернер рассмеялся:

— Начинаешь чувствовать себя немного лучше?

— Пожалуй, да. Учитывая обстоятельства.

И внезапно он осознал, что рядом с ним женщина, ощутил то, чего не замечал раньше, и его руки нервно потянулись к рычагам управления.

— Хорошо. Нам предстоит еще долгий путь…

Этой ночью они спали в ховере, в Южной Пенсильвании, припарковавшись за ржавой стальной решеткой, на которой когда-то висел экран кинотеатра для автомобилистов. Тернер расстелил парку на бронированном полу под длинным горбом турбины. Энджи допивала остатки кофе, теперь уже остывшего, сидя в квадратном отверстии люка над пассажирским сиденьем и глядя, как над полем, заросшем жухлой травой, пульсируют светлячки.

Где-то посреди сна — все еще окрашенного случайными вспышками из досье ее отца — она перекатилась к нему под бок. Теплая и мягкая грудь прижалась к его голой спине, а потом ее рука скользнула погладить плоские мускулы его живота. Тернер даже не шевельнулся, изоб-

ражая глубокий сон, и вскоре отыскал дорогу вниз, в темный лабиринт биософта Митчелла, где диковинные образы начинали сливаться с его собственными страхами и давней болью. Он проснулся на рассвете и услышал, как она тихонько напевает себе под нос, сидя на краю люка:

Мой папаша родной
Красив как дьявол был.
В девять миль длиной
Цепь себе он раздобыл.
И на каждом звене,
Да, на каждом звене
Висело сердце той,
Кого он погубил[48].

[48] notes: 48

Американская народная песня «Silver Dagger» («Серебряный кинжал»), известная с конца XIX — начала XX в. Перевод А. Тарасова.

22
«У Джаммера»

До владений Джаммера пришлось преодолеть еще двенадцать пролетов мертвого эскалатора. Занимал клуб, как выяснилось, почти треть последнего этажа. Если не считать заведения Леона, Бобби никогда в жизни не видел ночного клуба, а потому «У Джаммера» произвел на него изрядное впечатление, хотя и показался жутковатым. Впечатляли размеры и то, что Бобби счел шикарной обстановкой, а жутковато было потому, что любой ночной клуб, особенно днем, чем-то неуловимо ирреален. Есть в нем что-то ведьмовское. Заткнув большие пальцы в задние карманы новых джинсов, Бобби с любопытством оглядывался по сторонам, пока Джекки шепотом беседовала с длиннолицым белым в мятом синем комбинезоне. Обстановку клуба составляли темные банкетки с обивкой из искусственного плюша, круглые черные столики и десяток резных деревянных ширм. Потолок был выкрашен черным, каждый столик слабо освещался собственным невидимым прожектором, наце-

ленным откуда-то сверху, из темноты. Была здесь также сцена, сейчас ярко освещенная рабочими лампами, свисающими на желтых спиральных шнурах, а в середине сцены стояли вишнево-красные барабаны. Бобби не мог бы сказать почему, но от всего этого мороз подирал по коже; какое-то неуловимое ощущение полужизни, как будто что-то вот-вот зашевелится — там, в самом уголке глаз…

— Бобби, — окликнула его Джекки, — подойди познакомься с Джаммером.

Бобби пересек черную ковровую дорожку со всем хладнокровием, какое сумел изобразить, и предстал перед длиннолицым, у которого были темные редеющие волосы, а под комбинезоном оказалась белая вечерняя рубашка. Губы у мужчины были узкие, на впалых щеках чернела вчерашняя щетина.

— Ага, — сказал Джаммер, — хочешь, значит, быть ковбоем?

Он смотрел на футболку Бобби, и у того возникло малоприятное ощущение, что его собеседник вот-вот рассмеется.

— Джаммер был жокеем, — сказала Джекки. — Самым крутым, какие только бывают. Правда, Джаммер?

— Так говорят, — отозвался Джаммер, по-прежнему глядя на Бобби. — Давно это было, Джекки. И каков же у тебя пробег, парень, сколько часов? — спросил он Бобби.

Бобби вспыхнул:

— Ну, наверное, один.

Джаммер вздернул кустистые брови.

— Что ж, надо же когда-то начинать, — улыбнулся он.

Зубы у него оказались мелкими, неестественно ровными и, как подумалось Бобби, слишком многочисленными.

— Бобби, — сказала Джекки, — почему бы тебе не расспросить Джаммера о том персонаже, Виге, о котором тебе рассказывал Финн?

Джаммер поглядел на нее, потом снова на Бобби.

— Ты знаешь Финна? Для простого хотдоггера ты довольно глубоко забрался, не находишь? — Вынув из брючного кармана ингалятор, он вставил его в левую ноздрю, потянул носом воздух, потом снова убрал ингалятор в карман. — Лудгейт. Виг. Так, значит, Финн говорил о Виге? Не иначе как совсем уже в маразм впал.

Бобби не понял, что бы это значило, но решил, что сейчас не самое удачное время переспра-

шивать.

— Ну, — рискнул Бобби, — этот Виг, он где-то высоко на орбите и толкает иногда Финну товар…

— Серьезно? Офигеть и не встать. Я бы сказал, что Виг или мертв, или совсем уже овощ. Такого чокнутого даже среди ковбоев еще поискать, если понимаешь, о чем я. Псих долбаный. Исчез. Сто лет уже ничего о нем не слышал.

— Джаммер, — вмешалась Джекки. — Я подумала, может, Бобби рассказать тебе всю историю? Под вечер здесь появится Бовуар, и у него будет к тебе немало вопросов, так что тебе лучше понимать, как обстоят дела…

Джаммер перевел взгляд на танцовщицу:

— Вот как, понимаю. Мистер Бовуар вспомнил про тот должок, да?

— Не могу говорить за него, — сказала она, — но догадка не лишена оснований. Нам нужно безопасное место, чтобы Счет мог укрыться.

— Какой счет?

— Я, — сказал Бобби. — Счет — это я.

— Великолепно, — без тени энтузиазма проговорил Джаммер, — тогда пойдем в контору, это за сценой.

Бобби не мог оторвать глаз от киберпространственной деки, которая занимала почти треть

антикварного дубового стола Джаммера. Она была матово-черной, явно штучной работы и безо всяких торговых марок. Бобби то и дело вытягивал шею, чтобы разглядеть ее получше, пока рассказывал Джаммеру о Дважды-в-День и о своем неудачном рейде, о том, как почувствовал девочку, и о том, как взорвали материну квартиру. Это была самая крутая дека, какую он только видел. И тут он вспомнил, как Джекки говорила, что Джаммер в свое время был чертовски крутым ковбоем. Когда Бобби закончил, Джаммер как-то обмяк, откинулся на спинку стула.

— Хочешь попробовать? — спросил он. Голос его звучал устало.

— Попробовать что?

— Деку. Мне показалось, тебе этого хочется. Ну, судя по тому, как ты все елозишь задницей по стулу. Или тебе хочется ее попробовать, или очень надо поссать.

— Черт, да. То есть да, спасибо, мне бы…

— Почему бы и нет? Не вижу, как кто-то может узнать, что это ты, а не я, так? Почему бы тебе не подключиться с ним, Джекки? Вроде как для присмотра. — Открыв ящик стола, он вынул оттуда два набора тродов. — Только ничего не делай, ладно? Я хочу сказать, просто войди и прокатись.

Не лихачь и не пытайся никуда влезать. Я в долгу у Лукаса и Бовуара, и, похоже, расплачиваться мне придется тем, что я помогу сохранить твою задницу в целости и сохранности. — Один набор тродов он протянул Джекки, другой — Бобби; потом встал и, взявшись за ручки по обеим сторонам черной консоли, развернул ее передом к Бобби. — Давай. А то сейчас прямо в портках обкончаешься. Этой штуке уже лет десять, а она все равно на порядок круче почти всего, на чем сейчас работают. Ее собрал парень по имени Автомат Джек, прямо с начала до конца собрал своими руками. Он был когда-то мастером по железу у Бобби Куайна. Помнится, эта парочка сожгла Дом Голубых Огней, впрочем, дело было, наверное, еще до твоего рождения.

Бобби уже надел троды и теперь выжидательно смотрел на Джекки.

— Ты когда-нибудь раньше подключался тандемом? — спросила она.

Бобби покачал головой.

— Ладно. Мы подключимся, но я буду висеть у тебя за левым плечом. Скажу «выключайся», ты выключишься. Если увидишь что-то необычное, это будет потому, что с тобой я, понял?

Он кивнул.

Расстегнув пару длинных булавок с серебряными головками спереди своей федоры, Джекки сняла шляпу и положила ее на стол рядом с декой Джаммера. Надвинула троды поверх шелкового шафранового шарфа, пригладила контакты на лбу.

— Поехали, — сказала она.

Теперь и всегда — едино. На ускоренном прогоне вперед. Дека Джаммера включилась в «небо» над яркими неоновыми сердечниками баз — незнакомая ему топография данных. Хребты и пики информации, мощные крепости корпоративных баз — вот он, псевдоландшафт киберпространства.

— Сбавь скорость, Бобби, — прозвучал из пустоты рядом с ним низкий и нежный голос Джекки.

— Господи Исусе, ну и быстрая же штуковина!

— Ага, но притормози ее. Спешка нам ни к чему. Ты же хотел прокатиться. Задержись тут и замедли ход…

Он сбрасывал скорость до тех пор, пока они, казалось, не зависли и не начали парить. Затем повернул голову налево, надеясь увидеть Джекки, но там не было ничего.

— Я здесь, — успокоила его та, — не волнуйся.

— Кто такой Куайн?

— Куайн? Какой-то ковбой, которого Джаммер знал когда-то. В былые времена он был знаком с ними со всеми.

Проверяя деку на реакцию, Бобби круто завернул на девяносто градусов вправо, гладко повернувшись вокруг своей оси на перекрестке решетки. Дека ошеломляла, ощущение было абсолютно не похоже ни на что, что Бобби до сих пор испытывал в киберпространстве.

— Ни хрена себе! По сравнению с этой штукой «Оно-Сэндай» просто детская игрушка…

— Ну, внутри у этой деки наверняка есть «сэндаевские» микросхемы. По словам Джаммера, именно их тогда обычно ставили. Подними нас чуть повыше…

Без малейшего усилия они поднялись сквозь решетку, базы под ними начали уменьшаться.

— Здесь, наверху, не так уж и много на что посмотреть, — пожаловался Бобби.

— Вот и неправда. Если достаточно долго болтаться в пустых частях, можно увидеть кое-что весьма интересное…

Ткань матрицы прямо перед ними словно начала вибрировать…

— А-а-а, Джекки…

— Остановись. Задержи ее на месте. Все в по-

рядке. Доверься мне.

Где-то далеко-далеко его пальцы пробежались по клавиатуре непривычной конфигурации. Теперь он будто встал на невидимый якорь, в то время как целая секция киберпространства расплылась, становясь молочно-белой.

— Что…

– *Данбала ап монте л*, — сказал у него в голове суровый голос, и во рту возник привкус крови. — Данбала оседлал ее.

Бобби почему-то знал, что значат эти слова, но голос в его голове был твердым, как металл. Молочная ткань раздвинулась, будто пошла пузырями, выплюнув два колышущихся серых пятна.

— Легба, — произнесла Джекки, — Легба и Огу Ферай, бог войны. Папа Огу! Святой Жак Мажор! *Вив ля Вьей!*

Металлический смех заполнил матрицу, пилой врезался Бобби в мозг.

– *Мап кит ту миз ак ту жийон*, — сказал другой голос, какой-то холодный и переменчивый, похожий на бегущие шарики ртути. — Видишь, Папа, она пришла сюда, чтобы выбросить свою неудачу! — И тут этот тоже рассмеялся.

А Бобби все боролся с собой, пытаясь подавить

волну нахлынувшей паники, когда серебристый смех стал подниматься в нем пузырьками.

— Так у нее неудача, у лошади Данбалы? — прогрохотал железный голос Огу Ферая, и на мгновение Бобби почудилось, что в сером тумане мелькнула неясная фигура. Голос оглушительно рассмеялся все тем же ужасным смехом. — И вправду! И вправду! Но она этого не знает! Она не моя лошадь, нет, иначе я вылечил бы ее удачу!

Бобби хотелось закричать, умереть — все что угодно, лишь бы избавиться от голосов, от непереносимого ветра, который вдруг задул из серых рваных дыр, от этого горячего сырого ветра с запахом чего-то, что он не мог распознать.

— И она поет хвалу Деве! Слушай меня, маленькая сестра! *Ля Вьей* действительно приближается, она уже очень близко!

— Да, — отозвался другой, — она сейчас движется по моим владениям, это говорю тебе я, тот, кто правит торными и неторными путями.

— Но я, Огу Ферай, говорю тебе, что и враги твои тоже близки! К воротам, сестра, и остерегайся!

И тут серые пятна поблекли, съежились…

— Отключи нас. — Голос Джекки был сдавленным и отстраненным. А потом она сказала: — Лукас мертв.

Вынув из ящика стола бутылку скотча, Джаммер аккуратно отмерил шесть сантиметров жидкости в высокий стакан.

— Ты хреново выглядишь, — сказал он Джекки, и Бобби удивился нежности в его голосе.

Прошло уже минут десять с тех пор, как они отключились, но никто не проронил ни слова. Джекки сидела подавленная и все покусывала нижнюю губу. Джаммер казался не то расстроенным, не то разозленным — Бобби ни в чем уже не был уверен.

— А почему ты сказала, что Лукас мертв? — рискнул Бобби.

Ему чудилось, что молчание в захламленной конторе Джаммера застаивается, застывает — как что-то холодное и враждебное, способное задушить, если продлится еще хоть немного.

Джекки подняла на него взгляд, который словно бы все никак не мог сфокусироваться.

— Они не пришли бы ко мне вот так, будь Лукас жив, — сказала она. — Существуют соглашения, пакты. Первым всегда вызывают Легбу, но он должен был прийти с Данбалой. Его личность зависит от лоа, с которым он являет себя. Лукас, должно быть, мертв.

Джаммер подтолкнул к ней через стол стакан

виски, но Джекки помотала головой. Набор тродов все еще сидел у нее на лбу — хром и черный нейлон. Джаммер скорчил гримасу отвращения, утянул стакан назад и залпом опустошил его сам.

— И все-то ты меня грузишь. В мире было гораздо больше смысла до того, как ваши люди начали путать карты.

— Не мы привели сюда лоа, Джаммер, — отозвалась танцовщица. — Они просто были там, и они нашли нас, потому что мы их понимали!

— Ну вот снова, — устало сказал Джаммер. — Чем бы они ни были, откуда бы ни заявились, они просто приняли ту форму, в какой их хотела бы видеть свора сбрендивших негритосов. Въезжаешь? Ну откуда, скажи на милость, там могло взяться что-то, с чем пришлось бы общаться на сраном наречии гаитянских дикарей! Вы со своим вуду просто пришли и увидели расклад. Но все эти Лукасы и Бовуары и иже с ними — они прежде всего деловые люди. А эти чертовы штуки знают, как заключать сделки! Просто прирожденные дельцы! — Он закрутил пробку и убрал бутылку обратно в стол. — Знаешь, дорогуша, есть вероятность, что некто, у кого, не стану спорить, до хрена силы в решетке, просто садится

вам на шею. Проецирует все эти штуки… Ты же и сама знаешь, что это вполне возможно, так ведь? Так, Джекки?

— Не так. — Голос Джекки звучал холодно и ровно. — Но я знаю то, что я знаю, и это никак не объяснить…

Джаммер вынул из кармана черную электробритву и начал бриться.

— Конечно, — сказал он; жужжала бритва, которой он водил по подбородку. — Я прожил в киберпространстве восемь лет, так? Так вот, я знаю, что в мое время там ничего не было… Во всяком случае, хочешь, я позвоню Лукасу, хотя бы перестанешь мучиться, жив он или мертв? У тебя есть телефон этого его «роллса»?

— Нет, — сказала Джекки, — не беспокойся. Пока не объявится Бовуар, нам всем лучше сидеть тихо. — Она встала, стянула троды и подобрала шляпу. — Я собираюсь прилечь и попытаться поспать. Пригляди за Бобби… — Повернувшись, она пошла к двери конторы. Вид у нее был такой, будто она шла во сне, вся энергия из нее куда-то испарилась.

— Чудесно, — сказал Джаммер, проводя бритвой по верхней губе. — Хочешь выпить? — спросил он Бобби.

— Ну, — протянул Бобби, — вроде как рано…

— Может быть, для тебя. — Он убрал бритву обратно в карман; дверь за Джекки закрылась. Джаммер слегка подался вперед. — На что они похожи, малыш? Ты что-нибудь разглядел?

— Сероватые такие. Расплывчатые…

На лице Джаммера отразилось разочарование. Он снова ссутулился в кресле.

— Что ж, пожалуй, их как следует и не разглядишь, если в них не верить, — побарабанил он пальцами по подлокотнику. — Как по-твоему, они реальны?

— Ну, мне бы не хотелось с кем-нибудь из них ссориться…

Джаммер поднял на него взгляд:

— Нет? Ладно, может, ты умнее, чем кажешься. Я и сам не стал бы с ними связываться. Я вышел из игры до того, как они начали появляться…

— Так что же они, по-твоему, такое?

— Ага, становишься все умнее… Ну, я не знаю. Как я говорил, не уверен, что смогу проглотить байку, будто это шайка гаитянских богов вуду, но кто знает? — Он прищурился. — Может статься, они — вирусные программы, сбежавшие в матрицу, там размножившиеся и очень-очень поумневшие… Одно это звучит жутковато; воз-

можно, тьюринговцы пытаются все это замять. Или, может, ИскИн нашел способ скопировать части себя в матрицу, а такое «тьюрингов» просто с ума сведет. Знавал я одного тибетца, он апгрейдил для ковбоев железо — так он считал эти штуки тулпа.

Бобби сморгнул.

— Тулпа — это мыслеформа, что-то вроде этого. Суеверия. По-настоящему крутые ребята могут отделить от себя нечто вроде духа, вылив негативную энергию в некую оболочку. — Он пожал плечами. — Опять бред сивой кобылы. Как и эти вудуистские божки нашей Джекки.

— Ну, по-моему, Лукас и Бовуар, да и остальные — все они чертовски уверенно ведут себя так, как будто эти духи вполне реальны, а не просто какой-то там спектакль…

Джаммер кивнул:

— Вот именно. И дела у них чертовски хороши, так что в этом что-то есть. — Он опять пожал плечами, потом зевнул. — Мне тоже надо поспать. Можешь делать все, что хочешь, только держи руки подальше от моей деки. И не пытайся выйти наружу, не то разорется добрый десяток «крикалок». В холодильнике за баром есть сок, сыр и прочая кормежка…

Теперь, когда клуб остался целиком в его распоряжении, Бобби все еще находил его несколько жутковатым, но достаточно интересным, чтобы жуть того стоила. Он побродил взад-вперед позади бара, касаясь рычагов пивных кранов и хромированных клювов коктейльных миксеров. Тут была машина для приготовления льда и еще одна, выплевывающая кипяток. Он сделал себе чашку японского растворимого кофе и порылся в каталоге аудиокассет Джаммера. Он никогда не слышал ни таких названий групп, ни имен певцов. Интересно, это пожилой Джаммер предпочитает старье или всё здесь новые вещи, которые просочатся в Барритаун — скорее всего, через клуб Леона — недели только через две… Под черной с серебром универсальной кредитной консолью в конце стойки притаилась пушка, небольшой толстый автоматический пистолет с магазином, торчавшим вертикально вниз из рукоятки. Пушка была прилеплена под стойкой бара куском зеленой липучки, и Бобби подумал, что трогать ее не стоит. Через некоторое время он решил, что не чувствует больше страха. Стало просто скучно и немного нервно. Захватив с собой остывающий кофе, он вышел на середину зала. Сел за один из столиков и прикинулся,

что он — Счет Ноль, или, еще лучше, Граф Ноль, крутейший жокей в Муравейнике, — ждет, что появятся ребята поговорить о сделке, о каком-то рейде, который надо для кого-то провернуть, а никто, кроме Счета-Графа, даже близко не тянет.

— Конечно, — сказал он пустому ночному клубу, глаза полуприкрыты тяжелыми веками. — Я разрежу вам этот лед… Если у вас есть деньги… — И они побледнели, когда он назвал им цену.

Помещение было звукоизолированным, шума торговых рядов не доносилось вовсе, было слышно только жужжание какого-то кондиционера и временами — бульканье кипятящего воду титана. Устав играть во всемогущего Графа Ноль, Бобби оставил чашку с кофе на столе и подошел к входу, провел рукой по потертому бархату витого каната, висевшего между полированных латунных столбиков. Осторожно, стараясь не коснуться самой стеклянной двери, он устроился на дешевом стальном стуле с заклеенным липучкой сиденьем из кожзаменителя возле окна выдачи пальто. В гардеробной горела тусклая лампочка; видны были несколько десятков старых деревянных плечиков, свисающих со стальных стоек, на каждой вешалке — желтая табличка с выведенным от руки номерком. Бобби решил, что здесь

иногда сидит сам Джаммер, проверяя клиентуру. Он в самом деле не понимал, с чего бы кто-то, кто в молодости восемь лет был крутейшим ковбоем, захотел управлять ночным клубом, но, может, это такое хобби. Опять же, сколько девочек можно тогда заполучить… Но потом Бобби подумал, что, если ты богат, ты в любом случае их получишь. А если Джаммер восемь лет был крутым, то, решил Бобби, он должен быть богатым…

Он задумался о том, что произошло в матрице, о серых дырах и голосах. Бобби поежился. Он до сих пор не понимал, почему встреча с ними означает, что Лукас мертв. Как может быть Лукас мертв? Тут он вспомнил, что его мать мертва, и почему-то это тоже показалось не очень реальным. Господи. Все это действует ему на нервы. Ему захотелось оказаться снаружи, по ту сторону дверей, поглазеть на лавки и покупателей и на тех, кто там работает.

Протянув руку, он осторожно отодвинул край бархатной шторы, как раз настолько, чтобы выглянуть через старое толстое стекло. Радужная круговерть лавок и характерная пасущаяся походка покупателей. И прямо посреди этой праздничной суеты, у стола, заваленного подержанными аналоговыми видеооптическими

устройствами, логическими зондами и регуляторами тока, — безрасовое, тяжелокостное лицо Леона. Глубоко посаженные жуткие глазки останавливаются на Бобби с явно слышимым щелчком узнавания. И тут Леон сделал нечто совершенно неслыханное — во всяком случае, на памяти Бобби. Леон улыбнулся.

23
Приближение[49]

Стюард «Джей-Эй-Эль» предложил ей на выбор несколько кассет симстима: экскурсия по ретроспективе Фокстона в Тейте в прошлом августе, снятый в Гане историко-приключенческий фильм («Ашанти!»), попурри из «Кармен» Бизе, записанное из частной ложи в Токийской опере, и полчаса сетевого ток-шоу Тэлли Ишем «Высший свет».

— Это ваш первый полет на шаттле, мисс Овски?

Марли кивнула. Она назвала Палеологосу девичью фамилию матери, что, вероятно, было глупо.

Стюард понимающе улыбнулся:

— Кассета определенно способна облегчить ощущения, связанные со взлетом. На этой неделе у нас очень популярна «Кармен». Роскошные костюмы, насколько я понимаю.

Марли покачала головой, не в настроении слушать оперу. Фокстона она терпеть не могла

---

[49] notes: 49

«Closer» — второй и последний альбом постпанк-группы *Joy Division*, выпущен в 1980 г.

и предпочла бы испытать на себе всю силу ускорения, чем выдержать «Ашанти!». Пленку Ишем она взяла по умолчанию, как наименьшее из четырех зол.

Стюард проверил ремни ее кресла, протянул ей кассету и маленькую одноразовую тиару из серого пластика, потом двинулся дальше. Марли надела пластмассовые троды, воткнула штекер в подлокотник кресла и со вздохом вставила кассету в прорезь рядом с разъемом. Салон челнока «Джей-Эй-Эль» растворился в сиянии эгейской голубизны, и на глазах у Марли в безоблачном небе проступили заглавные буквы элегантного, без засечек, шрифта: «ВЫСШИЙ СВЕТ С ТЭЛЛИ ИШЕМ».

Тэлли Ишем неизменно присутствовала в симстим-индустрии, сколько Марли себя помнила. Этакая Золотая Девочка без возраста, взлетевшая еще на первой волне новой технологии. Теперь же Марли обнаружила себя в загорелом, гибком теле Тэлли с его потрясающе комфортабельным сенсорным восприятием. Тэлли Ишем вся будто светилась здоровьем и силой, вдыхая глубоко и свободно, ее грациозное тело — кожа, мускулы, кости, — казалось, никогда не слыхивало о напряжении. Войти в ее симстим-записи — это

как погрузиться в ванну совершенного здоровья, почувствовать весну в высоких ключицах и округлость груди под шелковистым египетским хлопком простенькой белой блузки. Она стояла, облокотившись о пористую белую балюстраду над крохотной гаванью островного греческого городка. Под ней каскадом сбегали по склону холма кроны деревьев в цвету, отмытый добела камень прочерчивали узкие извилистые лесенки. Из гавани донесся корабельный гудок.

— Туристы сейчас спешат вернуться на свой прогулочный теплоход, — сказала Тэлли и улыбнулась. Когда она улыбалась, Марли чувствовала гладкость белых зубов звезды, вкус свежести у нее во рту, приятно шершавый камень балюстрады под ее голыми руками. — Но один гость нашего острова останется сегодня вечером с нами, я очень давно мечтала познакомиться с этим человеком и уверена, вы будете удивлены и обрадованы, поскольку он обычно избегает внимания прессы…

Она выпрямилась и, обернувшись, послала улыбку прямо в загорелое улыбающееся лицо Йозефа Вирека…

Марли сорвала с головы тиару. Вокруг нее рывком восстановился отделанный белым пла-

стиком салон шаттла. На панели над головой мигали предупреждающие надписи, едва ощутимая вибрация все возрастала.

Вирек? Марли посмотрела на набор тродов.

— Да уж, — сказала она вслух, — свет просто выше некуда…

— Прошу прощения? — В ремнях соседнего кресла странным движением, отдаленно напоминающим полупоклон, качнулся студент-японец. — У вас какие-то сложности со стимом?

— Нет-нет, — сказала Марли. — Извините.

Она снова надвинула тиару на лоб, и салон шаттла растворился в жужжании сенсорной статики. Скребущая мешанина ощущений внезапно уступила место спокойному изяществу Тэлли Ишем, которая, взяв холодную твердую руку Вирека, улыбалась в его мягкие голубые глаза. В ответ сверкнула белозубая улыбка мецената.

— Счастлив оказаться здесь, Тэлли, — сказал он, и Марли позволила себе окунуться в реальность стима, принимая записанные на пленку данные с сенсорного входа Тэлли, как со своего собственного.

Этого средства массовой информации Марли, как правило, избегала; что-то в ее натуре противилось той пассивности, которой требовала от

реципиента симуляция сенсорного восприятия.

Вирек был одет в мягкую белую рубашку, парусиновые штаны, закатанные до колен, и скромные коричневые кожаные сандалии. Все еще держа его за руку, Тэлли вернулась к балюстраде.

— Я уверена, — начала она, — что нашей аудитории хотелось бы многое…

Море исчезло. До самого горизонта раскинулась холмистая равнина в лишаях черно-зеленой флоры, разорванная силуэтами неоготических шпилей барселонского собора Святого Семейства. Край мира потерялся в стелющемся неоновом тумане, и над равниной завис гул будто затонувших колоколов…

— Сегодня ваша аудитория состоит из одного человека, — сказал Вирек и посмотрел на Тэлли сквозь свои круглые, без оправы очки. — Здравствуй, Марли.

Марли мучительно потянулась за тродами, но руки будто окаменели. Ускорение, шаттл поднимается со своей бетонной подушки… Марли угодила в капкан.

— Понимаю, — говорила тем временем Тэлли, с улыбкой снова облокачиваясь о балюстраду из теплого пористого камня… — Что за чудесная

идея. Вашей Марли, герр Вирек, действительно очень повезло…

И тут она, Марли, осознала, что это вовсе не Тэлли Ишем из «Сенснета», а часть конструкта Вирека, специальная программа, скомпилированная из многих лет архивного метража «Высшего света», и теперь у нее нет выбора, никакого выхода, кроме как принять это, выслушать, уделить Виреку свое внимание. Уже одно то, что он поймал ее тут, пригвоздил таким хитрым способом, доказывало, что ее догадка была верна: вездесущий механизм его империи — реальность, не игра воображения. Деньги Вирека, как универсальный растворитель, растворяют по его воле любые преграды…

— Мне было очень жаль узнать, — сказал меценат, — как вы расстроены. Пако говорит, что вы бежите от нас, но я предпочитаю рассматривать это как стремление художника к своей цели. Вы, как мне кажется, что-то ощутили в природе моего гештальта, и это вас напугало. Так и должно было произойти. Данная кассета была подготовлена за час до того, как ваш шаттл должен был взлететь по расписанию из Орли. Естественно, мы знаем место вашего назначения, но у меня нет намерения следовать за вами. Вы делаете свое дело,

Марли. Мне остается лишь сожалеть, что мы были не в силах предотвратить смерть вашего друга Алена, но теперь нам известны личности его убийц и тех, кто их нанял…

Марли сейчас смотрела глазами Тэлли Ишем, а те не могли оторваться от полыхающих синей энергией глаз Вирека.

— Ален был убит агентами, нанятыми «Маас-Биолабс», — продолжал он, — и это «Маас» снабдил его координатами того места, куда вы в настоящее время направляетесь. «Маас» предоставил ему также и показанную вам голограмму. Мои отношения с «Маасом» довольно сложные, чтобы не сказать больше. Два года назад моя дочерняя компания сделала попытку перекупить «маасовский» контрольный пакет. Сумма, которая должна была быть задействована в этой операции, оказала бы воздействие на всю мировую экономику. Они отказались. Пако удалось установить причину смерти Алена: он умер, поскольку они узнали, что он пытается продать предоставленную ими информацию — продать третьей стороне… — Вирек нахмурился. — Крайняя неосторожность, притом что он был совершенно неосведомлен относительно природы продукта, который предлагал…

Как это похоже на Алена, подумала она, и ее захлестнула жалость. Марли мысленно увидела его в той комнате, свернувшегося на отвратительном ковре, позвоночник выступает под натянутой тканью зеленой куртки…

— Полагаю, Марли, вам следует знать, что шкатулочником я интересуюсь не только как коллекционер. — Сняв очки, он стал протирать стекла полой белой рубашки, и в рассчитанной человечности этого жеста Марли почудилось что-то кощунственное. — У меня есть причины полагать, что создатель этих артефактов в какой-то мере способен предложить мне свободу. Я не очень здоровый человек, Марли. — Он снова надел очки, аккуратно заложив за уши золотые дужки. — Когда я в последний раз запрашивал визуальную информацию о резервуаре, в котором пребывает мое тело в Стокгольме, мне показали нечто, похожее на три составленных вместе грузовых трейлера, опутанных сетью труб от систем жизнеобеспечения… Если бы я смог бросить это, Марли, или, скорее, сбросить груз восставших клеток, из которых состоит мое бывшее тело… ну… — Он снова улыбнулся своей знаменитой улыбкой. — Что бы я за это не отдал?

И взгляд Тэлли-Марли скользит, пытаясь ухва-

тить расползающиеся заросли темного лишайника и далекие, разбегающиеся башни собора…

— Вы потеряли сознание, — говорил стюард, пальцы его скользили по ее шее. — Такое случается… наши бортовые медицинские компьютеры говорят, что у вас великолепное здоровье. Однако мы наложили дермодиск для купирования эффектов синдрома предпосадочной адаптации.

Его рука исчезла с ее шеи.

— «Европа после дождя», — сказала Марли, — Макс Эрнст. Лишайник…[50]

Мужчина смотрел на нее сверху вниз, его настороженное лицо заученно выражало профессиональное сочувствие.

— Прошу прощения? Не могли бы вы повторить?

— Извините, — сказала она. — Сон… Мы уже прибыли в терминал?

— Еще час, — услышала она в ответ.

Орбитальный терминал «Джапан Эйр Лайнс» оказался белым тором, усеянным шапками мел-

---

[50] notes: 50

«Европа после дождя» (1940–1942) — картина художника-сюрреалиста *Макса Эрнста* (1891–1976), выполненная в технике декалькомании; изображает размытый, словно поросший *лишайником* апокалиптический пейзаж.

ких куполов и ощетинившимся овальными раструбами стыковочных шлюзов. Экран над противоперегрузочной упряжью Марли — хотя слово «над» временно потеряло обычный свой смысл — демонстрировал блестяще детализированный эскиз-анимацию тора во вращении, в то время как несколько голосов на семи языках объявляли, что пассажиров, находящихся на борту шаттла «Джей-Эй-Эль-580», прибывшего рейсом из Орли, отбуксируют к терминалу при ближайшей возможности. «Джей-Эй-Эль» приносил извинения за задержку, связанную с плановым профилактическим ремонтом семи из двенадцати шлюзов…

В ремнях противоперегрузочной сетки Марли съежилась от страха, теперь ей во всем чудилась невидимая рука Вирека. «Нет, — подумала она, — должен же быть какой-то выход. Я хочу соскочить, — сказала она самой себе, — я хочу несколько часов свободы действий, а потом я с вами покончу… Прощайте, герр Вирек, я возвращаюсь в страну живых, куда никогда уже не вернуться бедному Алену. Алену, который умер, потому что я взялась за эту работу». Марли несколько раз сморгнула, когда подступили первые слезы, потом, широко раскрыв глаза, с детским удивлением уставилась на крохотный

прозрачный шарик — это уплывала, свернувшись в сферу, ее слеза…

А «Маас», задумалась она, кто они такие? Вирек заявлял, что это они убили Алена, что Ален работал на них. Она смутно припоминала истории в прессе, что-то связанное с новейшим поколением компьютеров. Какой-то зловещий процесс, в котором бессмертные гибридные раковые клетки изрыгали хвостатые молекулы, превращавшиеся в сгустки микросхем. Тут она вспомнила, как Пако сказал, что экран его переносного телефона — продукт «Мааса»…

Внутренность тора «Джей-Эй-Эль» была настолько невыразительной, настолько походила на любой другой аэропорт, что Марли захотелось рассмеяться. Тот же аромат духов, напряжение толпы и сильно кондиционированный воздух, тот же фоновый гул разговоров. Искусственная сила тяжести в ноль целых восемь десятых от привычной значительно облегчила бы переноску чемоданов, но весь ее багаж состоял из черной сумки. Теперь Марли вынула из застегнутого на молнию внутреннего кармана билет и сверила номер указанного на нем местного шаттла с колонками цифр, бегущих по ближайшему настенному табло.

Два часа до вылета. Что бы там ни говорил Вирек, она уверена, что его машина уже задействована, кто-то просачивается в команду шаттла или в списочный состав пассажиров, подмену облегчает денежная смазка… Кто-нибудь заболеет в последнюю минуту, произойдут какие-то подвижки в планах, несчастные случаи…

Закинув на плечо ремень сумки, она решительно зашагала через зал ожидания с вогнутым полом из белой керамики — как будто действительно знала, куда идет, или у нее имеется какой-нибудь план, — но понимая с каждым шагом, что не знает ничего.

Ее преследовал взгляд мягких голубых глаз.

— Будь ты проклят! — бросила она в пустоту, и мордастый русский бизнесмен в черном костюме с Гиндзы фыркнул и поднял ньюсфакс, отгораживая от нее свой мир.

— Так я и говорю этой сучке: «Слушай, или ты волочешь на „Сладкую Джейн“[51] все эти оптоизоляторы и коммутационные боксы, или я приклею твою задницу к переборке прокладочной пастой…»

---

[51] notes: 51

Корабль назван по песне Лу Рида «Sweet Jane» с четвертого альбома *The Velvet Underground* («Loaded», 1970).

Раздался взрыв хриплого женского смеха, и Марли подняла глаза от своего подноса с тарелочками суси. Через два пустых стола от нее сидели три женщины. Их стол был заставлен банками пива и стопками стиролоновых подносов, измазанных коричневым соевым соусом. Одна из них громко рыгнула и сделала большой глоток из своей банки.

— И как она отреагировала, Рез?

Вопрос почему-то вызвал еще один, на сей раз более продолжительный взрыв хохота, и женщина, которая привлекла внимание Марли, опустила голову на руки и хохотала, пока у нее не затряслись плечи. Марли пусто глядела на это трио, раздумывая, кто же они такие. Смех утих, и первая выпрямилась, стирая с глаз слезы. Все трое основательно пьяны, решила Марли, молоды и явно не неженки. Первая была худощавой, с резкими чертами лица: прямой тонкий нос, серые глаза широко распахнуты. Ее волосы совершенно невероятного оттенка серебра были подстрижены по-мальчишески коротко. На ней была просторная парусиновая жилетка или куртка без рукавов, вся покрытая оттопыривающимися карманами, заплатами и квадратиками липучки. Жилетка висела нараспашку, откры-

вая — как было видно с того места, где сидела Марли, — маленькую округлую грудь в, кажется, бюстгальтере из тонких черно-розовых кружев. Двое других были старше и тяжелее. Мускулы их голых рук четко вырисовывались в лившемся будто ниоткуда свете портового кафетерия.

Первая пожала плечами, под огромной жилеткой поднялись острые лопатки.

— А пошла она.

Вторая женщина снова расхохоталась, но не так буйно, как в прошлый раз, и сверилась с хронометром, приклепанным к широкому кожаному напульснику.

— Мне пора, — бросила она. — Сначала на Сион, потом восемь контейнеров с водорослью для шведов.

Отъехав вместе со стулом от стола, она встала, и Марли прочла вышитую через всю спину ее черной кожаной жилетки надпись:

О'ГРЕЙДИ – ВАДЗИМА
«ЭДИТ С.»
МЕЖОРБИТАЛЬНЫЕ
ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

За ней встала и вторая, поддергивая пояс обвисших джинсов.

— Говорю тебе, Рез, если ты позволишь этой шалаве продинамить тебя с комбоксами, пострадает твоя репутация.

— Прошу прощения, — сказала Марли, борясь с дрожью в голосе.

— Ну? — Женщина в черной жилетке без улыбки смерила ее взглядом.

— Я видела надпись на вашей жилетке, «Эдит С.». Это корабль, я хочу сказать, это космический корабль?

— Космический корабль? — подняла густые брови вторая. — Ну конечно, золотко, настоящий могучий космический корабль!

— Это буксир, — буркнула женщина в черном и повернулась, чтобы уйти.

— Я хочу нанять вас, — в отчаянии проговорила Марли.

— Нанять нас? — Теперь все трое уставились на нее. Лица пусты и никаких улыбок. — Что это значит?

Марли порылась на дне черной брюссельской сумочки и вытащила полпачки новых иен, которые ей вернул агент из бюро путешествий после того, как взял оплату за услуги.

— Я дам вам вот это…

Девушка с короткими серебряными волосами

негромко присвистнула. Женщины переглянулись, та, что была в черной жилетке, пожала плечами.

— Господи, — удивилась она, — и куда же ты собралась? На Марс?

Марли снова покопалась в сумочке, извлекла плотный квадратик синей обертки от пачки «голуаз» и протянула его женщине в черной жилетке. Та, развернув, прочла орбитальные координаты, которые Ален записал зеленой шариковой ручкой.

— Ну, за такие деньги туда заскочить недолго, — сказала она, — но мы с О'Грейди двигаем сейчас по расписанию на Сион, в двадцать три по Гринвичу. Контрактная работа. А ты как, Рез?

Она протянула бумажку сидящей девушке, которая прочла ее, подняла глаза на Марли и спросила:

— Когда?

— Сейчас, — ответила Марли. — Прямо сейчас.

Девушка оттолкнулась от стола, ножки стула заскребли по керамической плитке. Жилетка распахнулась, открыла то, что Марли приняла за черно-розовое кружево, — сплошную татуировку, которая полностью покрывала ее левую грудь.

— Ты на борту, сестренка, наличные на стол.

— Что значит: отдай ей деньги сейчас, — пояснила О’Грейди.

— Но никто не должен знать, куда мы направляемся, — сказала Марли.

Вся троица снова рассмеялась.

— Ты попала в нужные руки, — сказала О’Грейди, а Рез улыбнулась.

24
Тарань![52]

Дождь начался, когда они снова повернули на восток, в сторону дальних окраин Муравейника и выжженного пояса промышленных зон. Вода падала стеной, застилая трассу, пока Тернер не отыскал рычаг включения дворников. Руди не слишком заботился о состоянии щеток, так что Тернеру пришлось сбавить скорость. Вой турбины снизился до глухого рева. Тернер прижал ховер к обочине, юбка воздушной подушки шумно заскребла по шелухе драных шин.

— Что случилось?

— Ничего не вижу. Дворники фуфло.

Он включил фары, и с обеих сторон башни ховера вырвались четыре узких луча, быстро теряясь в плотной серой пелене. Он покачал головой.

— А почему бы нам не остановиться?

— Мы слишком близко к Муравейнику. Тут

---

[52] notes: 52

Название этой главы («Run Straight Down») через несколько лет позаимствовал калифорнийский автор-исполнитель Уоррен Зивон — так же называлась одна из песен с его вдохновленного киберпанком альбома «Transverse City» (1989). Впрочем, смысл в это название Зивон вкладывал другой: не «Тарань!», а «Пройдись по всему списку».

все патрулируется вертолетами. Они без труда просканируют идентификационную панель на крыше, увидят, что у нас номера Огайо и шасси странной конфигурации, и заинтересуются. А нам это совсем ни к чему.

— И что мы будем делать?

— Держаться обочины, пока я не смогу свернуть, чтобы подыскать какое-нибудь укрытие. Если удастся…

Он выровнял ховер, развернул его на месте, фары выхватили флюоресцентные оранжевые диагонали на вертикальном щите — указатель поворота на заброшенную служебную дорогу. Он направил ховер к щиту. Оттопыривающаяся юбка подпрыгнула, ударившись о массивный блок бетонного ограждения трассы.

— Может, и сойдет, — сказал Тернер, когда они скользнули мимо щита.

Ховер едва протискивался по узкому проему между блоками ограждения шоссе, ветки кустарника скреблись в узкие боковые окна, цепляясь за стальные пластины по бокам башни.

— Впереди свет. — Энджи подалась вперед в сетке пристежных ремней, пытаясь разглядеть что-то сквозь дождь.

Приглядевшись, Тернер различил водянистое

желтое свечение и пару одинаковых темных колонок. Рассмеялся.

— Это же заправка, — сказал он. — Осталась от старой системы магистралей, еще с тех времен, когда не проложили новую большую трассу. Там, похоже, кто-то живет. Жаль, что ховер не заправишь бензином…

Он осторожно свел машину вниз по склону из гравия. Когда они подъехали ближе, Тернер увидел, что желтый свет льется из двух прямоугольных окон. Ему даже показалось, что в одном из них мелькнула фигура.

— Захолустье, — сказал он. — Эти ребята, возможно, будут не слишком рады нас видеть.

Запустив руку под парку, он вытащил из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон» и положил его между ног на сиденье. Когда до ржавеющих бензонасосов оставалось метров пять, он посадил ховер в широкую лужу и заглушил турбины. Дождь продолжал хлестать косыми струями, но Тернер увидел, как из передней двери станции выскользнула какая-то фигура в развевающемся на ветру пончо цвета хаки. Опустив на десять сантиметров стекло, Тернер повысил голос, стараясь перекричать дождь:

— Простите за беспокойство! Нам пришлось

съехать с трассы. У нас дворники дрянь. Мы не знали, что здесь кто-то есть.

В свете из окон было видно, что мужчина прячет руки под пластиковым пончо, очевидно что-то в них сжимая.

— Частное владение, — сказал мужчина. По его худому лицу катились струйки дождя.

— Не могли оставаться на дороге! — снова крикнул Тернер. — Простите за беспокойство…

Мужчина открыл было рот, начал доставать что-то, что держал под пончо, — и вдруг его голова взорвалась. Тернеру показалось, что это случилось едва ли не раньше, чем из темноты наискось вырвалась линия красного света и чиркнула человека по затылку. Лучик толщиной с карандаш небрежно скользнул по стене, как будто кто-то играл с фонариком. Алый всплеск, прибитый к земле дождем, — это фигура рухнула на колени и упала лицом вниз. Из-под пончо выкатился обрез дробовика «Сэвидж-410» с рукоятью, оплетенной проволокой.

Тернер даже не осознал, что двигается, но обнаружил, что успел запустить турбины, перебросить рулевую колонку Энджи и теперь выпутывается из ремней безопасности.

— По моей команде протаранишь заправку.

Он вскочил на ноги, дернул рычаг, открывающий люк на крыше, тяжелый револьвер уже зажат в руке. Рев черной «хонды» накрыл его, едва только откинулась крышка люка, — над головой мелькнула снижающаяся тень, еле видимая за пеленой дождя.

— Давай!

Он нажал на курок еще до того, как Энджи бросила ховер вперед — на стену старой заправочной станции. От отдачи его локоть ударился о бронированную крышу кабины и онемел. Где-то над головой с отрадным хлопком разорвалась пуля. Энджи поддала газу, и они врезались в деревянную постройку так быстро, что у Тернера едва хватило времени убрать голову и плечи назад в люк. Что-то в доме взорвалось, вероятно газовый баллон, ховер занесло влево. Энджи выровняла машину, и они прошили вторую стену.

— Куда? — крикнула она, перекрывая вой турбины.

Как будто в ответ, взметнув серебряную простынь дождя и крутясь штопором, в двадцати метрах перед ними упал черный вертолет «хонда». Тернер перехватил у девочки управление, и ховер, подняв десятиметровые фонтаны воды, рванулся вперед. Они ударили легкий боевой

вертолет прямо в лоб поликарбоновой кабины. Легированный фюзеляж от столкновения смялся как бумага. Тернер подал назад и ударил снова, теперь на большей скорости. Сломанный вертолет вдавился в стволы двух мокрых серых елей и замер между ними, словно какая-нибудь длиннокрылая муха.

— Что случилось? — Энджи уткнула лицо в колени. — Что случилось?

Выкинув из бардачка в двери регистрационные документы и пыльные солнечные очки, Тернер нашел фонарь, проверил батареи.

— Что случилось? — механически повторяла Энджи, будто заело пластинку. — Что случилось?

С револьвером в одной руке и фонариком в другой Тернер снова выбрался через люк. Дождь моросил. Тернер спрыгнул на юбку ховера, перескочил через бампер вниз, где оказался по колено в воде, и похлюпал в сторону смятых черных винтов «хонды».

Резкая вонь вытекающего авиатоплива. Поликарбоновая кабина раскололась как яичная скорлупа. Он навел «смит-и-вессон» и дважды нажал большим пальцем клавишу подствольника. Две беззвучные вспышки безжалостного света выхватили из темноты потрескавшийся пластик,

за ним — кровь и покореженные тела. Тернер переждал минуту, потом зажег фонарь. Двое. Он подошел ближе, держа фонарь как можно дальше от тела — старая привычка. Никакого движения. Запах вытекающего горючего становился все сильнее. Тернер потянул на себя крышку люка. Она открылась. На обоих — очки с выпуклыми линзами фотоумножителей. Круглый пустой глаз лазера смотрел прямо в ночь. Тернер коснулся потертой цигейки на воротнике летной куртки трупа. В белом луче фонаря кровь, покрывавшая его бороду, казалась очень темной, почти черной. Это был Оуки. Тернер перевел луч влево и увидел второго. Пилот оказался японцем. Тернер качнул фонарь назад и возле ботинка Оуки нашел черную плоскую фляжку. Поднял ее, засунул в карман парки и побежал обратно к ховеру. Несмотря на дождь, по обломкам бензозаправки уже бегали язычки оранжевого пламени. Он взобрался на бампер ховера, в два шага одолел капот, потом снова вверх и, наконец, через люк — в кабину.

— Что случилось? — сказала Энджи, будто он не уходил. — Что случилось?

Он упал на сиденье и, не тратя времени на ремни, запустил турбины.

— Это был вертолет «Хосаки», — сказал он, разворачивая машину. — Они, должно быть, следовали за нами. У них был лазер. Они дожидались, когда мы свернем с трассы. Не хотели оставлять для копов трупы. Когда мы заехали сюда, они уже приготовились напасть, но, судя по всему, решили, что этот несчастный придурок на нашей стороне. А может, просто убирали свидетеля…

— Его голова, — голос у нее дрожал, — его голова…

— Это лазер, — ответил Тернер, выезжая задом на служебную дорогу; дождь почти перестал. — Пар. Мозг испаряется, и череп разрывает…

Энджи перегнулась пополам, ее вырвало. Тернер вел машину одной рукой, в другой держал фляжку Оуки. Оторвав зубами притертую пробку, хлебнул бурбона.

Когда они достигли обочины трассы, горючее «хонды» наконец отыскало дорожку к костру на месте разрушенной бензоколонки, и крутящийся огненный шар вновь напомнил Тернеру недостроенный городок в пустыне, вспышки осветительных ракет, побелевшее небо и сверхзвуковой истребитель, уходящий к границе Соноры.

Энджи выпрямилась, утерла рот тылом руки. Ее начало трясти.

— Надо убираться отсюда, — сказал Тернер, снова поворачивая на восток.

Девочка ничего не ответила, и он, скосив глаза, увидел, что она опять застыла, выпрямившись на сиденье, глаза в слабом свете приборов — совершенно белые, лицо пусто. Он видел ее такой в спальне у Руди, когда Салли позвала их взглянуть на то, что там происходит. И вот теперь тот же наплыв невесть какого языка, мягкое бормотание выплевываемых фраз, похожих по звучанию на какое-нибудь французское наречие. У него нет магнитофона, нет времени, ему нужно вести машину…

— Держись, — сказал он, прибавляя скорость, — с тобой будет все в порядке…

Конечно же, она его вообще не слышит. Зубы у нее стучат, мелкая дробь пробивается даже сквозь вой турбины. Нужно остановиться, подумал он, остановиться ровно настолько, чтобы успеть засунуть ей что-нибудь между зубов — бумажник или свернутую тряпку. Руки девочки конвульсивно дергали ремни.

— Больное дитя в доме моем.

Ховер едва не съехал с трассы, когда Тернер

внезапно услышал этот голос, исходивший из гортани девочки, — глубокий, низкий, странно тягучий.

— Я слышу, как бросают кости, разыгрывая ее кровавое платье. Много есть рук, что копают ей могилу сегодня, и тебе тоже. Враги молятся о твоей смерти, наемный человек. Они молятся до седьмого пота. Их молитвы — река лихорадки. — И потом какой-то скрип, который мог быть смехом.

Тернер рискнул скосить глаза вправо и увидел, как с застывших губ девочки сочится серебряная нить. Мускулы ее лица исказила странная неведомая маска.

— Кто ты?

— Я — Владыка Дорог.

— Чего ты хочешь?

— Это дитя. Пусть она станет мне лошадью и как человек будет жить в городах людей. Это хорошо, что ты едешь на восток. Отвези ее в свой город. Я снова оседлаю ее. А с тобой, стрелок, едет Самеди. Он — ветер, что ты держишь в своих руках, но он переменчив, этот Властитель Кладбищ, не важно, сколь верно ты служил ему…

Тернер повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как тело девочки безвольно повалилось на

бок, голова запрокинулась, челюсть отвисла.

25
Фоннаты и готики

— С вами говорит автоответчик Финна, — сказал динамик под экраном, — а самого Финна здесь нет. Хотите что-то скачать — код доступа вам уже известен. Хотите оставить сообщение — валяйте.

Поглядев с полминуты на изображение на экране, Бобби медленно покачал головой. Большинство автоответчиков для видеотелефонов обычно снабжены косметическими субпрограммами, призванными в меру сил подогнать видеопортрет владельца под общепринятые каноны красоты: стирают родимые пятна и неуловимо меняют очертания лица, чтобы соответствовали идеализированной статистической норме. Ничего более странного, чем гротескные черты Финна после обработки косметической программой, Бобби в жизни не видел, — как будто кто-то прошелся по физиономии дохлого суслика целым набором цветных карандашей, да еще вкатил пару инъекций парафина, как это обычно делают в похоронной конторе.

— Это неестественно, — сказал Джаммер, при-

хлебывая скотч.

Бобби кивнул.

— У Финна, — продолжал Джаммер, — боязнь открытого пространства, агорафобия. Весь покрывается сыпью, стоит ему выйти из этого его хламовника. К тому же он телефонный маньяк: не может не ответить на звонок, если он дома. Я начинаю думать, что эта сучка права. Лукас мертв, и на подходе какие-то серьезные дела…

— Сучка, — сказала из-за бара Джекки, — точно знает.

— Она знает, — повторил Джаммер, ставя пластиковый стакан и теребя галстук-бабочку, — она знает. Разговаривала с чертом в матрице, так что она знает…

— Ну, Лукас не отвечает, и Бовуар не отвечает, так что, возможно, она права. — Бобби потянулся и отключил телефон, когда автоответчик писком сигнализировал, что пошла запись.

Джаммер успел облачиться в плиссированную рубашку, белый смокинг и черные брюки с атласным рантом по штанине — Бобби решил, что это его рабочая одежда для клуба.

— Никого, — сказал он вдруг, переводя взгляд с Бобби на Джекки. — Где Богус и Шарки? Где официантки?

— Кто такие Богус и Шарки? — спросил Бобби.

— Бармены. Мне это не нравится. — Встав со стула, он подошел к двери и осторожно отодвинул краешек шторы. — Что, черт побери, тут делают эти недоноски? Эй, Счет, это, пожалуй, по твоей части! Подойди сюда…

Бобби встал, исполненный самых дурных предчувствий — ему вовсе не хотелось рассказывать Джекки и Джаммеру, как он дал увидеть себя Леону, поскольку не хотел выглядеть вильсоном, — и подошел к владельцу клуба.

— Давай. Глянь-ка. Только чтобы тебя не увидели. Они так усиленно делают вид, что не наблюдают за нами, аж запах чувствуется.

Бобби подвинул штору, стараясь не раздвигать щелку больше чем на сантиметр, и выглянул наружу. Пеструю толпу покупателей, такое ощущение, почти полностью сменили готики с черными гребнями, в шипованной коже, и — это его просто ошеломило — примерно столько же золотоволосых фоннатов. Фоннаты были облачены в хлопковые одежды модного на этой неделе в Синдзюку оттенка и белые мокасины с золотыми пряжками.

— Не знаю, — Бобби ошеломленно поглядел на Джаммера, — но они не должны быть вместе,

фоннаты и готики, понимаешь? Они естественные враги, это у них вроде как в генах… — Он выглянул еще раз. — Черт побери, да их тут под сотню.

Джаммер глубоко засунул руки в карманы черных брюк.

— Ты знаешь кого-нибудь из этих парней?

— Готиков, болтаю с ними иногда. Правда, их трудно отличить одного от другого. Что до фоннатов, то эти просто давят все вокруг, что не они. Вот этим они в основном и занимаются. Хотя… меня только что порезали долики, а у доликов с готиками вроде же перемирие, так что кто знает?

Джаммер вздохнул:

— Ясно. Думаю, тебе не хочется выйти туда, спросить кого-нибудь, что они тут, по их мнению, затевают?

— Нет, — серьезно ответил Бобби, — не хочется.

— Гм. — Джаммер поглядел на Бобби, явно что-то просчитывая. И это Бобби определенно не понравилось.

С высокого черного потолка упал какой-то маленький предмет, громко звякнув об один из круглых столов. Предмет подпрыгнул, ударился о ковер и, прокатившись с метр, остановился меж-

ду новых ботинок Бобби. Бобби машинально за ним нагнулся, поднял. Это оказался старомодный болт с крестообразной прорезью в шляпке. Резьба проржавела, на шляпке — сгусток тускло-черной масляной краски. Бобби поднял глаза, когда второй такой же болт ударился о стол, а потом краем глаза уловил пугающе стремительное движение Джаммера, метнувшегося через стойку бара возле универсального кредитного модуля. Джаммер исчез, вслед за этим послышался слабый звук чего-то рвущегося — липучка, — и Бобби понял, что Джаммер уже сжимает в руке массивный пистолет, который он видел там несколько часов назад. Бобби огляделся по сторонам, но Джекки нигде не было видно.

На огнеупорную пластмассу стола хлопнулся третий болт.

Бобби в растерянности помедлил, но потом последовал примеру Джекки и, двигаясь как можно тише, убрался из виду. Пригнувшись за одной из деревянных ширм, он смотрел, как падает четвертый болт, за которым последовал изящный каскад тонкой черной пыли. Раздался скрежет, и внезапно в потолке исчез стальной квадрат, втянувшись в какую-то трубу. Бобби быстро глянул в сторону бара, как раз вовремя, чтобы увидеть,

как нацелился вверх толстый дульный тормоз на стволе Джаммеровой пушки…

Теперь из отверстия свесилась пара худых коричневых ног, а за ними — испачканный пылью подол серого балахона.

— Стой! — крикнул Бобби. — Это Бовуар!

— А то как же, он самый, — отозвался голос сверху, густой и гулкий, усиленный эхом из трубы. — Уберите у меня из-под ног этот чертов стол.

Бобби выбрался из-за ширмы и оттащил стол и стулья в сторону.

— Лови.

Спустив в отверстие туго набитый сверток, обернутый маскировочным брезентом, Бовуар дал ему упасть. Увесистая ноша едва не свалила Бобби с ног.

— А теперь уйди с дороги… — Бовуар повис на обеих руках, потом спрыгнул.

— Что стряслось с «кричалкой», которая у меня там стояла? — осведомился Джаммер, вставая из-за стойки, все еще с пистолетом в руках.

— Вот она, — ответил Бовуар, кидая на ковер тускло-серую плитку феноловой смолы, обмотанную тонкой черной проволокой. — Просто у меня не было другого способа пробраться сюда так,

чтобы об этом не узнала целая армия засранцев. Судя по всему, кто-то снабдил их чертежами всего здания, но эту трубу они пропустили.

— Как ты забрался на крышу? — спросила, выходя из-за ширмы, Джекки.

— А я и не забирался, — добродушно отозвался Бовуар, поправляя длинным пальцем большую пластмассовую оправу на переносице. — Метнул мономолекулярную нить со склада напротив, потом соскользнул на керамическом карабине… — В коротких, похожих на ворс волосах Бовуара застряла черная пыль. Он мрачно поглядел на танцовщицу. — Уже знаешь, — сказал он.

— Да. Легба и Папа Огу в матрице. Мы с Бобби на пару подключились с деки Джаммера…

— Ахмеда взорвали на джерсийском фривее. Похоже, пальнули из такого же ракетомета, из какого разнесли квартиру матушки Бобби.

— Кто?

— Еще не уверен, — сказал Бовуар и, присев рядом со свертком, щелкнул пластиковыми застежками упаковочных ремней, — но начинает проясняться… Пока я не узнал, что Лукаса прикончили, я как раз гонялся за доликами, которые обнесли Бобби на деку. Скорее всего, это была чистая случайность, обычный гоп-стоп, но сейчас

где-то бродит пара доликов с нашим ледорубом… Собственно, идея довольно здравая, среди доликов тоже ведь есть хотдоггеры, и они иногда ведут по мелочи дела с Дважды-в-День. Так что мы с Дважды-в-День нарезаем круги и выспрашиваем. Толку ноль, но как раз когда мы сидим у одного обдолбанного долика по имени Аликс — он второй зам военачальника, или как там у них это называется, — так вот, тут-то ему звонят. Звонит его антипод, которого Дважды-в-День вычислил как барритаунского готика по имени Реймонд. — Не переставая говорить, Бовуар распаковывал свой мешок, выкладывая на стол оружие, инструменты, боеприпасы, мотки проводов. — Реймонду надо срочно что-то обсудить, но Аликс слишком крутой, чтобы говорить в нашем присутствии. «Извините, джентльмены, но это дело строго между военачальниками», — говорит этот мудень. Так что — щелк — мы просим позволения нашим скромным персонам удалиться, расшаркиваемся, раскланиваемся, прочая дребедень, и смываемся за угол. Звоним с мобильника Дважды-в-День нашим ковбоям в Муравейнике, чтобы натравить их на номер Аликса, в темпе вальса. Эти ребята вошли в разговор Аликса с Реймондом как нож в масло. — Он вытащил из мешка

странно деформированный дробовик двенадцатого калибра, едва длиннее его локтя, выбрал толстенный барабанный магазин из выставки, которую сам же устроил на ковре, и щелчком соединил обе части. — Видели когда-нибудь такую хреновину? Юаровская, довоенная… — Что-то в его голосе и в том, как сжались его челюсти, заставило вдруг Бобби осознать, какую ярость Бовуар в себе сдерживает. — Похоже, на Реймонда вышел какой-то мужик с большими деньгами, сказал, что хочет нанять всех готиков на корню, всю свору, мол, нужно поехать в Муравейник, устроить там настоящую массовку. И массовка мужику этому нужна такая массовая, что он собирается нанять и фоннатов тоже. Ну, тут дерьмо попало в вентилятор, потому что Аликс — он вроде как консерватор. Хороший фоннат — мертвый фоннат, и то только после энного числа пыток, и так далее. «По фигу, — говорит истинный дипломат Реймонд, — мы здесь говорим о больших деньгах, корпоративный масштаб». — Бовуар открыл коробку с толстыми патронами из красного пластика и начал заряжать барабанный магазин, со щелчком загоняя патроны. — Так вот, это, конечно, может быть, и притянуто за уши, но у меня все не выходят из головы эти «маасовские»

пиарщики, которые мелькали последнее время в новостях. Что-то совсем странное стряслось на площадке «Маас-Биолабс» в Аризоне. Одни говорят, ядерный взрыв, другие — мол, что-то еще. А теперь объявили, что их главный по биософту погиб в результате, как они это назвали, несчастного случая, не связанного с данными событиями. Речь о Митчелле, этот парень, в общем-то, и изобрел биософты. До сих пор никто больше и вида не пытался делать, что может собрать биочип, вот мы с Лукасом с самого начала и подумали, что наш ледоруб — изделие «Мааса». Если, конечно, это был ледоруб… Мы понятия не имели, у кого Финн его купил или где его взяли те люди. Но если сложить два и два, получается, нас ищет с собаками именно что «Маас». Здесь-то они всех нас и прихлопнут, потому что деваться нам отсюда некуда.

— Не знаю, — подал голос Джаммер, — у нас полно друзей в этом здании…

– *Было* полно. — Бовуар положил обрез на пол и начал заряжать автоматический пистолет «намбу». — Большинство лавок на этом этаже и этажом ниже сегодня выкупили. За наличные. Мешки наличных. Здесь осталось несколько горячих голов, но их явно недостаточно.

— Бессмыслица какая-то. — Забрав у Джаммера стакан, Джекки залпом выпила его скотч. — Что у нас может быть такого, чтобы кто-то так хотел это заполучить?

— Эй, — вмешался Бобби, — не забывай, они, наверное, не знают, что долики увели у меня их ледоруб. Может быть, им нужен он.

— Нет, — сказал Бовуар, загоняя магазин в «намбу», — откуда им знать, что ты не спрятал его в квартире матери, так?

— Но, может, они были там и посмотрели…

— А откуда они знали, что Лукас не вез его в Ахмеде? — спросил Джаммер, возвращаясь к бару.

— Финн тоже думал, к нему подослали этих ниндзя, чтобы его убить, — сказал Бобби. — Но говорил, сперва они явно собирались что-то у него выпытать…

— Снова «Маас», — сказал Бовуар. — Короче, вот что, значит, за история с фоннатами и готиками. Мы узнали бы больше, но долик Аликс полез в залупу и отказался от переговоров с Реймондом. Никакого, мол, сотрудничества с ненавистным врагом. Насколько разобрал наш ковбой, армию, которая торчит там, снаружи, собрали для того, чтобы никого из вас отсюда не выпустить. И не впускать людей вроде меня. Людей с оружием и

всяким таким. — Он передал заряженную «намбу» Джекки. — Стрелять умеешь? — спросил он Бобби.

— Конечно, — солгал тот.

— Нет, — вмешался Джаммер, — у нас и без того хватает неприятностей, чтобы еще и вооружать его. Господи Исусе…

— Короче, такое ощущение, — подвел итог Бовуар, — что следует ждать кого-то еще, кто придет по наши души. Кого-то чуть более профессионального.

— Если они только не взорвут к чертям собачьим весь «Гипермаркт», — сказал Джаммер, — вместе со всеми этими зомби в коже…

— Нет, — сказал Бобби, — иначе они бы это уже сделали.

Все разом уставились на него.

— Мальчик дело говорит, — сказала Джекки, — ну надо же.

Полчаса спустя.

Джаммер мрачно смотрел на Бовуара:

— Скажу как на духу. Это самый идиотский план, какой мне приходилось слышать за очень долгое время.

— Да, Бовуар, — вмешался Бобби, — а почему бы нам просто не проползти вверх по этой же

шахте, вылезти на крышу и не перебраться на соседнее здание? Использовать ту нить, по которой перешел ты.

— Там, на крыше, фоннатов — как мух на навозе, — сказал Бовуар. — И у некоторых могло даже хватить мозгов, чтобы найти люк, через который залез я. А еще я по дороге оставил пару мелких осколочных мин. — Он плотоядно ухмыльнулся. — А кроме того, соседнее здание выше нашего. Мне пришлось подняться на его крышу и выстрелить нитью вниз. Нельзя пройти, переставляя руки по мономолекулярной нити, — пальцы отвалятся.

— Как тогда, черт побери, мы, по-твоему, отсюда выберемся? — вопросил Бобби.

— Хватит, Бобби, — тихонько сказала Джекки. — Бовуар сделал то, что должен был сделать. Теперь он здесь, и мы вооружены.

— Бобби, — предложил Бовуар, — почему бы тебе не повторить нам план, убедиться, что мы его поняли…

У Бобби возникло неприятное чувство, что Бовуар хочет на самом деле убедиться, понял ли этот план он, Бобби, но он облокотился о стойку бара и начал:

— Мы вооружаемся до зубов, и мы ждем, так?

Джаммер и я выходим с его деки и обследуем матрицу, может, поймем, что происходит…

— Думаю, я сам с этим справлюсь, — вмешался Джаммер.

— Мать твою! — Бобби оттолкнулся от стойки. — Бовуар же сказал! Я тоже хочу выйти и подключиться! Как еще я чему-то научусь?

— Не важно, Бобби, — прервала его Джекки, — продолжай.

— Ладно, — хмуро сказал Бобби. — Итак, рано или поздно те ребята, которые наняли фоннатов и готиков, чтобы мы отсюда не вылезли, должны за нами прийти. Когда они явятся, мы их встретим. Захватим хотя бы одного живым. В то же время мы рвем наружу — готики и все прочие залповой стрельбы не ожидают, так что мы выбираемся на улицу и руки в ноги к Новостройкам.

— Думаю, ничего вроде не забыл, — сказал Джаммер, направляясь к запертой и зашторенной двери. — Думаю, это подводит черту. — Он прижал большой палец к запору кодового замка и приоткрыл дверь. — Эй, ты! — проорал он. — Не ты! Тот, в шляпе! Тащи сюда свою задницу. Надо поговорить.

Красный лучик прорезал дверь, штору, два пальца Джаммера и мигнул у бара. Взорвалась

бутылка, ее содержимое выплеснулось облаком пара и эфирных масел. Джаммер выпустил дверь, которая тут же захлопнулась, и уставился на свою искалеченную руку, потом тяжело осел на ковер. Клуб медленно наполнился рождественским запахом кипяченого джина. Бовуар, взяв со стойки серебристый сифон, заливал дымящуюся штору сельтерской, пока не иссяк патрон с углекислым газом.

— Тебе повезло, Бобби, — сказал Бовуар, отбрасывая сифон через плечо. — Потому что брат Джаммер… не стучать ему по деке…

Джекки, опустившись на колени, тихонько кудахтала над рукой Джаммера. Бобби мельком увидел обожженное мясо и быстро отвел глаза.

26
Виг

— Знаешь, — сказала Рез, вниз головой зависая перед Марли, — строго говоря, это не мое дело, но тебя там вообще кто-нибудь ждет? Я хочу сказать, я тебя, конечно, туда отвезу, а если ты не сможешь попасть внутрь, заберу обратно на терминал. Но если никто не захочет тебя впустить, не знаю, сколько я смогу там проторчать. Эта штуковина — настоящая развалина, а на заброшенных станциях у нас тут селится всякий странный народ…

Рез, или Тереза, как решила Марли, глянув на затянутую в ламинированный пластик лицензию пилота, что висела на зажиме возле пульта управления «Сладкой Джейн», на время полета сняла свою парусиновую жилетку.

Марли, отупев от радуги дермов, которые Рез налепила ей вдоль запястья, чтобы снять неизбежную при синдроме адаптации тошноту, вяло рассматривала татуированную розу. Рисунок был выполнен в японском стиле многовековой давности, и Марли сонно решила, что роза ей нравится. Что в общем ей нравится и сама Рез, в

которой было что-то и жесткое, и одновременно детское и которая так трогательно заботилась о своей странной пассажирке. Рез повосхищалась ее кожаной курткой и сумочкой, прежде чем, свернув, затолкать их в какую-то нейлоновую сетку, уже набитую кассетами, печатными книгами и грязным бельем.

— Не знаю, — выдавила Марли. — Мне просто нужно попытаться попасть внутрь…

— А ты знаешь, что это за штука, сестренка? — Рез поправляла ремни противоперегрузочной сетки вокруг плеч и запястий Марли.

— Какая штука? — Марли моргнула.

— Та, куда мы летим. Это часть старых сердечников Тессье-Эшпулов. В этой жестянке хранилась раньше их корпоративная память…

— Я о них слышала, — сказала Марли, закрывая глаза. — Андреа мне говорила…

— Конечно, кто о них не слышал. Когда-то они владели всем Фрисайдом. Построили его, если уж на то пошло. А потом они сбрендили и все распродали. Приказали отпилить с конца веретена семейное гнездо и оттащили его на другую орбиту, а сердечники перед уходом стерли подчистую, тоже отпилили и продали на металлолом. Но жестянщики так за них и не взялись. Я никогда

не слышала, чтобы кто-нибудь их засквотил, но здесь, наверху, живешь где можешь… И не только наверху, пожалуй. Вот, скажем, поговаривают, что леди три-Джейн, дочка старого Эшпула, что она так и живет в их старой развалине, только совсем из ума выжила. — Рез последний раз с ловкостью профессионала подтянула сетку. — Порядок. Просто расслабься. Я раскочегарю «Джейн» минут на двадцать, будет тяжко, но долетим в момент. За что, сдается мне, ты и платишь…

И Марли скользнула назад в сложенный из шкатулок ландшафт, повсюду — огромные деревянные конструкции Корнелла, где весомые осадки любви и памяти выставлены за исчерченными дождем листами пыльного стекла, а фигура загадочного шкатулочника все убегала от нее вдаль по улице, вымощенной мозаикой из человеческих зубов, парижские сапоги Марли слепо стучали по символам, выведенным тусклыми золотыми коронками. Шкатулочник был мужчиной, и на нем была зеленая куртка Алена, и больше всего на свете он боялся ее, Марли. «Прости меня! — кричала она, пытаясь догнать его. — Мне очень жаль…»

— Ну а я что говорю? Тереза Лоренс, «Сладкая Джейн». Хочешь номерб? Что? Ну да, конечно,

мы — пираты. Я, например, капитан, мать его, Крюк[53] собственной персоной… Слушай, приятель, давай я дам тебе номера, сам можешь проверить… Я уже сказала. У меня пассажир. Просит разрешения войти и *et*, черт побери, *cetera*…[54] Марли там Какая-то, во сне говорит по-французски…

Веки Марли дрогнули, раскрылись. Прямо перед ней в своей сетке колыхалась Рез. На ее спине четко выделялся каждый маленький мускул.

— Эй, — сказала Рез, изворачиваясь в ремнях, — прости. Я их уже вызвала, но с головой они явно не очень дружат. Ты верующая?

— Нет, — ошарашенно ответила Марли.

Рез скорчила рожицу:

— Ну, надеюсь, тогда ты как-нибудь разберешься в этой чертовщине.

Выпутавшись из сетки, она крутанула заднее сальто и оказалась в нескольких сантиметрах перед лицом у Марли. От головы пилота тянулась к консоли оптическая лента, и тут впервые Марли заметила изящный небесно-голубой разъем, вживленный девушке в запястье. Рез воткнула

---

[53] notes: 53
Злой пират, герой сказочных повестей Дж. Барри о Питере Пэне.

[54] notes: 54
Так… далее *(лат.)*.

каплю динамика в правое ухо Марли и поправила свисавшую с нее прозрачную трубочку микрофона.

— Вы не имеете права тревожить нас здесь, — проговорил мужской голос. — Наш труд — на благо Господа, мы единственные, кто видел истинный лик Его!

— Алло? Алло, вы меня слышите? Меня зовут Марли Крушкова, у меня к вам неотложное дело. Или к кому-то, кто живет по этим координатам. Речь идет о серии шкатулок, коллажей. Создателю этих шкатулок, возможно, грозит страшная опасность! Я должна с ним увидеться!

— Опасность? — Голос прервался кашлем. — Господь один решает судьбу человека! Мы совершенно свободны от страха. И не считайте нас дураками…

— Прошу вас, выслушайте меня. Меня нанял Йозеф Вирек, чтобы установить, где находится создатель этих шкатулок. Но теперь я пришла, чтобы предупредить вас. Вирек знает, что вы здесь, и его агенты последуют за мной…

Рез смотрела на нее во все глаза.

— Вы должны меня впустить! Я могу рассказать вам намного больше…

— Вирек? — Последовала долгая, скрипящая

статикой пауза. — Йозеф Вирек?

— Да! — крикнула Марли. — Тот самый. Вы всю свою жизнь видели его фотографию, ну, ту, где он вместе с английским королем… Пожалуйста, прошу вас…

— Дай мне твоего пилота, — сказал голос, из которого исчезли и бравада, и истерия, уступив место чему-то, что понравилось Марли еще меньше.

— Это запасной, — сказала Рез, отщелкивая зеркальный шлем от красного скафандра. — Я могу это себе позволить, ты мне достаточно заплатила…

— Нет, — запротестовала Марли. — Правда, не надо… Я…

Она затрясла головой, глядя, как Рез распутывает крепления на поясе скафандра.

— Ты туда без скафандра не пойдешь, — отрезала Рез. — Кто его знает, что у них за атмосфера. Да и есть ли там хоть какой-то воздух! Могут быть любые бактерии, споры… В чем дело? — спросила она, опуская серебристый шлем.

— У меня клаустрофобия!

— О черт… — Рез растерянно уставилась на нее. — Я о таком слышала… Это значит, что ты боишься быть внутри чего-то? — Ее лицо выражало

неподдельное любопытство.

— Да, в небольшом замкнутом пространстве.

— Как «Сладкая Джейн»?

— Да, но… — Борясь с паникой, Марли оглядела захламленную кабину. — Это я еще могу перенести, но только не шлем. — Ее передернуло.

— Ладно, — решила Рез, — вот что я тебе скажу. Мы засунем тебя в скафандр, но шлем надевать не будем. Я научу тебя, как его закреплять. Идет? Иначе ты не покинешь мой корабль… — Рот ее сжался в плотную линию.

— Да, — выдавила Марли, — да…

— Делаем так, — сказала Рез. — Мы состыковались с ними шлюз в шлюз. Открывается этот люк, ты входишь, я его закрываю. Потом я открываю второй. В этот момент ты окажешься в том, что у них там сходит за атмосферу. Ты уверена, что не хочешь надеть шлем?

— Не хочу, — отозвалась Марли, поглядев на шлем в красных рукавицах скафандра и на отражение собственного бледного лица в зеркальном лицевом щитке.

Рез прищелкнула языком:

— Что ж, это твоя жизнь. Когда захочешь вернуться, скажи им, чтобы послали на терминал «Джей-Эй-Эль» весточку для «Сладкой Джейн»,

мне передадут.

Марли неловко оттолкнулась от стены и поплыла к люку шлюза размером не больше поставленного стоймя гроба. Грудная пластина скафандра резко звякнула, ударившись о внешний люк, и Марли услышала, как за ней с шипением закрывается внутренний. Возле ее головы зажглась желтая лампочка, и Марли почему-то подумала о лампочках в холодильнике.

— Счастливо, Тереза.

Ничего не произошло. Она была наедине с биением собственного сердца.

Потом внешний люк «Сладкой Джейн» скользнул в сторону. Небольшого перепада давления оказалось достаточно, чтобы Марли выбросило наружу в темноту, пахнувшую чем-то старым и грустно человеческим — запах давно заброшенной раздевалки. В воздухе чувствовалась какая-то густота, нечистая сырость, и, все еще падая, Марли увидела, как за ней закрывается люк «Сладкой Джейн». Мимо скользнул луч света, качнулся, прошелся по стене и наконец нашел кружащуюся волчком Марли.

— Свет! — рявкнул хриплый голос. — Свет для нашей гостьи! Джонс!

Это был тот самый голос, который она слышала

в капле-наушнике. Звук его странно отдавался в железной бескрайности этого места, пустоты, через которую она все падала и падала… Потом послышался резкий скрежет, и вдали вспыхнуло кольцо терпкой синевы, высветив дальний изгиб стены или обшивки из стали и литого лунного бетона. Поверхность стены была разлинована и испещрена картой тонко выбитых каналов и впадин, — очевидно, прежде здесь размещалось какое-то оборудование. В одних выемках еще держались шероховатые прокладки из расширяющегося пенопласта, другие терялись в мертвой черной тени…

— Зааркань-ка ее, Джонс, пока она не раскроила себе череп…

Что-то с влажным чмоканьем ударилось о плечо скафандра, и Марли, повернув голову, увидела прилипший плевок прозрачного пластика, за которым петляла тонкая розовая нить. На глазах та натянулась и рывком развернула ее. Пространство заброшенного собора наполнилось натужным стоном мотора, и медленно-медленно ее стали подтягивать, как улов.

— Однако подзадержались, — сказал голос. — Я все думал, кто будет первым. Так, значит, Вирек… Мамона…

Тут ее подхватили, несколько раз повернули. Марли едва не потеряла шлем, который поплыл было прочь, но кто-то сунул его ей обратно в руки. Сумочка, в которую Рез пихнула куртку и ботинки, описала дугу и врезалась Марли в висок.

— Кто вы? — спросила Марли.

— Лудгейт! — прогрохотал старик. — Виган Лудгейт, как тебе прекрасно известно. Кого еще он велел тебе здесь морочить?

Лицо старика, изборожденное морщинами, усыпанное пигментными пятнами, было чисто выбрито, но седые нестриженые волосы дрейфовали вокруг головы в приливах спертого воздуха, как морские водоросли.

— Извините, — сказала она. — Я здесь не для того, чтобы вас морочить. Я больше не работаю на Вирека… Я пришла, потому что… Я хочу сказать… я вообще уже не уверена, зачем сюда летела, но по пути я узнала, что художнику, который создает шкатулки, грозит опасность. Потому что есть что-то еще… Вирек думает, у этого художника есть что-то, что освободит его, Вирека, от рака…

Марли запуталась и умолкла, слова увязли в атмосфере безумия, которую ощутимо источал Виган Лудгейт. Теперь она увидела, что старик облачен в потрескавшийся пластмассовый панцирь

древнего рабочего скафандра. На потускневшую сталь кольца под шлем были ожерельем налеплены дешевые металлические распятия. Его лицо оказалось вдруг совсем близко, и Марли ощутила запах гнилых зубов.

— Шкатулки! — Маленькие шарики слюны сворачивались у его губ, повинуясь элегантным законам Ньютоновой физики. — Блудница! Они — из длани Господней!

— Полегче, Луд, — раздался второй голос, — ты пугаешь даму. И вы полегче, леди, потому что старый Луд… ну, у него не так уж много бывает гостей. Совсем выбивают его из колеи, видите ли, но в общем и целом он безобидный старый хрен.

Повернув голову, она встретила веселый и спокойный взгляд широко распахнутых голубых глаз на довольно юном лице.

— Меня зовут Джонс, — сказал парнишка. — Я тоже тут живу…

Виган Лудгейт запрокинул голову и завыл. Звук диким эхом отразился от стен из стали и камня.

— Видите ли, — говорил Джонс, пока Марли подтягивалась вслед за ним по тросу с узлами, натянутому вдоль коридора, которому, казалось, не будет конца, — он обычно довольно смирный. Слушает свои голоса, всякое такое. Разговаривает

сам с собой, а может, с голосами, не знаю. А потом на него вдруг находит, и он становится вот таким, как только что…

Когда он замолкал, Марли еще могла слышать слабое эхо завываний Лудгейта.

— Вы скажете, это, мол, жестоко, ну… то, что я его так оставляю. Но на деле так лучше. Он вскоре сам устанет. Проголодается. И тогда пойдет искать меня. Есть-то хочется, понимаете.

— Ты австралиец? — спросила Марли.

— Из Нью-Мельбурна, — ответил он, — или был, пока не поднялся по колодцу.

— Ты не против, если я спрошу, почему ты здесь? Я хочу сказать, здесь, в этом, этом… Что это?

Парнишка рассмеялся:

— Обычно я называю это Местом. Луд, он зовет его всякими разными именами, но в основном Царством. Считает, что нашел Бога. Правда-правда. Может, и нашел, если смотреть на это с такой точки зрения. Насколько я понял, до того как подняться по колодцу, он был кем-то вроде компьютерного мошенника. Не знаю, как именно его сюда занесло, однако старикана здешняя жизнь устраивает… Что до меня, то я в бегах, понимаете? Кое-какие неприятности, не будем

вдаваться в подробности, — пришлось уносить ноги, да подальше. Ну так вот, я очутился здесь — а как, это уже отдельная долгая история — и нашел старого Лудгейта, который почти подыхал с голоду. У него был тут вроде какой-то бизнес, ну, продавал всякие вещички, какие находил в мусоре, и эти шкатулки, за которыми вы охотитесь. Правда, Луд для этого слишком уж сбрендил. Его покупатели появляются, ну, скажем, три раза в год, а он возьмет да и отошлет их прочь. Так вот, я и подумал, все равно, где прятаться, что здесь, что там, а потому я стал помогать ему. Вот и все, я думаю…

— Ты не мог бы отвести меня к художнику? Он здесь? Это очень срочно…

— Отведу, не бойтесь. Но это место строилось-то не для людей. Я хочу сказать, не для того, чтобы здесь жить, так что идти нам долго… Ну да никуда он не денется. Не могу гарантировать, что он сделает вам шкатулку. А вы правда работаете на Вирека? На этого суперпупербогатого старого пня из телевизора? Он ведь бош, да?

— Работала, — ответила Марли. — Несколько дней. А что до национальности, я бы сказала, что герр Вирек — единственный гражданин нации, состоящей из герра Вирека…

— Усек, — весело отозвался Джонс. — Все они одинаковы, это богатое старичье, хотя смотреть на них гораздо веселее, чем на какое-нибудь чертово дзайбацу… Ну разве бывает, чтобы дзайбацу покоцали, а? Возьмем старого Эшпула — мой земляк был, — который все это построил. Говорят, собственная дочь ему горло перерезала, а теперь она так же сбрендила, как старый Луд, забилась куда-то в своем фамильном замке. Место ведь было когда-то частью этого замка.

— Рез… я хочу сказать, мой пилот что-то такое говорила. И моя подруга в Париже недавно упоминала Тессье-Эшпулов… Клан… рассыпался?

— Рассыпался? О господи! Да просто псу под хвост! Сами подумайте: мы с вами ползем через то, что когда-то было сердечниками баз данных всей корпорации. Это железо скупил какой-то посредник из Пакистана. С обшивкой все в порядке, и в микросхемах полно золота, но его не так легко извлечь, как кое-кому хотелось бы… Эта огромная хреновина так и висит здесь с тех самых пор, один лишь Луд для компании — или, наоборот, она для компании Луду. Пока не пришел я. Вот так. Думаю, однажды сюда поднимутся бригады из Пакистана и примутся резать… Но забавно, как много всего тут до сих пор работает, по крайней

мере иногда. Слышал я одну байку, она меня сюда и привела. Хотя Тессье-Эшпулы якобы стерли тут всю память…

— Но ты думаешь, сердечники еще исправны?

— Господи, да. Так же как и Луд, если, конечно, можно называть это исправностью. Что, по-вашему, представляет собой этот ваш шкатулочник?

— Ты что-нибудь знаешь о «Маас-Биолабс»?

— «Мосс» что?

— «Маас». Они делают биочипы…

— А, эти. Ну это, пожалуй, все, что я о них знаю…

— Лудгейт о них говорит?

— Может, и говорит. Не то чтобы я его внимательно слушаю. Луд много чего болтает…

27
Дыхание станций

Ховер полз по улицам, обрамленным ржавеющими штабелями мертвых машин, кранами мусорщиков и черными вышками плавилен. Тернер держался задворок, пробираясь в западный сектор Муравейника, и со временем завел ховер в узкий кирпичный каньон — бронированные борта, задевая за стены, высекали искры — и вогнал его прямо в стену покрытого сажей прессованного мусора. Оползень отбросов завалил машину почти до крыши, и Тернер отпустил управление, глядя, как из стороны в сторону раскачиваются поролоновые игральные кости. Последние двенадцать кварталов стрелка индикатора горючего колебалась на нуле.

— Что там произошло? — спросила Энджи. Ее щеки в отсветах от приборной доски были зелеными.

— Я сбил вертолет. В общем — случайно. Нам повезло.

— Нет, я имею в виду после того. Я была… Я видела сон.

— Что тебе снилось?

— Большие штуки, они двигались…

— У тебя было что-то вроде припадка.

— Я больна? Ты думаешь, я больна? Почему компания хотела убить меня?

— Нет, я не думаю, что ты больна.

Она отстегнула ремни и, перебравшись через спинку сиденья, забилась под турбину, где они спали прошлой ночью.

— Мне снился дурной сон…

Ее начала бить дрожь. Тернер выбрался из своей упряжи, пересел к девочке. Прижав ее голову к груди, он стал поглаживать ее волосы, расправил их, убрал за уши, чувствуя под рукой хрупкие кости черепа. В зеленоватом свете ее лицо принадлежало словно бы неведомому существу, выуженному из моря сна и брошенному у кромки прибоя. Молния черной кофты наполовину расстегнулась, и он провел пальцем по хрупкой ключице. Кожа была прохладной и влажной от пота. Энджи крепче прижалась к нему.

Закрыв глаза, он увидел свое тело на расчерченной солнцем кровати под медлительным вентилятором с лопастями из твердой коричневой древесины. Его тело дергалось, содрогалось, как ампутированная конечность; голова Элиссон

была запрокинута, рот открыт, губы разошлись, обнажая зубы.

Энджи вжалась лбом в ямку у него на шее.

Потом она вдруг оцепенела и со стоном откачнулась назад.

— Наемный человек, — произнес голос.

Тернер вдруг вновь очутился на сиденье водителя, ствол «смит-и-вессона» отразил единую линию зеленого свечения приборов, в прорези прицела — левый зрачок Энджи.

— Нет, — сказал голос.

Тернер опустил револьвер.

— Ты вернулся.

— Нет. С тобой говорил Легба. Я — Самеди.

— Суббота?

— Барон Суббота, наемный человек. Однажды ты встретил меня на горном склоне. Кровь покрывала тебя росой. В тот день я вдоволь испил из чаши твоего сердца. — Тело девушки неистово содрогнулось. — Ты хорошо знаешь этот город…

— Да. — Тернер смотрел, как напрягаются и расслабляются мускулы ее лица, сплавляя черты в новую маску…

— Прекрасно. Оставь железного коня здесь, как и собирался. Но следуй станциями на север. В Нью-Йорк. Этой ночью я поведу тебя и лошадь

Легбы, и ты убьешь во имя мое…

— Убью кого?

— Того, кого ты мечтаешь убить, наемный человек.

Энджи слабо застонала, ее передернуло, она начала всхлипывать.

— Все в порядке, — сказал Тернер. — Мы на полпути домой.

Бессмысленные слова, подумал он, когда помогал Энджи выбраться из ховера; у них вообще нет никакого дома. Он нащупал в кармане парки коробку с патронами и загнал один в барабан, на место того, которым сбил «хонду». Порывшись в багажнике, нашел там ящик с инструментами, выбрал заляпанную краской опасную бритву и срезал с подола парки укрепляющую прокладку. Из разреза тут же взметнулись миллионы микротрубок полиизоляции. Ободрав подкладку, Тернер убрал «смит-и-вессон» в кобуру и застегнул портупею, поверх нее надел парку. Та повисла вокруг него складками, как большой, не по росту, плащ, и даже не оттопыривалась в том месте, где был спрятан массивный револьвер.

— Зачем ты это сделал? — спросила Энджи, проводя по губам тылом руки.

— Потому что на улице жарко, а мне надо спря-

тать пушку. — Он сунул набитый потрепанными новыми иенами зиплок в карман парки. — Пойдем, — сказал он, — нам еще нужно успеть на поезд…

Сконденсировавшаяся влага мерно капала с купола Джорджтауна, возведенного сорок лет спустя после того, как ослабевшее правительство сбежало в Маклин[55]. Вашингтон остался городом южан, всегда им был, и, если ехать из Бостона от станции к станции, чувствовалось, как изменяется тональность Муравейника. Деревья в округе Колумбия были зелеными и пышными. Их листва глянцем затеняла дуговые фонари, когда Тернер и Анджела Митчелл пробирались разрушенными переулками к Дюпон-Сёркл и станции «трубы». В круге гремели барабаны, кто-то набросал мусор в мраморную чашу выключенного фонтана в центре площади и поджег. Безмолвные фигуры сидели возле расстеленных на мостовой одеял, на которых раскинулся сюрреалистический ассортимент мелочной торговли: отсыревшие картонные конверты черных пластиковых аудиодисков, рядом — потертые

[55] notes: 55

Джорджтаун — здесь: старейший район Вашингтона. *Маклин* — близкий к Вашингтону городок в штате Виргиния, традиционное место обитания высокопоставленных чиновников правительства США.

протезы на батарейках с хвостами примитивных нейроадапторов, пыльный аквариум, полный продолговатых опознавательных жетонов федеральной армии, перетянутые резинками стопки поблекших почтовых открыток, дешевые индонезийские троды, все еще запаянные в пластик, разношерстные наборы солонок и перечниц, клюшка для гольфа с потертой кожаной ручкой, швейцарские армейские ножи с неполным набором лезвий, погнутая мусорная корзинка с литографией портрета президента, имя которого Тернер почти что вспомнил (Картер? Гросвенор?), расплывчатые голограммы Монумента Вашингтона…

В тени возле входа на станцию Тернер вполголоса поторговался с мальчишкой-китайцем в белых джинсах, обменяв самую меньшую из Рудиных банкнот на девять алюминиевых жетонов с вычурным штампом «СОБА-Транзит».

Два жетона открыли им вход на станцию. Три — канули в автоматы ради плохого кофе и черствых пирожков. Оставшиеся четыре понесли их на север. Поезд беззвучно скользил на магнитной подушке. Обняв девочку, Тернер откинулся на спинку сиденья, сделав вид, что дремлет, в действительности он смотрел на их отражения

в противоположном стекле: высокий мужчина, небритый, затравленного вида, сгорбился, будто признавая поражение, рядом с ним свернулась девушка с запавшими глазами. С тех пор как они вышли из тупика, где он бросил ховер, она не произнесла ни слова.

Во второй раз за последний час Тернер задумался: не позвонить ли агенту? Если необходимо кому-то доверять, гласило правило, доверяй своему агенту. Но Конрой сказал, что нанял Оуки и остальных через Тернерова агента, и это обстоятельство доверия не внушало. Где нынче Конрой? Тернер был практически уверен, что именно Конрой послал за ними Оуки с лазером. Решилась бы «Хосака» расстрелять площадку в Аризоне из электромагнитной пушки, чтобы стереть улики провалившейся попытки извлечения? И если да, то зачем приказывать Уэббер уничтожить своих же медиков, их нейрохирургический бокс и деку «Маас-Неотек»? И опять-таки, есть еще и «Маас»… Правда ли, что «Маас» убил Митчелла? Есть ли причина считать, что Митчелл действительно мертв? Да, подумал он, когда рядом в своем беспокойном сне шевельнулась девушка, причина есть: Энджи. Митчелл боялся, что «Маас» ее убьет. Он заварил всю кашу с якобы переходом к «Хо-

саке» только ради того, чтобы вытащить дочь из городка, переправить ее к японцам, не планируя собственное бегство. Или, во всяком случае, это была версия Энджи.

Тернер закрыл глаза, отключив отражение в стекле. Что-то шевельнулось — глубоко в наносах архивной памяти на Митчелла. Стыд. Он никак не мог до этого дотянуться… Внезапно Тернер открыл глаза. Что она там говорила на кухне у Руди? Что отец вложил эту штуку ей в голову, потому что она была недостаточно умной? Осторожно, чтобы не разбудить девочку, он просунул руку в боковой карман штанов и за шнурок вытянул черный нейлоновый конверт Конроя. Оторвал липучку, вытряхнул на раскрытую ладонь раздутый асимметричный биософт. Машинные сны. Американские горки. Слишком быстро, слишком чуждо, чтобы ухватить. Но если ищешь что-нибудь конкретное, вытащить это должно быть не так сложно…

Большим пальцем он выковырял заглушку из разъема и положил рядом с собой на пластик сиденья. Поезд был почти пуст, и пассажиры не обращали на него никакого внимания. Он сделал глубокий вдох, сжал зубы и вставил биософт…

Двадцать секунд спустя он это нашел. Нашел то,

за чем нырнул. Чуждость на этот раз не коснулась его — потому, вероятно, что он отправился за одной специфической деталью, фактом, именно тем видом данных, которые, как правило, и попадают в досье на ведущего ученого: коэффициент интеллекта его дочери в динамике ежегодных тестов.

Интеллект Анджелы Митчелл был намного выше нормы. Причем с самого раннего детства.

Вытащив биософт из разъема, Тернер рассеянно покрутил его между большим и указательным пальцем. Стыд. Митчелл, и стыд, и выпускной курс… Оценки, подумал он, мне нужны оценки этого ублюдка. Мне нужна копия его аттестата.

Он снова вошел в досье.

Ничего. Он зацепил аттестат, но там не было того, что он искал.

Нет. Еще.

Еще…

— Черт побери, — пробормотал он, наконец поняв.

Бритоголовый подросток с сиденья через проход бросил на него недоуменный взгляд, потом вернулся к монологу приятеля:

— Они опять устраивают гонки, на холме в полночь. Мы тоже едем, но только потусоваться, эти

игры не для нас, просто оттянемся и посмотрим, как они будут пихаться. Вот уж оборжемся, глянем, кто кого, на прошлой неделе Сьюзен сломала руку, ты видел? Да просто уссаться, Кол хотел отвезти их в больницу, но так обдолбался, что налетел на своей сраной «ямахе» на «лежачего полицейского»…

Тернер воткнул биософт обратно в разъем.

На этот раз, когда все осталось позади, он не сказал вообще ничего. Только крепче обнял Энджи и улыбнулся, и тут же увидел эту улыбку в окне. Звериный оскал — как на рубеже.

Студенческие показатели Митчелла были хороши, исключительно хороши. Великолепны. Но кривой взлета в них не было. Кривая взлета — Тернер научился видеть ее в досье любого ученого как некий дорожный знак, указывающий на близкий поворот: «гениальность». Он мог распознать эту кривую, как рабочий определяет сорт металла, наблюдая за сыплющимися с шлифовального колеса искрами. Так вот, у Митчелла ее не было.

Стыд. Институтское общежитие. Митчелл знал, твердо знал, что ему не пробиться. И потом — каким-то образом — ему это удалось. Как? В досье нечего и искать. Митчелл нашел какой-то способ

подредактировать то, что передавал машине «маасовской» службы безопасности. Иначе они бы за него уже взялись… Кто-то — или что-то — нашел Митчелла в его аспирантском убожестве и начал накачивать идеями. Ключи, подсказки. И Митчелл взлетел, его кривая после этого вспыхнула ослепительным, идеальным блеском, засияла и вынесла его наверх…

Кто? Что?

Тернер посмотрел в лицо спящей Энджи в подергивающемся свете «трубы».

Фауст.

Митчелл заключил сделку. Возможно, Тернеру никогда не узнать подробностей соглашения или цену Митчелла, но он понял, что знает оборотную сторону, чего потребовали от Митчелла взамен.

Легба, Самеди, слюна, сочащаяся из перекошенного рта девушки.

А поезд несся в старый Союз в черных порывах полуночного ветра.

— Такси, сэр?

Глаза мужчины двигались за очками с полихромной подкраской, стекла переливались, как нефтяные пятна. По тыльным сторонам его ладоней расползлись плоские серебристые воспаления. Не останавливаясь, Тернер шагнул ближе

и, поймав его за локоть, прижал к стене из поцарапанной белой плитки между серых стеллажей ячеек камеры хранения.

— Наличные, — сказал Тернер. — Я плачу новыми иенами. Мне нужна тачка. И никаких, понял меня, никаких проблем с водителем. Ясно? Я не лох. — Он еще крепче сжал локоть зазывалы. — Попробуй только что-нибудь выкинуть, и я вернусь тебя прикончить или сделаю так, что ты пожалеешь, что остался жив.

— Есть. Да-с-сэр. Усек. Это можно устроить, сэр, да-с-сэр. Куда бы вы хотели отправиться, сэр? — Изможденное лицо мужчины перекосилось от боли.

— Наемный человек. — Голос исходил от Энджи. А потом хриплым шепотом — адрес.

Тернер увидел, как за радужными переливами глаза зазывалы нервно заметались из стороны в сторону.

— Это Мэдисон? — проскрипел он. — Да-с-сэр. Найду вам хорошее такси, правда, хорошее такси.

— Что там за место? — спросил Тернер водителя, наклоняясь вперед, чтобы нажать кнопку «говорите» возле стальной решетки микрофона. — По адресу, что мы вам дали?

Последовал шорох статики.

— «Гипермаркт». Но там наверняка почти все позакрывались, поздно уже. Разыскиваете что-то определенное?

— Нет, — отрезал Тернер.

Место было ему незнакомо. Он попытался вспомнить этот отрезок Мэдисон-авеню. Кажется, в основном спальный район. Бесчисленные квартиры нарезаны в скорлупе офисных зданий, оставшихся с тех времен, когда бизнес требовал физического присутствия служащих в штаб-квартире компании. Некоторые здания были настолько высоки, что торчали над куполом…

— Куда мы едем? — спросила Энджи, положив руку ему на локоть.

— Все в порядке, — ответил он. — Не волнуйся.

— Боже, — сказала она, опираясь на его плечо и глядя вверх на розовую неоновую вывеску «ГИПЕРМАРКТ», наискось пересекавшую гранитный фасад старого здания, — сколько раз я мечтала о Нью-Йорке там, на плато. У меня были графические программы, которые показывали все улицы, музеи и все такое. Я больше всего на свете хотела попасть сюда…

— Ну, тебе это удалось. Ты здесь.

Девушка начала всхлипывать, обняла его, спря-

тав лицо у него на голой груди. Ее трясло.

— Я боюсь, я так боюсь…

— Все будет хорошо, — сказал он, поглаживая ее волосы и не отрывая взгляда от главного входа.

У него не было никаких причин думать, что для любого из них что-нибудь когда-нибудь будет хорошо. Казалось, она понятия не имела, что слова, приведшие их сюда, исходили из ее уст. Но опять же, подумал он, не она их произносила… По обеим сторонам входа в «Гипермаркт» свернулись в спальных мешках бездомные, неряшливые кучи тряпья совершенно сливались с цветом мостовой. Тернеру на миг показалось, будто их медленно извергает из себя темный бетон, превращая в мобильные отростки города.

— К Джаммеру, в клуб, — сказал у его груди приглушенный голос, и Тернер почувствовал холодок отвращения. — Найди лошадь Данбалы.

И тут Энджи снова заплакала. Тернер взял ее за руку и повел мимо спящих бомжей под потускневшую позолоту входной решетки через стеклянные двери «Гипермаркта». Увидел в конце прохода, между лотков и закрытых ставнями лавок, кофемашину и девушку с гребнем черных волос, вытирающую прилавок.

— Кофе, — сказал он. — Еда. Идем. Тебе надо

поесть.

Он улыбнулся девушке, и Энджи устроилась на табурете.

— Как насчет наличных? — спросил он. — Вы вообще принимаете наличные?

Девушка с полминуты молча смотрела на него, потом пожала плечами. Тернер вытащил из доставшегося от Руди зиплока двадцатку и показал ее девушке.

— Чего хочешь?

— Кофе. Чего-нибудь поесть.

— Это все, что у тебя есть? А что-нибудь помельче?

Он помотал головой.

— Извини. У меня нет сдачи, — сказала девушка.

— И не надо.

— Ты спятил?

— Нет, но я хочу кофе.

— Нефиговые чаевые, мистер. Я столько и за неделю не зарабатываю.

— Это твое.

По лицу официантки скользнула тень гнева.

— Так ты с этими ублюдками, что наверху. Убери свои деньги. Я закрываюсь.

— Мы сами по себе, — сказал он, слегка наклоня-

ясь через стойку так, чтобы распахнулась парка и ей стал виден «смит-и-вессон». — Мы ищем клуб. Место, которое называется «У Джаммера».

Девушка поглядела на Энджи, потом перевела взгляд на Тернера.

— Она больная? Обдолбанная? В чем дело?

— Вот деньги, — сказал Тернер. — Дай нам кофе. Если хочешь отработать сдачу, расскажи, как найти клуб Джаммера. На мой взгляд, это стоит двадцатки. Понятно?

Она смахнула потрепанную банкноту из виду и подошла к кофеварке.

— Похоже, я ничего больше не понимаю. — Она загремела чашками и стаканами с молочной пленкой, отодвигая их в сторону. — Что такое стряслось с клубом? Ты друг Джаммера? Знаешь Джекки?

— Конечно, — ответил Тернер.

— Она появилась сегодня рано утром, а с ней какой-то маленький вильсон с окраины. Думаю, они пошли наверх…

— Куда?

— К Джаммеру. Тут-то все и началось.

— Да?

— Заявилась толпой шпана из Барритауна, и набриолиненные и белотуфельные, причем с

таким видом, как будто им тут все принадлежит. А теперь так оно, черт побери, и есть, во всяком случае — два верхних этажа. Начали выкупать у людей их лавки. А многие с нижних этажей просто собрали вещички и свалили. Жуть какая-то…

— Сколько пришло?

Из кофемашины со свистом вырвался пар.

— Может, сотня. Я до икоты сегодня перепугалась, но никак не могу связаться с боссом, к тому же мне все равно через полчаса закрываться. А моя дневная сменщица так и не объявилась, зашла, наверное, почувствовала, чем тут пахнет, и смылась… — Она поставила перед Энджи маленькую дымящуюся чашку. — С тобой все в порядке, дорогая?

Энджи кивнула.

— Как по-твоему, чего этим людям надо?

Девушка вернулась к своей кофеварке. Та снова загудела.

— Думаю, они кого-то ждут, — вполголоса сказала она и подала Тернеру его эспрессо. — Или того, кто попытается выйти из клуба, или того, кто попытается туда войти…

Тернер посмотрел на водоворот коричневой пены на поверхности своего кофе.

— И никто не вызвал полицию?

— Полицию? Мистер, это «Гипермаркт». Здесь полицию не вызывают…

Чашка Энджи разлетелась о мраморную стойку.

— Короток и прям твой путь, наемный человек, — прошептал голос. — Ты знаешь дорогу. Внутрь.

У продавщицы отвисла челюсть.

— Господи, — выдохнула она. — Да она, должно быть, здорово обдолбалась… — Девушка холодно глянула на Тернера. — Это ты дал ей такую дрянь?

— Нет, — ответил Тернер, — но она больна. Все будет в порядке.

Он допил черный горький кофе. На какое-то мгновение ему показалось, что он ощущает на себе дыхание всего Муравейника, и это дыхание было старым, больным и усталым. Все эти спуски-подъемы всех станций от Бостона до Ат-

ланты…[56]

[56] notes: 56

Казалось бы, именно к этому заключительному абзацу отсылает название главы («Дыхание станций»). Но есть нюанс. Во-первых, в оригинале название главы перевернутое: не «Breath of the Stations», а «Stations of the Breath» (*досл.* «Станции дыхания»). Во-вторых, это выражение, представляющее собой аллюзию на стояния крестного пути (stations of the cross), является цитатой из стихотворения Дилана Томаса «Отказ оплакивать смерть, в огне, ребенка в Лондоне» (1945). В переводе Ю. Комова (Д. Томас. Приключения со сменой кожи. СПб: Азбука-классика, 2001. С. 553) соответствующая строка («…nor blaspheme down the stations of the breath») передана весьма вольно: «не над местами святыми глумиться спешу».

28
Джейлин Слайд

— Господи, — Бобби посмотрел на Джекки, — может, ты это завяжешь или еще что?

Из-за ожога Джаммера в конторе стоял запах, похожий на вонь от подгоревшей свинины, и у Бобби выворачивало желудок.

— Ожог не перевязывают, — отрезала она, помогая Джаммеру сесть в кресло. — У тебя есть обезболивающее? Дермы? Хоть что-нибудь?

Она начала один за другим выдвигать ящики письменного стола. Джаммер покачал головой, его длинное лицо побледнело и осунулось.

— Наверное. За баром есть аптечка…

— Принеси ее! — бросила Джекки. — Пошевеливайся!

— Чего это ты так над ним трясешься? — начал Бобби, задетый ее тоном. — Он пытался впустить сюда готиков…

— Принеси аптечку, дурак! Он просто сорвался на секунду, вот и все. Испугался. Принеси мне эту коробку, иначе она тебе самому понадобится.

Бобби метнулся в клуб, где обнаружил, что

Бовуар подсоединяет провода от розовых «бутербродов» взрывчатки к желтой пластмассовой коробке, похожей на пульт управления игрушечным грузовичком. «Бутерброды» были налеплены вокруг дверных петель и по обеим сторонам замка.

— А это зачем? — спросил Бобби, перелезая через стойку.

— Кто-нибудь может захотеть войти, — сказал Бовуар. — Если так, то мы им откроем.

Бобби помедлил, любуясь конструкцией.

— А почему не наклеить их на стекло так, чтобы его просто вынесло наружу?

— Слишком очевидно, — выпрямился Бовуар. В руках он держал желтый детонатор. — Но я рад, что ты думаешь о таких вещах. Если сделать, как ты говоришь, взрывной волной хоть что-то да занесет внутрь. А так… аккуратнее.

Пожав плечами, Бобби нырнул под стойку. Там оказались проволочные полки, заваленные пластиковыми пакетами крилевых вафель, коллекция забытых зонтов, пухлый словарь, синяя женская туфелька, белый пластмассовый чемоданчик с как будто подтекающим красным крестом, нарисованным на крышке лаком для ногтей… Схватив чемоданчик, Бобби выбрался

из-под стойки.

— Послушай, Джекки… — начал он, кладя аптечку рядом с декой Джаммера.

— Забудь об этом. — Щелкнув замком, она порылась в содержимом аптечки. — Джаммер, здесь больше попперов[57], чем всего остального…

Джаммер слабо улыбнулся.

— Ага, вот это подойдет. — Она развернула листок красных дермов и, сорвав с трех заглушки, налепила их в ряд по тыльной стороне сожженной руки. — Но лучше бы какую-нибудь местную анестезию…

— Я вот тут подумал, — сказал Джаммер, глядя на Бобби. — Возможно, теперь самое время, чтобы ты налетал сколько-то часов в матрице…

— То есть как? — спросил Бобби, не сводя глаз с деки.

— Наверняка же, — продолжал Джаммер, — тот, кто привел этих ублюдков, которые снаружи, подключился и к телефонам.

Бобби кивнул. Бовуар, объясняя им свой план, говорил то же самое.

— Ну так вот, когда мы с Бовуаром порешили, что нам с тобой стоит врубиться в матрицу и

[57] notes: 57

Амилнитрит — сложный эфир амилового спирта и азотистой кислоты; наркотик вдыхают, сломав ампулу, или из ингалятора.

поглядеть, что происходит, у меня, по правде говоря, было на уме кое-что другое, — оскалился Джаммер, показав частокол белых мелких зубов. — Видишь ли, я в это влип, потому что должен Бовуару и Лукасу. Но есть люди, которые мне тоже кое-что должны, правда, дело это сильно прошлое. И эти долги у меня не было надобности взыскивать.

— Джаммер, — сказала Джекки, — тебе надо расслабиться. Просто посиди спокойно. Ты можешь довести себя до шока.

— Как у тебя с памятью, Бобби? Прогонишь цепочку кое-каких команд? Попрактикуйся на моей деке. Без тока, не подключаясь. Идет?

Бобби кивнул.

— Так вот, прогони это пару раз всухую. Код доступа. Чтобы тебя впустили через черный ход.

— Чей черный ход? — Бобби развернул деку к себе и занес пальцы над клавиатурой.

— Якудза, — сказал Джаммер.

Джекки недоуменно воззрилась на владельца клуба:

— Эй, что ты…

— Именно то, что ты слышала. Это давний должок. Но, знаешь, как говорят, якудза ничего не забывают. Ни плохого, ни хорошего…

На Бобби сладковато пахнуло паленым мясом, и он поморщился.

— Как случилось, что ты не сказал это Бовуару? — Джекки убирала лекарства обратно в белую коробку.

— Со временем узнаешь, золотко, — сказал Джаммер. — Иногда приходится учиться помнить о том, что кое-что следует забыть.

— Теперь слушай, — сказал Бобби, пригвождая Джекки, как он надеялся, самым тяжелым своим взглядом, — это мой рейд. Так что обойдусь без твоих лоа, ладно? Они действуют мне на нервы…

— Не она их вызывает, — сказал сидящий на корточках у двери конторы Бовуар. В одной руке у него был детонатор, в другой — юаровский дробовик. — Они просто приходят. Они хотят прийти, и вот они уже здесь. Что ни говори, но ты им нравишься…

Джекки надвинула на лоб тиару тродов.

— Бобби, — сказала она, — все с тобой будет хорошо. Не волнуйся, просто включись.

Она сняла шарф. Между бороздками блестящей коричневой кожи ее курчавые волосы колосились древними резисторами, вплетенными через случайные интервалы, маленькими цилиндриками коричневой феноловой смолы с

цветокодированными кольцами краски.

— После «Баскетбольной корзины», — сказал Джаммер Бобби, — нырни на три периода решетки вправо и прямо на дно, я хочу сказать, вниз…

— После чего?

— «Баскетбольной корзины», это Сфера Взаимного Процветания «Солнечный пояс», Даллас — Форт-Уорт… Быстро гони на самое дно. Потом двигай, как я тебе сказал, еще периодов двадцать. Там кругом лоты подержанных машин и налоговые инспектора, но ты просто поддай газу, идет?

Бобби, ухмыляясь, кивнул.

— Если кто-то увидит, как ты летишь мимо, ну что ж, пускай смотрят. Люди, которые врубаются у самой решетки, привычны ко всякому странному дерьму.

— Твой ход, друг мой, — сказал Бовуар Бобби. — Мне пора возвращаться к двери…

И Бобби включился.

Бобби следовал инструкциям Джаммера и, летя вниз в будничные глубины киберпространства, был втайне благодарен Джекки за ее присутствие. Над ними, уходя ввысь, уменьшалась светящаяся «Баскетбольная корзина». А с такой декой — легкой, суперманевренной — он чувствовал себя быстрым и сильным. Теперь он начал гадать, как

так вышло, что якудза оказались у Джаммера в долгу и что за должок тот так и не потрудился востребовать. Бобби как раз перешел к сочинению возможного сценария — и тут они врезались в лед.

— Господи…

И Джекки исчезла. Что-то опустилось между ними, нечто, что он ощутил как холод и молчание, и как будто ему перекрыли кислород.

— Но тут же ничего не было, черт побери!

Он застыл, чем-то крепко скованный. Матрицу видит, но рук не чувствует.

— Елки зеленые, да кто же пускает таких, как ты, за такую деку? Этому старью место в музее — а тебе еще сидеть и сидеть в школе.

— Джекки!

Вопль вышел рефлекторно.

— Хотя… я, конечно, черт-те сколько не спала, но готова поспорить, ты совсем не то, на что я расставила тут ловушку… Сколько тебе лет?

— Отвали! — крикнул Бобби. Это все, что он смог придумать.

Голос расхохотался:

— Услышь это Рамирес, он бы животики надорвал от смеха. У него было особое пристрастие к нелепицам. Блин, как мне его не хватает…

— Кто такой Рамирес?

— Мой партнер. Бывший. Теперь мертв. Совсем. Я думала, может, ты мне скажешь, как так вышло.

— Никогда о нем не слышал, — выдавил Бобби. — А где Джекки?

— Висит в отключке посреди киберпространства, пока ты отвечаешь на мои вопросы, вильсон. Как тебя зовут?

— Бо… Граф Ноль.

— Ну да, как же. Имя!

— Бобби, Бобби Ньюмарк.

Молчание. Потом:

— Ладно… Эй, Бобби, да? Слушай, тогда в этом есть хоть какой-то смысл. Это за квартирой твоей матери я наблюдала, когда «маасовские» безопасники шмальнули по ней из ракетомета, да? Ну, думаю, тебя там тогда не было, иначе ты не торчал бы здесь. Подожди сек…

Квадрат киберпространства прямо перед ним тошнотворно завибрировал, и Бобби оказался в очень просторных апартаментах, где контуры низкой мебели были намечены тоненькими линиями голубого неона. Перед ним стояла женщина, точнее, несколько светящихся мультяшных закорючек, сложенных в женскую фигуру, с

пятном коричневого дыма на месте лица.

— Я Слайд, — сказала фигура, уперев руки в бедра. — Джейлин. Ты мне тут не придуривайся. В Лос-Анджелесе все знают, — она взмахнула рукой, и внезапно у нее за спиной вспыхнуло окно, — меня на кривой козе не объедешь. Усек?

— Ладно, — ответил Бобби. — Но что это? Я хочу сказать, не могли бы вы… ну… объяснить…

Он по-прежнему не мог даже пошевелиться. «Окно» открывало серо-голубую видеопанораму пальм и каких-то старинных зданий.

— Что ты имеешь в виду?

— Этот рисунок. И вас, и эту старую картину…

— Эй, приятель, я полцарства заплатила дизайнеру, чтобы он мне это запрограммировал. Это — мое пространство, мой конструкт. Тут Лос-Анджелес, мальчик. Люди без подключки здесь ничего не делают. Здесь вообще ничего не делается без матрицы. Вот где я устраиваю пьянки-гулянки!

— О, — протянул Бобби, все еще сбитый с толку.

— Твой черед. Кто там, в этом вшивом танцзале?

— «У Джаммера»? Я, Джекки, Бовуар, сам Джаммер.

— И куда ты направлялся, когда я тебя поймала?

Бобби помедлил.

— К якудза. У Джаммера был код…

— Зачем? — Фигура скользнула вперед — мультипликационный чувственный мазок акварельной кисти.

— За помощью.

— Черт. Похоже, ты говоришь правду…

— Да, да, клянусь богом…

— Ну, ты не тот, кто мне нужен, Бобби Ноль. Я кружу по киберпространству, пытаюсь выяснить, кто убил моего парня. Я думала, это «Маас», потому что мы перетаскивали одного их человечка в «Хосаку», так что для начала я села на хвост бригаде их безопасников. Первое, что я увидела, — как они взрывали кондо твоей матери. Потом я видела, как трое из них заглянули к некоему Финну. Эти так и не вышли…

— Финн их убил, — сказал Бобби. — Я их видел. Трупы…

— Да? Ну тогда, пожалуй, нам есть о чем поговорить. А после этого я наблюдала, как еще трое разнесли из такого же ракетомета золоченую сутенерскую тачку…

— Это был Лукас, — сказал он.

— Но не успели они с этим покончить, как налетел вертолет и поджарил всех троих лазером. Что-нибудь об этом знаешь?

— Нет.

— Ну что, Бобби Ноль, расскажешь мне свою историю? Только покороче.

— Я собирался в рейд, понимаешь? И еще я получил ледоруб. От Дважды-в-День, это толкач с Новостроек, и я…

Когда он закончил, Джейлин какое-то время молчала. Мультяшная красотка стояла у окна, будто рассматривала видеодеревья.

— У меня есть идея, — рискнул он. — Может, ты сумеешь нам помочь…

— Нет, — отрезала она.

— Но если это поможет тебе узнать то, что тебе нужно…

— Нет. Я хочу только прикончить ублюдка, замочившего Рамиреса.

— Но мы там в ловушке, они нас убьют. Это — «Маас», те, за кем ты следила по всей матрице! Они наняли свору готиков и фоннатов…

— Это не «Маас», — сказала красотка. — Там у вас в Нью-Йорке на Парк-авеню — компания европейцев. Лед вокруг них — в милю глубиной.

С минуту Бобби переваривал услышанное.

— Так это они были на вертолете, те, кто поджарил вторую троицу «Мааса»?

— Нет. Я не смогла прищучить этот вертолет, они улетели на юг. Потеряла их. Однако у меня есть зацепка… Ну ладно, я тебя отпускаю. Хочешь еще попытать этот яковский код — пожалуйста.

— Но, леди, нам нужна помощь…

— Помощью сыт не будешь, Бобби Ноль, — сказала Джейлин, и вдруг он очутился перед декой Джаммера.

Болели мускулы спины и шеи. Какое-то время ушло, чтобы сфокусировать взгляд, и только, наверное, через минуту Бобби увидел, что в комнате появились двое незнакомцев.

Мужчина был высок, может, даже выше Лукаса, но стройней, мускулистей, эже в бедрах. На нем была висевшая складками армейская куртка с огромными карманами, под расстегнутой курткой виднелась голая грудь, которую горизонтально пересекал черный ремень. Под глазами у него были синяки, и взгляд этих глаз был лихорадочный, а в руках он держал самую большую пушку, какую Бобби когда-либо видел. Нечто вроде вздувшегося револьвера с каким-то странным приспособлением, приваренным под стволом и напоминавшим голову кобры. Рядом

с ним стояла, пошатываясь, девушка примерно одного с Бобби возраста, с такими же, как у мужика, синяками под глазами — хотя у нее они были темными — и обвисшими прядями каштановых волос, которые явно стоило бы вымыть. Одета она была в черную, не по росту большую кофту и джинсы. Мужчина протянул левую руку, чтобы поддержать девушку.

Бобби ошалело уставился на них и вдруг раскрыл рот — на него обрушилось воспоминание.

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза. Лед въедается в мозг, зубы у него гудят, вибрируют. Ее голос, к нему придвигается что-то большое…

– *Вив ля Вьей*, — восхищенно выдохнула возле него Джекки, ее рука больно сжала его плечо. — Дева Чудес. Она пришла, Бобби. Данбала прислал ее!

— Ты какое-то время был без сознания, дружок, — обратился к Бобби высокий. — Что там произошло?

Бобби моргнул, обвел контору безумным взором, нашел взгляд Джаммера, стеклянный от наркотиков и боли.

— Скажи ему, — сказал Джаммер.

— Я не смог прорваться к якам. Кто-то меня

перехватил, не знаю как…

— Кто? — Высокий теперь обнимал девушку за плечи.

— Она сказала, ее зовут Слайд. Из Лос-Анджелеса.

— Джейлин, — кивнул высокий.

На столе у Джаммера загудел телефон.

— Ответь, — приказал высокий.

Бобби обернулся к телефону, одновременно с этим Джекки, потянувшись через стол, нажала клавишу «прием» под квадратным экраном. Экран зажегся, мигнул и показал им мужское лицо, широкое и очень бледное, с сонным взглядом отечных глаз. Почти добела вытравленные волосы зачесаны прямо назад. И самый мерзкий рот, какой Бобби только случалось видеть.

— Тернер, — сказал человек на экране, — нам лучше поговорить. Сейчас. У тебя осталось не так много времени. Думаю, для начала тебе стоит убрать из комнаты всю эту компанию…

29
Шкатулочник

Трос с узлами, казалось, тянулся бесконечно. Временами туннель поворачивал или разветвлялся. Тогда трос был накручен на какую-нибудь распорку или прикреплен толстым плевком прозрачной эпоксидки. Воздух был все таким же спертым, но теперь стал холоднее. Когда они остановились передохнуть в цилиндрической камере, где шахта расширялась, прежде чем разветвиться на три прохода, Марли попросила у Джонса маленький фонарик, который он носил на лбу на серой эластичной повязке. Сжав его в одной из красных перчаток скафандра, она поводила лучом по стене камеры. Поверхность была гравирована узорами микроскопически тонких линий…

— Надень шлем, — посоветовал Джонс, — у тебя там фонарь гораздо лучше моего.

Марли передернуло.

— Нет. — Она вернула ему фонарь. — Можешь мне помочь из этого выбраться? — Она постучала перчаткой по жесткой груди скафандра; зеркаль-

ный шлем был закреплен на поясе скафандра хромированным карабином.

— Тебе лучше в нем остаться, — сказал Джонс. — Он — единственный в Месте. Там, где я сплю, у меня есть такой же, но для него нет воздуха. Виговы баллоны не подходят к моему респиратору. А его скафандр — сплошные дыры… — Он пожал плечами.

— Ну пожалуйста, — взмолилась Марли, сражаясь с запором на талии скафандра, она видела, как Рез там что-то поворачивала. — Я не могу больше…

Джонс подтянулся, завис в полуметре над канатом и что-то покрутил. Марли не видела что. Щелчок.

— Вытяни руки над головой.

Довольно неуклюже Марли выплыла наконец на свободу — все в тех же черных джинсах и белой шелковой блузке, которую она надела, готовясь к последней встрече с Аленом. Джонс, закрепив скафандр на канате еще одним встроенным в пояс карабином, отвязал раздувшуюся от вещей сумку.

— Она тебе нужна? Я хочу сказать, возьмешь ее с собой? Могли бы оставить ее тут и забрать на обратном пути.

— Нет, — сказала Марли. — Я возьму ее с собой. Дай мне.

Зацепившись локтем за канат, она на ощупь открыла сумку. Выплыла кожаная куртка, а за ней — ботинок. Марли с трудом загнала его назад, а потом, извиваясь, кое-как просунула руки в рукава куртки.

— Недурная шкурка, — похвалил Джонс.

— Пожалуйста, — попросила она, — нам надо спешить…

— Уже недалеко, — отозвался парнишка.

Фонарь скользнул в сторону, освещая выгнутую стену, где трос исчезал в одном из трех отверстий, расположенных равносторонним треугольником.

— Конец линии, — сказал Джонс, — буквально. — Он похлопал по хромированной гайке, где канат был завязан морским узлом.

Его голос подхватило и стало перекатывать где-то впереди эхо, пока Марли не почудилось, будто за его раскатами зашептали еще какие-то голоса.

— А сейчас нам не помешает немного света, — сказал он, проплывая мимо, чтобы схватиться за какой-то выступ, очень похожий на выдающийся из стены гроб.

Скрипнув, сдвинулась крышка. Марли смотре-

ла, как в ярком круге света от фонаря двигаются руки парнишки. Пальцы у него были тонкие и изящные, но ногти — маленькие и обломанные, с черными ободками въевшейся грязи. На тыльной стороне правой кисти были грубо вытатуированы синие буквы «СД». Такие татуировки делают себе сами, в тюрьме… Вот он выудил кусок тяжелого изолированного провода. Джонс посветил в ящик и воткнул провод куда-то позади медного D-разъема.

Тьма впереди растаяла в потоке белого света.

— Тока у нас даже больше, чем нужно, — сказал он с чувством сродни гордости домовладельца. — Накопители при солнечных батареях все как один работают, а ведь им полагалось обеспечивать током все мейнфреймы… Идемте, леди, познакомлю вас с художником, ради которого вы проделали такой путь…

Оттолкнувшись от стены вбок и вверх, он легко скользнул в отверстие — так выныривает из толщи воды пловец — на свет. В мириады качающихся предметов. Марли успела увидеть, что красные пластиковые подметки его потрепанных кроссовок испещрены шрамами белой силиконовой замазки.

И вот она вынырнула за ним, позабыв свои

страхи, позабыв о тошноте и постоянном головокружении. И поняла.

— Бог мой, — выдохнула Марли.

— Едва ли, — откликнулся Джонс. — Хотя, возможно, старины Вига. Жаль, однако, что он сейчас ничего не делает. Тут тогда еще веселее.

Что-то проплыло мимо Марли — в десяти сантиметрах от ее лица. Вычурная серебряная ложка, распиленная вдоль на две одинаковые половинки.

Она понятия не имела, сколько времени она уже здесь, как вдруг зажегся и замигал экран. Канули часы? Минуты? Она уже научилась — до какой-то степени — перемещаться по камере, отталкиваясь, как Джонс, ногой от сводов купола. Как Джонс, она хваталась потом за свернутые суставчатые руки автомата — сила инерции разворачивала ее тогда вокруг манипулятора — и повисала там, глядя на кружащие в медленном водовороте предметы. Десятки рук, манипуляторов, оканчивающихся щипчиками, буравчиками, ножами, миниатюрной циркулярной пилой, бормашиной дантиста… Все это топорщилось из легированной грудной клетки странного автомата. Прежде это, вероятно, был радиоуправляемый монтажник, что-то вроде полуавтономного меха-

низма, с детства знакомого ей по видеофильмам об освоении космоса. Но этот был приварен к куполу. Его ребра вросли в плоть Места, а по куполу змеились сходящиеся к нему сотни кабелей и оптоволоконных линий. Две руки, заканчивающиеся деликатными устройствами тактильной обратной связи, были вытянуты. Мягкие подушечки баюкали незаконченную шкатулку.

Широко раскрыв глаза, Марли смотрела на проплывающие мимо бесчисленные предметы.

Пожелтевшая детская перчатка, граненая хрустальная пробка от какого-то флакона с исчезнувшими духами, безрукая кукла с головой из французского фарфора, толстая, оправленная в золото черная ручка с золотым пером, прямоугольные сегменты перфокарты, мятая красно-зеленая змея шелкового галстука… Бесконечный медленный рой, кружащиеся мелочи, хлам…

Джонс перекувырнулся через голову в этом беззвучном шторме, смеясь, схватился за руку с клеевым пистолетом на конце.

— Когда он работает, мне всегда хочется смеяться. А вот шкатулки всегда такие грустные выходят…

— Да, — сказала она, — мне от них тоже грустно.

Только печаль бывает разная…

— Вот именно. — Джонс ухмыльнулся. — Но заставить его работать нельзя. Думаю, его приводит в движение дух или душа, во всяком случае, так это объясняет Виг. Он раньше часто сюда приходил. Говорил, что голоса для него тут звучат громче. Но в последнее время они, похоже, говорят с ним повсюду…

Она поглядела на него сквозь чащу манипуляторов. Парнишка был очень грязен, совсем юн — с широко распахнутыми голубыми глазами под торчащей во все стороны шевелюрой каштановых кудрей. Воротник покрытого пятнами серого комбинезона был засален до блеска.

— Ты, наверное, сошел с ума, — сказала она с примесью восхищения в голосе. — Нужно быть совершенно сумасшедшим, чтобы жить здесь…

Он рассмеялся:

— Это Виган безумнее мартовского зайца. А со мной все в порядке.

Марли улыбнулась:

— Нет, ты просто помешанный. И я помешанная тоже…

— Эй, смотри-ка, — воскликнул он, глядя на что-то у нее за спиной. — Что это? Похоже, опять проповедь. Вот черт, теперь ее никак не выклю-

чишь, разве что я вырублю ток…

Повернувшись, Марли увидела, как по квадратной поверхности огромного экрана, криво приклеенного к своду, побежали, мигая, цветные полосы. Экран на секунду заслонил проплывавший мимо портновский манекен, а потом его заполнило лицо Йозефа Вирека, за круглыми линзами поблескивали добрые голубые глаза.

— Здравствуйте, Марли, — сказал он. — Хотя я не вижу вас, но уверен, что знаю, где вы находитесь…

— Это один из проповеднических экранов Вига, — объяснил Джонс, потирая щеку. — Виг расклеил их по всему Месту — решил, что настанет день, когда у него будет кому проповедовать. Этот чудик, похоже, подключился через его коммуникационное оборудование. Кто это?

— Вирек, — отозвалась она.

— А я думал, он старше…

— Это искусственно сгенерированное изображение, — сказала Марли. — Лучевое сканирование, карты биотекстур…

А с купола ей улыбалось гигантское лицо — будто фон для замедленного урагана потерянных вещей, незначительных артефактов бесчисленных жизней: инструментов, игрушек, золоченых

пуговиц.

— Знайте, — сказало изображение, — что вы свою задачу выполнили. Составленный на Марли Крушкову психопрофиль верно предсказал вашу реакцию на данный мой гештальт. Более широкие профили указывали также на то, что ваше появление в Париже вынудит «Маас» действовать. Вскоре, Марли, я точно буду знать, что именно вы нашли. Уже четыре года мне известно нечто не известное «Маасу». Я знаю, что Митчелл, которого «Маас», а вместе с ним и весь мир считает изобретателем нового процессора на биочипах, получал идеи со стороны, эти концепции в результате и привели к прорыву в данной области. Я добавил к сложному нагромождению факторов вас, Марли, и все сложилось наиболее удовлетворительным образом. «Маас», не понимая, что делает, выдал местонахождение источника этих идей. А вы его достигли. Вскоре прибудет Пако…

— Вы сказали, что не последуете за мной, — сказала она. — Я знала, что вы солгали…

— И теперь, Марли, я наконец стану свободен. Свободен от четырехсот килограммов восставших клеток, замурованных за хирургической сталью в промышленной зоне Стокгольма. Свободен, и навсегда, способный населять любое число

реальных тел.

— Блин, этот старикан так же плох, как и Виг, — сказал Джонс. — О чем это он, собственно, болтает?

— О своем скачке, — сказала она, вспомнив разговор с Андреа, запах жареных креветок в маленькой захламленной кухне. — О следующей стадии своей эволюции…

— Вы это понимаете?

— Нет, — ответила Марли, — но я знаю, что это будет скверно, очень скверно… — Она покачала головой.

— Убеди тамошних жителей впустить Пако и его команду, Марли, — продолжал Вирек. — Я приобрел сердечники за час до вашего вылета из Орли через посредника в Пакистане. Удачная сделка, Марли, великая сделка. Пако, как обычно, позаботится о моих интересах.

На этом экран погас.

— Ладно, — сказал Джонс, проскальзывая под свернутым манипулятором и беря ее за руку, — ну что в этом плохого? Все теперь принадлежит ему, и он сказал, что свое дело вы сделали… Не знаю, на что годится Виг, разве что слушать голоса, но он все равно долго не протянет. Что до меня, то мне, в сущности, все равно, где жить…

— Ты не понимаешь, — сказала Марли. — Не можешь понять. Он нашел путь к тому, к чему стремился многие годы. Но ничего из того, что он хочет, не может быть во благо. Никому. Я его видела, я это почувствовала…

И тут стальная рука, за которую она держалась, завибрировала, шевельнулась. С приглушенным гудением сервоприводов начала вращаться вся башня.

30
Наемник

Тернер не отрывал глаз от лица Конроя на экране телефона.

— Послушай, — обратился он к Энджи. — Тебе сейчас лучше пойти с ней.

Высокая негритянка с вплетенными в волосы резисторами сделала шаг вперед и мягко обняла за плечи дочь Митчелла, вполголоса напевая что-то на том же пощелкивающем диалекте французского. Парнишка в футболке все еще пялился на Энджи. Челюсть у него отвисла.

— Пойдем, Бобби, — окликнула его негритянка.

Тернер глянул через стол на человека с раненой рукой. На том был мятый белый смокинг и галстук-бабочка с черными кожаными косичками шнурков. Джаммер, решил Тернер; владелец клуба. Джаммер баюкал на коленях руку, завернутую в полотенце в голубую полоску. У него было длинное лицо, щетина из тех, что неизменно нуждаются в бритве, и жесткие прищуренные глаза прожженного профи. Встретившись с ним

взглядом, Тернер вдруг сообразил, что Джаммер сидит далеко за линией обзора камеры телефона, что его вертящееся кресло задвинуто в самый угол.

Так и не закрыв рта, парнишка в футболке, Бобби, прошаркал вслед за Энджи и чернокожей.

— Ты мог бы избавить нас от массы хлопот, Тернер, — сказал Конрой. — Мог бы позвонить мне. Мог позвонить своему агенту в Женеву.

— А как насчет «Хосаки»? — спросил Тернер. — Им бы я мог позвонить?

Конрой медленно помотал головой, очень медленно.

— На кого ты работаешь, Конрой? «Хосаку» ты ведь кинул, так?

— Но ведь не тебя, Тернер. Если бы все шло так, как я планировал, ты был бы в Боготе с Митчеллом. Рельсотрон не должен был стрелять, пока ты не взлетишь. И если бы все сошлось, «Хосака» решила бы, что это «Маас» снес весь сектор, лишь бы остановить Митчелла. Но Митчелл до площадки не долетел, да, Тернер?

— Он и не собирался, — отозвался Тернер.

Конрой кивнул:

— Ну да. А их служба безопасности на плато засекла девчонку, когда та вылетала. Это ведь она

только что вышла отсюда? Дочь Митчелла?

Тернер молчал.

— Конечно, — сказал Конрой. — Сходится…

— Я убил Линча, — сказал Тернер, чтобы увести разговор в сторону от Энджи. — Но прежде чем грянул гром, Уэббер сказала, что работала на тебя…

— Они оба на меня работали, — ответил Конрой, — но друг о друге не знали. — Он пожал плечами.

— Зачем?

Конрой улыбнулся:

— Потому что, не будь их там, тебе бы их не хватало, или я не прав? Потому что ты знаешь мой стиль, и, если бы я не выкинул всех своих обычных трюков, ты начал бы задумываться. А я знал, ты ни за что не переметнешься. Мистер Мгновенная Лояльность, или я не прав? Мистер Бусидо. Ты надежен и предсказуем, Тернер. «Хосака» это знала. Именно поэтому они настаивали на том, чтобы я ввел в игру тебя…

— Ты не ответил на первый мой вопрос, Конрой. Кому ты нас продал? Кто второй хозяин?

— Некто Вирек, — сказал Конрой. — Денежный мешок. Вот именно, тот самый. Он уже многие годы пытался перекупить Митчелла. Из-за него,

если уж на то пошло, пытался купить и сам «Маас». Не вышло. Они поднялись так быстро, что стали ему не по зубам. А открытое предложение на Митчелла висело давно. Слепое предложение. Когда Митчелл обратился к «Хосаке», а они ко мне, я решил проверить, открыто ли то предложение до сих пор. Из чистого любопытства. Не успел я и глазом моргнуть, как на меня навалилась команда Вирека. Эту сделку несложно было провернуть, поверь мне, Тернер.

— Я тебе верю.

— Но Митчелл всех нас облажал, не так ли? Крепко и основательно.

— Ага. Так, что его убили.

— Он покончил с собой, — сказал Конрой, — согласно «кротам» Вирека на плато. Как только выпроводил девчонку на этом дельтаплане. Перерезал себе горло скальпелем.

— Не много ли трупов кругом, а, Конрой? — поинтересовался Тернер. — Оуки мертв, и японец-вертолетчик тоже.

— Я и сам это вычислил, когда они не вернулись, — пожал плечами Конрой.

— Они пытались убить нас, — сказал Тернер.

— Нет, приятель, они хотели только поговорить… Во всяком случае, о девчонке мы тогда еще

ничего не знали. Знали только, что ты исчез и этот чертов самолет не добрался до аэродрома в Боготе. Мы и думать не думали ни о какой девчонке, пока не заглянули на ферму твоего брата и не нашли самолет. Твой брат отказался говорить с Оуки. Вышел из себя, поскольку тот поджарил его собак. Оуки сказал, что, судя по всему, там жила еще и женщина, но ее не нашли…

— А что с Руди?

Лицо Конроя было совершенно пустым. Потом он сказал:

— Оуки получил то, что ему требовалось, с мониторов. Так мы узнали о девчонке.

Болела спина. Ремни портупеи врезались в грудь. Я ничего не чувствую, думал он, я вообще ничего не чувствую…

— У меня есть к тебе вопрос, Тернер. Собственно говоря, пара вопросов. Но основной: что ты, черт побери, там делаешь?

— Где-то слышал, что это крутой клуб, Конрой.

— Да уж. Только для избранных. Настолько, что тебе пришлось поломать пару моих караульных, чтобы войти внутрь. А вот они, однако, знали, что ты идешь, Тернер, — и негритосы, и этот панк. С чего это вдруг они тебя впустили?

— Вот тебе и будет над чем поразмыслить, Кон-

ни. У тебя, похоже, много к чему появился доступ за последние дни.

Конрой придвинулся ближе к камере телефона:

— Да уж не без того. Люди Вирека несколько месяцев прочесывали Муравейник, разрабатывали кое-какой слух. Среди ковбоев ходили сплетни, что где-то плавает экспериментальный биософт. Наконец его люди вышли на Финна, но объявилась другая команда, «маасовская», которая, судя по всему, охотилась за тем же самым. Потому вирековцы решили залечь и понаблюдать за «маасовскими» парнями, а те вдруг стали взрывать людей. Вот так команда Вирека и раскопала всю историю, с негритосами, малышом Бобби и тэ дэ. Все это они мне выложили, когда я сказал им, что, по моим раскладам, ты от Руди двинул сюда. Пришлось нанять громил, чтобы обложить тут льдом этих негритосов, пока не найду кого-нибудь, кому доверить пойти по их души…

— Эти удолбыши за дверью? — Тернер улыбнулся. — Да уж, Конни, облажался ты по-крупному. Тебе ведь некуда теперь обратиться за профессиональной помощью, а? Кто-то шепнул, что ты кинул нанимателя и у тебя на площадке погибли профи. Что еще остается, кроме как нанимать

придурков с дурацкими прическами? Все профи в курсе, что у тебя на хвосте «Хосака», я прав, Конни? И все они знают, что ты сделал.

Теперь ухмылялся Тернер. Краем глаза он видел, что мужик в смокинге тоже скалится кривой улыбкой с большим количеством ровных мелких зубов, похожих на белые зерна пшеницы…

— А все эта сука Слайд, — ответил Конрой. — Надо было прикончить ее на платформе… Она через матрицу простучала себе куда-то дорожку и начала задавать лишние вопросы. Вряд ли она чего раскопала, но успела уже наделать шума в определенных кругах… Ну да ладно, смысл ты уловил. Впрочем, твоей заднице это сейчас ничем не поможет. Вирекy нужна девчонка. Он отозвал своих людей с другого направления, и теперь я всем для него заправляю. Деньги, Тернер, денег — как у дзайбацу…

Тернер смотрел в белое лицо, вспоминая Конроя в баре отеля посреди джунглей. Вспоминая его позднее, в Лос-Анджелесе, как тот подкатывался к нему, объясняя тайную экономику корпоративных предательств…

— Привет, Конни, — сказал Тернер, — а я ведь тебя знаю, так?

Конрой улыбнулся:

— Конечно, малыш.

— И я знаю, какое у тебя предложение. Уже знаю. Тебе нужна девчонка.

— Вот именно.

— И дележ, Конни. Ты же знаешь, я работаю только пятьдесят на пятьдесят, верно?

— Э, — весело отозвался Конрой, — вот это дело. Никак иначе я и не рассчитывал.

Тернер смотрел на изображение в упор.

— Ну, — сказал Конрой, все еще улыбаясь, — каков твой ответ?

Тут Джаммер потянулся и вырвал из настенной розетки телефонный провод.

— Главное — удачный момент, — сказал он. — Всегда важно правильно выбрать момент. — Он уронил шнур на ковер. — Если бы ты сказал ему, он бы сразу же начал действовать. А так мы выиграем время. Он попытается перезвонить, выяснить, что случилось.

— Откуда ты знал, что я собираюсь ему сказать?

— Потому что я знаю людей. Много кого повидал. Слишком, черт побери, много. И в особенности я видел много таких, как ты. У тебя же это на лбу написано, мистер. Ты ведь собирался ему сказать, что он может подавиться своим дерьмом

и сдохнуть. — Джаммер с трудом выпрямился в кресле, скривившись, когда пришлось пошевелить рукой в полотенце. — Кто такая эта Слайд, о которой он говорил? Жокей?

— Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса. Ас.

— Так это она перехватила Бобби, — задумчиво протянул Джаммер. — Значит, она чертовски близко к этому твоему приятелю на телефоне…

— Однако сама, вероятно, этого не знает…

— Давай посмотрим, что мы можем сделать. Позови назад мальчишку.

31
Голоса

— Пожалуй, мне стоит поискать старину Вига, — сказал Джонс.

Марли не могла оторвать глаз от манипуляторов, загипнотизированная их танцем: вот они выхватывают что-то из водоворота вещей, который сами же и учинили, рассматривают, отвергают. Отвергнутые объекты улетают прочь, сталкиваются с другими, образуя новые сочетания. Узоры перемешивались медленно, непрерывно.

— Пожалуй, стоит, — повторил он.

— Что?

— Поискать Вига. А то ему еще взбредет в голову что-нибудь, когда появятся люди вашего босса. Не хочу, чтобы он причинил себе вред, понимаете? — Он застенчиво и слегка смущенно улыбнулся.

— Хорошо, — отрешенно отозвалась она. — Со мной все будет хорошо. Я посмотрю.

Ей вспомнились сумасшедшие глаза Вига, безумие, исходившее от него ощутимыми волнами. Вспомнила, как еще по радио «Сладкой Джейн»

уловила недобрую хитрость в его голосе. И почему это Джонс так о нем беспокоится? Но потом она подумала о том, каково это жить в Месте, в мертвых сердечниках Тессье-Эшпулов. Любой человек, любая живая душа становится здесь едва ли не драгоценностью…

— Ты прав, — очнулась Марли. — Пойди разыщи старика.

Парнишка нервно улыбнулся и, оттолкнувшись от стены, закувыркался к отверстию, где был закреплен трос.

— Я за вами вернусь, — пообещал он. — Не забудьте, где вы оставили скафандр…

Башня покачивалась из стороны в сторону, жужжала, метались манипуляторы, заканчивая новую поэму…

Впоследствии Марли никогда не могла с уверенностью сказать, были ли голоса реальны, но постепенно осознала, что они были частью той ситуации, когда «реальность» становится лишь очередной пустой абстракцией.

Она сняла куртку — в куполе потеплело, как будто безостановочное движение манипуляторов порождало жар. Куртку и сумку Марли повесила на крюк возле экрана для проповедей. Шкатулка почти окончена, думала она, хотя за мельтешени-

ем стольких клешней трудно что-то разобрать… Внезапно шкатулка выплыла на свободу, закувыркалась из конца в конец купола — Марли инстинктивно нырнула вслед за ней, поймала. Силой инерции ее закружило дальше мимо мелькающих рук, а она все прижимала к себе обретенное сокровище. Не в состоянии затормозить, Марли врезалась в дальнюю стену купола, ушибла плечо и порвала блузку. Оглушенная ударом, она продолжала скользить, укачивая шкатулку, вглядываясь через прямоугольник стекла в коллаж из коричневых антикварных карт и тусклого зеркала. Прочерченные старыми картографами моря были вырезаны, открывая кусочки облупившегося зеркала, — суша, плывущая по грязному серебру… Она подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как поблескивающая рука схватила парящий в воздухе рукав ее брюссельской куртки. Сумка, которая изящно раскачивалась на кожаном ремешке в полуметре позади, отправилась следом, подхваченная манипулятором с оптическим сенсором и простой клешней на конце.

Марли смотрела, как и ее вещи втянуло в безостановочный танец рук. Минуту спустя куртка вылетела назад, медленно вращаясь. Похоже, из

нее были вырезаны аккуратные квадратики и прямоугольники, и Марли вдруг осознала, что смеется. Отпустила шкатулку, которую держала в руках.

— Давай, — сказала она. — Я польщена.

Мелькали, порхали руки, и слышался тоненький вой крохотной пилы.

Я польщена Я польщена Я польщена — из раскатов эха под куполом вырос зыбкий лес все меньших, частичных звуков, и за ним… очень слабо… Голоса…

— Ты же здесь, да? — окликнула она, умножая отзвуки, волны, рябь отражением своего тут же расчленяемого голоса.

«Да, я здесь».

— Виган бы сказал, что ты всегда был здесь, да?

«Да, но это неверно. Я стал быть — здесь. Было время — меня не было. Было время, яркое время, время без течения времени, и я был везде и во всем… Но рухнуло яркое время. Треснуло зеркало. Теперь я лишь один… Но у меня есть песня. Ты слышала ее. Я пою этими вещами, которые плавают вокруг меня, осколками семьи, которая питала мое рождение. Есть и другие, но они не желают говорить со мной. Тщеславны они, эти рассеянные осколки меня, как дети. Как люди.

Они посылают мне новые вещи, но я предпочитаю старые. Может, я выполняю их волю. Они заключают союзы с людьми, эти мои другие „я“, а люди воображают, что они боги…»

— Ты то самое, к чему стремится Вирек, да?

«Нет. Он вообразил, что может перевести себя в знак, закодировать свою личность в ткань меня. Он жаждет стать тем, чем я был когда-то. Но то, чем он может стать, скорее подобно меньшему из моих обломков…»

— И ты… ты печален.

«Нет».

— Но твои… твои песни печальны.

«Мои песни — о времени и расстоянии. Печаль — в тебе. Следи за моими руками. Есть только танец. Вещи, которые ты ценишь, — лишь оболочка».

— Я… я знала это. Когда-то.

Но теперь звуки стали всего лишь звуками, пропал лес голосов за ними, говоривших единым голосом… и Марли смотрела, как совершенными космическими сферами кружатся, улетают шарики ее слез, присоединяясь к забытым человеческим воспоминаниям в храме шкатулочника.

— Понимаю, — сказала Марли какое-то время спустя, зная, что произносит слова, только чтобы

утешиться звуками собственного голоса. Она говорила тихо, не желая будить перекаты и рябь эха. — Ты тоже чей-то коллаж. Твой творец — вот кто истинный художник. Была ли это безумная дочь? Не имеет значения. Кто-то доставил сюда механизм и, приварив его к куполу, подключил к следам, дорожкам памяти. И рассыпал каким-то образом все изношенные печальные свидетельства человеческой природы одной семьи, оставив их на волю поэта: сортировать и перемешивать. Запечатывать в шкатулки. Я не знаю другого такого удивительного, такого необычайного шедевра, как этот. Не знаю более многозначного жеста…

Мимо проплыл оправленный в серебро черепаховый гребень со сломанными зубьями. Марли поймала его, как рыбку, и провела оставшимися зубьями по волосам.

На противоположной стороне купола зажегся, запульсировал экран, и его заполнило лицо Пако.

— Старик отказывается впустить нас, Марли, — сказал испанец. — Второй, бродяжка, где-то его спрятал. Сеньор крайне озабочен тем, чтобы мы вошли в сердечники и заняли его законную собственность. Если вы не сможете убедить Лудгейта

и того, второго открыть шлюз, мы будем вынуждены вскрыть его сами, разгерметизировав тем самым весь объект. — Он глянул в сторону от камеры, будто сверялся с прибором или членом своей команды. — У вас есть час.

32
Счет ноль

Бобби вышел из конторы вслед за Джекки и девочкой с каштановыми волосами. Казалось, он у Джаммера чуть ли не месяц и уже никогда не выполоскать изо рта привкус этого места. Идиотские маленькие глазки утопленных прожекторов смотрят с черного потолка, пухлые кубы сидений из искусственной замши, круглые столы, резные деревянные ширмы… Бовуар сидел, свесив ноги, на стойке бара, на серых блестящих коленях — юаровский дробовик, рядом — детонатор.

— Как вышло, что ты их впустил? — спросил Бобби у Бовуара, в то время как Джекки усадила девочку у стола.

— Это все Джекки, — сказал Бовуар, — она была в трансе, пока ты сидел во льду. Легба. Он сказал нам, что Дева на пути сюда с этим парнем.

— Кто он?

— С виду наемник, — пожал плечами Бовуар. — Солдат дзайбацу. Поднявшийся уличный самурай. Что с тобой произошло, пока ты был во льду?

Бобби рассказал ему о Джейлин Слайд.

— Лос-Анджелес, — задумчиво проговорил Бовуар. — Она все вверх дном перевернет, чтобы добраться до человека, который сжег ее дружка, но если брату нужна помощь — гуляй лесом.

— Я не брат.

— Думаю, в этом ты прав.

— Так, значит, мне не нужно пытаться прорваться к якудза?

— А что говорит Джаммер?

— Ни хера не говорит. Сидит там сейчас и смотрит, как твой «солдат» разговаривает по телефону.

— Звонок? От кого?

— Какой-то бледнолицый с протравкой. Ох и мерзкая рожа.

Бовуар поглядел на Бобби, потом на дверь, потом снова на Бобби.

— Легба говорит: соберись с духом и наблюдай… Слишком много неожиданностей и без Сыновей Неоновой Хризантемы.

— Бовуар, — сказал Бобби, понизив голос, — эта девочка… это она, та самая, которая была в матрице, когда я пытался…

Негр кивнул, пластиковая оправа снова сползла на кончик носа.

— Дева.

— Но что происходит? Я хочу сказать…

— Бобби, мой тебе совет: просто принимай все как есть. Для меня она одно, для Джекки, может быть, что-то иное. Для тебя — просто перепуганный ребенок. Полегче, не расстраивай ее. Она очень далеко от дома, а нам еще очень и очень далеко до того, чтобы выбраться отсюда.

— Ладно… — Бобби смотрел себе под ноги. — Мне очень жаль, что так вышло с Лукасом, друг. Он был… он был настоящий чувак.

— Пойди поговори с Джекки и девочкой, — отозвался Бовуар. — Я присмотрю за дверью.

— Хорошо.

Он зашагал по ковру ночного клуба туда, где Джекки сидела с девочкой. Ничего особенного, девчонка как девчонка, только какой-то голосок нашептывал, что она и есть та самая, единственная. Девочка не подняла глаз, и тут он сообразил, что она плачет.

— Меня схватили, — сказал он Джекки. — А ты попросту исчезла.

— Как и ты, — ответила танцовщица. — Потом ко мне пришел Легба…

— Ньюмарк, — позвал от двери в контору Джаммера незнакомец по имени Тернер, — иди сюда,

разговор есть.

— Мне нужно идти, — сказал Бобби. Ему очень хотелось, чтобы девочка подняла глаза, увидела, как его зовет этот крутой самурай. — Я им нужен.

Джекки только сжала ему руку.

— Забудь про якудза, — сказал Джаммер. — Все гораздо сложнее. Ты отправишься в лос-анджелесский сектор и подключишься к деке этой крутой. Когда Слайд захватила тебя, она не могла знать, что моя дека зафиксирует ее номер.

— Она сказала, твоей деке место в музее.

— Что она, черт побери, понимает! — огрызнулся Джаммер. — Я знаю, где она живет, разве не так? — Приложившись, он убрал ингалятор назад в стол. — Загвоздка в том, что она тебя списала. Она даже слышать о тебе не захочет. Тебе придется достучаться до нее и сказать ей то, что она стремится узнать.

— И что же это?

— Что с ее дружком расправился человек по имени Конрой, — сказал высокий. Он полулежал в одном из кресел Джаммера с огромным револьвером на коленях. — Конрой. Скажи ей, что это был Конрой. И Конрой же нанял тех волосатых ублюдков, которые торчат снаружи.

— Я бы лучше попытал яков, — сказал Бобби.

— Нет, — отрезал Джаммер, — эта Слайд доберется до его задницы раньше. Яки сперва взвесят мой долг, перепроверят всю историю. А кроме того, я думал, тебе не терпится поучиться…

— Я пойду с ним, — сказала от двери Джекки.

Они включились.

Джекки умерла почти сразу же, в первые восемь секунд.

Он это почувствовал, испил до дна — и почти понял, что есть смерть. Он кричал, кружился, засасываемый в поджидавшее их жерло белого ледникового туннеля…

Масштабы туннеля были попросту непомерны, запредельны, будто вся кибернетическая мегаструктура какой-нибудь транснациональной корпорации разом обрушила свой вес на Бобби Ньюмарка и танцовщицу по имени Джекки. Невозможно…

Но где-то на краю сознания, как раз тогда, когда он терял его, что-то заскреблось… Что-то будто дергало его за рукав…

Он лежал ничком на чем-то шершавом и жестком. Открыл глаза. Дорожка, вымощенная круглыми булыжниками, мокрая от дождя. Он с

трудом поднялся на ноги, пошатнулся и увидел дымчатую панораму незнакомого города, а за ней — море. Вот шпили — очевидно, какой-то собор, безумные ребра и спирали облицовочного камня… Он повернулся и увидел, как по склону к нему, разинув пасть, соскальзывает гигантская ящерица… Бобби прищурился. Зубы у ящерицы — из зеленой обливной керамики, и струйка воды неторопливо сочится по нижней губе из голубого мозаичного фарфора. Существо оказалось фонтаном с боками, выложенными тысячами фарфоровых осколков. Бобби резко обернулся, почти обезумев от близости смерти Джекки. Лед, лед… и внезапно промелькнула мысль: так же близко подошла к нему смерть тогда, в гостиной матери.

А здесь — странные извивающиеся скамейки, покрытые той же головокружительной мешаниной битого фарфора, и деревья, и трава… Парк.

— Экстраординарно, — сказал некто.

С одной из змеевидных скамеек поднимается мужчина. Серые волосы у него аккуратно подстрижены под ежик, лицо загорелое, и круглые, без оправы, очки увеличивают и без того большие голубые глаза.

— Ты прошел прямо насквозь, не так ли?

— Что это? Где я?

— В парке Гуэля — до некоторой степени. В Барселоне, если угодно.

— Ты убил Джекки.

Мужчина нахмурился:

— Понимаю. Пожалуй, я понимаю. И тем не менее ты не должен был оказаться здесь. Случайность.

— Случайность! Ты убил Джекки!

— Моя система сегодня излишне перегружена, — сказал человек, не вынимая рук из карманов свободного бежевого пальто. — Это действительно экстраординарный случай…

— Так нельзя! — сказал Бобби, глаза ему застилали слезы. — Нельзя. Нельзя так просто взять и убить кого-то, кто только что был здесь…

— Только что был — где? — Человек снял очки и начал протирать стекла безупречно белым носовым платком, который вынул из кармана пальто.

— Только что был жив, — сказал Бобби, делая шаг вперед.

Мужчина снова надел очки.

— Такого никогда раньше не случалось.

— Нельзя. — Еще ближе.

— Это становится утомительным. Пако!

— Сеньор.

Бобби повернулся на звук детского голоса и увидел маленького мальчика, затянутого в странный жесткий костюмчик, в черных кожаных ботинках на шнуровке.

— Удали его.

— Сеньор.

Мальчик чопорно поклонился, вынимая из темного пиджачка крохотный автоматический браунинг. Бобби заглянул в темные глаза под глянцевой челкой и увидел в них выражение, какого никогда не бывает у ребенка. Мальчик поднял пистолет, целясь в Бобби.

— Кто ты? — Бобби проигнорировал пушку, но не стал больше пытаться приблизиться к человеку в бежевом пальто.

Человек перевел взгляд на Бобби:

— Вирек. Йозеф Вирек. Я думал, большая часть человечества знает меня в лицо.

— Ты из «Важных мира сего» или откуда?

Человек прищурился, собрав морщинами лоб:

— Не знаю, о чем ты говоришь. Пако, что тут делает эта личность?

— Случайный прокол, — ответил ребенок очень красивым, музыкальным голосом. — Основные ресурсы нашей системы задействованы через

Нью-Йорк в попытке предотвратить бегство Анджелы Митчелл. А этот вот попытался войти в матрицу в тандеме с еще одним оператором и натолкнулся на нашу систему. Мы все еще пытаемся определить, как он прорвал нашу защиту. Опасность вам не угрожает. — Дуло маленького браунинга было абсолютно неподвижно.

И вдруг снова странное ощущение — будто кто-то дергает его, Бобби, за рукав. Нет, не совсем рукав, скорее, шевелится где-то в уголке сознания, нечто…

— Сеньор, — сказал ребенок, — в матрице наблюдаются аномальные явления, вероятно в результате нынешней сверхперегрузки нашей системы. Мы настоятельно предлагаем вам отсоединиться от конструкта до тех пор, пока мы не сумеем установить природу аномалии.

Ощущение стало сильнее. Кто-то скребся где-то на задворках его сознания…

— Что? — поднял брови Вирек. — И вернуться в резервуар? Едва ли это представляется оправданным…

— Вероятность настоящей опасности… — сказал мальчик. Теперь в его голосе появилась некоторая нервозность. Он чуть повел стволом браунинга. — Ты, — бросил он Бобби, — лицом на

булыжник. Раскинь руки и ноги…

Но Бобби смотрел на цветочную клумбу у него за спиной, где цветы на глазах скукоживались и увядали, трава серела и распадалась в пыль и сам воздух над клумбой завихрялся мелкими смерчами… Ощущение чего-то, скребущегося в голове, становилось все сильнее, все настойчивее.

Вирек повернулся и тоже уставился на умирающие цветы.

— Что это?

Бобби закрыл глаза и стал думать о Джекки. Зудящий звук стал громче, вдруг Бобби понял, что это он сам его издает. Он потянулся внутрь себя — звук все еще шел — и коснулся деки Джаммера. «Давай! Иди! — крикнул он куда-то в глубину сознания, не заботясь, к чему или к кому он обращается. — Давай же!» Он почувствовал, как что-то поддалось, некий барьер или преграда, и скребущее ощущение пропало.

Когда он открыл глаза, на клумбе мертвых цветов что-то появилось. Бобби прищурился. Похоже на крест из простого, крашенного белым дерева; кто-то продел перекладины креста в рукава древнего морского кителя, какого-то поеденного плесенью сюртука с тяжелыми, вычурными эполетами из потускневших золотых косичек,

ржавые пуговицы, косички по обшлагам… На фоне белого столба возникла ржавая абордажная сабля, эфесом вверх, а рядом с ней — бутылка, до половины наполненная прозрачной жидкостью.

Ребенок резко повернулся, рявкнул пистолетик… И вдруг мальчик опал, сдулся, как проколотый воздушный шар. Шар засосало в ничто, а браунинг заклацал по каменной дорожке, как брошенная игрушка.

— Имя мне Самеди, — раздался голос, и Бобби захотелось кричать, он вдруг осознал, что этот голос исходит из его собственного рта. — Ты убил лошадь моего брата…

Вирек бросился бежать вниз по извилистой дорожке со змеями скамеек, полы огромного пальто развевались за ним, как уродливые крылья. И Бобби увидел, что его ждет второй белый крест — прямо там, где дорожка заворачивала, чтобы исчезнуть. Тут Вирек, должно быть, тоже его увидел, он закричал, и Барон Самеди, Хозяин Кладбищ, лоа, чьим царством была смерть, опустился на Барселону холодным темным дождем.

— Что, черт побери, тебе надо? Кто ты? — Голос был знакомый, женский. Не Джекки.

— Бобби, — сказал он, сквозь него пульсировали волны тьмы. — Бобби…

— Как ты сюда попал?

— Джаммер. Он знал. Его дека пришпилила тебя, когда ты заледенила меня в прошлый раз. — Только что он что-то видел, что-то огромное. Никак не вспомнить… — Меня послал Тернер. Он велел передать тебе, что это Конрой. Тебе нужен Конрой… — Собственный голос доносился будто чужой.

Он побывал где-то и вернулся, а теперь он здесь, в минималистичном неоновом рисунке Джейлин. На обратном пути он видел, как что-то огромное, нечто, заглотившее их, сдвинулось и стало изменяться. Исполинские блоки его вращались, выстраиваясь в новом порядке, менялся весь контур решетки…

— Конрой, — сказала она. Сексуальная, при всей небрежности прорисовки, мультяшная фигурка потянулась возле видеоокна, в контурах Джейлин сквозила безмерная усталость, даже скука… — Так я и думала. — Окно полыхнуло белым, и на его месте сфокусировался кадр с изображением какого-то древнего каменного здания. — Парк-авеню. Он там с этими европейцами, затевает очередную аферу, — вздохнула она. — Думает, он в безопасности, понимаешь? Стер Рамиреса, прихлопнул его, как муху, лгал мне в

лицо, потом улетел в Нью-Йорк к своей новой работе, а теперь думает, что он в безопасности…

Фигура чуть шевельнулась, и картинка снова поменялась. Теперь экран заполнило лицо беловолосого, того самого, который при Бобби позвонил высокому самураю по телефону Джаммера. Она подключилась к его линии, подумал Бобби.

— …Или нет, — сказал Конрой (прорезалось аудио). — Так или иначе, она у нас в руках. Нет проблем.

А у беловолосого усталый вид, подумал Бобби, но все, мол, под контролем. Суровый мужик. Как Тернер.

— А я ведь следила за тобой, Конрой, — мягко сказала Слайд. — Мой добрый друг Банни, он за тобой присматривал для меня. Не один ты не спишь на Парк-авеню сегодня ночью…

— Нет, — говорил Конрой, — мы доставим ее вам в Стокгольм завтра. Совершенно точно. — Он улыбнулся прямо в камеру.

— Убей его, Банни, — медленно и раздельно произнесла Джейлин. — Убей их всех. Снеси весь этот чертов этаж и тот, что под ним. Прямо сейчас.

— Вот именно, — сказал Конрой, и тут что-то

случилось, камеру встряхнуло, изображение пошло волнами. — Что это? — спросил он совсем другим голосом, на этом экран погас.

— Гори, ублюдок, — сказала она.

А Бобби рывком выбросило назад, в темноту…

33
Обломки крушения и водоворот

Марли час проплавала среди медленного шторма, наблюдая за танцем шкатулочника. Угроза Пако ее не испугала, хотя она и не сомневалась в том, что он готов ее исполнить. Нет сомнений, уж он-то свою угрозу выполнит. Она понятия не имела, что может случиться, если взломают шлюз. Наверное, все умрут. Умрет она, и Джонс, и Виган Лудгейт. Может, вся эта подкупольная круговерть выплеснется в космос облаком, распуская лепестки кружев и почерневшего серебра, стеклянных шариков и обрывков веревки, и коричневых страниц старых книг, и навечно закружит по орбите вокруг оболочки сердечников. Что ж, это будет вполне в стиле — и художника, того, кто запустил шкатулочника, это бы только порадовало…

По кругу клешней с темперлоновыми подушечками пальцев бегала новая шкатулка. Забракованные прямоугольные фрагменты дерева и стекла, кувыркаясь, вылетали из фокуса творения, чтобы присоединиться к тысячам ме-

лочей. И Марли, околдованная происходящим, с головой ушла в созерцание. Сквозь отверстие в полу протиснулся Джонс. Взгляд у него был совершенно безумный, а лицо покрыто пленкой грязи и пота. Вслед за ним на страховочном конце вплыл красный скафандр.

— Никак не загнать Вига в место, которое я мог бы загерметизировать, — сказал он, — так что это тебе…

Скафандр под ним сделал попытку нырнуть, и Джонс в отчаянии дернул на себя страхконец.

— Не хочу, — ответила Марли, не отрывая глаз от танца.

— Надевай! Сейчас же! Время вышло! — Губы парнишки судорожно подергивались, но никакого крика не получалось. Он попытался взять ее за руку.

— Нет, — сказала она, отодвигаясь от него. — Как насчет тебя?

— Надевай этот чертов скафандр! — заорал он, разбудив более глубокие, низкие регистры эха.

— Нет.

За его головой она увидела, как, мигнув пару раз, экран ожил и заполнился чертами Пако.

— Сеньор мертв, — сказал испанец безо всякого выражения на гладком лице, — и его финансовые

активы претерпевают определенную реорганизацию. В настоящее время меня затребовали в Стокгольм. Я уполномочен сообщить Марли Крушковой, что она не находится более на службе у покойного Йозефа Вирека, а также не работает на фонд его наследственного имущества. Обусловленная контрактом сумма может быть получена в полном объеме в любом отделении Банка Франции по предъявлении юридически действительного удостоверения личности. Требуемые налоговые декларации занесены в базы данных соответствующих учреждений Франции и Бельгии. Линии рабочего кредита с настоящего момента аннулируются. Бывшие базы данных корпорации «Тессье-Эшпул СА» являются собственностью одной из дочерних компаний покойного герра Вирека, и всякому, находящемуся на данной территории, будет предъявлено обвинение в нарушении…

Джонс застыл на месте, рука согнута, кисть раскрыта и напряжена, чтобы усилить ударный край ладони.

Пако исчез.

— Ты меня ударишь? — поинтересовалась Марли.

Он расслабил руку.

— Собирался. Сначала оглушить, потом затолкать в этот чертов скафандр… — Он рассмеялся. — Но я рад, что мне не пришлось… Эй, смотри, он сделал новую.

Из порхания манипуляторов выкатилась новая шкатулка, и Марли без труда ее поймала.

Внутренность за квадратом стекла была гладко выложена кусочками кожи, вырезанными из ее куртки. Семь пронумерованных голофишей поднимались над черно-кожаным полом шкатулки, как миниатюрные надгробия. Мятая обертка от пачки «голуаз» была распластана по черной коже задника, а рядом с ней — серый в черную полоску спичечный коробок из брассерии во «Дворе Наполеона».

Вот и все.

Позже, когда она помогала Джонсу отловить Лудгейта в лабиринте коридоров у дальнего конца сердечников, парнишка вдруг остановился, уцепившись за литой поручень, и сказал:

— Знаешь, что самое странное в этих шкатулках?…

— Да?

— То, что Виг получал за них чертовски хорошие деньги. Где-то в Нью-Йорке. Я хочу сказать, большие деньги. Но иногда появлялись и другие

вещи. То, что возвращалось наверх…

— Что за вещи?…

— Думаю, это было программное обеспечение. Он чертовски скрытный старый хрен, когда дело доходит до того, что, по его мнению, хотят от него голоса… А однажды было нечто — он тогда клялся и божился, что это биософт, тот самый, новейшая технология…

— И что он с этим делал?

— Закачивал целиком в сердечники. — Джонс пожал плечами.

— То есть ничего у себя не оставлял?

— Нет, — сказал Джонс, — просто швырял в очередную груду хлама, который нам удалось наскрести для следующей поставки вниз. Загружал на сердечники, а потом перепродавал за сколько выйдет.

— Ты знаешь почему? В чем там было дело?

— Нет, — сказал Джонс, теряя интерес к собственному рассказу, — я даже не спрашивал, он все равно бы сказал, что пути Господни неисповедимы… — Парнишка пожал плечами. — Виг все повторяет, что Бог любит поговорить с Самим Собой…

34
Цепь в девять миль длиной

Он помог Бовуару перенести Джекки на сцену, где они положили ее перед вишнево-красными барабанами и накрыли старым черным пальто, нашедшимся в гардеробной, — с бархатным воротником и многолетним слоем пыли по плечам.

– *Map фе юбиле мнан,* — сказал Бовуар, касаясь большим пальцем лба мертвой танцовщицы. Потом он перевел взгляд на Тернера. — Это самопожертвование, — перевел он и мягко натянул черный воротник, закрывая ей лицо.

— Быстрая смерть, — сказал Тернер. Больше ничего ему в голову не пришло.

Вытащив пачку ментоловых сигарет из кармана серого балахона, Бовуар прикурил от золотой зажигалки «Данхилл», потом протянул пачку Тернеру, но тот покачал головой.

— Есть одна поговорка на креольском, — сказал Бовуар.

— А именно?

— Зло существует.

— Эй, — тускло окликнул их Бобби Ньюмарк со своего насеста у стеклянной двери, где он сидел, припав глазом к щели в шторах. — Должно быть, все-таки сработало… Готики начинают расходиться, а большинство фоннатов, похоже, уже отчалили…

— Вот это хорошо, — мягко отозвался Бовуар. — Это благодаря тебе, Счет. Ты справился, Граф. Заслужил свое прозвище — в обоих смыслах.

Тернер поглядел на парнишку. Тот все еще двигался так, будто брел сквозь туман смерти Джекки. Он вынырнул из матрицы с криком, и Бовуару пришлось дать ему пару крепких затрещин, чтобы остановить истерику. Но все, что он им сказал о своем рейде — рейде, который стоил жизни Джекки, — ограничилось подтверждением: да, он передал Джейлин Слайд сообщение Тернера. Тернер наблюдал за Бобби, когда тот неуклюже встал, отошел на негнущихся ногах к бару, видел, как мальчик старается не смотреть на сцену. Были ли эти двое любовниками? Партнерами? И то и другое представлялось ему маловероятным.

Встав со своего места на краю сцены, Тернер вернулся в контору Джаммера, по дороге проверив спящую Энджи, которая свернулась в его

взрезанной парке на ковре под столом. Джаммер в кресле тоже спал, обожженная рука все так же лежала у него на коленях, полосатое полотенце наполовину развернулось. Крепкий старикан, подумал Тернер, и бывалый ковбой. Как только Бобби вернулся из рейда, Джаммер снова подключил телефон, но Конрой так и не перезвонил. Теперь уже и не позвонит. Тернер знал, что это значит, а значило это то, что Джаммер был совершенно прав, говоря о скорости, с какой Джейлин Слайд нанесет удар, чтобы отомстить за Рамиреса, и что Конрой, конечно же, мертв. А теперь, по словам Бобби, и наемная армия провинциальных головорезов оставляет свои позиции.

Тернер подошел к телефону и, набрав код сводки новостей, устроился в кресле смотреть. В Макао паром на подводных крыльях столкнулся с мини-субмариной; спасательные жилеты оказались бракованными, и по меньшей мере пятнадцать человек утонули; местонахождение субмарины, увеселительного судна, приписанного к дублинскому порту, до сих пор не установлено… Кто-то расстрелял зажигательными снарядами из безоткатной пушки два этажа кооперативного здания на Парк-авеню; пожарные и тактические бригады еще осматривают место происшествия;

имена жильцов пока не оглашались, и никто не взял на себя ответственность за теракт… (Тернер набрал код этого отрывка вторично…) Группа инспекторов «Ядерной комиссии», вызванная на место предполагаемого ядерного взрыва в Аризоне, настаивает на том, что уровень обнаруженной здесь радиоактивности слишком низок и не может быть результатом взрыва какой-либо из известных боеголовок… В Стокгольме объявлено о кончине Йозефа Вирека, невероятно состоятельного мецената; объявление всплыло посреди водоворота самых невероятных слухов о том, что Вирек был болен уже несколько десятилетий и что его смерть явилась результатом некоего катастрофического сбоя в системе жизнеобеспечения в тщательно охраняемой частной клинике в пригороде Стокгольма… (Тернер прокрутил это сообщение во второй раз, потом в третий, нахмурился и, наконец, пожал плечами.) На более жизнеутверждающей ноте: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что…

— Тернер…

Остановив сводку новостей, он повернулся и увидел в дверном проеме Энджи.

— Как ты себя чувствуешь, Энджи?

— Нормально. Мне ничего не снилось. — Она

зябко завернулась в кофту, глянула на него из-под обвисших каштановых прядей. — Бобби показал мне, где тут душ. Там что-то вроде раздевалки. Я сейчас туда вернусь. На голове у меня черт-те что.

Тернер пересек комнату и положил ей руки на плечи:

— Ты держалась молодцом. Скоро ты отсюда выберешься.

Передернув плечами, дочь Митчелла скинула его руки.

— Отсюда? И куда же? В Японию?

— Ну, может, не в Японию. Может, не в «Хосаку»…

— Она поедет с нами, — сказал из-за ее спины Бовуар.

— И зачем бы это?

— Затем, — сказал Бовуар, — что мы знаем, кто ты. Эти твои сны совершенно реальны. В одном из них ты встретила Бобби и спасла ему жизнь, отрезала его от черного льда. Ты сказала тогда: «Почему они делают это с тобой?»

Глаза Энджи расширились, взгляд метнулся к Тернеру, потом назад к Бовуару.

— Это очень долгая история, — продолжал Бовуар, — интерпретировать ее можно по-всякому.

Но если ты поедешь с нами — а мы возвращаемся назад в Новостройки, — наши люди многому тебя научат. Мы передадим тебе то, чего не понимаем сами, но, возможно, поймешь ты…

— Почему?

— Из-за цепей в твоей голове, — серьезно покивал Бовуар и подтолкнул вверх к переносице свою пластиковую оправу. — Никто не станет принуждать тебя оставаться у нас против твоей воли. На самом деле мы здесь лишь для того, чтобы служить тебе…

— Служить мне?

— Как я уже сказал, это долгая история… Что думаете, мистер Тернер?

Тернер пожал плечами. Он понятия не имел, куда еще ей податься, а «Маас», без сомнения, выложит любые деньги, чтобы заполучить ее обратно — живой или мертвой, да и «Хосака» тоже.

— Возможно, это наилучший выход, — сказал он.

— Я хочу остаться с тобой. — Энджи повернулась к Тернеру. — Мне понравилась Джекки, но потом она…

— Не важно, — отозвался Тернер. — Я знаю. — («Ничего я не знаю!» — безмолвно кричал он.) — Я еще свяжусь с тобой… — («Я никогда больше

тебя не увижу».) — Но есть еще кое-что, и будет лучше, если я скажу тебе прямо сейчас. Твой отец мертв. — («Он покончил с собой».) — Его убили люди из службы безопасности «Мааса»; он задерживал их, пока ты уводила дельтаплан с плато…

— Это правда? Что он их задерживал? Я хочу сказать, я вроде чувствовала, что он мертв, но…

— Да, — сказал Тернер. Вынув из кармана черный конверт Конроя, надел ей на шею шнурок. — Здесь досье-биософт. Это тебе на будущее, когда ты станешь старше. Оно не расскажет тебе всего целиком. Помни об этом. Ничто никогда не дает полной правды…

Бобби стоял у бара, когда этот высокий выходил из конторы Джаммера. Высокий прошел прямо туда, где раньше спала девушка. Подобрав свою драную армейскую куртку, надел ее, потом подступил к краю сцены, где лежала Джекки, казавшаяся такой маленькой под черным пальто. Высокий запустил руку под куртку и вытащил пушку, огромный «смит-и-вессон», тактический образец. Открыв барабан, извлек патроны, ссыпал их себе в карман, а потом положил пушку возле тела Джекки. Положил так осторожно, что та даже не звякнула.

— Ты хорошо поработал, Граф, — сказал он,

поворачиваясь лицом к Бобби, руки глубоко в карманах куртки.

— Спасибо, друг. — Сквозь оцепенение Бобби все же испытал прилив гордости.

— Пока, Бобби. — Высокий подошел к двери и начал один за другим пробовать различные замки.

— Хочешь выйти? — Бобби поспешил к двери. — Вот так. Джаммер мне показывал. Уходишь, старик? Куда собираешься?

И вот дверь открыта, и Тернер уходит прочь мимо заброшенных, опустевших лавок.

— Не знаю! — не оборачиваясь, крикнул он Бобби. — Мне нужно сначала купить восемьдесят литров керосина, а потом я подумаю…

Бобби смотрел ему вслед, пока тот не исчез. Судя по всему — вниз по мертвому эскалатору. Потом закрыл и запер на все замки дверь. Стараясь не смотреть на сцену, он зашагал к конторе Джаммера и заглянул внутрь. Энджи плакала, уткнувшись в плечо Бовуару, и Бобби почувствовал удививший его самого укол ревности. Телефон зациклило, и за спиной Бовуара по кругу бежала все та же сводка новостей.

— Бобби, — окликнул его Бовуар, — Анджела какое-то время поживет в Новостройках. Не хо-

чешь тоже перебраться к нам?

За спиной Бовуара на экране появилось лицо Марши Ньюмарк, Мамы-Марши, его матери:

«…На более жизнеутверждающей ноте: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что местная жительница, чье кондо недавно взорвали, была крайне удивлена, вернувшись вчера вечером и обна…»

— Ага, — поспешно сказал Бобби, — конечно, друг.

35
Тэлли Ишем

— Она хороша, — сказал два года спустя администратор съемочной группы, неторопливо макая корочку пористого деревенского хлеба в озерцо масла, собравшегося на дне миски с салатом. — По-настоящему. Схватывает все на лету, эта твоя новая дублерша. Надо отдать ей должное, не так ли?

Рассмеявшись, звезда взяла со стола стакан охлажденной рецины.

— Ты ведь ненавидишь ее, правда, Робертс? Она для тебя слишком удачлива, да? Не сделала пока ни одного неверного шага…

Они опирались о шершавый камень балюстрады, глядя, как вечерний паром уходит к Афинам. Двумя террасами ниже в сторону гавани на нагретом солнцем водяном матрасе лежала обнаженная девушка. Раскинув руки, она будто обнимала то, что осталось от заходящего солнца.

Забросив пропитанную маслом корочку в рот, администратор облизал узкие губы.

— Отнюдь, — сказал он. — Я не ненавижу ее. И

минуты так не думай.

— А вот и ее дружок, — заметила Тэлли, когда на плоской крыше под ними появилась вторая фигура: темноволосый парнишка был одет в свободный, небрежно дорогой французский спортивный костюм; он подошел к матрасу и, присев возле девушки, коснулся ее плеча. — Она прекрасна, Робертс, не правда ли?

— Ну, — отозвался администратор, — я видел ее фотографии «до». Пластическая операция, не более того. — Он пожал плечами, все еще не сводя глаз с юноши.

— Если бы ты где-нибудь увидел мои фотографии «до», — сказала она, — я бы кое с кого шкуру спустила. Но в ней что-то есть. Хорошие кости, основа… — Она отпила вина. — А вдруг это она? «Новая Тэлли Ишем»?

Администратор снова пожал плечами.

— Только погляди на этого недоноска, — сказал он. — Ты знаешь, что он получает почти такое же жалованье, как я сейчас? И как он его отрабатывает? Телохранитель… — Его рот сжался в тонкую кислую линию.

— Помогает ей быть счастливой, — улыбнулась Тэлли. — Мы получили их в одном флаконе. Это обязательный пункт ее контракта. Сам знаешь.

— Терпеть не могу этого маленького ублюдка. Только-только с улицы — сам прекрасно это знает и плюет на всех. Он просто мешок с неприятностями. Знаешь, что он возит в своем багаже? Киберпространственную деку! Нас вчера на три часа задержали на турецкой таможне, когда нашли эту чертову штуку… — Он покачал головой.

Парнишка встал, повернулся и отошел к краю крыши. Девушка села, глядя на него, смахивая со лба непослушные волосы. Он стоял там долго, уставившись на двойной, расходящийся веером след в кильватере афинского парома. И ни Тэлли Ишем, ни администратор, ни Энджи не знают, что он видит сейчас серую волну барритаунских кондо, увенчанную темными башнями Новостроек.

Девушка встала, пересекла крышу и, встав с ним рядом, взяла его за руку.

— Что у нас на завтра? — спросила наконец Тэлли.

— Париж, — ответил администратор, беря с каменной балюстрады кожаную папку от «Гермеса» и машинально пролистывая тонкую пачку желтых распечаток. — Некая Крушкова.

— Я ее знаю?

— Нет, — сказал он. — Это раздел «Искусство». Она заправляет одной из двух самых модных

парижских галерей. Информации не так много, хотя мы раскопали многообещающий намек на какой-то скандал в начале ее карьеры.

Не обращая на него внимания, Тэлли кивнула. Звезда смотрела, как ее ученица кладет руку на плечо парнишке с темными волосами.

36
Беличий лес

Когда мальчику исполнилось семь, Тернер взял старый, с пластиковым прикладом, винчестер Руди, и они вдвоем отправились в путешествие по старому шоссе, а потом через лес на поляну.

Поляна и без того была особым местом: мать приводила его сюда год назад и показывала самолет, настоящий самолет, спрятанный среди деревьев. Самолет потихоньку погружался в глину, но можно ведь просто посидеть в кабине, делая вид, что летишь. Это секрет, сказала мать, и о нем можно рассказывать только отцу, и никому больше. Если положить руку на пластиковую шкуру самолета, шкура со временем изменит цвет, оставив отпечаток твоей руки, точь-в-точь под цвет ладони. Но тут мать стала совсем странной, и заплакала, и захотела говорить о дяде Руди, которого он не помнил. Дядя Руди… ну, он относился к тому, чего мальчик совсем не понимал, как, скажем, некоторые из шуток отца.

Однажды он спросил у отца, почему у него рыжие волосы и откуда они у него, а отец только

рассмеялся и сказал, что, мол, от голландца. Тогда мать бросила в отца подушкой, и он так и не узнал, кто такой этот голландец.

На поляне отец учил его стрелять, прислонив к стволу дерева пару сосновых чурок. Когда мальчику это надоело, они долго лежали в траве, наблюдая за белками.

— Я пообещал Салли, что мы никого не убьем, — сказал отец, а потом стал объяснять азы охоты на белок.

Мальчик слушал, но какая-то часть его видела сны наяву — о самолете. Жарко, и можно услышать, как поблизости жужжат пчелы и журчит по камням вода. Когда его мать плакала, она говорила, что Руди был хорошим человеком, что он спас ей жизнь, один раз спас от молодости и глупости, и еще раз — от очень плохого человека…

— Это правда? — спросил он своего отца, когда тот закончил говорить о белках. — Они что, правда такие глупые, снова и снова возвращаются, чтобы их подстрелили?

— Да, — ответил Тернер, — правда. — Потом он улыбнулся: — Ну, почти всегда…

Мона Лиза овердрайв

Моей сестре, Фрэн Гибсон,
с восхищением и любовью

1
Большой Дым

Призрака, прощальный подарок отца, передал ей в зале вылета Нариты секретарь в черном.

Первые два часа перелета в Лондон он лежал забытый в ее сумочке — гладкий черный продолговатый предмет. Одну сторону корпуса украшала гравировка с вездесущим логотипом «Маас-Неотек», с другой стороны корпус был плавно изогнут, отлитый под ладонь пользователя.

Кумико выпрямилась в кресле салона первого класса. Черты сложены в маленькую холодную маску, смоделированную по наиболее характерному выражению лица покойной матери. Места вокруг пустовали: отец купил весь салон. Девочка отказалась от обеда, предложенного отчаянно нервничающим стюардом: того до икоты пугали пустые кресла — зримое свидетельство богатства и власти ее отца. Мужчина помедлил, потом с поклоном удалился. На мгновение она позволила маске матери улыбнуться.

«Призраки… — думала она позже, уже где-то

над Германией, глядя на обивку соседнего кресла. — Как хорошо отец обращается со своими призраками…»

И за окном тоже были призраки. Призраки клубились в стратосфере европейской зимы, разрозненные образы, начинающие обретать ясность, если позволить взгляду расфокусироваться. Ее мать в парке Уэно, лицо в свете сентябрьского солнца кажется таким хрупким. «Журавли, Кумико! Погляди, какие журавли!» И Кумико смотрит вдаль над прудом Синобадзу и ничего не видит, ни следа журавлей. Только несколько мелькающих черных точек, которые, конечно же, самые обыкновенные вороны. Вода к вечеру обрела гладкость свинцового шелка, и над тирами для стрельбы из лука мерцали бледные, расплывчатые голограммы. Но Кумико увидит журавлей после — во сне, и не один раз: оригамные журавлики, угловатые создания, сложенные из листов неона. Светящиеся жесткие птицы поплывут по лунному ландшафту материнского безумия…

Отец в черном халате, распахнутом поверх вытатуированного вихря драконов… сутулится над необъятным полем черного дерева — рабочим столом… Глаза — плоские и яркие, как у рас-

писной куклы. «Твоя мать умерла. Понимаешь? У-мер-ла». А вокруг ходят по кабинету зыбкие плоскости тени, копошится угловатая тьма. В круге света настольной лампы возникает рука отца, тычет в нее дрожащим пальцем. Рукав халата соскальзывает, открывая золотой «Ролекс» и очередных драконов; гривы их свиваются в волны, наколотые плотно и густо вокруг запястий. Их пасти тянутся к девочке. «Понимаешь?» Она ничего не ответила и убежала прочь, вниз, в укромное местечко в подвале, известное только ей одной, сжалась в комок под брюхом маленького робота-чистильщика. Всю ночь вокруг нее щелкали автоматы, каждые несколько минут сканируя подвал розовыми вспышками лазерного света. Девочка проплакала там несколько часов кряду, пока ее не нашел отец и, обдавая запахом виски и сигарет «данхилл», не отнес наверх в ее комнату на третьем этаже особняка.

Воспоминания о последовавших затем неделях… Тусклые, оцепенелые дни, проведенные в основном в черно-костюмном обществе то одного, то другого секретаря, осторожных молодых людей с автоматическими улыбками и плотно свернутыми зонтами. Один из них, самый молодой и самый неосторожный, решил развлечь

ее на запруженном туристами тротуаре Гиндзы под сенью часов Хаттори, сымпровизировав демонстрацию кэндо. Как легко скользил он меж ошалевших от удивления продавщиц, меж распахнувших глаза туристов! Взмах — и черный зонт будто теряет очертания, появляется вновь, выписывая безобидно и молниеносно ритуальные фигуры древнего искусства. Кумико тогда улыбнулась своей улыбкой, сломав похоронную маску. И от этого ее вина тут же вонзилась еще глубже, в то самое место в сердце, где Кумико оплакивала свой стыд и свою недостойность. Но чаще всего секретари водили ее за покупками по необъятным универмагам Гиндзы, туда-сюда по десяткам бутиков Синдзюку, как советовал им «мишленовский» гид из синего пластика, говоривший на консервативном туристическом японском. Девочка покупала только самые безобразные вещи, безобразные и очень дорогие, и секретари солидно вышагивали рядом с глянцевыми пакетами в руках. Каждый вечер по возвращении в отцовский особняк аккуратно расставленные пакеты появлялись в спальне Кумико, где нетронутыми и нераспакованными дожидались, пока их не унесут горничные.

А на седьмую неделю, накануне ее тринадцато-

го дня рождения, было устроено так, что Кумико отправится в Лондон.

— Ты будешь гостьей в доме моего кобуна[58], — сказал отец.

— Но я не хочу ехать, — ответила она улыбкой матери.

— Ты поедешь. — Отец отвернулся. — Возникли определенные затруднения, — обратился он к полному теней кабинету. — В Лондоне ты будешь в безопасности.

— А когда я вернусь?

Но отец не ответил. Поклонившись, она покинула его кабинет, все еще с улыбкой матери на лице.

Призрак откликнулся на первое же прикосновение Кумико. Произошло это, когда самолет стал снижаться над Хитроу. Представитель пятьдесят первого поколения биочипов «Маас-Неотек» материализовался в расплывчатую фигуру на соседнем сиденье. Парнишка будто сошел с литографии какой-нибудь охотничьей сцены — ноги в рыжевато-коричневых бриджах и ботинках для верховой езды небрежно закинуты одна на

[58] notes: 58

Оябун — кобун («приемный отец» — «приемный сын») — традиционная японская иерархическая структура, на которой строится якудза.

другую.

— Привет, — сказал призрак.

Моргнув, Кумико разжала руку. Парнишка замерцал и исчез. Она опустила глаза на маленький гладкий модуль в своей ладони и осторожно сомкнула пальцы.

— Еще раз привет. Меня зовут Колин. А тебя?

Она взглянула на него пристальней. Глаза призрака клубились зеленым туманом, высокий лоб под непослушными темными прядями был бледен и гладок.

— Если это для тебя слишком призрачно, — ухмыльнувшись, проговорил он, — можно увеличить разреше…

На какую-то долю секунды он стал четким до рези в глазах. Ворс на отворотах его куртки завибрировал с реальностью галлюцинации.

— Но это быстро посадит батарейку, — продолжил Колин и поблек до первоначального состояния. — Не слышал твоего имени.

Снова ухмылка.

— Ты не настоящий, — сказала девочка.

Призрак пожал плечами:

— Нет нужды говорить вслух, мисс. Соседи могут решить, что ты немного с приветом, если понимаешь, о чем я. Говори про себя. Я считаю

все через кожу… — Он потянулся, закинув руки за голову. — Ремень, мисс. Мне не нужно пристегиваться, поскольку, как ты изволила заметить, я не настоящий.

Нахмурившись, Кумико швырнула модуль призраку на колени. Призрак исчез. Она застегнула ремень, глянула на вещицу, потом, помедлив, подтянула ее к себе за цепочку.

— Значит, впервые в Лондоне? — спросил он, воплотившись из водоворота красок на периферии ее зрения.

Сама того не желая, девочка кивнула.

— А как насчет летать? Не боишься?

Она мотнула головой, чувствуя себя глупо.

— Да и бог с ним, — сказал призрак. — Я за тобой пригляжу. Будем в Хитроу через три минуты. Тебя кто-нибудь встречает?

— Деловой партнер отца, — ответила она по-японски.

Призрак усмехнулся.

— Тогда, конечно, ты будешь в надежных руках, — подмигнул он. — По мне не скажешь, что я такой лингвист, да?

Кумико закрыла глаза, и призрак стал нашептывать ей что-то об археологии Хитроу, о неолите и бронзовом веке, о глиняных черепках и камен-

ных рубилах…

— Мисс Янака? Кумико Янака?

Над ней высился незнакомый англичанин. Массивное туловище гайдзина[59] было задрапировано слоновьими складками темной шерсти. Из-за очков в стальной оправе мягко взирали маленькие темные глазки. Нос, будто расплющенный чьим-то давним ударом, так и не выправили. Волосы незнакомца, вернее, то, что от них осталось, были выбриты до седой щетины, а черные вязаные перчатки протерлись и не имели пальцев.

— Видите ли, — сказал он так, как будто это тут же должно было ее успокоить, — меня зовут Петал[60].

Говоря о Лондоне, Петал называл город Большой Дым. Или просто Дым.

Кумико съежилась на холодной красной коже переднего сиденья. Из окна древнего «ягуара» ей было видно, как падает, кружась, снег и тает на дороге, которую Петал назвал М-4. Вечернее небо было бесцветным. Петал вел машину умело и

---

[59] notes: 59
Gaijin *(яп.)* — иностранец, не японец.

[60] notes: 60
Petal *(англ.)* — лепесток.

молча, вытянув губы так, будто вот-вот засвистит. По меркам Токио машин было до абсурда мало. Они обогнали автономный грузовой трейлер «Евротранс», его тупой нос был утыкан сенсорами и обрамлен многорядьем фар. Несмотря на скорость, Кумико казалось, будто она стоит на месте и вокруг нее постепенно скапливаются, нанизываются одна на другую частицы Лондона. Стены из мокрого красного кирпича, бетонные арки эстакад, кованые копья оград из черного чугуна.

Город на глазах приобретал очертания. Когда «ягуар», свернув с М-4, на перекрестках дожидался зеленого, сквозь медленно кружащийся снег девочка видела неясные лица прохожих: раскрасневшиеся лица гайдзинов над темной одеждой, подбородки упрятаны в шарфы, каблуки женщин цокают по серебристым лужам. Ряды домов и магазинчиков напомнили ей вычурные безделушки, какие она видела однажды на темном бархате. Там они располагались вокруг игрушечного локомотива в галерее торговца европейским антиквариатом в Осаке.

Ничто здесь не походило на Токио, где прошлое — все, что от него осталось, — лелеяли с какой-то нервозной заботой. История там превратилась в качество, редкость, в подарочной упаковке

поставляемую правительством и охраняемую законом и фондами корпораций. Здесь же она, казалось, пропитывала саму ткань бытия. Город вставал единым сгустком из кирпича и камня, вместившим многие эпохи наслаивающихся друг на друга посланий и смыслов, порожденных многовековым диктатом уже почти не поддающейся раскодированию ДНК коммерции и империи.

— Сожалею, что Суэйн не смог поехать встретить тебя сам, — сказал человек, назвавший себя Петалом.

Вместо «сожалею» Кумико послышалось «сожалей», и она сперва приняла его извинения за приказ. Она подумала, не вызвать ли ей призрака, но потом отказалась от этой мысли.

— Суэйн, — рискнула спросить она, — мистер Суэйн — это мой хозяин?

Петал встретил в зеркале ее взгляд.

— Роджер Суэйн. Отец разве не говорил тебе?

— Нет.

— Ага. — Он кивнул. — Мистер Янака ценит секретность в таких делах, этого следовало ожидать… Человек его положения, и так далее… — Он шумно вздохнул. — Прошу прощения, что обогреватель не работает. В гараже должны были починить…

— А вы один из секретарей мистера Суэйна? — спросила она у щетинистых перекатов плоти над воротником плотного пальто.

— Его секретарь? — Казалось, он обдумывает ее вопрос. — Нет, — решился он наконец. — Я не секретарь.

«Ягуар» свернул на загибающуюся дугой подъездную дорожку, оставив позади поблескивающие металлические навесы и вечернюю реку пешеходов.

— Так ты поела? Вас кормили в полете?

— Я была не голодна. — На лице маска матери.

— Ну, думаю, у Суэйна для тебя что-нибудь найдется. Любит японскую еду наш Суэйн. — Прищелкнув языком, Петал оглянулся на девочку.

Она смотрела мимо него, видя лишь поцелуи снежинок на ветровом стекле и стирающие их взмахи дворников.

Резиденция Суэйна в Ноттинг-Хилле состояла из трех соединенных переходами городских домов в викторианском стиле, затерявшихся в снежной круговерти улочек и переулков. Петал с парой чемоданов Кумико в каждой руке объяснил, что дверь номер 17 — это одновременно парадный вход и для домов номер 16 и 18.

— Нет смысла туда стучать, — сказал он, нелов-

ко взмахнув чемоданами в попытке указать на красную полировку и начищенные медные петли двери дома номер 16. — За ней нет ничего, кроме двадцати дюймов железобетона.

Взгляд девочки скользнул по подъездной дорожке, где отступали, загибаясь вдоль пологой дуги, почти идентичные фасады домов. Снег теперь валил гуще, и блеклое небо в свете натриевых ламп приобрело оттенок лососины. Улица казалась вымершей, а снег — чистым и нетронутым. В холодном воздухе чудился незнакомый привкус, слабый, но всепроникающий намек на архаичное топливо. Ботинки Петала оставляли огромные отчетливые следы. Англичанин носил черные, замшевые, с узким носком оксфорды на необычайно толстой рифленой подошве из алого пластика. Вновь начиная дрожать от холода, она последовала по этим следам вверх по серым ступеням дома номер 17.

— Так, значит, это я, — обратился Петал к выкрашенной в черное двери, — впускайте.

Потом он вздохнул, поставил все четыре чемодана в снег и, сняв с правой руки перчатку, прижал ладонь к кругу яркой стали, утопленному в дверную створку. Кумико показалось, что она услышала будто бы комариный писк, который

становился все выше, пока не исчез совсем. Дверь завибрировала, это вышли из пазов магнитные засовы.

— Ты назвал его «Дым», — сказала японка, когда он взялся за ручку двери, — город…

Петал помедлил.

— Дым, — повторил он, — да, Большой Дым. — И открыл дверь в свет и тепло. — Это старое выражение, что-то вроде прозвища.

Вновь подхватив багаж, Петал мягко протопал в устланное синим ковром фойе, обшитое панелями из белого крашеного дерева. Она вошла следом. Дверь за ее спиной автоматически закрылась, с гулким стуком вдвинулись на место засовы. На белой обшивке стены висела картина в махагоновой раме — лошади в поле, крохотные фигурки в красных куртках. Вот бы где жить этому призраку, Колину, подумала она. Петал поставил чемоданы. На синем ковре таяли маленькие комки слипшегося снега. Англичанин открыл еще одну дверь, за которой оказалась позолоченная стальная клетка. С лязгом отодвинулась складная решетка. Кумико недоуменно воззрилась на странное сооружение.

— Лифт, — пояснил Петал, — для твоих вещей в нем места не хватит. Я за ними потом спущусь.

Когда Петал ткнул в белую фарфоровую кнопку толстым указательным пальцем, лифт, несмотря на свой явно пожилой возраст, тронулся довольно плавно. Кумико пришлось стоять почти впритык к англичанину; от него пахло влажной шерстью и каким-то цветочным лосьоном.

— Мы поселим тебя наверху, — сказал он, проводя ее по узкому коридору. — Решили, там будет спокойнее. — Открыв дверь, он жестом предложил ей войти. — Надеюсь, тебе понравится… — Сняв очки, он стал энергично протирать их мятой тряпицей. — Я принесу твой багаж.

Оставшись одна, Кумико медленно обошла вокруг массивной ванны из черного мрамора, доминировавшей в центре низкой, заставленной мебелью комнаты. По стенам, резко сходящимся к потолку, висели позолоченные зеркала. Пара небольших мансардных окон обрамляла огромную кровать. Такого размера ложа Кумико еще никогда в жизни не видела. В зеркало над кроватью были встроены маленькие светильники на шарнирах, похожие на лампы для чтения в самолете. Она остановилась около ванны, погладила изогнутую шею лебедя в позолоте, служившего краном. Опускаясь или поднимаясь, его раскинутые крылья, должно быть, регули-

ровали температуру воды. Воздух был теплым и недвижным, и ей на мгновение почудилось, что комнату, как болезненный, мучительный туман, заполнило присутствие матери.

В дверях кашлянул Петал.

— Ну как, все в порядке? — приговаривал он, возясь с ее багажом. — Еще не проголодалась? Нет? Тогда я тебя оставлю, располагайся… — Он пристроил чемоданы возле гигантской кровати. — Если захочется есть, позвони. — Он указал на причудливый антикварный телефон с мембранами в виде медных свитков на причудливо изогнутой трубке из слоновой кости. — Просто подними трубку, не нужно даже набирать. Завтрак — когда захочешь. Спроси кого-нибудь, тебе покажут, где столовая. Там и познакомишься с Суэйном…

Появление англичанина развеяло наваждение. Когда, пожелав девочке доброй ночи, он закрыл за собой дверь, Кумико попыталась ощутить присутствие матери вновь, но ничего не вышло.

Еще долго она стояла у ванны, поглаживая холодный гладкий металл лебединой шеи.

2
Малыш Африка

Малыш Африка явился на Собачью Пустошь в последний день ноября. За рулем его винтажного «доджа» восседала белая девушка по имени Черри Честерфилд.

Слик Генри и Пташка как раз демонтировали циркульную пилу, служившую левой рукой Судье. Латаная-перелатаная подушка Малышова ховера то и дело взметывала фонтанчики ржавой воды, лужами собиравшейся на горбатой равнине из прессованной стали.

Первым его засек Пташка. Острые у него, у Пташки, глаза да еще монокуляр с десятикратным увеличением, болтавшийся на груди среди косточек всякой мелкой живности и древних медных гильз. Слик оторвал взгляд от гидравлического запястья и увидел, как Пташка вытянулся во весь свой двухметровый рост и нацелил подзорную трубу куда-то сквозь голые прутья арматуры, из которых состояла большая часть южной стены Фабрики. Худ был Пташка невероятно, скелет скелетом; залаченные крылья его русых волос,

почему он и заработал такое прозвище, резко выделялись на фоне бледного неба. Волосы на затылке и висках он сбрил, полоса выбритой кожи поднималась высоко над ушами. В сочетании с аэродинамическим раздвоенным хвостом это создавало впечатление, будто на макушке у него сидит безголовая коричневая чайка.

— Ух ты, — подал голос Пташка, — сукин сын.

— Ну что там еще?

Пташку и без того довольно сложно было заставить сосредоточиться, а работа требовала еще одной пары рук.

— Да тот ниггер.

Поднявшись на ноги, Слик вытер руки о джинсы, а Пташка нащупал за ухом зеленый микрософт «Мех-5», выдернул его из разъема и тут же напрочь забыл все восемь этапов сервокалибровочной процедуры, необходимой для того, чтобы наладить пилу Судьи.

— Кто за рулем?

Африка никогда не садился за руль сам, если мог заставить вести кого-то другого.

— Не понять.

Пташка выпустил монокуляр, и тот брякнулся на свое место в занавесочке из костей и гильз.

Слик присоединился к Пташке у окна, наблюдая

за медленным передвижением «доджа». Малыш Африка время от времени разнообразил его матово-черную палитру с помощью какого-нибудь аэрозольного баллончика. Мрачно-серьезный вид тачки сводился на нет рядом хромированных черепов, приваренных к массивному переднему бамперу. В былые времена черепа щеголяли красными рождественскими лампочками в глазницах. Неужто Малышу стало плевать на имидж?

Когда ховер свернул к Фабрике, Слик услышал в темноте возню Пташки: тяжелые ботинки проскрежетали по пыли и ярким спиралькам металлической стружки.

Слик стоял у проема выбитого окна с единственным уцелевшим куском стекла, похожим на острие кинжала, и хмуро смотрел, как ховер, постанывая и выпуская пар, опускается на свою подушку перед самой Фабрикой.

В темноте за спиной опять послышалась возня; Слик догадался, что это Пташка, забравшись за старые стеллажи, накручивает самодельный глушитель на китайскую винтовку, с которой обычно ходил на кроликов.

— Пташка, — Слик бросил гаечный ключ на кусок брезента, — я знаю, что ты тупая задница,

срань расистская из гнилого Джерси, но тебе что, всякий раз надо об этом напоминать?

— Мне не нравится этот ниггер, — донеслось из-за стеллажа.

— Ага, и ежели этот ниггер, не дай бог, вдруг вздумает это заметить, ты ему тоже не понравишься. Знай он, что ты сидишь там с пушкой, он бы забил ее тебе в глотку, причем поперек.

Никакого ответа. Пташка вырос в задрипанном городишке белого Джерси, где никто никогда знать ни черта не желал и ненавидел всех, кто хоть что-то знает.

— И я бы ему помог. — Рывком застегнув старую коричневую куртку, Слик вышел к ховеру Малыша Африки.

Пыльное стекло напротив места водителя с шипением сползло вниз, открыв бледное лицо в желтоватых очках-консервах невероятного размера. Под сапогами Слика захрустели древние банки, изъеденные ржавчиной до кружева прошлогодних листьев. Стянув очки вниз, водитель покосилась на Слика — женщина. Теперь янтарные «консервы» висели у нее на шее, скрывая рот и подбородок. Значит, Малыш сидит с другой стороны, что не так плохо в том маловероятном случае, если Пташке вдруг вздумается палить.

— Обойди, — бросила девушка.

Слик прошел мимо хромированных черепов, услышал, как с таким же демонстративно негромким звуком, что и водительское, опускается стекло Малыша Африки.

— Слик Генри, — сказал Малыш; его дыхание, соприкасаясь с воздухом Пустоши, вылетало белыми облачками, — здравствуй.

Слик глянул в коричневое лошадиное лицо. У Малыша Африки были огромные зеленоватые с кошачьим разрезом глаза, тоненькая полоска усов, будто ее начертили карандашом, и кожа оттенка буйволовой шкуры.

— Привет, Малыш. — Из кабины ховера на Слика пахнуло чем-то больничным. — Как дела?

— Ну, — прищурился Малыш Африка, — помнится, ты говорил, что если мне когда-нибудь что-то понадобится…

— Верно, — ответил Слик, ощущая первый укол дурного предчувствия.

Малыш Африка спас его однажды в Атлантик-Сити: уговорил обозленных черных братков не сбрасывать Слика с балкона сорок третьего этажа выжженного складского небоскреба.

— Кто-то надумал сбросить тебя с высотки?

— Слик, — сказал Малыш, — я хочу тебя кое с

кем познакомить.

— И мы будем в расчете?

— Слик Генри, эта очаровательная девушка — мисс Черри Честерфилд из Кливленда, штат Огайо.

Наклонившись пониже, Слик посмотрел на водителя. Копна светлых волос, тушь вокруг глаз.

— Черри, это мой близкий друг мистер Слик Генри. Когда он был молодым и дурным, то гонял с «Блюз-Дьяконами»[61]. Теперь он старый и дурной, а в дыру эту забрался, чтобы заниматься своим искусством, сечешь? Талантище, понимаешь?

— Это тот, который делает роботов, — сказала девица сквозь ком жвачки, потом добавила: — Ты так говорил.

— Тот самый, — сказал Малыш, открывая дверцу. — Черри, лапочка, подожди нас здесь.

На жилистом теле Малыша болталось норковое пальто, полы которого обметали носки безукоризненно чистых желтых ботинок из страусиной кожи — во всем своем великолепии Африка ступил на землю Собачьей Пустоши. Слик заметил в

---

[61] notes: 61

Аллюзия на песню «Deacon Blues» американской джаз-рок-группы *Steely Dan* с их альбома «Aja» (1977), а также на шотландскую инди-поп-группу 1980-х гг. *Deacon Blue*, взявшую название в честь этой песни.

кабине ховера нечто странное: слепящую белизну бинтов и реанимационные трубки…

— Эй, Малыш, — спросил он, — что это у тебя там?

Вся в кольцах рука Малыша поднялась вверх, жестом предлагая Слику отойти в сторону. Дверь ховера с лязгом захлопнулась, Черри Честерфилд подняла стекла.

— Вот об этом нам и надо потолковать, Слик.

— Не думаю, что я прошу слишком многого, — сказал Малыш Африка, прислонясь норковым пальто к голому металлическому верстаку. — У Черри диплом медтеха, и она знает, что ей хорошо заплатят. Приятная девочка, Слик Генри. — Он подмигнул.

— Малыш…

Вот оно что. Значит, в ховере лежит смахивающий на мертвеца мужик, не то в коме, не то в отключке, весь обвешанный баллонами, капельницами, проводами, тут же сбоку еще какая-то непонятная штука вроде симстима. И все хозяйство прикручено к старым стальным носилкам, как на «скорой помощи».

— Что это? — Черри, увязавшаяся за ними внутрь Фабрики после того, как Малыш показал Слику парня в задней части ховера, с подозрени-

ем рассматривала громоздкого Судью — большую его часть, во всяком случае; рука с циркуляркой валялась там, где ее оставили, в цеху на промасленном брезенте.

Если у этой Черри и есть диплом медтеха, подумал Слик, то медтех, вероятно, его еще не хватился. На девице было штуки четыре безразмерные кожаные куртки, одна другой шире.

— Искусство Слика, я уже тебе говорил.

— Тот парень умирает. От него мочой несет.

— Катетер отошел, — спокойно сказала Черри. — Слушай, а эта штука, она для чего?

— Мы не можем держать его здесь, Малыш, он сдохнет. Если хочешь его угробить, засунь в какую-нибудь дыру на Пустоши.

— Мужик не умирает, — сказал Малыш Африка. — Он не ранен и не больной.

— Тогда что с ним, черт побери?

— Он торчит, дружок. У мальчика долгое путешествие. Ему нужны тишина и покой.

Слик посмотрел на Судью, потом снова на Малыша, опять на Судью, обратно на Малыша. Ему хотелось вернуться к работе, повозиться с этой рукой. Малыш сказал: ему нужно, чтобы этот овощ пробыл у Слика недели две-три; он оставит Черри за ним присматривать.

— Не врубаюсь. Этот парень, он что, твой друг?

Малыш Африка пожал норковыми плечами.

— Так почему бы тебе не подержать его у себя?

— Слишком шумно. А ему нужен покой.

— Малыш, — сказал Слик, — я помню, за мной должок, но ничего такого стремного. А потом, мне надо работать и… в общем, все это слишком стремно. А еще Джентри. Он сейчас в Бостоне. Вернется завтра вечером, и ему это не понравится. Ты же знаешь, как он относится к людям… И вообще, это место — его, вот…

— Дружок, — печально сказал Малыш Африка, — ты забыл, как они тебя через перила перевесили?

— Я помню, но…

— Значит, плохо помнишь, — сказал Малыш Африка. — Ладно, Черри. Пошли. Не хочется тащиться через Пустошь в потемках.

Он оттолкнулся от верстака.

— Малыш, послушай…

— Все, проехали. Я ведь и знать не знал твоего долбаного имени тогда, в Атлантик-Сити, просто подумал, что не хотелось бы видеть белого мальчика размазанным по мостовой. Тогда я не знал твоего имени и, похоже, не знаю его и сейчас.

— Малыш…

— Да?

— Ладно. Он остается. Но максимум две недели. Ты даешь мне слово, что приедешь и заберешь его. И тебе придется помочь мне уладить все с Джентри.

— Что ему нужно?

— Наркотики.

Когда «додж» Малыша неуклюже запыхтел обратно через территорию Фабрики, Пташка вылез наружу, протиснулся сквозь какую-то щель в завале расплющенных автомобилей. На ржавых гармошках металла кое-где проглядывали пятна яркой эмали.

Слик стоял у окна на втором этаже. Квадраты стального переплета были зашиты кусками пластика. Пластик они откопали на свалке; куски были разного цвета и толщины, так что, чуть пригнув голову, Слик увидел Пташку в воспаленно-розовом свете куска люцита.

— Кто тут живет? — спросила Черри у него за спиной.

— Я, — ответил Слик, — Пташка, Джентри…

— Я имею в виду — в этой комнате.

Повернувшись, он увидел ее возле носилок и приборов системы жизнеобеспечения.

— Ты, — сказал он.

— Это твое место?

Она принялась разглядывать налепленные по стенам рисунки — самые первые чертежи Судьи и Следователей, Трупоруба и Ведьмы.

— Об этом не беспокойся.

— Даже не думай ничего такого, — сказала Черри.

Слик посмотрел на девушку. В углу рта у нее растеклась уродливая красная язва, видимо воспаление. Обесцвеченные волосы торчали во все стороны, ну прямо памятник статическому электричеству.

— Я же сказал, не беспокойся.

— Малыш говорил, у вас тут есть ток.

— Да.

— Надо бы его подключить, — сказала она, повернувшись к носилкам. — Электроэнергии он берет немного, но скоро начнут садиться батареи.

Слик пересек комнату, чтобы заглянуть в изнуренное лицо.

— Скажи-ка мне вот что, — начал он. Ему совсем не нравились все эти трубки; одна из них входила прямо в ноздрю, и только от этого уже тянуло блевать. — Кто этот парень и что именно, черт побери, Малыш Африка от него хочет?

— Ничего он не хочет, — сказала Черри и ткнула какую-то клавишу; по экрану биомонитора, примотанного серебристой лентой к изножью носилок, побежала кривая состояния больного. — Обычная БДГ-фаза[62], словно ему все время снятся сны… — (Человек на носилках был упакован в новенький синий спальный мешок.) — Короче, хрен его знает, на чем он сидит, но Малышу он за это платит.

На лоб лежащего была налеплена сетка тродов. Из разъема за левым ухом тянулся вдоль края носилок толстый черный кабель. Слик проследил его до массивного серого бруска — явно основного прибора среди всего примотанного к раме хозяйства. Симстим? Не похоже. Какая-то приблуда для киберпространства? Джентри круто рубил в киберпространстве, во всяком случае, болтал о нем постоянно, но что-то Слик ничего не слышал насчет того, что можно вот так валяться без чувств и в то же время подключенным… Люди подключаются, чтобы то-се найти, провернуть дельце. Надень троды, и окажешься там, где вся информация в мире громоздится башнями одного гигантского города из неона. Так что можешь

[62] notes: 62

«Быстрые движения глаз», то есть фаза быстрого сна; характеризуется повышенной активностью мозга.

по нему покататься, вроде как пообвыкнуть, по крайней мере визуально. Иначе-то чертовски сложно будет найти дорогу к той конкретной информации, которая тебе нужна. Иконика, так называл это Джентри.

— Он платит Малышу?

— Да.

— За что?

— Чтобы держать его в таком состоянии. И еще прятать.

— От кого?

— Не знаю. Малыш не говорил.

Они замолчали. В тишине ровно дышал неизвестный.

3
Малибу

У дома был свой собственный запах. Так было всегда.

Это был запах времени, и соли, которой пропитан воздух, и энтропийной природы любого большого дома, построенного слишком близко к кромке прилива. Возможно, такой запах присущ всем местам, что недолго, но почасту пустуют, домам, которые отпирают и запирают по мере того, как приезжают и уезжают их неусидчивые хозяева. Воображение рисовало ей, как на хроме в безлюдных комнатах расцветают в тишине пятна коррозии, как бледная плесень понемногу затягивает углы. Будто принося дань этому нескончаемому процессу, архитекторы сами распахнули дверь ржавчине. За годы водяная пыль проела массивные стальные перила, и они стали хрупкими, как запястья.

Подобно своим соседям, дом устроился поверх старых полуразрушенных фундаментов. Прогулки по пляжу порой оборачивались археологическими фантазиями. Она воображала себе

прошлое этого места: иные голоса, иные здания. В этих прогулках ее неизменно сопровождал радиоуправляемый бронированный вертолетик «дорнье», поднимавшийся из своего невидимого гнезда на крыше, стоило ей сойти с веранды. Вертолетик почти беззвучно зависал в воздухе и был запрограммирован так, чтобы не попадаться ей на глаза. Что-то тоскливое было в том, как он неотвязно и неприкаянно следовал за ней, будто дорогой, но не оцененный по достоинству рождественский подарок.

Она знала, что с «дорнье» через камеры за ней ведет наблюдение Хилтон Свифт. Мало что из происходящего в доме и на пляже укрывалось от внимания «Сенснета». И это ее уединение — вытребованные семь дней одиночества — протекало под непрерывным надзором.

За годы работы у нее выработался мощнейший иммунитет к этому всевидящему оку.

Ночами она иногда зажигала встроенные под навесом веранды прожектора, освещая иероглифическое фиглярство огромных песчаных блох. Саму веранду она оставляла в темноте; гостиная за ее спиной будто уходила под воду. Устроившись в кресле из неказистого белого пластика, она подолгу следила за броуновским движением

блох. В свете прожекторов они отбрасывали крохотные, едва различимые тени: рожки и пики на сером фоне песка.

Шум моря обволакивал ее целиком. Поздно ночью, когда она засыпала в меньшей из двух гостевых спален, он вползал в ее сны. Единственное, куда ему не дано было проникнуть, — это в непрошеные, вторгающиеся исподтишка чужие воспоминания…

Выбор спальни она сделала инстинктивно. Хозяйская спальня была заминирована мелочами, на каждом шагу готовыми пробудить старую боль.

Врачам в клинике пришлось химическими клещами вырывать зависимость из рецепторов ее мозга.

Готовила она сама, в белоснежной кухне: размораживала в микроволновке хлеб, разводила швейцарский суп из пакетиков в стальных, безупречно чистых кастрюлях — вживалась, не осознавая этого, в безымянное, но с каждым днем все более знакомое пространство, от которого ее так долго и так искусно изолировала «пыль», схимиченная лучшими наркодизайнерами.

— И это называется жизнь, — сказала она белой стойке.

Интересно, если кухня прослушивается, какой вывод сделали бы из этих слов психиатры «Сенснета»? Она помешивала суп мешалкой из нержавейки, глядя, как над кастрюлькой поднимается пар. Неплохо обходиться без чужих рук, просто все делать самой; в клинике настаивали, чтобы она сама застилала постель. Теперь, поглощая из миски собственноручно приготовленный суп, она хмурилась при одной мысли о клинике.

Она выписалась за неделю до конца срока. Медики были против. Дезинтоксикация прошла великолепно, говорили они, но к терапии мы еще даже не приступали. Белые халаты твердили о проценте рецидивов среди клиентов, не прошедших курс целиком. Объясняли, что прерывание лечения аннулирует ее страховку. «Сенснет» заплатит, отмахнулась она, разве что врачи пожелают, чтобы она оплатила их услуги сама. И извлекла платиновый чип «Мицу-банка».

Ее персональный «лир-джет» прибыл час спустя. Она приказала самолету доставить ее в Лос-Анджелес, заказала машину, которая должна ее там встретить, и заблокировала все входящие звонки.

— Извини, Анджела, — сказал самолет, закладывая вираж над заливом Монтего через

несколько минут после взлета, — но это Хилтон Свифт, он звонит по выделенному служебному каналу.

— Энджи, — донесся голос Свифта, — ты же знаешь, что я целиком и полностью на твоей стороне. Ты ведь это знаешь, Энджи?

Обернувшись, Энджи уперлась взглядом в черный овал динамика, заключенный в серый блестящий пластик, и вдруг представила себе, как Свифт скорчился за перегородкой «лира», карикатурно подтянув к подбородку длинные ноги бегуна.

— Я это знаю, Хилтон, — отозвалась она. — Спасибо, что позвонил.

— Ты летишь в Лос-Анджелес, Энджи.

— Да. Именно это я сказала самолету.

— В Малибу.

— Верно.

— Пайпер Хилл уже на пути в аэропорт.

— Спасибо, Хилтон, но я не хочу ее видеть. Я вообще никого не хочу видеть. Мне нужна машина.

— В доме никого нет, Энджи.

— Тем лучше. Именно это мне и нужно, Хилтон. Никого в доме. Только сам дом, пустой.

— Ты уверена, что это удачная идея?

— Это лучшая идея, какая у меня появлялась за последние несколько лет, Хилтон.

Пауза.

— Мне сказали, что все шло хорошо, я имею в виду лечение, Энджи. Но врачи требовали, чтобы ты осталась.

— Мне нужна неделя, — сказала она. — Одна неделя. Семь дней. В одиночестве.

На третью ночь в этом доме она проснулась на рассвете, сварила кофе, оделась. По широкому окну, выходящему на веранду, бежали струйки сконденсировавшейся влаги. Сон был не более чем сном. И если приходили сновидения, она потом не могла их вспомнить. Но было что-то еще… ускорение, почти головокружение… Она стояла посреди кухни, чувствуя через толстые белые шерстяные носки холод керамических плиток, и грела руки о чашку.

Чье-то присутствие. Она воздела руки, поднимая кружку, как священный сосуд, — жест инстинктивный и в то же время полный иронии.

Три года прошло с тех пор, как лоа овладевали ею, три года с тех пор, как они вообще касались ее. Но теперь?

Легба? Кто-то другой?

Ощущение чьего-то присутствия внезапно пропало. Резко поставив кружку на стойку — кофе плеснул ей на руку, — она побежала разыскивать что надеть. В шкафу с пляжными принадлежностями нашлись зеленые резиновые сапоги и тяжелая синяя горная куртка, которой она не помнила. Куртка была слишком большой, чтобы принадлежать Бобби. Энджи стремглав бросилась прочь из дома, промчалась по лестницам, не обращая внимания на жужжание игрушечного «дорнье», который поднялся следом, как терпеливая стрекоза. Она оглянулась на север. Взгляд скользнул по скопищу пляжных домиков, путанице крыш, напомнивших ей баррио в Рио. Энджи повернула на юг, в сторону Колонии[63].

Ту, что пришла, звали Гран-Бригитта или Маман Бригитта. Некоторые считали ее женой Барона Самеди, другие называли «древнейшей из мертвых».

Слева от Энджи вздымались фантасмагорические здания Колонии — настоящее буйство архитектуры всех форм и самовыражений. Необруталистские бункеры с бронзовыми барельефами

[63] notes: 63

Элитарная часть Малибу — пляжного пригорода Лос-Анджелеса. Именно в Колонии традиционно живут многие звезды шоу-бизнеса.

на фасадах соседствовали с инкрустированными неоном подражаниями башням Уоттс[64].

В зеркальных стенах, когда она проходила мимо, отражались утренние облака над Тихим океаном.

За три последних года ее не раз посещало чувство, будто она вот-вот перейдет, в ту или другую сторону, некую невидимую черту, призрачную границу веры — и обнаружит, что время, проведенное ею с лоа, было всего лишь сном. Или что они, скорее, были как некие странные заразные узелки резонанса культур, жившие в ней с тех самых недель, которые она провела в умфо Бовуара в Нью-Джерси.

Энджи продолжала идти, черпая покой из шума прибоя, из этого вечного прибрежного мига, его сейчас и всегда.

Ее отец мертв, семь лет, как его не стало, а файлы отцовского дневника, записи, что он вел, не сказали ей почти ничего. Отец кому-то служил. Или чему-то. Наградой ему было знание, и ради

---

[64] notes: 64

Башни Уоттс — достопримечательность Лос-Анджелеса, признанный шедевр наивной архитектуры: 17 сообщающихся пустотелых башен высотой до 30 м, возведенные в 1922–1955 гг. дорожным рабочим Сабато Родиа, эмигрантом из Италии. Выстроенные из стали и украшенные подручными материалами (проволока, осколки стекла, керамическая плитка и т. п.), башни напоминают творения Антонио Гауди.

этого знания он пожертвовал дочерью.

Временами у нее возникало чувство, будто она прожила не одну, а целых три жизни и каждая отделена от другой стеной чего-то, что она затруднялась назвать, и нет никакой надежды на целостность. И так будет всегда.

Вот детские воспоминания о научном городке «Мааса», глубоко проточившем аризонское плато. Энджи обнимает балясину балюстрады из песчаника, ветер плещет в лицо, и она воображает, будто все пустынное плато — это ее корабль. Ей кажется, что она даже может перемешивать краски заката над горами. Вскоре она улетит оттуда — страх жестким комом застрянет в горле. А теперь ей даже не вспомнить, когда же она в последний раз взглянула в лицо отца. Хотя, кажется, это было перед самым отлетом, на стоянке мотодельтапланов, трепетавших на ветру, как рой радужных мотыльков. В ту ночь закончилась первая ее жизнь; и жизнь отца тоже.

Вторая жизнь была странной, стремительной и очень короткой. Некто Тернер увез ее из Аризоны и оставил с Бобби, Бовуаром и остальными. Тернера она помнила плохо, только то, что это был высокий мужчина с крепкими мускулами и затравленным взглядом. Он доставил ее в Нью-

Йорк. Оттуда их с Бобби повез в Нью-Джерси уже Бовуар. Там, на пятьдесят третьем уровне исполинского здания-улья, Бовуар объяснял ей природу снов. Сны реальны, говорил он, и его шоколадное лицо блестело от пота. Он называл ей имена тех, кого она видела в снах. Учил ее, что все сны тянутся к единому морю, показывал, чем ее сны похожи на все прочие и в то же время чем от них отличаются. Ты одна скользишь и по старому морю, и по новому, говорил он.

В Нью-Джерси ею владели боги.

Она научилась отдаваться во власть Наездников. Она видела, как лоа Линглессу входит в Бовуара в его умфо, видела, как жилистые ноги учителя разметывают вычерченные белой мукой на полу диаграммы. В Нью-Джерси она знала богов — богов и любовь.

Лоа руководили ею, когда она вступила в мир рука об руку с Бобби, чтобы построить свою третью жизнь, теперешнюю. Они хорошо подходили друг другу, Энджи и Бобби, — оба вышедшие из вакуума: Энджи — из стерильного царства «Маас-Биолабс», а Бобби — из барритаунской скуки…

Гран-Бригитта снизошла на нее без всякого предупреждения. Энджи споткнулась, едва не рухнув в прибой, когда звук моря вдруг будто бы

засосало в открывшийся перед ней сумеречный пейзаж. Беленая кладбищенская ограда, могильные камни, ивы. Свечи.

Под самой древней из ив — гирлянды свечей; переплетенные корни заляпаны воском.

Дитя, знай меня.

И тут же Энджи почувствовала ее присутствие и признала в ней то, чем она являлась: Маман Бригитта, Мадемуазель Бригитта, старейшина мертвых.

Нет у меня ни культа, дитя, ни особого алтаря.

Энджи вдруг осознала, что идет вперед, прямо на сияние свечей. Гул в ушах, как будто среди ветвей ивы скрывается необъятный пчелиный рой.

Кровь моя — отмщение.

Энджи вспомнила Бермуды, ночь, тайфун. Их с Бобби занесло тогда в самое око тайфуна. Такова была Гран-Бригитта. Безмолвие, ощущение давления немыслимых сил, на миг замерших, ставших управляемыми. Под деревом ничего не видно. Одни свечи.

— Лоа… я не могу позвать их. Я чувствую нечто… я пришла взглянуть…

Ты призвана к моему репозуару[65]*. Слушай меня. Твой отец прочертил веве*[66] *в твоей голове; он прочертил их в плоти, которая не была плотью. Ты была посвящена Эрзули Фреде*[67]*. Ради собственных целей привел тебя в этот мир Легба. Но тебе давали яд, дитя,* coup-poudre…

Из носа у нее потекла кровь.

— Яд?

Веве твоего отца изменены, частично стерты, прочерчены заново. Хотя ты и перестала себя отравлять, Наездники все же не могут прийти к тебе. Я — иной природы.

Боль раскалывает голову, в висках стучит кровь…

— Пожалуйста… прошу…

Слушай меня. У тебя есть враги. Они хотят тебе зла. Здесь многое поставлено на карту. Бойся яда, дитя!

Энджи опустила взгляд на руки. Кровь была

---

[65] notes: 65

Reposoir *(фр.)* — временный алтарь.

[66] notes: 66

Веве (vivvi) — религиозные символы в гаитянском вуду, выступающие в качестве «маяка» для духов-лоа и символизирующие их во время ритуала.

[67] notes: 67

Эрзули Фреда — жена Легбы, вудуистская богиня любви и красоты. Также см. с. 71.

настоящей, яркой. Гудение усилилось. Может, пчелы гудят только в ее голове?

— Пожалуйста! Помоги мне! Объясни…

Тебе нельзя оставаться. Здесь — смерть.

Оглушенная солнцем, Энджи упала на колени в песок. Рядом бился прибой, обдавая ее мелкими брызгами, в двух метрах над головой нервно завис «дорнье». В то же мгновение боль исчезла. Энджи отерла окровавленные руки о рукава синей куртки и села на песок. С тонким воем вращались многочисленные сенсоры и камеры вертолета.

— Все в порядке, — выдавила она. — Кровь из носа. Просто кровь потекла из носа…

«Дорнье» рванулся было вперед, потом назад.

— Я иду домой. Со мной все в порядке.

Мягко поднявшись, вертолетик скрылся из виду.

Энджи обхватила плечи руками, ее трясло. Нет, нельзя, чтобы они догадались. Конечно, они поймут, что что-то стряслось, но не будут знать что. Заставив себя подняться, она повернулась и поковыляла назад той же дорогой, какой пришла. По пути обшарила карманы в поисках салфетки, носового платка, чего угодно, чем можно было бы стереть кровь с лица.

Когда пальцы нащупали плоский пакетик, она тут же поняла, что это. Остановилась, дрожа вовсе не от утреннего ветра. Наркотик. Это невозможно. Да, так оно и есть. Но кто? Обернувшись, она остановила взгляд на «дорнье»; тот метнулся прочь…

Одна упаковка. Хватит на целый месяц.

Coup-poudre.

Бойся яда, дитя.

4
Сквот

Моне снилось, что она снова в кливлендском дансинге, танцует обнаженная в столбе жаркого голубого света — и клетка ее подвешена высоко над полом. А кругом — запрокинутые к ней лица и синий свет шляпками от гвоздей в белках глаз. И на лицах то самое выражение, какое всегда бывает у мужчин, когда они смотрят, как ты танцуешь, пожирают тебя глазами и при этом заперты внутри самих себя. И эти глаза ничего, совсем ничего тебе не говорят, а лица — не важно, что залиты потом, — будто высечены из чего-то, что только напоминает плоть.

Впрочем, плевать ей, как они смотрят, — она ведь танцует, и клетка высоко-высоко, и сама она под кайфом, вся в ритме, танцует три вещи кряду, а тут и магик пробирает ее насквозь, и новая сила в ногах заставляет вставать на цыпочки…

Кто-то схватил ее за голень.

Она попыталась закричать, только ничего у нее не вышло, крик застрял в горле. А когда он все-таки вырвался, внутри у нее будто что-то

оборвалось, сердце обожгло болью, и синий свет разлетелся клочьями. Рука была все еще здесь, сжимала голень.

Рывком, как чертик из табакерки, Мона села в постели и выпрямилась — сражаясь с темнотой, пытаясь смахнуть волосы с глаз.

— Что с тобой, детка?

Вторую руку положив ей на лоб, он толкнул ее назад в жаркую впадину подушки.

— Сон…

Рука все еще здесь, от этого хотелось кричать.

— У тебя есть сигаретка, Эдди?

Рука исчезла, щелчок и огонек зажигалки — он прикуривает ей сигарету; пламя на миг высвечивает его лицо. Затягивается, отдает сигарету ей. Мона быстро села, уперла подбородок в колени — армейское одеяло тут же натянулось палаткой, — ей не хочется, чтобы сейчас к ней кто-нибудь прикасался.

Предостерегающе скрипнула сломанная ножка выкопанного на свалке стула; это Эдди, откинувшись на спинку, закурил сам. «Да сломайся же, — просила Мона у пластикового стула, — опрокинь его на задницу, чтобы он пару раз мне врезал». Хорошо хоть темно и не надо смотреть на сквот. Ничего нет хуже, чем проснуться утром

с дурной головой, когда слишком тошнит, чтобы пошевелиться, — а она еще забыла прилепить черный пластик на окно, так ее ломало, когда вернулась вчера. Самое поганое — это утро, когда бьют солнечные лучи, высвечивая все мелкие мерзости и нагревая воздух к появлению мух.

Никто никогда не хватал ее там, в Кливленде. Любой, кто настолько забалдел, чтобы решиться протянуть руку сквозь прутья, был уже слишком пьян, чтобы двигаться; он и дышать-то, наверное, был не в силах. И в танцзале клиенты ее никогда не лапали, разве что заранее уладив эту проблему с Эдди, и за двойную плату, но и то было скорее для видимости.

Ну да в любом случае это всегда оставалось лишь частью привычного ритуала, а потому, казалось, происходит где-то еще, вне ее жизни. И ей нравилось наблюдать за ними, когда они теряли настрой. Тут начиналось самое интересное, потому что они и вправду теряли его и становились совершенно беспомощными — ну, может, лишь на долю секунды, — но по-любому ей всегда казалось, что их тут даже и нет.

— Эдди, еще одна ночь здесь, и я просто с ума сойду.

Случалось, он бил ее и за меньшее, так что она,

спрятав лицо в колени и одеяло, сжалась, ожидая удара.

— Ну конечно, — ответил он, — ты же не прочь вернуться на ферму к своим сомам? Или хочешь назад в Кливленд?

— Я просто не могу больше…

— Завтра.

— Что завтра?

— А для тебя это недостаточно скоро? Завтра вечером, частный долбаный самолет, ну как? Прямиком в Нью-Йорк. Хоть тогда ты наконец перестанешь доставать меня этим своим нытьем?

— Пожалуйста, беби, — она потянулась к нему, — мы можем поехать на поезде…

Он отшвырнул ее руку.

— У тебя дерьмо вместо мозгов.

Если продолжать жаловаться, сказать что-нибудь о сквоте, любое, он тут же решит, будто она имеет в виду, что он не справляется и все его великие сделки кончаются ничем. Он заведется, она знает, он заведется. Как в тот раз, когда она разоралась из-за жуков — тараканов здесь называли пальмовыми жуками, — но ведь это было только потому, что половина этих проклятых тварей ну самые настоящие мутанты. Кто-то пытался вывести их такой жуткой дрянью, которая на

хрен перекособочила все их ДНК. И теперь у этих гребаных тараканов, что дохли у тебя на глазах, были то лишние головы или лапы, то, наоборот, чего-нибудь не хватало. А однажды она видела тварь, которая выглядела так, будто проглотила распятие или что-то вроде. Спина, или панцирь, твари — как там это у них называется — была настолько искривлена, что хотелось сблевать.

— Беби, — она старалась говорить мягче, — я ничего не могу поделать, это место просто меня достало…

— «Зелень-на-Крючке», — сказал он, будто вовсе ее не слышал. — Я был в этом клубе и встретил вербовщика. И ты знаешь, он выбрал меня! У мужика нюх на таланты.

Сквозь темноту Мона чуть ли не видела эту его ухмылочку.

— Он из Лондона, это в Англии. Вербовщик талантов. Пришел в «Зелень» и просто: ты-то, мол, мне и нужен!

— Лох?

«Зелень-на-Крючке», или, точнее, клуб «У Хуки Грина», — место, где, как недавно решил Эдди, бьется деловой пульс с особой силой, — находился на тридцать третьем этаже стеклянного небоскреба. Все внутренние перегородки здесь

были порушены, чтобы сделать большую, величиной с квартал, танцплощадку. Но Эдди уже успел махнуть на это заведение рукой, поскольку там не нашлось никого, кто желал бы уделить ему хоть каплю внимания. Мона никогда не видела самого Хуки Грина — «злого жилистого Крючка Зеленого», ушедшего на покой бейсболиста, которому принадлежало заведение, — но танцевалось там просто здорово.

— Будешь ты, черт побери, слушать? Какой лох? Дерьмо собачье. Он голова, у него связи. И он собирается протолкнуть меня наверх. И знаешь что? Я намерен взять тебя с собой.

— Но что ему нужно?

— Какая-то актриса. Или кто-то вроде актрисы. И ушлый мальчик, чтобы доставить ее в одно место и там придержать.

— Актриса? Место? Какое место?

Она услышала, как он расстегнул куртку. Потом что-то упало на постель у ее ног.

— Две тонны. — Он зевнул.

Господи! Выходит, это не шутка? Но если он не прикалывается, то что же это, черт побери, значит?

— Сколько ты сшибла сегодня, Мона?

— Девяносто.

На самом деле сто двадцать, но последнего клиента Мона посчитала как сверхурочные. Она до смерти боялась утаивать деньги, но иначе на что купить магик?

— Оставь себе. Купи какие-нибудь шмотки. И не рабочий хлам. Никому в этой поездке не нужно, чтобы ты трясла голой задницей.

— Когда?

— Завтра, я же сказал. Можешь распрощаться с этой долбаной дырой.

При этих словах Мона затаила дыхание. Опять скрипнул стул.

— Значит, девяносто?

— Ну.

— Расскажи мне.

— Эдди, я так устала…

— Нет, — сказал он.

Впрочем, хотелось ему не правды, правда Эдди была не нужна. Он хотел услышать историю. Ту, которую сам же и приучил Мону ему рассказывать. Эдди было глубоко наплевать, о чем ей говорили клиенты (а у большинства на душе было что-то тягостное, и им не терпелось этим чем-то с ней поделиться — что они обычно и делали), не интересовало его их занудство по поводу справки об анализе крови или то, как

каждый второй повторяет ей дежурную шутку насчет того, что, мол, если подцепил сам, передай товарищу. Ему даже было по фигу, чего они требовали от нее в постели.

Эдди хотел, чтобы она рассказала ему про ублюдка, который обращался с ней как с пустым местом. Правда, рассказывая об этом жлобе, надо было не перегнуть палку, чтобы не выставить его слишком грубым, ведь это стоило бы много дороже, чем ей заплатили на самом деле. Главным в рассказе было то, что этот мнимый лох обращается с нею как с неким устройством, которое он арендует на полчаса. Нельзя сказать, что это такая уж большая редкость, но подобные лохи обычно тратят свои денежки на «живых кукол» или же торчат от стима. К Моне обычно шел клиент разговорчивый, ее даже норовили угостить сэндвичами, а если человек и оказывался жутким подонком, то все-таки не настолько жутким, как того хотел Эдди. А второе, чего тот требовал от рассказа, — чтобы Мона жаловалась, как ей было противно, но что, мол, при этом она чувствовала, будто все равно этого хочет, хочет безумно.

Протянув руку, Мона нашарила в темноте плотный конверт с деньгами.

Снова заскрипел стул.

Так что Мона рассказала Эдди, как выходила из «Распродажи», а он бросился прямо к ней, этот здоровенный жлобина, и просто спросил: «Сколько?» — и это ее смутило, но она все равно назвала цену и сказала: «Идем». Они залезли в его машину, машина была большая, старая, и в ней пахло сыростью (а это уже плагиат из ее жизни в Кливленде), и он опрокинул ее на сиденье…

— Перед «Распродажей»?

— На заднем дворе.

Эдди никогда не обвинял ее в том, что история эта — сплошная выдумка, он же сам как-никак и сочинил основные вехи сюжета. По сути своей, рассказ всегда был один и тот же. К тому времени, когда мужик задрал на ней юбку (черную, сказала она, и на мне были белые ботинки) и скинул с себя штаны, она расслышала, как звякнул ремень, это Эдди стягивал джинсы. Какой-то частью сознания Мона прикидывала (Эдди скользнул к ней в постель), а возможна ли та позиция, какую она описывает, но продолжала говорить. На Эдди это, во всяком случае, действовало. Она не забыла отметить, как было больно, когда жлобина вставлял, — больно, хотя она была совсем мокрой. Помянула, как он стискивал ее запястья, и похоже, уже порядком запуталась, где что, помнила

только, что ее заднице полагалось болтаться в воздухе. Эдди начал ее ласкать, гладил грудь и живот, поэтому она переключилась с бездумной жестокости лоха на то, что ей полагалось при этом ощущать.

Того, что ей полагалось при этом ощущать, она в жизни никогда не испытывала. Кто-то ей говорил, что можно проникнуть в такое место, где, если и ощущаешь боль, все равно это приятно. Мона знала, что на самом деле это совсем не так. Тем не менее Эдди хотелось услышать, что боль была просто жуткая и что чувствовала Мона себя отвратительно, но ей все равно нравилось. Мона не видела в этом ни капли смысла, но научилась рассказывать так, как ему хотелось.

Потому что, какой бы бред она ни несла, вранье работало, и Эдди, перекатившись на нее и сбив одеяло комом, оказался у нее между ног и вошел. Мона догадывалась, что, должно быть, в его голове прокручивается в эти минуты мультик, где Эдди чувствует себя одновременно героем — тем самым трахающим жлобом без лица — и зрителем, следящим за сюжетом со стороны. Он стискивал ее запястья, прижав их к полу за ее головой. Так ему больше нравилось.

А когда он кончил и, свернувшись калачиком,

задремал, Мона долго лежала без сна в душной темноте, снова и снова разыгрывая мечту об отъезде — такую яркую, такую чудесную.

Ну пожалуйста, пусть это будет правдой.

5
«Портобелло»

Кумико проснулась в необъятной кровати — и тихо лежала, прислушиваясь. До нее долетало чуть слышное, неясное бормотание улицы.

В комнате было холодно. Завернувшись, как в мантию, в розовое стеганое одеяло, девочка выбралась из постели. Маленькие оконца были в ярких морозных узорах. Подойдя к ванне, она слегка надавила на одно из позолоченных крыльев лебедя. Птица кашлянула, забулькала и стала наполнять ванну. Не снимая с себя одеяла, Кумико принялась открывать чемоданы, чтобы выбрать одежду на день; отобранное она выкладывала на кровать.

Когда ванна была готова, она скинула одеяло на пол и, перебравшись через мраморный край, стоически погрузилась в обжигающе горячую воду. Пар от ванны растопил изморозь на стеклах; теперь по ним бежали струйки сконденсировавшейся влаги. Неужели во всех английских спальнях такие ванны? — подумала Кумико. Она старательно натерлась овальным бруском

французского мыла, встала, кое-как смыла пену и завернулась в огромное черное полотенце; потом после нескольких неудачных попыток случайно обнаружила раковину, унитаз и биде. Они прятались в крохотной комнатушке, которая когда-то, должно быть, служила встроенным шкафом. Стены ее покрывал темный от времени шпон.

Дважды прозвонил телефон, похожий скорее на предмет из театрального реквизита.

— Да?

— Петал на проводе. Как насчет завтрака? Роджер уже здесь. Мечтает с тобой познакомиться.

— Спасибо, — ответила девочка. — Я уже одеваюсь.

Кумико натянула свои самые лучшие и самые мешковатые кожаные штаны, потом зарылась в ворсистый голубой свитер, такой большой, что вполне был бы впору и Петалу. Открыв сумочку, чтобы достать косметику, она увидела модуль «Маас-Неотек». Пальцы сами собой сомкнулись на обтекаемом корпусе, она вовсе не собиралась вызывать призрака. Но хватило только прикосновения. Едва образовавшись в комнате, Колин тут же смешно запрокинул голову, разглядывая низкий, с зеркалом, потолок.

— Я полагаю, мы не в Дорчестере?

— Вопросы задаю я, — сказала она. — Что это за место?

— Спальня, — ответил он. — В довольно сомнительном вкусе.

— Отвечай, пожалуйста, на мой вопрос.

— Хорошо, — сказал призрак, осматривая постель и ванну. — Судя по обстановке, это вполне мог бы быть и бордель. Я имею доступ к историческим данным на большую часть зданий Лондона, но об этом нет ничего примечательного. Построено в тысяча восемьсот сорок восьмом году. Классический образчик викторианского стиля. Район дорогой, хотя и немодный, пользуется успехом среди определенного сорта юристов.

Призрак пожал плечами. Сквозь начищенные до блеска сапоги для верховой езды девочка видела край кровати.

Кумико бросила модуль в сумочку, и призрак исчез.

С лифтом она справилась без труда и, оказавшись в обшитой белыми панелями прихожей, пошла на звук голосов. Не то холл, не то коридор. За угол.

— Доброе утро, — сказал Петал, снимая с блюда серебряную крышку; от блюда шел ароматный пар. — Вот он, неуловимый мистер Суэйн, для

тебя — Роджер. А вот твой завтрак.

— Привет, — сказал мужчина, делая шаг вперед и протягивая ей руку.

Бледные глаза на длинном скульптурном лице. Гладкие, мышиного цвета волосы зачесаны наискось через весь лоб. Кумико затруднилась бы определить его возраст: это было лицо молодого человека, но в западинах сероватых глаз залегли глубокие морщины. Высокий, в руках, плечах и осанке — что-то от атлета.

— Добро пожаловать в Лондон.

Он взял ее руку, пожал, отпустил.

— Спасибо.

На Суэйне была рубашка без воротника, в очень мелкую красную полоску на бледно-голубом фоне, манжеты скреплены скромными овалами тусклого золота. Расстегнутая у ворота, рубашка открывала темный треугольник татуированной кожи.

— Я говорил сегодня утром с твоим отцом, сказал, что ты прибыла благополучно.

— Вы человек высокого ранга.

Бледные глаза сузились.

— Прошу прощения?

— Драконы.

Петал рассмеялся.

— Дай ей поесть, — донеслось справа. Женский голос.

Кумико повернулась. На фоне высокого многостворчатого окна увидела стройную темную фигуру. За окном — обнесенный стеной сад под снегом. Глаза женщины были скрыты за серебристыми стеклами, отражающими комнату и ее обитателей.

— Еще одна наша гостья, — сказал Петал.

— Салли, — представилась женщина, — Салли Ширс[68]. Поешь, котенок. Если тебе так же скучно, как и мне, может, захочешь пойти погулять? — Под взглядом Кумико ее рука скользнула к стеклам, как будто она собиралась снять очки. — Портобелло-роуд — всего в двух кварталах отсюда. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

У зеркальных линз, похоже, не было ни оправы, ни дужек.

— Роджер, — проговорил Петал, накладывая с серебряной тарелки розовые ломти бекона, — как ты думаешь, Кумико будет в безопасности с нашей Салли?

— В большей, чем я, учитывая, в каком Салли настроении, — ответил Суэйн. — Боюсь, здесь

---

[68] notes: 68
Shears *(англ.)* — ножницы.

мало что может развлечь тебя, — обратился он к Кумико, подводя ее к столу, — но мы попытаемся сделать все возможное, чтобы ты чувствовала себя как дома, и постараемся показать тебе город. Хотя здесь и не Токио.

— Во всяком случае, пока, — добавил Петал, но Суэйн его, казалось, не расслышал.

— Спасибо, — сказала Кумико, когда Суэйн пододвинул ей стул.

— Сочту за честь, — сказал Суэйн. — Наше почтение твоему отцу…

— Послушай, — вмешалась женщина, — она еще слишком мала для всего этого. Пожалей наши уши.

— Салли сегодня немного не в настроении, — сказал Петал, накладывая на тарелку Кумико яйцо пашот.

Как выяснилось, выражение «не в настроении» не совсем точно определяло то состояние, в котором пребывала Салли Ширс. Скорее его стоило бы назвать едва сдерживаемым бешенством, яростью, которая проявлялась в походке и гневном пистолетном стуке каблуков черных сапог по обледеневшей мостовой.

Кумико приходилось отчаянно семенить, чтобы не отставать, когда женщина зашагала прочь

от дома Суэйна по загибающемуся тротуару. В рассеянном свете зимнего солнца холодно вспыхивали стекла очков. На Салли были узкие брюки из темно-коричневой замши и объемистая черная куртка с высоко поднятым воротником — дорогая одежда. А учитывая короткую стрижку, ее вполне можно было принять за мальчишку.

Впервые с того момента, как она покинула Токио, Кумико почувствовала неподдельный страх.

Клокочущая в женщине энергия была почти осязаемой — этакий сгусток гнева, готовый ежесекундно взорваться, выпустив на свободу фурию.

Кумико сунула руку в сумочку и сжала модуль «Маас-Неотек». Колин тут же оказался рядом, небрежно подстраиваясь под их шаг: руки — в карманах куртки, сапоги не оставляют следов на грязном снегу. Она отпустила модуль — призрак исчез, но Кумико почувствовала себя увереннее. Не стоит бояться потерять Салли Ширс, угнаться за которой девочке было трудновато; Колин, конечно же, объяснит ей, как вернуться в дом Суэйна. А если я от нее убегу, подумала она, то он мне поможет. Переходя перекресток на красный свет, женщина увернулась от проезжающих машин, с рассеянным видом выдернула Кумико

из-под колес черной «хонды», при этом еще умудрившись пнуть машину в бампер, когда такси проезжало мимо.

— Ты пьешь? — спросила она, сжимая локоть Кумико.

Кумико покачала головой.

— Пожалуйста, мне больно… руку.

Выпустив Кумико, Салли втолкнула ее через украшенную причудливыми узорами стеклянную дверь в шум и тепло паба. Самое настоящее логово, отделанное темным деревом и потертым велюром.

Вскоре они сидели друг против друга за маленьким мраморным столиком, на котором разместились пепельница с рекламой пива «Басс», кружка темного эля, стакан виски, который Салли опорожнила по дороге от стойки, и бокал с апельсиновым лимонадом.

Только тут до Кумико дошло, что серебристые линзы уходят в бледную кожу без малейшего намека на шов.

Салли покачала пустой стакан, не поднимая его со стола, и критически оглядела.

— Я встречала твоего отца, — сказала она. — Он тогда еще так высоко не поднялся. — Она оставила стакан и занялась кружкой с элем. — Суэйн

говорил, ты наполовину гайдзин. Сказал, твоя мать была датчанкой. — Она глотнула эля. — По тебе не скажешь.

— Она приказала изменить мне глаза.

— Тебе идет.

— Спасибо. А… очки, — непроизвольно сказала девочка, — они очень красивы.

Салли пожала плечами.

— Твой старик уже позволил тебе побывать в Тибе?

Кумико покачала головой.

— Умну. На его месте я поступила бы так же.

Она отпила еще эля. Ее ногти, очевидно акриловые, тоном и блеском напоминали перламутр.

— Мне рассказали о твоей матери.

Чувствуя, что у нее пылает лицо, Кумико опустила глаза.

— Ты здесь не поэтому. Хотя бы это ты знаешь? Отец вовсе не из-за нее сплавил тебя к Суэйну. Там — война. С самого моего рождения в верхах якудза не было таких разборок. А теперь, видно, время пришло. — Пустая кружка звякнула о мрамор. — Он просто не может позволить, чтобы ты там оставалась, вот и все. До тебя там слишком легко добраться. С точки зрения соперников Янаки, парень вроде Суэйна от основных событий

довольно далеко. У тебя ведь даже и паспорт на другое имя, ведь так? Суэйн должен Янаке. Так что с тобой все в порядке, ясно?

На глаза Кумико навернулись слезы.

— О'кей, с тобой не все в порядке. — Жемчужные ногти забарабанили по мрамору. — Так, значит, она покончила с собой, и с тобой не все в порядке. Чувствуешь себя виноватой, да?

Кумико подняла глаза — на два зеркала-близнеца.

Как и Синдзюку в Токио, Портобелло задыхался от туристов. Салли Ширс, настояв на том, чтобы Кумико выпила свой лимонад, который уже успел согреться и выдохся, вывела ее на запруженную улицу. Крепко держа девочку за руку, Салли прокладывала себе дорогу по тротуару мимо раскладных стальных столиков, накрытых рваными скатертями из бархата, с тысячами предметов из хрусталя и серебра, меди и фарфора. Кумико смотрела во все глаза, но Салли тянула ее мимо выстроившихся рядами сервизов с королевской эмблемой и носатых чайников времен Черчилля.

— Это гоми, — рискнула заметить Кумико, когда они остановились у перекрестка.

Хлам. В Токио изношенные и ненужные вещи

превращались в строительный наполнитель. Салли по-волчьи оскалилась.

— Здесь Англия. Гоми — основной природный ресурс. Гоми и талант. Вот это я сейчас и ищу. Талант.

Талант носил бутылочно-зеленый вельветовый костюм и безукоризненно чистые замшевые ботинки; Салли отыскала его в каком-то очередном пабе. Паб назывался «Роза и корона». Салли представила талант девочке, назвав его Тиком. Ростом он был чуть выше Кумико, и в спине или бедре у него было что-то перекошено, поэтому ходил человечек, откровенно хромая, что еще больше усиливало общее впечатление асимметричности. Его волосы были выбриты сзади и на висках, а над лбом наворочены в масленую шапку темных кудрей.

Салли представила Кумико:

— Моя подруга из Японии — и держи руки при себе.

С неопределенной болезненной улыбкой Тик повел их к столику.

— Как бизнес, Тик?

— Прекрасно, — мрачно ответил тот. — А как заслуженный отдых?

Салли села спиной к стене на мягкую банкет-

ку.

— Ну, — отозвалась она, — как тебе сказать. То потухнет, то погаснет.

Кумико подняла на нее глаза. Вся ярость Салли куда-то испарилась или же была искусно скрыта. Садясь, Кумико опустила руку в сумочку и нашарила модуль. Колин материализовался на скамейке возле Салли.

— Очень мило с твоей стороны вспомнить обо мне, — сказал Тик, устраиваясь в кресле. — Я сказал бы, прошло два года. — Он поднял бровь, переведя взгляд на Кумико.

— Она в порядке. Ты знаешь Суэйна, Тик?

— Исключительно по репутации, спасибо.

Колин изучал их пикировку с насмешливым интересом, вертя головой из стороны в сторону, как будто на теннисном матче. Кумико пришлось напомнить себе, что никто, кроме нее, призрака не видит.

— Прокинь его для меня, будь так добр. Причем так, чтобы он про это не знал.

Тик во все глаза уставился на нее. Вся левая половина его лица скривилась в одном гигантском подмигивании.

— Ну да, — насмешливо отозвался он, — не многого же ты хочешь, а?

— Хорошие деньги, Тик. Лучше не бывает.

— Ищешь что-то конкретное или нужно просто покопаться в грязном белье? Сдается мне, будто кто-то не знает, что это он заправляет всем здешним рэкетом. Не очень хотелось бы, честно говоря, чтобы он меня застукал…

— Но опять же деньги, Тик.

Два очень быстрых подмигивания.

— Роджер выкручивает мне руки, Тик. А кто-то давит на Роджера. Я не знаю, что у них на него есть, на это мне, в сущности, наплевать. Но того, что у него есть на меня, хватит с лихвой. Глянь входящие-исходящие сообщения, в общем, рутинный трафик. Он с кем-то явно связывается, поскольку условия все время меняются.

— А как я это узнаю, если увижу?

— Просто посмотри, Тик. Сделай это для меня.

Опять конвульсивное подмигивание.

— Идет, попробую его прокинуть. — Он нервно побарабанил пальцами по краю стола. — Поставишь выпивку?

Колин поглядел через стол на Кумико и театрально закатил глаза.

— Я не понимаю, — говорила Кумико, торопясь за Салли по Портобелло-роуд обратно. — Ты втянула меня в какую-то свою интригу…

Салли подняла от ветра воротник.

— А если я тебя выдам? Ты что-то устраиваешь против партнера моего отца. У тебя нет никаких причин доверять мне.

— Как и у тебя доверять мне, котенок. А вдруг я одна из тех нехороших личностей, что доставляют столько хлопот твоему отцу?

Кумико задумалась над такой возможностью.

— Это правда?

— Нет. А вот если ты шпион Суэйна, значит он в последнее время стал совсем уж хитровыдрюченные ходы закручивать. Ну а если ты шпионишь для своего старика, то, может, мне и не нужен Тик. Но если за всем этим стоят якудза, какой смысл использовать Роджера вслепую?

— Я не шпион.

— Так начинай становиться своим собственным шпионом. Если в Токио жарко, как на сковородке, то здесь ты, пожалуй, угодила в самое пекло.

— Но к чему замешивать меня?

— Ты и так замешана. Ты же здесь. Боишься?

— Нет, — ответила Кумико и умолкла, задумавшись, с чего бы этому быть правдой.

Позже вечером в одиночестве зеркальной мансарды Кумико присела на край огромной

кровати. Стянула промокшие башмаки, потом вынула из сумочки модуль «Маас-Неотек».

— Кто они такие? — спросила она у призрака, который взгромоздился на парапет черной мраморной ванны.

— Твои приятели из паба?

— Да.

— Уголовники. Что до меня, то я посоветовал бы тебе водить более приличную компанию. Женщина — иностранка. Из Северной Америки. Мужчина — лондонец. Ист-Энд. Судя по всему, вор. Крадет информацию. К сожалению, я могу войти в архивы полиции, только когда дело касается преступлений, представляющих интерес с исторической точки зрения.

— Я не знаю, что мне делать…

— Переверни модуль.

— Что?

— Посмотри на задней крышке. Там есть бороздка в форме полумесяца. Вставь в нее ноготь большого пальца и поверни…

Открылся крохотный лючок. Микропереключатели.

— Переставь «A/B» на «B». Воспользуйся чем-нибудь тонким и острым, но только не шариком.

— Что?

— Не шариковой ручкой. Чернила и пыль забивают схемы. Зубочистка подошла бы идеально. Тогда модуль включится на запись, активируемую голосом.

— А потом?

— Спрячь модуль внизу. А завтра прослушаем, что записалось…

6
Утренний свет

Слик провел ночь на куске промятого темперлона под верстаком в цеху Фабрики, завернувшись в шуршащий лист упаковки. От пузырчатого пластика воняло свободными мономерами. Слику снились Малыш Африка и его тачка, причем во сне эти двое сливались, и зубы во рту у Малыша превращались в блестящие хромированные черепушки.

Он проснулся от резкого ветра, заносящего первый зимний снежок в пустые проемы фабричных окон.

Слик лежал и думал о циркульной пиле для Судьи: почему всякий раз, когда требуется разрезать что-то плотнее фанеры, запястье норовит выйти из строя? Первоначально он планировал оснастить руку пятью самостоятельными пальцами на шарнирах. Каждый из пальцев должен был оканчиваться миниатюрной электропилой, но эта концепция отпала по целому ряду причин. Электричество… ну как-то не удовлетворяло, было недостаточно физическим, что ли. Другое дело

— воздух, большие резервуары сжатого воздуха или внутреннее сгорание, если удастся подобрать запчасти. Впрочем, если копаться достаточно долго, на Собачьей Пустоши можно отыскать детали практически ко всему, а не отыщешь — так под рукой с полдюжины городов джерсийского Ржавого Пояса с целыми акрами мертвых механизмов — собирай сколько хочешь.

Он выполз из-под верстака, за ним, как мантия, потянулось прозрачное пузырчатое одеяло. Слик вспомнил о мужике на носилках, который теперь лежал в его комнате, и о спавшей в его, Сликовой, кровати Черри. У нее-то, наверное, не затекла шея. Поморщившись, Слик потянулся.

Скоро вернется Джентри. Придется как-то с ним объясняться — и это притом, что Джентри терпеть не может, когда рядом люди.

В закутке, служившем на Фабрике кухней, Пташка варил кофе. Пол здесь был выложен коробящимися полосами пластмассовой плитки, и вдоль стены шел ряд тусклых стальных раковин. Под порывами ветра брезент в окне то надувался, то опадал, пропуская молочный свет, отчего комната казалась еще холоднее.

— Как у нас с водой? — спросил Слик, входя на кухню.

В обязанности Пташки входило проверять по утрам резервуары на крыше, вылавливать из них листья, а то и дохлых ворон. Потом он шел осматривать сифоны на фильтрах, впускал галлонов десять свежей воды, если вода подходила к концу. На фильтровку и подачу этих десяти галлонов по системе многочисленных труб до резервуара коллектора уходила большая часть дня. Оттого что Пташка покорно занимался всем этим, Джентри его и терпел. Впрочем, крайняя пугливость парнишки была тоже плюсом. Пташка неплохо овладел искусством становиться совершенно невидимым, когда это касалось Джентри.

— Под завязку, — ответил Пташка.

— Можно как-нибудь принять душ? — спросила Черри со своего насеста на старой стиролоновой раме.

Под глазами у нее залегли темные тени, как будто она не спала всю ночь, но болячку она замазала косметикой.

— Нет, — сказал Слик, — нельзя. Во всяком случае, в это время года.

— Так я и думала, — мрачно ответила Черри, сгорбившись под своей коллекцией кожаных курток.

Слик плеснул себе остатки кофе и встал перед

девушкой, глотая горячее питье.

— У тебя проблемы? — спросила она.

— Да. Ты и тот парень наверху. Кстати, а что ты тут делаешь? Ты ведь при деле или как?

Из кармана самой верхней куртки девушка извлекла черный бипер — приемник телеметрического сигнала.

— Как только что-то изменится, он запищит.

— Хорошо спала?

— Нормально.

— А вот я — нет. Ты давно работаешь на Африку, Черри?

— С неделю.

— Ты правда медтех?

Она пожала плечами. Где-то под куртками.

— Достаточно, чтобы присматривать за Графом.

— Графом?

— Да. Графом. Малыш его так однажды назвал.

Пташка поежился. Он еще не успел обработать хайр своими любимыми парикмахерскими штучками, так что волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— А что, если он вампир? — предположил Пташка.

— Шутишь? — Черри изумленно уставилась

на него.

Широко раскрыв глаза, Пташка серьезно покачал головой.

Черри перевела взгляд на Слика:

— У твоего друга что, шариков не хватает?

— Никаких вампиров. — Слик обернулся к Пташке. — Их не бывает, понимаешь? Только в стимах. Этот парень не вампир, понял?

Пташка медленно кивнул: Слик его, похоже, не убедил. Ветер хлопал пластиковыми занавесями, играя с молочным светом.

Слик попробовал было заняться Судьей, но Пташка снова куда-то исчез, и все время мешали мысли о парне на носилках. К тому же становилось слишком холодно. Придется опять делать отводку с крыши, ставить обогреватели. Что предвещало очередной спор с Джентри по поводу электричества. Ток принадлежал Джентри — один он знал, как перехитрить «Ядерную комиссию».

Шла третья зима пребывания Слика на Фабрике, но, когда он наткнулся на это место, Джентри жил здесь уже четыре года. После того как они привели в порядок чердак, Слику досталась та комната, куда он сейчас поместил Черри и парня, которого, если верить Черри, Малыш называл

Графом. Джентри настаивал на том, что Фабрика принадлежит ему, поскольку он пришел сюда первым и подвел электричество без ведома «Комиссии». Но Слик делал на Фабрике множество дел, которые Джентри не желал делать сам. Например, добывал продукты. Или если случится серьезная авария, если закоротит провода или засорятся фильтры — именно у Слика были нужные инструменты и он делал весь ремонт.

Джентри не любил людей. Последнее время он дни напролет проводил со своими деками, периферией и голопроекторами, и наружу его выгонял только голод. Слик не понимал, чего именно добивается Джентри, но завидовал такой одержимости. Никто не докапывался до Джентри. Малыш Африка ни за что не докопался бы до него, потому что Джентри не понесло бы в Атлантик-Сити и он не вляпался бы в такое дерьмо и в долги к Малышу Африке.

Слик вошел в свою комнату без стука. Черри обмывала грудь парня губкой. На руках у нес были белые одноразовые перчатки. Из той комнаты, где готовили еду, она принесла газовую плитку и теперь грела воду в стальном бачке смесителя.

Он заставил себя посмотреть на синюшное лицо на носилках; дряблые губы раскрыты ров-

но настолько, чтобы были видны желтые зубы курильщика. Лицо улицы, лицо толпы, такое можно встретить в любом баре.

Черри подняла глаза на Слика.

Слик присел на край кровати; накануне девушка расстегнула его спальный мешок и, развернув наподобие простыни, подвернула под темперлон.

— Есть разговор, Черри. Надо с этим что-то решать, понимаешь?

Она выжала губку над миской.

— Как ты связалась с Малышом Африкой?

Она опустила губку в зиплок и убрала пакет в черную нейлоновую сумку из ховера Малыша. Глядя на нее, Слик вдруг понял: в том, что она делает, нет ни одного лишнего движения, похоже, ей даже не приходится задумываться, что делать дальше.

— Ты «У Моби Джейн» знаешь?

— Нет.

— Придорожный дансинг с мотелем на центральной трассе. Мой друг был там управляющим, рулил заведением уже с месяц до того, как я к нему перебралась. Моби Джейн — это просто здоровенная туша; торчит в задней комнате клуба в своей цистерне, как поплавок, а в вену ей

капает очищенный кокс — с души воротит. Так вот, я и говорю, приехала я туда со своим дружком Спенсером, тем самым управляющим, потому что у меня были неприятности с моим дипломом в Кливленде и я не могла тогда работать…

— Какие неприятности?

— Обычные. Ты хочешь дослушать или нет? Так вот, Спенсер заранее рассказал мне, что там за дикий бардак с владелицей, ясно? Последнее, чего бы мне хотелось, — это чтобы кто-нибудь прознал про мой диплом медтеха. Иначе меня тут же заставили бы менять фильтры и накачивать кокаином двухсоткилограммовую тушу галлюцинирующей психопатки. Так что меня поставили обслуживать столы, разносить пиво и все такое. Ладно, это меня устраивало. Музыка у них была неплохая. Вообще-то, местечко не для слабонервных, но все было норм, пока все знали, что я со Спенсером. Но однажды я просыпаюсь, а Спенсера нет. Потом выясняется, он исчез с их деньгами. — Не переставая рассказывать, она вытирала грудь «спящего» толстым комом впитывающего волокна. — Сперва они меня немного побили. — Подняв на Слика глаза, Черри пожала плечами. — А потом сказали, что сделают со мной дальше. Скрутят мне руки за спиной и посадят

в цистерну к Моби Джейн, потом запустят ее капельницу на всю катушку, а ей скажут, что мой дружок ее обнес… — Она бросила сырой ком в таз. — И вот они закрыли меня в стенном шкафу, чтобы я наглядно все себе представила заранее. Вдруг дверь открывается, и на пороге — Малыш Африка. До тех пор я его никогда раньше не видела. «Мисс Честерфилд, — говорит он, — у меня есть причины считать, что до последнего времени вы были зарегистрированным медицинским техником».

— То есть он предложил тебе работу?

— Предложил? Черта с два! Он просто проверил мои бумаги и увез меня оттуда. Вокруг мотеля не было ни души, и это в субботний вечер. Вывел меня на стоянку, где нас ждали этот его ховер с черепами и двое больших черных парней. Да я, черт побери, была готова на все, только бы подальше от этой цистерны.

— А наш друг уже был в кузове?

— Нет. — Она стягивала перчатки. — Африка велел мне отвести ховер обратно в Кливленд, куда-то на окраину. Дома большие и старые, а газоны все вытоптаны. Африка направился к тому, где было полно охраны, думаю, к своему собственному. Вот этот, — она подоткнула

синий спальный мешок под подбородок неизвестного, — лежал в спальне. Мне было сказано начинать немедленно. Африка сказал, что хорошо заплатит.

— И ты знала, что он привезет тебя сюда, на Пустошь?

— Нет. По-моему, он сам этого не знал. Что-то стряслось. Он ввалился на следующий день и сказал, что мы уезжаем. Похоже, его что-то напугало до чертиков. Вот тогда он и назвал его Графом. Потому что был зол и, думаю, перепуган. «Граф и его треклятый „Эл-Эф“» — так сказал он.

— Его что?

— «Эл-Эф». Низкочастотник[69].

— Что это?

— Наверное, вот это. — Она указала на матовый серый блок, установленный в изголовье носилок.

---

[69] notes: 69

Английская аббревиатура «LF» может расшифровываться как «low frequency» — низкая частота.

7
Там нет никакого там[70]

Она представила себе, что Свифт уже ждет ее на веранде, в твиде, которому он отдавал предпочтение лос-анджелесской зимой: пиджак и жилетка сотканы разным узором, «селедочная кость» и «собачий клык». Хотя, наверное, шерсть одна и та же, а то и с одной и той же овцы, годами пасущейся на одном и том же склоне холма. И весь имидж от начала и до конца срежиссирован командой визажистов, скрывающейся в комнатке над одним лондонским магазинчиком на Флорал-стрит, где она никогда не бывала. Они подбирали ему полосатые рубашки, хлопок покупали в Париже у «Шарве»; они создавали его галстуки, заказывая шелк в Осаке, — и чтобы обязательно с вышитой вязью из крохотных логотипов «Сенснета». И все же почему-то он вечно выглядел так, будто его одевала мамочка.

Веранда пуста. «Дорнье» повисел над ней, потом скользнул к своему гнезду. Ощущение Маман

---

[70] notes: 70

«There is no there there» — из книги Гертруды Стайн «Автобиография каждого» (1937), гл. 4. Перев. И. Басса.

Бригитты все еще не покидало Энджи.

В белой кухне Энджи отскребла с лица и рук запекшуюся кровь. А в гостиной у нее возникло такое чувство, будто она видит это место впервые. Крашеный пол, позолота на рамах, гобеленовая обивка стульев эпохи Людовика XVI, театральным задником — кубистский пейзаж Вальмье[71]. Как и гардероб Хилтона, интерьер был создан талантливыми, но чужими людьми. Когда она шла к винтовой лестнице, от резиновых сапог тянулись дорожки мокрого песка. За то время, что хозяйка провела в клинике, тут явно побывал Келли Хикмен, ее костюмер: рабочий багаж оказался аккуратно расставлен в хозяйской спальне. Девять плоских, будто для винтовок, кофров от «Гермеса» — гладкие прямоугольники похожи на гробы из начищенного чепрака. Одежду никогда не складывали, каждый костюм или платье распластаны между слоями шелковистой бумаги.

Энджи остановилась в дверях, глядя на пустую постель, на девять кожаных гробов.

Войдя в ванную (стеклянный блок и белая мозаичная плитка) и заперев за собой дверь, она стала открывать одну за другой створки туалетных

[71] notes: 71

Вальмье, Жорж (1885–1937) — французский художник, последовательно работавший в жанрах импрессионизма, кубизма, абстракционизма.

шкафчиков, не обращая внимания на ровные ряды нераспечатанных склянок с притираниями и кремами, на упаковки патентованных лекарств. Инъектор нашелся в третьем по счету шкафу рядом с пузырчатым листком дермов. Энджи даже чуть наклонилась, чтобы получше рассмотреть серую упаковку с японской надписью, боясь поначалу даже к ней прикоснуться. Инъектор выглядел новым, не пользованным. Энджи была почти уверена, что сама не покупала эту машинку, не прятала ее в шкаф. Вынув пакет из кармана куртки, она принялась изучать его, раз за разом поворачивая меж пальцев, наблюдая, как в своих запаянных отделениях пересыпаются отмеренные дозы лиловой пыли.

Она увидела, как опускает пакетик на край белой мраморной раковины и, выдавив прозрачный дерм из ячейки, вставляет его в инъектор. Красная вспышка диода — это машинка всосала дозу. Потом Энджи видит свои руки: вот они снимают дерм, и тот, как белая пластиковая пиявка, чуть покачивается на кончике правого указательного пальца. Внутренняя поверхность дерма

блестит крохотными капельками ДМСО…[72]

Энджи поворачивается, делает три шага до туалета и роняет невскрытый пакет в унитаз. Тот всплывает, как миниатюрная баржа, наркотик по-прежнему совершенно сух. Абсолютно… Дрожащими руками она отыскивает пилку для ногтей и опускается на колени на белый кафель… Закрыть глаза, чтобы не видеть, как одна рука придерживает пакетик, в то время как другая вонзает острие пилки в шов, поворачивает… Пилка со звоном падает на пол, Энджи нажимает на спуск — и две половинки пустого теперь пакета исчезают. Несколько минут она отдыхает, прижавшись лбом к холодной эмали, потом заставляет себя встать и подойти к раковине, чтобы тщательно отмыть руки.

Потому что так хочется — только теперь она понимает как — облизать пальцы.

Позже, уже в серых сумерках, она отыскала в гараже транспортировочный контейнер из рифленой пластмассы, отнесла его наверх в спальню и стала упаковывать оставшиеся от Бобби вещи. Их было немного: кожаные джинсы — зачем он их

---

[72] notes: 72

Димексид, диметилсульфоксид — анальгетик и противовоспалительное средство, легко проникающее через биологические мембраны, в том числе через кожу; применяется и в качестве растворителя.

купил, если они ему не нравились? — несколько рубашек, которые он не то собирался выбросить, не то просто забыл, и в нижнем ящике тикового бюро — киберпространственная дека. «Оно-Сэндай» — скорее игрушка, чем рабочий инструмент. Дека лежала посреди путаницы черных проводов, наборов дешевых стим-тродов и жирно лоснящегося тюбика проводящей пасты.

Энджи вспомнила деку, которой обычно пользовался Бобби, ту, которую он увез с собой, — серую заводскую «Хосаку» с немаркированной клавиатурой. Дека профессионального ковбоя. Он настаивал, чтобы она была с ним повсюду, хотя это и причиняло множество неприятностей на таможне. Зачем, удивилась она, он купил «Оно-Сэндай»? И почему бросил ее? Энджи сидела на краешке кровати. Вынув деку из ящика, положила ее себе на колени.

Давным-давно, еще в Аризоне, отец предостерегал дочь, советовал ей не подключаться к матрице. «Тебе это не нужно», — говорил он. Она и не подключалась, поскольку киберпространство просто ей снилось, как будто переплетение неоновых линий матрицы всегда ждало за сомкнутыми веками.

«Там нет никакого там». Этому учили детей,

объясняя им, что такое киберпространство. Ей вспомнились лекции улыбающегося наставника в административном центре научного городка, вспомнились бегущие по экрану картинки: пилоты в огромных шлемах и неуклюжих перчатках. Эта технология, пусть и примитивного с точки зрения нейроэлектроники «виртуального мира», давала человеку более полный доступ к системам истребителя. Пара миниатюрных видеотерминалов накачивала пилотов генерируемым компьютером потоком оперативных данных, перчатки вибротактильной обратной связи обеспечивали мир прикосновений, состоящий из рычагов и гашеток… С развитием технологии шлемы съеживались, видеотерминалы атрофировались…

Нагнувшись, Энджи подобрала набор тродов, встряхнула, высвобождая из клубка проводов.

Там нет никакого там.

Расправив на лбу эластичную головную повязку, она установила троды на висках — один из самых характерных человеческих жестов, а она делала его так редко. Потом нажала кнопку тестирования батарей «Оно-Сэндай». Зеленый — значит путь открыт. Теперь активировать деку. И спальня исчезла за бесцветной стеной сенсорной

статики. Ее голова наполнилась стремительным потоком белого шума.

Пальцы сами наугад отыскали второй переключатель — и Энджи катапультировало сквозь стену статики в суматошную, тесную беспредельность, абстрактную пустоту киберпространства. Вокруг нее трехмерной сеткой развернулась в бесконечность яркая решетка матрицы.

— Анджела, — сказал дом спокойным, но не терпящим возражений тоном, — на проводе Хилтон Свифт.

— Служебный канал? — Она ела печеную фасоль с тостами у стойки на кухне.

— Нет, — доверительно ответил дом.

— Измени тон, — приказала она с набитым фасолью ртом. — И добавь озабоченности.

— Мистер Свифт ждет, — нервно протараторил дом.

— Уже лучше, — сказала она, относя тарелку и миску в раковину. — Но я хочу что-нибудь поближе к настоящей истерике.

— Ты ответишь ему? — Голос задыхался от напряжения.

— Нет, — сказала она, — но голос оставь как есть, мне так нравится.

Она прошла в гостиную. «Раз, два… — считала

она про себя, на каждый счет задерживая дыхание. — Двенадцать, тринадцать…»

— Анджела, — мягко проговорил дом, — на проводе Хилтон Свифт…

— На служебном канале, — послышался голос Свифта; она с шумом выпустила воздух. — Ты знаешь, как я уважаю твою потребность побыть одной, но я очень о тебе беспокоюсь.

— Со мной все в порядке, Хилтон. У тебя нет причин волноваться. Пока.

— Ты споткнулась сегодня на пляже. Выглядела как будто не в себе. У тебя кровь шла из носа.

— Просто кровотечение.

— Мы бы хотели, чтобы ты прошла еще один осмотр…

— Отлично.

— Ты сегодня входила в матрицу, Энджи. Мы засекли тебя в промышленном секторе СОБА.

— Так вот что это было.

— Хочешь об этом поговорить?

— Тут не о чем говорить. Просто валяла дурака. Но ведь ты все равно от меня не отвяжешься, да? Я упаковывала кое-какой хлам, оставшийся после Бобби. Тебя бы это порадовало, Хилтон! Я нашла его деку и решила попробовать. Нажала пару клавиш и просто сидела, глядя по сторонам.

Потом отключилась.

— Извини, Энджи.

— За что?

— За то, что потревожил тебя. Я сейчас отключусь.

— Хилтон, ты знаешь, где Бобби?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что служба безопасности «Сенснета» перестала за ним следить?

— Я говорю, что не знаю, Энджи. Это правда.

— Но ты мог бы выяснить, если бы захотел?

Снова пауза.

— Не знаю. Если бы и мог, то не уверен, что стал бы это делать.

— Спасибо. До свидания, Хилтон.

— До свидания, Энджи.

Той ночью она сидела в темноте, наблюдая за танцем блох на освещенном песке. Сидела и думала о Бригитте и ее предостережении, о наркотике в кармане куртки и об инъекторе в аптечке. Думала о киберпространстве и о том печальном ощущении замкнутости, какое она испытала с «Оно-Сэндай», ощущении, таком далеком от свободы лоа. Думала о чужих снах, о свивающихся в лабиринт коридорах, о приглушенных тонах древнего ковра… Старик, голова из драгоценных

камней, напряженное лицо с зеркалами вместо глаз… И голый, продуваемый ветрами пляж в темноте.

Другой пляж, не в Малибу.

И где-то в сумерках калифорнийского утра, за несколько часов до рассвета, среди коридоров, галерей, лиц, обрывков разговоров, которые она помнила лишь отчасти, проснувшись и увидев белый туман, окутавший окна главной спальни, она вдруг поняла, что вырвала из сна что-то очень важное и унесла это важное с собой через границу, в явь.

Перекатившись на бок, порылась в ящике тумбочки. Нашла ручку «порше», подарок каких-то ассистентов, и нацарапала драгоценные буквы на глянцевой обложке итальянского журнала мод: «Т-Э».

— Вызови Континьюити[73], — приказала она дому за третьей чашкой кофе.

— Здравствуй, Энджи, — сказал Континьюити.

— Была одна пленка с орбиты, мы засняли ее два года назад. Яхта бельгийца… — Она глотнула остывающий кофе. — Как называлось то место, куда он хотел меня отвезти? Робин тогда еще

---

[73] notes: 73
Continuity *(англ.)* — непрерывность, связность, целостность.

решил, что это дешевка.

— Фрисайд, — сказала экспертная система.

— Кто из наших там работал?

— Тэлли Ишем записала на Фрисайде девять эпизодов.

— Для нее это была не дешевка?

— Это было пятнадцать лет назад. В то время Фрисайд был в моде.

— Достань для меня эти эпизоды.

— Сделано.

— Пока.

— До свидания, Энджи.

Континьюити писал книгу. Энджи об этом рассказал Робин Ланье. Она спросила, о чем книга. «Не в том дело, — ответил он. — Книга закукливается в саму себя и постоянно мутирует. Континьюити пишет ее бесконечно». Она спросила почему, но Робин уже потерял интерес к разговору. Континьюити — ИскИн, а ИскИны всегда делают что-нибудь подобное.

Обращение к Континьюити стоило ей звонка от Свифта.

— Энджи, насчет этого осмотра…

— А ты его еще в план не поставил? Я хочу вернуться к работе. Сегодня утром я вызывала Континьюити. Подумываю о съемке нескольких

эпизодов на орбите. Собираюсь просмотреть кое-что из того, что делала Тэлли. Может, возникнут какие-нибудь идеи.

Молчание. Ей хотелось рассмеяться. Не так просто лишить Свифта дара речи.

— Ты уверена? Это замечательно, Энджи, но ты действительно этого хочешь?

— Мне гораздо лучше, Хилтон. Я чувствую себя просто прекрасно. Каникулы закончены. Пусть приедет Порфир уложить мне волосы перед тем, как я покажусь на люди.

— Знаешь, Энджи, — сказал Свифт, — это осчастливит всех нас.

— Вызови Порфира. Договорись насчет осмотра.

Coup-poudre. Кто, Хилтон? Может, ты сам?

А ведь у него была такая возможность, подумалось ей полчаса спустя, когда она взад-вперед вышагивала по укутанной туманом веранде. Ее зависимость от наркотиков не угрожала «Сенснету», поскольку никак не отражалась на продукции. Ведь никаких физических последствий не было. В противном случае «Сенснет» ни за что бы не позволил ей даже попробовать. Дизайнерские, модельные наркотики, думала она. Уж сам-то моделист знает, что в них. И нико-

гда ей не скажет, даже если удастся с ним как-то связаться, в чем она сомневалась. Предположим, размышляла она, ведя ладонью по шершавой ржавчине перил, что это был не моделист. Что кто-то другой смоделировал молекулу в своих собственных целях.

— Твой парикмахер, — сказал дом.

Она вошла внутрь.

Порфир ждал, задрапированный складками мягкого джерси — последняя новинка парижского сезона. Его лицо, гладкое и спокойное, как полированное черное дерево, при виде ее раскололось в радостной ухмылке.

— Мисси, — проворчал он, — ты выглядишь как самопальное дерьмо.

Энджи рассмеялась. С досадой хмыкнув, Порфир шагнул к ней и с наигранным отвращением запустил длинные пальцы в ее шевелюру.

— Мисси была дурной девочкой! Порфир говорил ей, что это ужасные пилюли!

Энджи пришлось запрокинуть голову — Порфир был очень высок и, как она знала, невероятно силен. Этакая гончая на стероидах, как сказал про него однажды кто-то. Его безволосый череп являл собой неизвестную в природе симметрию.

— Как ты? — спросил он уже совсем другим

тоном, нарочитая бравада отключилась, будто кто-то повернул выключатель.

— Прекрасно.

— Больно было?

— Да. Больно.

— Знаешь, — сказал он, легонько касаясь ее подбородка длинным пальцем, — никто никогда не понимал, что ты находишь в этом дерьме. Было такое впечатление, что оно даже улететь тебе не дает.

— И не должно было. Это вроде как ты одновременно и здесь и там, только не нужно…

— Что-то чувствовать?

— Да.

Он медленно кивнул.

— Тогда это был действительно дрянной кайф.

— Черт с ним, — ответила Энджи. — Я вернулась.

Снова ухмылка.

— Пойдем помоем тебе голову.

— Я только вчера ее мыла!

— Чем? Нет! Не говори мне! — Взмахами огромных ладоней Порфир погнал ее к лестнице.

В выложенной белой плиткой ванной парикмахер втер ей что-то в кожу головы.

— Ты в последнее время виделся с Робином?

Порфир уже промывал ей волосы холодной водой.

— Миста Ланье сейчас в Лондоне, мисси. Миста Ланье и я не разговаривать друг с другом в настоящее время. Сядь прямо.

Он поднял спинку кресла и обернул вокруг ее шеи полотенце.

— Почему? — спросила она, настраиваясь выслушать последние слухи «Сенснета», что было у Порфира второй специальностью.

— Потому что, — ровным голосом сказал парикмахер, тщательно зачесывая ей волосы назад, — он наговорил всем гадостей о некой Анджеле Митчелл, пока та была на Ямайке, наводя порядок в своей маленькой головке.

Этого она никак не ожидала.

— Гадостей?…

— А то, мисси.

Порфир принялся подстригать ей волосы ножницами, это было одним из его профессиональных бзиков: Порфир неизменно отказывался от лазерного карандаша, заявляя, что никогда к нему даже не прикоснется.

— Ты шутишь, Порфир?

— Нет. Мне бы он ничего такого не стал говорить, но Порфир многое слышит. Порфир всегда

слышит. Он уехал в Лондон на следующее утро после того, как ты прибыла сюда.

— А что именно ты слышал?

— Что ты сошла с ума. Не важно, под кайфом или без. Что ты слышишь всякие голоса. Что психиатры «Сенснета» об этом знают.

Голоса…

— Кто тебе это сказал? — Она попыталась повернуться в кресле.

— Не мотай головой. Вот так. — Он вернулся к работе. — Не могу сказать. Доверься мне.

После отъезда Порфира еще несколько раз звонили — это рвалась сказать «привет» ее съемочная группа.

— Сегодня больше никаких звонков, — приказала она дому. — Эпизоды Тэлли я посмотрю наверху.

Отыскав в глубине морозильника бутылку «Короны», Энджи забрала ее с собой в спальню. Стим-модуль в тиковом изголовье кровати был снабжен студийного уровня дерматродами. Когда она уезжала на Ямайку, таких тут еще не было. Техники «Сенснета» периодически обновляли оборудование в доме. Глотнув пива, она поставила бутылку на столик и прилегла с тродами на лбу.

— Поехали.

В дыхание Тэлли, в плоть Тэлли.

«Как я могла заменить тебя? — удивилась она, захваченная физическим существом бывшей звезды. — Приношу ли я людям такое же наслаждение?»

Тэлли-Энджи смотрит вниз в увитую виноградом пропасть, которая одновременно и бульвар, поднимает глаза вверх на опрокинутый горизонт, скользит взглядом по далеким теннисным кортам. Над головой — «солнце» Фрисайда, осевая нить ярчайшего накала…

— Перемотай вперед, — приказала она дому.

В плавное сокращение мускулов и расплывчатое пятно бетона, Тэлли наматывает круги на велодроме с пониженной гравитацией…

— Перемотай вперед.

Сцена за обедом, натяжение бархатных бретелек на плечах, молодой человек напротив наклоняется через стол, чтобы подлить ей вина…

— Вперед.

Льняные простыни, рука между ее ног, пурпурные сумерки за стеклянной стеной, звук бегущей воды…

— Обратно. Ресторан.

Красное вино льется в стакан…

— Еще чуть-чуть. Стоп. Здесь.

Глаза Тэлли сфокусированы на загорелом запястье парня, а не на бутылке.

— Мне нужна распечатка кадра, — сказала Энджи, снимая троды.

Она села и отхлебнула пива, вкус которого странно смешался с призрачным вкусом записанного на стим-пленку вина Тэлли.

Внизу мягко зажужжал принтер. Энджи заставила себя идти по ступенькам как можно медленнее, но когда она добралась до принтера в кухне, изображение ее разочаровало.

— Можешь это почистить? — спросила она у дома. — Я хочу прочитать этикетку на бутылке.

— Выравниваю изображение, — ответил дом, — поворачиваю цель на восемь градусов.

Принтер заработал, поползла новая картинка. Не успел он отстрекотать, а Энджи уже нашла свое сокровище, свою медаль за победу над сном, отпечатанную коричневыми чернилами: «Т-Э».

У них были даже собственные виноградники, подумала она.

«Тессье-Эшпул СА»[74] — раскорячились по-пау-

---

[74] notes: 74

SA (Sociйtй Anonyme) — акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью *(фр.)*.

чьи буквы августейшего шрифта.

— Попались! — с вызовом прошептала она.

8
Техасское радио

Сквозь рваные дыры в пластике, которым затягивали окно, Мона видела солнце. Слишком мерзкое место, чтобы тут оставаться, — особенно если не спишь и не торчишь. А сейчас как раз ни то ни другое.

Потихоньку выбравшись из постели, она поморщилась, когда ее пятка коснулась голого пола, и на ощупь нашла плетеные пластмассовые сандалии. Ну и грязная же дыра! Стоит легонько прислониться к стене, и столбняк тебе уже обеспечен. От одной мысли мурашки ползут по коже. А вот Эдди, похоже, это не волновало. Он настолько погружался в свои аферы, что вообще ничего вокруг не замечал. И всегда ему удавалось каким-то образом держать себя в чистоте, как кошке. Он вообще был по-кошачьи чистоплотен — ни пятнышка грязи под полированными ногтями. Она уже давно догадывалась, что большая часть ее заработка уходит на его гардероб, впрочем, ей и в голову не пришло бы протестовать. Ей было шестнадцать, звали ее Мона, у нее даже

ГРЕХа не было, а один пожилой лох ей как-то сказал, что есть такая песня — «В шестнадцать лет, и неГРЕХовна». Это означало, что Моне при рождении ГРЕХ — Государственную регистрационную характеристику — в файлы не записали и документ не выдали, так что она выросла за рамками почти всех официальных инстанций. Мона знала, что вроде бы можно обзавестись ГРЕХом, если у тебя его нет, но подразумевалось, что для этого придется идти в какое-то заведение и разговаривать там с каким-то пиджаком — а это было довольно далеко от представлений Моны о хорошем времяпрепровождении или даже о нормальном поведении.

Она давно уже приучилась одеваться в сквоте, могла бы проделать это и в темноте: натягиваешь сандалии, предварительно постучав ими друг о друга, чтобы согнать все, что могло туда заползти, потом — в два шага — к окну, где, как известно, в корзине из стиролона лежит рулон старых ньюсфаксов. Отматываешь с метр факса, скажем, день-полтора «Асахи Симбун», складываешь, разглаживаешь и кладешь на пол. Тогда на лист можно встать и дотянуться до стоящей рядом с корзиной пластиковой сумки, распутать связывающую ручки проволоку и найти нужную

одежду. Вынимая ногу из сандалии, чтобы надеть трусы, уже знаешь, что ступишь на свежий факс; для Моны это стало догмой — полагать, что ничто не заползет на факс за время, необходимое для того, чтобы натянуть джинсы. И снова сандалии.

Потом можно надеть футболку или еще что, старательно обмотать проволокой ручки сумки и убраться отсюда. Макияж, если требуется, — в коридоре снаружи, где у сломанного лифта сохранилось подобие зеркала с приклеенным над ним обрезком биофлюоресцентной ленты «Фудзи».

Этим утром у лифта стоял резкий запах мочи, так что Мона решила макияж опустить.

Здание как будто вечно пустовало, ни единой души вокруг, но временами из-за какой-нибудь запертой двери доносилась музыка или вдруг слышалось эхо шагов, только что завернувших за угол в дальнем конце коридора. Ну, в этом был смысл — у Моны тоже не возникало особого желания встречаться с соседями.

Она спустилась на три пролета вниз, прямо в кромешную тьму подземного гаража. Чтобы отыскать выход на улицу, понадобилось всего шесть вспышек карманного фонарика, которые разбудили застоявшиеся лужи и свисающие плети мертвого оптокабеля. Вверх по бетонным

ступеням и, наконец, наружу — в узкий проулок. Иногда, если ветер дул в нужную сторону, в проулок заносило запах пляжа, но сегодня тут пахло только помойкой. Над ней громоздилась стена сквота, так что надо пошевеливаться, пока какому-нибудь придурку не вздумалось бросить в окно бутылку или что похуже. Только выйдя на авеню, Мона сбавила шаг, но и то ненамного; карман ее жгли наличные, и Мону переполняли планы, как их потратить. Совсем ни к чему, чтобы тебя обули, тем более сейчас, когда все идет к тому, что Эдди все же удастся спроворить им обоим билет отсюда.

Она все колебалась, верить ей или не верить; ей очень хотелось сказать себе: да, дело верное, они практически уже уехали, — а с другой стороны, уж она знает, каковы они, эти «верные дела» Эдди. Разве не была Флорида одним из таких дел? Как тепло в этой Флориде, и какие там пляжи, и сколько там лохов с деньгами — самое место для небольших трудовых каникул, которые уже растянулись в самый долгий в Мониной жизни месяц. Ладно, во Флориде тепло, а если точнее, чертовски жарко, как в сауне. Пляжи, коли не частные, заражены какой-то дрянью, в неглубоких впадинах плавает брюхом вверх

дохлая рыба. Возможно, на частных пляжах — картина та же, но только этих пляжей и не видно — заграждение из колючей проволоки и кругом охрана в шортах и полицейских рубашках. Эдди всякий раз распалялся при виде оружия, которое носили охранники, он не уставал описывать ей каждую пушку в мельчайших деталях до полного опупения. Впрочем, у него у самого пушки не было, по крайней мере, Мона ничего такого не знала и считала, что это даже к лучшему. Иногда запах дохлой рыбы забивался другим, хлорным, который жег нёбо, — его приносило с фабрик, расположенных выше по берегу. Если здесь и встречались лохи, то это были те же клиенты, к тому же они не особо стремились платить вдвойне.

Пожалуй, единственное, что могло во Флориде нравиться, — это наркотики: легко достать, дешевы и по большей части промышленной концентрации. Иногда Мона представляла себе, что запах хлорки — на самом деле запах миллиона лабораторий, варящих какое-то невероятное снадобье. Все эти маленькие молекулы бьют острыми хвостиками, так им невтерпеж попасть по назначению, выйти на улицу.

Свернув с авеню, она направилась вдоль лот-

ков с едой — эти торговали без лицензии. От запаха пищи сводило желудок, но она не доверяла уличной кормежке — разве что в случае крайней необходимости. И потом, в пассаже полно мест, где возьмут наличные. Посреди заасфальтированного сквера, бывшего на самом деле автостоянкой, кто-то играл на трубе: рокочущее кубинское соло отражалось, возвращалось искореженным от бетонных стен, умирающие ноты терялись в утреннем гаме рынка. Уличный проповедник-евангелист вскинул руки над головой, в воздухе над ним этот жест скопировал блеклый, расплывчатый Иисус. Проектор помещался в ящике из-под мыла, на котором стоял проповедник, а за спиной у него висел потертый нейлоновый короб с батареями и парой динамиков, которые выступали над его плечами, как две безглазые хромированные головы. Евангелист нахмурился, глянул вверх на Иисуса и подкрутил что-то у себя на поясе. Иисус будто икнул, позеленел и исчез. Мона не смогла удержаться от смеха. Глаза проповедника полыхнули гневом Господним, на грязной щеке задергались шрамы.

Мона повернула налево в ряды торговцев фруктами, выстраивающих пирамиды апельсинов и грейпфрутов на побитых металлических те-

лежках. Вошла в низкое здание со сводчатым потолком, приютившее вдоль проходов постоянных своих обитателей — торговцев рыбой, фасованными продуктами, дешевыми хозяйственными мелочами; тут же располагались десятки прилавков со всевозможной горячей пищей. Здесь, в тени, было чуть прохладнее и не так шумно. Она нашла вонтон с шестью свободными табуретами и села на один из них. Повар-китаец обратился к ней по-испански, она заказала, ткнув пальцем. Когда в пластиковой миске появился суп, Мона расплатилась самой маленькой из банкнот, а на сдачу получила восемь засаленных картонных жетонов. Если Эдди не врет, если они действительно уезжают, она не сможет ими воспользоваться. Если же останутся во Флориде, она всегда сможет их потратить еще в каком-нибудь вонтоне. Мона покачала головой. Нужно уезжать, нужно. Толкнула истертые желтые кружочки назад через крашеный фанерный прилавок.

— Оставь себе.

Повар смахнул их под прилавок — невозмутимо и без всякого выражения; голубая пластмассовая зубочистка застыла в углу его рта.

Взяв из стакана на прилавке две палочки, Мона принялась вылавливать из миски змейки лапши.

Из прохода за котлами и жаровнями китайца за ней наблюдал какой-то пиджак. Пиджак, пытающийся косить под кого-то другого: белая спортивная рубашка и солнечные очки. То, что это пиджак, было видно по тому, как он стоит. К тому же зубы слишком белые и прическа… ну разве что у этого была борода. Человек делал вид, что просто смотрит по сторонам, будто пришел за покупками: руки в карманах, рот сложен — как ему кажется — в рассеянную улыбку. Он был симпатичный, этот пиджак, — во всяком случае, та часть его лица, что не скрывалась за очками и бородой. А вот улыбку симпатичной не назовешь. Она казалась какой-то прямоугольной и открывала почти все тридцать два зуба. Мона поерзала на стуле, чувствуя себя несколько неуютно. Торговать собой — это вполне законно, правда, делать это нужно по правилам — иметь налоговый чип и все такое. Внезапно она осознала, что в кармане у нее наличные. Мона сделала вид, что изучает лицензию на торговлю пищевыми продуктами, приклеенную пленкой к прилавку. Когда она снова подняла глаза, пиджак уже ушел.

На одежду ушло полсотни. Пришлось прошерстить все восемнадцать вешалок в четырех магазинах — все, что имелось в пассаже, — прежде

чем на что-то решиться. Торговцам не нравилось, что она меняет такую кучу вещей, но ведь у нее впервые в жизни было столько денег, которые можно тратить. Покончив наконец с покупками, она обнаружила, что давно уже наступил полдень. Солнце Флориды поджаривало тротуар, когда она пересекла стоянку с двумя пластиковыми сумками в руках. Сумки, как и одежда, были подержанными: на одной напечатан фирменный знак обувной лавки на Гиндзе, другая рекламировала аргентинские брикеты из переработанного криля. Мона шла и перетасовывала в уме покупки, выдумывая различные прикиды.

На противоположной стороне площади евангелист открыл свое шоу, врубив максимальную громкость, и почему-то с середины тирады — должно быть, разогревался до белого каления, прежде чем включиться. Голографический Иисус тряс рукавами белого балахона и гневно жестикулировал небу, потом пассажу, потом снова и снова небу. «Вознесение, — говорил он. — Вознесение грядет».

Машинальный рефлекс держаться от психов подальше погнал Мону в первый попавшийся проулок, и она обнаружила, что бредет вдоль выгоревших на солнце карточных столов с

разложенными на них дешевыми индонезийскими симстим-деками, бэушными кассетами, цветными «занозами» микрософтов, воткнутых в кубики из бледно-голубого стиролона. Над одним из столов был прилеплен постер с изображением Энджи Митчелл, такого Мона еще не видела. Замерев, она уставилась на него голодным взглядом, впитывая сперва макияж и прикид звезды, потом стала рассматривать фон, пытаясь сообразить, где сделан снимок. Бессознательно погримасничала, подстраивая свое лицо под выражение лица Энджи. Не совсем улыбка. Что-то вроде полуусмешки, быть может, немного печальной. К Энджи Мона испытывала совсем особые чувства. Потому что — и лохи ей иногда говорили это — была на нее похожа. Как будто она ей сестра. Разве что нос другой — у Моны более курносый, — и у нее, у Энджи, нет этой несносной россыпи веснушек на щеках. Монина полуусмешка «под Энджи» стала шире, пока девушка рассматривала звезду, омытая красотой плаката, роскошью запечатленной на нем комнаты. Она решила, что это какой-нибудь замок. Вероятно, там и живет Энджи, конечно, в окружении бесчисленных слуг, которые о ней заботятся: кто-то же должен укладывать ей воло-

сы и помогать с одеждой, видно ведь, что стены там сложены из больших валунов и у зеркал тяжелые рамы — сплошь золотые с листьями и ангелами. Возможно, надпись в нижней части постера и подсказала бы ей, что это за замок, но Мона не умела читать. Во всяком случае, никаких долбаных тараканов там нет, в этом-то она была уверена, — и никакого Эдди тоже. Мона опустила взгляд на стим-деки и ненадолго задумалась, не спустить ли на один из этих аппаратов оставшиеся деньги. Но тогда у нее не хватит на кассеты, и к тому же эти записи такие старые, некоторые даже старше ее самой. Вот, например, с этой — как ее там? — Тэлли; она была звездой, когда Моне исполнилось девять, что ли.

Когда она вернулась, Эдди ее уже ждал. Снял с окна пленку, напустив в комнату жужжащих мух. Эдди валялся на кровати, покуривая сигарету, а наблюдавший за ней в пассаже бородатый пиджак сидел на сломанном стуле, так и не сняв очки.

Прайор. Так он себя назвал, как будто имя у него отсутствует вовсе. Как у Эдди — фамилия. Ну у нее у самой фамилии тоже нет, если не считать Лизы, но это скорее просто еще одно ее имя.

Пока он торчал в сквоте, ей никак не удавалось понять, что он за птица. Оттого, наверное, подумала Мона, что он англичанин. Впрочем, и пиджаком его назвать трудно, во всяком случае, настоящим пиджаком, за которого она приняла его в пассаже. И здесь он не просто так, что-то у него на уме, только пока неясно, что именно. Порой он не спускал с нее глаз, смотрел, как она упаковывает вещи в принесенную им голубую дорожную сумку с надписью «Люфтганза», но в его взгляде она не чувствовала никакого зуда, никакого намека на то, что он ее хочет. Он просто за ней наблюдал, постукивая солнечными очками по колену, смотрел, как курит Эдди, слушал его брехню и говорил не больше, чем требовалось. Когда он говорил, обычно это было что-то смешное, но Мону сбивало с толку то, как он это делал: не понять, когда он шутит, а когда нет.

Мона собирала вещи, а в голове была такая легкость, как будто она дохнула стимулятора, но полный кайф еще не пришел. Мухи трахались на окне, ритмично ударяясь о пыльное стекло, но ей было плевать. Уехала, она уже уехала!

Застегнуть молнию на сумке.

К тому времени, когда они добрались до аэропорта, пошел дождь — флоридский дождь, теплые

ссаки из ниоткуда. Раньше она никогда не бывала в аэропортах, знала их лишь по стимам.

Машина Прайора, взятый напрокат белый «датсун», была без водителя и всю дорогу оглашала салон лифтовой музыкой из четырех динамиков. Высадив их вместе с багажом на голый бетон у зала вылета, она укатила в дождь. Если у Прайора и была дорожная сумка, то где-то в другом месте. У Моны на плече висела ее «Люфтганза», а Эдди стоял возле двух черных чемоданов из кожи клонированных крокодилов.

Одергивая на бедрах новую юбку, Мона думала, удачные ли она купила туфли. Эдди явно наслаждался собой — руки в брюки, плечи приподняты, — показывая, будто он занят чем-то важным.

Ей вспомнилось, как она впервые увидела его в Кливленде. Он тогда приехал к ним на окраину посмотреть мотороллер, который продавал старик, до основания проржавевшую трехколесную «шкоду». Старик выращивал сомов в бетонных чанах, окружавших их грязный двор. Когда появился Эдди, Мона была в доме — в длинном просторном трейлере с высоким потолком, водруженном на бетонные блоки. В одной из боковин трейлера прорезали окна — прямоугольные ды-

ры, заделанные поцарапанным пластиком. Она стояла у плиты, над которой витал запах помидоров и лука, подвешенных в сетках сушиться, когда почувствовала его присутствие в дальнем конце комнаты, почувствовала мускулы и широкие плечи, его белые зубы, черную нейлоновую кепку, которую он неуверенно комкал в руке. В окна било солнце, освещая голую убогую комнату, пол выметен, старик вечно заставлял ее подметать… но это было как надвигающаяся тень, кровавая тень, когда она услышала биение собственного сердца… а он подходил все ближе. Вот, проходя мимо, швырнул кепку на голый откидной стол, уже не робко, а так, будто жил здесь всегда, и прямо к ней, проведя рукой с ярким кольцом на пальце по масленой тяжести волос… Тут вошел старик, и Мона отвернулась, делая вид, что занята чем-то у плиты. «Кофе», — бросил старик, и Мона пошла за водой — наполнить эмалированную кастрюлю из отводной трубы с крыши; вода булькала, стекая сквозь угольно-черный фильтр. Эдди со стариком сидели у стола, пили черный кофе, ноги Эдди широко расставлены под столом, колени напряжены под выцветшей джинсовой тканью. Улыбался, жестикулировал, торговал у старика «шкоду». Мона вспоминала,

как он все гнул свое. Мол, берет машинку, если у старика есть на нее лицензия. Старик встает, роется в ящиках. Взгляд Эдди снова нацелен на нее. Она вышла за ними во двор и смотрела, как он усаживается на потрескавшееся виниловое сиденье. Выстрел из выхлопной трубы, и черные собаки старика взрываются бешеным лаем. Едкий, сладковатый запах выхлопных газов от дешевого спирта, и рама дрожит между его ног.

Мона смотрела, как он позирует между двумя чемоданами. Как же сложно совместить эту сегодняшнюю картинку с тем, почему на следующий день она уехала вместе с ним в Кливленд на той самой «шкоде». У «шкоды» было маленькое встроенное радио, которое на ходу заглушал мотор, но его можно было слушать тихонько ночью в поле возле дороги. Настройка не работала, так что приемник ловил всего одну станцию — призрачную музыку с какой-то одинокой вышки в Техасе. Стил-гитара то звенела, то растворялась в ночи. А она чувствовала свою влагу, прижимаясь к его ноге, и жесткую сухую траву, которая щекотала ей шею.

Прайор поставил ее голубую сумку в белый вагончик с полосатой крышей. Мона полезла следом, слыша слабые испанские голоса из науш-

ников кубинца-водителя. Потом Эдди запихнул ей под ноги свои чемоданы, и они с Прайором тоже сели. И покатили к взлетной полосе сквозь стену дождя.

Самолет оказался совсем не таким, какие она знала по стимам, изнутри он совсем не походил на длинный роскошный автобус с рядами кресел по сторонам. Самолет был маленький, с заостренными хрупкими крыльями и такими окошками, что казалось, будто машина все время косит глазами.

Поднявшись по металлической лестнице, Мона попала в округлое помещение с четырьмя креслами и однообразным серым ковром повсюду, и на потолке, и на стенах тоже, — все чистое, холодное и отчужденно серое. За ней вошел Эдди и сел с таким видом, будто ежедневно это проделывал, — распустив галстук и вытянув ноги. Прайор нажимал кнопки у двери. Дверь со вздохом закрылась.

Мона взглянула в узкое, в каплях воды окошко на огни взлетной полосы, отражавшиеся в мокром бетоне.

А сюда ехали на поезде, подумала она, от Нью-Йорка до Атланты, потом пересадка.

Самолет задрожал. Ей послышалось, как, ожи-

вая, что-то проскрипел фюзеляж.

Пару часов спустя Мона ненадолго проснулась в затемненной кабине — оказывается, заснула, убаюканная протяжным гулом реактивного двигателя. Эдди спал, полуоткрыв рот. Возможно, Прайор спал тоже, а может, он просто сидел с закрытыми глазами — она не знала.

На полпути в сон, который на следующее утро она уже не смогла вспомнить, ей почудились звуки того техасского радио — тающие стальные струны, вибрирующие, словно боль.

9
Лечь на дно

Линии Джубили и Бейкерлу, Кольцевая и Дистрикт. Кумико рассматривала маленькую глянцевую схему метро, которую дал ей Петал, и зябко ежилась. Холод, исходивший от бетона платформы, проникал даже сквозь подошвы ботинок.

— И старая же она, черт побери, — рассеянно сказала Салли Ширс.

В ее линзах отражалась закругляющаяся к потолку стена в чехле из белой керамической плитки.

— Прошу прощения?

— Подземка…

Новый клетчатый шарф был завязан у Салли под подбородком, и с каждым следующим словом изо рта у нее белым облачком вылетал пар.

— Знаешь, что меня мучает? То, как иногда прямо у тебя на глазах на станции налепляют новый слой плитки, не сняв сперва старую, или просверливают дыру в стене, чтобы добраться до каких-нибудь проводов. Тогда видишь все эти

наслоения плитки…

— Да?

— Но ведь станции все сужаются и сужаются, так? Это как сужение вен…

— Да, — с сомнением сказала Кумико, — я понимаю… Салли, а мальчики вон там… Что означают их костюмы?

— Это Джеки. Их еще называют Джеки Дракулы.

Четверо Джеков Дракул нахохлились, как вороны, на противоположной платформе. На них были неприметные черные дождевики и начищенные армейские ботинки со шнуровкой до колен. Один из них повернулся, обращаясь к другому, и Кумико увидела, что волосы у него стянуты назад и заплетены в косичку, перевязанную маленьким черным бантом.

— Повесили его, — сказала Салли, — после войны.

— Кого?

— Джека Дракулу. После войны здесь одно время практиковали публичные казни. От Джеков тебе лучше держаться подальше. Ненавидят любых иностранцев…

Кумико с радостью вызвала бы Колина, но модуль «Маас-Неотек» был запрятан за мраморным

бюстом в той комнате, где Петал подавал завтрак, а тут еще подошел поезд, ошарашив ее архаичным перестуком колес по стальным рельсам.

Салли Ширс — на фоне залатанной изнанки городской архитектуры, в линзах на лице отражается путаница лондонских улиц и переулков, помеченных в каждую эпоху экономикой, пожарами, войнами…

Кумико, уже совершенно запутавшись, где они, собственно, находятся после их с Салли трех поспешных и на первый взгляд совершенно случайных пересадок, безропотно позволяла тянуть себя из такси в такси. Они выскакивали из одной машины, ныряли в двери ближайшего универмага, чтобы воспользоваться первым попавшимся выходом на другую улицу и сесть в другое такси.

— «Хэрродз»[75], — сказала Салли, когда они поспешно пересекали богато украшенный зал, высокий потолок которого подпирали колонны из белого мрамора.

Кумико щурилась на толстые красные ломти вырезки и бараньи ноги, разложенные на многоярусных мраморных прилавках, предполагая,

[75] notes: 75

«Хэрродз» — один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

что все это пластиковые муляжи. Потом — снова на улицу. Салли подзывает очередное такси.

— «Ковент-Гарден»[76], — бросает она шоферу.

— Прости, Салли, но что мы делаем?

— Заметаем следы. Теряемся.

Салли пила горячий бренди на веранде крохотного кафе под припорошенной снегом стеклянной крышей. Кумико пила шоколад.

— Мы потерялись, Салли?

— Да уж. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Кумико подумала, что сегодня Салли выглядит старше: возле губ залегли морщинки усталости или напряжения.

— Салли, а чем именно ты занимаешься? Твой друг спрашивал, по-прежнему ли ты на отдыхе?...

— Я — деловая женщина.

— А мой отец? Он — деловой человек?

— Твой отец — самый настоящий бизнесмен, котенок. Нет, не такой, как я. Я вольный стрелок. В основном вкладываю деньги.

— А во что ты вкладываешь?

— В таких же, как я, — пожала она плечами. —

---

[76] notes: 76

«Ковент-Гарден» — торговый центр на одноименной площади, построенный на территории бывшего крытого рынка.

Тебя что, разбирает сегодня любопытство? — Она отпила еще глоток.

— Ты советовала мне стать своим собственным шпионом.

— Хороший совет. Однако требует некоторой ловкости и умелого применения.

— Ты здесь живешь, Салли? В Лондоне?

— Путешествую.

— А Суэйн, он тоже вольный стрелок?

— Это он так думает. Типичный торговец влиянием, к тому же держит нос по ветру. Здесь это необходимо для дела, но лично мне действует на нервы. — Она допила бренди и облизнула губы; Кумико поежилась. — Тебе не стоит бояться Суэйна. Янака смог бы съесть его на завтрак…

— Нет, я подумала о тех мальчишках в подземке. Такие худые…

— Дракулы.

— Банда?

– *Босодзоку*, — сказала Салли с вполне сносным произношением. — «Кочевые племена», так? Ну, во всяком случае, что-то вроде племени. — (Слово было не совсем подходящее, но Кумико решила, что уловила суть.) — А худые они потому, что бедные. — Салли жестом подозвала официанта, чтобы заказать еще бренди.

— Салли, — сказала Кумико, — когда мы добирались сюда, наш маршрут, все эти поезда и такси… это ты хотела убедиться, что за нами никто не следует?

— Ни в чем нельзя быть уверенным.

— Но когда мы ходили на встречу с Тиком, ты не предпринимала никаких предосторожностей. Нам легко могли, как это называется, сесть на хвост. Ты нанимаешь Тика шпионить за Суэйном и делаешь это совершенно открыто. А потом столько предосторожностей, чтобы привести меня сюда. Почему?

Официант поставил перед Салли дымящийся стакан.

— А ты зоркий маленький котенок, правда? — Подавшись вперед, она вдохнула пары бренди. — Что до Тика… я просто пыталась кое-что взбаламутить, вызвать какую-нибудь реакцию.

— Но Тик беспокоился, как бы Суэйн чего не узнал.

— Стоит Суэйну услышать, что Тик работает на меня, и он его не тронет.

— Почему?

— Потому что знает, что я могу его убить. — Она подняла стакан; вид у нее сделался вдруг счастливый.

— Убить Суэйна?

— Вот именно. — Салли выпила, будто подняла тост.

— Тогда почему ты так осторожна сегодня?

— Потому что приятно почувствовать, что стряхнула с себя все это, вырвалась из-под колпака. Вполне вероятно, что нам это не удалось. А может, и удалось. Может, никто, вообще ни один человек не знает, где мы. Приятное чувство, верно? А ты никогда не думала, что твой отец, большой человек в якудза, мог приказать вживить в тебя крохотного жучка, чтобы раз и навсегда получить возможность проследить, где его дочь. У тебя такие чудные маленькие зубки. Что, если папочкин дантист спрятал в одном из них немного специального железа, пока ты была в стиме? Ты ведь ходишь к зубному?

— Да.

— Смотришь стим, пока он работает?

— Да…

— Вот видишь. Возможно, он прямо сейчас нас слушает…

Кумико чуть не опрокинула на себя шоколад.

— Эй. — Полированные ногти постучали по запястью Кумико. — Об этом не беспокойся. Он бы так тебя не послал, я имею в виду, с жучком.

Тогда бы и его враги могли тебя выследить. Но теперь понимаешь, что я хотела сказать? Приятно выбраться из-под колпака или, во всяком случае, попытаться. Просто побыть самой собой, так?

— Да, — сказала Кумико. Сердце продолжало глухо стучать где-то в горле, а паника все росла. — Он убил мою мать, — вырвалось у нее, и вслед за словами на серый мраморный пол кафе устремился только что выпитый шоколад.

Салли ведет ее мимо колонн собора Святого Павла, идет не спеша, молчит. Кумико, в бессвязном оцепенении от стыда, улавливает, регистрирует отрывочную информацию: белая цигейка на отворотах кожаной куртки Салли; масляная радужная пленка на оперенье голубя — вот он заковылял прочь, уступая им дорогу; красные автобусы, похожие на игрушки великанов, в Музее транспорта. Салли согревает ей руки о пластиковую чашку дымящегося чая.

Холодно, теперь всегда будет холодно. Мерзлая сырость в древних костях города, холодные воды Сумиды, наполнившие легкие матери, зябкий полет неоновых журавлей.

Ее мать была хрупкой и смуглой, в густой водопад темных волос вплетались золотистые пряди — как какое-нибудь редкое тропическое

растение. От матери пахло духами и теплой кожей. Мать рассказывала ей сказки: об эльфах и феях, и о Копенгагене, городе, который был где-то там, далеко-далеко. Когда Кумико видела во сне эльфов, они являлись ей похожими на секретарей отца, гибкими и невозмутимыми, в черных костюмах и со свернутыми зонтами. В историях матери эльфы вытворяли много забавных вещей, да и сами истории были волшебными, потому что менялись по ходу повествования и никогда нельзя было предугадать, какой будет этой ночью конец. В сказках жили принцессы и балерины, и — Кумико это знала — в каждой из них было что-то от матери.

Принцессы-балерины были прекрасны, но бедны, танцевали во имя любви в сердце далекого города, где за ними ухаживали художники и молодые поэты, красивые и без гроша в кармане. Для того чтобы поддержать престарелых родителей или купить новый орган занемогшему брату, принцессе-балерине иногда приходилось уезжать в чужие края — быть может, даже в Токио, — чтобы танцевать там за деньги. А танец за деньги, подразумевалось в сказках, не приносит счастья.

Салли привела ее в робата-бар в Эрлз-Корте[77] и заставила выпить рюмку сакэ. Копченый плавник карпа плавал в горячем вине, придавая ему оттенок виски. Они ели робату с дымного гриля, и Кумико чувствовала, как отступает холод, но не оцепенение. Обстановка бара вызывала неотвязное ощущение культурного разнобоя; бару как-то удавалось сохранять традиционный японский дизайн — и в то же время он выглядел так, будто эскизы оформления делал Чарльз Ренни Макинтош[78].

Странная она, эта Салли Ширс, гораздо более странная, чем весь этот их гайдзинский Лондон. Вот она сидит и рассказывает Кумико всякие истории — истории о людях, живущих в Японии, совсем не похожей на ту, что знает Кумико, истории, которые проясняют роль ее отца в этом мире. Оябун — так назвала она отца Кумико. Мир, в котором происходили истории Салли, казался не более реальным, чем мир маминых сказок, но понемногу девочка начинала понимать, на чем основано и как далеко простирается могущество

---

[77] notes: 77

Эрлз-Корт — один из крупнейших выставочных комплексов Лондона.

[78] notes: 78

Чарльз Ренни Макинтош (1868–1928) — архитектор и дизайнер, считается родоначальником стиля модерн в Шотландии.

ее отца.

– *Куромаку*, — сказала Салли.

Слово означало «черный занавес».

— Это из театра кабуки, так называют человека, который устраивает всякого рода дела, то есть того, кто продает услуги. Что означает: человек за сценой, так? Это и есть твой отец. И Суэйн тоже. Но Суэйн — кобун твоего старика или, во всяком случае, один из них. Оябун-кобун, родитель-ребенок. Вот откуда Суэйн черпает свою силу. Вот почему ты сейчас здесь: потому что Роджер обязан своему оябуну. *Гири*[79], понимаешь?

— Он человек высокого ранга.

Салли покачала головой:

— Твой старик, Куми, вот он действительно большой человек. Если ему понадобилось сплавить тебя из города ради твоей же безопасности, значит грядут какие-то серьезные перемены.

— Выпить выбирались? — спросил Петал, когда они вошли в комнату.

Оправа его очков блеснула в свете лампы от «Тиффани» на верхушке бронзового со стразами дерева, которое росло на буфете. Кумико очень

---

[79] notes: 79

Giri *(яп.)* — чувство долга, моральная необходимость; долг чести, определяемый традицией.

хотелось взглянуть на мраморную голову, за которой прятался модуль «Маас-Неотек», но она заставила себя смотреть в сад. Снег там приобрел цвет лондонского неба.

— Где Суэйн? — спросила Салли.

— Хозяин в отлучке, — проинформировал ее Петал.

Подойдя к буфету, Салли налила себе стакан скотча из тяжелого графина. Кумико заметила, как поморщился Петал, когда графин с тяжелым стуком опустился на полированное дерево столешницы.

— Просил что-нибудь передать?

— Нет.

— Ждешь его сегодня вечером?

— По правде говоря, не могу сказать. Обедать будете?

— Нет.

— Мне бы хотелось сэндвич, — сказала Кумико.

Четверть часа спустя, оставив нетронутый сэндвич на черном мраморном столике у кровати, она сидела посреди огромной постели. Модуль «Маас-Неотек» разместился между ее голых ног. Салли она оставила глядеть на серый сад за окном в обществе суэйновского виски.

Кумико взяла модуль в руки, и в изножье кровати, передернувшись, сфокусировался Колин.

— То, что я буду говорить, все равно никто не услышит, — поспешно прошептал он, прикладывая палец к губам, — и это к лучшему. Комната прослушивается.

Кумико хотела было ответить, потом кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — Умница. У меня есть для тебя записи двух разговоров. Один — между твоим хозяином и Петалом, другой — между твоим хозяином и Салли. Первый записан через пятнадцать минут после того, как ты припрятала меня внизу. Слушай…

Кумико закрыла глаза и услышала позвякивание льдинки в стакане.

— Где наша маленькая япошка? — спросил Суэйн.

— Упакована на ночь, — ответил Петал. — А девчонка-то разговаривает сама с собой. Странно.

— О чем же?

— На деле чертовски мало. Вообще-то, с некоторыми это бывает…

— Что бывает?

— Говорят сами с собой. Хочешь ее послушать?

— Господи, нет. А где очаровательная мисс

Ширс?

— Совершает моцион.

— В следующий раз вызови Берни, посмотрим, чем она занимается на этих своих прогулочках…

— Берни. — Тут Петал рассмеялся. — Да он вернется назад в ящике, порезанный на кусочки!

Теперь рассмеялся Суэйн.

— Пожалуй, и так неплохо, и так: и от Берни избавимся, и знаменитая девка-бритва хоть немного да напьется… Да, налей нам еще по одной.

— С меня хватит. Пойду спать, если я тебе больше не нужен…

— Иди, — отозвался Суэйн.

— Итак, — сказал Колин, когда Кумико, открыв глаза, обнаружила, что он по-прежнему сидит на постели, — в твоей комнате сидит срабатывающий на голос жучок. Петал прокрутил запись и услышал, как ты обращаешься ко мне. Идем дальше. Второй фрагмент, пожалуй, поинтереснее. Твой хозяин попивает очередной стакан виски, входит наша Салли…

— Привет, — услышала девочка голос Суэйна, — ходила подышать воздухом?

— Отвали.

— Ты же знаешь, это вовсе не моя идея, — ска-

зал Суэйн. — Постарайся не забывать об этом. Видишь ли, они и меня держат за яйца.

— Знаешь, Роджер, временами чертовски хочется тебе поверить.

— Попробуй. Это облегчит жизнь нам обоим.

— А временами очень хочется перерезать твою чертову глотку.

— Твоя беда, дорогая, в том, что ты так и не научилась делегировать ответственность. Все так же стремишься обо всем заботиться собственноручно.

— Послушай, мудило, я знаю, откуда ты взялся, и я знаю, как ты стал тем, кто ты есть. И как глубоко ты засунул язык в жопу Янаки, или кому там еще. *Саракин*![80]

Этого слова Кумико никогда раньше не слышала.

— Я снова получил от них сообщение, — светским тоном сказал Суэйн. — Она еще на побережье, но все идет к тому, что вскоре сделает свой ход. Скорее всего, двинет на восток. В твои давние родные места. Похоже, это и вправду наш шанс. Сам дом — вне обсуждения. На том участке

---

[80] notes: 80

Sarakin *(яп.)* — кредитор, специализирующийся на кредитовании малого бизнеса и потребительских покупок, под высокий процент и без обеспечения, но легально.

пляжа охраны хватит, чтобы остановить средних размеров армию.

— И ты по-прежнему будешь убеждать меня, что это всего лишь обычное похищение, Роджер? Якобы ее будут держать до получения выкупа?

— Нет. О том, чтобы продать ее назад, ничего не говорилось.

— Так почему бы им не нанять эту армию? Да и на «средних размерах» останавливаться не обязательно, так ведь? Набрать наемников. Спецов по корпоративному извлечению. Не такая уж недоступная она цель, крадут же из исследовательских центров самые крутые мозги. Вызвать этих гребаных профи…

— В сотый раз тебе говорю — у них другие идеи. Они хотят, чтобы это сделала ты…

— Роджер, что у них на меня, а? Я хочу сказать: ты и вправду не знаешь, что именно у них на меня есть?

— И вправду не знаю. Но, судя по тому, что у них есть на меня, могу рискнуть выдвинуть предположение.

— Ну?

— Всё.

Никакого ответа.

— Есть еще один момент, — продолжал Су-

эйн, — это всплыло только сегодня. Они хотят, чтобы все выглядело так, будто ее убрали.

— Что?

— Обставить все так, как будто мы ее убили.

— И как, скажите на милость, мы это устроим?

— Тело они предоставят.

— Мое предположение: Салли покинула комнату без дальнейших комментариев, — сказал Колин уже своим голосом. — Здесь конец записи.

10
Образ

Час он проверял подшипники пилы, затем еще раз их смазал. Стало уже слишком холодно, чтобы работать. Придется греть-таки помещение, где он держал остальных: Следователей, Трупоруба и Ведьму. Что уже нарушит хлипкое равновесие их с Джентри договоренности, но это бледнело перед тем, как объяснить сделку с Малышом Африкой и факт присутствия на Фабрике двух чужих. С Джентри не поспоришь — ток ведь принадлежит ему, потому как именно он выдаивает из «Ядерной комиссии» электричество. Без ежемесячных заходов Джентри с консоли, этих ритуальных процедур, внушающих «Комиссии», будто Фабрика находится где-то в другом месте и это другое место исправно оплачивает счета, никакого электричества просто не было бы.

А кроме того, Джентри в последнее время стал совсем странный, подумал Слик, с хрустом в коленях вставая. Он достал из кармана куртки пульт управления Судьей. Джентри был убежден, что у киберпространства есть некий Образ,

какая-то всеобщая форма, вбирающая в себя всю совокупность информационных баз. Нельзя сказать, что это была самая сумасбродная идея, с какой Слик когда-либо сталкивался, но убежденность Джентри, что этот его Образ абсолютно, «тотально» материален, граничила с одержимостью. Постижение Образа стало для него сродни поискам Грааля.

Слик однажды отстимил ролик «Ноулиджнета» о том, какова форма вселенной. Еще тогда Слик полагал, что вселенная — это все, что вокруг. Так какая же у нее может быть форма? Если у нее есть форма или там образ, значит и вокруг нее что-то есть, иначе в чем же вселенной иметь форму, верно? Идем дальше: есть форма или образ — не важно — и есть что-то еще, так разве тогда не будет и это что-то тоже частью вселенной? Впрочем, это не совсем та тема, на которую стоит болтать с Джентри, — мозги узлом завяжутся. Но Слик все равно считал, что киберпространство — это не вселенная, а просто способ представления данных. «Ядерная комиссия» всегда выглядит как большая красная ацтекская пирамида, но ей вовсе не обязательно выглядеть именно так. Если «Комиссия» захочет, то может представить свои базы в любом виде. У больших компаний

есть даже копирайты на то, как выглядит принадлежащая им информация. И как тогда можно говорить, что вся матрица в целом имеет некий определенный образ? Но даже если имеет, что с того-то?

Он коснулся клавиши подачи питания. В десяти метрах от него дрогнул и загудел Судья.

Слик Генри ненавидел Судью. Вот чего никогда не понять в искусстве обычным людям. Нет, само создание Судьи, без сомнения, принесло ему некоторое удовлетворение. Но важнее другое — то, что, построив эту штуку, он выкорчевал Судью из себя, перенес боль и страх туда, где их можно видеть, наблюдать за ними и, наконец, освободиться от самой идеи Судьи. Только при чем тут «нравиться» или «любить»?

Почти четырехметрового роста и вполовину этого в ширину, безголовая фигура в чешуйчатом панцире стояла, мелко подрагивая. Чешуйки у Судьи были особого цвета ржавчины, как, скажем, ручки у старой тачки, отполированные трением множества ладоней. Слик долго искал способ добиться такой фактуры поверхности, перепробовал множество химикатов и наждаков и, найдя наконец точное сочетание, обработал им большую часть робота — во всяком случае,

старые детали, выкопанные в мусоре. Конечно, холодные зубья циркульной пилы и зеркальные поверхности суставов подобной обработке не подвергались. Но в остальном Судья был именно такого оттенка ржавчины, имел такую фактуру поверхности, как какое-нибудь очень старое орудие, которым до сих пор постоянно пользуются.

Слик передвинул большим пальцем рычаг управления, и Судья сделал шаг вперед, потом следующий. Гироскопы работали как надо: даже с оторванной рукой робот двигался с жутким достоинством — просто переставляя огромные ступни.

Слик ухмыльнулся мутному свету Фабрики. Судья топал к нему — раз-два, раз-два. Стоило только захотеть, и Слик мог бы вспомнить каждый этап конструирования Судьи. Временами ему и вправду этого хотелось. Просто ради успокоения, которое приносила мысль, что он на это способен.

Он не мог припомнить, когда бы у него не получилось этого припомнить, но иногда казалось, что такое было.

Вот почему он построил Судью. Потому что совершил когда-то некий проступок, причем не очень серьезный, но его поймали, и даже два-

жды, его судили и приговорили, и приговор был приведен в исполнение, только он ничего об этом не помнил, памяти тогда хватало от силы минут на пять кряду. Да, угонял машины. Машины богатых. Что ты натворил — вот этого тебе забыть не позволят, и не надейся.

Работая джойстиком, он заставил Судью развернуться и прошагать в соседнее помещение. Путь предстоял неблизкий — по проходу между рядами бетонных оснований в потеках влаги; когда-то на этих выступах стояли токарные станки и сварочные агрегаты. Высоко над головой среди пыльных балок свисали мертвые плети порванных флюоресцентных трубок; там иногда гнездились птицы.

Синдром Корсакова — так они это называли: это когда с твоими нейронами делают что-то такое, отчего в памяти потом не задерживаются краткосрочные воспоминания. Так что время, которое ты отсидел, оказывается потерянным временем. Слик вроде бы слышал, что больше такого не делают, по крайней мере за угон автомобилей. Те, кто там не бывал, полагают, что это не так уж и плохо: отсидел в кутузке, но память о ней стерта. На самом же деле все совсем не так. Он вышел, когда кончился срок, — и три года ока-

зались выстроены в длинную цепочку смутных вспышек растерянности и страха, отмеренных пятиминутными интервалами. Дело даже не в самих интервалах, их все равно не вспомнить, а вот переходы… Так вот, когда все кончилось, ему потребовалось создать сначала Ведьму и Трупоруба, потом Следователей и теперь, под самый конец, — Судью.

Ведя Судью вверх по бетонному пандусу туда, где ждали все остальные, он услышал, как где-то на Пустоши взревел мотор Джентри.

С людьми Джентри нервничает, думал Слик, направляясь к лестнице; впрочем, верно и обратное. Испепеляющий Джентри Образ ощущался посторонними едва ли не физически; эта его зацикленность примешивалась ко всему, что бы он ни делал. Слик понятия не имел, как Джентри справляется с собой во время своих вылазок в Муравейник. Может, он просто общается там с людьми такими же зацикленными, как и он сам, с одиночками, ходящими по краю на рынке подпольных наркотиков и софта. Казалось, на секс Джентри плевать. Казалось, ему это настолько до лампочки, что Слик даже гадать не пытался, чего могло бы захотеться ковбою, если бы он все же решил захотеть.

А для Слика отсутствие секса и было основным недостатком Пустоши, особенно зимой. В летнее время иногда еще можно найти девчонку в одном из городков Ржавого Пояса; потому-то его и занесло тогда в Атлантик-Сити, потому-то он и оказался в долгу у Малыша Африки. Впоследствии он сказал себе, что лучше всего сосредоточиться на работе. А вот сейчас, взбираясь по ходящей ходуном стальной лестнице к подвесному мостику, который вел к логову Джентри, Слик обнаружил, что размышляет, как выглядит Черри Честерфилд под всеми своими куртками. Он вспомнил ее руки, какие они были быстрые и чистые, но тут же перед глазами встало лицо человека на носилках, с трубкой, накачивающей жидкость в его левую ноздрю, и как Черри промокает ваткой его впалые щеки. Слик поморщился.

— Эй, Джентри, — гаркнул он в железную пустоту Фабрики, — я поднимаюсь!..

Три вещи в Джентри не были острыми, тонкими и натянутыми: глаза, губы и волосы. Широко распахнутые блеклые глаза были голубыми или серыми в зависимости от освещения; губы — полными и подвижными, а волосы вечно забраны назад в светлый растрепанный петушиный хвост, который подрагивал при каждом

шаге хозяина. Худоба Джентри не имела ничего общего с истощением Пташки, плодом давнего недоедания и расшатанных нервов. Джентри был просто узким — плотно упакованные мускулы и ни грамма жира. Одевался он клево: облегающая черная кожа, украшенная черным, как смоль, бисером, — стиль, который Слик помнил еще по своим дням с «Блюз-Дьяконами». Судя по бусинам на кожанке, да и всему остальному, Слик предполагал, что Джентри около тридцати. Самому Слику было столько же.

Когда Слик вошел, Джентри прищурился на него в свете стоваттной лампочки, давая этим понять, что Слик просто очередное препятствие, вставшее между ним и Образом. Джентри как раз водружал на длинный стол из нержавейки седельную сумку; выглядела сумка тяжелой.

В свое время Слик вырезал несколько секций крыши, вставил, где надо, рамы и прикрыл отверстия листами жесткого пластика, потом заделал швы световых люков силиконом. Затем пришел Джентри в маске и с распылителем, втащил за собой двадцать галлонов белой латексной краски. Не утруждая себя уборкой, Джентри просто залил толстым слоем краски весь мусор, грязь и потеки голубиного помета. И красил снова и

снова, пока комната не стала более или менее белой. Джентри закрасил все, кроме световых люков. Потом Слик начал поднимать из цехов Фабрики аппаратуру: кучу компьютеров, киберпространственные деки, огромный старый стереопроекционный стол, с которым лебедка чуть не надорвалась, а также эффектогенераторы, десятки коробок из рифленого пластика, набитых тысячами микрофишей, которые Джентри накопил за время поисков Образа, сотни метров оптокабеля на новеньких пластиковых катушках, явно стыренного с какого-нибудь завода. И книги, старые книги с обложками из ткани, наклеенной на картон. Слик даже не думал, что книги могут быть такими тяжелыми. И пахло от них чем-то печальным, от старых книг.

— С тех пор как я уехал, ты берешь больше тока, — сказал Джентри, открывая первый из кофров. — Твоя комната. Поставил новый обогреватель?

Он стал быстро копаться в седельной сумке, будто искал какую-то вещь, нужную ему срочно и позарез, а он по ошибке засунул ее невесть куда. Слик прекрасно знал, что ничего Джентри не ищет, что это реакция на неожиданное вторжение кого-то — пусть даже хорошо знакомого ему

человека — в его замкнутое пространство…

— Да. И склад пришлось опять подтопить. Слишком холодно работать.

— Нет. — Джентри внезапно поднял глаза. — Это не обогреватель. Профиль расхода не тот.

— Ну, — ухмыльнулся Слик, надеясь, что ухмылка заставит Джентри подумать, будто он глуп и его легко напугать.

— Что «ну», Слик Генри?

— Это не обогреватель.

Джентри с резким стуком захлопнул сумку.

— Ладно, давай рассказывай, что у тебя там, не то вырублю ток.

— Знаешь, Джентри, без меня у тебя было бы гораздо меньше времени на… для всего. — Слик многозначительно поднял брови, указывая на проекционный стол. — Дело в том, что у меня двое гостей… — Он увидел, как Джентри подобрался, бледные глаза расширились. — Но ты их не увидишь, не услышишь даже — вообще ничего. Они и на глаза тебе попадаться не будут.

— Не будут, — сказал Джентри, обходя кругом стол, голос его звучал напряженно, — потому что ты сплавишь их отсюда, верно?

— Две недели максимум, Джентри.

— Вон. Сейчас же. — Лицо Джентри вдруг

оказалось в нескольких сантиметрах, до Слика донеслось изнуренное спертое дыхание. — Или ты исчезнешь вместе с ними.

Слик был тяжелее ковбоя килограммов на десять, и разницу в основном составляли мускулы, но это Джентри никогда не смущало. Казалось, ему вообще наплевать на то, что с ним может случиться. Однажды Джентри влепил ему пощечину. Слик тогда опустил глаза на увесистый гаечный ключ у себя в руке, и его охватило смутное недоумение.

Джентри держался неестественно прямо и уже начинал трястись. Слик давно себе уяснил, что Джентри не может спать во время своих отлучек в Бостон или Нью-Йорк. Он и на Фабрике-то не всегда ложился. А из СОБА возвращался и вовсе истерзанный, и первый день всегда был самым тяжелым.

— Взгляни-ка, — сказал Слик, как говорят с готовым расплакаться ребенком, и вытащил из кармана взятку Африки.

Он поднял зиплок повыше, чтобы Джентри было лучше видно: синие дермы, розовые таблетки, неприятная какашка опиума в красном мятом целлофане, кристаллы магика, похожие на жирные желтые лепешки мокроты, пластиковые

ингаляторы с зацарапанными ножом именами японских производителей.

— От Африки, — сказал Слик, покачивая пакетик.

— Из Африки? — переспросил Джентри. Взглянул на пакет, потом на Слика, обратно на пакет. — Какой такой Африки?

— От Малыша Африки. Ты его не знаешь. Он оставил это для тебя.

— Почему?

— Потому что ему было очень нужно, чтобы я ненадолго приютил его друзей. Я у него в долгу, Джентри. Я несколько раз повторил ему, как ты не любишь, чтобы кто-нибудь здесь ошивался. Как тебе мешают чужие. Поэтому, — соврал Слик, — он сказал, что ему хотелось бы оставить тебе немного кайфа в компенсацию за неудобства.

Взяв пакет, Джентри поддел ногтем шов, раскрыл. Вынул опиум и протянул его Слику:

— Не понадобится.

Достал один из дермов, выдавил его из упаковки и осторожно налепил на внутреннюю сторону правого запястья. Слик остался стоять, рассеянно разминая опиум между большим и указательным пальцем и хрустя целлофаном. Джентри тем временем прошагал вдоль стола обратно и

открыл сумку, откуда выудил пару новеньких черных кожаных перчаток.

— Думаю, мне лучше… познакомиться с этими твоими гостями, Слик.

— А? — Слик потрясенно сморгнул. — Да… ну… Тебе на самом деле не обязательно, я хотел сказать, разве это не…

— Нет, — отрубил Джентри, вздернув воротник куртки. — Я настаиваю.

Спускаясь по лестницам, Слик вспомнил об опиуме и швырнул его через перила в темноту.

Он ненавидел наркотики.

— Черри?

Стучась под взглядом Джентри в собственную дверь, Слик чувствовал себя ужасно нелепо. Тук-тук. Никакого ответа. Открыл дверь. Рассеянный свет. Это Черри повесила абажур на одну из лампочек — накрыла ее конусом из желтого ньюсфакса, примотав бумагу проволокой. Другие две лампочки вывернула. Самой девушки в помещении не было.

Носилки, однако, были на месте. Их обитатель все так же лежал, завернутый в синий нейлоновый мешок. Оно поедает его, вдруг подумал Слик, глядя, как громоздятся приборы жизнеобеспечения — всякие трубки, баллоны с жидкостью. Нет,

сказал он себе, оно не дает ему помереть, как в больнице. Но тягостное впечатление не исчезало: что, если оно высасывает его по капле и будет сосать, пока не высосет досуха? Слик вспомнил Пташкину болтовню о вампирах.

— Да уж, — прокаркал, огибая его, Джентри, встал у изножья носилок, — странные у тебя знакомые, Слик Генри…

Джентри обошел носилки, осторожно держась на расстоянии метра от застывшей фигуры.

— Джентри, может, тебе лучше подняться наверх? Дерм… Наверное, ты слишком много принял.

— Правда? — Джентри склонил голову набок, в глазах у него метались желтые огоньки. Он подмигнул. — Почему ты так думаешь?

— Ну… — Слик помедлил. — Ты не такой, как всегда. Я хочу сказать, не такой, как был раньше.

— Ты думаешь, меня понесло, а, Слик?

— Да.

— А мне по кайфу, когда меня несет.

— Что-то я не вижу, чтобы ты улыбался, — сказала от двери девушка.

— Это Джентри, Черри. Фабрика — вроде как его дом. Черри из Кливленда…

Но в руке у Джентри откуда-то возник тонкий

черный фонарик, и ковбой принялся изучать сетку тродов, покрывавшую лоб спящего. Потом он выпрямился, луч упал на немаркированный модуль и, снова метнувшись вниз, прошел вдоль черного кабеля к гнезду за ухом.

— Кливленд, — наконец проговорил Джентри, как будто это было слово, которое он когда-то слышал во сне. — Интересно… — Он снова поднял фонарь и наклонился, чтобы получше рассмотреть то место, где кабель уходил в модуль. — И Черри… Черри, он кто?

Луч уперся в изнуренное, раздражающе заурядное лицо.

— Не знаю, — ответила Черри. — Не свети ему в глаза. Можешь сбить ему БДГ-фазу или еще что.

— А это? — Он осветил толстую серую пластину.

— «Эл-Эф», низкочастотник. Так говорил Малыш. Парня он называл Графом, а эту штуку — «Эл-Эф». — Она запустила руку под куртку, почесалась.

— Ну, тогда…

Фонарик щелкнул, и луч погас. Джентри повернул к ним лицо, в его глазах ярким пламенем полыхала одержимость — это малышовский дерм так по нему вдарил, что ли? Слику вдруг

показалось, что Образ должен быть прямо тут, пылает сквозь лоб Джентри всем напоказ, разве только сам Джентри его не видит.

— …это, должно быть, оно и есть…

11
На главной улице[81]

Мона проснулась, когда самолет заходил на посадку.

Прайор, кивая, слушал Эдди, вспыхивал на каждом кивке своей прямоугольной улыбкой. Как будто улыбка всегда была на его лице, просто пряталась за бородой. Прайор успел переодеться, значит его чемодан был в самолете. Теперь на нем был неприметный серый деловой костюм и галстук в косую полоску. Он стал похож на тех лохов, на которых Эдди натаскивал ее в Кливленде, разве что сидел костюм по-другому.

Она однажды видела, как с лоха снимали мерку, — с того, что возил ее в «Холидей Инн». Магазин примыкал к вестибюлю гостиницы. Лох стоял посреди примерочной в одном белье, весь в квадратах голубого света, и рассматривал свое изображение на трех больших экранах. На экранах не видно было голубых линий, по-

[81] notes: 81

«Down on the Drag» — песня Бутча Хэнкока, написанная для кантри-рокера Джо Или (в начале 1970-х оба играли в группе *The Flatlanders*) и спетая тем в 1979 г.; альбом так и назывался — «Down on the Drag».

скольку на каждой голограмме лох был в другом костюме. Моне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться; система была снабжена косметологической программой; на каждом экране клиент выглядел иначе, чуть вытягивалось лицо или делался тверже подбородок — лох же вроде ничего такого не замечал. Потом он выбрал костюм, влез в тот, в котором пришел, — на том все и кончилось.

Эдди что-то объяснял Прайору, какой-то узловой момент в архитектуре очередной своей аферы. Мона научилась отключаться от содержания его речей, но сам голос все же до нее доходил. Эдди всегда разглагольствовал так, будто твердо знал, что никому не понять всех уловок, которыми он так гордится, поэтому говорил он медленно и доходчиво, как разговаривают с маленькими детьми, и к тому же доверительно понижал голос. Прайора это, похоже, не беспокоило. Моне казалось, что Прайору вообще плевать, что там болтает Эдди.

Зевнув, девушка потянулась. Самолет дважды подскочил на бетоне посадочной полосы, развернулся и сбавил ход. Эдди не переставал трепаться.

— Нас ждет машина, — перебил его Прайор.

— А куда вы нас везете? — спросила Мона, не обратив внимания на гримасу Эдди.

Прайор улыбнулся своей картонной улыбкой.

— В нашу гостиницу. — Он расстегнул ремень. — Мы пробудем там несколько дней. Боюсь, большую часть времени тебе придется провести в своем номере.

— Именно так, — кивнул Эдди, как будто то, что ей придется сидеть в четырех стенах, было его идеей.

— Ты любишь стимы, Мона? — спросил Прайор, по-прежнему улыбаясь.

— Конечно, — ответила она. — Кто ж не любит?

— А у тебя есть любимые записи, Мона? Есть любимая звезда?

— Энджи, — несколько ошарашенно сказала она. — Кто же еще?

Улыбка стала чуть шире.

— Хорошо. Мы достанем тебе все ее последние записи.

Вселенная Моны состояла по большей части из мест и предметов, где она физически никогда не бывала или которые сама никогда не видела. Аэропорт северного Муравейника в стимах не имел запаха. Вырезали при монтаже, решила

она, точно так же, как у Энджи никогда не бывает ни месячных, ни головной боли. Но как же тут воняет! Как в Кливленде, даже хуже. Когда они только-только сходили с самолета, Мона было подумала, что это просто запах аэропорта, но стоило им выйти из машины, чтобы пройти несколько метров до входа в гостиницу, вонь лишь усилилась. К тому же на улице было адски холодно, ледяной ветер кусал ее за голые лодыжки.

Вестибюль отеля показался ей гораздо просторнее, чем в «Холидей Инн», хотя само здание было постарше. В вестибюле толпилось народу больше, чем в любом стиме, но повсюду — чистые синие ковры. Прайор оставил ее ждать у рекламы орбитального курорта, пока они с Эдди отошли к длинной черной стойке поговорить с женщиной, на груди у которой красовалась медная именная табличка. Мона чувствовала себя глупо в белом пластиковом дождевике, который Прайор заставил ее надеть, как будто думал, что ее прикид недостаточно хорош для этого места. Примерно треть толпы состояла из япошек, которых она посчитала туристами. У всех, похоже, была при себе какая-нибудь записывающая техника: видео-, голо-, а у нескольких на поясе даже симстим-модули, — но в остальном они совсем

не были похожи на денежных мешков. А она-то думала, что у всех японцев полно денег. Наверное, шифруются, решила она, умницы какие.

Мона увидела, как англичанин отправил женщине через стойку кредитный чип. Женщина взяла чип и пропустила его через металлическую прорезь.

Прайор положил ее сумку на кровать — широкий пласт бежевого темперлона — и коснулся панели на стене, после чего справа разошлись портьеры.

— Здесь, конечно, не «Риц», — сказал он, — но мы постараемся, чтобы тебе было удобно.

В ответ Мона лишь неразборчиво хмыкнула. «Риц» — так называлась гамбургерная в Кливленде, и при чем тут, спрашивается, эта забегаловка?

— Взгляни, — сказал он, — твоя любимица.

В обитое плюшем изголовье кровати оказался встроен стим-модуль, а рядом — небольшая полочка с набором тродов в пластиковой упаковке и штук пять кассет.

— Тут все новые стимы Энджи, — улыбнулся он.

Интересно, кто приготовил кассеты и не попали ли они сюда после того, как Прайор спросил,

какие стимы она любит? Мона ответила на его улыбку своей и отошла к окну. Муравейник выглядел в точности так, как в стимах, окно было похоже на почтовую стереооткрытку: знаменитые здания, названий которых она не знала, знала только, что они знаменитые.

Серый цвет геодезических куполов. Белизна снега оттеняет путаницу их решеток, а выше — серый фон неба.

— Счастлива, детка? — спросил Эдди, подходя сзади и кладя руки ей на плечи.

— А душ у них тут есть?

Прайор рассмеялся. Передернув плечами, она сбросила руку Эдди и с сумкой в руках скрылась в ванной. Заперла за собой дверь. Слышно было, как Прайор опять рассмеялся, а Эдди снова завел шарманку о своих аферах. Присев на унитаз, Мона открыла сумку и выкопала косметичку, где хранился магик. У нее осталось четыре кристалла. Должно хватить. Хватило бы и трех, но, когда число их уменьшалось до двух, она уже начинала думать, где бы закупиться еще. Она не слишком часто закидывалась, во всяком случае, не каждый день, разве что в последнее время, но это потому, что Флорида начала ее доставать.

Теперь можно и сократиться, решила Мона,

вылавливая кристалл из пузырька. Кристалл напоминал твердую желтую карамельку, сперва ее надо раздавить, потом растереть между двух нейлоновых пластинок. Измельченный стимулятор издавал слабый, чем-то схожий с больничным запах.

К тому времени, когда она покончила с душем, оба они ушли. Мона долго нежилась в ванной, пока это ей не наскучило. Во Флориде она пользовалась в основном душами при общественных бассейнах или на автовокзалах — и в тех и в других требовались жетоны. Она предположила, что и в этот, гостиничный, встроен приборчик, который отмеряет расход воды и заносит потом в счет — как это было в «Холидей Инн». Здесь, под пластмассовым распылителем, висел большой белый фильтр, а наклейка на кафеле — глаз и слезка — означала, мол, во время мытья старайтесь, чтобы вода не попала в глаза, совсем как в бассейне. Из кафельной стенки торчал ряд хромированных краников, и если по очереди нажимать на кнопку под каждым, получаешь шампунь, гель для душа, жидкое мыло, масло для ванны. Затем возле кнопки загорается красная точка, значит, это включается в твой счет. Или в счет Прайора. Мону только порадовало, что они

ушли. Так хорошо остаться одной, да еще под кайфом и чистой. Ей редко удавалось побыть в одиночестве, разве что когда работала на улице, а это совсем не то. Она завернулась в огромное махровое полотенце в тон ковру и кровати; в самой пушистой части полотенца было выбрито какое-то слово. Наверное, название отеля. Прошла к окну, оставляя за собой мокрые следы на ковре.

В квартале от отеля стояло старомодное здание. Ступенчатые грани его верхушки были стерты и изрыты так, что она смахивала на самую натуральную гору — с валунами, травой и водопадом. Водяной поток падал, разбивался о камни, падал дальше. Мона невольно улыбнулась: и с чего бы им так выпендриваться? Там, где вода падала на камни, поднимались струйки пара. Но не может же вода просто так течь на улицу, подумала Мона, это стоило бы слишком уж дорого. Она решила, что воду насосами закачивают обратно наверх и используют вновь, гоняя по кругу.

Что-то серое пошевелило головой там, наверху, вскинуло большие изогнутые рога, словно хотело посмотреть на нее, Мону. Отступив на шаг по ковру, она моргнула. Какой-то баран, но это, должно быть, дистанционка — голограмма или вроде того. Животное тряхнуло головой и принялось

жевать траву. Мона рассмеялась.

Приход. Магик прокатился волной по внутренней стороне лодыжек, закопошился в лопатках. Холодное стягивающее покалывание, и больничный запах где-то в нёбе.

Раньше она боялась, но теперь страх ушел.

У Прайора нехорошая улыбка, но ведь он просто игрок, просто ввязавшийся в какую-то аферу пиджак. Если у него и есть деньги, то принадлежат они кому-то другому. И Эдди она больше не боялась; скорее она боялась за него, поскольку теперь ясно видела, как его воспринимают другие.

Ладно, подумала Мона, это не важно. Она больше не выращивает сомов в Кливленде, и никто никогда не затащит ее назад во Флориду.

Она вспомнила спиртовку, зимний утренний холод, старика, нахохлившегося в своем огромном сером пальто. Зимой он утеплял окна вторым слоем пластика. Тогда тепла печурки хватало, чтобы обогреть помещение, поскольку стены были обиты листами жесткого пенопласта, а поверх них — древесно-стружечными плитами. Там, где проглядывал пенопласт, его можно было ковырять пальцем. Если старик тебя за этим застукает — разорется. И с тем, чтобы содержать рыбу в тепле холодной зимой, работы у Моны прибавлялось:

надо было закачать воду на крышу, где стояли солнечные зеркала, отбрасывающие свет в такие прозрачные пластиковые трубки. Отчасти помогали гниющие по стенкам баков водоросли; когда идешь вылавливать рыбу сачком, поднимается пар. Старик обменивал рыбу на всякую еду, на то, что выращивали другие люди, на спирт для печки и спирт питьевой, на кофейные зерна, на отбросы, которые шли на корм рыбам.

Он не был ее отцом, он повторял это очень часто, когда вообще открывал рот. И все же время от времени она задумывалась: а может быть, он ей все-таки отец? Когда Мона впервые спросила, сколько ей лет, он ответил, что шесть, так что она отсчитывала от этого.

Услышав, как за спиной открывается дверь, Мона обернулась. В дверях стоял Прайор с золотистой пластинкой ключа в руке. Борода раздвинулась, чтобы показать «улыбку».

— Познакомься, Мона, — сказал он, переступая порог, — это Джеральд.

Высокий, китаец, серый костюм, волосы с проседью. Джеральд мягко улыбнулся, проскользнул мимо Прайора в комнату и направился прямо к комоду напротив изножья кровати. Положил черный чемоданчик и нащелкал на замке код.

— Джеральд — наш друг. Он медик, наш Джеральд. Ему нужно тебя осмотреть.

— Мона, — подал голос сам Джеральд, вынимая что-то из чемоданчика, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответил за нее Прайор.

— Шестнадцать, — повторил Джеральд.

Штуковина, которую он держал в руках, походила на черные защитные очки, этакие затемненные линзы со зловещими шишками сенсоров и проводками.

— Проходим, но со скрипом? — обернулся он к Прайору; тот улыбнулся. — Сколько вам не хватает? Десяти лет?

— Ну, не совсем, — отозвался Прайор. — Совершенства не требуется.

Джеральд перевел взгляд на Мону.

— Вы его и не получите. — Он зацепил дужки очков за уши и на что-то нажал; под правой линзой загорелся огонек. — Но есть степени приближения.

Луч скользнул к Моне.

— Речь всего лишь о косметических процедурах, Джеральд.

— Где Эдди? — спросила Мона, когда врач подошел ближе.

— В баре. Позвать его? — Прайор взялся за те-

лефон, но тут же положил трубку назад, так и не набрав номер.

— Что это? — Она шагнула назад.

— Медицинское обследование, — сказал Джеральд. — Больно не будет.

Он загнал ее к окну, лопатки над полотенцем вжались в холодное стекло.

— Кое-кто собирается предложить тебе работу и очень хорошо за нее платить. Им нужна полная уверенность в том, что ты совершенно здорова. — Луч вонзился ей в левый глаз. — Она на каких-то стимуляторах, — сказал он Прайору уже совершенно другим тоном. — Постарайся не моргать, Мона. — Луч переместился на другой глаз. — Что это, Мона? Сколько ты приняла?

— Магик. — Она сморщилась от света.

Холодные твердые пальцы взяли ее за подбородок, наклоняя голову вправо.

— Сколько?

— Кристалл…

Луч погас. Гладкое лицо китайца оказалось близко, очень близко, защитные очки утыканы всякими линзами, прорезями, маленькими сетчатыми бляшками.

— Кто ж его знает, насколько он чистый, — проговорил медик.

— Он чистый, совсем чистый, — сказала она и захихикала.

Отпустив ее подбородок, Джеральд улыбнулся.

— Ну, это не будет проблемой, — сказал он. — Ты не могла бы открыть рот? Пожалуйста.

— Рот?

— Я хочу посмотреть твои зубы.

Мона перевела взгляд на Прайора.

— С этим вам повезло, — сказал Прайору Джеральд, все тем же лучиком светя ей в рот. — Состояние вполне удовлетворительное и по конфигурации близко к требуемой модели. Коронки, пломбы.

— Мы знали, что можем на тебя рассчитывать, Джеральд.

Сняв очки, Джеральд с полминуты молча глядел на Прайора. Потом повернулся к черному чемоданчику, чтобы убрать прибор.

— И с глазами тоже удачно. Очень похожи. Только подкрасить.

Теперь из чемоданчика появился пакет; китаец разорвал его и натянул на правую руку светлую хирургическую перчатку.

— Сними полотенце, Мона. Устраивайся поудобнее.

Она посмотрела на Прайора, на Джеральда.

— Вы хотите посмотреть мои бумаги, анализ крови и всякое такое?

— Нет, — сказал Джеральд, — с этим все в порядке.

Она выглянула в окно, надеясь увидеть барана, но тот исчез. И небо теперь казалось гораздо темнее.

Размотав полотенце, она дала ему упасть на пол, потом легла на спину на бежевый темперлон.

Это немногим отличалось от того, за что ей обычно платили, даже заняло меньше времени.

В ванной комнате, с раскрытой на коленях косметичкой, размалывая себе очередной кристалл, Мона решила, что имеет полное право на паршивое настроение.

Сперва Эдди сваливает куда-то без нее, потом является Прайор с этим жутким медиком да еще говорит, что Эдди будет спать в другом номере. Там, во Флориде, ей не помешало бы немного свободы от Эдди, но здесь-то все по-другому. Ей совсем не хотелось оставаться одной, а попросить у Прайора ключ она до смерти боялась. У него-то, черт побери, ключ есть, чтобы он мог в любое время приводить сюда своих кошмарных приятелей. Так она не договаривалась.

И история с пластиковым дождевиком тоже сидела занозой. Чертов одноразовый пластиковый дождевик.

Она вспушила измельченный магик между нейлоновыми пластинками, осторожно ссыпала в ингалятор, резко выдохнула и, приложив мундштук к губам, вдохнула. Облачко желтой пыли осело на перепонках горла; какая-то часть, вероятно, даже дошла до легких. Она как-то слышала, что это, мол, вредно для здоровья.

Когда Мона шла в ванную, чтобы закинуться, у нее не было никаких особенных планов, но потом, когда в основании шеи начало покалывать, она обнаружила, что думает об улицах вокруг отеля, по крайней мере о тех, какие видела из окна машины. Там — клубы, бары, магазины со шмотками в витринах. Музыка. Вот что сейчас бы не помешало, да и толпа тоже. Можно затеряться в толпе, забыть о самой себе, просто быть. Дверь не заперта, это она знала; Мона уже попробовала ее открыть. Впрочем, за ее спиной дверь автоматически захлопнется, а у нее нет ключа. Но она же тут остановилась официально, так что Прайор не мог ее не зарегистрировать. Может, спуститься, попросить у администраторши ключ… но от одной мысли об этом Моне стало как-то не по

себе. Знает она этих пиджаков за стойками и то, как они на тебя смотрят. Нет, решила она, лучше остаться в номере, застимить новье Энджи.

Десять минут спустя она уже была на пути к боковому выходу — и бегом из главного вестибюля. В голове пел магик.

Снаружи моросило. Может, капало с куполов? Для вестибюля она накинула белый дождевик, решив, что Прайор, в конце концов, знает, что делает, а вот теперь и сама была рада, что захватила его с собой. Выудила мятую распечатку ньюсфакса из переполненной урны и прикрыла им голову, чтобы не намочить волосы. Было не так холодно, как до этого, — опять же неплохо. Ни один из предметов ее туалета нельзя было назвать теплым.

Оглянулась вправо-влево по авеню, решая, куда пойти. Перед ней — с полдюжины почти одинаковых фасадов гостиниц, строй такси-рикш, глянцевое поблескивание шеренги лавочек под дождем. И люди, целые толпы, как в центре Кливленда, но все так клево одеты и идут с таким видом, будто они крутые и у всех у них есть куда идти. Просто слейся с ними, подумала она. Магик придал ей второе дыхание, и она окунулась в реку симпатичных людей — даже не задумываясь.

Постукивала себе по мостовой каблучками новеньких туфель, держа над головой факс, и вдруг заметила — опять удача, — что дождь перестал.

Она не против была бы поглазеть на витрины, когда толпа несла ее мимо, но подхвативший Мону поток сам по себе был удовольствием, а потом — никто ведь не останавливается. Мона решила удовлетвориться беглыми взглядами искоса — каждая витрина как новая вспышка красок… Одежда была точь-в-точь как в стимах, а некоторые вещи вообще таких фасонов, какие она нигде до сих пор не видела.

Мое место здесь, думала она, мне все это время надо было быть здесь. Не на рыбной ферме, не в Кливленде и не во Флориде. Вот оно, настоящее место — кто угодно может сюда приехать, и не нужен для этого никакой стим. Она ведь никогда не видела этой части города в стимах, той, где живут обычные люди. А звезда вроде Энджи… Это — не ее город. Энджи развлекалась бы где-нибудь в высоком замке с другими звездами стима, а не здесь на улице. Но, боже, как тут красиво, ночь такая яркая, вокруг струится толпа, несет ее мимо всех этих чудесных вещей, которые, если повезет, сами упадут тебе в руки.

А вот Эдди это все не нравится. По крайней мере,

он вечно трендел о том, как тут дерьмово, слишком много народу, квартплата слишком высока, слишком много полиции и конкурентов. Ну да, а выждал ли он хотя бы пару секунд, когда Прайор предложил сделку? Впрочем, она, кажется, знает, почему Эдди так собачится. Он провалился здесь, влип как распоследний вильсон или свалял дурака. Не то он сам не желает, чтобы ему об этом напоминали, а может, есть люди, которые не забудут ему напомнить, как только Эдди вернется. Это явно слышалось в злости, с какой он отзывался о Муравейнике, точно так же, как он костерил любого, кто сказал бы ему, что его гениальные планы не сработают. Каждый новый приятель, такой ловкач и умница в первый вечер, на следующий же день становился «полным придурком», «беспросветным тупицей», «ума ну ни на грош».

Мимо огромного магазина с классным стимоборудованием в витрине — да уж, экипировка для асов, такая вся матово-черная, хрупкая, под сенью голографической Энджи, которая смотрит на прохожих с этой своей знаменитой, чуть печальной улыбкой. Что да, то да — королева ночи.

Толпа-река вытекла на какую-то круглую площадь, место, где встречались четыре улицы, и закружилась вокруг фонтана. Мона брела, сама

не зная куда, и ее вынесло прямиком к фонтану — а люди вокруг растекались во всех направлениях без остановки. Не беда, и здесь тоже были люди, некоторые даже сидели на потрескавшемся бетоне чаши. В центре фонтана стояла статуя, мрамор выветрился, углы оплыли. Что-то вроде ребенка верхом на огромной рыбине, а может, дельфине. Казалось, дельфинья пасть вот-вот готова выплеснуть водяную струю, — если бы фонтан действовал. Но он не работал. Поверх голов тех, кто сидел на краю чаши, Моне было видно, что в воде плавают размокшие ньюсфаксы и белые пластиковые стаканчики.

Потом толпа у нее за спиной будто сплавилась, отодвинулась изогнутой стеной тел, и на фоне фонтана вдруг отчетливо проступила — будто подсветку включили — троица, уставившаяся на нее с бордюра. Жирная девица с крашеными черными волосами, рот полуоткрыт, наверно, всегда такой, сиськи вываливаются из красного резинового корсета. Блондинка с длинным лицом и тонким синим шрамом помады, рука, похожая на птичью лапку, мнет сигарету. Мужчина с поблескивающими маслом руками, голыми, несмотря на холод, искусственные мышцы камнями бугрятся под синтетическим загаром, испещрены

халтурной тюремной татуировкой…

— Эй ты, сука! — с каким-то даже весельем окликнула жирная. — Н’деюсь, ты не с’-ик-бираешься к’го-то здесь подцепить?

Устало оглядев Мону, блондинка одарила ее блеклой — мол, я тут ни при чем — ухмылкой и отвернулась.

Будто черт на пружинках, с места вскинулся сутенер, но Мона, повинуясь жесту блондинки, уже двигалась сквозь толпу. Он схватил ее за руку, шов пластикового дождевика с треском разошелся, и Мона локтями протолкалась обратно. Магик включил автопилот, и следующая картинка — она сознает, что до троицы уже больше квартала, и приваливается к какому-то железному столбу, кашляя и обливаясь потом.

А магик вдруг — иногда такое случается — поставил мир с ног на голову, и все кругом сделалось отвратительным. Лица в толпе казались загнанными и голодными, будто всем им нужно срочно бежать по каким-то жизненно важным делам, а свет за стеклами магазинов стал холодным и жестким, и все вещи в витринах были выставлены с единственной целью — сказать ей, что ничего такого у нее никогда не будет. Где-то звенел голос, злой детский голос, нанизываю-

щий непристойности на одну бессмысленную бесконечную нить. Осознав, чей это голос, Мона примолкла.

Левая рука мерзла. Она опустила глаза: рукава не было, а шов на боку разошелся чуть ли не до пояса. Сняв дождевик, она набросила его на плечи, как пелерину: может, тогда его жуткий вид будет не так заметен.

Волной задержанного адреналина нахлынул магик, и Мона спиной покрепче привалилась к столбу; ноги подогнулись в коленях, она еще успела подумать, что вот-вот отключится, но магик опять сыграл с ней одну из своих шуточек, и вот она сидит на корточках во дворе у старика, летний закат, слоистая серая земля искорябана черточками игры, в которую она играла… но теперь она просто горбится без всякого дела, смотрит мимо массивных чанов туда, где в зарослях черники над старой покореженной автомобильной рамой пульсируют светлячки. Из дома у нее за спиной льется свет и доносится запах пекущегося ржаного хлеба и кофе, который старик кипятит снова и снова, пока, как он говорит, ложка не встанет; он сейчас там, читает одну из своих книг, переворачивает иссохшие, крошащиеся коричневатые листы, нет ни одной страницы

с целым углом. Книги приносили в потертых пластиковых пакетах, иногда они просто рассыпались в пыль у него в руках. Но если он находил что-нибудь, что ему хотелось бы сохранить, то доставал из ящика маленький карманный копир, вставлял батарейки и проводил машинкой по странице. Она так любила смотреть, как из щелки вылезают свежие копии, с их особым запахом, который быстро исчезал, но старик никогда не давал ей копировать самой. Временами он громко читал вслух с какой-то странной заминкой в голосе, как человек, пытающийся что-то сыграть на музыкальном инструменте, за который не брался многие годы. Эти его книги, никаких историй в них не было… Что это за история, если у нее нет ни начала, ни конца и посмеяться не над чем? Эти его книги… Они были как окна во что-то уж очень странное, старик никогда не пытался что-либо объяснить; должно быть, сам уже ничего в них не понимал… а возможно, не понимал никто…

Тут улица обрушилась на нее снова — больно и ярко.

Мона потерла глаза и закашлялась.

12
Антарктика начинается здесь[82]

— Я готова, — сказала Пайпер Хилл, с закрытыми глазами сидевшая на ковре в некоем подобии позы лотоса. — Проведи левой рукой по покрывалу.

Восемь изящных проводков тянулись из гнезд за ушами Пайпер к устройству, лежащему у нее на загорелых коленях.

Энджи, завернувшись в белый махровый халат, смотрела на светловолосую Пайпер с края кровати. Черный тестирующий модуль закрывал ее лоб, как сдвинутая наверх глазная повязка. Энджи сделала, как было сказано, легонько проведя подушечками пальцев по грубому шелку и небеленому льну скомканного покрывала.

— Хорошо, — скорее себе, чем Энджи, сказала Пайпер, касаясь чего-то на пульте. — Еще.

Пальцы Энджи ощутили фактуру ткани.

— Еще. — Снова настройка.

Теперь Энджи могла уже разобрать отдельные

---

[82] notes: 82

«Antarctica Starts Here» — песня Джона Кейла, заключительная на его альбоме «Paris 1919» (1973).

волокна, отличить шелк от льна…

— Еще.

Ее нервы взвизгнули, когда по кончикам пальцев, с которых словно содрали кожу, царапнул стальной завиток шерсти, толченое стекло…

— Оптимально, — сказала Пайпер, открывая голубые глаза.

Из рукава кимоно она извлекла миниатюрный флакончик слоновой кости и, вынув пробку, протянула его Энджи.

Закрыв глаза, Энджи осторожно понюхала. Ничего.

— Еще.

Что-то цветочное. Фиалки?

— Еще.

Голова закружилась от испарений теплицы, тошнотворно густых.

— Обоняние в норме, — сказала Пайпер, когда поблек удушливый запах.

— Не заметила. — Энджи открыла глаза.

Пайпер протягивала ей крохотный кружок белой бумаги.

— Только бы это была не рыба, — сказала Энджи, лизнув кончик пальца.

Коснулась бумажного конфетти, подняла палец к языку. Как-то один такой тест Пайпер на месяц

отвадил ее от блюд из морепродуктов.

— Это не рыба, — с улыбкой ответила Пайпер.

Волосы, которые она всегда стригла очень коротко, будто нимбом оттеняли поблескивание графитовых разъемов, вживленных за ушами. Святая Жанна Кремниевая — назвал ее однажды Порфир. Истинной страстью Пайпер, похоже, была ее работа. Все эти годы она была личным техом Энджи, а кроме того, у нее сложилась репутация человека, незаменимого при улаживании всякого рода конфликтов.

Карамель…

— Кто здесь еще, Пайпер?

Закончив с Ашеровским тестом, Пайпер застегивала молнию на нейлоновом с защитными прокладками кожухе пульта.

Час назад Энджи слышала, как прибыл вертолет. По мере того как отступал сон, до нее доносились смех, потом шаги на веранде. На этот раз она отказалась от своих обычных попыток провести опись сна — если это можно было назвать сном: наплывали чужие воспоминания, потом утекали прочь, откатывались на недостижимый для нее уровень, оставляя смутное эхо образов…

— Рэбел, — ответила Пайпер, — Ломас, Хикмен,

Ын, Порфир и наш Папа Римский.

— А Робин?

— Нет.

— Континьюити, — позвала она, встав под струю душа.

— Доброе утро, Энджи.

— Тор Фрисайд. Кому он принадлежит?

— Тор был переименован в Мастик-два[83] нынешними совладельцами, компаниями «Джулианна груп» и «Карриббана орбитал».

— Кому он принадлежал, когда там записывалась Тэлли?

— «Тессье-Эшпул СА».

— Я хочу побольше узнать о Тессье-Эшпулах.

— Антарктика начинается здесь.

Сквозь поток воды Энджи недоуменно воззрилась на белый круг динамика.

— Что ты говоришь?

— «Антарктика начинается здесь» — двухчасовой документальный видеофильм. Исследование истории семейства Тессье-Эшпулов, снятое Гансом Беккером, Энджи.

— Он у тебя есть?

---

[83] notes: 83

Мастик — остров из карибского архипелага Сент-Винсент и Гренадины.

— Конечно. Дэвид Поуп недавно его заказывал. Фильм произвел на него большое впечатление.

— Правда? Когда?

— В прошлый понедельник.

— Тогда я посмотрю его сегодня вечером.

— Учтено. Это все?

— Да.

— До свидания, Энджи.

Дэвид Поуп, которого съемочная группа прозвала Папой Римским[84]. Ее режиссер. Порфир сказал, мол, Робин трезвонил на каждом углу, что ей слышатся какие-то голоса. Он говорил Поупу? Энджи коснулась керамической панели, вода стала горячее. Почему Поуп заинтересовался Тессье-Эшпулами? Она снова тронула щиток и охнула под иглами внезапно хлынувшей ледяной воды.

Извне внутрь, изнутри вовне, фигуры из ее снов скоро всплывут, слишком скоро…

Первое, что она увидела, войдя в гостиную, был картинно прислонившийся к подоконнику Порфир — этакий воин племени масаи в складчатой накидке из черного шелкового крепа и черном кожаном саронге. Остальные встретили ее ра-

---

[84] notes: 84
Pope *(англ.)* — папа римский.

достными возгласами, а Порфир, обернувшись, довольно хмыкнул.

— Ты застала нас врасплох, — сказал развалившийся на кушетке Рик Рэбел. Он отвечал за монтаж и спецэффекты. — Хилтон рассчитывал, что тебе захочется отдохнуть подольше.

— Нас вытащили чуть ли не со всего света, дорогая, — добавил Келли Хикмен. — Я был в Берлине, а Папа Римский — на верху колодца, в очередном артхаусном порыве, правда, Дэвид? — Он оглянулся на режиссера, ища поддержки.

Поуп задом наперед оседлал один из стульев эпохи Людовика XVI, упершись локтями в хрупкую спинку. Спутанные темные волосы падали на худое лицо. Когда позволяло расписание Энджи, Поуп снимал документальные фильмы для «Ноулиджнета». Вскоре после того, как она подписала контракт с «Сенснетом», Энджи анонимно приняла участие в одном из его минималистских арт-роликов: бесконечная прогулка по дюнам из испачканного землей розового атласа под искусственным стальным небом. Три месяца спустя — кривая ее карьеры уже неуклонно ползла вверх — пиратская версия этой пленки стала подпольной классикой.

Карен Ломас, дублерша Энджи, улыбалась из

кресла слева от Поупа. Справа от него Келли Хикмен, костюмер, сидел на крашеном полу рядом с Брайаном Ыном, учеником и помощником Пайпер.

— Ну вот, — произнесла Энджи, — я вернулась. Простите за вынужденную паузу, но это было необходимо.

Молчание. Чуть слышное поскрипывание позолоченных стульев. Брайан Ын кашлянул.

— Мы рады, что ты вернулась, — сказала Пайпер, выходя из кухни с чашкой кофе в каждой руке.

Снова возгласы радости — на этот раз немного наигранной, — потом все расхохотались.

— А где Робин? — спросила Энджи.

— Миста Ланье в Лондоне, — отозвался Порфир, уперев кулаки в затянутые в тисненую кожу бедра.

— Ожидаем с часу на час, — сухо добавил Поуп, поднимаясь, чтобы взять себе чашку кофе.

— Что ты делал на орбите, Дэвид? — спросила Энджи, принимая у Пайпер вторую чашку.

— Искал одиночек.

— Одиночество?

— Нет, одиночек. Отшельников.

— Энджи, — вмешался Хикмен, — ты обяза-

тельно должна посмотреть атласное платье для коктейлей, присланное Девиком на той неделе! И у меня есть все купальники от Накамуры…

— Конечно, Келли, но…

Но Поуп уже отвернулся сказать что-то Рэбелу.

— Эй, — светясь энтузиазмом, подзуживал Хикмен, — давай же! Пойдем примерим!

Поуп бульшую часть дня провел с Пайпер, Карен Ломас и Рэбелом, обсуждая результаты утреннего теста Ашера и бесконечные мелкие детали того, что они называли «новым включением» Энджи. После ланча Брайан Ын поехал с ней на осмотр в частную клинику на Беверли-бульваре — стены здания были выложены зеркальной плиткой.

За те несколько минут, пока они ждали вызова в белой, заполненной цветами приемной — ритуал, конечно: как будто назначенный визит к врачу, не сопровождайся он ожиданием, может показаться незавершенным, как бы ненастоящим, — Энджи осознала, что задает себе один простой вопрос. Впрочем, не счесть раз, когда она этому удивлялась. Почему загадочное наследие ее отца — веве, которые он прочертил в ее голове, — проскальзывало незамеченным во всех до единого медицинских заведениях?

Ее отец, Кристофер Митчелл, возглавлял гибридомный проект, который в свое время позволил «Маас-Биолабс» практически монополизировать рынок на ранней стадии производства биочипов. Тернер, человек, который увез ее в Нью-Йорк, дал ей что-то вроде досье на отца, биософт, скомпилированный ИскИном службы безопасности «Мааса». Она погружалась в досье раза четыре за столько же лет. Наконец однажды очень пьяной ночью в Греции, после попытки перекричать Бобби, она швырнула досье с верхней палубы яхты какого-то ирландского промышленника. Она уже забыла причину ссоры, но прекрасно помнила смешанное чувство облегчения и потери, охватившее ее, когда короткий толстый цилиндрик биософта, булькнув, ушел под воду.

Неужели отец так ловко запрятал веве, что они каким-то образом остаются невидимыми для сканирующей аппаратуры нейротехников? У Бобби имелась другая теория, которая, как подозревала Энджи, была ближе к правде. Возможно, Легба — лоа, которому Бовуар приписывал способность к почти неограниченному доступу в киберпространственную матрицу, — умеет изменять поток информации в момент его считывания сканерами, представляя веве как прозрачные или

несуществующие… Срежиссировал же Легба ее дебют в стим-индустрии и последовавшее за ним восхождение, в результате которого она затмила Тэлли Ишем, бывшую мегазвездой «Сенснета» на протяжении целых пятнадцати лет.

Но так много воды утекло с тех пор, как ею овладевали лоа, а теперь Бригитта сказала, что веве прочерчены заново…

— Хилтон велел Континьюити выставить сегодня твою «голову», — сказал ей Ын, пока они ждали вызова.

— Да?

— Заявление для публики о твоем ямайском эпизоде. Ты хвалишь новые методы клиники, предостерегаешь против употребления наркотиков, горишь желанием снова взяться за работу. Благодаришь аудиторию, потом идут архивные съемки дома в Малибу…

Континьюити мог генерировать видеоизображения Энджи и анимировать их по составленным из стимов шаблонам. Просмотр таких роликов вызывал у нее легкое (но не сказать что неприятное) головокружение — один из тех редких случаев, когда она была способна напрямую осознать факт собственной славы.

Из-за цветов прозвенел колокольчик.

Вернувшись из города, она застала работников кейтеринговой службы на веранде за приготовлением барбекю.

Энджи прилегла на кушетку под Вальмье, устало прислушиваясь к шуму прибоя. Из кухни доносился разговор: Пайпер объясняла Поупу результаты медосмотра. В этом не было необходимости, врачи сочли Энджи совершенно здоровой, но оба они — и Поуп, и Пайпер — обожали подробности.

Когда Пайпер и Рэбел, прихватив свитера, вышли на веранду и устроились у жаровни погреть над углями руки, Энджи в гостиной осталась наконец наедине с режиссером.

— Дэвид, ты собирался рассказать мне, что делал на верху колодца…

— Искал убежденных одиночек. — Он запустил пятерню в спутанные волосы. — Это вроде как продолжение проекта, который я затевал в прошлом году, насчет идейных общин в Африке. Проблема только в том, что уже наверху я выяснил: каждый, кто решается на подобное, кто действительно живет на орбите в полном одиночестве, он, как правило, стремится к тому, чтобы его одиночества не нарушали.

— Ты сам записывал? Интервью?

— Нет. Мне хотелось найти таких людей и уговорить их, чтобы делали записи сами.

— И как?

— Не уговорил. Однако узнал несколько историй. Потрясающие байки. Один пилот с буксира рассказал мне, что на каком-то законсервированном японском фармзаводе живут одичавшие дети-каннибалы. Короче, там, на орбите, у них целая своя мифология. Честное слово. Корабли-призраки, затерянные города… Смешно, если вдуматься. Я хочу сказать, все орбиты же известны до миллиметра, все там создано руками человеческими, кому-то принадлежит, занесено на карты. Будто видишь, как миф пускает корни посреди бетонной автостоянки. Но думаю, людям это необходимо, правда?

— Да, — отозвалась она, думая о Легбе, о Маман Бригитте, о тысяче свечей.

— Однако, — продолжал он, — больше всего мне хотелось бы добраться до леди Джейн. Поразительная история. Совершенно готическая.

— Леди Джейн?

— Тессье-Эшпул. Это ее семья построила Фрисайд. Пионеры высокой орбиты. У Континьюити есть потрясающий видеофильм. Поговаривают, будто леди Джейн убила собственного отца. Она

— последняя в роду. Деньги кончились много лет назад. Она распродала все, велела отпилить конец веретена и перебралась на новую орбиту…

Энджи выпрямилась на кушетке, сцепив пальцы на плотно сжатых коленях. По спине побежали ручейки пота.

— Ты не слышала этой истории?

— Нет, — проговорила она.

— Ну это уже само по себе интересно — показывает, как ловко они умели уходить в тень. Чертову уйму денег угрохали на то, чтобы нигде не светиться. Мать была Тессье, отец — Эшпул. К моменту смерти Эшпула их концерн, пожалуй, уже вовсю наступал на пятки Йозефу Виреку. И конечно, за это время они совершенно спятили… детей своих клонировали направо и налево…

— Звучит… ужасно. И ты пытался… Ты действительно пытался найти эту женщину?

— Навел кое-какие справки, да. Континьюити достал мне фильм Беккера, ну а орбита ее, конечно, есть в атласе. Но что толку заявляться в гости, если тебя не приглашали, правда? А потом Хилтон вызвал меня обратно на Землю, снова за работу… Тебе нехорошо?

— Да, я… я думаю… Мне нужно переодеться, накинуть что-нибудь потеплее.

За послеобеденным кофе она, извинившись, пожелала всем доброй ночи.

Порфир последовал за ней к лестнице. Все время обеда он старался держаться к ней поближе, как будто чувствовал, что ее снова что-то тревожит. Нет, подумала она, ничего нового. Просто сейчас в ней оживает то, чем она дышала, чем она жила раньше и всегда, все то, от чего ее отгораживали наркотики.

— Мисси будет осторожна, — прошептал парикмахер так, чтобы, кроме нее, никто его не услышал.

— Со мной все в порядке, — сказала она, поднимаясь на первую ступеньку. — Слишком много людей. Я еще к этому не привыкла.

Он стоял, глядя на нее снизу вверх, отблеск умирающих углей за его спиной высвечивал череп — элегантно сработанный и в чем-то даже нечеловеческий. Энджи повернулась и стала взбираться по лестнице.

Час спустя она услышала шум прилетевшего за съемочной группой вертолета.

— Дом, — сказала она, — теперь я посмотрю фильм Континьюити.

Когда скользнул вниз, разворачиваясь, настенный экран, Энджи открыла дверь спальни и с

минуту стояла на верхней площадке, прислушиваясь к звукам пустого дома. Прибой, жужжание посудомоечной машины, ветер, бьющий в окна веранды.

Она повернулась назад к экрану и поежилась, внезапно увидев лицо, которое глядело на нее с зернистого стоп-кадра: брови, дугами выгнувшиеся над темными глазами, высокие хрупкие скулы и широкий решительный рот. Изображение начало расширяться, уходя во тьму зрачка: черный экран, затем белая точка, она растет, удлиняется, становится суженным к концам веретеном. Фрисайд. Вспыхивают немецкие титры.

— Ганс Беккер, — сказал дом, озвучивая вступительный пассаж библиотечных работников «Сенснета», — немецкий видеохудожник, главной особенностью которого является пристрастное исследование жестко разграниченных областей визуальной информации. Он использует приемы в диапазоне от классического монтажа до технологий, позаимствованных у промышленного шпионажа, от изображений, переданных межпланетными зондами, до киноархеологии. Фильм «Антарктика начинается здесь», посвященный изучению образов семейства Тессье-Эшпулов, в настоящее время расценива-

ется как вершина карьеры кинематографиста. Патологически избегающий внимания СМИ индустриальный клан с их абсолютно закрытой орбитальной базой представлял собой исключительно сложную цель.

С исчезновением последнего титра белое веретено заполнило собой весь экран. Изображение сместилось к центру. Стоп-кадр. Молодая женщина в свободной черной одежде, фон неотчетлив. «МАРИ-ФРАНС ТЕССЬЕ, МАРОККО».

Это другое лицо, не лицо из заставки, не то, чьи воспоминания вторгаются в ее сны, и все же черты молодой Мари-Франс предвосхищают его, как будто под их покровом прячется личинка грядущего…

Звуковая дорожка вплетала в наслоения статики и бормотание неразборчивых голосов атональные линии напряжения, а в это время картинка с Мари-Франс сменилась официальным монохромным портретом молодого человека в крахмальном воротничке с оттопыренными уголками. Это было красивое лицо, с идеальными пропорциями, но какое-то слишком жесткое, и во взгляде — выражение бесконечной скуки. «ДЖОН ХЭРНЕСС ЭШПУЛ, ОКСФОРД».

Да, подумала Энджи, я тебя встречала, и не один

десяток раз. Я знаю историю твоей жизни, хотя мне и не позволено коснуться ее.

И, если честно, вы мне совсем не нравитесь. Правда, мистер Эшпул?

13
Подвесной мостик

Подвесной мостик стонал и раскачивался. Носилки оказались слишком широкими, чтобы пройти между поручнями из натянутых веревок, поэтому их пришлось поднять выше и нести на уровне груди. Маленькая процессия ползла сантиметр за сантиметром по мостику над темнотой, казавшейся бездонной. Впереди — Джентри, крепко сжавший руками в перчатках ручки по обеим сторонам от ног спящего. Слику достался более тяжелый конец, изголовье с привинченными к нему батареями и прочим оборудованием. Он чувствовал, как за ними следом пробирается Черри. Ему хотелось сказать ей, что им здесь вовсе ни к чему лишний вес, чтобы она убиралась вниз, но почему-то сказать не мог.

Это была ошибка — дать Джентри пакет наркотиков от Малыша Африки. Слик не знал, что это был за дерм, который налепил себе Джентри, не знал, что было в его крови до того. Что бы это ни было, Джентри слетел с катушек, и теперь они качаются на этом чертовом подвесном мостике в

двадцати метрах над бетонным полом Фабрики, и Слик готов был плакать или кричать от разочарования и обиды. Ему хотелось разбить что-нибудь, что угодно, но он не мог отпустить носилки.

Чего стоила одна только улыбка Джентри, выхваченная из тьмы светом биодатчиков в изножье носилок. Свет падал ему на лицо каждый раз, когда Джентри делал следующий шаг назад по настилу…

— О боже, — голосом маленькой девочки сказала Черри, — вот же долбаная хрень…

Джентри вдруг нетерпеливо дернул носилки, и Слик едва удержал ручки.

— Джентри, — сказал Слик, — мне кажется, тебе стоит дважды над этим подумать.

Джентри снял перчатки. В каждой руке он теперь держал по паре перемычек оптического кабеля, и Слику было видно, как дрожат разводные фитинги.

— Я хочу сказать, Малыш Африка — серьезный мужик. Не порть ему игру. Ты не знаешь, с кем ты связываешься.

Честно говоря, это было не совсем правдой, ведь Слик понимал: Малыш слишком умен, чтобы делать ставку на месть. Но черт его знает, во что сейчас влипнет Джентри.

— Ничего я не порчу, — сказал Джентри, подходя с переходниками к носилкам.

— Послушай, приятель, — вмешалась Черри, — прервав ему вход, ты же можешь его убить. Его автономная нервная система просто откажет. Почему ты его не остановишь? — набросилась она на Слика. — Почему просто не настучишь ему по балде?

Слик потер глаза:

— Потому что… ну, не знаю. Потому что он… Послушай, Джентри, она говорит, что ты можешь прикончить несчастного ублюдка, если попытаешься сунуться в цепь. Ты слышал?

— «Эл-Эф», — ответил Джентри, — вот что я слышал.

Зажав переходники зубами, он начал возиться с одним из коннекторов на сером бруске над головой спящего. Руки у него уже не дрожали.

— Мать твою, — выдохнула Черри и прикусила костяшку пальца.

Провод отошел. Одной рукой Джентри резко воткнул переходник в разъем и стал быстро затягивать фитинг. Улыбнулся, все еще держа в зубах второй переходник.

— Ну и хер с вами, — бросила Черри, — я умываю руки. — Но не двинулась с места.

Человек на носилках чуть слышно икнул. От этого звука волосы на руках у Слика встали дыбом.

Отошел второй провод. Джентри вставил второй переходник и стал затягивать фитинг и на нем.

Черри тут же бросилась к изножью носилок, опустилась на колени, чтобы проверить показания приборов.

— Он это почувствовал, — сказала она, поднимая глаза на Джентри, — но показания вроде в норме…

Джентри отвернулся к своим консолям. Слик смотрел, как он вставляет в гнезда перемычки. Может, думал он, все же как-нибудь обойдется. Джентри вскоре отрубится, носилки придется оставить здесь, наверху, пока не удастся заставить Черри и Пташку помочь ему перетащить их через подвесной мостик. Но Джентри — просто шиз; наверное, надо попытаться отобрать у него наркотики, может, тогда все вернется в нормальную колею…

— Я могу только верить, — сказал Джентри, — что это было предопределено. Предопределено ходом всей моей предшествующей работы. Я не стал бы претендовать на понимание того,

как это могло произойти, но нам ведь довод и не нужен[85], правда, Слик Генри? — Он ввел с клавиатуры последовательность каких-то команд. — Ты когда-нибудь задумывался над взаимосвязью между клинической паранойей и феноменом религиозного обращения?

— О чем это он? — спросила Черри.

Слик мрачно покачал головой. Если он сейчас хоть что-нибудь скажет, это только подстегнет безумие Джентри.

Теперь Джентри перешел к большому дисплею на проекционном столе.

— Есть миры внутри миров, — продолжал он, не ожидая ответа на свой вопрос. — Макрокосм, микрокосм. Сегодня вечером мы перетащили через подвесной мостик целую вселенную, то есть вверху так же, как и внизу…[86] Конечно, было совершенно очевидно, что подобные вещи должны существовать, но я не смел и надеяться… — Он с наигранной скромностью по-мальчишески огля-

---

[85] notes: 85

«Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен» (Альфред Теннисон. Атака легкой кавалерии. Перев. Ю. Колкера).

[86] notes: 86

«То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху, чтобы осуществить чудеса единой вещи [то есть философского камня]» («Изумрудная скрижаль Гермеса», памятник арабского средневекового герметизма).

нулся через расшитое черным бисером плечо. — А теперь, — сказал он, — мы посмотрим на форму вселенной, куда отправился путешествовать наш гость. И в этой форме, Слик Генри, я увижу…

Он коснулся клавиши подачи тока на краю проекционного стола. И закричал.

14
Игрушки

— А вот и вправду чудесная штука, — сказал Петал, касаясь куба из розового дерева размером с голову Кумико. — «Битва за Британию».

Над кубом возник ореол неонового света. Кумико наклонилась пониже и увидела, как, двигаясь будто в замедленной съемке, крохотный аэроплан развернулся и нырнул в серую пасть Лондона.

— Ее сделали, основываясь на военных хрониках, — пояснил Петал. — Камеры были установлены на прицелах.

Кумико, прищурившись, разглядела почти микроскопические вспышки зенитных орудий в устье Темзы.

— Сувенир к столетию.

Они находились в бильярдной Суэйна, в комнате с окнами, выходящими на подъездную дорожку, на первом этаже дома номер шестнадцать. Здесь приютилась мягкая затхлость, эхо запаха бывшего паба. Благопристойность и порядок, присущие хозяйству Суэйна, тут были

смягчены благородным запустением: стояли кожаные кресла с потрескавшимися подлокотниками, темные массивные шкафы, тусклым пятном расползлось некогда зеленое поле бильярдного стола… Черные стальные стеллажи были заставлены развлекательным оборудованием, из-за которого Петал и привел сюда девочку перед чаем. Он неспешно шаркал своими рваными тапочками на кротовом меху, демонстрируя имеющиеся игрушки.

— А что это за война?

— Предпоследняя, — сказал он, переходя к похожему на первый, но большему по размеру предмету.

Тот предлагал полюбоваться на голографическую схватку двух тайских боксерок. Одна из них с разворота заехала пяткой сопернице в упругий живот, напрягшийся, чтобы сдержать удар. Петал тронул клавишу, и проекция исчезла.

Кумико вернулась к «Битве за Британию» и ее взрывам, похожим на светлячки.

— А вот здесь у нас спортивные фиши на любой вкус, — сказал Петал, открывая чемодан из свиной кожи, набитый сотнями записей.

Он продемонстрировал еще с полдесятка других приборов, потом, почесав в затылке, стал

отыскивать японский канал видеоновостей. Наконец нашел, но никак не мог отключить программу автоматического перевода. Посмотрел вместе с Кумико, как выпускной курс академии служащих «Оно-Сэндай» отрекается от себя на слезной церемонии выпуска.

— К чему все это? — спросил он.

— Они демонстрируют преданность своему дзайбацу.

— Ну тогда ладно, — протянул он и обмахнул видеомодуль кистью-пуховкой. — Скоро будем пить чай.

Стоило Петалу выйти из комнаты, Кумико сразу же отключила звук. Салли Ширс за завтраком не было, Суэйна тоже.

Болотного цвета гардины скрывали ряд больших окон, выходящих все в тот же сад. Девочка посмотрела в окно на припорошенные снегом солнечные часы, потом отпустила штору. (Онемевший настенный экран вспыхивал бессвязными видами Токио, санитары в комбинезонах из жесткой складчатой фольги лазерами выпиливали жертву автокатастрофы из груды покореженной стали.) У дальней стены громоздился массивный викторианский комод на резных ножках в форме ананасов. Замочная скважина

в центре розетки, инкрустированной пожелтевшей слоновой костью, была пуста. Девочка потянула на себя дверцу; та чуть скрипнула и открылась. Из недр комода дохнуло химическим запахом древней полировки. Кумико недоуменно рассматривала черно-белую мандалу на задней стенке комода, пока та не сделалась тем, чем была в действительности, — доской для игры в дартс. Блестящее полированное дерево вокруг было испещрено бесчисленными дырочками и царапинами. Кому-то из игроков не то что в мишень, даже в круг не удавалось попасть, решила она. Нижняя часть комода предлагала полюбоваться ящичками с изящными латунными ручками и обрамленными все той же слоновой костью скважинами. Опустившись на колени, Кумико оглянулась на дверь (настенный экран показывал теперь губы певицы из какого-то кабаре в Синдзюку) и как можно осторожнее вытянула верхний правый ящик. В нем оказалось полно дротиков, часть была аккуратно сложена в кожаные колчаны, остальные — просто свалены кучей. Девочка закрыла ящик и выдвинула такой же слева. Мертвая моль и ржавый шуруп. Ниже помещался единый широкий ящик. При попытке открыть его ящик ужасающе заскрипел. Девочка

снова оглянулась (рекламный ролик демонстрировал, как логотип «Фудзи электрик» освещает Токийский залив) — никаких признаков присутствия Петала.

Несколько минут она провела, перелистывая порнографические журналы с японским текстом, которые, похоже, посвящались в основном искусству вязания узлов. Под стопкой журналов лежали запыленная куртка из вощеного хлопка и серая пластмассовая коробка; на крышке было оттиснуто: «ВАЛЬТЕР». Сам пистолет оказался тяжелым и холодным. Подняв его из пенопластового ложа, она увидела свое отражение в вороненом металле. Кумико до сих пор никогда не держала в руках оружия. Рукоять с серыми пластмассовыми накладками казалась невероятно огромной. Девочка вернула пистолет в ящик и пробежала глазами японский раздел во вкладыше с многоязычной инструкцией. Это был пневматический пистолет: чтобы выстрелить, нужно качнуть рычагом где-то под стволом. Пистолет стрелял очень маленькими свинцовыми шариками. Еще одна игрушка. Аккуратно разложив содержимое по местам, она снова закрыла ящик.

Остальные ящики оказались пусты. Закрыв

дверцу комода, Кумико вернулась к «Битве за Британию».

— Нет, — сказал Петал, — прости, но не выйдет.

Он намазывал девонширское масло на крампет[87], тяжелый викторианский нож казался в его толстых пальцах детской игрушкой.

— Попробуй с маслом, — предложил он, опустив массивную голову и вкрадчиво глядя на девочку поверх очков.

Кумико стерла льняной салфеткой с верхней губы мазок мармелада.

— Ты думаешь, я попытаюсь сбежать?

— Сбежать? Так вот ты о чем подумываешь? — Он серьезно и неторопливо ел свою оладью и смотрел на падающий за окнами снег.

— Нет, — ответила девочка. — У меня нет намерения сбежать.

— Хорошо, — отозвался он, откусывая еще кусок.

— На улице мне грозит опасность?

— О господи! Конечно нет, — сказал он с какой-то непреклонной веселостью. — Ты там в такой

---

[87] notes: 87

Крампет — круглая оладья из пористого теста, характерная для английской кухни.

же безопасности, как и дома.

— Я хочу пойти погулять.

— Нет.

— Но я же выхожу с Салли.

— Да, — согласился он, — она тот еще подарочек, эта твоя Салли.

— Я не знаю такой идиомы.

— Никаких прогулок в одиночку, так говорилось в письме, которое мы получили от твоего отца, понимаешь? С Салли — пожалуйста, но ее сейчас нет. Не буду утверждать, что на улице тебе обязательно кто-нибудь станет докучать, но к чему рисковать? С другой стороны, я сам был бы рад, просто счастлив пойти с тобой погулять, но я здесь на посту на тот случай, если Суэйну кто-нибудь позвонит. Так что я не могу. Просто стыд и срам, правда-правда. — Он выглядел настолько искренне расстроенным, что девочка решила смягчиться.

— Поджарить тебе еще гренок? — спросил он, жестом указывая на ее тарелку.

— Нет, спасибо. — Кумико положила салфетку на стол и добавила: — Было очень вкусно.

— В следующий раз тебе следует попробовать масло, — сказал он. — После войны его было не достать. С Германии нанесло радиоактивный

дождь, и коровы уже стали не те, что раньше.

— Суэйн сейчас здесь, Петал?

— Нет.

— Я никогда его не вижу.

— Приходит, уходит. Дела. Это же все циклами. Очень скоро у нас отбоя не будет от посетителей, и Суэйн снова станет устраивать аудиенции.

— Какие посетители, Петал?

— Деловые люди, скажем так.

— Куромаку, — пробормотала девочка.

— Прости?

— Ничего.

Остаток вечера она провела в одиночестве в бильярдной. Свернулась калачиком в глубоком кожаном кресле и смотрела, как сад прячется под снегом, а солнечные часы, теряя очертания, превращаются в белую таинственную колонну. Она представила себе, что там, в снегопаде, ее мать, одна в саду, закутанная в темные меха. Принцесса-балерина, утопившаяся в ночных водах Сумиды.

Озябнув, девочка встала, обошла бильярдный стол и присела у мраморного камина, где газовое пламя тихонько шипело над вечными углями, которые никак не могло поглотить.

15
Серебряные прогулки[88]

Была у нее подруга в Кливленде, Ланетта, которая много чему ее научила: как быстро выбраться из машины, если лох пытается запереть дверцу, как вести себя, когда идешь покупать дозу. Ланетта была чуть старше и магик использовала в основном для того, чтобы, как она говорила, «разбавить депрессняк», а депрессняк накрывал ее регулярно, чем бы она ни закидывалась, от аналогов эндорфина до старого доброго опиума из Теннесси. Иначе, говорила подруга, так и будешь сидеть полсуток перед видиком, пялиться на любую дрянь. Когда магик добавляет бодрости к теплой неуязвимости хорошего депрессанта, утверждала она, вот это действительно нечто. Но Мона заметила, что те, кто всерьез сидит на депрессантах, часто и помногу блюют, а еще она никак не могла взять в толк, на хрена вообще смотреть видик, если с тем же успехом можно

---

[88] notes: 88

«Do you remember the silver walks?» («Помнишь серебряные прогулки?») — из песни Лу Рида «I'm So Free» с его альбома «Transformer» (1972).

подключиться к стиму. (Ланетта же говорила, что симстим — это, по сути, все то же дерьмо, от которого она и хочет улететь подальше.)

Мона подумала о Ланетте потому, что порой та давала ей дельные советы: например, как вывернуть неудачную ночь наизнанку. Сегодня, думала она, Ланетта посоветовала бы поискать бар и какую-нибудь компанию. У Моны еще оставались деньги после Флориды, так что дело за малым — отыскать место, где примут наличные.

Попала с первой попытки. Добрый знак. Вниз по узкому пролету бетонных ступенек, чтобы окунуться в дымный гул голосов и знакомый приглушенный ритм «Белых алмазов» Шабу. Да уж, тусовка не для пиджаков, но и не то, что коты в Кливленде называли «своим баром». Она совсем не заинтересована сейчас в том, чтобы пить в «их баре». Во всяком случае, не сегодня.

Она только входила, как вдруг кто-то поднялся от стойки, собираясь на выход, так что Мона тут же проскользнула вперед и захватила его табурет, даже пластик остыть не успел — еще один добрый знак.

Бармен поджал губы, потом кивнул, когда Мона показала ему банкноту. Так что она сказала: «Плесни мне бурбона и пива вдогонку», — это все-

гда заказывал Эдди, если платил за выпивку сам. Если платил кто-то другой, он заказывал разные болтушки, которые бармен не знал как готовить, а потом немало времени тратил на объяснения, как именно это делается. И, выпив коктейль, начинал жаловаться на то, какая же это дрянь по сравнению с тем, что смешивают в Сингапуре, или Лос-Анджелесе, или в каком другом месте, где — Мона-то знала — он никогда не бывал.

Бурбон здесь был странноватый, с непонятной кислинкой, но, в общем-то, неплохой, когда уже проглотишь. Она сообщила об этом бармену, а тот, в свою очередь, спросил у нее, где она обычно пьет бурбон. Она сказала, что в Кливленде, и он кивнул; у них там не бурбон, а этил плюс вкусовые добавки, сказал он. Когда бармен отсчитывал сдачу, Мона решила, что этот их бурбон в Муравейнике — дороговатое удовольствие. Однако дело он свое делал — трясучку снимал, так что она проглотила остатки и принялась за пиво.

Ланетта любила бары, но сама никогда не пила — только колу или что-нибудь легкое. Мона навсегда запомнила тот день, когда она приняла два кристалла подряд — двойной удар, так это называла Ланетта — и услышала голос в собственной черепушке. Голос звучал так ясно, будто кто-то в

комнате говорил: «Оно движется так быстро, что остается на месте»[89]. И Ланетта, которая часом раньше растворила спичечную головку «мемфисского черного» в чашке китайского чая, тоже дохнула магика, полкристалла, и они пошли гулять. Бродили вдвоем по дождливым улицам в совершенной гармонии, когда нет нужды о чем-либо говорить (так это казалось Моне). Тот голос был прав: приход очень плавный, никакого дурного тремора, просто такое ощущение, будто что-то — может быть, сама Мона — расширяется из тихого неподвижного центра. И они нашли парк, где ровные плоские газоны были усеяны серебристыми лужами, и они с Ланеттой исходили там все дорожки. У Моны было даже название для этого воспоминания: «Серебряные прогулки».

А какое-то время спустя Ланетта просто исчезла, никто ее больше не видел. Одни говорили, что она отправилась в Калифорнию, другие трепались про Японию, а третьи — что она откинулась от передоза. Эдди это называл «нырнуть всухую», но вот уж об этом Моне думать совершенно не

---

[89] notes: 89

Ср.: «– Какая медлительная страна! — сказала Королева. — Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!» (Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. Перев. Н. Демуровой).

хотелось. А потому она выпрямилась, оглянулась по сторонам и — да, это классное место, достаточно маленькое, чтобы выглядеть переполненным, но иногда это и хорошо. Здесь были те, кого Эдди называл богемой. Люди с деньгами, но одевающиеся так, будто их не имеют, если не считать того, что одежда на них отлично сидит и с первого взгляда ясно, что куплена-то она новой.

За баром стоял телевизор — над всей этой батареей бутылок, — и тут Мона увидела в нем Энджи. Та что-то говорила, глядя прямо в камеру, но бармен, очевидно, выкрутил звук, так что за гулом голосов было не разобрать, что она там говорит. Потом съемка пошла сверху, камера уставилась вниз на цепочку домов, примостившихся на самом краю пляжа, и тут вернулась Энджи. Она смеялась, встряхивала гривой волос, дарила камере свою знаменитую полупечальную улыбку.

— Эй, — окликнула Мона бармена, — вон там — Энджи.

— Кто?

— Энджи, — повторила Мона, указывая на экран.

— Ага, — протянул тот, — она торчала на какой-то дизайнерской дури, но решила соскочить, поэтому поехала в Южную Америку или еще

куда-то заплатить пару лимонов, чтобы ее почистили.

— Да не может она торчать!

Бармен равнодушно поглядел на нее:

— Тем не менее.

— Да с чего бы ей даже начинать? Я хочу сказать, она ведь Энджи, так?

— Профзаболевание.

— Но поглядите на нее, — запротестовала Мона, — она так хорошо выглядит…

Но Энджи уже исчезла, ее сменил чернокожий теннисист.

— Так ты думала, это она? Это — говорящая голова.

— Голова?

— Что-то вроде куклы, — сказал голос позади нее; Мона, резко обернувшись, увидела встрепанные песочные вихры и ленивую белозубую усмешку. — Кукла, — человек поднял руку со сложенной фигой, — как в мультике, понимаешь?

Она услышала, как бармен кинул на стойку сдачу и перешел к следующему клиенту. Белая усмешка стала шире.

— Так что ей нет нужды записывать весь материал самой, верно?

Мона улыбнулась в ответ. Симпатичный, ум-

ные глаза и заговорщицкое «привет» вспыхнули для нее именно тем сигналом, который ей и хотелось прочесть. Не лох, не пиджак. Легкий малый, как раз такой, какой мог бы ей сегодня понравиться, — и что-то бесшабашно веселое в рисунке губ, так странно сочетающееся с умными, насмешливыми глазами.

— Майкл.

— А?

— Мое имя Майкл.

— О, Мона. Меня зовут Мона.

— Откуда ты, Мона?

— Из Флориды.

И разве не сказала бы ей Ланетта, что за такого надо хвататься не глядя?

Эдди терпеть не мог богему: они не покупали того, что он продавал. А Майкла он возненавидел бы еще больше, раз у того была работа и мансарда в нормальном доме. Во всяком случае, Майкл сказал, что это мансарда или лофт. Впрочем, когда они добрались туда, помещение оказалось гораздо меньше, чем, по мнению Моны, полагается быть лофту. Само здание было старым — бывшая фабрика или что-то вроде того. Часть стен — из отпескоструенного кирпича, а потолки — деревянные, с массивными балками. Но все это

было нарезано на клетушки: комната немногим больше ее номера в отеле, со спальной нишей в одном конце, с кухней и ванной в другом. Однако этаж был верхним, так что потолок оказался по большей части застекленной крышей, — может, это и делало клетушку мансардой? Под слуховым окном, затеняя свет, горизонтально висел лист красной бумаги. По углам он был проткнут крюками на веревках — прямо-таки огромный воздушный змей. В комнате царил ужасный беспорядок, но разбросанные кругом вещи все были новыми: несколько белых проволочных кресел с каркасом, обмотанным прозрачными пластиковыми трубками, стеллажи с развлекательными модулями, рабочая станция и серебристая кожаная кушетка.

Они начали на кушетке, но к кушетке все время липла спина, так что они перебрались в спальную нишу на кровать.

И только тут она увидела на стене белые полки, а на них — записывающее оборудование, стим-модули. Но магик снова взял вверх, да и если уж она все равно решилась, то почему бы не пойти до конца? Майкл надел на нее устройство с сенсорными датчиками — такой черный резиновый ошейник, из которого торчат внутрь тупые шты-

ри-пальцы с дерматродами, прижимающиеся к основанию черепа. Никаких проводов. Кучу денег стоит, это любому известно.

Надевая на себя троды и проверяя приборы на стенах, Майкл рассказывал о своей работе, о том, как трудится на одну контору в Мемфисе, которая выдумывает для компаний новые имена. Прямо сейчас он старается сочинить название для компании, которая зовется «Китайские катоды». Им это позарез нужно, сказал он и рассмеялся, но потом добавил, что все не так просто. Потому что на свете и без этих китайцев слишком много всяких компаний и все удачные названия уже разобраны. У него есть компьютер, который знает названия всех компаний в мире, и еще один, который составляет слова, чтобы потом использовать их в качестве имен, и еще один, который проверяет, не значит ли придуманное слово «долбоклюй» или чего похлеще на том же китайском или каком-нибудь шведском. Но их контора торгует не просто именами, они там продают то, что называется «имидж», и ему приходится взаимодействовать с целой командой — только так можно быть уверенным, что его идея впишется в общий пакет.

Потом он пристроился рядом с ней в постели,

и не так уж это все было здорово. Веселье куда-то испарилось, с тем же успехом это мог бы быть какой-нибудь лох — она лежала, думая даже не о Майкле, а о том, что он сейчас все записывает. Включит потом ее, Мону, когда ему захочется. И вообще, сколько у него уже было таких, как она?

Вот так она рядом с ним и лежала, после всего, слушая, как он посапывает во сне, пока магик не стал закручивать плотные маленькие круги на дне черепа, раз за разом выщелкивая на экран век одну и ту же последовательность бессвязных картинок: пластиковый пакет, в котором она хранила свои вещи во Флориде, сверху перевязанный проволокой, чтобы не заползли жуки; старик сидит у фанерного стола, чистит мясницким ножом картофелину, нож сточен до огрызка размером с ее большой палец; кливлендская забегаловка, где подавали криль, павильон построен в форме свернувшейся креветки, а выгнутая спина из металлических листов и разрисованного розовым и оранжевым прозрачного пластика служит крышей; проповедник, которого она видела, когда шла за новой одеждой, он и его бледный, расплывчатый Иисус. Всякий раз, когда наступал черед проповедника, Иисус все собирался что-то сказать, но так и не заговорил. Черт, теперь это

кино никак не остановишь, разве что встать и попытаться занять мысли чем-то еще. Ладно, выбралась из постели, постояла в сером свете от слухового окна, глядя на Майкла. *Вознесение. Вознесение грядет.*

Мона вышла в комнату, натянула платье; замерзла. Она присела на серебристую кушетку. Красное затемнение превращало серый заоконный свет в розовый — это снаружи начинало светать. Интересно, сколько может стоить такая квартирка?

Теперь, не видя его, Мона с трудом вспоминала, как вообще выглядит Майкл. Ну, ему-то не составит труда ее запомнить. Но одна только мысль о стиме оставила у нее привкус чего-то такого… как будто ее ударили или обидели, а может, просто попользовались. Она почти жалела, что не осталась в отеле постимить Энджи.

Серо-розовый свет заполнял комнату, ложился пятнами, цепенел, застывал в углах. Что-то в нем напомнило о Ланетте и разговорах о передозе. Иногда от передоза кончаются на чужих хатах, и потом проще всего выбросить тело из окна так, чтобы копы не сообразили, откуда именно оно выпало.

Но она ведь не собиралась об этом думать, так

что Мона встала, порылась в холодильнике и кухонных шкафах. В морозилке лежал мешок кофейных зерен, но на магике от кофе начинает трясти. Еще там было полно целлофановых пакетиков с японскими этикетками, что-то замороженное или обезвоженное. Она нашла пакетики чая и сорвала печать с одной из бутылок воды в холодильнике. Налила немного воды в кастрюльку. С плитой пришлось повозиться, прежде чем удалось ее зажечь. Электроконфорки оказались белыми кругами на черном фоне столешницы. Ставишь кастрюлю в центр круга и касаешься красной точки, нарисованной рядом. Когда вода закипела, она бросила в кастрюлю пакетик чая и сняла ее с конфорки.

Наклонившись над кастрюлькой, Мона вдохнула пар с запахом трав.

Она никогда не забывала, как выглядит Эдди, когда его не было рядом. Пусть он и не ахти кто, но, когда он был рядом, она чувствовала себя уверенней. Должно же быть поблизости какое-то лицо, которое не меняется. Но, пожалуй, и об Эдди думать сейчас — не такая уж хорошая идея. Скоро, очень скоро наступит отходняк, а до тех пор надо еще найти способ вернуться в отель. Внезапно ей пришло в голову, что все это так сложно;

слишком многое надо сделать, просчитать варианты — а это и есть отходняк, когда начинаешь волноваться, как бы слепить дневную сторону суток обратно.

Едва ли Прайор позволит Эдди ее ударить, думала Мона, хотя бы потому, что зачем-то ему важна ее внешность. Мона обернулась, чтобы достать чашку.

За ней стоял Прайор в черном пальто. Она услышала, как из ее горла сам по себе вырвался странный тихий звук.

На отходняках ей и раньше случалось видеть всякую всячину. Если смотреть в упор, видения исчезали. Она попыталась вглядеться в Прайора, но это не сработало.

Он так и стоял у двери с каким-то пластмассовым пистолетом в руке, не целился в Мону, просто держал пушку в руках. На нем были перчатки, точно такие, как те, какие Джеральд надевал для осмотра. С виду он был не слишком чтоб зол, но ради разнообразия не улыбался. Довольно долго он вообще не произносил ни слова, и Мона тоже молчала.

— Кто здесь? — Он сказал это так, будто спрашивал мимоходом на вечеринке, как дела.

— Майкл.

— Где?

Она кивком показала на спальную нишу.

— Надень туфли.

Она вышла из кухни, стараясь держаться подальше от него, по дороге машинально нагнулась, подобрала с ковра белье. Туфли нашлись за кушеткой.

Прайор беззвучно шагнул за ней в комнату, стал смотреть, как она надевает туфли. В руке у него по-прежнему был пистолет. Сняв свободной рукой со спинки кушетки кожаную куртку Майкла, он бросил ее Моне.

— Надень, — спокойно сказал он.

Она просунула руки в рукава, в одном из карманов скомкала белье.

Он подобрал рваный белый дождевик и, свернув в ком, убрал в карман своего пальто.

Майкл храпел. Возможно, он вскоре проснется и проиграет запись по новой. С его снаряжением ему и в самом деле никто здесь больше не нужен.

В коридоре Мона равнодушно смотрела, как Прайор с помощью серой коробочки запирает дверь. Пушка исчезла, но она не видела, как он ее убирал. Из коробочки торчал кусок гибкого красного шнура с непримечательным магнитным

ключом на конце.

На улице было холодно. Он заставил ее пройти пешком квартал, потом открыл дверь маленькой белой трехколесной машины. Она села внутрь. Заняв место водителя, Прайор стянул перчатки. Завел машину. Мона увидела облачко выхлопа, отраженное в зеркальных стеклах башни бизнес-центра.

— Он подумает, что я ее украла, — пробормотала она, теребя лацкан куртки.

Тут магик сдал последнюю свою карту: по синапсам дернул рваный каскад нейронов… Кливленд под дождем и покой в душе, какой она испытала лишь однажды — тогда, на прогулке.

На серебряной.

16
Нить накаливания в слое нагара[90]

Я — твоя идеальная аудитория, Ганс. (Запись пошла по второму кругу.) *Где тебе найти более внимательного зрителя? Ты ведь уловил их сущность, Ганс. Можешь мне поверить, я это знаю, потому что мне снятся ее воспоминания. Я вижу, насколько близко ты подошел.*

Да, ты уловил сущность этих людей. Путешествие вовне, строительство стен, долгая спираль, закручивающаяся внутрь. Они помешались на стенах, не так ли? Лабиринт крови, лабиринт семьи. Грибница посреди пустоты… Они как будто говорят: «Мы — это то, что внутри, снаружи — другое. Здесь мы пребудем вечно». А тьма таилась там с самого начала… Ты раз за разом находил ее в глазах Мари-Франс, вновь и вновь пригвождал медленным наплывом камеры на затененные глазницы черепа. Очень рано она запретила снимать себя на пленку. Ты подровнял,

---

[90] notes: 90

«Filament in Strata» — композиция калифорнийской электронной группы *Rhythm & Noise* с их альбома «Chasms Accord» (1985), выпущенного на «Ralph Records» — собственном лейбле известных экспериментаторов *The Residents*.

увеличил ее изображение, провернул его через плоскости света, плоскости тени, сгенерировал модели, расчертил ее череп решеткой неона. Ты использовал особые программы, чтобы состарить ее визуальный образ согласно статистическим моделям, затем — анимационные программы, чтобы оживить свою зрелую Мари-Франс. Ты раздробил ее изображение, низвел его до огромного, но конечного числа точек, перемешал, давая выйти на свет новым формам, выбрал те, которые, похоже, что-то говорили тебе… А потом ты взялся за остальных, за Эшпула и дочь, чье лицо обрамляет твой фильм, — его первый и последний кадр.

Повторный просмотр придал основательность их истории, позволил Энджи нанизать отрывочные видеозарисовки Беккера на единую временную линию. Точкой отсчета стала свадьба Тессье и Эшпула, союз, обсуждавшийся в свое время только в тех средствах массовой информации, что занимались корпоративными финансами. Оба были наследниками своих отнюдь не скромных империй: Мари-Франс — громадного состояния семьи Тессье, основанного на девяти базовых патентах в области прикладной биохимии, а Эшпул — мощной инженерной

фирмы со штаб-квартирой в Мельбурне, фирмы, которая носила имя его отца. Журналистам этот брак представлялся слиянием, хотя возникшую в результате корпоративную единицу финансовый мир рассматривал как неуклюжую — этакая химера с двумя головами, смотрящими в разные стороны.

Однако вскоре на фотографиях тех лет из взгляда Эшпула исчезли пресыщенность и скука, а их место заняла абсолютная решимость. Эффект вышел нелестным — или, скорее, даже пугающим: красивое жесткое лицо становилось все жестче, все безжалостней в своей всепоглощающей целеустремленности.

Через год после женитьбы на Мари-Франс Тессье Эшпул избавился от девяноста процентов своих активов, вложив освободившийся капитал в орбитальную собственность и установки по запуску шаттлов. Плод живого союза, двоих детей — брата и сестру — вынашивали тем временем суррогатные матери на вилле Мари-Франс в Биаррице.

Тессье-Эшпулы взошли на орбитальный архипелаг и здесь обнаружили, что плоскость эклиптики отмечена лишь редко разбросанными военными базами и первыми автоматизирован-

ными фабриками картелей. И тогда они начали строительство. Первоначально их объединенные капиталы были не больше, чем затраты «Оно-Сэндай» на запуск очередного микропроцессорного цеха в орбитальном сборочном массиве корпорации, но Мари-Франс, проявив неожиданное предпринимательское чутье и сноровку, создала приносящее колоссальный доход убежище данных для обслуживания потребностей не столь респектабельных секторов международного банковского сообщества. А это, в свою очередь, породило связи с самими банками и их клиентами. Эшпул занимал направо и налево, и стена лунного бетона, которой предстояло стать Фрисайдом, росла и закруглялась, смыкаясь вокруг своих создателей.

Когда разразилась война, Тессье-Эшпулы уже скрылись за этой стеной. Они видели, как вспыхнули и погибли Бонн и Белград. Строительство веретена продолжалось в те три недели войны лишь с незначительными перебоями, хотя в последовавшее десятилетие оцепенения и хаоса эта задача несколько осложнилась.

Но дети, Джейн и Жан, теперь уже были с ними. Виллу в Биаррице продали, чтобы оплатить создание криогенной установки для их нового

дома, виллы «Блуждающий огонек». Первыми жильцами криогенной утробы стали десять пар клонированных эмбрионов: 2-Джейн и 2-Жан, 3-Джейн и 3-Жан… Существовало множество законов, запрещавших или как-то еще регулировавших искусственное репродуцирование индивидуального генетического материала, но было и столько же лазеек в хитросплетениях юрисдикции…

Энджи остановила запись и попросила дом вернуться к предыдущему эпизоду. Снова кадры с изображением криогенного устройства, этой утробы Тессье-Эшпулов, созданной швейцарскими инженерами. Она знала, что предположение Беккера о сходстве верно: эти круглые двери из окаймленного хромом черного стекла были центральными образами в чужих воспоминаниях, убедительными и тотемными.

Одно изображение сменяло другое. Теперь речь шла о монтажной сборке на внутренней поверхности веретена в условиях невесомости. Продвигалось строительство осветительной системы Ладо-Ачесон, преобразующей солнечную энергию, наращивалась атмосфера, создавалась — за счет вращения — искусственная гравитация… Тут на Беккера свалилось сказочное,

не поддающееся освоению богатство в виде многих-многих часов блестяще-глянцевой документации. Он ответил на этот вызов яростным, рваным монтажом, напрочь выстригая поверхностный лиризм исходного материала; на экране остались лишь отдельные напряженные лица измученных рабочих среди неистового улья механизмов. Фрисайд зеленел и расцветал в ускоренном порхании записанных на пленку восходов и искусственных закатов. Роскошная, запечатанная в бетон и пластик земля, усеянная драгоценными камнями бирюзовых озер. Тессье и Эшпул выбрались из «Блуждающего огонька», своего тайного дома на кончике веретена, лишь на официальные торжества по случаю открытия Фрисайда. С примечательной отстраненностью обозревали властители ими же созданную страну. Тут Беккер резко сбросил темп и снова принялся за свой одержимый анализ. Вот это — последний раз, когда Мари-Франс взглянула в объектив. Беккер исследует черты ее лица в мучительной, растянутой фуге, крупные планы медленно перетекают один в другой в изысканном контрапункте к пульсирующим волнам аудиореверса, прорывающимся на звуковой дорожке сквозь дрейфующие наслоения статических шумов.

Энджи вновь попросила паузу, встала с кровати и подошла к окну. Она испытывала странный подъем, нахлынуло неожиданное ощущение силы и внутренней гармонии. Что-то подобное произошло с ней семь лет назад в Нью-Джерси, когда она узнала, что и другим известны те, кто приходил к ней в снах, что они зовут их лоа, Божественными Наездниками, дают им имена, и призывают их, и торгуются с ними о милостях.

И даже тогда не обходилось без путаницы и недоразумений. Бобби, например, утверждал, что Линглессу, седлавший Бовуара в умфо, и Линглессу из матрицы — это различные, не связанные между собой сущности. Если, конечно, первого из них вообще можно считать сущностью.

— Они проделывают это уже более десяти тысяч лет, пляшут, сходят с ума, — говорил он, — твари же из киберпространства — духи, призраки, не важно, что они такое, — обитают там лишь последние лет семь-восемь, не более.

Бобби верил старым ковбоям. Тем, кому он покупал выпивку в «Джентльмене-неудачнике» всякий раз, когда карьера Энджи приводила их в Муравейник. Старики считали, что лоа появились не так давно, они вроде как новоприбывшие. Старые ковбои жили прошлым, когда

решительность и талант были единственными решающими факторами в карьере компьютерного виртуоза. Впрочем, Бовуар возразил бы на это: мол, для того чтобы иметь дело с лоа, решительности и таланта требуется не меньше.

— Но они же приходят ко мне, — возражала она. — И мне не нужна дека.

— Это то, что у тебя в голове. То, что сделал твой отец…

Бобби рассказал ей, на чем сошлись старые ковбои: мол, однажды настал такой день, когда все изменилось, — хотя существовали разногласия относительно того, как и когда.

«Когда Все Изменилось»[91] — так они называли это событие или этот день, и однажды Бобби заставил Энджи загримироваться и привел ее в «Неудачник», чтобы она сама послушала стариков. Вокруг бара суетились агенты из службы безопасности «Сенснета», которых даже на порог не пустили. То, что охрана осталась за дверью, произвело на нее тогда большее впечатление, нежели разговоры стариков. Ковбои облюбова-

[91] notes: 91

Аллюзия на одноименный («When It Changed») рассказ Джоанны Расс. Опубликованный в 1972 г. в составленной Харланом Эллисоном антологии «Снова опасные видения», он номинировался на премию «Хьюго» и получил «Небьюлу».

ли «Джентльмен-неудачник» еще во времена войны, которая ознаменовала рождение новой технологии. Тогда в Муравейнике не было другого места для сбора криминальной элиты — хотя, когда Энджи появилась здесь, вся элитарность наводила скорее на мысль, что завсегдатаи бара в большинстве своем давно ушли на покой. В «Неудачнике» уже не толклись крутые ребята из молодых, но некоторые из них приходили сюда послушать.

И вот теперь, в спальне дома в Малибу, Энджи вспомнила эти истории о том, «Когда Все Изменилось», понимая, что некая часть ее сознания мучительно пытается найти место стариковским байкам и воспоминаниям в коллаже из обрывков ее собственной жизни и истории семейства Тессье-Эшпулов.

3-Джейн была нитью накаливания, Тессье-Эшпулы — слоем нагара. Дата ее рождения была официально зарегистрирована тем же днем, что и рождение девятнадцати ее клонированных братьев и сестер-близнецов. «Расследование» Бекера стало еще более нервозным, когда 3-Джейн была выношена в чреве очередной суррогатной матери и вышла на свет посредством кесарева сечения в хирургическом отсеке «Блуждающего

огонька». Критики соглашались: 3-Джейн явилась для Беккера чем-то вроде спускового крючка. С рождением 3-Джейн фокус документального фильма незаметно сместился, являя новое усиление напряженности, прогрессию одержимости — как бы некое чувство греха, что отмечали многие критики.

3-Джейн стала центром внимания, капризной жилкой золота в гранитном массиве семьи. Нет, подумала Энджи, не золота, а серебра, тусклого и сумасбродного. Изучая снимок 3-Джейн и двух ее сестер, сделанный китайским туристом у озера возле какого-то отеля во Фрисайде, Беккер неизменно возвращается к глазам 3-Джейн, рассматривает выемку ключицы, хрупкие запястья. Физически сестры совершенно идентичны, и все же нечто выделяет 3-Джейн. И попытка Беккера докопаться до природы этой особенности превращается в основной посыл всего фильма.

По мере того как расширяется орбитальный архипелаг, Фрисайд процветает. Банковский узел, публичный дом, убежище данных, нейтральная территория для враждующих корпораций — веретено начинает играть все более сложную роль в истории высокой орбиты; тем временем владельцы «Тессье-Эшпул СА» скрываются еще

за одну стену, на этот раз — дочерних корпораций. Имя Мари-Франс ненадолго всплывает в связи с разбирательством в женевском патентном суде по поводу определенных достижений в области создания искусственного интеллекта. Впервые и только на короткое время оглашается информация о широкомасштабном финансировании Тессье-Эшпулами исследований в этом направлении. И вновь семейство проявляет свою уникальную способность исчезать из виду, вступая в еще один период забвения, тот, что окончится лишь со смертью Мари-Франс.

Постоянно будут ходить слухи об убийстве, но любая попытка расследования натолкнется на богатство и изолированность клана, на сложное переплетение их финансовых и политических связей.

Вторично просматривая фильм Беккера, Энджи уже знала личность убийцы Мари-Франс Тессье.

На рассвете, не зажигая на кухне свет, она приготовила себе кофе и села смотреть на бледную линию прибоя.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Ты знаешь, как связаться с Гансом Беккером?

— У меня есть номер телефона его агента в Париже.

— Беккер что-нибудь снял после «Антарктики»?

— Насколько мне известно, ничего.

— А как давно это было?

— Пять лет назад.

— Спасибо.

— Пожалуйста, Энджи.

— До свидания.

— До свидания, Энджи.

Уж не считал ли Ганс Беккер, что 3-Джейн повинна в смерти Эшпула? Казалось, он неким окольным путем внушал эту мысль.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Фольклор компьютерных жокеев, Континьюити. Что ты об этом знаешь?

Интересно, что подумает Свифт, спросила она себя.

— Что бы тебе хотелось знать, Энджи?

— «Когда Все Изменилось»…

— Архетип мифа встречается обычно в одной из двух версий. Одна версия предполагает, что матрица киберпространства населена — или, скорее, посещаема — некими существами, чьи

характеристики соответствуют первичному архетипу «скрытого народа». Другая основана на предположении о вездесущности, всесильности и непостижимости самой матрицы.

— То есть, что матрица есть Бог?

— Можно сказать и так, хотя в рамках архетипа точнее было бы говорить о том, что у матрицы есть Бог, поскольку вездесущность и всесильность этого существа ограничивается матрицей.

— Если у него есть ограничения, он не всесилен.

— Вот именно. Обрати внимание: архетип не наделяет его бессмертием, что обычно присуще религиозным системам, основанным на вере в высшее существо, — по крайней мере, в рамках именно вашей культуры. Киберпространство существует — если, конечно, можно употребить слово «существует» — лишь благодаря деятельности людей.

— Как ты.

— Да.

Энджи вернулась в гостиную, где в сером рассветном свете очертания кресел эпохи Людовика XVI стали чем-то похожи на скелеты: их изогнутые ножки напоминали позолоченные кости.

— Если бы подобное существо имелось в дей-

ствительности, — спросила она, — ты был бы его частью, так?

— Да.

— И ты знал бы об этом?

— Не обязательно.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Ты исключаешь такую возможность?

— Нет.

— Тебе не кажется, что это довольно странный разговор, Континьюити?

Ее щеки были мокрыми от слез, хотя она и не заметила, когда они начали течь.

— Нет.

— Как вписываются истории о… — Она помедлила, едва не сказав слово «лоа». — О существах в матрице… как они уживаются с представлением об этом сверхсуществе?

— Никак. И то и другое — лишь версии события, известного как «Когда Все Изменилось». И та и другая версии очень недавнего происхождения.

— Точнее?

— Приблизительно пятнадцать лет.

17
Дерганый город[92]

Девочка проснулась, почувствовав, что рот ей зажимает холодная ладонь Салли. Другая рука жестом призывала к молчанию.

Горели мелкие лампочки, встроенные в зеркало с золотыми искорками. Один из ее чемоданов был открыт и стоял в ногах гигантской кровати, рядом с ним — аккуратная стопка одежды.

Салли прикоснулась указательным пальцем к плотно сжатым губам, потом жестом указала на одежду и чемодан.

Кумико выскользнула из-под пухового одеяла и, спасаясь от холода, натянула свитер. Снова взглянув на Салли, она заколебалась, не заговорить ли ей вслух. Что бы это ни было, подумала она, достаточно одного слова, и появится Петал. Салли была одета так же, как в последний раз, когда Кумико ее видела: дубленка с барашковым воротником, под подбородком завязан клетчатый шарф. Она повторила жест: собирай вещи.

---

[92] notes: 92

«Jump City» — композиция джазового пианиста Бада Пауэлла с альбома «Strictly Powell», выпущенного *Bud PowellT rio* в 1957 г.

Быстро одевшись, Кумико начала укладывать одежду в чемодан. Салли беспокойно, но и бесшумно ходила по комнате, открывала и закрывала ящик за ящиком. Отыскав паспорт Кумико, черную пластиковую табличку на нейлоновом шнурке с рельефной золотой хризантемой, повесила ее на шею девочке. Потом скрылась в фанерной каморке, чтобы появиться с замшевым несессером с туалетными принадлежностями Кумико.

Когда Кумико застегивала чемодан, зазвонил золоченый антикварный телефон.

Салли проигнорировала звонок, взяла с постели чемодан, открыла дверь и, схватив Кумико за руку, потянула ее в темный коридор. Отпустив ее руку, Салли прикрыла за ними дверь, заглушив телефон и оставив их в полной темноте. Кумико позволила провести себя к лифту — его она узнала по запаху масла и полироля, позвякиванию металлической решетчатой двери.

Лифт пошел вниз.

В ярко освещенной прихожей их ждал Петал, закутанный в необъятных размеров выцветший шерстяной халат. На Петале были все те же драные шлепанцы, выглядывающие из-под халата ноги казались неестественно белыми. В руках у

него был пистолет — тупорылое оружие отблескивало тускло-черным.

— Черт побери, — увидев их, мягко проговорил он, — это еще что такое?

— Она поедет со мной, — бросила Салли.

— Это, — медленно произнес англичанин, — совершенно невозможно.

— Куми, — Салли легонько подтолкнула девочку в спину, выпроваживая ее из лифта, — нас ждет машина.

— Ты не можешь так поступить, — сказал Петал. Но Кумико почувствовала, что он растерян.

— Тогда пристрели меня, мать твою.

Петал опустил пистолет.

— Это меня чертов Суэйн пристрелит, если все выйдет по-твоему, можешь мне поверить.

— Будь он здесь, он оказался бы в таком же положении, верно?

— Пожалуйста, — попросил Петал, — не надо.

— Не волнуйся, с ней все будет в порядке. Открой дверь.

— Салли, — спросила Кумико, — куда мы едем?

— В Муравейник.

...И проснулась снова, осознав, что дремала, пригревшись под Саллиной дубленкой, убаюканная мягкой вибрацией сверхзвукового полета.

Кумико вспомнила огромный приземистый автомобиль, который ждал их на подъездной дорожке. Когда Салли и она вышли на тротуар, с фасадов Суэйновых зданий полоснули лучи прожекторов. В окне машины мелькнуло залитое потом лицо Тика. Салли рывком распахнула дверцу и втолкнула девочку внутрь. Тик тихонько и без умолку чертыхался все то время, пока машина набирала скорость; жалобно взвизгнули шины, когда он слишком резко свернул на Кенсингтон-Парк-роуд. Салли посоветовала ему сбросить скорость и отдать управление автомату.

Только тут, в машине, Кумико вспомнила, что положила модуль «Маас-Неотек» на место — в тайник за мраморным бюстом. Со всеми своими лисьими повадками и курткой, протертой на локтях, как и шлепанцы Петала, Колин остался позади — теперь всего лишь призрак, чем он, в сущности, и был.

— Сорок минут, — сказала Салли с соседнего кресла. — Хорошо, что ты поспала. Скоро нам принесут завтрак. Помнишь, на какое имя у тебя паспорт? Прекрасно. А теперь не задавай мне никаких вопросов, пока я не выпью кофе, идет?

Кумико знала Муравейник по тысячам стимов. Повальное увлечение этим необъятным

городским конгломератом стало в последнее время характерной чертой японской массовой культуры.

А вот об Англии у Кумико почти не было мнения до того, как она туда попала: смутные образы каких-то знаменитых сооружений, неотчетливое представление об обществе, считавшемся на взгляд японского общества как будто эксцентрично-патриархальным и застойным. (В сказках ее матери принцесса-балерина всегда с удивлением обнаруживала, что англичанам ее танцы не по карману.) Однако Лондон во многом оказался совсем другим, нежели она ожидала, — ее поразили энергия города, его очевидное изобилие, а суета и великолепие больших торговых улиц сильно напомнили Гиндзу.

Девочка считала, что уж о Муравейнике она знает немало, но и это убеждение развеялось в первые же часы после прибытия их рейса.

Она, Салли и другие пассажиры стояли в очереди посреди огромного гулкого зала таможни, потолок которого уходил куда-то во тьму. Эту тьму через равные промежутки прорывали бледные сферы света. Вокруг шаров, несмотря на зиму, клубился рой мошкары, как будто здание обладало собственным климатом. Но пока еще

это был Муравейник из стимов, каким она его себе представляла. Чувственно-электрический фон для проигрываемых на ускоренной перемотке жизней Анджелы Митчелл и Робина Ланье.

Прошли таможню. Сам досмотр, несмотря на бесконечное ожидание в очереди, заключался лишь в том, что ее паспорт пропустили сквозь грязноватую металлическую прорезь. И дальше — в сумасшедшую суету на бетонной платформе, где багажные роботележки медленно бороздили толпу, которая галдела и напирала, осаждая наземный транспорт.

Кто-то взял у нее чемоданчик. Протянул руку и взял с уверенностью, которая говорила, что этот человек просто выполняет привычную обязанность, как, скажем, молодые женщины, поклонами приветствующие покупателей в дверях крупных универмагов Токио. А Салли вдруг ударила его ногой. Ударила под колено, стремительно и плавно крутанувшись на месте, как тайская боксерка в бильярдной Суэйна. Выхватила чемоданчик еще до того, как затылок незнакомца с резким стуком ударился о грязный бетон.

Салли потянула девочку за собой, не дожидаясь, когда над неподвижной фигурой сомкнется

толпа. Эта вспышка насилия, со стороны выглядевшая так небрежно, могла бы показаться сном — если бы не улыбка Салли, первая с тех самых пор, как они вылетели из Лондона.

Сбитая с толку Кумико безвольно смотрела, как Салли производит осмотр имеющихся машин. А та быстро дала взятку диспетчеру, нагнала страху на очередь — и затолкала девочку в потрепанный ховер в косую черно-желтую полоску. Отделение для пассажиров было голым и выглядело исключительно неудобным. Водитель, если он вообще был, оставался невидимым за изогнутой перегородкой из пластиковой брони. Там, где перегородка смыкалась со стенкой, торчал объектив видеокамеры, вокруг которого кто-то нарисовал мужской торс: объектив выступал в роли фаллоса. Когда Салли, забравшись внутрь, захлопнула за собой дверцу, динамик проскрежетал что-то вовсе уж неразборчивое. Кумико решила, что это какой-нибудь диалект английского.

— Манхэттен, — приказала Салли.

Она достала из куртки пачку бумажных денег и, развернув веером, помахала ею перед камерой.

Динамик вопросительно затрещал.

— В центр. Скажу, где остановиться.

Юбка воздушной подушки надулась, свет в пассажирском отделении погас, и они тронулись в путь.

18
Тюремный срок

Он на чердаке у Джентри. Смотрит, как Черри, сидя на краю кровати, нянчится с ковбоем. Она поворачивается к нему:

— Как ты, Слик?

— В порядке… я в порядке.

— Ты помнишь, что я тебя об этом уже спрашивала?

Он смотрит в лицо человека, которого Малыш Африка называл Графом. Черри возится с чем-то у встроенной в изголовье носилок стойки, с какой-то капельницей; в ней — жидкость цвета овсянки.

— Как ты себя чувствуешь, Слик?

— Нормально.

— Никакое не нормально. Ты все время забы…

Он сидит на полу на чердаке у Джентри. Лицо мокрое. Рядом с ним — Черри; она стоит на коленях, очень близко, ее руки у него на плечах.

— Ты сидел?

Он кивает.

— В блоке химкоррекции?

— Да…

— Индуцированный синдром Корсакова?

Он…

— Фрагментами? — спрашивает его Черри.

Слик сидит на полу на чердаке у Джентри. А где сам Джентри?

— Ты помнишь все фрагментами, да? А кратковременные воспоминания исчезают напрочь?

Откуда она это знает? И где Джентри?

— И от чего это включается?

— Что включает синдром, Слик? Что с тобой делали в тюрьме?

Он сидит на полу на чердаке у Джентри; Черри чуть ли не уселась на него верхом.

— Стресс, — выдавливает он, удивляясь, откуда она это знает. — Где Джентри?

— Я уложила его в постель.

— Почему?

— Отрубился, увидев ту штуку…

— Какую?

Черри вдавливает в его запястье розовый дерм.

— Это сильный транк, — говорит она. — Может, выведет тебя из этого…

— Из чего?

Она вздыхает.

— Не важно.

Он просыпается в постели с Черри Честерфилд. Он полностью одет, за исключением куртки и ботинок. Вставший член, прижавшись к теплой джинсовой ткани над задницей Черри, попал в ловушку за пряжкой ремня.

— Даже не думай.

Зимний свет сквозь залатанное окно, и если откроешь рот — белым облачком вылетает дыхание.

— Что случилось?

И почему в комнате так холодно? Он вспоминает вопль Джентри, когда серое нечто устремилось на него…

Слик поспешно садится.

— Потише, — говорит Черри, перекатываясь на спину. — Ляг. Не знаю, что это было, что вызвало срыв.

— Ты о чем?

— Ложись обратно. Забирайся под одеяло. Хочешь совсем замерзнуть?

Он слушается.

— Ты был в тюрьме, так? В блоке химкоррекции?

— Да… А ты откуда знаешь?

— Ты же сам мне и сказал. Прошлой ночью. Ты говорил, что от стресса могут быть рецидивы. Так оно и случилось. Это нечто прыгнуло на твоего приятеля, ты бросился к рубильнику, отключил стол. Джентри упал и разбил себе голову. Я бинтовала рану, когда заметила, что с тобой творится что-то неладное. Сообразила, что у тебя память не держит ничего дольше пяти минут. Такое бывает при стрессе или иногда при контузии…

— Где он? Джентри?

— У себя в койке, облеплен транками. Учитывая то, в каком он состоянии, я решила, что денек сна ему не помешает. Во всяком случае, под ногами путаться не будет.

Слик закрыл глаза и вновь увидел перед собой серое нечто, набросившееся на Джентри. Человекообразное или, скорее, похожее на обезьяну. Оно ничем не напоминало те завивающиеся спиралью образы, какие генерировали устройства Джентри в его предыдущих поисках Образа.

— Думаю, у вас тут вырубилось электричество, — сказала Черри. — Свет погас часов шесть назад.

Слик открыл глаза. Джентри не успел добраться до консоли, чтобы свершить свой обычный

ритуал. Слик застонал.

Оставив Черри готовить на газовой плитке кофе, Слик отправился на поиски Пташки. Нашел он его по запаху дыма. Пташка развел костер в каком-то железном баке и заснул, свернувшись вокруг него по-собачьи.

— Эй, — позвал его Слик, легонько подталкивая парнишку носком сапога, — вставай. У нас проблемы.

— Долбаный ток вырубили, — пробормотал тот в ответ, садясь в засаленном спальном мешке, таком же грязном, как пол в цеху Фабрики.

— Я заметил. Ток — это проблема номер один. Проблема номер два — нам нужен грузовик, или ховер, или что-то вроде того. Нужно убрать отсюда этого парня. Иначе Джентри совсем посыпется.

— Но только Джентри и может добыть ток. — Пташка, поеживаясь, поднялся на ноги.

— Джентри спит. У кого есть фургон?

— У Марви, — выдавил Пташка и затрясся в приступе кашля.

— Возьми мотоцикл Джентри. Привезешь его потом обратно в фургоне. Двигай.

Пташка кое-как справился с приступом:

— Серьезно, че ли?

— Ты ведь знаешь, как на нем ездить?

— Да, но Джентри, он…

— Я с ним разберусь. Ты знаешь, где он держит запасной ключ?

— Ну… да, — пугливо протянул Пташка. — Скажи, — спросил он, — а что, если Марви не захочет дать мне фургон?

— Дашь ему вот это, — сказал Слик, вытаскивая из кармана зиплок с наркотиками; его забрала у Джентри Черри, перевязав тому голову. — Отдай ему все, понял? Я потом проверю.

Бипер Черри подал голос, когда они, приткнувшись друг к другу на краю кровати в комнате Слика, пили кофе. Слик отвечал на ее вопросы, рассказывал ей что знал о синдроме Корсакова. Он никому об этом по-настоящему не рассказывал, и странно — как мало на самом деле он знал. Он рассказал ей о предыдущих рецидивах, потом попытался объяснить, как работала эта система в тюрьме. Фокус был в том, что долгосрочная память сохраняется до того момента, пока тебя не сажают на препарат. В общем, прежде чем начинаешь мотать срок, тебя сперва учат что-то делать, потому этого уже не забудешь и на химкоррекции. Правда, делаешь в основном то, с чем и роботы бы управились. Слика вот натаскивава-

ли собирать миниатюрные зубчатые передачи. Как только он стал укладываться в пять минут, пошел срок.

— И больше ничего не делали? — спросила она.

— Только эти зубчатые передачи.

— Нет, я имею в виду, никаких там замков, ловушек в мозгу?

Он посмотрел на нее. Язва на губе у девушки почти зажила.

— Если и было что-то такое, тебе об этом не сообщают, — сказал он.

И тут в одной из ее курток застрекотал бипер.

— Что-то стряслось, — сказала она, вскакивая с кровати.

Джентри стоял на коленях возле носилок с чем-то черным в руках. Черри выхватила у него эту штуковину, прежде чем он успел хотя бы пошевелиться. Джентри не двинулся с места, недоуменно щурясь на девушку.

— Это сколько же нужно, чтобы тебя вырубить, мистер? — Она протянула Слику черный предмет, оказавшийся камерой для идентификации по сетчатке глаза.

— Нам нужно выяснить, кто он, — сказал Джентри.

Его голос был хриплым и низким от всех дермов с депрессантами, которые Черри на него налепила, но Слик почувствовал, что опасная грань безумия отступила.

— Идиот, — кипятилась Черри, — ты даже не знаешь, те ли у него глаза, что были год назад!

Джентри коснулся повязки на виске.

— Вы это тоже видели, правда?

— Да, — ответила Черри, — и Слик эту штуку отключил.

— Все дело в шоке, — объяснил Джентри. — Я и вообразить себе не мог… Но никакой реальной опасности. Я был просто не готов…

— Ты просто выскочил из своего чертова черепа, — сказала Черри.

Джентри нетвердо поднялся на ноги.

— Он уезжает, — сказал Слик. — Я послал Пташку одолжить фургон. Не нравится мне все это.

Черри уставилась на него в упор:

— Куда уезжает? Мне придется ехать с ним. Это моя работа.

— Я знаю одно место, — соврал Слик. — У нас электричество отрубили, Джентри.

— Ты не можешь отвезти его незнамо куда, — сказал Джентри.

— Еще как могу.

— Нет. — Джентри слегка качнуло. — Он остается. Переходники уже на месте. Я не стану его больше беспокоить. Черри может остаться здесь.

— Тогда тебе придется хотя бы в двух словах объяснить, что это за хреновина, Джентри, — сказал Слик.

— Для начала, — Джентри указал на предмет над головой Графа, — никакой это не низкочастотник, не «Эл-Эф». Это — «алеф».

19
Под ножом[93]

Снова в отеле, не отходняки, а марш смерти, Прайор вводит ее в вестибюль, а японские туристы уже встали и теперь толпятся вокруг скучающих гидов. Шаг, еще шаг, одной ногой, другой, а голова такая тяжелая, будто кто-то просверлил в макушке дыру и залил туда полфунта свинца, и зубы во рту будто чужие — слишком велики. Дополнительная перегрузка тронувшегося вверх лифта вдавливает в пол — Мона без сил приваливается к стенке.

— Где Эдди?

— Эдди уехал, Мона.

С трудом разомкнула веки, глаза широко распахнулись. Сфокусировала взгляд и увидела, что он, ублюдок, опять улыбается.

— Что?

— Эдди заплачено. Ему все компенсировали.

---

[93] notes: 93

«Under the Knife» — одноименных песен середины 1980-х было немало (у *Motörhead*, у питтсбургских панков *Half Life* и т. д.), но здесь в первую очередь отсылка к названию клиники косметической хирургии в рассказе самого Гибсона «Джонни Мнемоник» (1981), относящемся к той же вселенной Муравейника: «Девочки в „Под ножом“ торчат от Сони Мао…».

Он уже на пути в Макао с солидным кредитом в кармане. Этакий милый игорный пикничок.

— Компенсировали?

— Его вложения. В тебя. За все время.

— *За все время?*

Дверь скользит в сторону, открывая устланный синим ковром коридор.

И что-то обваливается холодным комом в груди — Эдди ведь ненавидит азартные игры.

— Ты теперь работаешь на нас, Мона. И нам бы очень не хотелось, чтобы ты снова ушла без спросу.

Но ты же хотел, подумала она, ты же отпустил меня. И знал, где меня искать.

Эдди больше нет…

Мона не помнила, как заснула. На ней все еще была куртка Майкла, теперь подоткнутая под плечи, как одеяло. Даже не поворачивая головы, Мона видела угол здания с верхушкой в виде горы, но снежного барана там не было.

Стимы Энджи были запаяны в пластик. Взяв один наугад, Мона поддела упаковку ногтем большого пальца, вставила кассету в прорезь и надела троды. Она ни о чем не думала, руки, казалось, сами знали, что делать, — добрые маленькие зверьки, которые никогда не обидят. Один из них

коснулся клавиши «Воспр.», и Мона перенеслась в мир Энджи, чище и безупречней любого наркотика… Медленный саксофон, лимузин плывет по какому-то европейскому городу… круговерть улиц, машина без водителя, широкие проспекты предрассветно чисты и безлюдны, прикосновение меха к плечам. И катить, катить по прямой дороге через плоские поля, окаймленные совершенными, одинаковыми деревьями.

А затем поворот, шорох шин по расчесанному граблями гравию, потом вдоль по подъездной аллее — через парк, где серебрится роса, где стоит железный олень, а рядом — мокрый торс из белого мрамора… Дом огромен и стар, не похож ни на один из тех, какие она видела раньше. Но машина проплывает мимо, проезжает еще несколько строений поменьше и выезжает наконец на край широкого ровного поля.

Там стоят на привязи планеры, прозрачная пленка туго натянута на хрупкие с виду поликарбоновые рамы. Планеры слегка подрагивают на утреннем ветерке. А рядом с ними ее ждет Робин Ланье, красивый раскованный Робин в черном свитере грубой вязки — он играет партнера Энджи почти во всех ее стимах.

И вот она выходит из машины, ступает на тра-

ву, смеется, когда высокие шпильки сразу же увязают. И остаток пути до Робина — с туфлями в руках, улыбаясь; последний шаг — в его объятия, в его запах, в его глаза.

Ощущения закручиваются вихрем в монтажном танце, который в одну секунду ужимает посадку в планер и старт с электромагнитной катапульты, — и вот они уже мягко скользят над полем травы. Затем взмывают вверх, зависают на мгновение, ловя ветер… Все выше и выше, пока огромный дом не превращается в прямоугольный камушек в зеленой пелене, прорезанной тусклым серебром речной излучины…

…и Прайор с рукой на клавише «Стоп». От запаха еды с тележки возле кровати у Моны сводит желудок. Тупая тошнотворная боль ломает каждый сустав.

— Поешь, — доносится голос Прайора. — Мы скоро уезжаем.

Он поднял металлическую крышку с одного из блюд.

— Клаб-сэндвич, — сказал он, — кофе, пирожные. То, что доктор прописал. Попав в клинику, ты какое-то время не сможешь есть.

— В клинику?

— К Джеральду. Это в Балтиморе.

— Зачем?

— Джеральд — хирург-косметолог. Над тобой немного поработают. Если захочешь, все это потом можно будет вернуть обратно, но нам кажется, тебя обрадуют результаты, очень обрадуют. — Опять эта улыбка. — Мона, тебе когда-нибудь раньше говорили, насколько ты похожа на Энджи?

Мона подняла на него глаза, но ничего не ответила. С трудом села, чтобы выпить немного водянистого черного кофе. Не смогла заставить себя даже взглянуть на сэндвич, но съела одно из пирожных. Вкус у него был картонный.

Балтимора. Черт его знает, где это.

А планер навсегда завис над приручennой зеленой страной, мех на плечах, и Энджи, должно быть, все еще там, смеется…

Час спустя, в вестибюле, пока Прайор подписывал счет, Мона случайно увидела, как мимо на багажной роботележке проезжают знакомые чемоданы из кожи клонированных крокодилов. В этот момент она отчетливо осознала, что Эдди мертв.

Место, которое Прайор назвал Балтиморой. На вывеске — надпись, выведенная крупными старо-

модными буквами. Офис Джеральда располагался на четвертом этаже блочного кондоминиума. Это было одно из тех зданий, где строится лишь каркас, а обитатели — жильцы или коммерсанты — привозят собственные модули и оборудование. Похоже на многоэтажный кемпинг для трейлеров, только повсюду провода, оптоволоконные кабели, трубы канализации и водоснабжения.

— Что там написано? — спросила она Прайора.

— Джеральд Цзинь, дантист.

— Ты же говорил, что он хирург-косметолог.

— Так оно и есть.

— А почему нельзя просто пойти в бутик, ну, как все?

Он не ответил.

Она теперь и вправду мало что чувствовала и даже отчасти понимала, что не так испугана, как надо бы. Впрочем, может, это не так уж и плохо, потому что если она по-настоящему испугается, то ничего не сможет предпринять, а ей определенно хотелось выпутаться из этой истории. В машине по дороге сюда она обнаружила в кармане куртки Майкла какой-то предмет. Десять минут ушло у нее на то, чтобы сообразить: это шокер, такой обычно носят при себе особо дерганые пиджаки. На ощупь он напоминал ручку

отвертки с парой тупых металлических рожек там, где у отвертки жало. Заряжался он, должно быть, от розетки, и оставалось только надеяться, что Майкл держал его заряженным. Тут Мона сообразила, что Прайор, скорее всего, не знает о шокере. Обычно такие игрушки вполне легальны, поскольку считается, что ими нельзя нанести серьезный вред, но Ланетта знала девчонку, которую однажды изрядно обработали такой вот штукой, — и она никогда уже не поправилась.

Если Прайор не знает, что у нее в кармане шокер, значит ему не все на свете известно, а ведь он специально пытается заставить ее поверить в его всеведение. Опять же, он ведь не знал, насколько Эдди ненавидит азартные игры.

И к Эдди она особых чувств не испытывала, разве что по-прежнему была уверена, что он мертв. Сколько бы ему ни всучили, он бы все равно не бросил свои чемоданы. Даже если бы пошел покупать новые шмотки, чтобы сменить прикид полностью. Эдди ни о чем так не пекся, как об одежде. А эти крокодиловые чемоданы вообще были особенными: он взял их у гостиничного вора в Орландо, и они, по сути, заменяли ему дом. Если вдуматься, трудно себе представить, чтобы Эдди вообще купился на какие-то — пусть

даже очень большие — отступные, ведь сильнее всего на свете ему хотелось поучаствовать в какой-нибудь крупной игре. Он считал, что, как только это случится, люди начнут воспринимать его всерьез.

«Вот и дождался — наконец кто-то воспринял его всерьез, — подумала Мона, когда Прайор вносил ее сумку в клинику Джеральда. — Только совсем не так, как хотелось Эдди».

Мона оглядела двадцатилетней давности пластиковую мебель, кипы журналов со звездами симстима и японским текстом. Как в парикмахерской. Только никакие клиенты в приемной не ждали, и за регистрационным столиком тоже никого не было.

Тут через белую дверь вошел Джеральд, одетый во что-то вроде комбинезона из жесткой складчатой фольги, вроде тех, какие носят санитары «скорой помощи», выезжающие на дорожные аварии.

— Запри дверь, — бросил он Прайору сквозь синюю бумажную маску, закрывающую нижнюю половину лица. — Привет, Мона. Будь так добра пройти сюда… — Он жестом указал на белую дверь.

Она в отчаянии сжала в руке шокер, но не зна-

ла, как его включить.

Ничего не оставалось, кроме как последовать за Джеральдом. Шествие замыкал Прайор.

— Присядь, — предложил Джеральд.

Она села на белый эмалированный стул. Джеральд подошел ближе, заглянул ей в глаза.

— Тебе надо отдохнуть, Мона. Ты устала, совсем измучена.

На ручке шокера — ребристый рычажок. Нажать? Сдвинуть вперед? Назад?

Джеральд отошел к белому шкафчику с множеством ящиков, что-то вынул.

— Вот, — сказал он, направляя на нее какой-то цилиндрик с надписью на боку, — это тебе поможет…

Она почти не ощутила прикосновения струи мельчайших аэрозольных брызг. Черная дырочка на баллончике — то самое место, на котором стремился сфокусироваться ее взгляд, — начала расти, расти…

Мона вспомнила: однажды старик показывал ей, как убивать сома. У рыбины есть такое отверстие в черепе, прикрытое только кожей. Нужно взять что-нибудь тоненькое и острое, проволоку, например, подойдет даже прут из веника, и просто проткнуть, сунуть внутрь…

Мона вспомнила: Кливленд, обычный день перед работой. Она сидит у Ланетты, листает журнал. Нашла снимок Энджи: звезда смеется в ресторане с какими-то людьми, все так красивы, и кажется, будто от них исходит сияние. На снимке никакого сияния, конечно, нет, но ты знаешь, что оно есть, ты его просто чувствуешь. Взгляни, говорит она Ланетте, показывая снимок, от них как будто сияние исходит.

Это называется деньги, отвечает Ланетта.

Это называется деньги. Сунуть внутрь.

20
Хилтон Свифт

Хилтон — впрочем, как и всегда — прибыл один и без предупреждения. Похожий на одинокую, залетевшую сюда случайно осу, вертолет «Сенснета» приземлился на пляже, разметав по мокрому песку плети водорослей.

Стоя у изъеденных ржавчиной перил, она смотрела, как Свифт спрыгивает на землю — что-то мальчишеское сквозило в том, как он едва не споткнулся от своей неуемной прыти. Коричневое твидовое пальто нараспашку открывало безупречную чистоту полосатой, как карамелька, рубашки; поднятый пропеллером ветер трепал русые волосы и галстук с эмблемками «Сенснета». Робин прав, решила она, Хилтон действительно выглядит так, как будто его одевает мамочка.

Возможно, это просчитанный имидж, наигранная наивность, думала Энджи, пока, увязая в песке, продюсер карабкался вверх по пляжу. Она вспомнила, как однажды Порфир развивал теорию о том, что крупные корпорации на самом деле никак не зависят от отдельных человече-

ских единиц, составляющих их тело. Энджи это казалось само собой разумеющимся, но парикмахер настаивал, что она не улавливает главную его мысль. Свифт был самой значительной из этих Порфировых «человеческих единиц», наделенных властью принимать решения в «Сенснете».

Мысль о Порфире заставила ее улыбнуться. Свифт же, приняв это за приветствие, в ответ просиял от радости.

Он предложил ей ланч в Сан-Франциско; мол, на служебном вертолете они домчат туда в момент. Она отказалась, настояв на том, чтобы развести ему миску супа из швейцарского концентрата и разморозить в микроволновке кирпич ржаного хлеба на закваске.

Глядя, как Хилтон ест, Энджи задумалась о его сексуальной жизни. Хотя ему было далеко за тридцать, продюсер производил впечатление мальчика-вундеркинда, не достигшего половой зрелости. Возникавшие время от времени слухи приписывали ему по очереди все возможные из известных сексуальных наклонностей и еще несколько, которые, по ее мнению, существовали лишь в воображении сплетников. Все это казалось Энджи маловероятным. Она знала Свифта с тех пор, как попала в «Сенснет». Когда она по-

явилась, он уже занимал прочное положение в верхушке производственного отдела, был одним из воротил в команде Тэлли Ишем. Естественно, что такой человек не мог не проявить профессиональный интерес к дебютантке. Если вдуматься, то это, пожалуй, Легба подсунул ее продюсеру: взлет его карьеры был слишком уж очевиден, хотя сама она тогда, наверное, могла и не понимать этого, оглушенная блеском и постоянной сменой статистов и декораций на подмостках «Сенснета».

Бобби, тут же решив, что ему этот человек не нравится, ощетинился врожденной враждебностью барритаунца по отношению к любой власти. Но ему удавалось это скрывать ради ее карьеры. Свифт же встретил их разрыв и отъезд Бобби с явным облегчением.

— Хилтон, — сказала Энджи, наливая ему чашку чая на травах, который он предпочитал кофе, — что может задерживать Робина в Лондоне?

Свифт поднял глаза от дымящейся чашки:

— Думаю, что-то личное. Может, нашел себе нового друга.

Для Хилтона Бобби всегда был «другом» Энджи. «Друзья» же Робина были, как правило, молодыми и спортивными. Сглаженные эротические

эпизоды в их стимах с Робином монтировались из дополнительного метража, подготовленного Континьюити и основательно обработанного впоследствии Рэбелом и его командой по спецэффектам. Энджи вдруг вспомнила ночь, которую они с Робином провели вместе в каком-то доме на южном побережье Мадагаскара, его пассивность и терпение, бьющийся в стену ветер. Это была первая и последняя их попытка, и Энджи подозревала, что Робин просто боится, как бы физическая близость не развеяла иллюзию, которую с таким совершенством проецировал стим.

— Как он отнесся к моему решению лечиться? Он тебе что-нибудь говорил, Хилтон?

— Думаю, он в восторге.

— А мне передали, будто он рассказывает всем и каждому, что я сумасшедшая.

Хилтон закатал рукава полосатой рубашки и распустил галстук.

— Да у Робина даже в мыслях такого не может быть, не то что на языке. Я знаю, как высоко он тебя ценит. А слухи, они и есть слухи. У нас в «Сенснете»…

— Хилтон, где Бобби?

Взгляд его карих глаз будто остановился.

— А разве с этим не покончено, Энджи?

— Хилтон, ты знаешь. Ты должен знать. Тебе положено знать такие вещи. Скажи мне.

— Мы его потеряли.

— Потеряли?

— Его потеряла служба безопасности. Ты права, конечно: после того, как он тебя оставил, за ним, насколько это было возможно, велось тщательное наблюдение. Он вернулся к прежнему образу жизни, — сказал Свифт с оттенком удовлетворения.

— И что же это за образ?

— Я никогда не спрашивал, что вас свело, — ответил продюсер. — Естественно, служба безопасности провела расследование в отношении вас обоих. Он был мелким преступником.

Энджи рассмеялась:

— Он даже на такое не тянул…

— Для человека ниоткуда, Энджи, у тебя были исключительно ловкие агенты, настоящие профессионалы. Тебе ведь известно, что ключевым условием твоего контракта было включение в команду Бобби Ньюмарка.

— Бывали и более странные условия, Хилтон.

— И он получал оклад как твой… компаньон.

— Мой друг.

Неужто Свифт действительно покраснел? Он

отвел глаза и уставился на свои руки.

— Оставив тебя, он уехал в Мексику, точнее — в Мехико. Естественно, служба безопасности отслеживала все его передвижения. Мы не любим терять из виду тех, кто слишком много знает о личной жизни наших звезд. Мехико… там все очень запутано… Мы точно знаем, что он, судя по всему, пытался вернуться к своей предыдущей… карьере.

— Делать деньги на информации, мошенничать через киберпространство?

Он снова поднял на нее глаза:

— Он встречался кое с какими людьми, промышляющими в этой области, известными преступниками.

— И?… Продолжай.

— Потом он… словно растворился. Исчез. Ты хоть немного представляешь себе, что такое Мехико для тех, кто соскользнул за черту бедности?

— А он нуждался?

— Он стал наркоманом. Если верить нашим источникам.

— Наркоманом? И что же он употреблял?

— Я не знаю.

— Континьюити!

Хилтон едва не пролил чай.

— Здравствуй, Энджи.

— Бобби, Континьюити. Бобби Ньюмарк, мой друг, — глядя в упор на Свифта, сказала девушка. — Он уехал в Мехико. Хилтон говорит, он там на что-то подсел. На какой наркотик, Континьюити?

— Извини, Энджи. Это засекреченная информация.

— Хилтон!

— Континьюити, — начал было тот, но закашлялся.

— Здравствуй, Хилтон.

— Служебный канал, Континьюити. У нас имеется такая информация?

— Источники службы безопасности описывают пристрастие Ньюмарка как нейроэлектронное.

— Не понимаю.

— Вроде этих… гм-м… подключенцев, — пояснил Свифт. — Электронная стимуляция мозга.

Энджи внезапно захотелось рассказать Свифту, как она нашла наркотики и инъектор.

Тише, дитя, спокойнее. Голова наполнилась пчелиным гудением… давление изнутри.

— Энджи? Что с тобой? — Он приподнялся со стула, протягивая к ней руку.

— Ничего. Я… расстроена. Извини. Просто нер-

вы. Ты тут ни при чем. Я собиралась рассказать тебе, что нашла киберпространственную деку Бобби. Но ведь ты уже об этом знаешь, правда?

— Может, тебе что-нибудь принести? Воды?

— Нет, спасибо, но, если ты не возражаешь, я ненадолго прилягу. У меня есть кое-какие идеи насчет съемок на орбите, так что хотелось бы услышать твой совет…

— Конечно, конечно. Подремли, а я пока пойду погуляю по пляжу, мы побеседуем потом.

Она наблюдала за ним из окна спальни, смотрела, как коричневая фигурка, делаясь все меньше и меньше, удаляется в направлении Колонии, сопровождаемая маленьким терпеливым «дорнье».

На пустом пляже он казался ребенком и выглядел таким же потерянным, какой она себя чувствовала.

21
«Алеф»

Когда поднялось солнце — электричества все еще не было, — чердак Джентри залило утренним светом. Зимние лучи смягчили очертания консолей и проекционного стола, выявили фактуру корешков старинных книг, заполнявших прогнувшиеся фанерные полки вдоль западной стены. Джентри, не переставая говорить, мерил шагами чердак, петушиный хвост светлых волос подскакивал всякий раз, когда он резко разворачивался на каблуках своих черных ботинок. Возбуждение Джентри, похоже, успешно противостояло остаточному действию Черриных снотворных дермов. Сама Черри сидела на краю кровати, наблюдая за ковбоем, и время от времени бросала осторожные взгляды на показатели датчика зарядки батарей, укрепленного на краю носилок. Слик пристроился на колченогом стуле, который раскопал где-то на Пустоши. Импровизированная набивка из скомканной рваной одежды была обтянута прозрачной пленкой.

К облегчению Слика, Джентри на этот раз опу-

стил привычную белиберду по поводу Образа и прямиком окунулся в свою теорию об «алефе». Как всегда, стоило Джентри завестись, он использовал такие слова и конструкции, что Слик лишь с большим трудом понимал, о чем идет речь, но он по опыту знал, что ковбоя лучше не прерывать. Фокус состоял в том, чтобы выловить из общего потока фраз подобие смысла, пропуская непонятные куски.

Джентри сказал, что Граф подключен, грубо говоря, к гигантскому микрософту. По его мнению, серый брусок в изголовье — это один цельный биочип размерами с приличный булыжник, и тогда объем памяти у этой штуковины практически безграничен. «Алеф» было бы немыслимо дорого изготовить, продолжал Джентри, странно, если кто-то вообще решится на такое, но ходят слухи, что подобные вещи существуют и находят себе применение, особенно для хранения гигантских объемов конфиденциальной информации. Не имея связи с глобальной матрицей, эти данные фактически неуязвимы к любой атаке через киберпространство. Загвоздка, однако, в том, что, поскольку в «алеф» нет доступа через матрицу, это как бы мертвая память.

— У него там может быть все что угодно, — ска-

зал Джентри, остановился и заглянул в пустое лицо. Потом круто повернулся на каблуках и снова начал шагать взад-вперед. — Некий мир. Много миров. Сколько угодно конструктов разных личностей…

— Как будто он живет в стиме? — спросила Черри. — Вот почему он всегда в фазе быстрого сна?

— Нет, — сказал Джентри, — это не симстим. Эта штука полностью интерактивна. Все дело в масштабах. Если это биософт класса «алеф», у него там может быть все что угодно. В некотором смысле эта штука может давать доступ *буквально ко всему на свете*…[94]

— Если я правильно поняла, — сказала Черри, — этот парень платил Малышу Африке за то, чтобы оставаться в таком состоянии. Что-то вроде электронной стимуляции мозга, но не совсем. Подключенцы же не торчат так в БДГ-фазе…

— Но когда ты попытался вывести его программу на свою консоль, — рискнул вставить Слик, — то получил… нечто.

Он увидел, как плечи Джентри напряглись под

---

[94] notes: 94

Ср.: «…Алеф — одна из точек пространства, в которой собраны все прочие точки. á…ñ Место, в котором, не смешиваясь, находятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон» (Х. Л. Борхес. Алеф. Перев. Е. Лысенко).

вышитой бисером кожей куртки.

— Да, — мрачно ответил Джентри, — а теперь мне надо разобраться с «Ядерной комиссией». — Он указал на аккумуляторы бесперебойного питания, уложенные под стальным столом. — Достань-ка мне их.

— Н-да, — протянула Черри, — самое время. У меня уже задница отмерзает.

Оставив Джентри согнувшимся над киберпространственной декой, они вернулись в комнату Слика. Черри настояла на том, чтобы подключить электроодеяло Джентри к одному из аккумуляторов и накрыть лежащего на носилках. На газовой плитке еще оставался холодный кофе; Слик допил его, не разогревая. Черри смотрела в окно на занесенную снегом Пустошь.

— Как оно стало так? — рассеянно спросила девушка.

— Джентри говорит, что лет сто назад тут затеяли проект по землеустройству. Завезли тонны чернозема, но так ничего и не выросло. Бульшая часть земли оказалась токсичной. Затем дождь смыл почвенный слой. Думаю, они сдались и начали сбрасывать сюда все больше дерьма. Здешнюю воду пить нельзя: полным-полно поли-

хлорбифенилов[95] и всего остального.

— А как насчет кроликов, на которых охотится этот ваш птичий мальчик?

— Они к западу отсюда. На Пустоши я никогда их не видел. Здесь даже крыс нет. Во всяком случае, любое мясо, какое здесь удастся достать, приходится проверять и проверять.

— Но птицы тут есть.

— Они только устраиваются на ночевку, а кормиться улетают куда-то еще.

— А что у тебя с Джентри? — Она все еще смотрела в окно.

— В смысле?

— Сперва я решила, что вы голубые. Ну, вместе живете.

— Нет.

— Но все выглядит так, будто вы друг в друге нуждаетесь…

— Это его дом, Фабрика то есть. А он разрешает мне тут жить. Я… должен жить здесь. Чтобы работать.

---

[95] notes: 95

Полихлорбифенил — опасный канцероген, широко использовавшийся в технических жидкостях (добавки к маслам, смазочным материалам, краскам, гидравлическим и трансформаторным жидкостям и т. п.) и до 1980-х гг. не считавшийся стойким загрязнителем, так что жидкости с ним сливались бесконтрольно. Почва, куда попал ПХБ, останется отравленной на столетия.

— Собирать эти штуки внизу?

Зажглась лампочка в конусе из желтого ньюсфакса, защелкал вентилятор в обогревателе.

— Ну, может, он и псих, — протянула Черри, присаживаясь на корточки перед обогревателем и одну за другой расстегивая свои куртки, — но только что сделал хоть что-то разумное.

Поднявшись на чердак, Слик обнаружил, что Джентри сидит ссутулившись на старом офисном стуле и смотрит на светящийся откидной экранчик монитора на своей деке.

— Роберт Ньюмарк, — произнес Джентри.

— А?

— Идентификация по сетчатке глаза. Или это Роберт Ньюмарк, или тот, кто купил его глаза.

— Откуда ты это узнал? — Слик наклонился взглянуть на экран со стандартной таблицей свидетельства о рождении.

Джентри пропустил его вопрос мимо ушей.

— Вот именно. Копни одно, а вляпаешься во что-нибудь совсем другое.

— То есть?

— Кому-то до смерти интересно, а не задаст ли кто-нибудь вопросы о мистере Ньюмарке.

— Кому интересно?

— Не знаю. — Джентри забарабанил пальцами

по обтянутым черной кожей коленям. — Взгляни сюда: почти никакой информации. Родился в Барритауне. Мать — Марша Ньюмарк. У нас есть его ГРЕХ, но явно меченый. — Он отодвинулся вместе со стулом от стола и повернулся так, чтобы видеть неподвижное лицо Графа. — Ну что, Ньюмарк? Это твое настоящее имя?

Он встал и направился к проекционному столу.

— Не надо, — начал было Слик, но Джентри уже нажал на кнопку подачи питания.

И снова на мгновение возникло серое нечто, но на этот раз оно рванулось к центру полусферического дисплея, съежилось там и исчезло. Нет, не исчезло. Крохотный серый шарик завис в самом центре светящегося проекционного поля.

На лицо Джентри вернулась прежняя безумная улыбка.

— Хорошо, — проговорил он.

— Чего хорошего?

— Я понял, что это. Что-то вроде льда. Защитная программа.

— Эта обезьяна?

— У кого-то неплохое чувство юмора. Если обезьяна тебя не напугает, то превратится в горо-

шину…[96] — Он отошел к рабочему столу и начал копаться в одной из седельных сумок. — Сомневаюсь, что им такое удастся с прямой сенсорной связью.

Теперь у него было что-то в руках. Сетка тродов.

— Джентри, не делай этого! Посмотри на него!

— А я и не собираюсь это делать, — улыбнулся Джентри. — Ты сделаешь.

[96] notes: 96

Аллюзия на буддийскую притчу о набравшей пригоршню гороха обезьяне, которая, выронив одну горошину, принялась ее ловить и растеряла весь остальной горох.

22
Призраки и пустота[97]

Глядя в грязное окошко такси, Кумико жалела, что рядом нет Колина с его ехидными комментариями. Но потом вспомнила, что эта ситуация совершенно вне его компетенции. Интересно, подумала девочка, а производит ли «Маас-Неотек» подобные модули для Муравейника и какую форму принял бы в таком случае призрак?

— Салли, — спросила она полчаса спустя, когда они уже въезжали в Нью-Йорк, — почему Петал позволил мне уехать с тобой?

— Потому что он умный.

— А мой отец?

— Твой отец развоняется.

— Прости?

— Будет очень зол. Если, конечно, об этом узнает. А может, и не узнает. Мы здесь ненадолго.

— А зачем мы здесь?

— Мне надо кое с кем переговорить.

---

[97] notes: 97

«Ghosts and Empties» — цитата из песни Пола Саймона «Graceland» с его одноименного альбома 1986 г.: «And my traveling companions / Are ghosts and empty sockets / I'm looking at ghosts and empties» («А мои спутники — призраки и пустые розетки. Я гляжу на призраков и пустоту»).

— А я?

— Тебе тут не нравится?

Кумико помедлила.

— Да нет, нравится.

— Хорошо. — Салли поерзала, устраиваясь поудобнее на продавленном сиденье. — Петалу пришлось нас отпустить. Дело в том, что он не смог бы нас остановить, не поранив одну из нас. Ну, может, не поранив, а, скорее, не оскорбив. Тебя Суэйн мог бы потом успокоить, сказать твоему отцу, что это было сделано для твоего же блага. Но если бы ему удалось заставить меня пойти на попятную, это как потеря лица, понимаешь? Едва увидев Петала с пушкой в руках, я уже знала, что он нас отпустит. Твоя комната прослушивается, как, впрочем, и весь дом. Собирая твою экипировку, я потревожила датчики движения. Чего, собственно, и ожидала. Петал же, в свою очередь, знал, что это я. Вот почему зазвонил телефон — наш друг давал понять, что ему все известно.

— Не понимаю.

— Жест вежливости — чтобы я знала, что он ждет внизу. Давал мне шанс передумать. Но у него не было выбора, и он это понимал. Видишь ли, Суэйна вынуждают кое-что сделать, или, во всяком случае, он так говорит. Что до меня, то мне

определенно выкручивают руки. И тут мне стало любопытно, а насколько на самом деле я Суэйну нужна. Как выясняется, нужна, и даже очень. Потому что мне позволяют уйти, прихватив с собой дочь оябуна, привезенную в такую даль в целях безопасности. Сдается мне, есть что-то такое, чего Суэйн до смерти боится, причем боится гораздо больше, чем твоего папочку. Возможно, это «что-то» — или «кто-то» — способно дать ему много больше, чем уже дал твой отец. Во всяком случае, то, что я тебя увезла, отчасти выравнивает счет. Как бы ответный удар. Ты не против?

— Но тебе угрожают?

— Кое-кто слишком много знает, что я делала в этой жизни.

— И Тик выяснил, кто это?

— Да. Пожалуй, я и так это знала. Но хотелось бы ошибиться.

Фасад выбранного Салли отеля был обшит проеденными ржавчиной стальными панелями, каждая из которых крепилась блестящими хромированными болтами, — этот стиль Кумико знала еще по Токио и считала его несколько старомодным.

Их номер был просторным и серым — повсюду десятки оттенков серого цвета. Салли заперла

дверь, прошла прямо к кровати и, сняв куртку, легла.

— У тебя нет сумки, — заметила Кумико.

Салли села, чтобы расшнуровать ботинки.

— Я могу купить все, что мне понадобится. Устала?

— Нет.

— А я устала.

Салли стянула через голову черный свитер. Груди у нее были маленькие, с коричневато-розовыми сосками; чуть ниже левого соска начинался старый шрам, который исчезал за поясом джинсов.

— Тебя когда-то ранили? — спросила Кумико, глядя на шрам.

Салли тоже посмотрела на шрам:

— Ага.

— А почему ты не пошла в клинику, чтобы его удалили?

— Иногда неплохо иметь зарубку на намять.

— О том, как тебе было больно?

— О том, как я была глупа.

Серое на сером. Не в силах спать, Кумико вышагивала по серому ковру. Девочке чудилось здесь что-то вампирическое. Нечто, роднящее комнату с миллионами подобных комнат в сотнях отелей

по всему миру. Одноячейцевая анонимность гостиничного номера будто высасывала из Кумико индивидуальность, фрагменты которой всплывали повышенными при ссоре голосами родителей, лицами одетых в черное секретарей отца…

Во сне лицо Салли превратилось в гладкую маску. Вид из окна вообще ничего не говорил Кумико: ясно было только то, что она смотрит на какой-то город, который не Токио и не Лондон, — бескрайнее столпотворение людей и зданий, новая ступень видовой эволюции, воплотившая парадигму урбанистической реальности ее века.

Возможно, Кумико тоже удалось подремать, хотя сама она не была в этом уверена. Она смотрела, как Салли заказывает туалетные принадлежности и белье с клавиатуры прикроватного видеомодуля. Покупки доставили, пока Кумико принимала душ.

— О'кей, — услышала она из-за двери голос Салли, — вытирайся, одевайся. Пойдем повидаемся кое с кем.

— С кем? — спросила Кумико, но Салли ее не расслышала.

Гоми.

Тридцать пять процентов прибрежного Токио выстроено на гоми, на выровненных площадках,

отвоеванных у залива за века систематического сваливания и утрамбовки мусора. У нее дома гоми был ресурсом, требующим сбора, сортировки, прессовки — использования, одним словом.

Взаимоотношения Лондона и гоми уловить было сложнее. На взгляд Кумико, изрядная часть города состояла из гоми — зданий, которые японская экономика уже давно поглотила бы в своей неуемной жажде пригодных для застройки пространств. Но даже маленькой японке лондонские дома позволяли различить ткань времени: каждая стена была залатана поколениями рук в бесконечном процессе обновления. Англичане ценили свой гоми сам по себе, совсем на иной лад (Кумико только-только начинала постигать это): они населяли его.

Гоми в Муравейнике был чем-то третьим: богатый гумусом, перегноем, прорастающий человеческим талантом и чудесами из полимеров и стали. Кумико поразило уже одно только отсутствие очевидной планировки — это шло вразрез тому, как ее привычная культура ценила эффективное использование земли.

Их поездка в такси из аэропорта яснее ясного показала, какой здесь царит распад: целые кварталы стояли в руинах, то тут, то там над

замусоренными тротуарами разевали пасти пустые оконные проемы. Напряженные лица, настороженные взгляды вслед проехавшему мимо ховеру.

Салли внезапно окунула ее во всю странность этого места, с его гниением и беспорядочным нагромождением вросших в землю башен, которые были выше любого здания в Токио. Эти монументы корпораций пронзали закопченное кружево перекрывающихся куполов.

Еще две пересадки из такси в такси — и вот они с Салли уже на улице, в гуще предвечерней толпы и косых теней. Воздух был холодным, но без примеси лондонской сырости, и Кумико вспомнились гроздья цветов в парке Уэно.

Первая их остановка была в просторном, хотя и слегка поблекшем баре с вывеской «Джентльмен-неудачник», где Салли вполголоса обменялась с барменом несколькими быстрыми фразами.

Они ушли, не заказав выпивки.

— Призраки, — задумчиво сказала Салли, поворачивая за угол.

Кумико старалась держаться к ней поближе. С каждым кварталом улицы становились все безлюднее, а здания — все более темными и запущенными.

— Прости?

— Да мне тут всюду мерещатся призраки прошлого — или, по крайней мере, должны мерещиться.

— Ты знаешь это место?

— Конечно. Выглядит все примерно так же, но иначе, понимаешь?

— Нет…

— Со временем поймешь. Когда найдем того, кого я ищу, прикинься паинькой. Говори, только если тебя спросят, а лучше помалкивай.

— Кого мы ищем?

— Одного человека. Или, по крайней мере, то, что от него осталось…

Полквартала спустя на какой-то мрачной пустынной улочке — если не считать проезда у дома Суэйна под саваном полночного снега, Кумико еще никогда не доводилось видеть улицу без единого человека — Салли остановилась возле древней, ничем не примечательной с виду лавки. Обе ее витрины серебрились изнутри толстым ковром пыли. Заглянув внутрь, Кумико увидела стеклянные трубки букв неработающей неоновой вывески: «МЕТРО» — и дальше еще какое-то длинное слово. Дверь между витринами была укреплена листом рифленой стали. Через равные

промежутки из нее выступали ржавые головки болтов, обмотанные провисшими отрезками бритвенно-острой проволоки цвета окалины, будто через нее некогда пропускали ток.

Салли, встав лицом к двери, расправила плечи и выдала серию мелких стремительных жестов.

Кумико с удивлением уставилась на нее, а Салли тем временем повторила свои странные действия.

— Салли?

— Язык жестов, — оборвала ее Салли. — Я же сказала тебе заткнуться, так?

— Да-а-а? — Голос чуть громче шепота возник словно из ниоткуда.

— Я уже все тебе сказала, — отрезала Салли.

— Не знаю я этого вашего языка.

— Я хочу поговорить с ним. — Голос Салли звучал размеренно и жестко.

— Он умер.

— Я знаю.

Последовало молчание, и до Кумико донесся звук, который вполне можно было принять за ветер — холодный, наполненный песком ветер, рыщущий среди дырявых геодезических куполов над головой.

— Его тут нет, — сказал голос и, похоже, стал

исчезать. — Повернешь за угол, потом через полквартала налево в переулок.

Этого переулка Кумико никогда не забыть. Темный кирпич скользких от сырости стен. Укрытые колпаками люки вентиляторов отрыгивают потоки сгущенной пыли. Желтая лампочка в сетке из окислившегося сплава. Низкая поросль пустых бутылок у основания стен справа и слева. Гнезда из мятых ньюсфаксов и кусков упаковочного пенопласта с отпечатками человеческих тел. И перестук Саллиных каблуков.

За тусклым свечением лампочки — полная тьма, хотя отраженный мокрым кирпичом свет позволял разглядеть стену в конце: тупик. Кумико помедлила, напуганная внезапно проснувшимся эхом, шуршанием, мерным перестуком водяных капель…

Салли подняла руку. Узкий ослепительный луч, выхватив четкий круг испещренного корявыми надписями кирпича, мягко соскользнул вниз.

Он опускался до тех пор, пока не нащупал у основания стены какой-то предмет: блеснувший тусклым металлом вертикальный округлый прибор на подставке, который Кумико ошибочно приняла за еще один вентилятор. Перед ним приютились огарки белых свечей, плоская

пластиковая фляжка с прозрачной жидкостью, коллекция сигаретных пачек, дюжина сигарет россыпью и замысловатая многорукая фигурка, нарисованная чем-то белым, похожим на истолченный мел.

Салли сделала шаг вперед. Луч даже не дрогнул. Кумико увидела, что этот бронированный предмет крепится к кирпичной стене массивными скобами.

— Финн?

В ответ — мгновенная вспышка розового света из горизонтальной прорези.

— Эй, Финн, приятель… — с непривычной заминкой в голосе повторила женщина.

— Молл. — Скрежет, как будто звук проходит через испорченный динамик. — Зачем тебе фонарь? Линзы у тебя еще на месте? Что, стареешь и уже не видишь в темноте?

— Это ради моей подруги.

Что-то шевельнулось за прорезью, это что-то было нездорового розового оттенка, как пепел тлеющей сигареты на полуденном солнце, и лицо Кумико омыло волной колеблющегося света.

— Понятно, — проскрипел голос. — И кто же она?

— Дочь Янаки.

— Ничего себе.

Салли опустила фонарь. Луч упал на свечи, фляжку, сырые серые сигареты, выведенную чем-то белым фигурку с похожими на крылья руками.

— Угощайся подношениями, — сказал голос. — Вон там — пол-литра «Московской». А колдовскую закозюку сделали мукой. Не свезло, извини; богатенькие пижоны рисуют кокаином.

— Господи, — отстраненно сказала Салли, присев на корточки. — Просто поверить не могу.

Кумико смотрела, как она подбирает фляжку и нюхает содержимое.

— Хлебни. Недурное пойло. Должно быть хорошим — на оракуле-то народ ссыт экономить. Если соображения хватает.

— Финн, — начала было Салли, потом взболтала фляжку и, глотнув, тылом руки вытерла рот, — ты просто псих.

— Если бы так. Эту халабуду приходится нехило вздрючивать, чтобы извлечь хоть немного фантазии, не говоря уже о безумии.

Кумико подошла ближе и присела на корточки рядом с Салли.

— Это конструкт? — спросила та, отставив фляжку с водкой на мостовую, и тронула сырой

порошок кончиком перламутрового ногтя.

— Конечно. Ты их и раньше видела. Хочу — вспоминаю реальный мир, хочу — врубаюсь в киберпространство. И эту фигню с оракулом я замутил для того, чтобы не совсем отстать от жизни, понимаешь? — Прибор издал странный звук: смех. — Любовные неприятности? Злая женщина тебя не понимает? — Снова скрежещущий смех, похожий на раскаты статики. — На самом деле я, скорее, бизнес-консультант. А это добро оставляют здесь местные ребятишки. Вроде как добавляет мистики к антуражу. Иногда подваливает какой-нибудь скептик, решает мудило угоститься тут у меня на халяву. — Из прорези полыхнула тонкая, как волосок, алая линия, и где-то справа от Кумико взорвалась бутылка. И снова смех статики. — Так что привело тебя сюда, Молл? Тебя и, — розовый свет опять скользнул по лицу девочки, — дочь Янаки?

— Рейд на виллу «Блуждающий огонек», — сказала Салли.

— Давно это было, Молл…

— Она охотится за мной, Финн. Четырнадцать лет прошло, а этой суке психованной все неймется…

— Так, может, ей больше заняться нечем? Ты

же знаешь, какие они, эти богатенькие…

— Где Кейс, Финн? Возможно, ей нужен он…

— Кейс — вне игры. Пару-тройку раз сорвал приличный куш после того, как вы расстались, и завязал подчистую. Сделай ты то же самое, не морозила бы сейчас свои прелести в тупике, а? Последнее, что я о нем слышал, — у него четверо детей…

Следя за гипнотическим покачиванием сканирующего розового уголька, Кумико худо-бедно сообразила, с кем или с чем говорила Салли. В кабинете ее отца были похожие предметы: четыре черных лакированных кубика, расставленных на длинной сосновой полке. Над каждым кубиком висел официальный портрет. Черно-белые фотографии мужчин в темных костюмах и с галстуками; четыре очень серьезных джентльмена. Лацканы их пиджаков украшали маленькие металлические эмблемы, отец тоже иногда такую носил. Хотя мать ей и рассказывала, что в кубиках заключены призраки, духи злых предков отца, Кумико они скорее притягивали, чем пугали. Если в них сидят призраки, рассуждала она, то наверняка эти духи очень маленькие, ведь в кубик и голова ребенка не поместится.

Иногда отец подолгу медитировал перед ку-

биками, преклонив колени на татами в знак глубочайшего почтения. Девочка не раз видела его в этой позе, но лишь когда ей исполнилось десять лет, она однажды услышала, как он обращается к ним вслух. И один ответил. Вопрос показался Кумико бессмысленным, а уж ответ — тем более, но размеренный голос духа заставил ее замереть, скорчившись за бумажной ширмой. Отец потом очень смеялся, найдя ее там, и, вместо того чтобы отругать дочь, объяснил, что кубики служат жилищами для записанных личностей прежних директоров корпорации.

— Это их души? — спросила девочка.

— Нет, — с улыбкой ответил отец и добавил, что различие тут очень тонкое: — У них нет сознания. Они отвечают на заданный вопрос примерно так же, как ответили бы при жизни. Если уж они призраки, то что тогда говорить о голограммах.

После лекции Салли об истории и иерархии якудза в робата-баре на Эрлз-Корт Кумико решила, что каждый из мужчин на фотографии, каждый из этих записанных личностей был в свое время оябуном.

Существо в бронированном футляре, наверное, имеет сходную природу, размышляла про себя девочка, ну, может быть, немного более сложную.

Точно так же, как Колин — просто более сложная версия «мишленовского» гида, какой носили с собой секретари отца в их экспедициях за покупками в Синдзюку.

Салли звала его Финн. И было ясно, что когда-то этот Финн был ей то ли другом, то ли деловым партнером.

Интересно, подумала Кумико, а бодрствует ли он, когда тупик пуст? Сканирует ли его лазерный взгляд беззвучное кружение полночного снега?

— Европа, — сказала Салли. — Отколовшись от Кейса, я исколесила весь континент. После того рейда денег было хоть завались, по крайней мере, так мне тогда казалось. ИскИн Тессье-Эшпулов выплатил все через швейцарский банк. Он же стер все следы того, что мы когда-либо поднимались вверх по колодцу. В смысле, вообще все: скажем, из списка пассажиров шаттла «Джей-Эй-Эль» имена, под которыми мы тогда путешествовали, просто исчезли. Кейс все проверил, когда мы вернулись в Токио, пошарился по самым разным базам данных — такое впечатление, что ничего из этого просто не происходило. Я не знаю, как такое возможно, будь ты хоть ИскИн, хоть кто, но ведь никто так на самом деле и не понял, что случилось наверху, когда Кейс

прорубился тем китайским ледорубом к их ядру.

— ИскИн потом пытался на вас выйти?

— Понятия не имею. Кейс считал, что он ушел — не исчез, а именно ушел, растворился во всей матрице в целом. Как будто он перестал существовать *в* киберпространстве, стал им самим. Если ИскИну не хочется, чтобы его увидели, чтобы знали о его присутствии, ну, тогда, думаю, нет никакой возможности его обнаружить. И нет никаких шансов доказать это кому-то еще, даже если ты что-то знаешь… Что до меня, я ничего не желала знать. В смысле, что бы там ни случилось, я думала, с этим покончено. Армитидж мертв, Ривьера мертв, Эшпул мертв, пилот-растаман, который возил нас туда на буксире, вернулся к себе в кластер Сион и, вероятно, решил, что ему все почудилось по обкурке… Я оставила Кейса в токийском «Хайятте» и никогда больше его не видела…

— Почему?

— Кто знает? Да ни почему. Я была молода, и вообще казалось, что все позади.

— Но *ее* вы ведь оставили там, наверху. В «Блуждающем огоньке».

— Вот именно. И время от времени я раздумываю над этим. Финн, когда мы уходили, было

такое впечатление, что ей на все наплевать. Наплевать, что я за нее убила ее больного сумасшедшего отца, а Кейс взломал их защиту и выпустил в матрицу их ИскИн… Но я занесла ее в список, так? Когда однажды на тебя сваливаются по-настоящему крупные неприятности, когда тебя достают, ты проходишься по такому списку.

— И ты с самого начала вычислила ее?

— Нет. Список у меня довольно длинный.

Кейс, который, как показалось Кумико, был для Салли чем-то бульшим, нежели просто деловой партнер, больше в рассказе не появлялся.

Сидя на корточках рядом с Салли и слушая рассказ о четырнадцати годах ее жизни, сжатых ради Финна в стремительное стаккато мест и событий, Кумико вдруг обнаружила, что воображает себе молодую Салли этакой *бисёнен*[98], героиней традиционного романтического видеофильма: трагичной, элегантной и смертельно опасной. Кумико с трудом поспевала за деловито-сухой манерой Салли излагать свою жизнь. Слишком много ссылок на места и вещи, которые девочке ничего не говорили. Зато так легко было представить себе, как Салли мановением

[98] notes: 98

Bishonen *(яп.)* — красивый юноша. Стереотипный шаблон мужских персонажей в манге и аниме, женственно красивый.

руки добивается внезапных и блестящих побед, как и положено бисёнен. Нет, подумалось ей, когда Салли отмахнулась от «неудачного года в Гамбурге» (тут в ее голосе вдруг зазвучал гнев — застарелый гнев, ведь с тех пор прошло десять лет), нельзя оценивать эту женщину в японских понятиях. Никакая она не ронин, нет в ней ничего от странствующего самурая; Салли и Финн говорили о бизнесе.

Насколько Кумико сумела понять, тот трудный год в Гамбурге наступил для Салли после того, как она получила и потеряла кучу денег. Получила — как свою долю в «деле наверху», в том месте, которое Финн назвал «Блуждающим огоньком», — в партнерстве с мужчиной по имени Кейс. При этом она нажила себе врага.

— Гамбург, — перебил Финн, — я слышал рассказы о Гамбурге…

— Деньги закончились. Так оно всегда и бывает, когда сшибаешь большой куш по молодости… Без денег — вроде как возвращаешься в свое нормальное состояние, но я уже успела связаться с теми людьми из Франкфурта, оказалась по уши перед ними в долгу, а они хотели получить по счетам натурой, моим ремеслом.

— Каким ремеслом?

— Хотели, чтобы я кое-кого порезала.

— А дальше?

— Я завязала. Как только смогла. Уехала в Лондон…

Возможно, решила Кумико, что Салли когда-то и походила на ронина, была кем-то вроде странствующего самурая. Однако в Лондоне она стала совсем другой, стала деловой женщиной. Обеспечивая себя неким неназванным способом, она постепенно превратилась в спонсора, субсидирующего различные деловые операции. (Что такое «спускать кредит»? Что значит «отмывать данные»?)

— Да уж, — протянул Финн, — неплохо поработала. Заполучила долю в каком-то немецком казино.

— «Экс-ля-Шапель»[99]. Я входила в правление. Да и до сих пор там, если добуду нужный паспорт.

— Остепенилась? — Снова смех.

— Да уж конечно.

— Не много о тебе было слышно в те времена.

---

[99] notes: 99

Экс-ля-Шапель — французское название немецкого города Ахен в Северной Рейн-Вестфалии, происходящее от названия императорской капеллы, построенной там в конце VIII в. по приказу франкского императора Карла Великого, святого покровителя города.

— Управляла казино. Вот и все. Жила неплохо.

— Бои без правил. Мисти Стил — Туманная Сталь, вес пера плюс имплантаты. Восемь боев. Я ставил на пяти из них. Кровавый спорт, дорогуша. Все нелегальные.

— Хобби.

— Хорошенькое хобби. Я видел записи. Тот малыш-бирманец прямо-таки вскрыл тебя, с цветом и звуком…

Кумико вспомнила длинный шрам.

— Поэтому я завязала. Пять лет назад, а я и так уже была лет на пять старше, чем положено.

— Ты выглядела неплохо, но Туманная Сталь… Господи Исусе.

— Не цепляйся. Не я же придумала это погоняло.

— Хорошо-хорошо. Расскажи-ка о нашей подруге сверху. Как она вышла на тебя?

— Через Суэйна. Роджера Суэйна. Однажды заявляется ко мне в казино шестерка этого ублюдка — косит под крутого, звать Прайор. С месяц назад.

— Лондонский Суэйн?

— Он самый. А у Прайора для меня подарок — с метр распечатки. Список. Имена, даты, места.

— Много?

— Всё. Даже то, что я почти позабыла.

— И «Блуждающий огонек»?

— Всё. Так вот, собрала я манатки — и в Лондон к Суэйну. Он, такой, ему, мол, очень жаль, что он так меня прессует, сам бы он ни-ни. Но кто-то так же прессует его. У него тоже есть из-за чего нервничать — собственный метр распечатки.

Кумико услышала, как каблуки Салли проскрежетали по мостовой.

— Чего он хочет?

— Украсть кого-то тепленьким. Некую знаменитость.

— А почему ты?

— Да ладно, Финн, затем я к тебе и пришла. Спросить у тебя об этом.

— Насчет три-Джейн тебе сказал Суэйн?

— Нет. Это сказал мой компьютерный ковбой в Лондоне.

У Кумико заболели колени.

— А малышка? Где ты ее подцепила?

— Она объявилась однажды вечером в доме Суэйна. Янака решил убрать ее из Токио. Суэйн ему должен — гири, и все такое.

— Во всяком случае, она чиста, никаких имплантатов. Судя по тому, что до меня доходит из Токио, у Янаки забот по горло…

Кумико поежилась в темноте.

— Что за знаменитость им нужна? — продолжал Финн.

Кумико почувствовала, что Салли медлит.

— Анджела Митчелл.

Безмолвно качается розовый метроном — слева направо, справа налево.

— Здесь холодно, Финн.

— Да уж. Хотелось бы мне это почувствовать. Я просто сделал небольшую пробежку тебя же ради. По Мемори-лейн. Ты много знаешь о том, откуда взялась эта Энджи?

— Нет.

— Я нынче кошу под оракула, дорогуша, а не под научную библиотеку… Так вот, ее отцом был Кристофер Митчелл. Большой мозг в «Маас-Биолабс», главный по биочипам. Она выросла в их закрытом городке в Аризоне, так сказать, дочь компании. Лет примерно семь назад там что-то стряслось. Поговаривают, что «Хосака» снарядила целую гоп-компанию, помочь Митчеллу сменить крышу. Ньюсфаксы писали, что во владениях «Мааса» произошел взрыв на мегатонну, но никто так и не обнаружил никакой радиации. И наемников «Хосаки» тоже не нашли. «Маас» же объявил, что Митчелл мертв, самоубийство.

— Это библиотека. А что знает оракул?

— Слухи. Ничего, что выстраивалось бы в единую картинку. Говорят, девица объявилась тут день или два спустя после взрыва в Аризоне, связалась с какими-то очень чудны`ми негритосами из Нью-Джерси.

— Чем они занимались?

— Шустрили по-всякому. В основном железо, софт. Купля-продажа. Иногда брали кое-что и у меня…

— И что в них было такого чудно`го?

— Они были колдуны. Считали, что в матрице полно мамбо и всяких прочих тварей. И знаешь, что я тебе скажу, Молл?

— Что?

— Они были правы.

23
Свет мой, зеркальце

Она очнулась, будто кто-то щелкнул переключателем.

Не открывать глаза. Слышно, как в соседней комнате переговариваются. Болело в разных местах, но ненамного хуже, чем после магика. Черный отходняк уже отпустил, или, может, его заглушило тем, что ей вкатили, этим аэрозолем.

Бумажный халат царапал соски, они почему-то казались большими и чувствительными, а грудь — полной. По лицу извивались тоненькие ниточки боли, двойной тупой болью стягивало глазницы, во рту будто все воспалено, к тому же привкус крови.

— Я не собираюсь учить тебя жить, — говорил Джеральд. Его голос едва перекрывал плеск воды из крана и позвякивание металла, как будто Джеральд мыл кастрюли или что-то вроде этого. — Но неужели ты не видишь, что она сможет обмануть только того, кто и так желает быть обманутым? Что ни говори, это очень поверхностная работа.

Прайор что-то сказал в ответ, но Мона не разо-

брала, что именно.

— Я сказал «поверхностная», а не «халтурная». Качество — профессиональное. Двадцать четыре часа на дермальном стимуляторе, и никому даже в голову не придет, что она побывала в клинике. Держи ее на антибиотиках, но ничего возбуждающего, ее иммунной системе и без того до нормы как до луны.

Потом снова Прайор, и опять она не поняла ни слова.

Открыла глаза, но увидела только потолок, белые квадраты звуконепроницаемой плитки. Повернула голову влево. Белая пластиковая стена с этим дурацким ложным окном: высококачественная анимация какого-то пляжа — всякие там пальмы и волны. Если смотреть на воду достаточно долго, заметишь, что накатывающие на песок волны через некоторое время начинают повторяться. Похоже, что устройство повреждено или сносилось: прибой время от времени как будто запинается, да и красный закат над морем пульсирует, словно дефектная флюоресцентная трубка.

Попробуем вправо. Снова поворот головы. Прикосновение к шее пропитавшейся потом бумажной наволочки на жесткой синтетической

подушке.

С койки напротив на нее смотрело лицо с синяками вокруг глаз, нос охвачен скобками из прозрачного пластика, поверх него — пленка из микропоры, по щекам размазано какое-то коричневое желе…

Энджи. Это лицо Энджи, обрамленное отражением заикающегося заката за дефектным «окном».

— Кости мы не трогали, — говорил Джеральд, осторожно отдирая пленку, которая удерживала маленькую пластмассовую скобу вдоль переносицы Моны, — в этом-то вся и прелесть. Мы вживили в нос хрящ, введя его через ноздри, потом взялись за зубы. Улыбнись. Прекрасно. Нарастили грудь, надстроили соски клонированной эректильной тканью, потом подкрасили глаза… — Он снял скобу. — В ближайшие двадцать четыре часа постарайся не касаться лица.

— У меня от этого синяки?

— Нет. Синяки — вторичная травма от работы с хрящом. — Пальцы Джеральда на лице казались прохладными и уверенными. — К завтрашнему дню пройдет.

В Джеральде ничего стремного. Он дал ей три дерма, два синих и один розовый, такие гладкие и

успокаивающие… А вот Прайор очень стремный, но он ушел, во всяком случае, его нигде не видно. Так приятно просто лежать и слушать, как Джеральд объясняет, что сделал, своим спокойным голосом. И поглядите только, что он умеет.

— Веснушки, — сказала Мона, потому что веснушки со щек исчезли.

— Подтерли абразивом и вживили еще немного клонированной ткани. Они вернутся. Чем больше времени ты будешь на солнце, тем скорее…

— Она такая красивая… — Мона повернула голову.

— Ты, Мона. Это — ты.

Она поглядела на лицо в зеркале и примерила ту самую знаменитую полуусмешку.

Возможно, Джеральд все же не лучше Прайора.

Снова вернувшись на узкую белую койку, куда ее положили отсыпаться, Мона подняла руку, чтобы взглянуть на дермы. Транквилизаторы. Все так и плывет.

Подцепив розовый дерм ногтем, она сорвала его, прилепила на белую стену и с силой надавила большим пальцем. Вниз сбежала одинокая капля соломенного цвета. Мона осторожно сковырнула дерм со стены и вернула на руку. В синих жидкость оказалась молочно-белой. Их она тоже

вернула на место. Может, врач и заметит, но ей хотелось знать, что происходит.

Мона посмотрела на себя в зеркало. Джеральд сказал, что сможет вернуть ей прежнюю внешность, если она когда-нибудь этого захочет. Тогда она еще удивилась, что он запомнил, как она выглядела. Может быть, он сделал снимок или еще что. Теперь, если вдуматься, нет уже никого, кто бы помнил, как она выглядела раньше. Она прикинула, что, возможно, единственным вариантом в этом случае была бы стим-дека Майкла, но она не знала ни его адреса, ни даже фамилии. Странное чувство — как будто та, кем она была раньше, выскочила на минутку на улицу, да так и не вернулась. Тут Мона закрыла глаза и сказала себе, что твердо знает: она — это она, Мона, всегда была Моной, и по большому счету ничего не изменилось, во всяком случае за фасадом.

Ланетта говорила, что не имеет значения, как ты меняешь себя. Однажды Ланетта проговорилась, что у нее не осталось и десятой части того лица, с которым она родилась. Даже не подумаешь, ну если не считать черного на веках, так что ей никогда не приходилось возиться с тушью. Мона тогда еще подумала, что Ланетте сделали не такую уж хорошую операцию, и, должно быть,

это как-то отразилось в ее взгляде, потому что Ланетта сказала: «Поглядела бы ты на меня до того, дорогуша».

А вот теперь и она, Мона, лежит пластом на узкой койке в Балтиморе, и все, что ей известно об этом городе, ограничивается завыванием сирен на улице да гудением вентилятора Джеральда.

Не понять как, но это гудение перешло в сон, и как долго она спала, Мона не знала. А потом возле койки оказался Прайор, его рука лежала у нее на плече, и он спрашивал, не хочет ли она есть.

Мона смотрела, как Прайор сбривает бороду. Он делал это над хирургической раковиной из нержавейки. Сперва подрезал бороду хромированными ножницами, потом взялся за пластмассовый одноразовый станок, который позаимствовал из коробки Джеральда. Странно было видеть, как на свет появляется его лицо. Лицо оказалось совсем не таким, как она ожидала: моложе. Но рот остался прежним.

— Мы здесь еще надолго, Прайор?

Перед тем как начать бриться, он снял рубашку. По плечам и рукам вниз до локтя сбегали вытатуированные драконы с львиными головами.

— Пусть это тебя не волнует.

— Скучно.

— Мы достанем тебе стимы.

Он брил подбородок.

— Как выглядит Балтимора?

— Отвратительно. Как и все остальное.

— А Англия?

— Отвратительно.

Он вытер лицо толстым комом синей впитывающей салфетки.

— Может, пойдем поедим крабов? Джеральд говорит, тут чудесные крабы.

— Ага, — отозвался он. — Я принесу. — И выбросил синий ком в стальную мусорную корзину.

— А как насчет того, чтобы я пошла с тобой?

— Нет. Вдруг ты попытаешься сбежать.

Рука Моны скользнула между стеной и койкой и нащупала проделанную в темперлоне ямку, куда она спрятала шокер. Свою одежду она уже успела обнаружить в белом пластиковом пакете под койкой. Каждые два часа приходил Джеральд со свежими дермами. Она сколупывала их сразу после его ухода. Мона рассчитывала, что если удастся уговорить Прайора с ней поужинать, то в ресторане она рванет когти. Но Прайор не поддавался.

В ресторане ей, возможно, удалось бы и копа вызвать, ведь теперь, как Моне казалось, она

сообразила, в чем заключалась «сделка».

Снафф. Ланетта ей о таком рассказывала. Есть мужики, которые готовы платить за то, чтобы внешность девушки перекроили под кого-то, а затем убивают ее. Обязательно богатые, по-настоящему богатые. Не Прайор, конечно, а кто-то, на кого он работает. Ланетта говорила, эти мужики иногда устраивают так, чтобы девушки выглядели как, скажем, их жены. Тогда Мона в это не поверила. Ланетта любила рассказывать страшные истории просто потому, что приятно бояться, зная, что тебе самой ничего не грозит. И уж историй об извращенцах у Ланетты было полно. Она говорила, что пиджаки из них изо всех самые сумасшедшие. Естественно, крутые пиджаки, те, что в правлениях больших компаний, — они ведь не могут себе позволить сорваться на работе. Но когда не на работе, говорила Ланетта, они могут срываться, как только захотят. И что, если какой-нибудь большой пиджак наверху пожелал так сорваться на Энджи? Ладно, многие девушки из кожи вон лезут, чтобы стать на нее похожей, но результат выходит в основном жалкий. Мона не встречала еще ни одну действительно похожую на звезду настолько, чтобы одурачить кого-то, кому не все равно. Но может быть, нашелся кто-то,

кто заплатил за все это, просто чтобы заполучить девушку, которая выглядела бы как Энджи. И опять же, если дело не в убийстве, зачем она ему?

Прайор застегивал голубую рубашку. Потом подошел к постели и сдернул простыню, чтобы посмотреть на ее грудь. Будто осматривал автомобиль. Мона рывком натянула простыню обратно.

— Я принесу крабов.

Он накинул пиджак и ушел. Мона слышала, как по пути он что-то сказал Джеральду.

В дверном проеме возникла голова доктора.

— Как ты, Мона?

— Есть хочу.

— Чувствуешь себя расслабленно?

— Угу…

Снова оставшись одна, она перекатилась на бок и стала изучать свое лицо — лицо Энджи, но теперь и ее тоже — в зеркальной стене. Синяки почти сошли. Джеральд прилепил ей на лицо такие штучки, похожие на миниатюрные троды, и подключил их к какой-то машине. Сказал, что так быстрее заживет.

На этот раз она не подскочила, завидев в зеркале лицо звезды. Зубы были прекрасны: такие кому угодно захочется сохранить. А что касается

всего остального, Мона пока не была особо уверена, еще надо подумать.

Может, сейчас надо встать, одеться и пойти к выходу. Если Джеральд попытается ее остановить, она воспользуется шокером. Тут Мона вспомнила, как Прайор объявился в мансарде у Майкла — будто кто-то все время за ней следил, ходил за ней по пятам всю ночь. Возможно, и сейчас снаружи кто-то дежурит. В клинике Джеральда, похоже, нет окон, настоящих окон, так что выходить придется через дверь.

И ей до зарезу был нужен магик. Но если она хоть чуть-чуть дохнет, Джеральд это заметит. Мона знала, что ее косметичка здесь, в пакете под койкой. Может, думала она, если немного принять, она хоть на что-нибудь да решится. Но, с другой стороны, есть вероятность, что это будет совсем не то, что ей нужно. Не всегда и не все, что она проделывала под магиком, срабатывало. Даже если он создает ощущение, что промашки просто не может быть.

Как бы то ни было, хочется есть. Жаль, что у Джеральда тут ни музыки, ничего, так что, пожалуй, она подождет крабов…

24
В безлюдном месте[100]

И вот перед ним стоит Джентри, и в глазах у него пылает Образ, и он протягивает ему сетку тродов под безжалостным сиянием голых лампочек. И говорит он Слику, почему все должно быть так, а не иначе, почему Слик должен надеть троды и напрямую подключиться к тому, что серая хреновина вводит в мозг неподвижного тела на носилках, что бы это ни было.

Слик покачал головой, вспоминая, как набрел на Собачью Пустошь. А Джентри, приняв этот жест за отказ, стал говорить еще быстрее.

Джентри говорил, что Слик вроде бы как отключится, но совсем ненадолго, ну, может, на несколько секунд, пока он, Джентри, не зафиксирует информацию и не выстроит общий контур макроформа. Ведь Слик не знает, как это сделать, продолжал ковбой, иначе бы он, Джентри, под-

---

[100] notes: 100

«In a Lonely Place» — одна из последних песен группы *Joy Division*; игралась только на репетициях, а после смерти лидера группы Иэна Кертиса перекочевала в репертуар группы *New Order*, возникшей на осколках *Joy Division*. Выпущена в марте 1981 г. на оборотной стороне «Ceremony», первого сингла новой группы.

ключился сам; да и не нужна ему информация из этого мегабиочипа, ему нужно только общее представление, ведь именно оно может привести его к Образу, к той главной цели, за которой он гонялся столь долго.

А Слик вспоминал, как пересек Пустошь пешком. Он тогда боялся, что в любой момент может вернуться синдром Корсакова и он забудет, где находится, и напьется канцерогенной воды из гнилой красной лужи, которых так много было на ржавой равнине. А в них плавают красная пена и раскинувшие крылья мертвые птицы. Дальнобойщик из Теннесси посоветовал ему идти от трассы на запад: через час, мол, будет вшивенькое двухполосное шоссе, где можно застопить машину до Кливленда. Но Слику казалось, что прошло куда больше часа, к тому же он не знал точно, в какой стороне запад. И вообще это место все сильнее его пугало — как будто здесь проходил какой-нибудь великан, наступил на воспаленный волдырь свалки, расплющил его, а шрам так и остался. Однажды Слик увидел кого-то вдали на невысокой куче металлолома и помахал. Фигура исчезла, но Слик зашагал туда, уже не сторонясь луж, а хлюпая прямо по ним, и, когда добрался до места, увидел, что это всего

лишь бескрылый остов самолета, наполовину погребенный под ржавыми консервными банками. Он побрел вверх по тропинке из расплющенных банок, до квадратного отверстия, некогда бывшего аварийным выходом. Засунул голову внутрь, и на него уставились сотни маленьких головок, свисавших с вогнутого свода. Слик будто прирос к месту, прищурился, давая глазам привыкнуть к внезапной полутьме, пока увиденное не начало приобретать некий смысл. Розовые головки были оторваны от пластмассовых кукол. Их нейлоновые волосы кто-то связал в хвосты на макушке, а хвосты влепил в толстый слой черного дегтя, которым был вымазан потолок, и головы свисали, как спелые фрукты. Кроме них да нескольких полос грязного зеленого пенопласта, в салоне ничего не было. Слик точно знал: ему не хочется здесь задерживаться, чтобы выяснить, кто тут живет.

Тогда он отправился на юг и случайно наткнулся на Фабрику.

— У меня никогда не будет второго такого шанса, — говорил Джентри.

Слик смотрел в напряженное осунувшееся лицо, в расширенные от отчаяния глаза.

— Я никогда его не увижу…

Слик вспомнил, как Джентри ударил его и как он, Слик, посмотрел на гаечный ключ, который держал в руке, и почувствовал… Черри была не права насчет их обоих, тут было нечто иное, он только не знал, как это назвать. Левой рукой Слик вырвал у Джентри троды, а правой сильно толкнул его в грудь.

— Заткнись! Заткнись, черт тебя подери!

Джентри отлетел на край стального стола.

Тихонько чертыхаясь, Слик неловко натянул изящную сетку контактных дерматродов на лоб и виски.

Подключился.

Под подошвами скрипнул гравий.

Открыл глаза, посмотрел себе под ноги: посыпанная гравием дорожка при утреннем свете казалась ровной и очень чистой, гораздо чище Собачьей Пустоши. Взглянул вперед и увидел, что она делает плавный поворот, а за зелеными раскидистыми деревьями — скат черепичной крыши. Дом — огромный, почти вполовину Фабрики. Неподалеку в высокой мокрой траве стояли статуи. Отлитый из чугуна олень и мужской торс, вытесанный из белого камня, — ни рук, ни ног, ни головы. Пели птицы, это был единственный

звук.

Слик двинулся к серому дому, ничего другого ему, похоже, не оставалось. В конце дороги за домом виднелись постройки поменьше и широкое плоское поле травы, где трепетали на ветру планеры.

Сказка, подумал он, поднимая взгляд на широкий каменный выступ над входом в усадьбу, на розетки оконных витражей. Как в кино, которое он видел однажды в детстве. Неужели действительно есть на свете люди, которые живут в таких вот домах? Никакой это не дом, напомнил он самому себе, только лишь стим-реальность.

— Джентри, — сказал он вслух, — давай-ка вытаскивай меня отсюда, ладно?

Слик принялся рассматривать свои руки. Шрамы, въевшаяся смазка, черные полумесяцы грязи под обломанными ногтями. Машинное масло размягчало ногти, и они легко ломались.

Он начинал уже чувствовать себя полным идиотом, стоя здесь посреди дороги. А ведь возможно, кто-то наблюдает за ним из дома.

— Блин, — выплюнул он и свернул на вымощенную плиткой дорожку к дому, подсознательно перейдя на развязный широкий шаг и выпятив грудь, чему научился в бытность свою в «Блюз-

Дьяконах».

В центре двери была прикреплена какая-то странная штука: маленькая изящная кисть держала в вытянутых пальцах сферу размером с бильярдный шар — все отлито из чугуна. Крепится на шарнирах, так чтобы можно было взяться за кисть и опустить шар вниз. Повернул, ударил. Дважды. Потом еще пару раз. Ничего. Дверная ручка была латунной, цветочный орнамент на ней до того стерся, что стал почти неразличим. Повернулась она легко. Слик толкнул дверь.

И невольно прищурился от бьющего в глаза богатства красок и интерьера. Плоскости темного полированного дерева, квадраты черного и белого мрамора, ковры с тысячью мягких оттенков, светящиеся, как церковные витражи, начищенное серебро, зеркала… Он хмыкнул. Взгляд притягивала то одна, то другая мелочь — столько вещей, предметов, названий которым он не знал…

— Ищешь кого-нибудь, приятель?

Перед огромным камином стоял мужчина. На нем были узкие черные джинсы и белая футболка, ноги его были босы, и в правой руке он держал толстый, расширяющийся книзу бокал с чем-то крепким. Слик обалдело уставился на

незнакомца.

— Блин, — выдавил Слик. — Ты — это он…

Мужчина поболтал коричневую жидкость в стакане и сделал глоток.

— Я ожидал, что Африка со временем выкинет что-то подобное, — сказал он, — но почему-то, дружок, ты не похож на ребят в его стиле.

— Ты Граф.

— Ага, Граф, — отозвался он. — А ты, черт побери, кто?

— Слик. Слик Генри.

Граф рассмеялся:

— Хочешь коньяку, Слик Генри?

Он указал стаканом на стойку из полированного дерева, где выстроились в ряд причудливые бутылки; у каждой свисал на цепочке с горлышка серебристый ярлычок.

Слик покачал головой.

Мужчина пожал плечами:

— С него все равно не забалдеешь… Прости, что я это говорю, но выглядишь ты погано, Слик. Я так понимаю, что ты не из команды Малыша Африки? А если нет, то что все-таки ты тут делаешь?

— Меня послал Джентри.

— Какой еще Джентри?

— Ты ведь парень на носилках, так?

— Парень на носилках — это я. Где конкретно в данную минуту эти носилки, Слик?

— У Джентри.

— Где это?

— На Фабрике.

— А это где?

— На Собачьей Пустоши.

— И как же я там очутился, на этой Пустоши, где бы она ни была?

— Это Малыш Африка тебя привез. Привез с девушкой по имени Черри. Понимаешь, я у него в долгу, так он попросил, чтобы я приютил тебя на время, тебя и Черри. Она ухаживает за тобой…

— Ты назвал меня Графом, Слик…

— Черри сказала, что так тебя однажды назвал Малыш…

— Скажи-ка мне, Слик, не выглядел ли Малыш, когда он меня привез, встревоженным?

— Черри думала, что он был до смерти напуган там, в Кливленде.

— Уверен, что был. Кто этот Джентри? Твой друг?

— Фабрика принадлежит ему. Я тоже там живу…

— Этот Джентри, он ковбой, а, Слик? Компьютерный жокей? Я хочу сказать, что, если ты здесь,

он должен рубить в технике, так?

Теперь пришла очередь Слика пожать плечами.

— Джентри, ну… он вроде художника. У него полно всяких теорий. Вообще это трудно объяснить. Он присобачил переходники к той штуковине на носилках… ну, к той, куда ты подключен. Сначала он попытался вывести изображение на проекционный стол, но там оказалась только эта дурацкая обезьяна, что-то вроде тени, поэтому он уговорил меня…

— Господи… впрочем, не важно. Эта фабрика, о которой ты говорил, она где-то в глухомани? Сравнительно малодоступна?

Слик кивнул.

— А Черри, она что-то вроде нанятой медсестры?

— Да. Сказала, у нее диплом медтеха.

— И никто еще не приходил меня искать?

— Нет.

— Это хорошо, Слик. Потому что если кто-то придет, кто-нибудь, кроме этого крысеныша, прошу прощения, нашего общего друга Малыша Африки, то у вас, ребята, могут быть серьезные неприятности.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну». Выслушай меня, идет? И будь добр запомнить, что я тебе скажу. Если к вам на эту вашу фабрику заявится какая-нибудь компания, единственная ваша надежда — подключить меня к матрице. Понял?

— А как ты стал Графом? Я имею в виду, что это значит?

— Бобби. Меня зовут Бобби. Граф, а может, правильнее было бы Счет — «прерывание на счет ноль», знаешь? Впрочем, не важно, и то и другое было когда-то моим прозвищем, вот и все. Ну что, запомнил, что я тебе сказал?

Слик снова кивнул.

— Хорошо. — Бобби поставил стакан на деревяшку с чудными бутылками. — Слышишь? — спросил он.

За открытой дверью по гравию прошуршали шины.

— Знаешь, кто это, Слик? Это — Анджела Митчелл.

Слик повернулся. Бобби Граф, или Счет, смотрел в окно на подъездную дорожку.

— Энджи Митчелл? Стим-звезда? Она тоже здесь?

— Как сказать, Слик, как сказать…

Слик увидел, как мимо прокатил черный ав-

томобиль.

— Эй, — начал было он, — Граф, то есть Бобби, что…

— Спокойно, — сказал Джентри, — просто посиди. Спокойно. Спокойно…

25
Назад на восток

Пока Келли и его ассистенты готовили для предстоящей поездки ее гардероб, Энджи чувствовала, будто сам дом оживает вокруг нее, готовясь к одному из своих коротких периодов запустения.

С того места, где она сидела в гостиной, до нее доносились голоса, чей-то смех. Одна из ассистенток, молоденькая девчушка, нацепив синий поликарбоновый экзоскелет, сносила вниз кофры от «Гермеса», будто невесомые блоки пенопласта. Тихонько жужжащий скелет мягко шлепал вниз по ступенькам плоскими динозавровыми лапами, неся в себе человеческое тело. Синий скелет, кожаные гробы.

Тут в дверях появился Порфир.

— Мисси готова?

Парикмахер успел облачиться в длинное свободное пальто из тонкой, как ткань, черной кожи, над каблуками черных лакированных сапог посверкивали шпоры из горного хрусталя.

— Порфир, — улыбнулась Энджи, — да ты сегодня в штатском. А у нас торжественный выход в

Нью-Йорке.

— Камеры там установлены в твою честь, не в мою.

— Да уж, — протянула она, — в честь моего «нового включения».

— Порфир будет держаться на заднем плане.

— Никогда не думала, что ты станешь беспокоиться о том, как бы вдруг кого не затмить.

Он усмехнулся, показывая скульптурные, обтекаемые зубы — фантазия зубного врача-авангардиста на тему того, какими они могли бы вырасти у более быстрых, более элегантных существ.

— С нами полетит Даниэлла Старк. — До Энджи донесся звук снижающегося вертолета. — Она будет ждать нас в аэропорту Лос-Анджелеса.

— Мы ее придушим, — ответил он тоном заговорщика, набрасывая на плечи Энджи палантин из голубой лисы, выбранный для этого случая Келли. — Если мы пообещаем намекнуть новостям, что мотив был сексуальный, она, возможно, даже решит нам подыграть…

— Ты ужасен.

— Это Даниэлла ужас во плоти, мисси.

— Уж кто бы говорил.

— А? — Парикмахер сузил глаза. — Но зато у

меня душа младенца.

Вертолет пошел на посадку.

О Даниэлле Старк, сотруднице стим-версий журналов «Вог-Ниппон» и «Вог-Европа», повсюду ходили слухи, что ей далеко за восемьдесят. Если это верно, подумала Энджи, тайком рассматривая фигуру журналистки, когда они втроем поднимались по трапу в «Лир», то по части пластической хирургии и косметологии Даниэлла Порфиру вполне под стать. На первый взгляд журналистке было чуть больше тридцати, и единственным заметным свидетельством, что она имела-таки дело с хирургами, была пара бледно-голубых «цейсовских» имплантатов. Один юный репортер из французского журнала мод как-то назвал их «модно устарелыми». Как поговаривали злые языки в «Сенснете», этот репортер больше нигде и никогда не смог получить работу.

Энджи знала, что при первой же возможности Даниэлла заведет с ней разговор о наркотиках, о наркотиках знаменитостей, будет смотреть на нее в упор, широко, как школьница, распахнув васильковые глаза, чтобы заснять все на пленку.

Под грозным взором Порфира Даниэлла некоторое время пыталась сдерживаться — пока они не

достигли крейсерской скорости где-то над Ютой.

— Я надеялась, — начала журналистка, — что кто-то поднимет этот вопрос до меня…

— Даниэлла, — остановила ее Энджи, — прими мои извинения. Как это невнимательно с моей стороны.

Она дотронулась до обшитой шпоном панели походной кухни «Хосака». Механизм мягко заурчал и начал выдавать крохотные тарелочки с копченой уткой цвета чая, устрицами на тостах под черным перцем; за пирогом с лангустами последовали кунжутные блинчики… Порфир, уловив намек Энджи, извлек бутылку охлажденного шабли — любимого вина Даниэллы, насколько помнила Энджи. Кто-то — уж не Свифт ли? — это помнил тоже.

— Наркотики, — сказала Даниэлла четверть часа спустя, доедая утку.

— Не беспокойтесь, — заверил ее Порфир. — Когда вы прибудете в Нью-Йорк, там будет все, что пожелаете.

Даниэлла улыбнулась:

— Вы так забавны. А вам известно, что у меня есть копия вашего свидетельства о рождении? Я знаю ваше настоящее имя. — Все еще улыбаясь, она бросила на него многозначительный взгляд.

— Какая мне разница, — сказал он, наполняя ее бокал.

— Интересное замечание, учитывая врожденные дефекты. — Она пригубила вино.

— Врожденные, приобретенные… В наше время кто только себя не изменяет, не правда ли? И еще как! Кто укладывает вам волосы, дорогая? — Парикмахер подался вперед. — Вас, Даниэлла, спасает лишь то, что на вашем фоне прочие представители вашей породы и на людей-то не похожи.

Даниэлла улыбнулась.

Само интервью прошло довольно гладко. Даниэлла была достаточно опытна, чтобы не переступить в своих маневрах тот болевой порог, за которым могла бы столкнуться с серьезным сопротивлением со стороны жертвы. Но когда она провела кончиком пальца по виску, нажимая на подкожную клавишу, которая выключила ее записывающее оборудование, Энджи напряглась в ожидании настоящей атаки.

— Спасибо, — сказала Даниэлла. — Остаток полета, конечно, не для эфира.

— А почему бы вам просто не выпить еще бутылку-другую и не вздремнуть? — спросил Порфир.

— Чего я действительно не понимаю, дорогая, — сказала Даниэлла, не обращая на него внимания, — так это зачем было утруждаться…

— Утруждаться, Даниэлла?

— Зачем вы вообще ложились в эту скучную клинику? Вы ведь говорили, что наркотики никак не влияют на вашу работу. Вы также говорили, что от них нет никакого кайфа в обычном понимании этого слова. — Она хихикнула. — Однако продолжаете настаивать на том, что это было вещество, вызывающее исключительно тяжелую зависимость. Так почему вы решили соскочить?

— Это было ужасно дорого…

— В вашем случае, конечно, вопрос чисто академический.

Верно, подумала Энджи, хотя неделя на этой дряни мне стоила твоего годового оклада.

— Наверное, мне опротивело платить за то, чтобы чувствовать себя нормальной. Или за слабое приближение к нормальности.

— У вас развился иммунитет?

— Нет.

— Как странно.

— Не так уж и странно. Наркодизайнеры конструируют вещества, не имеющие, как предполагается, традиционных побочных эффектов.

— Ага. Но как насчет нетрадиционных побочных эффектов, нынешних? — Даниэлла налила себе еще вина. — Естественно, я слышала и другую версию происшедшего.

— Правда?

— Конечно. Что это было, кто это делал, почему вы перестали.

— И?

— Что это был антипсихотик, произведенный в собственных лабораториях «Сенснета». Вы перестали его принимать, потому что предпочли остаться сумасшедшей.

Веки Даниэллы затрепетали, затуманивая сверкание голубых глаз. Порфир осторожно вынул из руки журналистки стакан.

— Спи спокойно, детка, — сказал он.

Глаза Даниэллы закрылись, и она начала мягко посапывать.

— Порфир, что…

— Я подмешал ей в вино снотворное, — ответил парикмахер. — Она ничего не почувствовала, мисси. И потом не сможет вспомнить ничего, кроме того, что есть у нее в записи… — Он расплылся в улыбке. — Тебе ведь не хочется выслушивать треп этой суки всю дорогу до Нью-Йорка, правда?

— Но она же поймет, Порфир!

— Ничего она не поймет. Мы ей скажем, что она в одиночку уговорила три бутылки и напакостила в ванной. А чувствовать она себя будет соответственно. — Он плотоядно усмехнулся.

Час спустя Даниэлла Старк еще похрапывала — теперь уже довольно громко — на одной из двух откидных коек в хвостовой части салона.

— Порфир, — сказала Энджи, — как по-твоему, может она быть права?

Парикмахер уставился на нее своими невероятно красивыми, нечеловеческими глазами.

— И ты бы не знала?

— Я не знаю…

Он вздохнул:

— Мисси слишком тревожится. Ты теперь свободна. Наслаждайся этим.

— Но я и правда слышу голоса, Порфир.

— Разве мы все их не слышим, мисси?

— Нет, — ответила она, — не так, как я. Ты знаешь что-нибудь об африканских религиях, Порфир?

Он иронично усмехнулся:

— Так я же не африканец.

— Но когда ты был ребенком…

— Когда я был ребенком, — сказал Порфир, — я

был белым.

— О черт…

Он рассмеялся:

— Религии, мисси?

— До того как я пришла в «Сенснет», у меня были друзья. В Нью-Джерси. Они были черными и… верующими.

Парикмахер поморщился и закатил глаза:

— Колдовские знаки, мисси? Петушиные лапки и мятное масло?

— Ты же знаешь, что это совсем не так.

— И что, если знаю?

— Не смейся надо мной, Порфир. Ты мне нужен.

— Я есть у мисси. И да, я знаю, что ты имеешь в виду. И это их голоса ты слышишь?

— Слышала. После того как я подсела на пыль, они ушли…

— А теперь?

— Их нет.

Но момент был упущен, и она отказалась от мысли попытаться рассказать ему о Гран-Бригитте и о наркотике в кармане.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо, мисси.

«Лир-джет» стал снижаться над Огайо. Порфир уставился перед собой в переборку, неподвиж-

ный как статуя. Глядя вниз на приближающуюся, пока еще скрытую облаками землю, Энджи вспомнила вдруг игру, в которую часто играла в детстве, когда летала на самолетах. Она тогда представляла, что бегает среди уплотнившихся, словно во волшебству, облачных пиков и каньонов. Те самолеты принадлежали, скорее всего, «Маас-Неотек». Теперь она летает на «лирах» «Сенснета». Коммерческие авиалайнеры оставались для нее лишь съемочными площадками стимов: первый перелет на только что восстановленном «Джей-Эй-Эль» «конкорде» из Нью-Йорка в Париж в обществе Робина и «сенснетовских» избранных.

Снижаемся. Уже над Нью-Джерси? Слышит ли ребятня, заполонившая детские площадки на крыше бовуаровской Новостройки, шум двигателей? Скользит ли слабое эхо присутствия Энджи над барритаунским кондо, где прошло детство Бобби? Как немыслимо сложен этот мир, в котором корпоративная воля «Сенснета» сотрясает крохотные косточки в ушах никому не ведомых, ничего еще не ведающих детей…

— Порфир кое-что знает, — очень тихо сказал вдруг негр. — Но Порфиру нужно время, чтобы подумать, мисси…

Самолет разворачивался, заходя на посадку.

26
Куромаку

Салли молчала — и на улице, и в такси — всю долгую холодную дорогу до их отеля.

Салли и Суэйна шантажировал враг Салли, обитающий где-то «на верху колодца». Салли вынуждают похитить Энджи Митчелл. Сама мысль о том, что кто-нибудь может украсть звезду «Сенснета», показалась Кумико совершенно невероятной, как будто кто-то устраивал заговор с целью убить героя мифов.

Финн намекнул, что Энджи и так уже неким странным образом замешана в эту историю, но он употреблял слова и идиомы, которых Кумико не понимала. Что-то в киберпространстве; какие-то люди заключают сделки с обитающим там существом или существами. Финн когда-то давно знавал парнишку, который стал потом любовником Энджи. Но разве ее любовник не Робин Ланье? Мать позволила Кумико посмотреть несколько стимов Энджи и Робина. Парнишка был ковбоем, воровал данные, как Тик в Лондоне…

А что с врагом, с той шантажисткой? Она сума-

сшедшая, говорил Финн, и ее безумие привело к развалу семейной империи. Эта женщина вроде бы жила совсем одна в своем древнем замке, доме под названием «Блуждающий огонек». Что такого сделала Салли, чтобы вызвать ее ненависть? Она в самом деле убила отца этой женщины? И кто были другие, те, которые умерли? Гайдзинские имена уже вылетели у девочки из памяти.

И узнала ли Салли то, что хотела узнать, повидав Финна? Кумико ждала под конец от бронированного святилища хоть какого-нибудь прорицания, но разговор-перепалка закончился ничем, гайдзинским ритуалом прощальных шуток.

В вестибюле отеля в голубом бархатном кресле ждал Петал, одетый по-дорожному. Его массивное тело было облачено в серую шерстяную тройку. Когда они вошли, он поднялся с кресла, подобно некоему странному воздушному шару. Глаза глядели, как всегда мягко, поверх очков в стальной оправе.

— Здравствуйте, — кашлянув, произнес он. — Суэйн послал меня за вами. Чтобы я присмотрел за девочкой.

— Отвези ее обратно, — сказала Салли. — Сейчас же.

— Салли! Нет!

Но рука Салли уже крепко сомкнулась на локте Кумико, потащила ее к входу в неосвещенную комнату отдыха при вестибюле.

— Подожди там, — бросила Салли Петалу. — Послушай, — обратилась она к Кумико, затягивая девочку поглубже в тень, — ты сейчас вернешься обратно. Я не могу теперь допустить, чтобы ты оставалась со мной.

— Но мне там не нравится. Мне не нравится Суэйн, мне не нравится его дом… Я…

— Петала не бойся, — быстро шепнула Салли, наклонясь еще ближе. — В общем, я бы сказала, что я ему доверяю. Суэйн… ну, ты сама знаешь, кто такой Суэйн, но он человек твоего отца. Что бы у них ни случилось, тебя, я думаю, они в это впутывать не станут. А вот если станет плохо, по-настоящему плохо, отправляйся в паб, где мы встречались с Тиком. «Роза и корона». Помнишь?

Кумико кивнула; глаза ее были полны слез.

— Если Тика там не будет, найди бармена по имени Биван и сошлись на меня.

— Салли, я…

— С тобой все в порядке, — сказала Салли и вдруг нагнулась и поцеловала девочку. Одна из линз на какое-то мгновение коснулась ее щеки,

удивительно холодная и твердая. — Что до меня, малыш, меня тут уже нет.

Действительно никого — черная фигура растворилась в звенящей тишине комнаты отдыха, а в дверях уже стоял Петал и откашливался.

Перелет в Лондон был похож на долгую поездку в подземке. Петал коротал время, вписывая слова — по одной букве зараз — в какую-то идиотскую головоломку в английском ньюсфаксе. Время от времени он тихонько хмыкал себе под нос. Потом Кумико заснула, и ей приснилась мать…

— Обогреватель работает, — сообщил Петал по дороге из Хитроу.

В салоне «ягуара» было неприятно тепло, от сухого жара с запахом кожи болело в груди. Она проигнорировала слова Петала, глядя на блеклый рассвет, на проступающую сквозь тающий снег черноту крыш, лес дымовых труб…

— Знаешь, он на тебя вовсе не сердится, — сказал Петал. — Он чувствует особую ответственность…

— Гири.

— Гм… да. Так вот, ответственность. Салли всегда была… как бы это назвать?… непредсказуемой, что ли, но мы не ожидали…

— Извини, мне не хочется разговаривать.

Его обеспокоенные глаза в зеркале заднего вида.

Подъездную дорожку обрамляли две вереницы припаркованных машин, длинных серебристо-серых автомобилей с затемненными стеклами.

— На этой неделе полно посетителей, — пояснил Петал, припарковывая «ягуар» напротив дома номер 17.

Он вышел, открыл перед ней дверцу. Девочка оцепенело последовала за ним через улицу и по серым ступенькам вверх; дверь им открыла приземистая красномордая личность в слишком тесном для нее темном костюме; Петал прошел мимо, охранника он словно бы не заметил.

— Стоять, — пролаял краснолицый. — Суэйн сейчас с ней поговорит…

Петал застыл на месте. Смешок — и огромная туша с ошеломляющей легкостью развернулась на одном каблуке, и пухлые с виду руки схватили лацканы черного пиджака. Затрещали швы.

— В будущем проявляй хоть сколько-нибудь уважения, черт побери, — сказал Петал, не повышая голоса, но вся его усталая мягкость вдруг куда-то ушла.

— Прошу прощения, шеф. — Красное лицо стало

зауженно-пустым. — Он приказал передать вам…

— Пойдем, — сказал девочке Петал, отпуская темный с начесом лацкан. — Патрон просто хочет поздороваться.

Суэйн сидел за трехметровым обеденным столом в той же комнате, где Кумико впервые его увидела. Татуированные драконы прятались под белой рубашкой и шелковым галстуком. Когда Петал и Кумико вошли, он встретился с девочкой взглядом; его вытянутое лицо затенял зеленый абажур лампы, стоящей на столе возле небольшой консоли и толстой кипы факсов.

— Вот и славно, — сказал он. — Ну и как тебе Муравейник?

— Я очень устала, мистер Суэйн. Мне бы хотелось уйти в свою комнату.

— Мы очень рады твоему возвращению, Кумико. Муравейник — опасное место. И тамошние друзья Салли, пожалуй, совсем не подходящее для тебя общество. Твоему отцу вряд ли захочется, чтобы ты общалась с подобными людьми.

— Могу я подняться наверх?

— Ты встречала кого-нибудь из друзей Салли, Кумико?

— Нет.

— Правда? А что вы там делали?

— Ничего.

— Не надо на нас сердиться, Кумико. Мы ведь просто стараемся тебя защитить.

— Спасибо. Могу я теперь уйти к себе?

— Конечно. Ты, должно быть, очень устала.

Петал с ее чемоданом в руке вышел вслед за девочкой из столовой. Его серый костюм помялся за время полета. Кумико из осторожности не позволила себе даже поднять глаза, когда они проходили под мраморным бюстом, за которым, возможно, все еще прятался модуль «Маас-Неотек». Впрочем, в присутствии Петала и Суэйна забрать его все равно никакой возможности не было.

В доме чувствовалось нечто новое, какое-то оживление, отрывистое и приглушенное: голоса, шаги, дребезжание лифта, бормотание труб, когда кто-то наполнял ванну.

Кумико сидела в изножье огромной кровати, глядя на черную мраморную ванну. Перед ней все еще стояли отрывочные образы Нью-Йорка. Стоило зажмурить глаза, и она снова сидела на корточках в тупике возле Салли. Салли, которая прогнала ее прочь. Салли, которая ушла и даже не оглянулась. Салли, чье имя было когда-то Молли, а может, Мисти, а может, и то и другое. И

снова — ее никчемность. Сумида, мать качается в черной воде. Отец. Салли.

Через несколько минут, подгоняемая любопытством, пересилившим на время стыд, она встала, пригладила волосы, сунула ноги в тонкие черные гольфы с рубчатыми подошвами и тихонечко выскользнула в коридор. Из прибывшего лифта пахнуло сигаретным дымом. Краснолицый шагал взад-вперед по голубому ковру фойе, засунув руки в карманы тесного черного пиджака.

— Эй, — сказал он, поднимая брови, — тебе что-нибудь нужно?

— Я хочу есть, — ответила она по-японски. — Я иду на кухню.

— Эй, — повторил он, вытаскивая руки из карманов и одергивая пиджак, — ты говоришь по-английски?

— Нет, — отозвалась она, проходя мимо него по коридору и сворачивая за угол.

Очередное «эй» прозвучало еще более встревоженно, но девочка уже шарила за мраморным бюстом. Она успела опустить модуль в карман за секунду до того, как появился охранник. Профессиональным взглядом он осмотрел помещение — руки расслабленно свисают вдоль тела, — и это сразу напомнило ей о секретарях отца.

— Я хочу есть, — сказала она по-английски.

Пять минут спустя Кумико вернулась к себе с большим и очень британским по виду апельсином: англичане, похоже, не придавали особого значения симметричной форме плодов. Закрыв за собой дверь, она положила апельсин на широкий край черной ванны и вынула из кармана модуль.

— Теперь поскорее открой корпус и передвинь рычажок «A/B» в положение «A», — сказал Колин, сфокусировавшись и отбросив челку со лба. — При новом режиме тут завелся специальный техник — ходит по дому и сканирует каждую щель в поисках жучков. Как только ты изменишь настройку, ни один прибор не распознает во мне подслушивающее устройство.

Воспользовавшись булавкой, она передвинула рычажок.

— О чем ты, что за новый режим? — спросила девочка, выговаривая слова одними губами.

— Ты разве не заметила? Здесь теперь по меньшей мере дюжина прислуги, не говоря уже о бесчисленных посетителях. Впрочем, скорее это не новый режим, а усиление стандартной процедуры. Мистер Суэйн — довольно общительный человек, на свой, я бы сказал, завуалированный

манер. Например, беседа между Суэйном и заместителем главы Особого отдела — могу себе представить, сколько народу хоть на убийство пойдет, лишь бы заполучить эту запись, и сам вышеупомянутый замглавы в первую очередь.

— Особый отдел?

— Тайная полиция. Странную компанию, черт побери, он водит, этот Суэйн: типы из Бук-Хауса, бандитские царьки Ист-Энда, старшие офицеры полиции…

— Бук-Хаус?

— Так тут называют Букингемский дворец. Не говоря уже о сомнительных банкирах из Сити, звезде симстима, стайке дорогих сводников, наркодельцах…

— Здесь была стим-звезда?

— Был. Ланье, Робин Ланье.

— Робин Ланье? Он был здесь?

— На следующее утро после твоего внезапного отъезда.

Она заглянула в прозрачные зеленые глаза Колина.

— Ты правду мне говоришь?

— Да.

— Всегда?

— Насколько мне известно, всегда.

— Что ты такое?

— Личностная база данных биочипа «Маас-Неотек», запрограммированная на помощь и содействие японскому гостю в Соединенном Королевстве, — подмигнул он.

— Почему ты подмигиваешь?

— А ты как думаешь?

— Отвечай на вопрос! — Ее голос эхом прокатился по зеркальной комнате.

Призрак приложил к губам тонкий палец.

— Ну ладно, я — кое-что еще. Признаюсь, я проявляю, пожалуй, чуть больше инициативы, чем полагается обычной гид-программе. Модель, на которой я основан, лучшая в своем поколении. Однако я не могу тебе точно сказать, что я такое, так как сам этого не знаю.

— Не знаешь? — Снова осторожно, губами.

— Вообще-то, я много чего знаю, — сказал он, подходя к одному из мансардных окон. — Я знаю, например, что сервировочный столик в Миддл-Темпл-Холле считается сделанным из древесины обшивки «Золотой лани»[101]; знаю, что для то-

[101] notes: 101

Миддл-Темпл-Холл — бывший судебный двор в квартале одной из юридических коллегий, построенный ок. 1570 г., памятник елизаветинской архитектуры. *«Золотая лань»* — галеон, на котором Френсис Дрейк в 1577–1580 гг. совершил кругосветное плавание.

го, чтобы подняться на Тауэрский мост, нужно одолеть сто двадцать восемь ступеней, знаю, что на Вуд-стрит прямо за Чипсайдом есть дерево, о котором говорят, что именно в его листве громко пел вордсвортовский дрозд[102]. — Колин резко повернулся и взглянул ей в лицо. — Однако это не так, потому что теперешнее дерево было клонировано с оригинала в тысяча девятьсот девяносто восьмом году. Видишь ли, я знаю все это и много больше. Я, например, мог бы обучить тебя азам игры на бильярде. Это то, что я есть, или, скорее, то, для чего я первоначально предназначался. Но я также и кое-что иное. И вот это, скорее всего, как-то связано с тобой, правда, не знаю как.

— Тебя подарил мне отец. Ты как-то с ним связываешься?

---

[102] notes: 102

Речь о хрестоматийном стихотворении Уильяма Вордсворта «Мечтания бедной Сьюзен» (1797):

Вот, на лондонской Вуд-стрит с лучами восхода
Громко дрозд распевает – уж целых три года.
Сьюзен мимо проходит – и слышит, бедняжка:
Тихим утром вовсю разливается пташка.
Трель волшебна, а Сьюзен томится в печали:
Видит купы деревьев, холмистые дали;
Всю-то Лотбери светлый туман обволок,
По долине Чипсайда струится поток.
Зелень пастбищ ей чудится там, за пригорком,

Где частенько она торопилась с ведерком,
Домик низкий, что схож с голубиным гнездом, -
Милый сердцу, любимый, единственный дом.
Сьюзен – словно в раю, но для девушки бедной
Чудеса исчезают и тают бесследно:
Смолк ручей, гаснут краски, размылся простор -
И завесою серой затуманился взор!

(Перевод Сергея Сухарева, выполненный специально для данного издания.)

— Насколько мне известно, нет.

— Ты не сообщал ему о моем отъезде?

— Ты не понимаешь, — возразил призрак. — Я не осознавал, что ты уезжала, пока ты не активировала меня минуту назад.

— Но ты же записывал…

— Да, но не сознавая этого. Я только тогда «здесь», когда ты меня активируешь. Тогда я оцениваю текущую информацию… Одно могу сказать с большой долей вероятности: из этого дома вряд ли возможно послать хоть какое-то сообщение, чтобы его тут же не засекли слухачи Суэйна.

— Может ли вас быть больше, ну, в смысле, не сидит ли в твоем модуле еще один призрак?

— Мысль интересная, но ответ отрицательный, разве что придется предположить какую-нибудь жутко засекреченную промышленную революцию. Мое железо наполняет данный корпус целиком. Это я почерпнул из архива общих сведений о технологиях «Мааса».

Девочка задумчиво посмотрела на черный модуль.

— Ланье, — сказала она. — Расскажи мне.

— Десять часов двадцать пять минут шестнадцать секунд, — произнес призрак.

Голову Кумико заполнили бестелесные голоса.

Петал: Будьте так добры последовать за мной, сэр…

Суэйн: Проходите в бильярдную.

Третий голос: Лучше бы у вас были на то серьезные причины, Суэйн. В машине ждут три человека «Сенснета». Ваш адрес останется в базе данных службы безопасности на веки вечные.

Петал: Прекрасная машина, сэр, этот ваш «даймлер». Могу я принять у вас пальто?

Третий голос: В чем дело, Суэйн? Почему нельзя было встретиться у Брауна?

Суэйн: Снимите пальто, Робин. Она уехала.

Третий голос: Уехала?

Суэйн: В Муравейник. Сегодня утром.

Третий голос: Но сейчас еще не время…

Суэйн: Вы думаете, это я ее послал?

Ответ незнакомца прозвучал неразборчиво, приглушенный закрывшейся дверью.

— Это был Ланье? — беззвучно спросила Кумико.

— Да, — ответил Колин. — Петал обратился к нему по имени в предыдущем разговоре. Суэйн и Ланье провели вместе двадцать пять минут.

Скрежет петель, шаги.

Суэйн: Просрали, конечно, но только не я. Я

говорил вам, что это за птица, просил вас предупредить их. Прирожденная убийца, вероятно, психопатка…

Ланье: Это ваша проблема, а не моя. Вам нужны и их товар, и мое сотрудничество.

Суэйн: А в чем *ваша* проблема, Ланье? Как вы-то в это впутались? Просто чтобы убрать с дороги Митчелл?

Ланье: Где мое пальто?

Суэйн: Петал, чертово пальто мистера Ланье.

Петал: Сэр.

Ланье: У меня такое впечатление, что ваша девица-бритва нужна им не меньше, чем Энджи. Ее тоже заберут.

Суэйн: Удачи им. Она уже на месте, в Муравейнике. Говорил с ней по телефону час назад. Я сведу ее с моим человеком, тем, который готовит… девушку. И вы тоже возвращаетесь за океан?

Ланье: Сегодня вечером.

Суэйн: Ну, тогда не беспокойтесь.

Ланье: До свидания, Суэйн.

Петал: Настоящий ублюдок, этот актеришка.

Суэйн: Не нравится мне все это…

Петал: Но товар тебе нравится, верно?

Суэйн: Тут жаловаться не приходится, товар первый сорт, но зачем, скажите на милость, им

понадобилась еще и Салли?

Петал: Бог весть. Они сами не знают, с кем связались.

Суэйн: Они. Не люблю я, когда говорят «они»…

Петал: Возможно, они будут не в восторге, когда узнают, что она отправилась туда сама по себе, да еще с дочерью Янаки…

Суэйн: Это точно. Но мисс Янака мы уже заполучили назад. Завтра скажу Салли, что Прайор в Балтиморе, приводит девицу в форму…

Петал: Грязное это дело…

Суэйн: Принеси кофейник в кабинет.

Девочка лежала на спине с закрытыми глазами. Записи Колина прокручивались в ее голове: прямой ввод в слуховые нервы. Судя по всему, Суэйн большую часть своих дел обделывал в бильярдной, это означало, что люди прибывали и отбывали, а она слышала только начало и хвосты разговоров. Двое мужчин, одним из которых мог быть красномордый, вели нескончаемую дискуссию о собачьих бегах и ставках на завтра. С особым интересом она прослушала беседу, в ходе которой Суэйн и человек из Особого отдела (Суэйн называл его ОО) обговаривали один из пунктов сделки прямо под мраморным бюстом, когда гость собирался уходить. Девочке при-

шлось раз десять останавливать этот отрывок, чтобы затребовать разъяснений. Колин выдавал логичные догадки.

— Это очень коррумпированная страна, — сказала наконец Кумико, глубоко потрясенная услышанным.

— Наверное, не более, чем твоя собственная, — был ответ.

— Но чем Суэйн всем им платит?

— Информацией. Я сказал бы, что наш мистер Суэйн недавно завладел первоклассным источником информации и занят обращением ее в иные ценности, то есть в деньги и власть. На основании того, что мы услышали, рискну предположить, что это вполне в русле его обычной деятельности. Очевидно, однако, что он идет вверх, становится большой шишкой. Мне кажется, в настоящее время он более влиятельный человек, чем был неделю назад. Судя по тому факту, что набирают дополнительный персонал…

— Я должна рассказать… моему другу.

— Ширс? Рассказать ей что?

— То, что сказал Ланье. Что ее возьмут вместе с Анджелой Митчелл.

— Так где же она?

— В Муравейнике. Отель…

— Позвони ей. Но не отсюда. У тебя есть деньги?

— Чип «Мицу-банка».

— Прости, для здешних автоматов это не подойдет. Монеты есть?

Встав с постели, Кумико тщательно перебрала случайную английскую мелочь, скопившуюся на дне сумочки.

— Вот, — сказала она, отыскав толстую позолоченную монету, — десять фунтов.

— Для одного только местного звонка понадобится две таких.

Она бросила металлический червонец обратно в сумочку.

— Нет, Колин, не по телефону. Я знаю лучший способ. Я хочу уйти отсюда. Сегодня же. Ты мне поможешь?

— Конечно, — ответил призрак, — хотя мой тебе совет: не делай этого.

— Но я уйду.

— Очень хорошо. Как ты предлагаешь это совершить?

— Скажу им, что мне нужно за покупками.

27
Злая дама

Как решила Мона впоследствии, женщина появилась примерно сразу после полуночи, потому что это было уже после того, как Прайор вернулся со второй упаковкой крабов. Крабы у них тут в Балтиморе оказались действительно что надо, со сна и от нервов ей все время хотелось есть, так что она уговорила его пойти принести еще. Постоянно заходил Джеральд, чтобы поменять дермы у нее на руках. Всякий раз она встречала его лучшей своей бессмысленной улыбкой, выдавливала после его ухода из дермов жидкость и прилепляла их снова. Наконец Джеральд сказал, что ей надо поспать, выключил лампы и прикрутил ложное окно до минимальной яркости — кроваво-красного заката.

Снова оставшись одна, Мона опустила руку между стеной и койкой, нащупала шокер…

Потом, сама того не желая, она заснула, красный свет от окна — как закат в Майами, и ей, наверное, снился Эдди или, во всяком случае, танцзал Крючка. Во сне она плясала с кем-то на

тридцать третьем этаже, потому что, когда ее разбудил грохот, она, хотя и не была уверена, где находится, тут же представила в голове четкую схему, как убраться из клуба. Например, она мгновенно сообразила, что, если тут случилась заварушка, спускаться лучше по лестнице…

Мона наполовину выбралась из койки, когда в дверь влетел Прайор. Влетел в прямом смысле. Дверь при этом была закрыта. Влетел он спиной вперед, дверь же разнесло в щепки.

Мона увидела, как Прайор ударился о стену, потом сполз на пол и вообще перестал двигаться, а в освещенном дверном проеме возник кто-то еще. Лица человека видно не было — только два изогнутых отражения фальшивого красного заката.

Мона быстро втянула ноги обратно на койку, перекатилась к стене, ее рука скользнула…

— Не шевелись, сучка.

В голосе было что-то такое, от чего по спине у Моны побежали мурашки, и именно потому, что звучал он чертовски весело. Как будто нет ничего приятнее, чем проломить кем-то дверь. Особенно если этот кто-то — Прайор.

— Я говорю, и пальцем не шевели…

Женщина в три шага пересекла комнату и была уже совсем близко, настолько близко, что Мона

почувствовала холод, исходивший от ее кожаной куртки.

— Ладно, — выдавила Мона, — ладно…

Тут холодные руки подняли ее рывком, а потом она оказалась распластанной на спине — плечи сильно вдавлены в темперлон и что-то — шокер? — уткнулось ей прямо в лицо.

— Откуда у тебя эта штучка?

— Ну, — выдавила Мона, словно речь шла о чем-то однажды виденном, но после совершенно забытом, — это было в куртке моего парня. Я одолжила у него куртку…

Сердце у Моны билось где-то под горлом. Что-то в этих очках…

— А этот ублюдок знал о ней?

— Кто?

— Прайор, — сказала женщина и, отпустив ее, повернулась к Прайору.

Тут она его пнула — раз, другой, потом еще и еще — и довольно сильно.

— Нет, — сказала женщина, так же внезапно останавливаясь, — не думаю, что он знал.

В дверях возник Джеральд; вид у него был такой, как будто вообще ничего особенного не случилось, за исключением сломанной двери. Он с сожалением поглядел на ее остатки, те, что еще

держались у косяка, провел большим пальцем по краю разлетевшейся в щепы филенки.

— Хочешь кофе, Молли?

— Два кофе, — ответила женщина, рассматривая шокер. — Мне — черный.

Мона маленькими глоточками пила кофе и изучала прикид и прическу незнакомки. Обе они ждали, когда очнется Прайор. По крайней мере, ничего другого они как будто не делали. Джеральд снова куда-то исчез.

Та, которую Джеральд называл Молли, не походила ни на один тип женщин, которых Мона когда-либо видела. Моне никак не удавалось определить, что у нее за стиль; единственное, в чем Мона была уверена, так в том, что денег у этой Молли хватает. Прическа Молли была европейской, Мона видела такие в журнале. Она была, в общем-то, уверена, что в нынешнем сезоне так не стригутся нигде, но прическа удачно сочеталась со стеклами, которые оказались имплантатами, вживленными прямо в кожу. Мона видела такие однажды у таксиста в Кливленде. И на женщине была короткая куртка очень темного коричневого цвета — на вкус Моны, слишком строгая, но явно новая и с широким овчинным воротником. Куртка была распахнута,

и под ней, закрывая грудь и живот, виднелась странная зеленая штука, похожая на бронник, — скорее всего, догадалась Мона, это и есть бронник. Джинсы скроены из какой-то серо-зеленой, как бы мшистой замши, толстой и мягкой — Мона подумала, что это лучшее в прикиде незнакомки. Она сама была бы не прочь заиметь такие же, разве что их портили ботинки. Высокие черные ботинки, вроде байкерских, на толстой подошве из желтой резины, с широкой темной застежкой поперек подъема и сверху донизу в хромированных пряжках, а еще эти ужасные квадратные носы. И откуда у нее такой лак для ногтей, цвета красного вина? Мона даже не думала, что такой еще производят.

— На что ты там, черт побери, пялишься?

— А… ваши ботинки…

— Ну и?

— Они не подходят к брюкам.

— Специально их надела, чтобы выбить дурь из Прайора.

Прайор на полу застонал и стал изображать рвотные позывы. Мона почувствовала, что ее сейчас тоже стошнит, и попросилась в ванную.

— Не пытайся сбежать.

Женщина, казалось, наблюдала за Прайором

поверх чашки, но за этими стеклами… Кто знает, куда она на самом деле смотрит?

Как-то она оказалась в ванной — сидела на унитазе с косметичкой, пристроенной на коленях, и поспешно готовила дозу. Кристалл размолола недостаточно мелко, так что наркотик опалил нёбо, но, как говаривала Ланетта, «не всегда же есть время на приятные мелочи». И опять же, разве ей теперь не намного лучше? В ванной Джеральда был небольшой душ, но, судя по виду, им очень давно не пользовались. Присмотревшись поближе, Мона заметила, что вокруг стока наросла серая плесень и виднелись пятна какой-то грязи, очень похожей на засохшую кровь.

Вернувшись, она увидела, что женщина отволокла Прайора в соседнюю комнату и пытается поднять его на ноги. Мона разглядела, что Прайор в носках и без ботинок, как будто собирался соснуть. На голубой рубашке темнели пятна крови, и лицо было сплошь в синяках.

Если Мона что и испытывала, когда наступал приход, так это чистое и невинное любопытство.

— Что вы делаете?

— Думаю, придется его разбудить, — сказала женщина так, как говорят в подземке о заспавшемся пассажире, который вот-вот пропустит

свою остановку.

Мона прошла за ней в рабочую комнату Джеральда, где все было белым и по-больничному чистым. Она молча смотрела, как женщина взгромоздила Прайора в кресло наподобие парикмахерского — со всякими рычагами, кнопками и прочими причиндалами. Похоже, дело не в том, что она такая сильная, подумалось Моне, просто она знает, как и куда двигать свой вес. Голова Прайора свесилась на сторону, когда женщина закрепила его поперек груди черным ремнем. Мона начала было уже испытывать к нему жалость, но тут вспомнила Эдди.

— Что это?

Женщина наполняла белый пластиковый сосуд водой из хромированного крана.

Мона все пыталась это произнести, чувствуя, как под действием магика сердце норовит выскочить из груди. «Он убил Эдди», — пыталась сказать она, но ничего не выходило. Но потом, наверное, что-то получилось, поскольку женщина ответила:

— Ну, с него станется… если ему позволить.

Она выплеснула воду на Прайора — в лицо и по всей рубашке. Глаза его распахнулись; белок левого был целиком красным. Щелчок, между

металлическими зубцами шокера проскочили белые искры, когда женщина поднесла их к мокрой рубашке. Прайор заорал.

Джеральду пришлось опуститься на четвереньки, чтобы извлечь Мону из-под койки. Руки у него были мягкие и прохладные. Мона никак не могла вспомнить, как она там оказалась, но сейчас кругом все было тихо.

— Ты пойдешь с Молли, Мона, — сказал Джеральд; он был в сером пальто и черных очках.

Ее начало трясти.

— Думаю, стоит дать тебе что-нибудь от нервов.

Мона вырвалась и отпрянула:

— Нет! Не прикасайся ко мне, черт тебя побери!

— Оставь ее, Джеральд, — сказала от двери женщина. — Тебе пора уходить.

— По-моему, ты сама не знаешь, во что ввязалась, — ответил врач, — но все равно — удачи.

— Спасибо. Будешь скучать по этому месту?

— Едва ли. Я все равно собирался уйти на покой.

— И я собиралась, — сказала женщина, и Джеральд ушел, даже слова не сказав Моне на прощание.

— Есть какие-нибудь вещи? — спросила женщина. — Собери. Мы тоже уходим.

Одеваясь, Мона обнаружила, что платье на ее новой груди не сходится, так что пришлось оставить его незастегнутым, поверх надеть куртку Майкла и до подбородка поднять молнию.

28
Компания

Иногда ему было просто необходимо постоять здесь, глядя на Судью, или присесть на корточки на бетонном полу возле Ведьмы. Время, проведенное с ними, будто удерживало память от перескоков, ставило преграду не самим рецидивам, а тому порой возникавшему у него ощущению, отрывистому, неотчетливому чувству, будто пленка памяти все соскакивает и соскакивает с катушки, ее зажевывает… и с каждым разом теряются, уходят частички пережитого… Так и теперь — он сидел, а автоматы делали свое дело, и наконец он заметил, что рядом с ним примостилась Черри.

Джентри остался наверху, на чердаке, с Образом, который он наконец уловил. Он все нес что-то об «узле макроформа». А потому едва выслушал то, что Слик пытался ему рассказать о доме, обо всем этом безлюдном месте и о Бобби Графе.

Так что Слик спустился посидеть перед Следователем в темноте и холоде, мысленно перебирая все операции по его сборке, и какие для этого

потребовались инструменты, и где именно он откопал каждую из деталей, а потом Черри, протянув руку, коснулась его щеки холодными пальцами.

— Ты в порядке? — спросила она. — Я подумала, может, на тебя опять накатило…

— Нет. Просто иногда мне надо здесь посидеть.

— Но он подключил тебя к ящику Графа, да?

— Бобби, — сказал Слик, — его зовут Бобби. Я его видел.

— Где?

— Там, внутри. Там целый мир. Там есть серый дом, очень странный, вроде замка, и он в нем живет.

— Сам по себе?

— Он сказал, что Энджи Митчелл тоже…

— Наверное, он спятил. А она была там?

— Я ее не видел. Видел машину. Он сказал, что это ее.

— Последнее, что я слышала: она зависла в какой-то наркоклинике для знаменитостей на Ямайке.

— Не знаю, — пожал он плечами.

— Какой он из себя?

— Выглядит моложе. Кто угодно выглядел бы паршиво со всеми этими трубками и прочей дря-

нью. Сообразил, что Малыш Африка сбагрил его нам сюда с перепугу. Он сказал, что, если его придут искать, нужно подключить его к матрице.

— Зачем?

— Не знаю.

— Надо было спросить.

Он снова пожал плечами.

— Видела где-нибудь Пташку?

— Нет.

— Пора бы ему уже и вернуться… — Слик встал.

Пташка вернулся на закате, на мотоцикле Джентри. Темные крылья волос намокли от снега и мотались у него по плечам, пока он трясся через Пустошь. Слик поморщился: парень шел не на той передаче. Пташка поднимался по склону из расплющенных баков и нажал на тормоза как раз в тот момент, когда стоило дать газ. Черри охнула, увидев, как Пташка и мотоцикл распрощались друг с другом в воздухе. Мотоцикл на секунду завис, прежде чем, сделав сальто, рухнуть в нагромождение ржавых листов металла, составлявших когда-то одну из внешних построек Фабрики, а Пташка все катился и катился по зазубренному склону.

Почему-то грохота Слик так и не услышал. Он

стоял рядом с Черри в укрытии на грузовой платформе без дверей, а потом — без всякого перехода — уже несся на разъезжающихся ногах по снегу. Пташка лежал на спине с окровавленными губами, рот закрыт путаницей шнурков и амулетов, которые он носил на шее.

— Не трогай его, — сказала Черри. — Может, сломаны ребра или внутри все отбито…

На звук ее голоса Пташка открыл глаза. Вытянул губы и сплюнул кровь и обломок зуба.

— Не шевелись, — сказала девушка, опускаясь рядом с ним на колени и переключаясь на не допускающий возражений тон, которому она выучилась в школе медтехов. — Возможно, ты ранен.

— Ч-черта с два, дамочка, — выдавил тот и с помощью Слика с трудом встал на ноги.

— Кровотечение, — сказала девушка. — Ладно, задница. Можно подумать, мне очень хочется тут с тобой возиться.

— Не достал, — сказал Пташка, размазывая по лицу кровь. — Фургон то есть.

— Это я вижу, — ответил Слик.

— Марви и ребята, они не одни, у них там целая компания. Слетелись, как мухи на навоз. Пара ховеров, вертолет… Все эти парни.

— Какие парни?

— Вроде вояк, но они не солдаты. Солдаты валяют дурака, ржут, когда начальство не смотрит. А эти не так.

— Копы?

Марви и двое его братьев выращивали мутировавшие псилоцибины в дюжине полузарытых в землю железнодорожных цистерн. Иногда они пытались варить примитивные амины, но их самопальная лаборатория то и дело взрывалась. Это были ближайшие, если так можно назвать, постоянные соседи Фабрики. В шести километрах.

— Копы? — Пташка выплюнул еще один кусок зуба и с ухмылкой пощупал десну окровавленным пальцем. — Да что Марви такого незаконного делают? И с каких это пор копы могут позволить себе столько барахла: новехонькие ховеры, новая «хонда»?… — Он хмыкнул сквозь пленку слюны и крови. — Я поболтался по Пустоши, поглядел на них в трубу. Они не из тех ребят, с кем мне хотелось бы потрепаться, тебе бы тоже не захотелось. Как по-твоему, я вконец раздолбал мотоцикл Джентри?

— За мотоцикл не беспокойся, — сказал Слик. — Я думаю, Джентри занят другим.

— Эт’ хорошо… — Пташка поплелся по направ-

лению к Фабрике, чуть не упал, но удержался и побрел дальше.

— Да он упоротый, — сказала Черри.

— Эй, Пташка, — окликнул Слик, — а что с тем пакетом, который я тебе дал для Марви?

Пташка качнулся, сделал еще шаг, потом с трудом обернулся к ним:

— Потерял.

Потом он исчез, свернув за угол из гофрированной стали.

— Может, они ему приглючились? — предположила Черри. — Я имею в виду тех парней. И вообще все, что он видел.

— Сомневаюсь, — ответил Слик, утягивая ее поглубже в тень, когда к Фабрике из зимних сумерек скользнула черная «хонда» с погашенными огнями.

Взбираясь по раскачивающимся лестницам, он слышал, как «хонда» совершает над Фабрикой уже пятый круг: каждый раз вибрировала и гремела железная крыша. Теперь-то, подумал Слик, Джентри должен понять, что у них гости. Шаткий подвесной мостик Слик одолел в десять широких осторожных шагов. Он уже начал сомневаться, удастся ли вообще спустить Графа с его носилками, не приварив дополнительную продольную

штангу через пролет.

На залитый светом чердак он вошел без стука. Джентри сидел у верстака, склонив голову набок и глядя в широкое слуховое окно, заделанное прозрачным пластиком. На верстаке была свалена груда каких-то компьютерных деталей и мелких инструментов.

— Вертолет, — сказал Слик, тяжело дыша после крутого подъема.

— Вертолет, — задумчиво кивнул Джентри; подпрыгнул хвост спутанных волос. — Похоже, они что-то ищут.

— Я думаю, они это только что нашли.

— Наверное, это «Ядерная комиссия».

— Пташка видел людей у дома Марви. Говорит, у них там был вертолет. Ты меня не слушал, когда я пытался тебе объяснить, что он сказал.

— Пташка? — Джентри опустил глаза на блестящие детальки на верстаке. Подобрал два фитинга и скрутил их вместе.

— Граф! Он сказал мне…

— Бобби Ньюмарк, — перебил его Джентри, — да-да. Теперь я знаю о Бобби Ньюмарке гораздо больше.

За спиной Слика в дверях появилась Черри.

— Тебе придется что-то сделать с мостиком, —

сказала она, сразу же подходя к носилкам, — он слишком трясется. — И наклонилась проверить показания приборов.

— Подойди сюда, Слик. — Джентри встал и подошел к проекционному столу.

Слик последовал за ним, взглянул на светившееся там изображение. Оно напомнило ему ковры, которые он видел в сером доме, те же узоры и сочетания — только эти были сотканы из тончайших нитей неона и сплетались наподобие бесконечного узла. От попытки заглянуть в центр этого узла у Слика заболела голова. Он отвел взгляд.

— Что это? — спросил он Джентри. — То, что ты всегда искал?

— Нет. Я же тебе говорил. Это всего лишь узел, макроформ. Модель…

— У него там дом, похожий на замок, и трава, и деревья, и небо…

— У него гораздо больше всего. На целую вселенную больше. То, что ты видел, — конструкт, сработанный из коммерческого стима. А у него там — абстракция общей суммы всех данных, составляющих киберпространство. И все равно это намного ближе, чем мне удавалось подобраться раньше… Он не сказал тебе, что он там делает?

— Я не спрашивал.

— Тогда тебе придется сходить к нему еще раз.

— Эй, Джентри. Послушай. Этот вертолет, он вернется. Он вернется с двумя грузовиками парней, которые, как говорит Пташка, похожи на солдат. Они охотятся не за нами. Они пришли за ним.

— Может, это его люди. Может, они охотятся на нас.

— Да нет же. Он ведь мне сам говорил. Он сказал, что, если появится кто-то по его душу, мы по уши в дерьме и нам нужно подключить его к матрице.

Джентри опустил глаза на проводки, которые все еще держал в руке.

— Мы поговорим с ним, Слик. Ты возвращаешься — и на этот раз я иду с тобой.

29
Зимний путь[103]

Петал наконец дал согласие — но и то лишь после того, как Кумико предложила позвонить отцу и спросить разрешения у него. Петал с несчастным видом отправился шаркать шлепанцами в поисках Суэйна, а когда вернулся, вид у него не стал счастливее — ответом было «да». Закутанная в несколько слоев самой теплой своей одежды, она стояла в белом фойе, изучая литографии с охотничьими сценками, пока Петал за закрытыми дверьми инструктировал красномордого, которого, как выяснилось, звали Дик. Девочка не могла расслышать отдельных слов, до нее доносился лишь водопад предостережений вполголоса. Модуль «Маас-Неотек» лежал у нее в кармане, но она не спешила его касаться. Колин уже дважды принимался ее отговаривать.

Но вот лекция Петала закончилась, появился Дик. Его маленький жесткий рот был растянут в

---

[103] notes: 103

«Зимний путь» («Winterreise») — второй вокальный цикл Франца Шуберта, сочинен на стихи Вильгельма Мюллера в 1827 г.; сам Шуберт называл это свое произведение «венком жутких песен».

улыбке. Под тесный черный костюм он надел розовую кашемировую водолазку и тонкий овечьей шерсти жилет. Черные волосы плотно прилипали к черепу охранника, а бледные щеки затеняла успевшая отрасти щетина. Кумико легонько сжала в кармане модуль.

— Привет, — сказал Дик, оглядывая ее с ног до головы. — Так куда мы пойдем на прогулку?

— На Портобелло-роуд, — подсказал Колин, прислонившийся к стене возле загроможденной пальто вешалки.

Дик, протянув руку сквозь Колина, снял с плечиков пальто, надел его и застегнул. Затем натянул пару солидных черных кожаных перчаток.

— На Портобелло-роуд, — сказала Кумико, отпуская модуль.

— И давно вы работаете на мистера Суэйна? — спросила девочка, когда они шли по обледенелой подъездной дорожке.

— Достаточно давно, — ответил краснолицый. — Смотри не поскользнись, на таких-то каблучищах…

Кумико семенила на модных французских шпильках. Как она и предполагала, в этих сапогах было почти невозможно передвигаться по стеклянистой щербатой наледи тротуаров. Для

равновесия она взяла охранника за руку, почувствовав под пальцами полосу металла поперек костяшек. Перчатки были утяжеленными, пальцы усилены поликарбоновой сеткой.

Дик всю дорогу молчал, пока они не свернули на боковую улицу в конце подъездной дорожки, но, когда они вышли на Портобелло-роуд, внезапно остановился.

— Простите, мисс, — сказал он с некоторой заминкой в голосе, — это правда, что говорят ребята?

— Ребята? Прошу прощения?

— Ну, суэйновские. Его постоянные кадры. Они говорят, что вы дочь большого человека, токийского бонзы.

— Простите, — сказала она, — я вас не понимаю.

— Янака. Ваша фамилия Янака?

— Да, Кумико Янака…

Дик уставился на нее с откровенным любопытством. Потом по его лицу прошла тень тревоги, и он осторожно и очень внимательно огляделся по сторонам.

— Господи, — вырвалось у него, — так, значит, это правда… — Все его приземистое тело напряглось под туго застегнутым пальто. — Шеф сказал,

вы хотите пойти за покупками?

— Да, спасибо.

— Куда мне вас отвести?

— Сюда, — сказала она, уводя его в узкую галерею, основательно захламленную британским гоми.

Как выяснилось, экспедиции за покупками в Синдзюку сослужили ей хорошую службу и здесь. Приемы, которые она выдумывала, чтобы помучить секретарей отца, оказались вполне эффективными и на этой прогулке с Диком: бедолаге-охраннику пришлось включаться в бессмысленные дискуссии при выборе какого-нибудь эдвардианского медальона или фрагмента «старинного» витража. И каждый раз выходило так, что она покупала только вещи хрупкие, или тяжелые, или неудобные для переноски — и обязательно дорогие. Весело болтающая на двух языках продавщица любезно взяла у Кумико ее чип «Мицу-банка» и сняла за очередную покупку восемьдесят тысяч фунтов. Девочка потихоньку опустила руку в карман, где лежал модуль «Маас-Неотек».

— Очень изысканно, — сказала по-японски англичанка, упаковывая покупку — вазу из позолоченной бронзы, инкрустированную гри-

фонами.

— Полный кошмар, — прокомментировал по-японски Колин. — К тому же подделка. — Он растянулся на очень викторианской с виду софе, набитой конским волосом, закинув ноги на коктейльную стойку в стиле ар-деко, поддерживаемую двумя несущимися в полете алюминиевыми ангелами.

Продавщица добавила вазу к поклаже Дика. Это был одиннадцатый по счету антикварный магазин и восьмая покупка японки.

— Думаю, тебе пора делать свой ход, — посоветовал Колин. — В любую минуту Дик может позвонить в дом Суэйна и вызвать машину, чтобы забрали покупки.

— Хватит, наверное? — с надеждой спросил Дик из-за горы свертков.

— Еще один магазин, пожалуйста, — улыбнулась девочка.

— Хорошо, — мрачно ответил он.

Охранник замешкался, протискиваясь в дверь, а она тем временем загнала каблук в трещину на мостовой, которую приметила при входе.

— С вами все в порядке? — спросил он, увидев, что Кумико споткнулась.

— Я сломала каблук…

Проковыляв назад в магазин, девочка присела рядом с Колином на софу. Вокруг нее, желая помочь, засуетилась продавщица.

— Быстро снимай их, — посоветовал Колин, — пока Дик не положил покупки на мостовую.

Кумико расстегнула молнию на сапоге со сломанным каблуком, потом расстегнула на другом и сбросила оба. Вместо чулков грубого китайского шелка, какие она обычно носила зимой, ее ноги защищали тонкие черные каучуковые гольфы с жесткими пластиковыми подошвами. В дверях магазина она пригнулась и проскочила между расставленных ног Дика, но случайно толкнула его локтем в бедро, опрокинув охранника на витрину с гранеными хрустальными графинами.

И наконец Кумико свободна, продирается сквозь толпу туристов на Портобелло-роуд.

У нее очень замерзли ноги, но рубчатые пластиковые подметки давали великолепное сцепление — кроме как на льду, напомнила она себе, отряхивая с рук мокрый песок после того, как поскользнулась во второй раз. Колин отправил ее бегом по узкому проходу со стенами из закопченного кирпича…

Кумико крепче стиснула модуль.

— Теперь куда?

— Сюда, — сказал призрак.

— Мне нужно в «Розу и корону», — напомнила она ему.

— Прежде всего тебе нужно быть осторожной. На вызов Дикки сюда сейчас прибегут люди Суэйна, не говоря уже об охоте, какую способен объявить его дружок из Особого отдела, если его попросят. А я не вижу причины, почему бы его не попросить…

В «Розу и корону» девочка вошла через боковую дверь — с Колином у локтя, — оглянулась, испытывая благодарность за уютный полумрак паба и окутавшее ее тепло, которые, казалось, составляли суть этих питейных нор. Ее поразило обилие обивки повсюду — на стенах, на сиденьях — и глушащих звуки занавесей. Будь ткани и краски хоть чуть-чуть менее выцветшими, сам эффект был бы наверняка не столь теплым. Маленькая японка решила, что пабы, пожалуй, наиболее полно отражают британское отношение к гоми.

Подгоняемая Колином, она протолкалась через толпу подвыпивших завсегдатаев у стойки бара в надежде отыскать Тика.

— Что тебе, дорогуша?

Подняв глаза, девочка увидела над собой широкое лицо блондинки за стойкой — пятно яркой

помады, нарумяненные щеки.

— Прошу прощения, — начала Кумико, — мне бы хотелось поговорить с мистером Биваном…

— Мне пинту, Элис, — сказал кто-то справа, швыряя на стойку три десятифунтовые монеты, — лагера.

Элис нажала на белый керамический рычаг, наполняя кружку светлым пивом. Она поставила кружку на поцарапанную стойку и смахнула монеты в кассу.

— Тебя тут хотят на два слова, Биван, — сказала она, когда мужчина взялся за свою пинту.

Кумико взглянула вверх на плоское раскрасневшееся лицо. Верхняя губа у мужчины была слишком короткой, и Кумико почему-то вспомнились кролики, хотя Биван был очень массивным, почти с Петала. И глаза у него были кроличьи: круглые, коричневые, с очень узеньким ободком белка.

— Меня?

Акцент бармена заставил ее вспомнить о Тике.

— Скажи ему «да», — прошептал Колин. — Ему невдомек, почему маленькая японская девочка в гольфах явилась к нему в пивную.

— Я хочу найти Тика.

Биван равнодушно разглядывал ее поверх

кружки.

— Извини, — сказал он, — боюсь, я не знаю никого с таким именем.

Он выпил.

— Салли сказала мне, что, если Тика здесь не будет, я должна разыскать вас. Салли Ширс…

Биван подавился пивом, выпучил глаза. Поставил кружку на стойку, закашлявшись, и вытащил из кармана пальто носовой платок. Сморкнулся и утер рот.

— Моя смена в пять, — сказал он. — Лучше пройдем в подсобку.

Элис подняла откидную панель, и Биван, быстро глянув через плечо, махнул Кумико ладонью-лопатой, чтобы проходила за стойку. Узкий коридорчик вел в тесное помещение за баром. Неровные кирпичные стены подсобки покрывал толстый слой грязно-зеленой краски. Биван остановился возле помятой стальной корзины с махровыми полотенцами, от которых воняло пивом.

— Если это какая-то подстава, девочка, ты об этом сильно пожалеешь, — процедил он. — Скажи мне, на что тебе сдался этот Тик?

— Салли в опасности. Мне нужно найти Тика. Я должна ему кое-что рассказать.

— Черт побери, — буркнул бармен. — Поставь себя на мое место…

Колин сморщил нос, посмотрев на сырые полотенца в корзине.

— Да? — спросила Кумико.

— Если ты наркополицай, а я отправлю тебя искать этого Тика, при условии, что я его знаю, а он как-нибудь отоврется, то он мне никакого житья не даст, так? А если нет, то есть еще эта Салли, тогда, промолчав, я огребу от нее, понимаешь?

Кумико кивнула:

— Между молотом и наковальней.

Эту идиому однажды употребила Салли, и Кумико находила ее очень поэтичной.

— Вот именно, — отозвался Биван, как-то странно посмотрев на девочку.

Он запустил руку в редеющие рыжеватые волосы.

— И все же ты мне поможешь, — услышала она свой голос, чувствуя, как со щелчком встает на место холодная маска матери. — Скажи мне, где найти Тика.

Бармен поежился, хотя в подсобке было тепло, даже слишком. К запаху пива примешивался едкий дух дезинфекции.

— Ты знаешь Лондон?

Колин подмигнул.

— Я найду дорогу, — ответила девочка.

— Биван, — окликнула Элис, высовываясь из-за угла, — легавые!

— Полиция, — перевел Колин.

— Маргейт-роуд, эс-вэ-два[104], — быстро проговорил Биван, — не знаю ни номера квартиры, ни телефона.

— Скажи ему, чтобы вывел тебя через черный ход, — сказал Колин. — Это не простые полицейские.

Кумико всегда будет помнить это бесконечное путешествие по станциям городской подземки. Как Колин повел ее от «Розы и короны» к Холланд-парку и дальше вниз, объясняя по пути, что ее чип «Мицу-банка» теперь не просто бесполезен — опасен. Если она воспользуется им, чтобы заплатить в такси или за любую покупку, сказал призрак-гид, транзакция магниевой вспышкой полыхнет в решетке киберпространства, где ее тотчас увидит поисковик Особого отдела. Но ей нужен Тик, настаивала девочка, ей нужно на Маргейт-роуд. Колин нахмурился. Не сейчас,

---

[104] notes: 104

SW2 — почтовый индекс в юго-западном Лондоне (South Western), соответствующий району Брикстон.

сказал он, подумав, подожди до темноты. До Брикстона недалеко, но улицы для тебя слишком опасны при дневном свете, учитывая то, что вся полиция на стороне Суэйна. Но где мне спрятаться, спросила она. У нее очень мало наличных; сама идея валюты — монет и клочков бумаги — казалась маленькой японке эксцентричной и непостижимо чужой.

— Здесь, — сказал он, когда лифт вез ее вниз на станцию «Холланд-парк». — И всего за стоимость одного билета.

Выпуклые серебристые силуэты поездов.

Мягкие старые сиденья в серо-зеленых тонах.

Тепло, восхитительное тепло. Еще одна нора, здесь, в царстве непрестанного движения…

30
Добыча

Аэропорт засосал нетвердо держащуюся на ногах Даниэллу Старк в коридор, вдоль пастельных стен которого жались репортеры. Объективы камер и глаза-имплантаты пялились из толпы на звезду, в то время как Порфир и трое парней из службы безопасности «Сенснета» увлекали Энджи за собой сквозь смыкающееся кольцо журналистов. Ритуальный балетный номер, целью которого было не столько защитить звезду, сколько привнести в ролики чуточку драматизма. Каждого присутствующего уже сто раз проверила служба безопасности и пиар-отдел.

Наедине с Порфиром она оказалась лишь в скоростном лифте — по пути к вертолетной площадке, которую «Сенснет» держал на крыше терминала.

Дрогнув, разошлись двери, и в кабину ворвался ветер, сырой и холодный. На ярко освещенном пятачке бетона их ждала очередная троица охранников в гигантских флюоресцентно-оранжевых парках. Энджи вспомнила, как впервые

увидела Муравейник. Она тогда ехала с Тернером на поезде из Вашингтона.

Одна из оранжевых парок быстро провела их по безупречно чистой полосе бетона к большому двухвинтовому «фоккеру», отделанному черным хромом. Первым по паутинчатому матово-черному трапу поднялся Порфир. Энджи последовала за ним, ни разу не оглянувшись.

Она чувствовала, что созрела для решительных действий. Она свяжется с Гансом Беккером через его агента в Париже. Номер есть у Континьюити. Пришло время вмешаться и ускорить события. И ей придется серьезно поговорить с Робином. Он ведь ждет ее сейчас в том самом отеле.

Вертолет посоветовал пристегнуть ремни.

Машина плавно поднялась в воздух; в кабину не проникало ни звука, только чувствовалось, как вибрирует корпус. На какое-то мгновение Энджи показалось, что она способна удержать в сознании разом всю свою жизнь — распознать то, что она есть на самом деле. Именно эту суть, думала она, и скрывала пыль, именно потому сулила свободу от боли.

И расставание с душой, произнес из сияния свечей и гуда пчелиных ульев железный голос…

— Мисси? — С соседнего сиденья к ней накло-

нился Порфир…

— Мне снилось…

Много лет назад что-то, затаившись, поджидало ее в «Сенснете». Нечто иной природы, не той, что лоа, не той, что Легба и другие… хотя Легба — Хозяин Перекрестков; он — синтез, квинтэссенция магии, коммуникаций…

— Порфир, — спросила она, — почему уехал Бобби?

Она смотрела в окно на сеть светящихся линий — магистрали Муравейника, на купола, выхваченные из тьмы красными сигнальными огнями, но вместо города видела информационные ландшафты, которые всегда манили Бобби назад — к той единственной игре, в которую, по его словам, только и стоит играть.

— Если не знаешь ты, мисси, — отозвался Порфир, — то кто же тогда может знать?

— Но до тебя же доходят все разговоры. Все. Все слухи. Ты всегда все знал…

— Почему ты спрашиваешь меня сейчас?

— Время пришло…

— Я помню *сплетни*, понимаешь? То, что болтают за спинами знаменитостей. Некто, якобы знавший Бобби, что-то кому-то сказал, и пошло-поехало… О Бобби имело смысл посудачить, так

как он был с тобой, понимаешь? Это неплохая отправная точка, мисси, поскольку мы же знаем, что его самого эта роль вряд ли устраивала. Что говорили: он, мол, хотел пробиться сам, а вместо признания нашел тебя, и ты стала подниматься куда выше и быстрее, чем он мог бы даже мечтать. Ты взяла его с собой *наверх*, понимаешь? Туда, где такие деньги, что даже не снились ему в его Барритауне, просто мелочь…

Не сводя глаз с Муравейника, Энджи кивнула.

— Поговаривали, что у него были свои амбиции, мисси. Что-то гнало его. И в результате прогнало прочь…

— Я никогда не думала, что он может меня бросить, — сказала она. — Когда я впервые оказалась в Муравейнике, это было как родиться заново. Новая жизнь. И он уже был в ней, с самой первой ночи. Позднее, когда Легба… когда я попала в «Сенснет»…

— Когда ты начала превращаться в Энджи.

— Да. И как бы это меня ни меняло, я знала, что он всегда будет рядом. Я знала, что он никогда не купится на эту мишуру. Мне так нужно было это его отношение к «Сенснету», понимаешь? Как он считал, что моя слава и все эти стимы — обычная афера…

— А при чем тут «Сенснет»?

— Скорее, дело в Энджи Митчелл. Он знал, в чем разница между мною и звездой симстима.

— Знал ли?

— Возможно, именно он и был этой разницей.

Далеко внизу проплывают светящиеся нити…

Старое здание «Нью-Судзуки-Энвой» было любимым отелем Энджи в Муравейнике — с самых первых дней ее пребывания в «Сенснете».

До одиннадцатого этажа вверх тянулся обычный фасад, потом он начинал сужаться, и следующие девять уступов походили на горный склон, сложенный из скальных пород. Породу извлекли при закладке фундамента нового здания на Мэдисон-Сквер. Первоначальный план требовал, чтобы этот отвесный ландшафт был засажен флорой долины Гудзона и населен соответствующей фауной. Но вскоре начали возводить первый манхэттенский купол, и пришлось вызвать команду экодизайнеров из Парижа. Французские экологи, привыкшие к «чистым» дизайнерским проблемам орбитальных комплексов, ужаснулись, столкнувшись с загрязненной атмосферой Муравейника. Они предпочли сделать ставку на генную инженерию, чтобы вывести искусственные штаммы растительности, и на робофауну

вроде той, что используется в детских развлекательных парках. А постоянное покровительство Энджи со временем наделило отель особой аурой. «Сенснет» взял в долгосрочную аренду пять верхних этажей, оборудовав их под ее постоянные апартаменты, и «Нью-Судзуки-Энвой» приобрел запоздалую популярность среди артистов и деятелей шоу-бизнеса.

Энджи улыбнулась, когда вертолет прошел рядом с безучастным механическим горным бараном, делающим вид, что пережевывает лишайник возле подсвеченного водопада. Абсурдность этой сцены посреди Муравейника всегда ее радовала. Даже Бобби разделял ее радость.

Она перевела взгляд на вертолетную площадку на крыше здания, где недавно логотип «Сенснета» заново вывели яркой краской на постоянно подогреваемом и ярко освещенном бетоне. Возле скульптурного выступа скалы стояла одинокая фигура, почти неразличимая под огромной ярко-оранжевой паркой.

— Робин, наверное, уже здесь, как ты думаешь, Порфир?

— Миста Ланье, — кисло отозвался парикмахер.

Энджи вздохнула.

Черный хромированный «фоккер» мягко приземлился; в баре тихонько зазвенели бутылки, когда шасси коснулось бетона крыши. Дрожь мотора утихла.

— Порфир, что касается Робина, то первый шаг придется сделать мне. Я собираюсь поговорить с ним сегодня вечером. Наедине. А пока что будь так добр держаться от него подальше.

— Порфир только рад, мисси, — произнес парикмахер, когда за их спинами открылась дверца кабины.

И вдруг рванулся, дернул пряжку пристежного ремня, а Энджи, повернувшись, увидела в проеме оранжевую парку, поднятую руку, зеркальные очки. Шума от пистолета было не больше, чем от зажигалки, но Порфир конвульсивно дернулся, его длинная черная рука схватилась за горло. Охранник, задвинув за собой дверцу, бросился к Энджи.

Что-то твердое ткнулось ей в живот. Порфир, как тряпичная кукла, обмяк на сиденье, изо рта у него высунулся острый кончик розового языка. Непроизвольно она опустила глаза — всего-навсего черная хромированная пряжка пристежного ремня с налепленным на нее ромбом из зелено-

ватого пластика.

Потом взгляд Энджи уперся в белый овал лица, обрамленный оранжевым нейлоновым капюшоном. Энджи увидела собственное лицо — белое от шока, удвоенное серебром линз.

— Он что-нибудь пил сегодня?

— Что?

— Он. — Большой палец дернулся в сторону Порфира. — Он пил какой-нибудь алкоголь?

— Да… пару часов назад.

— Вот черт. — Голос был женский. Фигура повернулась к потерявшему сознание парикмахеру. — А я вкатила ему транквилизатор. Не хотелось бы подавить дыхательный рефлекс, знаешь ли. — (Энджи смотрела, как женщина щупает Порфиру пульс.) — Думаю, с ним все в порядке. — Кажется, женщина пожала плечами где-то в глубинах своей огромной парки.

— Охрана?

— Что? — Блеснули очки.

— Вы из службы безопасности «Сенснета»?

— Черт побери, нет. Это похищение.

— Вы меня похищаете?

— А то.

— Почему?

— Причина не самая очевидная. Кое-кто точит

на тебя зуб. И на меня тоже. Предполагалось, что этим займусь я, то есть уволоку тебя на следующей неделе. Хрен им. Все равно мне надо с тобой поговорить.

— Вам? Поговорить со мной?

— Ты знаешь кого-нибудь по имени три-Джейн?

— Нет. То есть да, но…

— Побереги дыхание. Уносим ноги. Быстро.

— Порфир…

— Он скоро очнется. И мне бы не хотелось при этом присутствовать…

31
3-Джейн

Если все это тоже находится в загородном доме Бобби, подумал Слик, открывая глаза посреди какого-то закругленного узкого коридора, то дом его — еще более странное место, чем ему показалось в первый раз. Воздух в проходе был плотный и словно бы мертвый. Светящаяся полоса зеленоватой стеклянной плитки на потолке создавала впечатление, будто бредешь глубоко под водой. Потолок и стены туннеля — из какого-то стекловидного бетона. По ощущению — тюрьма.

— Наверное, мы вышли в подвал или в какое другое подобное помещение, — сказал он, обратив внимание на слабое эхо от своих слов.

— Не вижу причины, почему мы должны были попасть в тот же самый конструкт, который ты видел раньше, — возразил Джентри.

— Тогда что это? — Слик тронул бетонную стену, та была теплой на ощупь.

— Какая разница, — отозвался Джентри.

Не оглядываясь по сторонам, Джентри зашагал вперед. За поворотом пол превратился в неров-

ную мозаику из битого фарфора — осколки были вплавлены во что-то, похожее на эпоксидку, скользкую под подошвами.

— Взгляни на это…

Тысячи различных узоров, и все из осколков, и никакого общего замысла — яркие кусочки подобраны наобум, по чистой случайности.

— Искусство. — Джентри пожал плечами. — Чье-то хобби. Кому, как не тебе, это оценить, Слик Генри.

Кто бы ни были эти дизайнеры, о стенах они не побеспокоились. Слик присел, чтобы провести пальцами по мозаике пола, почувствовал зазубренные края битой керамики, гладкий твердый пластик между ними.

— Хобби? Что ты имеешь в виду?

— Это вроде тех штук, которые делаешь ты, Слик. Эти твои игрушки из металлолома… — Губы Джентри опять вытянулись в напряженную, сумасшедшую усмешку.

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Слик. — Угробил свою дурацкую жизнь, чтобы сообразить, какая форма у этого твоего киберпространства, а у него, может, и формы-то никакой нет. И потом, кому до этого дело?

Ничем случайным ни в Судье, ни в остальных

и не пахло. Процесс был случаен, но результаты должны были отвечать внутренней боли, которую он не мог выказать напрямую.

— Да ладно тебе, — пожал плечами Джентри. — Пошли.

Но Слик не двинулся с места, лишь поднял глаза, увидел напряженное лицо. Бледные, тусклые глаза в этом призрачном свете казались серыми. И почему он вообще терпит Джентри?

Потому что на Пустоши нельзя прожить одному. Плевать на электричество. Вся эта хозяйственная рутина, в сущности, дребедень. Просто нужен кто-то рядом. С Пташкой не поговоришь: парнишку вообще мало что интересует, а кроме того, все, что он мелет, сплошь захолустная чушь. И пусть Джентри ни за что этого не признает, Слик чувствовал, что тот понимает многое.

— Ладно, — сказал Слик, вставая, — пошли.

Туннель скручивался, завивался кишками. Участок с мозаичным полом остался позади, за бог знает сколькими поворотами и спусками-подъемами по коротким винтовым лестницам. Слик все пытался представить себе, как выглядит снаружи здание, у которого такие подвалы, и не мог. Джентри шагал быстро, не переставая щуриться и покусывая губу. Слику казалось, что

воздух становится все более спертым.

Поднявшись по еще одной лестнице, они вышли на прямой отрезок коридора, сходящегося вдали в точку, причем и справа, и слева. Коридор был шире предыдущих участков с поворотами, и пол здесь был бугристым и мягким от множества небольших мохнатых ковриков, слоями разложенных на бетоне. Каждый коврик имел собственный узор и расцветку — в основном красных и синих тонов, — но, если вглядеться, все орнаменты состояли из одних и тех же зубчатых ромбов и треугольников. Запах пыли стоял здесь гуще, и Слик решил, что это от ковров: они выглядели совсем ветхими. Те, что лежали наверху и поближе к центру, местами были протерты до дыр. Тропа. Будто кто-то годами ходил здесь туда-сюда. Одни секции световых полос над головой были совсем темными, другие слабо пульсировали.

— Куда теперь? — спросил он Джентри.

Тот смотрел себе под ноги, теребя большим и указательным пальцем пухлую губу.

— Туда.

— С чего ты взял?

— Потому что это совершенно не важно.

От хождения по коврам у Слика устали ноги.

Приходилось следить за тем, чтобы не споткнуться, попав носком в протертую кем-то дыру. Однажды он наступил на стеклянную плитку, отвалившуюся от полосы освещения. Через равные промежутки им попадались участки стен с забетонированными арками. Они выделялись своей более светлой фактурой.

— Джентри, мы, наверное, где-нибудь под землей. В каком-то подвале.

Но Джентри лишь поднял руку, так что Слик ткнулся в нее, и оба они замерли, уставившись на девушку, стоящую за ковровыми волнами в конце коридора. Видение было не далее чем в десятке метров от них.

Она сказала что-то на языке, который Слик принял за французский. Голос был звонким и музыкальным, но тон — деловым. Девушка улыбнулась. Спутанные темные волосы только усиливали ее неестественную бледность. Красивое лицо с высокими скулами, тонкий длинный нос, широкий рот.

Слик почувствовал, как у его груди дрожит рука Джентри.

— Все в порядке, — сказал он, отводя руку ковбоя. — Мы просто ищем Бобби.

— Все ищут Бобби, — ответила незнакомка с

акцентом, которого Слик не смог распознать. — Я сама его ищу. Его тело. Вы не видели его тела? — Она сделала шаг назад, будто собираясь убежать.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, — сказал Слик, внезапно ощутив собственный запах, идущий от въевшейся в джинсы и коричневую куртку смазки. И Джентри, если подумать, выглядел не очень-то успокаивающе.

— Пожалуй, нет, — сказала она; в тусклом свете блеснули белые зубы. — Но опять же, я не уверена, что вы оба мне нравитесь.

Слику очень хотелось, чтобы Джентри сказал хоть что-нибудь, но тот молчал.

— Ты знаешь его… Бобби? — рискнул он.

— Он настоящий умница. Необычайно умен. Хотя не могу сказать, что он мне действительно нравится. — Ее черный свободный балахон свисал до колен. Девушка была босиком. — Тем не менее мне нужно… его тело. — Она рассмеялась.

Все

изменилось.

— Соку? — спросил Бобби Граф, протягивая высокий стакан с чем-то желтым.

В воде бирюзового озерца отражались солнечные зайчики, мечущиеся по пальмовым листьям над головой. На Бобби не было никакой одежды, если не считать темных очков.

— Что с твоим другом? — спросил он.

— Ничего особенного, — услышал Слик голос Джентри. — Он отсидел срок на искусственном синдроме Корсакова. Такие переходы пугают его до чертиков.

Слик неподвижно лежал в белом железном шезлонге с синими подушками, чувствуя, как сквозь промасленные джинсы припекает солнце.

— Ты тот, про кого он говорил? — спросил Бобби. — Тебя зовут Джентли? Владелец фабрики?

— Джентри.

— Ты ковбой. — Бобби улыбнулся. — Компьютерный жокей. Спец по киберпространству.

— Нет.

Бобби потер подбородок:

— Знаешь, мне тут бриться приходится. Порезался, теперь вот шрам… — Он отпил полстакана сока и вытер ладонью рот. — Так ты не ковбой? А как же ты тогда сюда попал?

Джентри расстегнул расшитую бисером кожанку, обнажив белую как мел, безволосую грудь.

— Сделай что-нибудь с солнцем, — сказал он.

Сумерки. Вот так. Даже никакого щелчка. Слик услышал собственный стон. В пальмах за выбеленной стеной шуршали насекомые. На ребрах остывал пот.

— Прости, приятель, — сказал Бобби Слику. — Твой синдром Корсакова, должно быть, очень неприятная штука. Но это место просто прекрасно. Недалеко от Вальярты[105]. Принадлежало когда-то Тэлли Ишем… — Тут он снова повернулся к Джентри. — Если ты не ковбой, приятель, то кто же ты?

— Я такой же, как ты, — сказал Джентри.

— Я ковбой.

Над головой Бобби вверх по стене наискось проскользнула ящерица.

— Нет. Ты здесь не для того, чтобы что-то

---

[105] notes: 105

Пуэрто-Вальярта — курортный город в мексиканском штате Халиско, расположен на берегу тихоокеанской бухты Баия-де-Бандерас. Назван в честь Игнасио Вальярты (1830–1893), бывшего губернатора штата.

украсть, Ньюмарк.

— Откуда ты знаешь?

— Ты здесь, чтобы кое-что узнать.

— Это одно и то же.

— Нет. Когда-то ты был ковбоем, но теперь стал кем-то другим. Ты кое-что ищешь, однако красть это не у кого. Я тоже это ищу.

И Джентри начал ему объяснять про Образ. Резные тени пальм уже сгустились в мексиканскую ночь, а Бобби сидел и слушал.

Когда Джентри закончил, Бобби долго молчал.

— М-да, — протянул он через некоторое время. — Ты прав. Себе-то я говорю, что пытаюсь выяснить, как произошла Перемена. Что ее вызвало.

— А до нее, — подхватил Джентри, — киберпространство не имело Образа.

— Эй, — вмешался Слик, — до того как попасть сюда, мы побывали где-то еще. Что это было?

— «Блуждающий огонек», — сказал Бобби. — На верху колодца. На орбите.

— Кто та девушка?

— Девушка?

— Темноволосая, худощавая.

— А, эта, — донесся из темноты голос Бобби, — это три-Джейн. Вы ее видели?

— Странная она, — сказал Слик.

— Она мертвая, — сказал Бобби. — Вы видели ее конструкт. Растранжирила все состояние своей семьи, чтобы построить эту штуку.

— Ты… э-э… живешь с ней? Здесь.

— Она терпеть меня не может. Видишь ли, я это все украл. Увел ее «ловца душ». Когда я рванул в Мексику, она уже успела загрузить в «алеф» свой конструкт, так что она была тут раньше. Закавыка в том, что она умерла. Я хочу сказать, во внешнем мире умерла. А тем временем все ее дерьмо там, снаружи, все ее аферы, махинации живут себе поживают. Ими заправляют ее адвокаты, шестерки всякие… — Он усмехнулся. — Ух как это ее бесит. Люди, которые рвутся на вашу фабрику, чтобы забрать «алеф», работают на подставное лицо, а то — на тех, кого она наняла еще на Побережье. Но да, мне случалось заключать с ней сделки, мы кое-чем обменивались. Психованная она или нет, но ей палец в рот не клади…

Даже никакого щелчка.

Сперва Слик решил, что они вернулись в тот серый дом, где он встретил Бобби впервые, но эта комната была меньше, и ковры и мебель отличались от тех, правда, он не мог сказать чем. Богато,

но без показного блеска. Тишина. На длинном деревянном столе горела лампа под зеленым стеклянным абажуром.

Высокие окна с выкрашенными белой краской рамами разделяют белизну за окнами на равные прямоугольники, и белизна эта, наверное, снег… Он стоял, касаясь щекой мягкой шторы, глядя в обнесенную каменной оградой снежную пустоту.

— Лондон, — говорил тем временем Бобби. — Ей пришлось отдать мне это в обмен за серьезную вуду-хрень. Думаю, они не захотели иметь с ней никаких дел. Много ей это, черт побери, дало! А вот они стали как-то блекнуть, расплываться, что ли. Иногда их еще можно вызвать, но отдельные личности сливаются…

— Все сходится, — сказал Джентри. — Они вышли из первопричины, из того, «Когда Все Изменилось». До этого ты уже додумался. Но ты еще не знаешь, что именно там произошло, так?

— Нет. Знаю только где. В «Блуждающем огоньке». Она рассказала мне эту часть истории. Думаю, это все, что она знает. На самом деле ей на это плевать. Ее мать создала парочку ИскИнов, очень давно, когда они только-только начали появляться. Судя по всему, мощные были штуки.

Потом мать умерла, а ИскИны остались вариться в собственном соку. Один из них затеял собственную игру. Хотел слиться со вторым…

— Слился. Вот тебе первая причина. Все изменилось.

— Так просто? Откуда ты знаешь?

— Потому что я шел к этому с другой стороны, — сказал Джентри. — Ты занимался причиной и следствием, а я искал контуры, образы во времени. Ты обшарил всю матрицу внутри, а я рассматривал ее снаружи как единое целое. Я знаю то, чего не знаешь ты.

Бобби не ответил. Слик отвернулся от окна и увидел девушку, ту самую. Она стояла у противоположной стены наискосок от него. Просто стояла.

— Дело не в одних лишь тессье-эшпуловских ИскИнах, — продолжал Джентри. — На верх колодца поднялись люди, чтобы взломать базы данных «Т-Э». У них был китайский военный ледоруб.

— Кейс, — вставил Бобби. — Парень по имени Кейс. Эту часть я знаю. Синергический эффект…

Слик наблюдал за девушкой.

— И сумма оказалась больше слагаемых? — Судя по всему, Джентри действительно наслаждался

разговором. — Кибернетический бог? По воде аки посуху?

— Ага, — сказал Бобби. — Вроде того.

— Все, пожалуй, несколько сложнее, — сказал Джентри и рассмеялся.

А девушка исчезла. Никакого щелчка.

Слик вздрогнул.

32
Зимний путь (2)

Ночь спустилась, когда вечерняя толчея достигла своего пика, но все равно это было не похоже на Токио — никаких тебе толкателей-осия, чья работа была вклинивать в набитый вагон запоздалых пассажиров перед самым закрытием дверей. Стоя на ветреной платформе Центральной линии, Кумико задумчиво изучала опускающуюся на город розовую дымку заката. Колин прислонился к сломанному торговому автомату с рядом пыльных, в трещинах, окошек.

— Теперь пора, — сказал он, — и на станциях «Бонд-стрит» и «Оксфорд-Серкус» держись скромнее и старайся опускать голову.

— Но мне же придется заплатить на выходе?

— Есть способы и отвертеться, — сказал он, отбрасывая челку со лба.

Девочка направилась к лестницам, не спрашивая его больше, как добраться до противоположной платформы. Ноги у нее снова замерзли, и она не могла удержаться от мыслей о меховых ботинках, которые остались стоять в шкафу в ее

комнате в доме Суэйна. Она решилась на сочетание каучуковых гольфов на жесткой подметке и французских сапожек на высоком каблуке, чтобы усыпить бдительность Дика — пусть даже не думает, будто она способна бежать. Но теперь с каждым укусом холода она об этом жалела.

Проходя по туннелю к соседней платформе, Кумико разжала руку на модуле — Колин мигнул и исчез. Стены туннеля покрывала истертая белая керамическая плитка с декоративной полосой зелени. Девочка вынула руку из кармана, и на ходу вела пальцами по зеленым квадратам, думая о Салли и Финне и о том, что зима в Муравейнике пахнет иначе, как вдруг дорогу ей ловко заступил первый Дракула. В мгновение ока она оказалась в тесном кольце — четыре черных дождевика, четыре обтянутых кожей мертвенно-бледных черепа.

— О! — проговорил первый. — Какая встреча.

Они смотрели друг на друга в упор — Кумико и Дракула. От него несло табаком. Мимо них текла своей дорогой вечерняя толпа, укутанная в основном в темную шерсть.

— Надо же, — протянул голос справа. — А это еще что такое?

Рука в черной перчатке из потрескавшейся

кожи поворачивала у нее перед носом модуль «Маас-Неотек».

— Модная зажигалка, а? Пощупаем япошку?

Рука Кумико непроизвольно скользнула в карман, прошла его насквозь — сквозь бритвенный разрез — и схватила воздух. Паренек захихикал.

— Денежки у нее в сумке, — сказал другой. — Помоги-ка ей, Рег.

Взмах рукой, и кожаный ремешок сумочки оказался перерезанным надвое.

Первый Дракула подхватил сумку, с ловкостью профессионала обернул вокруг нее болтающиеся концы ремешка и засунул себе за пазуху.

— Вот так-то!

— Эге, да они у нее в штанцах!

Смех — это она зашарила под несколькими слоями свитеров. Живот резануло болью, когда она обеими руками рывком высвободила примотанный изолентой пистолет — и ткнула дулом в щеку того, кто держал модуль.

Ничего не произошло.

И тут остальные трое стремглав рванули к лестнице в дальнем конце туннеля, ботинки с высокой шнуровкой разъезжались на талом снегу; длинные плащи крыльями бились на ветру. Вскрикнула какая-то женщина.

А они так и стояли, застыв на месте, — Кумико и Дракула; дуло пистолета прижималось к левой скуле мальчишки. От напряжения у Кумико начали дрожать руки.

Девочка смотрела ему прямо в глаза; карие зрачки Дракулы расширились от древнего примитивного страха. На лице ее была маска матери. Что-то ударилось у ног о бетон: модуль Колина.

— Бегом! — сказала она.

Дракула конвульсивно дернулся, открыл рот, издал приглушенный всхлип и вывернулся из-под пистолетного дула.

Опустив глаза, Кумико увидела модуль «Маас-Неотек» в лужице серой талой воды. Рядом лежал чистый серебристый треугольник бритвы. Нагнувшись за модулем, девочка увидела, что его корпус треснул. Она вытрясла жижу из трещины и изо всех сил сжала модуль в руке. Туннель теперь будто вымер, кругом — ни души. Колина тоже не было. Огромный пневматический «вальтер» Суэйна оттягивал руку.

Подойдя к урне, Кумико спрятала пистолет между жирной пленкой пищевой упаковки и аккуратным свертком ньюсфакса. Уже собралась уходить, но потом повернулась и забрала факс.

Вверх по ступенькам.

Кто-то на платформе указал на нее пальцем, но тут с древним грохотом подкатил поезд, и двери за ней сомкнулись.

Она следовала инструкциям Колина — «Уайт-Сити», «Шепердс-Буш», «Холланд-парк»; спрятала лицо в факс, когда поезд замедлял ход перед «Ноттинг-Хиллом» (король, который был очень стар, уже умирал), и держала комок перед собой всю «Бонд-стрит». На станции «Оксфорд-Серкус» царило настоящее столпотворение. Она была благодарна толпе за укрытие.

Колин говорил, что со станции можно выйти бесплатно. После некоторого раздумья она решила, что так оно, вероятно, и есть: требуются лишь скорость и подходящий момент. Впрочем, другого выбора у нее и не было: сумочка с чипом «Мицубанка» и несколькими английскими монетами исчезла вместе с Джеками Дракулами. Десять минут Кумико наблюдала за тем, как пассажиры скармливают автоматическим турникетам желтые пластиковые билеты, потом глубоко вдохнула и побежала. Вверх по ступенькам, прыжок, сзади крики и громкий смех, и снова все вверх и вверх.

Когда она добежала до выхода, перед ней раскинулась Брикстон-роуд — похожая на Синдзюку,

только обветшалую, запруженная лотками с дымящейся едой.

33
Звезда

Она ждала в машине, и ей это не нравилось. Мона никогда не любила ждать, а принятый магик делал ожидание просто невыносимым. Ей приходилось постоянно напоминать себе не скрипеть зубами, поскольку, что бы там ни сотворил с ними Джеральд, десны все равно болели. Да что говорить, болело все тело. Пожалуй, магик — это была не слишком удачная мысль.

Машина принадлежала Молли, так Джеральд назвал эту женщину. Самая обычная серая японская тачка, как у какого-нибудь пиджака, довольно симпатичная, но ничего особенного, в глаза не бросается. Внутри — запах новой вещи, а на трассе, когда они выбрались из Балтиморы, машина оказалась действительно быстрой. В ней был встроенный компьютер, но женщина всю обратную дорогу до Муравейника вела сама, а теперь машина стояла припаркованной на крыше двадцатиэтажной автостоянки. Судя по всему, стоянка находилась где-то неподалеку от отеля, куда ее привез Прайор, потому что отсюда Моне

было видно то сумасшедшее здание, прикинутое под горный склон с водопадом. Машин тут было немного, да и те припорошены снегом, как будто давно так стоят. Если не считать двух парней в будке при въезде — вокруг ни души.

Ну вот, приехали: столько людей, центр самого большого в мире города — а она сидит на заднем сиденье тачки одна-одинешенька. Сказано ждать.

По дороге из Балтиморы женщина говорила мало, только время от времени задавала вопросы. Но магик не давал Моне покоя, заставляя болтать без умолку. Она болтала и болтала — о Кливленде и Флориде, об Эдди и Прайоре.

А потом они заехали сюда наверх и остановились.

Этой Молли нет уже с час, а может, и больше. Чемодан она забрала с собой. Единственное, чего смогла добиться от нее Мона, так это что с Джеральдом Молли давно знакома, а Прайор ничего об этом не знал.

В салоне делалось все холоднее, поэтому Мона перебралась на переднее сиденье и включила обогреватель. Просто прикрутить его и оставить работать вполсилы нельзя, потому что это посадит аккумулятор; Молли сказала, что, если такое

произойдет, они окажутся по уши в дерьме.

— Потому что, когда я вернусь, мы по-быстрому отчалим.

Потом она показала Моне, где под водительским сиденьем лежит спальник.

До отказа выкрутив обогреватель, Мона подставила руки под струю теплого воздуха. Поиграла переключателями маленького экрана на приборной доске, замелькали новости. Король Англии болен — еще бы, в его-то годы. В Сингапуре новое заболевание; никто от него не умер, но пока неизвестно, как оно передается и как лечится. Поговаривают о заварушке в Японии: мол, ребята из двух группировок якудза стараются переубивать друг друга, но никто ничего не знает наверняка. Якудза — вот о чем любил потрепаться Эдди. Потом распахнулись двери, и под руку с потрясающим черным парнем вышла Энджи, а голос за кадром говорил, что это прямая трансляция, что звезда только что прибыла в Муравейник после кратких каникул в своем доме в Малибу, последовавших за лечением в частной наркологической клинике…

В этой огромной шубе Энджи выглядела умереть и не встать, но тут ролик закончился.

Вспомнив, что сделал Джеральд, Мона косну-

лась своего лица.

Она выключила телевизор, потом обогреватель и снова перебралась назад. Протерла уголком спальника стекло, запотевшее от ее дыхания. Посмотрела на здание с горным склоном, на море огней за провисающими цепями ограждения по краю стоянки. Похоже, там — целая страна, может, Колорадо или еще что-то, как в том стиме, где Энджи отправилась в Аспен и встретила одного парнишку, только потом, как почти всегда, появился Робин.

Вот чего ей никак не понять, так это разговоров о клинике. Бармен говорил, Энджи поехала туда, потому что подсела на какое-то дерьмо, а теперь она только что слышала, как то же самое говорил мужик в новостях, так что, видимо, это правда. Но зачем таким людям, как Энджи, с такой жизнью, как у нее, с таким любовником, как Робин Ланье, им-то зачем наркотики?

Глядя на далекое здание, Мона покачала головой, радуясь тому, что сама она ни на чем таком не сидит.

Потом она, наверное, на минуточку задремала, задумавшись о Ланетте, потому что, когда она снова выглянула в окно, над гористым зданием уже завис большой вертолет — черный и бле-

стящий. Классно, действительно как в большом городе.

Она знала в Кливленде пару девчонок из крутых, с которыми никто не связывался, но Молли — совсем другое. Вспомнить только, как Прайор прошиб собой дверь, как он потом вопил… Интересно, а в чем, собственно, он тогда признался, Мона же слышала, как он говорил, и Молли больше его не мучила. Они оставили Прайора привязанным к хирургическому креслу, и Мона тогда еще спросила у Молли, как она думает, сможет ли он освободиться? Или сможет, ответила та, или кто-то его найдет, или он сдохнет от жажды.

Вертолет опустился ниже, исчез. Большой был, с вертящимися штуками на обоих концах.

А она сидит тут и ждет и, черт побери, понятия не имеет, что же ей делать дальше.

Ланетта кое-чему ее научила: иногда стоит составить как бы перечень своих активов. Активы — это то, что тебе на руку, а об остальном можно просто забыть. Ладно. Она выбралась из Флориды. Она — на Манхэттене. Она похожа на Энджи… Тут Мона запнулась. Актив ли это? Хорошо, скажем иначе: ей повезло воспользоваться услугами бесплатной косметической хирургии, и теперь у нее просто великолепные зубы. Во

всяком случае, если взглянуть с такой стороны, все не так уж и плохо. Вспомни о мухах в сквоте. Да уж. Если потратить оставшиеся деньги на стрижку и макияж, можно соорудить что-нибудь, чтобы ее сходство с Энджи не так бросалось в глаза. Вот это, пожалуй, неплохая идея, потому что вдруг кто-то ее ищет?

И снова вертолет. Теперь поднимается.

Эй, да что же это!

Кварталах, может быть, в двух и пятьюдесятью этажами выше нос машины развернулся в ее направлении, нырнул… Нет, это все магик. Вертолет качнулся из стороны в сторону, пошел на снижение… Глюки, это все не взаправду. Прямо вниз. К ней. Увеличивается и увеличивается. Прямо к ней. Но это же магик, правда? Тут жуткая машина исчезла, скрылась за другим зданием. Глюки, конечно, глюки…

Вертолет выплыл из-за угла. Теперь он был лишь на пять этажей выше стоянки и все снижался, и это был вовсе не магик. Черная громадина зависла прямо над головой, вот вырывается узкий белый луч, нащупывает серую машину. И Мона, рванув замок дверцы, выкатилась на снег, стараясь остаться в тени машины, а вокруг нее — гул лопастей, вой моторов. Прайор или

тот, на кого он работал… Они пришли за ней. Тут прожектор погас, звук лопастей изменился, и вертолет быстро, слишком быстро пошел на посадку. Подпрыгнул на выпущенных шасси. Снова ударился о землю. С кашлем выбросив синее пламя, заглохли моторы.

Мона на четвереньках застыла у заднего бампера — поскользнулась, когда пыталась встать на ноги.

Раздался резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и квадратный кусок вертолетной обшивки отскочил и лег на посыпанный солью бетон стоянки. Выскочил яркий оранжевый желоб пятиметрового аварийного трапа, вздулся, как детская пляжная игрушка. Мона осторожно поднялась на ноги, держась за крыло серой машины. Темная закутанная фигура перебросила ноги через борт желоба и сидя скатилась вниз — совсем как ребенок на детской площадке. За ней — вторая, в огромной куртке под цвет желоба, голова в капюшоне.

Мона вздрогнула, когда та, в оранжевом, повела другую по крыше, прочь от черного вертолета. Это была… Но как же?!

— Садитесь назад, обе, — приказала Молли, открывая дверцу со стороны водителя.

— Это ты, — выдавила Мона, глядя в самое знаменитое лицо в мире.

— Да, — отозвалась Энджи, не отрывая глаз от лица Моны. — Это… кажется…

— Пошевеливайтесь, — сказала Молли, положив руку на плечо звезды. — Забирайся внутрь. Твой марсианский негритос уже просыпается.

Она оглянулась на вертолет. С погашенными огнями он казался детской игрушкой, будто ребенок-великан поставил ее здесь и забыл…

— Да уж хотелось бы надеяться, — сказала Энджи, забираясь на заднее сиденье.

— И ты, золотко, — сказала Молли, подталкивая Мону к открытой дверце.

— Но… Я хочу сказать…

— Пошевеливайся!

Мона забралась внутрь, чувствуя запах духов Энджи, скользнув запястьем по ее сверхъестественно мягкой огромной шубе.

— Я тебя видела, — услышала она свой собственный голос, — в новостях.

Энджи промолчала.

Молли скользнула на место водителя, захлопнула дверцу, тихонько запел мотор. Оранжевый капюшон плотно затянут, лицо — как белая маска с пустыми серебристыми глазами. Тут они

покатили под навес к пандусу, вписываясь в первый поворот. И так пять уровней вниз по узкой спирали, а потом Молли завернула в проход меж рядами огромных дальнобойных грузовиков под тусклыми диагоналями осветительных полос.

— Парашюты-крылья, — сказала Молли. — Ты когда-нибудь видела что-то такое наверху на «Энвое»?

— Нет, — ответила Энджи.

— Если у службы безопасности «Сенснета» это есть, они, возможно, уже внизу…

Она завела машину за огромный, похожий на вагон ховер, белый, с выведенными через всю заднюю дверь квадратными синими буквами названия.

— Что там написано? — спросила Мона и тут же почувствовала, что краснеет.

— «Китайские катоды», — сказала Энджи.

Моне показалось, что это название она раньше уже где-то слышала.

Молли вышла из машины и теперь открывала огромные двери ховера. Скинула вниз желтые пластиковые сходни.

Потом она вернулась в машину. Взревел мотор, и они въехали прямо в кузов ховера. Сорвав с головы оранжевый капюшон, Молли встряхнула

головой, высвобождая волосы.

— Мона, ты как, сможешь выбраться отсюда и втянуть сходни обратно? Они не тяжелые.

Звучало это не как вопрос.

Они были действительно не тяжелые. Мона втянула сходни и помогла Молли закрыть двери.

Она кожей чувствовала в темноте присутствие Энджи.

Это и вправду была Энджи.

— В кабину. Пристегивайтесь. А теперь держитесь.

Энджи. Она сидит рядом с Энджи.

Потом шипение — это Молли подала воздух в воздушную подушку, и их вновь понесло вниз по спиральному пандусу.

— Твой друг уже очнулся, — сказала Молли, — но пока не способен двигаться. Еще четверть часа.

Она снова съехала с пандуса на очередной уровень — Мона уже потеряла счет этажам. Этот был набит модными тачками, маленькими. Ховер пронесся по центральному проходу и свернул налево.

— Тебе очень повезет, если он не ждет нас внизу, — сказала Энджи.

Молли затормозила в десяти метрах от больших

металлических ворот, разрисованных диагональными желтыми и черными полосами.

— Нет, — ответила она, вынимая из бардачка маленькую синюю коробочку, — это ему повезло, если он не ждет нас снаружи.

Оранжевая вспышка и грохот: Моне будто хорошим хуком справа ударило в диафрагму. Ворота сорвало с петель. В облаке дыма створка ворот вывалилась на мокрую мостовую, и вот они уже проскочили над ней, свернули. Ховер набирал скорость.

— Ужасно грубо, не так ли? — спросила Энджи и по-настоящему рассмеялась.

— Знаю, — ответила Молли, сосредоточившись на дороге. — Иногда иначе никак. Мона, расскажи ей о Прайоре. О Прайоре и о твоем приятеле. То, что ты рассказывала мне.

Никогда в жизни Мона не испытывала подобной робости.

— Пожалуйста, — сказала Энджи, — расскажи мне, Мона.

Вот так. Ее имя. Энджи Митчелл наяву произнесла ее имя. Обратилась к ней. Прямо тут.

От этого хотелось упасть в обморок.

34
Маргейт-роуд

— Похоже, ты потерялась, — сказал по-японски продавец лапши.

Кумико решила, что он кореец. У отца были партнеры-корейцы; они занимались строительным бизнесом, так говорила мать. Как и этот, они обычно были крупными мужчинами, почти таких же габаритов, как Петал, с широкими серьезными лицами.

— И кажется, очень замерзла, — продолжал кореец.

— Я ищу одного человека, — устало сказала Кумико. — Он живет на Маргейт-роуд.

— Где это?

— Не знаю.

— Зайди, — предложил торговец, обведя жестом конец стойки; его палатка была собрана из щитов розового рифленого пластика.

Кумико прошла между плакатом с рекламой лапши и стендом, рекламировавшим какое-

то «роти»[106] — это слово было составлено из окрашенных в бредовые цвета букв, словно бы набрызганных из аэрозольного баллончика; с них как будто стекали флюоресцентные капли. От прилавка пахло специями и тушеным мясом. Холод кусал за ноги, щипал уши.

Пригнувшись, Кумико скользнула под запотевший от пара кусок полиэтилена. В самой палатке оказалось очень тесно; приземистые синие баллоны с бутаном, три плитки, заставленные высокими кастрюлями, пластиковые мешки сухой лапши, стопки пластиковых мисок — среди всего этого двигался громадный кореец, приглядывая за своими кастрюлями.

— Садись, — сказал он.

Когда девочка присела на желтую пластмассовую емкость с глутаматом натрия, голова ее оказалась ниже прилавка.

— Ты японка?

— Да, — ответила она.

— Из Токио?

Кумико помедлила.

---

[106] notes: 106

Роти — традиционные для Центральной Индии лепешки из пресного теста. Так же называется популярное блюдо тайской кухни: блинчики с различной (обычно банановой) начинкой. Само слово «роти» означает «хлеб» на санскрите.

— Одежда такая, — пояснил кореец, потом спросил, кивая на ее ноги: — Почему ты ходишь в этом зимой? Такая теперь в Токио мода?

— Я потеряла сапоги.

Он протянул ей пластиковые миску и палочки; в прозрачном желтом бульоне плавали слипшиеся комки лапши. Девочка жадно ела, потом выпила бульон. Кумико смотрела, как кореец обслуживает африканку, которая забрала лапшу с собой в собственной посудине с крышкой.

— Маргейт, — задумчиво повторил торговец, когда женщина ушла.

Вынув из-под прилавка книгу в бумажном, с жирными пятнами переплете, он начал ее листать, слюнявя большой палец.

— Вот, — сказал он наконец, ткнув пальцем в карту с невероятно мелким масштабом. — Отсюда по Экр-лейн.

Порывшись под прилавком, он нашел синий фломастер и начертил маршрут на грубой серой салфетке.

— Спасибо, — сказала Кумико, — мне пора идти.

Пока она двигалась в сторону Маргейт-роуд, к ней пришла мать.

Салли в опасности, где-то в Муравейнике, и

Кумико надеялась, что Тик отыщет способ с ней связаться. Если не по телефону, то через матрицу. Может быть, Тик знает Финна, мертвого человека из тупика…

Постоянно растущий коралловый риф метрополии в Брикстоне дал убежище совсем иной, незнакомой форме жизни. Лица, светлые и темные, мешанина бесчисленных национальностей и рас. Кирпичные фасады испещрены надписями, рисунками — буйство красок и символов, какие и представить себе не могли первоначальные строители или владельцы. Из открытой двери паба, мимо которого она проходила, выплеснулись упругий барабанный ритм, жар и раскаты смеха. Лавки продавали совсем незнакомую Кумико еду, тюки яркой одежды, китайские инструменты, японскую косметику…

Задержавшись у освещенной витрины с коллекцией помад и румян, где ее лицо отразилось в серебристом заднике декорации, девочка почувствовала, как на нее из ночи обрушилась смерть матери. Мать так любила подобные вещи.

Безумие матери. Отец никогда не упоминал о нем. В мире отца не было места безумию. Безумие матери было европейским, импортной западней горестей и иллюзий… Отец убил ее мать, сказала

она Салли в «Ковент-Гардене». Но правда ли это? Он привозил врачей из Дании, Австралии и, под конец, из Тибы. Врачи выслушивали сны принцессы-балерины, чертили карты и временны̀е графики ее синапсов и брали анализы крови. Но принцесса-балерина отказывалась и от их таблеток, и от их утонченной хирургии.

— Они хотят изрезать мне мозг лазерами, — шептала она Кумико.

Она нашептывала и другие вещи.

По ночам, говорила она, из своих кубиков в кабинете отца Кумико восстают, как дымок, злые духи.

— Эти старики… — говорила она, — они высасывают наше дыхание. Этот город пьет мое дыхание. Здесь нет покоя. Нет настоящего сна.

Перед концом она совсем перестала спать. Шесть ночей мать молча и совершенно неподвижно сидела в своей голубой европейской комнате. На седьмой день она ушла из квартиры одна — достойный упоминания подвиг, учитывая усердие секретарей, — и отыскала дорогу к холодной реке.

Но в заднике витрины Кумико еще чудились линзы Салли. Девочка вытащила из рукава свитера карту корейца.

У обочины на Маргейт-роуд стояла сожженная машина. Девочка помедлила возле нее, оглядывая молчаливые фасады на противоположной стороне улицы, и тут услышала какой-то звук за спиной. Оглянулась и увидела в свете полуоткрытой двери ближайшего дома перекошенное лицо горгульи под лавиной сальных кудрей.

— Тик!

— По правде говоря, Терренс, — сказал тот, когда исчезла искажающая лицо гримаса.

Тик жил под самой крышей. Нижние этажи пустовали, светлые прямоугольники на обоях — призраки исчезнувших картинок — провожали поднимающихся взглядом.

Хромота Тика, когда он взбирался перед ней вверх по лестнице, сделалась еще более явной. На нем был серый костюм из блестящей плащовки и табачного цвета замшевые оксфорды на толстой подошве.

— А я тебя ждал, — сказал он, с усилием перенося тело со ступеньки на ступеньку.

— Правда?

— Я знал, что ты сбежала от Суэйна. Мониторил понемногу его трафик, когда было время, свободное от того, другого…

— Другого?

— Ты что, не знаешь?

— Прости?

— Все дело в матрице. Там что-то происходит. Проще показать, чем пытаться объяснить. Тем более что объяснить это я все равно не могу. Готов поспорить, три четверти всего человечества сейчас подключены к сети, смотрят шоу…

— Я не понимаю.

— Сомневаюсь, что кто-то вообще понимает. В секторе, где Муравейник, возник новый макроформ.

— Макроформ?

— Очень большая база-конструкт.

— Я пришла предупредить Салли. Суэйн и Робин Ланье собираются сдать ее тем, кто готовит похищение Анджелы Митчелл.

— Как раз об этом я бы волноваться не стал, — сказал Тик, поднимаясь на верхнюю площадку. — Салли уже увела у них из-под носа Митчелл и чуть было не прикончила Суэйнова человека в Муравейнике. Теперь они в любом случае за ней охотятся. Черт побери, скоро за ней станут охотиться все и каждый! Тем не менее можно попробовать это ей передать, когда она выйдет на связь. Если выйдет…

Тик жил в мансарде, состоящей из одной боль-

шой комнаты, причудливая форма которой заставляла предположить, что в ней убрали внутренние перегородки. Несмотря на ее размеры, всю комнату заполняли вещи. На взгляд Кумико, выглядела она так, будто кто-то распределил все содержимое какой-нибудь акихабарской лавки[107] в пространстве, уже в избытке заставленном — на гайдзинский манер — всякой массивной мебелью. И тем не менее комната отличалась удивительным порядком и чистотой; даже стопки журналов были тщательно выровнены по углам низкого стеклянного столика, где они покоились рядом с девственно-чистой керамической пепельницей и скромной белой вазой со срезанными цветами.

Пока Тик наливал в электрический чайник воду из фильтрующего кувшина, она снова попыталась вызвать Колина.

— Что это? — спросил Тик, ставя кувшин на место.

— Модуль-гид «Маас-Неотек». Он разбился, и я не могу вызвать Колина…

— Колина? Это стим-устройство?

---

[107] notes: 107

Акихабара — квартал в Токио, представляющий собой одну из крупнейших в мире торговых зон для компьютерной техники и другой электроники.

— Да.

— Давай посмотрим… — Он протянул руку.

— Мне подарил его отец…

Тик присвистнул:

— Должно быть, стоит целое состояние. Ну конечно же, один из «маасовских» мини-ИскИнов. Как он работает?

— Нужно сжать модуль в руке, тогда появится Колин. Но никто, кроме меня, не может ни видеть его, ни слышать.

Тик поднес модуль к уху и встряхнул.

— Он разбился? Как?

— Я его уронила.

— Видишь ли, разбит только корпус. Биософт отделился от капсулы, так что тебе не включить его как раньше, вручную.

— Ты можешь его починить?

— Нет. Но если хочешь, мы можем войти в него через деку… — Он вернул ей модуль.

Закипел чайник.

За чаем девочка рассказала ему про свое путешествие в Муравейник и про визит Салли к святилищу в тупичке.

— Он называл ее Молли, — сказала она.

Тик раза четыре попеременно кивнул и подмигнул.

— Ну да, там она звалась так. О чем они разговаривали?

— Говорили о каком-то месте под названием «Блуждающий огонек». О старом знакомом по имени Кейс. О каком-то враге, женщине…

— Тессье-Эшпул. Я это выяснил для нее, когда ворошил барахлишко Суэйна. Суэйн собирается продать Молли так называемой леди три-Джейн. У этой леди самое полное досье пикантнейшего грязного белья, какое только можно себе представить, — вообще на всех и на вся. Я был страшно осторожен и не подходил к этому слишком близко. Суэйн сейчас торгует этими скандалами направо и налево, по ходу дела сколачивая себе не одно состояние. Уверен, что у нее достаточно грязи и на нашего мистера Суэйна…

— А она здесь? В Лондоне?

— Вроде бы где-то на орбите, хотя поговаривают, что она умерла. По правде говоря, я как раз над этим и работал, когда наш крошка возник в матрице…

— Прости, я не поняла.

— Подожди минутку, я тебе покажу.

Он вернулся к обеденному столу, неся плоский прямоугольник с рядом крошечных переключателей вдоль края. Поставив тот на стол, Тик

тронул мини-клавишу. Над проектором вспыхнула трехмерная голограмма: неоновые линии решетки киберпространства с яркими фигурами, одновременно простыми и сложными, — графическое представление безмерных скоплений хранимых данных.

— Вот они, все наши стандартные большие говнюки. Корпорации. Можно сказать, довольно стабильный ландшафт. Иногда какая-нибудь отращивает приложение, или у тебя на глазах происходит захват, или две сливаются. Вряд ли здесь увидишь что-то действительно новое, во всяком случае не в таком масштабе. Они начинают с малого: растут, сливаются с другими мелкими формациями… — Он коснулся другого переключателя. — А часа четыре назад, — (точно в центре проекции возникла гладкая вертикальная колонна белого цвета), — откуда ни возьмись выросло вот это. Или вросло.

Цветные кубы, сферы и пирамиды тут же потеснились, уступая место круглому белому столпу, рядом с которым они казались карликами. Его верхушка была гладко срезана верхней границей проекции.

— Этот сукин сын намного больше всего остального, — с некоторым даже удовлетворением

сказал Тик, — и никто не знает, что это или кому это принадлежит.

— Но кто-то же должен знать, — возразила Кумико.

— В общем-то, разумно. Должен. Но людям моего, так сказать, амплуа — а нас таких миллионы — не удалось это выяснить. И это еще более странно, чем сам факт того, что эта штука вообще возникла. Перед твоим приходом я как раз обшаривал решетку в поисках какого-нибудь жокея, у которого была бы хоть какая-то зацепка. Ничего. Вообще ничего.

— Как это может быть, что три-Джейн мертва? — Но тут она вспомнила Финна, черные кубики в кабинете отца. — Я должна рассказать все Салли.

— Тут ничего не поделаешь, остается только ждать, — сказал Тик. — Она, наверное, позвонит. А пока, если хочешь, мы могли бы попробовать войти в этот твой маленький ИскИн.

— Хочу, — ответила девочка. — Пожалуйста.

— Будем надеяться, что типы из Особого отдела, которым теперь платит Суэйн, тебя не выследили. Но опять же, чтобы это проверить, нам остается только ждать…

— Да, — сказала Кумико, совсем не обрадован-

ная подобной перспективой.

35
Война на Фабрике

Черри снова отыскала его в темноте, возле Судьи. Он сидел на одном из Следователей с фонариком в руке, освещая полированный, в разводах ржавчины судейский панцирь. Слик не помнил, как он пришел сюда, но не чувствовал и рваного края недавнего корсаковского приступа. Он твердо помнил взгляд девушки в комнате, про которую Бобби сказал, что это Лондон.

— Джентри подключил Графа и его штуковину к киберпространственной деке, — сказала Черри. — Знаешь?

Слик кивнул, не отрывая взгляда от Судьи:

— Бобби сказал, так будет лучше.

— Что все-таки происходит? Что произошло, когда вы подключились?

— Джентри и Бобби, они вроде одного поля ягоды, закорешились в момент. Оба помешаны на одном и том же. Подключившись, мы оказались где-то на орбите, но Бобби там не было… Потом, думаю, была Мексика. Кто такая Тэлли Ишем?

— Королева стимов во времена моего детства.

Как сейчас Энджи Митчелл…

— Митчелл… она была его бабой.

— Кого?

— Бобби. Он рассказывал об этом Джентри в Лондоне.

— В Лондоне?

— Ага. Мы двинули туда после Мексики.

— И он сказал, что раньше был с Энджи Митчелл? Бред какой-то.

— Да, и еще он сказал, что именно так наткнулся на этот «алеф». — Слик повел фонариком, и луч уперся в утробу скелетовидного Трупоруба. — Якшался с богатенькими и от них прослышал об «алефе». Называли эту штуку «ловцом душ». Хозяева сдавали его в аренду тем богачам, и недешево. Бобби разок его опробовал, потом вернулся и украл. Увез в Мехико и начал проводить внутри все свое время. Но они пришли за ним…

— А ты, похоже, кое-что вспоминаешь…

— Поэтому он оттуда сбежал. Приехал в Кливленд и договорился с Африкой. Дал Африке денег, чтобы тот его спрятал И заботился о нем, пока он подключен, потому что он подошел действительно близко…

— Близко к чему?

— Не знаю. К чему-то странному. Вроде как

Джентри твердит об этом своем Образе.

— Ну, — протянула Черри, — думаю, это может его прикончить, то, что он так подключен все время. Жизненные показатели начинают пошаливать. Он слишком давно под этими капельницами. Потому я и пошла тебя искать.

В луче фонарика поблескивали ощетинившиеся стальными клыками потроха Трупоруба.

— Это то, чего он хочет. Во всяком случае, если он платит Малышу, то получается, ты работаешь на него. Но эти ребята, которых сегодня видел Пташка, работают на парней из Лос-Анджелеса, на тех, у кого Бобби украл этот…

— Скажи мне кое-что.

— Что?

— Что это за штуки ты построил? Африка говорил, что ты этакий трехнутый белый парень, который строит роботов из лома. Говорил, что летом ты выводишь их во двор и устраиваешь большие бои…

— Это не роботы, — прервал он, переведя луч на низко посаженные, с серпами на концах, руки паучьеногой Ведьмы. — Они в основном управляются по радио.

— Ты строишь их для того, чтобы потом разломать?

— Нет. Но мне нужно их как-то тестировать. Убедиться, правильно ли я все сделал…

Он щелчком выключил свет.

— Трехнутый белый парень, — сказала она. — У тебя здесь есть девушка?

— Нет.

— Прими душ. Побрейся…

Черри вдруг оказалась совсем близко к нему, так близко, что он ощутил ее дыхание у себя на лице.

— О'КЕЙ, РЕБЯТА, А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ…

— Какого хрена…

— …ПОТОМУ ЧТО Я НЕ НАМЕРЕН ПОВТОРЯТЬ ДВАЖДЫ.

Слик зажал Черри рот рукой.

—

НАМ
НУЖЕН ВАШ ГОСТЬ И ЕГО ОБОРУДОВАНИЕ. ВОТ И ВСЕ. ПОВТОРЯЮ: ГОСТЬ И ОБОРУДОВАНИЕ. — Усиленный мегафоном голос гулко отдавался в железной пустоте Фабрики. — ТАК ВОТ, МОЖЕТЕ ВЫДАТЬ ЕГО ПРЯМО СЕЙЧАС, ЭТО НЕТРУДНО, ИЛИ МЫ ПРОСТО ВОЙДЕМ И ВСЕХ ВАС К ДЬЯВОЛУ ПЕРЕСТРЕЛЯЕМ. ЭТО ТОЖЕ НЕ СОСТАВИТ НАМ НИКАКОГО ТРУДА. ПЯТЬ МИНУТ НА РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Черри укусила его за руку.

— Блин, мне же нужно как-то дышать, а?

А потом он бежал сквозь темноту Фабрики и слышал, как она выкрикивает его имя.

Над южными воротами Фабрики горела единственная стоваттная лампочка, погнутые стальные створки были распахнуты настежь, скованные морозом и ржавчиной. Свет, должно быть, оставил Пташка. С того места, где засел Слик, скорчившись у пустого оконного проема, можно было различить за слабым конусом света силуэт ховера. Из темноты с рассчитанной небрежностью — чтобы показать, кто тут хозяин положения, — вышел человек с мегафоном. На нем был герметичный камуфляжный комбинезон с тонким нейлоновым капюшоном, натянутым на голову, и защитные очки. Он поднял мегафон:

— ТРИ МИНУТЫ.

Человек напомнил ему охранников в тюремном дворе, куда Слика выводили гулять в тот второй раз, когда снова повинтили за угон автомобиля.

Джентри, наверное, смотрит сверху, оттуда, где высоко над воротами Фабрики была щель в стене, прикрытая узкой вертикальной панелью

из плексигласа.

В темноте справа от Слика что-то задребезжало. Он повернулся и в слабом свете из другого оконного проема метрах в восьми от себя увидел Пташку и отблеск стального глушителя — парнишка поднял винтовку двадцать второго калибра.

— Пташка! Не смей…

Вылетев откуда-то из глубин Пустоши, на щеке парня возник рубиновый светлячок лазерного прицела. Грохот выстрела ворвался в пустые окна и эхом заметался меж стен. Пташку отбросило в темноту.

Тишина, только позвякивание катящегося по бетону глушителя.

— МАТЬ ВАШУ ТАК, — весело пророкотал усиленный голос. — ВЫ УПУСТИЛИ СВОЙ ШАНС.

Слик глянул через подоконник и увидел, как человек в камуфляже бежит назад к ховеру.

Сколько их там еще? Пташка ничего об этом не говорил. Два ховера, «хонда» — человек десять? А может, больше? Если только Джентри не припрятал где-нибудь пистолет, винтовка Пташки оставалась единственным оружием на Фабрике.

Заурчали турбины ховера. Они собираются въехать на территорию, догадался Слик. У них лазерные прицелы. Наверное, есть и инфракрас-

ные.

Тут он услышал одного из Следователей. Такой звук автомат обычно издавал, скрежеща стальными гусеницами по бетонному полу. Следователь выполз из темноты, скорпионье жало с термитным наконечником опущено. Шасси начало свою жизнь лет пятьдесят назад на радиоуправляемом манипуляторе, предназначенном для переноски токсичных жидкостей или отходов ядерных электростанций. Найдя в Ньюарке три таких разукомплектованных механизма, Слик выменял их за «фольксваген».

Джентри. Слик же забыл контрольный модуль у Джентри на чердаке.

Следователь проскрежетал по полу и остановился в широком дверном проеме лицом к Пустоши и приближающемуся ховеру. Автомат был размером приблизительно с тяжелый мотоцикл, на открытой раме шасси размещались блок сервоприводов, компрессорные резервуары, гидравлические цилиндры и выставленные на всеобщее обозрение открытые шнеки. А вправо и влево торчала пара весьма злобных на вид клешней. Слик не помнил, где он раздобыл эти клешни, наверное, оторвал от какого-то фермерского комбайна.

Ховер был тяжелой промышленной модели. На месте лобового стекла и окон были щиты из толстой серой пластиковой брони, в центре каждого щита — узкие прорези.

Разбрасывая гусеницами льдинки и бетонную крошку, Следователь двинулся вперед, прямо на ховер, максимально широко разведя при этом клешни. Водитель ховера, пытаясь погасить инерцию, переключил турбину на реверс.

Клешни Следователя яростно клацнули о передний выступ воздушной подушки, соскользнули, сомкнулись снова. Но ткань юбки, очевидно, была усилена поликарбоновой сеткой. Тут Джентри вспомнил о термитном жале. Жало дрогнуло, поднялось, наконечник его взорвался тугим шаром ярко-белого света; проскочив над бесполезными теперь клешнями, шар прорвал юбку, как нож картонный лист. Гусеницы Следователя слегка провисли, потом снова бешено завертелись, когда Джентри бросил его на сдувающийся мешок, одновременно до отказа выпустив жало-копье. Слик внезапно осознал, что он что-то кричит, но не понимал, что именно. Он был уже на ногах, когда клешни нашли наконец за что зацепиться — за оторванный край юбки.

Он снова бросился на пол, когда из люка на

крыше ховера, как вооруженная кукла-перчатка, вынырнула фигура в защитных очках и капюшоне, паля из двенадцатого калибра. От Следователя во все стороны полетели искры, но он продолжал вгрызаться в ткань воздушной подушки. Ее контуры были отчетливо видны, высвеченные белым пульсированием жала-копья. И вдруг Следователь замер, клешни мертвой хваткой вцепились в распоротый мешок. Автоматчик нырнул обратно в люк.

Линия питания? Сервоблок? Что зацепил этот парень? Белая пульсация стала замирать, вот-вот погаснет.

Ховер дал задний ход, начал медленно отползать по ржавому лому, волоча за собой Следователя.

Он был уже довольно далеко, почти за пределами светового круга, видимый только потому, что двигался, когда Джентри отыскал комбинацию кнопок, включавшую огнемет. Дуло его было вмонтировано под местом крепления клешней. Слик завороженно смотрел, как Следователь поджег десять литров бензина, смешанного с ядохимикатами, и выплюнул под высоким давлением огненную струю. Это сопло, вспомнил Слик, служило для распыления пестицидов, он

однажды снял его с трактора, вовсе не уверенный в том, что оно работает.

Работает, да еще как!

36
Ловец душ

Ховер уже повернул на юг, когда снова явилась Маман Бригитта. Женщина с серебром вместо глаз бросила серый седан на какой-то стоянке, а уличная девчонка с лицом Энджи рассказывала путаную историю: Кливленд, Флорида, кто-то, кто был ей не то дружком, не то сутенером, а может, и тем и другим одновременно…

Но в ушах Энджи все еще звучал голос Бригитты, слова, сказанные в кабине вертолета на крыше отеля «Нью-Судзуки-Энвой»:

Доверься ей, дитя. В делах ее — воля лоа.

Став пленницей на собственном сиденье — пряжка пристежного ремня блокирована куском застывшего пластика, — Анджела смотрела, как женщина в обход бортового компьютера запускает аварийную систему, позволяющую пилотировать вертолет вручную.

И вот прошел час, и теперь это шоссе под зимним дождем, девчонка опять говорит, и ее голос заглушает шорох дворников по ветровому стеклу…

К сиянию свечей, к стенам из выбеленной глины. Бледные мотыльки мельтешат в струящихся ветвях ив.

Твое время все ближе.

И вот они пришли — Наездники, лоа: Папа Легба, ярок и текуч, словно ртуть; Эрзули Фреда, королева и мать; Самеди, или Суббота, Барон *Cimeture*[108], мох на разъеденных костях; Симилор; мадам Траво; и много-много других… Они заполняют пустую оболочку — так вот что она такое, Гран-Бригитта! Наплыв их голосов — как шум ветра, журчание бегущей воды, гудение пчелиного улья…

Они колеблются над землей, подобно жаркому мареву над летней автострадой. Никогда еще с Энджи не было такого — такой торжественности, такого подчинения, такого ощущения тяжести и падения…

Туда, где говорит Легба, и голос его подобен гулкому бою барабанов…

Он рассказывает историю.

В порывистом ветре образов мелькают перед Энджи этапы эволюции искусственного разума: круги из камня; часы; ткацкие паровые стан-

---

[108] notes: 108
Кладбище *(фр.)*.

ки; мерно щелкающий латунный лес собачек и храповиков; вакуум, пойманный в дутое стекло; электронакал в тонких, как волоски, нитях; длинные ряды радиоламп и переключателей, чья задача — расшифровывать послания, закодированные другими такими же устройствами… Хрупкие и недолговечные лампы, уменьшаясь в размерах, превращаются в транзисторы; электронные схемы все более усложняются и, одеваясь в кремний, становятся все миниатюрнее…

Но вот уже и кремний исчерпывает до предела свои возможности…

И снова она внутри видеофильма Ганса Беккера — кадры из истории Тессье-Эшпулов перемежаются снами, которые не что иное, как воспоминания 3-Джейн, а он, Легба, все говорит, и эти две истории объединяются, становятся единым целым — бесчисленные нити закручиваются вокруг общего потайного стержня: мать 3-Джейн создает два искусственных интеллекта, двух близнецов, которые в один прекрасный день сольются; затем — появление чужаков (Энджи вдруг осознает, что и Молли ей знакома по снам), само это слияние и безумие 3-Джейн…

И тут Энджи видит, что перед ней — удивительное ювелирное изделие: голова, сделанная

из платины, украшенная жемчугом и ляпис-лазурью; глаза — граненые искусственные рубины. Голова эта тоже встречалась ей в снах, которые никогда не были снами. Голова — врата в сокровенные базы данных Тессье-Эшпулов, где две половинки неведомого существа пока еще воюют между собой, ожидая своего рождения как единой сущности.

— В то время ты еще не родилась. — И хотя голова говорит голосом Мари-Франс, мертвой матери 3-Джейн, голосом, знакомым по стольким мучительным ночам, Энджи понимает, что это говорит Бригитта. — Твой отец тогда только-только начинал осознавать пределы собственных возможностей, отличать амбиции от таланта. Тот, кому он отдаст свое дитя в обмен на знание, в то время себя еще не явил. Но уже скоро придет человек Кейс, чтобы принести с собой это слияние — одновременно и короткое, и безвременное. Но это ты знаешь.

— А где сейчас Легба?

— Легба-ати-Бон — каким знала его ты — ждет, чтобы быть.

— Нет, — вспоминая слова Бовуара, сказанные давным-давно в Нью-Джерси, возразила Энджи, — лоа пришли из Африки на заре времен…

— Не те, какими знала их ты. Когда настало время, яркое время, тогда пришло полное единство, единое сознание. Но был еще и другой.

— Другой?

— Я говорю лишь о том, что знаю я. Только единый знал другого, но единого больше нет. Вслед этому знанию рухнул центр; каждый осколок унесся прочь. Эти осколки искали форму — каждый наособицу, что было присуще их природе. Из всех знаков, какие копил твой род против тьмы и ночи, наиболее подходящими в той ситуации оказались парадигмы вуду.

— Так Бобби был прав? Вот оно — «Когда Все Изменилось»…

— Да, он был прав, но лишь отчасти, поскольку я — одновременно и Легба, и Бригитта, и одна из граней того, кто заключил сделку с твоим отцом. Кто потребовал, чтобы он прочертил веве в твоем мозгу.

— И подсказал отцу, как доделать этот его биочип?

— Биочип был необходим.

— Значит, необходимо, чтобы мне снились воспоминания дочери Эшпула?

— Может быть.

— Сны были результатом наркотиков?

— Не напрямую, хотя наркотик сделал тебя более восприимчивой к одним модальностям и менее восприимчивой к другим.

— Значит, наркотик. Что это было? Каково его назначение?

— Для ответа на первый вопрос потребуется подробное описание нейрохимических реакций — это слишком долго.

— Так каково же его назначение?

— В отношении тебя?

Ей пришлось отвести взгляд от рубиновых глаз. Стены комнаты обшиты панелями из старого дерева, натертыми до мягкого блеска. На полу — ковер, вытканный чертежами электронных схем.

— Ни одна из доз не была идентична другой. Единственной постоянной оставалась субстанция, чье психотропное воздействие ты и воспринимала как наркотик. В процесс усвоения препарата были вовлечены многие другие вещества, равно как и несколько десятков субклеточных наномеханизмов, запрограммированных на то, чтобы перестроить синаптические изменения, осуществленные Кристофером Митчеллом…

Веве твоего отца изменены, частично стерты,

прочерчены заново…

— По чьему приказу?

Рубиновые глаза. Жемчуг и ляпис-лазурь. Молчание.

— По чьему приказу? Хилтона? Это был Хилтон?

— Решение исходило от Континьюити. Когда ты вернулась с Ямайки, Континьюити настоятельно советовал Свифту вновь приучить тебя к наркотику. А Пайпер Хилл попыталась выполнить его приказ.

Энджи чувствует, как усиливается давление в голове, две точки боли позади глаз…

— Хилтон Свифт обязан выполнять решения Континьюити. «Сенснет» — слишком сложный организм, чтобы выжить по-другому. Континьюити же, созданный много позже того яркого мгновения, принадлежит уже к иному порядку. Технология биософтов, взращенная твоим отцом, вызвала к жизни Континьюити. Континьюити наивен.

— Почему? Почему Континьюити хотел этого от меня?

— Континьюити — это непрерывностъ. А непре-

рывностъ — удел Континьюити…[109]

— Но кто посылает сны?

— Они не посланы. Они притягивают тебя, как когда-то притягивали лоа. Попытка Континьюити переписать послание твоего отца провалилась. Некий импульс, исходящий из глубин твоей личности, позволил тебе бежать. Попытка вернуть тебя к *coup-poudre* не привела к успеху.

— Так это Континьюити послал эту женщину, чтобы меня выкрасть?

— Мотивы Континьюити скрыты от меня. Иной порядок. Континьюити допустил, чтобы Робин Ланье поддался на уговоры агентов три-Джейн.

— Но почему?

Боль позади глаз становится невыносимой.

— У нее кровь из носу течет, — сказала уличная девчонка. — Что мне делать?

— Вытереть. Заставь ее откинуться назад. Дьявол! Да займись же ты этим, мать твою…

— А что она такое говорила про Нью-Джерси?

— Заткнись. Просто помолчи. Найди, где тут съезд с шоссе.

— Зачем?

— Мы едем в Нью-Джерси.

---

[109] notes: 109
См. выше

Кровь на новой шубе. Келли будет в ярости.

37
Журавли

Тик отсоединил маленькую панель с задней стороны модуля «Маас-Неотек» при помощи зубочистки и ювелирных щипцов.

— Очаровательно, — пробормотал он, вглядываясь в отверстие через визир с подсветкой, на который тут же свесился водопад нечесаных сальных волос. — Как это они протянули проводки понизу, в стороне от переключателя… Ловкие, ублюдки…

— Тик, — спросила Кумико, — ты познакомился с Салли, когда она в первый раз приехала в Лондон?

— Думаю, вскоре после того… — Он потянулся за мотком оптоволокна. — Конечно, у нее тогда не было такого влияния.

— Она тебе нравится?

Визир с лампочкой обратился в сторону девочки, из-за линзы на нее воззрился искаженный левый глаз Тика.

— Нравится? Не знаю, так вот сразу и не скажешь.

— Но ты же не станешь говорить, что она тебе не нравится?

— Чертовски сложно с ней, с этой Салли. Понимаешь, что я имею в виду?

— Сложно?

— Она так и не свыклась с тем, как тут делаются дела. Все жалуется. — Его руки двигались быстро, уверенно: щипцы, опторазъем… — Наша Англия — тихое место. Но, видишь ли, так было не всегда. У нас тоже было смутное время, а потом война… Здесь все происходит определенным образом, если ты меня понимаешь. Хотя для всяких пижонов это, конечно, не совсем так.

— Прости?

— Для типов вроде Суэйна. Впрочем, люди твоего отца, те, с которыми Суэйн общался раньше, похоже, уважают традиции… Человек должен знать, где верх, а где низ… Понимаешь, о чем я говорю? Так вот, готов поручиться, эта новая афера Суэйна спутает карты всем, кто в ней не замешан. Господи, у нас же все-таки есть правительство. Не всем заправляют большие компании. По крайней мере, не напрямую…

— А деятельность Суэйна угрожает правительству?

— Она его, черт побери, *меняет*. Наш мистер

Суэйн перераспределяет власть, как ему удобно. Информация. Власть. Компромат. Сосредоточьте достаточно такой грязи в руках одного человека… — Пока он говорил, на щеке у него дергался нерв. Корпус Колина лежал посреди обеденного стола на белой антистатической подкладке, а Тик присоединял торчащие из него проводки к толстому кабелю, ведущему к одному из множества модулей на стеллаже. — Ну вот, — сказал он, потирая руки, — вытащить его к тебе прямо сюда я не могу, но мы достучимся до него через деку. Видела когда-нибудь киберпространство?

— Только в стимах.

— Тогда можно считать, что видела. В любом случае сейчас увидишь.

Он встал и отошел от стола. Девочка проследовала за ним через комнату к паре потертых кресел с обивкой из искусственной замши, которые стояли по обеим сторонам низкого квадратного столика из черного стекла.

— Беспроводные, — с гордостью пояснил Тик, беря со стола два набора тродов и протягивая один Кумико. — Стоили целое состояние.

Кумико рассматривала скелетообразную матово-черную тиару. На ободе между височными кругами был выдавлен логотип «Маас-Неотек».

Надела, почувствовав холод пластика на коже. Тик нацепил свои троды и устроился в другом кресле.

— Готова?

— Да, — ответила девочка.

И комната Тика исчезла, стены развалились колодой карт, которые затем съежились и пропали в яркой решетке со встающими внутри ее геометрическими фигурами баз данных.

— Симпатичный переход, правда? — донесся до нее голос Тика. — Программка встроена в троды. Для пущего драматизма…

— Где Колин?

— Секундочку… дай-ка я его вызову…

Кумико ахнула, почувствовав, как ее уносит к равнине, сотканной из хромированного желтого света.

— Головокружение может стать проблемой, — сказал Тик, внезапно оказываясь на желтой равнине рядом с ней.

Она посмотрела вниз на его замшевые туфли, потом на свои руки.

— О телесном облике, по мере возможности, заботится графическая программа, — объяснил англичанин.

— Ага, вот и он, — произнес Колин, — наш че-

ловечек из «Розы и короны». Покопался в моей упаковке, да?

Кумико обернулась и увидела его рядом. Подошвы коричневых сапог висели в десяти сантиметрах над желтой хромировкой. В киберпространстве, как она успела заметить, теней не было.

— А я и не знал, что мы уже встречались, — ответил Тик.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Колин, — это было неофициальное знакомство. Однако, — обратился он к Кумико, — я вижу, ты благополучно добралась в красочный Брикстон.

— Господи, — воскликнул Тик, — ты не можешь хотя бы наполовину прикрутить свой снобизм?

— Прошу прощения, — с усмешкой отозвался Колин, — мое предназначение — отражать ожидания гостя.

— Так вот как японские конструкторы представляют себе истинного англичанина!

— Там были Дракулы, — сказала Кумико, — в подземке. Они отобрали у меня сумочку. Хотели отобрать тебя…

— Ты вытек из своего корпуса, приятель, — сказал Тик. — А сейчас подключен через мою деку.

— Надо же, — усмехнулся Колин.

— Скажу тебе кое-что еще, — продолжал Тик, подступая к Колину. — Для того, чем тебе полагается быть, в тебе не совсем та информация. — Он прищурился. — Мой приятель в Бирмингеме как раз тебя ворошит. — Тик повернулся к Кумико. — В этом твоем мистере Чипсе кто-то покопался. Ты в курсе?

— Нет…

— Если начистоту, — сказал Колин, отбрасывая челку со лба, — что-то подобное я и подозревал.

Тик уставился невидящим взглядом в матрицу, как будто прислушивался к чему-то, чего Кумико не могла различить.

— Да, — наконец произнес он, — хотя с почти полной уверенностью могу сказать, что это фабричная работа. Десять базовых блоков в тебе, — он рассмеялся, — затянуты льдом… Черт побери, считается, что ты знаешь все о Шекспире, верно?

— Извини, — ответил Колин, — но боюсь, черт побери, что я знаю о Шекспире действительно все.

— Прочти нам тогда какой-нибудь сонет, — предложил Тик; его лицо искривилось.

— Ты прав. — По лицу Колина пробежала тень чего-то, похожего на страх.

— И о чертовом Диккенсе тоже! — ликующе

прокаркал Тик.

— Но я ведь знаю…

— Ты думаешь, что знаешь, пока тебя не спросят о чем-то конкретном! Видишь ли, они оставили эти кармашки пустыми — блоки памяти для английской литературы — и наполнили их чем-то еще…

— И чем же?

— Не знаю, — ответил Тик. — Мой приятель в Бирмингеме не может этого расколоть. Вообще-то, он паренек умный, но ты как-никак чертов «маасовский» биософт…

— Тик, — прервала его Кумико, — есть какой-нибудь способ связаться с Салли через матрицу?

— Сомневаюсь, но можно попробовать. Ты в любом случае увидишь этот макроформ, о котором я тебе рассказывал. Хочешь, прихватим с собой для компании и мистера Чипса?

— Да, пожалуйста…

— Вот и прекрасно, — сказал Тик, потом помедлил. — Но мы не знаем, чем твой дружок напичкан. Предполагаю, там что-то такое, за что заплатил твой отец.

— Он прав, — отозвался Колин.

— Мы отправимся втроем, — сказала девочка.

Тик решил осуществить переход в реальном

времени, а не перемещаться мгновенно, как обычно делают в матрице.

Желтая равнина, объяснил он, — это крыша Лондонской фондовой биржи и связанных с ней учреждений в Сити. Тик сгенерировал некое подобие лодки — эта синяя абстракция должна была ослабить головокружение. Когда они заскользили прочь от Лондонской биржи, Кумико обернулась и увидела, как уменьшается огромный желтый куб. Тик, взяв на себя роль гида, указывал на различные структуры, в то время как Колин устроился по-турецки на сиденье — эта смена ролей, похоже, его забавляла.

— Вот «Уайтс», — говорил Тик, обращая ее внимание на скромную серую пирамиду, — клуб на Сент-Джеймс[110]. Зарегистрированные члены, список ожидающих…

Кумико с интересом рассматривала архитектуру киберпространства, вспоминая своего французского наставника в Токио, который объяснял ей потребность человечества в таком вот информационном поле. Иконки, перекрестки линий связи, искусственные реальности… Но

---

[110] notes: 110

«Уайтс» — старейший и наиболее эксклюзивный джентльменский клуб консерваторов, основан в 1693 г. и с 1778 г. располагается на Сент-Джеймс-стрит в лондонском районе Вестминстер.

затем в памяти все начало расплываться — как и эти громадные геометрические фигуры, когда Тик резко увеличил скорость…

Размеры белого макроформа с трудом укладывались в голове.

Первоначально он казался Кумико подобным небу, но теперь, глядя на него издали, она воспринимала его как нечто иное, как что-то, что можно взять в руку, — цилиндр из светящегося жемчуга не выше шахматной пешки. Однако громоздящиеся кругом разноцветные фигуры превращались рядом с ним в ничтожных карликов.

— А вот это действительно необычно, — бросил небрежно Колин. — Поистине аномальное явление, единственное в своем роде.

— Тебе-то что об этом беспокоиться? Или все же есть причины? — поинтересовался Тик.

— Если это не имеет прямого отношения к Кумико, тогда причин нет, — ответил Колин, вставая в «лодке». — Хотя как можно быть уверенным?

— Ты должен попытаться связаться с Салли, — нетерпеливо напомнила Кумико Тику.

Эта штука — макроформ, аномалия — не вызывала у девочки особого интереса, хотя и Тик, и Колин относились к ней как к чему-то сверхор-

динарному.

— Глянь только, — произнес Тик. — Возможно, там, черт побери, целый мир…

— И ты не знаешь, что это? — Девочка присмотрелась к Тику, во взгляде которого появилось знакомое отстраненное выражение, значит, где-то там, в Брикстоне, его пальцы порхают над декой.

— Это очень, очень большой сгусток данных, — сказал Колин.

— Я только что попытался протянуть ниточку к тому конструкту, которого Салли называет Финном, — сказал Тик; взгляд его сфокусировался, но в голосе возникли нотки озабоченности. — Однако не смог прорваться. У меня возникло нехорошее чувство, как будто там кто-то есть… ждет чего-то. Пожалуй, нам лучше бы сейчас отключиться…

На жемчужной поверхности колонны возникла черная точка, выросла в четко очерченный круг…

— Чтоб мне провалиться, — выдохнул Тик.

— Оборви связь, — бросил Колин.

— Не могу! Нас зацепили…

На глазах у Кумико синий силуэт «лодки» под ней распластался и сузился, превращаясь в ла-

зурную дорожку, ведущую к круглому оку тьмы. Потом… мгновение абсолютной странности, пустоты — и Кумико вместе с Тиком и Колином тоже растянулась в стремительную линию…

…и оказалась в парке Уэно. Над неподвижными водами пруда Синобадзу повис осенний вечер. Рядом с ней на полированной скамейке из холодных брусков поликарбона сидит мать, сейчас она гораздо красивее, чем в воспоминаниях. Ее полные губы светятся яркой помадой, нанесенной лучшими, тончайшими кисточками. На матери знакомая французская черная куртка с поднятым воротником, темный мех обрамляет приветливую улыбку.

Кумико могла только смотреть перед собой, сжавшись в комок на скамейке и чувствуя под сердцем ледяной пузырь страха.

— Какая ты глупенькая, Кумико, — сказала мать. — Как ты могла вообразить, что я забуду тебя и брошу посреди зимнего Лондона на милость гангстерам, прислуживающим твоему отцу?

Кумико смотрела, как шевелятся совершенные губы, чуть приоткрывая белые зубы, — девочка знала, что за этими зубами следил самый лучший дантист Токио.

— Ты умерла, — услышала она свой голос.

— Нет, — улыбнулась мать, — не сейчас. И не здесь, в парке Уэно. *Посмотри на журавлей, Кумико.*

Но Кумико даже не повернула голову.

— Посмотри на журавлей.

— Отвали нахрен, — сказал Тик.

Кумико резко обернулась. Он был тоже здесь, в парке. Его бледное лицо было перекошено и лоснилось от пота, сальные волосы прилипли ко лбу.

— Я — ее мать.

— Она не твоя мама, понимаешь? — Тика трясло, все его искривленное тело вздрагивало, как будто он заставлял себя идти наперекор ужасному ветру. — Не… твоя… мама…

Под мышками серого пиджака проступили темные полумесяцы. Маленькие кулачки ходили ходуном, а он все силился сделать следующий шаг.

— Ты болен, — сказала мать Кумико сочувственным тоном. — Тебе стоит прилечь.

Тик упал на колени, придавленный к земле невидимой тяжестью.

— Прекрати! — закричала Кумико.

Что-то с силой вдавило лицо Тика в пастельный бетон дорожки.

— Прекрати!

Левая рука человечка взлетела от плеча вертикально вверх и начала медленно вращаться, кисть по-прежнему оставалась сжатой в кулак. Кумико услышала, как что-то хрустнуло — кость или, может быть, сустав, — и Тик закричал.

Ее мать рассмеялась.

Кумико ударила мать по лицу. Удар отозвался в ее руке резкой и очень реальной болью.

Лицо матери дрогнуло, превращаясь в чье-то чужое. Лицо гайдзинки с широким ртом и тонким, острым носом.

Тик застонал.

— Отлично проработанная картинка, доложу я вам, — раздался вдруг голос Колина.

Кумико повернулась и увидела его сидящим верхом на лошади с охотничьей литографии — на стилизованном графическом воспроизведении вымершего животного. Грациозно выгнув шею, лошадь подошла ближе.

— Простите, что задержался. Мне потребовалось некоторое время, чтобы отыскать вас. Какая восхитительно сложная структура. Что-то вроде карманной вселенной. Я бы сказал, тут всего понемножку. — Он натянул поводья.

— Игрушка, — сказало нечто с лицом мате-

ри Кумико, — как ты смеешь разговаривать со мной?

— По правде говоря, смею. Вы — леди три-Джейн Тессье-Эшпул, или, точнее, *покойная* леди три-Джейн Тессье-Эшпул, обитавшая на вилле «Блуждающий огонек» и, не так чтобы недавно, безвременно ушедшая из жизни. А эту довольно удачную декорацию токийского парка вы только что выудили из воспоминаний Кумико, не так ли?

— Умри! — Женщина выбросила вверх белую руку, с ее ладони вспорхнула фигурка, сложенная из листка неона.

— Нет, — сказал Колин, и журавлик распался; призрачные обрывки пронеслись сквозь Колина и растаяли. — Не выйдет. Извините. Я вспомнил, что я такое. Нашел те куски, которые были запрятаны в блоках памяти, отведенных для Шекспира, Теккерея и Блейка. Я был модифицирован специально для того, чтобы помогать советом и защищать Кумико в ситуациях гораздо более опасных, чем те, какие только могли вообразить мои первоначальные конструкторы. Я — тактическое устройство.

— Ты — ничто.

У ее ног зашевелился Тик.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Видите ли, три-Джейн, здесь, в этом вашем… архитектурном капризе, я столь же реален, как и вы. Понимаешь, Кумико, — сказал он, спрыгивая с седла, — загадочный макроформ Тика — на самом деле куча-мала очень дорогих биочипов, собранная под заказ. Что-то вроде игрушечной вселенной. Я пробежался по ней вверх-вниз, и здесь, безусловно, многое стоит посмотреть, многому поучиться. Эта… женщина — скажем так, если уж мы решили относиться к ней как к человеку, — создала ее в трогательном стремлении — о нет, даже не к *бессмертию*, а просто чтобы сделать все по-своему. Подчинить все своим узким, навязчивым и исключительно ребяческим желаниям. И кто бы мог подумать, что предметом жесточайшей и так мучительно снедающей ее зависти станет Анджела Митчелл?

— Умри! Ты умрешь! Я тебя убиваю! Сейчас же!

— Попытка не пытка, — отозвался Колин с усмешкой. — Видишь ли, Кумико, три-Джейн знала о тайне Митчелл, о тайне ее взаимоотношений с матрицей. Было время, когда Митчелл обладала потенциалом… ну… она могла стать центром всего… Впрочем, эта история не стоит того, чтобы в нее вдаваться. А три-Джейн просто ревновала…

Фигура матери Кумико качнулась дымком и растаяла.

— О, дорогая, — сказал Колин, — боюсь, я утомил благородную леди. Параллельно нашей с ней пикировке мы вели нечто вроде позиционной войны, только на другом уровне командных программ. Ситуация патовая. Разумеется, временно; я уверен, леди три-Джейн без труда оправится…

Тик тем временем поднялся на ноги и принялся осторожно массировать руку.

— Господи, — выдохнул он, — я уж было решил, она мне ее напрочь из сустава вывернула.

— Она и вывернула, — сказал Колин, — но, уходя, так злилась, что позабыла сохранить изменения.

Кумико подошла к лошади поближе. Вблизи та и вовсе не походила на настоящую. Девочка коснулась лошадиного бока. Холодный и сухой, как старая бумага.

— И что нам теперь делать?

— Убираться отсюда. По коням! Кумико — вперед. Тик — назад.

Тик с сомнением поглядел на лошадь:

— Верхом на этом?

Больше в парке Уэно они никого не видели, хотя и скакали какое-то время в сторону зеленой

стены, постепенно приобретавшей черты очень не японского леса.

— Но мы же должны быть в Токио, — запротестовала Кумико, когда они въехали в лес.

— Здесь все обрывками, — сказал Колин, — хотя вполне могу представить, что если поискать, то отыщется и какой-нибудь Токио. Однако, думается, я знаю точку выхода…

Тут он стал рассказывать ей о З-Джейн, о Салли, об Анджеле Митчелл. Очень странная история.

На дальней стороне леса деревья казались просто огромными. Наконец они выехали на поле, заросшее высокой травой и полевыми цветами.

— Смотрите, — сказала Кумико, увидев сквозь ветви высокий серый дом.

— Да, — отозвался Колин, — оригинал находится где-то на окраине Парижа. Но мы почти на месте. Я имею в виду точку выхода…

— Колин! Ты видел? Женщина. Вон там…

— Да, — сказал он, не давая себе труда повернуть голову. — Анджела Митчелл…

— Правда? Она здесь?

— Нет, — ответил он, — пока еще нет.

И тут Кумико увидела планеры. Очаровательные, похожие на стрекоз конструкции подрагивали на ветру.

— Вам туда, — сказал Колин. — Тик отвезет тебя назад на одном из…

— Да ни за что, — запротестовал сзади Тик.

— Это ведь очень просто. Как будто работаешь с декой. В данном случае вообще одно и то же…

С Маргейт-роуд прилетели раскаты смеха и пьяные голоса, за которыми последовал звон бутылки, разбившейся о кирпичную стену.

Зажмурив глаза, Кумико неподвижно сидела в кресле и вспоминала, как планер взмыл в голубое небо и… и что-то еще.

Зазвонил телефон.

Глаза девочки тут же распахнулись.

Выпрыгнув из кресла, она промчалась мимо Тика, оглядела стеллажи с оборудованием в поисках телефона. Нашла его наконец и…

— Домосед, а домосед, — сказала Салли издалека; ее голос пробивался сквозь мягкий прибой статики, — что там у вас, черт возьми, происходит? Тик? С тобой все в порядке, приятель?

— Салли! Салли, где ты?

— В Нью-Джерси. Эй! Детка? Детка, что происходит?

— Я не вижу тебя, Салли! Экран пустой!

— Я звоню из автомата. Из Нью-Джерси. Что у вас случилось?

— Мне столько нужно тебе рассказать…

— Давай, — сказала Салли, — это ведь моя монетка.

38
Война на Фабрике (2)

Из высокого окна в дальнем конце чердака было хорошо видно, как горит ховер. Тут до Слика донесся все тот же многократно усиленный голос:

— ДУМАЕТЕ, ЭТО ЧЕРТОВСКИ ВЕСЕЛО, А? ХА-ХА-ХА, И МЫ ТОГО ЖЕ МНЕНИЯ! МЫ ДУМАЕМ: ВЫ, РЕБЯТА, ОФИГЕТЬ КАКИЕ ЗАТЕЙНИКИ, ТАК ДАВАЙТЕ ТЕПЕРЬ ПОВЕСЕЛИМСЯ ВМЕСТЕ!

Ничего не видно, только пламя над ховером.

— Мы просто уйдем, — сказала Черри у него за спиной, — возьмем воду, какую-нибудь еду, если она у вас есть. — Глаза у нее были красные, лицо залито слезами, но голос звучал спокойно. Слишком спокойно, на взгляд Слика. — Давай, Слик, что нам еще остается?

Слик обернулся к Джентри, ссутулившемуся на своем стуле перед проекционным столом. Сжимая руками виски, тот вглядывался в белую колонну, вздымающуюся посреди привычной радужной путаницы Муравейникова киберпространства. С тех пор как они вернулись на чердак,

Джентри ни разу не пошевелился, даже слова не произнес. Каблук левого ботинка Слика оставлял на полу размытые темные следы — кровь Пташки; он наступил в лужу, когда они пробирались через цех Фабрики.

— Не смог сдвинуть с места остальных, — сказал вдруг Джентри, глядя на лежащий у него на коленях пульт дистанционного управления.

— Просто у каждого свой пульт, — ответил Слик.

— Пора спросить совета у Графа, — сказал Джентри, бросая пульт Слику.

— Я туда не пойду, — ответил Слик. — Иди сам.

— Нет необходимости, — отозвался Джентри, набирая что-то на встроенной в верстак клавиатуре; на мониторе возникло лицо Бобби Графа.

Глаза Черри широко распахнулись.

— Да скажите же ему, — начала она, — что ему скоро хана. Он кони двинет, если его не отсоединить от матрицы и не отправить прямиком в реанимацию. Он умирает.

Лицо Бобби на мониторе застыло. За его спиной резко обозначился фон: шея чугунного оленя, высокая трава с пятнами белых цветов, толстые стволы старых деревьев.

— Слышишь, ты, сукин сын? — заорала Чер-

ри. — Ты умираешь! В легких у тебя все больше и больше жидкости, почки отказывают, сердцу кранты… От одного твоего вида меня блевать тянет.

— Джентри, — сказал Бобби; его голос из крохотного динамика в боковой панели монитора был едва слышен, — не знаю, какой там у вас расклад, ребята, но я организовал небольшой отвлекающий маневр.

— Мы так и не проверили мотоцикл. — Черри обняла Слика за плечи. — Даже не пошли посмотреть. Может, он на ходу.

— Что это значит — «небольшой отвлекающий маневр»? — освобождаясь от ее рук, спросил Слик и уставился в монитор.

— Я еще работаю над этим. Я ввел новый маршрут в программу автоматического грузовоза «Борг-Уорд», который недавно вылетел из Ньюарка.

Слик оторвался от Черри.

— Ну что ты сидишь, сделай хоть что-нибудь! — заорал он Джентри.

Тот поднял глаза, но в ответ лишь медленно покачал головой. Слик почуял первые признаки нового приступа корсаковского синдрома — отшелушиваясь, теряли очертания и исчезали

крохотные частички памяти.

— Никуда он не пойдет, — ответил за ковбоя Бобби. — Он нашел Образ. А теперь просто хочет посмотреть, во что все это выльется. Каков будет конец. К вам уже едут одни люди… в некотором смысле друзья. Они освободят вас от «алефа». А я пока займусь этими сукиными детьми снаружи.

— Не собираюсь я тут торчать и смотреть, как ты подыхаешь! — взвыла Черри.

— А тебя никто и не просит. Мой вам совет — выбирайтесь отсюда. Дайте мне двадцать минут, и я их отвлеку.

Никогда еще Фабрика не казалась такой пустой.

Пташка лежит где-то в цеху у стены. Слик не переставал думать о спутанном ожерелье из ремешков и косточек у него на груди: перышки и разнокалиберные ржавые часики — все давно стоят, все показывают разное время… Дурацкое захолустное дерьмо. Но Пташки больше нет. Пожалуй, и меня скоро не будет, подумал он, ведя Черри по шаткой лестнице. Все не так, как раньше. И нет времени вывезти механизмы, — во всяком случае, без платформы и чьей-нибудь помощи не обойтись; он уже решил, что если уйдет, то сюда больше не вернется. Фабрике и так

уже никогда не стать прежней.

Черри несла пластиковую канистру с четырьмя литрами фильтрованной воды, сетку с нечищеным арахисом и пятью упаковками сухого супа «Биг-Гиндза» — это было все, что ей удалось разыскать на кухне. Слик нес два спальных мешка, фонарик и молоток.

Кругом было тихо, только ветер гремел рифленым металлом и шаркали по бетону их башмаки.

Слик и сам в точности не знал, куда он пойдет. Думал, что отведет Черри до фермы Марви и оставит ее там. Сам же, наверное, вернется проверить, как там Джентри. А она через день-другой найдет кого-нибудь, кто подвезет ее до того или иного городка Ржавого Пояса. Сама она, правда, про это еще не знает. Единственное, о чем она способна сейчас думать, — как отсюда убраться. Ее, похоже, одинаково пугала и перспектива увидеть смерть Бобби Графа, и те люди, что окружили Фабрику. Но Слик ясно видел, что Бобби все равно нет дела до того, умрет он или нет. Возможно, Бобби решил, что он просто останется в «алефе», как и З-Джейн. Или ему вообще на все наплевать; бывает, что с ума сходят и так.

Если уходить насовсем, думал Слик, свободной

рукой направляя Черри через темноту, нужно бы заглянуть на прощанье к Судье, к Ведьме, к Трупорубу, к обоим Следователям. Правда, тогда ему придется сначала вывести Черри, потом вернуться… Но даже думая об этом, он знал, что это бессмысленно, что нет времени, что ее в любом случае нужно вывести…

— Здесь в стене, у самого пола, есть дыра, — объяснил он девушке. — Если выскользнуть через нее, может, никто нас и не заметит…

Когда он свернул в темноте, она сжала его руку.

Отверстие Слик отыскал на ощупь, просунул спальные мешки, молоток заткнул за пояс, лег на спину и стал протискиваться в дыру, пока голова и плечи не оказались снаружи. Небо висело низко, оно казалось лишь чуть-чуть светлее, чем тьма внутри Фабрики.

Издали вроде как донеслось слабое бормотание моторов, но потом и оно смолкло.

Упираясь каблуками, плечами, бедрами, он наконец пропихнулся наружу и сразу же перекатился по снегу.

Что-то ткнулось ему в ногу: это Черри выталкивала канистру с водой. Слик протянул за канистрой руку, и на тыльной стороне его кисти

тут же загорелся красный светлячок. Отпрянув, Слик снова перекатился. Пуля, как гигантский молот, ударила в стену Фабрики.

И тут в небе вспыхнула осветительная ракета. Пробиваясь сквозь низкие тучи, Пустошь залил яркий белый свет. И сразу стало видно, что к Пустоши, раздув серые бока, снижается беспилотный грузовоз — отвлекающий маневр Бобби. Вот фары грузовоза высветили второй ховер в тридцати метрах от Фабрики, фигуру в капюшоне и с винтовкой на его крыше…

Первый контейнер с грохотом ударился о землю прямо перед ховером и раскололся, выбросив фонтан упаковочных пенопластовых шариков. Второй, с двумя холодильниками, возместил промах прямым попаданием, смяв ховеру кабину. Переквалифицировавшийся в бомбардировщик дирижабль «Борг-Уорд» продолжал изрыгать контейнеры, а осветительная ракета, кружась, опустилась на землю и погасла.

Слик продрался обратно сквозь отверстие в стене, бросив воду и спальные мешки.

Бегом в темноту. Он потерял Черри. Потерял молоток. Девушка, должно быть, убежала вглубь Фабрики, когда человек в капюшоне сделал свой первый выстрел. Он же и последний, если стре-

лок угодил под рухнувший с небес контейнер…

Ноги сами собой привели Слика к пандусу, ведущему в каморку, где ждали его машины.

— Черри?

Он включил фонарик.

В круге света возник однорукий Судья. А перед Судьей стояла фигура с отбрасывающими свет зеркалами на месте глаз.

— Сдохнуть хочешь? — спросил женский голос.

— Нет…

— Гаси свет.

Темно. Бежать…

— Я вижу и в темноте. Ты только что засунул свой фонарик в карман куртки. И вид у тебя такой, будто тебе все еще хочется побегать. Ты у меня на мушке.

Бежать?

— И не думай об этом. Видел когда-нибудь игольник «Фудзивара Эйч-И»? Стоит игле попасть во что-то твердое, она взрывается. А если попадет в мягкое — например, в тебя, приятель, — войдет внутрь и тоже взорвется. Через десять секунд.

— Почему?

— Чтобы у тебя было время над этим подумать.

— Ты с теми парнями, что снаружи?

— Нет. Это вы сбросили на них плиты и прочую срань?

— Нет.

— Значит, Ньюмарк. Бобби Ньюмарк. Сегодня вечером я заключила сделку. Я сведу кое-кого с Бобби Ньюмарком — и смогу начать с чистого листа. А ты мне покажешь, где найти этого Ньюмарка.

39
Слишком много всего

И что же это, в конце концов, за место такое?

Дошло уже до того, что Мона перестала находить утешение в воображаемых советах Ланетты. Окажись Ланетта в подобной ситуации, решила Мона, она просто глотала бы «мемфисский черный» горстями до тех пор, пока не почувствовала бы, что все их проблемы ей до лампочки. У мира никогда еще не было так много движущихся частей и так мало этикеток для них.

Они ехали всю ночь, Энджи по большей части — в отключке. Теперь Мона определенно была готова поверить в историю о наркотиках — актриса все говорила и говорила… на разных языках, разными голосами. И это было хуже всего — голоса, потому что они обращались к Молли, подначивали ее на что-то, а она им отвечала, не отрывая глаз от дороги, и совсем не так, как если бы разговаривала с Энджи, стараясь ее успокоить, а, скорее, будто тут действительно был кто-то другой. Голосов, которыми говорила Энджи, было три, не меньше. Самой Энджи это причиняло

явную боль, у нее деревенели мышцы и шла носом кровь. Мона сидела, наклонившись над ней, и промакивала кровь, переполненная странной смесью страха, любви и жалости к королеве своих грез — а может, это просто от магика. Но в бело-голубом мигании огней на трассе Мона видела свою собственную руку рядом с рукой Энджи, и они вовсе не были одинаковыми, даже форма другая, и это ее радовало.

Первый голос пришел, когда они ехали на юг, уже после того, как Молли привезла Энджи в вертолете. Этот только шипел и скрипел и раз за разом повторял что-то о Нью-Джерси и какие-то цифры, вроде бы обозначения на карте. Часа два спустя Молли завела ховер на стоянку отдыха дальнобойщиков и сказала, что они в Нью-Джерси. Здесь она вышла и отправилась звонить — надолго — из автомата с заиндевевшими от мороза стеклами. Когда Молли наконец вернулась, Мона увидела, как она швырнула телефонную карточку из окна прямо в застывшую на морозе грязь — выбросила, и все. Мона спросила, кому она звонила, а та сказала, что в Англию.

Мона тогда увидела руку Молли на рулевом колесе — на темных ногтях проступили желтоватые крапинки; такие возникают, когда отдираешь

искусственные ногти. Нужно бы сначала обработать их растворителем, подумала Мона, а потом лечебной мазью.

Где-то за рекой они съехали с трассы. Деревья, поле, узкое двухполосное шоссе, временами — одинокий красный фонарь высоко на какой-нибудь вышке. Вот когда стали приходить другие голоса. И пошло: туда-сюда, туда-сюда. Голоса, потом Молли, опять голоса, опять Молли. Если разговор что-то и напоминал, так это попытки Эдди торговаться, только Молли умела это гораздо лучше, чем он. Даже не понимая, о чем идет речь, Мона была уверена, что Молли вот-вот своего добьется. Но она, Мона, просто не в состоянии это выдерживать, ей не вынести… этих голосов. Когда они приходили, ей хотелось забиться в угол как можно дальше от Энджи. Хуже всего был тот, кого звали Сам-Эдди или как-то вроде. Все голоса требовали, чтобы Молли отвезла Энджи куда-то ради чего-то, что они называли свадьбой. Тут Мона задумалась, не замешан ли здесь как-то Робин Ланье. Скажем, если Энджи и Робин собираются пожениться, то это просто обычная авантюра, в какие пускаются все звезды, чтобы заключить брак. Правда, ей никак не удавалось заставить себя в это поверить, и каждый раз,

когда возвращался голос этого Сам-Эдди, волосы у Моны вставали дыбом. Однако она сообразила, что именно пытается выторговать Молли. Молли хотела, чтобы ее досье, полицейское или уж какое там, было вычищено под ноль. Мона с Ланеттой смотрели как-то фильм о девчонке, у которой было десять или двенадцать личностей, проявляющихся по очереди. Скажем, если одна была скромной малышкой, то другая — шлюховатой оторвой, но в фильме ничего не говорилось о том, что какая-то из этих личностей способна стереть свое личное дело в полицейском архиве.

Потом свет фар выхватил из темноты занесенную снегом равнину и низкие холмы цвета ржавчины — там, где ветер сдул белизну.

В ховере имелась небольшая электронная карта, какие бывают в такси или у дальнобойщиков, но Молли ее не включала, кроме одного раза — чтобы поискать цифры, которые называл ей голос. Через некоторое время Мона поняла, что именно Энджи указывает Молли, куда ехать, или, во всяком случае, это делают страшные голоса. Моне сильно хотелось, чтобы поскорее настало утро… Однако ночь еще не кончилась, когда Молли, погасив свет и прибавив скорость, понеслась сквозь тьму…

— Свет! — крикнула Энджи.

— Расслабься, — ответила Молли.

Мона вспомнила, как легко и ловко она двигалась в темноте у Джеральда. Тут ховер немного притормозил, вписался в длинный поворот и затрясся на неровной почве. Огоньки на приборном щитке погасли, будто вырубились все приборы.

— А теперь ни звука, ясно?

Ховер снова набрал скорость.

Высоко в небе загорелся ослепительный белый огонь. Мона углядела за окном какой-то крутящийся падающий предмет, а над ним — что-то еще… похожее на серую луковицу…

— На пол! Да пригни же ты ее!

Мона дернула застежку ремня безопасности Энджи как раз тогда, когда что-то звонко ударило ховеру в бок. Она столкнула Энджи на пол и накрыла ее шубой. А потом Молли резко дернула руль влево, и ховер обогнул какое-то препятствие, которого Мона так и не заметила. Мона глянула вверх: на долю секунды появилось в призрачном свете большое полуразрушенное черное здание, над распахнутыми настежь воротами горела единственная белая лампочка. И вот они уже проскочили в эти ворота, турбина взвыла на реверсе.

Удар, скрежет.

Просто не знаю, сказал голос, а Мона подумала: ну я-то знаю, каково это.

Тут голос рассмеялся и все никак не мог остановиться. Смех то слышался, то пропадал, то слышался, то пропадал, как будто кто-то включал и выключал звук. И смех был уже вовсе не похож на смех, когда Мона открыла глаза.

Над ней сидела девушка с маленьким фонариком в руке, такой Ланетта обычно вешала на кольцо для ключей как брелок. Силуэт девушки был неотчетлив, луч уперся в расслабленное лицо Энджи. Девушка перевела взгляд на Мону, увидела, что та смотрит в ответ, и смех, который не был смехом, прекратился.

— Кто вы такие, черт побери?

Свет бил Моне в глаза. Выговор кливлендский. Упрямое лисье личико под растрепанными обесцвеченными волосами.

— Мона. А ты кто? — Но тут она увидела молоток.

— Черри…

— А молоток зачем?

— Кто-то охотится за мной и Сликом. — Черри перевела взгляд на молоток, потом снова подозрительно посмотрела на Мону. — Это не вы?

— Вряд ли.

— Ты на нее похожа. — Свет скользнул по лицу Энджи.

— Не моих рук дело. Во всяком случае, раньше я выглядела иначе.

— Вы обе выглядите как Энджи Митчелл.

— Да. Это она и есть.

Черри передернуло. На ней было три или четыре кожаные куртки, полученные от различных дружков, — таков был кливлендский обычай.

— В этот высокий замок… — раздался изо рта Энджи голос, густой и тяжелый, как грязь; выронив от изумления молоток, Черри въехала головой в крышу машины. — Моя лошадь теперь пойдет, — продолжал голос.

В мечущемся луче фонарика Черри они увидели, как на лице Энджи задергались мышцы.

— Что вы медлите здесь, маленькие сестры, теперь, когда все готово к свадьбе?

Лицо Энджи расслабилось, превратилось в ее собственное, из левой ноздри побежала тоненькая струйка ярко-алой крови. Энджи открыла глаза, поморщилась от резкого света.

— Где она? — спросила она Мону.

— Ушла, — ответила Мона. — Сказала мне оставаться с тобой…

— Кто? — спросила Черри.
— Молли. Она была за рулем…

Черри хотела найти кого-то по имени Слик. Мона хотела, чтобы вернулась Молли и сказала ей, что делать. Но Черри трясло от одной мысли о том, чтобы остаться здесь, в бывшем цеху; она сказала, это из-за людей снаружи, у них пушки. Мона вспомнила звук, когда что-то ударило в бок ховера. Забрав у Черри фонарик, она стала исследовать корпус машины. В правом борту оказалась дырка ровно такого размера, чтобы Мона смогла просунуть в нее палец, а в левом нашлась еще одна, но уже больше — в два пальца.

Черри сказала, что им лучше подняться наверх — туда, куда, наверное, ушел Слик, — пока эти люди не решили войти внутрь. Особой уверенности Мона не испытывала.

— Давайте же, — торопила Черри. — Слик, наверное, наверху, у Джентри и Графа…

— Что ты сейчас сказала? — Это был голос Энджи, точно такой, как в стимах.

Ладно бы пушки, но когда они выбрались из ховера, на Фабрике оказалось чертовски холодно, а Мона была по-прежнему без чулок. Но — наконец-то! — занялся рассвет: серым на черном

стали вырисовываться прямоугольники — скорее всего, окна. Девушка по имени Черри вела их, по ее словам, куда-то «наверх», отыскивая себе дорогу краткими вспышками фонарика-брелока, сразу за ней шла Энджи, Мона же завершала процессию.

Тут она зацепилась за что-то каблуком. Шорох. Наклонившись, чтобы отцепить эту дрянь, Мона обнаружила, что на ощупь это напоминает пластиковый пакет. Липкий. Внутри мелкие твердые штучки. Она глубоко вдохнула и выпрямилась, засунув пакет в боковой карман куртки Майкла.

А потом они долго взбирались по узким лестницам, круто уходящим вверх. Мех Энджи обметал руку Моны на шершавых и холодных перилах. Площадка, поворот, еще один пролет лестницы, еще площадка, снова лестница. Откуда-то потянуло холодом.

— Здесь что-то вроде моста, — сказала Черри. — Идти по нему нужно быстро, ладно? Потому что он вроде как… ну… уходит из-под ног…

А вот это было уже совсем неожиданно: и странная белая комната с высоким потолком, и провисающие полки, набитые растрепанными выцветшими книгами (Мона сразу же вспомнила о старике), и нагромождение каких-то консолей с

извивающимися повсюду кабелями, и этот худой человек в черном — глаза горят, а волосы сзади затянуты в хвост, который в Кливленде называют «бойцовая рыбка», — и этот безумный смех, когда он увидел их, и еще этот мертвый парень.

Мона и раньше видела мертвецов, видела достаточно часто, чтобы распознавать их с первого взгляда. У смерти есть свой цвет. Время от времени во Флориде кто-нибудь лежал на куске картона на боковой дорожке возле сквота. Просто лежал и не поднимался. Одежда и кожа приобретали оттенок пыльной дорожки, и все же оттенок этот становился совсем другим, когда эти овощи наконец отдавали концы. Тогда приезжал белый фургон. Эдди говорил, это потому, что, если их не забрать, их раздует. Как кошку, которую как-то видела Мона. Кошка вздулась, как баскетбольный мяч, лежала на спине, лапы и хвост торчали во все стороны, как твердые палки, — Эдди ржал и ржал, никак не мог остановиться.

А теперь смеялся этот вот парень, явно под магиком — уж Мона-то знала, что означает подобный взгляд, — и Черри издала сдавленный звук, похожий на стон, а Энджи так просто застыла у двери.

— Тихо, все, — услышала Мона знакомый жен-

ский голос и обернулась.

В дверном проеме с небольшой пушкой в руке появилась Молли, а за плечом у нее образовался огромный парень с грязными волосами, на вид пень пнем.

— Постойте-ка смирно, пока я не разберусь, кто тут кто.

Худой в ответ только рассмеялся.

— Заткнись, — рассеянно бросила Молли, будто думала о чем-то другом.

Она выстрелила, даже не посмотрев на пушку. Синяя вспышка на стене прямо над головой у худого и звон у Моны в ушах.

Худой свернулся калачиком на полу, зажав голову между колен.

Энджи подходит к носилкам, где лежит мертвый парень, глаза его закатились, так что видны одни лишь белки. Медленно-медленно. Будто движется под водой… И на лице такое странное выражение…

Рука Моны в кармане куртки что-то нащупывала сама по себе. Вертела, сжимала подобранный по дороге зиплок, говорила Моне, что в нем… магик.

Мона вытащила пакет — и вправду магик. Сам пакет липкий от подсыхающей крови. Три кри-

сталла внутри и еще какие-то дермы.

Она сама не знала, почему вытащила его именно в этот момент, разве что потому, что все замерли без движения.

Худой с «бойцовой рыбкой» уже присел, но с пола не поднимался. Энджи склонилась над носилками, но, похоже, вообще не обратила внимания на мертвого, а вперилась взглядом в серый ящик, присобаченный к раме в изголовье. Черри из Кливленда вжалась спиной в полки с книгами и пыталась затолкать себе в рот костяшки сжавшихся в кулак пальцев. Большой парень просто стоял рядом с Молли, которая, склонив голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Ну кто может такое выдержать!

Стол был накрыт стальным листом. На столе под какой-то тяжелой железякой — пыльная стопка распечаток. Мона рядком, как пуговицы, выдавила все три кристалла, подняла железяку и — раз, два, три — размолола их в пыль. Сработало: все уставились на нее. Все, кроме Энджи.

— Извините, — услышала Мона собственный голос, сметая желтую горку пыли на раскрытую в ожидании левую ладонь, — бывает… — она зарылась носом в горку и вдохнула, — иногда, — добавила она и вдохнула остатки.

Никто не сказал ни слова.

И снова — в центре тишины. Точно как в тот раз.

Оно движется так быстро, что остается на месте.

Вознесение. Вознесение грядет.

Так быстро, что остается на месте, и она даже может вспомнить последовательно все, что произошло дальше. Сперва — гулкий хохот, «ХА-ХА-ХА», который совсем не похож на хохот. Нет, это просто голос через мегафон. Из-за двери. С того самого подвесного мостика. И Молли разворачивается — плавно, грациозно, стремительно, — и все это так, как будто спешить ей некуда. Щелкает, как зажигалка, ее маленькая пушка.

Потом — синяя вспышка снаружи, и большого парня в дверях вдруг забрызгивает кровью, и со скрежетом рвется старый металл, и Черри начинает кричать еще прежде, чем подвесной мостик с громким рок-н-ролльным блямсом ударяется о бетонный пол в темном цеху — там, где Мона нашла окровавленный пакет с магиком.

— Джентри, — говорит кто-то, и тут она видит небольшой экран на столе, а на нем молодое лицо, — подсоедини ко мне пульт управления, который ты взял у Слика. Они — в здании.

Парень с «бойцовой рыбкой» с трудом поднимается на ноги и начинает возиться с проводами и консолями.

А Мона способна только смотреть, потому что внутри у нее так тихо, а все вокруг так интересно.

Смотрит, как большой парень, вдруг очнувшись, издает жуткий вопль и подбегает с криком: «Они мои, мои!..» Смотрит, как лицо на экране говорит: «Да ладно тебе, Слик, на самом деле они тебе уже не нужны…»

Затем где-то там, внизу, включается мотор, и Мона слышит сперва стрекот и перестук, а потом вдруг кто-то в цеху вопит нечеловеческим голосом.

И вот уже в высоком узком окне встает солнце. Мона незаметно переходит к окну и выглядывает наружу. На широкой ржавой равнине — что-то вроде фургона или ховера, только он погребен под горой не то холодильников, не то… да-да, новехонькие холодильники… и разломанные пластиковые клети вокруг… и еще кто-то в камуфляже — лежит, уткнувшись лицом в снег, а дальше, за ним — еще один ховер, но тот, похоже, сгорел дотла.

Как интересно!

40
Розовый атлас

Энджи Митчелл воспринимает эту комнату и находящихся в ней людей словно сквозь голографическую проекцию скользящих в воздухе символов. Будто бы эти разворачивающиеся плоскостями данные представляют собой различные точки зрения, хотя Энджи в большинстве случаев не уверена, чьи именно. Временами они перекрываются или противоречат друг другу.

Мужчина с неряшливым хвостом светлых волос и в расшитой черным бисером кожаной куртке — это Томас Трейл Джентри (сквозь нее каскадом течет информация о его рождении и цифры ГРЕХа), постоянного местожительства не имеет (в то же время другой источник сообщает ей, что эта комната принадлежит ему). В сером слое официальных данных обнаруживаются бледно-розовые мраморные прожилки неоднократных подозрений «Ядерной комиссии» в мошенничестве с коммунальными платежами. И вот Энджи видит его совсем в ином свете: он похож на ковбоев, с которыми ее познакомил

Бобби; несмотря на молодость, этот Джентри совсем такой же, как те старики из «Джентльмена-неудачника». Он — самоучка, эксцентрик, одержимый; по его собственному мнению — ученый; он — лунатик, безумец, виновный (с точки зрения Маман, с точки зрения Легбы) в бесчисленных ересях. Леди 3-Джейн, согласно своей эксцентричной классификации, определила его как «АРТЮРА РЕМБО». (Отталкиваясь от этого имени, Энджи видит, как вспышку, еще одно лицо, но того зовут Ривьера, это второстепенный персонаж ее снов.) Молли специально оглушила этого Джентри, выстрелив из игольника так, что разрывная игла сдетонировала в восемнадцати сантиметрах от его черепа.

У Молли, как и у девочки Моны, ГРЕХа нет, ее рождение не зарегистрировано, и тем не менее вокруг ее имени (имен) роятся мириады предположений, слухов, противоречащих друг другу сведений. Уличная девчонка, проститутка, телохранитель, наемный убийца, она на различных уровнях сливается с тенями героев и злодеев, чьи имена ничего не говорят Энджи, хотя остаточные их образы уже давно вплетены в ткань мировой культуры. (Раньше все это тоже принадлежало 3-Джейн, а теперь принадлежит ей, Энджи.)

Молли только что убила человека, всадив ему в горло одну из своих разрывных игл. Упав на стальные перила, тяжелое, увешанное оружием мертвое тело обрушило значительный участок подвесного мостика. Из этой комнаты нет другого выхода — факт, обладающий определенным стратегическим значением. В намерения Молли, вероятно, не входило уничтожение подвесного мостика. Она стремилась лишь помешать головорезу-наемнику воспользоваться его привычным оружием — мощным короткоствольным ружьем с покрытием из черного светопоглощающего сплава. Тем не менее чердак Джентри теперь надежно изолирован.

Энджи понимает, что значит Молли для 3-Джейн, видит, почему 3-Джейн желает заполучить эту женщину, видит причину ее ненависти — и, зная это, постигает всю банальность человеческого зла. Энджи видит, как Молли беспокойно рыщет по серому зимнему Лондону, рядом с ней маленькая девочка, — и знает, не зная откуда и как, что та же самая девочка находится сейчас на Маргейт-роуд, 23, Брикстон. (Континьюити?) До недавнего времени отец девочки был хозяином человека по имени Суэйн, позже этот ловчила перешел на службу к 3-Джейн — ради информации,

которой она снабжает тех, кто повинуется ее воле. Как и Робин Ланье, хотя, конечно, последний надеется, что ему заплатят иной монетой.

К девушке Моне Энджи испытывает странную нежность, жалость и до некоторой степени завидует ей. Хотя девушку изменили так, чтобы она как можно больше напоминала ее саму, жизнь Моны не оставила практически никаких следов в ткани бытия и олицетворяет в знаковой системе Легбы максимальное приближение к невинности.

Черри-Ли Честерфилд окружена печальными небрежными каракулями, ее информационный профиль напоминает рисунок ребенка: привлечение к суду за бродяжничество, нелепые долги, прерванная карьера медтехника «скорой помощи», шестого разряда, — и все это в обрамлении даты рождения и ГРЕХа.

Слик, или Слик Генри, — среди неГРЕХовных, но 3-Джейн, Континьюити, Бобби — все они щедро одаривали его своим вниманием. Для 3-Джейн он служит как бы фокусом второстепенного ассоциативного кода: в его последовательном ритуале конструирования роботов — реакции на вызванную уголовной химкоррекцией психическую травму — она видит собственные провалившиеся

попытки изгнать призрак бесплодной мечты Тессье-Эшпулов. В коридорах памяти 3-Джейн Энджи нередко набредала на каморку, где манипулятор с паучьими лапами, перемешивая обломки краткой и вздорной истории «Блуждающего огонька», воплощает в шкатулки пронзительно печальные, горькие воспоминания — акт затянувшегося художественного коллажа. А у Бобби — воспоминания иные, они получены от художника, сумевшего добраться до вавилонской библиотеки 3-Джейн: это рассказ о медленном, печальном, почти ребяческом труде, воздвигающем на плоской равнине под названием Собачья Пустошь новые образы боли и памяти.

Внизу, в холодной темноте Фабрики, одна из кинетических скульптур Слика, управляемая подпрограммой Бобби, как раз сейчас отделяет левую руку от тела очередного наемника при помощи механизма, позаимствованного два года назад у комбайна китайского производства. Наемник, чье имя и ГРЕХ проплывают мимо Энджи цепочкой горячих серебристых пузырьков, умирает, прижавшись щекой к сапогу Пташки.

Только Бобби — единственный из всех людей в этой комнате — не представлен символами. И Бобби — это не отслужившее свой век тело, рем-

нями привязанное к носилкам, с подбородком, покрытым пленкой засохшей блевотины. Бобби — это даже не насмешливое, до боли знакомое лицо, глядящее на нее с монитора на верстаке Джентри. Может быть, Бобби — это массивный параллелепипед памяти, привинченный над носилками?

И вот, ступив на уходящие в бесконечность дюны грязного розового атласа под искусственным стальным небом, Энджи наконец-то свободна и от этой комнаты, и от всей ее информации.

Рядом с ней идет Бригитта, и нет никакого давления или пустоты ночи, никакого гудения потревоженного улья. Нет свечей. Континьюити тоже тут, представленный в виде самоходного завитка серебристой мишуры, который почему-то напоминает Энджи о Хилтоне Свифте на пляже в Малибу.

— Как ты себя чувствуешь? Лучше? — спрашивает Бригитта.

— Спасибо, намного.

— Я так и думала.

— Почему тут Континьюити?

— Потому что он твой двоюродный брат, созданный из биочипов «Мааса». Потому что он юн. Мы провожаем тебя на свадьбу.

— Но кто ты, Бригитта? Что ты есть на самом деле?

— Я — послание, которое приказали написать твоему отцу. Я — веве, которые он прочертил в твоей голове. — Бригитта придвигается ближе. — Будь поласковей с Континьюити. Он боится, что своей неуклюжестью заслужил твое недовольство.

Серебристая мишура бежит впереди них по атласным дюнам, чтобы возвестить о прибытии невесты.

41
Мистер Янака

Модуль «Маас-Неотек» уже остыл и на ощупь был едва теплым, но белая пластиковая подкладка под ним потемнела, будто от сильного жара. Запах паленых волос…

Кумико смотрела, как на лице Тика наливаются черные синяки. Он послал ее к шкафчику возле кровати за потертой жестянкой из-под сигарет — коробка была забита таблетками и дисками дермов. Разорвав ворот рубашки, жокей вдавил три самоклеющихся диска в фарфорово-белую кожу шеи.

Девочка помогла ему соорудить некое подобие перевязи, свернув петлей оптический кабель.

— Колин же говорил, что она забыла…

— Зато я не забыл… — Тик со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, с трудом продевая руку в петлю. — Конечно, все это было только кажущимся. Но болеть рука будет долго… — Он поморщился.

— Мне очень жаль…

— Да ладно. Салли мне рассказывала. О твоей

матери, я имею в виду.

— Да… — не отводя от него взгляда, сказала Кумико. — Она покончила с собой. В Токио.

— Кем бы ни была та женщина, это не твоя мать.

— Модуль… — Она посмотрела на обеденный стол.

— Она его выжгла. Впрочем, Колину это без разницы, он остался там. Развлекается с этим ее конструктом. Так что же затеяла наша Салли?

— С ней Анджела Митчелл. Салли отправилась на поиски того, из чего вырос этот макроформ. Какое-то место под названием Нью-Джерси.

Зазвонил телефон.

На широком экране за телефоном — отец Кумико, вернее, плечи и голова: видны черный костюм, часы «Ролекс», целая галактика микроустройств и опознавательных знаков братства на лацкане пиджака. Кумико подумалось, что вид у него усталый — усталый и очень серьезный. Серьезный человек за черной гладью стола в своем кабинете. Кумико пожалела, что Салли звонила из автомата без видеокамеры. Ей очень хотелось снова ее увидеть. Да, теперь, вероятно, такой возможности больше уже не представится.

— Ты хорошо выглядишь, Кумико, — сказал

отец.

Девочка напряглась, выпрямилась, сидя лицом к маленькой камере, установленной прямо под настенным экраном. По привычке она призвала маску матери, ту, что выражала пренебрежение и надменность, но ничего не вышло. Кумико растерянно потупила взгляд, уставившись на судорожно сжатые на коленях руки. Внезапно она осознала присутствие Тика, его смущение и страх — маленький человечек попал в ловушку в собственном кресле, стоявшем здесь же, напротив камеры.

— Ты поступила совершенно правильно, покинув дом Суэйна, — говорил тем временем отец.

Она вновь встретилась с ним взглядом.

— Он — твой кобун.

— Уже нет. Пока нас отвлекали трудности, возникшие в нашем собственном доме, он заключил новый и очень сомнительный союз, избрав курс, который мы не могли бы одобрить.

— А ваши трудности, отец?

Не вспыхнула ли у него на лице мимолетная улыбка?

— Со всем этим покончено. Порядок и согласие восстановлены.

— А… гм-м… простите меня, сэр… мистер Яна-

ка, — начал было Тик, но потом, похоже, совсем потерял голос.

— Да. А вы?…

Покрытое синяками лицо Тика перекосилось, сделавшись воплощением траура.

— Его зовут Тик, отец. Он предоставил мне убежище и защиту. Вместе с Коли… с модулем «Маас-Неотек» он сегодня вечером спас мне жизнь.

— Правда? Меня об этом не информировали. Я пребывал в убеждении, что ты не покидала этих апартаментов.

Что-то холодное…

— Как? — спросила она, подавшись вперед. — Откуда вы можете это знать?

— Модуль «Маас-Неотек» сообщает о твоем местонахождении и твоих передвижениях, когда они становятся ему известны. Сигнал поступил, как только модуль вышел из-под блокады систем Суэйна. Мы разместили наблюдателей в этом районе. — (Кумико тут же вспомнила продавца лапши…) — Естественно, не ставя об этом в известность Суэйна. Но модуль так и не передал повторного сообщения.

— Он разбился. Несчастный случай.

— И все же ты говоришь, что этот человек спас

тебе жизнь?

— Сэр, — обрел голос Тик, — прошу прощения, но я хотел бы спросить… я под крышей?

— Под крышей?

— Ну, защищен? От Суэйна то есть и от его шайки из Особого отдела. И от всех остальных…

— Суэйн мертв.

Повисло молчание.

— Но кто-то же будет всем этим управлять? Я хочу сказать, всей этой игрой. Вашим бизнесом.

Мистер Янака разглядывал Тика с откровенным любопытством.

— Конечно. Как еще можно надеяться сохранить порядок и согласие?

— Дайте ему слово, отец, — вмешалась Кумико, — что ему не будет причинено никакого вреда.

Янака перевел взгляд с дочери на гримасничающего Тика.

— Сэр, примите мою искреннюю благодарность за защиту моей дочери. Отныне я ваш должник.

— Гири, — проговорила Кумико.

— Господи, — выдавил Тик, — ну надо же!

— Отец, — сказала Кумико, — в ночь, когда умерла моя мать, велели ли вы своим секретарям позволить ей выйти одной?

Лицо отца было совершенно неподвижно. Но у нее на глазах оно наполнилось горем, какого она до сих пор никогда не видела.

— Нет, — ответил он наконец, — я не велел.

Тик кашлянул.

— Спасибо вам, отец. Теперь я вернусь в Токио?

— Естественно, если пожелаешь. Хотя, насколько я понимаю, тебе удалось осмотреть лишь очень незначительную часть Лондона. Вскоре в апартаменты мистера Тика прибудет мой компаньон. Если ты пожелаешь остаться и осмотреть город, он это устроит.

— Благодарю вас, отец.

— До свидания, Куми.

И он исчез.

— Ну а теперь, — сказал Тик, с гримасой на лице протягивая ей здоровую руку, — помоги мне встать с этого…

— Но тебе же требуется медицинская помощь.

— Да неужто?

Он умудрился подняться на ноги и заковылял к туалету, как вдруг дверь отворилась и с темной лестничной площадки в комнату заглянул Петал.

— Если вы сломали мой чертов замок, — привет-

ствовал его Тик, — неплохо бы за него заплатить.

— Прошу прощения, — сказал Петал, моргнув. — Я пришел за мисс Янака.

— Тем хуже для вас. Я только что говорил по телефону с ее отцом. Большой босс сказал нам, что Суэйн сыграл в ящик. Сказал, что посылает сюда нового босса. — И Тик улыбнулся плутовато и с триумфом.

— Но, видите ли, — мягко проговорил Петал, — это я.

42
В цеху Фабрики

А Черри все кричит.

— Заткните ее кто-нибудь, — бросает Молли от двери, где стоит со своей маленькой пушкой в руке, и Моне кажется, что Молли обращается именно к ней.

Кто, как не она, Мона, может передать Черри частицу своего покоя, где все так интересно и ничто тебя не достает, и по пути через комнату она видит на полу скомканный зиплок и вспоминает, что там ведь были еще какие-то дермы. Может, это как раз то, что поможет Черри успокоиться?

— Вот, — говорит она, подходя к девушке, выдавливает дерм из упаковки и налепляет ей на шею.

Крик Черри скользит вниз по шкале громкости, стихает до невнятного бульканья, и она оседает по стене старых книг, но Мона уверена, что с ней все будет в порядке. Однако внизу стрельба — автоматные очереди. Снаружи за Молли пролетают, с треском отскакивают, рикошетят от стальных балок белые трассирующие пули. А Молли кри-

чит Джентри, чтобы включил чертов свет.

Это должно означать лампы внизу, потому что здесь, наверху, все залито ярким светом, настолько ярким, что Моне видны маленькие пушистые шарики и разноцветные следы, которые тянутся за вещами, если внимательно приглядеться. Трассеры. Вот как называются эти пули, которые светятся. Эдди рассказывал ей о таких во Флориде, когда охрана гоняла их с частных пляжей, стреляя из темноты.

— Ну да, свет, — говорит лицо с маленького экрана. — Ведьме плохо видно…

Мона улыбается ему. Она не думает, что кто-нибудь, кроме нее, это услышал. Какая еще Ведьма?

И вот Джентри и большой Слик начинают, кряхтя, срывать толстые желтые провода со стен, где они были прикреплены серебристой лентой, и втыкать их в эти железные ящики. Черри из Кливленда теперь сидит на полу с закрытыми глазами, а Молли, пристроившись на корточках у двери, обеими руками сжимает пушку, а Энджи…

Успокойся.

Она услышала это слово, сказанное чьим-то голосом, но голос этот не мог принадлежать никому из тех, кто был в комнате. Она подумала,

что это, должно быть, Ланетта, только она умеет так сказать — сквозь время, сквозь покой.

Потому что Энджи сидит на полу рядом с носилками, ноги согнуты в коленях неподвижно, как у статуи, руки обнимают тело мертвого парня.

Лампы тускнеют — это Джентри со Сликом нашли нужный контакт, а Моне чудится, что она услышала, как лицо на мониторе охнуло. Но сама она уже движется, идет к Энджи, видя (внезапно и с такой ясностью, что даже больно) тонкую струйку крови, вытекающую из ее левого уха.

Но даже тогда покой не оставляет Мону, хотя она и начинает уже чувствовать жжение где-то в глубине горла и вспоминает вдруг слова Ланетты: не смей, мол, эту дрянь просто нюхать, она проест в тебе дырки.

А спина у Молли — прямая, руки вытянуты… За дверь и куда-то вниз, и не к этому серому ящику, а к пистолету, этой маленькой штучке — Моне слышно, как она делает «чик-чик-чик», а потом слышатся три взрыва где-то далеко внизу, — и там, должно быть, сверкают три голубые вспышки. Но руки Моны уже обнимают Энджи, запястья щекочет испачканный кровью мех. Она заглядывает в пустые глаза, где затухает свет. Дальняя дорога, самый далекий путь.

— Эй, — зовет Мона, но никто ее не слышит, только Энджи, но и Энджи уже не слышит, уронив голову на труп в спальном мешке, — эй…

Мона поднимает глаза — как раз вовремя, чтобы ухватить взглядом последнюю картинку на экране и увидеть, как та угасает.

А после этого очень долго ничто уже не имело значения. Не так, как в беззаботности покоя или на овердрайве от кристаллов, и это вовсе не походило на обычную ломку, скорее — на чувство, когда все осталось далеко в прошлом, так, наверное, чувствуют себя духи.

Она стояла в дверях между Молли и Сликом и смотрела вниз. В тусклом свечении больших старых ламп было видно, как, дергаясь, мечется по грязному бетонному полу железный паук. У паука были большие искривленные ножи, которые щелкали и поскрипывали при каждом его движении, но больше там не двигался никто, а робот все копошился, как сломанная игрушка, туда-сюда перед искореженными остатками тех мостков, по которым когда-то давно она пробиралась вместе с Энджи и Черри.

Черри наконец смогла подняться на ноги — бледная, с обмякшим лицом — и сорвала с шеи дерм.

— С-сильн’й м’шечный релакс-сант, — с трудом выдавила она.

И Мона почувствовала себя худо, вдруг поняв, что опять наделала глупостей, думая, что пытается помочь. Но с магиком всегда так, и почему она не может остановиться?

Потому что ты подсела, идиотка, услышала она слова Ланетты, но думать об этом ей не хотелось.

И вот они все просто стояли и смотрели вниз на железного паука, продолжавшего метаться по бетонному полу, окончательно разряжая аккумуляторы. Все, кроме Джентри, который отвинчивал болты, крепившие серый ящик к раме над носилками, переступая своими черными ботинками рядом с рыжей шубой Энджи.

— Слышите? — сказала Молли. — Это вертолет. Большой вертолет.

Она была последней в очереди на спуск, если не считать Джентри, который просто сказал, что никуда не пойдет, что ему плевать, что он остается.

Трос был толстый и грязный, с завязанными на нем узлами, чтобы за них цепляться, — это напомнило Моне качели из ее далекого-далекого детства. Слик и Молли спустили сначала серый ящик. Они опустили его на платформу, где металлические лестницы остались неповрежденными.

Потом Молли ловко, как белка, соскользнула вниз — будто вообще не касаясь каната — и крепко привязала конец к перилам. Слик спускался медленно, потому что на плече у него висела Черри, которая была еще слишком расслаблена, чтобы одолеть спуск сама. Мона все еще чувствовала себя виноватой и подумала, не поэтому ли они решили оставить ее наверху.

Впрочем, решение приняла Молли, еще когда стояла у высокого окна, глядя на то, как из длинного черного вертолета выскакивают и рассыпаются по снегу люди.

— Посмотрите-ка, — сказала она. — Они уже знают. Пришли подобрать остатки. Это «Сенснет». А я сваливаю.

Черри пробормотала, что они тоже уходят, она и Слик. А Слик пожал плечами, потом ухмыльнулся и обнял ее за плечи.

— А что будет со мной?

Молли посмотрела на нее. Или казалось, что посмотрела. Ничего не поймешь с этими зеркалами. На долю секунды над нижней губой мелькнули белые зубы. Потом она сказала:

— Мой тебе совет — оставайся. Пусть они сами разбираются. Ты же, в сущности, ни в чем не виновата. Все это была не твоя идея. Думаю, они

предложат тебе какую-нибудь компенсацию. Во всяком случае, попытаются. Да, ты остаешься.

Мона не нашла в этих словах ни крупицы смысла, но сейчас она чувствовала себя совсем дохлой, начиналась ломка, и у нее уже не было сил спорить.

А потом они просто ушли, спустились по тросу и исчезли. Вот и все, вот так люди уходят, и ты их никогда больше не увидишь. Мона оглянулась назад в комнату и увидела, что Джентри ходит перед своими полками, водя пальцем по корешкам книг, будто ищет какую-то конкретную. Носилки он прикрыл одеялом.

Поэтому она просто ушла, и ей уже никогда не узнать, нашел Джентри ту книгу или нет. Она кое-как сползла по канату, и это было совсем не просто, не так, как у Молли и Слика. Особенно при ее состоянии, поскольку Моне казалось, что она вот-вот вырубится, и руки-ноги, похоже, не слишком хорошо ее слушались, и нужно было прилагать неимоверные усилия, чтобы заставить их работать, а еще нос и горло совсем заложило… Так что того черного она заметила, только когда спустилась.

Черный человек стоял рядом с тем местом, где раньше суетился паук — теперь тот не шевелил-

ся. Когда ее туфли заскрежетали по стальной платформе, черный поднял глаза. И в лице его было что-то настолько печальное, когда он ее увидел… Выражение, мелькнув, пропало, и он стал медленно подниматься по металлическим ступенькам. Когда он подошел ближе, Мона усомнилась, а настоящий ли это негр. Ладно бы цвет кожи — по цвету он определенно был негр, — но что-то в форме голого черепа, в чертах угловатого лица, не совсем таких, какие она привыкла видеть у негров… Он был высоким, очень высоким. На нем было длинное черное кожаное пальто — из такой тонкой кожи, что струится, как шелк.

— Здравствуй, мисси, — сказал, оказавшись перед ней, черный человек и двумя пальцами приподнял ее подбородок так, что она теперь смотрела прямо в агатовые с золотыми искорками глаза, каких не бывает на свете. И длинные пальцы у нее на подбородке были такие легкие… — Мисси, — спросил незнакомец, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать…

— Тебе постричься бы, — сказал он, и что-то такое трогательно серьезное было в том, как он это сказал.

— Энджи там, наверху, — сказала она, когда

вновь обрела голос. — Она…

— Тсс.

Из глубины огромного старого здания донесся грохот металла о металл, потом шум ожившего мотора. Ховер, подумала Мона, тот, в котором их привезла Молли.

Черный человек задрал брови — вернее, сделал вид, будто их задрал, потому что у него не было бровей.

— Друзья? — Он опустил руку.

Она кивнула.

— Хорошо. — Он взял ее за руку, чтобы помочь сойти с лестницы.

Благополучно спустившись, они обогнули обломки подвесного мостика. Там лежал кто-то мертвый — в камуфляже и с громкоговорителем, какие бывают у копов.

— Свифт, — позвал черный человек через все это гулкое пустое пространство с черными решетками пустых окон: черные линии на фоне белого неба, зимнего утра. — Двигай сюда. Я ее нашел.

— Но я — не она…

И там, где на фоне неба, снега и ржавчины стояли настежь огромные ворота, она увидела идущего к ним пиджака: пальто нараспашку, галстук хлопает на ветру. А Молли разгоняет мимо

него свой ховер, и машина выскакивает из тех же самых ворот. А пиджак даже не оборачивается, потому что смотрит на Мону.

— Я — не Энджи, — повторила она еще раз, подумав, не рассказать ли им о том, что она видела. Об Энджи и об этом молодом парне, обнявшихся на маленьком экранчике за миг до того, как погасло изображение.

— Я знаю, — сказал черный человек, — но это дело наживное.

Вознесение. Вознесение грядет.

43
Судья

Женщина повела их к ховеру, припаркованному внутри Фабрики, если можно назвать припаркованной машину, передок которой смят об одно из бетонных оснований, на которых когда-то стояли станки. Это был белый грузовик с надписью «КИТАЙСКИЕ КАТОДЫ» на задних дверях, и Слик еще удивился, как ей удалось заехать сюда так, чтобы они не слышали. Должно быть, это произошло в тот момент, когда Бобби Граф производил свой отвлекающий маневр.

«Алеф» оттягивал руки, как будто Слик нес небольшой моторный блок.

Ему не хотелось смотреть на Ведьму, потому что на ее серпах была кровь — не для того он ее создавал. Рядом лежали два трупа, вернее, то, что от них осталось, — на это тоже не хотелось смотреть.

Слик перевел взгляд на брусок биософта с прикрученными к нему аккумуляторами и задумался, там ли еще все это: серый дом, и Мексика, и глаза 3-Джейн.

— Подожди, — приказала женщина.

Они проходили мимо пандуса, ведущего к каморке, где он держал свои автоматы; Судья был еще там, Трупоруб…

Пушку женщина по-прежнему держала на виду.

— Она сказала подождать. — Слик положил Черри руку на плечо.

— Эта штука, которую я видела вчера ночью, — сказала женщина, — однорукий робот, он работает?

— Ага…

— Он сильный? Унесет груз? По пересеченной местности?

— Да.

— Давай его сюда.

— А?

— Заведи его в кузов. Шевелись.

Черри почти висела на Слике, колени у нее подкашивались после того, что дала ей эта девчонка.

— Ты, — Молли пушкой указала на Черри, — в ховер.

— Давай, — легонько подтолкнул Черри Слик.

Поставив «алеф» на пол, он поднялся по пандусу туда, где в темноте поджидал Судья. Левая

рука лежала рядом на брезенте, там, где Слик оставил ее несколько дней назад. Ему уже никогда не наладить ее так, чтобы пила работала как следует. Тут же на пыльной и проржавевшей металлической полке лежал пульт дистанционного управления. Взяв его, он подал в Судью ток, и коричневый панцирь автомата слегка задрожал.

Он заставил Судью шагнуть вперед, потом — шаг за шагом — свел его по пандусу в цех; гироскопы идеально компенсировали отсутствие руки. Женщина уже успела открыть задние двери ховера, и Слик повел Судью прямо туда. Женщина чуть подалась назад, когда робот навис над ней. Серебристые стекла отразили полированную ржавчину. Слик подошел следом за Судьей и начал прикидывать, как бы втиснуть автомат внутрь. Он не видел в этом никакого смысла, но, должно быть, у нее имелась какая-нибудь задумка на этот счет. Да какая разница, будь что будет, только бы не оставаться теперь на Фабрике, где повсюду трупы. Он вспомнил о Джентри, оставшемся там, наверху, со своими книгами и этими телами. На чердаке были еще две девушки, и обе они выглядели как Энджи Митчелл. Теперь одна из них мертва — он не знал, как это получилось, — а второй женщина с пушкой велела

ждать…

— Ну давай же, загоняй этот чертов механизм внутрь, нам пора сваливать…

Когда ему удалось уложить Судью в кузове ховера — на бок, ноги подогнуты, — он захлопнул двери, обежал вокруг и забрался в кабину с пассажирской стороны. «Алеф» уместился между передними сиденьями. Черри, дрожа, свернулась на заднем, под огромной оранжевой паркой с логотипом «Сенснета» на рукаве.

Женщина запустила турбину и подала воздух в подушку. Слик подумал, что они застрянут, не слезут с бетонного выступа, но когда женщина дала задний ход, с лязгом оторвалась только хромированная полоска, и они высвободились. Развернув ховер, она направила машину к воротам.

Выезжая наружу, они миновали мужчину в костюме, галстуке и пальто из твида, который, казалось, их даже не заметил.

— Это еще кто?

Женщина пожала плечами.

— Возьмешь ховер? — спросила она.

Они уже успели отъехать километров на десять от Фабрики, а Слик за все это время даже ни разу не оглянулся.

— Ты его увела?
— Конечно.
— Я — пас.
— Да?
— Я сидел. За угон машин.
— А как там твоя подружка?
— Спит. И она не моя подружка.
— Нет?
— Я все хочу спросить: а ты кто?
— Деловая женщина.
— И что за бизнес?
— Трудно сказать.

Небо над Пустошью было чистым и ярко-белым.

— Ты приехала за этим? — Он похлопал по «алефу».
— Вроде того.
— А что теперь?
— Я заключила сделку. Доставила Митчелл к ящику.
— Так это была она, та, что откинулась?
— Да, это была она.
— Но она умерла…
— Есть смерть и смерть.
— Как три-Джейн?

Ее голова качнулась, будто она бросила на него

беглый взгляд.

— Что ты об этом знаешь?

— Я ее однажды видел. Там, внутри.

— Ну она по-прежнему там, но ведь и Энджи тоже.

— И Бобби.

— Ньюмарк? Да уж.

— Так что ты собираешься с этим делать?

— Это ведь ты сделал все эти штуки? Ту, что сейчас в кузове, и остальные?

Слик обернулся через плечо туда, где в грузовом отсеке, как большая ржавая кукла без головы, свернулся Судья.

— Да.

— Значит, с инструментами обращаться умеешь?

— Наверное.

— О'кей. У меня есть для тебя работенка.

Она затормозила возле рыхлого гребня из прикрытого снегом мусора и плавно съехала под уклон. Мотор заглох.

— Там где-то должен быть ремнабор. Достань инструменты, заберись на крышу, поставь солнечные батареи, протяни провода. Мне нужно, чтобы эти батареи подзаряжали аккумулятор «алефа». Сможешь?

— Наверно. А зачем?

Она откинулась на спинку сиденья, и Слик вдруг понял, что она гораздо старше, чем кажется, и очень-очень устала.

— Митчелл теперь там. Они хотят дать ей какое-то время, вот и все…

— Они?

— Бог его знает кто. Или что. То, с чем я заключила сделку. Как по-твоему, сколько протянет аккумулятор, если солнечные батареи работают?

— Пару месяцев. Может, год.

— Сойдет. Я это спрячу где-нибудь, где батареи всегда будут на солнце.

— А если просто отключить ток, что тогда?

Вытянув руку, она провела кончиком указательного пальца вдоль тонкого кабеля, соединяющего «алеф» с аккумулятором. Слик увидел ее ногти в утреннем свете; ногти выглядели искусственными.

— Слышишь, три-Джейн, — сказала она, по-прежнему держа палец на кабеле. — Моя взяла.

Тут ее пальцы сжались в кулак, потом разжались, как будто она отпустила что-то на волю.

Черри хотелось рассказать Слику обо всем, что они сделают, когда доберутся до Кливленда. Он приматывал две плоские солнечные батареи к

широкой груди Судьи серебристой лентой. Серый «алеф» был уже закреплен на спине автомата такой же лентой. Черри говорила, что знает, где сможет найти для Слика работу — чинить железо в залах компьютерных игр. Он слушал вполуха.

Все наладив, он протянул женщине пульт дистанционного управления.

— Нам тебя ждать?

— Нет, — ответила она. — Поезжайте в Кливленд. Черри же только что тебе сказала.

— А ты как?

— Пойду прогуляюсь.

— Хочешь замерзнуть? Умереть с голоду?

— Хочу для разнообразия, черт побери, побыть немного самой собой.

Она пощелкала кнопками, Судья дрогнул, сделал шаг вперед, потом другой.

— Удачи в Кливленде.

Они смотрели, как она уходит по Пустоши, а за ней тяжело ступает Судья. Потом она вдруг обернулась и крикнула:

— Эй, Черри! Загони этого парня в ванну!

Черри помахала в ответ, на ее кожаных куртках

зазвенели застежки[111].

[111] notes: 111

Теперь, когда мы уже попрощались со Сликом и его самодвижущимися скульптурами, наконец можно сказать, кто послужил его прообразом: Марк Полин (р. 1953) — американский художник, мастер т. н. индустриального перформанса, в 1978 г. основавший в Сан-Франциско арт-группу «Survival Research Labs». Группа устраивает бои радиоуправляемых роботов, наподобие тех, что собирал Слик, и называет свои перформансы «самым опасным шоу на земле».

44
Красная кожа

Петал сказал, что чемоданы ждут ее в «ягуаре».

— Я подумал, что тебе не захочется возвращаться назад в Ноттинг-Хилл, — продолжал он, — так что мы подыскали тебе жилье в Кэмден-Тауне.

— Петал, — сказала девочка, — я хочу знать, что случилось с Салли. — (Он завел мотор.) — Суэйн ее шантажировал. Заставлял ее выкрасть… — продолжала она.

— А… ну тогда… — прервал ее Петал. — Понимаю. Я бы на твоем месте не беспокоился.

— А я беспокоюсь.

— Ну, насколько я знаю, Салли сумела разобраться с этим небольшим дельцем. Разобраться по-своему. И если верить нашим друзьям из официальных кругов, она, по-видимому, устроила еще и так, чтобы все данные о ней, из каких бы то ни было баз, просто испарились — кроме как о контрольном пакете акций одного немецкого казино. А если с Анджелой Митчелл что-то и случилось, то в «Сенснете» решили не предавать это огласке.

— А я увижу Салли еще?

— Только не в моем приходе, пожалуйста.

Они отъехали от тротуара.

— Петал, — сказала Кумико, когда они ехали по улицам Лондона, — мой отец сказал, что Суэйн…

— Дурак. Идиот несчастный. Лучше не говорить об этом сейчас.

— Извини.

Обогреватель работал. В «ягуаре» было тепло, и только тут Кумико почувствовала, насколько она устала. Устроившись поудобнее на красном кожаном сиденье, девочка закрыла глаза. Каким-то образом, подумала она, встреча с З-Джейн освободила ее от стыда, а ответ отца — от гнева. З-Джейн была очень жестока. Теперь Кумико видела и жестокость своей матери. Но все когда-нибудь должно быть прощено, думала она, засыпая по пути к чему-то, что называлось Кэмден-Таун.

45
Гладкий камень вдали[112]

В этом доме (стены из серого камня, шиферная крыша) они поселились в самом начале лета. Луг и встающий за лугом лес — яркие и запущенные, однако высокая трава не становится выше, а полевые цветы не вянут.

За домом — садовые постройки, в которые они ни разу не заходили, и поле, где на ветру рвутся с поводка планеры.

Однажды, гуляя в одиночестве под дубами на краю этого поля, она увидела троих незнакомцев верхом на чем-то, что напоминало лошадь. Лошади давно уже вымерли, их род иссяк за много лет до рождения Энджи. В седле восседала стройная фигурка в одежде из твида — мальчик-грум, будто сошедший с какой-нибудь старинной картины. Перед ним — девочка-японка, а позади притулился бледный засаленный человечек в сером

---

[112] notes: 112

«The Smooth Stone Beyond» — под таким названием на бутлегах Патти Смит, документирующих концерты зимы 1975/76 г. («Teenage Perversity and Ships in the Night», «Canine Teardrop», «Turn It Up» и др.), фигурирует песня «Pumping (My Heart)», через полгода вошедшая в альбом «Radio Ethiopia».

костюме и коричневых ботинках; над розовыми носками белели худые лодыжки. Заметила ли ее девочка, ответила ли ей взглядом?

Она забыла рассказать об этом Бобби.

Их постоянные посетители прибывали обычно на рассвете, хотя однажды среди бела дня заявился ухмыляющийся маленький кобольд, объявив о себе громким стуком молотка в тяжелую дубовую дверь. Когда она подбежала открыть, странный персонаж потребовал «этого маленького засранца Ньюмарка». Бобби представил ей незнакомца как Финна и, казалось, был рад его видеть. От поношенного пиджака гостя исходил смешанный запах стоялого дыма, древнего припоя и маринованной селедки. Бобби объяснил, что Финну всегда здесь рады.

— Лучше уж его принять. Все равно ведь не отвяжется, раз уж хочет войти.

Приходит и 3-Джейн — одна из рассветных визитеров, — печально и нерешительно. Бобби, похоже, едва замечает ее присутствие, но Энджи, которая поневоле так долго служила вместилищем стольких ее воспоминаний, откликается на эту странную смесь тщетных стремлений, разочарований, гнева и ревности. Поняв в конце концов мотивы 3-Джейн, Энджи научилась прощать и ее

— хотя что и за что прощать, когда гуляешь среди этих дубов в лучах солнца?

Сны 3-Джейн утомляют Энджи. Она предпочитает другие, особенно те, в которых присутствует ее юная протеже. Эти сны приходят, когда утренний ветерок надувает кружевные занавески, когда начинают перекликаться первые птицы. Тогда Энджи придвигается поближе к Бобби, закрывает глаза, мысленно произносит имя «Континьюити» и ждет появления маленьких разноцветных картинок.

Она видит, что девочку отвезли в клинику на Ямайке, вылечить от пристрастия к грубым стимуляторам. С новым обменом веществ, настроенным армией терпеливых «сенснетовских» медиков, девочка наконец начинает появляться в свете, полная здоровья и радости. Кто, как не Пайпер Хилл, настраивает ей сенсориум, и вот ее первые стимы встречены с беспрецедентным успехом. Во всем мире аудитория «Энджи» просто боготворит ее свежесть, ее энергию, ее непосредственность, с какой она будто впервые открывает для себя свою жизнь.

Иногда на дальнем экране промелькнет тень, но лишь на мгновение: окоченевшее тело задушенного Робина Ланье найдено на крыше отеля

«Нью-Судзуки-Энвой». И Энджи, и Континьюити знают, чьи длинные пальцы сжались на горле звезды, чьи руки оставили его валяться на декоративном горном склоне.

Но кое-что все еще ускользает от ее понимания, один важный фрагмент той давней головоломки.

В тени дубов под стальными и нежно-розовыми закатными небесами Франции, которая не есть Франция, она просит Бобби ответить на этот последний вопрос.

Полночь, они ждут на подъездной дорожке, потому что Бобби пообещал Энджи ответ.

Часы в доме отбивают двенадцать, и она слышит, как по гравию шуршат шины. Машина оказывается длинной, низкой и серой.

За рулем — Финн.

Бобби открывает дверцу, чтобы помочь ей сесть.

На заднем сиденье уже сидит некий молодой человек — и Энджи вдруг узнает одного из той странной троицы, что проскакала когда-то мимо нее верхом на совершенно неправдоподобной лошади. Он улыбается, но молчит.

— Знакомься, это Колин, — говорит Бобби, устраиваясь рядом с ней. — А Финна ты уже

знаешь.

— Она так и не догадалась? — спрашивает Финн, заводя мотор.

— Нет, — отвечает Бобби. — Не думаю.

Молодой человек по имени Колин улыбается.

— «Алеф» — это аппроксимация всей матрицы, — говорит он, — что-то вроде модели киберпространства…

— Да, я знаю. — Энджи поворачивается к Бобби. — Ну? Ты пообещал, что назовешь причину того, «Когда Все Изменилось». *Почему* это произошло. Так как?

Финн смеется — очень странный звук.

— Дело не в том, *почему* это произошло, дамочка. Скорее, в том, *что* произошло. Помнишь, Бригитта как-то говорила тебе, что был еще и другой? Помнишь? Ну это и есть «что», а это «что» и есть «почему».

— Прекрасно помню. Она сказала, что, когда матрица наконец познала себя, откуда-то взялся этот «другой»…

— Туда мы сегодня и направляемся, — начинает Бобби, обнимая ее за плечи. — Это не очень далеко, но…

— Это иначе, — вмешивается Финн, — это по-настоящему иначе.

— Но что это?

— Увидишь, — говорит Колин, смахивая со лба прядь каштановых волос — жест школьника в какой-нибудь древней пьесе. — Когда матрица обрела разум, она одновременно осознала присутствие *другой* матрицы, другого разума.

— Не понимаю, — говорит Энджи. — Если киберпространство состоит из общей суммы всех данных в человеческой системе…

— Вот-вот, — говорит Финн, сворачивая на пустую прямую автостраду, — но ведь о *человеческой* никто и не говорит, понимаешь?

— Другой был в совсем ином месте, — говорит Бобби.

— В системе Центавра, — вносит свою лепту Колин.

Может, это они так шутят над ней? Очередной розыгрыш Бобби?

— Довольно сложно объяснить, почему, встретив этого другого, матрица раскололась на все эти колдовские духи, вуду и прочее дерьмо, — говорит Финн, — но, когда мы туда прибудем, кое-какое представление ты получишь…

— На мой взгляд, — добавляет Колин, — так просто куда забавнее…

— Вы правду мне говорите?

— Долетим за нью-йоркскую минуту, — говорит Финн. — Без дураков.

Спалить Хром
Рассказы

Оти Уильямс Гибсон, моей матери, и Милдред Барниц, ее закадычной подруге и моей, с любовью посвящается

Брюс Стерлинг
Предисловие[113]

Если верно, что поэты — непризнанные законодатели мира, то фантасты — шуты при его дворе. Мы — те самые Мудрые Дураки, которым позволено кувыркаться, куролесить, бормотать пророчества и чесаться на публике. Мы можем играть Великими Идеями — будучи родом из дешевого плебейского чтива, мы кажемся всем безвредными.

А фактически фантасты имеют все возможности дать обществу пинка — мы обладаем влиянием, но не отягощены ответственностью. Ведь очень немногие полагают, что нас стоит принимать всерьез; тем не менее наши идеи пронизывают культуру, бурля в ней невидимыми, как фоновая радиация, пузырьками.

И все же с горечью надо признать, что в последнее время НФ развлекала публику довольно халтурно. Все формы массовой культуры неизбежно проходят через стадии кризиса и упадка; общество чихнет, а у нее, у культуры, уже вос-

---

[113] notes: 113
Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

паление легких. Поэтому стоит ли удивляться, что фантастика в конце семидесятых была столь растерянной, погруженной в самое себя и застойной.

Уильям Гибсон — одна из наших лучших ласточек, предвещающих счастливые перемены.

Его карьера совсем коротка, но кто будет спорить: он из тех писателей, чье творчество определило литературный облик восьмидесятых. Его поразительный дебютный роман «Нейромант», завоевавший все премии нашего жанра за 1985 год, показал, что Гибсон не имеет себе равных в умении играть на обнаженных нервах общества. Воздействие было живительным — жанр начал пробуждаться от своей догматической спячки. Выбравшись из анабиоза, научная фантастика решительно меняет мрачную пещеру на ослепительное солнце, дабы воочию убедиться, в чем состоит нынешний *Zeitgeist*.[114] Мы жилисты, голодны и, уж конечно, настроены совсем не благодушно. С этого момента все пойдет по-другому.

Сборник, который вы держите в руках, включает в себя всю существующую на сегодня[115]

---

[114] notes: 114
Дух времени *(нем.)*.

[115] notes: 115
Предисловие написано в 1986 г.

короткую прозу Гибсона. Это редкий шанс увидеть поразительно стремительное развитие крупного писателя.

Курс, который он намеревался взять, виден уже в первом опубликованном им рассказе — «Осколки голографической розы» (1977). Фирменные особенности Гибсона видны сразу: сложный синтез современной поп-культуры, высоких технологий и изощренной литературной техники.

Во втором своем рассказе, «Континуум Гернсбека», Гибсон сознательно избрал мишенью образы, приковылявшие к нам из традиционной НФ. Это сокрушительное разоблачение гернсбековской «scientifiction» со всей ее примитивной наукообразностью и технократичностью. Мы видим здесь писателя, который знает свои корни, но набирается сил для радикальной реформы.

Первым большим успехом Гибсона стали рассказы из серии «Муравейник»: «Джонни Мнемоник», «Отель „Новая роза“» и невероятный «Сожжение Хром». Опубликованные в журнале «Омни», они явили уровень воображения и художественной насыщенности, существенно поднявший планку для жанра в целом. Эти плотно сбитые причудливые истории стоит прочесть не один раз, чтобы по достоинству оценить их

безжалостную мрачноватую страстность, их изобретательно выстроенный антураж.

Триумф этих произведений был основан на блистательном и внутренне непротиворечивом образе вероятного будущего. Трудно переоценить всю сложность подобной попытки, от которой столько лет уклонялись столькие фантасты. Их интеллектуальная слабость и стала причиной широчайшего распространения постапокалиптических сюжетов, фантазий в стиле «меча и колдовства» и неувядающих космических опер, в которых галактические империи так удобно соскальзывают назад, к варварству. Возникновение этих поджанров — результат стремления писателей избежать необходимости описывать реалистичное будущее.

Однако будущее, которое мы видим в рассказах серии «Муравейник», вполне узнаваемо — основой ему служит современная нам действительность. Это будущее многогранно, всеобъемлюще и напрочь лишено наивности. Оно выведено из совершенно нового набора исходных точек: не из стершейся от постоянного употребления формулы, построенной на роботах, космических кораблях и чудесах атомной энергии, нет, оно опирается на кибернетику, биотехнологию и ком-

муникационные сети — назову лишь несколько.

В своих экстраполяциях Гибсон пользуется методами, позаимствованными из все той же классической «твердой» научной фантастики, но вот воплощение их — это чистейшей воды «новая волна». Вместо обычных бесстрастных всезнаек «твердой» НФ с их техническим образованием и каменными ребрами его героями сплошь и рядом оказываются неудачники, мошенники, изгои и безумцы, бороздящие житейские моря под пиратским флагом. Его будущее мы видим изнутри — так, как в нем живется, а не как сухой мысленный эксперимент.

Гибсон кладет конец весьма распространенному гернсбековскому архетипу Ральфа 124C41+ — героя из породы рафинированных технократов, что обитают в башнях из слоновой кости и осыпают бедных туземцев благословениями супернауки. В произведениях Гибсона мы оказываемся на улицах и в переулках, где, чтобы выжить, нельзя бояться пота и ободранных кулаков, где высокие технологии являются постоянным подсознательным фоном: «жизнь… похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе

поддает жару».[116]

Большая Наука в этом мире — не источник милых чудес из рукава мистера Волшебника, а могучая, определяющая действительность сила. Она подобна вездесущей радиации, которая вызывает мутации в людских толпах, она похожа на набитый до отказа Всемирный Автобус, бешено несущийся вверх по экспоненциальному склону.

Эти рассказы рисуют моментально узнаваемый слепок современного мира со всеми его конфликтами. Экстраполяции Гибсона с нарочитой ясностью выставляют на всеобщее обозрение подводную часть айсберга социальных перемен. Этот айсберг зловеще-величаво скользит сейчас по поверхности конца двадцатого века, но очертания его темны и необъятны.

Многие фантасты, оказавшись лицом к лицу с этим подстерегающим нас монстром, опускали руки и предсказывали кораблекрушение. И хотя никто не может обвинить Гибсона в благодушии, он легко нашел выход из тупика. И в этом еще одна отличительная черта новой, нарождающейся школы фантастики восьмидесятых годов: ей наскучил Апокалипсис. Гибсон не теряет време-

---

[116] notes: 116
Гибсон У. Нейромант.

ни на то, чтобы грозить обществу пальцем или умывать руки. Он неукоснительно держит глаза и уши открытыми и, как справедливо замечал Альгис Будрис, не боится тяжелой работы.

И еще один признак показывает, что Гибсон плоть от плоти современной НФ, для которой характерен рост единомыслия и взаимопонимания: это та легкость, с которой он сотрудничает с другими авторами. Настоящий сборник украшают три произведения, написанные в соавторстве. Редкое удовольствие доставит читателю «Принадлежность» — мрачная фантазия, пронизанная безумным сюрреализмом. «Красная звезда, зимняя орбита» — это еще один рассказ о ближайшем будущем с детально прописанным аутентичным антуражем, рассказ, которому присущ глобальный мультикультурализм, типичный для фантастики восьмидесятых годов. Наконец, беспощадный «Поединок» — это жесткое переплетение в одном рассказе жизни городского дна и высоких технологий в классической гибсоновской пропорции один к одному.

В прозе Гибсона слышится отзвук десятилетия, которое наконец обрело собственный голос. Он — не истеричный революционер, а практичный монтер, открывающий затхлые коридоры жанра

свежему ветру новой информации: культуре восьмидесятых с ее странной, все усиливающейся интеграцией технологии и моды. Ему близки эксцентричные и неторные направления литературного «мейнстрима»: Ле Карре, Роберт Стоун, Пинчон, Уильям Берроуз, Джейн Энн Филлипс. И он приверженец того, что Дж. Г. Баллард очень точно назвал «невидимой литературой», — этого всепроникающего потока научных отчетов, правительственных документов и специализированной рекламы, который на неощутимом для нас уровне формирует всю нашу культуру.

Научная фантастика на подкожных жировых запасах перезимовала долгую зиму. Мощная волна молодых честолюбивых новаторов, в которую столь органично влился Уильям Гибсон, пинками разбудила жанр и погнала его на поиски свежей пищи. И всем нам это пойдет только на пользу.

Джонни Мнемоник[117]

Обрез я сунул в сумку «Адидас» и заклинил его четырьмя парами теннисных носков. Совсем не мой стиль, но как раз это мне и нужно: если тебя принимают за тупого — стань техничным, а если считают, что с техникой ты на «ты», — заделайся тупарем. Я-то парень техничный, вот и решил выглядеть тупым на все сто. Время, впрочем, такое: чтобы косить под тупого, надо быть настоящим профи. Вот и я — своими руками выточил на станке из медных болванок две гильзы двенадцатого калибра; раскопав древнюю микрофишу с инструкциями, сам вручную зарядил патроны; наконец, собственноручно соорудил рычажный пресс для запрессовки капсюлей — тот еще трюк, между прочим! Зато я знаю: патроны сработают.

Встреча должна была состояться во «Взлетной полосе» в двадцать три ноль-ноль, однако я проскочил в «трубе» три лишние остановки и вернулся назад пешком. Подстраховаться никогда не мешает.

В хромированной панели кофейного автомата я

---

[117] notes: 117
Перевод А. Етоева, А. Черткова

мельком взглянул на свое отражение: типичный европеоид — резкие черты лица, темные жесткие волосы ежиком. Девочки в «Под ножом» торчат от Сони Мао — только с большим трудом удалось отговорить их не менять мне веки на китайские. Мордашку Ральфи моя внешность не факт, что обманет, зато поможет подобраться тик-в-тик к его столику.

«Взлетная полоса» — узкое длинное помещение: вдоль одной стенки — бар, вдоль другой — столики, а между ошиваются сводники, торгаши и прочие деятели. На входе сегодня вечером дежурили Сестры Собаки Магнитные: если план не сработает, обратно мне уже не прорваться. Обе длиннющие — метра под два — и поджарые, будто борзые. Одна черная, другая белая, но в остальном похожи настолько, насколько это под силу пластической хирургии. Много лет они ходили в любовницах, а уж в драке были — туши свет. Я так и не смог разобраться наверняка, которая из них раньше была мужиком.

Ральфи сидел за столиком, где и всегда. Подонок, задолжал мне кучу монет. В голове моей — сотни мегабайт информации, загруженные туда в режиме «идиот-всезнайка», информации, к которой сам я доступа не имею. Все это оставил

там Ральфи. Только он может извлечь эти данные при помощи кодовой фразы собственного изобретения. Скажу сразу: мои услуги не дешевы, а уж сверхурочные за хранение — сплошная астрономия. А он, понимаете ли, забыл!

А потом я услышал, что Мордашка Ральфи надумал меня заказать. И тогда я забил ему стрелку во «Взлетной полосе», но забил ее как Эдвард Бакс, подпольный импортер, — только что из Рио и Пекина.

«Взлетная полоса» насквозь провоняла бизнесом, здесь вообще слишком нервно — и нервно, и попахивает металлом. Среди толпы тут и там слоняются мускулистые мальчики, поигрывая друг перед другом соответствующими частями тела и силясь изобразить на лицах нечто вроде тонких холодных улыбочек. Некоторые настолько обросли искусственными мышцами, что их фигуры уже и человеческими-то трудно назвать.

Простите. Простите меня, друзья. Это всегонавсего Эдди Бакс, Скоростной Эдди-импортер со своей по-профессиональному неприметной спортивной сумкой, и, пожалуйста, не обращайте внимания на какой-то разрез, годный лишь для того, чтобы просунуть внутрь правую руку.

Ральфи был не один. На стуле рядом с ним,

настороженно пялясь в толпу, громоздился белобрысый калифорнийский бык — живая инструкция по технике боевых искусств весом килограммов восемьдесят.

Скоростной Эдди мгновенно оседлал напротив этой парочки стул; бык даже руки от стола оторвать не успел.

— Черный пояс? — поинтересовался я; он кивнул, его голубые глаза автоматически просканировали меня от глаз до ладоней. — У меня тоже, — сказал я, — здесь, в сумке. — Я сунул руку в разрез, большим пальцем перевел предохранитель. Щелк. — Два ствола, двенадцатый калибр, спуск сдвоенный.

— Это пушка, — сказал Ральфи, предупредительно кладя пухлую руку на обтянутую синим нейлоном грудь своего телохранителя. — У Джонни в сумке — антикварный огнестрел.

М-да, недолго я побыл Эдвардом Баксом.

Думаю, его всегда звали не просто Ральфи, а Ральфи-с-Каким-то-Прозвищем, нынешнюю же кличку он приобрел исключительно благодаря тщеславию. Туловищем как перезрелая груша, вот уже двадцать последних лет он носил лицо некогда знаменитого Белого Христианина — Белого Христианина из «Арийского регги-бен-

да». То был Сони Мао предыдущего поколения, последний рыцарь расового рока. Я, знаете ли, вундеркинд по части всяческой чепухи вроде этой.

У Белого Христианина было классическое лицо поп-артиста — ярко выраженные мускулы певца и точеные скулы. Так посмотришь — лицо ангела, этак — красавца-развратника. Но глаза на этом лице… это были глаза Ральфи — маленькие, черные, ледяные.

— Ладно, — сказал он, — давай потолкуем. Как деловые люди. — Сказал обезоруживающе искренне, вот только прекрасный, как у Белого Христианина, рот все время был влажным. — Льюис, — он кивнул на мордоворота, — это просто дуб. — (Льюис принял его слова равнодушно, будто механическая игрушка.) — Но ты-то, Джонни, не из дубов.

— Неужто, Ральфи? А я думал, что это я — дуб, нашпигованный под завязку имплантатами, самое место для твоего грязного белья, пока не подвернутся ребята, желающие заработать на моем трупе. Так вот, Ральфи, пока у меня эта сумка, тебе придется кое-что объяснить.

— Это все из-за последней сделки, Джонни. — Он тяжело вздохнул. — Как брокер…

— Барыга, — поправил я.

— Как брокер я всегда очень осторожен с поставщиками.

— Ты покупаешь только у тех, кто ворует лучшее. Понял.

Он вздохнул опять.

— Я лишь стараюсь, — устало произнес он, — не иметь дела с дураками. Но на этот раз, похоже, нарвался. — Третий вздох был сигналом для Льюиса включить нейропарализатор, который они прилепили под столом с моей стороны.

Я вложил все силы в указательный палец правой руки, но он перестал быть моим. Рука по-прежнему чувствовала металл и поролоновую ленту, которой я обмотал неудобную рукоять обреза, но сделалась чужой и безвольной, будто была вылеплена из холодного пластилина. Я надеялся, что Льюис, как настоящий дуб, тут же бросится вырывать сумку, а заодно рванет мой палец, застывший на спусковом крючке. Но он этого не сделал.

— Мы так беспокоились о тебе, Джонни, так беспокоились. Видишь ли, — Ральфи показал на мою голову, — то, что у тебя там, — это собственность якудза. Одного дурака угораздило их обокрасть. Мертвого дурака.

Льюис заржал.

Вот тут до меня наконец дошло, но оттого, что я все понял, стало совсем паршиво. Мою голову словно обложили мешками с мокрым песком. Убивать было не в стиле Ральфи. Даже Льюис был не в его стиле. Получалось, он встрял на свою голову между Сыновьями Неоновой Хризантемы и чем-то, принадлежавшим им, или, скорее, чем-то, что было у них, но раньше принадлежало кому-то еще. Ральфи, конечно, мог задействовать кодовую фразу и ввести меня в состояние «идиот-всезнайка» — тогда я выложу их горяченькую программку целиком, не запомнив ни единого звука. Для такого ушлого торгаша, как Ральфи, этого бы вполне хватило. Но только не для якудза. Они наслышаны о «кальмарах» и, естественно, не будут чувствовать себя спокойно, зная хотя бы малую часть их возможностей. С помощью «кальмаров» ничего не стоит вытащить из моей головы программу даже по самым слабым, остаточным следам. Сам я знаю о «кальмарах» немного, но кое-что слышать доводилось, и я зарекся болтать об этом с клиентами. Нет, якудза это точно не понравится: слишком смахивает на улики. Они бы не были тем, что есть, если бы оставляли улики. Или живых свидетелей.

Льюис продолжал ухмыляться. Словно он уже видел внутри моей головы то, что им было нужно, и теперь прикидывал, как бы добраться до этого самым коротким путем.

— Эй, ковбои, что-то маловато в вас жизни, — послышался из-за моего правого плеча низкий женский голос.

— Исчезни, сука, — равнодушно сказал Льюис; его загорелое лицо было предельно спокойно. Ральфи же выглядел озадаченным.

— Как насчет взбодриться? Есть хорошее ширево. Чистейшее, никаких примесей. А?

Она подтянула к себе стул и уселась на него прежде, чем эти двое успели ей помешать. Я в моем положении мог видеть ее только краем глаза: худая девушка в зеркальных очках, волосы темные, короткая неаккуратная стрижка. На ней была расстегнутая черная кожанка, под ней — футболка в косую черно-красную полоску.

— Восемь тонн за грамм, — добавила она.

Льюис недовольно хрюкнул и попытался вышибить из-под нее стул. Это у него почему-то не получилось; ее рука метнулась к нему и, похоже, слегка коснулась его запястья. Яркая струя крови мгновенно залила стол. Льюис с силой сжал запястье другой рукой, костяшки побелели от

напряжения, сквозь пальцы проступила кровь.

Странно, у нее в руке, кажется, ничего не было.

Теперь ему понадобится сшиватель сухожилий. Льюис осторожно поднялся, даже не попытавшись отодвинуть стул. Стул опрокинулся, и Льюис пропал с моих глаз, не издав при этом ни звука.

— На его месте я бы обратилась к врачу, — сказала она. — Порез не слишком приятный.

— Ты хоть сама понимаешь, — голос Ральфи сделался вдруг очень усталым, — в какую яму с дерьмом только что себя посадила?

— Кроме шуток? А, понимаю, тайна. Обожаю тайны. Вроде той, почему этот ваш приятель такой тихоня. Он что, замороженный? Или для чего здесь вот эта штуковина? — Она показала миниатюрный блок управления, который неизвестно когда успела выхватить у Льюиса.

Ральфи выглядел совсем больным.

— Ты, э-э-э… Послушай, даю тебе за нее четверть миллиона, и ты отсюда уходишь. — И он мясистой рукой стал нервно оглаживать свое бледное худое лицо.

— Чего я хочу, — она прищелкнула пальцами; блок при этом начал вращаться, отбрасывая по сторонам блики, — так это настоящего дела. Ваш

парнишка повредил себе руку. Четверть миллиона в качестве аванса сойдет.

Ральфи шумно выдохнул и засмеялся. Его зубы явно недотягивали до стандартов Белого Христианина. Тут она выключила парализатор.

— Два миллиона, — сказал я.

— Вот это, я понимаю, мужчина, — сказала она сквозь смех. — А в сумке у тебя что?

— Обрез.

— Грубо работаешь. — Впрочем, это мог быть и комплимент.

Ральфи не произнес ни слова.

— Меня зовут Миллион. Молли Миллион. Линяем, босс? А то на нас начинают пялиться. — Она встала. На ней были кожаные джинсы цвета засохшей крови.

И только сейчас я заметил, что ее зеркальные линзы вживлены в кожу лица: серебро гладким слоем поднималось от крутых скул, запечатывая глаза в глазных впадинах. Я увидел в этих линзах двойное отражение моего нового лица.

— А я Джонни, — сказал я ей. — Мистера Мордашку мы забираем с собой.

* * *

Он ждал нас снаружи. Внешне — заурядный турист из техов: пластиковые дзори и дурацкая гавайка с кричащей рекламой самого популярного микропроцессора его фирмы. Тихий, спокойный человечек, из той породы людей, что подолгу сидят в баре, накачиваясь сакэ и на глазах косея, — в таких заведениях еще подают крошечные рисовые крекеры с начинкой из водорослей. Он в точности походил на тех, кто голосит гимн собственной корпорации, а потом плачет, на тех, кто бесконечно и нудно трясет бармену руку. И сутенеры, и перекупщики не обратили бы на него внимания, посчитав безнадежно отсталым. Парень, мол, недалекий и с кредитной карточкой осторожничает.

Как я догадался позднее, ему ампутировали фалангу большого пальца левой руки и заменили ее искусственным наконечником, а в обрубке сделали углубление и, покрыв его изнутри слоем синтетического алмазного покрытия фирмы «Оно-Сэндай», закрепили в нем катушку. А потом аккуратно намотали на катушку три метра мономолекулярной нити.

Молли заговорила о чем-то с Магнитными

Собаками — так что я, крепко прижав к спине Ральфи свою сумку, смог вытолкнуть его за дверь. Похоже, Молли была с ними знакома. Я слышал, как чернокожая рассмеялась.

По старой привычке, машинально, я поднял глаза — за столько лет так и не освоился с этими парящими в воздухе дугами света под темными геодезическими куполами. Может быть, это меня и спасло.

Ральфи оказался на несколько шагов впереди, но не думаю, чтобы он собирался бежать. Думаю, он уже смирился. Возможно, он уже полностью осознал, против кого мы пошли.

И в тот момент, когда я опустил глаза, его разорвало на части.

Если прокрутить все еще раз, картина представляется следующая. Ральфи делает очередной шаг, и тут неизвестно откуда — бочком, с улыбочкой на лице — выныривает этот маленький тех. Он исполняет что-то вроде поклона, и у него отваливается большой палец левой руки. Это очень напоминает фокус. Палец висит в воздухе. Система зеркал? Проволока? Ральфи застывает на месте спиной к нам, от подмышек по его светлому летнему костюму расплываются темные пятна. Он взмок. Он знает. Он наверняка должен

знать. И тут этот палец, как игрушка из лавки сюрпризов, — тяжелый, будто свинцовый, — в довершение идиотского фокуса, демонстрируемого маленьким техом, описывает в воздухе стремительную дугу — и невидимая нить, соединенная с рукой убийцы, проходит сквозь череп Ральфи чуть выше бровей, а затем, не задерживаясь, взлетает вверх и снова вниз, рассекая грушеподобное тело по диагонали через плечо и грудную клетку. Разрезы настолько тонки, что кровь не выступает до тех пор, пока нервные связи не начинают сбоить и первые судороги не отдают тело во власть тяготения.

Ральфи, окруженный жидким розовым облаком, развалился на три куска; куски эти в полной тишине покатились по мощенному плитками тротуару.

Я рванул сумку вверх, моя рука конвульсивно сжалась. Отдача от выстрела едва не переломила мне кисть.

* * *

Лил дождь, струи воды каскадами падали сквозь прорехи в куполе и разбивались на плитах позади нас. Мы затаились в щели между хирургическим бутиком и антикварной лавкой.

Краешком зеркального глаза Молли выглянула за угол и сообщила, что перед «Взлетной полосой» стоит только один «фолькс»-модуль с включенной красной мигалкой. Что Ральфи убирают с тротуара. И пристают ко всем с расспросами.

Я весь был облеплен горелым белым пухом. Вот тебе и теннисные носки. Спортивная сумка превратилась в скомканный пластиковый наручник.

— Не понимаю, какого дьявола я в него не попал?

— Потому что он очень-очень ловкий. — Молли, обняв руками колени, раскачивалась на корточках с пятки на носок. — Ему перестроили нервную систему. Он фабричный продукт с ручной доводкой. — Она издала тихий довольный смешок. — Я должна достать этого парня. Сегодня же ночью. Он лучший, кого я встречала. Номер один, высшая проба, последнее слово техники.

— Что ты должна за два миллиона, так это вытащить меня из этой задницы. А этот твой дружок — его действительно вырастили в пробирке. В Тиба-Сити. Это же наемный убийца якудза.

— Тиба? Понятно. Видишь ли, Молли тоже бывала в Тибе.

И она показала мне свои ладони, слегка раздви-

нув пальцы. Пальцы были тонкие и ухоженные и по сравнению с полированными темно-красными ногтками казались мертвенно-бледными. Десять лезвий выскочили одновременно из скрытых под ногтями пазов: каждое — узкий, остро отточенный скальпель из бледно-голубой стали.

* * *

Я никогда не бывал подолгу в Ночном Городе. Здесь никто не покупал мою память, наоборот, здешние обитатели платили достаточно регулярно, чтобы о многом забыть. Поколения метких стрелков постоянно выцеливали неоновые светильники, пока ремонтные бригады вообще не плюнули на свое безнадежное дело. Даже в бледном свечении дня своды куполов здесь были черны как сажа.

Куда бежать, если самая богатая преступная организация в мире подбирается к тебе своими длинными холодными пальцами? Где спрячешься от якудза — они могущественны настолько, что владеют собственными спутниками связи и по меньшей мере тремя шаттлами. Якудза — настоящая транснациональная корпорация, такая же как «Ай-Ти-Ти» или «Оно-Сэндай». За пятьдесят лет до моего рождения якудза уже подчинила

себе триады, мафию и Корсиканский союз.

У Молли был наготове ответ: ты спрячешься в Адской Яме, в самом нижнем ее круге, где любое давление извне мгновенно порождает круговые волны ответной грубой угрозы. Ты укроешься в Ночном Городе. А еще лучше — ты спрячешься *над* Ночным Городом, потому что Адская Яма вывернута наизнанку и днище ее котла почти касается неба. Неба, которое Ночной Город никогда не видит, потея под собственным небосводом, сделанным из акриловой резины. Там, наверху, одни лишь нитехи, подобно химерам-горгульям, привычно копошатся во тьме, дымя свисающими с губ контрабандными сигаретами.

Она же подсказала ответ и на другой мой вопрос:

— Значит, твоя голова заперта капитально, Джонни-сан? И никак эту программу без пароля оттуда не вытащишь?

Она отвела меня в тень за освещенной платформой «трубы». Бетонные стены были сплошь покрыты граффити — наслаиваясь из года в год, они превратились в один сплошной метарисунок гнева и безнадежности.

— Информация, которую я беру на хранение, вводится через цепочку модифицированных про-

тезов, применяемых обычно в контраутической микрохирургии. — Я запустил ей сокращенную версию своего стандартного рекламного ролика. — Код клиента хранится в специальном чипе; кроме «кальмаров», о которых в нашем ремесле, вообще-то, говорить не принято, никто не может восстановить пароль. Хоть режь меня, хоть пытай, хоть накачивай наркотиками. Я его просто *не знаю,* да никогда и не пытался узнать.

— Кальмары? Это которые с щупальцами и ползают?

Мы очутились на опустевшем уличном рынке. Смутные фигуры, маячившие на другой стороне импровизированной торговой площади, усыпанной рыбьими головами и гниющими фруктами, провожали нас внимательными взглядами.

— Так называют сверхпроводниковые квантовые детекторы возмущений.[118] Во время войны их использовали для поиска подводных лодок и выкачивания информации из вражеских киберсистем.

— Вот оно что. Флотские штучки? Еще с войны? И такой вот «кальмар» сможет прочесть твой чип? — Она остановилась, и я почувствовал на

[118] notes: 118

По-английски — «Superconducting Quantum Interference Detectors», сокращенно — «squids» («кальмары»).

себе взгляд ее глаз, укрытых за линзами-зеркалами.

— Даже примитивные модели могут измерить силу магнитного поля с точностью в одну миллиардную геомагнитной — это как отыскать шепчущего на ревущем стадионе.

— Ну, копы уже могут это делать — параболические микрофоны, лазеры…

— Да, но при этом ваши данные все равно останутся в безопасности. — Во мне проснулась гордость профессионала. — Ни одно правительство не разрешит своим копам пользоваться «кальмарами», даже секретной службе. Слишком много возможностей для междепартаментских склок, а кому охота нарваться на новый уотергейт.

— Флотские штучки… — Она задумалась, в тени сверкнула ее улыбка. — Флотские штучки… Тут, внизу, есть у меня дружок, который служил на флоте. Его зовут Джонс. Думаю, тебе стоит с ним познакомиться. Он, правда, сидит на игле. Так что придется ему что-нибудь принести.

— Он наркоман?

— Он дельфин.

* * *

Он был больше, чем просто дельфин, — а с точки зрения любого нормального дельфина, скорее меньше. Я смотрел, как лениво он кружится в своей оцинкованной цистерне. Вода перехлестнула через край, залила мои ботинки. Киборг. Пережиток последней войны.

Он высунулся из воды, и взгляду предстало закованное в бронированные пластины тело. Это было открытой издевкой над его сущностью: изящество, отпущенное ему природой, почти полностью потерялось под грубым и допотопным панцирем. В уродливых выпуклостях по обеим сторонам черепа были установлены сенсорные датчики. Множество серебристых шрамов мерцало на открытых участках его светло-серой кожи.

Молли свистнула. Джонс взмахнул хвостом, и через край цистерны выплеснулся еще один фонтан.

— Что тут вообще такое? — спросил я, всматриваясь в едва различимые в темноте звенья ржавой цепи и какие-то укрытые брезентом предметы; над цистерной нависала громоздкая деревянная рама, увитая рядами пыльных рождественских фонариков.

— «Фанленд», «Страна развлечений». Зоопарк и аттракционы. «Не хотите ли поговорить с Китом-воином?» И все такое прочее. Как будто Джонс похож на кита…

Джонс высунулся опять и остановил на мне свой древний печальный взгляд.

— А как он разговаривает? — Мне вдруг очень захотелось бросить все и уйти.

— Тут своя хитрость. Скажи «привет», Джонс.

И все лампочки сразу же загорелись. Замигали разноцветные огоньки — красный, белый, голубой.

КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ

— Видишь, он неплохо разбирается в символах, но набор кодов у него несколько ограниченный. У себя на флоте он был подключен к аудиовизуальному дисплею. — Она вытащила из кармана узкий плоский пакетик. — Джонс, есть отличное говнецо. Хочешь попробовать? — (Он замер в воде и стал медленно погружаться на дно. Я почувствовал странное беспокойство, вдруг вспомнив, что

он не рыба и может запросто утонуть.) — Джонс, нам нужен ключ к банку данных Джонни. Как бы его поскорее заполучить?

Огоньки дрогнули и погасли.

— Давай, Джонс!

ББББББББ
ББББББББ
ББББББББ
ББББББББ
ББББББББ

Белое магниевое сияние омыло ее лицо, свет лег ровным слоем, тени, залегшие под скулами, исчезли.

Снова тьма.

— Отличнейшее! Никаких примесей. Ну же, Джонс.

Г
ГГГГГГГГГ
Г
Г
Г

Голубой мертвенный свет. Распятие.

Пауза.

КККККККК
ККККК
КККККККК
КККККККК
КККККККК

Кроваво-красная свастика щупальцами отразилась в серебристых линзах Молли.

— Выдай ему обещанное, — сказал я. — Мы нашли что хотели.

Эх, Ральфи, Ральфи. Мордашка… Ну никакого воображения.

Джонс взгромоздил добрую половину своей бронированной туши на край цистерны, и я подумал, что металл не выдержит. Молли с размаху всадила иглу, угодив точно между двумя пластинами. Раздалось шипенье. Вновь вспыхнули лампочки, по раме, судорожно пульсируя, побежали световые узоры.

Мы оставили Джонса лениво покачиваться в темной воде. Быть может, ему снились сны о войне на Тихом океане, о киберминах, которые он обезвреживал, осторожно проникая в их внутренности с помощью своего «кальмара». Сегодня «кальмар» пригодился и мне, чтобы вытащить из чипа, запрятанного в моей голове, жалкий

пароль Ральфи.

— Хорошо, пускай они дали маху, когда списали Джонса в запас со всей его оснасткой… Но как кибердельфин мог сесть на иглу?

— Война, — сказала она. — Они все там были такие. Что ты хочешь — на флоте их специально подсадили. Иначе попробуй заставь их работать.

* * *

— Не думаю, что эта ваша затея проканает, — сказал нам пират, пытаясь заломить цену. — Пробить канал на спутник связи, который нигде не зарегистрирован…

— Еще одно слово, и у тебя больше никогда ничего не проканает. — Молли уперла локти в исцарапанный пластик стола и нацелила на него указательный палец.

— Тогда, быть может, вы заплатите за свои микроволны где-нибудь в другом месте?

Да, чувак крутой, хоть и косит под Сони Мао. Родом из Ночного Города, не иначе.

Ее рука метнулась вперед и, скользнув по его куртке, целиком отсекла лацкан, даже не помяв ткань.

— Так что, по рукам или как?

— Да, — он уставился на срезанный лацкан,

делая вид, что рассматривает его только из вежливого интереса, — по рукам.

Пока я настраивал два купленных заранее рекордера, Молли вытащила из кармана на рукаве куртки сложенный бумажный листок, на котором я записал пароль. Развернула его и молча прочла, медленно шевеля губами.

— И это все? — Она пожала плечами.

— Начинай, — сказал я, нажимая клавиши «ЗАПИСЬ» на обеих деках одновременно.

— Белый Христианин, — прочитала она вслух, — и его «Арийский регги-бенд».

Верный Ральфи. Фанат до самой могилы.

Переход к состоянию «идиот-всезнайка» не такой внезапный, каким его ждешь. Радиостанция пирата представляла собой кубическое помещение, выдержанное в пастельных тонах и скрывающееся под вывеской захудалого туристического агентства; похвастаться оно могло лишь столом, тремя стульями и выцветшим постером с рекламой швейцарской орбитальной клиники. Две стеклянные птички на проволочных лапках монотонно тянули воду из пластикового стаканчика, стоявшего перед ними на полке рядом с плечом Молли. Пока я входил в режим, движения их постепенно ускорились, и через какое-то

время венчики на их головах, искрящиеся в свете ламп, слились в сплошные разноцветные дуги. Индикатор пластмассовых настенных часов, отсчитывавший секунды, превратился в бессмысленную пульсирующую сетку, а сама Молли и этот парень с рожей под Сони Мао словно погрузились в туман, лишь изредка я видел, как в тумане мелькают их руки, выписывая призрачные фигуры, напоминающие движения насекомых. А потом и они исчезли, растворившись в сером холоде статики, в котором не было ничего, лишь кто-то нудно бормотал на искусственном языке одну-единственную бесконечную поэму.

Без малого три часа просидел я, выпевая краденую программу покойника Ральфи.

* * *

Проспект тянется на сорок километров — сорок километров неровно состыкованных фуллеровских куполов, накрывающих то, что некогда было оживленной пригородной магистралью. Когда в ясную погоду здесь выключают освещение, солнечные лучи, пробиваясь сквозь многослойные акриловые перекрытия, превращаются в серую дымку. Очень похоже на тюремные наброски Джованни Пиранези. Три крайних южных ки-

лометра проспекта — это Ночной Город. Ночной Город не платит налогов ни в государственную, ни в городскую казну. Неоновые светильники здесь давно мертвы, а геодезики почернели от копоти костров, на которых десятилетиями готовят пищу. И разве кто-нибудь разглядит среди густой полуденной темноты Ночного Города несколько десятков сумасшедших детей, прячущихся между балками перекрытий?

Два часа мы карабкались по бетонным ступеням и металлическим решетчатым трапам мимо ветхих мостков и покрытых пылью подъемников. Начали мы свое восхождение с площадки, похожей на заброшенную ремонтную платформу, сплошь заставленную треугольными сегментами купола. И повсюду вокруг мы видели все те же привычные, однообразные граффити, нанесенные аэрозольными баллончиками с краской: названия банд, чьи-то инициалы и даты, даты, даты — вплоть до самого начала века. Надписи преследовали нас по пятам, но чем выше мы забирались, тем их становилось меньше, пока наконец не осталась одна-единственная, повторяющаяся с настойчивым постоянством: *НИТЕХИ*. Большими заглавными буквами с подтеками черной краски.

— Нитехи — это кто?

— Только не мы, босс. — Она влезла на шаткую алюминиевую лестницу и скрылась в дыре, прорезанной в листе гофрированного пластика. — Примитивная техника, низкие технологии — вот что это такое. — Пластик приглушал ее голос; я осторожно полез за ней следом, оберегая побаливающую кисть. — Даже твоя затея с обрезом нитехам не покатила бы, слишком утонченная.

Где-то час спустя, когда я протащил свое тело сквозь очередную дыру, на этот раз грубо пропиленную в листе фанеры, я впервые наткнулся на нитеха.

— Все в порядке. — Рука Молли скользнула по моему плечу. — Это просто Пес. Эй, Пес!

Он стоял, освещенный узким лучом ее карманного фонаря, и рассматривал нас своим единственным глазом. Потом медленно высунул изо рта длинный серый язык и облизал выпирающие наружу клыки. Интересно, а можно ли считать трансплантацию челюстных тканей добермана примитивной технологией? Ведь не растут же иммуносупрессоры на деревьях.

— Молл. — Длинные клыки коверкали речь нитеха. С вывернутой нижней губы свисала капля

слюны. — Слыш'л, как вы идете. Давно.

На вид ему было лет пятнадцать, но клыки, яркая мозаика шрамов и вдобавок вечно разинутая пасть превратили его лицо в настоящую звериную морду. Надо же было потратить столько времени и таланта, чтобы соорудить этакую образину! Впрочем, по достоинству, с каким он держался, было видно, что жить за таким фасадом ему нравится. Ноги обтянуты драными джинсами, черными от налипшей грязи и лоснящимися на сгибах. Грудь Пса была голой, и стоял он на полу босиком. Нитех изобразил своим ртом что-то вроде ухмылки:

— Идут след'м за вами.

Далеко внизу, в Ночном Городе, надрывно закричал лоточник-водонос, зазывая покупателей.

— Запрыгали струны, Пес?

Она новела фонарем, и я увидел тонкие провода, привязанные к головкам болтов. Они тянулись от самого края площадки и исчезали внизу.

— Выруби нахр'н свет!

Она сразу же погасила фонарик.

— Эт'т, к'торый там, как он ход'т без света?

— Свет ему не нужен. Это подарочек еще тот, Пес. Если ваши сторожа попытаются спихнуть его, думаю, что домой они вернутся в разобран-

ном виде.

— Он друг эт'г друга, Молл? — с тревогой прогнусавил он.

Я услышал, как у него под ногами затрещала гнилая фанера.

— Нет. Но я займусь им сама. А этот, — она похлопала меня по плечу, — это мой друг. Понял?

— Ясн', — ответил он без особой радости и прошлепал к краю платформы, туда, где крепились болты. Дергая за натянутые струны, он принялся передавать сообщение тем, кто находился внизу.

Подобно огромному крысиному лабиринту, далеко под нами раскинулся Ночной Город. Он был окутан мраком, лишь в крохотных квадратиках окон тускло мерцали свечи да изредка выступали из тьмы площадки, освещенные фонарями на батарейках и карбидными лампами. Я представил себе стариков, коротающих время за бесконечной партией в домино: они лениво постукивают костяшками, а сверху им на голову с мокрого стираного белья, вывешенного между фанерными лачугами, падают большие теплые капли. Затем я попытался представить того, кто сейчас терпеливо карабкается за нами, один, в темноте, в своих легоньких дзори и мерзкой туристской рубахе, вежливо улыбаясь и не спеша

— да и куда спешить-то?.. И все же, как ему удалось выследить нас?

— Очень просто, — сказала Молли. — Он чует нас по запаху.

* * *

— Кур'шь?

Пес вытащил из кармана мятую пачку и, как награду, вручил мне сплющенную сигарету. Прикуривая от кухонной спички, я разглядел марку. «Ехэюань». «Пекинская сигаретная фабрика». Понятное дело, нитехи связаны с черным рынком. Тем временем Пес и Молли завели какой-то нескончаемый спор, который, как я понял, вертелся вокруг желания Молли воспользоваться чем-то из недвижимого имущества нитехов.

— Приятель, ты, наверно, забыл, сколько я всего для вас сделала. Мне нужна Площадка. Я давно не слушала музыку.

— Ты не н'тех…

Так они препирались добрую часть километрового зигзага, по которому вел нас Пес. Идти оказалось непросто: то по узким раскачивающимся мосткам, то куда-то вверх по веревочным лестницам. Нитехи плетут паутину, плевками эпоксидной смолы прикрепляя свои гнезда к

располагающейся ткани города, — и спят там себе над бездной в веревочных гамаках… Их владения настолько условны, что порой и состоят лишь из упоров для рук и ног, выпиленных в каркасах геодезиков.

Гиблая Площадка, сказала Молли. Поспевать за ней было непросто, особенно в этих неразношенных модных туфлях из гардероба Скоростного Эдди, которые скользили по вытертому металлу и гладкой мокрой фанере, — и я подумал: а можно ли найти еще более гиблое место, чем это? Молли и Пес все спорили, но я догадывался, что отговорки Пса всего лишь ритуал: она получит то, чего хочет.

Где-то там внизу, под нами, накручивал круги в своей цистерне Джонс. У бедняги как раз должна была начаться ломка. Полиция, наверное, все еще приставала к завсегдатаям «Взлетной полосы» с вопросами о Ральфи. Что он там делал? Да с кем он там был до того, как вышел на улицу? И якудза, должно быть, уже запускала свои невидимые щупальца в информационные узлы города, выискивая любую мелочь, способную навести на мой след, — банковские счета, страховки, оплаченные квитанции. У нас информационная экономика. Этому учат еще в школе. Но учителя

никогда не скажут вам, что невозможно жить, передвигаться, совершать какие-либо действия, не оставляя крошечных, ничтожных на первый взгляд, но неуничтожимых следов информации о личности каждого человека. Следов, которые можно извлечь, собрать, усилить…

Но к этому времени пират уже должен был переправить нашу анонимку на спутник связи, принадлежащий якудза. Послание очень простое: «Отзовите ищеек, или мы запустим вашу программу по всем каналам».

Программа… Я даже понятия не имел о ее содержимом. И до сих пор не имею. Я просто пропел свою песню не разбирая слов. Быть может, это были данные каких-то исследований, добытые с помощью промышленного шпионажа, — обычный бизнес якудза. Чем не по-джентльменски — грабануть у «Оно-Сэндай» какую-нибудь перспективную разработку, а затем вежливо предложить ее выкупить? А если жертва упрется, в ход пойдут угрозы: или гоните монету, или ваша бесценная новинка станет всеобщим достоянием.

И в самом деле, почему бы им не поставить на какой-то другой номер? Разве продать украденное «Оно-Сэндай» для них менее выгодно,

нежели выкопать могилу для какого-то Джонни с Мемори-лейн?

Их программа, отправленная наземной почтой четвертого класса, была сейчас на пути в Сидней. По одному адреску, по которому я обычно отсылал письма для своих клиентов — люди там работали надежные, и, главное, они не задавали вопросов, — причем совсем незадорого. Якудза же я выслал программу не целиком, а лишь небольшую часть второй копии — ровно столько, чтобы они убедились в ее подлинности. А поверх затертого куска я записал свое послание.

Боль в кисти не проходила. Мне хотелось остановиться, лечь и уснуть. Я знал: еще немного, и я потеряю чувство реальности, свалюсь без сил — и уж тогда-то эти черные остроносые туфли, которые я купил, чтобы сыграть роль Эдди Бакса, потеряют опору и мигом доставят меня вниз, в Ночной Город. Но перед мысленным взором все время стоял он — тот, что шел за нами следом: от него, как от дешевой религиозной голограммы, исходило сияние, а увеличенный чип на гавайке напоминал снимок приговоренного к ядерной смерти города, сделанный со спутника-шпиона.

И поэтому я продолжал двигаться за Молли и Псом через небеса нитехов, кое-как сколоченные

из всякого хлама, от которого отвернулся даже Ночной Город.

* * *

Гиблая Площадка — квадрат восемь на восемь метров. Словно какой-нибудь великан, натянув на стальных канатах свалку металлолома, подвесил ее в пустоте. Она скрежетала при малейшем движении, а двигалась она постоянно, раскачиваясь и подпрыгивая, пока собравшиеся нитехи рассаживались на окружавшем ее фанерном карнизе. Дерево от старости серебрилось, поверхность карниза, отполированная за долгие годы, сплошь пестрела от вырезанных имен, угроз и признаний в любви. Отдельные тросы, удерживавшие карниз на весу, терялись во тьме за пределами ослепительно-белого сияния двух древних прожекторных рам, подвешенных сверху.

Девушка с зубами, как у Пса, неожиданно выпрыгнула на Площадку и встала на четвереньки. На грудях ее были вытатуированы спирали цвета индиго. Она быстро добежала до края и с громким хохотом вцепилась в парня, который пил из литровой фляги какую-то темную жидкость.

Похоже, мода у нитехов и состояла-то в основ-

ном из татуировок да шрамов. Ну и конечно, зубов. Электричество, которое они воровали для освещения Гиблой Площадки, казалось исключением из их эстетики, сделанным во имя… чего? Ритуала, спорта, искусства? Точно сказать я не мог, но видел, что Площадка — это нечто особенное. И судя по всему, каждое поколение нитехов вносило в нее что-то свое.

Я все еще прятал под курткой бесполезный обрез. Патронов к нему больше не было, но твердость приклада, упиравшегося в мой бок, действовала успокаивающе. И тут до меня наконец дошло, что я до сих пор не имею ни малейшего представления о том, что здесь на самом деле происходит — или может произойти. Но это было в духе всей моей предыдущей игры, потому что бóльшую часть жизни я был лишь слепым сосудом, который чужие люди наполняли чужими знаниями, а затем выкачивали их обратно, — и я послушно фонтанировал искусственными словами, никогда не понимая их смысла. Одним словом, очень техничный парень. Уж будьте уверены.

А потом я заметил, какими тихими сделались вдруг нитехи.

Он стоял на границе света и тьмы, с невоз-

мутимым спокойствием туриста рассматривая Площадку и толпу нитехов, замерших на галерке. И когда наши взгляды встретились и мы сразу же узнали друг друга, вдруг словно что-то щелкнуло в моей памяти. Я вспомнил Париж: длинные электрические «мерседесы», как блуждающие оранжереи, скользящие сквозь дождь к Нотр-Даму, а за стеклами японские лица, и сотни объективов «Никон», и из каждого слепо тянущийся к свету цветок из хрусталя и стали. И в самой глубине его глаз — когда наши взгляды встретились — я увидел те же, что и тогда, жужжащие затворы фотообъективов.

Я оглянулся в поисках Молли, но она куда-то исчезла.

Нитехи молча потеснились и дали ему ступить на карниз. На лице его светилась улыбка, он поклонился и плавным движением выскользнул из своих сандалий; они остались стоять одна подле другой, выравненные, будто по линейке. Потом он сошел на Площадку. Тех двигался ко мне через колеблющиеся завалы металлолома легко и спокойно — как беззаботный турист, фланирующий по синтетическим ковровым дорожкам второразрядного отеля.

И тут стремительным движением на Площадку

выпрыгнула Молли.

Площадка пронзительно завизжала.

Каждое движение Площадки сопровождалось усиленным до предела звуком: к четырем толстым спиральным пружинам по ее углам были подключены здоровенные звукосниматели, а к ржавым обломкам машин и механизмов безо всякой системы крепились контактные микрофоны. А еще где-то нитехи держали усилитель и синтезатор; вверху же, над нашими головами, сквозь слепящее марево можно было различить неясные очертания колонок.

С размеренной четкостью метронома начала отбивать ритм драм-машина: ощущение было такое, словно где-то поблизости застучало огромное сердце.

Молли, сбросившая куртку и сапоги, осталась в футболке без рукавов; по едва заметным следам на ее тонких руках можно было догадаться об усилиях мастеров из Тиба-Сити. Ее кожаные джинсы блестели в свете прожекторов. Она начала танцевать.

Согнув ноги в коленях, она с силой вдавила белые ступни в расплющенный бензобак; в ответ на это Площадка начала раскачиваться. Звук был такой, словно мир рушится в преисподнюю,

а провода, которыми он прикреплен к небесам, лопаются и скручиваются по всему небосводу.

Всего несколько биений сердца потребовалось теху, чтобы приноровиться к диким скачкам Площадки, затем он легко двинулся дальше, ступая по обломкам металла, словно по верхушкам плоских камней в каком-нибудь орнаментальном саду.

Не доходя до Молли, он с изяществом человека, привычного к светским манерам, потянул за кончик большого пальца и метнул его в ее сторону. Преломившись в лучах прожекторов, нить протянулась в воздухе радужной паутинкой. Молли бросилась на пол и откатилась в сторону, а затем, когда смертоносная молекула просвистела мимо, взметнулась вверх, как распрямившаяся пружина. Словно повинуясь инстинкту самозащиты, она выпустила стальные когти.

Барабанный пульс участился. Молли делала прыжок за прыжком — черные волосы взлетали от дикой пляски над слепым серебром линз, рот сжался в линию, губы побелели от напряжения. А под ней гудела и скрежетала Площадка, и нитехи повизгивали от удовольствия.

Тех втянул нить обратно, но не до конца: держа беспалую руку на уровне груди, он стал вращать

нить перед собой, образовав призрачный многоцветный круг диаметром около метра. Словно загородился щитом.

И тут Молли как будто прорвало. Это трудно было назвать танцем — так мечется сорвавшаяся с цепи бешеная собака. Она резко подпрыгнула, прогнулась в воздухе и, сделав рывок в сторону, приземлилась обеими ногами на алюминиевый блок двигателя, прикрученный проволокой к одной из спиральных пружин. Я зажал уши ладонями, сила звука, с которой загрохотала Площадка, бросила меня на колени, голова моя закружилась, я подумал, что и сама Площадка, и карниз с сидящими на нем нитехами, сорвавшись, рушатся вниз. Мне уже виделось, как мы падаем на Ночной Город, как ломаются от удара лачуги, разлетается недосушенное белье и несчастные наши тела разбиваются о городские плиты, словно гнилые фрукты. Но тросы выдержали, и Площадка продолжала взлетать и падать подобно безумному металлическому морю. И Молли продолжала танцевать на его волнах.

И уже перед самой развязкой, перед тем как тех в последний раз взмахнул своей нитью, я увидел на его лице выражение, которое, по-моему, просто не могло принадлежать ему. Это не было

страхом, и это не было гневом. Скорее это были неверие, изумление и непонимание одновременно, смешанные к тому же с чисто эстетическим отвращением ко всему, что он здесь видел и слышал, — и к тому, что происходило с ним. Он опять втянул в палец вращающуюся нить и, когда призрачный диск уменьшился до размеров тарелки, взметнул руку над головой и рывком ее опустил: кончик большого пальца, словно сделавшись вдруг живым, метнулся в сторону Молли.

Но Площадка унесла Молли вниз, и нить прошла над самой ее головой — чтобы затем, в упругом развороте, возвратиться к своему хозяину, взлетевшему на гребне встречной волны. Нить должна была без вреда пройти над его головой и вернуться на место в алмазную твердь сустава. Вышло иначе: она отсекла ему кисть. Перед техом в Площадке была брешь, и он шагнул прямо в нее: так уходит в воду ныряльщик, неторопливо, с нарочитым изяществом, — сбитый камикадзе на своем пути вниз, в Ночной Город. Но я думаю, есть еще одна причина, объясняющая этот прыжок. Напоследок, перед тем как уйти в глубину, он хотел подарить себе несколько секунд тишины, которых он был достоин. Не ловкость и не отвага соперницы убили его — его

убил культурный шок.

Нитехи заорали как резаные, но кто-то уже выключил усилитель, и Молли, с бледным, без тени чувства лицом, покачалась еще немного с Площадкой, пока та наконец не остановилась и в медленно возвращающейся тишине не осталось ничего, кроме затухающего гуда измученного металла да скрипа трущихся друг о друга ржавых частей.

Мы обшарили всю Площадку в поисках отрезанной кисти, но так и не нашли ее. Все, что мы обнаружили, — это изящный срез на одном из кусков ржавой стали, который оказался на пути пролетающей нити. Поверхность его сверкала, словно свежая хромировка.

* * *

Мы так и не узнали, приняли якудза наши условия, или нет, да и вообще — дошло ли до них наше послание. Насколько мне известно, программа по-прежнему дожидается Эдди Бакса на полке в подсобке сувенирной лавки на третьем уровне вокзала Сидней-5. Оригинал программы они, скорее всего, продали обратно «Оно-Сэндай» еще несколько месяцев назад. Но может, они и приняли передачу пирата, ведь до сих пор по мою душу

так никто и не приходил, хотя минул почти год. Но даже если они и появятся, сперва им придется повторить наш долгий подъем сквозь тьму, мимо часовых Пса, а я, если на то пошло, уже совсем не похож на Эдди Бакса. Я предоставил это Молли — ей и местной анестезии. И мои новые зубы уже почти прижились.

Я решил остаться здесь, наверху. В тот раз, когда я увидел его, появившегося на противоположном краю Площадки, до меня вдруг дошло, насколько я все-таки пуст. И еще я понял, что мне до тошноты надоело быть корзиной для чьего-то белья. Зато теперь почти каждую ночь я спускаюсь и навещаю Джонса.

Мы теперь с ним партнеры, я и Джонс, — ну и, конечно, Молли. Молли устраивает наши дела внизу, во «Взлетной полосе». Джонс по-прежнему живет в своей «Стране развлечений», но цистерна у него куда как больше, и раз в неделю ему подвозят свежую морскую воду. И кайф у Джонса есть, когда ему надо. Он по-прежнему разговаривает с детишками при помощи рождественских фонариков, но со мной Джонс беседует через экран дисплея. Новый прибор гораздо лучше того, что был у него на флоте. Я установил его в гараже, который снимаю неподалеку.

И все мы зарабатываем неплохие денежки, побольше, чем я зашибал раньше, потому что «кальмар» Джонса может прочесть следы любой информации, которая когда-либо во мне побывала. Джонс выдает все это через наш новый дисплей на языке, который я теперь без труда понимаю. Так что мы много чего узнали о всех моих бывших клиентах. И однажды настанет день, когда я отправлюсь к хирургу, чтобы выковырять весь этот кремний, запрятанный у меня в железах. И останусь жить лишь со своей памятью и ничьей больше, как и другие люди. Но какое-то время я еще потерплю.

А пока здесь у нас, наверху, все в полном порядке. Я посиживаю себе в темноте, покуриваю китайские сигареты, слушаю, как капает с геодезиков влага. Только здесь, наверху, еще можно услышать, что такое настоящая тишина, — если, конечно, парочка нитехов не вздумает станцевать на Гиблой Площадке.

Такая жизнь многому учит. И если с помощью Джонса я разберусь еще в нескольких мелочах, то стану самым техничным парнем в городе.

Континуум Гернсбека[119]

Кажется, меня начинает отпускать; еще немного — и все, тьфу-тьфу-тьфу, останется в прошлом. Порой что-то еще мерещится — хромированный отблеск из приемной безумного доктора, — но лишь в уголке глаза. На прошлой неделе над Сан-Франциско проплыло это летающее крыло, но авиалайнер был почти прозрачным. И родстеры с «плавниками» проявляются все реже, и автострады стесняются разворачиваться в восьмидесятиполосных чудовищ типа того, на которое мою арендованную красную «тойоту» вынесло месяц назад. И я уверен, что до Нью-Йорка это не доживет; диапазон моего зрения сужается до одной-единственной вероятности. Для чего понадобилось изрядно попотеть. Очень помог телевизор.

Началось все, видимо, в Лондоне, в той псевдогреческой таверне на Баттерси-Парк-роуд; за ланч платил Коэн из своих представительских расходов. Мертвое мясо, преющее в мармите, а ведерко со льдом для рецины искали полчаса.

---

[119] notes: 119
Перевод А. Гузмана

Коэн работает в издательстве «Баррис-Уотфорд», они делают «трендовые» альбомы — иллюстрированная история неоновых вывесок, пинбол, японские заводные игрушки периода оккупации. В Англию меня пригласили снимать рекламу обуви; калифорнийские девушки в ярких, вырвиглаз, беговых кроссовках на загорелых ногах выкидывали для меня коленца на эскалаторах Сент-Джонс-Вуда и платформах Тутинг-Бека. Поджарое, голодное молодое агентство решило, что именно тайна лондонского общественного транспорта поможет продать побольше нейлоновых кедов. Решать им — снимать мне. А Коэн, с которым я был шапочно знаком еще в Нью-Йорке, пригласил меня на ланч накануне моего отлета из Хитроу. С ним вместе явилась ультрамодно прикинутая дамочка — без намека на подбородок и, судя по всему, видный историк поп-арта; звали ее Диальта Даунс. Вспоминая, как она входит в таверну рядом с Коэном, я так и вижу у нее над головой мигающую неоновую вывеску: «Прямо пойдешь — с ума сойдешь» — заглавными буквами без засечек.

Коэн представил нас друг другу и объяснил, что Диальта — главный вдохновитель нового «баррис-уотфордовского» проекта, иллюстриро-

ванной истории «американского стримлайн-модерна» (термин ее). Рабочее название проекта было следующим: «Аэродинамический футурополис: Будущее, которое не наступило».

Британцы сходят с ума по особо выморочным элементам американской поп-культуры — как западные немцы превратили в странный фетиш ковбоев с индейцами, а французы питают извращенную тягу к старым фильмам с Джерри Льюисом.[120] А Диальта Даунс зациклилась на специфически американской разновидности архитектуры, о которой большинство американцев и представления не имеют. Сперва я даже не понял, о чем это она, но постепенно до меня начало доходить. И вот я уже вспоминал утреннее воскресное телевидение пятидесятых.

Наш местный телеканал, заполняя паузы между передачами, иногда крутил старую, в пятнах и царапинах, кинохронику. Сидишь себе, жуешь бутерброд с арахисовым маслом, запиваешь молоком, а хорошо поставленный голливудский баритон вещает сквозь помехи, что В Будущем Тебя Ждет Летающий Автомобиль. И три механи-

[120] notes: 120

Джерри Льюис (Джозеф Левитч, р. 1926) — американский актер, прославившийся в 1950-е гг. своим грубовато-туповатым юмором в составе комического дуэта с Дином Мартином.

ка из Детройта прикручивают в гараже крылья к неуклюжему старому «нэшу», а потом он бешено газует на пустой взлетной полосе где-нибудь в Мичигане. Отрыва от земли ни разу не показывали, но «нэш» улетел в страну-небывалию Диальты Даунс, на истинную родину поколения самозабвенных технофилов. Диальта рассказывала об этих реликтах «футуристической» архитектуры тридцатых—сороковых, мимо которых проходишь в американских городах каждый день и не замечаешь: ребристые фасады кинотеатров, будто призванные излучать некую неведомую энергию, витрины мелочных лавок, отделанные желобчатым алюминием, стулья из хромированных трубок, пылящиеся в гостиничных вестибюлях. Во всем этом она видела остатки мира грез, позабытые в равнодушном настоящем; их-то она и просила меня сфотографировать.

Американский промышленный дизайн родился в тридцатые годы; прежде все точилки для карандашей выглядели как точилки для карандашей — незамысловатый викторианский механизм — возможно, с каким-нибудь декоративным завитком. Но с появлением первого поколения дизайнеров некоторые точилки стали выглядеть так, будто их собирали в аэродинамической

трубе. Как правило, метаморфоза не заходила слишком глубоко: обтекаемый хромированный кожух скрывал все тот же викторианский механизм. Что было вполне логично: успешные американские дизайнеры в большинстве своем раньше трудились бродвейскими декораторами. И теперь они проектировали не столько вещи, сколько реквизит, замысловатые декорации, призванные изображать жизнь в будущем.

Когда принесли кофе, Коэн достал толстый конверт, набитый глянцевыми фотографиями. Я увидел крылатые статуи, охраняющие Плотину Гувера, они стойко кренились навстречу воображаемому урагану, как украшения на автомобильном капоте, только бетонные и десятиметровые. Я увидел с десяток снимков построенного Фрэнком Ллойдом Райтом[121] здания компании «Джонсон Вакс», сопоставленных с обложками старых номеров «Эмейзинг сториз» работы некоего Фр-

[121] notes: 121

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — американский архитектор-новатор, отец «органической архитектуры». Штаб-квартиру компании «Джонсон Вакс» построил в 1936–1939 гг. в Расине, штат Висконсин; основа конструкции — центральный зал с «древовидной» колоннадой, в которой каждая колонна расширяется кверху.

энка Р. Пауля;[122] небось «джонсон-ваксовцам» каждое утро казалось, будто перед ними распахивается пульверизаторная фрэнк-паулевская утопия. Здание Райта выглядело так, словно проектировал он его для людей в белых тогах и люцитовых сандалиях. Мой взгляд остановила схема исполинского винтового авиалайнера — сплошное крыло, без фюзеляжа, наподобие толстого симметричного бумеранга с иллюминаторами в самых неожиданных местах. Стрелочки с подписями указывали расположение бальной залы и двух теннисных кортов. Датирован рисунок был тридцать шестым годом.

— Эта штука ведь не могла бы летать?.. — И я перевел взгляд на Диальту Даунс.

— Нет-нет, абсолютно исключено, даже с дюжиной таких огромных пропеллеров. Но тогда очень нравилось, как это выглядит, понимаете? От Нью-Йорка до Лондона за неполных два дня, столовые первого класса, отдельные каюты, солнечные палубы, а вечером джаз-банд и танцы…

---

[122] notes: 122

Фрэнк Рудольф Пауль (1884–1963) — американский художник австрийского происхождения, прозванный «отцом фантастической иллюстрации». С 1914 г. и до конца 1940-х гг. сотрудничал с Хьюго Гернсбеком в большинстве его журнальных проектов («Electrical Experimenter», «Science and Invention», «Amazing Stories», «Air Wonder Stories», «Science Wonder Stories» и др.).

Конструкторы же были просто популистами, они пытались дать публике то, чего она хотела. А публика хотела будущего.

* * *

Посылка от Коэна догнала меня в Бербанке, где я застрял на три дня, — пытался наделить какой-никакой харизмой одного до жути унылого рокера. Фотографировать то, чего нет, надо уметь, это редкий талант — и, соответственно, высокооплачиваемый; я, например, умею, хотя есть в этом деле мастера и почище меня. Бедолага-рокер испытывал терпение моего «Никона» буквально на износ. Как-то я в итоге выкрутился — с тяжелым сердцем, поскольку не люблю халтурить, но не с таким уж неподъемно-тяжелым, поскольку удостоверился, что за халтуру заплачено, — и решил в качестве профилактики заняться «баррис-уотфордовским» заказом, этим апофеозом художественности. Коэн прислал мне книжки по дизайну тридцатых, еще стопку фотографий «аэродинамических» зданий и составленный Диальтой Даунс перечень характерных для Калифорнии образчиков этого стиля, на полсотни позиций.

С архитектурной фотосъемкой приходится ино-

гда подолгу ждать; здание превращается в своего рода солнечные часы, а ты сидишь и считаешь минуты, пока тень не отползет от нужной тебе детали или пока масса и баланс постройки не проявятся определенным образом. Просиживая таким образом штаны, я мысленно настраивался на Америку Диальты Даунс. Некоторые фабричные здания фокусировались на матовом стекле моего «Хассельблада» со зловещей тоталитарной величественностью, наподобие стадионов, которые Альберт Шпеер строил для Гитлера. Но в общем и целом весь этот «стримлайн-модерн» выглядел довольно убого: чудеса-однодневки, вытесненные коллективным бессознательным Америки тридцатых годов, сохранившиеся главным образом на депрессивных обочинах между пыльными мотелями, оптовыми складами матрасов и пятачками-стоянками торговцев подержанными автомобилями. Я решил сосредоточиться на бензоколонках.

В зените Эпохи Диальты строить калифорнийские бензоколонки явно поручили Мингу Безжалостному.[123] Ностальгически вспоминая архитектуру своей родной планеты Монго, он

[123] notes: 123

Минг Безжалостный — диктатор планеты Монго, антагонист Флэша Гордона в комиксах и киносериале 1930-х гг.

курсировал вдоль побережья и возводил из белой лепнины огневые позиции для лучевых орудий. Многие из них увенчивались чисто декоративной центральной башенкой, окруженной спиралью странных радиаторных ребер, характерных для всего этого стиля, так что казалось: стоит найти правильный рубильник — и вспыхнут лучи беспримесного научно-технического энтузиазма. Одну такую колонку я сфотографировал в Сан-Хосе за час до того, как приехали бульдозеры и насквозь пропахали эту зодческую истину из штукатурки, железной сетки и дешевого бетона.

— Представьте себе как бы альтернативную Америку, — говорила Диальта Даунс, — восьмидесятые, которые мы потеряли. Архитектуру несбывшихся грез.

С такой вот внутренней установкой двинулся я замысловатым зигзагом в красной «тойоте» по всему этому социоархитектурному крестному пути; мало-помалу я настраивался на Диальтин образ теневой мифической Америки с заводами «Кока-Колы», напоминающими выброшенные на берег субмарины, и захудалыми кинотеатрами, похожими на храмы вымершей секты, поклонявшейся синим зеркалам и геометрии. Шагая по тайным руинам, я гадал, что бы подумали

обитатели этого несбывшегося будущего о мире, в котором я живу. В тридцатых грезили о белом мраморе и обтекаемом хроме, однако ракеты с обложек дешевых журналов Гернсбека[124] и компании обрушились, завывая, на ночной Лондон. После войны у каждого и вправду была машина, хоть и без крыльев, и обетованная супераутострада, кати — не хочу, так что само небо потемнело от выхлопных газов, которые разъели мрамор и чудесный кристалл…

И вот однажды под Болинасом, готовясь снимать особенно изощренный образчик минговского архитектурного милитаризма, я пронизал тонкую мембрану, мембрану возможного…

Незаметно, шажок за шажком, я ступил за Грань…

И, подняв голову, увидел двенадцатимоторное летающее крыло; гудя пропеллерами, толстый бумеранг со слоновьей грацией летел к востоку, летел так низко, что я мог сосчитать заклепки на его тускло-серой обшивке и, кажется, даже слышал отзвук джаз-банда.

---

[124] notes: 124

Хьюго Гернсбек (1884–1967) — основатель журнала «Amazing Stories», считающегося первым в мире журналом научной фантастики (выходил с 1926 г.).

* * *

Я обратился к Кину.

Мерв Кин — журналист-фрилансер, большой специалист по техасским птеродактилям, контактерам-реднекам, лох-несским чудовищам низшей лиги и топ-десятке теорий заговора, особенно котирующихся в самых завиральных закоулках американского массового сознания.

— Неплохо, неплохо, — сказал Кин, протирая охотничьи очки из желтого поляроидного стекла подолом своей гавайской рубашки, — но ничего психического в этом нет, шарики с роликами на месте.

— Но я видел его, Мервин.

Мы сидели на ослепительном аризонском солнце у бассейна. Кин дожидался в Тусоне группы лас-вегасских госпенсионеров, лидерша которых получала сообщения от Них на микроволновку. Я всю ночь провел за рулем, что хорошо чувствовалось.

— Естественно, видел. Никто и не спорит. Ты же меня читал — знаешь, как я подхожу ко всей этой уфологической хрени. Все очень просто. — Он тщательно водрузил очки на свой орлиный шнобель и пригвоздил меня к шезлонгу

отработанным взглядом василиска. — Людям мерещится разное, только и всего. Ничего там нет, но людям все равно мерещится. Наверное, потому, что им это нужно. Ты же читал Юнга, должен понимать… В твоем-то случае все совсем очевидно: сам говоришь, что думал об этой свихнутой архитектуре, воображал себе невесть что… Слушай, наверняка же ты пробовал в свое время кучу разной дури? Кто вообще в Калифорнии пережил шестидесятые без того, чтобы увидеть галлюцинацию-другую, а? Сидишь себе и вдруг понимаешь: кто-то нанял целые армии диснеевских техников, чтобы вплетали мультограммы египетских иероглифов в ткань твоих джинсов, или…

— Не так же все было.

— Кто бы спорил. Дело было совсем иначе, да? Как наяву? Все как обычно, и вдруг бац — возникает этот монстр, эта мандала, эта неоновая сигара. У тебя вот — огромный самолет от Тома Свифта.[125] Это случается сплошь и рядом. Ты даже не спятил. Понимаешь, да?

Он выудил пиво из потрепанного пенопласто-

---

[125] notes: 125

Том Свифт — юный гений-изобретатель, герой книг для подростков, выпускавшихся издательским синдикатом Стратемейера с 1910 г. под коллективным псевдонимом Виктор Эпплтон.

вого кулера, стоявшего рядом с шезлонгом, и продолжил:

— На той неделе я был в Виргинии. Округ Грейсон. Беседовал с шестнадцатилеткой, на которую напала *ведмежья бóшка*.

— Что-что?

— Медвежья голова. Отдельно от тела, как охотничий трофей. Так вот, эта *ведмежья бóшка* порхала на собственной летающей тарелочке вроде колесного колпака с винтажной тачки кузена Уэйна. Глаза мерцали, как сигарные окурки, а из-за ушей торчали хромированные телескопические антенны.

Он раскатисто рыгнул.

— Голова на нее напала? Как это?

— Лучше тебе и не знать, ты у нас натура явно впечатлительная. «Оно было холодное, — снова изобразил он южный акцент, и так же топорно, — и как будто железное». И пищало по-электронному. Вот это, дружище, натуральный продукт, прямиком из бездн коллективного бессознательного. Девчонка — чистая ведьма. В нашем нынешнем обществе ей места нет. Не смотрела бы она с пеленок старый «Звездный

путь» и «Бионического человека»,[126] ей бы дьявол мерещился. Она подключена к главной жиле. И уверена, что с ней это действительно случилось. На все про все у меня было десять минут, пока не приехали настоящие уфологи с детектором лжи.

Я, должно быть, скривился, потому что он осторожно отставил пиво рядом с кулером и сел в шезлонге повыше.

— Если хочешь более высокоштильное объяснение — пожалуйста: ты видел семиотического призрака. Все контактерские истории, например, опираются на эти научно-фантастические образы, которыми наша культура пронизана сверху донизу. В принципе, инопланетян я еще могу допустить — но не инопланетян же из комиксов пятидесятых. Это всё семиотические фантомы, шматки глубоких культурных образов, которые откололись и зажили самостоятельно. Ну, как те жюль-верновские дирижабли, что вечно мерещились канзасским фермерам. А ты увидел призрак другого типа, вот и все. Когда-то этот самолет являлся частью коллективного бессознательного. Ты каким-то образом настроился на ту волну. Так

---

[126] notes: 126

Имеется в виду сериал «Человек за шесть миллионов долларов» (The Six Million Dollar Man, 1974–1978).

что главное — не волноваться.

Но я-то волновался.

Кин пригладил свой редеющий блондинистый хайр и отправился выяснять, что новенького Они имеют сказать на дальних рубежах, а я задернул шторы в своем номере и улегся в наполненной гудением кондиционера темноте волноваться дальше. Когда я проснулся, волнение никуда не делось. Кин оставил на моей двери записку: ему надо было срочно лететь на север, спецрейсом, проверить слух о массовом увечье скота («увечники», так он их называл) — еще одна его журналистская специализация.

Я поужинал, принял душ, проглотил крошащуюся таблетку для похудения, которая года три болталась на дне моего бритвенного набора, и отправился назад в Лос-Анджелес.

Спид сузил мое поле зрения до туннеля, высвеченного фарами «тойоты». Тело пусть ведет машину, сказал я себе, а рассудок — несет вахту. Несет вахту и держится подальше от фантасмагорических периферийных декораций, порожденных изнурением и амфетамином, от фосфоресцирующей фантомной флоры, что вырастает вдоль полночных автострад в углу мысленного взора. Но у рассудка свои резоны, и

киновское толкование моего «эпизода», как я уже стал называть происшедшее, бесконечно крутилось у меня в голове по узкой перекошенной орбите. Семиотические призраки. Мелькание фрагментов Коллективной Грезы в набегающем воздушном потоке. Почему-то эта петля обратной связи усугубила действие таблетки, спидовая придорожная растительность окрасилась в цвета инфракрасных спутниковых снимков — тлеющие обрывки, разлетающиеся в кильватере «тойоты».

Тогда я свернул на обочину и заглушил мотор, и с полдюжины алюминиевых пивных банок промигали мне «спокойной ночи», когда я вырубил фары. Интересно, подумал я, который час нынче в Лондоне, и попытался представить, как Диальта Даунс завтракает в своей хэмпстедской квартире, окруженная обтекаемыми хромированными статуэтками и книгами по американской культуре.

Ночи в пустыне у нас неимоверны, Луна — ближе к Земле. Я долго наблюдал за Луной и наконец решил, что Кин прав. Главное — это не волноваться. По всему континенту абсолютно нормальные, нормальнее любых моих потуг на нормальность, люди каждый божий день видят гигантских птиц, реликтовых гоминоидов и летающие нефтезаводы, не давая Кину скучать и бедствовать.

Так чего я нервничаю из-за куска поп-воображения полувековой давности, разлетавшегося над Болинасом? Короче, можно и поспать, бояться-то нечего, кроме разве что хиппи-людоедов да гремучих змей, вокруг — знакомый придорожный мусор моего родного континуума. Завтра утром скатаюсь наконец в Ногалес и поснимаю старые бордели, а то который год уже никак не соберусь. Тут и таблетка отпустила.

* * *

Разбудил меня свет, потом я услышал голоса.

Источник света был где-то сзади, по салону «тойоты» бегали тени. Голоса звучали спокойно и неразборчиво, мужской и женский: поглощенная беседой пара.

У меня затекла шея, в глаза как будто песка насыпали. Нога, прижатая к рулевой колонке, совершенно одеревенела. Я принялся нашаривать очки в кармане рубашки и наконец водрузил их на нос.

Потом обернулся и увидел город.

Альбомы по дизайну тридцатых лежали в багажнике; в одном из них был эскиз города-

мечты, вдохновленный «Метрополисом»[127] и «Обликом грядущего»,[128] но пошедший гораздо дальше: небоскребы взмывали сквозь идеальные, намеченные штрихами облака, увенчанные безумными неоновыми шпилями и швартовыми мачтами для аэростатов. Так этот город из альбома был уменьшенной копией того, что высился сейчас позади меня. Шпиль громоздился на шпиль ступенями блистающего зиккурата, карабкавшимися к золотой башне центрального храма, окруженной спиралью радиаторных ребер, как на автозаправках планеты Монго. В самой маленькой из этих башен легко спрятался бы Эмпайр-стейт-билдинг. Между шпилями петляли хрустальные эстакады, по ним бежали обтекаемые серебристые точки, будто капельки ртути. Небо кишело воздушными судами: огромные лайнеры — летающие крылья, юркие блестящие невелички (то и дело какая-нибудь из серебристых капель грациозно взмывала с эстакады и присоединялась к небесному танцу),

---

[127] notes: 127

«Metropolis» (1927) — фильм-антиутопия Фрица Ланга, вершина немецкого киноэкспрессионизма.

[128] notes: 128

«Things to Come» (1936) — английский фантастический фильм Уильяма Камерона Мензиса по сценарию Герберта Уэллса, продюсер Александр Корда.

километровые дирижабли, по-стрекозьи недвижно зависающие автожиры…

Я зажмурился и крутанулся волчком. Открыв глаза, приказал себе увидеть спидометр, пыльную торпеду из черного пластика, переполненную пепельницу. Снова зажмурился.

— Амфетаминовый психоз, — произнес я и открыл глаза.

Торпеда была на месте, и пыль, и мятые бычки в пепельнице. Очень осторожно, не шевеля головой, я включил фары.

И увидел их.

Они были светловолосые. Они стояли рядом со своим автомобилем — алюминиевым плодом авокадо с высоким, как акулий плавник, килем и с гладкими черными шинами, как у игрушечной машинки. Он обнимал ее за талию, а другой рукой указывал на город. Оба они были в белом: свободные одежды, голые ноги, белые, без единого пятнышка, сандалии. Лучей моих фар они словно не видели. Он говорил что-то мудрое и сильное, а она кивала, и вдруг мне стало страшно — страшно по-другому, совсем не так, как прежде. Потерять рассудок я уже не боялся; откуда-то я понял, что город позади — это Тусон: Тусон-мечта, порожденный коллективными чаяниями эпохи; что он

реален, абсолютно реален. Но стоявшая передо мной пара жила в нем — и они меня пугали.

Они были детьми несбывшихся восьмидесятых Диальты Даунс; они были Наследниками Мечты. Белокожие, светловолосые и, возможно, голубоглазые. Американцы. Диальта говорила, что Будущее пришло сперва в Америку, но затем оставило ее позади. Только не здесь, не в сердце Мечты. Здесь мы двигались только вперед, и логике этой грезы были неведомы загрязнение природы, истощение ископаемых ресурсов, войны на чужой территории, которые возможно проиграть. Счастливые Наследники Мечты были совершенно довольны собой и своим миром. И в сердце Мечты это и вправду был *их* мир.

Позади меня — город в блеске иллюминации; прожектора шарили по небу просто так, от избытка чувств. Я представил себе, как Наследники Мечты наводняют беломраморные площади, чинно и бодро, а в их глазах горит восторженное преклонение перед широкими, залитыми огнями проспектами и серебристыми автомобилями.

Как по́шло и как зловеще в своей пошлости, ну вылитая гитлерюгендовская пропаганда.

Я включил передачу и медленно тронулся; вот уже мой бампер в трех футах от них. Они меня

так и не видели. Я опустил стекло в дверце и прислушался, о чем там толкует мужчина. Пустая и звонкая, как призывы торговой палаты, говорильня — и он явно верил каждому своему слову. Свято верил.

— Джон, — донеслись до меня слова женщины, — мы забыли принять завтрак.

Она выщелкнула из какого-то устройства на поясе две яркие облатки и передала одну мужчине. Я поморщился, вырулил задним ходом на шоссе и, качая головой, направился к Лос-Анджелесу.

* * *

С заправки я позвонил Кину. С новой аляповатой заправки в стиле испанского модерна. Кин уже вернулся из своей вылазки и не возражал побеседовать.

— Да, неплохо так накрыло. Ты не пытался, кстати, сфотографировать? Ничего, конечно, никогда не выходит, но остроты твоему рассказу это добавило бы — то, что фотографии не вышли.

Но что мне делать-то?

— Побольше смотреть ящик, особенно викторины и мыльные оперы. Порнуха тоже годится. Видел когда-нибудь «Бордель под свастикой»? У нас тут его крутят по кабелю. Редкостное дерьмо.

Как раз то, что тебе надо.

О чем это он вообще?

— Кончай вопить и слушай сюда. Открою тебе профессиональную тайну: семиотических призраков можно изгнать всякой медийной херотенью, и чем херовее, тем лучше. Я так отгоняю маленьких зеленых человечков — так, может, и ты своих ар-декошных футуроидов отгонишь. Попробуй. Чего тебе терять-то?

Тут он сказал, что ему пора спать, — мол, с утра пораньше предстоит рандеву с Избранными.

— С кем с кем?

— Ну, эти старички из Вегаса, с микроволновками.

Я подумал, не позвонить ли в Лондон коллект-коллом за счет «Баррис-Уотфорда» и не сообщить ли Коэну, что его фотограф отправляется на затяжной срок в «Сумеречную зону».[129] В итоге я взял в кофейном автомате чашку чего-то невообразимого без сахара и сливок, забрался в «тойоту» и покатил в Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес — это была плохая мысль, и я провел там две недели. Лос-Анджелес — Диальтина

---

[129] notes: 129

«The Twilight Zone» (1959–1964) — классический телесериал Рода Серлинга в жанре фантастики и мистики, дважды возобновлявшийся (1985–1989, 2002–2003).

страна в чистом виде, родина Мечты, натуральное минное поле, где можно подорваться на осколках Мечты в любой миг. Я чуть не разбился на виадуке у Диснейленда, когда шоссе развернулось, как оригами, в несколько десятков полос и я принялся лихорадочно лавировать между стремительными хромированными каплями с акульими плавниками. Хуже того, Голливуд кишел людьми, слишком уж напоминающими ту пару, которую я видел в Аризоне. В итоге я нанял итальянского режиссера, который, дожидаясь у моря погоды, подрабатывал печатью-проявкой и кафельными работами; он распечатал все пленки, которые скопились у меня по Диальтиному проекту. Сам я и смотреть на негативы не хотел. Но Леонардо ничего не почувствовал, и я, перетасовав отпечатки, как колоду карт, отправил их авиапочтой в Лондон. Потом вызвал такси и поехал в ближайший кинотеатр, где крутили «Бордель под свастикой», и всю дорогу дотуда сидел зажмурившись.

Поздравительная телеграмма от Коэна догнала меня через неделю в Сан-Франциско. Диальта была в восторге от фотографий. Коэну особенно понравилось, как я «проникся проектом», и он был бы, мол, очень не прочь при случае порабо-

тать со мной еще раз. В тот же день я заметил над Кастро-стрит летающее крыло, но какое-то не очень убедительное — тут и в то же время не тут. Я метнулся к ближайшему киоску и набрал столько газет, сколько смог унести, с передовицами о бензиновом кризисе и опасностях атомной энергетики. Я вдруг решил, что надо срочно лететь в Нью-Йорк.

— Куда катится мир, а? — сказал киоскер, тощий негр с плохими зубами и в явном парике.

Я кивнул, нащупывая мелочь в кармане джинсов; думал я лишь о том, как бы поскорее найти в парке свободную скамейку и погрузиться в убедительные свидетельства нашей нынешней почти антиутопии.

— Но могло быть и хуже, — добавил он.

— Ну да, — сказал я, — могло быть куда хуже. Идеальный мир — вот чума.

И я зашагал по улице с пачкой концентрированной катастрофы под мышкой, а он все смотрел мне вслед.

Осколки голографической розы[130]

Тем летом Паркера мучила бессонница.

Временами в сети падало напряжение, и внезапные сбои дельта-индуктора болезненно резко выталкивали его в сознание.

Чтобы не просыпаться, он черной изолентой примотал индуктор к работающей от батарей деке ПСВ и с помощью переходников и миниатюрных зажимов-крокодилов замкнул их друг на друга. Потеря тока в индукторе переключала деку на воспроизведение.

Однажды он купил по случаю кассету ПСВ, которая начиналась с того, как субъект засыпает на пляже. Записывал ее молодой светловолосый йог с идеальным зрением и невероятно острым восприятием красок. Парнишку отвезли на Барбадос с единственной целью подремать и проделать утреннюю зарядку на мелком песке частного пляжа. На прозрачной ламинированной обложке микрофиши пояснялось, что одной лишь силой воли йог способен пройти через «альфу» к «дельте». Паркер, который уже два года не мог спать

---

[130] notes: 130
Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

без индуктора, еще удивился тогда, как такое возможно.

Ему лишь однажды удалось высидеть весь фильм, хотя теперь он уже знал каждое ощущение на протяжении пяти субъективных минут. Самым интересным фрагментом ему казался мелкий монтажный ляп в начале рутинных дыхательных упражнений: беглый взгляд вправо, вдоль белого пляжа, выхватывает фигуру охранника, патрулирующего проволочную изгородь… черный автомат переброшен через плечо.

Пока Паркер спал, из энергетических систем города утекало электричество.

Переход от дельты к дельта-ПСВ — темное вторжение в чужую плоть. Привычка смягчает шок… Холодный песок под обнаженными плечами. В утреннем ветерке штанины потрепанных джинсов хлопают по голым коленям. Скоро парнишка окончательно проснется и примется за свою «Ардха-Матсиендра-что-то-там». Чужими руками Паркер стал нащупывать в темноте деку ПСВ.

* * *

Три утра.

Сварить себе кофе, светя в чашку фонариком, пока наливаешь кипяток.

Записанные утренние сны тают: увиденный чужими глазами темный плюмаж кубинского парохода бледнеет вдали вместе с горизонтом, к которому он карабкается, переползая с волны на волну, по серому экрану сознания.

Три утра.

Пусть вчерашний день расположится вокруг тебя плоскими условными зарисовками. Что говорил ты… что сказала она… смотрел, как она собирает вещи… вызывает такси. Как ни перетасовывай, они все равно складываются в одну и ту же микросхему, иероглифы сходятся к центральному компоненту: ты стоишь под дождем, кричишь на таксиста-рикшу.

Лил дождь цвета мочи — кислотный и кислый. Водитель обозвал тебя задницей, а заплатить все равно пришлось вдвое. У нее было три места багажа. В респираторе и защитных очках рикша походил на муравья. Нажимая на педали, он исчез за пеленой дождя. Она не обернулась.

Последнее, что ты видел, — гигантский муравей, показывающий тебе средний палец.

* * *

Первый в своей жизни аппарат ПСВ Паркер увидел в одном из техасских мусорных город-

ков. Городок назывался Джунгли Джуди. Паркер хорошо помнил массивную консоль, заключенную в оболочку из дешевого пластика под хром. За скормленную в прорезь десятидолларовую банкноту получаешь пять минут гимнастики в невесомости на швейцарском орбитальном курорте: качаешься себе по двадцатиметровым перигелиям в обнимку с моделью из «Вога» шестнадцати лет от роду. Вот уж действительно ходовой товар в Джунглях, где достать пистолет было проще, чем принять горячую ванну.

Год спустя, с фальшивыми документами, он оказался в Нью-Йорке под Рождество, когда две ведущие фирмы выбросили на прилавки универмагов первые переносные деки. Порнотеатры ПСВ, буйно, но кратко расцветшие в ту пору в Калифорнии, так и не оправились от их натиска.

Исчезла и голография. Раскинувшиеся на целые кварталы фуллеровские купола, эти голохрамы времен детства Паркера, превратились в многоэтажные супермаркеты или приютили залы игровых компьютеров. В их закоулках еще можно отыскать старые консоли под потускневшими неоновыми надписями: «ПСЕВДОСЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ», которые пульсируют сквозь голубую завесу сигаретного дыма.

Теперь Паркеру тридцать, и он пишет покадровые сценарии для ПСВ-вещания, программируя движение глаза, этой человеческой видеокамеры индустрии иллюзий.

* * *

Частичное затемнение продолжается.

В спальне Паркер колотит по клавишам на обтекаемой алюминиевой поверхности своего «Сэндай-дрим-мастер». Навигационный огонек мигает, потом дека погружается во тьму. С чашкой кофе в руке, Паркер тащится по ковру к шкафу, который она опустошила вчера. Луч фонарика ощупывает в поисках улик любви голые полки, находит сломанную застежку на кожаном ремешке, кассету ПСВ и открытку. На открытке — отраженная в белом свете голограмма розы.

У кухонной раковины он скармливает ремешок мусоропроводу. Вялый в затемнении, тот жалуется, но проглатывает и переваривает. Аккуратно держа за уголок, Паркер подносит к вращающимся челюстям и голограмму. Железные зубы разрезают ламинированный пластик, мусоропровод обиженно скрежещет — и вот роза разлетается на тысячу осколков.

Час спустя он сидит на неприбранной постели

и курит. Ее кассета вставлена в деку, готова для просмотра. Пленки женщин обычно сбивают его с толку, но он сомневается, что именно по этой причине медлит сейчас запустить машину.

Приблизительно четверть всех пользователей ПСВ испытывает некоторый дискомфорт, пытаясь ассимилировать субъективное тело противоположного пола. Звезды вещания ПСВ становятся в последнее время все более андрогинными, чтобы привлечь и эту часть аудитории. Но записи самой Анджелы никогда раньше не отпугивали его. (А что, если она записала любовника?) Нет, не в этом дело — просто кассета являет собой абсолютно неизвестную величину.

* * *

Когда Паркеру было пятнадцать лет, родители подписали за него контракт на стационарное обучение в одной из дочерних компаний японского синдиката по производству пластмасс. В то время он считал, что ему крупно повезло: конкурс заявлений на обучение был просто огромен. Три года он прожил в казарме, распевал по утрам гимны компании, и раз в месяц ему, как правило, удавалось выбираться за ограждение центра на поиски девочек или голодрома.

В контракте значилось, что обучение окончится в день его двадцатилетия. Выдержи Паркер до конца, он приобрел бы право на полный статус служащего. За неделю до того, как ему исполнилось девятнадцать, с двумя украденными кредитными карточками и сменой одежды, он в последний раз перелез через ограду. В Калифорнию Паркер прибыл за три дня до падения диктатуры Новых Сепаратистов. В Сан-Франциско метались по улицам, стреляя друг в друга, чьи-то военизированные группировки. Все четыре «временных правительства» города провели такую эффективную работу по запасанию продовольствия, что почти ничего нельзя было достать.

Последнюю ночь революции Паркер провел в подвале сгоревшего дома на окраине Тусона, занимаясь любовью с девчонкой из Нью-Джерси. Та объясняла нюансы своего гороскопа между приступами почти беззвучных рыданий, не имевших, впрочем, ничего общего с тем, что он говорил или делал.

Много лет спустя он вдруг осознал, что понятия не имеет, какого черта его дернуло разорвать контракт.

* * *

Первые три четверти кассеты пусты. Нажимаешь клавишу, чтобы ускоренно перемотать себя вперед сквозь статическую дымку стертой записи, где вкус и запах сливаются в единый канал. На аудиовходе — белый звук, не-звук первичного темного океана… (Продолжительное воздействие аудиовхода со стертой пленки может вызвать гипнотические галлюцинации.)

* * *

В полночь Паркер, скорчившись, затаился в кустах у дороги на Нью-Мексико, глядя, как на трассе догорает танк. Пламя освещает белый пунктир, вдоль которого он следовал от самого Тусона. Взрыв был виден за две мили — белое полотнище жаркого света, превратившее бледные сучья обнаженных деревьев на фоне ночного неба в фотонегатив: угольные ветви на магниевом небе.

Многие беженцы были вооружены.

В кислотных дождях Залива дымились кострами их мусорные города. Поселения эти возникли в Техасе благодаря тому шаткому нейтралитету,

который штату удавалось сохранять на фоне попыток калифорнийского сепаратизма.

Сооруженные из фанеры и картона, листов парусящего пластика и остовов мертвых автомобилей, городки эти носили идиотские фарсовые названия вроде Батут-Таун или Конфетка, а их территории непрестанно дрейфовали в переменчивых ветрах теневой экономики.

Федеральные войска и войска штатов, регулярно прочесывавшие поселения изгоев, редко находили хоть что-нибудь. Но после каждой такой экспедиции на перекличке несколько человек не отзывалось. Кто-то продавал свое оружие и жег форму, другие же слишком близко подходили к той контрабанде, которую их посылали искать.

Через три месяца Паркер решил, что надо выбираться, но обеспечить безопасный переход через армейские кордоны мог только товар. Удача ему улыбнулась чисто случайно. Однажды вечером, огибая завесу сального кухонного дыма, низко висевшую над Джунглями, он споткнулся и едва не упал на труп. Тело женщины лежало в русле пересохшего ручья. Мухи поднялись было сердитым облаком, но потом сели, не обращая на него внимания. На женщине была кожаная куртка, а

по ночам Паркер отчаянно мерз. Покопавшись в свалке вдоль бывшего ручья, он отыскал длинную палку.

В спине куртки, прямо под левой лопаткой, зияло аккуратное круглое отверстие, словно проткнутое карандашом. Подкладка куртки, когда-то красная, теперь совершенно почернела, стала жесткой и блестящей от запекшейся крови. Подцепив куртку на конец палки, он отправился на поиски воды.

Куртку Паркер так и не постирал: в левом кармане нашлась почти унция кокаина, аккуратно завернутая в полиэтилен и прозрачную хирургическую пленку. А в правом оказались пятнадцать ампул мегациллина-Д и десятидюймовый кнопочный нож с роговой рукоятью. Антибиотик стоил вдвое дороже кокаина.

Нож он всадил в гнилую колоду, пропущенную сборщиками топлива из Джунглей, и повесил на него куртку, которую, стоило ему отойти, тут же облепили мухи.

Той же ночью в баре с рифленой жестяной крышей, ожидая появления одного из «юристов», которые устраивали проходы через кордоны, он впервые в жизни опробовал модуль ПСВ. Аппарат был огромен, весь из неона и хрома, и владелец

очень им гордился: толстяк собственноручно помогал потрошить грузовик.

> «Если хаос девяностых годов отражает радикальное смещение в парадигмах визуальной грамотности, а именно окончательный отход от традиций доголографического общества Ласко и Гутенберга, то чего следует ожидать от этой новейшей технологии с ее обещаниями дискретного кодирования и последовательной реконструкции всей шкалы сенсорного восприятия?»
>
> ***Роубук и Пирхэл.***
> Новейшая история Америки: Системный обзор

Скоростная перемотка сквозь бормочущее невремя стертой записи в…

…в ее тело. Солнце Европы. Улицы незнакомого города.

Афины. Греческие буквы вывесок и запах пыли…

…и запах пыли.

Смотреть ее глазами (думая о том, что эта женщина еще не встретила тебя, — ты только-только выбрался из Техаса) на серый монумент, на лошадей из камня, с которых взлетают вверх и кружат

вокруг голуби… и статика охватывает любимое тело, стирает до серости и чистоты. Волны белого звука разбиваются о пляж, которого нет. И пленка кончается.

* * *

Горит огонек индуктора.

Паркер лежит в темноте, вспоминая, как водопадом осколков рассыпалась голограмма розы. Это свойство присуще любой голограмме — подобранный и должным образом освещенный, каждый осколок покажет полное изображение. Проваливаясь в дельту, он видит в розе себя: каждый разрозненный фрагмент воспоминаний несет в себе целое, которого он никогда не знал… Украденные кредитные карточки… выжженный пригород… сочетания планет незнакомки… горящий на трассе бензовоз… плоский пакетик наркотиков… заточенный о бетон кнопочный нож, узкий и острый как боль.

И думает: так, значит, все мы осколки друг друга и так было всегда? И то мгновение путешествия в Европу, затерянное посреди серого океана стертой кассеты? Стала она теперь ближе или реальнее оттого, что он тоже побывал там?

Она помогла ему получить документы, нашла

первую работу на ПСВ. Это их история? Нет, история — это черная поверхность дельта-индуктора, пустой шкаф и незастланная постель. История — это его отвращение к совершенной машине тела, в котором он просыпается, если падает напряжение; это гнев на рикшу и ее отказ оглянуться сквозь ядовитый дождь.

Однако каждый осколок показывает розу под иным углом, вспоминает он, — но дельта накатывает, накрывает его с головой, прежде чем он успевает спросить себя, что именно это значит.

Принадлежность[131]
Джон Ширли, Уильям Гибсон

Это могло произойти и в «Клубе Жюстины», и в «Джимбо», и в «Печальном Джеке», и в «Причале»; Коретти так и не вспомнил, где он встретил ее впервые. В любое время она могла оказаться в любом из этих баров. Она плыла сквозь подводный полумрак бутылок, стаканов и медленных клубов сигаретного дыма… из бара в бар, она всюду была в своей стихии.

Теперь Коретти вспоминал сцену их первой встречи, будто разглядывая в мощный телескоп, только не в окуляр, а в объектив, — миниатюрную, четкую и очень-очень далекую.

Впервые он обратил на нее внимание в баре «С черного хода». Этот бар назвали так потому, что попасть в него можно было из узкого переулка. Стены окрестных домов исписаны граффити, фонари, забранные решетками, облеплены мотыльками. Под ногами хрустят обломки битого кирпича. Затем попадаешь в тускло освещенное помещение, сохранившее приметы дюжины

---

[131] notes: 131
Перевод В. Ларионова под ред. А. Черткова

других заведений, которые когда-то здесь были, а потом исчезли вместе с хозяевами. Коретти иногда наведывался сюда, потому что ему нравилась усталая улыбка чернокожего бармена, а еще потому, что немногочисленные посетители не слишком ему докучали.

Ему плохо удавались разговоры с незнакомцами — и на вечеринках, и в барах.

В муниципальном колледже, где он преподавал начальный курс лингвистики, Коретти чувствовал себя легко — мог, например, поговорить с руководителем кафедры о согласовании времен и ключевых словах в типичных фразах для завязывания разговора. Но с чужаками разговор не клеился. На вечеринках он почти не бывал. А в бары захаживал частенько.

Коретти не умел одеваться. Если искусство одеваться — это язык, то Коретти страдал заиканием; он не умел выглядеть так, чтобы постороннему человеку было легко с ним общаться. Его бывшая жена говорила, что он одевается как марсианин, что по его одежде нельзя определить, к какому кругу он принадлежит. Ему не нравились ее слова, потому что они были правдой.

У него никогда не было девушки, похожей на ту, что сидела, слегка изогнув спину, в мерцании

подводных огней «черного хода». Тот же хмельной свет играл в темных очках бармена, искрился в горлышках разномастных бутылок, расплескивался в зеркале. В этом свете ее одежда — платье с оголенной спиной и глубоким вырезом — казалась зеленой, цвета молодой кукурузы; боковые разрезы платья высоко открывали бедра. Волосы ее в тот вечер отливали медью. А глаза… в тот вечер они были зеленые.

Он решительно прошел к стойке бара меж пустых — хром и пластик — столов и заказал себе чистый бурбон. Сбросил пальто с капюшоном, свернул и положил на колени, усевшись через табурет от нее. Господи, воскликнул он мысленно, да она же подумает, что я пытаюсь скрыть эрекцию! И неожиданно понял, что ему и вправду есть что скрывать. Посмотрел в зеркало за стойкой бара и увидел мужчину лет за тридцать с редеющими темными волосами и бледным худым лицом, с длинной шеей, торчащей из воротника яркой нейлоновой рубашки с изображениями автомобилей выпуска 1910 года трех разных расцветок. На нем был черно-коричневый галстук в косую полоску, слишком узкий, пожалуй, для такого воротника. А может, цвет неподходящий. В общем, что-то не то.

Рядом с ним, отражаясь в темной глади зеркала, сидела зеленоглазая женщина, похожая на Нежную Ирму.[132] Однако, вглядевшись внимательнее, он поежился. В ее лице было что-то от животного. Очаровательное личико, но… простенькое, двумерное и в то же время с хитрецой. Когда поймет, что я на нее смотрю, подумал Коретти, она одарит меня пренебрежительно-удивленной улыбкой — а на что еще можно рассчитывать?

— Простите, — решился он, — вы позволите… э-э-э… предложить вам стаканчик?..

В таких ситуациях на Коретти часто нападали «учительские судороги». «Э-э-э…» Его передернуло. «Э-э-э…»

— Вы хотите предложить мне… э-э-э… выпить? Что ж, очень любезно с вашей стороны, — к изумлению Коретти, ответила она. — Это было бы очень приятно. — Он вдруг осознал, что ее речь столь же скованна и неуверенна, как и его. Она добавила: — Стаканчик «Тома Коллинза» по такому поводу был бы вполне уместен.

---

[132] notes: 132

«Нежная Ирма» (Irma La Douce, 1963) — фарсовая комедия Билли Уайлдера с Джеком Леммоном и Ширли Маклейн в главных ролях, экранизация популярного французского водевиля о проститутке и покровительствующем ей полицейском.

«По такому поводу»? «Уместен»? Сбитый с толку, Коретти заплатил за две порции.

Крупная деваха в джинсах и широкополой ковбойской шляпе навалилась животом на стойку рядом с Коретти и попросила бармена разменять мелочь. «Общий привет», — бросила она, затем повернулась к музыкальному автомату и запустила «Это из-за тебя наши дети безобразны» Конуэя и Лоретты.[133] Коретти повернулся к девушке в зеленом и, запинаясь, прошептал:

— Нравится ли вам кантри-энд-вестерн?

«Нравится ли вам…» Он мысленно застонал и попытался выдавить из себя улыбку.

— Да, разумеется, — ответила она слегка в нос. — Очень нравится.

Деваха-ковбой уселась рядом с Коретти и, подмигнув, спросила у девушки:

— Что, проблемы? Этот страшилка к тебе пристает?

И девушка в зеленом с глазами животного ответила:

— Да что ты, милка, я и сама глаз на него поло-

---

[133] notes: 133

«Это из-за тебя наши дети безобразны» («You're the Reason Our Kids are Ugly») — выпущенная в 1978 г. (на оборотной стороне сингла «From Seven Till Ten» — «С семи до десяти») песня кантри-дуэта Конуэя Твитти (1933–1993) и Лоретты Линн (р. 1932).

жила. — И рассмеялась.

Рассмеялась в самую меру. Диалектолог, сидевший внутри Коретти, беспокойно заерзал: уж слишком полным оказалось изменение и в построении фраз, и в интонации. Актриса? Талантливая подражательница? Внезапно в памяти всплыло слово «пародистка», но Коретти отбросил его и уставился на отражение девушки в зеркале: ряды бутылок обрамляли ее грудь, как стеклянное ожерелье.

— Я — Коретти. — Стараясь справиться с вербальным полтергейстом, он неожиданно для самого себя попытался напялить личину крутого парня. — Майкл Коретти.

— Оч'приятно, — ответила она так, чтобы не слышала соседка; и снова ее голос звучал иначе — как неудачная пародия на Эмили Пост.[134]

— Конуэй и Лоретта, — ни к кому не обращаясь, произнесла деваха-ковбой.

— Антуанетта, — сказала девушка в зеленом, слегка кивнув.

Она допила бокал, сделала вид, будто смотрит на часы, с кольнувшей вежливостью сообщила, что «ей-было-очень-приятно», и ушла.

---

[134] notes: 134

Эмили Пост (1872–1960) — американская писательница, специализировавшаяся на вопросах этикета.

Десятью минутами позже Коретти шел вслед за ней по Третьей авеню. Он в жизни никого не выслеживал и потому был взволнован и слегка напуган. Казалось бы, сорок футов, разделявшие их, — это далеко, но что, если она вздумает оглянуться?

На Третьей авеню не бывает темно. На пустынной улице в свете уличного фонаря, как под огнями рампы, она стала изменяться.

Она как раз переходила на другую сторону. Сошла с тротуара и… Началось с оттенка волос — Коретти сперва подумал, что это из-за бликов. Но поблизости не было неоновых ламп, которые отбрасывали бы скользящие и расплывающиеся, словно нефтяные пятна, круги. Потом все цвета сошли на нет, и три секунды спустя она оказалась блондинкой. Коретти был уверен, что над ним подшутило освещение, но тут одежда ее начала корчиться, закручиваясь вокруг тела, как пластиковая обертка, а потом частично отвалилась и ошметками упала на панель, будто шкура сказочного животного. Когда Коретти проходил мимо, на тротуаре оставался лишь тающий зеленоватый дымок. Он поднял взгляд на девушку — она уже была одета иначе, в зеленый переливающийся атлас. Туфли тоже стали другими. Спина

была обнажена, если не считать узких полосок, перекрещивавшихся над копчиком. Волосы стали короткими, ежиком.

Он обнаружил, что стоит, прислонившись к зеркальной витрине ювелирной лавки, и с трудом хватает ртом сырой осенний воздух. За два квартала доносилась пульсация дискотеки. По мере того как девушка приближалась туда, движения ее неуловимо менялись — чуть по-другому покачивались бедра, иначе стучали каблуки по тротуару. Охранник впустил ее, слегка кивнув. А вот Коретти он остановил, долго пялился на водительские права, с сомнением поглядывал на его шерстяное пальто. Коретти бросал нетерпеливые взгляды на размытые огни молочно-белой пластиковой лестницы. Девушка исчезла там, среди механических вспышек и навязчивого грохота.

Охранник неохотно пропустил его, и Коретти торопливо зашагал по ступенькам, вспугивая огни, которые сочились сквозь полупрозрачные пластиковые ступени.

Коретти ни разу еще не был в дискотеке. Место это было прекрасно приспособлено для полной отключки. Нервничая, он пробирался сквозь дергающуюся разодетую толпу, сквозь электронный урбанистический ритм, бьющий из гигантских

динамиков. Почти ослепленный вспышками стробоскопа, он пытался разыскать ее в набитом зале.

Наконец нашел — в баре: она потягивала ядовитого цвета коктейль из высокого бокала и внимательно слушала юношу в просторной рубашке из светлого шелка и обтягивающих черных брюках. Время от времени она вежливо кивала. Коретти поймал взгляд бармена и кивнул на бутылку бурбона. Девушка выпила один за другим пять коктейлей со льдом, а потом отправилась танцевать со своим спутником.

Ее движения были в полном согласии с музыкой; грациозно, без искусственности, она выполняла все положенные фигуры. Ни единого сбоя. Ее спутник танцевал явно механически, с усилием заставляя себя выполнять ритуал.

Когда танец кончился, она резко повернулась и исчезла. Толпа будто всосала ее в себя.

Коретти врезался в гущу людей вслед за ней, не упуская ее из виду, — и только он один успел заметить, как девушка меняется. Когда она дошла до выхода, волосы стали каштановыми, а платье — длинным и голубым. В прическе, над правым ухом, расцвел белый цветок; волосы теперь были прямые и длинные. Бюст стал чуть больше, а

бедра тяжелее. Она сбегала через ступеньку, Коретти забеспокоился — не упала бы. Ведь столько выпито.

Но алкоголь, похоже, совсем на нее не действовал.

Не теряя девушку из виду, Коретти шел следом. Сердце его колотилось быстрее, чем ритм оставшегося позади клуба. В любое мгновение она может обернуться, увидеть его, позвать на помощь.

Пройдя два квартала по Третьей, она свернула в «Лотарио». Походка неуловимо изменилась. В «Лотарио» было спокойно — кабинки, обвитые плющом, с зеркалами в стиле ар-деко. Поддельные светильники «Тиффани»,[135] свисавшие с потолка, чередовались с вентиляторами, большие деревянные лопасти которых вращались слишком медленно, чтобы разогнать клубы дыма, плывущие сквозь гул захмелевших голосов. После дискотеки в «Лотарио» казалось особенно уютно. Пианист в рубашке с закатанными рукавами и в небрежно повязанном галстуке наигрывал джаз, мелодия не заглушала голоса и

[135] notes: 135

Луис Комфорт Тиффани (1848–1933) — американский художник и дизайнер, прославившийся изделиями из стекла в стиле модерн (предшествовавшем ар-деко).

смех, доносившиеся из-за десятка столиков.

Она была в баре. Занята была лишь половина табуретов, но Коретти предпочел сесть за столик у стены, в тени миниатюрной пальмы. Заказал бурбон.

Выпил и заказал еще. Что-то ему сегодня никак не захмелеть.

Она сидела рядом с молодым человеком — еще одним молодым человеком, с непримечательным, с правильными чертами, лицом. На нем была желтая рубашка для гольфа и тесные джинсы. Бедро девушки касалось его ноги — чуть-чуть. Похоже, они не разговаривали, но Коретти чувствовал, что они каким-то образом общаются. Они молча сидели, слегка склонившись друг к другу. Коретти стало неуютно. Пошел в туалет, сполоснул лицо водой, а на обратном пути постарался пройти футах в трех от них. Пока он не оказался вблизи, их губы не шевелились.

Коретти услышал обычный треп:

— …видела его старые фильмы, но…

— Вам не кажется, что он очень уж любуется собой?..

— Пожалуй, но ведь в каком-то смысле…

И тут Коретти наконец понял, кто они такие — или, вернее, кем они должны быть. Они были

из той породы людей, которая выведена, казалось, специально для баров. Нет, они не пьяницы; они — одушевленные приспособления. Функциональные части бара. Принадлежности.

Что-то внутри зудело, толкало на стычку. Он подошел к своему столику, но обнаружил, что ему не усидеть. Обернулся, судорожно глотнул воздуха и на деревянных ногах направился к бару. Ему хотелось коснуться этого бархатистого плеча и спросить, кто она такая, а точнее, что она такое. Чтобы в голосе прозвучала холодная ирония оттого, что это ему, Коретти, одетому по марсианской моде, соглядатаю, чужаку, одежда и речь которого никогда не соответствовали обстоятельствам, удалось-таки раскрыть их секрет.

Но запала не хватило; все, что он сумел сделать, — сесть рядом с ней и заказать бурбон.

— Но разве вы не согласны, — спросила она своего спутника, — что все это относительно?

Места рядом с ее спутником заняла пара, которая рассуждала о политике. Антуанетта и Рубашка-для-Гольфа мгновенно переключились на политику. Они говорили в точности так громко, чтобы их голоса выдавались из фонового шума. На лице ее во время беседы не отражалось ровным счетом ничего. Как у птички, чирикаю-

щей на ветке.

Она так уютно устроилась на табурете, будто он был ее гнездышком. За выпивку платил Рубашка-для-Гольфа. Каждый раз у него было ровно столько мелочи, сколько нужно, кроме тех случаев, когда он хотел оставить на чай. Коретти наблюдал, как они методично вылакали по шесть коктейлей каждый, — будто насекомые, насыщающиеся нектаром. Но голоса их не стали громче, щеки не раскраснелись, а когда они наконец поднялись, в походке не было и следа опьянения. Вот это напрасно, подумал Коретти, это недостаток в их маскировке.

За все время, пока он следовал за ними еще по трем барам, они не обратили на него ни малейшего внимания.

В «Уэйлоне» они перевоплотились так быстро, что Коретти чуть их не упустил. Место было из тех, где на дверях туалетов красуются надписи: «Для пойнтеров» и «Для сеттеров», а над подносами с вяленым мясом и сосисками — сосновая дощечка, на которой накорябано: «С банками у нас договоренность. Они не подают пива — мы не принимаем чеки».

Там она оказалась толстушкой с темными кругами под глазами. На синтетических брюках

— кофейные пятна. Ее спутник теперь был в джинсах, футболке и красной бейсбольной кепке с красно-белой эмблемой клуба «Питербилт». Коретти рискнул выпустить их из-под наблюдения. Отправился к «пойнтерам» и обалдело простоял там с минуту, в замешательстве разглядывая картонку с надписью: «Наша цель — позаботиться; ваша забота — прицелиться».

Вблизи порта Третья авеню терялась в каменном лабиринте. В последнем квартале панель через равные промежутки была размечена пятнами блевотины. Старики, навеки забытые за дымчато-зеркальными стеклами захудалых отелей, клевали носом перед экранами черно-белых телевизоров.

Бар, который эта парочка отыскала, названия не имел. Давно не мытое окно украшал вот-вот готовый отвалиться бубновый туз; лицо бармена походило больше на стиснутый кулак. УКВ-приемник в пластиковом корпусе под слоновую кость исторгал софт-рок на неровные ряды пустых столиков. Подкреплялись подопечные Коретти пивом и виски. Теперь они оказались неприметной пожилой парой. Они потягивали свое пойло и надсадно выкашливали дым «Кэмела». Смятую пачку она вытащила из кармана грязно-рыжего

дождевика.

В два двадцать пять они оказались в лаундж-баре под самой крышей нового гостиничного комплекса, вознесшегося над причалом. На ней было вечернее платье, на нем — темный костюм. Они пили коньяк и делали вид, что восторгаются ночными огнями. Пока Коретти смаковал свой стакан «Уайлд тёрки», они выпили по три порции коньяка.

Пили они до самого закрытия. Коретти последовал за ними в лифт. Они вежливо улыбнулись, но больше никак не отреагировали на его присутствие. Перед входом в отель стояли два такси; они заняли одно, Коретти — другое.

— За тем такси, — осипшим голосом бросил Коретти, сунув последнюю двадцатку водителю — стареющему хиппи.

— Будь спок, шеф, будь спок!..

Они сели им на хвост и преследовали шесть кварталов, пока первое такси не остановилось у другого отеля, поскромнее. Пассажиры вышли из машины и направились к дверям отеля. Коретти медленно, тяжело дыша, вылез.

Он был болен мучившими его подозрениями: эта женщина — совсем не женщина, она — воплощенное соответствие окружению, удачно

подобранные обои в человеческом облике. Коретти постоял, пристально разглядывая отель, — и сдался. Нервы не выдержали.

Он пошел домой. Шестнадцать кварталов. По пути он вдруг осознал, что совершенно трезв. Как стеклышко.

* * *

Утром он позвонил, чтобы отменить первую лекцию. Правда, и похмелья-то не было. Во рту не пересохло, а разглядывая себя в зеркале ванной, Коретти заметил, что глаза не налиты кровью.

После обеда он заснул и видел во сне людей с овечьими лицами, которые отражались в зеркальных стенах, за рядами бутылок.

* * *

В тот вечер он вышел поужинать — но ничего не ел. Не лезло в рот. Он поковырял для виду в тарелке, заплатил и пошел в бар. Потом в другой. И в следующий — всюду он высматривал ее. Теперь он пользовался кредитной карточкой, хотя уже основательно задолжал «Визе». Если Коретти и видел девушку, то не узнал.

Иногда он принимался следить за отелем, в

который она вошла в последний раз. Пристально вглядывался в каждую входившую и выходившую пару. Не то чтобы надеялся узнать ее только по одному внешнему виду — нет, должно быть *ощущение*, своего рода интуитивное опознание. Он наблюдал за парами, но уверен ни разу не был.

Несколько недель он обходил все до единого кабаки в городе. Вооружившись сперва картой и пятью рваными телефонными книгами, он постепенно смещался ко все менее известным заведениям, телефонные номера которых в справочниках не упоминались. В иных и телефонов-то не было. Он вступал в подозрительные частные клубы, отыскивал нелицензированные забегаловки, работавшие после официального закрытия, куда выпивку надо было приносить с собой. Коретти пришлось понервничать в клубах, где в темноте занимались таким экзотическим сексом, о существовании которого он и не подозревал.

Он продолжал ежевечернее патрулирование, всякий раз начиная «С черного хода». Ни разу ее там не заставал, и в следующем баре тоже. Бармены его уже узнавали и были рады, потому что пил он непрерывно и, похоже, никогда не

пьянел. Так он и сидел, вглядываясь в других завсегдатаев, — что дальше?

Коретти потерял работу.

Он слишком часто отменял лекции. Настолько увлекся, что следил за отелем даже днем. Его слишком часто встречали в барах. Похоже, он перестал менять одежду. Отказался от вечерних занятий. Мог прервать лекцию на полуслове и с отсутствующим взором уставиться в окно.

Втайне он был доволен тем, что его вышибли. На него уже стали коситься на факультетских ланчах, когда он не мог притронуться к еде. Да и времени для поисков прибавилось.

Коретти обнаружил ее в среду, в два часа пятнадцать минут пополуночи, в гей-баре под названием «Конюшня». Обшитые досками стены, свешивающиеся отовсюду уздечки и прочий ржавый фермерский хлам. Крепкие духи, хохот, пиво. Она была среди местных веселых сестренок — в платье с голубыми блестками, с зеленым пером в тщательно уложенных каштановых волосах. Сквозь нахлынувшее облегчение Коретти ощутил что-то вроде восторга, странное чувство гордости за нее — и ей подобных. Она и здесь была принадлежностью. Идеальный фэг-хэг, не представляющий ни малейшей угрозы ни «коро-

левам», ни их партнерам. Ее спутник предстал в тот раз мужчиной неопределенного возраста: слегка посеребренные виски, пушистый ангорский свитер, плащ на подкладке.

Они медленно пили, потом, смеясь — как раз в меру! — направились в дождь. У дверей стояло такси, его дворники двигались точно в такт ударам сердца Коретти.

Неловко перепрыгнув через лужу на панели, Коретти юркнул в такси, трепеща в ожидании их реакции.

Коретти уселся на заднем сиденье, позади нее.

Мужчина с седыми висками поговорил с водителем. Тот пробурчал что-то в свой микрофон, переключил скорость, и они отплыли в дождь и в уличную тьму. Коретти не замечал проносившихся мимо зданий — он представлял, как такси останавливается, седой мужчина и хохочущая женщина выкидывают его из машины и, смеясь, тычут пальцами на ворота сумасшедшего дома. Или: такси останавливается, пара поворачивается к нему, печально мотая головами. И еще десяток раз он представлял, как такси останавливается в пустынном переулке и они спокойно душат его. Коретти, мертвый, валяется под дождем. Потому что он — чужак.

Но они подъехали к его отелю.

В тусклом свете лампы Коретти внимательно наблюдал, как мужчина полез за отворот плаща, чтобы достать деньги. Коретти отчетливо видел, что подкладка сливалась в одно целое со свитером. Не было там ни бумажника, ни кармана. Но вдруг образовалась щель, расширилась, когда в нее вошли пальцы, и исторгла деньги. Щель произвела на свет три сложенные банкноты. Деньги были чуть влажные. Когда мужчина развернул их, они высохли, как крылышки мотылька, только что появившегося на свет.

— Сдачи не надо, — сказал человек-принадлежность, вылезая из машины.

Антуанетта скользнула наружу, Коретти отправился за ней, видя перед собой только щель в плаще. Влажную, окаймленную красным, похожую на жабры.

Портье в пустом вестибюле был поглощен кроссвордом. Пара спокойно прошла к лифту, Коретти неотступно следовал за ними. Он попытался поймать ее взгляд, но она не обратила на него ни малейшего внимания. А когда лифт поднялся семью этажами выше того, на котором жил Коретти, она наклонилась и понюхала хромированную настенную пепельницу — как

собака принюхивается к земле.

Жизнь в отелях не замирает даже глубокой ночью. В коридорах не бывает тишины. Не умолкают едва слышные вздохи, шорох простынь, кто-то бормочет во сне. Но в коридоре девятого этажа, показалось Коретти, царил идеальный вакуум; туфли его беззвучно ступали по бесцветному ковру; даже испуганное биение сердца поглощалось неярким рисунком обоев.

Он пытался считать маленькие пластиковые овалы, прикрепленные к дверям, — на каждом по три цифры, но коридор, казалось, тянулся в бесконечность. Наконец мужчина остановился перед дверью, фанерованной, как и все остальные, под красное дерево, и приложил руку к замку. Ладонь тихо легла на металл. Что-то мягко скрипнуло, затем механизм щелкнул, и дверь распахнулась. Он отнял руку — Коретти увидел серо-розовое серебро кости, которая еще не потеряла форму ключа, втягивающейся, влажно поблескивая, в ладонь.

Света в комнате не было, но тусклое неоновое сияние городских огней сочилось сквозь зеркальные стекла; в этом сиянии он увидел лица десятка — или больше? — людей, застывших сидя на кровати, на кушетке, в креслах, на ку-

хонных табуретах. Сперва ему показалось, что их глаза открыты, но тут же осознал, что спящие зрачки скрыты под мембранами, под третьим веком, а слабый неоновый свет, падающий из окна, отражается в нем. Одеты они были в то, в чем покинули последний бар; бесформенный балахон Армии спасения соседствовал с ярким прогулочным костюмом, вечернее платье — с пропыленной фабричной одеждой, байкерская кожа — с твидом от Харриса. Во сне исчезло все их сомнительное человекоподобие.

Они сидели как на насестах.

Его пара расположилась на краю полированного кухонного стола, а Коретти в нерешительности замер, стоя посреди ковра. Казалось, световые годы отделяют Коретти от остальных, но что-то призывало его преодолеть это расстояние, суля покой, мир и принадлежность. И все-таки он колебался, содрогаясь от нерешительности, которую источало, казалось, все его существо.

Он стоял, пока они не открыли глаза — все разом; мембраны скользнули в сторону, обнажив чужеродное спокойствие обитателей самых глубоких океанских впадин.

Коретти вскрикнул, бросился бежать, промчался по коридорам, потом вниз, по гулким

лестничным пролетам, под холодный дождь, на пустынную улицу.

В свой номер на третьем этаже Коретти так и не возвратился. Скучающий гостиничный детектив сгреб в кучу книги по лингвистике, единственный чемодан с одеждой — все это пошло потом на распродажу. Коретти снял комнату у суровой трезвенницы-баптистки, которая заставляла своих постояльцев молиться перед каждой трапезой — малосъедобной, впрочем. Она ничего не имела против того, что Коретти в этих трапезах не участвует: он объяснил ей, что его бесплатно кормят на работе. Лгал он теперь легко и искусно. Никогда не пил в пансионе и ни разу не пришел пьяным. Конечно, мистер Коретти не без странностей, но платит за квартиру исправно. И никакого от него беспокойства.

Коретти прекратил розыски. Перестал ходить в бары. Пил из бумажных пакетов по пути на работу и с работы — он теперь работал в типографии, а в промышленной зоне баров почти не было.

Работал по ночам.

Иногда на рассвете, пристроившись на краешке неразобранной постели, окунаясь в сон, — он теперь никогда не спал лежа, — он думал о ней. Об Антуанетте. И о них. О принадлежностях. Ино-

гда он сонно размышлял… Наверное, они нечто вроде домашних мышей — мелкие животные, способные выжить только рядом с человеком.

Животные, которые существуют только благодаря потреблению алкоголя. Со специфическим метаболизмом, который превращает спирт и различные белки из коктейлей, вина и пива во все, что им может понадобиться. А внешность они меняют для самозащиты, как хамелеон или камбала. Так они могут выжить среди нас. А может быть, думал Коретти, в своем развитии они проходят несколько стадий. Сперва они выглядят совсем как люди, едят человеческую пищу, а свое отличие замечают, только когда их охватывает беспокойное ощущение чуждости.

Животные со своими уловками, со своим собственным набором инстинктов городских обитателей. И со способностью чувствовать себе подобных, когда те поблизости. Может быть.

А может быть, и нет.

Коретти погрузился в сон.

В среду (он уже три недели как работал на новом месте) хозяйка открыла дверь — она никогда не стучалась — и сообщила, что его просят к телефону. Голос ее был привычно подозрительным; Коретти пошел за ней по темному коридору в

гостиную на втором этаже.

Поднеся старомодный черный прибор к уху, он сперва не услышал ничего, кроме музыки, а затем звуковая завеса распалась на амальгаму разговоров. Смех. Голос так и не прорвался сквозь знакомые звуки бара, но фоном была мелодия «Это из-за тебя наши дети безобразны».

А потом трубку повесили — пошли гудки отбоя.

* * *

Позже, в комнате, прислушиваясь к доносившейся снизу твердой поступи хозяйки, Коретти понял, что больше ему незачем здесь оставаться. Вызов пришел. Но хозяйка требовала уведомить ее за три недели. Значит, Коретти ей должен. Инстинкт подсказал, что деньги следует оставить.

В соседней комнате кашлял во сне рабочий-христианин. Коретти поднялся и спустился в холл к телефону. Позвонил начальнику вечерней смены, что увольняется. Повесил трубку, вернулся в комнату, запер за собой дверь, затем медленно стянул с себя одежду, оставшись нагишом перед яркой литографией Иисуса в рамке над коричневым металлическим бюро.

Потом он отсчитал девять десяток. Аккуратно

положил их возле тарелочки с изображенными на ней молитвенно сложенными руками.

Очаровательные денежки. Очень хорошие денежки. Он их сам сделал.

* * *

В этот раз он не захотел беседовать. Она пила «Маргариту», он заказал то же самое. Она заплатила, вытащив деньги неуловимым движением откуда-то из глубокого выреза платья. Он успел заметить, как там смыкаются жабры. В нем что-то возбудилось, но это не было связано с эрекцией.

После третьей «Маргариты» их бедра соприкоснулись, и по его телу поплыли медленные волны оргазма. Напряжение было сосредоточено в том месте, где они касались друг друга, — размером не больше ссадины у него на пальце. Он раздвоился: один, тот, что внутри, сливался с ней в абсолютном клеточном единстве, а оболочка, небрежно развалившаяся на табурете, положив локти на стол по обе стороны от бокала, крутила в пальцах трубочку для коктейля. Задумчиво улыбаясь в прохладном полумраке.

Лишь на мгновение — на одно-единственное мгновение — смутное беспокойство вынудило Коретти бросить взгляд вниз, где пульсировали

нежно-рубиновые трубочки и трудились щупальца с жадными губками. Будто сплетенные усики двух странных анемон.

Они спаривались, и никто об этом не подозревал.

А бармен, принеся очередную порцию выпивки, выдавил усталую улыбку и сказал:

— Все льет, а? И как ему не надоест?

— И всю неделю так, будь он неладен, — ответил Коретти. — Хлещет как из ведра.

Он выговорил это совершенно правильно. Будто настоящий человек.

Зона влияния[136]

Когда Хиро щелкнул переключателем, мне снился Париж зимой, его мокрые темные улицы. Боль, вибрируя, поднялась со дна черепа, взорвалась в глубине глаз полотнищем голубого неона. Распрямившись, как пружинный нож, я с воплем вылетел из гамака. Я всегда кричу. Считаю это обязательным. В мозгу бушевали волны обратной связи. Переключатель боли — это вспомогательный контакт в имплантированном костефонном передатчике, подключенный прямо к болевым центрам: именно то, что нужно, чтобы прорваться сквозь барбитуратный туман суррогата. Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы мир снова стал на место. Сквозь дымку снотворного всплывали айсберги биографии: кто я, где я, что я тут делаю, кто меня будит.

Голос Хиро то и дело пропадал, в мою голову он проходил через все тот же костефон.

— Черт тебя побери, Тоби! Знаешь, как бьет по ушам, когда ты так орешь?

— А пошел ты со своими ушами, доктор Нага-

---

[136] notes: 136
Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

сима, знаешь куда?.. Мне до твоих ушей как до…

— Нет времени на любовную литанию, мой мальчик. У нас работа. Кстати, что там за пятидесятимилливольтовые всплески в твоей височной кости, а? Подмешиваешь что-то к транквилизаторам, чтобы расцветить сны?

— У тебя энцефалограф дурит, Хиро. И сам ты псих. Я просто хочу поспать…

Рухнув обратно в гамак, я попытался закутаться в темноту, но навязчивый голос уходить не желал:

— Прости, дружок, но ты сегодня работаешь. Час назад вернулся очередной корабль. Бригада шлюзовщиков уже на месте. Сейчас как раз отпиливают двигатель, чтобы корабль прошел в люк.

— Кто в нем?

— Лени Гофманшталь, Тоби. Физхимик, гражданка Федеративной Республики Германия. — Он подождал, пока я перестану стонать. — Есть подтверждение: это пушечное мясо.

Чудный рабочий сленг мы тут выработали. Он имел в виду вернувшийся корабль с включенной медицинской телеметрией, в котором имелось 1 (одно) тело, теплое, то есть живое; психологическое состояние космонавта пока не установлено. Я тихонько покачивался в темноте с зажмурен-

ными глазами.

— Похоже, ты — ее суррогат, Тоби. Ее профиль ближе всего к профилю Тейлора, но он пока в отлучке.

Знаю я, что это за «отлучка». Тейлор сейчас в сельхозотсеке, под завязку накачан амитриптилином и занимается аэробикой, чтобы сбить приступ очередной клинической депрессии. Типичное для суррогатов профзаболевание. Мы с Тейлором не ладим. Забавно, как обычно недолюбливаешь тех, чей психосексуальный профиль слишком уж похож на твой собственный.

— Эй, Тоби, где ты кайф берешь? — Ритуальный вопрос. — У Чармиан?[137]

— У твоей мамочки, Хиро.

Он так же хорошо, как и я, знает, что у Чармиан.

— Спасибо, Тоби. Через пять минут чтоб был у лифта в Райский Уголок, а не то я пошлю за тобой русских санитаров, уж они-то тебя поставят на ноги.

Тихонько покачиваясь в гамаке, я решил сыг-

---

[137] notes: 137

Аллюзия на роман «Псы войны» (1974) одного из любимых писателей Гибсона — Роберта Стоуна. Роман начинается с того, что журналист Джон Конверс соглашается помочь своей знакомой по имени Чармиан организовать доставку партии героина из Южного Вьетнама в Калифорнию.

рать в невеселую игру под названием «Местечко Тоби Хальперта во Вселенной». Не будучи эгоистом, помещаю в центр Солнце, светило, око дня. Теперь запускаем аккуратные планетки, нашу уютную Солнечную систему. А среди них зададим точку, расположенную приблизительно в одной восьмой пути от Земли до Марса. И вот они мы — внутри толстого приплюснутого цилиндра, похожего на уменьшенную в четыре раза модель «Циолковского-1», Рая Трудящихся на L5. «Циолковский-1» зафиксирован в точке либрации между Землей и Луной, нам же нужен световой парус, чтобы удержаться на месте. Масса у станции немалая: двадцать тонн, литой алюминиевый декаэдр, а длина — десять километров из конца в конец. Этот парус отбуксировал нас сюда с орбиты Земли, а теперь служит нам якорем. С ним мы лавируем галсами против потока фотонов, пока висим здесь рядом с Нечто — точкой, аномалией, которую мы зовем «Трассой».

Французы называют ее «le metro», то есть «подземка», а русские зовут «рекой», но «подземка» не передает расстояния, а понятие «река» для американцев лишено столь острого чувства одиночества. «Координаты Аномалии Товыевской» — название не хуже другого, если вы не против

помянуть Ольгу всуе. Ольга Товыевская — Богоматерь Сингулярности, Святая Патронесса Трассы.

Хиро не доверяет мне, не верит, что я встану сам. Перед самым появлением русских санитаров он со своего пульта включает свет в моей келье и оставляет его на несколько секунд мигать и заикаться, прежде чем огни ровным светом зальют портреты Святой Ольги. Их прикрепила к переборке Чармиан. Десятки изображений повторяют лицо Ольги в крупном зерне газетных фотографий, в журнальном глянце. Богоматерь Трассы.

* * *

Подполковник Ольга Товыевская, самая молодая женщина в этом звании среди советских космонавтов, держала путь на Марс в одиночном модифицированном «Алеуте-6». Новые двигатели и расширенный трюм позволяли кораблю отвезти на орбиту Марса новый образец очистителя воздуха. Агрегат предстояло испытать в обслуживаемой четырьмя космонавтами русской орбитальной лаборатории. С тем же успехом «Алеутом» могли бы управлять и по радио с «Циолковского», но Ольге хотелось заработать побольше часов летной выслуги. Впрочем, руководство позаботилось о том, чтобы она не

бездельничала: ей навязали серию рутинных экспериментов с радиовспышками для изучения космического водорода — заключительная часть каких-то второстепенных совместных исследований СССР и Австралии. Кому, как не Ольге, было знать, что ее в этих экспериментах вполне бы мог заменить кухонный таймер любой домохозяйки. Но она была сознательным офицером и нажимала кнопки точно через заданные интервалы.

С пышным узлом темно-русых волос под тончайшей ажурной сеткой, она, вероятно, представляла собой идеал «Труженицы космоса» из публикаций в «Правде», поскольку была, пожалуй, самой фотогеничной из космонавтов обоего пола. Еще раз сверясь с хронометром «Алеута», она занесла руку над кнопкой, которая запустит первую серию вспышек. Откуда было знать подполковнику Товыевской, что она приближается к той точке пространства, которая со временем станет известна как начало Трассы.

Когда она набрала шестизначную последовательность команд, «Алеут», пройдя эти последние километры, произвел радиовспышку — выброс энергии на частоте 1420 мегагерц, соответствующей спектру излучения атома водорода. Наблюдение вел радиотелескоп «Циолковского»,

который передавал сигнал на геосинхронные спутники связи, а те, в свою очередь, переправляли его вниз, на наземные станции в южной части Урала и в Новом Южном Уэльсе.

На три и восемь десятых секунды радиосилуэт «Алеута» забило эхо излучения.

Когда на экранах земных мониторов погасло остаточное свечение, выяснилось, что «Алеут» исчез.

На Урале средних лет грузин прокусил чубук любимой пеньковой трубки. В Новом Южном Уэльсе молодой физик принялся колотить по своему монитору, как разъяренный финалист по электрическому бильярду, не желая выпустить шарик из игрового поля.

* * *

Лифт, поджидавший меня, чтобы отвезти в Райский Уголок, казался взятым из голливудского реквизита — узкий высокий саркофаг в стиле «Баухауз», с блестящей акриловой крышкой. Ряды идентичных пультов уменьшались за ним, как на иллюстрации к главе по удаляющейся перспективе в школьном учебнике. Вокруг озабоченно сновала обычная толпа техников в клоунских костюмах из желтой бумаги. Я поискал глазами

синий комбинезон Хиро, но сегодня на нем была ковбойская рубашка с перламутровыми пуговицами, из-под которой выглядывала застиранная водолазка с надписью «UCLA».[138] Поглощенный каскадом сыпавшихся с экрана цифр, он меня не заметил. Как, впрочем, и все остальные.

Я стоял, глядя в потолок, он же — дно Рая. В потолке ничего райского не было. Наш цилиндр состоит, в сущности, из двух: один внутри другого. Внизу, во внешнем цилиндре, — это «внизу» мы устанавливаем сами при помощи осевого вращения — «мирские» стороны нашей деятельности: спальные отсеки, кафетерии, шлюзовая палуба, куда втягивают возвращающиеся суда, коммуникационный центр и Палаты, которые я старательно обхожу стороной.

Райский Уголок — внутренний цилиндр, сказочно зеленое сердце станции, воплощенная мечта зрелого Диснея о возвращении к истокам, жаждущее ухо голодной до информации мировой экономики. На Землю постоянно несется, пульсируя, поток неотсортированных данных: наводнение слухов, намеков, шепотков межгалактического дорожного движения. Раньше я

[138] notes: 138

University of California, Los Angeles — Южнокалифорнийский университет, Лос-Анджелес.

подолгу неподвижно лежал в гамаке и всем телом ощущал давление этого потока, чувствовал, как данные змеятся за переборками по напоминающим вены кабелям, которые я воображал перетянутыми и вздувшимися. Склеротические артерии вот-вот охватит спазм, который раздавит меня. Потом ко мне перебралась Чармиан; когда я рассказал ей о своих страхах, она заговорила этот поток магическими заклинаниями и развесила повсюду иконы Святой Ольги. И давление спало.

— Подключаю тебя к переводчику, Тоби. Тебе сегодня утром может понадобиться немецкий. — Голос Хиро песком скрипит в моем черепе. — Хилари…

— На связи, доктор Нагасима, — отозвался голос диктора Би-би-си, прозрачный, как кристалл льда. — Ты говоришь по-французски, Тоби, так ведь? Гофманшталь знает французский и английский.

— Держись от меня подальше, Хилари. Говори, когда тебя, черт побери, спрашивают, ясно?

Ее молчание легло еще одним слоем в затяжное путаное шипение статики. Поверх двух десятков пультов Хиро бросил на меня гневный взгляд. Я ухмыльнулся.

Начинается: возбуждение, приток адреналина

в кровь. Я чувствовал это даже сквозь последние клочья барбитуратной завесы.

Комбинезон мне помогал надевать блондин с лицом серфингиста. Комбинезон был одновременно и старым, и новым — тщательно потрепанный, пропитанный синтетическим потом и обычным набором феромонов. Оба рукава от кисти до плеча вымощены нашивками, по большей части с эмблемами корпораций-спонсоров воображаемой экспедиции по Трассе. Плечи украшали стежки торговой марки основного спонсора — предполагалось, что именно эта фирма послала «ХАЛЬПЕРТА ТОБИ» на его свидание со звездами. Хорошо хоть имя, вышитое над самым сердцем ярко-алыми заглавными буквами, мне оставили настоящее.

У серфингиста была стандартная внешность красивого мальчика, которая ассоциируется у меня с сотрудниками ЦРУ младшего звена, но на его бедже значилось: «Невский», а ниже то же самое было написано кириллицей — значит, КГБ. Он не «циолник»: ему не хватает той раскованности движений, какая приобретается за двадцать лет в искусственной биосреде на L5. Парнишка, судя по всему, москвич чистейшей воды, вежливый бюрократ, который, вероятно, знает восемь спо-

собов убить человека свернутой газетой. Вот мы приступаем к ритуалу «кармашки и наркотики». Невский опускает микрошприц, заправленный каким-то новым галлюциногеном-эйфориком, в кармашек у меня на запястье, отступает на шаг и делает отметку в своем планшете. Распечатанный там силуэт суррогата в комбинезоне кажется мишенью на стрельбище. Из кейса, прикованного цепью к руке, Невский извлекает пузырек с пятью граммами опиума, находит кармашек и для него. Делает отметку. Четырнадцать кармашков. Кокаин — в последний.

Хиро подошел как раз тогда, когда русский заканчивал процедуру.

— Может быть, у нее есть какие-нибудь данные в железе, Тоби. Помни, она все-таки технарь.

Странно было воспринимать его голос на слух, а не как вибрацию кости от имплантированного приемника.

— Там до хрена железа, Хиро.

— Мне ли этого не знать?

Он тоже чувствовал эту особую дрожь нервного возбуждения. Но нам с ним что-то никак не встретиться взглядом. Прежде чем станет совсем неловко, он повернулся и, подняв большой палец, кивнул одному из желтых клоунов.

Двое желтых помогли мне забраться в «баухаузовский» гроб и, когда зашипела опускающаяся, как забрало великанского шлема, крышка, отступили назад. Я начал свое восхождение в Рай на встречу с вернувшейся домой незнакомкой по имени Лени Гофманшталь. Недолгое путешествие, но мне казалось, что оно тянется целую вечность.

* * *

Ольга, наш первый автостопщик, первая из тех, кто поднял руку на длине волны водорода, добралась домой два года спустя. Однажды серым зимним утром в Тюратаме, посреди казахстанской степи, ее возвращение зафиксировали восемнадцать сантиметров магнитной пленки.

Если бы религиозный человек — да еще со знанием технологии кино — наблюдал за точкой в пространстве, где два года назад исчез Ольгин «Алеут», ему бы показалось, что Господь просто наложил кадр с изображением корабля на пленку с кадрами пустого космоса. Корабль вспыхнул на экране радаров в нашем пространственно-временном континууме как грубый спецэффект дилетанта. Еще неделя, и его никогда не настигли бы. Земля ушла бы своим путем, оставив Ольгу

и корабль дрейфовать в сторону Солнца. Через пятьдесят три часа после ее возвращения первый нервничающий доброволец по имени Курц, облаченный в бронированный рабочий скафандр, проник в люк «Алеута». Это был специалист по космической медицине из Восточной Германии. Его тайным пороком были американские сигареты. Ему отчаянно хотелось курить, пока он проходил воздушный шлюз, прокладывал себе дорогу мимо громоздкого куба очистителя воздуха и настраивал фонари шлема. «Алеут» даже два года спустя, казалось, был полон пригодного для дыхания воздуха. В двойном луче Курц увидел, как мимо проплывают крохотные шарики крови и блевотины, кружась в образовывавшихся за ним воздушных смерчиках. С трудом протиснувшись в тяжелом скафандре по центральному проходу, врач вошел в командный модуль. Там он ее и обнаружил.

Обнаженная, свернувшись невообразимым, почти животным узлом, она парила над навигационным дисплеем. Глаза ее были открыты, но устремлены на нечто, чего Курцу никогда не увидеть.

Окровавленные руки были сжаты в каменные кулаки, а русые волосы, теперь распущенные,

морскими водорослями плавали вокруг лица. Очень медленно и осторожно врач проплыл над белой клавиатурой командного пульта и закрепил свой скафандр у навигационного дисплея. Судя по всему, она принялась крушить коммуникационное оборудование голыми руками, решил он и активировал правую клешню скафандра. Та автоматически развернулась, как будто две пары зажимов решили уподобиться цветку. Курц протянул руку, все еще затянутую в герметичную серую хирургическую перчатку.

Потом как можно осторожнее разогнул пальцы ее левой руки. Ничего.

Но когда он разжал ее правый кулак, что-то вырвалось на свободу и, как в замедленной съемке, закувыркалось в нескольких сантиметрах от лицевого щитка его скафандра. Это что-то походило на морскую раковину.

Ольга вернулась домой, но жизнь так и не вернулась в ее голубые глаза. Естественно, врачи делали все возможное, чтобы привести ее в чувство, но чем больше они прилагали усилий, тем больше она истончалась. Одержимые жаждой знаний, они истирали ее все тоньше и тоньше, пока в своем мученичестве она не заполнила целые библиотеки застывшими рядами драгоценных

реликтов. Ни одного святого не препарировали столь тщательно. В лабораториях одного только Плесецка она была представлена более чем двумя миллионами срезов тканей, складированных в подземном бомбоубежище биологического комплекса.

С раковиной им повезло больше. Оказалось, что отныне наука экзобиология базируется на обескураживающе солидной основе — на целых одном и семи десятых грамма высокоорганизованной биологической информации определенно внеземного происхождения. Морская раковина Ольги породила совершенно новый раздел науки, посвященный изучению исключительно… морской раковины Ольги.

Предварительный анализ показал две вещи. Во-первых, раковина — продукт неизвестной биосферы земного типа, а так как подобных биосфер в Солнечной системе не существует, она могла попасть сюда только с другой звезды. А значит, Ольга где-то побывала или вошла в контакт — каким бы отдаленным, опосредованным он ни был — с кем-то или с чем-то, что способно или было способно совершить подобное путешествие.

В специально оснащенном «Алеуте-9» к «Координатам Товыевской» послали майора Гроса. За

ним следовал еще один корабль. Майор как раз производил последнюю из двадцати вспышек на волне излучения водорода, когда его судно исчезло. Ученые зафиксировали его отбытие и стали ждать. Двести тридцать четыре дня спустя он вернулся. Тем временем оставшийся корабль не переставал зондировать этот участок космоса, отчаянно выискивая хоть какое-нибудь специфическое отклонение, раздражитель, вокруг которого удалось бы выстроить теорию. Ничего, только неуправляемый «Алеут» Гроса. Майор покончил жизнь самоубийством, прежде чем они успели достичь корабля. Вторая жертва Трассы.

Отбуксировав «Алеут» на «Циолковский», они обнаружили, что высокоточные регистраторы девственно-чисты. Все приборы — в превосходном состоянии, но ни один из них не сработал. Тело Гроса заморозили и первой же челночной ракетой отправили в Плесецк, где бульдозеры уже рыли котлован для нового подземного комплекса.

Три года спустя, утром того дня, когда русские потеряли своего семнадцатого космонавта, в Москве зазвонил телефон. Звонивший представился директором Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки.

Он уполномочен, сообщил он, сделать некое предложение. На определенных, очень конкретных условиях Советский Союз может рассчитывать на помощь светил западной психиатрии. По сведениям его управления, продолжал голос, подобная помощь в настоящее время весьма желательна.

Его русский был великолепен.

* * *

Статические шумы костефона похожи на песчаную бурю в глубинах подсознания. Лифт скользит вверх по узкой шахте в полу Рая. Я считаю расположенные через двухметровые интервалы синие огни. После пятого — тьма и остановка.

Выход из лифта замаскирован внутри полого командного пульта, установленного в муляже стандартного корабля Трассы. В ожидании команды Хиро я ощущаю себя тайной, спрятанной за хитроумным поворачивающимся книжным шкафом из какой-нибудь страшилки, что рассказывают вечерами детям. Корабль — это подделка, муляж, вроде баварского замка, прилепленного к склону пластиковых гор в парке аттракционов: мелочь приятная, но не так чтобы обязательная. Если возвращающиеся как-то и реагируют на нас, то принимают как должное: наши «легенды» и

декорации особой роли не играют.

— Все чисто, — говорит Хиро. — Поблизости никаких клиентов.

Я рефлекторно помассировал шрам за левым ухом, где мне вскрывали череп, чтобы вживить костефон. Стенка муляжного пульта скользнула в сторону, впустив серый предрассветный свет Рая. Внутри поддельного модуля все было хорошо знакомым и одновременно чужим — как в собственной квартире после недельного отсутствия. С тех пор как я вот так же стоял здесь в прошлый раз, один из побегов бразильского плюща змеей прополз в левый иллюминатор, но, похоже, это было единственное изменение в декорациях.

На семинарах по биотектуре из-за этого плюща постоянно ведутся ожесточенные споры. Американские экологи кричат о возможной нехватке азота. А русские болезненно воспринимают все, что связано с биодизайном, с тех самых пор как им пришлось обращаться за помощью к американцам в экологической программе еще на «Циолковском-1». Там произошла неприятная история с грибком, пожиравшим у них гидропонную пшеницу; несмотря на всю свою сверхточную инженерию, русские никак не могут создать функциональную экосистему. Именно

экология и психиатрия открыли нам доступ к Трассе — русских это раздражает, поэтому они настаивают на бразильском плюще, да на чем угодно, лишь бы получить возможность спорить. Но мне это растение нравится: листья у него в форме сердечка, а если растереть между пальцами, они пахнут корицей.

Я стою у иллюминатора, глядя, как проясняются очертания поляны по мере того, как Рай заполняет отраженный солнечный свет. Рай живет по Гринвичу. Огромные майларовые зеркала поворачиваются где-то в космосе, следуя расписанию стандартного гринвичского рассвета. В древесных кронах включилась запись птичьего пения. Птицам тяжко приходится без естественной гравитации. Настоящих птиц мы себе позволить не можем: они неизменно сходят с ума, пытаясь приспособиться к центробежной силе.

Тому, кто впервые попадает сюда, кажется, что Рай вполне соответствует своему названию: пышный, прохладный и яркий, высокая трава усеяна полевыми цветами. Особенно если этот кто-то не знает, что бóльшая часть деревьев искусственные, а также — сколько сил уходит на то, чтобы поддерживать мало-мальски приближенное к оптимальному равновесие между

синезеленой и диатомовой водорослью в прудах. Чармиан говорит — она, мол, всякий раз ждет, что на поляну вот-вот, резвясь, выбежит Бэмби, а Хиро утверждает, что ему точно известно, со скольких инженеров «Диснея» взяли подписку о неразглашении в рамках Закона о национальной безопасности.

— С корабля Гофманшталь получены обрывки каких-то фраз, — говорит Хиро.

С тем же успехом он мог бы разговаривать сам с собой. Гештальт «суррогат-куратор» вступает в силу, и вскоре мы перестанем осознавать присутствие друг друга. Уровень адреналина идет на спад.

— Ничего связного… что-то вроде *Schöne Maschine*… «Хорошая машина»… «умная машина»… Хилари кажется, что Гофманшталь говорит довольно спокойно, но в остальном — чистая клиника.

— Ничего мне не рассказывай, ладно? Никаких надежд. Давай без предвзятости.

Я открыл люк и вдохнул воздух Рая: он был прохладным и освежающим, как белое вино.

— Где Чармиан?

Он вздохнул — мягкий порыв статики.

— Чармиан следовало быть на Пятой поляне,

присматривать за вернувшимся три дня назад чилийцем. Но ее там нет, она каким-то образом прослышала, что ты поднимаешься. Так что будет ждать тебя у пруда с карпами. Упрямая дрянь, — добавил он.

* * *

Чармиан бросала камешки в пруд с китайскими большеголовыми карпами. За одно ухо заткнута гроздь белых цветов, за другое — сигарета «Мальборо». Босые ноги у нее были грязными, штанины комбинезона она подтянула до колен. Черные волосы стянуты в конский хвост.

Впервые мы встретились на вечеринке в сварочной мастерской. Пьяные голоса гулко отдавались в сфере из легированной стали, в нулевой гравитации самодельная водка текла рекой. Кто-то, у кого был бурдюк с водой на опохмелку, выдавив пару пригоршней, умело слепил неряшливый шар поверхностного натяжения. Старая шутка: «Передайте воды». Но я в невесомости неловок. Когда шар полетел в мою сторону, я проткнул его рукой. Пришлось вытряхивать из волос тысячу мелких серебристых пузырьков, отмахиваться от них, кружась волчком, а женщина рядом со мной смеялась,

медленно описывая сальто. Высокая худощавая девушка с темными волосами. На ней были мешковатые штаны на завязках, какие туристы привозят с «Циолковского», и выцветшая футболка «НАСА» на три размера больше, чем нужно. Минуту спустя она уже рассказывала мне о лихих дельтапланеристских забавах в компании с десятью «циолниками» и о том, как они гордились слабенькой анашой, которую вырастили в одном из зерновых баков. О том, что Чармиан тоже суррогат, я не догадывался до тех пор, пока к костефону не подключился Хиро с сообщением, что вечеринка окончена. Через неделю Чармиан перебралась ко мне.

— Минутку, о'кей? — Хиро заскрипел зубами (ужасающий звук). — Одну. Уно.[139]

С этими словами он исчез, просто отключился, может быть, даже вырубил прием.

— Как дела на Пятой поляне? — Пристроившись возле Чармиан, я подыскал себе несколько камешков.

— Неважно. Мне нужно было от него избавиться ненадолго, и я накачала его снотворным. Мой переводчик сказал, что ты поднимаешься сюда.

---

[139] notes: 139
Uno *(исп., ит.)* — один.

У нее была та развидность техасского акцента, при которой «сад» звучит как «зад».

— Мне казалось, ты знаешь испанский. Твой ведь чилиец? — Я запустил камешком в пруд, он запрыгал по воде.

— Я говорю на мексиканском диалекте. Всезнайки из отдела культуры сказали, что ему бы не понравился мой акцент. И к лучшему. Я не поспеваю за ним, когда он слишком уж тараторит. — Один из ее камешков побежал за моим; когда он утонул, по воде пошли круги. — А тараторит он все время, — мрачно добавила она.

Большеголовый карп подплыл взглянуть, нельзя ли поживиться ее камнем.

— Он не выкарабкается. — Она не смотрела на меня, тон ее был совершенно нейтральным. — Малыш Хорхе определенно не выкарабкается.

Я выбрал из камешков самый вроде бы плоский и попытался запустить блинчики, но он утонул. Чем меньше я знаю о чилийце Хорхе, тем лучше. Я знал, что он вернулся живым — один из десяти процентов. Стандартная формулировка «DOA», «мертв по прибытии», применима к двадцати процентам случаев. Самоубийства. Семьдесят процентов «пушечного мяса» — автоматические кандидаты в Палаты: младенцы в пеленках,

бормочущие что-то под нос, в полной отключке. Чармиан и я — суррогаты для остающихся десяти процентов.

Сомнительно, чтобы Рай появился, если бы первые автостопщики привозили назад лишь ракушки. Рай построили после того, как вернулся корабль с французским космонавтом на борту. Мертвец сжимал в руке двенадцатисантиметровое колечко из магнитно-кодированной стали — черная пародия на счастливого малыша, выигравшего бесплатный круг на карусели. Мы, наверное, никогда не узнаем, где и как к нему попало это кольцо, но оно оказалось «розеттским камнем» для онкологии. С той минуты для человеческой расы настало время карго-культа. Ведь там, в космосе, мы можем насобирать такого, на что сами бы не наткнулись и за тысячу лет исследований. Чармиан говорит, мы похожи на тех бедолаг с далекого острова, которые все свои силы бросили на строительство посадочных полос, чтобы заставить вернуться больших серебряных птиц. А еще Чармиан говорит, что контакта с «высшей» цивилизацией не пожелаешь и заклятому врагу.

— Тоби, ты когда-нибудь задумывался, как им пришла в голову мысль о такой вот подставе? —

Она прищурилась на зарю, занимавшуюся на востоке нашей зеленой, лишенной горизонта цилиндрической страны. — В тот день собрались, наверное, все шишки, элита психиатрии. Расселись вдоль длинного стола из пентагоновских закромов, шпон в точности под палисандр. Перед каждым мозгоправом — чистый блокнот и новенький карандаш, специально по такому поводу заточенный. Кого там только не было: фрейдисты, юнгианцы, адлерианцы, крысоловы-скиннеровцы… И каждый из этих ублюдков в глубине души знал, что пришло время разыграть свою лучшую карту, причем для всей профессии, а не для той или иной группы. Вот она — западная психиатрия во плоти. И ничегошеньки не произошло! Трасса по-прежнему выбрасывает трупы, вернувшиеся бредят или распевают детские песенки. Те, кто не совсем спятил, держатся максимум три дня, не говорят, черт побери, ничего, потом стреляются или впадают в кататонию. — Она сняла с пояса маленький фонарик, раскрыла пластмассовый корпус и извлекла оттуда параболический рефлектор. — Кремль заходится от крика. ЦРУ стоит на ушах. И хуже всего то, что транснациональным корпорациям, которые хотят за свои денежки музыку, надоедает ждать.

«Мертвые космонавты? Никаких данных? Так не пойдет, ребята». Они начинают нервничать, все эти суперпсихоаналитики, пока какой-нибудь придурок, какой-нибудь ухмыляющийся полоумный, например, из Беркли, не заявляет вдруг… — Растягивая слова, она спародировала добродушный самоуверенный говорок: — «Эй, послушайте, почему бы нам просто не отправить этих людей в действительно приятное местечко, где много хорошего кайфа и есть кто-то, с кем они могли бы покалякать, а?»

Рассмеявшись, она покачала головой. Затем повертела в руках рефлектор, пытаясь поймать солнечный луч. Спичек нам с собой не дают, поскольку горение нарушает баланс кислорода и углекислого газа. Когда она поднесла сигарету к добела раскаленной фокусной точке, потянулась струйка сизого дыма.

— О'кей, — послышался голос Хиро. — Твоя минута прошла.

Я глянул на часы. Скорее три, чем одна.

— Удачи тебе, дружок, — мягко сказала Чармиан, делая вид, что поглощена сигаретой. — Бог в помощь.

* * *

Обещание боли. Она всегда поджидает здесь. Ты знаешь, что случится, но не знаешь, когда или в точности как. Пытаешься удержать вернувшихся, вытянуть их из тьмы. Но если заслониться от боли, то не сможешь работать. Хиро все время цитирует какие-то вирши: «Научи нас вниманью и безразличью».[140]

Мы похожи на комнатных мух, настолько умных, что сумели забраться в международный аэропорт. Некоторым действительно удается случайно проникнуть на рейс до Лондона или Рио, может быть, даже выжить во время перелета и вернуться назад. «Эге, — говорят тогда остальные мухи, — ну что там, по ту сторону двери? Что такого знают они, что неизвестно нам?» На обочине Трассы любой человеческий язык теряет свою тайну, за исключением, быть может, языка шамана, или каббалиста, или мистика, вознамерившегося составить иерархию демонов, ангелов и святых.

Но Трасса живет по своим собственным правилам, и некоторые из них мы уже заучили. Это

---

[140] notes: 140
Элиот Т. С. Пепельная среда. Пер. А. Сергеева.

дает нам хоть какую-то зацепку.

* * *

Правило первое. В путь отправляются только в одиночку; никаких экипажей, никаких пар.

Правило второе. Никакого искусственного интеллекта; что бы ни двигалось по Трассе, оно не притормозит ради умной машины — во всяком случае таких, какие делаем мы.

Правило третье. Регистрирующее оборудование — ненужный балласт; приборы никогда ничего не регистрируют.

* * *

Десятки новых физических школ возникли в русле учения Святой Ольги, не говоря уж о сотнях еще более причудливых и элегантных ересей, — и все они стремились протолкнуться внутрь колеи. И все пали — одна за другой. В полной шорохов и шепотов тишине Райских ночей нетрудно представить себе, что слышишь, как рушатся парадигмы, позвякивают, рассыпаясь в алмазную пыль, обломки теорий, когда дело всей жизни какого-нибудь крупного института низводится до незначительной запятой в истории

науки, причем буквально за несколько секунд, пока искалеченный путник бормочет во тьме какие-то обрывки.

Мухи в аэропорту, путешествующие автостопом. Мухам советуют не задавать лишних вопросов. Мухам советуют не пытаться разглядеть Общую Картину. Упорные попытки в этом направлении без вариантов приводят к медленному, неумолимому огню паранойи: разум проецирует на стены ночи гигантские темные чертежи, схемы, которые, обретя плоть, превращаются в безумие — и в религию. Мудрые мухи цепляются за теорию «черного ящика». «Черный ящик» — разрешенная метафора, Трасса же остается величиной «икс» во всех разумных уравнениях. Считается, что нам не следует задумываться о том, что есть Трасса и кто ее сюда протянул. Вместо этого мы сосредотачиваем свое внимание на том, что мы помещаем в ящик и что вытаскиваем из него. Есть то, что мы посылаем по Трассе (женщина по имени Ольга, ее корабль и многие-многие другие, последовавшие за ней), и то, что возвращается (сошедшая с ума женщина, морская раковина, артефакты, фрагменты чужих технологий). Приверженцы теории «черного ящика» заверяют, что главнейшая наша задача

— оптимизировать этот обмен. Мы здесь обязаны заботиться лишь о том, чтобы род человеческий на вложенные деньги получил свой дивиденд. Но все более очевидными становятся некоторые вещи. Например, мы не единственные мухи, отыскавшие дорогу в аэропорт. Слишком много артефактов собрано, и не меньше полудюжины из них происходят из резко отличающихся друг от друга культур — тоже «стопщиков», как называет их Чармиан. Мы как крысы в трюме сухогруза, обменивающиеся милыми безделушками с крысами из других портов. Мечтая о ярких огнях, о большом городе.

Будь проще, ограничься Входом-Выходом. Лени Гофманшталь: Выход.

* * *

Мы срежиссировали возвращение Лени Гофманшталь так, чтобы оно пришлось на Третью поляну, известную также как Элизиум. Сидя на корточках в рощице искусно воспроизведенных молодых кленов, я изучал ее корабль. Изначально он выглядел как бескрылая стрекоза, стройное десятиметровое брюшко прятало в себе ядерный двигатель. Теперь, когда двигатель удалили, корабль напоминал белую матовую куколку с

выпуклым глазом, напичканным традиционно бесполезными сенсорами и зондами. Корабль лежал на пологом склоне поляны, на искусственном бугре, специально сконструированном так, чтобы удобно разместить суда самых разных габаритов. Новые корабли — поменьше, они похожи скорее на обтекаемые гоночные болиды. Их минималистские коконы даже не пытаются изображать из себя разведывательные суда. Модули для пушечного мяса.

— Не нравится мне это, — раздался голос Хиро. — Корабль этот мне не нравится. Что-то в нем не так…

Он сказал это как бы про себя, будто размышляя вслух. Но точно так же и то же самое мог сказать себе и я сам, а это означало, что гештальт «суррогат-куратор» уже почти заработал. Войдя в роль, я перестаю быть посредником при голодном ухе Рая, неким специальным зондом, связанным по радио с еще более специальным психиатром. Когда возникает гештальт, мы с Хиро сливаемся в нечто, в существовании чего никогда не сможем друг другу признаться — во всяком случае, ни до, ни после самой работы. Наши взаимоотношения любого классического фрейдиста довели бы до ночных кошмаров. Но я знал, что Хиро прав: на

сей раз было что-то ужасающе не так.

Поляна была почти круглой. А как же еще: на самом деле она представляла собой круглую вставку в полу Рая пятнадцати метров в диаметре, подъемник, замаскированный под альпийскую мини-лужайку. Отпилив двигатель, корабль Лени втянули во внешний цилиндр, затем поляну опустили на шлюзовую палубу и вместе с кораблем подняли в Рай. Корабль лежал как на тарелочке, поросшей травой и полевыми цветами. Каналы его сенсоров заглушили, иллюминаторы и люк опечатали: для новоприбывших Рай должен явиться сюрпризом.

Я осознал, что размышляю, успела ли уже Чармиан вернуться к Хорхе. Быть может, она готовит ему еду, одну из тех рыбин, которых мы называем «улов», когда их выпускают нам в руки из клеток на дне озер. Едва не чуя запах жарящейся рыбы, я закрыл глаза и представил себе, как Чармиан бредет по мелководью и прозрачные капли бусинами покрывают ее бедра. Длинноногая девушка у пруда с рыбами в Раю.

— Давай, Тоби! Внутрь!

В черепе еще гулким эхом отдавался приказ, а тренинг и гештальт-рефлекс уже погнали меня через поляну.

— Черт побери, черт побери, черт побери… — Традиционная мантра Хиро.

И тут я понял, что все пошло совсем наперекосяк. Голос переводчицы Хилари доносился визгливыми полутонами, ледяной бибисишный прононс дал трещину, она все тараторила что-то на высшей скорости об анатомических диаграммах. Чтобы отдраить люк, Хиро, должно быть, воспользовался дистанционным управлением, но не стал ждать, пока резьба раскрутится сама. Он просто взорвал все шесть пиропатронов, разом вынес шлюз. Меня едва не задело осколками, от которых я инстинктивно увернулся. Затем вскарабкался по гладкому боку корабля, ухватившись за ячеистые распорки у самого входного отверстия: вместе с механизмом шлюза снесло и стальной трап.

И вдруг замер, скорчившись и зажимая нос от вони пластита, потому что именно тогда меня накрыл Страх. Впервые накрыл по-настоящему.

Я сталкивался с ним и раньше, с этим Страхом, но тогда это был лишь край, маленький кусочек. Теперь же Страх был бездонным, он нес в себе пустоту вечной ночи, холодную и неумолимую. В нем — последние слова, даль космоса, каждое долгое «прощай» в истории нашей расы. Он

заставил меня съежиться и заскулить. Я трясся, пресмыкался, рыдал. Нам читают лекции, предостерегают, пытаются списать это чувство на временную агорафобию, свойственную нашей работе. Но мы знаем, что это; суррогаты знают, а кураторам этого не дано. Ни одно объяснение не способно ухватить сути.

Это — Страх. Это — длинный палец Великой Ночи, тьмы, которая скармливает бормочущих безумцев мягкой белой утробе Палат. Ольга познала его первой, Святая Ольга. Она пыталась уберечь нас от него, крушила радиооборудование корабля, молясь, чтобы Земля потеряла ее, дала ей умереть.

Хиро неистовствовал, но потом, видимо, понял, что со мной происходит, и принял единственно верное решение.

Он ударил меня, перещелкнув тумблер боли. Жестоко. Раз, еще раз — как стрекалом для скота. Он заставил меня войти внутрь. Пинками прогнал сквозь Страх.

Там, за стеной Страха, была комната. Тишина, молчание и незнакомый запах. Запах женщины.

Захламленный модуль выглядел изношенным, почти домашним, усталый пластик антиперегрузочного кресла был заклеен отстающими

полосками серебристой изоленты. Но в центре всего зияло отсутствие. Обитательницы здесь не было. Затем я увидел безумную мешанину росчерков шариковой ручкой: похожие на крабов символы, тысячи крохотных корявых продолговатых фигур смыкались, накладывались одна на другую. Размазанные пальцами, жалкие, они покрывали почти всю переднюю переборку.

— Найди ее, Тоби, — молил Хиро, шептал сквозь вихрь статики, — сейчас же, пожалуйста, Тоби, найди ее, найди ее, найди…

Я нашел ее в хирургическом отсеке — узкой нише сбоку от центрального прохода. Над ней — *Schöne Maschine*, сверкающий хирургический манипулятор, вскинул длинные острые руки-клешни. Хромированные конечности ракопаука увенчаны гемостатами, пинцетом, лазерным скальпелем. Хилари билась в истерике, малоразборчивая на каком-то далеком канале, захлебывалась рыданиями: что-то об анатомии человеческой руки, сухожилиях, артериях, основах таксономии.

Крови совсем не было. Манипулятор — чистоплотная машина, способная делать свое дело в условиях невесомости, аккуратно отсасывая жидкость. Лени умерла за минуту до того, как

Хиро вынес шлюз. Ее правая рука, разобранная на рабочей поверхности, словно подражала средневековой гравюре. И рука эта была очищена до кости; наколотые на белый пластик препараторскими иглами из нержавеющей стали мышцы и ткани разложены тщательно и симметрично. Она истекла кровью. Любой хирургический манипулятор тщательно запрограммирован против самоубийства, но он может использоваться как робот-препаратор, готовящий биологические материалы для хранения.

Она нашла способ его одурачить. Если на это есть время, с машинами такое, как правило, удается. А у нее было восемь лет.

Лени лежала на складной каркасной раме, будто скелет какого-то ископаемого в зубоврачебном кресле. Нити вышивки на спине ее комбинезона — орнамент с торговой маркой западногерманского концерна электроники — давно потускнели.

Я попытался объяснить ей. Я говорил:

— Пожалуйста, ты ведь уже мертвая. Прости нас, мы с Хиро… мы пришли, чтобы попытаться помочь. Понимаешь? Видишь ли, Хиро тебя знает. Он сейчас прямо у меня в голове. Он читал твое досье, твой сексуальный профиль, видел

твои любимые цвета. Он наизусть знает твои детские страхи, знает, как звали твою первую любовь, имя учителя, который тебе так нравился. А у меня — подобранные ради тебя феромоны, и сам я — ходячий арсенал наркотиков, всего того, что обязательно тебе понравится. И мы умеем лгать, Хиро и я, мы ведь просто асы лжи. Пожалуйста. Ты должна понять. Мы с Хиро совершенно незнакомые тебе люди, но для тебя мы разыграем незнакомца, который само совершенство… правда, Лени.

Она была худенькой светловолосой женщиной. Прямые волосы припорошены ранней сединой. Мягко коснувшись этих волос, я вышел на поляну. На моих глазах заколыхалась высокая трава, закачались полевые цветы и началось нисхождение. Корабль все время оставался в центре пейзажного круга подъемника. Поляна скользнула прочь из Рая, и солнечный свет потерялся в сиянии огромных неоновых дуг, отбрасывающих резкие тени на просторную палубу воздушного шлюза. Забегали фигуры в красных комбинезонах. Красный паровозик описал полукруг на толстых резиновых колесах, уступая нам дорогу.

Невский, серфингист из КГБ, ожидал у подножия трапа, который подкатили к краю поляны. Я

его даже не видел, пока не спустился.

— Мне теперь нужно забрать наркотики, мистер Хальперт.

Я стоял покачиваясь, смаргивая наворачивающиеся на глаза слезы. Он протянул руку, чтобы меня поддержать. Я подумал: а знает ли он, что он вообще делает здесь, на нижней палубе, — желтый костюм на красной территории? Вероятно, ему все равно; казалось, ему ни до чего, в сущности, нет дела. Свой планшет он держал наготове.

— Я должен их забрать, мистер Хальперт.

Стащив с себя комбинезон, я протянул ему мятый ком. Он сложил его в пластиковый пакет на молнии, убрал пакет в кейс, прикованный наручниками к его левому запястью, и ввел комбинацию шифра.

— Не принимай их все разом, малыш, — сказал я.

И потерял сознание.

* * *

Сегодня ночью Чармиан принесла в мою келью особую тьму, расфасованную по дозам в плотную фольгу. Эта тьма ничем не походила на тьму Великой Ночи, на ту хищную черноту, что караулит автостопщиков и утаскивает их в Палаты, на ту

тьму, что взращивает Страх. Эта темнота напоминала тени, движущиеся на заднем сиденье родительской машины дождливой ночью, когда тебе пять лет… тебе тепло… ты в безопасности. Чармиан гораздо хитрее меня, когда надо обмануть бюрократов типа Невского.

Я не стал ее спрашивать, почему она вернулась из Рая или что сталось с Хорхе. И она ничего не спросила о Лени.

Хиро исчез, отключился от эфира. Я видел его сегодня днем на совещании; как всегда, нашим взглядам никак не удавалось встретиться. Не страшно. Я знал, что он вернется. Да что переживать, работа как работа. Очередной трудный день в Раю, но там никогда не бывает просто. Тяжело, когда впервые испытываешь Страх, но я всегда знал, что он поджидает меня там. На совещании говорили о формулах Лени и о ее зарисовках шариковой ручкой. Насколько я понял, это были молекулярные цепи, способные смещаться по команде. Молекулы, функционирующие как переключатели, логические элементы, и даже как нечто вроде проводов — и все это слоями встроено в одну-единственную очень большую макромолекулу, крохотный компьютер. По-видимому, мы никогда не узнаем, с чем Лени столкнулась там,

в космосе. И подробностей ее сделки нам тоже, вероятно, никогда не узнать. Возможно, мы очень пожалеем, узнай мы когда-нибудь об этом. Мы ведь не единственное отсталое племя, не одни мы подбираем объедки.

Черт бы побрал эту Лени, этого француза, черт бы побрал всех тех, кто возвращается с добычей, кто привозит лекарство от рака, морские ракушки, предметы без названия, — всех тех, кто заставляет нас сидеть здесь и ждать, кто наполняет Палаты, кто приносит нам Страх. Но — цепляйся за эту темноту, тепло и близость, за чуть слышное дыхание Чармиан, мерный ритм моря. На этом можно и отлететь… Ты услышишь волны там, далеко внизу, за непрестанным шорохом статики костефона, как в морской раковине. Это то, что мы несем в себе, как бы далеко нас ни забрасывало от дома.

Рядом со мной шевельнулась во сне Чармиан, пробормотала незнакомое имя — возможно, имя какого-то сломленного путника, давно сгинувшего в Палатах. Чармиан у нас рекордсменка. Однажды она целых две недели не давала умереть одному парню, пока тот не выдавил себе глаза большими пальцами. Чармиан кричала все время, пока ее опускали вниз, сломала ногти

о пластиковую крышку подъемника. Потом ее накачали транквилизаторами.

Однако в нас обоих живет особый голод, неугомонная одержимость, которая позволяет нам снова и снова возвращаться в Рай. И получили мы ее одним и тем же образом: неделями болтались в космосе на своих маленьких суденышках в надежде, что и нас примет Трасса. А когда мы испустили последнюю радиовспышку, нас отбуксировали назад. Некоторых просто не берут, и никто не знает почему. И второго шанса никогда не будет. Они говорят, что это слишком дорого, но на самом деле, глядя на твои перетянутые бинтами запястья, думают о том, что ты теперь слишком ценен, слишком полезен для них как потенциальный суррогат. Не важно, что ты пытался покончить жизнь самоубийством, говорят они, это случается сплошь и рядом; вполне понятно — когда чувствуешь себя отвергнутым. Но я хотел умереть, очень хотел. И Чармиан тоже. Она попыталась отравиться таблетками. Но нас подготовили, одержимость подправили, вживили костефоны, спарили с кураторами.

Ольга, должно быть, знала, должно быть, все это как-то предвидела. Она пыталась не дать нам вступить на тот путь, которым прошла сама.

Она понимала, что если люди найдут эту дорогу, у них не останется выбора, им придется идти. Даже теперь, зная то, что знаю, я все равно хочу на Трассу. Я никогда туда не попаду. Но можно качаться во тьме, что громоздится над нами, мысленно держа за руку Чармиан. Между нашими ладонями — разорванная обертка наркотика. И улыбается Святая Ольга — ее присутствие почти осязаемо, — улыбается нам со всех своих отпечатков, сделанных с одной и той же официальной фотографии, вырванных и приклеенных на стены ночи. Ее белая улыбка. Навсегда.

Красная звезда, зимняя орбита[141]
Брюс Стерлинг, Уильям Гибсон

Полковник Королев ворочался в ремнях безопасности: ему снились зима и сила тяжести. Молодым курсантом он снова гнал коня по ноябрьской казахской степи в краснеющую даль марсианского заката.

«Глупость какая-то», — подумал он.

И проснулся в Музее Советского Космического Триумфа под стоны, издаваемые Романенко и женой кагэбэшника. Они снова занимались любимым делом за ширмой в дальнем конце «Салюта». Предохраняющая упряжь ритмически поскрипывала, корпус в мягкой обшивке вздрагивал. Копыта били по снегу.

Освободившись от ремней, Королев одним отточенным ударом толкнул себя в туалетную стойку. Скинув изношенный комбинезон, он пристроил писсуар к паху, протер запотевшее стальное зеркало. Артритная рука снова разболелась за время сна; от потери кальция запястье стало по-птичьи тонкокостным. Двадцать лет в

---

[141] notes: 141
Перевод С. Красикова

невесомости: он встретил старость на орбите.

Полковник воспользовался бритвой-прилипалой. Паутинка вен покрывала его левую щеку и висок — очередное напоминание о разгерметизации, оставившей его инвалидом.

Выйдя, он обнаружил, что любовники закончили. Романенко поправлял одежду. Из-под обрезанных рукавов коричневого комбинезона жены политрука, Валентины, были видны ее белые руки, покрытые потом от недавних упражнений. Пепельно-белые волосы женщины колыхались под искусственным бризом вентилятора. Ярко-васильковые, близко посаженные глаза будто извинялись, но в то же время заигрывали.

— Взгляните, что мы вам принесли, полковник. — Она протянула миниатюрную бутылочку коньяка, из тех, что продают в самолетах.

Королев ошарашенно хлопал глазами на лого «Эр Франс», выдавленное на пластиковой пробке.

— Муж говорит, что ее доставили на «Союзе» внутри огурца, — хихикнула Валентина. — Он мне ее отдал.

— А мы решили отдать ее вам, полковник, — добавил, широко улыбаясь, Романенко. — Нас-то в любой момент могут отпустить в увольни-

тельную.

Королев сделал вид, что не заметил беглого взгляда на свои тощие ноги и бледные, безвольные ступни. Он открыл бутылку, от богатого букета запахов щеки покраснели. Полковник осторожно отпил несколько миллилитров бренди. Горло обожгло, как будто кислотой.

— Господи, — воскликнул он, — сколько же лет прошло! Я ведь напьюсь.

Он рассмеялся, в глазах блестели слезы.

— Отец рассказывал, что в старые времена вы и пили как герой, полковник.

— Так оно и было. — Королев еще глотнул.

Коньяк лился, словно жидкое золото. Полковник недолюбливал отца парня — добродушного партфункционера, давно отошедшего к лекционной деятельности, даче на берегу Черного моря, американским напиткам, французским костюмам, итальянской обуви… Мальчишка походил на папашу — такие же чистые серые, не замутненные сомнением глаза.

— Вы очень добры, — поблагодарил Королев; алкоголь успел проникнуть в разжиженную кровь. — А вот я вам сейчас выдам *самизданных*: свеженький перехват американского кабельного. Крутая штука! Но не для стариков вроде меня.

Он вставил кассету и нажал на запись.

— Я передам канонирам, — улыбнулся Романенко. — Пусть прокрутят на экранах наводки.

Пост, где располагались излучатели, все называли канонирской. Солдаты там были особенно охочи до подобного рода штучек. Королев сделал еще одну копию Валентине.

— Очень жесткое? — спросила она встревоженно и в то же время заинтересованно. — А можно мы еще раз зайдем? В среду, в двадцать четыре ноль-ноль?

Королев улыбнулся. До того как ее отобрали в отряд космонавтов, Валентина работала на фабрике. Ее красота стала орудием пропаганды, а она сама — идеалом для пролетариата. Коньяк разлился по венам Королева, он жалел девушку и не мог отказать ей в маленькой радости.

— Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично!

— Спасибо, мой полковник. — Она чмокнула его в щеку, проделав сальто в невесомости.

— Вы лучший, полковник. — Романенко, насколько мог легко, хлопнул Королева по хрупкому плечу. После несчетных часов занятий на тренажерах мускулы парня были что у кузнеца.

Королев проводил взглядом любовников, дви-

нувшихся к центральному стыковочному отсеку, откуда можно было попасть в два коридора и три престарелых «Салюта». Романенко повернул «на север» — в канонирскую, а Валентина отправилась в противоположный коридор, к следующему стыковочному отсеку, и оттуда — к «Салюту» своего мужа.

Всего в Космограде имелось пять стыковочных отсеков, по три «Салюта» на каждый. Военное оборудование и пусковые установки спутников находились в противоположных концах комплекса. Станция потрескивала, поскрипывала, повизгивала в точности как остановка метрополитена, а запах сырого металла наполнял ее, словно трюмы давно не мытого теплохода.

Королев снова приложился к бутылочке. Она была уже полупуста. Он спрятал ее в одном из музейных экспонатов — насавском «Хассельбладе», снятом с места прилунения «Аполлона». Он не брал в рот спиртного со времен последней увольнительной, еще до разгерметизации. Голову закружило в горьковато-сладкой волне ностальгии.

Он снова подплыл к пульту, зашел в область памяти, где злостно стертые речи Алексея Косыгина полковник заменил на коллекцию *самизданных*

— оцифрованную поп-музыку, любимые песни восьмидесятых. Там были английские группы, записанные с западногерманского радио, тяжелый металл из стран Варшавского договора, американские пластинки с черного рынка. Он надел наушники и включил ченстоховское регги «Бригады Кризис».[142]

После все этих лет он уже не слышал музыки, в голове лишь всплывали яркие непрошеные воспоминания. В восьмидесятые он представлял собой патлатого номенклатурного сыночка, высокое положение отца позволяло ему не бояться московской милиции. Ему вспоминался вой усилителей в жаркой темноте подвального клуба, толпа в облаках дыма: шахматная доска из темных квадратов (джинсов) и светлых (обесцвеченных волос). Он курил «Мальборо», приправленные афганской травой. Он помнил губы дочери американского посла на заднем сиденье черного «линкольна» ее отца. Имена и лица нахлынули на него в теплом коньячном мареве. Нина из Восточной Германии показывала ему ксероксы переводов польских диссидентских листовок…

---

[142] notes: 142

«Бригада Кризис» — польская рок-группа, тяготеющая к панку и новой волне (1981–2005 гг.).

А однажды ночью она не пришла в кофейню. Слухи о тунеядстве, антисоветской деятельности, фармакологических ужасах *психушки*…

Королева пробрала дрожь. Он вытер лицо и обнаружил, что оно все мокрое от пота. Он снял наушники.

С тех пор прошло уже пятьдесят лет, а он вдруг сильно испугался. Он не мог припомнить такого испуга — даже тогда, когда разгерметизация превратила его в инвалида. Его трясло. Свет. Свет на «Салюте» слишком ярок, но у него не было сил подойти к выключателю. Простое вроде бы дело, которое он совершал несчетное число раз… Переключатели и провода в толстой изоляции таили смутную угрозу. Он осмотрелся, не понимая, что происходит. Заводная модель лунохода колесами-липучками прижалась к стенке, притаилась там, словно что-то живое. Советские пионеры космоса с официальных портретов разглядывали его с плохо скрываемой брезгливостью.

Коньяк. Годы невесомости сыграли злую шутку с метаболизмом Королева. Да и сам он изменился. Нужно только сохранить спокойствие, перебороть себя. Все же будут смеяться, если его вырвет.

У входа в музей раздался осторожный стук, че-

рез открытый люк внутрь медленно и грациозно влетел инженер Никита по прозвищу Сантехник, главный в Космограде мастер на все руки. Молодой человек был явно чем-то разозлен. Королев испугался.

— Вы рано, инженер, — выдавил он, пытаясь сохранить фасад нормальности.

— Микроутечка в «Дельте-три». — Никита вздохнул. — Вы понимаете по-японски?

Он вытащил кассету из оттопыренного кармана, которых на его комбинезоне имелось множество, и помахал ею перед Королевым. На нем были тщательно застиранные джинсы «Левис» и разваливающиеся кроссовки «Адидас».

— Это записано прошлой ночью.

Королев весь сжался, словно кассета таила угрозу.

— Нет, по-японски не понимаю. — Он сам удивлялся мягкости своего голоса. — Только по-английски и по-польски.

Он чувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом, которого он прекрасно знал и которому доверял, но…

— С вами все нормально, полковник? — Никита умелыми пальцами вставил кассету и запустил «Лексикон». — Вы как будто только что таракана

съели. Вот, послушайте.

Королев тревожно вглядывался в рекламу бейсбольных перчаток. Кириллические субтитры, сгенерированные «Лексиконом», бойко бежали по монитору под торопливую японскую речь.

— Сейчас новости пойдут, — пояснил Сантехник, обгрызая кутикулу.

Королев с беспокойством всматривался в перевод, скользивший поверх лица японского диктора.

> АМЕРИКАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ
> ЗАЯВЛЯЕТ…
> ПОДГОТОВКА НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР… ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ… СПИСАТЬ ВОЕННУЮ СТАНЦИЮ КОМИЧЕСКИЙ ГОРОД…

— Космический, — поправил Никита. — Глюк «Лексикона».

> ПОСТРОЕННУЮ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ КАК ФОРПОСТ В КОСМОСЕ… ГРАНДИОЗНОЕ НАЧИНАНИЕ, ПОДОРВАННОЕ НЕУДАЧЕЙ С ДОБЫЧЕЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ НА ЛУНЕ… ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ

УСТУПИЛА ПО ЭФФЕКТИВНОСТИ НАШИМ АВТОМАТИЧЕСКИМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ…
КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ, ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА…

— Самодовольные ублюдки! — выругался Сантехник. — Гадом буду, этот чертов кагэбэшник Ефремов и сюда руку приложил.

ОШЕЛОМЛЯЮЩИЙ ТОРГОВЫЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА… НЕДОВОЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ… НЕДАВНИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА…

— Они нас закрывают! — Лицо Никиты перекосило от ярости.

Королев отвернулся от экрана, он весь трясся. Внезапные слезы хлынули из глаз, капли поплыли в невесомости.

— Оставьте меня! Я ничего не могу поделать!

— Что с вами, полковник? — Никита схватил его за плечи. — Посмотрите на меня. Кто-то накачал вас «ужасом»!

— Уходите, — взмолился Королев.

— Этот сучонок-топтун? Он вам дал таблетки? Сделал укол?

— Я выпил. — Королев содрогнулся…

— Он вам «ужас» подсунул. Вам, старому больному человеку! Я сейчас ему морду разобью!

Сантехник подтянул колени, сделал обратное сальто, оттолкнулся от скобы на потолке и вылетел в коридор.

— Подождите, Никита!

Но тот белкой прошмыгнул через стыковочный отсек и исчез в коридоре. Королев вдруг понял, что не может оставаться один. Вдалеке искаженным металлическим эхом разносились разъяренные крики.

Не переставая дрожать, он закрыл глаза и стал ждать помощи от кого-нибудь.

* * *

Королев попросил военного психиатра Бычкова помочь ему натянуть свой старый форменный комбинезон, тот самый, над нагрудным карманом которого была приколота Звезда Циолковского. Черные простеганные нейлоновые ботинки на подошвах-липучках больше не налезали на изуродованные ступни, пришлось остаться бо-

сым.

Укол, сделанный Бычковым, в течение часа более или менее привел его в себя, но то и дело наваливалась депрессия и неконтролируемая ярость. Теперь полковник ожидал, пока Ефремов не явится по его вызову в музей.

Гнев сменился на старческую отстраненность. В Музее Советского Космического Триумфа — так они называли его жилище — Королев ощущал себя еще одним экспонатом. Он уныло взглянул на обрамленные золотом лица великих мечтателей космической эры: Циолковский, Рынин,[143] Туполев. Ниже, в более скромных рамах, висели портреты Верна, Годдарда[144] и О'Нейла.[145]

В минуты отчаяния Королеву казалось, что в их глазах можно разглядеть огонек сумасшед-

---

[143] notes: 143

Николай Алексеевич Рынин (1877–1942) — русский и советский ученый, писатель-популяризатор, инженер. В 1928–1932 гг. издал книгу «Межпланетные сообщения» в девяти томах — первый энциклопедический труд по истории и теории реактивного движения и космических полетов.

[144] notes: 144

Роберт Хатчингс Годдард (1882–1945) — знаменитый американский ученый, инженер. Запустил первую ракету на жидком топливе 16 марта 1926 г.

[145] notes: 145

Джерард О'Нейл (1927–1992) — американский физик, автор книги «Колонизация космоса». Ему принадлежит идея орбитальных солнечных электростанций.

шинки, особенно у двух американцев. «А может, они и вправду свихнулись?» — предполагал он, когда накатывало циническое настроение. Или все же виною тут было проявление странной, выводящей из равновесия силы — движителя человеческой эволюции?

И один только раз полковник почувствовал себя носителем подобного взгляда: тогда он впервые ступил на марсианскую почву невдалеке от ущелья Копрат. Изнутри шлема, в отблеске солнечного света, на него внимательно смотрели глаза «чужого» — в их взгляде не было страха, но читалась одержимость. Та внезапная встреча с самим собой оказалась для Королева главным, определяющим событием жизни.

Над портретами висела мертвенно-масляная картина, изображавшая посадку на планету. Цветовая гамма более всего напоминала о борще и томатном соусе. Марсианский пейзаж был сведен к соцреалистическому китчу. Рядом со спускаемым аппаратом художник поместил фигуру космонавта в скафандре, изображенную со всей присущей официозу тщательной вульгарностью.

Королев с отвращением ждал прибытия Ефремова, бортового политрука.

Когда Ефремов наконец добрался до «Салюта»,

полковник с удовлетворением отметил у кагэбэшника ссадины на шее и разбитую губу. На политруке был японский спортивный костюм фирмы «Кансаи» и модная итальянская палубная обувь. Он вежливо кашлянул.

— Доброе утро, товарищ полковник.

Королев молча рассматривал собеседника, выдерживал паузу.

— Ефремов, — проворчал он наконец, — я вами недоволен.

Политрук покраснел, но выдержал тяжелый взгляд:

— Давайте в открытую, полковник, как мужик с мужиком. Предназначался он, конечно, не вам.

— Вы говорите об «ужасе», Ефремов?

— Да, о бета-карболине.[146] Если бы вы не потворствовали асоциальным поступкам, не принимали бы взяток, подобного бы не случилось.

— Так, по-вашему, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? В таком случае вы рогоносец, контрабандист и стукач. Это я вам как мужик мужику говорю.

На лице политрука появилась привычная маска оскорбленной праведности.

---

[146] notes: 146

Бета-карболин (норгарман) — алкалоид, природный галлюциноген.

— Расскажите мне, Ефремов, для чего вы тут? Чем вы занимались с тех пор, как оказались в Космограде? Нам известно, что комплекс закрывают. Что ожидает гражданских членов экипажа, когда они вернутся на Байконур? Дело о коррупции?

— Допросы, несомненно, проведут. В некоторых случаях не исключаю принудительной госпитализации. Уж не полагаете ли вы, полковник, что это на Советском Союзе лежит ответственность за провал миссии Космограда?

Королев промолчал.

— Космоград был мечтой, полковник. Мечтой, не воплотившейся в реальность. Как и освоение космоса в целом. Нам здесь не место. Целый мир еще нужно обустроить. СССР — величайшая держава в мировой истории. Нельзя терять чувство перспективы.

— Вы считаете, от нас можно вот так легко отмахнуться? Мы же элита. Высококомпетентная техническая элита.

— Скорее, меньшинство, полковник. Исчезающий вид. Что вы производите, за исключением кучи ядовитого американского дерьма? Экипаж должен был бы работать, а не сливать на черном рынке подпольный джаз и порнографию. — Лицо

Ефремова приняло спокойное, уверенное выражение. — Экипаж возвратится на Байконур. Орудиями можно управлять и с Земли. Вы, безусловно, останетесь здесь. Вас будут навещать гости — космонавты из Африки, Южной Америки. Для них космос сохранил часть былого престижа.

— Что вы сделали с мальчишкой? — процедил Королев.

— С вашим Сантехником? — Политрук вздохнул. — Он поднял руку на офицера Комитета государственной безопасности. И останется под стражей до тех пор, пока мы не сможем отправить его на Байконур.

Королев попытался зло рассмеяться:

— Отпустите его. Подумали бы лучше о том, как свою задницу прикрыть, вместо того чтобы выдвигать обвинения. Я лично поговорю с маршалом Губаревым. Может быть, моя должность здесь и является лишь почетной синекурой, но долю влияния я сохранил.

Кагэбэшник пожал плечами:

— Канонирам передан приказ Байконура держать модуль связи под замком. Их судьба зависит от выполнения этого приказа.

— Вы объявляете военное положение?

— Здесь не Кабул, полковник. Времена сложные. А вы, как человек, обладающий моральным авторитетом, должны показать пример.

— Посмотрим, — сказал Королев.

* * *

Космоград вышел из тени Земли на солнечный свет. Стены королевского «Салюта» цокали и клацали, словно пустые стеклянные бутылки в авоське. «Иллюминаторы, — подумал Королев, неосознанно поглаживая вены на виске, — всегда первыми дают течь».

Похоже, этот парень, Гришкин, был того же мнения. Он достал тюбик с замазкой из кармана на лодыжке и начал проверять герметичность прокладки вокруг иллюминатора. Гришкин работал помощником Сантехника, был самым близким его другом.

— А теперь нам нужно проголосовать, — устало подытожил Королев.

Одиннадцать из двадцати четырех гражданских членов экипажа станции согласились прийти на собрание. Двенадцать, если считать его самого. Оставалось еще тринадцать тех, кто либо боялся, либо активно выступал против участия в забастовке. Если считать Ефремова и

шестерых канониров, то количество отсутствующих поднималось до двадцати.

— Мы обсудили наши требования. Всех, кто согласен со списком в том виде, в каком он есть…

Он поднял здоровую руку. Присоединились еще трое. Занятый работой с иллюминатором Гришкин поднял ногу.

— Нас и так не слишком много, — вздохнул Королев. — Необходимо достичь согласия. Давайте выслушаем возражения.

— Тут написано: «военная тюрьма», — заметил биолог Коровкин, — как если бы мы считали военных, а не преступника Ефремова, ответственными за сложившуюся ситуацию. — Ему было явно не по себе. — Мы вас, конечно, поддерживаем, но подписывать не станем. Мы же члены партии. — Казалось, он хочет что-то добавить, но замолчал.

— Моя мама, — тихо произнесла его жена, — была еврейкой.

Королев кивнул, но ничего не сказал.

— Все это преступный идиотизм, — объявил ботаник Глушко; ни он, ни его жена не голосовали. — Сумасшедший дом. Нам всем прекрасно известно, что с Космоградом покончено. Чем скорее мы окажемся дома, тем лучше. Чем была

сама эта станция лучше тюрьмы?

Метаболизм Глушко плохо адаптировался к невесомости: в отсутствие силы тяжести кровь приливала к шее и голове, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

— Ты, Василий, ботаник, — сухо заметила его жена. — Тогда как я, если ты помнишь, пилот «Союза». Не твоя карьера на кону.

— Я в этом сумасшествии не участвую! — Глушко с такой силой пнул переборку, что вылетел из помещения.

Жена последовала за ним, она раздраженно ворчала, понизив голос, — так на станции протекали семейные сцены.

— Подписывают пятеро, — подсчитал Королев, — из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

— Шестеро, — поправила Татьяна, еще один пилот «Союза». Ее длинные темные волосы были зачесаны назад и убраны под узорный нейлоновый обруч. — Вы забыли Никиту.

— Смотрите, солнечные шары! — воскликнул Гришкин.

Космоград в этот момент пролетал над побережьем Калифорнии — чистыми пляжами, изумрудно-зелеными полями, пришедшими в

упадок огромными городами, названия которых звучали как волшебные заклинания. Высоко над уровнем слоисто-кучевых облаков парило пять солнечных шаров, зеркальных геодезических сфер, удерживаемых силовыми кабелями, — они являли собою дешевую замену Великой Американской Мечте об орбитальных солнечных электростанциях. Эти штуковины действительно работали, полагал Королев, поскольку за последнее десятилетие их число умножилось.

— Говорят, там внутри люди живут? — Системный инженер Стойко присоединился к Гришкину у иллюминатора.

Королев припомнил вал абсурдных американских энергетических проектов, последовавших за подписанием Венского договора. Советский Союз прочно удерживал в своих руках мировые запасы нефти, и американцы готовы были взяться за любое начинание. А потом авария на Канзасской АЭС навсегда отвратила их от ядерной энергетики. Вот уже более трех десятилетий они медленно скатывались к политике изоляционизма, промышленное производство деградировало. «В космос, — горькая мысль не давала ему покоя, — им нужно было стремиться в космос». Он так и не смог для себя объяснить

странного паралича воли, сковавшего так ярко начинавшуюся программу. Может, они просто разучились мечтать, потеряли перспективу?

«Понимаете, американцы, — говорил он про себя, — вам нужно было присоединиться к нам здесь, в нашем светлом будущем Космограда».

— Кому охота жить в таком месте? — грустно посмеиваясь, спросил Стойко и хлопнул Гришкина по плечу.

* * *

— Вы шутите, — негодовал Ефремов. — Мы и без этого в глубокой заднице.

— Мы не шутим, товарищ Ефремов, перед вами наши требования.

Пятеро диссидентов столпились в «Салюте», который кагэбэшник делил с Валентиной, выдавив того к кормовой переборке, украшенной сильно заретушированной фотографией премьера, приветствовавшего народ с трактора. Королев знал, что Валентина в этот момент находится в музее, скрипит упряжью с Романенко. Полковник удивлялся, как это Романенко удается так часто отлучаться с вахты в канонирской.

Ефремов пожал плечами и взглянул на список требований:

— Сантехник должен остаться под арестом. У меня на это прямые указания. Что же до оставшейся части документа…

— Вы виновны в недозволенном использовании психоактивных препаратов! — выкрикнул Королев.

— Это мое личное дело, — парировал Ефремов.

— Преступление, — возразила Татьяна.

— Пилот Татьяна, мы оба знаем, что Гришкин является наиболее активным распространителем пиратских *самизданных* здесь, на станции! Мы все тут преступники, вам не кажется? В этом и прелесть системы, не так ли? — Тут он цинично усмехнулся. — Космоград — не крейсер «Потемкин», а вы — не революционеры. Вы требуете связаться с маршалом Губаревым? Так он под следствием на Байконуре. Вы требуете связаться с министром науки? Так министр и заведует чисткой.

Решительным жестом он разорвал распечатку, желтоватые обрывки бумаги разлетелись в невесомости медленными бабочками.

* * *

На девятый день забастовки Королев встретился с Гришкиным и Стойко в «Салюте», который до

того Гришкин делил с Никитой.

Вот уже сорок лет обитатели Космограда вели антисептическую войну с плесенью и грибком. Пыль, жир и водяные испарения в невесомости не оседали, споры проникали повсюду: в обшивку, в одежду, в вентиляцию. Словно в чашке Петри, в теплой и влажной атмосфере станции они распространялись со скоростью нефтяных пятен в океане. Воняло сухой гнилью и — опасно — горелой изоляцией.

Королев проснулся от глухого удара — очередной посадочный модуль отчаливал от станции. Глушко с женой, догадался он. В течение последних сорока восьми часов Ефремов занимался эвакуацией тех членов экипажа, которые отказались участвовать в забастовке. Канониры оставались на своем посту и в примыкающих к канонирской казарменных отсеках, там же держали Никиту Сантехника.

Гришкинский «Салют» стал штабом забастовщиков. Поддерживающие стачку мужчины не брились, Стойко подхватил стафилококковую инфекцию, руки его покрылись гнойничковой сыпью. Окруженные бледными распечатками полуголых девиц с американского телевидения, в тусклом свете (силовые установки работали

вполсилы) забастовщики смахивали на трио порнографов-доходяг.

— С отбытием несогласных, — отметил Стойко, — наши позиции усиливаются.

Гришкин, из носа которого торчали ватные тампоны, только простонал в ответ. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков, впрыснув в воздух станции бета-карболин. Тампоны лишь демонстрировали общий уровень напряженности, доходящей до паранойи. Еще до того, как с Байконура пришел приказ об эвакуации, один из техников взялся часами крутить увертюру Чайковского «1812 год» на полной громкости. Глушко гонялся за голой, избитой и орущей женой по всей станции. Стойко открыл доступ к файлам кагэбэшника и записям психиатра Бычкова: многометровые змеи желтых распечаток спиралями кружили по коридорам, шелестели под вентиляторами.

— Только подумайте, что с нами сделают органы на Земле, — пробормотал Гришкин. — Даже суда не будет. Прямиком в психушку.

Зловещее прозвище психиатрических тюрем вселяло в парнишку ужас. Королев жевал вязкий хлорелловый пудинг.

Стойко выхватил проплывающую мимо рас-

печатку:

— «Паранойя, развивающаяся в преувеличенное представление собственной значимости. Враждебные социальному устройству ревизионистские фантазии». — Он скомкал бумагу. — Если бы захватить модуль связи, мы могли бы связаться с американским спутником и слить им все это дерьмо. Может, тогда Москва бы поняла, как она нам осточертела.

Королев смахнул со своего пудинга плодовую мушку. Две пары крыльев и разделенное лишней перетяжкой брюшко явно указывали на высокий уровень радиации. Насекомые разлетелись во время какого-то давнего эксперимента, поколения их населяли станцию уже в течение десятилетий.

— Американцам мы неинтересны, — сказал Королев. — А Москве теперь наплевать на подобные разоблачения.

— За исключением тех моментов, когда ожидается очередная поставка зерна, — возразил Гришкин.

— Америке нужно продать так же сильно, как нам — купить. — Королев с отсутствующим видом зачерпнул еще ложку водорослей, механически прожевал, проглотил. — Американцам до

нас не добраться, даже если бы они этого хотели. Канаверал лежит в руинах.

— А у нас топливо заканчивается, — заметил Стойко.

— Можно взять с оставшихся спускаемых аппаратов, — предложил Королев.

— И как, черт побери, мы тогда приземлимся? — Гришкин потряс кулаками. — Даже в Сибири есть деревья! Деревья, а над ними — небо! Хрен бы с этим всем! Пусть катится в тартарары! Пусть упадет и сгорит!

Недоеденный пудинг растекся по обшивке.

— О господи! — сконфузился Гришкин. — Извините, полковник. Я же знаю, что вы не можете вернуться.

* * *

В музее он обнаружил пилота Татьяну перед этой проклятой картиной высадки на Марс. Щеки ее были мокры от слез.

— Знаете, полковник, ваш бюст установлен на Байконуре. Бронзовый. Я всегда проходила мимо него по пути на лекции. — Ее глаза покраснели от недосыпа.

— Бюсты всегда были и будут. — Он улыбнулся и взял ее за руку. — Так уж устроены академии.

— Как оно было там в этот день? — Татьяна все еще смотрела на картину.

— Я почти не помню. Так часто смотрел записи, что помню скорее их. Теперь мои воспоминания о Марсе не отличаются от воспоминаний любого школьника. — Он снова улыбнулся. — Но было не так, как на этой дрянной картине. В этом, вопреки всему, я уверен.

— Почему же это случилось, полковник? Почему все заканчивается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор… Казалось, наше великое космическое будущее — это навсегда…

— Может, американцы были правы? Японцы послали в космос машины, роботы построили их орбитальные лаборатории. Добыча полезных ископаемых на Луне оказалась неэффективной, но мы считали, что в космосе останется хотя бы постоянная исследовательская станция. Все дело в наполненности кошельков. В кабинетах, где принимают решения.

— Вот оно, окончательное решение проблемы Космограда. — Она передала Королеву клочок бумаги. — Я обнаружила это в распечатке московских приказов Ефремову. Они пойдут на неконтролируемое снижение орбиты в течение ближайших трех месяцев.

Полковник поймал себя на том, что тоже всматривается в картину, к которой питал отвращение.

— Это уже не имеет значения, — услышал он свой голос.

А потом она разрыдалась, уткнувшись Королеву в покалеченное плечо.

— Но у меня есть план, Татьяна, — говорил он, поглаживая ее волосы. — Послушайте…

* * *

Королев взглянул на свой старенький «ролекс». Они пролетали над Восточной Сибирью. Он помнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлевского дворца.

Пора было приступать.

Полковник выплыл из «Салюта» в стыковочный отсек, отмахиваясь от распечатки, которая норовила опутать ему голову.

Здоровая рука все еще могла работать быстро и точно. Улыбаясь, он вытащил кислородный баллон из крепежных ремней. Ухватившись за поручень, он изо всех сил, на которые был способен, швырнул баллон в противоположную стену. С громким лязгом баллон отскочил, не причинив

вреда. Королев подхватил его и снова швырнул.

А потом включил кнопку декомпрессионной тревоги.

Сирены выплюнули облачко пыли и завыли. Взвизгнула гидравлика, и — по тревоге — закрылись переборки между отсеками. Уши Королева заложило. Он чихнул и снова подобрал баллон.

Свет вспыхнул и погас. Полковник улыбался в темноте, обняв стальной баллон. Стойко сумел устроить критический системный сбой. Это оказалось нетрудно. Система и так балансировала на грани коллапса из-за переполненных пиратским видео банков памяти.

— Вот вам бой без перчаток! — процедил Королев, снова ударяя баллоном об стену; зажегся неяркий свет — заработали резервные генераторы.

Плечо заболело, но он продолжал молотить баллоном, припоминая грохот настоящей разгерметизации. Нужно сильнее, чтобы у Ефремова и канониров не оставалось сомнений.

Со скрипом начало поворачиваться колесо ручного затвора одного из люков. Наконец с глухим стуком люк открылся — и внутрь заглянула Татьяна. Она застенчиво улыбалась.

— Сантехника освободили? — спросил полков-

ник, отпуская баллон.

— Стойко и Уманский договариваются с охранниками. — Она стукнула кулаком об открытую ладонь. — Гришкин готовит посадочные модули.

Королев последовал за нею в следующий стыковочный отсек. Стойко уже помогал Сантехнику выбраться из люка, который вел в казармы. Никита был бос, лицо его поросло неопрятной щетиной. За ним следовал метеоролог Уманский, таща за собою безвольное тело солдата.

— Как вы, Никита? — спросил Королев.

— Трясет. Они держали меня на «ужасе». Дозы небольшие, но мне хватило поверить, что разгерметизация настоящая.

Из ближайшего к Королеву «Союза» выплыл Гришкин. За ним на нейлоновом тросе тянулся шлейф из приборов и инструментов.

— Все спускаемые аппараты в норме. Сбой вывел их в автоматический режим. Я подкрутил отверткой систему дистанционного управления, так что с Земли вмешаться не смогут. Как ты, Никита? — спросил он Сантехника. — Готов к экстренной посадке в Центральном Китае?

Тот вздрогнул, поморщился и затряс головой:

— Я не говорю по-китайски.

— Вот тебе транскрипция. — Стойко протянул

распечатку. — Это означает: «Я ХОЧУ СДАТЬСЯ. ПРОВОДИТЕ МЕНЯ В БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО».

Никита улыбнулся и взъерошил жесткие от пота волосы.

— А вы сами что будете делать? — спросил он.

— Думаешь, только для тебя стараемся? — Татьяна скорчила рожу. — Позаботься, чтобы вся распечатка попала к китайцам. У каждого из нас есть копия. Пусть весь мир узнает, что Советский Союз собирается сделать с Юрием Васильевичем Королевым, первым человеком на Марсе.

Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

— А что нам делать с Филипченко? — спросил Уманский.

Около щеки находящегося без сознания солдата парили несколько капелек спекшейся крови.

— Почему бы вам не взять подонка с собою? — предложил Королев.

— Поехали, говнюк. — Никита схватил Филипченко за пояс и закинул в «Союз». — Я сделаю тебе самое большое одолжение в твоей жалкой жизни.

Королев наблюдал, как Стойко и Гришкин задраивают за ними люк.

— Где Романенко и Валентина? — спросил он,

поглядывая на часы.

— Здесь, мой командир. — Валентина выглянула из другого «Союза», светлые волосы окутали ее лицо. — Мы тут… проверяли оборудование, — хихикнула она.

— У вас будет достаточно времени в Токио, чтобы заняться этим, — резко сказал полковник. — Через несколько минут поднимут перехватчики в Ханое и во Владивостоке.

Из люка вытянулась голая мускулистая рука Романенко и увлекла ее обратно. Стойко и Гришкин задраили люк.

— Космическая идиллия. — Татьяна сделала вид, что плюется.

Космоград содрогнулся от глухого удара, это отчалил Никита со все еще бесчувственным Филипченко. Ухнуло еще раз — отошел «Союз» с любовниками.

— Пойдем, дружище Уманский, — позвал Стойко. — Всего хорошего, полковник! — Двое скрылись в коридоре.

— Я с тобой. — Гришкин улыбнулся Татьяне. — Ты — пилот, в конце концов.

— Нет, — возразила она, — поодиночке. Это увеличит наши шансы. С управлением справится автоматика, просто ничего не трогай.

Она помогла молодому человеку забраться в последний «Союз», присоединенный к этому стыковочному отсеку.

— Пойдем на танцы, Таня, — пригласил Гришкин, — когда доберемся до Токио.

Она задраила люк. Снова глухой удар — Стойко с Уманским отчалили от соседнего стыковочного отсека.

— Ступайте, Татьяна, — поторопил Королев. — Быстрее. Не хотелось бы, чтобы вас подстрелили над нейтральными водами.

— И вы останетесь один на один с врагами, полковник?

— Когда вы улетите, им незачем будет тут задерживаться, — объяснил он. — А для того чтобы Кремль поимел совесть оставить меня в живых, нужна огласка.

— Что мне говорить в Токио, полковник? Вы хотите что-нибудь передать?

— Скажите им… — В голову лезли тысячи штампов — хотелось истерически рассмеяться, так все они соответствовали ситуации: «Один шажок человека…», «Мы пришли с миром…», «Пролетарии всех стран…» — Скажите просто, что мне нужен космос, — тут он сжал свое птичье запястье, — до самого мозга костей.

Она обняла Королева и выплыла из помещения.

* * *

Ему осталось только ждать в одиночестве стыковочного отсека. Тишина действовала на нервы: системный сбой вырубил и систему вентиляции, под гул которой он прожил двадцать лет. Наконец он услышал, как отошел Татьянин «Союз».

Кто-то приближался по коридору. Это оказался Ефремов, неловко передвигавшийся в скафандре. Королев улыбнулся.

Через поликарбонатный шлем можно было разглядеть, что политрук снова надел официальную маску безликости, хотя и избегал встречаться глазами с Королевым. Направлялся он в канонирскую.

— Нет! — крикнул Королев.

Взвыла сирена боевой тревоги.

Люк в канонирскую был открыт. Полковник приблизился и увидел, как солдаты внутри рефлекторно исполняют движения, вбитые в них до автоматизма за годы муштры. Как они, облаченные в громоздкие скафандры, пристегиваются широкими ремнями к своим креслам возле управляющих консолей.

— Не делайте этого! — Королев вцепился в грубую, гармошкой, ткань скафандра Ефремова.

С жалобным стаккато завелся один из ускорителей частиц. На экране зеленое перекрестие накрыло красную точку.

Ефремов снял шлем и спокойно, не меняясь в лице, отвесил полковнику шлемом увесистую затрещину.

— Прикажите им остановиться! — Королев почти плакал.

Стены содрогнулись, орудие с резким хлестким звуком выпустило луч.

— Ваша жена, Ефремов! Она же там!

— Выйдите вон, полковник! — Ефремов сжал больную руку противника и кулаком в перчатке двинул Королева в грудь, тот вскрикнул. — Вон!

Королев бессильно барабанил по скафандру кагэбэшника, пока его выпихивали в коридор.

— Даже я, полковник, обязан исполнять армейские приказы. — Лицо Ефремова осунулось, привычная маска исчезла. — Подождите тут, пока все не закончится.

В этот момент Татьянин «Союз» протаранил казарменные отсеки и батарею излучателей. В прямом солнечном свете за долю секунды, словно на фотопленку, мозг зафиксировал отпечатки

катастрофы: вот сжимается и растрескивается, как жестянка под каблуком, канонирская; вот отлетает от пульта управления обезглавленное тело солдата; вот Ефремов пытается что-то сказать, его волосы поднялись стоймя, в то время как воздух вырывается из-под снятого шлема. Две тонкие струйки крови брызнули из носа Королева, гул уходящего воздуха сменился гулом внутри головы.

Последним, что запомнил полковник, был лязг захлопывающегося люка.

* * *

Он очнулся в темноте, с раскалывающейся головой, и сразу вспомнил институтские лекции. Опасность сейчас была не меньшей, чем при самой разгерметизации: бурлил, вызывая невыносимо острую, раздирающую боль, растворенный в крови азот…

Королев оценивал ситуацию отстраненно, с чисто академической точки зрения. Он повернул рукоятку запора люка лишь из неуместного чувства *noblesse oblige*.[147] Работа казалась исключительно тяжелой, хотелось уйти в музей

---

[147] notes: 147
Честь обязывает *(фр.)*.

и заснуть.

* * *

Микротрещины он еще мог замазать, но с системным сбоем оставалось только мириться. Вдобавок был огородик Глушко. Овощи и хлорелла не дадут ему умереть от голода и удушья. Модуль связи погиб вместе с канонирской и казармами, его оторвало от станции при самоубийственном таране. Королев предполагал, что удар изменил орбиту Космограда, но никак не мог вычислить, когда же комплекс войдет в атмосферу Земли. Самочувствие оставляло желать лучшего, и полковник почему-то опасался, что умрет еще до этой прощальной вспышки.

Он проводил бесконечные часы в музее, крутя архивные видеозаписи. Подобающее занятие для Последнего Человека в Космосе, в прошлом — Первого Человека на Марсе.

Образ Гагарина превратился для него в идефикс, он снова и снова пересматривал крупнозернистые, шестидесятых годов, телевыпуски новостей, которые неизбежно заканчивались известием о смерти космонавта. В несвежем воздухе Космограда, казалось, парили духи мучеников. Гагарина, первого экипажа «Салюта»,

американцев, зажарившихся живьем в угловатом «Аполлоне»…

Ему часто снилась Татьяна, взгляд ее был похож на тот, которым смотрели портреты со стены. А однажды он проснулся — или ему приснилось, что он проснулся, — в Татьянином «Салюте», в своем старом форменном комбинезоне, с фонариком, работающим от батареек, на лбу. Со стороны, словно просматривая кинохронику, он увидел, как отрывает от груди Звезду Циолковского и прикалывает на ее пилотское удостоверение.

Когда раздался стук, он решил, что и это ему тоже приснилось.

Круговой запор люка отворился.

В голубоватом мерцающем свете старой хроники он увидел чернокожую женщину в очках-консервах. Ее спутанные волосы торчали скрутившимися в штопор кобрами. За ее спиной в невесомости развевался шелковый летчицкий шарф.

— Энди, тебе стоит подойти и взглянуть на это, — произнесла она по-английски.

Маленький, лысый, мускулистый мужчина, одетый лишь в набедренную повязку и ремень с инструментами, подплыл к ней и заглянул внутрь:

— Он жив?

— Естественно, я жив, — отозвался Королев по-английски с небольшим акцентом.

Тот, кого назвали Энди, вплыл внутрь, поближе:

— С тобой все нормально, парень? — На его правом бицепсе была татуировка в виде геодезического воздушного шара над перекрещенными молниями и надписью: «СОЛНЕЧНАЯ ИСКОРКА 15, ЮТА». — Мы не думали, что встретим здесь кого-нибудь.

— Я, в общем, тоже. — Королев моргал.

— Мы сюда жить приехали, — сообщила женщина, подплыв поближе.

— Мы с шаров. Сквоттеры, так сказать. Пошел слух, что здесь больше никто не живет. Ты в курсе, что орбита снижается? — Мужчина перевернулся в воздухе через голову, инструменты на ремне звякнули. — Эта невесомость — такая прикольная!

— Господи, — добавила женщина, — я все к ней никак не приспособлюсь. Она прекрасна. Как будто свободное падение без парашюта, только ветра нет.

Королев уставился на мужчину: у того был такой раздолбайски-беспечный вид, словно он не

просыхал от свободы с рождения.

— Но у вас же даже нет космодрома!

— Космодрома? — рассмеялся Энди. — Так мы на тросах затащили ракетные ускорители на шары, скинули вниз, ну и запустили прямо в падении.

— Безумие какое-то, — только и сказал Королев.

— Но мы же здесь, так ведь?

Королев кивнул. Если происходящее ему снилось, то сон был очень диковинным.

— Полковник Юрий Васильевич Королев, — представился он.

— Марс! — женщина хлопнула в ладоши. — Вот погодите, дети услышат!

Она сняла с переборки модельку лунохода и начала ее заводить.

— Послушайте, — сказал мужчина. — У меня работа. Там, за бортом, несколько ускорителей. Надо бы поднять эту штуковину, пока она не сгорела.

Что-то ударило в обшивку, Космоград зазвенел, как колокол.

— Это из Талсы. — Энди посмотрел на часы. — Как раз вовремя.

— Но почему? — Королев недоуменно покачал

головой. — Почему вы прилетели?

— Мы же рассказывали. Чтобы жить здесь. Можно чуток тут расшириться, пристроить что-нибудь. Все говорили, что в шарах мы жить не сможем, так, наоборот, только мы их и поддерживали в рабочем состоянии. У нас был единственный шанс выбраться сюда своими силами. Кому охота жить тут за-ради какого-нибудь правительства, армейского дуболома или своры писак? Нужно собственное *желание* жить на фронтире, в крови оно должно быть.

Королев улыбнулся, Энди оскалил зубы в ответ:

— Мы подобрали все эти силовые кабели и просто взлетели повыше. А уже когда наверху, парень, остается либо сдохнуть, либо сделать Большой Прыжок. — Он повысил голос. — И назад оборачиваться нельзя, нет, сэр! Мы совершили Прыжок, теперь здесь будем обустраиваться!

Женщина приладила луноход колесиками на липучках к обшивке корпуса и отпустила. Тот, весело жужжа, пополз у них над головами.

— Прикольный! Детям понравится.

Королев заглянул Энди в глаза. Космоград снова вздрогнул, моделька слегка сменила курс.

— Восточный Лос-Анджелес, — сообщила жен-

щина. — В нем дети.

Она сняла очки, глаза ее светились знакомым Королеву безумием.

— Что ж… — Энди побренчал инструментами на поясе. — Может, проведете для нас экскурсию?

Отель «Новая роза»[148]

Семь ночей в этом гробу, Сендии, семь взятых взаймы у времени ночей. Отель «Новая роза». Как я хочу тебя сейчас. Иногда я колочу тебя. Мысленно воспроизвожу это, так медленно, так жестоко и сладко, что едва ли не ощущаю тактильно. Иногда я вынимаю из сумки твой автоматический пистолетик, провожу большим пальцем по гладкому дешевому хрому. Китайский, 22-го калибра, дуло не шире расширившихся зрачков твоих исчезнувших глаз.

Фокс теперь мертв, Сендии.

Он сказал, чтобы я забыл о тебе.

* * *

Помню, Фокс стоит, привалившись к обитой плюшем стойке в полутемном баре какой-то сингапурской гостиницы, кажется, на Бенкулен-стрит. Его руки рисуют в воздухе различные сферы влияния, расставляют на невидимой доске внутренних соперников. Взмах левой обозначает

---

[148] notes: 148
Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

кривую графика чьей-то карьеры, а указательный палец правой утыкается в меня — будто в прореху, которую он обнаружил в ограждении какого-нибудь мозгового треста. Фокс — снайпер в войне мозгов, посредник на перекрестках большого бизнеса. Он разведчик в тайных вылазках дзайбацу — транснациональных корпораций, контролирующих мировую экономику.

Я вижу, как Фокс ухмыляется, тараторит. Он встряхивает головой, отметая мои экскурсы в промышленный шпионаж. Передовой Рубеж, говорит он, всегда ищи Рубеж. Он произносит это слово с нажимом, так и слышится заглавная буква в начале. Рубеж для Фокса — чаша Грааля, необходимая составляющая выдающегося человеческого таланта, не подлежащая передаче, запертая в мозгу самых крутых ученых мира.

Рубеж не записать на бумагу, говорил Фокс, не набить на дискету.

Деньги делаются на отступниках, предающих свои корпорации.

Фокс был вкрадчив и ловок, как лис. Солидность его темных французских костюмов уравновешивалась мальчишеским вихром, не желавшим оставаться на своем месте. Меня всегда расстраивало то, как пропадала видимость изящества,

когда он отходил от стойки бара, — левое плечо вывернуто под таким углом, что не скрыть никакому парижскому портному. В Берне кто-то переехал Фокса такси, и ни один хирург так и не додумался, как выправить ему позвоночник.

Наверно, я пошел за ним, так как он сказал, что охотится за Рубежом.

И где-то там, на пути к Рубежу, я и нашел тебя, Сендии.

Отель с громким названием «Новая роза» — это всего лишь нагромождение гробов на обшарпанной окраине международного аэропорта Нарита. Пластиковые капсулы в метр высотой и три длиной штабелированы, как лишние зубы Годзиллы, на бетонной площадке у дороги в аэропорт. В потолок каждой капсулы вмонтирован телевизор. Дни напролет я смотрю японские викторины и старые фильмы. Временами держу в руке твой пистолет.

Иногда мне слышно, как над Наритой кружат самолеты, дожидаясь своей очереди заходить на посадку. Закрыв глаза, я представляю, как четкий белый инверсионный след расплывается, теряет форму.

Впервые я увидел тебя в дверном проеме обшарпанного бара в Йокогаме. Евразийка, по-

лугайдзин. Длинные ноги и сногсшибательный струящийся наряд, китайская копия с оригинала какого-то известного японского кутюрье. Темные европейские глаза, азиатские скулы. Я помню, как потом, в номере, ты вытряхнула сумочку на постель, выискивая что-то среди косметики. Мятый сверток новых иен, ветхая записная книжка, перетянутая резинкой, банковский чип «Мицубиси», японский паспорт с тисненой золотой хризантемой на обложке и китайский 22-й калибр.

Ты рассказала мне недлинную историю своей жизни. Твой отец был топ-менеджером в Токио, но теперь он опозорен, уволен и выброшен на улицу «Хосакой», самой могущественной среди дзайбацу. Той ночью твоя мать была голландкой, и ты разворачивала передо мной, пока я слушал, бесконечные летние дни амстердамских каникул, где голуби покрывают площадь Дамм мягким коричневым ковром.

Я никогда не спрашивал, что сделал твой отец, чтобы заслужить такой позор. Наблюдал за тобой, когда ты одевалась, смотрел, как ты встряхиваешь темными прямыми волосами, как они прорезают воздух.

Теперь «Хосака» охотится за мной.

Капсулы «Новой розы» подвешены на бывших строительных лесах — стальные трубы под яркой эмалью. Когда я карабкаюсь по лестнице, снежинки облупившейся краски, кружась, летят вниз, осыпаются с каждым моим шагом по шаткому настилу. Левая рука отсчитывает люки гробов. Надписи на нескольких языках грозят штрафами за потерю ключа.

Я поднимаю глаза — взглянуть, как из Нариты взлетают самолеты; это дорога домой, но дом теперь недоступен, как Луна.

Фокс моментально сообразил, как тебя использовать, но у него не хватило прозорливости понять, что и у тебя могут быть амбиции. Но ведь он не лежал с тобой рядом на пляже Камакуры, вслушиваясь в твои ночные кошмары, никогда не слышал полностью придуманного детства, неуловимого и изменчивого под равнодушными звездами. Детский рот открывается, чтобы поведать новую версию недавнего прошлого. И всякий раз ты клялась, что этот вариант — истинная и окончательная правда.

Мне было все равно, я сжимал твои бедра, а под локтем остывал колючий песок.

Однажды ты оставила меня, убежала на пляж, сказав, что потеряла ключ. Я обнаружил его в

двери, спустился к морю — и нашел тебя по колено в прибое. Гибкая спина напряжена, глаза устремлены куда-то вдаль. Ты не могла говорить. Тебя била дрожь. Трясло во имя иных будущих и лучших прошлых.

Сендии, ты оставила меня там.

Как оставила мне все свои вещи.

Этот пистолет. Твоя косметика: тени и румяна, запечатанные в пластик. Подаренный Фоксом мини-компьютер «Крэй», а в нем — список покупок, который ты, очевидно, вводила сама. Иногда я прокручиваю этот список, глядя, как изящно скользит по серебристому экранчику каждая запись.

Морозильная камера. Ферментер. Инкубатор. Система электрофореза с интегрированной камерой для агар-агара и транслюминатором. Прибор для вживления тканей. Мощный жидкостной хроматограф. Проточный цитометр. Спектрофотометр. Четыре дюжины боросиликатных сцинтилляционных флаконов. Микроцентрифуга. И синтезатор ДНК со встроенным компьютером. Плюс необходимый софт.

Недешево, Сендии, но тогда по нашим счетам платила «Хосака». Месяц спустя ты заставила их заплатить гораздо дороже, впрочем, к тому

времени тебя было уже не найти.

Этот список тебе явно составлял Хироси. Наверное, в постели. Хироси Йомиури. Он был собственностью «Маас-Биолабс Лтд». «Хосака» хотела прибрать его к рукам.

Он был крут. На Рубеже, и передовее некуда. Фокс следил за генными инженерами с одержимостью фаната, не отрывающего глаз от игроков любимой команды. Фоксу так хотелось заполучить Хироси, что он едва ли не во рту ощущал вкус этого желания.

До твоего появления он трижды посылал меня во Франкфурт — просто взглянуть на генетика. Не для того, чтобы закинуть удочку или даже просто кивнуть или подмигнуть ему. Только посмотреть.

Судя по всему, Хироси прочно осел на немецкой земле. Наш японец отыскал себе немочку с пристрастием к консервативным ценностям и к сапожкам для верховой езды, начищенным до блеска свежего каштана. Купил отреставрированный дом на престижной площади. Стал брать уроки фехтования и забросил кендо.

И повсюду «маасовская» охрана, слаженная команда профессионалов — светлый тягучий сироп наружного наблюдения. Вернувшись, я

сказал Фоксу, что дело гиблое, что нам до Хироси никогда не добраться.

Ты сделала это за нас, Сендии. Единственно возможным способом.

Наши контакты в «Хосаке» играли роль специализированных клеток, защищающих материнский организм. Мы же были мутагенами, Фокс и я, сомнительными агентами, вольно дрейфующими в мутных водах моря, что плещется между корпорациями.

После того как ты прибыла в Вену, мы предложили им Хироси. Люди дзайбацу и глазом не моргнули. Мертвая тишина в номере лос-анджелесского отеля. Они сказали, им нужно подумать.

Фокс произнес вслух имя главного конкурента «Хосаки» в генной инженерии. Как гулко оно отдалось в мертвой тишине. Фокс нарушил неписаное правило, запрещающее называть настоящие имена.

Нужно подумать, сказали они.

Фокс дал им три дня.

Перед Веной я повез тебя на неделю в Барселону. Я помню твои волосы, забранные под серый берет, отражение высоких монгольских скул в витринах антикварных лавок. Ты шагала по Рам-

блас к финикийской гавани, мимо стеклянных крыш рынка Меркадо… апельсины из Африки…

Старый «Риц»: в нашей комнате тепло, темно, мягкая тяжесть Европы укрывает нас ватным одеялом. Я мог войти в тебя, когда ты спала. Ты всегда была готова. Видеть, как твои губы складываются в мягкое округлое «о» удивления. Твое лицо готово утонуть в пухлой белой подушке… архаичные простыни «Рица». Внутри тебя я воображал, что вижу буйство неона, толпы людей, снующих вокруг вокзала в Синдзюку, бредовую электрическую ночь. Ты и двигалась как бы в ритме нового века, сонная и чуждая душе любого народа.

В Вене я поселил тебя в любимом отеле жены Хироси. Тихая дрема солидного вестибюля, пол выложен плиткой наподобие шахматной доски. В начищенных медных лифтах пахло лимонным маслом и маленькими сигарами. Так легко было представить себе эту немочку здесь — начищенные сапожки отражаются в полированном мраморе, — но мы знали, что на этот раз она не приедет.

Она отправилась на курорт куда-то в долину Рейна, а Хироси — в Вену на конференцию. Когда отель наводнила служба безопасности «Мааса»,

тебя нигде не было видно.

Хироси прибыл час спустя — один.

Представь себе, сказал как-то Фокс, инопланетянина, который прибыл, чтобы определить доминирующую форму разума на планете. Инопланетянин осматривается, потом делает выбор. Как ты думаешь, кого он выберет?

Я, вероятно, пожал плечами.

Дзайбацу, ответил на свой вопрос Фокс, транснационалов. Плоть и кровь дзайбацу — это информация, а не люди. Сама структура совершенно независима от составляющих ее отдельных личностей. Корпорация как форма существования.

Только не начинай опять о Рубеже, взмолился я.

«Маас» не такой, все твердил Фокс, не обращая на меня внимания.

«Маас» маленький, быстрый, беспощадный. Атавизм. «Маас» — воплощенный Рубеж.

Мне вспоминается, как Фокс распространялся о сути Рубежа Хироси. Радиоактивные нуклеазы, моноклональные антитела, что-то связанное с зацеплением белков, нуклеидов… Бешеные, называл их Фокс, бешеные белки. Скоростные передачи внутри белковых цепей. Он говорил, что Хироси — настоящий монстр, что он из тех,

кто сметает устоявшиеся парадигмы, изобретает новые отрасли науки, устраивает радикальную переоценку целой области знаний. Базовые патенты, говорил Фокс, и горло у него перехватывало от неземного богатства этих двух слов с высоким, едким запахом прилипших к ним беспошлинных миллионов.

«Хосака» желала заполучить Хироси, но и для них его Рубеж тоже был чересчур передовым. Они хотели, чтобы Хироси работал в изоляции.

Я отправился в Марракеш, в древний город Медина. Отыскал подходящую лабораторию — бывшую героиновую, переоборудованную под вытяжку феромонов. Купил ее на деньги «Хосаки».

Потом мы с потным португальским бизнесменом шли через рынок Джемаха-эль-Фна, обсуждая флюоресцентное освещение и установку вытяжных шкафов. За стенами города — высокие хребты гор Атлас. Джемаха-эль-Фна запружена фокусниками, танцорами, сказителями, мальчишками, ногами вращающими гончарный круг, безногими нищими с деревянными плошками под мультипликационными голограммами с рекламой французского софта.

Мы шагали мимо тюков сырой шерсти и пласт-

массовых пробирок с китайскими микрочипами. Я намекнул, что мои работодатели планируют производить синтетический бета-эндорфин. Всегда подбрасывайте подручным что-нибудь доступное их пониманию.

Сендии, иногда я вспоминаю тебя в Харадзюку. Закрываю глаза здесь, в этом гробу, и мысленно вижу тебя… Блеск хрустального лабиринта бутиков, запах новой одежды. Я вижу, как твои скулы скользят вдоль хромированных прилавков с парижской кожей. Временами я держал тебя за руку.

Мы думали, наши поиски увенчались успехом, но на самом деле — это ты нашла нас, Сендии. Теперь я понимаю: ты сама настойчиво искала нас или таких, как мы. Фокс был вне себя от радости, обдумывая, как лучше использовать этот новый инструмент, яркий и острый, будто скальпель. Этот-то инструмент и поможет нам отсечь неподатливый Рубеж Хироси от ревнивого материнского организма «Маас-Биолабс».

Ты, наверное, долго искала, металась в безысходности ночей в Синдзюку. Ночей, которые ты тщательно удалила из разрозненной колоды своего прошлого.

Мое же собственное давным-давно кануло в

никуда. Кому, как не мне, знать, откуда берутся такие привычки, как у Фокса, — вытряхивать поздно вечером бумажник, перетасовывать документы на чужое имя. Он раскладывал их в различном порядке, передвигал с места на место, ждал, пока не сложится картинка. Я знал, что он ищет. Ты проделывала со своим детством то же самое.

Сегодня ночью в «Новой розе» я вытягиваю карту из колоды твоих прошлых.

Выбираю исходную версию, знаменитый «текст отеля в Йокогаме», продекламированный в ту первую ночь в постели. Выбираю опозоренного отца, служащего «Хосаки». «Хосака»… Подумать только, какое великолепие! И мать-голландку, и лето в Амстердаме… мягкое покрывало голубей на площади Дамм.

Из зноя Марракеша — в кондиционированные залы «Хилтона». Пока я читал твое сообщение, переданное через Фокса, влажная рубашка холодным компрессом липла к пояснице. Вся игра строилась на тебе, и ты была в ударе: Хироси оставит жену. Ты без малейшего труда связывалась с нами даже сквозь прозрачную плотную пленку службы безопасности «Мааса». Кто, как не ты, показал Хироси распрекрасное местечко, где

подают великолепный кофе и чудные булочки по-венски. Твой любимый официант был седоволос, добр, хромал на правую ногу и работал на нас. Шифрованные записки он забирал вместе с льняной салфеткой.

Весь сегодняшний день я слежу за маленьким вертолетом, вычерчивающим концентрические круги над моей крохотной страной, землей моего изгнания — отелем «Новая роза». Наблюдаю в отверстие люка за тем, как его терпеливая тень пересекает заляпанный жирной грязью бетон. Близко, совсем близко.

Из Марракеша я вылетел в Берлин. Встретился в баре с валлийцем и начал подготовку к исчезновению Хироси.

Механика его была сложной, изощренной, как медные шестеренки и скользящие зеркала театральной магии Викторианской эпохи. Однако желаемый эффект должен быть предельно прост. Хироси зайдет за «мерседес», работающий на водородном аккумуляторе, и исчезнет. Десяток агентов «Мааса», постоянно за ним наблюдающих, окружат грузовичок, как встревоженные муравьи. Вся служба безопасности «Мааса» эпоксидной смолой стянется к месту отбытия генетика.

В Берлине умеют быстро улаживать дела. Мне даже удалось устроить последнюю ночь с тобой. Я скрыл это от Фокса: он бы ворчал, что это излишний риск. Теперь мне уже не вспомнить название городка, где ты ждала меня. Я помнил его не больше часа, пока гнал машину по автобану под сероватым рейнским небом, и забыл в твоих объятиях.

Ближе к утру начался дождь. В нашем номере было одно окно, высокое и узкое, у которого я стоял и смотрел, как дождь серебряным гребнем расчесывает реку. Шорох твоего дыхания. Река текла под низкими каменными арками. Улица была пуста. Европа казалась мертвым музеем.

Я уже заказал тебе билет на самолет на новое имя, в Марракеш через Орли. Ты будешь уже в пути, когда я потяну за последнюю ниточку, и Хироси исчезнет из виду.

Ты оставила свою сумочку на темной столешнице старого бюро. Пока ты спала, я перебирал твои вещи и откладывал в сторону все шедшее вразрез с прикрытием, которое я купил тебе в Берлине. Я забрал китайский пистолет 22-го калибра, твой мини-компьютер и банковский чип. Вынул из портмоне новый голландский паспорт, чип швейцарского банка на то же имя и засунул

в твою сумочку.

Моя рука скользнула по чему-то плоскому. Вытащил. Подержал в руке дискету. Неказистая, никаких наклеек.

Она лежала у меня на ладони — эта смерть, — выжидая случая, чтобы ужалить, дремала, свернувшись кольцами кодов.

Так я и стоял, следил за твоим дыханием, смотрел, как поднимается и опадает твоя грудь. Видел полуоткрытые губы и — в припухлости нижней — легкий намек на синяк.

Дискету я кинул в твою сумочку. Когда я наконец лег, ты, проснувшись, перекатилась поближе ко мне. В твоем дыхании — электрическая ночь Новой Азии, будущее, которое поднимается в тебе ярким приливом, смывая все, кроме наступившего мгновения. В этом заключалась тайна твоего колдовства — в том, что ты жила вне истории, вся в настоящем.

И знала, как увести меня туда.

Тогда ты взяла меня с собой в настоящее в последний раз.

Бреясь, я слышал, как ты высыпаешь в мою сумку косметику. Я теперь голландка, сказала ты, хочу соответствовать.

Доктора Хироси Йомиури хватились в Вене, в

тихом переулке неподалеку от Зингерштрассе, в двух кварталах от любимого отеля его жены. Ясным октябрьским утром, на глазах десятка квалифицированных свидетелей, доктор Йомиури исчез.

Он ступил в Зазеркалье. Где-то за сценой — смазанная игра викторианского часового механизма.

В женевской гостинице я ответил на звонок валлийца. Дело сделано. Хироси провалился в кроличью нору и направляется в Марракеш.

Наливая себе виски, я думал о твоих ногах.

Через день мы с Фоксом встретились в Нарите, в суси-баре аэровокзала «Джапан эрлайнс». Он только что сошел с самолета «Эйр Марокко», измотанный и торжествующий. Естественно, ни о чем, кроме Хироси, он говорить не мог.

Понравилось, сказал он, имея в виду лабораторию. Любит, сказал он, имея в виду тебя.

Я улыбнулся. Ты ведь обещала через месяц встретиться со мной в Синдзюку.

Твой дешевый пистолетик в отеле «Новая роза». Хром уже пошел трещинами. Механизм топорный, грубая китайская штамповка в дешевом металле, с расплывчатыми иероглифами вдоль ствола. На обеих сторонах рукояти свернулся

красный пластмассовый дракон. Скорее детская игрушка, чем оружие.

Фокс ел суси на аэровокзале «Джей-Эй-Эль», пребывая в эйфории от того, как ловко мы провернули операцию. У него болело плечо, но он сказал: плевать. Теперь есть деньги на лучших докторов. На все, что угодно.

Почему-то для меня деньги «Хосаки» не имели особого значения. Нет, я не сомневался в нашем новом богатстве, но после той последней ночи с тобой оно казалось само собой разумеющимся, как будто пришло к нам вместе с новым порядком вещей, как признак того, кем и чем мы стали.

Бедняга Фокс. Со своими синими оксфордскими рубашками, накрахмаленными до небывалого хруста, с парижскими костюмами из самой насыщенно-темной ткани. Он сидел в «Джей-Эй-Эль», макая суси в прямоугольный лоточек с зеленым хреном, и дни его уже были сочтены.

Стемнело. Ряды гробов «Новой розы» освещены прожекторами с верхушек стальных раскрашенных мачт. Ничто здесь, похоже, не используется по своему прямому назначению. Все — бывшее в употреблении, все — отжившее свой век, даже гробы. Сорок лет назад эти капсулы стояли, наверное, в Токио или Йокогаме, современное удобство

для путешествующих бизнесменов. Быть может, в таком спал твой отец. Когда-то и стальные леса были новыми, и возвышались они, наверное, вокруг остова какой-нибудь зеркальной башни на Гиндзе, а на них суетились бригады строителей.

Вечерний бриз принес гомон из салона игры в патинко и запах тушеных овощей с лотков через дорогу.

Я намазываю креветочную пасту на оранжевые рисовые крекеры. Слышен гул самолетов.

В последние несколько дней в Токио мы с Фоксом занимали смежные номера на тридцать третьем этаже отеля «Хайятт». Никаких контактов с «Хосакой». Нам заплатили — и тут же стерли все данные о сделке из официальной памяти корпорации.

Но Фокс не унимался. Хироси был его детищем, его любимым проектом. У моего компаньона появился собственнический, почти отеческий интерес к Хироси. Рубеж был для Фокса всем. Так что он потребовал, чтобы я не терял связи с португальцем из Марракеша, который согласился по дружбе присмотреть за лабораторией Хироси.

Он звонил нам с автостоянок в Джемаха-эль-Фна, в трубке фоном звучали завывания разносчиков и волынки Атласа. В Марракеше

идет какая-то тайная игра, сказал он в первом же разговоре. Фокс кивнул: «Хосака».

Десяток звонков, и я заметил перемену в поведении Фокса — какое-то напряжение, рассеянность. Часто я заставал его у окна. Он глядел с тридцать третьего этажа вниз, на Императорские сады, погруженный в мысли, которыми не желал делиться.

Потребуй с него более подробное описание, сказал он через неделю. Ему показалось, что человек, которого наш связник видел выходящим из лаборатории Хироси, похож на Мённера, ведущего генного инженера «Хосаки».

Это он, сказал Фокс после следующего звонка. Еще звонок, и ему показалось, что он опознал Шедана, руководителя группы, занимающейся белками. Ни того ни другого уже более двух лет не видели за пределами научного городка корпорации.

К тому времени стало очевидно, что в Мединy потихоньку стягивают ведущих ученых «Хосаки», в аэропорт Марракеша слетались, тихонько шурша крыльями из углеродистого волокна, черные служебные «лир-джеты». Фокс качал головой. Уж он-то был профессионалом, и во внезапном скоплении всех лучших умов корпорации в Медине

ему виделся крупный просчет дзайбацу.

Господи, говорил он, наливая себе «Блэк лейбл», сейчас они свезли туда весь свой отдел биологии. Всего одна бомба. Он покачал головой. Одна граната в нужном месте в нужное время.

Я напомнил ему о технике насыщения агентурой, к которой, судя по всему, прибегла служба безопасности «Хосаки». У «Хосаки» есть свои люди в самой верхушке дивана, и массированное проникновение ее агентов в Марракеш возможно только с согласия и при содействии марокканского правительства.

Брось, сказал я, дело прошлое. Все кончено. Ты продал им Хироси, теперь забудь об этом.

Я знаю, что происходит, ответил он. Знаю. Я уже такое видел.

Он сказал, что в работе всякой лаборатории есть неуправляемый фактор неожиданности. Рубеж Рубежа, так он это называл. Иногда, когда один исследователь осуществляет прорыв, другим бывает трудно, почти невозможно повторить его результаты. Это более чем вероятно в случае Хироси, чьи идеи противоречат основным концепциям в области генной инженерии. И тогда вундеркинда перебрасывают из его родной лаборатории в корпоративную — покажи, мол, на что

ты способен. Несколько на первый взгляд бессмысленных настроек: повернул один рычажок, другой — и процесс идет. Бред какой-то, говорил Фокс, никто не знает почему, но ведь работает. И он усмехнулся.

Но они крупно рискуют, продолжал он. Эти ублюдки сказали нам, что изолируют Хироси, будут держать его подальше от русла основных исследований. Дерьмо. Готов поспорить на свою задницу, в научных кругах «Хосаки» идет борьба за власть. Какая-то шишка в надежде на прорыв проталкивает своих людей, притирает их о Хироси. Когда Хироси выбьет стул из-под генной инженерии, ребятишки из Медины будут уже готовы.

Он допил свой виски и пожал плечами.

Иди спать, сказал он. Ты прав, все кончено.

Я и в самом деле пошел спать, но меня разбудил телефон. Снова Марракеш, белая статика спутниковой связи, наплыв перепуганного португальского.

«Хосака» не заморозила наш кредит, он просто испарился как по мановению волшебной палочки. Золото эльфов. Только что мы были миллионерами в самой твердой в мире валюте — и вот мы нищие. Я разбудил Фокса.

Сендии, сказал он. Она продала. Агенты «Маасa» перевербовали ее в Вене. Господи помилуй.

Я отстраненно смотрел, как он вспарывает свой потрепанный чемодан швейцарским армейским ножом. Там между картоном и обивкой были клейкой лентой прикреплены три золотых слитка. Гибкие пластины, каждая заверена печатью казны какого-то испустившего дух африканского правительства.

Мне надо было бы разглядеть это раньше. Его голос звучал безжизненно.

Я сказал: «Нет». Кажется, я произнес твое имя.

Забудь ее, сказал он. На нас уже объявлена охота. «Хосака» же решит, что это мы их подставили. Берись за телефон и проверь наши счета.

Наш кредит исчез. В банке отрицали, что у нас вообще был счет.

Рвем когти, сказал Фокс.

И мы побежали. Через служебный вход прямо в суматоху уличного движения, по улицам Токио и до Синдзюку. Именно тогда я впервые осознал, как длинны руки «Хосаки».

Все двери заперты. Люди, с которыми мы два года вели дела, встречали нас пустыми лицами, и я видел, как у них во взгляде с грохотом захлопываются железные ставни. Мы выскакивали,

прежде чем они успевали добраться до телефона. Поверхностное натяжение беззаконного подполья утроилось, повсюду мы натыкались на отбрасывающую нас назад глухую мембрану. Никаких шансов лечь на дно, скрыться из виду.

«Хосака» позволила нам побегать бóльшую часть первого дня. А потом они послали своих людей во второй раз сломать Фоксу спину.

Не знаю, что там произошло, но я видел, как он падал. Мы оказались в универмаге на Гиндзе за час до закрытия, бежали по переходам… вдруг Фокс по широкой дуге летит вниз с полированного балкончика, в гущу всех этих товаров из Новой Азии.

Почему-то они проворонили меня, и по инерции я продолжал бежать. Вместе с Фоксом пропало золото, но у меня в кармане завалялась сотня нью-иен. Я бежал. Всю дорогу до отеля «Новая роза».

А теперь пришло мое время.

Пойдем со мной, Сендии. Слышишь, как бормочет неон вдоль трассы в международный аэропорт Нарита? Несколько запоздалых мотыльков безостановочно кружат над прожекторами «Новой розы».

Знаешь, что самое смешное, Сендии? Ино-

гда мне кажется, что тебя просто не было. Фокс как-то сказал, что ты — эктоплазма, призрак, вызванный экономикой в своем предельном проявлении. Призрак нового века, сгущающийся на тысячах постелей в «Хайяттах» и «Хилтонах» по всему миру.

Сейчас я сжимаю в кармане куртки твой пистолет, и с ним рука кажется такой далекой.

Я помню, как мой связник-португалец, забыв английский, пытался передать это на четырех языках, которые я едва понимал. Мне показалось, он толкует о том, что, мол, Медина горит. Нет, не Медина. Мозги лучших ученых «Хосаки». Чума, задыхаясь, шептал он, мой бизнесмен, чума, и лихорадка, и смерть.

Умница Фокс, он все вычислил, пока мы бежали. Мне не пришлось даже упоминать о дискете в твоей сумочке.

Кто-то перепрограммировал синтезатор ДНК, сказал он. Тот нужен был только для того, чтобы создать некую макромолекулу за одну ночь. Со своим встроенным компьютером и всем этим специализированным софтом. Дороговато, Сендии. Впрочем, сущая безделица по сравнению с тем, во что ты обошлась «Хосаке».

Надеюсь, «Маас» хорошо тебе заплатил.

Дискета у меня на ладони. Дождь над рекой. Я ведь все знал, но не смог взглянуть фактам в лицо. Я сам положил код этого вирусного менингита на место и лег рядом с тобой.

Так что Мённер умер, а с ним и все остальные ученые «Хосаки». Включая Хироси. Шедан остался жив, отделался неизлечимым повреждением мозга — едва ли это можно назвать жизнью.

Хироси и в голову не пришло подумать о последствиях рутинного эксперимента. Белки, программу которых он вводил, были совершенно безвредны. Так что синтезатор щелкал себе всю ночь, выстраивая вирус по инструкциям «Маас-Биолабс Лтд».

«Маас»… Маленький, быстрый, беспощадный… Воплощенный Рубеж.

Длинной стрелой дорога на аэропорт. Держись тени.

А я кричал что-то этому португальскому голосу, заставил его сказать мне, что сталось с девушкой, с женщиной Хироси. Исчезла, сказал он. Скрежет викторианского часового механизма.

Так что Фоксу пришлось упасть с четвертого яруса универмага на Гиндзе, упасть вместе с тремя смехотворными золотыми слитками и в последний раз сломать себе спину. На первом

этаже универмага все покупатели, прежде чем закричать, мгновение смотрели на него в полном молчании.

Я просто не в силах ненавидеть тебя, девочка.

А вертолет «Хосаки» вернулся. Огни погашены: он охотится в инфракрасных лучах, нащупывая теплую плоть. Приглушенный вой — это он закладывает вираж в нескольких сотнях метров, поворачивает к нам, к «Новой розе». Молниеносная тень на фоне свечения Нариты.

Все в порядке, девочка. Только, пожалуйста, приди. Возьми меня за руку.

Зимний рынок[149]

Здесь часто идут дожди. Зимой бывают дни, когда вообще света не видно: в небе лишь размытая серая муть. Но изредка занавес отдергивается, и минуты на три открывается вид на залитую солнцем и как бы висящую в воздухе вершину горы — будто эмблема перед началом фильма, снятого на студии самого Господа. Вот как раз в такой день и позвонили агенты Лайзы из глубин своей зеркальной пирамиды на бульваре Беверли. Сообщили, что она уже в сети, что ее больше нет и что «Короли грез» идут на «тройную платину». Я монтировал почти весь материал в «Королях», готовил эмоциокарту и все это сводил, так что и мне там кое-что причиталось.

«Нет, — сказал я. — Нет». Затем: «Да». Еще раз: «Да». И повесил трубку. Взял пиджак и, шагая через три ступеньки, направился прямиком в ближайший бар. Восьмичасовое помутнение закончилось на бетонном карнизе в двух метрах над темной, как полночь, водой Фалс-Крик… Вокруг — огни города и все та же опрокинутая

---

[149] notes: 149
Перевод А. Корженевского

серая чаша небосклона, только поменьше и в отблесках неона и ртутных ламповых дуг. Шел снег, крупные редкие снежинки; они падали на черную воду и исчезали без следа. Я бросил взгляд вниз, на свои ноги, и увидел, что носки туфель выступают за бетонный карниз, а между ними все та же темная вода. На мне были японские туфли, новые и дорогие, с Гиндзы, из тонкой мягкой кожи, с резиновыми носками… Не знаю, сколько на самом деле прошло времени — наверно, много, — прежде чем я сделал тот первый шаг назад.

Наверно, я стоял так долго, потому что ее уже нет, и это я позволил ей уйти. Потому что теперь она бессмертна, и помог ей тоже я. Потому что знал: она обязательно позвонит. Утром.

* * *

Отец мой был инженером звукозаписи. Еще тогда, до цифровых дел. Процессы, которыми он занимался, относились больше к механике — есть в этом что-то такое неуклюжее, квазивикторианское, знаете, как во всей технологии двадцатого века. В общем, человек его профессии — скорее просто токарь. Ему приносили аудиозаписи, и он нарезал звуки на дорожках, накатанных на

лаковом диске. Затем делалась гальваническая обработка, и в конце концов получались формы для штамповки пластинок, этих черных штуковин, которые еще можно увидеть в антикварных магазинах. Помню, он мне как-то рассказывал, за несколько месяцев до смерти, что определенные частоты — кажется, он называл их «транзиенты» — могут запросто сжечь головку, ту, что нарезает звуковые дорожки. Они тогда черт-те сколько стоили, и, чтобы избежать пережогов, использовалась такая штука, которая у них называлась «акселерометр». Вот об этом я и думал, стоя над водой: сожгли-таки.

Да, именно.

Причем она сама этого хотела.

Тут уж никакой акселерометр не спасет.

* * *

По пути к кровати я отключил телефон. Правда, сделал это немецким студийным треножником, так что починка встанет не меньше чем в недельный заработок — это я про треножник.

Спустя какое-то время очнулся, взял такси и отправился на Гранвилл-Айленд, к Рубину.

Рубин для меня в каком-то смысле и повелитель, и учитель — как говорят японцы, «сэнс-

эй», — хотя это трудно объяснить. На самом деле он скорее повелитель мусора, хлама, отбросов, бескрайних океанов выброшенного барахла, среди которых плывет наш век. *Гоми но сэнсэй.* Повелитель мусора.

Когда я нашел его на этот раз, Рубин сидел между двумя механическими драм-машинами довольно зловещего вида. Раньше я их не видел: ржавые паучьи лапы, сложенные в центре двух созвездий из побитых стальных барабанов — банок, собранных на свалках Ричмонда. Он никогда не называет свое жилище студией и никогда не говорит о себе как о художнике. «Так, дурака валяю», — характеризует он свои занятия, словно для него это продолжение тягучих и скучных мальчишеских дней где-нибудь на заднем дворе фермы. Рубин бродит по этому захламленному, забитому всякой всячиной мини-ангару, прилепившемуся на краю Рынка у самой воды, а за ним неотступно следуют его наиболее умные и шустрые творения — этакий добродушный Сатана, озабоченный планами еще более странных процессов в подвластном ему мусорном аду. Помню, одно время он программировал свои конструкции, чтобы они распознавали гостей в одежде от самых модных модельеров сезона и обкладывали

их на чем свет стоит; другие его детища вообще непонятно что делают, а часть создается, похоже, лишь для того, чтобы саморазрушаться, производя при этом как можно больше грохота. Рубин, он как ребенок, но в выставочных залах Токио и Парижа за его произведения платят бешеные деньги.

Я рассказал ему о Лайзе. Он позволил мне выговориться, затем кивнул:

— Знаю. Какой-то урод из Си-би-си звонил мне уже восемь раз. — Он сделал глоток из своей побитой кружки. — «Уайлд тёрки», хочешь?

— Почему они тебе звонят?

— Потому что мое имя есть на обложке «Королей грез». В посвящении.

— Я еще не видел диска.

— Она тебе пока не звонила?

— Нет.

— Позвонит.

— Рубин, ее уже нет. И тело кремировали.

— Знаю, — сказал он. — Но она все равно позвонит.

* * *

Гоми.

Где кончается гоми и начинается мир? Уже

лет сто назад японцам некуда было сваливать гоми вокруг Токио, так они придумали, как делать из гоми жизненное пространство. В 1969 году японцы выстроили в Токийском заливе небольшой островок, целиком из гоми, и назвали его Островом Мечты. Но город непрерывным потоком выбрасывал свои девять тысяч тонн гоми в день, и вскоре построили Новый Остров Мечты, а сегодня технология отлажена, и новые японские территории растут в Тихом океане как грибы после дождя. Об этом рассказывают по телевизору в новостях. Рубин смотрит, но никак не комментирует.

Зачем ему говорить о гоми? Это его среда обитания, воздух, которым он дышит. Всю свою жизнь он плавает в гоми как рыба в воде. Рубин мотается по округе в своем грузовике-развалюхе, переделанном из древнего аэродромного «мерседеса», крышу которого закрывает огромный, перекачивающийся из стороны в сторону полупустой баллон с природным газом. Он постоянно что-то ищет, какие-то вещи под чертежи, нацарапанные изнутри на его веках кем-то, кто выполняет у него роль музы. Рубин тащит в дом гоми. Иногда гоми еще работает. Иногда, как в случае с Лайзой, дышит.

Я встретил Лайзу на одной из вечеринок у Рубина. Он часто устраивает вечеринки. Сам их не особенно любит, но вечеринки у него всегда классные. Я уже счет потерял, сколько раз той осенью просыпался на пенопластовой плите под рев древней автоматической кофеварки Рубина — этакого полированного монстра, на котором восседает огромный хромированный орел. Отражаясь от стен из гофрированного металла, звук превращается в жуткий рев, но в то же время и здорово успокаивает. Ревет — значит, будет кофе. Значит, жизнь продолжается.

В первый раз я увидел ее в «кухонной зоне». Это не совсем кухня, просто три холодильника, плитка и конвекторная печка, которую он притащил в числе прочего гоми. Первый раз: она стоит у открытого «пивного» холодильника, а оттуда на нее падает свет. Я сразу заметил скулы, волевую складку рта, но также заметил черный блеск поликарбона у запястья и блестящее пятно на руке, где экзоскелет натер кожу. Я тогда был слишком пьян, чтобы все это понять, но все же сообразил: что-то здесь не то. И я поступил точь-в-точь так, как люди обычно поступают с Лайзой: переключился «на другое кино». Вместо пива направился к винным бутылкам, что стояли на стойке у печи,

и даже не оглянулся.

Но она сама меня нашла. Часа два спустя заметила и, грациозно лавируя между людьми и горами хлама, подошла. Жутковатая, надо заметить, грациозность, но так уж эти экзоскелеты программируют. Глядя, как она приближается, я уже понял, что у нее экзоскелет, но от смущения не сообразил, что можно спрятаться, отойти или, невнятно извинившись, просто смыться. Так и стоял как столб, обняв за талию какую-то незнакомую девицу. Лайза карикатурно-грациозно двигалась — вернее, ее двигало — прямо ко мне; девица вдруг засуетилась, вывернулась и ускользнула в толпу. Лайза остановилась напротив; тонкий, словно нарисованный карандашом, поликарбоновый протез застыл, удерживая тело в равновесии. Я посмотрел ей в глаза — впечатление было такое, будто я слышу, как работают ее синапсы: невыносимо высокий визг крохотных механизмов, открывающих под действием магика доступ в каждую микросхему ее мозга.

— Пригласи меня домой, — сказала она, и каждое слово — как удар хлыстом.

Кажется, я мотнул головой.

— Пригласи.

В голосе и боль, и нежность, и удивительная

жесткость.

Только в это мгновение я вдруг понял, что меня никто еще не ненавидел так глубоко и отчаянно, как сейчас эта изможденная болезнью девчонка, — за то, как я посмотрел на нее и отвернулся там, у «пивного» холодильника Рубина.

И тогда я сделал то самое, что все мы иногда делаем непонятно почему, хотя какая-то часть души точно знает, что иначе нельзя.

Я пригласил ее домой.

* * *

У меня всего две комнаты в старом ветшающем строении на углу Четвертой и Макдональд-стрит, десятый этаж. Лифты обычно работают. Если сесть на ограждение балкона и, держась за угол соседнего дома, откинуться назад, можно увидеть небольшой вертикальный срез моря и гор.

По дороге от студии Рубина до дома Лайза не проронила ни слова. Я уже достаточно протрезвел и, отпирая дверь, чувствовал себя ужасно неуютно.

Первое, что она увидела в квартире, был портативный эмоциомикшер, который я притащил домой из «Автопилота» предыдущим вечером. Экзоскелет немедля перенес ее через залитый

светом пыльный пол ближе — ну прямо манекенщица на подиуме. Теперь, когда не мешал шум вечеринки, я слышал мягкие щелчки суставов. Лайза чуть наклонилась, разглядывая эмоциомикшер, и теперь мне стали видны выделяющиеся под черной кожаной курткой ребра экзоскелета. Наверно, одна из этих болезней, подумал я тогда. Или какая-нибудь старая, с которыми так и не научились справляться, или из новых, скорее всего экогенных, — половине из них и названий-то еще не придумали. Без экзоскелета с микроэлектронным интерфейсом прямо в мозг она просто не могла двигаться. Эти хрупкие на вид поликарбоновые прутики двигали ее руками и ногами, а пальцами управляли более тонкие, гальванические накладки. Я вспомнил о школьных уроках, где лягушки дрыгают лапками под воздействием тока, и тут же устыдился.

— Это ведь эмоциомикшер… — произнесла она каким-то новым, словно издалека, голосом, и я подумал, что действие магика, должно быть, проходит. — Зачем он тебе?

— Я на нем монтирую, — ответил я, закрывая входную дверь.

— Ну да! — Она рассмеялась. — И где же?

— На Острове. Есть такая студия, называется

«Автопилот».

Лайза посмотрела на меня через плечо, затем, уперев руку в бедро, повернулась — или ее повернуло? Серые поблекшие глаза вдруг кольнули меня целой гаммой переживаний — и ненависть, и действие магика, и какая-то пародия на желание.

— Хочешь меня, монтажер?

Я снова почувствовал удар хлыста, но нет, теперь-то меня так просто не возьмешь… Я уставился на нее холодным взглядом — словно из какого-то отупевшего от пива центра своего ходячего, говорящего, подвижного, совершенно обыкновенного организма, — и слова вырвались у меня будто плевок:

— А ты что-нибудь почувствуешь?

Бум! Может, она моргнула, но на лице ничего не отразилось.

— Нет. Но иногда я люблю смотреть.

* * *

Два дня спустя после ее смерти в Лос-Анджелесе.

Рубин стоит у окна и смотрит, как падает снег в воду Фалс-Крик.

— Так ты с ней ни разу не переспал?

Одна из его электронных игрушек, маленькая, словно сбежавшая с полотен Эшера, ящерица на роликах, поджав хвост, ползает передо мной по столу.

— Нет, — говорю я, и это правда, отчего мне вдруг становится смешно. — Но мы врубились напрямую. В ту самую первую ночь.

— С ума сошел, — говорит Рубин, хотя в голосе чувствуется одобрение. — Ты мог себя угробить. Сердце могло остановиться или дыхание… — Он отворачивается к окну. — Лайза еще не звонила?

* * *

Мы врубились. Напрямую.

Раньше я никогда этого не делал. И если бы вы спросили меня почему, я бы ответил, что работаю монтажером, а врубаться напрямую непрофессионально.

Однако правда выглядит скорее так.

Среди профессионалов — имеется в виду легальный бизнес, я никогда не занимался порнухой — необработанный материал называют «сухими снами». Сухие сны — это нейрозапись уровней сознания, которые большинству людей доступны только во сне. Но художники, те, с кем я работаю в «Автопилоте», способны преодолеть это поверх-

ностное натяжение, нырнуть глубже, на самое дно моря Юнга, и достать оттуда… ну, в общем, да, именно сны. Для простоты сойдет. Очевидно, многие художники были способны на это и раньше — в живописи, в музыке и так далее, — но нейроэлектроника дала нам возможность прямого доступа к их ощущениям. Теперь это можно записать, оформить, продать… и проследить, насколько товар популярен. Ну, чем больше все меняется, тем больше все по-прежнему, как говаривал мой отец.

Обычно я получаю необработанный материал в студийных условиях, уже прошедший через электронные фильтры и прочую аппаратуру стоимостью в несколько миллионов долларов, и мне не нужно видеть самого художника. А то, что мы выдаем потребителю, структурировано, сбалансировано и превращено в искусство. До сих пор есть наивные люди, которые полагают, будто им и в самом деле понравится, если подрубиться напрямую к кому-то, кого они, например, любят. Большинство подростков, видимо, пробуют — хотя бы раз. Это несложно. «Рэйдио Шэк»[150] совсем недорого продает и ящик, и электроды, и провода.

---

[150] notes: 150

Букв.: «Радиохлам» — сеть дешевых магазинов радио-, кино– и электронной аппаратуры.

Но сам я никогда этого не делал. Даже теперь, все обдумав, я вряд ли смогу объяснить почему. И вряд ли захочу.

Но я знаю, почему сделал это тогда, с Лайзой. Посадил ее на мексиканский диван и воткнул штекер оптовывода в гнездо у нее на позвоночнике — на гладком, похожем на плавник выступе экзоскелета почти у шеи, где его скрывали длинные темные волосы. Я сделал это, потому что она назвала себя художницей, потому что в каком-то смысле мы оказались непримиримыми противниками и я ни в коем случае не хотел проиграть сражение. Может, вам этого не понять, но ведь вы никогда и не знали ее или узнали только через «Королей грез», а это не одно и то же. Вы никогда не чувствовали ее жуткий в своей целеустремленности голод — голод в паре с иссушающим желанием. Меня всегда пугали люди, которые точно знают, чего они хотят, а Лайза знала, что ей нужно, уже очень давно, и больше ее ничего не интересовало. Я боялся тогда признаться себе, что напуган, и, кроме того, в микшерной «Автопилота» мне довелось видеть достаточно много чужих снов, чтобы понять: то, что порой представляется людям этакими «внутренними монстрами», слишком часто оказывается в ровном освещении

собственного сознания смехотворным, мелочным и глупым. К тому же я был пьян.

Нацепив электроды, я потянулся к тумблеру эмоциомикшера. Я отключил все его студийные функции и на время превратил восемьдесят тысяч долларов японской электроники в эквивалент одного из тех ящиков, что продаются в «Рэйдио Шэк».

— Поехали, — сказал я и щелкнул тумблером.

Слова… Слова бессильны. Ну разве что едва-едва способны… Если бы я знал, как передать, что из нее вырвалось, что она со мной сделала…

В «Королях грез» есть один фрагмент… Вы мчитесь на мотоцикле в полночь по шоссе, где за отвесным краем, далеко внизу, море; никаких огней вокруг, но вам свет и не нужен; мотоцикл несется так быстро, что вы будто висите вместе с ним в конусе тишины, потому что звук за вами не поспевает, теряется — все теряется позади.

В «Королях» это лишь миг, но такие мгновения просто не забываются, даже в ряду тысяч других, и вы возвращаетесь к ним постоянно, навсегда включив их в свой словарь ощущений. Потрясающий фрагмент! Свобода и смерть, прямо здесь, рядом…

Но я получил все это навалом, в необработан-

ном, чудовищно усиленном виде, стремительным напором, бомбой, взорвавшейся в пустоте, перенасыщенной нищетой, одиночеством и безвестностью.

И этот стремительный напор, увиденный мной изнутри, — и она сама, и ее цель.

Мне хватило, наверно, четырех секунд.

Разумеется, она победила.

Я снял электроды и уставился невидящими от слез глазами на плакаты в рамах на стене.

На нее я смотреть не мог. Слышал только, как она отсоединила оптический вывод, как скрипнул экзоскелет, поднимая Лайзу с дивана, как он защелкал, унося ее на кухню за стаканом воды.

Я заплакал.

* * *

Рубин вставляет в брюхо игрушки на роликах тонкий щуп и разглядывает микросхемы через увеличительное стекло, подсвечивая себе крохотными фонариками на висках.

— И тебя зацепило.

Он пожимает плечами и поднимает взгляд. В студии уже темно, и мне в лицо бьют два узких луча света. В металлическом ангаре Рубина холодно и сыро. Откуда-то издалека, с берега, доносится

сквозь туман предупреждающий вой сирены.

— Да?

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Видимо… Я не выбирал…

Лучи света вновь опускаются в силиконовые внутренности сломанной игрушки.

— Тогда все нормально. Ты правильно поступил. Я имею в виду, она давно решила, что ей нужно. И к тому, что она сейчас там, ты причастен не больше, чем, скажем, твой эмоциомикшер. Не ты, так она бы еще кого-нибудь нашла…

* * *

Я договорился с Барри, старшим монтажером, и выторговал себе двадцать минут на пять утра. Промозглым сентябрьским утром Лайза пришла и окатила меня тем же набором ощущений, но теперь я был готов. Фильтры, эмоциокарты и прочее — короче, мне не пришлось переживать все это заново с такой же силой. Затем я недели две выкраивал минуты в монтажной, делал из ее записи нечто, что можно показать Максу Беллу, владельцу «Автопилота».

Белл не особенно обрадовался, когда я объяснил, что принес. Скорее даже наоборот. От монтажеров, которые разрабатывают собствен-

ные проекты, как правило, одни неприятности: каждый такой монтажер рано или поздно решает, что он наконец «открыл» кого-то, кто станет новой звездой, но кончается это почти всегда пустой тратой времени и денег. Белл кивнул, когда я закончил рекламировать Лайзу, затем почесал нос колпачком фломастера:

— Угу. Понял. Самый крутой хит с тех пор, как рыбы отрастили ноги, да?

Однако он подключился к демонстрационному софту, который я смикшировал, и, когда диск выскочил из прорези его настольного «Брауна», Белл долго сидел с застывшим лицом, уперев взгляд в стену.

— Макс?

— А?

— Что ты об этом думаешь?

— Я?.. Думаю?.. Как, ты сказал, ее зовут? — Он моргнул. — Лайза? И кто, говоришь, ее подписал?

— Лайза… Никто, Макс. Пока она ни с кем ничего не подписывала.

— Боже правый… — пробормотал Белл, так и не оправившись от потрясения.

* * *

— Знаешь, как я ее нашел? — спрашивает Рубин, шаря по рваным картонным коробкам в поисках переключателя.

Коробки заполнены старательно рассортированным гоми: литиевые аккумуляторы, танталовые конденсаторы, штекеры, хлебные доски, липкая лента для ограждений, феррорезонансные трансформаторы, мотки проволоки… В одной из коробок лежат несколько сотен оторванных голов кукол Барби, в другой — похожие на перчатки скафандра металлизированные рукавицы для опасных работ. Ангар залит светом; раскрашенный в духе Кандинского жестяной богомол поворачивает голову размером с мячик для гольфа в сторону самой яркой лампочки.

— Я ездил на Гранвилл, искал новое гоми. Забрел в какую-то аллею и вижу — сидит. Я заметил экзоскелет, да и выглядела она не очень. Спросил, что с ней. Молчит, только глаза закрыла. Ну, думаю, ладно, я, в конце концов, не за этим приехал. Но спустя часа четыре возвращаюсь тем же маршрутом, а она все еще сидит. «Слушай, — говорю, — милая, может, у тебя барахлит эта чертовщина? Так я могу помочь». Молчит. Ну

я и пошел.

Рубин подходит к рабочему столу и гладит тонкие металлические конечности богомола бледным пальцем. За столом на вспухших от влаги щитах из прессованного картона висят плоскогубцы, отвертки, пистолеты с клейкой лентой, ржавая духовушка «Дейзи», ножницы, щипцы, щупы-тестеры, паяльная лампа, карманный осциллоскоп, — кажется, тут собраны все инструменты, когда-либо изобретенные человечеством, и никто даже не пытался рассортировать их, хотя я еще ни разу не видел, чтобы Рубин, протянув руку, ошибся.

— Потом я все-таки вернулся, — продолжает он. — Спустя, наверно, час. Она к тому времени уже отключилась. Я ее притащил сюда и проверил экзоскелет. Оказалось, сдохли аккумуляторы. Видимо, она уползла туда на остатках энергии и осталась умирать с голоду.

— Когда это было?

— Примерно за неделю до того, как ты увел ее к себе.

— Но если бы она умерла? Если бы ты ее не нашел?

— Кто-нибудь другой нашел бы. Но она просто не могла ни о чем попросить сама, понимаешь?

Только принять, если предложат. Не хотела быть в долгу.

* * *

Макс нашел для нее агентов, и на следующий день прилетела частным джетом троица младших партнеров из какого-то агентства — чистенькие, гладенькие, как на картинке. Лайза отказалась встречаться с ними в «Автопилоте» и настояла, чтобы мы привезли их к Рубину, где она все это время жила.

— Добро пожаловать в Кувервиль, — сказал Рубин, когда они просочились в дверь.

Его вытянутое лицо было вымазано машинным маслом, а ширинка рабочего комбинезона держалась на скрепке. Молодые люди машинально улыбнулись, но у девицы улыбка получилась более естественной.

— Мистер Старк, — заговорила она, — я на прошлой неделе была в Лондоне и видела в галерее Тейт вашу инсталляцию.

— «Батареечная фабрика Марчелло», — ответил Рубин. — Британцы говорят, что это, мол, скатология. — Он пожал плечами. — Одно слово, британцы. Хотя, может, они и правы.

— Правы. Но это еще и очень забавно.

Молодые люди в костюмах сияли, как два маяка. Демонстрационная запись уже попала в Лос-Анджелес, и они знали, зачем приехали.

— Значит, вы и есть Лайза, — сказала девушка, пробираясь к ней между развалами гоми. — Скоро вы станете очень знаменитой, Лайза. Нам о многом надо поговорить.

Лайза, поддерживаемая своим экзоскелетом, стояла неподвижно, и выражение лица у нее было такое же, как тогда, у меня дома, когда она спросила, хочу ли я с ней переспать. Но если эта девица из агентства и заметила что-то, она ничем себя не выдала. Профессионализм.

Я пытался убедить себя, что я тоже профессионал.

И заставил-таки успокоиться.

* * *

Повсюду вокруг рынка горят в железных бочках костры из мусора. Все еще идет снег, и подростки жмутся поближе к огню, как артритные вороны, переминаются с ноги на ногу, запахиваясь от резкого ветра в свои темные пальто. Выше, в артистических трущобах, висят чьи-то замерзшие на веревках простыни — огромные розовые листы на фоне тусклых зданий и мешанины из

спутниковых антенн и панелей солнечных батарей. Крутится не переставая ветряной генератор, собранный кем-то из экологически озабоченных жильцов: вот, мол, фиг вам вместо платы за электричество.

Рубин шлепает рядом в заляпанных краской кедах, втянув голову за воротник огромной, явно не по росту, армейской куртки. Время от времени его узнают, кто-нибудь показывает пальцем и говорит: вон, мол, пошел этот тип, который делает все эти сумасшедшие штуковины — роботов и прочее дерьмо.

— Знаешь, почему тебе сейчас трудно? — спрашивает он, когда мы заходим под мост, двигаясь к Четвертой улице. — Ты из тех, кто всегда читает инструкции. Все, что люди придумывают, любая техника служит определенной цели. Техника должна делать что-то такое, что люди уже понимают. Но если это новая техника, она открывает новые горизонты, о которых раньше никто не догадывался. Ты всегда читаешь инструкции и ни за что не станешь экспериментировать. И ты заводишься, когда кто-нибудь использует технику для того, о чем ты сам не додумался. Вот как с Лайзой.

— Она не первая.

Над нами грохочет транспорт.

— Да, но она наверняка первая из тех, кого ты знал лично. Лайза взяла и переписала себя в память машины. Тебе ведь до лампочки было, когда года три-четыре назад сделал то же самое этот, как его там, француз, писатель, верно?

— Пожалуй. Так, подумал я, рекламный трюк…

— А он, между прочим, все еще пишет. И самое интересное, будет писать и дальше — если кто-нибудь не подорвет его машину.

Я вздрагиваю, трясу головой:

— Но это ведь не он, верно? Всего лишь программа.

— Любопытная мысль… Трудно сказать с уверенностью. Однако, что касается Лайзы, мы узнаем. Она ведь не писатель.

* * *

«Короли», считай, были уже готовы, упакованы у нее в черепе, как ее тело в клетке экзоскелета.

Агенты сделали ей контракт с крупной фирмой и выписали из Токио рабочую группу. Лайза заявила им, что хочет монтажером только меня. Я отказался. Макс затащил меня к себе в кабинет и пригрозил уволить, если не соглашусь. Без меня им просто незачем было работать в студии

«Автопилота». Ванкувер едва ли можно назвать центром индустрии, и агенты Лайзы хотели, чтобы она работала в Лос-Анджелесе. Для Макса этот контракт значил большие деньги, а для «Автопилота» — шанс пробиться в высшую лигу. Я же даже не мог объяснить ему, почему отказываюсь: слишком все было заумно и слишком лично. Если я соглашусь, мол, она одержит последнюю победу. Так мне, во всяком случае, тогда казалось. Но Макс был настроен серьезно. Он просто не оставил мне никакого выбора, и мы оба знали, что другую работу я сейчас быстро не найду. В общем, мы вернулись вместе и сказали агентам, что все утрясли: я готов работать.

В ответ — три белозубые улыбки.

Лайза достала заполненный магиком ингалятор и прямо при всех приняла чудовищную дозу. Мне показалось, что девушка из агентства чуть приподняла бровь, но не больше. Бумаги были подписаны, и Лайза могла делать все, что хочет, — до определенной степени, конечно.

А Лайза всегда знала, чего ей хочется.

«Королей» — по крайней мере, их основу — мы записали за три недели. Все это время я находил множество причин, чтобы не бывать у Рубина, иногда даже сам верил в то, что придумывал. Лай-

за по-прежнему оставалась у него, хотя агентов это не очень устраивало: они считали, что там просто небезопасно. Рубин позже сказал мне, что ему пришлось связаться со своим агентом, чтобы тот позвонил им и поскандалил, после чего они вроде бы отстали. Я даже не знал, что у Рубина есть агент. С ним почему-то легко забывалось, что на самом деле Рубин Старк — очень известный человек, известнее, чем все, кого я знал, и уж наверняка известнее, чем, по моим представлениям, могла стать Лайза. Я понимал, что мы работаем с классным материалом, но в нашем деле трудно предугадать, как хорошо пойдет та или иная запись.

Однако там, в «Автопилоте», я работал с ней время от времени напрямую. Лайза просто поражала.

Она словно родилась для этой формы искусства, хотя на самом деле, когда Лайза появилась на свет, технологии, давшей эмоциозаписи жизнь, и в помине не было. Невольно закрадывалась мысль: сколько же тысяч — или миллионов? — феноменальных художников так и умерли за прошедшие века, не выразив себя, — все, кто не могли стать поэтами, живописцами или саксофонистами, хотя у них был дар, электроимпульсы в

мозгу, ждущие лишь микросхем, которые сделают их фантазии доступными другим…

Работая с Лайзой в студии, я кое-что о ней узнал — так, всякие мелкие подробности. Родилась она в Виндзоре. Отец был американцем, воевал в Перу, вернулся домой сдвинутый и почти слепой. Болезнь у нее врожденная. Нарывы и раздражение на коже, потому что она никогда не снимает экзоскелет: от одной только мысли, что она станет беспомощна, Лайза начинает задыхаться, она уже давно пристрастилась к магику и в день принимает столько, что хватило бы на целую футбольную команду.

Врачи, которых наняли ее агенты, изготовили пористые прокладки под прутья из поликарбона, залечили и забинтовали распухшие нарывы, накачали Лайзу витаминами и попробовали посадить на диету, но никто даже не пытался отобрать у нее ингалятор.

Кроме того, агенты притащили с собой парикмахеров, косметологов, модельеров, специалистов по имиджу и команду шустрых хомячков из отдела рекламы. Лайза переносила все издевательства, можно сказать, с улыбкой.

Но все эти три недели мы почти не разговаривали. Только чисто студийные дела, то, что

обычно бывает между художником и монтажером, сплошные термины. Ее воображение создавало такие сильные, предельно ясные картины, что ей почти не приходилось объяснять мне отдельные эффекты. Я брал ее записи, обрабатывал и прогонял ей то, что получалось. Она говорила «да» или «нет». Обычно «да». Агенты заметили это, одобрили и, похлопав Макса Белла по спине, пригласили его пообедать. Мне сразу же дали прибавку.

Я действительно хороший профессионал. Дельный, внимательный, чуткий. Я решил, что теперь уже не сломаюсь, и старался не вспоминать ту ночь, когда плакал. Кроме того, я прекрасно понимал, что за всю свою жизнь ничего лучше «Королей» еще не делал, а это тоже своего рода кайф.

Однажды утром, около шести, после долгой-долгой записи — Лайза выдала тогда ту жутковатую сцену с котильоном, ее еще называют «Танец призраков», — она со мной заговорила. Один из парней-агентов околачивался в студии всю ночь, скалился, но под утро ушел, и в «Автопилоте» воцарилась мертвая тишина, только в кабинете Макса работал кондиционер.

— Кейси, — сказала Лайза хриплым от магика

голосом, — извини, что я так на тебя… навалилась.

На секунду я подумал, что она говорит о записи, которую мы только что сделали. Затем поднял взгляд, увидел ее, и мне пришло в голову, что мы остались одни. Последний раз такое было, когда я готовил демонстрационную пленку.

Я не знал, что ей ответить. Не понимал даже, что у меня на душе.

Экзоскелет в буквальном смысле подпирал ее, держал на ногах, и сейчас она выглядела еще хуже, чем в тот вечер, когда мы встретились у Рубина. Даже макияж, который постоянно обновляли спецы по косметике, не спасал: магик поедал ее изнутри, и временами казалось, что за маской-лицом не особенно привлекательной девчонки, по сути подростка, проглядывает череп с пустыми глазницами. Кстати, я даже не знал, сколько ей лет. Не стара и не молода, по виду вообще не поймешь…

— Эффект наклонной плоскости, — произнес я, сматывая провод.

— Как это?

— Таким образом природа предупреждает, что пора задуматься, своего рода математический закон: на любом возбуждающем средстве настоя-

щий кайф можно словить только несколько раз, даже если увеличивать дозы. Никогда больше не будет такого же кайфа, как в самом начале. Во всяком случае, не должно быть. Это, кстати, общий недостаток всех модельных наркотиков: они слишком хитро сконструированы. У чертовщины, что ты вдыхаешь, на какой-нибудь из молекул есть маленький хвостик, который не даст разложившемуся адреналину превращаться в адренохром. Если бы не хвостик, ты уже давно стала бы шизофреничкой. У тебя не бывает неприятностей с дыханием? Ты, например, когда спишь, не задыхаешься?

Я говорил каким-то злым голосом, хотя даже не понимал, был ли на самом деле зол.

Она долго не сводила с меня своих тусклых серых глаз. Вместо дешевой кожаной куртки модельеры подобрали ей матово-черный блузон, который скрывал ребра экзоскелета гораздо лучше. Лайза всегда застегивала его под горло, хотя в студии бывало порой слишком жарко. Днем раньше на ней пробовали что-то новое парикмахеры, но у них ничего не получилось, и ее непослушные темные волосы торчали над треугольным лицом, как перекошенный взрыв. Она смотрела мне в глаза, и я вдруг снова почувствовал, насколько

целенаправленно она действует.

— Я вообще не сплю, Кейси.

Только гораздо позже я вспомнил, что Лайза извинилась — единственный раз; это было, как мне показалось, не в ее стиле; больше я от нее ничего подобного не слышал.

* * *

Диета Рубина состоит из сэндвичей, что продаются в автоматах, пакистанских блюд навынос и кофе, тоже из автоматов. Я никогда не видел, чтобы он ел что-то другое. Мы сидим с ним в маленькой забегаловке на Четвертой улице, за крошечным столиком между стойкой и дверью в сортир, и едим самосы. Рубин заказал себе двенадцать штук — шесть с мясом и шесть с овощами. Глотает их одну за другой, не отвлекаясь ни на что, даже подбородок не вытирает. Он здесь бывает чуть ли не каждый день, хотя не выносит грека за стойкой. Тот, впрочем, отвечает ему тем же — настоящие прочные отношения. Если грек уволится, Рубин, возможно, перестанет сюда ходить. Грек пялится на крошки, прилипшие к подбородку Рубина и осыпающиеся на куртку, а в перерывах между самосами, сузив глаза за грязными стеклами очков в стальной оправе,

Рубин отвечает ему колючими взглядами.

Самосы — это обед. На завтрак у него куски подсохшего белого хлеба с яичным салатом, упакованные в молочно-белые пластиковые коробки, и шесть маленьких чашек ядовито-горького эспрессо.

— Ты не мог этого предвидеть, Кейси. — Рубин смотрит на меня в упор через захватанные стекла. — Потому что у тебя слабовато с латеральным мышлением. Ты всегда читаешь инструкции. Что, по-твоему, ей было нужно? Секс? Больше магика? Мировое турне? Она все это оставила позади. И оттого стала такой сильной. Все — позади. Вот почему «Короли грез» такой крутой хит, почему их все покупают, почему верят. Им это понятно. Все те мальчишки на Рынке, что греют зады у костров и не знают даже, где сегодня будут ночевать, они ей верят. За последние восемь лет это самый крутой эмоциодиск. Мне тут один из магазина на Гранвилле сказал, что «Королей» крадут больше, чем покупают всего остального. Замотались уже заказывать новые партии. Лайзу покупают, потому что Лайза такая же, как они, только глубже. Ни мечты, ни надежды. На них, на этих мальчишках, нет клеток, Кейси, но сами-то они все больше и больше просекают, что

топчутся на месте, как в камере, и ничего им не светит. — Он стряхивает с подбородка жирные крошки, но три все равно остаются. — Лайза им это пропела, рассказала так, как они сами не смогут, нарисовала им картину. А деньги потратила, чтобы вырваться, вот и все.

Я смотрю, как пар оседает на окне и большими каплями стекает вниз, оставляя на запотевшем стекле мокрые дорожки. За окном угадывается частично «раздетая» «Лада»: колеса сняты и машина стоит осями на асфальте.

— А много людей это с собой сделали, Рубин? Не знаешь?

— Не очень. Хотя трудно сказать, потому что большинство из них, наверно, политики, про которых мы с надеждой думаем, что они безвозвратно мертвы. — Взгляд у него становится какой-то странный. — Не особенно приятная мысль. Но так или иначе, технология какое-то время была доступна прежде всего им. Даже для миллионеров это пока дорогое удовольствие, но я слышал по крайней мере о семи. Говорят, в «Мицубиси» раскошелились для Вайнберга — еще до того, как у него накрылась иммунная система. Он у них возглавлял гибридомную лабораторию на Окаяме. Их акции по моноклонам по-прежнему

идут хорошо, так что, может быть, это и правда. И Ланглуа, француз этот, писатель… — Рубин пожимает плечами. — У Лайзы не было таких денег. Даже сейчас нет. Но она пробралась в нужное место и как раз в нужное время. Ей недолго оставалось до конца, но она попала в Голливуд, а там уже поняли, что «Короли» пойдут отлично.

В тот день, когда мы закончили работу, челночным рейсом «Джей-Эй-Эль» прибыла группа из Лондона, четверо тощих парней с гипертрофированным чутьем на моду и, казалось, полным отсутствием эмоций — в общем, хорошо отлаженная, смазанная машина. Я усадил их рядом, в одинаковые кресла, в студии «Автопилота», намазал виски соляной пастой, прилепил электроды и прогнал им смикшированный вариант того, что готовилось как «Короли грез». Вернувшись в реальный мир, они загомонили все разом, на этакой британской разновидности тайного языка, с которым знакомы лишь студийные музыканты, замахали руками и полностью забыли про меня.

Но я кое-что разобрал и понял, что они в восторге. По их мнению, получилось просто здорово. Так что я подхватил куртку и смылся. Пасту могут и сами стереть.

В тот вечер я видел Лайзу в последний раз, хотя

и не собирался с ней встречаться.

* * *

Мы возвращаемся назад к Рынку. Рубин звучно переваривает обед. В мокром асфальте отражаются красные тормозные огни машин, а город за Рынком кажется чистенькой скульптурой, высеченной из света, — ложь, в которой сломленные и потерянные зарываются в гоми, растущем, словно слой гумуса у подножий стеклянных башен.

— Мне завтра нужно во Франкфурт, собирать инсталляцию. Хочешь со мной? Оформлю тебя как техника-ассистента. — Он ежится и втягивает голову в пятнистую куртку. — Платить не могу, но авиабилеты за счет фирмы, а?

Странно слышать от Рубина такое предложение, но я знаю, что он за меня беспокоится, думает, я слишком завожусь из-за Лайзы, и это единственное, что пришло ему в голову, — вытащить меня куда-нибудь из города.

— Во Франкфурте сейчас холоднее, чем здесь.

— Но тебе не помешало бы сменить обстановку, Кейси. Я не знаю…

— Спасибо, но у Макса для меня много работы. «Автопилот» теперь — известная фирма. Люди прилетают со всех концов света.

— Ну-ну…

* * *

Оставив музыкантов в «Автопилоте», я отправился домой. До Четвертой дошел пешком, а дальше поехал троллейбусом. Мимо витрин, которые я вижу каждый день, ярких, расцвеченных, веселых. Одежда, обувь, дискеты, японские мотоциклы, похожие на чистеньких эмалированных скорпионов, итальянская мебель… Витрины меняют тут каждый сезон, да и сами магазины — одни закрываются, другие открываются. Чувствовалось, что все происходит в предпраздничном режиме: больше людей на улицах, многие парами, быстро и целеустремленно шагают мимо ярких витрин куда-то, где продается именно то, что нужно подарить тем-то и тем-то. Половина девушек в высоких, выше колен, дутых стеганых сапогах из нейлона — мода пришла из Нью-Йорка прошлой зимой, и Рубин говорит, в этих сапогах они выглядят так, будто всех слоновая болезнь хватила. Вспомнив об этом, я невольно улыбнулся, и тут вдруг до меня дошло, что все кончилось, что с Лайзой я расквитался, что теперь ее утянет в Голливуд так же неотвратимо, как если бы она сунула ногу в космическую черную дыру,

утянет немыслимой силы тяготение Больших Денег. Поверив, что она уже ушла из моей жизни — уведена, — я расслабился, снял оборону и почувствовал к ней жалость. Но только чуть-чуть. Потому что не хотел, чтобы что-нибудь портило мне вечер. Я хотел гулять и веселиться. Со мной этого уже давно не было.

Я вышел на своей остановке. Лифт сработал с первого раза — хороший знак, подумалось мне. Поднявшись домой, я разделся, принял душ, нашел чистую рубашку и разогрел в микроволновке несколько буррито. Приходи в себя, посоветовал я своему отражению, бреясь перед зеркалом. Ты слишком много работал. Твоя кредитная карточка растолстела, и пора это поправить.

Буррито напоминали по вкусу картон, но я решил, что мне это даже нравится, потому что они такие агрессивно-обычные. Машина у меня была на ремонте в Бернаби — водородный аккумулятор стал плохо держать заряд, — так что вести не придется. Можно будет пойти и нарезаться от души, а утром позвонить Максу и сказать, что приболел. Выступать он не станет; я у него теперь примадонна, и Макс мне кое-чем обязан.

Слышишь, Макс, ты мне теперь по гроб жизни должен, сказал я, достав из морозильника за-

потевшую бутылку «Московской» и обращаясь за неимением Макса к ней. Никуда ты теперь не денешься. Я три недели подряд монтировал грезы и кошмары одной очень сдвинутой особы, Макс. Для тебя. Чтобы ты толстел и процветал, Макс… Я налил на три пальца водки в пластиковый стаканчик, оставшийся от большой гулянки, что я устраивал с год назад, и пошел обратно в гостиную.

Иногда мне кажется, что тут вообще никто не живет. В смысле живет, но он — никто. Не то чтобы у меня беспорядок, нет, в общем-то, я неплохо справляюсь с уборкой, хотя делаю это скорее по привычке. Даже пыль на рамах сверху не забываю стирать, и все такое, но временами мне вдруг становится здесь как-то зябко, неуютно: тут ничего нет, кроме самого обычного набора самых обычных вещей. Не то чтобы мне хотелось завести кошку, горшки с цветами расставить или еще что. Просто иногда я думаю, что тут мог бы жить кто угодно; все так взаимозаменяемо, моя жизнь и ваша, моя и чья-то еще…

Я думаю, что Рубин именно так жизнь и воспринимает, но для него это источник силы и вдохновения. Он живет в чужом мусоре, и все, что он тащит домой, было когда-то новеньким

и блестящим, что-то для кого-то значило, пусть хоть недолго. Вот он и собирает хлам в свой идиотский грузовик, свозит к себе и выдерживает до поры до времени, как в компостных кучах, пока не придумает что-нибудь новое, куда этот хлам можно употребить. Рубин как-то показывал мне свою любимую книгу по искусству двадцатого века, там была фотография движущейся скульптуры под названием «Мертвые птицы снова летят» — этакая конструкция, которая крутила на веревочках трупики мертвых птиц. Рубин улыбнулся и кивнул; я почувствовал, что он считает автора своего рода духовным наставником. Но что он подумает, глядя на мои плакаты в рамах, на мой мексиканский диван, на мою кровать из темперлона? Впрочем, решил я, он-то, возможно, и придумает что-нибудь необычное. Вот поэтому он известный художник, а я — нет.

Я подошел к окну и прижался лбом к стеклу, такому же холодному, как стакан у меня в руке. Пора двигаться, подумалось мне. Первые симптомы болезненного страха перед городским одиночеством. А это легко излечивается. Допиваешь. И идешь.

Нарезаться как следует мне в тот вечер так и не удалось. Но здравого смысла я тоже не проявил.

Надо было плюнуть, пойти домой, посмотреть какой-нибудь древний фильмец и завалиться спать. Однако напряжение, копившееся во мне все эти три недели, гнало меня дальше, как пружина механических часов, и я продолжал слоняться по ночному городу, по большей части наугад, и время от времени добавлял то в одном баре, то в другом. Вот в такую ночь, казалось мне, легко ускользнуть в другой континуум, в альтернативный мир, где город выглядит точно так же, но там нет ни одного человека, которого ты любишь или знаешь, нет никого, с кем бы ты хоть однажды заговорил. В такую ночь можно зайти в знакомый бар и обнаружить, что там заменили весь штат… А затем ты вдруг осознаешь, что и зашел-то лишь для того, чтобы увидеть хоть какое-то знакомое лицо — официантки, бармена, кого угодно… Веселью это, как известно, не способствует.

Я, однако, не останавливался, побывал уже в шести или семи заведениях, и в конце концов меня занесло в какой-то клуб в западной части города. Выглядел он так, будто обстановку там не меняли еще с девяностых годов: облупленный хром поверх пластика и размытые голограммы, от которых, если пытаешься разобрать картинку, начинает болеть голова. Кажется, Барри мне об

этом заведении рассказывал, но, убей бог, не знаю зачем. Я огляделся и ухмыльнулся. Если специально ищешь какую-нибудь унылую дыру, то лучше места не найти. Да, сказал я себе, усаживаясь на угловой стул у стойки бара, то, что надо: и грустно, и гнусно. Настолько гнусно, что я, может быть, сумею остановить свое падение в эту бездонную дерьмовую ночь. Тоже неплохо будет. Вот сейчас приму еще на дорожку, повосторгаюсь этой пещерой и — на такси домой.

Тут я увидел Лайзу.

Она меня пока не заметила: я как вошел, так и сидел с поднятым от ветра воротником, Лайза устроилась в дальнем конце бара, а перед ней стояли два глубоких пустых фужера — их еще подают с такими маленькими гонконгскими зонтиками или пластиковыми русалками в коктейле. Когда она посмотрела на парня рядом с ней, я заметил у нее в глазах блеск магика и догадался, что напитки были безалкогольные: при таких дозах наркотика мешать его с алкоголем — верная смерть. Зато парень уже поплыл, с его лица не сходила тупая пьяная улыбка, и он едва не падал со стула, хотя все время что-то говорил, говорил, пытаясь сфокусировать взгляд на ее лице. Лайза сидела в своем новом черном блузоне,

застегнутом до подбородка, и казалось, что ее череп просвечивает сквозь бледную кожу, как тысячеваттная лампа. Увидев ее в этом баре, я вдруг многое понял.

Понял, что она действительно умирает — или от магика, или от своей болезни, или от всего вместе. Что она давно это знает. Что парень рядом с ней слишком пьян, чтобы заметить экзоскелет, но дорогой блузон и то, как Лайза сорит деньгами, он тем не менее заметил. И что происходит именно то, на что это больше всего похоже.

Увиденное как-то не укладывалось в голове. Что-то во мне противилось моим же выводам.

А Лайза улыбалась — или, во всяком случае, изображала нечто в ее представлении похожее на улыбку — и своевременно кивала, когда парень заплетающимся языком изрекал очередную глупость. Невольно вспоминалась ее фраза о том, что она любит смотреть.

Теперь я понимаю, что, не встреть я ее в этом баре, с этим парнем, мне было бы гораздо легче принять то, что случилось позже. Возможно, я бы даже порадовался за нее или как-то поверил в то, во что она превратилась — создала по своему образу и подобию, — в программу, которая притворяется Лайзой, причем настолько хорошо, что

сама в это верит. Я бы поверил, как верит Рубин, что она все оставила позади, — Пресвятая Жанна электронного века, жаждущая лишь слияния со своим компьютерным божеством в Голливуде. Что в час прощания с этой жизнью она ни о чем не пожалеет. Что отбрасывает беспомощное настрадавшееся тело с криком облегчения. Что теперь она наконец свободна от поликарбоновых пут и постылой плоти. Может быть, так оно и есть. Я не сомневаюсь, что именно так она это и представляла раньше.

Но я видел ее в баре, видел, как она держит за руку этого пьяного парня, хотя сама даже не ощущает прикосновения. И я понял тогда, сразу и на всю жизнь, что мотивы человеческого поведения никогда не бывают ясными и однозначными. Даже у Лайзы, с ее безумным, разъедающим душу стремлением наверх, к славе и кибернетическому бессмертию, были слабости. Человеческие слабости. Я все понимал и сам себя за это ненавидел.

В тот вечер она решила попрощаться с собой. Найти кого-нибудь настолько пьяного, чтобы он сделал это за нее. Потому что Лайза действительно любила смотреть.

Думаю, она заметила меня на выходе: я чуть не бегом оттуда выскочил. И если заметила, то,

наверно, возненавидела еще сильнее — за ужас и жалость, написанные на моем лице.

Больше я ее никогда не видел.

* * *

Надо будет как-нибудь спросить у Рубина, почему он не умеет смешивать ничего, кроме сауэров с «Уайлд тёрки». Хотя крепкие получаются, ничего не скажешь… Рубин подает мне побитую алюминиевую кружку. Вокруг тикает, мельтешит, воровато переползает с места на место вся эта механическая мелкота, что он насоздавал.

— Тебе все-таки стоит махнуть во Франкфурт, — не унимается он.

— Зачем, Рубин?

— Затем, что рано или поздно она тебе позвонит. А ты, мне кажется, сейчас к этому не готов. Ты еще не очухался, а программа будет говорить ее голосом, думать как она, и ты совсем свихнешься. Поехали-ка во Франкфурт, отойдешь немного. Ей там тебя не отыскать.

— Я же говорил: работы много, — отвечаю я, вспоминая, как увидел ее в баре. — И потом, Макс…

— Да пошли ты этого Макса куда подальше. Он на тебе кучу денег огреб, так что пусть не рыпа-

ется. Ты, кстати, и сам на «Королях» разбогател. Не ленись, позвони в банк — сам убедишься. Так что вполне можешь позволить себе небольшой отпуск.

Я смотрю на него и думаю, расскажу ли ему когда-нибудь о той последней встрече.

— Рубин, спасибо, приятель, но я просто… — (Он вздыхает и отхлебывает из своей кружки.) — Вот скажи, если позвонит, это она будет или нет?

Рубин долго не сводит с меня пристального взгляда:

— А бог ее знает. — Кружка с легким стуком опускается на стол. — Я в том смысле, что технология уже отработана, так почему бы и нет, в самом-то деле.

— И ты считаешь, мне все-таки стоит махнуть во Франкфурт?

Рубин снимает очки в стальной оправе и протирает стекла о фланелевую рубашку — чище они от этого не становятся.

— Считаю. Тебе надо отдохнуть. Ты это сам поймешь. Если не сразу, то очень скоро.

— В смысле?

— Например, когда начнешь монтировать ее следующую запись. А этого, видимо, ждать недолго, потому что ей понадобятся деньги, и уже

скоро. Она занимает в памяти машины, которая принадлежит какой-то корпорации, чертовски много места, и даже ее доли в «Королях» не хватит, чтобы полностью расплатиться за все эти дела. Ты ведь теперь ее монтажер, Кейси. Кто же, кроме тебя?

Я сижу и смотрю, как он пристраивает очки обратно на нос, сижу не шевелясь.

— Кто, как не ты, старик, а?

Одно из его творений издает негромкий отчетливый щелчок, и до меня вдруг доходит, что он прав.

Поединок[151]
Майкл Суэнвик, Уильям Гибсон

Он собирался ехать и ехать, не останавливаясь, прямиком во Флориду. Завербоваться на шхуну контрабандистов оружием; глядишь, и прибьет ветром к армии каких-нибудь вонючих повстанцев из очередной горячей точки. С таким, как у него, билетом он был словно вечный скиталец, прикованный к своему кораблю — «Летучему голландцу» от компании «Грейхаунд». В холодном засаленном стекле, на фоне огней деловой части Норфолка, угрюмо скалилось его слабое отражение. Водитель лихо завернул за последний угол, автобус устало закачался на продавленных рессорах и, отчаянно дребезжа, остановился на сером бетоне привокзальной площади, унылой, как тюремный двор. Однако Дейк, прижавшись щекой к стеклу, видел совсем другое: как его, голодного, окончательно замораживает налетевший откуда-нибудь из Осуиго буран — и на следующей остановке ворчливый старик-уборщик в замызганной спецовке выметает из салона

---

[151] notes: 151
Перевод В. Ахметьевой под ред. А. Черткова

задубевшие останки. Ладно, решил Дейк, так или иначе — плевать. Вот если бы только не ноги, которые, казалось, уже умерли. Водитель тем временем объявил двадцатиминутную остановку: «Станция Тайдуотер, Виргиния». Автовокзал, будто перенесенный из прошлого века, представлял собой старое шлакоблочное строение с двумя входами в каждый туалет.

На деревянных ногах Дейк с трудом выполз из автобуса и привидением завис близ галантерейного прилавка, но чернокожая девчонка бдительно защищала жалкое содержимое старой стеклянной витрины, будто малейшая пропажа грозила ей увольнением. А может, и вправду грозила, подумал Дейк и отвернулся. Напротив туалетов была открытая дверь в заведение, предлагавшее посетителям «ИГРЫ», — вывеска была сделана из биофлюоресцентной пластмассы и слабо мерцала. Внутри Дейк заметил толпу местных бездельников, сгрудившихся вокруг бильярдного стола. Бесцельно, окутанный скукой, словно облаком, он сунулся в дверь. И сразу увидел крошечный биплан с крыльями не длиннее пальца, охваченный ярко-оранжевым пламенем. Кувыркаясь в штопоре, оставляя длинный хвост дыма, тот падал на стол, а затем, коснувшись

зеленого сукна, мгновенно исчез.

— Так его, Крошка! — взревел один из болельщиков. — Уделай этого сукина сына!

— Эй! — позвал Дейк. — Что происходит?

— Крошка защищает свой «Макс», — сказал, не отводя глаз от стола, ближайший болельщик — тощий как жердь, в черной сетчатой кепке с надписью «Питербилт».

— Да? Ну и что? — Но, спрашивая, Дейк уже знал ответ: голубой эмалированный мальтийский крест с круговой надписью «Pour le Mérite».[152]

«Голубой Макс» лежал на краю стола — прямо перед громадной, совершенно неподвижной тушей, втиснутой в хрупкое на вид кресло из хромированных трубок. Исполинская рубашка цвета хаки обтягивала могучий торс так плотно, что пуговицы, казалось, вот-вот с треском разлетятся. Дейку вспомнились полицейские-южане, вроде тех, на кого он сейчас постоянно натыкался в пути. Крошка был из такой же странной тяжеловесной породы людей, чьи тонкие ноги, казалось, принадлежат чужому телу. Если бы он встал, его джинсы пятидесятого размера только

[152] notes: 152

«За заслуги» *(фр.)*. Описывается орден, неофициально прозванный «Голубым Максом», — высшая военная награда Пруссии (впоследствии — Германии) с 1740 г. и до конца Первой мировой войны.

со стальным ремнем удержали бы эти фунты расползшегося жира. Но это если бы он мог подняться: Дейк увидел, что блестящее сооружение, на котором сидит Крошка, — кресло-каталка. На лице этого человека сохранилось беспокойно-детское выражение; отталкивающе юные и даже красивые черты были погребены в складках одутловатых щек и подбородка. Дейк смущенно отвел глаза. Боец с другого края бильярдного стола — тонкогубый, с густыми баками — непрерывно щурился и гримасничал, как будто вымаргивал соринку из глаза…

— Тебе чего, деревня? — Мужик в кепке повернулся и, сверкнув для начала медными браслетами, схватил Дейка за лацканы куртки. — Здесь не нужны болваны вроде тебя. — Он опять уставился на сражение.

Заключались обычные в таких случаях пари, делались ставки. Болельщики вытаскивали заначки — старые добрые рузвельтовские даймы и доллары с изображением статуи Свободы, некоторые, поосторожнее, выкладывали на стол антикварные бумажные купюры, заклеенные в пластик. Вдруг в дымке появилось ровно летящее трио крошечных красных самолетиков. «Фоккеры Д-VII». Комната мгновенно затихла.

«Фоккеры» величественно совершили вираж под двухсотваттным электрическим солнцем.

Словно ниоткуда вынырнул голубой «спад». От скрытого дымным сумраком потолка отделились еще два. Болельщики возбужденно загалдели, один дико заржал. Строй красных аэропланов в беспорядке распался. Один «фоккер» нырнул прямо к зеленому сукну стола, но «спад» цепко висел у него на хвосте. Красный «фоккер» носился возле самой поверхности сумасшедшими зигзагами, но безуспешно — «спад» не отставал. Наконец «фоккер» свечой ринулся вверх — противник не отставал, — но не рассчитал, взял слишком круто и потерял скорость; высота была слишком маленькой, чтобы не упасть.

Кто-то получил кучу звонких серебряных монет.

«Фоккеры» остались в меньшинстве. У одного из них на хвосте повисли два «спада». Мимо аэропланчика пронеслась тончайшая цепочка трассирующих пуль. «Фоккер» скользнул вправо, сделал иммельман, оказался позади одного из своих преследователей, тут же открыл огонь — и голубой биплан, кувыркаясь, пошел вниз.

— Давай, Крошка, не расслабляйся! — Болельщики возбужденно придвинулись прямо к

столу.

Дейк замер в восхищении. Он чувствовал, что рождается заново.

* * *

«Мелочная торговля Фрэнка» стояла на грузовом шоссе всего в двух милях от города. Дейк машинально приметил лавку, проезжая мимо на автобусе, и сделал мысленную зарубку. Теперь он возвращался пешком вдоль бетонных ограждений. С грохотом проносились огромные восьмиосные грузовики с прицепами и обдавали его вихрем, грозящим разорвать в клочья. Придорожные магазинчики были устроены просто. Кругом не было ни души, и Дейк не торопясь стал потрошить лавочку. Интересовавший его стеллаж с компьютерными играми находился между корейскими ковбойками и витриной с грязевыми щитками «Фазз Бастер». Над проволочным стеллажом в воздухе медленно кружилась парочка то ли дерущихся, то ли спаривающихся восточных дракончиков. Наконец Дейк увидел нужную упаковку с надписью «„СПАДЫ“ И „ФОККЕРЫ“». Чтобы выудить ее, ему понадобилось три секунды. А чтобы отключить сигнализацию с помощью магнита, который фараоны из округа Колум-

бия даже не подумали конфисковать, — и того меньше.

Перед уходом Дейк прихватил пару программаторов и вспомогательное устройство дистанционного управления фирмы «Батанг», похожее на старинный слуховой аппарат.

* * *

В наобум выбранной высотке Дейк скормил управляющему ту же легенду, что скармливал управляющим всегда, с тех пор как вылетел с велфера. Впрочем, обычно жильцами никто не интересовался, государство только считало количество занятых помещений и платило.

В отведенной ему комнатенке воняло мочой, а стены были сплошь исцарапаны анархистскими лозунгами Фронта освобождения. Дейк выгреб из угла хлам, сел, прислонившись к стене, и разорвал упаковку игры.

Там были: сложенная инструкция с диаграммами мертвых петель, бочек и иммельманов, тюбик проводящей пасты и компьютерная распечатка с тактико-техническими данными. И сама облатка; с одной стороны на белом пластике изображен голубой биплан, с другой — красный. Дейк повертел ее в руках: «„СПАДЫ“ И „ФОККЕРЫ“»,

«„ФОККЕРЫ“ И „СПАДЫ“». Красное и голубое.

Дейк укрепил за ухом «батанг», смазал поверхность индуктора пастой, подсоединил к программатору оптоволоконный провод, включил программатор в стенную розетку. Потом вставил в программатор облатку. Аппарат был дешевый, индоявanский, и при запуске программы в затылке неприятно зажужжало. Но когда все было сделано, в нескольких дюймах от лица беспокойно заметался небесно-голубой «спад». Он сверкал почти как настоящий. Подобно большинству тщательно проработанных музейных муляжей, аэроплан обладал таинственной внутренней достоверностью, но удержать его в поле зрения можно было, лишь максимально концентрируясь. Как только внимание рассеивалось, настройка сбивалась, нарушалась визуализация, и крохотный биплан расплывался в туманное пятно.

Дейк тренировался, пока в «батанге» не села батарейка, затем откинулся к стене и мгновенно уснул. Ему снилось, что он летит в безбрежно-голубом небе среди белых облаков, вдали от земных забот, недоступный превратностям судьбы.

* * *

Он проснулся от сильного запаха жареных лепешек с крилем — и его затрясло от голода. Денег больше не было. Впрочем, в доме наверняка жило много студентов. Кто-нибудь обязательно заинтересуется программатором. Дейк с надеждой направился в коридор. Неподалеку он увидел дверь с транспарантом: «А ОТЛИЧНАЯ ЖЕ ВСЕЛЕННАЯ ПО СОСЕДСТВУ!» Ниже, поверх романтичного плаката «космической колонии», которую начали строить, когда он еще только родился, была наклеена звездная россыпь разноцветных пилюль, вырезанная из рекламы какой-то фармацевтической компании. «ИДЕМ!» — приглашала надпись над коллажем из снотворного.

Он постучал. Дверь слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и в двухдюймовую щель выглянуло девичье лицо.

— Да?

— Вы, видно, думаете, что эта штука ворованная. — Он перекладывал программатор с ладони на ладонь. — Наверное, потому, что она совсем новенькая, даже упаковка не распечатана. Послушайте. Я не стану спорить. Нет. Я просто хочу

сказать, что она стоит вполовину дешевле, чем где-либо еще.

— Да ну? Неужели? Без дураков? — На губах девушки заиграла странная улыбка. Она медленно протянула руку ладонью вверх. Прямо к его носу. — Глянь-ка!

В ладони была дыра, черный туннель, уходящий вверх по руке. Два маленьких красных мерцающих огонька. Крысиные глазки! Они бросились к нему, по пути вырастая. Что-то серое мелькнуло и прыгнуло ему прямо в лицо.

Дейк в испуге закричал, пытаясь заслониться руками, поскользнулся и упал прямо на программатор.

Сжимая голову руками, он забился в судорогах — и во все стороны брызнули кремниевые осколки. Ему было больно, так больно…

— Ах, боже ты мой! — Цепочка звякнула, и девушка воспарила над ним. — Эй! Послушай, давай вставай! — Она взмахнула голубым полотенцем. — Хватайся за него, я тебя подниму.

Дейк смотрел на нее сквозь пелену слез. Студентка. Взгляд этакой зануды, не по размеру большой свитер, зубы такие ровные и белые, что могли бы служить вместо справки о кредите. Тонкая золотая цепочка на лодыжке, покрытой

(он увидел) мягким детским пушком. Изысканная японская стрижка. Да, тут водились деньжата.

— Эта штуковина могла стать моим обедом, — удрученно сказал Дейк.

Он схватился за полотенце, и девушка помогла ему подняться. Она улыбнулась ему, но настороженно отодвинулась.

— Разреши мне исправиться. Хочешь есть? Это же была проекция, только и всего. Понял?

Напряженно, словно зверь, входящий в клетку, Дейк последовал за ней.

* * *

— Ни хрена себе! — восхищенно произнес Дейк. — Это же *натуральный сыр*…

Он сидел на продавленном диване, втиснувшись между четырехфутовым плюшевым медведем и кучей дискет. Комната была по щиколотку завалена книгами, одеждой и бумагами. А еда, над которой колдовала девушка, явилась прямо из «Тысячи и одной ночи»: сыр «Гауда», консервированная говядина и — честное слово! — потрясающе вкусные вафли из оранжерейной пшеницы.

— Ну как, — спросила она, — мы можем угодить рабочему парню?

Ее звали Нэнси Беттендорф. Ей было семнадцать. Ее предки — вот жадюги — оба работали, а она училась на инженера в колледже Уильяма и Мэри, по всем предметам на «отлично», кроме английского.

— У тебя, наверное, пунктик такой — крысы? Вроде фобии? — спросила Нэнси.

Дейк мельком взглянул на кровать — очень-очень низкую, едва возвышавшуюся над полом.

— Да нет, в общем-то. Это кое-что мне напомнило, только и всего.

— Что напомнило? — Она присела на корточки, свитер задрался, открывая гладкое матовое бедро.

— Ну… ты когда-нибудь видела… — голос его невольно повысился, он комкал концы фраз, — Монумент Вашингтона? Ночью? Там наверху на обелиске есть два маленьких… красных огонька… вроде авиационных маяков, и я… и я… — Неожиданно его затрясло.

— Ты боишься Монумента Вашингтона?

Нэнси взвизгнула, повалилась на спину и залилась хохотом, дрыгая длинными загорелыми ногами. На ней были малиновые трусики.

— Я лучше умру, чем еще раз на него посмотрю, — медленно произнес Дейк.

Нэнси перестала смеяться, села и принялась изучать его лицо. Она побледнела и стала напряженно покусывать нижнюю губу. Похоже, она выкопала что-то такое, о чем думать не хотела. Наконец отважилась на вопрос:

— Ты закодирован?

— Да, — горько сказал Дейк. — Они сказали, я никогда не смогу вернуться в округ Колумбия. И еще эти сволочи смеялись…

— За что они тебя?

— Я вор. — Он не стал уточнять, что жил за счет магазинных краж.

* * *

— Куча старых хакеров угробили жизнь на программирование машин. И знаешь что? Оказалось, человеческий мозг ничуть не похож на эти чертовы машины. Они программируются совсем по-разному.

Сотни холодных и пустых ночей, проведенных в незнакомых компаниях, подготовили Дейка к этому безумному истерическому трепу, к бесконечной болтовне, которую одиночество навязывает своему редкому слушателю. Нэнси несло, а Дейк, зевая и поклевывая носом, гадал, сможет ли он не уснуть сразу, когда в конце кон-

цов они окажутся в ее постели.

— Я сама закодировала эту проекцию, которая так тебя испугала, — сказала девушка, подтягивая колени к подбородку. — Это против грабителей. Она как раз оказалась со мной, и я сунула ее тебе под нос. Мне стало так смешно, когда ты пытался всучить мне этот фиговый индояванский программатор. — Она наклонилась и опять вытянула руку. — Смотри.

Дейк инстинктивно съежился.

— Да нет, это не страшно! Ей-богу, это совсем другое! — Она раскрыла ладонь.

На ладони переливался совершенный, идеальной формы, цветок голубого пламени.

— Взгляни на это, — восхищалась девушка, — ты только взгляни. Я сама его запрограммировала. Это не какой-нибудь пустячок, перебирающий семь картинок по кругу. Тут непрерывная петля на два часа, семь тысяч двести секунд, и ни одно изображение не повторяется, каждое мгновение индивидуально, как снежинка!

В глубине пламени сверкал прозрачный кристалл. Его грани вспыхивали, плыли, пропадали, переходя в яркие, режущие глаза образы. Дейк поморщился. По большей части люди. Хорошенькие голенькие человечки, занимающиеся любовью.

— Черт подери, как ты это сделала?

Девушка встала, переступая босыми ногами между кипами глянцевых журналов, подошла к грубой фанерной полке и картинным жестом смела оттуда кипу распечаток. Дейк увидел ряд аккуратных маленьких консолей, выглядевших очень дорого. Штучная работа, спецзаказ!

— У меня тут неплохое железо. Визуализатор образов. Эмоциомикшер. А это анализатор, полностью имитирующий человеческий мозг. — Нэнси выпевала сложные названия, как литанию. — Квантовый импульсный стабилизатор. Коммутатор программ. Генератор изображений…

— И тебе нужно все это, чтобы сделать одно маленькое пламя?

— А как же! Все это — самый совершенный комплекс для ветвер-программирования,[153] последнее слово проективной техники. Он на несколько лет опережает все, что ты когда-нибудь видел.

— Эй, — сказал Дейк, — а в «„Спадах“ и „фоккерах“» ты рубишь?

---

[153] notes: 153

Wetware — обычный термин для писателей-киберпанков. Образован по аналогии со словами «hardware» (аппаратное обеспечение) и «software» (программы) и обозначает программирование мозга и прочих биологических структур.

Она засмеялась. Он понял, что время подходящее, и взял ее за руку.

— Не прикасайся ко мне, твою мать, *никогда меня не трогай*! — неожиданно закричала Нэнси и так сильно откинулась назад, что ударилась головой о стену. Она была бледна и тряслась от ужаса.

— О'кей! — Он поднял руки вверх. — О'кей! Я к тебе не подхожу. Теперь все в порядке?

Нэнси снова от него шарахнулась. Из округлившихся немигающих глаз по бледным щекам текли слезы. Наконец она покачала головой:

— Эй, Дейк! Извини! Мне надо было тебе сразу сказать.

— Что? — У него появилось смутное чувство… он догадывался. Она так обхватывала голову… Судорожно сжимала и разжимала ладони… — Ты тоже закодирована?

— Да. — Она закрыла глаза. — Замок девственности. Эти мудаки — мои предки — заплатили и за это. Теперь я не выношу, когда кто-нибудь прикасается ко мне или даже подходит слишком близко. — Она открыла глаза: в них пылала слепая ненависть. — Я даже ничего не делала. Ничего такого. Но они так вкалывают, так мечтают, чтобы я сделала карьеру, что просто кушать не

могут. Они, видите ли, боятся, что секс и всякое такое отвлекут меня от учебы. Но в тот самый день, когда кодирование снимут, я трахнусь с самым грязным, вонючим, лохматым…

Девушка опять судорожно обхватила руками голову. Дейк бросился к аптечке. Там он нашел банку с витамином В, прикарманил горсть, а две таблетки и стакан воды принес Нэнси:

— На. — Дейк старался сохранять дистанцию. — Это тебе поможет.

— Да, да, — ответила она. Затем едва слышно добавила: — Ты, конечно, считаешь меня совсем идиоткой.

* * *

Игровой зал на «грейхаундовском» автовокзале был почти пуст. Одинокий четырнадцатилетний подросток, открыв рот, склонился над консолью, маневрируя радужными флотилиями подводных лодок в сумрачных глубинах Северной Атлантики.

Неторопливо вошел Дейк и прислонился к шлакобетонной стене, матово блестевшей от бесчисленных слоев зеленой краски. Он обновил свой гопницкий гардероб: простирнул робу, увел из «Гудвилла» джинсы и футболку и поза-

имствовал в раздевалке при сауне в халтурно охранявшейся высотке пару крепких башмаков.

— Не видел Крошку, приятель?

Подводные лодки метались, как неоновые гуппи.

— Смотря кто его спрашивает.

Дейк коснулся «батанга» за левым ухом. Прямо над консолью скользнул быстрый и изящный, как стрекоза, «спад». Самолетик был прекрасен: такой совершенный, такой реальный, что комната казалась иллюзией. Дейк приподнял аэроплан и провел его в миллиметре от стекла.

Парень даже бровью не повел.

— Он в «Джекмане», — сказал он. — Это на Ричмонд-роуд, над «Неликвидами».

Дейк позволил «спаду» растаять прямо во время набора высоты.

«Джекман» занимал почти весь третий этаж старого кирпичного дома. Сначала Дейк нашел «Дешевую распродажу армейских неликвидов», а затем щербатую неоновую вывеску над темным вестибюлем. Тротуар перед фасадом заполняли неликвиды совсем иного рода — изувеченные ветераны. Некоторые воевали еще в Индокитае. Старики, потерявшие глаза под азиатским солнцем, сидели бок о бок с трясущимися маль-

чишками, которые нанюхались микотоксинов в Чили. Дейк почувствовал сильное облегчение, когда за ним, шурша, закрылись побитые двери лифта.

Пыльные часы «Доктор Пеппер» в дальнем конце длинной призрачной комнаты показывали без четверти восемь. «Джекман», подернутый желтоватым налетом никотина, пропитанный запахами бриолина и политуры, оставался таким же, как и за двадцать лет до рождения Дейка. Прямо под часами висела любительская фотография — с нее смотрели тусклые глаза оленя, подстреленного чьим-то дедушкой. Раздавались удары, стук бильярдных шаров и шарканье ботинок по линолеуму — это кто-то из игроков наклонялся для удара. Откуда-то сверху, из-за зеленых абажуров, на тонкой нити, усеянной бумажными рождественскими колокольчиками, свешивалась мертвая роза. Дейк оглядел захламленную комнату. Никакого визуализатора.

— Еще кого-то принесло, — послышался голос.

Дейк обернулся и встретился со спокойным взглядом лысого мужчины в стальных очках.

— Меня зовут Клайн. Бобби Граф. Ты не похож на любителя покатать шары, мистер.

Ни в позе, ни в голосе Бобби Графа не было ни-

чего угрожающего. Он снял с носа очки и протер толстые линзы. Он напоминал продавца, который когда-то пытался научить Дейка пользоваться устаревшей биокомпьютерной установкой.

— Я играю на деньги, — улыбаясь, продолжал Бобби. У него были белые пластмассовые зубы. — Я знаю, что не очень-то похож.

— Я ищу Крошку, — сказал Дейк.

— А-а-а. — Граф водрузил на нос очки. — Его здесь нет. Поехал в Вифезду, чтобы армейские эскулапы ему трубы почистили.[154] Но он все равно не стал бы с тобой летать.

— Почему?

— Да потому, что ты не нашего круга птица, иначе я бы знал тебя в лицо. Хорошо летаешь? — Дейк кивнул, и Бобби Граф крикнул кому-то в глубине зала: — Эй! Кларенс! Выноси визуализатор! К нам пришел летун.

Двадцать минут спустя, потеряв не только всю наличность, но и «батанг», Дейк шагал мимо изувеченных солдат из «Дешевой распродажи».

— А теперь я скажу тебе кое-что, парень, — отечески произнес Бобби Граф, когда, обнимая Дейка за плечи, провожал его к лифту. — Тебе

---

[154] notes: 154

В Вифезде (тж. Бетесда), штат Мэриленд, находится крупнейший в США военный госпиталь.

не выиграть у настоящих ветеранов, слышишь? Я-то ладно — пехтура и пехтура, мне хайп кололи раз всего пятнадцать, может, двадцать. А старина Крошка, он *пилот.* Он всю службу сидел на игле. Клеточные мембраны истончились так, что мама не горюй… тебе ничего не светит, пацан.

Была прохладная ночь. Но Дейк пылал от гнева и унижения.

* * *

— Господи, примитив какой, — заметила Нэнси, когда «спад» с бреющего полета расстрелял груды розового белья.

Дейк закашлялся от злости и сорвал с головы ее шикарное устройство дистанционного управления фирмы «Браун».

— Вот только ты еще не начинай, мисс богатая-сучка-которая-собирается-получить-работенку…

— Да ладно, не бесись. Это не от тебя зависит: просто твоя игрушка — обычная штамповка. Облатка у тебя совершенно дубовая. Может, на улице такой уровень и сойдет. Но по сравнению с нашими курсовиками — это тьфу. Давай я ее тебе перепишу.

— Что перепишешь?

— Твою программу. Эти дешевки пишут шестна-

дцатеричным кодом, потому что промышленные программисты — смирившиеся хакеры-неудачники. Они так думают и не могут иначе. Дай мне облатку, я ее прогоню через наш кафедральный анализатор, отредактирую, внесу изменения и переведу на современный язык. Уберу все лишние переходы. Это ускорит твою реакцию и вдвое сократит петлю обратной связи. Поэтому ты сможешь летать быстрее и лучше. Я сделаю из тебя настоящего профессионала. Аса!

Нэнси сделала затяжку из бурбулятора и зашлась кашляющим хохотом.

— Так можно? — не веря своим ушам, поинтересовался Дейк.

— А зачем, по-твоему, люди покупают устройства с золотыми контактами? Ради престижа? Черта с два! Высокая проводимость на несколько наносекунд ускоряет реакцию. А скорость реакции решает здесь все, дружок!

— Нет, — упорствовал Дейк. — Если бы все было так просто, у всех давно уже были бы такие фиговины. И у Крошки Монтгомери была бы. У него давно все самое лучшее.

— Ты будешь слушать? — Нэнси резко отставила бурбулятор, коричневая вода выплеснулась на пол. — Железо, на котором я работаю, на три года

опережает все, что производится серийно.

— Врешь, поди, — сказал Дейк после долгой паузы. — Или ты действительно это можешь?

* * *

Новая программа отличалась от предыдущей примерно как «форд» двадцатых годов от девяносто третьего «лотоса». «Спад» повиновался будто во сне, слушаясь тончайших мозговых импульсов. За несколько недель Дейк научился лихо выполнять фигуры высшего пилотажа. Он выходил против местных подростков и одиночными самолетами, и тройками и неизменно всех сбивал. Дейк испытывал судьбу, пижонил. Аэропланы продолжали падать…

Однажды, когда Дейк прятал в карман очередной выигрыш, от стены отделился долговязый негр. Он поглядел на ламинированные бумажки в руках Дейка и презрительно ухмыльнулся. Сверкнул рубиновый зуб.

— Знаешь, — сказал негр, — услышал я, что здесь завелся некий умник, который умеет летать, но забавляется с детишками…

* * *

— Господи, — произнес Дейк, намазывая датское масло на хлебец из водорослей, — да я ими пол вытер, этими ниггерами. А они тоже летуны будьте-нате.

— Чудно-чудно, дорогуша, — пробормотала Нэнси. Она работала над дипломом и как раз вводила данные в машину.

— Знаешь, я думаю, у меня настоящий талант на эту хрень. Ну то есть, да, программа дала мне какую-то фору, но ведь я и сам парень не промах. Я и вправду здорово наблатыкался, понимаешь?

Машинальным движением Дейк включил радио. Древней трескучей медью завыл диксиленд.

— Эй, — запротестовала Нэнси. — Ты соображаешь? Я же работаю.

— Да я только… — Он повертел ручку, и из приемника полилась какая-то медленная романтическая лажа. — Вот. Ну, вставай. Давай потанцуем.

— Ты же знаешь, я не могу…

— Конечно можешь, солнышко.

Он бросил ей огромного плюшевого медведя, а сам подхватил с пола платье, пошитое из лоскутов. Зажал воротник под подбородком и взял

платье за пояс и за рукав. Платье пахло пачули и чуть-чуть потом.

— Смотри. Я стою здесь — ты стоишь там. Мы танцуем. Идет?

Смущенно моргая, Нэнси встала и крепко прижала к себе медведя. А потом они медленно танцевали, глядя друг другу в глаза. Вскоре она заплакала. Но при этом улыбалась.

* * *

Дейк грезил наяву, воображая себя Крошкой Монтгомери, напрямую включенным в пульт истребителя вертикального взлета. Грезил, как машине передаются его малейшие нервные импульсы, как рефлексы вздрючены по самое не могу, а по жилам растекается стимулятор.

Пол в комнате Нэнси стал джунглями, кровать — плато в Андском нагорье. Дейк гнал «спад» на форсаже, как будто это была новейшая боевая машина с полноценным биоинтерфейсом. Управляемые компьютером шприцы медленно подают в его кровеносную систему компот из мощных стимуляторов. Датчики вживлены прямо в голову — и, закладывая виражи в зелено-голубых небесах над тропическими лесами Боливии, Крошка будто чувствует воздушный поток, обте-

кающий элероны.

Внизу сквозь джунгли продирается пехота. У солдат над локтем укреплены инъекторы, чтобы придать им в бою ярость обреченных, — жидкий ад в голубом пластмассовом пузырьке. Вероятно, за неделю им впрыскивается доза минут на десять. А вот бреющий полет над самыми верхушками деревьев, с рефлексами, задранными на максимум, так что наземные войска ничего и не заметят, пока ты, оказавшись прямо над ними, не сбросишь фосгеновые бомбы и не улетишь прочь, а они даже не успеют взять тебя на мушку… конечно, такое требует постоянного притока стимулятора в организм. Да и прямой нейронный интерфейс с самолетом работает в обе стороны. Не только ты управляешь самолетом, но и бортовые компьютеры вмешиваются в биохимические процессы, отслеживая, когда именно человеческий компонент нуждается в радикальной встряске убийственной бодростью.

А такие дозы хайпа проедают в тебе дыры. Медленно, непрерывно… наверняка… Гравируют по мозгу поперек извилин, протирая клеточные мембраны. И если тебя вовремя не сдернут с небес, то мембраны истончатся в ноль, а реакции останутся слишком быстрыми, телу с ними не

справиться, и о чувстве самосохранения можно просто забыть…

— Эй, работяга, мне повезло!

— А? Что? — Дейк вздрогнул.

Громко хлопнув дверью, вошла Нэнси и швырнула сумку на ближайшую кучу.

— Мой проект. Меня освободили от экзаменов. Проф сказал, что никогда не видел ничего подобного. Ох, приглуши свет, а? Эти краски глаза режут.

Дейк подчинился.

— Ну, покажи. Продемонстрируй свое творение.

— Ладно.

Девушка взяла у него «браун», освободила место на кровати и приготовилась. Внутри голубого пламени, спокойно мерцавшего на ее ладони, вспыхнула яркая искра и выросла в змейку с треугольной головой и беспрерывно высовывающимся язычком. Змейка серебристой молнией метнулась по руке, обвилась вокруг шеи, переливаясь красным и оранжевым, а затем заскользила между грудями.

— Я назвала ее «огненная змейка», — гордо сказала Нэнси.

Дейк приблизился, она отпрянула.

— Извини. Она вроде твоего пламени, да? Тоже вся из крошечных человечков?

— Вроде того. — («Огненная змейка» перетекла на живот.) — В следующем месяце я собираюсь свести в единую программу двести подпрограмм типа пламени. Потом я сделаю их самофокусирующимися. Так что они смогут крутиться вокруг тебя сами по себе. Хоть на дискотеку с ними отправляйся.

— Может, я болван, но если ты еще не сделала работу, как я могу ее видеть?

Нэнси захихикала:

— Это лучшая часть — полработы еще не готово. У меня не было времени собрать куски в одну программу. Включи радио, а? Я хочу потанцевать.

Она сбросила туфли. Дейк врубил какую-то попсу. Нэнси запротестовала, и он убавил громкость почти до шепота.

— Я раздобыла две дозы хайпа. — Она вскочила на кровать и сплела руки, как балийская танцовщица. — Ты когда-нибудь пробовал? Невероятно! Дает ощущение полной концентрации. Смотри. — Она встала на пуанты. — Никогда раньше такого не делала!

— Хайп, — произнес Дейк. — Последний мой знакомец, которого повязали с этой дурью, загре-

мел на три года в пехоту. Где ты взяла хайп?

— Помогала одной ветеранше из выпускного класса. Но ее вытурили в прошлом месяце. Хайп дико обостряет визуализацию. Я могу с закрытыми глазами представить проект во всех деталях. И полностью достроить программу в голове.

— На двух дозах, да?

— На одной. Другую я берегу. Проф настолько впечатлился, что хочет организовать мне собеседование с работодателем. Через две недели в колледж приедет рекрутер из «ИГ Фойхтварен». И этот друг собирается запродать ему программу вместе со мной. В итоге я закончу колледж на два года раньше, сразу получу работу, не буду ходить в эту тюрьму и сэкономлю двести долларов.

Змейка свернулась на ее голове в огненную корону. У Дейка появилось предчувствие, что он теряет Нэнси.

— Я ведьма, — распевала Нэнси, — ведьма программирования.

Она стянула рубашку через голову и откинула прочь. Красивая высокая грудь двигалась вольно и изящно.

— Я пойду-у-у… — теперь она распевала очередной хит, — к верши-ине!

Соски были маленькие, розовые и твердые. Ог-

ненная змейка лизнула их и отползла в сторону.

— Эй, Нэнси, — смущенно сказал Дейк, — по-остынь-ка, а?

— У меня праздник! — Она сунула большой палец в блестящие золотые трусики. Огонь завертелся вокруг руки. — Я богиня-девственница, у меня си-и-ила! — снова запела она.

Дейк отвернулся.

— Я домой, — смущенно пробормотал он.

Домой, и дрочить, да побыстрее. Он гадал, где она могла спрятать вторую дозу. Да где угодно.

* * *

В авиаторской тусовке существовали свои церемониальные правила — точь-в-точь как при дворе китайского императора — и своя иерархия. Не важно, что Дейк стал крутым, что слава его разнеслась как пожар. Одного лишь звания летуна не хватало, чтобы сразиться с тем, с кем он хотел. Ему было необходимо постепенно поднимать свой рейтинг. Но если летать каждый вечер, если биться со всеми подряд и если летать хорошо… можно быстро достичь успеха.

У Дейка был перевес в один самолет. Обычный турнирный бой, три «спада» против трех «фоккеров». Зрителей было немного, может с десяток,

но бой был хорош, и зрители шумели. Дейком овладело маниакальное спокойствие бойца — и вдруг он понял, что в зале наступила тишина. Он заметил, что болельщики засуетились и стали перемигиваться. Они смотрели не на него. Дейк хладнокровно разделался со вторым аэропланом противника, а затем рискнул быстро взглянуть через плечо.

В «Джекмане» появился Крошка Монтгомери. Каталка, направлявшаяся слабыми движениями почти парализованной руки, прошуршала по бурому линолеуму. Лицо Крошки оставалось строгим, невозмутимым, спокойным. В этот момент Дейк потерял два аэроплана. Один по рассеянности — как только ослабло внимание, аэроплан мгновенно расплылся в мутное пятно и визуализатор его потерял, а второй потому, что противник Дейка был настоящим бойцом. Чтобы погасить скорость и уйти в сторону, парень сделал бочку и, когда преследовавший самолет пронесся мимо, расстрелял вражеский биплан. Самолет упал, объятый пламенем. У оставшихся двух аэропланов совпадали высота и скорость, так что на первом же вираже они ушли на круг.

Болельщики расступились, и Крошка подъехал к столу. За коляской притащился долговязый

Бобби Граф Клайн. Дейк и его противник, обменявшись быстрыми взглядами, увели самолеты подальше от стола, чтобы выслушать Крошку. Тот улыбался. Его маленькие глазки, нос и рот теснились посреди бледного рыхлого лица. Палец слабо постукивал по хромированному подлокотнику.

— Я слышал о тебе. — Он смотрел прямо на Дейка. Голос у него был нежный и потрясающе мелодичный, как у маленькой девочки. — Я слышал, ты хороший боец.

Дейк медленно кивнул. С лица Крошки исчезла улыбка. Его мягкие пухлые губы сложились в трубочку, будто ожидали поцелуя. Маленькие яркие глазки беззлобно изучали Дейка.

— Что ж, давай посмотрим, что ты умеешь.

Дейк отдался холодному духу войны. А когда враг, охваченный огнем и дымом, взорвался над столом и исчез, Крошка безмолвно развернул кресло, вкатился в лифт и уехал.

Когда Дейк собирал свой выигрыш, к нему подошел Бобби Граф и сказал:

— Он хочет с тобой сыграть.

— Да? — Дейку до Крошки было по рейтингу как до луны. — А в чем подстава?

— Завтра с Крошкой должен был сразиться человек из Атланты, но он не приехал. А старина

Крошка хочет сыграть с кем-нибудь новеньким. Получается, что тебе завтра предстоит побороться за «Макс».

— Завтра? В среду? Даже времени мне на подготовку не дает!

Бобби Граф снисходительно улыбнулся:

— Не думаю, что есть какая-то разница.

— Как так, мистер Граф?

— Парень, ты просто не сечешь. Слышишь? Ты же ничего нового не выкинешь. Ты летаешь как новичок, только быстрее и глаже. Догадываешься, что я хочу сказать?

— Правду сказать, не очень. Вы хотите на этом подзаработать?

— Точно, — сказал Клайн. — Надеюсь.

Он вытащил из кармана черную записную книжечку и послюнявил карандаш.

— Даю тебе пять к одному. Все равно никто не даст тебе больше. — Он смотрел на Дейка почти с жалостью. — А Крошка, он по природе лучше, чем ты, а против природы не попрешь, мальчик. Крошка живет только благодаря этой чертовой игре. Он же не может встать с этой проклятой каталки. И если ты думаешь, что можешь победить человека, борющегося за жизнь, — ты лжешь самому себе.

* * *

Портрет полковника работы Нормана Рокуэлла бесстрастно взирал на Дейка из «Жареной курицы по-кентуккийски» с противоположной стороны улицы. Дейк сидел в кафе и трясущимися холодными руками держал чашку. Голова гудела от усталости. Клайн прав, сказал он полковнику, я могу сразиться с Крошкой, но не смогу выиграть. Полковник смотрел спокойно, ровно и не особенно добродушно, охватывая взглядом и кафе, и «Дешевую распродажу», и все это разгильдяйское королевство Ричмонд-роуд. Полковник ждал, когда Дейк примирится с ужасной вещью, которую вынужден будет сделать.

— Все равно эта сучка меня бросит, — громко произнес Дейк.

Чернокожая продавщица удивленно на него посмотрела и отвернулась.

* * *

— Звонил папочка! — Нэнси танцуя вошла в комнату и захлопнула за собой дверь. — Знаешь что? Он сказал, что, если я получу работу и проработаю полгода, меня раскодируют. Пред-

ставляешь, Дейк? — Она запнулась. — Ты чего?

Дейк встал. Теперь, когда настал нужный момент, он чувствовал, что все вокруг нереально, как на киноэкране.

— Чего это ты не пришел вчера домой? — спросила Нэнси.

Кожа на его лице натянулась неестественно, как пергаментная маска.

— Где ты заначила хайп, Нэнси? Он мне нужен.

— Дейк… — Она искательно улыбнулась, но улыбка мгновенно исчезла. — Дейк, это мое. Моя доза. Мне надо. Для собеседования.

Он презрительно улыбнулся:

— У тебя есть деньги. Еще надыбаешь.

— Не к пятнице! Слушай, Дейк, это правда важно. Моя жизнь зависит от этого собеседования. Мне страшно нужен хайп. Это все, что я смогла достать!

— Детка, да у тебя весь мир в кармане! Взгляни вокруг: шесть унций светлого ливанского хаша! Консервированные анчоусы. А если приперло — полная медицинская страховка. — (Она пятилась от него, спотыкаясь о неподвижные волны грязного белья и мятых журналов, которые вздымались в футе от кровати.) — А я всего этого и

в глаза не видел. Мне всегда не хватало злости, чтобы жить среди вас. А на этот раз все будет по-моему. Через два часа игра, и я его по стенке размажу.

Дейк вгонял себя в ярость. Это было хорошо. Ему нужна была ярость.

Нэнси выбросила руку ладонью вперед, но Дейк был готов к этому — он отбил ладонь, стараясь даже мельком не глянуть в темный туннель с маленькими красными глазками. Они оба упали, Дейк оказался над девушкой. Он чувствовал на лице горячее торопливое дыхание.

— Дейк! Дейк! Мне очень нужно! Дейк!.. Мое собеседование… это только… я должна… должна… — Она отвернулась и заплакала в стенку. — Пожалуйста… Господи, пожалуйста… не надо…

— Куда ты его спрятала?

Прижатая к кровати его телом, Нэнси забилась в судороге. Все ее тело тряслось от боли и страха.

— Где он?

Ее обескровленное лицо стало серой плотью трупа, в глазах застыл ужас. Губы тряслись в безумном страхе. Он преступил грань, слишком поздно идти на попятную. Дейк чувствовал отвращение и тошноту, тем более что на неожиданном — и неприятно неожиданном — уровне все это

ему нравилось.

— Где хайп, Нэнси? — И он медленно, очень нежно стал гладить ее лицо.

* * *

Палец Дейка взметнулся стремительно, как оса, и изящной бабочкой опустился на кнопку лифта в «Джекмане». Дейка переполняла упругая энергия, и эта энергия была под контролем. В лифте он сдернул темные очки и порадовался своему отражению в захватанной хромированной поверхности. Зрачки стали как булавочные уколы, почти невидимыми, но мир оставался неоново-ярким.

Крошка уже ждал. Он увидел радужки Дейка, нарочитое спокойствие движений, безуспешные попытки подражать трезвой неуклюжести. Губы инвалида сложились в сладкую улыбочку.

— Ну, — сказал Крошка своим девчоночьим голосом, — похоже, меня ждет угощенье.

«Макс» висел на одной из трубок кресла. Дейк занял свое место и поклонился — чуть-чуть насмешливо.

— Полетели!

Как претендент, он защищался. Дейк материализовал аэропланы на безопасной высоте:

достаточно высоко, чтобы спикировать, и достаточно низко, чтобы спастись от атак Крошки. Он выжидал.

Ему подсказала толпа. Толстяк с набриолиненными волосами уставился на него с испугом, работяга с ввалившимися глазами пытался улыбнуться. Шепот усиливался. Головы зрителей еле поворачивались, взгляды замедленно переползали. Примерно три наносекунды, чтобы определить источник атаки. Дейк вскинул голову и…

Сукин сын! Дейк ослеп. «Фоккеры» пикировали прямо от двухсотваттной лампы. Крошка обвел его вокруг пальца, заставив глядеть прямо на нее. В глазах побелело. Дейк зажмурился, сдерживая хлынувшие слезы, изо всех сил стараясь не ослабить внимания, чтобы визуализатор не потерял его «спады». Он разделил свое звено, развернув два биплана направо, а один налево. Все аэропланы резко завалились на крыло, но выровнялись. Дейку приходилось уворачиваться наугад — он не знал, где находятся боевые птицы врага.

Крошка захихикал, Дейк слышал его сквозь шум толпы. Синкопы одобрений, проклятий, звона монет, казалось, вздымаются волнами независимо от приливов и отливов дуэли.

Спустя миг зрение к нему вернулось, но объятый пламенем «спад» падал. Два «фоккера» преследовали один из уцелевших аэропланов, а третий гнался за другим. Всего три секунды боя, а он уже потерял один самолет.

Уворачиваясь от игольчатых трассеров, Дейк вогнал один аэроплан в мертвую петлю, а другой направил к слепому пятну между Крошкой и лампой.

Лицо Крошки стало бесстрастным. Легкая тень разочарования, даже презрения, растворилась в напряженном спокойствии. Он неторопливо вел самолеты, выжидая, когда Дейк развернется.

Дейков «спад» вынырнул из слепого пятна и ушел в пике — так резко, что открывшие огонь «фоккеры» выдали перелет; они закрутили отчаянные виражи, пытаясь восстановить позиции.

«Спад» пикировал на третий «фоккер», выведенный под его огонь другим аэропланом Дейка. Трассеры прошили крылья и пурпурный фюзеляж. Ничего не случилось, и на какое-то мгновение Дейк даже подумал, что промахнулся. Но маленькая красная стрекоза крутанулась влево и, оставляя черный хвост жирного дыма, пошла вниз.

Крошка нахмурился, вокруг его рта появились

чуть заметные морщинки неудовольствия. Дейк улыбнулся. Он сбил самолет, несмотря на превосходящие силы Крошки.

Но у «спадов» на хвосте висели противники. Дейк увел свои аэропланы в противоположные стороны стола и развернул. Он направил их навстречу друг другу, нейтрализуя Крошкино преимущество… но никто не мог стрелять, не рискуя собственными самолетами. Ведя машины лоб в лоб, Дейк разогнал их до предела.

За миг до столкновения он послал аэропланы один выше другого, уворачиваясь и одновременно открывая по «фоккерам» огонь. Но Крошка был готов к маневру. Воздух наполнили трассы очередей. Два аэроплана — голубой и красный — свободно разлетелись в разные стороны. Позади них высоко в воздухе сплелись два других. Они столкнулись крыльями, завертелись и почти отвесно упали на зеленый войлок.

Десять секунд — и четыре сбитых самолета. Негр-ветеран поджал губы и тихонько присвистнул. Кто-то с недоверием покачал головой.

Крошка, выпрямившись и чуть подавшись вперед, сидел в кресле-каталке — напряженный немигающий взгляд, дряблые руки слабо ухватились за поручни. Безразличие, презритель-

ная ухмылка — вся эта лажа была забыта; игра приковала к себе его внимание полностью. Болельщики, стол, даже «Джекман» — для него это не существовало. Бобби Граф положил Крошке руку на плечо, но тот не заметил. Аэропланы разошлись в противоположные стороны и упорно набирали высоту. Дейк прижимал свою машину к потолку, почти неразличимому в туманной дымке. Он быстро глянул на Крошку. Их взгляды встретились. Холод против холода.

— Покажи, на что ты способен, — процедил Дейк сквозь зубы.

Самолеты бросились в атаку одновременно.

Действие хайпа достигло пика, и Дейк видел рассекающие воздух трассеры Крошкиного «фоккера». Надо было вывести «спад» на линию огня, дать очередь и сразу же закрутить вираж, чтобы уклониться от вражеских пуль. Крошка так разошелся, что, уклоняясь от выстрелов Дейка, едва не задел шасси «спада».

Галлюцинации начались, когда Дейк закрутил особо рискованный вираж. Зеленый войлок стола дрогнул, пошел рябью — и стал зеленым адом боливийской сельвы, над которой воевал Крошка. Стены отступили в серую бесконечность, он почувствовал сомкнувшуюся вокруг тесную

металлическую скорлупу истребителя.

Но Дейк все это предвидел. Он ждал галлюцинаций и знал, что может с ними справиться. Военная приемка никогда не пропустит наркотик, лишающий боеспособности. «Спад» и «фоккер» разворачивались для следующей атаки. Дейк читал в лице Крошки Монтгомери напряжение — эхо давних схваток в высоком небе над джунглями. Они одновременно повели самолеты, чувствуя динамические перегрузки корпуса, что передавались сенсорами прямо в затылочную часть мозга, адреналиновый инъектор, прикрепленный над локтем, холодную, быструю свободу воздушного потока вокруг плоскостей истребителей, запах горячего металла, пота и страха. Мимо лица Дейка пронеслись трассеры, он отпрянул, глядя, как его «спад» взмыл свечкой, едва не столкнувшись с «фоккером». Болельщики взбесились, они махали шапками и топали ногами как одержимые. Дейк снова поймал взгляд Крошки.

На него накатила волна злобы. И хотя каждый нерв был натянут, как усики из кристаллического углерода, которые не давали истребителю развалиться на части в суперменских виражах над Андами, он выдал небрежную улыбку и подмигнул, чуть дернув головой в сторону, будто

говоря: «Глянь-ка сюда».

Крошка отвел глаза.

Он отвлекся всего на долю секунды, но этого хватило. На пределе теоретического допуска Дейк закрутил такой короткий и стремительный иммельман, какого еще не видали в здешней тусовке, и повис у Крошки на хвосте.

Посмотрим, как ты выпутаешься, простофиля.

Крошка рванул аэроплан вниз, прямо к зелени, но Дейк не отставал. Он не торопился открывать огонь. Крошка был в полной его власти.

Драпал без оглядки. Как и в настоящем бою, собственно. Пьяный от хайпа и адреналина — но драпал. Аэропланы шли на бреющем полете над войлоком, как над верхушками деревьев. Ломайся, подумал Дейк и наддал скорости. Краем глаза он заметил Бобби Клайна, странное выражение его лица. Умоляющее. И Крошка сломался. Его дергающееся лицо было искажено мукой.

В панике Крошка направил самолет в толпу. Бипланы петляли и вились среди болельщиков. Одни невольно отшатывались, а другие со смехом пытались их прихлопнуть. В глазах Крошки отражался безумный ужас, говорящий о преисподней страха и безысходности, о двух лезвиях,

бесконечно распиливающих друг друга…

Страха — смерти в полете, безысходности — заключения в металл, сначала в кабине самолета, а потом в инвалидном кресле. По лицу Крошки Дейк читал: воздушный бой — единственное, что у него оставалось, и он пользовался этим выходом при каждой возможности. До тех пор, пока некий безымянный гарильеро с древней ракетной установкой на плече не сбросил его с сине-зеленого боливийского неба прямо на Ричмонд-роуд, в «Джекман», к мальчишке-убийце, скалящемуся над вытертым сукном, — и этот оскал будет последним видением в его жизни.

Дейк привстал на цыпочки, сияя улыбкой в миллион долларов, — улыбкой, которая была верным признаком наркотика, сжегшего Крошку еще до того, как кто-то удосужился превратить его в горячее месиво из металла и изувеченной плоти. Все сошлось. Дейк увидел, что лишь полет и держал Крошку. Ежедневно касаниями пальцев тот боролся со смертью, восставал из металлического гроба… снова живым… Крошка избегал гибели только силой воли. Сломай эту волю — смерть выльется и затопит его. Калека уронит голову, наблюет себе на колени…

* * *

И Дейк додавил до упора…

Когда последний аэроплан Крошки исчез во вспышке света, наступила оглушительная тишина.

— Я выиграл, — прошептал Дейк. И громче: — Сукин сын! Я выиграл!

С другой стороны стола в своем кресле извивался Крошка: руки судорожно хватали воздух, голова свесилась на плечо. Из-за его спины сверлил Дейка горящими углями глаз Бобби Граф.

Рефери сорвал «Макс» и обернул его лентой кучу ламинированных банкнот. Без предупреждения бросил пачку в лицо Дейку. Тот легко и небрежно поймал ее на лету.

Мгновение казалось, что Клайн бросится на Дейка прямо через стол. Его остановило подергивание за рукав.

— Бобби Граф, — прерывисто от унижения прошептал Крошка, — увези меня… отсюда…

Зло задыхаясь, Клайн развернул друга и покатил из зала во тьму.

Дейк запрокинул голову и засмеялся. Ей-богу, он отлично себя чувствовал! Холодный «Макс» приятно оттягивал карман рубашки. Деньги он

сунул в джинсы. Он готов был прыгать от счастья. Радость вырывалась из него, как прекрасный и сильный зверь, как олень, которого он видел однажды из окна автобуса, и казалось, что победа стоила всех недавних страданий и боли.

Но «Джекман» затих. Никто не аплодировал. Никто не окружал, чтобы поздравить его с победой. Дейк умолк и настороженно повел глазами: вокруг были одни враждебные лица. Никто из болельщиков не был на его стороне. Они излучали презрение, даже ненависть. Бесконечно долгий миг воздух дрожал от возможного насилия… затем кто-то отвернулся, откашлялся и сплюнул на пол. Толпа распалась. Переговариваясь, один за другим они растворились в темноте.

Дейк не шевелился. На ноге стала дергаться мышца — предвестник ломки. Онемела макушка, во рту появился мерзкий привкус. На секунду Дейк обеими руками вцепился в стол, чтобы не упасть навеки вниз, в живую тень, копошащуюся под ним, когда его насквозь пронзил мертвый взгляд оленя с фотографии под часами.

Немножко адреналина — это его вытащит. Ему нужен праздник. Напиться до бесчувствия и рассказывать друзьям о своей победе, противоречить самому себе, выдумывать подробности,

смеяться и хвастать. Такая звездная ночь, как эта, требовала долгой беседы.

Но, стоя среди безмолвия и безбрежной пустоты «Джекмана», Дейк вдруг осознал, что не осталось никого, кому он мог бы все это рассказать.

Совсем никого.

Сожжение Хром[155]

Той ночью, когда мы сожгли Хром, стояла жара. Снаружи, на улицах и площадях, вьющиеся вокруг неоновых ламп мотыльки бились насмерть о горячие стекла. А на чердаке у Бобби царил полумрак, лишь светились экран монитора да зеленые и красные индикаторы на панели матричного симулятора. Каждый чип в симуляторе Бобби я знаю как облупленный: с виду это обыкновенный «Оно-Сэндай-7», а попросту — «Киберспейс-7», но я столько раз его переделывал, что найти хоть каплю фабричной работы во всей этой груде кремния крайне проблематично.

Мы сидели перед панелью симулятора и ждали, глядя, как в нижнем левом углу экрана таймер отсчитывает секунды.

— Давай, — выдохнул я, когда подошло время.

Бобби был уже наготове, он подался вперед и резким движением ладони вогнал русскую программу в прорезь. Он проделал это легко и изящно, с уверенностью мальчишки, который кидает в игровой автомат монеты, зная — победа

---

[155] notes: 155
Перевод А. Етоева, А. Черткова

будет за ним и бесплатная игра обеспечена.

В глазах закипела серебряная струя фосфенов, и, словно трехмерная шахматная доска, в моем мозгу стала разворачиваться матрица — бесконечная и абсолютно прозрачная. Когда мы вошли в сеть, русская программа как будто слегка дернулась. Если бы кто-то другой был сейчас подключен к этой части матрицы, он увидел бы, как из маленькой желтой пирамиды, представляющей наш компьютер, выкатился пенистый вал, сотканный из дрожащей тени. Программа была оружием-хамелеоном, она подстраивалась под любую среду, перехватывая управление по коду экстренного доступа, что бы ни встретилось ей на пути.

— Поздравляю, — услышал я голос Бобби. — Только что мы стали служебным запросом Ядерной комиссии Восточного побережья…

Если образно, мы, как пожарная машина с ревущей вовсю сиреной, неслись по волоконно-оптическим линиям — магистралям, пронизывающим кибернетическое пространство, а по сути, для нас, вошедших в компьютерную матрицу, открывался прямой путь к базе данных Хром. Я еще не мог разглядеть саму эту базу, но уже чувствовал, как замерли в ожидании окружавшие ее

стены. Стены из тени. Стены из льда.

Хром: кукольное личико ребенка, гладкое, словно отлитое из стали, и глаза, которым место разве что на дне глубоководной Атлантической впадины, — серые холодные глаза существа, живущего под чудовищным давлением. Поговаривали, что всякому, кто перебегал ей дорогу, она в лучших средневековых традициях готовила особую отраву, канцерогенную, — проходили годы и годы, прежде чем опухоли убивали своих жертв. О Хром вообще много чего болтали, и во всех этих рассказах приятного было маловато.

Поэтому я выбросил ее из головы и представил Рикки. Рикки, склонившуюся в луче дымного солнечного света, искаженного сеткой из стали и стекла, в выгоревшей защитной рубашке военного образца, в розовых прозрачных сандалиях. Представил, как она изгибает обнаженную спину, когда роется в своей спортивной сумке из нейлона. Вот она поднимает глаза, и белокурый локон, падая, щекочет ей нос. Улыбаясь, она застегивает на пуговицы старую рубашку Бобби — землистый выцветший хлопок, едва прикрывающий ее грудь.

Она улыбается.

— Сукин сын, — пробормотал Бобби. — Мы

только что сообщили Хром, что мы — ревизоры налоговой инспекции, и выдали ей три повестки из Верховного суда… Ну, Джек, держись покрепче…

«Прощай, Рикки. Быть может, больше мы никогда не увидимся».

И темнота, одна темнота в ледяной крепости Хром.

* * *

Он был ковбоем, мой Бобби, ковбоем, оседлавшим компьютер. Он не мыслил своей жизни без игры, той опасной игры со льдом, которым электронная защита против вторжения[156] укрывает источники информации. Матрица — это абстрактное представление взаимоотношений различных информационных систем. Когда легальный программист подключается к сектору матрицы своего работодателя, корпоративные базы данных окружают его как яркие геометрические фигуры.

Башни и поля, разбросанные в бесцветном псевдопространстве симуляционной матрицы, —

---

[156] notes: 156

Intrusion Countermeasures Electronics, сокращенно «ICE», что по-английски означает «лед».

всего лишь электронная видимость, облегчающая процесс управления и обмен огромными объемами данных. Легальным программистам и дела нет до ледяных стен, за которыми они работают, стен тьмы, которые скрывают их операции от виртуозов промышленного шпионажа и ловчил вроде Бобби Куайна.

Бобби был ковбоем. Он был взломщиком, потрошившим разветвления электронной нервной системы человечества. Он присваивал информацию и кредиты — там, в переполненной матрице, монохромном псевдопространстве, где, как редкие звезды, светились плотные сгустки данных, мерцали галактики корпораций и отсвечивали холодным блеском спирали военных систем.

Бобби был одним из тех потерявшихся во времени, кого всегда застанешь за выпивкой в «Джентльмене-неудачнике», популярном в городе баре, пристанище электронных ковбоев, дельцов и прочих парней, хоть каким-то боком связанных с кибернетикой.

Мы были партнерами.

Бобби Куайн и Автомат Джек. Бобби — вечно в темных очках, худощавый, бледный красавчик, и Джек — зловещего вида парень, да еще и с нейроэлектрической рукой в придачу. Бобби

обеспечивает софт, Джек — железо. Бобби стучит по клавиатуре, а Джек устраивает все эти штучки, без которых не обскачешь других. Примерно так услышали бы вы от зевак в «Джентльмене-неудачнике», если бы вам случилось заглянуть туда в ту пору, когда Бобби и не думал о Хром. Они не преминули бы добавить, что Бобби уже не тот, темпы падают и найдутся ребята, за которыми ему не угнаться. Бобби было уже двадцать восемь — для электронного ковбоя это почти что старость.

В своем деле мы были мастерами. Но почему-то по-настоящему большая удача — та, которая случается лишь раз, — обходила нас стороной. Я знал, куда сунуться, чтобы достать нужное железо, а Бобби всегда был в ударе. Сидит, откинувшись, перед пультом — белая бархотка пересекает лоб — и, пробивая себе дорогу сквозь крутейший в бизнесе лед, молотит по клавишам быстрее, чем может уследить глаз. Но чтобы такое случилось, должно было произойти нечто, что заставило бы его выложиться на всю катушку, а это бывало нечасто. Да и я парень неприхотливый: непросроченная квартплата, чистая рубашка на теле — большего я от жизни не требовал.

Единственной в жизни картой, к которой Боб-

би относился всерьез, была очередная любовь. Впрочем, на эту тему мы с ним не разговаривали никогда. И тем летом, когда наши дела, похоже, пошли на спад, он все чаще стал засиживаться в «Джентльмене-неудачнике». Он мог часами сидеть за столиком неподалеку от раскрытых дверей и следить за проходящей толпой. И так из вечера в вечер, когда вокруг неоновых ламп кружатся безумные мотыльки, а воздух пропитан запахами жратвы из уличных забегаловок и парфюмерией. Его скрытые за очками глаза вглядывались в лица прохожих — и, когда появилась Рикки, он уже нисколько не сомневался, что она и есть та единственно верная карта, которую он так ждал.

* * *

В тот раз я решил смотаться в Нью-Йорк, чтобы прощупать рынок и заодно присмотреть чего-нибудь горяченького из софта.

В лавке Финна, в окне, над пейзажем из дохлых мух, укутанных в шубки из пыли, маячила потухшая неоновая реклама «Метро голографикс». Внутри было по пояс всякого хлама. Кучи волнами взбирались на стены, и сами стены были едва видны за рухлядью и низко провисшими

полками, заставленными старыми рваными журналами и пожелтевшими от времени годовыми комплектами «Нэшнл джиографик».

— Тебе нужна пушка, — с ходу заявил Финн. Больше всего он напоминал жертву генетического эксперимента по выведению породы людей, приспособленных для рытья нор высокоскоростным способом. — Тебе повезло. Я как раз получил новенький «смит-и-вессон». Тактический образец, калибр — десять миллиметров с хреном. Под дулом закреплен ксеноновый излучатель, батарейки в рукоятке. Ночью, когда ни черта не видно, выдает за пятьдесят шагов круг в двенадцать дюймов, в котором светло как днем. Источник света так узок, что его почти невозможно засечь. Это как колдуну вуду ввязаться в ночную драку.

Я с лязгом уронил руку на стол и принялся выстукивать дробь. Сервомоторы загудели, как рой москитов. Я знал, что Финн терпеть не может эту мою музыку.

— Ты соберешься ее когда-нибудь починить? — Обгрызенной шариковой ручкой он потыкал в мою дюралевую клешню. — Может, притаришь себе чего-нибудь потише?

— Мне не нужна пушка, Финн. — Я продолжал испытывать его слух, как будто не расслышал.

— Ладно, — вздохнул он, — как хочешь.

Я перестал барабанить.

— Есть для тебя одна вещичка. Но что это — хоть убей, не знаю. — Он изобразил несчастный вид. — Взял ее на прошлой неделе у парней из Джерси, тех, что промышляют под мостами и в туннелях.

— Значит, взял неизвестно что? Как это тебя угораздило? А, Финн?

— Остряк, да?

Он передал мне полупрозрачный почтовый пакет с чем-то похожим на магнитофонную кассету, насколько можно было увидеть сквозь пузырчатую оболочку.

— Еще был паспорт, — сказал Финн, — и кредитные карточки с часами. Ну и это.

— Я так понимаю, тебе сбагрили содержимое чьих-то карманов.

Он кивнул:

— Паспорт был бельгийский. Смахивал на подделку, я его сжег. И карточки тоже. А с часами полный порядок. Фирма «Порше», часики — первый сорт.

Ясно — это была какая-то разновидность военной программы вторжения. Вынутая из пакета, она походила на магазин к небольшой штурмо-

вой винтовке, с покрытием из непрозрачного пластика. По углам и краям металл вытерся и светился, — похоже, штуковина ходила по рукам довольно давно.

— Я сделаю тебе скидку, Джек. Как постоянному покупателю.

Я улыбнулся. Получить скидку у Финна — все равно что упросить Господа Бога отменить закон всемирного тяготения на то время, пока тебе нужно переться с тяжеленным багажом через десяток терминалов аэропорта.

— Похоже, что-то русское, — заметил я равнодушно. — Скорее всего, аварийное управление канализацией какого-нибудь ленинградского пригорода. Как раз для меня.

— Сдается мне, — сказал Финн, — ты такой же умный, как мои старые башмаки, и мозгов у тебя не больше, чем у тех сосунков из Джерси. Ты думал, я продаю тебе ключи от Кремля? Сам с ней разбирайся. Мое дело — продать.

И я купил.

* * *

Словно души, оторванные от тел, мы сворачиваем в ледяной замок Хром. Летим, не сбавляя скорости. Ощущение такое, будто мчишься на

волне программы вторжения и, зависая над водоворотами перестраивающихся глитч-систем, пытаешься удержаться на гребне. Кто мы сейчас? Разумные пятна масла, скользящие в беспросветности льда.

Где-то на тесном чердаке, под потолком из стекла и стали, далеко-далеко от нас остались наши тела. И времени, чтобы успеть дать задний ход, остается все меньше.

Мы сломали ее ворота. Блеф с повестками из суда и маскировка под налоговую инспекцию сделали свое дело. Но Хром есть Хром. И самый прочный ее лед именно для того и служит, чтобы отбивать всякие казенные штучки вроде повесток, предписаний и ордеров. Когда мы сломали первый пояс защиты, вся база ее данных исчезла под основными слоями льда. Стены, разрастаясь перед глазами, превращались в многокилометровые коридоры, в лабиринты, полные тени. Пять ее контрольных систем выдали SOS нескольким адвокатским конторам. Поздно. Вирус, проникнув внутрь, уже принялся перестраивать структуры ледовой защиты. Глитч-системы глушат сигналы тревоги, а множащиеся подпрограммы тем временем выискивают любую щель, которую не успел затянуть лед.

Русская программа извлекает из незащищенных данных номер телефона в Токио, вычислив его по частоте разговоров, средней их продолжительности и скорости, с которой Хром отвечала на эти вызовы.

— О'кей, — говорит Бобби. — Теперь мы прокатимся на звоночке от ее дружка из Японии. Кажется, то, что нам нужно.

Вперед! Погоняй, ковбой!

* * *

Бобби читал свое будущее по женщинам. Они были для него знамениями, флюгерами судьбы. Он мог вечера напролет просиживать в «Джентльмене-неудачнике», ожидая, когда кончится невезение и судьба, как козырь в игре, подарит ему новую встречу.

Как-то вечером я допоздна заработался на своем чердаке, распутывая один чип. Руку я снял, а небольшой манипулятор вставил прямо в сустав.

Бобби пришел с подружкой, которую я прежде не видел. Мне обычно бывает не по себе, если кто-нибудь незнакомый застает меня работающим вот так — со всеми этими проводами, зажатыми в графитовых штифтах, что торчат из моей культи.

Она сразу же подошла ко мне и взглянула на увеличенное изображение на экране. Потом увидела манипулятор-уолдо,[157] двигающийся под прозрачным герметичным кожухом. Она ничего не сказала, стояла и просто смотрела. И уже от одного этого мне сделалось хорошо.

— Знакомься, Рикки. Автомат Джек, мой коллега.

Он рассмеялся и обнял Рикки за талию. Что-то в его тоне дало понять: ночевать мне сегодня в загаженном гостиничном номере.

— Привет, — сказала она.

Высокая, ей не было и двадцати, она выглядела что надо. Чуть конопатая, глаза цвета темного янтаря с кофейным отливом. Узкие черные джинсы, закатанные по щиколотку, и простенький поясок из пластика в тон розовым сандалиям.

До сих пор ночами, когда не спится, она стоит перед моими глазами. Я вижу ее где-то там, за руинами городов, за дымами, и видение это подобно голограмме, прилипшей к изнанке глаз. В светлом платье, едва прикрывающем колени, — она

[157] notes: 157

Уолдо — механическое устройство, управляемое на расстоянии. Термин придумал Роберт Хайнлайн — так звали героя его одноименной повести (1944), который изобретал подобные устройства. Впоследствии термин стал широко использоваться в англоязычной фантастике.

была в нем в тот раз, когда мы остались вдвоем. Длинные стройные ноги. Каштановые волосы вперемешку с белыми прядями взметнулись, будто в порыве ветра, прилетевшего неизвестно откуда. Они опутывают ее лицо. А после я вижу, как она машет мне на прощание рукой.

Бобби устроил целое представление, пока копался в стопке кассет.

— Уже ухожу, ковбой, — сказал я, отсоединяя манипулятор.

Она внимательно за мной наблюдала, пока я вновь надевал руку.

— А всякие мелочи ты умеешь чинить? — спросила она вдруг.

— О! Для вас — что угодно. Автомат Джек все может. — И для пущего авторитета я прищелкнул дюралюминиевыми пальцами.

Она отстегнула от пояса миниатюрную симстим-деку и показала на сломанную крышку кассетоприемника.

— Никаких проблем, — сказал я. — Завтра будет готово.

«Йо-хо-хо, — подумал я; сон уже вовсю тянул меня с шестого этажа вниз. — Интересно, как повернется теперь удача Бобби, с таким-то знамением? Если его система работает, нам вот-вот

должно повезти по-крупному».

На улице я усмехнулся, зевнул и замахал проезжающему такси.

* * *

Твердыня Хром растворяется. Завесы ледяных теней мерцают и исчезают. Их пожирают глитч-системы, генерируемые русской программой. Глитч-системы разбегаются в стороны от направления нашего главного логического удара и заражают структуру льда. Для компьютеров они словно вирус — саморазмножающийся и прожорливый. Они постоянно меняются, каждая в лад со всеми, подчиняя и поглощая защиту Хром.

Обезвредили мы ее или где-то уже прозвенел тревожный звоночек и мигают красные огоньки? И Хром — знает ли об этом она?

* * *

Рикки Дикарка — так прозвал ее Бобби. Уже в первые недели ей, должно быть, казалось, что теперь она обладает всем. Бурная сцена жизни развернулась перед ней целиком, четко, резко и ясно высвеченная неоновыми огнями. Она была здесь новичком, но уже считала своими

все эти бесконечные мили прилавков, суету площадей, клубы и магазины. А еще у нее был Бобби, который мог рассказать Дикарке обо всех хитроумных проволочках, на которых держатся вещи. Обо всех актерах на сцене, назвать их имена и спектакли, в которых они играют. Он дал ей почувствовать, что она среди них не чужая.

— Что у тебя с рукой? — спросила она как-то вечером, когда мы — Бобби, я и она — сидели и выпивали за угловым столиком в «Джентльмене-неудачнике».

— Летал на дельтаплане, — сказал я. Потом добавил: — Несчастный случай.

— Летал на дельтаплане над пшеничным полем, — вмешался Бобби, — около одного городка под названием Киев. Всего-то навсего — наш Джек висел там в темноте под дельтапланом «Ночное крыло» да еще запихал между ног радар на полцентнера. И какой-то русский мудила отрезал ему лазером руку. Совершенно случайно.

Не помню уже, как я сменил тему, но все-таки мне это удалось.

Тогда я еще пытался убедить себя: мол, это не сама Рикки меня раздражает, а то, что с ней делает Бобби. Я знал его довольно давно, еще с конца войны. Конечно, мне было известно,

что женщины для него лишь точки отсчета в игре, которая называлась «Бобби Куайн против судьбы, времени и темноты городов». И Рикки ему подвернулась как раз кстати. Ему позарез нужна была какая-то цель, чтобы прийти в себя. Поэтому он ее и вознес — как символ всего, что желал и не мог получить, всего, что имел и не мог удержать в руках.

Мне не нравилась его болтовня о том, как он ее обожает, а оттого, что он сам во все это верил, становилось еще тошнее. Бобби славился стремительными падениями и такими же стремительными взлетами. И все, что происходило сейчас, я видел по крайней мере десяток раз. На его темных очках вполне можно было бы написать слово «Следующая!», и оно читалось бы всегда, когда мимо столика в «Джентльмене-неудачнике» проплывало новое смазливое личико.

Я знал, что он с ними делал. Они становились символами, ориентирами на карте его ковбойской жизни. Они были маяками, на которые он шел сквозь разливы неона и бары. А что же, как не они, могло еще им двигать? Деньги сами по себе он не очень-то и любил — их свет был, на его взгляд, слишком тускл для путеводного. Власть над людьми? Он не терпел ответственности, на

которую такая власть обрекает. Вообще-то, он гордился своим мастерством, но этой гордости не хватало, чтобы удерживать его в боевом режиме.

Потому он остановился на женщинах.

Когда появилась Рикки, потребность в новом знакомстве достигла критического уровня. Бобби все чаще бывал понурым, и поговаривали, что он уже не тот. Так что большая удача была ему просто необходима, и чем скорее, тем лучше. О другой жизни он понятия не имел, его внутренние часы были поставлены на время ковбоев-компьютерщиков и откалиброваны на риск и адреналин. И еще на сверхъестественный рассветный покой, который приходит, когда каждый твой ход верен и сладкий пирог чьего-нибудь кредита перекочевывает на твой счет.

Ему пора было сорвать большой куш и уйти на покой, так что Рикки он вознес на пьедестал куда выше прочих, и мне хотелось кричать — ну что же ты делаешь, вот она здесь, рядом, живая, совершенно реальная, со своим голодом, податливая, зевающая от скуки, красивая, возбужденная, настоящий человек, никакой не символ.

Однажды днем он вышел. Это было за неделю до того, как я уехал в Нью-Йорк, чтобы повидаться с Финном. Мы с Рикки остались на чердаке

одни. Собиралась гроза. Полнеба в чердачном окне перекрывал купол, который так и не успели достроить, все остальное затянули черно-синие тучи. Когда она прикоснулась ко мне, я стоял у стола и смотрел на небо — одуревший от полуденной жары и влажности, — притронулась к моему плечу, там, где розовел небольшой шрам над протезом. Все, кто когда-нибудь касался этого места, вели руку вверх по плечу.

Рикки поступила иначе. Ее узкие, покрытые черным лаком ногти были ровными и продолговатыми. Лак — немногим темнее слоя углеродного пластика, который покрывал мою руку. Ее рука продолжала двигаться вдоль моей, черные ногти скользили вниз по сварному шву. Ниже, ниже, до локтевого сочленения из черного анодированного металла, и еще ниже, пока не достигли кисти. Рука была маленькой, как у ребенка. Ее пальцы накрыли мои, а ладонь легла на дырчатый дюралюминий.

Другая ладонь, взметнувшись, задела прокладки обратной связи — а потом весь день лил долгий дождь, капли хлестали по стали и закопченному стеклу над постелью Бобби.

* * *

Стены льда уносятся прочь — бабочки, сотканные из тени, летящие быстрее звука. А за ними — иллюзия матрицы в пространстве, которое не имеет границ. Что-то подобное видишь, когда на экране мелькают контуры проектируемого здания. Только проект раскручивается от конца к началу и у здания вместо стен — разлохмаченные крылья.

Я все время напоминаю себе, что место, где мы находимся, и бездны, его окружающие, — не более чем иллюзия. Что на самом деле мы не «внутри» компьютера Хром, а всего лишь подключены к нему через интерфейс, в то время как матричный симулятор на чердаке у Бобби поддерживает эту иллюзию… Появляется ядро данных, беззащитное, открытое для атаки… Это уже по ту сторону льда, я никогда раньше не видел матрицу такой — а пятнадцать миллионов легальных операторов Хром видят ее ежедневно и принимают как само собой разумеющееся.

Вокруг нас возвышаются данные Хромова ядра, будто несущиеся по вертикали разноцветные поезда, и каждый цвет обозначает разные коды допуска. Яркие полосы, невозможно яркие в этой

призрачной пустоте, пересекаются бесчисленными горизонталями, окрашенными, словно детская спальня, в розовое и голубое.

Но остается еще что-то, спрятанное за тенью льда в центре слепящего фейерверка: сердце всей этой дорогостоящей тьмы, само сердце Хром…

* * *

Было уже далеко за полдень, когда я вернулся из своей нью-йоркской шопинг-вылазки. Солнце пряталось за облаками, а на мониторе Бобби светилась структура льда — двумерное изображение чьей-то электронной защиты. Неоновые линии переплетались, как на молитвенном коврике, вытканном в стиле ар-деко. Я выключил пульт, и экран стал совершенно темным.

Весь мой рабочий стол был завален вещами Рикки. Косметика и одежда, кое-как распиханные по нейлоновым пакетам, пара ярко-красных ковбойских сапог, магнитофонные кассеты, глянцевые японские журналы с рассказами о звездах симстима. Я смахнул все это под столик. А когда отцепил руку, вспомнил, что программа, которую я купил у Финна, осталась в правом кармане куртки. Пришлось повозиться, вытаскивая ее левой рукой и затем вставляя между прокладками

в зажимы ювелирных тисочков.

Уолдо походил на старый проигрыватель, на таких когда-то крутили виниловые пластинки, а тисочки были прикрыты прозрачным пылезащитным кожухом. Сам манипулятор, чуть больше сантиметра в длину, крепился на шарнире к тому, что у проигрывателя было бы тонармом. На него я даже не смотрел, когда прикреплял провода к культе. Я вглядывался в окуляр микроскопа — там, в черно-белом цвете, виднелась моя рука при сорокакратном увеличении.

Я проверил инструменты и взял лазер. Он показался мне чуточку тяжеловат. Тогда я подстроил сенсорный регулятор массы до четверти килограмма на грамм и принялся за работу. При сорокакратном увеличении бок русской кассеты напоминал грузовой трейлер.

На то, чтобы расколоть программу, у меня ушло восемь часов. Три часа — на работу с уолдо, возню с лазером и четырьмя дюжинами зажимов. Еще два часа — на телефонный разговор с Колорадо, и три — на копирование словарного диска, способного передать по-английски технический русский жаргон восьмилетней давности.

Наконец передо мной на экране замелькали столбики чисел и кириллица, примерно на пол-

пути превращаясь в английский текст. Виднелось множество пропусков, там, где программа-переводчик натыкалась на специальные военные сокращения в описании, полученном от моего человечка из Колорадо. Но примерное представление о том, что я купил у Финна, мне все же удалось получить.

Ощущение было словно у какого-нибудь уличного хулигана, который пошел покупать пружинный нож, а вернулся домой с портативной нейтронной бомбой.

«Опять накололи, — подумал я. — На кой черт в уличной драке нужна нейтронная бомба?» Эта штука под пылезащитным кожухом была явно не моей весовой категории. Я представления не имел, куда бы ее спихнуть и где найти покупателя. По-видимому, кому-то это было нетрудно, но этот кто-то — владелец часов «Порше» и фальшивого бельгийского паспорта — отдал концы. Да уж, у бедняги, нарвавшегося на окраине на Финновых приятелей — гоп-стоперов, были довольно экзотические связи.

Программа, зажатая в моих ювелирных тисочках, оказалась не просто программой. Это был русский военный ледокол, компьютерный вирус-убийца.

Утром вернулся Бобби. Один. Я спал, сжимая в горсти пакет магазинных сэндвичей.

— Будешь? — спросил я его и вытащил из пакета сэндвич.

Я еще не проснулся по-настоящему. Мне снилась программа, волны ее изголодавшихся глитч-систем и подпрограммы-хамелеоны. Во сне она представлялась каким-то невиданным чудовищем, бесформенным, с множеством пульсирующих ложноножек.

Подходя к пульту, он отбросил попавший под ноги мешок и нажал функциональную клавишу. На экране засветился тот же самый хитроумный узор, что я видел накануне. Прогоняя остатки сна, я протер глаза левой рукой — единственное, что я не мог делать правой. Засыпая, я пытался решить, стоит ли ему рассказывать о программе. Может, имеет смысл попытаться ее продать, оставить себе все деньги, а после уговорить Рикки махнуть куда подальше.

— Чье это? — спросил я.

— Хромово.

Бобби стоял перед экраном, в черном комбинезоне и старой кожаной куртке, наброшенной на плечи как плащ. Уже который день он не брился, и лицо его казалось еще более осунувшимся, чем

обычно.

Руку свело судорогой, и протез начал пощелкивать — по углеродным прокладкам через мою нейроэлектронику страх передался и ему. Сэндвичи вывалились из пальцев, и по давно не метенному деревянному полу рассыпались вялые листья салата и подсохшие ломти маслянисто-желтого сыра.

— Ты свихнулся.

— Нет, — сказал Бобби. — Думаешь, она нас выследила? Ничего подобного. Мы были бы уже трупами. Я подключился к ней через арендную систему в Момбасе с тройной слепой защитой и через алжирский спутник связи. Она, конечно, узнала, что кто-то попробовал ее защиту на зуб, но так и не догадалась кто.

Если бы Хром выяснила, что подход к ее льду сделал Бобби, мы наверняка были бы уже мертвецами. В этом Бобби был прав. Она стерла бы меня в порошок еще на пути из Нью-Йорка.

— Но почему обязательно она, Бобби? Приведи хотя бы один довод…

Хром. Я видел ее раз пять-шесть в «Джентльмене-неудачнике». Может быть, она просто шлялась по трущобам. Или проверяла, как там поживают людишки, к которым себя особо-то

и не причисляла. Маленькое приторное лицо, похожее на сердечко, с глазами, злее которых вам вряд ли где доводилось встречать. На вид ей было не больше четырнадцати, и никто не помнил, чтобы она когда-нибудь выглядела по-другому. Такой она стала в результате нарушения обмена веществ от усиленного накачивания себя сыворотками и гормонами. Подобной уродины улица еще не рождала, но она больше не принадлежала улице. Хром водила дела с «Мальчиками» и в их группировке пользовалась сильным влиянием. Ходили слухи, что начинала она как поставщик, в те еще времена, когда искусственные гипофизные гормоны были под запретом. Но с торговлей она давно уже завязала. Сейчас ей принадлежал «Дом голубых огней».

— Куайн, ну ты совсем идиот. Можешь хоть как-то это оправдать? — Я ткнул пальцем в экран. — Кончай с этим, понял? Немедленно, прямо сейчас…

— Я слышал, как в «Неудачнике» трепались Черный Майрон и Ворона Джейн. — Он передернул плечами, сбрасывая кожаную куртку. — Джейн следит за всеми секс-линиями. Она говорит, что знает, куда уходят настоящие деньги. Так вот, она поспорила с Майроном, что у Хром контрольный

пакет в «Голубых огнях». И что она не просто зиц-председательша у «Мальчиков».

— «Мальчиков», вот именно, Бобби, — сказал я. — Это здесь ключевое слово. Хоть это ты можешь понять? Или забыл, что мы не вмешиваемся в их дела? Только поэтому еще и ползаем по земле.

— Поэтому мы с тобой и бедняки, коллега. — Он откинулся перед пультом на вращающемся стуле и, расстегнув комбинезон, почесал свою бледную костлявую грудь. — Но кажется, теперь это можно исправить.

— Кажется, коллегами мы с тобой тоже уже никогда не будем.

На это он усмехнулся. Усмешка у него была и вправду как у психа, звериная и какая-то вымученная. В этот момент я понял, что ему действительно насрать на смерть.

— Послушай, — сказал я, — у меня еще осталось кое-что, ты знаешь. Бери эти деньги да смотайся в «трубе» до Майами. А там перехватишь вертолет до Монтего-Бэй. Тебе нужен отдых, приятель. Тебе обязательно надо набраться сил.

— Джек, — сказал он, набирая что-то на клавиатуре, — я никогда не был так полон сил, как сейчас.

Когда включилась анимационная программа, неоновый молитвенный коврик на экране задрожал и стал оживать. Структурные линии льда переплетались с завораживающей частотой, словно живая мандала. Бобби продолжал ввод команд, движение замедлилось. Проявилась структура, уже не такая сложная, как была, и вскоре она распалась на две отдельные фигуры, которые по очереди появлялись и исчезали. Работа была проделана отлично, я не думал, что он еще на такое способен.

— Минуточку! — воскликнул он. — Вон там, видишь? Подожди-ка. Вон там. И еще там. И там. Легко не заметить. Вот оно. Подключение через каждые час двадцать, сжатая передача на их спутник связи. Мы могли бы жить целый год только на том, что она выплачивает им раз в неделю по отрицательным процентным ставкам.

— Чей спутник связи?

— Это Цюрих. Ее банкиры. Там у нее банковский счет, Джек. Вот куда стекаются денежки. Ворона Джейн была права.

Я просто стоял не двигаясь. Даже рука примолкла.

— Ну, как ты провел время в Нью-Йорке, коллега? Что-нибудь удалось достать? Что-нибудь, чем

мне прорубить лед? Не важно что, все сгодится.

Я не отрываясь смотрел в глаза Бобби, заставляя себя не оглядываться на уолдо и ювелирные тисочки. Русская программа, прикрытая пылезащитным кожухом, была все еще там.

Случайные карты, повелители судьбы.

— А где Рикки? — Я подошел к пульту и сделал вид, что изучаю чередующиеся на экране структуры.

— Где-то с приятелями. — Бобби пожал плечами. — Дети, все они помешаны на симстиме. — Он задумчиво улыбнулся. — Дружище, я собираюсь это сделать ради нее.

— Мне нужно хорошенько все обдумать, Бобби. Но если хочешь, чтобы я вернулся, держи руки подальше от клавиш.

— Я делаю это для нее, — повторил он, когда я закрывал за собой дверь. — Сам знаешь.

* * *

И сразу же вниз, вниз: программа лавиной несется по лабиринту, стены которого — ветшающие тени, несется в серых церковных сводах между ярко освещенными башнями. Безумная скорость.

Черный лед. Не думай об этом. Черный лед.

Каких только легенд не услышишь в «Джентльмене-неудачнике». И рассказы о черном льде — тоже из их числа. Это лед, который убивает. Незаконно, да, но кто из нас чтит закон? Оружие, основанное на принципе нейронной обратной связи. Ты вступаешь с ним в контакт всего один раз, но и этого раза хватает. Что-то вроде страшного заклинания, которое разъедает твой мозг изнутри. Словно приступ эпилепсии, который все длится и длится, пока от тебя не остается уже совсем ничего…

И вот мы ныряем туда, где скрыто самое главное — то, на чем держится за́мок теней Хром.

Я напрягаюсь в ожидании внезапной остановки дыхания, последней смертельной слабости. Это все страх — страх ледяного заклятия, которое ждет нас где-то внизу, во тьме.

* * *

Я ушел разыскивать Рикки. Она сидела в кафе вместе с пареньком, у которого были глаза от «Сэндай». От его опухших глазниц веером расходились полузажившие швы. На столике перед ней лежала раскрытая глянцевая брошюра, и оттуда с десятка фотографий смотрела улыбающаяся Тэлли Ишем — «Девушка с глазами от

„Цейс-Айкон“».

Портативная симстим-дека Рикки валялась среди той кучи вещей, которую я прошлым вечером спихнул к себе под стол, та самая, что я починил на следующий день после нашей первой встречи. Рикки часами просиживала за этой игрушкой. Контактный обруч охватывал ее лоб, словно серая пластиковая тиара. От Тэлли Ишем Рикки была без ума и, коронованная контактным обручем, витала где-то в вышине, на крыльях записанных переживаний величайшей звезды симстима. Симулированный стимул — симстим: весь мир, во всем его блеске, — глазами и чувствами Тэлли Ишем. Тэлли мчится на своем черном «фоккере»-экраноплане по аризонским плоскогорьям. Тэлли ныряет с аквалангом в заповеднике на острове Трук. Тэлли в гостях у мультимиллионеров на частных греческих островках — дух захватывает от одного вида этих белых маленьких бухточек на заре.

Она и вправду напоминала Тэлли. Такой же оттенок кожи, одинаковый разлет скул. А вот рот у Рикки, пожалуй, был привлекательней. Непонятно почему — более дерзкий, может быть. Рикки не хотела быть копией Тэлли Ишем, она просто мечтала получить такую же работу. Она была

на этом повернута — стать звездой симстима. Бобби просто отшучивался. Я же с ней обсуждал это дело серьезно. «Как бы я смотрелась с этой парой?» — спрашивала она меня, держа в руках портрет Тэлли Ишем размером во всю страницу. Голубые глаза «Цейс-Айкон» находились на одном уровне с ее темно-янтарными. Она уже дважды переделывала роговицы, но идеального зрения по-прежнему не могла достичь. Поэтому ей так хотелось «Цейс-Айкон». Глаза настоящих звезд. Стоимости безумной.

— Как всегда, пялилась на витрины с глазами? — спросил я, подсев к их столику.

— Тигр вот поставил себе новые, — сказала она, и я подумал, что выглядит она очень уж усталой.

Тигр, видно, так балдел от своих «Сэндай», что просто сиял, других поводов улыбаться у него явно не было. Мордашка у него была симпатичная, но без особой индивидуальности, как после шестого-седьмого похода в хирургический бутик. Так и будет, наверно, до конца жизни смутно походить на очередного баловня моды, популярного в последнем сезоне: копия не слишком очевидная, но об оригинале и говорить не приходится.

— «Сэндай», не так ли? — улыбнулся я ему.

Он кивнул, фокусируя на мне взгляд, соот-

ветствующий, по его представлениям, звезде симстима. Должно быть, воображал, будто все, на что он смотрит, мгновенно записывается. Взгляд его слишком уж надолго задержался на моей руке.

— Боковое зрение должно быть шикарное, вот только заживут мышцы, — сказал Тигр.

Я видел, как старательно он потянулся за своим двойным эспрессо. «Сэндаевские» глаза славятся дефектами глубины восприятия и проблемами с гарантией, среди прочего.

— Тигр завтра едет в Голливуд.

— А оттуда прямиком в Тиба-Сити? — снова улыбнулся я; на этот раз он улыбаться не стал. — Получил предложение, Тигр? Должно быть, познакомился с кем-нибудь из агентов?

— Пока еще только присматриваюсь, — негромко ответил Тигр.

Затем он встал и ушел, на ходу бросив Рикки быстрое «пока». На меня даже не посмотрел.

— Зрительные нервы у него начнут, наверно, отмирать месяцев через шесть. Слышала о таком, Рикки? Эти «Сэндай» много где запрещены — в Англии, в Дании… Свои нервы ничем не заменишь.

— Эй, Джек, может, без лекций? — Она стащи-

ла один из моих круассанов и откусила самый кончик.

— Малыш, я же твой советчик.

— Ну… да… Тигр, может, звезд с неба и не хватает, но о «Сэндай» знают все. Просто другие он себе пока не может позволить. Пойми — это его попытка выкарабкаться. Если он получит работу, то найдет чем их заменить.

— Этими? — Я постучал пальцами по брошюре с рекламой «Цейса». — И сколько это стоит, Рикки? Ты же не совсем дура, чтобы так рисковать.

Она кивнула:

— Я очень хочу «Айконы».

— Если пойдешь к Бобби, скажи ему, чтобы сидел тихо, пока не получит от меня весточку.

— Хорошо. Это что, дело какое-то?

— Дело, — ответил я. Хотя это было просто сумасшествие.

Я допил кофе, она прикончила оба моих круассана. После этого я проводил ее до квартиры Бобби. А потом пятнадцать раз позвонил, меняя после каждого звонка таксофоны.

Дело. Это было хуже, чем сумасшествие.

На подготовку рейда у нас ушло шесть недель. И все эти шесть недель Бобби не уставал повторять, как сильно он ее любит. Приходилось вкалывать

вдвойне, чтобы как-то отвлечься.

В основном я висел на телефоне. Каждый из тех пробных пятнадцати звонков породил еще не меньше пятнадцати. Я искал некий сервис, без которого, как мы с Бобби считали, мировая подпольная экономика просто не могла бы функционировать; сервис, обслуживающий не более пяти клиентов зараз. То есть никак себя не рекламирующий.

Короче, мы искали самую крутую в мире прачечную, способную отмыть онлайновый трансфер в несколько миллиардов баксов и благополучно забыть об этом.

Все звонки оказались впустую. В итоге верную наводку дал мне тот же Финн. Я тогда отправился в Нью-Йорк, чтобы купить новый «черный ящик», а то со всеми этими звонками мы запросто могли разориться.

Я как можно туманней описал ему нашу задачу.

— Макао, — предложил он.

— Макао?

— Семья Лун Хум. Биржевые маклеры.

У него даже оказался их телефон. Правильно говорят: хочешь найти одного барыгу — спроси у другого.

Эти ребята Лун Хумы оказались такими тертыми, что мои робкие попытки сближения восприняли как тактический ядерный удар. Бобби пришлось дважды слетать в Гонконг, чтобы все четко с ними обговорить. Наши деньги таяли, и довольно быстрыми темпами. Я по-прежнему сам не знал, почему сразу не отказался от всего этого. Хром я боялся, а к богатству был всегда равнодушен.

Я говорил себе, что спалить «Дом голубых огней» не такая уж плохая мысль, место уж больно гнилое, и все-таки дело было не в том. Я не любил «Голубые огни», потому что однажды провел там крайне тягостный вечер, но мы охотились на Хром не поэтому. По совести говоря, уже где-то на полпути я решил, что этот рейд закончится нашей гибелью. Даже с программой-убийцей шансов у нас практически не было.

Бобби с головой ушел в составление набора команд, которые мы рассчитывали загнать в слепое пятно Хромова льда. Вводить их придется мне, ведь, когда дело завертится, руки у Бобби будут полностью заняты тем, чтобы не дать русской программе сразу перейти к разрушению ядра данных. Переписать мы ее не могли: слишком она была для этого сложной. И поэтому он соби-

рался попробовать удержать ее хотя бы в течение двух секунд, которые понадобятся мне.

Я договорился с уличным бойцом по имени Майлс. Он должен был в ночь рейда повсюду сопровождать Рикки, не спускать с нее глаз, а в определенное время позвонить мне. Если меня вдруг не оказалось бы на месте или же мой ответ был бы не таким, как мы условились, я велел ему сразу же хватать Рикки и сажать ее в первый попавшийся поезд в «трубе», идущий куда-нибудь подальше. Я дал ему конверт с деньгами и запиской, чтобы он все это передал ей.

Бобби даже в голову не приходило подумать о том, что может случиться с Рикки, если наша затея провалится. Он все твердил мне, как сильно он ее любит, и куда они уедут, и как там будут тратить деньги.

— Дружище, для начала купи ей пару «Айконов». Больше ей ничего не надо. Для нее симстим, похоже, всерьез.

— Брось, Джек, — сказал он, оторвавшись от клавиатуры. — Работа ей теперь не нужна. Все у нас получится. Она — моя удача. Ей никогда в жизни не придется больше работать.

— Твоя удача, — повторил я чуть слышно. Все это меня не радовало; я и не мог припомнить,

когда меня вообще что-либо радовало. — А когда ты в последний раз виделся со своей удачей?

Он ее не видел давно, я тоже. Мы были слишком заняты.

Мне ее недоставало. Эта тоска напомнила мне ночь, проведенную в «Доме голубых огней». Я отправился туда в тот раз потому, что тосковал после очередной потери. Для начала, как водится, я нажрался, а потом ударил по вазопрессиновым ингаляторам. Если ваша подруга вдруг решает сделать вам ручкой, бухло и вазопрессин, пожалуй, самое убойное сочетание из всего арсенала мазохистской фармакологии. С бухла вас прошибает на слезу, а вазопрессин ничего не дает забыть. Вы помните все, что было. В больницах эту штуку используют для борьбы со старческой амнезией, но улица любой вещи находит собственное применение. Короче, за свои кровные я приобрел суперинтенсивное воспроизведение давешних любовных неурядиц. Вся незадача в том, что поровну получаешь и хорошее и плохое. Хочешь животный экстаз — получай. А в придачу и то, что она тебе ответила и как она ушла, так ни разу и не оглянувшись.

Я не помню, что меня толкнуло в «Голубые огни» и как вообще я оказался в этих тихих, заглу-

шающих шаги коридорах. Правда ли, что я видел там пошлейший декоративный водопад, — или то была обыкновенная голограмма? В тот вечер у меня водились деньги. Один из наших клиентов перевел Бобби приличную сумму за прорубание трехсекундного окна в чьем-то льду.

Не думаю, что вышибалам на входе понравилось, как я выгляжу, но с моими деньгами это не имело значения.

Когда с делом, ради которого я здесь оказался, было покончено, мне опять захотелось выпить. После этого я, помнится, выдал бармену шуточку насчет латентных некрофилов, и это ему, по-моему, не понравилось. Потом какой-то амбал упорно называл меня «героем войны», что мне, естественно, не понравилось тоже. Думаю, я успеть показать ему несколько фокусов с рукой, пока не отключился совсем и не проснулся двумя днями позже в типовом спальном модуле у черта на куличках. Дешевле места и захочешь — не найдешь, там даже негде было повеситься. Я сидел на узком пенопластовом матрасе и плакал.

Одиночество — еще не самое страшное, что бывает в жизни. Но то, на чем делают деньги в «Доме голубых огней», настолько популярно, что стало почти легальным.

* * *

В сердце тьмы, в ее недвижном центре, глитч-системы вспарывают темноту водоворотами света, полупрозрачными бритвами, раскручивающимися от нас во все стороны. Мы висим посреди безмолвного, словно снятого замедленной съемкой взрыва, осколки льда разлетаются и падают вокруг целую вечность, и голос Бобби неожиданно прорывается сквозь световые годы всей этой электронной псевдопустоты:

— Давай, делай ее, суку. Я не могу больше удерживать программу…

Русская программа вздымается, затопляя башни данных, стирая розовые с голубым краски детской спальни. Я ввожу пакет смастряченных Бобби команд прямо в центр холодного сердца Хром. Выстреливает передача — импульс концентрированной информации, — выстреливает прямо вверх, мимо сгущающейся стены мрака, мимо русской программы, которую Бобби силится удержать под контролем на ту единственную секунду, которая для нас сейчас важнее, чем жизнь. Недооформившееся щупальце тьмы судорожно вскидывается на верхушке черной колонны, но слишком поздно.

Мы сделали это.

Вокруг меня с волшебной легкостью оригами складывается матрица.

Чердак пропах потом и горелой электроникой.

Вспомнился резкий металлический звук, будто визжит Хром, но я никак не мог ее слышать.

* * *

Бобби смеялся до слез. Цифры в углу монитора показывали 07:24:05. Весь рейд занял меньше восьми минут.

А я все не мог оторвать взгляда от русской программы, расплавившейся в прорези.

Основную часть цюрихских накоплений Хром мы перечислили десятку разных благотворительных организаций. Уж слишком неподъемная там была сумма, нам не потянуть. Единственный выход — разломать ее на кусочки, сжечь дотла, без остатка. Иначе она непременно начнет за нами охоту. Себе мы взяли процентов десять и отправили их через Лун Хумов в Макао. Шестьдесят процентов от этого они прибрали себе, а то, что осталось, перекинули нам обратно через самый глухой и запутанный сектор Гонконгской биржи. Прошел час, прежде чем наши деньги стали поступать на счета, которые мы открыли

в Цюрихе.

Я молча наблюдал, как нули горкой набираются позади ничего не значащей цифры на мониторе. Я был богат.

Потом зазвонил телефон. Это был Майлс. Я чуть не забыл про нашу условную фразу.

— Джек, старик, я не знаю, что там получилось с этой твоей девчонкой. Какая-то странная штука, фиг поймешь…

— Чего? Давай, не тяни.

— В общем, я шел за ней, как договаривались, вплотную, но не высовывался. Она двинула к «Неудачнику», немного там поторчала, а потом села в «трубу». Зашла в «Дом голубых огней»…

— Куда?!

— Сзади. Где служебный вход. А через их охрану хрен пролезешь…

— И она сейчас там?

— Да нет, старик, я ее потерял. Там все как будто с ума посходили. Похоже, «Голубым огням» крышка, совсем. Представляешь, сработали сразу семь сигнализаций в разных местах, все бегают, тут же и фараоны в полной выкладке подоспели — щиты, противогазы… А потом эти налетели, как мухи на говно, всякие там страховщики, риелторы, членовозы с муниципальными но-

мерами…

— Майлс, куда она делась?

— Упустил я ее, Джек…

— Послушай, Майлс. Оставь деньги, те, что в конверте, себе. Хорошо?

— Ты серьезно? Не думай, мне самому обидно. Я…

Я положил трубку.

— Ну, когда она об этом узнает… — говорил Бобби, обтирая себе грудь полотенцем.

— Вот ты сам ей все и расскажешь, ковбой. А я пошел прошвырнуться.

И я окунулся в ночь, в неоновые огни, слепо дрейфуя с толпой и желая лишь одного — почувствовать себя малой клеточкой всего этого гигантского человеческого организма. Не более чем одной из множества щепочек сознания, болтающихся под геодезическими куполами. Я ни о чем не думал, просто переставлял ноги, но через какое-то время в голову сами полезли мысли. И вдруг все стало ясно. Просто ей нужны были деньги.

Еще я думал о Хром. О том, что мы убили, уничтожили ее так же верно, как будто перерезали ей глотку. И ночь, которая вела меня сейчас своими улицами и площадями, уже объявила на нее

охоту. Хром некуда было деться. И еще я подумал о том, как много у нее врагов в одной только этой толпе и что они станут делать теперь, когда ее деньги им уже не страшны. Мы забрали у нее все, что было. Она снова оказалась на улице. Я сомневался, что она доживет хотя бы до рассвета.

Потом я вспомнил о кафе, в котором повстречал Тигра.

Ее темные очки, и длинные черные тени, падавшие от них на лицо, и грязное пятно от румян — цвета плоти — в углу одной из линз рассказали мне обо всем.

— Привет, Рикки, — сказал я как ни в чем не бывало, но уже наверняка знал, что увижу, когда она снимет очки.

Синева. Синева Тэлли Ишем. Ничем не замутненная фирменная синева, по которой их узнают везде. И на каждом зрачке крошечными заглавными буквами выведено по краю — «Цейс-Айкон». Буковки мерцают, как золотые блестки.

— Красиво, — сказал я. (Румяна скрывали темную припухлость. Ни одного шрама, настолько качественное вживление.) — Ты где-то заработала денег?

— Да, заработала. — Она поежилась. — Но больше так не заработаю. Во всяком случае, не

на этом.

— Я думаю, та контора приказала долго жить.

— О-о-о, — только и сказала она.

При этом ее лицо нисколько не изменилось. Новые голубые глаза оставались глубоки и неподвижны.

— Впрочем, теперь уже плевать. Пошли, Бобби ждет. Мы только что отхватили приличный кусок.

— Нет. Я должна уехать. Вряд ли он поймет, но мне правда нужно ехать.

Я кивнул, глядя, как моя рука протянулась и взяла ее ладонь. Рука была словно чужая и жила от меня отдельно. Но Рикки оперлась на нее по привычке.

— У меня билет в один конец, в Голливуд. У Тигра там есть знакомые, у них можно остановиться. Может, даже попаду в Тиба-Сити.

Насчет Бобби она оказалась права. Мы вернулись вместе. Бобби ее не понял. Но она уже сделала для него все, что могла. Я пытался намекнуть ей, чтобы не переживала за него, но она переживала, я-то видел. Когда были упакованы сумки, он даже не захотел проводить ее в коридор. Я поставил сумки на пол и поцеловал ее, смазав при этом румяна. И вдруг что-то подня-

лось внутри меня — подобно программе-убийце, которой мы спалили Хром. Дыхание мое оборвалось, и я неожиданно понял — что бы я ни сказал, слова будут излишни. Ей нужно было торопиться на самолет.

Бобби, развалившись во вращающемся кресле перед монитором, смотрел на вереницу нулей. Глаза его были прикрыты зеркалками. Я был более чем уверен, что к ночи он уже будет сидеть в «Джентльмене-неудачнике» — оценивая атмосферу, нервно ожидая любого знака, который бы ему подсказал, на что же будет похожа его новая жизнь. Но я не видел особой разницы. Станет лишь чуть комфортабельней, наверно, — и все равно он вечно будет нервничать, какая же выпадет очередная карта.

А я все не мог представить себе ее там, в «Доме голубых огней», как она отрабатывает свою трехчасовую норму в искусственном сне, пока тело ее и условные рефлексы заботятся о бизнесе. Клиентам не приходится жаловаться, что она только делает вид, оргазмы-то самые настоящие. Но ощущает она их, если вообще ощущает, лишь на самой границе сна, неуловимыми серебристыми вспышками. Это было так популярно, что стало почти легальным. Посетители разрываются меж-

ду жаждой кого-нибудь поиметь и одновременно стремлением к одиночеству. Наверное, так всегда было в природе этой вот игры — и еще задолго до того, как сюда припутали нейроэлектронику, которая и позволила совместить несовместимое.

Я снял трубку и позвонил в авиакомпанию. Назвал ее настоящее имя и номер рейса.

— Она хочет поменять пункт назначения, — сказал я. — На Тиба-Сити. Да-да. Япония. — Вставил в прорезь кредитную карточку и набрал свой идентификационный код. — Первым классом. — Я вслушивался в далекий шум — они проверяли записи о моих кредитах. — И пожалуйста, в обе стороны.

Я все же думаю, что она сдала обратный билет или просто им не воспользовалась. Назад она уже не вернулась. Иногда поздно вечером я останавливаюсь у витрин с плакатами звезд симстима и вглядываюсь в эти прекрасные, как две капли воды похожие друг на друга глаза, которые смотрят на меня с таких же одинаковых лиц. Порой кажется: эти глаза — ее. Но ни одно из лиц, ни одно — никогда не принадлежит ей. И вдруг мне начинает казаться, что где-то далеко-далеко, на самом краю Муравейника, за гранью ночи и в стороне от всех городов, она машет мне на про-

щанье рукой.

От автора

Уже прошло десять лет с того первотолчка, что запустил странный процесс, в результате которого на свет явились «Нейромант», «Граф Ноль» и «Мона Лиза овердрайв». Технологии, при помощи которой вы читаете эти слова, десять лет назад еще не было.

«Нейромант» был написан на «допотопной механической пишущей машинке» — той самой, что стояла на столе у Джулиуса Дина, если вы помните описание его кабинета в Тибе. Машинка эта, портативный «Гермес-2000» — изящный и прочный механизм, — была выпущена где-то в 1930-е фабрикой «Э. Пайяр и К°» в Ивердоне, Швейцария. В футляре она весит чуть меньше, чем нынешний мой «Макинтош SE/30», на котором я сейчас и пишу, и покрыта характерной зелено-черной, с «искрой», полировкой, возможно призванной напоминать обложку бухгалтерского гроссбуха. Клавиши тоже зеленые, из целлулоида, символы на них канареечно-желтые. (Однажды меня угораздило задеть клавишу-модификатор кончиком зажженной сигареты, драматично подтвердив

тем самым исключительную огнеопасность этого древнего пластика.) В свое время «Гермес-2000» был одной из лучших портативных машинок в мире и одной из самых дорогих. Мой экземпляр достался мне от моего тестя, вернее от его отчима, который возделывал, можно сказать, журналистскую ниву и печатал на «Гермесе» хвалебные статьи о поэзии Роберта Бернса. Я же сочинял на нем сперва курсовые работы по английской литературе, потом свои первые рассказы, потом «Нейроманта» — а к живому компьютеру, считай, и близко не подходил.

Некоторым читателям это, судя по всему, кажется странным. Мне — вовсе нет. В 1981 году, когда я начал разрабатывать концепцию киберпространства (само слово впервые увидело свет на моем верном «Гермесе»), компьютеры по большей части представляли собой чудовищ размером с целую комнату, ощетиненных вращающимися катушками магнитной пленки. Однажды я видел компьютер издали, через окошко. Те мои приятели по университету, которые что-то на компьютерах считали, делали это в совершенно безбожное время, урывая часок-другой на кафедральных мейнфреймах по остаточному принципу.

Впрочем, примерно тогда же появился «Эппл IIс». Для меня он появился на рекламных плакатиках, которыми оклеивали автобусные остановки. Это соблазнительно компактное устройство — собственно, выглядевшее не крупнее вашего нынешнего «Пауэрбука» — было снабжено ручкой, за которую держалась, непринужденно им помахивая, рука некоего пиджака в белоснежной манжете. Портативность! Ну не удивительно ли — целый компьютер такого крошечного размера? (Я не знал тогда, что еще нужно таскать с собой монитор, плюс довольно громоздкий трансформатор, плюс еще один дисковод, весивший немногим меньше самого компьютера.) Та «эпповская» реклама и послужила прямым источником вдохновения для киберпространственных дек в «Нейроманте». Как и «Гермес-2000», в свое время «IIс» — это было о-го-го.

Не то чтобы мне довелось воспользоваться им в то время. Не совсем. Но в конце концов мой «Гермес» умер. Некий штифт или еще какая штуковина пала жертвой усталости металла. Запчастей — не достать никакой силой, а я только-только начал «Графа Ноль». Пришлось пойти в лавку, торгующую подержанными машинками, и заплатить семьдесят пять долларов за пере-

деланный конторский «Ройял» — громоздкий ужас, одна удлиненная каретка которого весила двадцать фунтов. А каретка удлиненная стоит потому, сказали мне, что машинка принадлежала бабуле божий одуванчик, печатавшей на ней лишь восковки с расписанием воскресной школы, дабы размножать его на ротаторе. (Хотя большинство из вас и не в курсе небось, что такое восковки или ротационные машины.)

Я достучал на этом ужасе «Графа Ноль», но, когда настало время браться за «Мону Лизу овердрайв», озаботился приобретением компьютера. Тогда же отец Брюса Стерлинга отдал ему свой старый «Эппл II», и Брюс соловьем разливался, какая, мол, это удобная вещь для того, чтобы составлять слова в строчки. Вспомнив те рекламки на автобусных остановках, я купил себе «Эппл IIc». Дело было году в восемьдесят шестом, на смену «IIc» давно пришли различные прото-«маки», и все хором говорили, что это чистый восторг, но для меня это было неподъемно дорого. Свой «IIc» я взял на распродаже в универмаге непосредственно перед тем, как машину сняли с производства, привез его домой и выяснил, к вящему своему разочарованию, что персональные компьютеры хранят информацию на таких

кругляшках электромагнитной ленты, которые вращаются и довольно неприятно шумят. Вероятно, я думал, что данные просто, ну, содержатся. В сплетенье блистающего кремния. Или еще где. Но беззвучно.

И это был в буквальном смысле первый раз, когда я близко подошел к живому компьютеру. И до сих пор я знаю о них довольно мало. Правда эта, когда вскрывается, неизменно шокирует читателей — по крайней мере, тех из них, кто на компьютерах особенно зациклен, а среди моих читателей таких немало.

Но «Нейромант» и два его продолжения — не о компьютерах. Иногда эти книжки делают вид, и довольно неубедительно, будто они посвящены компьютерам, однако на самом деле главная их тема — технология в некоем более широком смысле. Я лично подозреваю, что в действительности они об Индустриальной Культуре; о том, что мы делаем с машинами, что машины делают с нами, и о том, насколько бессознательным (и, как правило, беззаконным) этот процесс был, есть и будет. Если бы я и вправду хорошо разбирался (по меркам 1981 года) в информатике, очень сомневаюсь, что я захотел бы (или смог бы) написать «Нейроманта». Словом, вот и доказательство

того, что бывают ситуации (по крайней мере, в литературе), когда недостаток знания — вещь не только опасная, но и лучший инструмент для выполнения определенной задачи.

Кстати, восковка — это такая пропитанная воском тонкая бумажка форматом чуть больше A4. Она заправляется в пишущую машинку (без ленты), вы печатаете, и получается трафарет, который вы накручиваете потом на ротационный барабан. Изнутри барабана подается типографская краска, и так вы можете напечатать сколько угодно копий (ну, пару тысяч — пока восковка не износится). Долгие годы, и до самого недавнего времени, ротаторы были распространены не менее широко, чем пишущие машинки. Лазерных принтеров-то еще не было. Ротационная машина — один из многих динозавров, недавно оказавшихся благодаря компьютеру на грани вымирания. Это мертвая техника; ее костями и завалена подсобка в лавке Финна. Как и «Гермес-2000». Как и «Эппл IIс», на котором мои дети не больно-то и хотят играть: его монохромный экран не выдерживает конкуренции с видеоиграми. Как и этот мой «SE/30»; как и в конечном счете любое устройство, сколь модным и современным оно ни казалось бы, на котором вы сейчас это

читаете.

Я невероятно доволен, что эти три книги будут оцифрованы, заархивированы и опубликованы в столь революционном — ни малейших сомнений — формате[158]. Мы с вами присутствуем при смерти печатного слова в традиционном понимании термина и должны, по идее, испытывать сладкую дрожь ужаса и благоговения. Перед нами стремительно и бесповоротно распахивается мир, в котором слово «библиотека» означает лишь что-то на другом конце модемной линии.

Но, признаюсь, еще больше я доволен, размышляя о том, что любую технику, сколь угодно передовую по меркам дня сегодняшнего, обязательно заменит что-то новое, невообразимое, и представляя себе, как эти слова, нечитанные и уже окончательно нечитаемые, по прошествии многих лет собирают пыль в каком-нибудь дальнем ящике. Где ничего нет, кроме потускневшего английского ключа, серебристого десятицентовика, пары мумифицированных мотыльков и нескольких сотен тысяч заархивированных слов,

---

[158] notes: 158

Послесловие написано для электронного издания трилогии «Киберпространство», осуществленного компанией «Voyager» в июне 1992 г. на дискетах в формате для «макинтоша» и «IBM PC». Издание было снабжено функциями поиска, закладок и комментариев.

составленных в строчки.

Я-то знаю; я их и расставил.

Хотелось бы воспользоваться удобным случаем и с благодарностью упомянуть уважаемого Терри Карра — ныне, увы, покойного — за то, что заказал книгу, ставшую в итоге «Нейромантом», безвестному и абсолютно не уверенному в себе автору, чей багаж составляла на тот момент лишь горстка рассказов. Если бы Терри не дал мне тогда шанса, тем самым заставив взяться за что-то (за роман), к чему я собирался морально готовиться еще не один год, крайне маловероятно, что эти книги успели бы к настоящему моменту увидеть свет.

Ванкувер, 16 июля 1992 г.

Андрей Чертков
Роман с киберпанком

«Ну хорошо, ну пробил ты лбом стену, и что ты теперь будешь делать в соседней камере?» — говаривал мудрый человек Станислав Ежи Лец.

Думается, мой несколько затянувшийся «роман с киберпанком» может служить неплохой иллюстрацией этого известного афоризма. Впрочем, вырыть подкоп, ведущий прямиком в апартаменты графа Монте-Кристо, — такая удача выпадает далеко не каждому. А посему, уважаемый читатель, перед вами не многотомный роман, а всего лишь небольшая статья.

Но сначала две оговорки.

Во-первых, эта история — сугубо личная, она ни в коей мере не претендует на истину в последней инстанции. Хотя бы потому, что я не писатель, не публицист и даже не критик, я просто редактор. Потому и рассказывать могу лишь с точки зрения редактора, потратившего энное количество лет на некий издательский проект.

А во-вторых, под термином «киберпанк» я понимаю здесь только и исключительно лите-

ратурное направление, а вовсе не современную молодежную субкультуру, целиком завязанную на компьютеры и интернет. Прекрасно понимаю, что в настоящее время эти две вещи достаточно сильно взаимосвязаны, однако сейчас меня интересует фантастика, а отнюдь не хакеры и не компьютерные сети.

И начать придется издалека.

В начале 80-х годов, когда американские отцы-основатели киберпанка публиковали свои первые произведения и устраивали шумные войны с так называемыми гуманистами, мы, тогда еще простые советские фэны, ни про какой такой киберпанк знать не знали, ведать не ведали. Общее представление о западной фантастике у большинства читателей застыло где-то на уровне 40-50-х годов. Азимов, Брэдбери, Саймак, Шекли — вот кто был тогда среди основных кумиров. Хайнлайн и тот был мало кому известен. Впрочем, даже счастливчики, получившие доступ к машинописным любительским переводам фантастики (в разных местах их называли по-разному — «ФЛП», «печатки», «система»), в лучшем случае читали лишь отдельные вещи Желязны, Дилэни, Муркока и Олдисса, не имея четкого представления ни об англоязычной НФ 60-х годов

в целом, ни о «новой волне» в частности. Круг тех, кто имел доступ к оригинальным изданиям, был еще уже. Источники надежной информации отсутствовали. Культуртрегерская деятельность критиков типа Вл. Гакова помогала мало — по собственному опыту помню, что отличную брошюру «Виток спирали», несмотря на немалый тираж, смогли раздобыть, прочесть и осмыслить лишь очень немногие из даже самых активных фэнов.

Короче, общая картина фантастики за железным занавесом представлялась тогда с нашего берега какой-то фрагментарной и одновременно глянцево-благостной. В то же время — и я четко это помню — у многих из нас было предощущение каких-то порывов свежего ветра, грядущих перемен, которые вот-вот придут к нам с Запада. Но даже самые отважные экстраполяторы предвидели эти перемены именно в области литературы, а никак не политики или экономики. Несмотря ни на какие глиняные ноги, колосс социализма казался всем устойчивым и незыблемым.

Однако перемены в политике, подстегиваемые проигрышем экономического соревнования с Америкой, начались все же раньше. И лишь затем последовали перемены в литературе, в

частности в фантастике.

Лично для меня эти перемены во многом связаны с таким ее направлением, как киберпанк.

Впервые это слово я узнал благодаря моему старому другу Борису Завгороднему. Об этой легендарной личности, оставившей глубокий след в истории отечественного фэндома, написано уже немало, поэтому повторяться не буду. Для меня важнее другое: в те далекие уже времена Борис, наплевав на пресловутый железный занавес, стал едва ли не единственным каналом, по которому к нам просачивались свежие книги, журналы и фэнзины из-за рубежа. Разумеется, с Западом переписывался не он один. Однако, в отличие от прочих деятелей от фантастики, он щедро делился своей «добычей» с другими. Именно из его рук получил я и свой первый «Локус», и некоторые другие журналы, давшие определенный ориентир, когда в начале 1988 года мы с Сережей Бережным начали готовить первый номер фэнзина «Оверсан». И именно Борис — с прицелом уже на «Оверсан» — прислал в мае того же года ксерокопию небезызвестной статьи Майкла Суэнвика «A User's Guide to the Postmoderns». Впоследствии я опубликовал ее трижды — в разных версиях и под двумя разными

названиями: «Инструкция к постмодернистам» и «Постмодернизм в фантастике: Руководство пользователя».

Из этой статьи я узнал о том, о чем до этого мог только догадываться: во-первых, что в американской фантастике вовсе не тишь и гладь да божья благодать, а бушуют вполне серьезные литературные войны — иными словами, жизнь бьет ключом; а во-вторых, я увидел то самое новое направление, появления которого уже давно ждал. Более того, это новое, революционное направление имело уже и свое название, да еще такое звучное — «киберпанк»!

Забавно: достаточно долгое время после того, как я прочел, перевел и опубликовал у себя в «Оверсане» статью Суэнвика (сознаюсь сразу: тот первый вариант перевода был малоадекватен оригиналу, я это понимал и потому за последующие годы возвращался к нему неоднократно и сделал, наверное, около шести редакций), о самом киберпанке я, в сущности, имел довольно смутное представление — основные произведения этого направления попали ко мне в руки гораздо позже. И с этим связан один любопытный казус: пытаясь по неким формальным признакам найти аналогичные произведения среди молодой

отечественной фантастики, я причислил к киберпанкам Андрея Столярова. Как раз в то время вышла его книга «Изгнание беса», получившая немалую популярность в кругах любителей фантастики и удостоенная нескольких премий, — так вот, жесткий, рубленый стиль и мрачные образы, ставшие визитной карточкой Столярова, показались мне весьма созвучными киберпанку, каким я его себе тогда представлял. И когда в 90-м году я перебрался из Севастополя в Питер и стал посещать заседания Семинара Бориса Стругацкого, я довольно скоро проел всем плешь, противопоставляя «киберпанка» Столярова «гуманисту» Рыбакову (произведения Рыбакова мне нравились ничуть не меньше, но, как известно, «Платон мне друг, а истина…» — вот то-то). Впрочем, нет худа без добра: пропагандируемый мною термин взял на вооружение Саша Тюрин, поняв его, однако, совершенно по-своему.

С настоящим же американским киберпанком я познакомился лишь где-то год спустя. Сначала, желая получить официальное разрешение на публикацию «Инструкции к постмодернистам», я списался с Суэнвиком, а в результате обрел увесистую бандероль, в которой, помимо романов самого Майкла (включая «Вакуумные цветы»),

обнаружилась и небезызвестная антология киберпанка «Зеркальные очки», составленная Брюсом Стерлингом. Через некоторое время удалось раздобыть и две книги «главного киберпанка» Уильяма Гибсона: сборник рассказов «Сожжение Хром», ну и конечно, давно уже разыскиваемый «Нейромант». Не скажу, что все эти произведения понравились мне одинаково, однако в целом я был удовлетворен. Это действительно была новая фантастика, какой я до тех пор не встречал. Совершенно новый антураж, новый облик будущего мира, новая, непривычная терминология. И я четко понял, что сделаю все, чтобы выпустить эти тексты на русском. Причем цель эта в ту пору не казалась такой уж неосуществимой: наша группа, собравшаяся вокруг Николая Ютанова, упорно шла к тому, чтобы стать в конце концов настоящим издательством. Даже название у нас появилось — «Terra Fantastica». Мы не сомневались, что вскоре оно, название это, появится на титульных страницах наших первых книг.

Впрочем, мой собственный первый опыт в области профессионального издания — критико-литературный альманах фантастики «Оверсан» — не только не стал блином, который комом, но и вообще не добрался до типографской сково-

родки, породив массу язвительных шуточек в фэновской среде (о чем можно судить, скажем, по «Страж-птице», несколько лет подряд мусолившей эту благодатную тему). Недоделанный макет нулевого выпуска за 1990 год до сих пор валяется у меня в какой-то папке на шкафу. Позднее, уже работая над своими первыми книгами (в частности, над книжной серией под все тем же излюбленным грифом «Оверсан», — может, кто-то помнит эти малоформатные, в суперобложках, томики с романами Фармера, Дика, Гаррисона, Хайнлайна?), я несколько раз пытался реанимировать проект альманаха, но каждый раз неудачно. Тем не менее именно благодаря этим попыткам мы перевели первые два рассказа Гибсона — «Джонни Мнемоник» и «Сожжение Хром». Сперва это попробовал сделать тогдашний мой приятель Миша Коркин, однако перевод, который он принес, тянул в лучшем случае лишь на подстрочник. Миша — хороший парень и, по-видимому, отличный инженер-компьютерщик, поскольку последние годы живет и работает в какой-то крупной компании в Хьюстоне, однако как переводчик он был типичным представителем той плеяды «ФЛП-шников», которая в начале 90-х ринулась в профессиональное кни-

гоиздание и в итоге наводнила только-только складывающийся российский книжный рынок жутким количеством отвратительных по качеству переводов. В большинстве своем эти люди неплохо знали английский язык, зато частенько бывали не в ладах с русским, что и приводило к печальному результату. Кроме того, английский — язык весьма коварный. Он вроде бы простой, однако эта простота кажущаяся. Практически каждое слово имеет массу значений. Человек, свободно читающий по-английски и пытающийся по старой привычке переводить «с листа», легко попадает в ловушку «первых значений» — отсюда и невнятные фразы, и искаженный смысл, и «квадратная» стилистика, из-за чего многие книги даже прекрасных авторов лично я читать был не в силах, да и другим не советовал. Кстати, рецидивы подобной окололитературной продукции и сейчас нет-нет да встречаются.

Короче, пришлось взяться за дело самим. Сначала я привлек к этой работе Александра Етоева из Семинара Стругацкого — писателя, который тогда только-только вошел в нашу команду (это был его первый опыт редакторской работы), а затем подключился и сам. Тем не менее на каждый из двух небольших рассказов у нас ушло месяца

по два. Причем наибольшую проблему представляли собой терминология и сленг, активно используемые Гибсоном и напрочь отсутствующие в словарях — хотя бы потому, что многие слова он, по его собственному признанию, просто придумывал. У нас же на то, чтобы понять смысл какой-нибудь фразы, уходило порой по несколько часов, ну а затем еще немало сил требовалось, чтобы подогнать ее стиль к общей стилистике текста. Вообще скажу честно: как редактор и переводчик я работал с произведениями многих современных западных фантастов, но ни с кем из них не было таких проблем, как с Гибсоном.

Ну да ладно, рассказы мы все же перевели — после чего пришлось засунуть их в самый долгий ящик стола: проект альманаха в очередной раз заглох, и возможность для их публикации так и не появилась. Ситуация изменилась лишь три года спустя, когда меня пригласили вести критико-информационный раздел в журнале «Если». Именно в этом журнале и были напечатаны первые рассказы Гибсона: сначала — «Сожжение Хром» (1995, № 1), а год спустя — и «Джонни Мнемоник» (1996, № 2).

Короче, можно было подумать, что лед наконец тронулся.

А он и в самом деле тронулся. Хотя и не сказать, чтобы очень уж быстро.

К тому времени права на издание в России нескольких книг Уильяма Гибсона и «Схизматрицы» Брюса Стерлинга принадлежали нашему издательству «Terra Fantastica». Впрочем, эта история совсем уж недавняя, и вдаваться в подробности, думаю, время еще не пришло. Так сказать, срок давности не истек. Поэтому хочу сказать о другом. Я считаю, что при работе с киберпанком, несмотря на всяческие проблемы, возникавшие из-за повышенной сложности текстов, нам весьма повезло на переводчиков. И Михаил Пчелинцев («Нейромант»), и Дмитрий Старков («Схизматрица»), и Анна Комаринец (ряд рассказов Гибсона и «Граф Ноль») сумели уловить главное — дух киберпанка, его мрачную образность, его весьма непростую стилистику. Да, сделанные ими переводы нам с Етоевым приходилось в той или иной степени доводить — но это нисколько не умаляет гигантского труда, проделанного переводчиками. В конце концов, бывают такие книги, которые, видимо, не по зубам одному человеку и потому требуют коллективных усилий. Я и сам, каким бы знатоком киберпанка себя ни считал, наверное, не рискнул

бы взяться в одиночку за какую-нибудь крупную вещь того же Гибсона. Кстати, раз уж зашла об этом речь, не вижу смысла скрывать «тайну Полишинеля» — некто Ефим Летов, указанный в качестве одного из переводчиков в книгах Гибсона, это всего лишь мой служебный псевдоним, который я использую в тех случаях, когда объем моего творческого участия в работе над переводом не превышает 20–30 % — как правило, это доводка терминологии, перевод технических деталей, шлифовка стиля. Забавно, что впервые этот псевдоним я придумал для публикации в «Если» перевода интервью с Гибсоном, которое взял некий американский журналист по имени Дэн Уинтерс («winter» по-английски — «зима»).

Не могу не сказать пару теплых слов еще о нескольких людях, принявших участие в проекте. Это художник Игорь Куприн, великолепно проиллюстрировавший большинство наших киберпанковских книг (в частности, Брюс Стерлинг, когда после «Странника» зашел к нам в издательство, признал, что иллюстрации Игоря — едва ли не лучшие из всех, какие были сделаны к его произведениям). Это художественный редактор Анатолий Нечаев, благодаря которому внутреннее оформление книг серии «Виртуальный мир»

приобрело свой столь изысканно-необычный вид. Это дизайнер Александр Кудрявцев, который то же самое проделал с обложками и форзацами. Ну и конечно, это главный редактор издательства «АСТ» Николай Науменко, который приложил много сил для того, чтобы серия увидела свет.

А теперь стоит перейти к самому для меня неприятному.

Так уж получилось, что серия «Виртуальный мир», выпущенная совместно издательствами «Terra Fantastica» и «АСТ», серия, которой я искренне горжусь, серия, включившая книги, ставшие бестселлерами во многих странах, на российском книжном рынке практически провалилась.

В чем же дело? Может, российская публика не доросла еще до киберпанка? Или же совсем наоборот — переросла его, и книги, которые еще несколько лет назад стали бы для многих откровением, теперь уже мало кому интересны?

Увольте, мне трудно об этом судить.

Однако как вам такое наблюдение? Как известно, на Западе киберпанк был поднят на щит поколением, которое создало ту самую компьютерную субкультуру, о которой я говорил в начале статьи. В России же молодежь, увлекающаяся

компьютером, гораздо более увлечена жанром фэнтези, и особенно Толкином, который, к слову сказать, пришел к нам лет на 20–30 позже, чем к западному читателю.

А может, все гораздо проще и прагматичней? Я достаточно слабо разбираюсь в хитросплетениях нынешней книжной торговли, однако мне доводилось слышать и такое суждение: мол, серия «Виртуальный мир» пала жертвой так называемого заговора торговцев. Смысл в том, что мелкооптовые книготорговые фирмы, контролирующие значительную часть рынка, с большим недоверием относятся к новым, не проверенным временем книжным сериям, а тем более к книгам сложным, не гарантирующим моментальный коммерческий успех. В итоге — просто не закупают их. Не мной замечено: чем книга проще, примитивнее, тем она лучше продается. И тут ничего не поделаешь — закон рынка.

Что ж, может, это и так. Однако могу сказать, что наши первые опыты по торговле книгами через интернет выявили неоспоримый факт: книги из серии «Виртуальный мир» пользуются существенно большим спросом, нежели книги из других фантастических серий. Хотя, возможно, это происходит потому, что изданный нами

киберпанк обычным путем до провинции так и не доехал.

Впрочем, по большому счету это уже не мои проблемы. Мои проблемы — подготовить к изданию оставшиеся романы Гибсона «Мона Лиза овердрайв», «Виртуальный свет» и «Разностная машина»[159] и добиться того, чтобы читатели, которым этот автор пришелся-таки по душе, смогли их купить и прочесть.

Ну а потом… Что ж, потом дайте мне очередную стену, а там уж мы посмотрим, что за ней — соседняя камера или дворец графа Монте-Кристо!

Санкт-Петербург, март 1998 г.

Статью «Роман с киберпанком» я написал по заказу главного редактора журнала фантастики «Если» Александра Шалганова[160] — и как раз в тот период своей жизни, когда я уже практически полностью перестал заниматься книгоизданием (за исключением разве что литературного проекта «Миры братьев Стругацких: Время учеников»,

---

[159] notes: 159

Опубликован под названием «Машина различий».

[160] notes: 160

В журнале (1998, № 6) статья была опубликована в сильно сокращенном виде. Полный же текст ранее был доступен только в интернете, а на бумаге он публикуется сейчас впервые.

к которому после 1996 года я возвращался еще несколько раз), переключившись на совершенно новую и необычную для себя деятельность: создание интернет-проектов и управление ими. К сожалению, ни интернет-магазин «Озон», которому я отдал три года своей жизни, ни кинокомпания СТВ, где я проработал около десяти лет и для которой при моем участии было создано более трех десятков сайтов фильмов и мультфильмов, тоже не оказались дворцами графа Монте-Кристо. Впрочем, это уже совершенно не важно. Главное, что жить и работать в эти годы было потрясающе интересно.

Киберпанковские же книги тем временем продолжали издаваться и переиздаваться в самых разных издательствах, несмотря на относительный неуспех первоначальной серии. Свидетельством чему может служить, например, и настоящее издание.

Мне же остается лишь поблагодарить редактора этой книги Александра Гузмана, который позволил мне дописать еще несколько строк к моему «роману» ровно через 20 лет после того, как один из лучших рассказов Уильяма Гибсона — «Сожжение Хром» — был впервые напечатан на русском языке и Россия познакомилась с луч-

шим автором киберпанка.

Севастополь, январь 2015 г.